

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 05929203 1

Allen

1961

* . . .

**БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
LXXXVIII.**

5919

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοὺς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ ἰμοῦ τὰ δίκαια μήτε γινῆναι μήτε ποιῆσαι; Ὄφρα δ' ἔγωγε καὶ τῆς δόξης των προγεγονότων ἀνθρώπων ἐν τοῖς ἐπιγεγονόμοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ОСЬМОЙ.

[Handwritten mark]

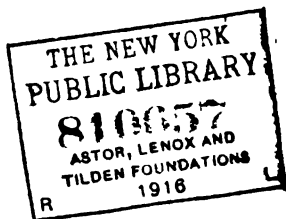
=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1848.

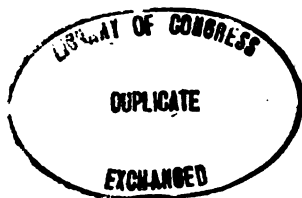
—

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

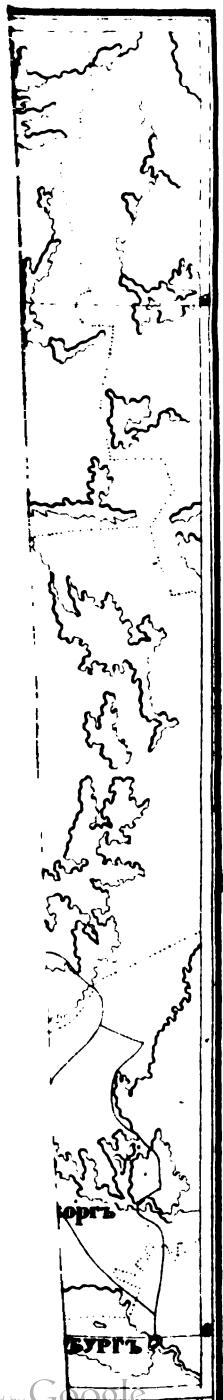
съ тѣмъ, чтобы по отчетамъ представлено было въ Ценсурный Комитетъ увеличенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1 мая 1846.

Цензоръ А. Никитенко.
Цензоръ С. Кутерга.

В ИМѢЛЪ
ЛЪДУ, ВЪ
О БУДЕТЬ
ВЪ УТВЕР-
ШВЕЦІИ
Буксгев-
гда ПОДЪ
О МЫ ЗА-

1
с. 76, 77,
80, 81, 82

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ

САДДЕЯ ВЪЛГАРЕНА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

V.

Съ самаго начала войны Императоръ Александръ имѣлъ мысль выслать отрядъ черезъ Ботнической Заливъ, по льду, въ Швецію, но главнокомандующій представлялъ, что это будетъ только бесполезный *набѣгъ*, если невозможно будетъ утвердиться на шведскомъ берегу, а чтобъ утвердиться въ Швеціи и въ то же время дѣйствовать въ Финляндіи, графъ Буксгевденъ требовалъ вдвое болѣе войска, нежели было тогда подъ его начальствомъ, увѣряя между-тѣмъ Государя, что мы за-

воюемъ Финляндію безъ большихъ усилій. Когда обстоятельства перемѣнились въ пользу Шведовъ, графъ Буксгевденъ писалъ къ Государю, что онъ вовсе не надѣется изгнать непріятеля изъ Финляндіи, усмирить возстаніе жителей и удержать страну въ повиновеніи, имѣя подъ ружьемъ только 24,500 человекъ, и что ему надобно по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе войска; а если Государю угодно, чтобъ вторженіемъ въ Швецію принудить короля къ уступкѣ Финляндіи, то для этого должно прислать, сверхъ находящихся уже въ Финляндіи 24,500 человекъ, еще, по-малой-мѣрѣ, 50,000 человекъ. Графъ Буксгевденъ разсуждалъ справедливо, но не было возможности удовлетворить его требованію. Армія наша была въ Турціи, и остальное войско, послѣ трехъ кровопролитныхъ кампаній (1805, 1806 и 1807), было мало-численно. Въ иныхъ полкахъ не было и полного баталіона. Надлежало комплектовать полки рекрутами. Собрали, что можно было собрать изъ третьихъ баталіоновъ полковъ, находившихся уже въ Финляндіи, присоединили части войска изъ гвардіи, устроили два отряда, и выслали ихъ въ концѣ іюля въ Финляндію. Въ отрядѣ графа Витгенштейна было до 8,800 фронтowychъ, а въ отрядѣ князя Д. В. Голицына до 6,500 человекъ разнаго оружія. Кромѣ того пришло нѣскольکو тысячъ солдатъ изъ французскаго плѣна и рекрутъ, и такимъ образомъ собралось русскихъ войскъ въ Финляндіи, къ 1 августу, до 44,000 человекъ пѣхоты, 5,000 конницы, и при нихъ 186 орудій. Но въ этой арміи было множество больныхъ, отъ недостаточнаго продовольствія и изнуренія, и госпитали были въ самомъ плохомъ положеніи.

Маркизь Паулуччи передалъ вѣрно Государю положеніе войска и состояніе дѣлъ въ Финляндіи, и въ слѣдствіе того, въ Петербургѣ былъ составленъ оборонительный планъ войны, до зимы, благопріятной для военныхъ операцій въ этой странѣ. По этому плану русскія войска должныствовали занять линію отъ Біернеборга, чрезъ Тамерфорсъ, Оривеси, Раталамби, Куопію, до Кеми, на пространствѣ болѣе 500 верстъ, и укрѣпиться въ селеніяхъ и въ лагеряхъ, а съ другой стороны расположиться на морскомъ берегу, отъ Біернеборга же до Свартгольма, подъ защитой нашего гребнаго флота. Съ этимъ планомъ отправленъ былъ въ главную квартиру, въ Або, маркизь Паулуччи. Сколь важно было порученіе, данное маркизу Паулуччи, и какою довѣренностью Государя онъ пользовался, видно изъ собственноручнаго письма

Государя къ главнокомандующему *: «Если, до полученія оборонительнаго плана, успѣхи подвинуть насъ впередъ, и позиція, занимаемая войсками, будетъ выгодна, то не приводить плана въ дѣйствіе, а объяснивъ подробно всѣ обстоятельства маркизу Паулуччи, прислать его съ оными обратно ко мнѣ».

Здѣсь я долженъ сообщить анекдотъ, характеризующій графа Буксгевдена и маркиза Паулуччи. Этотъ анекдотъ разсказанъ мнѣ почтеннымъ Александромъ Ивановичемъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Его превосходительство позволило мнѣ папечатать этотъ разсказъ и сослаться на него **. Со времени паденія Римской Имперіи, почти всѣ писатели, говорившіе объ Италіи, изображаютъ намъ Италіянцевъ хитрыми, уклончивыми, вкрадчивыми, скрытными и даже вѣроломными. У всѣхъ европейскихъ народовъ Италіянецъ есть синонимъ хитрости и вѣроломства. Однако жъ, это мнѣніе вовсе несправедливо, и въ Италіи есть много людей съ прямымъ характеромъ, съ возвышенною, пламенною душею и благородными чувствами. Эту справедливость отдалъ намъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей въ Европѣ, графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ ***. Первообразъ или типъ Италіянцевъ временъ Гвельфовъ и Джибеллиновъ былъ маркизъ Паулуччи. Онъ былъ храбръ, откровененъ, даже къ собственному вреду, рѣшителенъ, и мстилъ своимъ противникамъ одними эпиграмами. Чтобъ любить его и уважать искренно, надлежало знать его коротко и судить о немъ по дѣламъ, а не по словамъ. Въ отсѣйскихъ провинціяхъ, гдѣ онъ былъ двадцать лѣтъ генераль-губернаторомъ, онъ оставилъ незабвенные слѣды своей умной, твердой и честной администраціи. Многіе не любили его за то, что онъ частенько ошибалъ крылья неушѣренной гордости, ни на чемъ неоснованной, а когда не стало маркиза Паулуччи, всѣ отдали ему полную справедливость, и теперь вспоминаютъ о немъ съ любовью. Маркизъ Паулуччи былъ со всѣми ласковъ и даже фамиліярень, но не допускалъ никого забываться передъ нимъ, и громилъ высокоуміе и гордость своими убійственными саркасами, въ которыхъ только одинъ Вольтеръ могъ

* Смотри «Описаніе Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ», сочиненіе генераль-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 204.

** Важность, требуемая отъ исторіи, не дозволила почтенному Александру Ивановичу вставить этотъ анекдотъ въ свое описаніе войны.

*** Смотри брошюру, издаванную графомъ С. С. Уваровымъ.

съ нимъ сравниться. Во всемъ маркизь Паулуччи былъ оригиналенъ, и я въ жизни моеи не зналъ человѣка занимательнѣе, любезнѣе и умнѣе его. Что онъ добръ былъ душею, это скажутъ вамъ всѣ до единого, въ Лифляндіи, Курляндіи, Эстляндіи и въ псковской губерніи, особенно же въ Ригѣ, по стоянномъ его мѣстопребываніи. Но затронуть его было опасно, эниграммы его клеймили навѣки!

Съ величайшею поспѣшностью прибылъ маркизь Паулуччи въ Або, и даже не переодеваясь, поспѣшилъ къ главнокомандующему съ порученіями Государя Императора. Я уже говорю, что графъ Буксгевденъ былъ непомерно гордъ, самовластенъ, не терпѣлъ ни какого возраженія, и выходилъ изъ себя при малѣйшемъ отступленіи отъ его воли. Приемъ его ужасалъ многихъ. Всѣ боялись его и избѣгали, по возможности, встрѣчи съ нимъ.

Маркизь Паулуччи входитъ въ приемную комнату и проситъ дежурнаго адъютанта доложить о немъ. Адъютантъ отвѣчаетъ, что главнокомандующій занятъ дѣлами, въ своемъ кабинетѣ, и не приказалъ ни о комъ докладывать. Нѣсколько генераловъ и полковниковъ уже съ часъ дожидались въ приемной комнатѣ, пока главнокомандующій выйдетъ или позволить доложить себѣ объ имѣющихъ къ нему надобность. Но маркизь Паулуччи, имѣя съ собою слово Государя, справедливо полагалъ, что онъ не обязанъ ждать, и сталъ побуждать адъютанта къ докладу. Адъютантъ наконецъ рѣшился пойти въ кабинетъ, и доложилъ графу Буксгевдену о маркизѣ Паулуччи, прибывшемъ съ депешами отъ Государя. — «Пусть подождетъ!» отвѣчаетъ графъ Буксгевденъ. Адъютантъ сообщилъ отвѣтъ маркизу Паулуччи. Маркизь изумился этимъ отвѣтомъ, и сказалъ адъютанту: «Пойдите и скажите графу, что я требую свиданія съ нимъ не для пріятнаго препровожденія времени, но для выслушанія Высочайшаго повелѣнія, и что я не могу, не долженъ и не намѣренъ ждать.» Адъютантъ говорилъ съ маркизомъ шепотомъ, всѣ молчали, а онъ говорилъ громко, для того, чтобъ слышно было въ кабинетѣ. Не взирая на всѣ доводы маркиза Паулуччи, адъютантъ объявилъ, что онъ не смѣетъ въ другой разъ докладывать о немъ. Маркизь Паулуччи настаивалъ и горячился — и вдругъ дверь въ кабинетъ быстро растворилась, и въ приемную вошелъ главнокомандующій. — «Кто здѣсь осмѣлился шумѣть!» спросилъ онъ грозно. — «Я прошу доступа къ вашему сіятельству, по дѣлу, не терпящему отлагательства, и

прибыль къ вамъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ,» отвѣчалъ маркизь Паулуччи. — «Какъ вы осмѣлились шумѣть, говорю я вамъ,» возразилъ въ гнѣвѣ графъ Буксгевденъ. «Я прикажу васъ немедленно разстрѣлять за ослушаніе моей воли!...» Маркизь Паулуччи отступилъ на три шага, заложилъ руки на груди, и съ своею саркастическою, неподражаемою и убійственною улыбкою, возразилъ: «Нѣ, нѣ! Прикажите ваше сіятельство разстрѣлять! Миѣ будетъ весьма занимательно взглянуть, какъ разстрѣливаютъ полковника, прибывшаго въ армію съ Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ лица Государева, съ приказаніемъ и за объясненіемъ къ главнокомандующему! . é, hé, hé! Этого я еще не видалъ въ моей жизни!...» Графъ Буксгевденъ поспѣшно возвратился въ кабинетъ, сильно хлопнувъ дверью; но чрезъ пять минутъ, когда еще всѣ бывшіе въ пріемной залѣ не успѣли опомниться, маркизь Паулуччи былъ позванъ въ кабинетъ. Эта странная встрѣча не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій. Во все пребываніе маркиза Паулуччи въ главной квартирѣ, онъ былъ принимаемъ главнокомандующимъ отлично.

Почти въ цѣломъ свѣтѣ такъ бываетъ, что, если человѣкъ имѣетъ право самъ составлять проекты, планы и предположенія и приводить ихъ въ исполненіе, то онъ не охотно принимаетъ чужіе проекты и планы, когда ему должно ихъ исполнять, потому что, даже при самомъ счастливомъ успѣхѣ, надобно раздѣлить славу между изобрѣтателемъ и исполнителемъ. Графъ Буксгевденъ, который передъ этимъ писалъ къ Государю, что онъ не можетъ даже ручаться за удержаніе завоеванной части Финляндіи, вдругъ сталъ противникомъ оборонительнаго плана, и представилъ весьма основательныя причины, которыхъ я не привожу, потому что онѣ изложены подробно въ Описаніи Войны А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Положеніе наше немногимъ улучшилось отъ прибытія отрядовъ графа Витгенштейна и князя Голицына, затруднивъ еще болѣе продовольствіе арміи. Но графъ Буксгевденъ рѣшился дѣйствовать наступательно, принимая на себя всю отвѣтственность, и съ этимъ рѣшеніемъ отправилъ маркиза Паулуччи къ Государю.

Войска наши расположены были, въ это время, слѣдующимъ образомъ. Графъ Витгенштейнъ занялъ полуденный берегъ Финляндіи; князь Голицынъ двинулся въ средину ея, въ той цѣли, чтобъ быть готовымъ подкрѣпить своимъ содѣйствіемъ тѣ изъ отрядовъ, которые будутъ нуждаться въ

помощи. Князь Багратионъ, съ отрядомъ своимъ, стоялъ у Або; генераль Тучковъ 1 въ Куопіо. Небольшой отрядъ графа Орлова-Денисова боролся внутри края съ партизанами и возставшими крестьянами. Генераль-Адъютантъ князь Петръ Петровичъ Долгорукій, съ 4,000, вошелъ изъ Сердоболя въ Карелію, а дѣйствующій корпусъ генерала Раевского, состоявшій изъ 6,000 человекъ, отступалъ передъ графомъ Клингспоромъ, къ Тамерфорсу.

Графъ Буксгевденъ избралъ графа Николая Михайловича Каменскаго, стоявшаго съ отрядомъ въ Гельсингфорсѣ, для наступательныхъ дѣйствій противу главной шведской силы, бывшей подъ начальствомъ графа Клингспора, и выславъ для принятія начальства надъ отрядомъ Раевского, далъ графу Каменскому слѣдующее предписаніе: «Аттакъ ваша должна быть рѣшительна и устранить худыя послѣдствія, которыя насъ отъ отступленія Раевского ожидаютъ, словомъ, не *взирая на малое число войскъ нашихъ, вы должны разбить непріятеля. Боже помози успѣхамъ вашимъ. Отъ дѣйствія вашего зависитъ теперь внутреннее положеніе Финляндіи въ разсужденіи спокойствія жителей, и виѣшнее положеніе войскъ, для защиты береговъ. Буду съ нетерпѣніемъ ждать отъ васъ извѣстій. Взоры всей арміи устремлены на корпусъ вашъ.»*

Читая это, переносишься мыслью во времена древней Греціи и въ блистательнѣйшую эпоху Рима? вмѣсто продовольствія, инструкціи и операціоннаго плана, отъ главнокомандующаго получено одно приказаніе *побѣдитъ и помози Боже!* Что бы сказалъ объ этомъ вѣнскій гофкригсратъ, во время Суворова? Но графъ Буксгевденъ зналъ, кому поручаетъ дѣло.

Графъ Николай Михайловичъ (младшій сынъ фельдмаршала Михайла Ѳедоровича Каменскаго) родился въ 1776 году, слѣдовательно тогда (въ 1808 году) ему было только тридцать два года отъ рожденія. Онъ воспитывался въ томъ же сухопутномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ которомъ получилъ воспитаніе и отецъ его, но рано вышелъ изъ корпуса, и дополнилъ образованіе дома, подъ руководствомъ своего родителя. Императоръ Павелъ Петровичъ, бывъ чрезвычайно милостивымъ къ отцу его, въ началѣ своего царствованія, быстро двинулъ сына по службѣ, и въ италіанскую войну Николай Михайловичъ былъ уже полковникомъ и командовалъ прославившимся подъ его начальствомъ ар-

хангелогородскимъ гренадерскимъ полкомъ. Суворовъ, желая предоставить случая къ отличію сыну своего стараго товарища, съ которымъ онъ однако жъ не ладилъ, посылалъ графа Николая Михайловича въ самыя опасныя мѣста, и молодой полковникъ всегда отличался, и заслужилъ чинъ генераль-маіора и нѣсколько орденовъ на полѣ брани. Въ русской арміи и въ народѣ, изъ всей италіанской кампаніи остался въ памяти знаменитый *Чортовъ Мостъ*. Этотъ мостъ, полуразрушенный, висящій надъ ужасною пропастью въ горахъ Альпійскихъ, надлежало проходить подъ градомъ французскихъ пуль, связывая офицерскими шарфами распадавшіяся бревна. Съ этимъ вѣчно памятнымъ дѣломъ сопряжено имя графа Н. М. Каменскаго. Онъ взялъ штурмомъ этотъ мостъ, въ главѣ храбраго своего полка, бросившись первый впередъ, со шпагой въ рукѣ. Суворовъ прозвалъ графа Н. М. Каменскаго, въ шутку, *чортовъ генераль*. Въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ, графъ Н. М. Каменскій отличился подъ Данцигомъ, и хотя не могъ освободить этого города отъ осады, но обратилъ на себя вниманіе обѣихъ армій отчаянною храбростью и распорядительностью. Прибывъ въ Кенигсбергъ уже во время нашей ретирады изъ-подъ Фридланда, онъ искуснымъ движеніемъ успѣлъ соединиться вовремя съ главною арміею, и тѣмъ избавилъ ее отъ сильнаго натиска непріятеля. Кампанію кончилъ онъ въ генераль-лейтенантскомъ чинѣ.

Графъ Н. М. Каменскій наследовалъ отъ отца своего непоколебимое мужество и пылкость характера. Онъ былъ вспыльчивъ, строгъ въ наказаніяхъ, но добръ душею, щедръ, безкорыстенъ, снисходителенъ, справедливъ и ласковъ къ офицерамъ и солдатамъ, гордъ съ равными и холоденъ со старшими. Природа надѣлила его умомъ глубокимъ и проницательнымъ, и онъ образовалъ себя чтеніемъ и основательнымъ изученіемъ всего, относящагося до военнаго ремесла. Графъ Н. М. Каменскій, какъ всѣ генералы суворовской школы, и какъ графъ Буксгевденъ, не терпѣлъ ни какихъ возраженій и совѣтовъ, и требовалъ безусловнаго повиновенія своей волѣ. «Извольте дѣлать что я приказываю— я отвѣчаю!» былъ всегдашній его отвѣтъ на всѣ представленія генераловъ или начальниковъ отрядовъ. Графъ Н. М. Каменскій былъ средняго роста; сухощавъ, блѣденъ, смуглъ, и являлся всегда передъ фронтомъ съ лицомъ важнымъ и серьезнымъ. Глаза его блестяли какъ алмазы, а въ сраженіи

пылали. Во всю кампанію онъ носилъ военный сюртукъ съ бирюзовымъ воротникомъ (архангелогородскаго полка) и фуражку съ такимъ же околышкомъ, и только въ городахъ, на парадѣ и на балахъ, которые онъ любилъ давать жителямъ, надѣвалъ мундиръ и ордена. Въ рукахъ у него всегда была казачья нагайка. Войско любило и боялось его. Онъ заботился о нуждахъ солдата, но требовалъ самой строгой дисциплины, и если бѣ червонцы разсыпаны были на дорогѣ, никто не дерзнулъ бы поднять ни одного, если бѣ графъ Каменскій запретилъ это. За ослушаніе — пуля въ лобъ, или самое жестокое наказаніе. Графъ Каменскій оживлялъ собою Суворова въ памяти стариковъ. У него была одна слабость, которой впрочемъ не чужды были величайшіе герои древнихъ и новыхъ временъ: графъ Н. М. Каменскій, котораго твердости не могла поколебать ни какая опасность, не могъ равнодушно выдерживать нѣжные взгляды красавицъ, любилъ прекрасныхъ женщинъ и умѣлъ имъ нравиться. Но слава была первою и главною его любовницею — и онъ жертвовалъ для нея всѣми своими склонностями.

Не постигаю причинъ, почему онъ въ званіи главнокомандующаго претерпѣлъ столько неудачъ въ войну съ Турками! Опытные генералы говорили мнѣ, что въ войнѣ съ Турками весьма часто и храбрость и искусство не помогаютъ, потому что мѣстоположеніе края, въ которомъ обыкновенно ведется война съ Турками, и зловредный климатъ этой страны уничтожаютъ почти всѣ расчеты стратегіи, и представляютъ непреодолимые препятствія самой пылкой храбрости. Говорятъ, если бѣ графъ Н. М. Каменскій дожилъ до знаменитаго 1812 года, онъ былъ бы главнокомандующимъ, и тогда бы исторія опредѣлила въ немъ рѣшительно качества полководца. Что было бы въ борьбѣ его съ Наполеономъ — неизвѣстно; но въ Финляндіи онъ показалъ высокія военныя способности, основательныя познанія стратегіи, примѣняемой быстро къ мѣстности, искусство продовольствовать войско въ непріятельской взбунтованной странѣ, возбуждать въ войнахъ самонадѣяность, непоколебимое мужество и превѣрніе всѣхъ опасностей. Это важнѣйшія качества главнокомандующаго. Безспорно, графу Н. М. Каменскому принадлежитъ вся слава покоренія Финляндіи.

Теперь перейдемъ къ его подвигамъ.

Финляндская война была въ одно время ученою, народною, наступательною, оборонительною и во всѣхъ случаяхъ

чрезвычайно упорною съ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ столько же зависѣлъ отъ тонкихъ соображеній военныхъ дѣйствій, отъ маневровъ, въ странѣ, почти непроходимой для наступающаго войска, по причинѣ тѣсинъ, болотъ, горъ, рѣкъ, озеръ и мрачныхъ лѣсовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, какъ и отъ быстраго натиска и рѣшительности. Отчаянное сопротивленіе шведскаго войска и жителей Финляндіи, возможность, представляемая непріятелю озерами перемѣнять свою позицію и переноситься за позицію наступающихъ, трудность сообщеній, недостатокъ крѣпостей для учрежденія операціоннаго центра внутри земли, малое народонаселеніе, разсѣянное на большомъ пространствѣ, и вообще страна неплодная, безъ большихъ городовъ и селеній, не представляющая возможности продовольствовать войско мѣстными средствами, все это противопоставляло чрезвычайныя трудности къ скорому и успѣшному окончанію войны. Почти на каждомъ переходѣ надлежало брать приступомъ крѣпкія позиціи, наподобіе природныхъ крѣпостей, не надѣясь другихъ послѣдствій, какъ только возможности подвинуться далѣе въ пустыню, и удаляясь отъ своихъ запасовъ, терпѣть еще большую нужду. Въ самую рѣшительную эпоху графъ Н. М. Каменскій высланъ былъ съ своимъ корпусомъ, какъ представитель русскаго воинства; онъ долженъ былъ вытѣснить шведское войско изъ самыхъ неприступныхъ мѣстъ, изъ сердца Финляндіи, и принудить его отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній къ обратному завоеванію этой страны.

Шведскихъ регулярныхъ войскъ въ это время было на твердой землѣ Финляндіи около 18,000 человекъ, и при нихъ 40 орудій. Изъ сего числа 4000 человекъ, подъ начальствомъ полковника Сандельса, находились въ Тайволѣ, противу генерала Тучкова 1-го; 4000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Дебельна, расположены были въ Христиенштадтѣ, противу Або; 10,000 лучшихъ войскъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Клингспора и помощника его, генерала Адлеркрейца, расположены были въ окрестностяхъ Лапо-Кирки, то есть на дорогѣ въ Вазу, изъ средины Финляндіи, отъ Куопіо и Тавастгуса. Всего съ вооруженными поселянами, изъ коихъ саволакскіе и карельскіе стрѣлки почитались лучше регулярныхъ солдатъ, было до 30,000 человекъ.

Превосходство въ числѣ не давало намъ существеннаго

преимущества надъ непріятелемъ, потому что большая часть нашихъ войскъ должна была сторожить берега отъ высадокъ, въ тылъ операціонной линіи, и занимать провинціи, волновавшіяся при каждомъ нашемъ отступленіи. Дѣйствующія силы были равныя. Графу Каменскому поручено было, только съ 10,000 человекъ пѣхоты, 1,200 кавалеріи и 38-ю орудіями, дѣйствовать противу фельдмаршала Клингспора, опрокинуть его до самой Лапландіи, и очистить Финляндію. Клингспоръ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ преимущества генерала, защищающаго свое отечество. Всѣ жители держали его сторону, укрѣпляли въ тылъ его позицію, доставляли подводы и продовольствіе, и старались, по возможности, вредить намъ. Русскому генералу, дѣйствовавшему наступательно, не на что было надѣяться, какъ только на мужество своихъ войскъ и на собственный геній. Шведы и Финны, при этомъ послѣднемъ усиліи, дрались какъ герои въ неприступныхъ своихъ мѣстоположеніяхъ. Графъ Каменскій, съ равными силами, побѣдилъ героевъ и преодолѣлъ самую природу!

Графъ Каменскій одобрилъ постановленіе совѣта, созданнаго генераломъ Раевскимъ, какъ выше сказано, и слѣдующему ему, рѣшился отступить къ Тавастгусеу, чтобы сосредоточить свои подкрѣпленія и приблизиться къ центру продовольствія. Корпусъ отступилъ двумя колоннами и достигнулъ до Кумялакса и Кумонса, не бывъ преслѣдуемъ непріятелемъ. Графъ Каменскій, чтобы скрыть отъ непріятеля настоящія свои намѣренія и свое положеніе, и выиграть время для собранія своихъ подкрѣпленій, отдѣлилъ отъ себя три небольшіе отряда для наступательныхъ движеній на двухъ своихъ флангахъ. Полковникъ Властовъ дѣйствовалъ по дорогѣ къ Саріярви, на правой сторонѣ главнаго шведскаго корпуса; полковникъ Сабанѣвъ на лѣвой, близъ Оровеси, а Эриксонъ, около Этсери. 2-го августа графъ Каменскій уже былъ въ состояніи двинуться впередъ съ главнымъ отрядомъ, и 5 числа онъ занялъ позицію при Ивескилѣ. Отсюда начинаются наступательныя дѣйствія корпуса графа Каменскаго. Тогда отрядъ полковника Властова составлялъ авангардъ всего корпуса. Этотъ отрядъ, состоявшій изъ семи баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ кавалеріи, партии казаковъ и семи орудій, подвигаясь впередъ и прошедъ Саріярви, былъ

• Два баталіона 24-го егерскаго полка, одинъ гренадерскій и одинъ мушкетерскій баталіонъ съвскаго мушкетерскаго, одинъ гренадерскій и одинъ

встрѣченъ отрядомъ шведскихъ войскъ изъ 2000 пѣхоты, съ осемью орудіями, подъ начальствомъ полковника Фіянта, въ крѣпкой позиціи, при Карстулѣ. Это авангардное дѣло заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ подробнѣе; оно имѣло большое вліяніе на тогдашнія военныя обстоятельства.

Мѣстоположеніе, занимаемое Шведами, было слѣдующее: озеро Пее, или Пее-ярви, образуетъ нѣсколько заливовъ. Между главнымъ разливомъ водъ и однимъ изъ этихъ заливовъ находится узкій перешеекъ. Здѣсь лежитъ селеніе Кальмари, чрезъ которое идетъ большая линдулакская дорога, мимо кирки Карстула. На проливѣ, соединяющемъ заливъ съ главнымъ озеромъ, находится мостъ. Шведскій отрядъ расположенъ былъ за симъ мостомъ, поперегъ пролива, примыкая флангами къ заливу и большому озеру. На обонхъ флангахъ непріятельскихъ были возвышенія, на которыхъ устроены были баттарей. Кромѣ того, лѣвая линія и лѣвый флангъ у залива, кромѣ баттарей, покрыты были шанцами. Шведская позиція уподоблялась крѣпости.

Пикетъ непріятельскій встрѣтилъ русскій авангардъ у самаго входа въ перешеекъ, гдѣ подѣланы были засѣки. 24-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ подполковника Сомова, вытѣснилъ Шведовъ до деревни Кальмари, гдѣ они, засѣвъ въ домахъ и за заборами, мужественно защищались, получивъ подкрѣпленіе отъ главнаго своего отряда. Между-тѣмъ, какъ въ этомъ мѣстѣ продолжалось сраженіе, полковникъ Властовъ, осмотрѣвъ позицію непріятеля, сдѣлалъ свои распоряженія, приносящія большую честь его глазомѣру и военнымъ соображеніямъ. Онъ отрядилъ изъ перваго пункта вступленія въ перешеекъ (деревни Сюстямяки) маіора Римана (сѣвскаго мушкетерскаго полка) съ шестью ротами сего полка и двумя ротами низовскаго, въ обходъ главной непріятельской позиціи, малою дорогою по ту сторону залива, мимо лѣваго непріятельскаго фланга. Командира сѣвскаго полка, подполковника Лукова, послалъ съ двумя баталіонами бѣлозерскаго полка (состоявшими подъ начальствомъ маіора Алексѣева и капитана Макарова) и двумя орудіями, противу лѣваго непріятельскаго фланга, гдѣ заливъ былъ столь узокъ, что чрезъ него можно было перестрѣливаться. Самъ полковникъ Властовъ съ остальнымъ отрядомъ двинулся

мушкетерскій бѣлозерскаго мушкетерскаго, одинъ мушкетерскій баталіонъ низовскаго, одинъ эскадронъ гродненскаго гусарскаго и одинъ эскадронъ финляндскаго драгунскаго полковъ.

прямо на главную позицію, вытѣснилъ Шведовъ изъ деревни Кальмари, и преслѣдуя, опрокинулъ за мостъ, который тотчасъ былъ зажженъ неприятелемъ. Очистивъ поле посю сторону главной шведской позиціи, полковникъ Властовъ съ большимъ искусствомъ воспользовался выгоднымъ своимъ мѣстоположеніемъ, и устроилъ тотчасъ баттарейю, изъ пяти орудій, на возвышеніи (противу праваго неприятельскаго фланга), командовавшемъ неприятельскою позиціей. Колонна и перестрѣлка продолжались безъ умолку, на всей неприятельской линіи, но успѣхъ былъ еще сомнителенъ. Шведы имѣли большое преимущество передъ нашими, сражаясь въ шанцахъ, тогда какъ наши дѣйствовали въ открытомъ полѣ.

Подполковникъ Луковъ, обойдя озеро, встрѣтилъ неприятельскихъ стрѣлковъ по сю сторону залива, въ засѣкахъ. Ихъ вытѣснили оттуда и прогнали въ шанцы, въ бродъ чрезъ проливъ. Стремленіе наше въ этомъ мѣстѣ было удержано маскированной неприятельскою баттарейю.

Между-тѣмъ, какъ огонь продолжался на всей линіи и на самомъ близкомъ разстояніи, полковникъ Фіантъ извѣстился отъ своего пикета, поставленнаго въ тылъ, при переправѣ чрезъ маленькую рѣчку, что нашъ отрядъ (маіора Римана), посланный изъ деревни Сюстямки, стремится въ тылъ шведскаго корпуса, вскорѣ займетъ линдулакскую дорогу, и такимъ образомъ отрѣжетъ ретираду. Приведенный въ смущеніе этою вѣстью, и не будучи въ состояніи отразить жестокаго нападенія нашихъ съ фронта и съ лѣваго фланга, полковникъ Фіантъ вознамѣрился отступить, въ порядкѣ, къ другой позиціи.

Лишь только съ другой стороны примѣтили первые приготовленія Шведовъ къ отступленію, вдругъ на всей нашей линіи раздался радостный крикъ: «ура! впередъ!» Картечи и пули посыпались изъ шведскихъ шанцевъ и баттарей; но русскіе воины, презирая явную смерть, бросились на горящій мостъ и въ бродъ, достигнули до неприятельскихъ шанцевъ, устремились на нихъ со штыками, и принудили Шведовъ къ бѣгству. Полковникъ Сомовъ и капитаны Гаевъ и Никифоровъ 24-го егерскаго, капитанъ Шидловскій и штабс-капитанъ Колинъ сѣвскаго пѣхотнаго полковъ были впереди и подавали собою примѣръ мужества и рѣшительности. Бѣлозерскій полкъ, находившійся на лѣвомъ неприятельскомъ флангѣ, не хотѣлъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ

столь блистательнаго подвига своихъ товарищей. Капитанъ Макаровъ бросился въ то же время со стрѣлками въ бродъ чрезъ заливъ, взбѣжалъ на шанцы, и штыками выгналъ оттуда Шведовъ. Маіоръ Алексѣевъ поспѣшилъ къ нему на помощь, и овладѣлъ батареями. Шведская позиція, заранѣе укрѣпленная и почитаемая непреодолимою, была взята въ одно мгновеніе приступомъ. Храбрые Шведы должны были уступить почти невѣроятному мужеству Русскихъ. Маіоръ Ридтеръ, съ эскадрономъ гродненскихъ гусаръ, и подполковникъ Притвицъ, съ финляндскимъ драгунскимъ, бросились въ бродъ, чрезъ проливъ, и довершили пораженіе изумленнаго непріятеля.

Отчаяніе воспламенило Шведовъ; они собрались за небольшою рѣчкою, пересѣкающею дорогу, и имѣя непроходимыя болота на флангахъ, вознамѣрились въ этомъ мѣстѣ удержатъ быстрый натискъ Русскихъ, и заставить ихъ кончить сраженіе. Наши стрѣлки и кавалерія опротивею бросились на непріятеля, и не давъ ему опомниться, вытѣснили изъ этого выгоднаго мѣстоположенія. Шведы снова отступили, будучи преслѣдуемы нашими стрѣлками и кавалеріею.

Между деревнею Метенень и мызою Олькаръ находится озеро Уйтонское, или лучше сказать, большой разливъ рѣки, выходящей изъ Пее-ярви. На рѣкѣ, при самой разливѣ, лежитъ длинный мостъ, называемый Уйтонскимъ. Здѣсь также заранѣе приготовлены были шанцы и батареи для Шведовъ по ту сторону рѣки. Наши встрѣчены были картечными и ружейными выстрѣлами. Шведы приготовились къ сильной оборонѣ. Тотъ же самый 24-й егерскій полкъ и тѣ же двѣ роты сѣвскаго полка, которые взяли приступомъ позицію, бросаются стремглавъ съ примкнутыми штыками на Уйтонскій мостъ, летятъ прямо на шанцы, и рукопашнымъ боемъ оканчиваютъ сраженіе. Мужество Шведовъ поколебалось: они обратились въ бѣгство и рассыпались. Ночь и усталость нашихъ войскъ спасли ихъ отъ совершеннаго истребленія. Полковникъ Властовъ приказалъ авангарду нашему остановиться на мызѣ Олькаръ, а самъ съ главнымъ отрядомъ расположился въ деревнѣ Метенень. Войско требовало отдохновенія. Русскіе сражались непрерывно въ продолженіи шестнадцати часовъ; они должны были брать съ боя каждый шагъ, на разстояніи осемнадцати верстъ, и вытѣснять непріятеля изъ пяти укрѣпленныхъ позицій, въ кото-

решаю оны охранялся; начиналось съ необыкновеннѣе
 усероткомъ. Благотѣльная жажда угнчала цѣлнотрнне
 труды и усилн наннхъ. Въпорядокъ водворился въ ннед-
 еномъ отрядѣ: солдаты разбрелнсь по дѣсамъ, и полковникъ
 Филитъ, отступнть къ Линдувансу, едва могъ собрать третью
 часть своего отряда.

Сраженне при Карстудѣ названо было *офицерскимъ дѣломъ*.
 Нравственнаго соревнованне одушевляло всехъ офицеровъ
 отряда, полковника Ваастова. Они изверрнвъ другъ передъ
 другомъ брвались въ величайшн опасности, и собою пода-
 вали примѣръ подлиннымъ. Императоръ Александръ нхоро
 наградилъ офицеровъ этого отряда.

На дѣломъ Флангъ графа Каменскаго дѣла прнняли весьма
 неблагопрнпный оборотъ. Полковникъ Эрксонъ, вытѣсненъ
 шведскнй авангардъ изъ Алаво, и соединившнсь съ полков-
 никомъ Сабанѣвымъ, вознамѣрился держаться въ этомъ мѣ-
 стѣ до дальнѣйшихъ послѣдствнй. Но Шведы воспользова-
 лись отдаленнємъ Эрксона отъ главнаго корпуса и слабо-
 стью его отряда, и генераль Адлеркрейнъ ударилъ на него
 съ превышающими силами, 5-го августа, въ часъ по полу-
 ну. Сраженне было кровопролитное и упорное, Русскн не
 уступали ни превышающему числу, ни сильному и бодро-
 рывому натиску Шведовъ. Оба начальника соединенныхъ
 отрядовъ, полковникъ Эрксонъ и Сабанѣвъ, были равны,
 въ дѣлѣ поддержання мужества въ своихъ подчиненныхъ, не
 оставляли поля сраження, и находились во весь день въ ря-
 дѣхъ, подъ выстрѣлами. Всѣ усилня Шведовъ, чтобы при-
 нести къ безпорядку и обратнть въ бѣгство Русскнхъ, не
 имѣли успѣха: ни картежные выстрѣлы, ни нападення
 на всю линню съ прижнутыми штыками не могли раз-
 стрѣнть русской дисциплины. Наши ряды были неподвиж-
 ны, какъ желѣзная стѣна. Сраженне продолжалось до семи
 часовъ вечера. Полковникъ Эрксонъ, опасаясь быть окру-
 женнымъ и отрѣваннымъ цѣлымъ корпусомъ фельдмаршала
 Кннгсгора, рѣшился отступить къ грану Каманскому. Но
 генераль Адлеркрейнъ уже отрѣзалъ ему дорогу вправо, на
 Тойси, обейдя дѣсамъ нашъ флангъ. Полковникъ Эрксонъ
 обратился на дорогу къ Тамсрфорсу, перейдя черезъ рукавъ
 озера Руонеси, сѣвъ мостъ и деревню Кераненъ, для удержа-

* Въ этотъ достопамятнй день неприятель потерялъ убитыми и ране-
 нными 700 человекъ. Съ нашей стороны убиты два офицера и 46 солдатъ,
 ранено офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 180.

жанія стремленія непріятели. Эриксо́нъ на могъ воспользо-
ваться прикрытіемъ озеръ. Шведы имѣли въ своемъ распо-
ряженіи лодки жителей, переправили отрядъ черезъ озеро
Тулйоки, и принудили Эриксона продолжать свое отступ-
леніе.

Не взирая на разбитіе отряда полковника Фіанта при
Нарстулѣ, шведскія дѣла находились теперь въ самомъ вы-
годномъ состояніи. Передъ фельдмаршаломъ Клингспоромъ
открытъ былъ путь не только до Тамерфорса, но даже до
Тавастгуса. Правое крыло Клингспора прикрыто было отря-
дами генераловъ Дебельна, Фегезака и полковника Гиленбе-
геля. Двинувшись впередъ, онъ могъ заставить графа Камен-
скаго отступить, единственно изъ опасенія быть отрѣзан-
нымъ отъ своихъ сообщеній; а отступленіе графа Каменска-
го, предавая во вѣсть непріятели обширное пространство
хлѣбородной провинціи, въ самое время жатвы, доставило
бы средство Клингспору запасть въ продовольствіемъ для сво-
его войска, лишить Русскихъ всѣхъ средствъ, и даже истре-
бить наши запасы въ Тамерфорсѣ и Тавастгусѣ. Между-тѣмъ
шведскій король Густавъ угрожалъ высадкою въ окрестно-
стяхъ Або и Христиненштадта, что лишило возможности на-
ши береговыя войска приступить къ какимъ-либо движені-
емъ внутри страны. Вооруженіе поселянъ въ Карелии сдѣла-
лось бы тогда весьма важнымъ, и полковникъ Саудельсъ
(стоявшій въ Тайволѣ, противъ генерала Тучкова, находив-
шагося въ Куопіо), при наступательномъ дѣйствіи Клинг-
спора, получилъ бы большія выгоды въ своей неприступ-
ной позиціи. Присущество, одержанное генераломъ Феге-
закомъ на первомъ флангѣ Клингспора, при Лапокиркѣ, надъ
отрядомъ полковниковъ Бибикова и Ансельма-де-Жибори,
обезпечивало Клингспора съ самой опасной для него сторо-
ны. Казалось, что все ему благопріятствовало, и если бъ онъ
немедленно воспользовался своимъ положеніемъ и удержалъ
Русскихъ до осени за чертою, идущею отъ Або, черезъ Та-
вастгусъ до Куопіо, то занятіе Финляндіи Русскими не вос-

Въ сраженіи при Алазо уронъ съ нашей стороны былъ слѣдующій:
убито два офицера, нижнихъ чиновъ 75; ранено два штаб-офицера, 9
офицеровъ, нижнихъ чиновъ 226. Изъ этого числа одинъ офицеръ
и 37 человекъ, тяжело ранены, остались на мѣстѣ сраженія. Отличились
все офицеры и солдаты этого отряда, а особенно 29-й и 3-й егерскій пол-
ки. Шведы, по собственному сознанію, потеряли около 600 человекъ уби-
тыми и ранеными; въ числѣ послѣднихъ находился генералъ графъ Кро-
нвалль.

послѣдовало бы въ этомъ году. Невѣстно, какой оборотъ взяла бы европейская политика черезъ годъ, и участь Финляндіи могла бы рѣшиться иначе. Все зависѣло отъ дѣйствій графа Каменскаго: онъ своею рѣшительностію разбѣлъ этотъ Гордіевъ узелъ, и разстроилъ всѣ ученыя соображенія шведскихъ генераловъ.

Когда Клингспоръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія объ отступленіи графа Каменскаго изъ Ивескиля, вдругъ пришла къ нему вѣсть, что графъ Каменскій поспѣшно двинулся впередъ. Оставивъ полковника Властова преслѣдовать Фіянта, графъ Каменскій, при первомъ извѣстіи объ отступленіи Эриксона отъ Алаво, почувствовалъ критическое свое положеніе, и вознамѣрился уничтожить въ самомъ началѣ выгоды, полученныя непріателемъ. Надѣясь на мужество Русскихъ, онъ рѣшился немедленно напасть на Шведовъ открытою силою, твердостью и настойчивостью переманить военное счастье на свою сторону.

Быстро устремился графъ Каменскій къ Алаво, и 8 августа встрѣтилъ шведскій авангардъ при Этсари. Русскіе съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣчи съ непріателемъ; послѣ жаркаго дѣла, шведскій авангардъ былъ разбитъ и опрокинутъ.

Здѣсь случилось происшествіе, которое стоитъ того, чтобы упомянуть о немъ, потому что оно произвело сильное впечатлѣніе на Шведовъ.

Маіоръ Гласковъ, съ двумя ротами 23-го егерскаго полка, отступая на Ивескиль послѣ занятія Алаво Шведами, былъ остановленъ непріателемъ, имѣвшимъ два орудія, при Этсари. Не будучи въ состояніи противиться превышающей силѣ, онъ, однако жъ, продолжалъ отступать. На пути присоединилась къ нему партія рекрутъ; весь отрядъ состоялъ изъ 269-ти человекъ. Для отдохновенія утружденныхъ походомъ солдатъ, маіоръ Гласковъ остановился въ одномъ выгодномъ для защиты мѣстоположеніи. Вдругъ непріательская пѣхота въ триста человекъ появилась въ тылъ, на большой дорогѣ, а другая столь же сильная колонна обходила

Графъ Каменскій выступилъ изъ Ивескиля съ петровскимъ и калужскимъ войсками, однимъ баталіономъ азовскаго, однимъ баталіономъ великолукскаго мушкетерскаго полка, двумя эскадронами гродненскаго гусарскаго, однимъ эскадрономъ уланскаго Его Высочества, то есть, нашихъ козацкихъ, и нѣсколькими орудіями. Три баталіона пришли изъ отряда Властова, и соединились съ нами въ путь.

его лѣсомъ. Шведы кричали, чтобъ Русскіе положили оружіе и просили пощады. Маіоръ Гласковъ, раздѣливъ свой отрядъ на двѣ части, вмѣсто отвѣта на приглашеніе къ сдѣлѣ, бросился на непріятеля въ штыки, пробился рукопашнымъ боемъ чрезъ его отряды, и пробѣжавъ сто сажень, остановился, собралъ людей, построилъ во фронтъ, и началъ отступать въ порядкѣ, отстрѣливаясь. Толпа вооруженныхъ крестьянъ также заступила ему дорогу; онъ разогналъ ее, и преодолевъ всѣ усилія непріятеля, хотѣвшаго взять его въ плѣнъ, соединился съ графомъ Каменскимъ. Сами непріятели отдали справедливость чудесной храбрости горсти Русскихъ! На каждого нашего солдата приходилось по четыре Шведа, и не смотря на это, они, даже окруживъ нашихъ, не могли взять ихъ въ плѣнъ!

Графъ Каменскій быстрымъ своимъ движеніемъ изумилъ Шведовъ, и принудилъ Клингспора сосредоточить разсѣянные свои силы. Фельдмаршалъ Клингспоръ избралъ крѣпкую, или, лучше сказать, неприступную позицію при Куртане, изъ которой онъ могъ имѣть свободное сообщеніе съ правымъ своимъ флангомъ и съ отрядомъ полковника Фіянта. Лишь-только графъ Каменскій двинулся впередъ, то и всѣ русскіе отряды, разсѣянные на большомъ пространствѣ, пришли въ движеніе, сосредоточиваясь по направленію къ Алаво. Генераль-маіоръ Ушаковъ, съ отрядомъ своимъ находясь на лѣвомъ флангѣ, слѣдовалъ впередъ на Кухаюки; Властовъ находился въ Линдулакѣ. Отрядъ полковника Эриксона шелъ къ Алаво, куда графъ Каменскій вступилъ 14 августа, перешедъ въ семь дней 290 веретъ. Шведы едва вѣрили появленію Каменскаго!

Графъ Клингспоръ долженъ былъ почувствовать свою ошибку въ томъ, что онъ упустилъ случай истребить малочисленный корпусъ генерала Раевского, и послѣ того отрядъ Эриксона, при Алаво. Мужественное сопротивленіе нашихъ войскъ и искусное отступление въ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ лишило Шведовъ тѣхъ выгодъ, которыя, кажется, представляла имъ сама судьба. Теперь наступала рѣшительная минута: отъ успѣха дѣйствій Каменскаго зависѣла участь цѣлой кампаніи. Фельдмаршалъ Клингспоръ надѣялся, что онъ, съ равными силами, если не разобьетъ Каменскаго, то, по-крайней-мѣрѣ, при выгодахъ своего мѣ-

* Отрядъ этотъ состоялъ изъ литовскаго и ногилевскаго мушкетерскихъ полковъ, 25-го егерскаго и эскадрона нашего полка, князя Манвелова.

стоположенія, успѣеть отразить его нападеніе; и ослабивъ его потерями, неразлучными съ атакою укрѣпленныхъ постовъ, принудить къ отступленію. Не только шведское войско, но и жители Финляндіи раздѣляли надежду Клингснора: Они предсказывали, что графъ Каменскій поспѣшаетъ на помощь.

Въ Алаво графъ Каменскій остановился, чтобы собрать всѣ отдѣльные отряды и подкрѣпленія, заготовить продовольствіе на нѣсколько дней впередъ, и дать своимъ солдатамъ отдохнуть и приготовиться къ новымъ трудамъ. 17 августа онъ возобновилъ наступательныя дѣйствія.

Авангардомъ, состоящимъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, съ достаточнымъ числомъ кавалеріи, командовалъ гродненскаго гусарскаго полка полковникъ Кульневъ. За нимъ слѣдовалъ отрядъ Эриксона, а послѣ того шелъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Демидова, главный отрядъ, при которомъ находился и самъ графъ Каменскій. Дорога отъ Сарвика къ Куртаде идетъ по правой сторонѣ рѣки. Генераль-маіоръ Козачковскій отряженъ былъ съ калужскимъ мушкетерскимъ полкомъ и нашимъ эскадрономъ на лѣвый берегъ рѣки. Голова колонны его шла наравнѣ съ авангардомъ, и онъ долженъ былъ угрожать флангу и тылу неприятеля.

Шведы удержали нашъ авангардъ при переправѣ черезъ рѣку у Сарвика. Мостъ былъ сожженъ. Перестрѣлка продол-

• Я былъ посланъ въ развѣздъ около Эсарви, и заѣхалъ въ дома пастора и одного помѣщика. Когда я возвратился, то былъ позванъ къ графу Каменскому. «Что говорятъ Шведы?» спросилъ графъ. — Они говорятъ, что мы идемъ на свои похороны, отвѣчалъ я. — А что ты думаешь? сказалъ графъ. — Я думаю, что мы побьемъ Шведовъ. — Въ добрый часъ! приковалъ графъ улыбаясь: предсказаніе твое сбудется!»

••• Весь корпусъ графа Каменскаго въ это время состоялъ: изъ 3-го, 23-го и 26-го егерскихъ полковъ, петровскаго, бѣлозерскаго и азовскаго мушкетерскихъ, одного баталіона калужскаго и одного баталіона великолукскаго, двухъ эскадроновъ уланскаго Его Высочества, командирскаго и эскадрона маіора князя Манвелова, трехъ эскадроновъ гродненскаго гусарскаго полка, двухъ сотъ казаковъ и до двадцати пушекъ. 20 числа пришелъ персскій мушкетерскій полкъ.

••• Въ авангардѣ были: 3-й егерскій полкъ, три роты петровскаго мушкетерскаго полка, два эскадрона гродненскаго гусарскаго и сотня казаковъ.

••• Отрядъ генерала Эриксона состоялъ изъ 23-го и 26-го егерскихъ полковъ, трехъ ротъ азовскаго мушкетерскаго, одного эскадрона гродненскаго гусарскаго, одного эскадрона уланскаго Его Высочества, князя Манвелова, и части казаковъ.

жалась цѣлый день. Но наконецъ непріятель былъ обитъ и опрокинутъ. Переправа осталась въ нашихъ рукахъ. 19 августа авангардъ нашъ двинулся до Каухаламби, гдѣ непріятель снова остановился въ укреплённой позиціи. Вѣдунда орудами господать большую дорогу. Егеря наши бросились со штыками впередъ, а гродненскаго гусарскаго полка ротмистръ Грейгусъ и лейбъ-гвардіи коннаго полка штабс-ротмистръ князь Кудашевъ устремились съ кавалеріей на шаны, овладѣвъ ими, и обратили въ бѣгство непріятеля. Шведы жгли всѣ мосты по дорогѣ, но наша пѣхота съ такою скоростью почиивала ихъ, что артиллерія не отставала отъ пѣхоты, которая почти отъ Каухаламби до Куртане бѣгомъ преслѣдовала непріятеля, оставаясь только при почицкѣ местовъ и при перестрѣлкѣ. Непріятель тщетно покушался удержать стремленіе нашего авангарда при деревнѣ Миснея; тдѣ за небольшою рѣкою заблаговременно приготовлены были шаны, за сожженнымъ мостомъ. Здѣсь держались Шведы довольно долго; наконецъ наша кавалерія и пѣхота бросились въ бродъ черезъ рѣку, и угрожая непріятелю напасть на него съ тыла, принудили его оставить эту позицію. Авангардъ нашъ преслѣдовалъ непріятеля штыками и безпрестанно перестрѣливался, до самой Куртанеской позиціи. Здѣсь опять завязалось жестокое сраженіе. Непріятель снова былъ опрокинутъ, и наша пѣхота, голя передъ собою непріятельскихъ стрѣлковъ, вѣбжала вмѣстѣ съ нами на мостъ, длиною во сто сажень; защищаемый батареями, сильная кавалерія и наступавшая пѣхота удержали быстрый нашъ натискъ, и принудили авангардъ остановиться. Шведы тотчасъ зажгли мостъ. Успѣхами этого дня обязаны полковнику Кульневу. Здѣсь кстати можно сказать нѣсколько объ этомъ героѣ, прославившемся въ Финляндіи и павшимъ со славою въ отечественную войну 1812 года.

Кульневъ былъ правою рукою и глазомъ графа Кайенскаго, въ финляндскую войну. Кульневъ совершенно понималъ виды своего начальника, и исполнялъ его предначертанія съ Суворовскою быстротою. Въ преслѣдованіи непріятеля Кульневъ былъ неутомимъ: онъ безпрестанно былъ на конѣ, впереди съ пѣхотными стрѣлками, первый въ кавалерійскихъ атакахъ. Онъ первый поднималъ свой отрядъ, и послѣдній предавался отдохновенію. Кульневъ припоминалъ собою суровыхъ воиновъ Спарты и временъ Святославовыхъ. Онъ не любилъ квартиръ: ненастные дни и бурныя ночи проводилъ

всегда на бивакахъ, возлѣ огня, окруженный солдатами. Бурка составляла все его прикрытіе отъ непогодъ. Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ и нѣсколько сутуловатъ. Имѣлъ черные волосы, лицо блѣдное и смуглое. Большіе черные глаза и орлиный носъ составляли отличительныя черты его фizioноміи. Длинные усы и бакенбарды висѣли на опушкѣ его чернаго доломана съ черными шнурами. Голова его покрыта была почти всегда, а особенно въ сраженіи, краснымъ шерстянымъ колпакомъ, по обычаю финскихъ поселянъ. Онъ не носилъ фуражки и рѣдко надѣвалъ гусарскій киверъ. Исподнее платье его было широкое казацкое. Въ рукахъ у него всегда была казацкая нагайка, служившая ему вмѣсто оружія. Кульневъ былъ обожаемъ солдатами, не смотря на строгость, съ которою онъ наказывалъ отступленіе отъ военной дисциплины. Онъ жилъ съ солдатами, питался одною съ ними пищею, и раздѣлялъ съ ними всѣ труды и опасности. Нѣсколько разъ въ ночь онъ садился на коня, и объѣзжалъ всѣ посты, приближаясь всегда къ неприятельскимъ часовымъ. Оплшный не оставался безъ наказанія, и немедленно бывалъ схваченъ, часто самимъ Кульневымъ. Цѣлая шведская армія знала его; онъ первый извѣщалъ ее о началіи военныхъ дѣйствій, и появленіе его на шведскихъ передовыхъ постахъ было сигналомъ къ битвѣ.

Но обратимся къ военнымъ дѣйствіямъ.

Большая дорога изъ Тамерфорса въ Вазу идетъ по правому берегу озера Куртане, мимо кирки того же названія. Въ трехъ верстахъ за киркою протекаетъ рѣка, выходящая изъ озера Нисаламби, лежащемъ въ верстѣ отъ озера Куртане. По обѣимъ сторонамъ рѣки и вокругъ озера Нисаламби простираются болота, идущія за Нисаламби на двѣ съ половиною версты. Въ серединѣ болота протекаетъ небольшая рѣка, впадающая въ Нисаламби. Кругомъ болота большой лѣсъ, примыкающій съ обѣихъ сторонъ къ озеру Куртане. Подъ лѣсомъ, за рѣкою, возлѣ селенія Руона, простираются поля и возвышенія. На рѣкѣ, которою озеро Нисаламби вливается въ озеро Куртане, построенъ мостъ, длиною во сто сажень, называемый Руонскимъ. Вотъ мѣстоположеніе, на которомъ подвизались два храбрыя воинства.

Шведы расположены были между озеромъ Куртане и линдулакскою дорогою, между селеніями Руона и Такала, вдоль болота, простирающагося за рѣками и за озеромъ Нисаламби. Позиція ихъ составляла тупой уголъ, котораго око-

точность была въ селеніи Переля, противъ озера Нисаламби, и раздѣлялась такимъ образомъ на двѣ части. Первая часть позиціи (или правый флангъ) была неприступна, примыкая вправо къ озеру Куртане, и находясь за широкимъ болотомъ, рѣкою и озеромъ Нисаламби. На возвышеніяхъ за рѣкою устроены были три сильныя шведскія батареи: одна передъ селеніемъ Руоне, другая подъ лѣсомъ, а третья противъ самаго моста Руонскаго. Вторая часть позиціи (или фронтъ съ лѣвымъ флангомъ) тянулась вдоль болота за рѣкою, отъ озера Нисаламби до селенія Такала, и прикрыта была на всемъ протяженіи своимъ шанцами и засѣками, между которыми устроены были на возвышеніяхъ батареи, одна впереди селенія Переля, другая между этимъ селеніемъ и Такалою, третья впереди этого послѣдняго селенія, четвертая правѣе за ними, противъ большой линдулакской дороги. Всѣ дорожки и малѣйшія тропинки завалены были засѣками и оберегаемы стрѣлками. Кромѣ того, лѣсъ, самъ по себѣ, былъ почти непроходимымъ, наполненъ камнями и густыми кустарниками. Шведы находились, какъ въ крѣпости. Въ военной исторіи трудно найти, чтобъ войско занимало позицію, столь выгодную и неприступную, какъ куртанеская.

Распоряженія графа Каменскаго при Куртане доказываютъ военный его геній, и должны сохраниться въ исторіи, какъ примѣръ для военныхъ людей. Зная, что линдулакская дорога идетъ лѣсами, мимо неприступной позиціи при мостѣ Руона, и проходитъ за лѣвымъ флангомъ непріятеля, близъ деревни Такала, графъ Каменскій послалъ (изъ отряда полковника Властова) подполковника Лукова съ сѣвскимъ мушкетерскимъ полкомъ, полуэскадрономъ гродненскаго гусарскаго полка и партіей казаковъ, чтобы онъ, обойдя лѣвый флангъ, устремился въ тылъ непріятельскій, къ деревнѣ Сальми. Генералъ-маіоръ Козачковскій, съ калужскимъ мушкетерскимъ полкомъ и нашимъ командирскимъ эскадрономъ, слѣдовалъ по лѣвому берегу озера Куртане, мимо праваго

* Корпусъ фельдмаршала Клингспора составляли: абовскій пѣхотный полкъ въ 1,800 человекъ, виландскій въ 1,400 человекъ, остерботенскій въ 1,000 человекъ, остерботенскихъ егерей 300, баталіонъ уландскаго полка 500 человекъ, баталіонъ саволаккаго 500, баталіонъ эмсапскаго полка 300 человекъ; кавалеріи, и въ томъ числѣ три эскадрона конной гвардіи, всего 600 человекъ, артиллеріи 30 орудій. Всего регулярныхъ войскъ было 7,000 человекъ. Вооруженныхъ крестьянъ, устроенныхъ полками и раздѣленныхъ на три бригады, всего до 6,000 человекъ. Съ 1 августа 1808 года крестьяне поступили на жалованье короля.

доброты к дереву Сажала, въ тылу неприятеля. Въ ночи съ 19 на 20 августа, графъ Каменскій велѣлъ устроить двѣ батареи изъ осѣми орудій противъ неприятельскаго фронта; пушки иначе нельзя было провезти на батареи, какъ подъ неприятельскими картечными выстрѣлами, и потому, для сбереженія людей, выбрали для работы ночную пору. Батареями командовалъ майоръ Бреклингъ. Противъ самой оконечности праваго неприятельскаго фланга, на мысу, устроена была также батарея изъ двухъ двѣнадцати фунтовыхъ орудій. Авангардъ полковника Кульнева, состоящій изъ 3-го егерскаго и трехъ ротъ петровскаго мушкетерскаго полка, поставленъ былъ на батареяхъ, противъ фронта неприятельскаго. Всѣ наши усилія устремлены были на лѣвый неприятельскій флангъ. Отрядъ полковника Эриксона, состоявшій изъ 23-го и 26-го егерскихъ полковъ и трехъ ротъ азовскаго мушкетерскаго; и отрядъ генерала Янковича, состоявшій изъ бѣлозерскаго, одного баталіона азовскаго и одного баталіона великолукскаго мушкетерскаго полковъ, отданы были подъ начальство генерала Раевского, которому генералъ графъ Каменскій приказалъ обходить неприятельскую позицію и тѣснить лѣвый его флангъ. По необходимости провезти орудія лѣсомъ, тропицками и болотами, разобраны были два орудія, которыя несли на рукахъ наши егери; при нихъ былъ артиллерій поручикъ Бендерскій. Резервъ нашъ состоялъ изъ пермскаго мушкетерскаго полка и одного баталіона петровскаго мушкетерскаго полка. Онъ былъ подъ начальствомъ генерала Демидова, и стоялъ на большой дорогѣ, за авангардомъ Кульнева.

Генералъ Раевскій отправился въ десять часовъ утра (20 августа) въ обходъ, какъ скоро извѣстимся, что подполковникъ Луковъ приблизился къ дереву Сажала, въ недалекомъ разстояніи отъ Такала. Ничто не можетъ сравниться съ трудностями, которыя надлежало преодолѣть генералу Раевскому на этомъ пути! Камни, стремнины, болота, топи и непроходимый лѣсъ замедляли шествіе этого отряда. Для перехода пяти верстъ, надлежало употребить четыре часа времени! Наконецъ, когда генералъ Раевскій вышелъ на то мѣсто, съ котораго надлежало произвестъ нападеніе, графъ Каменскій велѣлъ открыть, со всѣхъ нашихъ батарей, сильную канонаду, во второмъ часу по полудни, и на правомъ нашемъ флангѣ тотчасъ завязалось сраженіе.

Генералъ Раевскій, вѣдѣвъ на дорогу, съ которой должно было вести атаку на лѣвый непріятельскій флангъ, нащелъ ее заваленною засѣками, и потому пошелъ впередъ бо-
детами, съ отрядомъ полковника Эриксона, прифрондиръ къ нему часть отряда генерала Яковича, которому дѣлать оставался въ деревнѣ Сипола, по ою сторону озера Нидалам-
би. Открытое болото отдѣляло отрядъ генерала Раевского отъ непріятеля, и лишь-только Русскіе показались изъ опуш-
ки лѣса, пули и картечи посынались градомъ, и принудили нашихъ остановиться въ лѣсу. Шведы, пользуясь первымъ изумленіемъ нашихъ войскъ, построились за шанцами въ двѣ колонны, и быстро устремились на отрядъ полковника Эриксона, перемѣнивъ такимъ образомъ оборонительное положе-
ніе въ наступательное. Превосходство силъ непріятеля и сжа-
тое, невыгодное мѣсто, на которомъ наши не могли развер-
нуть колоннъ, поставили отрядъ полковника Эриксона въ за-
труднительное положеніе. Одна отчаянная храбрость могла спасти Русскихъ. Нападеніе Шведовъ было отражено штыка-
ми, и маши, опрокинувъ ихъ, преслѣдовали до самаго укрѣп-
ленія, гдѣ сильный картечный огонь удержалъ наступаю-
щихъ. Полковникъ Эриксонъ снова отступилъ въ лѣсъ, и расположился по опушкѣ.

Шведы, будучи безопасны отъ всякаго покушенія на сво-
емъ правомъ флангѣ, перевели, лѣсами, почти всѣ силы свои на лѣвый флангъ, противъ генерала Раевского, и стали дѣй-
ствовать наступательно. Подкрѣпивъ двѣ прежнія колонны своимъ третьєю, они снова устремились на отрядъ полковника Эриксона, выславъ четвертую колючу для занятія селенія Хероя, лежащаго передъ деревней Сипола (на лѣвомъ флангѣ полковника Эриксона), защищаемаго отрядомъ 24-го егерскаго полка. Это движеніе могло имѣть рѣшительныя послѣд-
ствія, потому что, если бѣ Шведы заняли деревню Хероя и потѣснили полковника Эриксона, то онъ былъ бы отрѣзанъ отъ нашего лѣваго фланга, и отрядъ его былъ бы истребленъ превосходнымъ числомъ непріятеля. Положеніе генерала Раевского было отчаянное. Онъ приказалъ генералу Яковичу отрядить одинъ баталіонъ бѣлозерскаго полка къ защищенію деревни Ферой, для обезпеченія лѣваго фланга полковника Эриксона, который долженъ былъ выдерживать до самой крайности натискъ Шведовъ. Между-тѣмъ генералъ

Генералъ Яковичъ остался съ однимъ бѣлозерскимъ полкомъ и двумя орудіями, при поручикѣ Бендерскомъ.

Раевскій послалъ къ генералу графу Каменскому просить помощи.

Шведы сражались съ ожесточеніемъ, и желая воспользо-ваться своимъ превосходствомъ силъ, повели атаку съ невѣроятною быстротою, чтобъ разстроить нашъ правый флангъ до прибытія подкрѣпленія. Отъ защиты деревни Хероя зависѣло весьма многое и, по счастью, баталіонъ бѣлозерскаго и отрядъ 26-го егерскаго полка не только успѣли удержать стремленіе непріятеля, но бросившись въ штыки во флангъ, смяли его и опрокинули. Это удачное дѣйствіе поддержало равновѣсіе сраженія.

Между-тѣмъ графъ Каменскій, находившійся на нашемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ наши батареи продолжали дѣйствовать безъ умолку, примѣтя, что съ непріятельскихъ батарей свозятъ нѣсколько орудій, и что движеніе войскъ производится по направленію на лѣвый непріятельскій флангъ, выслалъ въ подкрѣпленіе генерала Раевского два эскадрона кавалеріи: эскадронъ князя Манвелова, нашего полка, и эскадронъ гродненскаго гусарскаго полка, маіора Силина. Нашей кавалеріи нельзя было иначе достигнуть своего назначенія, какъ проскакать подъ самыми батареями непріятельскими. Съ нашихъ батарей дано три залпа, и кавалерія, по этому сигналу, пустилась во всю конскую прыть. Шведы, думая, что наша конница намѣрена броситься на шанцы, чрезъ болото, выслали цѣлыя толпы стрѣлковъ. Шведскія батареи въ то же время усилили свое дѣйствіе, но наша кавалерія, подъ пулями и ядрами, пролетѣла чрезъ опасное мѣсто и, къ удивленію всѣхъ, безъ урона; убита одна уланская лошадь.

Вслѣдъ за этимъ пришло извѣстіе отъ генерала Раевского о его затруднительномъ положеніи. Графъ Каменскій отрядилъ изъ авангарда часть 3-го егерскаго полка и пять ротъ костромскаго, приказавъ по надобности подвигаться вправо и прочимъ полкамъ, пополняя авангардъ резервомъ, такъ что наконецъ у генерала Демидова, въ резервѣ, остался только одинъ баталіонъ пермскаго полка. Пока подкрѣпленіе подошло, положеніе отряда генерала Раевского постепенно становилось опаснѣе. Отрядъ полковника Эриксона, упорно защищаясь, принужденъ былъ отступить къ деревнѣ Хероѣ, а генералъ Янковичъ, оставшійся съ однимъ баталіономъ бѣлозерскаго полка въ деревнѣ Сипала, былъ атакованъ Шведами съ такою быстротою, что одна только отчаянная рѣшительность — погнѣбнуть на мѣстѣ — спасла его! Удачное

дѣйствіе двухъ нашихъ орудій (перенесенныхъ на рукахъ), подъ начальствомъ поручика Бендерскаго, удержало первый натискъ Шведовъ. Стрѣлки наши, пользуясь этимъ случаемъ, заняли непріятели перестрѣлкою, пока не подоспѣло подкрѣпленіе, которое тотчасъ перемѣнило видъ сраженія.

Съ восклицаніемъ: *ура! впередъ!* бросились наши на Шведовъ. Генералъ Яковичъ и полковникъ Эриксонъ двинулись съ своими отрядами прямо на непріятели. Стрѣлки наши устремлялись впередъ, бѣгомъ, передъ колоннами, слѣдовавшими скорымъ шагомъ съ примкнутыми штыками и съ барабаннымъ боемъ. Вдругъ вся равнина покрылась отступающими Шведами, которые скрылись въ своихъ шанцахъ и за батареями, оставивъ поле сраженія, усѣянное тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Наступившая ночь и усталость обѣихъ сторонъ прекратили сраженіе.

Генералъ-маіоръ Козачковскій, отряженный на другой берегъ озера Куртане, также дрался цѣлый день. Шведы сильно совротивлялись, но генералъ Козачковскій успѣлъ выгнать ихъ, открытою силою, изъ трехъ деревень. Нашъ эскадронъ преслѣдовалъ стрѣлковъ, лишь-только ихъ вытѣснили изъ домовъ. Мы перекололи ихъ множество. Хотя Шведы были гораздо сильнѣе отряда Козачковскаго, но открытое мѣсто, позволивъ дѣйствовать нашимъ уланамъ, послужило въ нашу пользу, а Шведы вовсе не имѣли кавалеріи въ этомъ мѣстѣ. Шведскій отрядъ былъ загнанъ въ дремучій и болотистый лѣсъ, гдѣ онъ и остановился, а генералъ Козачковскій, занявъ позицію въ послѣдней изъ деревень, Койняла, послалъ развѣды до самой Сальми, на оконечность озера Куртане, въ тылъ непріятельской позиціи. Такимъ образомъ правое непріятельское крыло было обойдено.

Подполковникъ Луковъ, слѣдуя по линдулакской дорогѣ съ небольшимъ своимъ отрядомъ, выступилъ 20 числа изъ Сикалы. Непріятельскій отрядъ, бывший противу него, отступая, пользовался каждымъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, чтобы задерживать отрядъ Лукова перестрѣлкою, жечь мосты, и всячески замедлялъ его шествіе. Подполковникъ Луковъ едва къ ночи успѣлъ дойти до лѣса, занимаемаго шведскою арміею, и остановился, не достигнувъ до непрія-

* А. Н. Михайловскій-Дашлевскій, въ своемъ Описаніи Финляндской Войны, говоритъ на страницѣ 235: «успѣху Козачковскаго содѣйствовалъ особенно находившійся въ его отрядѣ эскадронъ улановъ». — Весьма справедливо; мы работали и за себя и за пѣхоту!

темной познции. Однако жъ эту движениемъ его, лѣвый флангъ непріятеля угрожалъ бытъ обходомъ.

Русскіе сражались весь день, 19 числа, и кромѣ того сдѣлали большой переходъ. 20 числа они также весь день были въ движеніи, и выдержали самое кровопролитное сраженіе. Не было времени подумать ни о нищѣ, ни объ отдыхѣ. Оба полководца были въ затруднительномъ положеніи. Графъ Каменскій, по упорному сопротивленію Шведовъ, думалъ, что они станутъ защищать свою познцію до послѣдней крайности. Усталость войскъ и отдаленіе отряда Козачковскаго, котораго почти невозможно было подкрѣпить, возбуждали въ немъ опасенія. Провосходство Шведовъ на всѣхъ пунктахъ было ощутительное; но графъ Клингсборъ, удостовѣрившись, что ни шанцы, ни багварсы, ни засѣки, ни болота не могутъ удержать Русскихъ и отвратить ихъ отъ наступательныхъ дѣйствій, и опасаясь также быть обойденнымъ отрядами генерала Козачковскаго и подполковника Лукова, вознамѣрился бросить укрѣпленную свою познцію при Руоно и Такаль, и отступить къ другому, заранѣе укрѣпленному мѣстоположенію, при Сальми. Такимъ образомъ распоряженія графа Каменскаго, столько же, какъ и храбрость нашихъ войскъ, содѣйствовали къ отступленію графа Клингсбора. Въ ночь, когда наши обозы уже вытягивались на большую дорогу къ Алаво, чтобъ быть готовыми къ отступленію, въ случаѣ необходимости, и когда графъ Каменскій, получая извѣстія отъ разныя отрядовъ, дѣлалъ свои соображенія къ слѣдующему дню, полковникъ Кульневъ привезъ радостную вѣсть, что огни на шведскихъ бивакахъ гаснутъ и тухнутъ одинъ за другимъ. Графъ Каменскій сдѣлалъ немедленно распоряженіе, чтобы на другой день возобновить нападеніе и начать преслѣдованіе непріятеля.

21 числа, на самомъ разсвѣтѣ, неутомимый Кульневъ переправилъ въ бродъ чрезъ заливъ озера Куртае казаковъ и егерей, занявъ оставленныя Шведами укрѣпленія, и началъ строить мостъ, который искусствомъ инженернаго поручика Весна скоро былъ конченъ. Авангардъ тотчасъ переправился и разведка нашъ открылъ непріятеля въ одной верстѣ, на большой дорогѣ къ Сальми. Шесть ротъ 3-го егерскаго полка, подъ начальствомъ майора Худинскаго, устремились на непріятеля, и тотчасъ начали перестрѣлку, а ротмистръ конной гвардіи князь Кудашевъ (бывшій водонтеромъ при корпусѣ), съ двумя ротами того же полка, пошелъ лѣсомъ.

вырвало, чтобы выйти на Большую линдулакскую дорогу и отрезать отряд подполковника Лукова. Въ трехъ верстахъ отъ Рубцовскаго моста, линдулакская дорога выходитъ на большую пашевоорскую. Въ углу соединенія находится возвышеніе. Шведы, отступая медленно, остановились здѣсь, раставили цепи стрѣлковъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и поставили пушки на возвышенія.

Къ маюру Худинскому посланъ былъ на подкрѣпленіе батальонъ пермскаго полка и двѣ роты петровскаго. Прочія войска авангарда оставались между-тѣмъ, въ брошенныхъ непріятелемъ укрѣпленіяхъ. Послѣ упорнаго, хотя непродолжительнаго боя, непріятель былъ вытѣсненъ изъ своей позиціи, и отступилъ къ Сальми. Отрядъ подполковника Лукова въ то же время соединился съ авангардомъ, который быстро преслѣдовалъ непріятеля.

Шведы держались крѣпко къ Сальми. Бракенго црделма-лохъ три часа, вѣрнее четыре былъ сомнительна. Но наконецъ полковникъ Кульневъ рѣшился на отчаянное предпріятіе. Онъ послалъ шесть ротъ 8-го егерскаго полка, двѣ роты ефескаго и двѣ роты пермскаго, подъ начальствомъ маюра Худинскаго, въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, а двѣ роты 3-го егерскаго и двѣ роты петровскаго, мушкетерскаго съ маюромъ Мувинскимъ, отрядилъ для защиты нашего лѣваго фланга. Самъ Кульневъ, устроивъ остальные войска въ боевой порядокъ, остановился противу центра непріятельской позиціи. Давъ только маюру Худинскому достигнуть до своего назначенія, онъ началъ на лѣвомъ флангѣ непріятеля, Кульневъ далъ знакъ къ общей атакѣ. Въ то же время выкачался отрядъ генерала Козачковскаго, по ту сторону озера, въ тылъ у непріятеля. Шведы производили жестокий ручной и картечный огонь, но авангардъ нашъ, выходя въ атаку крикомъ ура! бросился въ пятаки на шашки и баятары. Шведы едва успѣли увести свои орудія. Защищая шашки, не успѣвшие снаестись бѣгствомъ, были исколоты на дыбѣ, крѣпкая позиція взята, и наши гусары преслѣдовали непріятеля на десять верстъ. Авангардъ остановился въ Сальми.

Этимъ кончилось трехдневное упрное сраженіе, въ кото-

Авангардъ состоялъ изъ сѣвскаго мушкетерскаго и 3-го егерскаго полковъ, батальона пермскаго, двухъ ротъ петровскаго мушкетерскаго полковъ, двухъ эскадроновъ гродненскаго гусарскаго и шведскаго казачья. Начальствовавъ авангардомъ Кульневъ.

ремь два храбрыхъ воинства, почти въ равномъ числѣ, осматривали другъ у друга побѣду и славу. Шведы имѣли большое преимущество, защищаясь въ неприступной позиціи. Они едва вѣрили этому событію! Сраженіе при Куртане, дѣлающее столько же чести побѣжденнымъ, какъ и побѣдителямъ, достопамятно въ военной исторіи Россіи и Швеціи!

Потеря съ обѣихъ сторонъ была значительная; судя по малочисленности войскъ. Съ нашей стороны убитъ одинъ штабъ-офицеръ, ранено 15 оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ убито 128, ранено 648, безъ вѣсти пропали 51 человекъ. Непріятель потерялъ убитыми 1,500 человекъ, въ плѣнъ взято до полутора ста рядовыхъ и нѣсколько офицеровъ.

Разбитый непріятель бросился къ морскому берегу, для соединенія съ находившимися въ разныхъ мѣстахъ отрядами и для спасенія своихъ запасныхъ магазиновъ. Графъ Клингспоръ пошелъ на Лилькиро къ Вазѣ, а часть его корпуса, подъ начальствомъ генерала Грипенберга, взяла направленіе чрезъ Нидергерми къ Ньюкарлеби. Графъ Каменскій пошелъ самъ вслѣдъ за корпусомъ графа Клингспора, а генерала Козачковскаго съ калужскимъ мушкетерскимъ, 26-мъ егерскимъ полкомъ, батальономъ азовскаго мушкетерскаго, нашимъ эскадрономъ и двумя орудіями послалъ на Нидергерми, приказавъ ему занять въ этомъ мѣстѣ переправу чрезъ рѣку. Полковнику Властову велѣлъ слѣдовать отъ Линдуласа къ Гамлекарлеби, и стараться быть въ сообщеніи съ генераломъ Козачковскимъ. Графъ Каменскій надѣялся, что дѣйствуя въ тылѣ непріятеля обходными отрядами Козачковскаго и Властова, принудить его къ отступленію, безъ боя, отъ Ньюкарлеби.

Я уже сказалъ, что во время ретирады графа Клингспора, жители, подъ надворомъ шведскихъ инженерныхъ офицеровъ, заблаговременно укрѣпляли позиціи, въ тылѣ шведскаго войска, и оно всегда останавливалось въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія, отдыхало спокойно, и находило на мѣстѣ продовольствіе. Кромѣ того, тѣ же крестьяне подвозили заранѣе фуражъ и провіантъ, истребляли мѣсты, дѣлали засѣки на дорогѣ, и все это избавляло солдатъ отъ лишннихъ трудовъ, давало большое преимущество Шведамъ передъ нами, и не только затрудняло графа Каменскаго въ дви-

* Въ томъ числѣ вышшій генералъ отъ инфантеріи Иванъ Никитичъ Скобелевъ, бывший въ то время поручикомъ и бригаднымъ адъютантомъ при храбромъ полковникѣ Эриксонѣ.

непідляк, но и подвергало войско большой потерѣ людей, при штурмованіи укрѣпленнахъ шанцами и засѣлками позицій. Для лишенія Шведовъ этихъ преимуществъ, графъ Каменскій составилъ особый планъ войны, а именно, вознамѣрился дѣйствовать *обходами*, назначивъ для этого отрядъ генерал-майора Ковачковскаго. Этотъ слабый отрядъ состоялъ, до занятія нами Гамлекарлеби, изъ калужскаго мушкетерскаго (котораго генералъ Козняковскій былъ шефомъ), имѣвшаго 806 человекъ фронтowychъ палъ ружьями, 26-го егерскаго полка, въ 602 человека фронтowychъ, одного батальона левскаго мушкетерскаго полка, въ 300 человекъ, и нашего эскадрона, въ которомъ было небадѣе 75-ти человекъ уланъ. Нашъ отрядъ претерпѣвалъ гораздо болѣе трудностей, нежели прочее войско, потому, что мы безпрестанно должны были итти преследуемыми дорогами или тропинками, и соблюдать валичайшую осторожность, какъ передовой постъ авангарда. Но передовые посты смѣняются для отдыха, а мы были *безсмыслимы*! Этотъ планъ войны удался графу Каменскому; должно, однако, и то сказать, что онъ рисковалъ нашимъ отрядомъ, подвергая его опасности быть отрѣзаннымъ и уничтоженнымъ. Эта участь наирѣднѣе бы постигла насъ, если бы Шведы дѣйствовали смѣлѣе, рѣшительнѣе и послѣдовали неотступно школьнымъ правиламъ стратегіи. Однажды отрядъ нашъ едва не подвергнулся разбитію.

Преслѣдуя непріятеля, графъ Каменскій имѣлъ жаркое авангардное дѣло при Илштаро, 29 августа. На другой день присоединился къ графу Каменскому отрядъ генерала Ушакова, бывшій въ Кухаюкахъ. Непріятель не останавливался въ укрѣпленной заранѣ позиціи, при Дялькиро, гдѣ соединились съ нимъ разныя разсыянные отряды. Батареи и шанцы были брошены, безъ боя. Здѣсь графъ Каменскій узналъ, что часть непріятеля пошла къ Вазѣ, для спасенія своихъ госпиталей и магазиновъ, а главный корпусъ взялъ направленіе къ сѣверу, вдоль морскаго берега, по дорогѣ къ Нюкарлеби. Графъ Каменскій послалъ немедленно генераловъ Раевского и Яковича къ Вазѣ, для завладѣнія симъ городомъ, а самъ устремился за непріятелемъ, и 1 Сентября расположился въ виду его позиціи, при Оровайсѣ.

Между-тѣмъ генералъ Ковачковскій, идя боковою дорогою на Нюкарлеби, встрѣтилъ у кирки Нидергерми (верстахъ въ

25 отъ Нюкарлеби) шведскій отрядъ генерала Гриненберга, въ укрѣпленной позиціи, въ рѣкѣ. У Нюкарлеби всего было подъ ружьемъ 1782 человѣка, а у Гриненбарга регулярнаго войска было 2,000 человекъ и столько же отличныхъ стрѣлковъ; изъ жителей Саволакса и Карелии. Атаковать шведскую позицію съ фронта было невозможно, и потому Козачковскій вознамѣрился дѣйствовать по приему своего начальника, и послалъ въ обходъ лѣваго неприятельскаго фланга подполковника 2-го егерскаго полка Карпенкова (командовавшара 26-мъ егерскимъ полкомъ), съ стрѣлками аво-скаго и калужскаго полковъ и батальономъ 26-го егерскаго полка; а наши эскадроны, съ фотю пѣхоты, выслалъ на первый неприятельскій флангъ, для ложной атаки. Идти вѣдительною муть генералъ Гриненбергъ не разбилъ въ пушкѣ нашихъ обходныхъ отрядовъ и не принудилъ Козачковскаго къ отступленію; при первой встрѣчѣ мы заманивали на правый флангъ, съ неприятельскими пушками, дѣлая видъ, что намѣрены дебардировать ихъ оленями; тогда наша стрѣлка устрѣливали ружейный огонь, мы скакали къ лѣву, гдѣ стояла рота нашей пѣхоты. Шведы оставались отъ насъ стрѣлками пѣхоты и пѣхоты не знали ея силы, и мы снова начали шарковать, въ разсѣданію, всегда вступая на во-сѣданіи. Между тѣмъ Карпенковъ вынужденъ на лѣвомъ флангѣ перестрѣлку. Это испугало шведскаго генерала, и онъ началъ отступать. Мы преслѣдовали Шведовъ, но они два раза дали намъ сильный отпоръ, и даже принудили отступить до Индерберга, гдѣ мы провели ночь. На другое утро мы снова пошли впередъ, по дорогѣ къ Нюкарлеби. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города, съ правой стороны дороги протекаетъ рѣка, въ крутыхъ берегахъ, а съ другой стороны накрываютъ возвышеніи, покрытыя лѣсомъ. Тутъ остановился генералъ Гриненбергъ. Генералъ Козачковскій заваялъ сраженіе. Стрѣлки наши выжили Шведовъ въ нѣтъ, и весь отрядъ двинулся впередъ, но это была только ловушка (стратагема) со стороны Шведовъ. Они имѣли съ собою фальконеты (маленькія пушки, переносимыя на рукахъ), и расположили ихъ на холмѣ, покрытомъ лѣсомъ, между камнями. Картечи и сильный ружейный огонь изъ-за камней принудилъ нашихъ стрѣлковъ отступить, и вынужденные на подкрѣпленіе имъ два батальона пѣхоты также не могли устоять. Когда стрѣлки наши, отступая, стали выходить на

лощину, а Шведы шли за ними съ крикомъ ура, провожая выстрѣлами отступающихъ. Козачковскій выдвинулъ двѣ свои пушки на большую дорогу, и поставилъ нашъ эскадронъ для прикрытiя орудiй, рядомъ съ пушками, шагахъ въ двухстахъ отъ крутаго холма, заросшаго густымъ лѣсомъ, съ тѣмъ, чтобъ мы пустились въ атаку, когда шведскiе стрѣлки выйдутъ на лощину. Генералъ Козачковскій былъ храбрый воинъ и старый служака, но онъ никогда не командовалъ конницей, и не умѣлъ употреблять ее въ дѣло. Нашъ ротмистръ объяснилъ ему, что въ этой узкой лощинѣ нѣтъ мѣста для атаки, и что мы напрасно, безъ всякой пользы, подвергаемъ опасности людей и лошадей, потому что шведскiе стрѣлки стрѣляютъ въ насъ изъ лѣса, съ высоты, какъ въ мишень, и мы стоимъ передъ ними, не имѣя возможности защищаться. Но Козачковскій не убѣдился этимъ справедливымъ замѣчанiемъ, и мы оставались подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, пока не начало смеркаться, и пока наши стрѣлки не собрались. Тогда мы отступили и остановились на половинѣ дороги къ Нидергерми. Генералъ Грипенбергъ не преслѣдовалъ насъ, но если бъ онъ послалъ часть своего войска въ обходъ, другимъ берегомъ рѣки, чтобъ отрѣзать насъ отъ Нидергерми, а самъ напалъ на насъ ночью, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось! У насъ уже не доставало патроновъ, а ретироваться намъ было некуда. Но Грипенбергъ доволенъ былъ и тѣмъ, что отбилъ насъ отъ Ньюкарлеби, потому что, если бы мы взяли его, то армiя графа Клингснора приведена была бы въ самое опасное положенiе. За тѣмъ и высланы мы были графомъ Каменскимъ.

Предположенiя графа Каменскаго не сбылись. Однако жъ онъ не хотѣлъ предпринять обратнаго похода на Каухава, чтобъ отсюда устремиться къ Ньюкарлеби, и потому рѣшился напасть немедленно на непрiятеля, и открытымъ боемъ заставить его очистить приморскiя провинцiи. Крайность заставляла Шведовъ держаться при Оровайсѣ, до послѣдней капли крови, ибо полковникъ Филтъ, уходя передъ отрядомъ Властова, сжегъ мостъ при Химанго, и тѣмъ лишилъ фельдмаршала Клингснора средствъ къ безопасному отступленiю на Гамлекарлеби.

1 Сентября, авангардъ нашъ, подъ начальствомъ полков-

• Въ авангардъ были: свѣскiй мушкетерскiй и 3-й егерскiй полки, два эскадрона гродненскихъ гусаръ и казаки.

ника Кульнева, почеваль въ виду непріятельскихъ постовъ, въ пяти верстахъ отъ Оровайса. Подкрѣпленіе, подъ начальствомъ генерала Демидова, находилось въ четырехъ верстахъ отъ авангарда, а графъ Каменскій, съ отрядомъ генерала Ушакова, остановился въ Веро. Въ цѣломъ корпусѣ графа Каменскаго не было болѣе 6000 человекъ подъ ружьемъ. Шведскій фельдмаршалъ Клингспоръ имѣлъ 7000 отборныхъ воиновъ и болѣе 3000 вооруженныхъ поселянъ. Шведскими полками командовалъ генералъ Фегезакъ, а финскими и крестьянами Адлеркрейцъ.

Я уже сказалъ выше, что не числомъ войскъ должно опредѣлять важность сраженій, но мужествомъ и слѣдствіемъ побѣды. Въ такомъ отношеніи, сраженіе при Оровайсѣ должно быть причтено къ знаменитѣйшимъ подвигамъ русскаго оружія въ девятнадцатомъ столѣтіи. Читатель увидитъ отчаянную храбрость обѣихъ сторонъ и послѣдствія сего кровопролитнаго сраженія.

Между селеніями Оровайсомъ и Карватъ, Ботническій Заливъ образуетъ небольшую губу, довольно протяженную внутрь земли острымъ своимъ концомъ. Вдоль морскаго берега пролегаетъ большая дорога изъ Вазы въ Нюкарлеби, и поворачиваетъ въ лѣво, въ концѣ губы. На этомъ-то поворотѣ была укрѣпленная шведская позиція. Въ морѣ впадаетъ въ этомъ мѣстѣ небольшая рѣчка, протекающая чрезъ болота. Вдоль болотъ отъ моря, далѣе внутрь земли, по лѣсамъ тянутся возвышенія и каменные утесы, передъ которыми растутъ на болотахъ мелкій кустарникъ. Кирка Оровайса лежитъ за позиціею, также на возвышеніи. Шведы примыкали своимъ правымъ крыломъ къ утесистому берегу моря, гдѣ имѣли нѣсколько канонирскихъ лодокъ. На горѣ, въ центрѣ позиціи, на большой дорогѣ, устроены были ихъ батареи. Отсюда тянулись шанцы по полямъ и лугамъ до возвышеній и утесовъ, прикрывающихъ лѣвый флангъ, оканчивающійся въ непроходимомъ лѣсу, заведенномъ засѣками. Первая черта позиціи была вышеупомянутая рѣчка и боло-

* Перскій и петровскій мушкетерскіе полки.

** Полки литовскій и моголевскій, батальонъ 25-го егерскаго, полускадронъ гродненскихъ гусаръ и шарки.

*** Шведскіе полки: упландскій, гельсингскій, вестманландскій и вестерботенскій; финскіе: остроботенскій, саволакскій, біернеборгскій и часть карельскихъ егерей. Два эскадрона конной гвардіи и часть упландскихъ драгунъ. Крошѣ орудій тяжелыхъ батарейныхъ и бышихъ на флотахъ. Шведы имѣли 21 пушку въ лѣтъ.

та, а кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ были засѣки, оберегаемыя стрѣлками. Нельзя было приблизиться къ позиціи иначе, какъ подъ картечными выстрѣлами, въ разныхъ направленіяхъ очищавшими ровное и незакрытое мѣсто, чрезъ которое надлежало проходить. Передъ этою главною позиціею была другая, также укрѣпленная, возлѣ небольшого озера, изъ котораго вытекаетъ другая рѣчка, также впадающая въ море. За мостомъ находится мельница, за которою устроена была баттарей, а вдоль рѣчки подѣланы засѣки. Въ этомъ мѣстѣ завязалось сраженіе, въ двухъ верстахъ отъ кирки Оровайси.

Шведскіе посты были сначала сбиты, и отступили къ мосту. Стрѣлки наши растянулись правымъ флангомъ за озеро, а лѣвымъ примкнули къ морю, и намѣревались обойти озеро. Но въ самое это время, баталіонъ 3-го егерскаго полка, бывший на лѣвомъ флангѣ (къ морю), былъ атакованъ превосходнымъ числомъ непріятеля, и принужденъ податься назадъ. Кульневъ подкрѣпилъ его баталіономъ сѣвскаго полка, подъ начальствомъ храбраго маіора Римана, который послѣ жестокаго боя, едва успѣлъ установить сильный натискъ непріятеля. Подполковникъ Луковъ подоспѣлъ на помощь съ остальнымъ баталіономъ сѣвскаго полка, и въ то же время Кульневъ выдвинулъ на дорогу двѣнадцати-фунтовое орудіе, при поручикѣ Бендерскомъ. Нѣсколько часовъ сряду храбрый поручикъ Бендерскій дѣйствовалъ изъ своего орудія, съ величайшимъ успѣхомъ, подъ ружейными непріятельскими выстрѣлами, и тѣмъ удерживалъ натискъ Шведовъ. Наконецъ, почти всѣ его артиллеристы были перебиты, и не оставалось ни одной лошади. Онъ былъ смѣненъ другимъ офицеромъ и орудіемъ того же калибра. Шведовъ потѣснили за мостъ. Но въ это время на нашемъ лѣвомъ флангѣ сдѣлана высадка изъ канонирскихъ лодокъ; помощь, пришедшая изъ главной шведской позиціи, дала перевѣсъ Шведамъ на цѣлой боевой линіи, и они съ ужаснымъ крикомъ бросились въ штыки, и стали обходить намъ правый флангъ. Авангардъ нашъ принужденъ былъ къ отступ-

* Объ этомъ храбромъ офицерѣ упоминается здѣсь часто. Онъ лишился нога въ Отечественную Войну, и былъ послѣ того комендантомъ въ Вильгѣ. Не знаю живъ ли онъ, но во всякомъ случаѣ дѣти должны гордиться заслугами родителя. Кромя того, что Бендерскій былъ храбръ, онъ былъ также добрымъ человѣкомъ и отячымъ товарищемъ.

ленію, но прибытіе отряда генерала Демидова снова удержало его, а петровскій и пермскій полки подкрѣпили наши фланги. Непрiятель остановился и потомъ сталъ отступать. Тогда артиллеріи штабсъ-капитанъ Башмаковъ, выдвинувъ четыре орудія на дорогу, производилъ убійственный огонь, заставившій непрiятеля уступить на нашемъ центрѣ. Но въ то же время Шведы, оставиъ лучшія войска для наблюденія въ центрѣ, устремились съ новыми силами на наши фланги, и когда они подались, ударили въ штыки на ослабѣвшій нашъ центръ, и принудили къ отступленію. Графъ Каменскій долженъ былъ ввести въ дѣло всѣ свои войска. Сраженіе на цѣлой линіи продолжалось непрерывно, съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, которыя то отступали, то подавались впередъ, то перестрѣливались, то дѣйствовали штыками. Артиллерія не умолкала, и кровопролитіе было ужасное! Къ вечеру наши войска, будучи принуждены, сообразно мѣстоположенію, сражаться въ разсыпную, устали до невѣроятности. Не стало даже патроновъ. Перестрѣлка съ нашей стороны сдѣлалась слабѣе, и мы съ трудомъ удерживали нападенія непрiятеля. Тогда шведскіе генералы, Адлеркрейцъ и Фегезакъ, наблюдавшіе центръ съ отборными и свѣжими войсками, стремительно сошли съ возвышеній на большую дорогу, и стройными колоннами бросились въ штыки на Русскихъ. Наши фланги, разсѣянные въ стрѣлкахъ на обширномъ разстояніи, должны были поспѣшно отступать, чтобъ не быть отрѣзанными отъ центра, подававшегося назадъ. Вся наша боевая линія обратилась въ тылъ, и Шведы съ радостными восклицаніями шли впередъ, провозглашая побѣду, которая казалась несомнѣнною. Геній графа Каменскаго и личное его мужество спасли честь русскаго оружія, и исторгнули побѣду изъ рукъ непрiятеля!

Въ началѣ сраженія, графъ Каменскій послалъ приказаніе четыремъ баталіонамъ могилевскаго и литовскаго полковъ (всего около 1500 челоуѣкъ) поспѣшить изъ Вазы къ Оровайси. Подкрѣпленіе это прибыло въ ту самую минуту, когда Шведы шли съ крикомъ впередъ, а наши отступали, слабо отстрѣливаясь и едва успѣвая собираться въ колонны. Ужасная картина! Уже темнѣло; туманъ ложился на землю; мелькающій блескъ отъ выстрѣловъ показывалъ направленіе отступающихъ и нападающихъ; вопли вторили выстрѣламъ; Шведы кричали «ура!» а наши скликались по полкамъ

и баталіонъ графа Каменскій, какъ одѣлся въ это время на большой дорогѣ между вѣстрынами. Они были, по обыкновению, въ сюртукъ архангелогородскаго покроя, въ фуражкѣ, съ шайкою въ рукавъ. Матерія его видна была нигдѣ и нигдезана. Почти всѣ адъютанты и офицеры, бывшіе при немъ на орудияхъ, были разосланы. Адъютантъ его, штабсъ-наштавъ Арсентій Андреевичъ Захаревскій, пролетѣвъ сквозь градъ пуля, возвратился къ нему съ праваго фланга, съ печальнымъ извѣстіемъ о повсемѣтномъ отступленіи. Только баталіонъ 25-го егерскаго полка и двѣ роты литовскаго стояли твердою стѣною у моста, и удерживали сильнѣйшій натискъ непріятеля на центръ, который онъ хотѣлъ прорвать, чтобъ воспріялствовать соединенію стрѣлковъ. За этимъ баталіономъ собрались съвскій и петровскій полки.

Никто не дотаживался о намѣреніи графа Каменскаго, и всѣ предполагали, что уже бой конченъ. Въ это время появляются на дорогѣ четыре резервные баталіона литовскаго и могиловскаго полковъ. Непрѣтимо ожидалъ графъ Каменскій ихъ прибытія, и лишь замѣдлѣвъ, тотчасъ успѣвши къ нимъ, остановилъ, сошелъ съ лошади, и обратясь къ солдатамъ, сказалъ: «Ребята, за мной! Наши товарищи устали; пойдѣмъ, выручимъ ихъ, и покажемъ Шведамъ, каковы Русскіе! Вы знаете меня! Я не выйду отсюда живъ, если мы не разобьемъ Шведовъ въ пухъ. Не выдайте, ребята!» — «Рады стараться, ваше сіятельство! рады умереть!» — «Ружья на перевѣсъ!» командовалъ графъ. «За мной! Съ нами Богъ! Впередъ; ура!» — «Ура!» раздалось въ рѣдахъ; ударили въ барабаны, и четыре баталіона бросились бѣгомъ на непріятеля.

Ничто не можетъ сравниться съ увлеченіемъ Шведовъ при этомъ неожиданномъ нападеніи; они воображали, что дѣло уже кончено, и побѣда одержана. Графъ Каменскій самъ велъ колонну въ атаку, и наши солдаты, какъ отчаянные, бросились съ прижнутыми штыками на отряды Адлеркриейца и Фегезака, уже овладѣвшими полемъ сраженія. Настала рѣзня, а не битва! Дрались въ рукопашную, на штыкахъ. Голосъ графа Каменскаго возбуждалъ въ нихъ новый жаръ къ битвѣ. «Ребята, не выдавай! Впередъ! кози!» кри-

Нынѣ въ отставкѣ генералъ отъ инфантерій, бывшій генералъ-адъютантъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Великаго Княжества Фвляндскаго.

чалъ графъ Каменскій, и наши солдаты бросались въ ряды, и вырывали ружья у Шведовъ. Между-тѣмъ на всей линіи нашей ударили въ барабаны походъ; раздалось «ура! вперед!» и всѣ полки снова обратились на непріятеля. Въ виду сраженія графъ Каменскій, недовольный медленностью въ исполненіи его приказаній и возраженіями, *перемѣнилъ столъ начальниковъ*: правый флангъ поручилъ полковнику князю Сибирскому, лѣвый полковнику Бистрому, центръ Кульневу. На бѣгу успѣли раздать солдатамъ патроны, въ которыхъ былъ совершенный недостатокъ. Снова завязалась сильная перестрѣлка, и въ то же время графъ Каменскій, съ своими четырьмя баталіонами, успѣлъ сломить Шведовъ, опрокинулъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Фланги непріятельскіе также обратились вспять. Шведы поспѣшили къ главной своей позиціи, и наши преслѣдовали ихъ въ свою очередь съ воплями, выстрѣлами и съ барабаннымъ боемъ, часто устремляясь бѣгомъ, въ штыки. Снова всѣ наши полки вошли въ дѣло, и тогда правый флангъ поступилъ подъ начальство генерала Демидова, лѣвый подъ начальство генерала Ушакова, въ центрѣ былъ самъ графъ Каменскій. Лишь только Шведы вошли въ свою позицію, тотчасъ загремѣли всѣ ихъ батареи, а изъ шанцевъ началась жестокая ружейная стрѣльба. Картечи, ядра, пули сыпались какъ снѣгъ на голову; кровопролитіе возобновилось съ новою силою. Графъ Каменскій не хотѣлъ довольствоваться нерѣшеною побѣдою. Онъ послалъ немедленно нашъ правый флангъ въ обходъ лѣвѣго непріятельскаго фланга. Черезъ засѣки, камни и непроходимый лѣсъ, наши добрались до мѣста назначенія, въ десять часовъ вечера, а между-тѣмъ на всей линіи дрались безпрерывно во мракѣ, потому что отъ густаго тумана только по выстрѣламъ знали, гдѣ непріятель. Лишь только графъ Каменскій получилъ извѣстіе, что нашъ обходъ уже на мѣстѣ, тотчасъ далъ сигналъ къ повсемѣстной атакѣ, и наши, съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки на непріятельскіе шанцы и батареи, и тотчасъ овладѣли ими. Храбрые, но изумленные этимъ неожиданнымъ и отчаяннымъ нападеніемъ Русскихъ, Шведы обратились въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ. Ихъ преслѣдовали штыками двѣ версты, за кирку Оровайси, гдѣ графъ Каменскій долженъ былъ остановиться, потому что отъ усталости солдаты наши едва двигались. Не взирая на это, Кульневъ съ авангардомъ пошелъ

войска за неприятелемъ, который остановился за сѣжженными мѣстами, въ пяти верстахъ отъ Оровайси.

Это сраженіе было самое кровопролитное: продолженіе войнъ шведской войны, или лучше сказать, это была рѣзня, а не сраженіе. Шведы потеряли въ этой битвѣ всѣхъ лучшихъ своихъ офицеровъ и болѣе 2000 человекъ солдатъ пали на мѣстѣ. По сознанию всѣхъ безпристрастныхъ военныхъ писателей, сраженіе при Оровайси было послѣдній ударъ шведской арміи (*coup de grâce*). Но Шведы дрались съ величайшимъ мужествомъ, и едва одно сраженіе въ Европѣ, втеченіе шестидесяти лѣтъ, Бородинское, можетъ представить примѣръ такого ожесточенія и постоянства въ оспариваніи побѣды, какъ сраженіе при Оровайси. Дрались непрерывно съ семи часовъ утра до двѣнадцати вечера, въ стрѣлкахъ, колоннами, въ шанцахъ, на штыкахъ и въ ручную схватку. Съ обѣихъ сторонъ всѣ были въ дѣлѣ, отъ генерала до солдата. Съ нашей стороны убитъ 1 офицеръ, ранено 25, безъ вѣсти пропалъ 1; нижнихъ чиновъ убито 120, ранено 640, безъ вѣсти пропало 108 человекъ.

Въ присутствіи одного шведскаго генерала, сравнивали сраженіе при Оровайси съ сраженіемъ при Маренго, въ которомъ Наполеонъ точно такъ же, какъ графъ Каменскій, личнымъ мужествомъ возстановилъ сраженіе, съ баталіономъ консульской гвардіи, и исторнулъ побѣду у Австрійцевъ. Храбрый шведскій генералъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Уважаю Наполеона, и сраженіе при Маренго почитаю великимъ подвигомъ; но.... противъ него были не Шведы!»

Наши войска провели ночь возлѣ кирки Оровайси. Солдаты такъ были измучены, что не хотѣли даже варить пищи. Графъ Каменскій обошелъ кругомъ биваки, благодарилъ офицеровъ и солдатъ, и посѣялъ въ нихъ новый жаръ къ битвамъ. Съ солнечнымъ восходомъ войска уже были готовы къ походу. Съ радостью смотрѣли наши на шведскія батареи, шашцы и засѣки, оставшіяся въ тылѣ, и вспоминали о преодолѣнныхъ трудностяхъ, какъ о веселой пирушкѣ. Всѣ благодарили графа Каменскаго за побѣду, и радостныя восклицанія раздавались при его появленіи. Таковъ русскій солдатъ! Онъ любитъ какъ отца, начальника, который ведетъ его въ опасности, если видитъ, что начальникомъ раздѣляется съ нимъ всѣ трудности, и стоитъ крѣпко за честь Россіи. Графъ Каменскій зналъ духъ русскаго солдата, любилъ его,

и заставляла переосмыслить, что другие почитали невозможным, а это — по-прежнему исправилось солдатам и офицерам: «Боевые, и вы ребята, и вы же надюсь!» говорил граф Каменский предъ трудившимъ дѣломъ: — «Не ошибитесь, ваши силы шово!» оглядали офицеры: «Радъ стараться», шутливо: солдаты: — и трудности исчезали. Побѣда была настоящею спутницей корпуса графа Каменскаго!

Въ то время, какъ происходило кровопролитное сраженіе при Оровайси, генералъ Козачковскій сражался при Нидергерми и при Ньюкарлеби, желая завладѣть переправкою, а полковникъ Властовъ преслѣдовалъ отъ Индесальми шведскій отрядъ полковника Фіянты, по дорогѣ къ Гамлекарлеби, и далѣе, къ сѣверу за Ньюкарлеби. Фіантъ, не зная положенія дѣлъ главнаго корпуса, опасался быть отрѣзаннымъ, если замедлитъ въ маневрированіи, а между-тѣмъ сильный натискъ Властова и нѣсколько удачныхъ стычекъ заставили его отступать. Такимъ образомъ Властовъ занялъ безъ боя Гамлекарлеби, и остановился въ тылу непріятельскій арміи, на большой дорогѣ. Но когда корпусъ графа Клингспора и отрядъ генерала Гриненберга приблизились къ Гамлекарлеби, Властовъ отступилъ къ Кроноби, то есть въ сторону, и далъ Шведямъ пройти, потому что съ отрядомъ въ тысячу человекъ, онъ не могъ отрѣзать ретираты вдесятеро сильнѣйшему непріятелю, и только напрасно пожертвовалъ бы людьми. Однако движеніе Властова на Гамлекарлеби, такъ же, какъ и подступленіе генерала Козачковскаго къ Ньюкарлеби, то есть въ тылъ шведской арміи, много принесло пользы тѣмъ, что заставило шведскіе отряды сосредоточиться по одному направленію и угрожало пресѣченіемъ ретираты графу Клингспору, въ случаѣ совершеннаго разбитія отдѣленныхъ отъ него отрядовъ. Послѣ сраженія при Оровайси, графъ Клингспоръ послѣдно ретировался за Ньюкарлеби, сжегъ мостъ (3 сентября), и остановился на позиціи, при Сундби, чтобъ успѣть вывести изъ Якобштадта свои запасы и госпитали. Кульневъ перешелъ въ бродъ рѣку Карлеби-Эльвъ, овладѣлъ Ньюкарлеби, гдѣ найдены огромные военные запасы, и принудилъ Клингспора послѣдно отступить къ Гамлекарлеби. 7 сентября занятъ Русскими Якобштадтъ. Отрядъ Козачковскаго соединился съ корпусомъ графа Каменскаго въ Ньюкарлеби.

Графъ Каменскій между-тѣмъ послѣдно переправлялъ

свой корпусъ чрезъ множество рѣкъ и протоковъ, перерѣзывающихъ пространство, чрезъ которое надлежало проходить, преслѣдуя непріятеля. ~~Дѣло~~ ~~Пурно~~: устроенъ былъ на-скоро мостъ; рѣку Эссеру перешли въ бродъ, тамъ, гдѣ Шведы имѣли дѣло съ нашимъ авангардомъ. Переправясь чрезъ семь рѣкъ и ежедневно сражаясь съ непріятелемъ, графъ Каменскій достигнулъ до Гамлекарлеби 10 сентября; въ тотъ же день нашъ авангардъ, въ шесть часовъ вечера, перешелъ чрезъ городъ, и остановился въ пяти верстахъ за нимъ, у сожженнаго моста. На другой день авангардъ нашъ перешелъ мостъ, и пошелъ на непріятеля; но, пройдя три версты, снова долженъ былъ остановиться у другаго сожженнаго большаго моста, за которымъ находились непріятельскія батареи. 2 сентября прибылъ къ корпусу графа Каменскаго главнокомандующій Финляндскою арміею графъ Буксгевдепъ, и главная квартира перенесена изъ Або въ Гамлекарлеби.

Графъ Каменскій приказалъ строить понтоны, для переправы своего корпуса, подъ сильнымъ непріятельскимъ батарейнымъ огнемъ, а между-тѣмъ генералъ Козачковскій, Ушаковъ и Властовъ должны были дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ непріятельскомъ. При такомъ положеніи дѣлъ начались переговоры сперва о разрывѣ плавныхъ, и вслѣдъ за тѣмъ о перемиріи. Малочисленность отряда генерала Тучкова въ окрестностяхъ Куопіо, и отряда князя Долгорукова въ Карелии; успѣхи, одержанные въ восточной Финляндіи надъ этими отрядами шведскимъ полковникомъ Сандельсомъ; недостатокъ продовольствія и позднее время года заставили графа Буксгевдена склониться на перемиріе, которое и заключено 17 сентября. Корпусу графа Каменскаго обезпеченъ переходъ чрезъ широкую рѣку Гамлекарлеби, и демаркаціонная линія назначена въ нѣсколькихъ миляхъ за нею. Шведы должны были оставаться въ своей укрѣпленной позиціи, при Химанго. Въ восточной Финляндіи Сандельсъ долженъ былъ оставить неприступныя дефилеи Палонсъ, и сосредоточиться въ Индесальми. Перемиріе послано на утвержденіе въ Петербургъ.

VI.

СОЛДАТОКЪ СЕГДЯ.

(эпизодъ.)

Въ каждомъ вымыслѣ много правды; въ каждой правдѣ есть вымыселъ, или для прикрасы, или для связи. Великій Тацитъ писалъ картину при помощи своего воображенія, когда изображалъ Агриппину, вступившую на отечественную землю съ прахомъ Германика. То же самое, что дѣлаютъ великіе писатели, дѣлаютъ и малые. И великолѣпный храмъ, и скромное жилище гражданина, хотя и не схожи между собою, должны имѣть основаніе и крышу.

Иное дѣло литературная статья, иное дѣло разсказъ очевидца или дѣйствовавшаго лица, пишущаго исторію или правдивыя записки. Разскажу теперь съ историческою точностью то, что уже разсказано было съ примѣсью литературныхъ цвѣтовъ. Но какъ самое дѣло противно военной дисциплинѣ, то представлю дѣйствителя въ *третьемъ лицѣ*, не называя имени. Я тысячу разъ говорилъ и скажу, что въ мірѣ гораздо болѣе добра, нежели зла; что добрыхъ людей въдесятеро болѣе, нежели злыхъ, и что даже много зла происходитъ не отъ злости, а отъ глупости, заблужденія и невѣжества. Для опредѣленія побудительныхъ причинъ зла выдуманъ въ судахъ *облегчительныя обстоятельства*, условіе высокое, благородное, истинно христіанское, достойное нашего просвѣщеннаго вѣка, не взирая на злоупотребленія, сопряженныя съ каждымъ дѣломъ человѣческимъ. Воля ваша, господа; но *умыселъ* и мгновенный порывъ чувства или страсти не одно и то же, хотя послѣдствія могутъ быть одинаковы. Но ужъ зато, если человѣкъ золъ отъ природы и завистливъ, то онъ во сто разъ хуже и ужаснѣе самаго лютаго и кровожаднаго звѣря; хуже, ужаснѣе, и притомъ опаснѣе! У хищнаго звѣря есть сила, когти и зубы; у змѣи есть только ядъ или сила мускуловъ, а у злаго человѣка есть орудіе, сильнѣе всего этого — клевета! *Salve Domine!*

Сорокъ лѣтъ прошло со времени описываемаго здѣсь происшествія, но это еще не ограда отъ клеветы. Клевета протачиваетъ вѣки, а злоба превращаетъ чистую ключевую воду въ ядъ. И такъ, вотъ вамъ вѣрное, но *безымянное* событіе.

Въ Финляндскую Войну конница претерпѣвала болѣе отъ откомандировокъ, нежели отъ сраженій. Въ странѣ возбунтованной надлежало соблюдать осторожность во всѣхъ направленіяхъ; и при каждомъ тревожномъ слухѣ высылали конные отряды, для скорѣйшаго освѣдомленія о настоящемъ состояніи дѣла. Развѣздамъ и рекогносцировкамъ не было конца, а кавалеріи было мало.

«Господа, кто на очереди, на службу?» спросилъ ротмистръ. — «Такой-то.» «Велите взводу сѣдлатъ и готовиться въ командировку, а сами поѣзжайте въ штабъ!» — «Слушаю-съ!» И очередной офицеръ поѣхалъ трюшккомъ въ корпусную квартиру.

Графъ Н. М. Каменскій квартировалъ въ большомъ крестьянскомъ домѣ. Было около семи часовъ вечера. Дежурный адъютантъ доложилъ объ офицерѣ и потомъ ввелъ его въ комнату. Графъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ лежала развернутая топографическая карта Финляндіи. Онъ повернулся на стулѣ, взглянулъ быстро на офицера, и сказалъ:

— Вы знаете последнее происшествіе. Возбунтованными мужиками, которые разбили нашъ транспортъ съ продовольствіемъ и перерѣзали прикрытіе, началствовалъ пасторъ. Меня извѣстили, что пасторъ теперь дома, беретакъ въ двенадцати отсюда; и пробудеть у себя до завтрашняго дня. Поѣзжайте туда и захватите его. Долго мы гладимъ по поводу этихъ господъ, но они не унимаются, и на этомъ разбойникъ!...

Глаза графа при этихъ словахъ засверкали.

— Вы пріѣдете въ пасторатъ около полуночи, продолжалъ онъ: и если пасторъ дома, то его легко схватить. Между-быть, у него въ домѣ находятся и егѣ сообщники; берегите всѣхъ кого застанете, и возвращайтесь какъ можно скорѣе. Не думаю, чтобъ вы встрѣтились съ Шведами на этой дорогѣ, а встрѣтите вооруженныхъ мужиковъ. — Бейте! Подойдите ближе. Вотъ вамъ на картѣ этотъ пасторатъ; запомните названіе его и этого геймата. Дорога прямая, а въ гейматѣ возьмите проводника. Если исполните коротко порученіе, я васъ не забуду, а оплошаете — строго взыщу! Прощайте!

Это было въ первой половинѣ сентября, когда ночи въ Финляндіи уже темныя и холодныя. Дорога была не дурная, но пролегла, болѣею частию, черезъ лѣса. Въ гейматѣ (то есть крестьянскомъ домѣ) офицеръ нашелъ хлѣбное вино, которымъ поподчивалъ своихъ солдатъ, и взялъ настѣпно

проводника, на крестьянской дощадке. Уже съ вечера посылалъ дуни, а ночью полилъ проливной дождь, холодный, съ крупными града, и завылъ страшный вѣтеръ въ дѣсу. Для долобнаго порушенія это была благоприятная погода, потому что вой бури заглушалъ комскій топотъ, и дождь усидивалъ шракъ. Но и офицеръ, и солдаты продрогли и промокли до костей. Наконецъ залаяли собаки. Вотъ и пасторать! Дворъ огороженъ былъ палисадомъ и ворота заперты. Въ одно мгновеніе уданы выломали нѣсколько палисадинъ, вошли на дворъ и снали съ крюковъ ворота, а между тѣмъ офицеръ съ унтеръ-офицеромъ побѣжали къ крыльцу пасторскаго дома. Лай собакъ выманилъ изъ людской избы работника; его схватили и связали арканами, также какъ и проводника. Немедленно окружили домъ пастора, и офицеръ постучался у дверей.

Полуодѣтая служанка отперла двери, и едва удержалась на ногахъ, увидѣвъ Русскихъ. Офицеръ успѣлъ, однакожь, выхватить у ней свѣчу изъ рукъ, и вошелъ въ комнаты. За офицеромъ шедъ унтеръ-офицеръ, съ заряженнымъ пистолетомъ. Первая комната была пуста, дверь въ другую комнату заперта. Офицеръ постучался. Послышался звукъ огнива, и раздался женскій восторгъ: «сейчасъ!» Вышла пожилая женщина на двѣречко, и увидѣвъ офицера, задрожала и отступила до дверей.

— Гдѣ васкорь? спросилъ офицеръ, по-шведски.

— Не знаю.... его.... нѣтъ.... здѣсь!

— Вы мать его?

— Нѣтъ, дѣтница!

Офицеръ хотѣлъ перейти въ другую комнату, но пожилая женщина заслушала ему дорогу, на порогѣ, крича:

— Дуиза, Дуиза? Русскіе, Русскіе, за твоимъ мужемъ!

При всемъ уваженіи къ женскому полу, офицеръ долженъ былъ оттолкнуть почтенную старушку, и быстро вошелъ въ спальню.

Въ углу стояла двухъ-спальная кровать, съ ситцевыми занавѣсами. Офицеръ бросился къ кровати, и увидѣвъ, что двѣ постели явственно означали, что на постель покоились недавно два человѣческія существа. На стулѣ лежало мужское платье. У изголовья кровати помещался огромный, высокій шкафъ изъ дубоваго дерева, а возлѣ шкафа стояла женщина, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, въ одномъ бѣдѣ, съ наброшеннымъ на грудь платкомъ. Офицеръ остановился.

Дерко, вымолвить — женщины... но являя женщина! Ни-
 что не переносит такъ быстро мысли и чувства съ женщи-
 наюбо, какъ женская красота. Прочь злусная чувственность! —
 Въ женской красотѣ я вижу крайній предѣлъ того изящ-
 ства, которое разлитъ въ различныхъ видахъ во всей природѣ;
 вижу ту дивную гармонию, которая свисуетъ невидимо во
 существа, и понимаю, что это то самое блаженство, которое
 жаждете и къ которому стремится душа влсская! Какое изъ
 небесныхъ свѣтилъ действуетъ на душу: медомъ ональбе
 взгляда красавицы? Есть ли музыка сладостѣе голоса пре-
 красной женщины, и что трогательнѣе, убедительнѣе ея по-
 корнаго молчанія? — Офицеру было двадцать одинъ годъ отъ
 рожденія — и передъ нимъ стояла красавица... иль; бойте,
 женщина красавица... стояла мать, и съ трепетомъ съ обра-
 зилась во взглядъ, съ полустворенными устами онадала рѣ-
 шенія своей участи...

— Говорите ли вы по-французски или по-нѣмецки? — спро-
 ситъ офицеръ.

— Говорю на обомъ языкахъ, отвѣчала женщина, и ве-
 спуска глазъ съ офицера и прижимая младенца къ груди.

— Гдѣ ваша муха? — Онъ долженъ свитаться къ нашему
 генералу, оказалъ офицеръ по-французски.

— Молодая женщина съшлаась.

— Его здѣсь нѣтъ.

— Генералу донесли, что онъ дома.

— Онъ ухалъ съ вечера.

— Куда?

— Не знаю.

— Пестель и платье избобичають воды, возразилъ офи-
 церъ.

— Женщина опустила глаза. На блѣдномъ лицѣ ея высту-
 пилъ румянецъ, и она наконецъ проговорила шепотомъ:

— Я спала съ маленькой...

— А платье?

— Оставлено передъ окномъ.

— Офицеръ сѣлъ въ шатъ впередъ, и тутъ собаченка стада
 лаять, то оглядываясь на шкафъ, то бросаясь на офицера.
 Молодая женщина снова поблѣднѣла и едва держалась на
 ногахъ... но вдругъ, какъ вдохновенная, приближаясь на
 шагъ къ офицеру, и сказала съ сильнымъ выраженіемъ
 чувства:

проводника, на крестьянской дощадке. Уже съ вечера посылалась тучи, а ночью полилъ противной дождь, холодный, съ крупинками града, и завылъ страшиный вѣтеръ въ дѣсу. Для малоблагопріятнаго порушенія это была благопріятная погода, потому что вой бури заглушалъ комскій дождь, и дождь усмиждалъ вѣтеръ. Но и офицеръ, и солдаты продрогли и промокли до костей. Наконецъ залапали собаки. Вотъ и пасторать! Дворъ огороженъ былъ палисадомъ и ворота заперты. Въ одно мгновение уданы выломали нѣсколько палисадинъ, вошли на дворъ и сняли съ крюковъ ворота, а между тѣмъ офицеръ съ унтеръ-офицеромъ добѣжали къ крыльцу пасторскаго дома. Лай собакъ выманилъ изъ людской избы работника; его схватили и связали арканами, также какъ и проводника. Мгновенно окружили домъ пастора, и офицеръ постучался у дверей.

Полудобная служанка отперла двери, и едва удержалась на ногахъ, увидѣвъ Русскихъ. Офицеръ успѣлъ, однакожь, выхватить у ней ефену изъ рукъ, и вошелъ въ комнаты. За офицеромъ двѣ унтеръ-офицера, съ заряженными пистолетами. Первая комната была пуста, дверь въ другую комнату заперта. Офицеръ постучался. Постышался звукъ огнива и раздался женскій голосъ: «сейчасъ!» Вышла пожилая женщина на платье и увидѣвъ офицера, задрожала и отступила къ дверей.

— Гдѣ пасторъ? спросилъ офицеръ, по-шведски.

— Не знаю.... его.... нѣтъ.... здѣсь!

— Вы мать его?

— Нѣтъ.... тогда!

Офицеръ хотѣлъ дерзнуть въ другую комнату, но, ожидая женщины заплуцала ему дорогу, на порогѣ, крича:

— Луиза! Луиза? Русскіе, Русскіе, за твоимъ мужемъ!

При семъ уваженіи къ женскому полу, офицеръ долженъ былъ оттолкнуть лютую старушку, и быстро вошелъ въ спальню.

Въ углу стояла двухъ-спальная кровать, съ ситцевыми занавѣсками. Офицеръ бросился къ кровати, и увидѣвъ, что два мѣста единственно означали, что на постелѣ покоились недавно два человѣческія существа. На стулѣ лежало мужское платье. У изголовья кровати помѣщался огромный, высокій шкафъ дубоваго дерева, а воздѣ шкафа стояла женщина, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, въ одномъ бѣльѣ, съ наброшеннымъ на грудь платкомъ. Офицеръ остановился.

Держу вымолочить — женщины... но якая женщина! Ни-
 что не переносит такъ быстро мысли и чувства съ мысли на
 небо, какъ женская красота. Прочь всякия чувствительности! —
 Въ женской красотѣ я вижу крайній пределъ того изящ-
 ства, которое разлито въ различныхъ видахъ во всей природѣ;
 вижу ту дивную гармонию, которая свивуется невидимо въ
 существа, и понимаю, что это то самое блаженство, которое
 жаждетъ и къ которому стремится душа философская! Какое изъ
 небесныхъ свѣтилъ действуетъ на душу человека сильнее
 взгляда красавицы? Есть ли музыка сладостѣе голоса пре-
 красной женщины, ничто трогательнѣе, убедительнѣе ея по-
 корнаго молчанія? — Офицеру было двадцать одинъ годъ отъ
 рожденія — и передъ нимъ стояла красавица... нѣтъ, бойте,
 всегда красавица... стояла мать, и съ трепетомъ, съ ува-
 женіемъ во взглядъ, съ полувторопными устами она дала ра-
 шенія своей участи...
 — Говорите ли вы по-французски или по-нѣмецки? — спро-
 ситъ офицеръ.
 — Говорю на обомъ языкахъ, отвѣчала женщина, не
 спуская глазъ съ офицера и прижимая младенца къ груди.
 — Гдѣ ваша супруга? Онъ долженъ свѣтоваться съ нашимъ
 генералу, сказалъ офицеръ по-французски.
 — Молодая женщина съшлалась.
 — Его видѣли гдѣ?...
 — Генералу доносили, что она дома.
 — Онъ ухаживалъ съ вечера.
 — Куда?
 — Не знаю.
 — Постель и платье изобичаютъ всѣхъ, возразилъ офи-
 церъ.
 — Женщина опустила глаза. На блѣдномъ лицѣ ея высту-
 пилъ румянецъ, и она наконецъ проговорила шепотомъ:
 — Я спала съ жакеткой...
 — А платье?
 — Оставлено передъ окномъ.
 — Офицеръ сѣлъ на кровать передъ, и тутъ собаченка стада
 лаять, то оглядываясь на шкафъ, то бросаясь на офицера.
 Молодая женщина снова поблѣднѣла и едва держалась на
 ногахъ... но вдругъ, какъ вдохновенная, приближаясь на
 шагъ къ офицеру, и сказала съ сильнымъ выраженіемъ
 чувства:

— Если бы даже мужъ мой и былъ дома, то, неужели вы рѣшились бы взять его отъ жены и ребенка, и предать на одну погибель? Мы знаемъ, что омидаетъ его... мы читаемъ ваши прокламаціи! Погуби его, вы убьете весь родъ его, отца его, мать, меня, и это несчастное дитя! И не мерзавую: оно или одною минутой, и брошусь въ воду съ этими несчастными опротою!

— Молодая женщина воспламенялась съ каждымъ словомъ. — Камель у васъ или сердце? Есть ли у васъ отецъ, мать, сестра или братья? Неужели вы ждете общаго гнѣба съ руками, которыми умертвите цѣлое семейство?... Хотите проли, хотѣте влѣять смерть человека — убейте меня!

Раздражительность молодой женщины дошла до высочайшей степени: глаза ея пылали, лицо покрывалось жаромъ, а багровымъ цвѣтомъ, голосъ дрожалъ, грудь сильно вздымалась.... Офицеръ боялся за нее....

— Успокойтесь! сказалъ онъ, прерывая рѣчь ея. Хотите же вашъ мужъ подвергалъ такой страшной участи себя и всю семью? Хотите онъ не оставался спокойно въ своемъ домѣ?

— Клянуся вамъ Богомъ, и проку его, чтобы онъ на столько былъ милостивъ ко мнѣ и къ этому младенцу, на сколько я говорю правду; клянуся Богомъ, что мужъ мой никогда не думалъ вмѣшиваться въ возстаніе народа! Его принудили, взяли насильно! Ландсманъ пришелъ сюда съ толпою вооруженныхъ, хмѣльныхъ крестьянъ, и какъ близкіе къ пастору крестьяне не хотѣли вооружиться, то это приписали внушенію моего мужа и его принудили идти съ ними, не взирая на мои просьбы и слезы. Ландсманъ врагъ моего мужа, и какъ я ничего не хочу скрывать передъ вами, то скажу, что вражда ихъ происходитъ отъ соперничества. Ландсманъ сватался на мнѣ... онъ хотѣлъ скомпрометировать моего мужа, и онъ же вѣрно извѣстилъ вашего генерала объ участіи его въ возстаніи.... Мужъ мой не видоветъ; онъ не хотѣлъ сражаться съ Русскими, не сдѣлалъ въ нихъ, не предводительствовалъ.... онъ былъ между крестьянами, какъ въ паѣну....

— Ужели все это правда?

— Клянуся! сказала торжественно женщина, поднявъ ребенка и устремивъ глаза къ небу.

— Можете ли вы дать мнѣ честное слово за вашего мужа, что онъ не только не приметъ никакого участія въ войнѣ, но

и удалится немедленно въ Швецію? Теперь еще пора. Ваше войско верстанъ въ тридцати отсюда....

— Могу дать честное слово и даю его, и притомъ увѣряю васъ, что онъ и безъ того завтра же будетъ въ шведскомъ войскѣ, и при первомъ случаѣ перейдетъ въ Швецію.

— И такъ вашего мужа нѣтъ дома? примолвилъ офицеръ.

Молодая женщина снова опустила глаза, и тихо произнесла:

— Я уже вамъ все сказала....

— И такъ, прощайте! сказалъ офицеръ, взглянувъ въ послѣдній разъ на молодую женщину; но она бросилась къ нему, какъ иступленная, и схвативъ за руку, воскликнула:

— Пойдите? Скажите мнѣ вашу фамицію?

— Зачѣмъ? Это лишнее!

— Нѣтъ, счастье мое, счастье всего нашего семейства будетъ не полное, если мы не будемъ въ состояніи произносить вашего имени при каждой молитвѣ, благословлять васъ! О, скажите, скажите, ради Бога, какъ васъ зовутъ?

Офицеръ сказалъ свою фамицію.

— Еще одна просьба, прибавила молодая женщина: возьмите на руки этого младенца, благословите и поцѣлуйте! Это будетъ ему на память и принесетъ счастье!

Офицеръ взялъ младенца на руки, перекрестилъ и прижалъ къ сердцу. Мать замялась слезами и, положивъ руку на плечо офицера, сказала сквозь слезы:

— Да воздастъ вамъ Богъ добромъ, благородный чело-вѣкъ!...

Она не могла долѣе выдержать, и бросилась въ кресла, рыдая....

Офицеръ самъ прослезился, отдалъ ребенка матери молодой женщины, взглянулъ еще разъ на красавицу, еще разъ поцѣловалъ младенца, и выпелъ изъ комнаты.

— А что, ваше благородіе, вѣдъ разбойникъ-то, кажется, дома? сказалъ унтеръ-офицеръ, ожидавшій развязки въ первой комнатѣ. Вишь какъ асъ перетрусали!

— Нѣтъ, братецъ, я обыскивалъ; ушелъ сегодня къ Шведамъ, да и намъ пора скорѣе убираться въ лагерь, чтобъ не попасть къ нимъ же въ руки. Вели скорѣе садиться на конь!

Внтеръ не переставалъ бушевать, дождь лилъ по прежнему, но офицеру было душно. Кровь его была въ волненіи.

Онъ былъ растроганъ и не въ ладахъ съ самимъ собою. Хорошо ли онъ сдѣлалъ или дурно, этого не могъ онъ разрѣшить, потому что увлекся чувствомъ, а не разсудкомъ, повѣривъ на слово женѣ и матери.... Точно ли пасторъ спрятанъ былъ въ шкафъ, къ которому приступъ защищала собаченка? А если пастора тамъ не было? Если пасторъ въ самомъ дѣлѣ не виновенъ и увлеченъ былъ насильно, могъ ли бы онъ это доказать, да и стали ли бы его слушать въ такую пору, когда пуженъ былъ примѣръ строгости; а противъ него было показаніе? Графъ Н. М. Каменскій былъ добръ, но онъ былъ скоръ и притомъ выведенъ изъ терпѣнья. Однимъ словомъ, онъ могъ рѣшить участь человѣка! Такими мыслями обуреваемъ былъ офицеръ, когда возвратился въ лагерь. Надлежало отдать отчетъ графу Каменскому.

— Не засталъ дома пастора, ваше сіятельство; онъ съ вечера отправился въ шведскій лагерь.

— Быть не можетъ! Мнѣ донесли навѣрное, что онъ дома и до сегодня будетъ ждать отца....

— Вѣрно, донесеніе несправедливо, ваше сіятельство! А впрочемъ, жена его увѣряла меня, подъ присягою, что пасторъ вовсе не намѣренъ былъ дѣйствовать противу насъ, но что былъ увлеченъ насильно взбунтованными мужиками, которыми предводительствовалъ врагъ его, Ландсманъ!...

— Шашни и сплетни! а вы и повѣрили! Ландсманъ дошелъ на пастора; пасторша сваливаетъ вину на Ландсмана — а вы и уши развѣсили!... Вѣрно, пасторша хороша собою?

Офицеръ молчалъ.

— Отвѣчайте!

— Не дурна.

— Ну, вотъ и бѣда посылать молодкососовъ!... Извольте идти на гауптвахту.... подъ арестъ!

Тѣмъ дѣло и кончилось. На другой день выступили въ походъ; черезъ три дня завязалось сраженіе, и офицеру возвратили саблю.

На возвратномъ пути изъ Улеборга въ Петербургъ, въ Гамлекарлеби офицеру отведена была квартира въ весьма хорошемъ домѣ. Хозяйка была зажиточная и пожилая вдова. Едва офицеръ успѣлъ переодѣться, служанка пришла пресить его къ хозяйкѣ, въ гостиную. Офицеръ исполнилъ желаніе хозяйки. Она сидѣла на софѣ, а возлѣ столика, въ креслахъ помѣщались двѣ ея дочери, прекрасныя собою и въ полномъ цвѣтѣ юности. Когда офицеръ вошелъ въ комнату, всѣ вста-

ли, и хозяйка подошла къ нему, взяла за руку и посадила возлѣ себя на софѣ. Офицеръ замѣтилъ, что дамы были встревожены, и не понималъ причины.

— Ваша фамилія N; какъ мы узнали отъ вашего слуги? спросила хозяйка.

— Точно такъ, отвѣчалъ офицеръ, не постигая къ чему это клонится.

Хозяйка взяла офицера за руку, пристально смотрѣла ему въ лицо, и сказала съ чувствомъ:

— Вы добрый человѣкъ, господинъ N, и мать ваша должна быть счастлива!

Офицеръ все-еще не догадывался въ чемъ дѣло, но взглянувъ на дѣвицъ, увидѣлъ, что онѣ утирали слезы.... Онъ смѣшался. Въ двадцать лѣтъ отъ роду сердце воспримчиво.

— Признаюсь, я не понимаю всего этого! сказалъ офицеръ.

— Помните ли пасторшу Луизу N? сказала хозяйка.

— А, а! Теперь догадываюсь, возразилъ офицеръ. Жива ли она, здорова ли; гдѣ мужъ ея?

— На другое же утро, послѣ вашего посѣщенія, они уѣхали изъ пастората, и отсюда, изъ моего дома, отправились на военномъ бригѣ въ Швецію, въ Стокгольмъ. Пасторша моя племянница; она мнѣ все рассказала, и мы записали вашу фамилію. Все, что сказала вамъ моя племянница, совершенно справедливо. Мужъ ея точно насильно уведенъ былъ крестьянами, и вовсе не виновенъ. Вы спасли безвиннаго! Когда ваша армія шла впередъ, меня здѣсь не было. Мы боялись Русскихъ, и я уѣхала во внутрь края, съ моими дѣтьми, а если бъ я была въ городѣ, то непременно отыскала бы васъ. Случай! Нѣтъ, Промыслъ Божій послалъ мнѣ въ постояльцѣ того, кого я жаждала видѣть! Вы возвращаетесь въ отечество — молитвы добрыхъ людей дошли до Бога, и вы вышли изъ войны невредимы!... Вы такъ еще молоды, что можете принять мой совѣтъ: будьте всегда добры, будете всегда счастливы!....

Кажется, въ этихъ словахъ не было ничего трогательнаго, но голосъ, которымъ говорила хозяйка (по-французски), чувство, которое все смягчаетъ, производили на офицера сильное впечатлѣніе. Мать и дочери ея плакали отъ умиленія. Какъ не крѣпился офицеръ, но выронилъ слезу....

— Сынъ мой служить поручикомъ въ шведской артилле-

ри. Его не было въ Финляндіи: онъ на норвежской границѣ. Какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы могъ обнять васъ!...

Хозяйка упростила офицера пробить въ ея семействѣ все время пребыванія полка въ городѣ. На другой день была дневка. Офицеръ провелъ въ этомъ домѣ одинъ изъ счастливейшихъ дней въ своей жизни. Къ хозяйскимъ дочерямъ собрались на вечеръ подруги. Всѣ обходились съ нимъ какъ съ другомъ, какъ съ братомъ, откровенно, даже нѣжно. Откровенность дошла до того, что дѣвочки шли передъ офицеромъ патриотическія нѣсни и переводили ихъ по-французски, и, наконецъ, совѣтовали остаться навсегда въ Финляндіи и сдѣлаться.... Шведомъ! Милымъ, добрымъ, простодушнымъ существомъ!

Въ 1838 году, этотъ самый офицеръ, давно уже ниваландъ, былъ въ Стокгольмѣ. Онъ вздумалъ прогуляться по Финляндіи и Швеціи, единственно изъ любви къ Шведамъ и Финнамъ, потому, что объѣхавъ всю Европу, нигдѣ не нашелъ столько похвальныхъ качествъ, какъ у этихъ двухъ народовъ. Офицеръ имѣлъ при себѣ дерптскаго студента, сына своего пріятеля. На третій или на четвертый день послѣ прѣзда, бывший офицеръ замечелъ рае со двора, обѣдалъ у русскаго консула, за городомъ, и поздно возвратился домой. Студентъ сказалъ бывшему офицеру, что приходилъ канейто Шведъ, человекъ въ цѣлѣ возраста, приятной наружности, и спрашивалъ: служилъ ли бывший офицеръ въ Финляндскую Войну? Студентъ слышалъ во время путешествія разсказы бывшаго офицера о войнѣ и потому отащчалъ Шведу утвердительно. На другое утро явился тотъ же самый Шведъ, и послѣ перваго приветствія сказалъ бывшему офицеру:

— Я давно васъ знаю.... со времени Финляндской Войны.... и почитаю себя счастливымъ, что могу признать васъ къ сердцу.... Позвольте обнять васъ *.

Они обнялись и поцѣловались.

— Я возвращаю вамъ поцѣлуй, которымъ вы удостоили меня въ первомъ младенствѣ.... Помните ли вы пастора N? Бывшій офицеръ совершенно забылъ о происшествіи, и тогда только вспомнилъ, когда передъ нимъ прозясла фамилія пастора.

— А вы?

* О прѣздѣ офицера Шведъ узналъ изъ газетъ.

— Я съелъ его.... тотъ самый младенецъ, котораго мать держала на рукахъ, когда вы вошли въ спальню!

Они снова бросились другъ другу въ объятія. На землѣ есть предвкусіе райскаго блаженства: не въ богатствѣ, не въ чинахъ, не въ знатности.... а въ чувствѣ?....

Молодой человѣкъ сказавъ, что родители его уже въ могилѣ.

— Если бъ вы пріѣхали за два года предъ симъ, вы бы еще застали ихъ въ живыхъ! Ахъ, какая была бы радость! Матушка только полгода пережила батюшку.... она умерла съ тоски.... У меня есть сестра, замужемъ въ Готтенбургѣ—и больше у насъ нѣтъ родни здѣсь....

Я никого не смѣю назвать по фамиліи, потому что есть еще въ Финляндіи родные Ландсмана. Въ честномъ обществѣ, гдѣ господствуетъ вѣра и нравственность, дѣла отца озаряютъ свѣтомъ или омрачаютъ дѣтей. Есть у насъ люди, которые живутъ по смыслу стиховъ Державина:

—Мнѣ нигдѣ спокойствія моего
Дороже, чѣмъ въ потомствѣ вѣки!.

Есть люди, которые живутъ по правилу:

—Гори все въ огнѣ,
Будь лишь тепло мнѣ!.

Эти люди, которые думаютъ составить счастье дѣтей, оставляя имъ много денегъ и память своего званія и значенія, полагаютъ, что молчаніе современниковъ перейдетъ и къ потомству, о которомъ они, впрочемъ, не заботятся! Страшная и пагубная ошибка! Съ родовымъ именемъ сопряжены воспоминанія дѣлъ предковъ, и эта изустная исторія переходитъ изъ рода въ родъ, и, наконецъ, оживаетъ и увѣковѣчивается въ печати. Малюта Скуратовъ, вѣрно, не думалъ, что его имя будетъ синонимомъ злодѣйства, точно также, какъ большіе воры и малые ворюшки, лихонимцы и надутые нули, презирающіе талантъ и нравственное достоинство человѣка, не воображаютъ, что со временемъ завѣса приподнимется, и ихъ потомки будутъ стыдиться своего наслѣдія: родоваго прозванія!

Покойный Н. А. Полевой, изъ романческаго повѣство-

ванія, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ о разсказанномъ теперь правдиво событіи, составилъ театральную пьесу, подъ заглавіемъ: *Солдатское сердце*. Пьеса не имѣла успѣха, хотя и была умно составлена, потому что въ самомъ событіи нѣтъ драмы, а есть одна только драматическая сцена. Пьесу эту Н. А. Полевой (съ которымъ наши дружескія сношенія уподоблялись барометру) посвятилъ мнѣ. Въ память даровитаго писателя и для взаимности, я назвалъ этотъ разсказъ именемъ его драмы.

О. ВУЛГАРИНЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

САДДЕЯ ВУЛГАРИНА.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

=

Маленькій городокъ Гамлекарлеби, имѣвшій не болѣе двухъ тысячъ жителей, показался намъ раемъ, послѣ двухъ-мѣсячной бивачной жизни и всѣхъ возможныхъ лишеній. Съ выступленія нашего изъ Куопіо, мы ни одного дня не были подъ крышею, а нѣкоторые пѣхотные полки не знали квартиру съ перваго вторженія въ Финляндію. Я уже говорилъ, что въ этой странѣ невозможно поставить на квартирахъ, въ одномъ мѣстѣ, даже полкъ, не только дивизію. Куопіо былъ пусть, исключая нѣсколькихъ домовъ. Черезъ Ньюкарлеби мы только прошли, не останавливаясь, слѣдовательно Гамлекарлеби былъ первый городъ, въ которомъ мы нашли все въ порядкѣ, въ устройствѣ, лавки съ товарами, трактиръ, съ огромными запасами винъ и съѣстныхъ припасовъ, и всѣхъ жителей въ домахъ своихъ. Кажется, что многіе изъ купцовъ рассчитывали на войну, и запаслись впередъ всѣмъ нужнымъ для войска. Всего было вдоволь и даже недорого, въ сравненіи съ петербургскими цѣнами.

Едва ли какое войско (исключая французскаго, въ 1812 году) терпѣло болѣе нужды, какъ корпусъ графа Каменскаго въ Финляндіи, хотя графъ непрерывно заботился о его продовольствіи. Что можно было купить покупали или бра-

ли реквизиціями, подъ росписки, но, по несчастію, рѣдко удавалось достать столько, чтобъ удовлетворить нужды всего корпуса, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней. Крестьяне и помѣщики угоняли стада свои въ непроходимыя лѣса; зерновой хлѣбъ прятали въ ямахъ. Иногда мы находили стада, но слѣдамъ; и открывали ямы съ рожью и ячменемъ, но молоть намъ было негдѣ и некогда. Парили рожь и ячмень въ котлахъ, и ѣли, какъ кашу, а иногда толкли на камняхъ, когда доставало на то времени. Болѣе всего мучилъ насъ недостатокъ соли. Даже мясо безъ соли было безвкусно. О печеномъ русскомъ хлѣбѣ и помину не было! Иногда раздавали намъ горсти по двѣ солдатскихъ сухарей и по нѣсколь- ку шведскихъ лепешекъ (кнакебре), и тогда былъ праздникъ на бивакахъ, особенно, когда при этомъ было хлѣбное вино. Для курильщиковъ тяжело было безъ табаку, и многіе курили хмѣль. Въ августѣ ночи были холодны и туманны, и шли часто дожди, а намъ, въ обходномъ отрядѣ генерала Козачковскаго, весьма часто приходилось проводить ночи безъ огня, промокать до костей, и отдыхать на мокрой травѣ. Одежда погнила на насъ, и въ обуви былъ недостатокъ у офицеровъ и солдатъ. Бѣлье мыли мы на привалѣ, и сушили на походѣ. Страшно было взглянуть на насъ, небритыхъ, загорѣлыхъ, оборванныхъ, обожженныхъ, забрызганныхъ грязью! Во всемъ корпусѣ графа Каменскаго только новоприбывшій и переформированный пермскій мушкетерскій полкъ былъ въ новыхъ мундирахъ и въ шинеляхъ тонкаго сукна. Полкъ этотъ сформированъ былъ изъ солдатъ, бывшихъ въ плѣну во Франціи, которыхъ Наполеонъ одѣлъ, вооружилъ и возвратилъ Государю, какъ я уже говорилъ выше.

По заключеніи перемирія, войско расположилось вокругъ Гамлекарлеби, по селеніямъ, въ тылъ до самаго Ньюкарлеби. Нашему эскадрону были отведены для квартиръ двѣ порядочныя деревушки, всего домовъ двѣнадцать, верстахъ въ пятнадцати отъ Гамлекарлеби. Дома, какъ во всей береговой Остерботніи, были хорошіе и крестьяне зажиточные, хѣтя и полуразоренные войною, не грабежемъ, но реквизиціями, то есть безденежными поставками провіанта и фуража для Шведовъ и Русскихъ. Новая жатва помогла намъ. Лошади наши имѣли, по крайней мѣрѣ, вдоволь сѣна, а люди кашу, овощи и молоко. Офицеры запасались предметами роскоши изъ города, куда мы ѣздили почти черезъ день и все время проводили въ трактирѣ, который содержалъ нѣкто

господишь Перльбергъ. Къ нему перенесли почти всѣ офицерскія дѣшевыя корпусы графа Каменскаго и главной квартиры, которая перенесена изъ Або въ Гамлекарлеба, на другой день послѣ нашего вступленія въ этотъ городъ, именно 12 сентября.

Не постигаю, какъ Перльбергъ успѣвалъ удовлетворять всѣ потребности множества офицеровъ, толпившихся день и ночь въ его трактирѣ! Столы накрыты были не только въ комнатахъ, но и на чердакѣ, въ сараѣ, въ чуланахъ. Огромные котлы не сходили съ огня, и въ трехъ кухняхъ (двѣ изъ нихъ были въ сосѣднихъ домахъ) безпрестанно варили, пекли и жарили. Пуншъ приготавливали въ ведрахъ. Въ двухъ комнатахъ играли безпрерывно, день и ночь, въ банкъ. Шумъ въ трактирѣ былъ ужасный, отъ говора, хохота, а иногда и пѣнья! Около дюжины ловкихъ, вертлявыхъ, хорошенькихъ Шведочекъ прислуживали намъ, съ величайшимъ искусствомъ и проворствомъ, не хуже парижскихъ прислужниковъ (*garçons*), а буфетомъ управляла дочь хозяина, молодая, прекрасная дѣвица, въ которую были влюблены всѣ.... Она вела себя чрезвычайно скромно, благородно, и возбуждала къ себѣ уваженіе — однакожъ, не избѣгнула непріятнаго приключенія.

Явился новый Парисъ для этой прекрасной Елены—нашъ старый проказникъ Драголевскій, и вспомнивъ времена Костюшки и польскихъ конфедераций, вздумалъ похитить красавицу, по нраву завоеванія. Онъ приготовилъ повозку, запряженную парюю лихихъ коней, улучилъ время ночью, когда красавица вышла въ свою маленькую комнату, схватилъ ее въ охапку, обернулъ шинелью и понесъ подъ мышкой изъ трактира, какъ цыпленка. Дѣвушка стала кричать изъ всѣхъ силъ (объ этомъ не подумалъ прежде-новый Парисъ), и всѣ офицеры сбѣжались, чтобъ освободить прелестную плѣнницу изъ когтей коршуна. Но Драголевскій одной рукой держалъ свою добычу, а другой обнажилъ саблю, закричавъ грознымъ голосомъ: «Прочь, пѣхота!» Не предвидя ни какой опасности отъ вооруженія полусотни человѣкъ, главнокомандующій позволилъ городской гвардіи (вооруженнымъ гражданамъ) содержать въ городѣ ночные патрули, вмѣстѣ съ нашими караулами, для большаго порядка. Въ это самое время гражданскій патруль проходилъ мимо трактира, и услышавъ крики и вопли, вбѣжалъ на дворъ. Граждане, видя свою землячку въ рукахъ страшнаго усача, бросились на не-

го, но нашъ Драголевскій разогналъ ихъ, сдѣлавъ нѣсколько мушинетовъ (крестовое движеніе) саблей. Въ то же время явился русскій патруль; командовавшій имъ офицеръ объявилъ рѣшительно Драголевскому, что если онъ не выпуститъ изъ рукъ дѣвушку, то по немъ стануть стрѣлять, какъ по медвѣдю, и вызвалъ впередъ двухъ унтеръ-офицеровъ съ штуцерами. Мы стали уговаривать Драголевскаго, и онъ, убѣдясь нашими доводами, освободилъ дѣвицу, поне хотѣлъ, по требованію дежурнаго по карауламъ штабъ-офицера, сдаться, говоря, что умереть на мѣстѣ, но не отдастъ сабли *пѣхотѣ!* Драголевскій почиталъ кавалериста высшимъ существомъ, и говаривалъ всегда: «прежде пулю въ лобъ — а потомъ въ *пѣхоту!*» Явился знакомый гродненскаго полка ротмистръ Грѣтгусъ, и Драголевскій отдалъ ему саблю, и пошелъ за нимъ на гауптвахту. Главнокомандующій хотѣлъ разстрѣлять его немедленно; но сама дѣвица и отецъ ея подали просительныя письма; Кульневъ принялъ въ немъ участіе, и Драголевскаго только отдали подѣ военный судъ. Съ этихъ поръ его не видали въ полку, онъ содержался съ годъ на гауптвахтѣ. По рѣшенію суда, онъ подвергался лишенію чиновъ и ссылкѣ, но по ходатайству Его Высочества, арестъ вмѣнили ему въ наказаніе, и его перевели въ ненавистную ему пѣхоту, въ кронштадтскій гарнизонный полкъ, гдѣ онъ окончилъ и службу и земное свое поприще, не оставивъ ни родни, ни даже извѣстія о родѣ своемъ и племени. Чудакъ былъ покойникъ!

Дѣвушка заболѣла отъ страха, пролежала нѣсколько дней въ постелѣ, потомъ выздоровѣла, и все пошло въ трактирѣ прежнимъ порядкомъ. Только она послѣ этого сдѣлалась осторожнѣе и при ней всегда былъ дюжій Шведъ, лакей, а кромѣ того нѣсколько изъ самыхъ пламенныхъ обожателей красавицы сторожили ее, съ удивительнымъ постоянствомъ, не отходя отъ буфета.

Графъ Каменскій давалъ нѣсколько баловъ, на которые приглашаемы были почетные жители города, помѣщики и даже пасторы съ ихъ семействами. Никто не отказывался отъ этой чести. Хозяинъ былъ привѣтливъ со всѣми и особенно любезенъ съ дамами, между которыми было множество красавицъ. Распоряжался любимый адъютантъ графа Каменскаго, капитанъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, который завѣдывалъ всѣмъ у графа, походною канцеляріею, казенными и собственными его деньгами и цѣлымъ домомъ, а въ сраже-

нихъ всегда бывалъ при немъ, лова на лету его приказанія и передавая ихъ съ быстротою вихря, подъ непріятельскими ядрами, картечами и пулями. Слово А. А. Закревскаго было слово графа Николая Михайловича Каменскаго, и гдѣ, бывало, помажется А. А. Закревскій, солдаты говорятъ: «вотъ графская душа; куда-то велить итти!»

Весьма занимательно было видѣть въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ, въ толпѣ красавицъ, при звукахъ музыки, людей, уже перешедшихъ за возмужалый возрастъ и съ юношескихъ лѣтъ проведенныхъ жизнь въ кровопролитныхъ битвахъ, покрытыхъ честными ранами, готовыхъ каждую минуту на явную смерть, которые заохочивали насъ, молодыхъ людей, веселиться. Шведы, особенно Шведки, съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, смотрѣли на Кульнева; котораго знали такъ же хорошо въ шведской арміи, какъ и въ нашей. Въ шведскомъ войскѣ называли его *будильникомъ*, потому что онъ всегда поднималъ отъ сна ихъ авангардъ и арріергардъ. Грозный Кульневъ также умѣлъ любезничать съ дамами, привыкнувъ къ польскому свободному обхожденію*, и танцевалъ полонезы съ маменьками, возбуждая къ танцамъ молодыхъ офицеровъ. Храбрый полковникъ Эриксонъ (въ послѣдствіи отличный генералъ), не излечившись еще отъ раны, раздѣляя со всѣми и опасности битвъ и удовольствія. Съ виду онъ казался угрюмымъ, но былъ добръ до крайности и обожаемъ подчиненными. Онъ былъ небольшого роста, полный, краснощекій, и ловче былъ на полѣ сраженія, чѣмъ на паркетѣ. Жизнь его представляетъ удивительное сѣмленіе счастливыхъ и несчастливыхъ обстоятельствъ. Эриксонъ происходилъ изъ самаго простаго званія; онъ былъ сынъ мельника, верстахъ въ двухъ отъ Дерпта. Городовой магистратъ оказалъ ему какую-то несправедливость, и онъ, съ горя, пошелъ добровольно въ солдаты. Честностью, хорошимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и отличною храбростью онъ вышелъ въ офицеры, постепенно дослужился до полковничьяго чина, и командовалъ тѣмъ же полкомъ, въ которомъ началъ службу солдатомъ. Свободные часы отъ службы Эриксонъ употреблялъ на свое образованіе; еще въ солдатскомъ званіи, выучился русской грамотѣ,

* Кульневъ родился въ витебской губерніи, въ городѣ Любимѣ. Проѣзжая чрезъ этотъ городокъ въ 1835 году, я видѣлъ домъ, принадлежавшій родителямъ Кульнева. Домъ деревянный, красной постройки, надъ водою, съ садомъ.

и читалъ сперва что ему попадалось, а потомъ по выбору. Онъ совершенно обрусѣлъ, и когда я узналъ его, въ Финляндіи, онъ похожъ былъ на стариннаго, умнаго степнаго помѣщика. Онъ весьма любилъ употреблять въ рѣчахъ русскія коренныя поговорки. Привычное его слово, въ обращеніи къ солдатамъ, было: *козлы*. «Впередъ, впередъ мои козлы!» говорилъ онъ въ сраженіи, и хваля и браня, всегда прибавлялъ *козлы*. Оттого и его самого прозвали *козломъ*. Весьма замѣчательна черта его характера, о которой я упоминалъ, однажды, въ Сѣверной Пчелѣ. Будучи уже генераломъ, онъ пришелъ въ Дерптъ съ полкомъ. Никто не подозревалъ и не догадывался, что это тотъ Эриксонъ, который лѣтъ за тридцать пять предъ тѣмъ пошелъ въ солдаты; но Эриксонъ помнилъ всѣхъ своихъ родственниковъ и пріятелей, и приказалъ ихъ собрать на своей квартирѣ. Бѣдные эти люди не знали, зачѣмъ ихъ требуютъ къ генералу. Эриксонъ сказалъ имъ, кто онъ таковъ, угостилъ, и всѣхъ обдарилъ.... Разумѣется, что родителей его уже не было въ живыхъ.... Выходя изъ Дерпта, онъ послалъ въ магистратъ нѣсколько сотъ рублей, для раздачи бѣднымъ, при изъявленіи благодарности за оказанное ему неправосудіе, безъ котораго онъ былъ бы до сихъ поръ мельникомъ.

Самъ главнокомандующій не оставался долго на этихъ базахъ; онъ былъ старъ и любилъ покой; но весь штабъ его не оставлялъ бала до конца, зная, что графъ Каменскій любилъ, чтобъ гости не разѣзжались до ужина. Генералъ Коновницынъ (въ послѣдствіи графъ), генералъ Раевскій, прославившійся въ отечественную войну, были тогда въ цвѣтѣ лѣтъ; они обходились съ молодыми офицерами чрезвычайно ласково, и возбуждали къ себѣ довѣренность и любовь. Инженеръ-генералъ Сухтеленъ (также въ послѣдствіи графъ) былъ уже и тогда пожилой челоувѣкъ. Это былъ Несторъ нашей войны. Всѣ его уважали за его глубокія познанія, и любили за благородный характеръ и любезность въ обхожденіи.

Увидѣвшись въ городѣ съ нѣсколькими пріятелями моими изъ гродненскаго гусарскаго полка, я далъ слово погостить у нихъ нѣсколько дней. Квартиры ихъ были въ деревнѣ, также верстахъ въ пятнадцати отъ города, но не по одной дорогѣ съ нашими квартирами, а въ сторону. Пріятели мои уѣхали изъ города, а я возвратился въ эскадронъ, отпросился у ротмистра, и снова пріѣхалъ на другой день въ городъ,

чтобъ оттуда ѣхать на квартиры гродненскаго гусарскаго полка. Я не взялъ съ собою ни улана, ни моего денщика, и поѣхалъ одинъ. Перемочивъ у артиллерійскаго штабсъ-капитана Молченки, я вознамѣрился пообѣдать въ трактирѣ, и потомъ отправиться на ночь къ друзьямъ моимъ, Гродненцамъ. На бѣду мою, одинъ изъ вриателей моихъ, сѣвскаго мушкетерскаго полка капитанъ Коллинъ, праздновалъ въ этотъ день свое рожденіе, и мы пропировали до сумерекъ. Зная, что товарищи меня не выпустятъ, я ускользнулъ потихоньку изъ трактира, побѣжалъ къ лошади, велѣлъ осѣдлать ее, и пустился въ путь. Долго ли проскакать верстъ пятнадцать! На улицѣ я поймалъ какого-то оборванца, Финна, далъ ему полтинникъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ проводилъ меня за городъ, на дорогу, ведущую въ селеніе, которое я ему назвагъ, потому что оно у меня было записано. Городъ не великъ, и чрезъ четверть часа я уже несся, во всю рысь, по дорогѣ....

Помните, что это было въ половинѣ сентября, и въ Финляндіи, въ 1123 верстахъ отъ Петербурга, на сѣверъ, и притомъ въ землѣ непріятельской. Шведскіе солдаты во время пероширія не тронули бы русскаго офицера, если бѣ онъ попался имъ невзначай, но за поселаямъ нельзя было поручиться. Было темно, небо покрылось черными тучами, и холодный вѣтеръ продувалъ насквозь мою ветхую шинель на вѣтъ. Проѣхавъ верстъ пять, я вѣхалъ въ лѣсъ. Тутъ стало темнѣе, я поѣхалъ шагомъ, и вдругъ передо мною открылись двѣ просѣки, то есть двѣ дороги. Которою надобно ѣхать? Провожавшій меня изъ города Финнъ болталъ что-то и махалъ руками, но я не разслушалъ его въ торояхъ и не понять, зная едва нѣсколько словъ по-фински. Я привелъ на память мѣстоположеніе города, и подумалъ, что маираве не должно быть русскихъ квартиръ, потому что съ этой стороны стоятъ Шведы, и поѣхалъ влѣво. Бѣду, то шагомъ, то рысью—идти пошла лѣсу. Высказано овладѣлъ мною ужасъ!..

Я не хвастаю моею неустранимостью, но всѣмъ извѣстно, что у самыхъ неустранимыхъ людей бываютъ минуты слабости, когда мужество оставляетъ ихъ и опасность представляется въ увеличенномъ видѣ. Ни одинъ правдивый человѣкъ не скажетъ, чтобы онъ въ жизни ни разу не струсиль.

* Родомъ изъ Ямванды, храбрый, умный, благочестивый офицеръ. Онъ дослужился до генеральскаго чина, былъ командиромъ въ Варш. въ войну 1828 - 29 г. и умеръ рано отъ чумы.

Дѣйствіе ли это нервовъ на воображеніе, или воображенія на нервы, но только иногда человѣкъ самъ не свой.—Точно ли тутъ были волки или мнѣ показалось, что глаза ихъ блестятъ въ кустахъ — не знаю, но лошадь моя нѣсколько разъ фыркала и пятилась. При каждомъ шелестѣ меня морозъ подиралъ по кожѣ! Я вынулъ изъ кубуръ пистолеты — они были не заряжены! Въ ладуникѣ не было патроновъ! Если бъ въ эту минуту былъ со мной мой денщикъ — досталось бы ему за то что онъ, безъ спроса, разрядилъ и вычистилъ пистолеты.... Нечего дѣлать, ѣду далѣе, и вдругъ полилъ дождь, какъ изъ ведра, холодный какъ ледъ. Къ довершенію бѣды, я попалъ на топкое мѣсто, и лошадь моя съ трудомъ вытаскивала ноги изъ болота.... Я остановился....

Бывали ли вы, любезные читатели мои, въ неизвѣстномъ вамъ мѣсту, въ осеннюю ночь, во время дождя? Ужасное положеніе! Я не могъ придумать, ѣхать ли мнѣ впередъ или воротиться. По моему расчету, я уже проѣхалъ болѣе пятнадцати верстъ, и надѣялся пріѣхать въ какое нибудь селеніе. А если попаду къ злымъ людямъ, которые захотятъ убить меня? Да будетъ воля Божія—и я поѣхалъ впередъ!

По болоту я выѣхалъ на лужокъ. Что-то чернѣлось передо мной. Я думалъ хижина—а это былъ стогъ сѣна. На лугу исчезъ слѣдъ дороги, и я объѣхалъ кругомъ лугъ, чтобъ попасть на нее.... Съ этихъ поръ дорога слѣдалась такъ узка, что я долженъ былъ прижаться лицомъ къ лошадиной шеѣ, чтобъ какой нибудь сукъ не разможилъ мнѣ голову. Въ этомъ положеніи я какъ-то неловко подался на бокъ, сѣдло перевернулось—и я свалился.... въ лужу!

Я хотѣлъ осѣдлать лошадь — но подруги лопнули. Что тутъ дѣлать! Какъ въ математикѣ два минуса составляютъ плюсъ, такъ и въ жизни человѣческой усиленное несчастье пробуждаетъ въ человѣкѣ уснувшую твердость. Я сѣлъ на пень и задумался. Сильная жажда мучила меня, послѣ шведскаго объѣда, въ которомъ соль играетъ всегда первую роль. Передо мною была лужа; я напился изъ нея, въ три приема, не смотря на то, что глоталъ грязь вмѣстѣ съ водою — и какъ будто ободрился. «Чему быть, того не миновать,» сказалъ я про себя, и принялся за работу. Шведы и Финны, какъ извѣстно, употребляютъ длинные кушаки (или шарфы), которыми они обвязываются при зимней одеждѣ, сперва на груди, крестомъ, а потомъ два раза по талии. По счастью, у меня былъ этотъ кушакъ, и я привязалъ имъ сѣдло къ ло-

нади, по верху, подвелъ лошадь къ пню, и съ пня вспрыгнулъ на шею. Надлежало держаться на балансъ, потому что при малѣйшемъ неравномъ движеніи, сѣдло снова бы перевернулось, и я, балансируя и придерживаясь за гриву, пустился въ путь.

Я ѣхалъ всю ночь. Тучи прошли, и начало свѣтать. Земля и деревья покрылись тонкою корою льда, и я щелкалъ зубами отъ стужи; руки у меня почти окостенѣли. Проѣхалъ я болѣе часа времени, и солнце уже показалось надъ деревьями.... мнѣ стало какъ-то веселѣе. Вдругъ вдали послышался лай собакъ—и сердце у меня вздрогнуло. Наконецъ должна рѣшиться моя участь! Ёхать рысью было невозможно, потому что сѣдло вертѣлось подо мною, и лошадь отъ усталости едва передвигала ноги. Я впередъ взоръ въ даль, и духомъ рвался впередъ.... и вотъ конецъ лѣса! Слава-те Господи! Я остановился на опушкѣ, и осмотрѣлся. Передо мною была обширная равнина, оканчивающаяся горами, покрытыми лѣсомъ. Въ верстѣ отъ лѣса былъ большой крестьянскій домъ, со всѣми службами; за этимъ домомъ вдали дымилось. Казалось, вся долина была населена. Перекрестясь, я поѣхалъ къ первому дому.

Когда мы подружились съ Арвидсономъ въ Рауталамби, онъ откровенно сказалъ мнѣ, что если я хочу, чтобъ меня хорошо принимали, я долженъ называться Нѣмцемъ и хвалить Шведовъ, и при этомъ написалъ мнѣ нѣсколько шведскихъ фразъ, которыя я вытвердилъ наизусть. Во время одного разъѣзда, я до того разнѣжилъ мои мизантропическими фразами пастора, у котораго пробылъ часа два, что онъ подарилъ мнѣ книгу: Самоучитель нѣмецкаго языка, съ шведскимъ переводомъ. Въ этой книжонкѣ, старой и избитой, которая служила нѣкогда сыну пастора (въ это время уже взрослому), были собраніе употребительнѣйшихъ словъ и разговоры, на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ. Отъ скуки я выучилъ наизусть всѣ слова и разговоры, и болталъ по-шведски, разумѣется дурно и неправильно, когда хотѣлъ самъ составить фразу, но все же я понималъ много, отгадывая половину, по извѣстнымъ мнѣ словамъ. Когда я подѣзжалъ къ дому, собаки бросились ко мнѣ, и на лай ихъ хозяинъ дома, нѣсколько женщинъ и работниковъ вышли на крыльцо и смотрѣли съ удивленіемъ на меня, приближавшагося медленно. Когда я остановился у воротъ, мальчикъ отперъ ихъ; я вѣхалъ на дворъ, и поздоровался съ толпой, по-шведски. Это успо-

коню семью. Я соскочилъ съ лошади, подошелъ къ хозяину, человѣку глѣз сорока, пріятной наружности, въ которомъ я узналъ старшаго въ семьѣ, потому что онъ стоялъ впереди всѣхъ, пожалъ ему руку, повторивъ привѣтствіе, и поклонился женщинамъ, которыя, по шведскому обыкновению, отблагодарили меня книксеномъ. Скажу мимоходомъ, что Шведки вообще, даже изъ простаго званія, чрезвычайно вѣжливы и любятъ книксены. Если вы встрѣтите на дорогѣ толпу поселянокъ, идущихъ пѣшкомъ въ церковь или на работу, и скажете имъ привѣтствіе, онѣ посреди дороги отвѣтятъ вамъ книксеномъ.—Начался между нами разговоръ по-шведски.

— Вы шведскій офицеръ? спросилъ меня хозяинъ.

Наставленіе Арвидсона пришло мнѣ на память, и я отвѣчалъ чисто заученою фразою:—Нѣтъ, я русскій офицеръ, но родомъ Нѣмецъ, изъ старинной шведской провинціи, завоеванной Русскими.... Крестьянинъ проворчалъ обыкновенное шведское ругательство: *Tusan Diefla* (тысяча чертей), но по взглядамъ его я замѣтилъ, что это не ко мнѣ относится.

— Вы говорите по-шведски? спросилъ крестьянинъ.

— Я такъ люблю славный шведскій народъ (*Det wackra Swenska Folk*), что учусь по-шведски, хотя во время войны и не успѣлъ еще выучиться, отвѣчалъ я, также заученою фразою.

— Но вы говорите прекрасно! возразилъ онъ.

Иное говорю хорошо, а иное не могу вовсе объяснить, сказалъ я.

— Откуда же, куда вы ѣдете, и зачѣмъ?

На первую фразу вопроса я могъ отвѣчать, а на двѣ остальные мнѣ не достало словъ. Я не зналъ, какъ сказать по-шведски, что я заблудился въ лѣсу, потому что этого не было въ моей книжкѣ. Однакожъ, произнеся слова: *лѣсъ, нѣтъ дороги, ночь*, и дополняя остальное знаками, я успѣлъ объяснить, что я сбился съ дороги, и потомъ назвалъ селеніе, гдѣ стоялъ нашъ эскадронъ. Все семейство безпрестанно повторяло свое *всезначающее*: *ja so, ja so*.

Объяснивъ хозяину мое положеніе, я подошелъ къ нему,

* Въ моей Прогулкѣ по Финляндіи и Швеціи, въ 1834 году, я говорилъ уже, что у Шведовъ *ja so* (то есть да, да) означаетъ *всѣ*, и что смыслъ зависитъ отъ тона, которымъ произносятся эти слова. *Ja so* означаетъ и утвердительное и отрицательное, и гнѣвъ и любовь.

положилъ одну руку ему на сердце, а другою указалъ на небо, и, какъ умѣлъ, сказалъ, что Богъ видитъ насъ, и я прибѣгаю къ сердцу добраго Шведа, и прошу его помощи...

Старуха, мать хозяйина, подошла ко мнѣ, и погладивъ меня по лицу, сказала: «Бѣдное дитя!»—Я былъ не ребенокъ, но молодъ и что болѣе, молодежь. У меня тогда только пробивался пушекъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ были богатырскіе усы.... У жены хозяйина навернулись слезы.... Я примолвилъ довольно понятно, хотя неправильно: «у меня есть мать, которая ждетъ меня, и можетъ быть никогда не дождется!».... Добрый Шведъ тронулся, пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: «Вы здѣсь и какъ дома!» Я отъ души обнялъ его прижалъ къ сердцу....

Всю жизнь я прожилъ такъ, что если довѣрялъ человѣку, то довѣрялъ вполне, неограниченно, а если не вѣрилъ, то ужъ ни на волосъ! Свѣтская премудрость не одобритъ этого правила, но это не правило, а слѣдствіе характера, и я не рѣдко дорого оплачивался за это! Пословица справедливо утверждаетъ: каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку, и И. И. Дмитриевъ сказалъ великую истину:

—Говни впрреду въ дверь, она вылетитъ въ окно.»

Я вѣрился совершенно Шведу.

День былъ воскресный, и вся семья, съ прислужниками, была дома. Въ церковь не ѣздили, потому что во всѣхъ пасторатахъ стояли Русскіе, съ которыми не хотѣли встрѣчаться, хотя наши солдаты стояли смирно на квартирахъ. Напившись кофе (то есть пошла, называемаго кофе), я показалъ хозяйину мое несчастное сѣдло, просилъ его починить, и накормить меня и моего коня, обѣщая за все заплатить, а между тѣмъ отвѣсть уголокъ, гдѣ бы я могъ выспаться. Хозяинъ повелъ меня въ верхній этажъ, и указалъ чистую комнату, съ опрятною постелью. Платье на мнѣ было сыро, и я былъ забрызганъ грязью, отъ шпоры до шапки. Шведъ покачивалъ головою, и пособивъ мнѣ раздѣться, взялъ все платье мое въ охапку, а вмѣстѣ съ нимъ сапоги и саблю, сказавъ, что прикажетъ вычистить.... Вотъ я совершенно обезоруженъ, и баба съ ухватомъ могла бы взять меня въ плѣнъ или убить. Но я вѣрилъ Шведу!

• Послѣ узналъ я, что селеніе, въ которое я заѣхалъ, освобождено было отъ постоя, потому что доставило «уражъ и провіантъ натурою въ городской магазинъ, для главной квартиры.

Я прѣхалъ въ седьмомъ часу утра, и проспалъ до двухъ часовъ по полудни. Хозяинъ успѣлъ уже пообѣдать и отдохнуть. Отворивъ дверь моей комнаты, я сталъ звать его, называя *другомъ*. Другъ явился съ платьемъ. Оно было высушено и вычищено; сабля моя блестяла какъ зеркало. Я одѣлся и безъ сабли сошелъ въ нижнее жилье, гдѣ было собрано все семейство хозяина и вся челядь, человекъ двадцать мужчинъ и женщинъ. Теперь только замѣтилъ я, что жена моего добраго хозяина красавица. Это была вторая его жена, и онъ представилъ мнѣ сына и дочь, отъ перваго брака. Сыну было лѣтъ восемнадцать, а дочери лѣтъ пятнадцать. Братъ и сестра были прекрасны собою. Всѣ обходились со мною съ уваженіемъ, а старуха, мать хозяина, безпрестанно ласкала меня и гладила по лицу. Съ тѣхъ поръ, я люблю добрыхъ старушекъ. Добрая старушка въ семьѣ — благословеніе Божье, примѣръ добра для молодаго поколѣнія!

Для меня приготовленъ былъ обѣдъ, весьма вкусный для голоднаго. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что самъ отвезетъ меня въ эскадронъ, который стоялъ только въ двухъ миляхъ отъ его дома. Не знаю, какимъ образомъ я до такой степени сбился съ дороги, что ѣхавъ въ сторону Гамлекарлеби, попалъ въ тылъ его! Я не могъ понять, что толковалъ мнѣ хозяинъ на этотъ счетъ, но кажется, что въ лѣсу я долженъ былъ повернуть въ право, а не въ лѣво. Я проѣхалъ въ эту ночь около трехъ шведскихъ миль (до двадцати осьми верстъ)! У меня была донская лошадь. Отдохнувъ и поѣвъ порядочно, она какъ ни въ чемъ не бывала!

На дворѣ стояла порядочная крашенная одноколка, запряженная лихою лошадыю. Моего коня я привязалъ сзади, на недоузкѣ. Я спросилъ хозяина, что я ему долженъ, но онъ рѣшительно отказался отъ денегъ, говоря, что я у него былъ въ *гостяхъ*. Какъ я ни уговаривалъ его взять деньги, онъ не соглашался, а женщины отмахивались руками. У меня, въ кошелькѣ, былъ завѣтный червонецъ, съ изображеніемъ Божіей Матери (венгерскій червонецъ, время Маріи-Терезіи), данный мнѣ на счастье моею матерью. Я упросилъ хозяйку взять его, на память. Работникамъ за чистку платья, починку сѣдла и уходъ за лошадыю я далъ нѣсколько рублей на вино, и этому хозяинъ не противился. Простившись съ семействомъ и обнявъ всѣхъ, я сѣлъ въ одноколку съ хозяиномъ, и поѣхалъ въ эскадронъ.

Ротмистръ и товарищи удивились моему возвращенію, потому что я отпросился на три дня. Я рассказалъ мое приключеніе и благородство Шведа, котораго мы обласкали и угостили. Я принудилъ его взять весь мой запасъ кофе и сахару, поручивъ отдать отъ меня его женѣ и матери. — Эта ночь, въ которую я столько вытерпѣлъ, и нравственно и физически, не имѣла однакожъ ни какого вліянія на мое желѣзное здоровье, но слѣдствіемъ этой ночи было то, что я далъ себѣ обѣтъ, никогда не разѣзжать одному въ неизвѣстной мнѣ сторонѣ, по проселочнымъ дорогамъ, особенно по ночамъ, сталъ прилежно учиться шведскому языку, безпрестанно записывая слова и цѣлыя фразы, и послѣ купилъ себѣ нѣсколько шведскихъ книгъ, облегчающихъ изученіе языка. До сихъ поръ весьма многое осталось въ моей памяти, а тогда я изрядно болталъ по-шведски, и все понималъ.

Не долго мы наслаждались перемиріемъ и довольствомъ. Государь Императоръ былъ тогда въ Германіи, въ Эрфуртѣ, для свиданія съ Наполеономъ и для рѣшенія, на конгресѣ, дѣлъ общей европейской политики. Управление дѣлами имперіи было поручено Государемъ Комитету министровъ, съ правомъ объявлять Высочайшія повелѣнія въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Душою Комитета былъ военный министръ графъ Аракчеевъ, особенно по военнымъ дѣламъ. Онъ весьма не благоволилъ къ графу Буксгевдену, который безпрестанно требовалъ свѣжаго войска, денегъ, аммуниціи и продовольствія, противился всѣмъ планамъ, составленнымъ въ Петербургѣ, и велъ дѣло медленно, по мнѣнію графа Аракчеева. Въ Петербургѣ, въ это время, находился генералъ отъ инфантеріи Кноррингъ, бывший генералъ-квартирмейстеромъ въ послѣднюю шведскую войну, при Императрицѣ Екатеринѣ II. Графъ Аракчеевъ часто совѣщался съ Кноррингомъ по дѣламъ, касающимся до финляндской войны, и на этотъ разъ пригласилъ его въ засѣданіе Комитета министровъ. Кноррингъ никогда не соглашался съ планами графа Буксгевдена, и сильно возсталъ противу перемирія, когда графъ Каменскій занималъ Гамлекарлеби, а Тучковъ безпокоившую насъ позицію Тайвола (противу Куопіо), которую упорный Сандельсъ долженъ былъ оставить, по отступленіи графа Клингспора за Гамлекарлеби, боясь быть отрѣзаннымъ. Въ Комитетѣ единогласно рѣшили; предписать графу Буксгевдену, именемъ Государя, прервать немедленно перемиріе и опрокинуть армию графа Клингспора за Торнео,

а Тучкову велѣно тѣснить Сандельса, по Индесальской дорогѣ, и стараться разбить его и отрѣзать. Въ то же время Комитетъ рѣшилъ составить два резерва, одинъ изъ трехъ батальоновъ роченсальмскаго и Фридрихсгамскаго гарнизоновъ, подъ начальствомъ генерала Аникѣева, другой изъ двухъ батальоновъ преображенскаго и измайловскаго полковъ, подъ начальствомъ генерала графа Павла Александровича Строганова, и отправить ихъ немедленно въ Финляндію. Графъ Буксгевденъ, не разрывая перемирія, написалъ оправданіе на Высочайшее Имя; но Комитетъ министровъ не убѣдился его доводами, и повторилъ Высочайшее повелѣніе начать военныя дѣйствія. Государь Императоръ, получивъ въ Эрфуртѣ доносеніе Комитета, одобрилъ и утвердилъ его постановленіе. 7 сентября графъ Буксгевденъ получилъ рѣшительное повелѣніе начать военныя дѣйствія безпрекословно, подъ строжайшею отвѣтственностью за сопротивленіе Высочайшей волѣ.

Главпокомандующій непрерывно жаловался на трудности войны, на малочисленность войска для занятія обширнаго взбунтованнаго края, и для охраненія береговъ, угрожаемыхъ высадками, на недостатокъ продовольствія и свирѣпствованіе отъ того болѣзни въ войскѣ, и когда, по уваженію всѣхъ этихъ причинъ, въ Петербургѣ рѣшились на заключеніе съ Шведами перемирія, до зимы, графъ Буксгевденъ не согласился на эту мѣру. Когда же графъ Каменскій принудилъ графа Клингенпора къ отступленію изъ внутренности края, и Сандельсъ долженъ былъ оставить свою неприступную позицію, при Тайволѣ, и выступить на линдулакскую дорогу, а между тѣмъ отряды графа Витгенштейна и князя Голицына, сильно подкрѣпивъ дѣйствующую армію, подавляли возстаніе крестьянъ, Комитетъ министровъ, въ свою очередь, судя по событіямъ, имѣлъ полное право не соглашаться на перемиріе и требовать продолженія успѣшныхъ дѣйствій противу графа Клингенпора и Сандельса, для очищенія Финляндіи къ зимѣ отъ шведскихъ войскъ. Графъ Буксгевденъ не представлялъ ничего поваго Комитету министровъ, и въ оправданіи своемъ на Высочайшее Имя повторилъ только прежнія жалобы, отчасти уже недѣйствительныя послѣ успѣховъ графа Каменскаго, но Графъ Буксгевденъ тѣмъ казался не правъ, что, не соглашаясь на заключеніе перемирія при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, заключилъ его во время успѣховъ нашихъ и послѣ полученія значительной помощи,

увеличившей русское войско цѣлою третью. Тѣ же самыя умствованія и расчеты, которые графъ Буксгевденъ представлялъ прежде въ опроверженіе перемирія, Комитетъ министровъ употребилъ теперь противу перемирія, заключеннаго графомъ Буксгевденомъ. А что Комитетъ министровъ рассчитывалъ вѣрно, это доказывается успѣхомъ его предположеній.

Будучи уже литераторомъ и журналистомъ (въ двадцатыхъ годахъ), я сказалъ однажды, кстати, графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, что Россія много обязана ему въ дѣлѣ покоренія Финляндіи. Въ этихъ словахъ не было ни лести, ни комплимента съ моей стороны, а была сущая правда, повторенная и знаменитымъ нашимъ военнымъ историкомъ, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, по смерти графа Аракчеева. Графу Алексѣю Андреевичу пріятны были мои слова. «Такъ есть еще люди, которые отдають мнѣ справедливость,» сказалъ графъ: «спасибо братецъ, спасибо! Я не *воевода* (собственныя слова графа) и не брался предводить войсками, но Господь Богъ далъ мнѣ столько разума, чтобъ различить правое отъ неправого. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилось, если бъ мы отложили изгнаніе Шведовъ изъ Финляндіи до слѣдующаго года! Буксгевденъ почиталъ меня своимъ личнымъ врагомъ—и крѣпко ошибался. За что мнѣ было враждовать съ нимъ? Тотъ мой врагъ, кто не исполняетъ своего дѣла, какъ слѣдуетъ. Я воевалъ съ Буксгевденомъ его собственнымъ оружіемъ — его *резонами* (слова графа), противу вредоуженнаго имъ перемирія, и если бъ слушалъ всѣхъ, да не *столкнулъ* Барклая (собственныя слова графа) на ледъ, прямо въ Швецію, то мы еще годика два пробились бы въ Финляндіи.... Жаловались на недостатокъ продовольствія, во вѣдъ я посылалъ изъ Петербурга сколько было нужно: зачѣмъ не умѣли сберечь и доставить куда слѣдуетъ».... На этихъ словахъ графа Аракчеева я основалъ мое заключеніе, приведенное выше.

Прежде, нежели я обращусь къ военнымъ дѣйствіямъ въ Финляндіи, послѣ разорваннаго перемирія, должно взглянуть на ходъ европейскихъ дѣлъ, отклонявшихъ вниманіе Европы отъ подвиговъ Русскихъ въ Финляндіи. 1808 годъ самый достопамятный въ новой исторіи, потому что въ этомъ году Наполеонъ, достигнувшій высочайшей степени славы и могущества, самъ началъ подрывать фундаменты своего величія, подчинивъ политику Франціи и стараясь подчинить

политику всей Европы личнымъ своимъ выгодамъ и возвышенію своего семейства. Войны Наполеона можно раздѣлить на войны *политическія* и *семейныя*. До 1807 года онъ долженъ былъ вести войны для утвержденія новаго порядка во Франціи, для упроченія ея границъ, пріобрѣтенныхъ войнами, которыя вела французская республика, и наконецъ для признанія Франціи имперіею въ ея новыхъ предѣлахъ и императорскаго званія въ своемъ лицѣ. До этой поры, Наполеонъ всегда предлагалъ миръ своимъ противникамъ предъ началомъ военныхъ дѣйствій, и всегда старался помириться съ Англіею. Съ 1808 года, Наполеонъ задумалъ овладѣть всею Западною Европою, лишить престола всѣхъ Бурбоновъ, а съ ними и домъ Браганцскій, и на мѣсто Бурбонской фамилии поставить членовъ своей фамилии. Неаполь былъ уже въ его власти, и отданъ брату его Юсифу. Теперь Наполеонъ рѣшился овладѣть Пиренейскимъ Полуостровомъ, къ чему давно уже стремились его помыслы, и наконецъ, въ этомъ году, когда три главныя державы въ Европѣ, Россія, Австрія и Пруссія, должны были уступить ему, совершилось событіе, которое исторія прозвала *Байонскою Драмою*. Драма эта кончилась для Наполеона, бывшаго въ ней главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ драма *Донъ-Жуанъ*.

Въ Испаніи царствовалъ Карлъ Четвертый, человекъ образованный умный и добродушный, но государь слабый, безхарактерный, легковѣрный, имѣвшій отвращеніе къ занятіямъ государственнымъ. Двѣ непобѣдимыя страсти господствовали въ немъ и поглощали все его время: музыка и псовая охота. Ему тогда было пятьдесятъ девять лѣтъ отъ рожденія. Королева Луиза-Марія (урожденная принцесса Неаполитанская) была только тремя годами моложе своего супруга, но сохранила въ душѣ весь пылъ южныхъ страстей и въ тѣлѣ всю силу пламеннаго темперамента. Подчинивъ короля своей власти, она управляла его волею. Королевское семейство составляли: младшій братъ короля, Донъ-Антоніо, человекъ благородный и твердаго характера; три сына: Донъ-Фернандо или Фердинандъ, принцъ Астурійскій, наследникъ престола, двадцати трехъ лѣтъ отъ рожденія; Донъ-Карлосъ, двадцати двухъ лѣтъ, и Донъ-Франциско де-Паула, четырнадцати лѣтъ. У короля были три дочери: Карлота, замужемъ за наследникомъ португальскаго престола, Марія-Луиза-Иозефина, правительствующая королева Этрурии, и

Марія-Изабелла, въ замужствѣ за наслѣдникомъ престола Обиухъ Сицилій.

Дѣлами государства и дворомъ управлялъ самовластно и безотчетно любимецъ королевы, или какъ мы говоримъ, временщикъ, Эмануэль (Мануэль) Годои (Godoi), человѣкъ низкаго происхожденія: Иные говорятъ, что онъ былъ сперва погонщикомъ муловъ, другіе утверждаютъ, что онъ былъ тореадоромъ, то есть бойцемъ на воловьихъ травляхъ. Прекрасный собою, ловкій, ума хитраго и вкрадчиваго, Годои опредѣлился въ роту королевскихъ тѣлохранителей, и вскорѣ обратилъ на себя вниманіе королевы, которая предалась ему совершенно, и заставила короля произвести ея любимца въ первые министры, въ предсѣдатели кастильскаго совѣта, въ адмиралы и въ генералиссимусы. Постыдная уступчивость французскому правительству, погубившая испанскій флотъ, всѣ ея военныя средства, разстроившая финансы для сохраненія постыднаго мира, доставила Годою фантастическій титулъ *Князя Мира* (Prince de la Paix). Господствовавшая страсть въ Князѣ Мира — была алчность къ деньгамъ, и онъ для того только любилъ власть, что она представляла ему средства къ обогащенію и къ грубому разврату. Вся королевская фамилія, все дворянство и весь народъ испанскій ненавидѣли и презирали Князя Мира, но королева любила его болѣе собственного своего семейства, и король, ради своего спокойствія, до такой степени ввѣрился хитрому любимцу, что поручилъ ему всѣ дѣла политики и внутренняго управленія, и никого другаго не хотѣлъ слушать. Князь Мира употреблялъ всѣ средства, чтобъ развратить наслѣдника престола и дать ему прѣвратное воспитаніе, надѣясь по смерти короля овладѣть престоломъ. Во время болѣзни короля, въ 1806 году, уже пущены были въ народъ вѣсти о перемѣнѣ династіи, будто бы по завѣщанію короля — но онъ выздоровѣлъ, и въ народѣ ненависть къ любимцу усилилась еще болѣе. Въ мудрое правленіе Карла-Третьяго, предшественника Карла-Четвертаго, Испанія начала пробуждаться отъ летаргическаго сна, и вездѣ водворялся порядокъ, въ слѣдствіе постепенныхъ усовершенствованій. При Князѣ Мира все обрушилось въ прежнюю пропасть — и Испанія представляла настоящій хаосъ. Правосудіе, чины, мѣста, привилегіи продавались съ молотка. Государство не имѣло флота, войско было въ жалкомъ положеніи, торговля ничтожная, фабрики и мануфактуры въ совершенномъ упадкѣ, народъ почти оди-

чалъ въ глубокомъ невѣжествѣ и суевѣрїи. Все зло приписывали корыстолюбивому любимцу, Князю Мира, и полагали всю надежду на наслѣдника престола, окруженнаго людьми умными и почтенными, между которыми главную роль играли воспитатель принца, каноникъ Эскойкисъ (Escoiquis), герцоги Инфантадо и Санъ-Карлосъ. Народная партія, окружавшая наслѣдника престола, ожидала только случая, чтобъ свергнуть Князя Мира съ высоты власти, для общаго блага. Князь Мира, противодействуя партїи, старался посягать раздоръ между наслѣдникомъ престола и его родителями, и до того успѣлъ въ своемъ намѣренїи, что возбудилъ ненависть къ нему въ сердцѣ его матери и недовѣрчивость въ королѣ. Начались придворныя интриги, основанныя на клеветѣ и сплетняхъ, безпрестанно усиливавшія ненависть родителей къ сыну, а въ сынѣ желаніе избавиться отъ своего врага.

Война Наполеона съ Пруссїею и Россїею, въ 1806 году, образумила на время испанскій дворъ, долженствовавшій предвидѣть, чѣмъ кончится его раболѣзное послушаніе Наполеону, когда онъ изгналъ Бурбоновъ изъ Неаполя. Нашъ посланникъ при испанскомъ дворѣ, баронъ Строгановъ, и англійскій посланникъ успѣли убѣдить Князя Мира въ пользахъ Испанїи отъ союза со всею Европою, противу властолюбїи Наполеона, и Князь Мира началъ собирать войско, и издалъ сильную прокламацію, приглашая народъ къ вооруженїю, не назвавъ, однакожъ, непрїятеля. Если бъ Наполеонъ терпѣлъ пораженіе на сѣверѣ, тогда бы до 100,000 войска испанскаго, португальскаго и англійскаго вторгнулось во Францію, черезъ Пиренеи; но побѣда при Іенѣ перемѣнила ходъ дѣлъ, и Князь Мира, испугавшись своего смѣлаго поступка, удвоилъ свою уступчивость и раболѣзство предъ Наполеономъ. Наполеонъ не показалъ виду, что предполагалъ измѣну въ Князѣ Мира, но рѣшился ускорить изгнаніе Бурбоновъ изъ Испанїи. Внутреннія интриги испанскаго двора послужили ему къ тому предлогомъ.

Какъ первое доказательство преданности, въ которой Князь Мира увѣрялъ Наполеона, онъ потребовалъ лучшихъ двухъ корпусовъ изъ испанской арміи, собранной противу него. Князь Мира согласился, и одинъ корпусъ испанскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Офарильи, посланъ былъ въ Токану, а другой, въ 14,000 человекъ, подъ командою генерала маркиза Ла-Романа, въ Данїю. Выбраны были лучшіе солдаты и офицеры, чтобъ лишить Испанїю надеждѣйшей

опоры. Между тѣмъ, 24,000 Французовъ, подъ начальствомъ маршала Жюно, выступили черезъ Испанію въ Португалію (въ половинѣ октября 1807 года).

Корпусъ маршала Жюно состоялъ изъ рекрутъ. Едва по три человѣка старыхъ солдатъ приходилось на роту. Кавалеристы были не болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ службѣ, не умѣли даже ѣздить и обходиться съ лошадью. Пѣхота не знала вовсе своего дѣла. Это было самое плохое войско, какого Франція никогда не выставляла противу непріятеля. Въ этомъ корпусѣ лучшіе солдаты были Пиемонтцы и Ганноверцы, которые, однакожъ, шли неохотно на войну, и ненавидѣли Французовъ. Наполеонъ приказалъ Жюно, какъ возможно поспѣшить въ Лиссабонъ, чтобъ взять португальскій флотъ и задержать королевскую фамилію, и Жюно шелъ торопливо, малыми отрядами, оставляя въ тылѣ множество больныхъ и мародеровъ. 30 ноября 1807 года, онъ вступилъ въ Лиссабонъ, только съ 1500 человѣкъ. Остальные пришли послѣ, но изъ 24,000 человѣкъ, перешедшихъ за Пиренеи, въ Португалію собрались только 14,000 человѣкъ, оборванныхъ, усталыхъ и ненадежныхъ въ бою солдатъ.

Маршалъ Жюно еще изъ Испаніи разослалъ по Португаліи прокламаціи, извѣщая, что онъ идетъ ей на помощь, противу Англичанъ, которые намѣрены поступить съ Португаліей, какъ поступили съ Даніей, и увѣщевая Португальцевъ принимать Французовъ, какъ друзей и союзниковъ. И между тѣмъ, какъ Жюно увѣрялъ Португальцевъ въ великодушныхъ и безкорыстныхъ намѣреніяхъ Наполеона, Англичане сообщили принцу регенту португальскому листъ официальной французской газеты *Мониторъ*, въ которомъ напечатано было рѣшеніе Наполеона, что «Домъ Браганскій пересталъ царствовать въ Португаліи.» (*La maison de Bragance avait cessé de régner*). Это та же самая фраза, которою лишена престола фамилія Неаполитанскихъ Бурбоновъ!

Въ Португаліи царствующею королевою была вдова короля Педро-Третьяго, Марія-Франциска-Елисавета, урожденная принцесса португальская. Она жила уединенно, посвятивъ жизнь свою богомолью, а государствомъ управлялъ, около двадцати лѣтъ, въ званіи регента, сынъ ея Донъ-Жуанъ, человѣкъ добрый, но слабый, безхарактерный, совершенно похожій нравомъ на испанскаго короля, но не имѣвшій ни его ума, ни образованности. Несчастный въ супружествѣ, испытавшій нѣсколько разъ измѣну и неблагодарность лю-

бшицевъ, онъ жилъ уединенно, и соглашался на всѣ требованія Франціи, чтобъ только сохранить миръ. Но это не спасло его. Въ послѣдней крайности, когда маршалъ Жюно уже вступилъ въ Португалію, онъ предался Англичанамъ. Въ Лиссабонѣ носились преувеличенные слухи на счетъ числа войска маршала Жюно; однако жъ, старая королева хотѣла, чтобъ выслали противу него войско и рѣшили споръ оружіемъ. Англійскій адмиралъ, знаменитый Сидней Смитъ, уговорилъ и королеву и принца-регента оставить Лиссабонъ, удалиться въ Бразилію и ожидать тамъ, пока Англичане возвратятъ имъ Португалію. За день до вступленія маршала Жюно въ Лиссабонъ, вся королевская фамилія отправилась на англійскій флотъ, къ которому присоединился и флотъ португальскій, и со всѣмъ дворомъ и сокровищами отплыла въ Америку. Жюно, повторивъ приговоръ Наполеона объ отрѣшеніи отъ престола браганской фамиліи, началъ управлять Португаліею отъ имени французскаго императора, замѣнивъ португальскій гербъ французскимъ орломъ, и вывѣсивъ надъ дворцемъ трехъ-цвѣтное знамя. Въ Парижѣ почитали Португалію покоренною, и дѣло конченнымъ.

Испанская корона въ то же время, такъ сказать, сама падала въ руки Наполеона. Наслѣдникъ престола Фердинандъ, надѣясь на помощь Наналеона, по совѣту своихъ друзей, просилъ его, въ самыхъ покорныхъ выраженіяхъ, выдать за него въ замужество одну изъ принцессъ императорской фамиліи, и принять его въ особенное свое покровительство, обѣщая быть послушнымъ, какъ сынъ отцу, и въ то же время представилъ родителю своему записку, въ которой изложилъ всѣ дурные поступки и качества Князя Мира, просилъ удалить его отъ дѣлъ и отъ двора. Записка эта написана была воспитателемъ и первымъ совѣтникомъ Фердинанда, каноникомъ Эскойкисомъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Князь Мира, узнавъ чрезъ своихъ шпионовъ о томъ, что принцъ Фердинандъ писалъ къ Наполеону, представилъ это дѣло королю и королевѣ въ видѣ заговора, не только противу королевской власти, но и жизни. Королева, ненавидѣвшая сына за его вражду съ ея любимцемъ, уговорила короля дѣйствовать сильными мѣрами, и король приказалъ арестовать принца и его совѣтниковъ, и отдать ихъ подъ судъ за измѣну и покушеніе на жизнь короля и королевы, извѣстивъ въ то же время Наполеона о раздорѣ, терзавшемъ его

семейство, и о своемъ несчастномъ положеніи, требуя совѣта и помощи.

Это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе въ Испаніи. Никто не вѣрилъ въ справедливость обвиненія принца Фердинанда, и всѣ были увѣрены, что это интрига Князя Мира. Хотя судъ и не находилъ ни какихъ доказательствъ заговора, но принцъ Фердинандъ, зная, что рѣшеніе суда не избавитъ его отъ мести матери и Князя Мира, согласился помириться съ нимъ, чрезъ посредство сестры своей, королевы Этрурской, и даже далъ ему почувствовать, что готовъ жениться на его свояченицѣ; написалъ признаніе въ своей винѣ, не означая ея, и просилъ прощенія у родителей, сваливъ всю вину на своихъ совѣтниковъ. Князь Мира, видя, что это дѣло произвело дурное впечатлѣніе въ народъ, посовѣтовалъ королю и королевѣ простить виновнаго сына, обнародовавъ однакожъ, вмѣстѣ съ прощеніемъ, и признанія принца, чтобъ сдѣлать его ненавистнымъ, какъ предателя друзей своихъ и какъ неблагодарнаго сына. Совѣтниковъ принца наказали ссылкойю.

Во время раздоровъ и семейныхъ интригъ испанскаго двора, Годои искалъ покровительства Наполеона, и императоръ Французовъ, чтобъ заставить дѣйствовать Князя Мира согласно съ своими видами, заключилъ съ Испаніею тайный трактатъ въ Фонтенбло, въ 1807 году, по которому Испанія обязывалась помогать Франціи къ завоеванію Португаліи. Ее предполагали раздѣлить. Одну часть долженствовалъ получить Князь Мира, и, какъ независимый государь, принять титулъ Князя Обѣихъ Алгарвій; другая часть предоставлялась королевѣ Этруріи, въ замѣнъ этой области; третья часть долженствовала оставаться въ рукахъ Наполеона, до дальнѣйшихъ распоряженій, а король испанскій принималъ званіе *Американскаго Императора*. Испанскій король соглашался на все, съ условіемъ, чтобъ другъ его *Мануэлито*, какъ онъ обыкновенно называлъ Годои, былъ счастливъ и доволенъ!

Между тѣмъ, до 85,000 французскаго войска вошли въ Испанію, подъ предлогомъ поддержанія завоеванія Португаліи, хотя въ фонтенблоскомъ трактатѣ допускалось не болѣе 40,000 человекъ. Вмѣсто того, чтобъ идти въ Португалію, войско остановилось въ Испаніи (въ январѣ, 1808 года), отъ Пиреней по Эбро, овладѣвъ, самыми непростительными хитростями, всѣми крѣпостями. Народъ негодовалъ и ропталъ противу Князя Мира, зная, что Французы вошли въ Испанію

съ его согласія. Англійскіе агенты сильно дѣйствовали, возбуждая въ народѣ недовѣрчивость и ненависть къ Наполеону и Франціи, и страдая дворъ примѣромъ Неаполя и Португаліи. Наконецъ и самъ Князь Мира испугался, видя, что Наполеонъ медлитъ исполненіемъ фонтенблоскаго трактата, насательно раздѣла Португаліи. Онъ рѣшился послать въ Парижъ свое довѣренное лице, Искіердо, отъ имени короля, для объясненій на счетъ поведенія французскихъ генераловъ, занявшихъ обманомъ крѣпости, и прося исполненія фонтенблоскаго трактата, безъ всякихъ другихъ условій. Король соглашался отдать Французамъ, на время, одну или двѣ крѣпости, но рѣшительно протестовалъ противу занятія всѣхъ крѣпостей. Англичане совѣтовали Князю Мира отправиться съ королевскою фамиліею въ Мексикку, и тамъ ждать возстановленія спокойствія въ Европѣ, усиліями всѣхъ державъ. Этотъ проектъ нравился Князю Мира, который страшился мести народа, послѣ смерти короля, и боялся лишиться своего богатства. Извѣстія, сообщенныя изъ Парижа Искіердомъ, утвердили его въ этой мысли. Искіердо писалъ, что Наполеонъ оказываетъ величайшую ненависть ко всѣмъ Бурбонамъ, и намѣренъ сдѣлать измѣненіе въ фонтенблоскомъ трактатѣ, отдавая Испаніи всю Португалію и требуя присоединенія къ Франціи почти половины Испаніи, отъ Ниренеевъ до рѣки Эбро, какъ было при Карлѣ Великомъ.

Тогда Князь Мира рѣшился удалиться, съ королевскою фамиліею, въ Севилью, за горы Сіерра-Моррена. Король предписалъ войску испанскому собираться за этою чертою, выслалъ довѣренныхъ людей въ Англію, требуя совѣта и помощи въ случаѣ когда надобно будетъ спасаться въ Америку. Въ Аранжуэсѣ предписано было собираться гвардіи и лучшимъ полкамъ, для охраненія королевской фамиліи, и при дворѣ начались приготовленія къ отъѣзду. Это было въ началѣ марта, 1809 года. Вѣсть, что король оставляетъ столицу и даже Испанію, встревожила народъ и войско. Всѣ явно кричали, что ненавистный Годон продалъ Испанію Французамъ. Народъ собирался толпами на площадяхъ, а солдаты въ казармахъ, и толковали о несчастіи отечества, обвиняя во всемъ Годон. Дворянство, чиновники и офицеры раздѣляли общее негодованіе, и все предвѣщало близкое возмущеніе. Наконецъ, когда 6 Марта войско выступило изъ Мадри-та въ Аранжуэсъ, народъ толпами пошелъ за войскомъ, и прибывъ на мѣсто, окружилъ дворецъ, произнося ругатель-

ства и проклятiя противу Годен, требуя его головы и понося королеву. Противу короля не было ни одного оскорбительнаго слова, а принцу Фердинанду кричали *сказать*, называя его избавителемъ и хранителемъ чести Испанiи. Войско отказалось дѣйствовать противу народа, и вмѣстѣ съ нимъ проклидало ненавистнаго Годен, *sortejo* старой королевы. Наконецъ нижній этажъ дворца наполнился народомъ, угрожавшимъ вторгнуться въ королевскiя комнаты, для отысканiя своего врага, продавшаго, какъ говорилъ народъ, Испанiю Францiи.

Если говорится о возмущившемся *народъ* испанскомъ, то не должно разумѣть подъ этимъ именемъ богатыхъ помѣщиковъ, купцевъ, фабрикантовъ и поселянъ. Эти люди участвуютъ только духомъ въ народныхъ смятенiяхъ. Но едва ли какая другая страна вмѣщаетъ въ себѣ столько стихiй къ продолжительному мятежу, какъ Испанiя. Испанскiе города и даже селенiя наполнены людьми бездомными и безъ всякаго состоянiя, живущими день за день, чѣмъ попало и какъ попало, и принимающимися за работу тогда только, когда голодъ превозмогаетъ лѣнь. Къ этимъ бобылямъ принадлежатъ также контрабандисты, составляющiе особую касту, люди свѣлые и даже отчаянные, рискующiе жизнью за нѣсколько рублей, которые при недостаткѣ работы занимаются разбоемъ, укрываясь въ горахъ и пустыняхъ, гдѣ извѣстны имъ всѣ тропинки; погонщики муловъ расхаживающiе безпрерывно по Испанiи, разносящiе вѣсти и находящiеся въ связяхъ съ разбойниками, контрабандистами и всѣми тунейдцами; мелкiе чиновники и писцы изъ бывшихъ студентовъ, терпящiе вѣчный голодъ; толпы нищихъ, называющихъ себя студентами, и снискивающихъ пропитанiе милостиною; ремесленники, которые принимаются за работу только въ крайности, когда ѣсть нечего; оборванные и голодные, но гордые *лидалосы*, въ родѣ прежней безпомѣстной польской шляхты, и наконецъ монахи, или какъ ихъ называютъ въ Испанiи, *фрайле* (*frayle*), то есть *братья*, составляющiе, такъ сказать, душу испанскаго народа. Эти *фрайле*, суевѣры и невѣжды, расхаживаютъ по всей Испанiи, изъ монастыря въ монастырь, изъ дома въ домъ, проводятъ время въ праздности, предсѣдательствуютъ въ шинкахъ, и отъ скуки готовы на все. Они не были врагами Князя Мира, потому что только тотъ врагъ ихъ, кто вводитъ порядокъ, истребляетъ злоупотребленiя и просвѣщаетъ народъ; но Князь Мира былъ привер-

женщину Франціи, которую *фрайле* называли *землею безбожія и отечествомъ Антихриста*, и потому, когда французскія войска заняли часть Испаніи, то и *фрайле* возстали противу Князя Мира. Этотъ-то *народъ* въ Испаніи ужасенъ своею воспламенительностью, своимъ невѣжествомъ и кровожадностью. У каждаго человѣка длинный ножъ въ карманѣ (навахо), и при малѣйшей ссорѣ—драка на ножахъ. Убить противника для этихъ людей то же, что у насъ выбрать! Простить обиду почитается малодушіемъ, а отмстить кровью—молодечествомъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ отчаянныхъ головорѣзовъ собрались въ Аранжуэсъ, и ревели подъ окнами королевскими: «смерть Годон, сортежо Неаполитанки; вивать Фердинанду!»

Король, который никогда не занимался ни однимъ важнымъ дѣломъ, и состарѣлся въ спокойствіи и совершенномъ бездѣйствіи, вовсе лишился присутствія духа, а королева, съ воплями отчаянія, призывала своего Мануэлито (то есть Князя Мира), чтобъ укрыть его отъ ярости народной. Но онъ уже спрятался въ своемъ домѣ, на чердакѣ, подъ кучею матрацовъ. Народъ, ворвавшись въ домъ, изломалъ и разграбилъ все, но не отыскалъ Годоя. Въ домѣ поставили часовыхъ, но мятежъ не утихалъ. Тогда королева призвала ненавистнаго ей сына, принца Фердинанда, и сказала: «Спаси Мануэля (Годон) отъ смерти, и король сей же часъ отречется отъ престола, въ твою пользу.» Уже въ королевскомъ совѣтѣ самъ король предложилъ эту мысль, почитая вѣнецъ царскій тяжкимъ бременемъ, безъ помощи друга своего *Мануэлито*, и самому Фердинанду повторилъ слова королевы. Наслѣдникъ престола, который съ виду не принималъ ни какого участія въ мятежѣ, отвѣчалъ родителямъ, что онъ готовъ исполнить ихъ приказаніе и повиноваться ихъ волѣ. Уже прошло тридцать шесть часовъ со времени начала мятежа, но Князя Мира не могли отыскать. Наконецъ, томимый жаждою, онъ вылѣзъ изъ своего убѣжища, и сталъ просить стакана воды у часоваго, королевскаго тѣлохранителя, обѣщая ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ. Но часовой предалъ его народу, который готовился растерзать его, какъ внезапно появился принцъ Фердинандъ, и приказалъ не трогать преступника, а отвезти въ тюрьму, чтобъ судить по законамъ. Народъ повиновался. На другой день король объявилъ отреченіе отъ престола, въ пользу Фердинанда; народъ, войско и всѣ сословія были въ восторгѣ.

Но, на другой день по отреченіи отъ престола, когда Годон былъ уже въ безопасности отъ народной мести, король, по совѣту королевы, написалъ протестъ противу своего отреченія, утверждая, что былъ принужденъ къ тому силою, желая избѣгнуть кровопролитія, и послалъ свой протестъ французскому посланнику въ Мадридъ, графу Богарне. Въ то же время онъ написалъ письмо къ Наполеону, увѣдомляя о насильственномъ отреченіи отъ престола, и просилъ покровительства и защиты, предавая себя, семейство свое и друга своего, Князя Мира, его волгъ, и ожидая отъ него рѣшенія судьбы своей.

Мюрать, великій герцогъ бергскій, назначенъ былъ главнокомандующимъ арміею въ Испаніи, и во время происшествій въ Аранжуэсъ находился только въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Мадрида. 12 марта, Мюрать торжественно вступилъ съ войскомъ въ столицу Испаніи, и въ тотъ же вечеръ получилъ отъ короля Карла-Четвертаго письмо, въ которомъ онъ, извѣщая его о насильственномъ своемъ отреченіи отъ престола, просилъ покровительства для своего семейства и для друга своего, Князя Мира, находившагося въ тюрьмѣ. Новый король Фердинандъ Седьмой, извѣщая Наполеона о своемъ восшествіи на престолъ, въ слѣдствіе добровольнаго отреченія отца, также увѣрялъ Императора Французовъ въ своей неизмѣнной преданности, и также просилъ его покровительства. Такимъ образомъ королевское семейство добровольно предавало свою участь волгъ Наполеона!

Наполеонъ, не признавая Фердинанда въ королевскомъ званіи, но не порицая явно всего случившагося, послалъ къ нему своего любимца, Савари, чтобъ уговорить на свиданье въ Байоннѣ, увѣривъ, что всѣ затрудненія кончатся при личныхъ переговорахъ. Приближенные къ Фердинанду совѣтовали ему не оставлять Испаніи и не довѣрять Наполеону; но онъ, по долгомъ колебаніи, наконецъ согласился отправиться въ Байонну, съ нѣсколькими изъ своихъ приверженцевъ. Наполеонъ прибылъ туда 3 апрѣля, а Фердинандъ позже тремя днями. Наполеонъ встрѣтилъ дружески Фердинанда, хотя избѣгалъ случая говорить съ нимъ о дѣлахъ, до пріѣзда короля Карла-Четвертаго, который прибылъ къ Байонну 18 апрѣля, съ королевою и Княземъ Мира, освобожденнымъ изъ тюрьмы по требованію Наполеона.

Тутъ началась, такъ называемая, *Байоннская Драма*. Фердинандъ чрезвычайно удивился, когда Наполеонъ предло-

жилъ ему, чрезъ Савари, отказаться отъ испанскаго престола и получить въ замѣнъ Испаніи королевство этруское, данное Наполеономъ сестрѣ его, а потомъ отнятое, и отвѣчалъ, что онъ прибылъ затѣмъ только, чтобъ быть признаннымъ королемъ испанскимъ, а не для замѣна владѣній. Но Наполеонъ объявилъ рѣшительно, что какъ Карлъ-Четвертый протестуетъ противу своего отреченія отъ престола и обвиняетъ Фердинанда въ томъ, что онъ произвелъ мятежъ, и за это лишаетъ его правъ къ наследованію испанскимъ престоломъ, то онъ будетъ трактовать съ самимъ королемъ о дѣлахъ. Между тѣмъ, подъ названіемъ почетной стражи, приставили караулъ къ квартирѣ Фердинанда и прибывшаго съ нимъ брата его, Дона Карлоса, и назначили множество полицейскихъ агентовъ для наблюденія день и ночь за ними, чтобъ воспрепятствовать ихъ возвращенію въ Испанію, а Наполеонъ началъ переговоры съ старымъ и немощнымъ королемъ Карломъ-Четвертымъ, или правильнѣе, съ королевою и Княземъ Мира.

Сцена перваго свиданія королевской фамилии, въ присутствіи Наполеона, представила ужасное зрѣлище. «Довольна ли ты, доведя меня до этого горестнаго положенія!» сказалъ Карлъ-Четвертый Фердинанду, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. «Откажись отъ престола, съ котораго ты меня свергнулъ, отдай мнѣ мою корону, я требую этого, и если ты не захочешь повиноваться, я поступлю съ тобою, какъ съ возмущившимся подданнымъ; слышалъ ли!» — «Я не измѣнникъ,» отвѣчалъ Фердинандъ: «Испанская корона принадлежитъ мнѣ, потому что вы, родитель мой, отреклись отъ нея, а кромѣ того, я спасъ жизнь Мануэла (Годом), который преслѣдуетъ меня»....—«Отдай мнѣ мою корону!» воскликнулъ король, въ бѣшенствѣ, и будучи прикованъ подагрой къ кресламъ, привсталъ съ усиліемъ, и устремился къ сыну, гремя ему тростью. Наполеонъ удержалъ короля. Королева ругала Фердинанда самыми низкими выраженіями, забывъ всѣ приличія, и потомъ обратясь къ Наполеону, стала умолять его, чтобъ онъ отдалъ его подъ судъ какъ измѣнника и бунтовщика, заслужившаго публичную казнь. Фердинандъ спокойно отвѣчалъ. «Я согласенъ отказаться отъ престола, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ваше величество не брали съ собою въ Испанію людей, ненавистныхъ народу (намекъ на Князя Мира), и если вы, по слабости здоровья, не можете сами управлять, то чтобъ вы мнѣ поручили управленіе госу-

дарствомъ. Что же касается до отреченія отъ престола, то это дѣло должно быть подвергнуто сужденію чрезвычайнаго собранія кортесовъ или кастильскому совѣту».... Наполеонъ, видя, что дѣло принимаетъ неожиданный оборотъ, поспѣшилъ окончить это свиданіе.

Насильственное задержаніе Фердинанда въ Байоннѣ возбуждало во всей Испаніи сильное негодованіе и удвоило ненависть къ Французамъ. Народъ явно ропталъ и говорилъ объ отмщеніи. Вездѣ приготовлялись къ возстанію и къ истребленію Французовъ. Ждали только случая, и отъ открылся. Наполеонъ, чтобъ имѣть въ рукахъ все королевское семейство, приказалъ Мюрату выслать изъ Мадрида въ Байонну младшаго брата Карла-Четвертаго, Дона Антонія, председателя правительственнаго совѣта (юнты) въ отсутствіе Фердинанда, младшаго принца Дона Франциска де-Паула и бывшую королеву эструскую. Это привело народъ въ бѣшенство, и 20 апрѣля (2 мая новаго стиля), внезапно вспыхнуло возмущеніе въ Мадридѣ. Въ восьмидесяти двухъ церквахъ ударили въ одно время въ набатъ, и все мадридское народонаселеніе бросилось изъ домовъ на улицы, вооружившись чѣмъ кто могъ. Каждога встрѣчавшагося Француза умерщвляли на мѣстѣ. Французское войско выступило изъ казармъ и заняло важнѣйшіе посты. Въ толпы народа стрѣляли бѣглымъ огнемъ изъ ружей и картечами, вдоль улицъ; но ожесточенные Испанцы бросались съ ножами въ ряды Французовъ, и дѣлали, какъ слѣпые, на пушки. Разумѣется, что регулярное войско одержало верхъ, и къ вечеру городское начальство успѣло усмирить возстаніе. У Французовъ убито 500 человекъ, болѣею частію поодиначкѣ, въ домахъ и на улицахъ. Въ народѣ также убито нѣсколько сотъ человекъ, и нѣсколько сотъ взято въ плѣнъ, изъ значительнѣйшихъ жителей столицы. Мюратъ, въ гнѣвѣ и для устрашенія столицы, велѣлъ въ ту же ночь разстрѣлять всѣхъ ихъ, безъ всякаго суда и расправы.

Одинъ изъ моихъ пріятелей, служившій въ то время въ гвардіи Наполеона, и бывшій свидѣтелемъ этой экзекуціи, рассказывалъ мнѣ слѣдующее: «Всѣхъ плѣнныхъ, связанныхъ по рукамъ, привели на знаменитое гульбище Прадо, при свѣтѣ факеловъ. Шумъ и крикъ были ужасные. Большая часть плѣнныхъ клялись, что они не принимали ни какаго участія въ возмущеніи, и просили слѣдствія. Другіе

ужолили, чтобъ имъ позволили исповѣдаться и причаститься святыхъ таинъ. Не слушали ни жалобъ, ни просьбъ. Всѣхъ плѣнныхъ гражданъ поставили въ одну шеренгу, при стѣнѣ, и батальонъ, въ десяти шагахъ, выстрѣлилъ въ нихъ залпомъ. Но какъ многіе были только ранены, то велѣно ихъ прикалывать. Пронзительные крики и стоны раздирали душу; но французскіе солдаты до того были ожесточены, что не давали никому пощады. Когда не осталось ни одного въ живыхъ, Французы возвратились въ казармы, оставивъ трупы на мѣстѣ. На другой день городское начальство убрало ихъ и похоронило за городомъ. Народъ толпился на похорожахъ, но французская кавалерія разогнала его.

Наполеонъ, получивъ извѣстіе о мадридскомъ возмущеніи, рѣшился немедленно кончить дѣло съ королевскою фамиліею. Призвавъ къ себѣ Князя Мира, онъ обѣщалъ ему свое покровительство, возвращеніе всего его богатства, оставшагося въ Испаніи, и огромную пожизненную пенсію, если онъ уговоритъ короля, чтобъ онъ принудилъ Фердинанда отречься отъ престола. Король долженъ былъ угрожать Фердинанду судомъ за измѣну. Князь Мира согласился на все, и на другой день король Карлъ-Четвертый снова призывалъ къ себѣ своихъ сыновей Фердинанда и Карлоса. Второе свиданіе происходило также въ присутствіи Наполеона. Хотя при этомъ свиданіи не было постороннихъ лицъ, но нѣкоторые изъ свиты Наполеона были помѣщены въ сосѣднихъ комнатахъ такимъ образомъ, что могли все слышать и видѣть. Извѣстный политическій писатель Прадтъ сохранилъ въ памяти эту сцену.

Король Карлъ-Четвертый сидѣлъ въ креслахъ, держа свою трость. По одной сторонѣ его сидѣла королева, по другой сидѣлъ Наполеонъ. Вошли два принца. «Извѣсть ли ты извѣстіе изъ Мадрида?» спросилъ король Фердинанда, робкимъ голосомъ, задыхаясь отъ гнѣва. «Нѣтъ, государь,» отвѣчалъ Фердинандъ. «Такъ слушай же,» сказалъ король, и рассказавъ ему о мадридскомъ возмущеніи, сталъ обременять его самыми сильными упреками: «Для того ли ты свергнулъ меня съ престола,» сказалъ онъ между прочимъ, «чтобъ проливать кровь моихъ подданныхъ! Кто тебѣ это присовѣтовалъ? Говори!» Фердинандъ молчалъ, а король горячился, и наконецъ снова замахнулся на него тростью, крича: «Говори же!» Фердинандъ молчалъ. «Ты бы и насъ подвергнуть погибели, если бъ мы были въ это время въ Мад-

рвѣ», продолжалъ король. «Какъ бы ты могъ воспротивити-
ся во время бунта! Говори, кто тебя подучилъ на этотъ по-
вѣдъ бунтъ?» Фердинандъ молчалъ. Королева вскочила съ
кресель, подбѣжала къ нему, и поднявъ руку, чтобъ дать
ему пощечину, воскликнула: «Говори же!» Фердинандъ все
молчалъ. Тогда Наполеонъ обратился къ принцу, и сказалъ
важно: «До сихъ поръ я не имѣлъ на вашъ счетъ ни какого
твердаго намѣренія, но послѣ случившагося въ Мадридѣ,
объявляю вамъ, что я никогда не признаю испанскимъ ко-
ролемъ того, кто такимъ образомъ нарушилъ союзъ со мною.
Мадридское кровопролитіе есть дѣло партіи, отъ которой вы
не можете отречься. Вотъ слѣдствія пагубныхъ совѣтовъ! Я
не знаю никого, кромѣ его величества, вашего родителя—и
его только признаю испанскимъ королемъ. Если ему угодно,
я самъ провожу его въ Мадридъ!» — «Не хочу!» восклик-
нулъ король. «Онъ (то есть Фердинандъ) вооружилъ проти-
ву меня всѣ страсти, и я не хочу безчестить моей старости,
ведя войну съ моими подданными и сооружая эшафоты»...
Послѣ этого король сказалъ Фердинанду: «Пошелъ вонъ!»
и принцъ удалился, не промолвивъ ни слова во все время.

Савари послѣдовалъ за нимъ, и объявилъ, что если онъ не
отречется отъ престола безъ всякихъ условій, то король рѣ-
шился назначить надъ нимъ судъ, слѣдствіемъ котораго бу-
детъ или смерть на эшафотѣ, или вѣчное заключеніе. Фер-
динандъ наконецъ согласился, написалъ актъ и отослалъ его
къ отцу.

Трактатъ съ королемъ Карломъ-Четвертымъ былъ уже го-
товъ. Онъ былъ коротокъ и ясенъ. Карлъ-Четвертый, закон-
ный король Испаніи и Индій, уступалъ Наполеону всѣ свои
права на испанскій престолъ, съ тѣмъ, чтобъ Испанія оста-
валась нераздѣльною и составляла особое государство, неза-
висимое отъ Франціи. Наполеону предоставлялось на волю
избрать короля испанскаго, который обязанъ хранить рим-
ско-католическую вѣру господствующую, безъ всякихъ въ
ней измѣненій, и возвратитъ имущество всѣмъ лишившимся
его во время возмущенія въ Аранжуэсѣ. Это относилось къ
Князю Мира, который только этого и желалъ. Королю данъ
въ пожизненное владѣніе замокъ Компіенъ и имѣніе Шам-
боръ, въ родѣ потомственнаго помѣстья, и 30,000,000 ре-
аловъ въ годъ пенсіи. Каждому принцу назначено пенсіи по
400,000 франковъ. Съ Фердинандомъ заключенъ былъ осо-
бый договоръ на счетъ пенсіи, и онъ повторилъ отреченіе

свое отъ правъ на испанскій престолъ. Тѣмъ кончилась драма байонская, и Наполеонъ возвратился въ Парижъ, вѣря, что онъ везетъ въ карманъ Испанію съ ея богатыми колоніями. Онъ отдалъ ихъ брату своему Іосифу, назначивъ на его мѣсто, въ неаполитанскіе короли, зятя своего Мюрата. При дворѣ Наполеона повторяли фразу Лудовика-Четырнадцатаго, произнесенную имъ въ то время, когда онъ посадилъ на испанскомъ престолѣ внука своего, Филиппа-Пятаго, родоначальника бурбонской линіи: *il n'y a plus de Pyrénées!* (то есть нѣтъ больше горъ Пиренейскихъ),

Европейскіе дипломаты не предугадывали судьбы Испаніи и испанскихъ Бурбоновъ. Основываясь на ихъ покорности волѣ Наполеона, всѣ полагали, что возникшія несогласія въ испанской королевской фамиліи кончатся бракомъ Фердинанда съ одною изъ родственницъ Наполеона, и занятіемъ береговъ Испаніи французскими войсками, какъ въ Германіи, для утвержденія континентальной системы противу англійской торговли. Иностраннхъ дипломатовъ не было въ Байоннѣ, и все происходило тамъ въ тайнѣ, въ кругу довѣренныхъ и преданныхъ Наполеону лицъ. Первую догадку о судьбѣ Испаніи представилъ Императору Александру молодой русскій офицеръ, штаб-ротмистръ кавалергардскаго полка Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣ князь, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи и военный министръ).

Европа ужаснулась, узнавъ о развязкѣ байоннской драмы. При лишеніи Бурбоновъ неаполитанскаго престола, былъ какой нибудь предлогъ, тѣсный союзъ ихъ съ Англичанами, объявленіе войны Франціи, и тому подобное. Но испанская династія, со времени послѣдней революціонной войны, предалась совершенно Франціи, и принесла ей величайшія жертвы. Какое же право имѣлъ Наполеонъ, безъ объявленія войны, занять Испанію и завладѣть древнимъ ея престоломъ, заманивъ, такъ сказать, въ засаду всю королевскую фамилію? Всѣ владѣтельныя особы второстепенныхъ государствъ испугались этого самоуправства и столь наглого попранія народнаго права—и эта формула Наполеона: *La maison de Bourbon (или de Bragance) a cessée de régner* — страшно звенѣла у всѣхъ въ ухахъ. Ужели престолы будутъ раздаваться и отниматься *приказами*, по волѣ диктатора? Всѣ частныя благомыслящія люди въ Европѣ вознегодовали на измѣну.

Если бы Наполеонъ войною покорилъ Испанію и лишилъ престола враждебную фамилію, тогда бы онъ нашелъ еще защитниковъ; но въ этомъ случаѣ и приверженцы его должны были молчать, тѣмъ болѣе, что общее мнѣніе всегда склоняется въ пользу угнетенныхъ, и что оно обсуживаетъ политическія дѣла какъ частныя, взвѣшиваетъ правду на вѣсахъ здраваго разсудка, и отвергаетъ всѣ умствованія, противныя честности и справедливости. Побѣды Наполеона, сильныя контрибуціи и тягость военныхъ постоевъ и безъ того раздражали умы противу завоевателя, и народы рады были найти въ немъ черную сторону, которая, напротивъ, казалась свѣтлѣе солнца его приверженцамъ.

Еще новый король Іосифъ не ступилъ ногою въ Испанію, а уже вся она объята была пламенемъ возмущенія противъ его власти. Кромѣ двухъ испанскихъ корпусовъ, находившихся внѣ Испаніи (корпуса генерала Офарили и маркиза де-ла Романы), внутри государства было еще до 60,000 регулярнаго войска, которое возставшій народъ принудилъ присоединиться къ нему, умерщвляя офицеровъ, сопротивлявшихся его волѣ. Началась жестокая борьба. Португалія также возмутилась противу Французовъ, требовавшихъ 100,000,00 франковъ контрибуціи, и въ это самое время до 40,000 Англичанъ, съ сильною артиллеріею, подъ начальствомъ генерала Веллингтона, сдѣлали высадку въ Португалію, для содѣйствія народному возстанію на всемъ полуостровѣ.

Французская армія въ Испаніи въ это время состояла изъ 95,000 человекъ, и раздѣлена была на четыре корпуса. Въ Португаліи было до 24,000 человекъ. Во французской арміи, находившейся въ Испаніи, было не болѣе 20,000 надежныхъ солдатъ. Остальные были рекруты, необученные, не привыкшіе къ военнымъ трудностямъ. Въ арміи было 6 баталіоновъ Поляковъ надвислянскаго легіона, 8 полковъ итальянскихъ и три полка швейцарскихъ. Это были лучшіе солдаты, вмѣстѣ съ частью старой гвардіи. Можно смѣло сказать, что никогда не было такого дурнаго войска, какъ французская армія въ Испаніи и Португаліи, при первомъ вторженіи, въ 1807 и 1808 годахъ. Способности главнокомандовавшихъ вовсе не соответствовали ихъ высокому назначенію и притомъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда надлежало завоевывать и управлять страной, усмирять непокорныхъ, и успокаивать умы. — Мюрать былъ отлич-

ный кавалеристъ, рубака, очинавший набожность, превосходный для блистательной кавалерійской атакѣ, но вовсе не способный начальствовать арміей. Маршалъ Жюно былъ драбръный воинъ, превосходный дивизионный командиръ, подъ начальствомъ Наполеона, которому онъ былъ проданъ всю душою, но безъ военныхъ способностей, и притомъ колеблющагося характера, иногда слишкомъ отчаянный и твердый, иногда вовсе нерѣшительный. Французскія войска должны были действовать въ Испаніи отдѣльно, корпусами и отрядами, весьма часто не имѣвшими съ собою ни какого сообщенія въ странѣ, которой мѣстоположеніе было неизвѣстно начальникамъ, среди возмущеннаго народа. Маршалъ Бессіеръ, командовавшій лучшимъ корпусомъ, въ которомъ была гвардія, разбивъ испанскаго генерала Куэсту, подъ Ріо-Секко, ввелъ торжественно короля Іосифа въ Мадридъ, но это не укрѣпило его власти. Въ то же время генералъ Дюпонъ, зашедъ съ горы Сіерры-Морены, и будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ, долженъ былъ сдаться, со всемъ своимъ корпусомъ, въ 28,000 человекъ, положивъ оружіе при Байленѣ. Это событіе, неслыханное во французской арміи, возбудило новый жаръ въ Испанцахъ, и обрадовало всѣхъ враговъ Наполеона, во всей Европѣ. — Маршалъ Жюно также не могъ устоять противу Англичанъ и португальскихъ инсургентовъ, и послѣ унорнаго сраженія при Виміерѣ, гдѣ Французы дрались превосходно, онъ, отрѣзанный отъ всѣхъ своихъ сообщеній, не надѣясь получить ни какой помощи, заключилъ знаменитую конвенцію при Синтрѣ, по которой Англичане обязались перевезти на своихъ судахъ весь французскій корпусъ, съ оружіемъ, во Францію. — Въ Тагѣ находился въ это время русскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Сенявина, пришедшій изъ Средиземнаго Моря. Сенявинъ, видя невозможность сопротивляться Англичанамъ, сдалъ имъ корабли, съ условіемъ, чтобъ они перевезли людей въ Россію. Корабли эти были потомъ возвращены Россіи, но полусогнившіе. Почти въ то же время маркизь де-ла-Романа, съ 10,000 изъ своего корпуса, успѣлъ уйти изъ Даніи, на англійскихъ корабляхъ, и прибывъ въ Испанію, подкрѣпилъ инсургентовъ, столько же личными своими достоинствами, какъ и отличными солдатами. Неудачи быстро слѣдовали одна за другою со времени плѣна Фердинанда, который во всей Испаніи былъ провозглашенъ

торжественно короновать, а новый король Ротшиль подъ защитою французскаго войска долженъ была удаляться изъ отащцы и поселиться въ Бургоеъ, въ тридцати миляхъ отъ французской границы. Словомъ, въ началѣ сентября, дѣла Наполеона на Иберійскомъ Полуостровѣ находились въ самомъ дурномъ положеніи. Англичане были въ восторгѣ, что Наполеонъ открылъ имъ самое выгодное для нихъ поврище, на твердой землѣ, для борьбы съ нимъ, и употребляли всѣ возможные средства къ вооруженію испанскаго народа, къ внушенію ему ненависти къ Наполеону и къ Французамъ, къ возбужденію жести и жажды французской ирочи. Въ Испаніи не было денегъ; арсеналы были пусты, и англійское золото пошло туда рѣкою: на всея берегу выгружали оружіе и всѣ военныя потребности для испанской арміи и инсургентовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ этой помощи Испанцы не могли бы долго противостоятъ Французамъ и возмущеніе утихло бы, по недостатку средствъ. Но въ Испаніи воевала Англія, а Испанцы были только ея орудіемъ къ сокрушенію могущества Наполеона, до сихъ поръ непобѣдимаго. Наконецъ открылось уязвимое мѣсто въ этомъ несокрушимомъ колосѣ—пята Ахиллесова!

Но не одно самоуправство Наполеона въ Испаніи безпокоило народы и ихъ государей. Послѣ тильзитскаго мира, Наполеонъ, не опасаясь сопротивленія, началъ межевать Европу по своему произволу, безъ оглядки на трактаты и на народное право. Двадцать-второго декабря 1807 года присоединены къ Франціи города Кель (Kehl), Везель, Кастель при Майнцѣ и Флессингенъ, въ Голландіи, съ ихъ округами. Втораго февраля 1808 года занять Римъ Французами, и въ тотъ же день изданъ декретъ, которымъ присоединена къ фран-

* Чтoby дать понятіе читателямъ, какъ сильно Англія помогала Испаніи, прилагаю списокъ вещей, доставленныхъ Англіею въ Испанію отъ мая до конца 1808 года. Деньгами 76,000,000 франковъ, пушекъ 98, пушечныхъ зарядовъ съ ядранъ 31,000, единороговъ 38, зарядовъ къ нимъ 7,300, карналовъ 80, зарядовъ карналовыхъ 40,000, ружей 300,177, штуцеровъ 229, сабель 61,309, пикъ 79,000, ружейныхъ патроновъ 23,477,000, пуль 600,000, бочекъ пороха 15,400, полной одежды для пѣхоты 39,000, палатокъ 40,000, военныхъ повозокъ 10,000, оковъ (мѣра около полутора аршина): холста 113,000, сукна 125,000, бумажныхъ тканей 82,000, кусковъ сукна 4,000, кусковъ станада 6,4000, готовыхъ шинелей 50,000, готоваго платья 92,000 паръ, рубахъ 35 000, ситца кусковъ 22,000, башмаковъ 82,000 паръ, подошвъ 15,000, малыхъ аптечныхъ ящичковъ 50,000, ранцевъ 34,000, шляпъ и шапокъ 16,000, подкладочной ткани кусковъ 760.

прусской имперіи Сѣверная Италия, примыкающая къ Альпамъ и раздѣленная на департаменты, подъ названіемъ заальпійскихъ. Двадцать-седьмого февраля занята Остернія, съ прилежащими къ ней графствами, на имя Людовика Бонапарте. Второго апрѣля декретомъ Наполеона раздѣлена Папская Область, и четыре легатства (губерніи) ея присоединены къ итальянскому королевству. Пятаго мая княжество Мюнстеръ, графства Маркъ, Лингенъ и Текленбургъ отданы Мюрату, и вошли въ составъ созданнаго для него герцогства Бергскаго, которое послѣ назначенія Мюрата въ неаполитанскіе короли, поступило въ собственность Наполеона. Кромѣ того множество казенныхъ помѣстьевъ во всей Германіи объявлены собственностью Наполеона, изъ которыхъ онъ составилъ аренды (dotations) для своихъ генераловъ и государственныхъ людей, учредивъ сверхъ того въ сердцѣ Германіи вестфальское королевство, для брата своего Иеронима. — Въ значительнѣйшихъ прусскихъ крѣпостяхъ стояли Французы, и Пруссія управлялась въ финансовомъ отношеніи Французскими чиновниками, подъ главнымъ начальствомъ гофъ-интенданта (Intendant de la liste civile) Дарю, до уплаты Пруссіею военной контрибуціи. Вольные приморскіе города Германіи и всѣ ея порты были заняты Французами, и берега оставлены французскими таможенными стражами, для приведенія въ исполненіе ненавистой континентальной системы. Французская полиція дѣйствовала во всей Германіи, и держала умы въ оковахъ. Исключая нѣсколькихъ преданныхъ Наполеону лицъ, вся Германія пылала къ нему ненавистью и желаніемъ освободиться отъ чужеземнаго ига. Примѣръ Испаніи разбудилъ Германію. Всѣхъ взоры устремлены были на Испанію, всѣ сердца желали ей успѣха, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ Испаніи, и эти извѣстія Англичане доставляли контрабандой въ Германію, вмѣстѣ съ своими товарами.

Австрія, вспомошествоваемая Англіей, начинала вооружаться, учреждала милицію во всѣхъ областяхъ, комплектовала армію, и приводила крѣпости въ оборонительное положеніе, увѣряя Наполеона, что происшествія на востокѣ, то есть въ Турціи, требуютъ съ ея стороны предосторожностей, а между тѣмъ во всей Германіи, особенно въ Пруссіи, пламенные патріоты воспламеняли умы, и приготавливали народъ къ возстанію.

Вся Испанія вооружилась на возгласъ: *отечество и Фердинандъ*, но Германія не могла возстать иначе, какъ духомъ, при священныя словахъ *Тевтонія и Германія*, произнесенныхъ знаменитымъ Коцебу, который своимъ журналомъ *der Freimüthige* сосредоточивалъ умы и давалъ имъ направленіе. Профессоръ грейфсвальдскаго университета (въ Помераниі) Арндтъ, своею сатирою *Аистъ съ дѣтьми*, устремленную противу Наполеона и рейнскаго союза, возбудилъ во всѣхъ сословіяхъ ненависть къ Наполеону, а своею книгою *Духъ времени*, привлекъ и высокіе умы къ размышленію о постыдной участи Германіи, покорной чужеземному завоевателю. Наконецъ прусскій министръ Штейнъ и австрійскій Стадионъ основали союзъ, котораго цѣль состояла въ стремленіи къ освобожденію Германіи отъ чужеземнаго ига. Умные и степенные люди между врагами Наполеона были убѣждены, что безъ Россіи невозможно возстать Германіи, въ тогдашнемъ ея положеніи, и взоры всѣхъ устремлены были на Императора Александра, всѣ сердца обращены были къ Нему. И для Наполеона страшнѣе былъ только Императоръ Александръ, съ его вѣрною, преданною Россіею и храбрымъ войскомъ, о которомъ самъ Наполеонъ сказалъ, что это войско можно истребить, но не побѣдить.

При этихъ обстоятельствахъ, эрфуртскій конгрессъ былъ весьма важенъ для всего образованнаго міра. Наполеонъ хотѣлъ видѣться только съ Императоромъ Александромъ, и потому не приглашалъ формально другихъ европейскихъ союзныхъ государей. Императоръ австрійскій и король прусскій не пріѣхали сами, но послали своихъ министровъ. Императору Александру надобно было пріѣхать въ Германію, чтобъ лично убѣдиться во всемъ, о чемъ его извѣщали, и удостовѣриться въ окончательныхъ намѣреніяхъ Наполеона. Прибыли въ Эрфуртъ, какъ вассалы Наполеона, короли: саксонскій, виртембергскій, баварскій и вестфальскій, двадцать семь герцоговъ и князей рейнскаго союза, съ ихъ супругами, и до пятидесяти первыхъ европейскихъ вельможъ. Съ Императоромъ Александромъ пріѣхалъ Его Императорское Высочество Цесаревичъ и въ свитѣ его нѣсколько генералъ и флигель-адъютантовъ. Для дипломатическихъ дѣлъ находился при Государѣ графъ Н. П. Румяновъ, съ канцеляріею министерства иностранныхъ дѣлъ, и М. М. Сперанскій по дѣламъ внутренняго управленія. Въ званіи статсъ-секретаря

былъ при Государѣ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Изъ Парижа прибылъ посолъ нашъ, графъ П. А. Толстой, съ совѣтникомъ посольства, графомъ К. В. Несельроде. Кромѣ того явились въ Эрфуртъ нѣкоторые изъ русскихъ посланниковъ при германскихъ дворахъ, совѣтники, секретари посольствъ и русскіе дипломатическіе консулы, для сообщенія свѣдѣній, которыя отъ нихъ требовались. Въ свитѣ Наполеона, кромѣ его адъютантовъ и придворныхъ, были: маршалъ Бертье, маршалъ Дюрокъ, Тальранъ, въ званіи великаго камергера (*grand chambellan*), министръ статсъ-секретарь Маре, министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, генералы: Савари и Лористонъ. Изъ французскихъ войскъ въ Эрфуртъ находился лучшій корпусъ пѣхоты, гренадеры старой гвардіи, полкъ гусарскій и лучшій полкъ кирасирскій.

Изъ Парижа прибыла труппа актеровъ перваго парижскаго театра (*théâtre Français*) съ Тальмой, госпожами Жоржъ, Дюшенуа, Бургоэнь, Марсъ и множествомъ прекрасныхъ танцовщицъ и актрисъ. Изъ тюльерійскаго дворца привезли мебель, гобелены обои, драгоценную посуду. Наполеонъ хотѣлъ угостить по-царски своихъ гостей.

Маршалъ Ланнъ, Ахиллесъ французской арміи, высланъ былъ, для встрѣчи Императора Александра, на берега Нѣмана. Подъ Веймаромъ, на большой дорогѣ, всадникъ остановилъ экипажъ Императора Александра: это былъ Наполеонъ, выѣхавшій встрѣтить своего гостя, и оба Императора вмѣстѣ въѣхали въ Эрфуртъ, при многочисленномъ стеченіи народа.

Вотъ дѣла, рѣшенныя на эрфуртскомъ конгрессѣ. Въ отношеніи къ *Турціи*, Россіи надобна была граница по Дунай, и она объявила большія притязанія, которыя Наполеонъ сперва оспаривалъ, но наконецъ согласился на занятіе Русскими Молдавіи и Валахіи. Въ отношеніи къ *Швеціи*, Наполеонъ предлагалъ раздѣлить это государство между Россією и Даніей, такимъ образомъ, чтобъ границу между Россіей и Даніей составляла рѣка Мотала. Императоръ Александръ это отвергнулъ, и объявилъ, что беретъ только необходимую ему Финляндію. Въ отношеніи къ *Польшѣ*, Наполеонъ обязался никогда не возстановлять ее въ прежнемъ видѣ, и даже герцогству варшавскому не давать самостоятельнаго бытія, но подчинить его королямъ саксонскимъ. Въ отношеніи къ *Испаніи*, *Неаполю* и *Этруріи*, Императоръ Александръ одобрялъ

все, сдѣланное Наполеономъ. Въ отношеніи къ Австріи, Императоръ Александръ обязался выставить 50,000 вспомогательнаго войска, если Австрія объявитъ войну Наполеону, безъ согласія Россіи. Въ отношеніи къ Пруссіи, Императоръ Александръ убѣдилъ Наполеона вывести войско изъ этого государства и устранить всякое вмѣшательство французскихъ чиновниковъ въ управленіи государствомъ. Наполеонъ, соглашаясь на желаніе Государя, настоялъ однакожь на томъ, чтобъ удержать три прусскія крѣпости, до уплаты контрибуціи, и чтобъ Пруссія содержала не болѣе 40,000 войска. Были попытки, со стороны Наполеона, насчетъ родственнаго союза съ російскимъ дворомъ, потому что, со времени принятія императорскаго титула, онъ уже намѣревался развестись съ Жозефиною. Это дѣло устранено подъ благовиднымъ предлогомъ, что въ семейныхъ дѣлахъ должна рѣшать вдовствующая Императрица.

Наполеонъ откровенно объявилъ Императору Александру, что въ Европѣ должны быть двѣ системы: *сѣверная* и *западная*. Сѣверъ долженъ принадлежать Императору Александру, а западъ Наполеону. Между двумя системами, посредничающими державами долженствовали быть Пруссія и Австрія, до тѣхъ поръ, пока онѣ добровольно не пристанутъ къ той или другой системѣ. Это было почти то же, что западная и восточная имперія въ средніе вѣки, то есть двѣ 8 части для цѣлаго міра. Мысль была великая, но время и люди были не тѣ, что въ средніе вѣки! Тальранъ былъ правъ, сказавъ, что Наполеонъ, при всей своей геніяльности, былъ всегда поэтомъ въ политикѣ.

Не стану описывать царскихъ забавъ на эрфуртскомъ конгрессѣ. Михаилъ Михайловичъ Сперанскій рассказывалъ мнѣ много подробностей, весьма занимательныхъ, но уже отчасти описанныхъ. Скажу только то, что лично касается до этого незабвеннаго для Россіи мужа. Однажды, прогуливаясь пѣшкомъ, въ зимнее время, по Петербургу, я встрѣтилъ М. М. Сперанскаго возлѣ сената. Это было въ пятницу, а онъ тогда, каждую недѣлю, обѣдалъ въ этотъ день на Васильевскомъ Островѣ, у извѣстнаго всѣмъ отставнаго корнета Яковлева. Я вызвался сопутствовать Михаилу Михайловичу, и какъ было еще часа полтора до обѣда, то мы пошли бродить по Васильевскому Острову. Покойный Михаилъ Михайловичъ (тогда онъ еще не былъ графомъ) былъ ко мнѣ все-

гда чрезвычайно милостивъ, и его правосудію и личному заступленію обладавъ я тѣмъ, что мои родственники выиграли долголѣтній и запутанный процессъ, въ которомъ я принималъ участіе и по чувствамъ и по матеріальнымъ выгодамъ. Бывшій его довѣреннымъ лицомъ и секретаремъ, находившійся при немъ почти безотлучно, въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ К....ма Г....чь Р....кій (нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ) засвидѣтельствуетъ *, какое участіе принималъ во мнѣ покойный графъ Сперанскій, и какъ былъ ко мнѣ милостивъ и снисходителенъ. Я всегда говорилъ съ нимъ откровенно о дѣлахъ и лицахъ, говорилъ что думалъ.

Я не могу умолчать объ одномъ анекдотѣ, что онъ мнѣ всегда приходитъ на умъ, когда я вспоминаю о Наполеонѣ. За большимъ обѣдомъ въ Эрфуртѣ, на которомъ присутствовали всѣ владѣтельные особы, зашла рѣчь о знаменитой *золотой буллѣ*, незабвенномъ намятникѣ среднихъ вѣковъ. Хотѣли знать настоящее время, годъ и число этого акта, и князь Примасъ привелъ ихъ невѣрно. Наполеонъ поправилъ ошибку, и сказалъ точно годъ и число изданія буллы. Всѣ стали изъявлять удивленіе, что Наполеонъ, среди столь важныхъ занятій, помнить числа, превозносили всеобъемлющій его геній, а онъ прехладнокровно сказалъ: *«Когда я былъ подпоручикомъ...»* Всѣ изумились, замолчали и не смѣли поднять глазъ. Наполеонъ, замѣтивъ это, нарочно повторилъ фразу, но уже съ измѣненіемъ: *«Когда я имѣлъ честь быть подпоручикомъ, и стоялъ въ Греноблѣ, я жилъ возлѣ книжной лавки, и прочелъ нѣсколько разъ всѣ книги, которыя въ ней были, а потому и неудивительно, что, имѣя хорошую память, я помню числа.»* Этотъ человекъ, который *имѣлъ честь быть подпоручикомъ*, и потомъ подчинилъ своей власти народъ, сокрушившій законный престолъ, и наконецъ раздавалъ по своей волѣ престолы, безъ сомнѣнія былъ великій мужъ, что ни говорили бы о немъ его непріатели!

* Ссылаюсь на этого пошлагого человека потому, что непримиримые ожесточенные литературные враги мои, употребляя всѣ средства къ униженію мня въ глазахъ публики, печатали, будто я *звѣстаю* (!) *связали съ умриши!!!* Я уже отвѣчалъ на это въ предисловіи къ 1-й части моихъ *Воспоминаній*, и потому не повторяю теперь моего опроверженія на подобныя обвиненія: но, для утѣхи моихъ враговъ, буду или ссылаться на живыхъ людей, или прилагать документы. Злоба ослѣпляетъ! Ужели враги мои хотятъ, чтобъ я рассказывалъ анекдоты о *жизнѣхъ людей*, и говорилъ о новѣхъ къ нимъ отношеніяхъ? Бессмыслие — и только!

тѣмъ, какъ война была въ самомъ разгарѣ. Во всей Европѣ не было тогда прочнаго мира, а только перемиріе; общая война могла вспыхнуть съ каждымъ днемъ, и тогда Англичане поддержали бы Шведовъ. Надлежало торопиться покореніемъ Финляндіи. Государь, одобривъ рѣшеніе комитета министровъ, возвратился къ первой своей мысли: изгнавъ Шведовъ изъ Финляндіи, принудить шведскаго короля къ миру, перенесеніемъ войны въ самую Швецію. Графу Буксгевдену уже нельзя было ни чѣмъ отговариваться, и онъ долженъ былъ начать немедленно военныя дѣйствія наступательно. Такова была воля Государя.

О. ВУДГАРНЪ.

=

ПОЛТАВСКІЕ ВЕЧЕРА.

=

ВЕЧЕРЬ ПЕРВЫЙ.

=

Полтава очень хорошенькій городокъ. Мнѣ рѣдко случалось видѣть площадь красивѣе полтавской, на которой стоитъ памятникъ Петру Первому; только жаль, что эта площадь засажена высокими деревьями, и они скрываютъ отъ глазъ прекрасныя зрѣнія ихъ окружающія: будь вмѣсто деревьевъ кустарники, тогда бы открывалась разительная общность картины, и площадь, не теряя своей южной физиономіи, была бы, кажется, еще красивѣе. Отъ площади идетъ къ собору чудная Александровская улица, обсаженная пирамидальными тополями; далѣе за соборомъ, у крутого берега, открывается необозримый горизонтъ луговой стороны Ворсклы, пересѣкаемой прихотливыми изгибами рѣчнаго русла, зелеными равнинами, садами, рощами, садами.... и все это уходя далѣе и далѣе отъ глазъ, наконецъ сливается въ темно-голубую черту съ горизонтомъ темнаго неба.... иногда на этой чертѣ при закатѣ солнца, ярко горятъ и трепещутъ какъ искры золотыя кресты далекихъ церквей и колоколенъ. Далѣе на горѣ изъ темной дубовой рощи красиво возвышаются бѣлыя башни монастырей; направо стелются безконечныя сады.... Долго можно простоять на одномъ мѣстѣ, глядя на эту картину и увести навсегда о ней пріятное воспоминаніе.... Очень хорошенькій городокъ Полтава.... Но.... извините, въ этой картинѣ есть и свои темныя стороны: это пыль и грязь. Напрасно Петербуржцы отрекались отъ грязи считаютъ себя знатоками пыли: они не имѣютъ ни какого понятія о провинціальной пыли вообще и о полтавской въ особенности. Въ Петербургѣ пылью называютъ каменный порошокъ безъ вкуса и запаха, которымъ услужливый

вѣтеръ постоянно засыпаетъ глаза всѣмъ жителямъ въ столицѣ; напротивъ, въ Полтавѣ пыль мягкая, легкая, какая-то бархатная пыль, способная окрасить васъ въ нѣсколько минутъ, будто сажей, и притомъ не производящая ни чиханій ни моты, какъ ея петербургская сестрица; полтавская пыль способна стоять въ воздухѣ долго безъ помощи вѣтра, словно туманъ, а съ вѣтромъ производитъ такіа фантастическія облака, что часто затмѣваетъ солнце. А полтавская грязь—выше всякаго описанія: кто ея не испытывалъ, тому можно только сказать: **прійде и видѣ!**

Въ іюль 184... года я пріѣхалъ въ Полтаву передъ вечеромъ, напутствуемый облаками мѣстной пыли. Хотя день былъ жаркій, душный и безвѣтренный, однако пыль, словно живая, черными тучами и клубами поднималась изъ-подъ лошадиныхъ ногъ, изъ-подъ колесъ и высокими столбами летѣла за экипажемъ. Съ послѣдней станціи во всю дорогу ямщикъ ругалъ пыль, отшлепывался отъ нея и желалъ дождя... я полагаю, его желаніе было услышано: ночью загрѣмѣлъ громъ, зазвѣрилась молнія и пошелъ дождь какъ изъ ведра.

Понутру я съ ужасомъ увидѣлъ, что улица передъ моими окнами превратилась въ какое-то озеро жидкой грязи. Вокоръ на грязи явились экипажи: они, казалось, не ѣхали, а ныли; измученные лошади съ трудомъ поднимали ноги, обдавая брызгами встрѣчныхъ и поперечныхъ. По ту сторону улицы подъ заборономъ шли и лѣзли еще страннѣе люди: они были одѣты порядочно во фракахъ съ свѣтлыми пуговицами и въ кругляка шляпахъ, но вмѣсто обыкновенной обуви имѣли на ногахъ напѣ-то широкіе, глубокіе и прѣбезобразные ботфорты; сначала я думалъ, что это страдающіе водяною въ ногахъ переходятъ куда-нибудь изъ больницы; но здоровый и краеній цѣтъ врачъ нѣмешкодевъ явно противорѣчилъ моему предположенію. Наконецъ мой хозяинъ объявлялъ мнѣ, что это все не бѣлые, а тѣ изъ господъ слушающихъ, которые не имѣютъ своихъ экипажей и должны отправляться по образу нѣшаго кондея, для чего во время грязи надѣваютъ особенныя туземныя калоши, въ родѣ широкихъ сапоговъ почти до пояса, въ которыя встать только вскопчить и потомъ емѣе можно идти по улицѣ до мѣста гдѣ выскочили изъ нихъ и сукъ и чистотъ.

Изъ этого объявленія я вывелъ глубокомысленное заключеніе, что промѣ калошъ обыкновенныхъ, мѣховыхъ, резиновыхъ, калошъ съ машинными и новыхъ хитрыхъ изобрѣтеній девятнадцатаго вѣка есть еще въ нашемъ любезномъ отечествѣ калоши полтав-

свѣдѣній, никѣмъ не изслѣдованныя и неописанныя. Прямая польза отъ путешествія!

Дѣла, отъ которыхъ да избавить васъ Аллахъ! продержали меня въ Полтавѣ около недѣли. Ходить по грязи не было ни какой возможности, ѣздить тоже гадко; пришлось бы умереть со скуки, если бы судьба не свела меня съ однимъ очень милымъ человѣкомъ. Каждый вечеръ у него собирались два, три добрыхъ пріятеля, пили чай на балконѣ, выходящемъ на красавую Александровскую улицу и говорили. Можетъ быть для нихъ рассказы другъ друга и не были очень интересны, но для меня они показались занимательными, и я, пріѣзжая домой, записывалъ ихъ.

На балконѣ сидѣло кромѣ меня четверо: хозяинъ, одинъ молодой помѣщикъ, бывшій воспитанникъ университета, еще помѣщикъ, постарше и потолще молодого, и сѣдой отставной чиновникъ. Сперва говорили о недонкахъ и хлѣбныхъ урожаахъ, о машинахъ и донадахъ, а въслѣдствіи разговоръ принялъ направленіе анекдотическое, и послѣ двухъ трехъ анекдотовъ, очень извѣстныхъ всѣмъ и каждому, которые вы, я думаю, читали уже не разъ или въ альманахѣ анекдотовъ, или въ прибавленіяхъ къ польскимъ бардичевскимъ календарямъ, молодой помѣщикъ рассказалъ приключеніе изъ своей будничной жизни. Въ немъ, если хотите, мало эффектовъ, мало ужасовъ, но мнѣ казалось довольно вѣрно ствачать бытъ нѣкоторыхъ людей, населяющихъ вашу обширную Русь. Передаю его какъ записалъ со словъ рассказчика.

I.

Въ нашемъ уѣздѣ живетъ отставной профессоръ, человѣкъ ученый, можетъ быть и очень ученый, объ немъ не нашему брату провинціалу судить; только для насъ онъ бываетъ немного страненъ. Онъ человѣкъ незлой, непылющій, способный дать иногда хорошій совѣтъ, иногда ссудить небольшими деньгами, и не смотря на все это стѣбитъ только гдѣ-нибудь въ знакомомъ обществѣ сказать ния отставнаго профессора, и всѣ начинаютъ улыбаться, всѣ лица принимаютъ выраженіе ясно говорящее: какъ не знать этого чудака! Какъ мнѣ кажется, отставной профессоръ, не смотря на свои сѣдины, нѣтъ много въ себѣ ребяческаго; цѣлый вѣкъ возясь съ книгами, онъ отсталъ отъ обыкновеннаго хода вещей нашей будничной жизни, и притомъ занимаясь болѣе древними классиками онъ совершенно огречился и облатинился; ему кажется странно, отрывая глаза отъ книги, встрѣчать становыхъ, прапорщиковъ

и чиновниковъ, и онъ ищетъ вокругъ себя квесторовъ, лекторовъ и трабуновъ. Въ обыкновенномъ разговорѣ онъ употребляетъ книжныя слова, не изъ упрямства, какъ старовѣры, а по привычкѣ; онъ въ жизнь свою вдвое болѣе читалъ, нежели говорилъ и слушалъ.

Порядочный невѣжда въ новой исторіи Европы вообще и въ отечественной въ особенности, онъ знаетъ въ точности міръ древній, и можетъ безошибочно описать складки на плащѣ Эпанинонда и Пелопида, расскажетъ какіе были ремешки на вооруженіи Сципіона Африканскаго, и готовъ спорить, и спорить не шутя, какъ нѣкимъ хлѣбомъ завтракалъ знаменитый врачъ Галенъ, когда составлялъ свою знаменитую теорію о четырехъ темпераментахъ. Это можетъ-быть и была причина, отчего отставной профессоръ былъ будто немного не на мѣстѣ между своими уѣздными сосѣдями, и за это, быть-можетъ, всѣ любили отставнаго профессора, даже уважали его, да еще нѣкоторые значительно подымавъ къ верху брови, говорили о немъ: «о! это голова!» и при всемъ томъ всѣ находили его страннымъ — и, пожалуй, были не прочь при случаѣ подсмѣяться надъ нимъ.

Профессоръ, выйдя въ отставку съ порядочнымъ пенсіономъ, поселился въ небольшомъ наследственномъ хуторѣ, соорудилъ себѣ уютный домикъ, называлъ спальную жены своей Гинекеемъ, свою жену Матровою, о чемъ она въ продолженіи двадцати лѣтъ своего супружества горячо спорила, говоря: за что я терплю? за что меня произвели въ Матрены, когда при крещеніи я названа Аделапдой, когда мое романтическое имя всегда было завидно моимъ подругамъ.

— А что такое романы? говорилъ профессоръ: пустословіе, сказки, соблазнительныя сказки, не къ добру ведущія юншество; и давать имя романтическое, пристойно только гетерамъ.

— Опять понесъ дичь!

— Нѣтъ не дичь, другъ мой; Матрова—почеть, только надобно такъ произносить какъ ты.

— Хорошо почеть, какъ ни выговаривай, а все грубо.

— Да, это имя эпическое....

— Еще этого недоставало! Вы на старости лѣтъ ужасно заворачаетесь!...

Послѣ подобной размовки, бывало, отставной профессоръ сдвигалъ плечами и долго ходитъ по комнатамъ мѣрными шагами, въролтно, разсуждая, какъ бы хорошо имѣть ему жену Гречанку, Римлянку, или по-крайней-мѣрѣ Сабинянку.

У отставнаго профессора есть садикъ, въ которомъ цѣлое лѣто онъ почти живетъ безвыходно, самъ прививаетъ деревья, сажаетъ, пересаживаетъ, обрѣзаетъ вѣтви, поливаетъ цвѣты, огородныя овощи и по цѣлымъ часамъ сидитъ у пчелиныхъ ульевъ съ книгою въ рукахъ. Эта книга въ желтомъ пергаментномъ переплетѣ старинное изданіе на латинскомъ языкѣ Георгіиъ Виргиліа. Отсюда профессоръ почерпаетъ свои свѣдѣнія о пчелахъ и, какъ онъ выражался, свѣряетъ, сколь пчелы наши скинскія различествуютъ въ обычаяхъ и нравахъ отъ пчелъ римскихъ.

Зимой онъ больше проводилъ время въ кабинетѣ, читалъ въ оригиналахъ греческихъ и римскихъ классиковъ, а иногда къ ужасу своей супруги вдругъ являлся на кухнѣ съ книгой, и самъ стряпалъ какое-нибудь гомеровское кушанье.

Въ кабинетѣ у него много книгъ въ старинныхъ переплетахъ, разбросанныхъ по столамъ, окнамъ и даже по полу, много пыли, мышеловокъ, сигарныхъ окурковъ; въ углу стоитъ, невѣдомо для чего, старое ружье со штыкомъ, а на карнизѣ печки нѣсколько кусковъ стали, куча кремней и листъ населитренной бумаги, въ которую профессоръ высѣкаетъ огонь изъ кремня кусочкомъ стали. Не смотря на всеобщее распространеніе химическихъ спичекъ, онъ ихъ отвергаетъ, увѣряя что высѣкать огонь изъ кремня пріятнѣе, торжественнѣе, и даже здоровѣе; что зтотъ процессъ доставляетъ моціонъ, особливо если попадется тупой кремь.

Прошлой зимой я какъ-то вечеромъ заѣхалъ навѣстить отставнаго профессора.... онъ мой ближній сосѣдъ, притомъ, не смотря на нѣкоторыя свои странности, человекъ очень добрый, и я люблю его.

Профессора засталъ я въ кабинетѣ одного, въ какой-то долгополой бекешѣ на сибиркахъ, съ длинной, трубкой въ рукахъ и въ красной ермолкѣ на головѣ; онъ стоялъ передъ столомъ, на которомъ весело кипѣлъ пузатенькой самоваръ, молодецки пуская на право и на лѣво кудрявыя облака пару. Профессоръ заботливо ухаживалъ за чайникомъ, укрывая его камчатной огромной салфеткой, словно больного. На мое привѣтствіе онъ очень ласково отвѣчалъ: добро пожаловать! поставилъ къ столу трубку и началъ обнимать меня, повторяя:

— Очень долгое время, давно я не видалъ васъ! наслыу вы навѣстили монхъ пенатовъ.

— А вы, не бойсь, самъ меня никогда не навѣстите.

— Я? вѣтъ, все собираюсь; даже однажды совѣтъ было вы-

Ѣхалъ, да мои буцебалы, испугавшись какого-то деревенскаго чербера, изломали мою колесницу, я и остался!... да что я говорю! дважды я къ вамъ собирался, да все что-нибудь помѣшаетъ.

— Вы собирались, а я вотъ и прѣхалъ.

— Весьма благодаренъ, весьма! тѣмъ паче что вы прибыли ко мнѣ въ самыя неблагопріятныя для меня календы.

— Какъ такъ?

— Да такъ, тутъ выйдетъ цѣлая аотоніянская хрія если повѣствовать сообразно риторическимъ правиламъ. Во-первыхъ, моя Матрона меня оставила, поѣхала версть за сто на богомолье, а я остался одинъ,—вотъ уже третій день,—да еще денька три, вѣрно, проскучаю. Во-вторыхъ, вчера заѣхалъ ко мнѣ разносчикъ, знаете съ московскимъ сыромъ, разными оловянными трубками, купоросомъ, картинами и прочими мелочами, между ними у этого коріолана были и книги. Купилъ я у него табаку, хорошенькихъ сигаръ, нѣсколько нибирю, да еще чего-то изъ мелочей, а онъ мнѣ и предлагаетъ книгу; я его послалъ къ Плутону съ книгой. А онъ, прехитрый каналья, прикинулся простенькимъ, будто ничего не понимаетъ, и говоритъ.

— Извините, ваше высокоблагородіе, я не плутъ, и книгу предлагаю за безцѣнокъ, оттого что случай вышелъ, а книга хорошая; не будь случая, я бы и за девять рублей не отдалъ бы, себѣ десять стоятъ.

— Ни гроша не дамъ, вѣрно какія-нибудь сказки!...

— Я знаю, что вы не охотники до нашихъ книгъ, да я съ васъ и гроша не возьму, лишь бы продать, такой случай вышелъ.

— Стой, сказалъ я, ты заврался! говори по пунктамъ: во-первыхъ, какая книга?

— Книга хорошая, отвѣчалъ онъ, въ четырехъ частяхъ подъ заглавіемъ: «Американскія Степи».

— Ну, это еще ничего; книга должна быть статистическая и географическая. Во-вторыхъ, какое съ ней было приключеніе?

— Приключенія ни какого, а случай вышелъ: брали ее на прочеть какіе-то господа, да чѣмъ-то такимъ облили, Богъ ихъ проститъ, что никто и въ руки не беретъ книги, ни покупаютъ ее, ни читать не берутъ. Барыни говорятъ, голова болитъ отъ этого духу, и мнѣ сулятъ за нее всякую всячину.

— Какой же у нея духъ? спросилъ я.

— А не вѣдаю, отвѣчалъ онъ, только духъ не пригожій, не то деготь, не то что другое; сами извольте потрудиться понюхать; авось, узнаете.

— Избегайте-те ничего, трудъ тутъ не большой, да можетъ-быть тамъ чертъ съестъ что тамос.

— Занекъ, правда, не следовой, да ничего, мы нюхали.

— Ну, хорошо, а чаче чаянiя я ненюхаши найду книгу достойною покунки, тогда тутъ же ты долженъ объявить цѣну.

— Да я сказалъ вамоѣ милости, что задаромъ отдамъ... вотъ у васъ, въ воронкѣ, я видѣлъ, лежить тулупчикъ леданцѣй, поздн-тертасѣй; вотъ вы мнѣ его дайте, для парня укрываться, а я вамоѣ милости дамъ книгу.

— Пожалуй, неси ее сюда, посмотримъ и понюхаемъ.

Точно, книга на видъ оказалась порядочная, но пахла чѣмъ-то сильно неприятно, очень похожимъ на ассаветнду; я полагаю, тѣмъ составомъ, которымъ намазывали себѣ тарелки древнiе Персы во время пиршествъ.

Подумалъ я, халатъ служилъ мнѣ долгое время и по непреложнымъ законамъ старика Сатурна, скоро долженъ былъ отправиться на ту сторону Стикса, и уничтожиться, а книга учебная вещь, хоть не много и припаиваетъ гвилью, да нѣтъ положенiя или неадвѣтческаго правила чтобы географiи пахла резедой. Подумалъ и заключилъ съ продавцомъ мѣну: ему вручилъ халатъ, а самъ получилъ книгу «Американскiя Степи», и тотчасъ же отдалъ ее поварихѣ, дабы она предварительно просушила и провѣтрила залитые неизвѣстнымъ составомъ листы.

— Тутъ я не вижу ничего для васъ неприятнаго, если вы купили книгу выгодно.

— Помеданте немногое время и увидите, здѣсь было зло только подъ личиною, какъ выразился Кантемиръ: ядъ подъ мягкимъ хлѣбомъ.... Сегодня опять новое несчастье: утромъ явилась повариха и спрашиваетъ: что готовить къ обѣденному столу? Этотъ вопросъ породилъ во мнѣ множество вопросовъ относительно нашей славянской кухни; я давно уже догадываюсь, что она не въ надлежащей гармонiи съ натурой человѣка; притомъ же у меня уже нѣсколько дней будто ящерицы и драконы бѣгаютъ въ желудкѣ, видимо отъ снадобѣй, которыми я питаюсь, и питаюсь въ маломъ количествѣ, между-тѣмъ какъ древнiе просто объѣдались, лежа объѣдались и были здоровы! Истинно былъ золотой вѣкъ!... Вотъ я и задумалъ попировать на-манеръ древнихъ: прочитавъ кое-что о пирахъ Лукулла, выбралъ кушанье болѣе приличествующее моему карману, самъ отправился на кухню и своеручно его приготовилъ.

— Какое же это было кушанье?

— Кушанье отличное: окорокъ въ римсконъ вкусѣ. Я приказалъ содрать съ него кожу, самъ вотъ этимъ попомъ надѣлавъ въ немъ множество надрѣзовъ и наполнилъ ихъ сушеными финиками, лаврами, чеснокомъ и тминомъ, потомъ обмазалъ чистѣйшимъ медомъ и велѣлъ поставить въ печь.

— А еще чтò будетъ? сдѣлала мнѣ вопросъ повариха.

— Больше ничего, отвѣчалъ я, и тутъ же замѣтилъ въ чертахъ физиономіи поварихи что-то зловѣщее, да подумалъ: она добрая баба, только не образована, и потому питаетъ отвращеніе къ древней кухнѣ.

Пришла [обѣденная] пора; мой желудокъ сталъ воицать о нищѣ. Давай сюда римскій окорокъ.... отрезаваю, беру въ ротъ и ужасюсь....

— Вышелъ не вкусно?

— Какое не вкусно! рѣшительно неудобно для употребленія! Медъ сгорѣлъ и сталъ горьче полыни.... притомъ самъ окорокъ распространилъ отвратительный запахъ.... Видите, тутъ, я полагаю, погрѣшила повариха и подложила чего-то несъѣдомаго; въ другой разъ самъ не отойду отъ печки.... Эти бабы, кромѣ шей, ничего не смыслятъ приготовить!... Впрочемъ я радъ былъ бы покушать хоть этого славянскаго кушанья, да ничего не было, кромѣ окорока въ меду, и я волей и неволей пообѣдалъ, какъ пустынникъ, хлѣбомъ, медомъ и финиками.

Непріятный запахъ окорока напомнилъ мнѣ о купленной книгѣ, и я, утоля свой голодъ, приказалъ принести «Американскія Степи», въ надеждѣ хоть духовно напитаться статистическими свѣдѣніями о новомъ свѣтѣ.

Принесли книгу. Открываю страницу, другую, третью.... не вѣрю глазамъ своимъ: романъ! лютеѣйшій романъ! великая сказка подъ ученымъ заглавіемъ «Американскія Степи». Пропалъ мой халатъ! сказалъ я бросая подъ столъ предательскую книгу. Вотъ она и доселѣ тамъ лежитъ, посмотрите.... Выбрался черныи день!... Но правду говорили умные Римляне: *fi pis coropat oris!* какъ сейчасъ и вышло. Вы пріѣхали, и я утѣшенъ. Послѣ бурнаго дня, какъ говорили поэты, чреватаго бѣдѣи, мы спокойно поспимъ у самовара, поьемъ этого китайскаго зелья, и я вамъ еще разскажу про одну свою бѣду, да и попрошу вашего совѣту.

— О чемъ?

— Не все разомъ; садитесь ка, вѣдь еще вечеръ большой. Вы у меня почувете?

— Признаться, я не раснолагаю....

— Пустяки! У меня есть время сообщить нечто, а на это потребуется времени....

За часомъ добрый профессоръ разсказалъ мнѣ остальное свое горе, что къ нему въ садикъ повадился зайцы и по ночамъ дѣлаютъ страшныя опустошенія—обгрызаютъ кору на стволахъ плодовыхъ деревъ и даже объѣдаютъ молодые побѣги вишенъ и черешень; онъ рѣшительно терпѣлся въ догадкахъ, какъ отучить этихъ непрошенныхъ гостей, которые уничтожаютъ его лѣтніе труды и заботы; пробовалъ пугать ихъ, ставя между деревьями разныя чучелы, пробовалъ угощать ихъ снопами овса, но дѣло кончилось тѣмъ, что тучель зайцы не боялись, а овесъ привадилъ ихъ еще болѣе, и, съѣдая овесъ, зайцы стали больше прежняго портить деревья. Наконецъ, прибавилъ профессоръ, только сегодня я попалъ на счастливую мысль: осматривая тумно, печально нашелъ я источникъ, резервуаръ этихъ гадкихъ звѣрковъ. Какъ бы вы думали гдѣ?...

— Коли вы нашли осматривая тумно, такъ я думаю—на гумнѣ?

— Подлинно такъ, вы отгадали. Резервуаръ этихъ враждебниковъ, этихъ возмутительныхъ зайцевъ, этихъ робкихъ и совокуно хищныхъ четвероногихъ, у меня подъ бокомъ, на моемъ гумнѣ, въ скирдѣ прекраснѣйшей пшеницы арсаутки!

— Тамъ они и живутъ?

— Нѣтъ, жить они тамъ не могутъ единственно по дикости и шаткости своего подлага характера; но у этой скирды собираются для своихъ набѣговъ, это ихъ форумъ. Только, какъ говорятъ поэты, ночь наклонеть на свои плеча черную мантию, эти звѣри выходятъ изъ норъ и трущобъ, собираются въ полчище какъ варвары и текутъ на расхищеніе моего вертограда!

— Почему вы это думаете?

— Не думаю, а убѣжденъ въ этомъ какъ въ томъ, что законы двѣнадцати таблицъ начисаны первоначально на деревѣ, или что цѣлое равно своимъ частямъ. Это я сегодня замѣтилъ случайно: прошлую ночь шелъ тихій снѣжокъ и покрылъ всѣ окрестныя мѣста мягкой пеленою. На этомъ покрывалѣ отпечатываются удобно малѣйшіе слѣды даже веселаго щибетуна воробья и крохотной мыши — и что же? на гумнѣ у меня тысячи заячьихъ слѣдовъ, и всѣ они болѣе или менѣе направляются къ скирдѣ пшеницы, гдѣ рѣшительно и сосредоточиваются. Ага! подумалъ я: вотъ, гдѣ источникъ зла, и тутъ же рѣшился отметить нѣтъ никакъ не дальше какъ сего числа.

— И уже отомстили?

— Нетъ, но скоро исполнится мнѣта моего труда; я для этого и просилъ васъ заочевать у меня.

— Немалуй, если это нужно, только расклячите.

— Не волнуйте: я иль всѣмъ порестрѣваю.

— Вы?!

— Я.

— Развѣ вы охотничья? стрѣлокъ?

— Я не охотничья и даже практическя стрѣлки не умѣю, но я знаю теорѣю стрѣлки, а практикя здѣсь не нужно: великй мундкъ ее знаетъ, для этого не нужно быть Архимедомъ....

— Однако....

— Рѣшительно ничего; я буду дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: въ омердѣ пашовныя я собственноручно приготоуилъ себе тайное убѣжище или прѣтъ, родъ грота, закрытаго оваруженнѣю и искусно оолоной, такъ что отойдя для опыту шаговъ на десять, я самъ предавался оптическому обману и не замѣчалъ засады. Известно не всѣмъ описаннѣмъ, что зайцы собираются около волноты, прѣводя время въ разныхъ играхъ и гимнастическнхъ прыжкахъ, отъ чего получаютъ алчнѣйшъ позыкъ на ишкю, къ оѣту только пускуются въ свои опустошительныя нѣбѣги. Вотъ, я этакъ, часу въ одиннадцатомъ, когда вы предадитеъ объятнѣмъ Морфея, вооружусь в засаду въ свое убѣжище, какъ Леонидъ въ Фермопнлы, выжду хищникотъ; открою пальбу, и будь ихъ тутъ тьма темъ, не покажу ни одного.

— Да они разбѣгутся отъ первого выстрѣла.

— Не разбѣгутся, по-крайней-мѣрѣ разсуждая психологически, не должны разбѣжаться, ибо я не покажу ни лица, ни одного члена наружу изъ своего убѣжища, а звуку они не должны бѣяться, иначе они каждое лѣто перемерли бы отъ страха, когда въ тучахъ сверкаетъ и гремѣтъ верушъ.

Немного погодя, профессоръ началъ собираться въ походъ, зарядилъ ружье мелкой бѣкашиной дробью, увѣряя, что этой дробн гораздо больше зернышекъ идетъ въ зарядъ нежели крупной, затѣмъ она и смертоноснѣе; потомъ надѣлъ теплый халатъ, сверхъ халата тузупъ изъ малышннкнхъ барашковъ, стянувъ его длиннымъ утиральникомъ, къ которому прицѣпилъ ротъ съ порохомъ и ишечокъ съ дробью.

— У меня есть шуба потеплѣе, настоящая волчья, да я ее не надѣну: у зѣбры обонннѣ острѣе, и зайцы по дуку услышатъ

волчью шкуру, тогда моя охота не состоится, говорилъ профессоръ, надѣвая теплые медвѣжьи сапоги:

— А медвѣди не поугаются зайцы? Это у насъ синоимъ медвѣжи.

— Не думаю; въ нашихъ мѣстахъ медвѣдей не шибко, следовательно туземные зайцы медвѣжьего духу не боятся.

Въ заключеніе, профессоръ упряталъ свою голову въ необыкновенно теплую шапку съ плюсовымъ козырькомъ, на руки надѣлъ перчатки изъ козьяго пуху и ушелъ, сопя и жалба, что острѣльное оружіе и тяжело и производитъ звукъ, и что, кшаркшръ, Норманы были гораздо умнѣе, стрѣлая изъ луковъ сурьлани; что эта охота и тише и воинственнѣе и — не знаю почему — человѣчнѣе.

Пожелавъ профессору добраго успѣху, на который впрочемъ я не надѣялся, я скоро легъ въ постель, затаскавъ свѣчку, и сталъ дремать, мечтая о всякой всячинѣ, наполняющей нашу провинціальную жизнь. Иногда помечтать пріятно. Но судьба не дозволила мнѣ вкусить этого удовольствія: едва все стихло и я началъ забываться, какъ надъ головой моей послышался шумъ, топотъ, ропотъ.... Чтò бы это? подумалъ я, оставляя свои любимыя мечты: ужъ не крысы ли завелись у почтеннаго моего аментриона? Должно быть крысы, и притомъ въ большомъ количествѣ: потолокъ просто трещалъ и стоналъ; я въ страшной темнотѣ раскрылъ глаза и уставилъ ихъ въ потолокъ — ни зги не видно, а надъ моею головой совершалась отчаянная возня; вдругъ среди этого стуку раздался чистый металлическій звонъ колокольчика и вслѣдъ за нимъ загремѣлъ, застоналъ потолокъ, словно буря пронеслась, и все стихло; еще раза два въ совершенной тишинѣ и шракъ прозвенѣлъ колокольчикъ, будто въ воздухѣ надъ моею головой, и наконецъ все утихло. Признаюсь, всѣ сказки, которыми въ дѣтствѣ щедро угощала меня моя няня, воскресли въ моемъ воображеніи; я вообразилъ себя на какомъ-то шабашѣ нечистой силы, которую разгоняетъ звонъ заколдованнаго колокольчика; по скоро разсудокъ вошелъ въ свои права, и я почти увѣрился, что это все видѣлъ во снѣ; притомъ же дневная усталость брала свое, и я опять сталъ засыпать — опять слышу тотъ же шумъ, только ужъ не надъ головой, а подъ землею: тотъ же ропотъ, та же бѣготня, и опять въ самомъ разгарѣ этого шабаша знакомый звонокъ — и опять съ громомъ исчезла невидимая сила, настала тишина и въ тишинѣ очень внятно прозвенѣлъ нѣсколько разъ звонокъ, словно торжествуя свою побѣду. Теперь я очень

заставило думать его, даже мнѣ показалось, онъ зашелъ у меня подъ подушкой, или по крайней мѣрѣ подъ кроватью. Вся моя мысль пероцуталась; если бы я не зналъ, что профессоръ вовсе не занимается магіей, то подумалъ бы, что онъ меня оставилъ печевать съ умысломъ поместителровать и испытать на мнѣ силу своихъ какихъ-нибудь предѣлокъ; но хозяинъ мой былъ не такой человекъ, любилъ болѣе положительное и съ презрѣніемъ отшывался даже о таинствахъ Египтянъ, хотя они были и древняго міра.

Безотчетно я поспѣшилъ зажечь свѣчку; въ комнатѣ ничего не было, и стулья и столы, все было на своемъ мѣстѣ, вездѣ тихо.... Мнѣ стало самому совѣстно своего страху, но онъ уже прошелъ. Я выкурилъ трубку табаку и взялъ книгу, лежавшую подлѣ меня на столѣ. Книга была «Кадмъ и Гармонія», и, кажется, была въ большой гармоніи съ Морфеємъ или опиумомъ, потому что съ первой страницы на меня налегло какое-то тяжелое чувство, волненіе крови утихло и я началъ съ наслажденіемъ зѣвать; глаза мои смыкались, и потушивъ свѣчку, я сладко сталъ засыпать, и опять — повѣрите ль? — меня разбудилъ прежній шумъ и звонъ; только теперь какъ-то шумъ не съ-разу дечезъ отъ звонка, но продолжался довольно долго вмѣстѣ; наконецъ бѣготня утихла, а звонокъ зазвенѣлъ прямо надъ моею головой; немного погодя, мнѣ показалось, что онъ брякаетъ у самаго моего уха за стѣной, и тотчасъ же отозвался подъ землей.

Тутъ философія меня оставила, я какъ испуганный ребенокъ вскочилъ съ постели и зажегъ свѣчку. Только свѣча освѣтила комнату, мнѣ опять стало совѣстно передъ самимъ собой; я осмотрѣлъ комнату — все было по-прежнему, вездѣ тихо. Я опять принялся за спасительнаго «Кадма и Гармонію», и онъ опять началъ вступать въ права свои; только я, замѣтивъ что свѣтъ свѣчи прогоняетъ шумъ и ночную возню, не загасилъ свѣчки и наконецъ уснулъ спокойно до самаго утра.

Утромъ я всталъ съ маленькою головою болью, можетъ-быть отъ ночнаго безпокойства, а вѣрнѣе оттого, что догорѣвшая свѣчка погасла дымаясь и начала пада на всю комнату.

Профессора я нашелъ въ кабинетѣ, кутавшаго въ салфетку чайникъ около самовара; но, кажется, у профессора болѣла голова, онъ былъ мраченъ; на вопросъ мой объ уснѣхъ охоты почти ничего не отвѣчалъ, или лучше сказать, забормоталъ что-то пре-страшное и перевелъ рѣчь на другой предметъ.

О, Бѣже мой! нѣтъ захохотать прощоборъ тогда я ему рассказывать свое ночное приключеніе.

— Такъ сильно звонило? спрашивалъ онъ, съ трудомъ переводя духъ отъ смѣху.

— Не сильно, однако очень явственно, отбивалъ я.

— Явственно? надъ головой?...

— И надъ головой и подъ ногами....

— И подъ ногами? ха, ха, ха! и около самого уха?

— Кажется звонило и около уха.... Да что же тутъ смѣшного?

— Да это глава изъ превращеній Овидія. Это весь обстоятельство не много времени продержали въ состояніи не посвященныхъ въ египетскія таинства, когда они посѣщали иеранды.... А дѣло просто, слушайте да не сердитесь: вы нешизоваты, что малое время были одураченнымъ. Это моя вина, моя culpa, моя culpa, моя maxima culpa! Это слѣдствіе моихъ краждебныхъ отношеній къ четвероногимъ тварямъ.

— Такъ это вы звонили?

— Не я, коли хотите, и я; звонило слѣдствіе отъ причины, а причиной былъ я.

— Не понимаю....

— Видите, у меня завелась крысы, начали крѣпко бездомность моя мирныя владѣнія, даже одинъ разъ простерли свою дерзость до того, что отбѣдали полы моего халата. Какихъ я ни ставилъ мышеловокъ, какихъ ни употреблялъ средствъ, ни что ни помогло; а вчера я вычиталъ изъ одной старинной книги, что какой-то пустынный изгвалъ изъ лѣсу волковъ, привязавъ къ шеѣ пойманнаго волка звонокъ. Мнѣ и пришла благая мысль прикинуть этотъ поступокъ пустыннаго мужа къ домашнему обиходу. Я разставилъ вездѣ мышеловки и заказалъ всемъ мальчишкамъ и бабамъ изловить живую крысу не нарушая ея цѣлости и, не касаясь ни до одного члена, доставить ее ко мнѣ.... А то, знаете, простой народъ, то есть плебен, любятъ неприлично шутить съ четвероногими, любятъ слѣпить ихъ, бездомить или безхвостить и тому подобное. Мои мышеловки остались втупѣ, а вчера баба ключавца принесла мнѣ живую крысу величиной со свиного младенца и принесла прямо въ большомъ горшкѣ, куда означенная крыса забралась для утоленія своего голода коровьимъ масломъ. Вотъ я и нацѣпилъ на крѣпкую проволоку небольшой но доброгозвонный звонокъ, надѣлъ его на шею крысѣ и выпустилъ хищнаго звѣря въ ихъ соннице, то есть кладовую.... А мой звѣрь вотъ гдѣ отутулелся и всю ночь звонилъ здѣсь! Вѣдь это препоучительно!...Google

книгу: не братьев за дѣло, ноли его не слышали. Видѣ книгъ и теперь разсудилъ хорошенько, такъ слѣды-то были не залечи, а ошпыно.... и эта бѣдная четвероногоя мать пребывала собѣ ошпкойно, наслаждалась ошпкойныиъ тихиимъ бытомъ, со своимъ младенцини!... А я, на старости лѣтъ, явился къ книгъ какъ Тамерланъ съ огномъ и мечемъ и внесъ разореніе и смерть въ нѣдра ихъ ошпкойства!... Посудите сами, они хоть зѣври домашніе, не все же чувствовать неприятности отъ чего-либо неприятнаго. Неприятна ли?

Такъ кончилъ свою исповѣдь отставной профессоръ; мы поспѣшили, новизтранали, и я уѣхалъ домой. Только на прощанье хозяинъ взялъ съ меня слово никому не рассказывать про его охоту.

— И вы, какъ видно изъ дѣла, въ точности исполняете данное слово, замѣтилъ сѣдой чиновникъ.

— Я рассказываю оттого, сказалъ помѣщикъ, чтобы говорить что-нибудь, это развѣ; и рассказываю еще потому, что профессоръ уже разблаговѣтилъ въ уѣздѣ про мой испугъ отъ крысъ, это два....

— А третье будетъ?

— Сейчасъ. А чтобы вы, бывший господинъ служитель Оемиды не придралось къ словамъ, чтобы отучить васъ отъ казенной фразы, какъ видно изъ дѣла, вы должны рассказать что-нибудь изъ вашего служебнаго быта. Вотъ это будетъ три.

— Пожалуй я не прочь, да что вамъ рассказывать? Теперь у насъ, благодаря просвѣщенію, все чисто и гладко, все объяснено, растолковано, да и народъ сталъ какъ-то совѣстливѣе и такъ называемые казусы почти перовелись. Развѣ пошевелить для васъ старину, припомнить свои молодые лѣта.... Тогда я былъ таки свидѣтелемъ разныхъ любопытныхъ исторій.

II.

Съ полвѣка тому назадъ, — такъ началъ свой разсказъ сѣдой чиновникъ, — я служилъ въ одной изъ нашихъ гражданскихъ палатъ. Я былъ очень молодъ, но какъ теперь помню председателя: онъ былъ небольшого росту съ порядочнымъ горбикомъ на груди и съ таковымъ же на спинѣ.

— Нельзя ли безъ таковыхъ, поттеннѣйшій, замѣтилъ молодой помѣщикъ.

— Невозможно, любезнѣйшій! я человекъ стараго вѣка, учился

на мѣдныхъ деньги и выросъ на снѣхъ и иныхъ таковыхъ рече-
ніяхъ. А коли мой разсказъ не въ ладъ, я съ нимъ и назадъ.

— Нѣтъ, говорите, говорите, я вѣдь пошутилъ.

— То-то молодой народъ, пошутили, а меня старика и сбили
съ толку, о чемъ бишь я говорилъ?!.. плоха становится память!..

— Вы говорили, что предсѣдатель былъ небольшого росту съ
таковымъ же горбомъ.

— Да, да, только немного не такъ я говорилъ, а съ порядочнымъ
горбомъ на груди и съ таковымъ же на спинѣ. Теперь помню!..
лицо у него, то есть у предсѣдателя, было угловатое, голова со-
размѣрно росту большая, но на толстомъ горбатомъ туловищѣ
казалась какой-то шишечкой; носъ у него былъ прямой, что на-
зывается утиный, но по сторонамъ этого носа глядѣли ястреби-
ные глаза, маленькіе, черные, такъ бывало и бѣгаютъ какъ жи-
вое серебро, все будто чего ищутъ; ноги у него были немного
кривыя, то есть не кривыя, а такъ расходились всегда врозь, буд-
то поссорились. Словомъ, не презентабельная была фигура господа
предсѣдателя; но что это за голова была!.. У!.. настоящий
дѣлецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Какихъ дѣлъ на своемъ
вѣку онъ не дѣлывалъ!.. Еще въ молодости онъ разыгралъ, слов-
но на клавинодахъ, извѣстное дѣло о похищеніи казенной тепло-
ты, и стяжалъ себѣ прегромкую извѣстность. Въ довершеніе
портрета моего бывшаго начальника я долженъ прибавить, что
онъ обладалъ неописаннымъ сладкогласіемъ; голосъ его былъ, какъ
почти у всѣхъ горбунокъ, рѣзкій теноръ, но въ этой рѣзкости
слышна была какая-то трогательная болѣзненность, что-то стра-
дальческое, бравшее прямо человека за душу; притомъ же и фор-
ма фразъ въ его рѣчи была какая-то снисходительная; онъ без-
престанно употреблялъ уменьшительныя слова и былъ до по-
шлости вѣжливъ,— даже своему кучеру и лакею говорилъ *вы*, осо-
бливо когда обсчитывалъ ихъ на нѣсколько копѣекъ при раздачѣ
жалованья.

У предсѣдателя былъ братъ или лучше сказать племянникъ.
Нѣтъ, позвольте, этакъ у меня и дѣло не пойдетъ на ладъ, а луч-
ше, по примѣру прочихъ господъ повѣствователей, начну биогра-
фію моего героя сначала.

У одного бѣднаго дворянина было два сына, одинъ краса-
вецъ, рослый парень, а другой горбунокъ. Горбунокъ, какъ
никуда негоднаго, отдалъ отецъ въ какую-то коллегію, въ
писаря, и вотъ онъ служилъ, и выбился наконецъ въ пред-

сиделъ; а красивый братъ его пошелъ въ военную службу, наилучшій охотерскій чинъ и гдѣ-то, не то въ воронежской не то въ харьковской губерніи, прельстилъ своимъ марсовымъ видомъ очень богатую невесту, прижидъ съ ней сына, обвѣдся чего-то и умеръ. Его жена оставшиися вдовою, воспитала сына въ университетѣ и тоже отдала потомъ въ военную службу. Пока сынъ служилъ, на вдову напали уѣздные ябедники, надѣясь на ея безпомощность, на женское незнаніе письменнаго дѣла и тому подобное, и начали ее притѣснять со всѣхъ сторонъ: явились разные вопросы, почему и какъ она владѣетъ землею, и лѣсомъ, и рѣкою, и всѣмъ имѣніемъ?... хотя она его получила въ наследство отъ своихъ родителей и это имѣніе нѣсколько сотъ лѣтъ не выходитъ изъ ея рода; слухомъ только не спрашивали и не требовали документовъ, почему она живетъ на свѣтѣ и для чего родилась на свѣтѣ, и кого объ этомъ спрашивала?

— Помилуйте! неужели подобныя ябеды бывали? спросила мадамъ помѣщица.

— Хорошо вамъ теперь удивляться! Вы живете въ такое время, когда подобныя продѣлки считаются подлостями и накликали бы на голову своихъ авторовъ только презрѣніе людей порядочныхъ; а въ наше время, это считалось удалствомъ между классомъ юристовъ и называлось техническимъ терминомъ *съ мушмой вода рыбу ловить*.

— Но правда могла рано или поздно открыться, и тогда что?

— Эге!... въ томъ-то и дѣло, что *рана моя поздна* на этотъ случай у нихъ была поговорка: «пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ.» Они такъ запутывали дѣла, что рѣшительно на нихъ вѣкъ стагано, а тамъ — хоть трава не расти...

— Но наследники могли отвѣчать вдвое за грѣхи отцевъ; неужели у нихъ не было человѣческаго чувства.

— Да ихъ-то наследники не отвѣчали, то есть наследники прямыхъ дѣльцовъ; это были люди дающіе совѣты такъ называемые; они только придумывали и давали въ отвѣтъ помѣщику; народъ въ то время по большей части былъ малограмотный.

— Кто же тянулъ помѣщиковъ на подобныя дѣла?... неужели они здѣсь не могли видѣть своего разоренія?

— Какъ вы молодо судите, съ позволенія сказать. Помѣщикамъ тянуло корыстолюбіе, а иногда и зависть. У сосѣда водится хоронешскій дѣсокъ, онъ когда-нибудь и выразится: вотъ дескать, хоронешскій дѣсокъ, не пожалѣлъ быдцати-тысячь, чтобъ купцы

еще, да не продасть Иванъ Ивановичъ... а тутъ какойнибудь дѣлецъ, услыша это, и скажетъ: дайте мнѣ тысячу, и онъ вашъ.

— Какъ такъ? спросить помѣщикъ.

— Да такъ, я это знаю, въ старыхъ бумагахъ читаю, якобы не только этотъ дѣлецъ, но и мельница принадлежатъ вамъ. Погодите, пусть только уйдетъ Иванъ Ивановичъ въ столицу на зиму; пока онъ тамъ будетъ таяковать и прохлаждаться во французскихъ гостиницахъ, мы это дѣльцо обрабакаемъ.

— И только тысячу рублей?!...

— Да, пожалуй, еще небольшіе расходы изъ вашей домашней провизіи, подарить кому будетъ надобно въ самыхъ нижнихъ инстанціяхъ.

— Вотъ этого-то я и боюсь, эти шивки изъ меня всю кровь высосутъ: сначала станутъ брать муку, водку, горохъ, масло, холстъ, медъ, разную живность, а послѣ начнутъ требовать веревки, иглокъ, дугъ, хомутовъ, и, наконецъ, экипажей и всего этого будетъ мало....

— Помилуйте!

— Я говорю изъ опыта, развѣ не было подобной штуки съ соседомъ Петромъ Петровичемъ.

— Петръ Петровичъ самъ виноватъ, человекъ онъ единкомъ мягкосердечный: онъ воображаетъ, что по книжкѣ живетъ, что всѣ люди такіе, какъ у него въ книжкахъ написаны!... Вотъ, на немъ и вздять.... Живя въ свѣтѣ между людьми, надобно немного собачиться, чтобы люди видѣли достоинство, тогда все пойдетъ хорошо, станутъ васъ бояться и уважать и любить будутъ.

— Пожалуй, я не чета Петру Петровичу, а при случаѣ умѣю прикрикнуть и тумаконъ угостить неприятеля, да всё-таки не согласенъ на такую мѣру; меня они ограбятъ, я буду у нихъ какъ въ татарскомъ полону, до смерти не буду знать, что мое, а что ихъ, нѣтъ ничего хуже какъ неопредѣленность.

— Хорошо, говоритъ бывалый дѣлецъ, ужъ это я на себя беру; вы мнѣ обяжитесь отпустить двадцать пудовъ муки пшеничной, пудъ коровьяго масла, сто аршинъ холста и пять ведеръ горѣлки, я этимъ уcontentую кого съѣдуешь.

И вотъ, договоръ сдѣланъ: за тысячу рублей, двадцать пудовъ муки, пудъ масла, сто аршинъ холста и пять ведеръ горѣлки, дѣлецъ въ тишинѣ, какъ протъ-землеройка, работаетъ ябеду, и въ самый день отъѣзда Ивана Ивановича прошеніе подаетъ въ судъ; наряжается, бывало, на слѣдствіе мелкій чиновникъ,

который только тѣмъ отличался въ то время отъ мужика, что зналъ грамоту, носилъ нанковый сюртукъ, и не имѣлъ ни какой совѣсти.

Тутъ дѣлецъ пускалъ въ ходъ муку, горохъ и прочіе медикаменты. Чиновникъ спрашивалъ крестьянъ; крестьяне говорили спроста и съ перепугу и сами не знали что такое; чиновникъ писалъ что зналъ. И пріѣхавъ изъ столицы, Иванъ Ивановичъ къ изумленію своему видѣлъ, что его собственнымъ лѣсомъ распоряжается сосѣдъ... Онъ кричитъ, горячится: ему отвѣчаютъ, что сосѣдъ законно введенъ во владѣніе и будетъ пользоваться лѣсомъ, а если вы, дескать, имѣете на него право, ищите формую суда... Тутъ еще бывало, чего добраго, Иванъ Ивановичъ погорячится, да скажетъ гдѣ-нибудь что непристойное; съ него возьмутъ штрафъ и упутають его въ уголовное дѣло и пошло писать!... А дѣлецъ себѣ въ сторонѣ, сочиняетъ бумаги да беретъ себѣ за труды — и такъ запутаетъ дѣло, что развѣ послѣ его смерти найдуть концы.... И наследники часто жестоко, бывало, приплачивають за своихъ батюшекъ довѣрjавшихъ дѣльцамъ.

— Да это дерзость!...

— Не спорю, теперь этого нѣтъ, теперь какъ-то пути сообщенія улучшились; всякому извѣстно, что Нерчинскъ не за горами.... Притомъ же и вѣкъ тогда былъ такой, справедливо пѣли тогда въ пѣснѣ:

Всякому городу свои нравъ и права,
Всяка нѣзетъ свой умъ голова.

— Гадкій былъ вашъ вѣкъ!

— Я и не спорю.... теперь другое дѣло, но я отступилъ отъ своего разказа.

Вотъ такъ запутали въ дѣло и вдову брата нашего председателя, въ надеждѣ сорвать что-нибудь съ богатой барыни. Барыня въ дѣлахъ ничего не смыслила; сыпъ ея былъ на службѣ, и ябедники, сначала робкіе, торжествовали, сдѣлались нахальнѣе, злѣе, ободрились какъ стая собакъ ободряется видя бѣгущаго отъ нихъ человѣка. На вдову написали страшныя небылицы, такъ что ея имуществу угрожало конечное разореніе и она, скрѣпя сердце, вызвала сына въ отставку.

Пріѣхавъ сынъ, разсмотрѣлъ всѣ бумаги, сразу увидѣлъ, откуда вѣтеръ дуетъ, понялъ всѣ гадости, которыя подѣлали съ нимъ его добрѣйшіе сосѣди, всѣ люди благородные, и повѣхалъ хлопотать въ губернской городъ, гдѣ былъ председателемъ па-

латы его дядя. Въ этой палатѣ должно было рѣшиться окончательно самое важное его тяжёлое дѣло.

Побывалъ племянникъ встѣцѣ у дядюшки предсѣдателя и вернулся домой, самъ не зная что и подумать о дядюшкѣ, который принималъ его какъ роднаго сына, прослезился даже отъ радости, разспрашивалъ подробно о мелочахъ его жизни и его матери, не зная чѣмъ и какъ угостить; но на всѣ вопросы о дѣлѣ отвѣчалъ какъ-то неохотно, будто или онъ не зналъ его, или оно было слишкомъ неблаговидно для племянника.

— А вы извините меня, сказалъ одинъ пріятель племяннику, когда я замѣчу вамъ, что, можетъ-быть, вы вашего дядюшку не убѣдительно просили.

— Какъ неубѣдительно! я ему и записку о дѣлѣ оставилъ самую подробную и на словахъ пересказалъ все: тутъ дѣло ясное, противъ моей матушки ябеда сосѣдей, ябеда! больше ничего! Эти гуси не воображали, что я рискну бросить службу, чтобъ защитить имущество, а еще болѣе доброе имя моей матери.

— Согласенъ, что ваше дѣло правое, замѣтилъ пріятель, что оно яснѣе дня, да не въ томъ дѣло, *убѣдительно* ли вы просили дядюшку? понимаете?... Извините меня.

— Ага!... А развѣ онъ того?

— Того!... и очень того!...

— Вотъ чтó! Я и не подозревалъ!...

— Помилуйте! это весь городъ знаетъ! Извините меня, я говорю, чтó всѣ говорятъ!...

— Ничего, ничего, я вамъ благодаренъ; только не думаю, чтобъ дядюшка согласился!...

— Спросите у кого угодно, только не говорите, что вы его племянникъ; и малый ребенокъ скажетъ о пристрастіи его къ звонкому металлу. Еще въ прошломъ году здѣсь рассказывали на перекресткахъ анекдотъ подъ названіемъ: *позвольте для духу!*

— Про дядюшку?

— Извините, про дядюшку. Дѣло было вотъ въ чемъ: сюда пріѣхалъ какой-то дѣлецъ и нужно ему было получить справку изъ давно рѣшеннаго дѣла; ходилъ онъ къ архивариусу, архивариусъ не даетъ; наконецъ онъ рѣшился, безпокоить самаго предсѣдателя, явился къ нему и объяснилъ дѣло.

А, хорошо, очень хорошо, пойдите къ архивариусу, сказалъ вашъ дядюшка.

Пошелъ проситель опять къ архивариусу и опять вернулся ни съ чѣмъ.

— Ну, что? получили? спросилъ самый сладкимъ голосомъ дядюшка.

— Не получилъ.

— Странно, почему бы это?

— Архивариусъ говорить, что очень занятъ.

— Странно! тѣмъ это онъ занятъ!... Вы употребляете?

И, улыбаясь, дядюшка поднесъ просителю раскрытую табакерку. Проситель, видно, былъ не промахъ и отвѣчалъ: благодарю покорно, я не нюхаю, а между-тѣмъ запустилъ пальцы въ жилетный свой карманъ, пошарилъ тамъ и будто спохватясь, сказалъ: впрочемъ, позвольте для духу!

— Дядюшка опять раскрылъ табакерку, а проситель, будто опуская пальцы за табакомъ, положилъ въ нее червонецъ. Табакерка вмгъ захлопнулась и предсѣдатель сказалъ самымъ сладкимъ голосомъ архивариусу:—Марко Марковичъ! потрудитесь дать неуклонительно вотъ имъ справочку; они уже давно по ней хождение имѣютъ.

И черезъ четверть часа справка была выдана!...

— Такъ вотъ каковъ мой дядюшка! Ну, благодарю васъ покорно, сказалъ племянникъ: теперь я знаю, какъ дѣло кончить.

Въ тотъ же день вечеромъ племянникъ сидѣлъ у дядюшки, слушалъ отъ него вѣжности и никакъ не могъ навести разговора на свое дѣло.... Ему хотѣлось предложить дядюшкѣ подарокъ и въ простотѣ молодой души своей онъ боялся этого, боялся обидѣть добраго родственника. Наконецъ, рѣшившись на прощальную, онъ началъ:

— Такъ вы думаете дядюшка, что наше дѣло непогрѣшительно?....

— Одинъ Богъ непогрѣшительнъ, милѣйшій мой племянникъ, оставьте это всторону и потолкуемъ о существенномъ. Такъ у васъ, вы говорите, хорошій лошадный заводъ.

— Да, порядочный!....

— И рыжія лошади есть?

— Бываютъ. А что?

— Ничего. Такъ, я вспомнилъ, что если бы имѣлъ заводъ, всегда держалъ бы рыжихъ, такихъ золотистыхъ лошадей; страхъ люблю золотую масть.

«Счастливая мысль», подумалъ племянникъ, и сказалъ дядюшкѣ громко: — Такъ и быть дядюшка, коли вы любите рыжихъ лошадей, я вамъ пришло въ подарокъ четверку рыжихъ....

— Помилуйте, милый мой родственникъ, к чему это.... и тѣдъ

только такъ сказалъ, чтобъ единственно поддержать нѣтъ рязовору, а вы поняли Богъ знаетъ въ какую сторону.... Творецъ вѣдь все видитъ и все знаетъ! отъ Него не спробовъсь ни на высокихъ горахъ, ни въ подземельяхъ....

— Согласенъ, дядюшка, а всё-таки вы вѣдь возьмите отъ Него эту бездѣлицу, четверку рыжихъ, стальныхъ золотистыхъ.

— Золотистыхъ?!... Васть-то славная.... Ну, когда это для васъ бездѣлица, я, пожалуй, возьму единственно изъ родственнаго расположенія, а не для чего другаго.

— Только, дядюшка, будемъ говорить прямо, изъ того же расположенія, вы дайте слово поддержать наше дѣло; это для васъ тѣмъ будетъ легче, что дѣло рѣшительно правое....

— Святое дѣло! я его знаю, истинно святое дѣло. Неужели вы и хлопотали о немъ? Оно и безъ вашихъ хлопотъ всегда было бы рѣшено на вашу сторону, даже если бы и не въ такой степени было справедливо. Я вѣдь всё же вамъ не чужой чловѣкъ.... А тутъ сама правда за васъ!.... будьте покойны, повъжайте себя въ деревню, катайтесь на своихъ прекрасныхъ лошадяхъ, наслаждайтесь сельскою тишиною и спокойствіемъ, которыми сподобилъ васъ всеблагій Творецъ, а мы труженики, въ потѣ лица добывающіе хлѣбъ свой, здѣсь уже за васъ пострадася.

— Смотрите же, дядюшка! я на васъ надѣюсь.... чтобы въ случаѣ....

— Чтѣ вы! чтѣ вы!.... а громы небесныя на что? развѣ они не разразятъ меня за всякую неправду?!... Развѣ я магометанинъ какой? грѣхъ вамъ, сынъ моего брата, и думать обо мнѣ что-либо подобное...

Племянникъ крѣпко обнялъ дядюшку и уѣхалъ въ деревню.

Черезъ недѣлю председатель получилъ отъ племянника четверку рыжихъ.

А мѣсяца черезъ два вызвали племянника форменною бумагою въ губернской городъ для выслушанія рѣшенія палаты.

Племянникъ прѣехалъ въ губернской городъ передъ вечеромъ и сейчасъ же переодѣвшись явился къ дядюшкѣ.

— Дома нѣтъ, сказалъ ему въ передней лакей въ засаленномъ сюртукѣ.

— Отчего нѣтъ?

— Уѣхавши.

— Куда?

— Не знаю.

- Скоро будетъ?
- Не знаю.
- Жаль, ну, я пойду нашу записку.
- Нельзя.
- Отчего нельзя?
- Комнаты заперты и ключъ у барина.
- Ну, скажи барину, что я пріѣхалъ изъ деревни и былъ у него, понимаешь?
- Понимаю.
- Да знаешь ли ты меня?
- Какъ не знать; вы намъ лошадей прислали.
- Да, да, тотъ самый, ты молодець, какъ я вижу. Ну, что, баринъ доволенъ лошадьми?
- Какъ-же-съ, очень доволенъ, не нахвалятся.
- Что, онъ часто на нихъ ѣздитъ?
- Нѣтъ, не ѣздитъ.
- Почему?
- Мы ихъ продали.
- Продали! давно?
- На другой день какъ получили, такъ и продали военному молковнику.
- Вотъ оно что! Ну, всё-равно. Кланяйся барину и скажи, что я завтра утромъ съ нимъ увижусь въ палатѣ.
- На завтра племянникъ явился въ палату; всѣ члены были на мѣстахъ, а предсѣдателя не было.
- Предсѣдатель немного нездоровъ, и въ присутствіе сегодня не будетъ, сказалъ секретарь и предложилъ выслушать рѣшеніе.
- Вошелъ въ присутствіе чиновникъ и однообразнымъ голосомъ началъ читать рѣшеніе.
- Сначала на открытомъ, даже немного самоувѣренномъ лицѣ племянника только выразилась скука, но тѣмъ далѣе читалъ чиновникъ бумагу, тѣмъ мрачнѣе становилось лицо племянника и онъ вышелъ изъ присутствія рѣшительно убитый, уничтоженный.
- Дѣло его, извольте видѣть, было кругомъ проиграно! его противникъ торжествовалъ.
- Любопытво бы знать, какія названія и титулы мысленно придавалъ въ то время племянникъ своему дядюшкѣ.
- Пріѣдя на квартиру, племянникъ засталъ у себя уже знакомаго намъ дядюшкинаго слугу въ засаженномъ сюртукѣ.
- Тебѣ что нужно?

— Баринъ приказали кланяться и просили весь неперемѣнно изъ нимъ пожаловать.

— Что я у него буду дѣлать? мнѣ всегда.

— Не могу знать, а приказали неперемѣнно пожаловать.

— Твой баринъ не можетъ мнѣ приказывать.

— Не могу знать, а приказали неперемѣнно пожаловать, дѣло моль есть.

— Странный человѣкъ, чего ему отъ меня хочется? подумалъ племянникъ, развѣ пойти и высказать ему въ глаза всю горькую истину? развѣ полюбоваться, какъ этотъ старый грѣшникъ будетъ передо мной хлопать глазами, извиняться и подлачивать?... и сказалъ громко: ступай домой, скажи своему барину, что я зайду къ нему вечеромъ.

Вечеромъ дядюшка встрѣтилъ племянника съ распростертыми объятіями. Племянникъ холодно поклонился дядѣ.

— Ну, что, любезный родственникъ, были сегодня въ присутствіи? слышали наше рѣшеніе?

— Слышалъ, и благодарить не за что.

— О! горячая кровь! настоящій воинъ. Я нарочно не пошелъ въ присутствіе, чтобы вы тамъ, при мнѣ, не сказали чего вреднаго.

— Вы, кажется, не очень беспокоитесь о моихъ пользахъ.

— Кто, я? грѣшно вамъ говорить это; да я для родныхъ готовъ хоть въ огонь полѣзть, тѣмъ больше что вы правы.

— Послушайте дядюшка, полноте меня морочить! Если мое дѣло правое, какъ же вы его рѣшили не въ мою пользу?

— А, это другое дѣло! нельзя было иначе.

— А почему, позвольте спросить?

— По двумъ причинамъ, говорилъ дядюшка тихимъ голосомъ притворяя двери кабинета: во-первыхъ, человѣкъ порядочный прежде всего долженъ думать о себѣ, а здѣсь всѣ знаютъ, что вы мой племянникъ и что вы мнѣ прислали четверню лошадей. Лошади вещь не карманная и ихъ весь городъ видѣлъ. Какъ бы безпристрастно я ни рѣшилъ дѣло, на меня были бы жалобы; хоть я ихъ не боюсь, а все-таки онѣ бросаютъ нѣкоторую тѣнь на человѣка. А во-вторыхъ, я вамъ скажу какъ родственнику, войдите въ мое положеніе: вашъ противникъ далъ мнѣ за рѣшеніе пять тысячъ рублей.... Вѣдь это деньги!... Ей Богу деньги....

— И вы.... говорилъ племянникъ отступая шагъ назадъ и прерзительно глядя на него....

— И я, перебилъ дядя, улыбаясь, ваше правое дѣло предста-

снимъ съ тонкой голки, что рѣшительно прорядить вамъ всѣ выходы. Нельзя было иначе. Сами посудите, а съ вами только снимъ съ сыномъ моего родного брата.

— Благодарю васъ.

— За мою родственную откровенность?

— Нѣтъ, за рѣшенье.

— Еще пока не за что. Я вѣдь помню мое обещаніе и никогда не измѣню ему, какъ благородный человѣкъ. Сидите и выслушайте. Съ моего противника я вѣдь деньги за рѣшенье ѣ, иудить Богъ, омыгъ выполнявъ свое слово: рѣшенье вы слышали?

— Слышалъ.

— Не обижайтесь, мой дорогой родственникъ. Но я вамъ обещалъ, что вы выиграете дѣло и вы его выиграете. Не глядите на меня такъ странно, я вѣдь люблю васъ.

— Очень благодарю.

— Да, помешивъ, кель вы и не любилъ васъ, но будучи обязанъ вамъ касательно лошадей, я по совету долженъ выполнить свое обещаніе.

— Изъ вашихъ словъ я ничего не понимаю.

— Военный человекъ!.. Сейчасъ видно...

— Вы сами сказали, что всѣ выходы протражены.

— Такъ, истинно такъ, но дѣл васъ любезнѣйшій племянникъ я окно оставилъ! ке, ке, ке! понимаете? коли дверь закрыта, а окно свободно, ползай въ окно и будешь на свободѣ!.. Я нарочно пропустилъ одно обстоятельство. Теперь вамъ слѣдуетъ подать на насъ жалобу въ Сенатъ, и вы выиграете.

— На васъ жалобу?

— На насъ. Чтѣ же тутъ удивительнаго? Намъ за вѣчать, что вы не такъ поняли дѣло,—ошибаться людямъ свойственно! И вы получите все. Не глядите на меня такъ странно, вотъ вамъ и жалоба; я уже прежде ее притотоявалъ; вы только перенпишите еѣ и завтра пошлите по почтѣ.

Тутъ дядя подавъ племяннику черновую жалобу. На другой день племянникъ отослалъ жалобу въ Сенатъ, и спустя полчаса получалъ отъ своего противника все заграбленное, я протера и убытки.

Вотъ какія дѣла дѣлались во время оно!.. Вамъ, молодые люди, теперь это не вѣрится. А бывали когда-то и не такія еще дѣла...

И. ГРАДОВИЦКАЯ.

ВОСПОМНАНІЯ

САДЕНА БУКСТАГЕНА.

=

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

=

III.

Графъ Букстевденъ не измѣнилъ, однакожъ, своему неуступчивому характеру. Получивъ повелѣніе разорвать перемиріе, онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго, а между-тѣмъ приказалъ начать военныя дѣйствія, въ исполненіе Высочайшей воли и вопрека своей.

Во время перемирія, графъ Клингспоръ, получившій чинъ фельдмаршала за поверхность, одержанную надъ слабымъ отрядомъ Тучкова, а потомъ Раевского, возвратился въ Стокгольмъ, сдалъ начальство надъ войскомъ генералу Клеркеру, также престарѣлому теоретику. Графъ Клингспоръ наиѣревался убѣдить короля къ заключенію мира, представивъ ему невозможность удержать Финляндію. Хотя въ конвенціи о перемирії и положено было, чтобъ въ обѣихъ арміяхъ не передвигать войскъ, но обѣ стороны не соблюдали этого условія. Къ генералу Клеркеру пришло до трехъ тысячъ человѣкъ подкрѣпленія, и онъ поддержалъ Сандельса, стоявшаго въ крѣпкой позиціи у Индесальми. Изъ нашего корпуса (графа Каменскаго) пошли на подкрѣпленіе Тучкову, въ Куопіо, 3-й егерскій полкъ, изовскій мушкетерскій и батальонъ низовскаго мушкетерскаго полка. Къ Тучкову же по-

сланы батальоны преображенскаго и измайловскаго полковъ, пришедшіе изъ Петербурга, съ графомъ Строгановымъ. Къ корпусу графа Каменскаго примкнула бригада генерала Тучкова 3-го, состоявшая изъ бресткаго и вильманстрандскаго мушкетерскихъ полковъ. На берегу, въ тылъ корпуса графа Каменскаго, разставили полки: тульскій въ Ньюкарлеби, полоцкій въ Вазѣ, рязанскій въ Христиненштатѣ. Эти полки, отданные подъ начальство князя Д. В. Голицына, должны были, въ крайнемъ случаѣ, составлять резервъ графа Каменскаго. Графъ Буксгевденъ старался, по возможности, запастись продовольствіемъ; повсюду были разсланы комиссіонеры покупать у жителей, что только можно было достать, а между-тѣмъ сильныя команды фуражировали на большомъ разстояніи, забирая насильно, что можно было взять: скотъ, хлѣбъ, вино и даже огородные овощи, и выдавая росписки, по которымъ обѣщано уплачивать наличными деньгами. Но при этихъ усиленныхъ средствахъ, все же нельзя было собрать столько продовольствія, сколько было нужно, а огромныя транспорты, высылаемые изъ Петербурга, не доходили къ намъ, за распутицею. Однакожъ, надлежало дѣйствовать, и графъ Буксгевденъ обратился къ прежнему своему плану, а именно: графу Каменскому приказалъ тѣснить графа Клеркера, какъ прежде тѣснилъ онъ графа Клингспора, а генералу Тучкову 1-му, въ соединеніи съ княземъ Долгоруковымъ, начальникомъ сердобольскаго отряда, принудить Сандельса отступить отъ Линдулакса, для соединенія съ арміей Клеркера, и потомъ дѣйствовать во флангъ Шведамъ, угрожая отрѣзать ихъ отъ Улеборга.

У генерала Клеркера было подъ ружьемъ девять-тысячь пѣхоты, пятьсотъ человекъ конницы и тридцать семь орудій; у Сандельса, кромѣ вооруженныхъ мужиковъ, до четырехъ тысячъ человекъ. Слѣдовательно, Русскихъ было вдвое болѣе въ Фипляндіи; но по невозможности прокормить войско, намъ нельзя было дѣйствовать сильными корпусами въ одномъ мѣстѣ, и притомъ опасно было оставить берега и внутренность обширнаго непріятельскаго края безъ войска. И потому корпусъ графа Каменскаго, назначенный дѣйствовать послѣ перемирія, состоялъ только изъ девяти тысячъ пѣхоты, тысячи съ небольшимъ конницы, при сорока шести орудіяхъ. У Тучкова перваго, противу Сандельса, было досеми тысячъ (съ новоприбывшими батальонами, преображенскимъ

и измайловскимъ), до девятисотъ конницы и пятидесяти семи орудій. Кромѣ артиллеріи, которой у насъ было болѣе, силы были почти равныя, съ тою разницею, что намъ надлежало брать приступомъ каждую непріятельскую позицію, укрѣпленную природою и искусствомъ, и слѣдовать впередъ, въ стравѣ, уже опустошенной самими Шведами. Въ этомъ отношеніи Шведы имѣли передъ нами большое преимущество.

Генералу Тучкову 1-му приказано было начать военныя дѣйствія прежде графа Каменскаго, чтобъ принудить Сандельса къ отступленію, и стать по-крайней-мѣрѣ на одной линіи съ корпусомъ графа Каменскаго, обезпечивая такимъ образомъ правый его флангъ. Генераль Тучковъ первый атаковалъ, 25-го октября, Сандельса въ дефилеяхъ при Индесальми. Нашихъ было числомъ болѣе, но мѣстоположеніе благоприятствовало Шведамъ, а военныя дарованія Сандельса были важнѣе числительной силы войска. Сандельсъ извлекалъ выгоды изъ малѣйшей ошибки непріятеля, и зная мѣстность, умѣлъ ею пользоваться. Наши были отбиты съ большою потерею. При штурмѣ Индесальмскихъ дефилей убито и пропало безъ вѣсти, въ корпусѣ Тучкова, 764 человека, и въ томъ числѣ лишился жизни любимецъ Государя, генераль-адъютантъ князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ.

Онъ воспитывался вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ, и съ дѣтства приобрѣлъ привязанность своего царственного совоспитанника, любившаго его какъ брата. Князь Долгоруковъ своими рѣдкими качествами умѣлъ стяжать особенное благоволеніе всего Августѣйшаго Семейства. Получивъ основательное образованіе, онъ раздѣлялъ всѣ высокія идеи Государя Императора, и любя пламенно отечество и славу его, обожалъ Государя, своего благодѣтеля, читая ежедневно въ душѣ его любовь къ Россіи, которую онъ стремился возвысить просвѣщеніемъ и мудрыми постановленіями. При возвышенности чувствъ и добротѣ души, князь Долгоруковъ очаровывалъ всѣхъ своею любезностью, игривостью ума и какимъ-то духомъ рыцарства. Говорили тогда, и тѣ, которые помнятъ прошлое время, вѣрятъ и теперь, что Государь предназначалъ князю Долгорукову жребій, до котораго не возвышался ни одинъ подданный въ Россіи, со времени Петра-Великаго. Князь Долгоруковъ приобрѣлъ извѣстность въ Новой Исторіи Европы Аустерлицкою битвою. Всѣ историки, описывающіе это знаменитое сраженіе, должны упоминать о немъ, потому что его настойчивости приписы-

рають отъ отказаніе союда Кутузова, не давая генеральнаго сраженія до полнаго соединенія всѣхъ силъ. Будучи въсланъ для послѣднихъ переговоровъ съ Наполеономъ, князь Долгоруковъ оскорбилъ его самолюбіе гордымъ отвѣтомъ и обращеніемъ. Князь пламенно желалъ сраженія, но нѣжности своего характера и по ненависти своей къ Наполеону, которой онъ не умѣлъ или не хотѣлъ скрывать. Государь Императоръ, рѣшившись слѣдовать выжидательной системѣ въ сношеніяхъ съ Наполеономъ и согласясь на свиданіе съ нимъ, не могъ взять съ собою въ Эрфуртъ князя Долгорукова, бывшаго при немъ всегда, безотлучно, и онъ вынужденъ былъ ѣхать въ Финляндію. Замѣчательно, что давъ ему сердобольскій отрядъ, Государь предоставилъ ему дѣйствовать по его благоусмотрѣнію, не слѣдуя ни чѣмъ предписаніямъ, и только навѣщать старшихъ генераловъ и главнокомандующаго а событіяхъ. Черезъ два дня послѣ его смерти, пришло Высочайшее повелѣніе о назначеніи его корпуснымъ командиромъ, на мѣсто генерала Тучкова перваго.

Князь Долгоруковъ былъ прекрасный мужчина, лонкій во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ, храбрый до ослѣпленія. Онъ командовалъ авангардомъ генерала Тучкова перваго при штурмѣ укрѣпленной позиціи въ индесальмскихъ дѣлѣяхъ. Когда 4-й егерскій полкъ, взявъ сперва шведскіе шанцы, былъ опрокинутъ штыками, а въ отступленіи увлекъ съ собою теушгінскій и навагінскій мушкетерскіе полки, князь Долгоруковъ бросился впередъ, чтобъ остановить отступающихъ и повести ихъ обратно на Шведовъ. Уже, на голосъ его, отступавшіе начали собираться и стромиться, какъ непріятельское ядро поразило его, въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ слѣзть съ лошади и идти на шведскую батарею, въ главѣ собранныхъ имъ солдатъ.... Не только при дворѣ, но и въ войскѣ оплакивали смерть его. Ему было тогда тридцать лѣтъ отъ рожденія, то есть онъ однимъ годомъ былъ моложе Государя Императора.

Графъ Буксгевденъ, получивъ донесеніе о неудачномъ Индесальмскомъ дѣлѣ, и бывъ въ то же время ложно навѣщенъ о высылкѣ новой помощи Сандельсу генераломъ Клеркеромъ, велѣлъ Тучкову оставаться въ оборонительномъ положеніи, наблюдая Сандельса, а графу Каменскому приказалъ выступить впередъ и угрожать Клеркеру нападеніемъ, чтобъ принудить его или къ отступленію, или къ возвращенію отрядовъ, высланныхъ на усиленіе Сандельса.

20-го октября графъ Каменскій выступилъ изъ Гамлекордеби. Въмѣсто того, чтобъ сражаться генерала Клеркера, по предписанію главнокомандующаго, графъ Каменскій рѣшился начать военныя дѣйствія съ прежнею энергіею, надѣясь на своихъ воиновъ, которыхъ мужество и любовь къ себѣ онъ уже испыталъ. «Мы начали бить, мы и добьемъ!» сказалъ графъ Каменскій авангарду, остановивъ его на походѣ. — «Рады стараться!» отвѣчали солдаты: «Съ вами въ огонь и въ воду!» И точно, по его слову, мы шли въ огонь и въ воду, въ настоящемъ значеніи этихъ словъ!

Позиція при Химанго, между озеромъ и моремъ, за рѣкою и болотами, почиталась неприступною. Здѣсь устроены были батареи, правильнѣе сказать сооружена настоящая крѣпость, защищавшая фронтъ позиціи. Крімъ того, непріятель имѣлъ здѣсь канонерскія лодки, которыми могъ бы дѣлать диверсію и беспокоить нашъ лѣвый флангъ. Графъ Каменскій, не зная намѣреній непріятеля, приготовился къ новому сраженію, подобному Куртацкому и Оровайскому, или, лучше сказать, къ штурму позиціи. 21 октября посланы были отъ авангарда нашего развѣданы, для открытія непріятеля. Къ удивленію всѣхъ, развѣданы сообщили вѣстію, что Шведы оставили свою укрѣпленную позицію при Химанго, и, сжегши пять мостовъ, остановились за рѣкою Калайоки. Корпусъ графа Каменскаго двинулся впередъ.

Оставивъ главныя силы свои передъ непріятелемъ, графъ Каменскій съ отрядомъ генераловъ: Козачинскаго (въ этомъ отрядѣ былъ и нашъ эскадронъ), Тучкова 3 и Ушакова, пошелъ вправо, въ обходъ непріятельской позиціи, пробираясь непроходимыми болотами, лѣсами и утесами. Большую часть пути мы вели лошадей за поводья, а сами шли пѣшкомъ. Иногда приходилось спускать лошадей съ стремнины и вытаскивать изъ болота. Лошади чуть двигались, люди были утомлены до крайности, но шли безъ ропота за своимъ любимымъ начальникомъ. Пушки переносили на рукахъ чрезъ утесы и топи. Графъ Каменскій шелъ впереди, и подавалъ собою примѣръ, припоминая переходъ чрезъ Альпійскія Горы съ Суворовымъ, и рассказывая о немъ окружающимъ. Ручьи мы переходили въ бродѣ. Продолжая утомительный походъ около полутора сутокъ, графъ Каменскій, 27 числа, къ полудню, прибылъ на предположенное мѣсто, преодолевъ величайшія трудности. Тотчасъ устроили двѣ переправы чрезъ рѣку, при Питкайсѣ и Рако, а между-тѣмъ

Кульневъ приготовлялъ матеріалы для моста, на большой дорогѣ. Это смѣлое движеніе принудило непріятеля къ отступленію, и 28 числа, въ пять часовъ вечера, наши уже были въ Калаіокахъ, позиціи, неуступающей Химангской.

При этомъ, такъ сказать, торжественномъ шествіи впередъ графа Каменскаго, отъ Тучкова снова получено было непріятное извѣстіе. Графъ Буксгевденъ, давъ ему повелѣніе дѣйствовать оборонительно, чрезъ четыре дня послалъ приказаніе начать наступательныя дѣйствія, въ увѣренности что онъ уже получилъ подкрѣпленіе и продовольствіе. Двѣ недѣли стоялъ Тучковъ въ бездѣйствіи при Индесальми, въ двадцати верстахъ отъ укрѣпленій позиціи, занимаемой Сандельсомъ, который получилъ отъ генерала Клеркера предписаніе идти носпѣшно къ Улеборгу, чтобъ поспѣть туда прежде отрядовъ, посланныхъ графомъ Каменскимъ, для отрѣзанія ему ретирады и взятія запасовъ въ Улеборгѣ. Храбрый Сандельсъ, прежде отступленія, вознамѣрился нанести ударъ Тучкову и захватить его авангардъ, стоявшій въ пяти верстахъ передъ корпусомъ, расположеннымъ въ землянкахъ, за проливомъ, соединяющимъ озера Иденъ-Ярви и Поровеси. Мостъ на проливѣ защищали двѣнадцать орудій. Фланги корпуса Тучкова примыкали къ болотамъ и озерамъ. Позиція была неприступная, и только одна тропинка пролегла, чрезъ топкое болото, на нашъ правый флангъ. По этой тропинкѣ положены были мостки. Когда болото начало крѣпнуть отъ морозовъ, адъютантъ Тучкова 1, баронъ Матвѣй Ивановичъ фонъ-деръ-Паленъ * узналъ, что Шведы дѣлаютъ рекогносцировки на нашемъ правомъ флангѣ, и предложилъ своему генералу поставить двѣ роты пѣхоты въ лѣсу, при входѣ въ болото. Тучковъ согласился, хотя и былъ убѣжденъ, что это лишнее, потому что по донесенію свитскаго офицера, высланнаго для осмотра болота, его нашли непроходимымъ для войска. Сандельсъ выслалъ партизановъ Мальма и Дункера, по болоту, съ саволакскими стрѣлками, привыкшими къ подобнымъ дорогамъ, съ тѣмъ, чтобъ подкрасться къ мосту, сжечь его, и отрѣзать нашему авангарду отступленіе къ главному отряду, намѣреваясь въ это время ударить на авангардъ. Партизаны вовсе не надѣялись встрѣ-

* Онъ былъ тогда ротмистромъ, а нынѣ генералъ отъ кавалеріи и членъ Государственнаго Совѣта, бывший генералъ-губернаторъ лифляндскій, эстляндскій и курляндскій, оставившій послѣ себя благословенную память въ этихъ губерніяхъ.

тивъ Русскихъ при выхолѣ изъ болота, но наткнувшись на двѣ наши роты, поставленныя барономъ Паленомъ, бросились на нихъ, принудили къ быстрому отступленію, вмѣстѣ съ ними вбѣжали въ нашъ лагерь, и стали колотъ солдатъ въ землянкахъ. Можно себѣ представить суматоху, какаѧ произошла въ лагерь отъ этого печальнаго нападенія, въ темную осеннюю ночь! Офицеры и солдаты полуодѣтые выбѣгали изъ землянокъ, брались за оружіе, но не знали, гдѣ и какъ строиться. Между тѣмъ шведскіе партизаны, проведя тревогу въ лагерь, бросились къ мосту, чтобъ зажечь его, а наши строились по-ротно и по-батальонно. И тутъ-то присутствіе духа и предусмотрительность барона Палена спасли отрядъ. Прежде всѣхъ изготовился къ бою гвардейскій егерскій батальонъ. Баронъ Паленъ, предвидя, какое можетъ быть несчастье, если непріятель разрушитъ мостъ, соединяющій лагерь съ авангардомъ, именемъ генерала Тучкова повелъ гвардейскій егерскій батальонъ къ мосту. Батальонъ ударилъ въ штыки, съ тыла шведскимъ партизанамъ, которые вида, что имъ нѣтъ спасенія, бросились въ ряды гвардейскихъ егерей, чтобъ пробиться силою. Начался рукопашный бой, въ которомъ шведскіе партизаны не могли устоять. Не многіе спаслись бѣгствомъ, пользуясь темнотою ночи. Одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ начальниковъ партизановъ, Мальмъ, взятъ въ плѣнъ, и двѣсти человекъ самыхъ храбрыхъ изъ его Саволакцевъ пали на мѣстѣ. Гвардейскому егерскому батальону суждено было спасти Куопиоскій корпусъ. Находчивости и вѣрному военному предположенію барона Палена, и храбрости лейбъ-егерей принадлежитъ вся честь спасенія авангарда отъ вѣрнаго истребленія. Сандельсъ, послѣ этой неудачи, немалденно отступилъ къ Улеаборгу, слабо преслѣдуемый генераломъ Тучковымъ, который находилъ на каждомъ шагѣ препятствія. Сандельсъ сожигая мосты и заваливая и безъ того дурныя дороги, удерживалъ изъ вида нашего авангарда.

Генераль Клеркеръ также отступалъ передъ графомъ Каменскимъ, и также жегъ мосты, дѣлалъ засѣки, и сражался на каждомъ переходѣ. Наши слѣдовали за нимъ по ядамъ, вытѣсняя его изъ позицій обходами и быстрымъ латискомъ. Позднее время года, непроходимыя дороги, недостатокъ въ продовольствіи изнуряли войско, которое однакожь весело переносило труды и нужду. Графъ Каменскій умѣлъ въ каждомъ перелитъ свой пламень и свою неутомимость.

Быстрая рѣка Пягайоки, одна изъ значительнѣйшихъ въ сѣверной Финляндіи, представляла Шведамъ защиту отъ стремительнаго натиску графа Каменскаго. Но и здѣсь они ошиблись въ расчетѣ. 2 ноября рѣка покрылась легкою ледяною корою, и графъ Каменскій велѣлъ настлать солому по льду и положить доски. Наши солдаты бросились бѣгомъ, по одиначкѣ, на этотъ живой мостъ; ледъ хрустѣлъ и дрожалъ подъ ногами, но солдаты шли смѣло и весело. Кавалерія прорубила ледъ, перегнала вбродъ лошадей и перевезла сѣдла на нѣсколькихъ лодкахъ. Вскорѣ отрядъ Козачковскаго, въ которомъ былъ нашъ эскадронъ, и отрядъ Ушакова появились въ тылъ непріятельскаго фланга и начали перестрѣлку. Шведы, удивленные этимъ неожиданнымъ появленіемъ Русскихъ, принуждены были оставить эту крѣпкую позицію. Быстрота движеній, неутомимость въ преслѣдованіи и настоятельность графа Каменскаго, изнунивъ Шведовъ, привели ихъ въ уныніе. Наступили жестокіе морозы. Шведы не могли получать запасовъ моремъ, а во внутренности земли, истощенной войною, и при быстромъ отступленіи, невозможно было собрать достаточнаго количества продовольствія. Замерзаніе рѣкъ, озеръ и болотъ облегчило движеніе Русскихъ, и шведскія укрѣпленныя позиціи потеряли свою силу. Къ довершенію несчастій, болѣзни открылись въ шведской арміи, не привыкшей къ военнымъ трудамъ и къ такимъ быстрымъ движеніямъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи шведскій генералъ Клеркеръ, оставивъ городъ Брагештадтъ во власть Русскимъ, отступилъ отъ Пягайоки въ Сигайоки и послалъ снова повелѣніе къ генералу Саудельсу соединиться съ нимъ при Улеаборгѣ. Такимъ образомъ побѣды графа Каменскаго, искусныя движенія и быстрый натискъ къ береговой части Финляндіи были причиною очищенія и той страны, гдѣ Шведы имѣли преимущество надъ нашими войсками. Четвертаго ноября генералъ Клеркеръ заключилъ перемиріе на два дня, для размѣна плѣнныхъ и для отдохновенія войскъ, въ чемъ нуждались и Русскіе; шведскій авангардъ отступилъ въ Олькіюки.

Въ это время вдругъ сдѣлалась оттепель, ввергшая Шведовъ въ большую еще опасность, пежели морозы. Все, казалось, клонилось къ ихъ бѣдствію. Внезапно ледъ потрескался на быстрой рѣкѣ Сигайоки, и снесъ мостъ, по которому шведамъ надлежало отступать. Если бы графъ Каменскій напалъ въ это время на Шведовъ, то вся ихъ армія была бы

истреблена, или принуждена сдаться. Но вѣрный чести и данному слову, графъ Каменскій не нарушалъ перемирія и позволилъ Шведамъ построить мостъ. Наконецъ генераль Клеркеръ, видя, что войско его, утомленное быстрымъ преслѣдованіемъ графа Каменскаго, не въ состояніи болѣе противиться пылкой храбрости Русскихъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ положено было войти въ переговоры съ графомъ Каменскимъ. 23 ноября заключено условіе въ Олькюкахъ, по которому Шведы обязались очистить всю Финляндію и занять зимнія квартиры по берегамъ рѣки Торнео. Шведская главная квартира учреждена въ городѣ сего имени, а русская въ Улеборгѣ. Можно смѣло сказать, что побѣды графа Каменскаго довели Русскихъ до предѣловъ обитаемаго міра, потому что за Торнео лежитъ уже дикая Лапландія, примыкающая къ Сѣверному Океану.

Такимъ образомъ кончилась кампанія 1808 года, которой вся слава и всѣ успѣхи принадлежатъ, безспорно, графу Каменскому. До принятія имъ подѣ начальство дѣйствующаго корпуса, дѣла наши, какъ было изложено въ началѣ этого обзорнія, находились въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Съ равными, а часто и съ меньшими силами, безъ всякаго вспомошествованія въ продовольствіи, графъ Каменскій одержалъ, подѣ личнымъ своимъ предводительствомъ, двѣ знаменитыя побѣды, взявъ штурмомъ укрѣпленныя непріятельскія позиціи, и сражаясь почти ежедневно, преслѣдовалъ Шведовъ, съ неимовѣрною быстротою, по мѣстамъ непроходимымъ, черезъ рѣки, болота, утесы, лѣса, часто оспаривая каждый шагъ штыками. Всѣ распоряженія принадлежатъ графу Каменскому, который составлялъ свои планы почти всегда на мѣстѣ битвы, соображаясь съ положеніемъ непріятеля. Въ сраженіяхъ графъ Каменскій обыкновенно устремлялся въ опаснѣйшія мѣста, зная, что появленіе его одушевляло солдатъ и офицеровъ; въ трудныхъ переходахъ онъ былъ передѣ колонною и подавалъ собою примѣръ. Онъ терпѣлъ нужду наравнѣ съ солдатами, и тогда только былъ доволенъ, когда могъ доставить войску какія-нибудь жизненные удобства. Исключая малаго времени, во время перваго перемирія, корпусъ графа Каменскаго провелъ все время на бивакахъ, въ палящій зной лѣта, въ ненастную осень и въ жестокою зиму; и, не взирая на недостатокъ въ продовольствіи, солдаты были бодры и здоровы. Какой-то веселый духъ, молодечество поддерживали войско и застав-

ляли его все переносить охотно съ добрымъ начальникомъ. Многие плакали, когда графъ Каменскій, по разстроенному зоревью, отказался отъ начальства и отправился въ Петербургъ изъ Улеборга. Казалось, что разставаясь съ нимъ, подчиненные его осиротѣли. Офицеры и солдаты, принадлежавшіе къ корпусу графа Каменскаго, гордились этимъ, ибо вся армія съ удивленіемъ внимала извѣстіямъ о подвижнѣйшей чудной храбрости, обь опасностяхъ и трудахъ, прославившихъ сей корпусъ. «Господа! сказалъ графъ Каменскій офицерамъ, прощавшимся съ нимъ: мы завоевали Финляндію; сохраните ее. Сожалѣю, что не могу съ вами оставаться!» Слезы навернулись на глазахъ героя при этихъ словахъ. Суровые воины плакали какъ дѣти!

Главнoкомандующій финляндскою арміею, графъ Букеревденъ, исполненный уваженія къ графу Каменскому и чувствуя всю важность его заслугъ, написалъ къ нему, при отъѣздѣ, слѣдующее письмо:

«Поставляю себѣ обязанностію засвидѣтельствовать вашему сіятельству усерднѣйшую мою благодарность за всѣ труды, мужество и благоразумныя распоряженія по части войны въ Финляндіи, съ коими вы, для пользы отечества и къ славы оружія Его Императорскаго Величества, содѣйствовали мнѣ, при завоеваніи Великаго Герцогства Финляндскаго, до послѣднихъ рубежей онаго. Вѣдая себѣ въ пріятнѣйшій долъ цѣнить заслуги, я не упустилъ, и вынужденъ не упустию случая засвидѣтельствовать о нихъ Государю Императору, дабы тѣмъ доказать вамъ мою признательность и уваженіе, съ коими я всегда пребуду. При семъ препровождаю также къ вашему сіятельству вѣдомость, изъясняющую десяти-мѣсячныя наши потеріи и пріобрѣтенія, въ той надеждѣ, что выгоды, полученныя нами въ сію войну, останутся всегдашнимъ памятникомъ для тѣхъ воиновъ, кои въ оной участвовали.»

Такъ говорилъ главнoкомандующій, а что чувствовали, что говорили подчиненные графа Каменскаго, того нельзя передать словами. Героя давно уже нѣтъ въ живыхъ: лѣтъ не нужна!

Теперь, когда мы имѣемъ полное и прекрасное описаніе финляндской войны, составленное его превосходительствомъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, мнѣ излишне было бы распространяться о военныхъ дѣйствіяхъ. Изображалъ я болѣе то, что самъ видѣлъ и испыталъ, и что тѣсно связано было съ дѣйствіями корпуса графа Каменскаго, и впрямую

силы иногда собственныя впечатлѣнія, чтобъ не прерывать и не затемнять повѣствованія. Теперь представлю краткій перечень своихъ воспоминаній, въ общемъ видѣ, объ этой войнѣ. Подобно послѣднимъ лучамъ заходящаго солнца, прошлое скользитъ по моей памяти, освѣщаетъ ее и оживляетъ въ воображеніи многое изъ забытаго.

Но числомъ войска должно опредѣлять важность сраженій и побѣдъ, но трудностями и послѣдствіями войны, и въ этомъ отношеніи ни одна европейская война не можетъ сравниться съ войною финляндскою и ни одно войско съ корпусомъ графа Каменскаго. Справедливо сказалъ графъ Каменскій въ Улеборгѣ, прощаясь съ нами: «мы завоевали Финляндію.» Точно мы (то есть корпусъ Каменскаго) завоевали эту страну, и притомъ въ три мѣсяца! Это подтвердилъ и знаменитый нашъ историкъ А. И. Михайловскій-Данилевскій, разсмотрѣвъ подробно и безпристрастно всѣ событія и изслѣдовавъ всѣ официальные извѣстія. Смерть — ничто! Къ ней долженъ быть приготовленъ каждый воинъ съ той минуты, какъ надѣлъ мундиръ; но нужда — вотъ что можетъ поколебать мужество въ самомъ неустрашимомъ воинѣ, разрушая его физическія силы. Мы претерпѣвали величайшую нужду! Въ Финляндіи узнали мы тщету золота! Было много такихъ дней, что каждый изъ насъ отдалъ бы всѣ свои деньги за кусокъ хлѣба, за нѣсколько часовъ сна въ теплой избѣ на соломѣ! Уже съ октября настали морозы, а въ ноябрѣ зима была во всей силѣ, и притомъ въ этомъ году жестокая. Сѣверный вѣтеръ жегъ какъ пламя. Почти у всѣхъ насъ щеки покрыты были струпами. Нельзя было уберечься, потому что каждое дуновеніе вѣтра обжигало кожу на лицѣ. Я сдѣлалъ всю кампанію безъ шубы, въ шинели на ватѣ, безъ мѣховаго воротника. Галоши, какъ я уже сказалъ однажды, тогда не были еще выдуманы. На бивакахъ мы, бывало, закроемся отъ страшнаго сѣвера кучами снѣгу, въ родѣ вала, подложимъ подъ ноги пуки сосновыхъ сучьевъ, разведемъ большой огонь и спимъ покойно, даже переодѣваемся и пережѣнаемъ бѣлье. Дежурные должны были обходить кругомъ и будить офицеровъ и солдатъ, когда замѣтятъ слѣды отмороживанія. Тогда мы вскакивали и поспѣшно натирали лицо снѣгомъ. Въ семнадцать градусовъ морозу мы даже брелись на бивакахъ! Самое роскошное кушанье наше — это была тюря изъ солдатскихъ сухарей, въ которую подливали немного хлѣбнаго вина (если оно было), чтобъ согрѣться.

Кто могъ достать оленьихъ шкуръ, тотъ обвязывалъ ими ноги. Иные дѣлали родъ маски изъ оленьей шкуры, чтобъ закрывать ознобленное лицо, вымазавъ его сперва жиромъ. На кого мы походили тогда! Весьма часто нашему эскадрону, какъ я уже говорилъ, приходилось стоять всю ночь на аванпостахъ, безъ огней, въ жестокую стужу, въ открытомъ мѣстѣ. Тогда мы закрывались отъ сѣвернаго вѣтра срубленными елками, въ видѣ вѣера, и плясали, то есть перепрыгивали съ ноги на ногу, размахивая руками. Шведы и Финны, мѣстные жители, не устояли, хотя ихъ нужда, въ сравненіи съ нашей, была роскошь, потому что они, отступая, забирали все, что можно было взять у крестьянъ, и имѣли притомъ подводы. Въ шведской арміи генерала Клеркера открылись болѣзни, кровавый поносъ и горячки. Послѣ олькіюкскаго перемирія, большая часть Финновъ начали дезертировать и приходили къ намъ толпами. На каждомъ переходѣ мы поднимали множество больныхъ Шведовъ и Финновъ, валявшихся на дорогѣ. Мы пеклись о нихъ столько же, какъ о своихъ, и наши солдаты раздѣляли съ ними послѣднія крохи своей скудной пищи. Удивительно, что въ корпусѣ графа Каменскаго было весьма мало больныхъ. Солдаты шли бодро и весело, и русская пѣсня часто оглашала пустыни Финляндіи. Бодрость духа, внушенная намъ графомъ Каменскимъ, поддерживала изнуренное нуждою тѣло. Въ Брагештадтѣ, который Шведы уступили намъ безъ боя, мы нѣсколько отдохнули.

Здѣсь я едва не лишился жизни съ нѣсколькими изъ товарищей. Въ городѣ мы запаслись французскимъ виномъ (мѣдос) и всѣмъ, что можно было достать для стола. На другой день, на аванпостахъ, мы купили превосходную рыбу у поселянина, и я предложилъ товарищамъ сварить матлотъ (то есть рыбу въ красномъ винѣ, съ пряностями и прочимъ). Моя стряпня понравилась товарищамъ, а потому оставшееся въ кострюлѣ мы сохранили на ужинъ. Послѣ ужина, въ полночь, всѣ мы жестоко заболѣли. По счастью, докторъ поспѣлъ во время и открылъ всѣ слѣды отравленія. Зная изъ шведскихъ газетъ о происшедшемъ въ то время въ Испаніи, нѣкоторые изъ насъ подумали, что мы отравлены жителями, и велѣли сохранить для изслѣдованія всѣ припасы, купленные нами въ городѣ. Но когда докторъ разспросилъ насъ, что мы ѣли въ тотъ день, онъ велѣлъ принести посуду, въ которой варилось кушанье, и тотчасъ узналъ причину на-

шой болѣзни, увидѣвъ дръ въ кестрюлѣ, образовавшуюся отъ дѣйствія на мѣдь краснаго вина и прикостей. Я не догадался, что въ кестрюлѣ не было никакой полуды! Намъ поданы были всѣ возможные пособія и, по счастью, вовремя, а если бы мы не нашли скоро доктора, то къ утру вѣрно всѣ бы отравились на лоно Авраамле. Однако жъ всѣ мы съ недѣлю были больны.

Послѣ перемирія или конвенціи, заключенной графомъ Каменскимъ въ Олькіюки (7 ноября), съ разрѣшенія главнокомандующаго, по которой Шведы обязались уступить Русскимъ всю Финляндію, до Торнео, мы шли впередъ уже прогулкою, соблюдая, однако жъ, въ авангардѣ предосторожности, чтобъ какой-нибудь отчаянный партизанъ, не признававшій конвенціи, не напалъ на насъ нечаянно и не надѣлалъ хлопотъ. Но Шведы, особенно Финны, совершенно упали духомъ и уже не помышляли о войнѣ, поспѣшая выбраться изъ Финляндіи на зимнія квартиры или въ дома. Съ генераломъ Клеркеромъ перешло черезъ рѣку Кеми не болѣе трехъ тысячъ Финновъ; всѣ прочіе разошлись по домамъ или отдались намъ добровольно. Въ единственной большой деревнѣ въ Финляндіи, Лиминго (въ двадцати-семи верстахъ отъ Улеборга), выстроенной по обоимъ берегамъ рѣки, гдѣ у насъ была дневка, мы соединились съ куопіоскимъ корпусомъ генерала Тучкова 1, и свидѣлись со старыми сослуживцами и друзьями. Тутъ мы узнали о смерти добраго нашего товарища, поручика Лопатинскаго, который посмѣивался въ Куопіо надъ моею осторожностью, во время развѣздовъ и командировокъ. Посланный со взводомъ на рекогносцировку, съ свитскимъ офицеромъ (по пынѣшнему генеральнаго штаба), онъ пренебрегъ необходимою осторожностью въ взбунтованномъ краѣ. Партизаны напали на него, на ночлегѣ, и какъ онъ не хотѣлъ сдаться въ плѣнъ, и защищалъ входъ въ избу, то его подняли на штыки. Я описалъ характеръ и смерть его въ особой статьѣ, напечатанной въ полномъ собраніи моихъ сочиненій. — Осемнадцатаго ноября, въ сильную стужу, доходившую до двадцати градусовъ, мы вступили церемоніальнымъ маршемъ въ Улеборгъ, предпослѣдній городъ обитаемаго міра. За Улеборгомъ, на сѣверѣ, только одинъ городъ Торнео (въ 151 верстѣ), а далѣе лапландскія юрты, пустыни, до самаго Ледовитаго Моря, и конецъ умственной жизни и растительности. Тамъ уже начинается царство бѣлыхъ медвѣдей! Авангардъ нашъ немед-

легко выступили на рѣку Кемь, и по вырванъ на жестокуе стужу, стали биваками; но уланы пощадили и помѣстили въ квартирахъ въ самомъ городѣ. Главнокомандующій, который ѡхотѣ въ окрестности за нашия корпусомъ, въ нѣсколькихъ переходахъ, не мѣняясь вовсе въ распоряженіи графа Каменскаго, прибылъ въ тотъ же день въ Улеборгъ, гдѣ и назначена была главная квартира финляндской арміи.

Въ нашемъ эскадронѣ осталось не болѣе пятидесяти лошадей, а около осмидесяти околѣло отъ голода и немисѣрныхъ трудовъ. Спѣшенные уланы, вооруженные карабинами, прижнули къ пѣхотѣ, къ артиллеріи. Сѣдла и пики мы оставляли въ городахъ. Гвардейскій егерскій батальонъ, прішедшій съ генераломъ Тучковымъ 1, былъ также оборванъ и безъ обуви, и главнокомандующій рѣшилъ отослать къ русской границѣ всѣ гвардейскіе батальоны и эскадроны. Намъ позволено было отдохнуть и велико приготовиться къ обратному походу.

Вообразите мое удивленіе, когда, въ 1840 году, въ Гельсингфорсѣ, гдѣ я находился съ семействомъ, для купанья въ морѣ, явился ко мнѣ старикъ, и спросилъ по-шведски, помню ли я его, Я не могъ припомнить. Онъ объявилъ мнѣ, что онъ почтмейстеръ изъ Улеборга, бывшій и въ 1808 году въ томъ же званіи, и хозяинъ моей давнишней улеборгской квартиры. Тогда я припомнилъ его, потому что онъ былъ добрый хозяинъ и угождалъ мнѣ, какъ могъ. Онъ тогда еще записалъ мою фамилію, и читая мои сочиненія, въ переводѣ на шведскій языкъ, особенно все, что я писалъ о Финляндіи, всегда вспоминалъ о своемъ старомъ постояльцѣ, съ которымъ разстался дружески. Узнавъ, что я въ Гельсингфорсѣ, куда онъ пріѣхалъ какъ финскій патриотъ и старый питомецъ абовскаго университета, праздновать трехсотлѣтнее его существованіе, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не повидаться со мною. Мы обнялись дружески, и я повторилъ ему мою благодарность за угощеніе въ Улеборгѣ. Старый почтмейстеръ весьма удивился, что я научился говорить по-шведски, полагая, что съ-тѣхъ-поръ, какъ я *лепталъ* на этомъ языкѣ, долженъ говорить на немъ не уступая природному Шведу. «Скажите по совѣсти, спросилъ я стараго моего хозяина: правду ли сказалъ я тогда, въ вашемъ домѣ, что вамъ будетъ не хуже, послѣ соединенія съ Россією, какъ было при шведскомъ правленіи?» Старикъ отвѣчалъ: «Предсказаніе ване сбылось, и мы совершенно счастливы!» — Вы

этого и отбылъ пришедшихъ я, и старшихъ пошла въ своё дружелюбное рукоу.

Улеаборгъ небольшой, чистенькій городокъ, застроенный порядочными деревянными домами, почитается въ Финляндіи важнымъ городомъ, лучшимъ послѣ Абе и Гальсингборса. Въ Улеаборгѣ строятся (по крайней мѣрѣ строились) купеческія суда, отличной доброты. Надѣляя фабричными и мануфактурными товарами чужеземнаго производства, и колониальными товарами, всю сѣверную Финляндію (а тогда и сѣверную Швецію), Улеаборгъ имѣлъ большіе запасы ихъ къ зимѣ, когда обыкновенно бываютъ вездѣ ярмарки. Не думали и не гадали въ Улеаборгѣ, что мы придемъ къ нимъ въ гости на зиму; слѣдовательно, мы нашли въ городѣ все, что намъ было нужно. Хозяева знакомили постояльцевъ въ кругу своихъ родныхъ и пріятелей, и мы приглашаемы были на вечеринки, на которыхъ проводили время чрезвычайно весело, потому что улеаборгскія женщины славятся своею красотою и образованностью, а безъ женщинъ лучшее общество—казарма. Въ городѣ была даже книжная лавка, въ которой находились книги на разныхъ языкахъ, и бібліотека для чтенія, выписывавшая французскія, нѣмецкія и англійскія газеты. Словомъ, въ Улеаборгѣ Европа отражалась ярко. Жители были раздражены противъ шведскаго короля, и исключая нѣсколькихъ упрямыхъ патріотовъ, оставившихъ городъ, всѣ безирекословно присягнули на вѣрность Императору Александру. Въ Улеаборгѣ мы забыли претерѣвныя наши нужды и не весьма рады были обратному походу, хотя насъ и увѣряли, что мы пойдемъ прямо въ Петербургъ. Походъ около осмисотъ верстъ, зимою, черезъ голодную и разоренную страну, не представлялъ намъ много пріятностей, и мы желали бы до весны простоять въ Улеаборгѣ. Мы жили здѣсь, какъ обыкновенно живутъ военные люди въ городкахъ, въ военное время, жили шумно и весело. По *тогдашнему обычаю*, если у одного были деньги, то всѣ его пріятель и близкіе товарищи веселились на его счетъ. Нашлись добрые люди между улеаборгскими купцами, которые давали русекимъ офицерамъ въ долгъ товары и даже деньги взаймы.

Въ столицѣ Лапландіи (она входила въ составъ улеаборгской области, по-шведски Län), мы почти ежедневно лакомились оленьимъ мясомъ, въ разныхъ видахъ, которое привозили Лапландцы на саняхъ, запряженныхъ оленями. Кон-

чюмь оленьи языки, настоящее лакомство, *délicieuses!* Тут же многіе изъ насъ запаслись на дорогу оленьими шубами, съ капишономъ, шерстью вверхъ (парками), и лапландскою обувью, которая, одна изъ всѣхъ обуви, можетъ противостоять сѣвернымъ морозамъ. Это родъ кенегъ, шерстью вверхъ, сшитыхъ чрезвычайно плотно, нитками сдѣланными изъ оленьихъ кишекъ, правильнѣе струнами. Устлавъ эти кенги соломой (лучше сухимъ мохомъ), ихъ надѣваютъ на босыя ноги, вымазанные сперва жиромъ. Нѣкоторые изъ насъ купили лапландскія маски, также изъ оленьихъ шкуръ, которыми Лапландцы закрываютъ лицо въ самые сильные морозы, когда отправляются на промыслы, въ море.

Повторяю и готовъ повторить сто разъ: славные офицеры были тогда въ арміи! Читайте описаніе Финляндской Войны А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, и вы увидите, что самыя блистательныя сраженія названы *офицерскими дѣлами*. Никогда я не видалъ здѣсь офицера за фронтомъ! Гдѣ была сильнѣе перестрѣлка, гдѣ шли на штыки, гдѣ была рѣзня — тамъ всегда были впереди офицеры. Они вели солдатъ въ самыя опасныя мѣста. Въ калужскомъ мушкетерскомъ полку былъ поручикъ Голешевъ, гигантскаго роста и необыкновенной силы. Въ одной рукопашной схваткѣ съ Шведами, они изорвали на немъ шинель штыками. Голешевъ носилъ послѣ этого солдатскую шинель, доходившую ему до колѣнъ и въ сраженіяхъ бралъ солдатское ружье, работая и штыкомъ и прикладомъ. Когда, во время куртанскаго сраженія, мы дѣйствовали съ генераломъ Козачковскимъ, по другую сторону озера, чтобъ зайти непріятелю въ тылъ, къ Сальми, Голешевъ шелъ впереди, съ стрѣлками своего полка, которыхъ подкрѣплялъ нашъ эскадронъ. Шведы засѣли въ кустахъ, за небольшимъ заливомъ, примыкая правымъ флангомъ къ скаламъ. Обходить правый ихъ флангъ было бы далеко, да и не съ кѣмъ; карабкаться на скалы было невозможно, и Голешевъ, перекрестясь и крикнувъ: «за мною ребята!» бросился въ озеро, и по грудь въ водѣ, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, перешелъ черезъ заливъ, ударилъ въ штыки на Шведовъ и прогналъ ихъ. Солдаты Голешева несли сумы на штыкахъ. Мы перешли въ бродъ, за стрѣлками. «Знаешь ли ты пословицу: «не спросяся броду, не суйся въ воду», сказалъ я Голешеву: «вѣдь ты могъ бы утонуть!» — «Казенное ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ!» отвѣчалъ мнѣ шутя Голешевъ. Во время одной пе-

рострѣлки (а онѣ происходили по нѣскольку разъ въ день), Шведы задерживали нашу стрѣлковую цѣпь картечными выстрѣлами изъ фальконета, поставленнаго въ лѣсу, между густыми зарослями. Голешевъ, съ двумя своими любимыми солдатами, которые не отходили отъ него ни на шагъ, подкрался ползкомъ къ Шведамъ, и когда они выстрѣляли изъ фальконета, бросился на нихъ, повалилъ человекъ двухъ прикладомъ, а потомъ отбросивъ свое ружье, схватилъ обѣими руками фальконетъ и разможилъ голову третьему Шведу, крича своимъ: «сюда ребята! ура!» Изумленные Шведы, которыхъ было тутъ до двадцати человекъ, побѣжали въ тылъ, а между-тѣмъ наши стрѣлки подоспѣли на помощь. Голешевъ возвратился въ полкъ, неся фальконетъ на плечѣ!

Я упоминалъ о двухъ молодыхъ Лифляндцахъ, прапорщикахъ 3-го егерскаго полка, Вильбоа и Штакельбергъ. Земляки и едва ли не родственники, они были неразлучны. Всѣ офицеры любили ихъ за скромность, благородство и необыкновенную храбрость. Въ одномъ авангардномъ дѣлѣ, Шведы перестрѣливались съ нашими егерями, засѣвъ за камнями. Сражающихся раздѣлялъ не широкій, но быстрый ручей, съ шумомъ и пѣною текущій по острымъ камнямъ. На берегу ручья стояло высокое и толстое дерево. Подъ градомъ пуль Вильбоа и Штакельбергъ, командовавшіе въ этомъ мѣстѣ нашею цѣпью, велѣли срубить дерево, и когда оно перевалилось черезъ ручей, они первые бросились на него, чтобъ перебѣжать на другую сторону. Вильбоа шелъ впереди, и на половинѣ дерева пораженъ былъ пулею въ грудь. Онъ упалъ въ объятія друга своего Штакельберга, и въ ту самую минуту, когда тотъ хотѣлъ отдать драгоценную пошу егерямъ, вторая пуля ударила въ високъ Штакельберга, и оба друга, обнявшись, уже мертвые упали въ воду. Наши егеря, чтобъ отмстить смерть своихъ офицеровъ, безъ начальниковъ бросились по дереву, на другой берегъ, ударили отчаянно въ штыки и перекололи всѣхъ, кто не успѣлъ уйти. Тѣла храбрыхъ офицеровъ отнесло теченіемъ за версту. Ихъ похоронили съ честью, и въ безлюдной долинь, между скалами, поставили деревянный крестъ надъ могилою, скрывающею блистательныя надежды!

Во время одной перестрѣлки двѣ роты пѣхоты и полг-эскадрона уланъ поставлены были въ лощинѣ, чтобъ поддержать нашу стрѣлковую цѣпь, если бъ она подалась въ тылъ. Пули перелетали безвредно надъ нашими головами.

Капитанъ Верещагинъ (не помню, изъ какого или какого полка), лихой малый, сѣлъ на камень, поставилъ передъ собою барабанъ и сказалъ: «Господа, я закладываю банкъ — не угодно ли прогнать передъ смертью?» Нашлись охотники, и началась игра, которая продолжалась съ полчаса, пока выстрѣлы не стали усиливаться. Тогда Верещагинъ попросилъ одного изъ истринскихъ товарищей донести за него банкъ и сказалъ: «пойду взглянуть, что наверху дѣлается», взошелъ на возвышенную окранныя лощины, всталъ на камень и посмотрѣвъ въ поле, обернулся къ намъ лицомъ и сказалъ истринцамъ: «конецъ игрѣ»... Шведская пуля не дала ему кончить, и онъ свалился въ лощину. Лекаръ, истринскій также въ банкъ, подошелъ къ нему, осмотрѣлъ рану и сказалъ: «убить сонника!» Пуля раздробила несчастному Верещагину черепъ и засѣла въ мозгу. Игра кончилась, истринскіе рассчитались, и деньги Верещагина взялъ старшій капитанъ, для отдачи полковому казначею на сохраненіе, а между-тѣмъ прибѣжалъ унтеръ-офицеръ изъ стрѣлковой цѣпи, требуя помощи. Резервъ вступилъ въ дѣло, и Верещагинъ остался на вѣки на мѣстѣ. Ужасно, когда увидишь человѣка здороваго и веселаго, который черезъ минуту уже не существуетъ! Но наконецъ и къ этому привыкнешь. Бывало, когда полки и команды сойдутся на бивакахъ, послѣ сраженія, пріатели ищутъ другъ друга и получивъ въ отвѣтъ: «приказалъ долго жить», безмолвно возвращаются къ своему огню, съ грустью въ сердцѣ, съ мрачною мыслью въ душѣ. Но спустя нѣсколько часовъ все забыто, потому что подобная участь ожидаетъ каждаго!

Русскіе и Шведы дрались отчаянно, но взаимно уважали другъ друга. Графъ Каменскій, узнавъ что Шведы не грабятъ нашихъ плѣнныхъ, запретилъ нашимъ солдатамъ пользоваться военною добычею, и приказаніе его соблюдалось свято и ненарушимо. О плѣнныхъ раненыхъ мы печались едва ли не болѣе какъ о своихъ. Съ плѣнными шведскими офицерами мы обходились какъ съ товарищами, раздѣляя съ ними послѣднее. Однажды, у плѣннаго шведскаго офицера пропали часы на бивакахъ. Шведъ промолчалъ изъ деликатности. Когда стали собираться въ походъ, нашъ уланъ, отыскивая что-то, нашелъ въ пескѣ часы, которые вѣроятно выпали изъ кармана у Шведа во время безпечнаго сна, и отдалъ ихъ ротмистру. Онъ, держа часы надъ головою, спросилъ, кому они принадлежатъ. Тогда Шведъ объявилъ, что часы

его, признавая откровенно, что не смѣлъ обвинить о пробахъ часовъ, и просилъ въ этомъ извиненія. Онъ сознался, что также съ нимъ обхожденіе и этотъ случай истребили въ немъ совершенно невыгодное мнѣніе, впущенное ему съ малолѣтства о Русскихъ, припомнивъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, всегда съ увѣреніемъ будетъ отзываться о русскихъ войнахъ.

Но каждая война сопряжена съ бѣдствіями, которыя оставляютъ глубокіе слѣды въ памяти пострадавшихъ. Я былъ свидѣтелемъ нѣсколькихъ ужасныхъ сценъ, которыя до-сихъ-поръ живо представляются моему воображенію. Мы стояли съ егерями 3-го егерскаго полка на аванпостахъ. Одинъ изъ передовыхъ пѣхотныхъ часовыхъ стоялъ въ сѣнцахъ лѣса, на вершинѣ. Внизу протекала рѣчка, а за нею стоялъ шведскій пикетъ, также укрытый въ лѣсу. Русский часовой увидѣлъ шагахъ въ полтораста шведскаго солдата, который переправлялся на лодкѣ съ нашей стороны на свою. Это показалось нашему егерю подозрительнымъ; онъ подкрался между кустами, прицѣлился, выстрѣлилъ, и шведскій солдатъ, правившій лодкою стоя, упалъ въ нее. На выстрѣль выбѣжали Шведы изъ лѣсу и звать пикетъ стали шодъ ружье, но съ обѣихъ сторонъ не начинали перестрѣлки, видя что ни Шведы, ни Русскіе не наступаютъ. Между тѣмъ лодку, оставленную на произволъ воды, приближало теченіемъ къ нашему берегу. Въ ней лежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ шведскій солдатъ, а возлѣ него сидѣли двое дѣтей, одинъ мальчикъ лѣтъ пять, другой лѣтъ трехъ. Старшій плакалъ, а младшій дергалъ за мундиръ отца, какъ-будто хотѣлъ его разбудить. Пуля пробила черепъ несчастнаго шведскаго солдата, и онъ, въ страшныхъ мученіяхъ и безсмысленствѣ, зажалъ пальцемъ рану; мозгъ съ кровью текъ до рунѣ.... Лице его страшно искривлялось судорогами, глаза выкатились изъ-подъ вѣкъ, на губахъ заставала пѣна; но онъ еще зашевелился.... Ужасное зрѣлище!... Вдругъ изъ лѣсу выбѣжала молодая женщина и опрометью кинулась къ умирающему съ пронзительнымъ воплемъ. Это была жена солдата, мать малютокъ, которые уватились за нее съ крикомъ и плачемъ.... Я не могъ выдержать и ускочилъ. Послѣ сказали мнѣ, что шведскій солдатъ, родомъ Финнъ, находился по близости своего дома, рѣшился навѣстить семейство, и не смѣя долго оставаться, взялъ съ собою двухъ своихъ малютокъ, чтобъ натѣниться ими, сказавъ женѣ, что оставить ихъ у пріятеля, котораго домъ находился въ нѣсколь-

нихъ стахъ шаговъ отъ шведскаго пикета, по ту сторону рѣки. Жена провожала его до опушки лѣса, и видѣла какъ онъ упалъ.... Пѣхотный офицеръ, командовавшій нашими пикетомъ, велѣлъ отвезти тѣло солдата на своей верховой лошади въ его домъ; находившійся въ верстѣ отъ насъ.... Жену его принуждены были связать и нести на носилкахъ, потому что она впала въ бѣшенство, и бросалась на нашихъ солдатъ съ страшными проклятіями.... Несчастные!...

Послѣ жаркаго авангарднаго дѣла, въ которомъ Шведовъ вытѣснили картечью изъ засѣкъ, я шелъ со взводомъ въ головѣ авангарда, постоянно имѣя въ виду отступающаго непріятеля. Возлѣ самой большой дороги стоялъ порядочный крестьянскій домъ. Я поскакалъ впередъ, чтобъ посмотреть, не засѣли ли тутъ Шведы, и увидѣлъ на дворѣ шведскую таратайку, запряженную въ одну лошадь, и верховую лошадь, а при нихъ двухъ шведскихъ драгунъ верхомъ. Когда они увидѣли меня, одинъ изъ нихъ, вывѣсивъ бѣлое полотно на палашѣ, сталъ махать имъ, и кричалъ изо всей силы: «Миръ, миръ!» Я далъ знакъ рукою, чтобъ онъ приблизился, и саволакскій драгунъ сбѣжился, вышелъ безоружный за ворота, и сказалъ мнѣ, что въ домѣ лежитъ раненый шведскій офицеръ, при которомъ оставили лекаря и двухъ драгунъ для конвоя. Я вошелъ въ избу. На окровавленной кровати лежалъ молодой шведскій офицеръ съ закрытыми глазами; возлѣ кровати стояла на колѣняхъ женщина, не сводя глазъ съ больного, а подлѣ нее мальчикъ лѣтъ пяти.... Шведскій лекарь, безъ мундира, съ засученными рукавами рубахи, мылъ и вытиралъ инструменты; ему помогалъ фельдшеръ. Докторъ говорилъ по-нѣмецки, и сказалъ мнѣ, что этому офицеру раздробило картечью обѣ ноги, что онъ въ эту минуту кончилъ операцію, отрѣзалъ обѣ ноги, и поручаетъ больного челоуѣколюбію Русскихъ, надѣясь, что его и драгунъ отпустятъ безъ задержанія къ шведскому войску. «Офицеръ родомъ Финляндецъ, примолвилъ докторъ: а это жена его, съ сыномъ; она слѣдовала за своимъ мужемъ....» При этомъ лекарь сдѣлалъ сомнительный знакъ, показывавшій, что положеніе больного весьма плохое. Я подошелъ къ женщинѣ и сказалъ ей по-французски, что съ нашей стороны будутъ употреблены всѣ средства къ спасенію ея мужа.... Но она быстро отскочила, страшно взглянула и обѣими руками оттолкнула меня отъ кровати, сказавъ тихо, какимъ-то дикимъ голосомъ: «Прочь, прочь отсюда Русскіи!»

Прочь, или я убью и тебя, и себя!...» Я содрогнулся от этого взгляда и молча вышелъ въ сѣни, растроганный положеніемъ несчастной. Докторъ вышелъ за мною, и я велѣлъ ему поскорѣе убираться со своей свитой, приставивъ къ воротамъ коннаго улана, чтобъ извѣстить обо всемъ Кульнева, когда онъ прибудетъ на мѣсто съ авангардомъ. Женщина была прекрасная, но страшный взглядъ ея и звукъ ея голоса, въ которыхъ выражались ненависть, жажда мести и отчаяніе превращали ее въ какое-то ужасное существо. Такова должна была быть Медея, когда готовилась изъ мщениія убить собственныхъ дѣтей!... Но ни Жоржъ, ни Дюшенуа, ни Семенова никогда не возвышались до такой страшной натуры!

Шведскою кавалеріей, то есть саволакскими драгунами, командовалъ капитанъ Фуксъ, человекъ лѣтъ за сорокъ, храбрый воинъ, веселый и откровенный. Онъ подружился съ Кульневымъ, и часто пріѣзжалъ къ нему на аванпосты. Неустрашимый, неутомимый Кульневъ былъ по душѣ Фуксу, и если онъ могъ достать курительнаго табаку, рому или другаго аванпостнаго лакомства, то или присылалъ Кульневу чрезъ своего драгуна, или самъ привозилъ на наши пикеты. Саволакскіе драгуны одѣты были въ синія куртки, а голову покрывали *жельзными круглыми шляпами*. Аммуниція у нихъ была желтаго цвѣта. Лошади ихъ были малорослыя, финской породы, но крѣпкія и быстрыя. Капитанъ Фуксъ былъ всегда въ синемъ сюртукѣ и въ круглой пуховой шляпѣ. Наши казаки, гродненскіе гусары и уланы такъ свыклись съ саволакскими драгунами, что въ авангардѣ вовсе съ ними не перестрѣливались безъ крайней нужды, то есть когда не надлежало дать знакъ къ наступленію. Черезъ часъ явился ко мнѣ саволакскій драгунъ, съ письмомъ къ Кульневу, отъ капитана Фукса, въ которомъ онъ просилъ своего великодушнаго противника приберечь раненаго офицера. Кульневъ похвалилъ меня за то, что я отпустилъ немедленно шведскаго лекаря и конвойныхъ солдатъ.

Гвардейскіе баталіоны и эскадроны пошли разными путями въ Петербургъ. Нашъ эскадронъ пошелъ берегомъ до Вазы, а оттуда черезъ Куопіо и Нейшлотъ въ Выборгъ. На этомъ пути мы уже находили магазины съ провіантомъ и оружіемъ. Въ Куопіо я навѣстилъ нашу добрую хозяйку. Съшевыя ея возвратились въ городъ вмѣстѣ съ прочими жителями, и въ городѣ былъ порядокъ какъ въ мирное вре-

ми. На мое изъявленіе благодарности и на извиненіе, что мы слишкомъ самовластно распоряжались въ ея домѣ, келья и сыновья отиычали еще большаго изъявленіемъ благодарности за наше ласковое съ нею обхожденіе и сбереженіе собственности въ военное время. Флины думали прежде, что мы идемъ грабить ихъ, какъ бывало во времена древнихъ войнъ съ Великимъ Новгородомъ!

Въ Нейшлотѣ жизнь моя подвергалась опасности, не легче чѣмъ въ самомъ кровопролитномъ сраженіи. Возвратись поздно на квартиру, я нашелъ калитку незапертою, и лишь только просунулъ голову, огромный водоносъ свистнулъ передъ моимъ лицомъ, на палецъ разстоянія, такъ что меня обдало вѣтромъ. Поспѣшно вскочилъ я на дворъ, заперъ калитку и, ставъ при ней, началъ скликать уланъ, чтобъ отиыкать разбойника. Деньщикъ выбѣжалъ на крыльцо со свѣчю, и въ это самое время послышался робкій голосъ воздѣ забора: «Просуните, ваше благородіе, виновата, безъ умысла!» Мы схватили виновнаго. Это былъ сынъ козника, русскаго торговца, парень лѣтъ двадцати-двуа. Онъ бросился мнѣ въ ноги и сталъ умолять о пощадѣ. Я велъ его въ мою комнату и сталъ разспрашивать о причинѣ похищенія на жизнь мою. Онъ клялся и божился, что вовсе не имѣлъ противу меня злаго умысла и рассказалъ мнѣ свою исторію. Въ домѣ у нихъ жила вдова съ дочерью, красавицею, въ которую молодой купчина былъ страстно влюбленъ. Красавица не чуждалась его любви, пока не выѣхалась между ними писарь гарнизоннаго баталіона, которому она отдала преимущество. Мало того, что этотъ писарь похитилъ у него сердце красавицы, онъ еще два раза два похищали купчину, когда тотъ не хотѣлъ впускать его въ домъ и донесъ адъютанту о позднихъ отлучкахъ писаря. Мучимый ревностью и злобой, купчина рѣшился *проучить* своего соперника, и послухавъ, что красавица общала писарю оставить въ эту ночь калитку отпертою, засѣлъ съ водоносомъ у забора, чтобъ *поподчивать* писаря, не зная что я въ городѣ, а, можетъ-быть, и не подумавъ обо мнѣ въ разгарѣ страсти. Писарь не явился, вѣроятно, по какому-нибудь необыкновенному случаю, и я едва не получилъ опредѣленнаго ему гостинца. «Знаешь ли, чему бы ты подвергнулся, если бъ убилъ меня или писаря?» спросилъ я купчину. — «Помогите, ваше благородіе; я вовсе не хотѣлъ убивать ни васъ, ни писаря; я хотѣлъ только *пострацать* его!» — Купчина не

могъ достигнуть, что ударомъ водовоса, со всего размаха, можно убить человека. Я разбудилъ его отца, рассказалъ о случившемся, и совѣтовалъ на другой же день спроводить красавицу со двора, и простилъ купчину, принявъ въ уваженіе, какъ французскіе присяжные, *облегчительныя обстоятельства* (circonstances atténuantes), а именно: любовь, ревность и — глупость соперника.

Гвардейскій отрядъ, соединившись за одинъ переходъ до Петербурга, расположился въ деревняхъ, ожидая новой обмундировки. Ежедневно привозили изъ города мундиры, обувь, аммуницію, примѣряли ее, перешивали и тому подобное. Это было въ мартѣ 1809 года, слѣдовательно мы почти годъ были въ походѣ. Изъ Петербурга къ намъ пріѣзжали гости, но намъ запрещено было отлучаться отъ командъ. Офицеры часто съѣзжались по вечерамъ, и проводили время по военному. Тутъ случилось въ нашемъ отрядѣ трагическое происшествіе, глубоко тронувшее всѣхъ насъ. Кто изъ современниковъ не зналъ графа *Ф. И. Т...*, прозваннаго *Американцемъ*, или кто не слышалъ объ немъ! Онъ служилъ тогда поручикомъ въ преображенскомъ полку, въ томъ батальонѣ, который былъ въ Финляндіи. О графѣ *Ф. И. Т...* можно было бы написать цѣлую книгу, если бы собрать все, что о немъ рассказывали и рассказываютъ, хотя въ этихъ рассказахъ много несправедливаго, особенно въ томъ, что относится къ его периданію. Такъ обыкновенно ведется на свѣтѣ: о хорошемъ умалчиваютъ, а къ дурному прибавляютъ выдумки, чтобъ сѣрое сдѣлать чернымъ! Графъ *Т...* былъ, какъ нынѣ говорятъ, человекъ *эксцентрическій*, то есть имѣлъ особый характеръ, выходявшій изъ обыкновенныхъ свѣтскихъ формъ, и во всемъ любилъ однѣ крайности. Все, что дѣлали другіе, онъ дѣлалъ вдесятеро сильнѣе. Тогда было въ модѣ и въ нравахъ, какъ я уже говорилъ, *молодечество* — и графъ *Ф. И. Т...* довелъ его до *отчаянности*! Онъ поднялся на воздушномъ шарѣ съ Гарниеренемъ, и воздухоплетомъ пустился въ путешествіе вокругъ свѣта съ Крузенштерномъ. Выѣшавшись въ споръ Крузенштерна съ капитаномъ Дисянскимъ, онъ довелъ добраго и скромнаго Крузенштерна до того, что тотъ вынужденъ былъ оставить графа *Ф. И. Т...* въ нашихъ американскихъ колоніяхъ, и не взялъ съ собою, на обратномъ пути кораблей *Надежда* и *Несса*, въ Россію. Графъ *Ф. И. Т...* пробылъ нѣкоторое вре-

ня въ Америкѣ, объѣздилъ отъ скуки Алеутскіе Острова, посѣтилъ дикія племена Галошей, съ которыми ходилъ на охоту, и возвратился чрезъ петропавловскій портъ сухимъ путемъ въ Россію. Съ этихъ поръ его прозвали *Американцемъ*, потому что дома онъ одѣвался по-алеутски, а стѣны его увѣшаны были оружіемъ и орудіями дикарей, обитающихъ по сосѣдству съ нашими американскими колоніями. Графъ Т... много рассказывалъ о своихъ *американскихъ похожденияхъ*, а между прочимъ и то, будто Галоши предлагали ему быть ихъ царемъ! Страсть его была — дуэли! Но онъ былъ опасный соперникъ, потому что стрѣлялъ вневсеходно изъ пастолетовъ, фехтовалъ не хуже Севербрика (общаго учителя любителей фехтованія того времени), и рубился мастерски на сабляхъ. При этомъ графъ Ф. И. Т... былъ точно храбръ, и, не взирая на пылкость характера, хладнокровенъ и въ сраженіи и на поединкѣ. Тогда велась повсюду большая карточная игра, особенно въ войскѣ; играли обыкновенно въ азартныя игры, и графъ Ф. И. Т... всегда былъ въ выигрышѣ. Онъ игралъ преимущественно въ тѣ игры, въ которыхъ характеръ игрока даетъ преимущество надъ противникомъ и побѣждаетъ самое счастье. Любимыя игры его были: квинтичъ, гальбе-цвельве и русская горка, то есть тѣ игры, гдѣ надобно *прикупать* карты. Поигравъ нѣсколько времени съ человѣкомъ, онъ разгадывалъ его характеръ и игру, по лицу узнавалъ къ какимъ мастямъ или картамъ онъ прикупаетъ, а самъ былъ тутъ для всѣхъ загадкою, владея физиономіей по произволу. Этими стратегіями онъ разилъ своихъ картежныхъ совѣтниковъ, выигрывалъ большія суммы, жилъ открыто и роскошно. Не знаю, есть ли подобный гастрономъ въ Европѣ, какимъ былъ графъ Ф. И. Т... Онъ не предлагалъ большого числа блюдъ своимъ гостямъ, но каждое его блюдо было верхъ поваренаго искусства. Столовые припасы онъ всегда закупалъ самъ. Нѣсколько разъ онъ бралъ меня съ собою при этомъ, говоря, что первый признакъ образованности — выборъ припасовъ кухонныхъ и что хорошая пища облагороживаетъ животную оболочку человѣка, изъ которой испаряется разумъ. Нанримеръ, онъ покупалъ только ту рыбу въ садкѣ, которая сильно бьется, то есть въ которой болѣе жизни. Достоинство мяса онъ узнавалъ по его цвѣту, и тому подобное. Графъ Ф. И. Т... былъ небольшого роста, плотенъ и силенъ, имѣлъ круглое, полное, смуглое лицо и черныя волосы. Черныя

глаза его блестяли какъ раскаленные уголья, и когда онъ бывалъ сердитъ, то страшно было заглянуть ему въ глаза. Онъ былъ прекрасно образованъ, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, любилъ музыку, литературу, много читалъ, и охотно сближался съ артистами, литераторами и любителями словесности и искусствъ. Умень онъ былъ какъ демонъ, и удивительно краснорѣчивъ. Онъ любилъ софисмы и парадоксы, и съ нимъ трудно было спорить. Впрочемъ, онъ былъ, какъ говорится, добрый малый; для друга готовъ былъ на все, охотно помогалъ пріятелямъ, но и друзьямъ и пріятелямъ не совѣтовалъ играть съ нимъ въ карты, говоря откровенно, что въ игрѣ, какъ въ сраженіи, онъ не знаетъ ни друга, ни брата, и кто хочетъ перевести его деньги въ свой карманъ, у того и онъ имѣетъ право ихъ выиграть. Графъ **Ф. И. Т...** дослужился до полковничьяго чина, но за дуэли и проступки противу субординаціи былъ разжалованъ нѣсколько разъ въ солдаты; находясь въ отставкѣ солдатомъ, пошелъ въ ратники, въ 1812 году, и отчаянною храбростію снова заслужилъ полковничій чинъ и ордена, которыхъ лишень былъ по суду. Съ окончаніемъ войны, графъ **Ф. И. Т...** поселился въ Москвѣ, а лѣтомъ проживалъ въ своей подмосковной деревнѣ. Мнѣ пришлось съ нимъ свидѣться въ Могилевѣ, въ 1836 году, когда я ѣздилъ въ мою бѣлорусскую вотчину, а потомъ я часто видѣлся съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ около года, въ 1840 году, съ своимъ семействомъ. Слѣдуя во всемъ своему оригинальному взгляду на свѣтъ и на дѣла человѣческія, графъ **Ф. И. Т...**, поселившись въ Москвѣ, женился на цыганской пѣвицѣ, и былъ съ нею счастливъ. Теперь графа **Ф. И. Т...** нѣтъ уже въ живыхъ, и я вспоминаю объ немъ какъ о необыкновенномъ явленіи даже въ тогдашнее время.

Преображенскій баталіонъ стоялъ въ Большомъ Парголовѣ, и множество офицеровъ собралось къ графу **Ф. И. Т...** на вечеръ. Разумѣется, что стали играть въ карты. Графъ **Ф. И. Т...** держалъ банкъ въ гальбе-цвельве. Прапорщикъ лейбъ-егерскаго полка **И. А. Н...**, прекрасный собою юноша, скромный, благовоспитанный, образованный, присталъ также къ игрѣ. Въ избѣ было жарко, и многіе гости, по примѣру хозяина, сняли мундиръ. Покупая карту, **Н...** сказалъ графу **Т...**: «Дай *туза!*» Графъ **Т...** положилъ карты, засучилъ рукава рубахи, и выставя кулаки, возразилъ съ улыбкою: «Изволь!» Это была шутка, но неразбор-

чивая, и Н^{...} обидѣлся грубымъ каламбуромъ, бросилъ карты, и сказавъ: «Постой же, я дамъ тебѣ туза!» вышелъ изъ комнаты. Мы употребили всѣ средства, чтобъ успокоить Н^{...}, и даже убѣдили графа О. И. Т^{...} извиниться и письменно объявить, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить его. Но Н^{...} былъ непреклоненъ и хотѣлъ непременно стрѣляться, говоря, что если бъ другой сказалъ ему это, то онъ первый бы пошѣлся: но отъ извѣстнаго дуэлиста, который привыкъ властвовать надъ другими страхомъ, онъ не стерпитъ ни какого неприличнаго слова. Надобно было драться. Когда противники стали на мѣсто, Н^{...} сказалъ графу Т^{...}: «Знай, что если ты не попадешь, то я убью тебя, приставивъ пистолеть ко лбу! Пора тебѣ кончить!» Первый выстрѣлъ принадлежалъ графу Т^{...}, потому что онъ былъ вызванъ, и онъ всыпнулъ отъ словъ Н^{...}. — «Когда такъ, такъ вотъ же тебѣ!» отвѣчалъ графъ Т^{...}, протянулъ руку, выстрѣлилъ, и попалъ въ бокъ Н^{...}. Рана была смертельная: Н^{...} умеръ на третій день.

Это происшествіе падѣло много шуму въ городѣ. Графа О. И. Т^{...} посадили въ крѣпость, и выписали, не помню, въ армию или въ дальній гарнизонъ. Черезъ нѣсколько дней мы вступили въ городъ торжественно, какъ побѣдители. Послѣ аустерлицкой и Фриландской кампаній, гвардія впервые вступала въ столицу съ побѣдою изъ завоеваннаго края.

Вотъ результаты кампаніи 1808 года, какіе сообщилъ главнокомандующій, графъ Буксгевденъ, дежурному генералу П. П. Коновницину, 23 декабря того же года. Втеченіе десяти мѣсяцевъ завоевана вся Финляндія, состоявшая изъ шести губерній, вмѣщающая въ себѣ около трехъ-сотъ тысячъ квадратныхъ верстъ и болѣе миліона жителей, шесть губернскихъ городовъ, семнадцать уѣздныхъ и купеческихъ, съ осьмнадцатью пригородными портами, въ которыхъ находилось до двухъ-сотъ купеческихъ судовъ, принадлежащихъ жителямъ. Покорено пять крѣпостей: Свеаборгъ, Швартгольмъ, Кроисбергъ, Абовскій Замокъ и Гангеудъ. Въ это время, кромѣ ежедневныхъ почти перестрѣлокъ и аванпостныхъ дѣлъ, русское войско дало тридцать-четыре сухопутныхъ и шесть морскихъ прибрежныхъ сраженій, а изъ этого числа два сраженія были для насъ несчастныя (Вунча, на Аландскихъ Островахъ, и Булатова) и пять неудачныя. Русскіе взяли 61 мѣдную пушку и 3,316 чугунныхъ пушекъ, шведскихъ знаменъ 14, ружей 17,463; въ

дѣльнѣ взято 12,042 человекъ, а сколько убито, навѣрное неизвѣстно, но полагають до 20,000 человекъ*. Мы лишились двухъ знаменъ (могилевскаго мушкетерскаго полка, бывшаго съ Булатовымъ), 4 мѣдныхъ пушекъ и на канонирскихъ лодкахъ 4-хъ чугунныхъ пушекъ и 9-ти фальконе-товъ; ружей 6,424. Русскихъ въ плѣнъ взято и безъ вѣсти пропало 3,394 человекъ, убито 1,943, ранено 5,459 человекъ. Взято, сожжено и затоплено шведскихъ судовъ 199. У насъ потонули въ сраженіи двѣ канонирскія лодки и отби-та одна яхта. О дѣлахъ морскаго флота, дѣйствовавшаго внѣ Финляндіи, здѣсь не упоминается.

Послѣ этого можно повторить слова главнокомандующаго, изъ приказа его по арміи, отъ 4 декабря 1808 года, въ Улеборгѣ: «Изъявляя мою благодарность *всѣмъ чинамъ арміи*, отъ господъ генераловъ до *послѣдняго солдата*, за мужество однихъ, за расторопность и рѣшительность другихъ, «за храбрость послѣднихъ и ревность къ славѣ отечества *всѣхъ вообще*, повелѣваю по всей арміи, 12 числа сего мѣсяца, въ высокаторжественный для Россіи день, Богу на-«шему, содѣтелю всѣхъ благъ, намъ въ бояхъ благоволив-«шему, принести благодарственное съ колѣнопреклоненіемъ «молебствіе, и провозгласить въ новозавоеванной странѣ мно-«голѣтіе Монарху.»

IV.

Находясь въ Улеборгѣ, мы не знали, что Государь Императоръ недоволенъ былъ ольнѣокскою конвенціею, по которой генераль Клеркеръ уступилъ намъ Финляндію. Высочайшій рескриптъ Государя къ графу Буксгевдену по этому предмету напечатанъ въ «Описаніи Финляндской Войны» А. И. Михайловскимъ—Данилевскимъ. Весьма справедливо, что если бы графъ Буксгевденъ усилилъ корпусъ графа Кашенскаго хотя половиною отряда князя Голицына, и не согласился на перемиріе, а приказалъ дѣйствовать, то все остальное войско Клеркера или положило бы оружіе и сда-лось, или было бы истреблено. Можетъ-быть, генераль Сандельсъ, рѣшительный и мужественный воинъ, успѣлъ бы снастись, видя на пробой съ отчаяннѣйшими изъ Шве-

* Предположеніе графа Буксгевдена не основанное, однако жъ, ни на ка-кихъ данныхъ.

довъ: но все корпусъ Клеркера, состоявшій только изъ 8,000 человекъ, былъ бы уничтоженъ. Въ то же время Государь Императоръ приказывалъ перейти немедленно въ Швецію, занять провинцію Вестерботнію и принудить короля къ миру.

Но графъ Буксгевденъ упорствовалъ, представляя невозможность исполненія этого предначертанія, и потому на его мѣсто назначенъ былъ главнокомандующій генералъ отъ инфантеріи Кноррингъ, который, находясь въ Петербургѣ, критиковалъ всѣ планы графа Буксгевдена, а особенно заключенное имъ перемиріе. Генералъ Кноррингъ пріѣхалъ въ Улеборгъ во второй половинѣ декабря 1808 года, съ повелѣніемъ двинуть войска въ Швецію, и съ полною инструкціею, и принялъ армію отъ графа Буксгевдена.

Составъ русской арміи былъ тогда слѣдующій: улеборгскій корпусъ генерала Тучкова 1, имѣлъ подъ ружьемъ всѣхъ чиновъ 11,358 человекъ и 20 орудій; вазскій корпусъ князя Голицына, 13,197 человекъ и 22 орудія; абовскій корпусъ князя Багратіона, 10,284 человека и 20 орудій; ниландскій, графа Витгенштейна, 9,245 человекъ и 25 орудій; куопіоскій отрядъ состоялъ въ вѣдѣніи генералъ-губернатора Старой Финляндіи, генерала Обрѣзкова, и имѣлъ 1,373 человека и 12 орудій; резервной артиллеріи, расположенной въ Тавастгусъ, было 104 человека и 28 орудій; морскаго вѣдомства 2,917 человекъ. Всего 48,478 человекъ, въ томъ числѣ 2,730 конницы и 127 орудій.

Графъ Каменскій, какъ я уже упомянулъ, уѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ него сказались больными и оставили армію генералы Тучковъ 1, князь Голицынъ и графъ Витгенштейнъ. Всѣ они, основываясь на недостаткѣ продовольствія, и полагая число войска недостаточнымъ для внесенія войны въ самую Швецію, не хотѣли принять на себя отвѣтственности въ столь важномъ дѣлѣ. На мѣсто Тучкова 1, назначенъ корпуснымъ командиромъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, князь Голицына замѣнилъ Барклай-де-Толли, а графа Витгенштейна генералъ Багговуть (правильнѣе Баггогевуть). Главнокомандующій, генералъ Кноррингъ, осмотрѣвшись на мѣстѣ, сталъ повторять то же самое, что прежде критиковалъ въ графѣ Буксгевденѣ, то есть, отказывался отъ всякаго дѣйствія, требуя для войска отдыха, продовольствія и одежды.

Планъ вторженія въ Швецію, утвержденный Государемъ Императоромъ, былъ слѣдующій. Графъ Шуваловъ

съ пятью тысячами долженъ былъ слѣдовать на Торнео, разбить остатки войска генерала Клеркера, взять его магазины и идти быстро въ Умео, городъ, лежащій на шведскомъ берегу, въ прямой линіи противъ Гамлекарлеби. Барклай-де-Толли долженствовалъ съ пятью тысячами человекъ перейти по льду, черезъ проливъ Кваркенъ, въ Умео, и соединиться съ графомъ Шуваловымъ. Князю Багратиону, съ двадцатью тысячами человекъ назначалось выйти изъ Або и пройдя по льду, на Аландскіе Острова, истребить находившееся тамъ подъ начальствомъ генерала Дебельна, шведское войско, обезоружить жителей и идти на шведскій берегъ. Три корнуса, соединясь на шведскомъ берегу, должны были быстро проникнуть къ Стокгольму, сжечь зимовавшій здѣсь шведскій флотъ и занять такую позицію, въ которой можно было бы держаться и по вскрытіи льда. Корпусныхъ командировъ повелѣно было снабдить деньгами и печатными прокламаціями на шведскомъ языкѣ, въ которыхъ было объявлено, что русскія войска вступили въ Швецію не для покоренія страны, но для завоеванія мира, выгоднаго для обоихъ государствъ.

Это рѣшительное предпріятіе не могло быть исполнено иначе, какъ зимою, когда ледъ надеженъ; но главнокомандующій представлялъ Государю Императору различныя къ тому неудобства, изъ которыхъ главнѣйшимъ приводилъ недостатокъ продовольствія, и провелъ въ бездѣйствіи драгоцѣннѣйшее время, а именно половину декабря 1808 года, весь январь и начало февраля слѣдующаго года. Государь требовалъ настоятельно исполненія своей воли; но Кноррингъ написалъ къ Государю: «Привыкли, какъ добрый и послушный солдатъ, исполнять всѣ повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, а въ долгъ однако жъ признаться въ недостаткахъ моихъ, и для того, ежели вамъ, Всемиловѣннѣйшій Государь, угодно настоятельно требовать исполненія плана, то осмѣлюсь всеподданнѣйше просить о Всемиловѣннѣйшемъ моемъ увольненіи отъ службы».

Государь выслалъ военнаго министра съ повелѣніемъ исполнить немедленно Высочайшую волю, двинуть войско въ Швецію и слѣдовать съ нимъ. Двадцатаго февраля графъ Аракчеевъ прибылъ въ Або, гдѣ была главная квартира, переселенная изъ Улеборга.

Главнокомандующій генералъ Кноррингъ, графъ Шуваловъ и Барклай-де-Толли представили свои возраженія про-

тѣмъ удобнѣе исполнителности плана. Графъ Аракчеевъ сблизилъ всѣхъ доводы, написалъ и продовольствіе на мѣстѣ, и определенное число людей къ переходу въ Швецію, и приказалъ немедленно дѣйствовать. Замѣчательны слова графа Аракчеева, въ его опроверженіи возраженій Барклая-де-Толли, который, между прочимъ, жаловался на недостатокъ наставленій отъ главнокомандующаго. «Насчетъ объясненія ваптего, писалъ графъ Аракчеевъ, что вами очень мало получено наставленій отъ главнокомандующаго, то генералъ съ вашими достоинствами въ оныхъ и нужды не имѣеть. Сообщу вамъ только, что Государь Императоръ къ 16 марта придетъ въ Борго, и я увѣренъ, что вы постараетесь доставить къ Нему на Сеймъ шведскіе трофеи. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашей мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставило одному Барклаю-де-Толли». Воля ваша, а это отзывается древнимъ Римомъ!

На представленіе главнокомандующаго объ опасности для войска, во время пребыванія на льду, въ жестокой морозъ, втеченіи *шести сутокъ*, графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: «усердіе и твердость русскихъ войскъ все преодолеваютъ».

Графу Шувалову, представлявшему о недостаткѣ продовольствія и о затрудненіяхъ въ Швецію, гдѣ весна бываетъ позже, графъ Аракчеевъ отвѣчалъ: «Для пяти тысячъ людей продовольствія сыскать не трудно, и вы, вѣрно, уже итъ запаслись, а о будущихъ затрудненіяхъ безпокоиться не слѣдуетъ заранѣе. Тогда напишите, когда они встрѣятся на мѣстѣ».

Читая это и изслѣдовавъ дѣйствія графа Аракчеева, въ это время, въ Финляндіи, нельзя не удивляться твердости его характера, безусловному повиновенію волѣ Государя и пламенной любви къ славѣ русскаго имени! Въ этомъ отношеніи графъ Аракчеевъ безукорыненъ.

Изъ всѣхъ генераловъ, только ученикъ Суворова и его авангардный генералъ, князь Багратионъ не представлялъ никакихъ возраженій. Когда графъ Аракчеевъ объявилъ ему повелѣніе идти на Аландъ, и спросилъ, что онъ на это скажетъ, князь Багратионъ отвѣчалъ хладнокровно: «что тутъ разсуждать — прикажете — пойдемъ!» А. И. Михайловскій-Данилевскій справедливо говоритъ, что графу Аракчееву принадлежитъ слава перенесенія русскаго оружія въ Швецію. Точно, что безъ его возмужденій и рѣшительныхъ мѣръ,

переходъ перво бы не состоялся; однако жъ и исполнителемъ этого предначертанія имѣють право на славу.

Обратимся теперь къ исполненію самаго затруднительнаго перехода. Повторяю, что я ни у кого не заимствовалъ, и первый въ Россіи напечаталъ о переходѣ чрезъ Кваркенъ, за одиннадцать лѣтъ до появленія въ свѣтъ Описанія Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, генералъ-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Давилевскаго, написавъ по рассказамъ очевидцевъ, товарищей моихъ въ финляндской войнѣ, и по офиціальнымъ бумагамъ, которыми я пользовался только для чиселъ. Ушло съ тѣхъ поръ много времени — и я рассказываю этотъ подвигъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

Ботнический Заливъ, начинающійся у города Торнео, расширяясь постепенно въ обѣ стороны при своемъ началѣ, суживается между финляндскимъ городомъ Вазою и шведскимъ Умео, и образуетъ родъ пролива, шириною около ста верстъ, называемаго Кваркенъ. Между обоими берегами находятся грунныя острова; большая часть ихъ состоитъ изъ голыхъ необитаемыхъ скалъ. Лѣтомъ Кваркенъ опасенъ для мореходцевъ, по множеству отмелей и по неровности дна; зимою онъ замерзаетъ и представляетъ сухонутное сообщеніе между противоположными берегами. Но этотъ зимній путь всегда опасенъ и затруднителенъ: огромныя полыньи и трещины во льду, прикрываемыя наноснымъ снѣгомъ, на каждой шагъ угрожаютъ сокрытыми безднами. Часте случается, что внезапныя бури разрушаютъ этотъ надежный помостъ суровой зимы, и уносятъ его въ море. Даже въ этомъ году (1809) ледъ два раза ломался на Кваркенѣ, отъ вихрей и морскаго волненія.

До вступленія генерала Барклая-де-Толли въ командованіе вазовскимъ корпусомъ, начальствовавшій имъ генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ 5 посылалъ чрезъ Кваркенъ войска донскаго старшину Киселева 2, съ десятию отборными казаками, для развѣданія о неприятелѣ и собранія свѣдѣній объ этомъ пути. Сей отличный офицеръ, съ величайшею трудностію, сплывшійся, пробрался по льдинамъ къ острову Гадену, началъ ночаянно на шведскій пикетъ (ночью, 15 февраля), взявъ всѣхъ въ плѣнъ, возвратился благополучно съ плѣнными, и, между прочими новостіями, донесъ, что переходъ сопряженъ съ величайшими трудностями, и долженъ почитаться невозможнымъ для цѣлаго отряда, съ обозами и артиллерією. Такъ думали сами Шведы и

жители Финляндіи. Опытъ доказалъ противное, и удостои-
рилъ, что для русскихъ войновъ ничего нѣтъ невозможнаго.

Когда генералъ Барклай-де-Толли заступилъ мѣсто князя
Голицына (23 — 24 февраля), весь вазовскій корпусъ соста-
влялъ не болѣе 5,500 человекъ пѣхоты подъ ружьемъ; при
немъ находилось 300 человекъ казаковъ и 32 орудія разна-
го калибра. Изъ этого числа для перехода чрезъ Кваркенъ
нельзя было употребить болѣе 3,000 человекъ. Ожидали
подкрѣпленія изъ улеборгскаго корпуса, но оно не могло
прійти въ надлежащее время, по причинѣ трудностей пути
и дальности.

По слухамъ и полученнымъ отъ плѣнныхъ извѣстіямъ, въ
Умео непріятельскія силы состояли изъ четырехъ ротъ ре-
гулярныхъ войскъ и 400 человекъ милиціи; но ежедневно
ожидали изъ окрестностей Торнео отъ трехъ до четырехъ
тысячъ войска, которое не могло оставаться тамъ, по недо-
статку продовольствія. Сверхъ того, поселяне могли воору-
житься и составить сильные воинственные отряды, чему ви-
дѣли уже примѣры въ Саволакскѣ, Карелии и на Аландскихъ
Островахъ.

Но генералъ Барклай-де-Толли, котораго предвидѣніе про-
стиралось на дальнѣйшія слѣдствія экспедиціи, помышлялъ
не о числѣ враговъ, а о средствахъ удержаться въ непріа-
тельской землѣ, въ такомъ случаѣ, если бѣ вскрытіе льда на
Кваркенѣ отрѣзало его отъ сообщенія съ Вазою. Тогда не-
достатокъ въ продовольствіи и трудность переправъ чрезъ
широкія рѣки въ землѣ непріятельской, при отступленіи отъ
Умео для соединенія подъ Торнео съ графомъ Шуваловымъ,
могли бы привести отрядъ въ величайшую опасность. Генера-
лъ Барклай-де-Толли, тщательно скрывая отъ своихъ под-
чиненныхъ всѣ эти опасенія, откровенно изложилъ предъ
начальствомъ свои мысли и заключенія на счетъ затрудни-
тельнаго положенія, въ которомъ бы онъ находился, если бѣ
ему надлежало оставаться для дальнѣйшихъ операций съ столь
малыми силами на шведскомъ берегу, по вскрытіи Кваркена.
Но за полученіемъ рѣшительнаго предписанія выступить въ
Швецію, Барклаю-де-Толли нельзя было медлить, и онъ при-
ступилъ къ исполненію Высочайшей воли, объявленной гра-
фомъ Аракчеевымъ.

Диспозиція генерала Барклая-де-Толли была слѣдующая.
Отрядъ для перехода чрезъ Кваркенъ раздѣлялся на два от-
дѣленія: первое, подъ начальствомъ полковника Филисова,

состояло изъ сотни казаковъ, съ войсковымъ старшиною Киселевымъ, двухъ батальоновъ полоцкаго мушкетерскаго полка и двухъ орудій артиллеріи; второе отдѣленіе, подъ начальствомъ генераль-маіора Берга, составляли полки: лейбъ-гренадерскій и тульскій мушкетерскій, двѣ сотни казаковъ и шесть орудій артиллеріи. Всѣмъ этимъ войскамъ надлежало собраться на прилежащіе къ финскому берегу кваркенскіе острова, 5 и 6 числа марта.

Въ городѣ Вазѣ оставался шефъ лейбъ-гренадерскаго полка, генераль-маіоръ Лобановъ, съ пермскимъ мушкетерскимъ полкомъ. Онъ долженъ былъ занять городъ и кваркенскіе острова, наблюдать за спокойствіемъ жителей, и по прибытіи въ Вазу идущихъ на помощь навагинскаго и тенгинскаго мушкетерскихъ, 24-го и 25-го егерскихъ полковъ, приказать имъ немедленно переходить черезъ Кваркенъ на шведскій берегъ, для соединенія съ отрядомъ генерала Барклая-де-Толли. Сверхъ того генераль Лобановъ долженъ былъ содѣйствовать комиссіонерамъ къ успѣшному заготовленію продовольствія для войска, чтобы при первомъ требованіи немедленно доставить въ Умео, а обо всемъ прочемъ относиться къ главнокомандующему, въ главную квартиру, городъ Або.

Въ слѣдствіе диспозиціи, отрядъ собрался въ назначенное время на кваркенскихъ островахъ: одинъ лишній день надлежало промедлить въ ожиданіи подводъ, проводниковъ и продовольствія. Войско провело 7 марта на бивакахъ, на необитаемомъ островѣ Вальгрудъ, лежащемъ въ двадцати верстахъ отъ берега. Взоръ терялся въ необозримыхъ снѣжныхъ степяхъ, и островъ Вальгрудъ, составленный изъ однихъ гранитныхъ скалъ, казался надгробнымъ камнемъ мертвой природы. Здѣсь не было ни какого признака жизни и прозябенія: ни одно деревцо, ни одинъ кустъ тростника не оживляли этой картины безплодія. Зима царствовала здѣсь со всѣми ужасами, истребивъ всѣ средства къ защитѣ отъ ея могущества. Стужа простиралась до пятнадцати градусовъ, и войско оставалось на бивакахъ, безъ огней и шалашей.

За тридцать-шесть часовъ до выступленія въ походъ всего отряда, выслана была передовая партія изъ шестидесяти казаковъ и пятидесяти отборныхъ стрѣлковъ полоцкаго мушкетерскаго полка, на саняхъ, подъ начальствомъ войскового старшины Киселева 2-го, уже знавшаго путь черезъ Кваркенъ.

Киселеву поручено было сдѣлать печальное нападеніе на передовые непріятельскіе посты, расположенные по островамъ, прилежащимъ къ шведскому берегу, отрѣзать ихъ и захватить въ плѣнъ, и такимъ образомъ скрыть движенія цѣлаго отряда.

Осьмого Марта въ пять часовъ утра, весь отрядъ выступилъ съ острова Вальгрудна въ открытое море. Первое отдѣленіе шло впереди, за нимъ второе, при которомъ находился самъ Барклай-де-Толли. Вся артиллерія слѣдовала за вторымъ отдѣленіемъ. Резервъ состоялъ изъ баталіона лейбъ-гренадерскаго полка и двадцати казаковъ.

Съ перваго шага въ замерзшее море открылись трудности, которыя для всякаго, кромѣ русскаго войска, показались бы непреодолимыми. Свирѣпствовавшая въ эту зиму жестокая буря, сокрушивъ толстый ледъ на Кваркенѣ, разметала его на семь пространствъ огромными ледяными обломками, которые, подобно дикимъ утесамъ, возвышались въ разныхъ направленіяхъ, то пересѣкая путь, то простираясь вдоль его. Вдали эти гряды льдинъ представляли необыкновенное зрѣлище: казалось, будто волны морскія замерзли мгновенно, въ минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждомъ шагу. Надлежало то карабкаться по льдинамъ, то сворачивать ихъ на сторону, то выбиваться изъ глубокаго снѣга, покрытаго обломомъ. Потъ лился съ чеда воиновъ отъ крайняго напряженія силъ, и въ то же время пронзительный и жгучій сѣверный вѣтеръ отснѣялъ дыханіе, мертвилъ тѣло и душу, возбуждая опасеніе, чтобы, превратившись въ ураганъ, не взорвалъ ледяной твердыни. Кругомъ представлялись ужасные слѣды разрушенія, и эти, такъ сказать, развалины моря напоминали о возможности новаго переворота.

Артиллерія замедляла движенія отряда. Къ шести орудіямъ, поставленнымъ на полозьяхъ, отрядили 200 человекъ рабочихъ, и наконецъ оставили пушки назади, подъ прикрытіемъ резерва. Послѣ этого распоряженія, отрядъ быстро продолжалъ свое шествіе.

Между тѣмъ передовая партія, подъ начальствомъ войскаго старшины Киселева 2-го, уже была въ дѣлѣ. Киселевъ началъ ночью (3 марта) на непріятельскій пикетъ, находящійся на островѣ Гросгруднѣ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ нѣсколько человекъ. Въ слѣдующую ночь Киселевъ началъ на другой офицерскій пикетъ, состоявшій изъ пяти-

десяти человекъ финляндскихъ войскъ. Они защищались отчаянно, и всѣ погибли на мѣстѣ, исключая взятыхъ въ плѣнъ, одного офицера и девяти человекъ солдатъ. Это происшествіе возбудило тревогу въ шведскомъ отрядѣ, находившемся въ Умео, и показало Русскимъ, что непріятель намѣренъ упорно защищаться. Наши воины пылали желаніемъ сразиться.

Наконецъ, послѣ изнурительнаго перехода, въ продолженіе двѣнадцати часовъ, отрядъ къ шести часамъ вечера достигъ острововъ, лежащихъ у шведскаго берега. Первое отдѣленіе расположилось биваками на островѣ Гросгруднѣ, второе на Гаденѣ. Артиллерія едва пришла въ полночь, и прикнула къ первому отдѣленію.

Эти острова такъ же бесплодны, какъ и лежащіе у финскаго берега. Съ трудомъ можно было достать нѣсколько дровъ для согрѣтія воиновъ, усталыхъ и ослабшихъ отъ чрезвычайныхъ трудовъ. Все войско провело ночь безъ огня.

Генераль Барклай-де-Толли вознамѣрился сдѣлать нападеніе на городъ Умео съ двухъ сторонъ. Первому отдѣленію приказано было слѣдовать прямымъ путемъ на твердую землю, черезъ островъ Гольмо, завязать дѣло съ находившимся тамъ непріателемъ, и не напирать сильно, рассчитывая время такимъ образомъ, чтобы второе отдѣленіе успѣло между тѣмъ прибыть къ устью рѣки Умео. Въ полночь, второе отдѣленіе, при которомъ находился самъ генераль Барклай-де-Толли, выступило съ острова Гадена. Всѣ представлявшіяся доселѣ трудности казались забавою въ сравненіи съ этимъ переходомъ: надлежало итти безъ дороги, по цѣльному снѣгу выше колѣна, въ стужу свыше пятнадцати градусовъ, и Русскіе перешли такимъ образомъ сорокъ верстъ въ осьмнадцать часовъ!!! Достигнувъ устья рѣки Умео, изнуренные воины едва могли двигаться отъ усталости. Невозможно было ничего предпринять, и войско расположилось биваками на льду, въ верстѣ отъ непріятеля, находившагося въ деревнѣ Текнесъ. Изъ числа шести кораблей, зимовавшихъ въ устьѣ, два были разломаны на дрова, и войско оживилось при благотворной теплотѣ бивачныхъ огней, которые почитались тогда величайшею роскошью. Казаки того же вечера вступили въ дѣло, и послѣ сильной перестрѣлки, отошли въ свой лагерь.

Между тѣмъ первое отдѣленіе, при которомъ оставалась

вся артиллерія, нашло непріятеля, готоваго къ сильной оборонѣ, на островѣ Гольмѣ. Мѣткіе карельскіе и саволакскіе стрѣлки и вазовскій полкъ занимали крѣпкую позицію въ лѣсу, защищаясь окопами, сдѣланными изъ снѣга. Русскіе напали на нихъ съ фронта (9 марта, въ пять часовъ утра), и встрѣтили отчаянное сопротивление. Послѣ сильной перестрѣлки, полковникъ Филисовъ послалъ двѣ роты гренадеръ въ обходъ, чтобы напасть на шведскую позицію съ тыла. Тогда Шведы начали быстро отступать по дорогѣ къ Умео, теряя множество убитыми и ранеными. Но трудность въ движеніи артиллеріи препятствовала первому отдѣленію быстро преслѣдовать непріятеля, и оно едва успѣло къ вечеру достигнуть селенія Тефте, лежащаго на твердой землѣ, въ пятнадцать верстахъ отъ города Умео.

Давъ отдохнуть утружденнымъ воинамъ, генералъ Барклай-де-Толли съ утра (10 марта) повелъ атаку вторымъ отдѣленіемъ на деревню Текнесъ, и послѣ жаркаго дѣла принудилъ Шведовъ къ отступленію. Казаки и стрѣлки, выбившись изъ глубокаго снѣга, съ необыкновенною радостью и быстротою преслѣдовали непріятеля по ровной проселочной дорогѣ. Когда русскій авангардъ находился въ верстѣ отъ города Умео, прибылъ парламентаръ отъ шведскаго главнокомандующаго, съ объявленіемъ желанія его вступить въ переговоры. Генералъ Барклай-де-Толли отвѣчалъ, что войско русское не можетъ быть удержано въ своихъ успѣхахъ никакими предлогами или колебаніями; но если Шведы желаютъ получить пощаду, то самъ генералъ ихъ долженъ немедленно явиться къ нему, и объявить условія. Въ слѣдствіе такого рѣшительнаго отвѣта прибылъ къ Барклаю начальникъ шведскихъ войскъ, графъ Кроншtedтъ, убѣдительно просилъ его прекратить военныя дѣйствія, увѣряя, что вся Швеція желаетъ мира, что король Густавъ, упорствовавшій въ войнѣ, лишился престола, и дядя бывшаго короля, герцогъ Зюдерманландскій, вступилъ въ управление государствомъ. Печатные манифесты убѣдили генерала Барклая-де-Толли въ этой истинѣ, и онъ, жертвуя собственнымъ славолюбіемъ общей пользѣ, достигъ цѣли предначертанія своего безъ пролитія крови. Ему легко было одержать блистательную побѣду надъ изумленнымъ непріятелемъ, но онъ предпочелъ средства челоуѣколюбивыя. По заключенному съ графомъ Кроншtedтомъ условію, городъ Умео и вся Вестерботнія, составляющая почти третью часть всего

шведскаго королевства, уступлены русскому оружію. Того же дня (10 марта) русское войско вступило съ торжествомъ въ городъ; въ стѣнахъ его въ первый разъ развѣвались побѣдоносныя непріятельскія знамена, и впервые разъ слышались звуки русскаго голоса. Шведы съ удивленіемъ смотрѣли на Русскихъ: каждый воинъ казался имъ героемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, одни только герои могли совершить этотъ подвигъ, единственный въ Военной Исторіи. Русскіе перешли въ двое сутокъ около ста верстъ чрезъ лдяныя громады, глубокіе снѣга, безъ всякаго слѣда, въ жестокую стужу; опрокинули непріятеля при первой встрѣчѣ, и однимъ появленіемъ своимъ покорили цѣлую область.

Графъ Кронштетъ признался чистосердечно, что онъ ошибся въ своихъ стратегическихъ разчетахъ, и никогда не полагалъ, чтобы Русскіе могли съ такою быстротою и смѣлостью совершить этотъ переходъ, который онъ почиталъ чудеснымъ.

Намъ вѣкъ — вѣкъ чудесъ и славы воинской! Революціонная война Франціи и знаменитая борьба Россіи съ могуществомъ Наполеона отвратили вниманіе удивленной Европы отъ постороннихъ подвиговъ, которые не имѣли особеннаго вліянія на участь большаго европейскаго семейства. Исторія, поэзія, живопись, ваиіе истощились въ изобрѣтеніи памятниковъ славы и доблести. Но прійдетъ время, что художники обратятъ свое вниманіе и на чудесное покореніе Финляндіи. Тогда вспомнятъ и о Кваркенѣ. Надежныѣ и вѣрныѣ всѣхъ искусственныхъ памятниковъ, самый Кваркенъ сохраняетъ преданіе о неимовѣрной неустрашимости русскаго воинства. Благородные потомки не забудутъ славныхъ дѣлъ; они станутъ повторять съ гордостью имена героевъ, прославившихъ русское оружіе, и съ благодарностію скажутъ: *Его предокъ былъ съ Барклаемъ на Кваркенѣ!**

Не имѣя намѣренія писать Исторію Финляндской Войны, я умалчиваю о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ 1809 года, до заключенія Фридрихсгамскаго мира. Занятіе Аладскихъ

* Генералъ Барклай-де-Толли призналъ отличившимися особенно въ общемъ отличіи: генералъ-маіора Берга и полковника Филісова, начальствовавшихъ особыми отдѣленіями; полковника Лялина (вавагинскаго мушкетерскаго полка), подполковника Шевкина, маіоровъ: Албрехта и Воейкова (лейбъ-гравадерскаго), маіора Тюреникова (тульскаго мушкетерскаго), артиллеріи маіора Андерса, и болѣе прочихъ войскаго старшина Кислова 2.

Островъ княземъ Вагренгольдъ, полковн. Куанномъ, блестящія дѣйствія графа Шувалова, принудившаго шведскаго генерала Гринценберга положить оружіе съ 7000 веригуемъ, и наконецъ покаяніе снова въ Финляндіи героя этой войны, графа Н. М. Каменскаго и блистательныя его подвиги въ самой Швеціи, все это прекрасно, вѣрно и занимательно описано А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Я описалъ только то, что самъ видѣлъ и испыталъ, что передано мнѣ друзьями моими и товарищами, и что осталось на всегда запечатлѣннымъ въ моей памяти. Скажу, въ заключеніе о Финляндской войнѣ, что изъ Финляндіи вынесъ я уваженіе и даже болѣе, любовь къ шведскому и финскому народамъ, удостовѣрясь въ ихъ храбрости и честности, и до сихъ поръ сохранилъ ненарушимо эти чувствованія. Въ 1838 году, я нарочно ѣздилъ въ Финляндію и Швецію, чтобъ доставить душѣ моей наслажденіе, и лестный пріемъ, оказанный мнѣ почетнѣйшими гражданами, учеными, литераторами и даже военными людьми, еще глубже утвердилъ въ душѣ моей привязанность къ Шведамъ и Финнамъ. Финляндія уже счастлива — дай Богъ, чтобъ и Швеція была всегда благополучною, и я увѣренъ въ этомъ, потому что въ обѣихъ этихъ странахъ укоренены твердо важнѣйшія начала народнаго благоденствія: Вѣра, нравственность и уваженіе къ законамъ.

V.

1808, 1809 и 1810 годы доставятъ будущему историку Россіи весьма важныя матеріалы. Въ эти годы утверждены многія существенныя преобразованія въ государственномъ управленіи, составлялось предположеніе о новомъ государственномъ устройствѣ, и дѣлались попытки для приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ частей новаго предположенія. Эти три года были также переходнымъ временемъ къ новой системѣ, которая наконецъ измѣнила весьма многое изъ прежняго, и затерла даже его слѣды.

Императоръ Александръ, воцарившись въ первомъ цвѣтѣ молодости, намѣревался осуществить все, что внушали ему теплое юношеское чувство и свѣтлый умъ, образованный геніяльною Екатериною. Желая развить всѣ силы Россіи, распространить ея могущество, создать и упрочить ея благо-

стойніе твердынь государственнымъ закономъ, Императоръ Александръ началъ преобразованія съ народнаго воспитанія, важнѣйшей части государственнаго управления, основанія народнаго счастья и богатства, источника славы престола и отечества. Только просвѣщенные народы могутъ понимать, хранить и исполнять законы; только люди, знакомые съ науками, могутъ возвысить промышленность и земледѣліе; только люди образованные, постигающіе цѣну добра, могутъ чувствовать истинную любовь и преданность за оказываемыя имъ благодѣянія. Основавъ министерство просвѣщенія, Государь учредилъ при немъ главное правленіе училищъ. Теперь не многимъ извѣстно, что это управленіе учреждено на правилахъ, на которыхъ основывалась въ послѣднее время бывшей Польши *воспитательная коммиссія* (*Kommissya Edukacyjna*). Это было единственное учрежденіе прежней Польши, перешедшее, послѣ ея паденія, въ живое государство. Князь Адамъ Чарторійскій, графъ Северинъ-Потоцкій и ученый Фаддей Чацкій были первыми составителями проекта объ устройствѣ главнаго правленія училищъ. Членами его должны были быть попечители университетовъ и всѣ извѣстные ученые и педагоги, подъ предѣлательствомъ министерства просвѣщенія. Главное Правленіе училищъ должно было разсматривать учебныя книги, программы курсовъ, и наблюдать за исполненіемъ всѣхъ предположеній, посредствомъ своихъ визитаторовъ. Для приведенія народнаго воспитанія въ систему и сообщенія ему полноты, единства и постепенности, оно имѣло четыре послѣдовательные отдѣла: школы приходскія, школы уѣздныя, гимназіи и университеты. Тогда во всей Россіи былъ только одинъ московскій университетъ, и одна высшая школа въ Вильнѣ, носившая названіе Академіи (основанная въ 1599 году) и долгое время управляемая Іезуитами. Императоръ Александръ основалъ университеты въ Харьковѣ, въ Казани, въ Дерптѣ (въ 1804 году), и далъ новое устройство виленской академіи (1803 года), переименовавъ ее въ университетъ. Предполагалось учредить университеты въ Кіевѣ, Устилугѣ и Тобольскѣ; но какъ при такомъ быстромъ распространеніи народнаго воспитанія требовалось множество способныхъ людей и педагоговъ, а въ нихъ былъ недостатокъ, то въ то же время учрежденъ въ Петербургѣ (1804 года) Педагогическій Инсти-

туть для образованія русскихъ профессоровъ и учителей. Между-тѣмъ ихъ выписывали изъ Германіи и преимущественно изъ Венгріи и австрійской Галиціи, изъ племени Карпато-Россовъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждена была гимназія, а въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ уѣзныя училища; при каждой приходской церкви долженствовала быть приходская школа, въ которыхъ обучали русской грамотѣ, ариметикѣ, религіи и нравственной наукѣ. Умножено число военно-учебныхъ заведеній, и внутри государства учреждены кадетскіе корпуса. Основаны спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: институтъ путей сообщенія, кораблестроительныя училища, коммерческая гимназія въ Таганрогѣ, и тому подобное. Духовныя академіи получили преобразование. Къ тридцати-семи существовавшимъ семинаріямъ прибавлены семьдесятъ-три духовныя училища. Всѣ духовныя школы поручены комиссіи духовныхъ училищъ, основанной на тѣхъ же правилахъ, какъ и Главное Правленіе училищъ. Однимъ словомъ, преобразование и распространеніе народнаго воспитанія шло быстро, сильно и усердно, и только недостатокъ профессоровъ и учителей замедлялъ его ходъ и успѣхи. Къ концу 1810 года всѣ новыя учрежденія были уже въ дѣйствиіи.

Этотъ высокій порывъ Государя Императора нашель сочувствіе въ сердцахъ русскихъ. Графъ Безбородко учредилъ на свой счетъ высшее училище въ Нѣжинѣ (нынѣ лицей), а знаменитый патріотъ Демидовъ, пожертвовавъ сперва 500,000 рублей въ пользу училищъ, предоставилъ еще миллионъ рублей на заведеніе высшаго училища въ Ярославлѣ (нынѣ лицей). Московское купечество основало на свой счетъ коммерческое училище; дворянство губерній: кіевской, подольской и волынской, учредило на своемъ иждивеніи кременецкій лицей, и кромѣ того, дворянство кіевской губерніи пожертвовало, для подобной же цѣли, 500,000 рублей. Дворянство слободско-украинской (нынѣ харьковской) губерніи принесло въ жертву 400,000 рублей, а купечество ея 300,000 рублей, для харьковскаго университета. Тульское дворянство учредило на своемъ иждивеніи кадетскій корпусъ, а господинъ Неплюевъ основалъ военное училище въ Оренбургѣ. Умалчиваю о меньшихъ пожертвованіяхъ. Давали что могли: и деньги, и книги, и дома подъ училища.

Прежде званіямъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ присвоивался чинъ пятого и четвертаго классовъ. Нигдѣ не слу-

жа, но получивъ придворное званіе, баловень счастья переступалъ однимъ шагомъ черезъ самыя трудныя ступени службы. Императоръ Александръ уничтожилъ это указомъ 3 января 1809 года, установивъ, чтобъ придворныя званія не давали ни какихъ чиновъ и преимуществъ по службѣ государственной, и обязавъ камеръ-юнкеровъ и камергеровъ служить въ ней дѣйствительно, если желаютъ сохранить свои званія при высочайшемъ дворѣ. Наконецъ, 6 августа того же года, изданъ былъ знаменитый указъ, воспрещавшій производство въ чинъ коллежскаго ассессора, дававшій потомственное дворянство, и въ статскіе совѣтники чиновниковъ, не имѣвшихъ ученаго званія или невыдержавшихъ экзамена въ наукахъ въ университетѣ. Этотъ указъ былъ то же, что внезапное освѣщеніе мрачной бездны благотворными лучами солнца! Чиновничій міръ вострепнулся, зашевелился и завопилъ. Просвѣщеніе поднялось, невѣжество поникло головою.

Взглянемъ на тогдашнихъ дѣятелей, на которыхъ опирался Государь, приступивъ къ великимъ преобразованіямъ, и въ числѣ тогдашнихъ молодыхъ людей замѣтимъ тѣхъ, которые послѣдующею своею службою достигли высокихъ степеней. Однимъ словомъ, поднимемъ завѣсу прошлаго, и посмотримъ на тогдашнюю сцену русскаго міра и его дѣйствующихъ лицъ.

Петръ Великій, преобразовавъ Россію, ввелъ, по совѣту знаменитаго философа Лейбница, коллегіальное управленіе. Для каждой части была особая коллегія, и президентъ коллегіи былъ то же что министръ. Дѣла обсуживались въ общемъ присутствіи всѣхъ членовъ коллегіи, назначаемихъ самимъ Государемъ. Президентъ не имѣлъ права удалять членовъ, слѣдовательно они были независимы при подаваніи голосовъ. Въ случаѣ разногласія, дѣло рѣшалъ Государь. Этотъ порядокъ государственнаго управленія продолжался до вступленія на престолъ Императора Александра.

Государь учредилъ министерства, въ 1802 году, но безъ настоящаго опредѣленія отношенія ихъ между собою и къ существовавшему порядку вещей. Коллегіи: военная, иностранныхъ дѣлъ, коммерціи, юстиціи-коллегія еще существовали, управляемыя министрами. Только два министерства, просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, дѣйствовали по особымъ постановленіямъ. Въ 1810 году дано общее учрежденіе всѣмъ министерствамъ. Государственный Совѣтъ, изъ-

давна существовавшій при Высочайшемъ дворѣ, не имѣлъ постоянного назначенія, собирався по призыву Царствующей Особы, и судилъ о дѣлахъ, какія ему были предлагаемы. Императоръ Александръ, учредивъ въ 1802 году, изъ лицъ Имъ избранныхъ, опредѣлительный составъ Государственнаго Совѣта, повелѣлъ ему собирався въ извѣстные дни и об-суживать дѣла и проэкты, поступающіе на Высочайшее разрѣшеніе. Государственный Совѣтъ устроенъ окончательно въ 1810 году и воспріялъ съ сего времени свое настоящее назначеніе. Комиссія о составленіи законовъ также получила новое устройство, и дѣятельно занялась своимъ дѣломъ. Финансовая система совершенно измѣнилась. Словомъ, все, что только посѣвалось въ прежніе годы, начало уже приносить плоды въ три послѣдніе года, до начала разрыва съ Франціею и общей европейской войны. Я указалъ только на главнѣйшія измѣненія, изъ которыхъ проистекали мѣстныя улучшенія и преобразования во всей имперіи.

Въ 1808 году государственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Онъ тогда былъ пятидесяти-пяти лѣтъ отъ рожденія (родился 1753 года). Сынъ кагульскаго героя, фельдмаршала графа Петра Александровича, мужъ высокой образованности, обладавшій огромнымъ состояніемъ, человекъ привѣтливый, ласковый, пріятный въ обхожденіи, страстный любитель наукъ и художествъ, графъ Николай Петровичъ, если бъ даже и не занималъ высокаго званія, то имѣлъ бы всегда большое вліяніе на общество. Девятнадцати лѣтъ отъ рожденія онъ былъ камеръ-юнкеромъ, то есть въ пятомъ классѣ; но прежде вступленія въ дѣйствительную службу, уѣхалъ за границу для окончанія своего образованія, пробылъ тамъ пять лѣтъ, свелъ знакомство съ первыми европейскими учеными, и возвратясь въ Россію, произведенъ въ камергеры, то есть получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Слѣдовательно, графъ Н. П. Румянцевъ, не проходя черезъ низшія ступени службы, не зналъ всего ея механизма, котораго сила сокрыта для неопытнаго глаза, и потому окружавшіе его чиновники, пользовавшіеся его довѣренностью, всегда имѣли большое вліяніе на дѣла, которыя были имъ обдумываемы. Дипломатическое свое поприще графъ Н. П. Румянцевъ началъ посольствомъ при Германскомъ Сеймѣ (кажется въ 1780 году), во Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ 1791 году онъ былъ

уже тайнымъ совѣтникомъ и находился въ званіи посла въ Кобленцѣ, при братьяхъ несчастнаго Людовика-Шестнадцатаго, графъ Прованскомъ (потомъ Людовикъ-Осьмнадцатый) и графъ Артуа (впослѣдствіи Карлъ-Десятый). При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ графъ Румянцевъ занималъ званіе оберъ-гофмейстера, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, былъ нѣкоторое время главнымъ попечителемъ вспомогательнаго банка и сенаторомъ. Императоръ Александръ, при учрежденіи государственнаго совѣта, назначилъ графа Румянцева въ члены его, и при учрежденіи министерствъ, въ 1802 году, далъ ему министерство коммерціи. Это министерство сохранилъ графъ Румянцевъ и въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ, принявъ его въ 1807 году, послѣ генерала отъ инфантеріи барона Будберга. Кроме того, графъ Румянцевъ былъ главнымъ директоромъ новоучрежденнаго департамента водяныхъ коммуникацій. При всемъ своемъ правдушіи и пламенной любви къ общему благу, графъ Румянцевъ, обремененный множествомъ дѣлъ и не углублявшійся никогда въ канцелярскія тонкости и счетныя дѣла, не могъ прекратить укоренившихся безпорядковъ въ управленіи, которымъ ворочали прежніе чиновники. Графа Румянцева обвиняли въ излишней привязанности къ Наполеону, который чрезвычайно ласкалъ его въ Эрфуртѣ и въ Парижѣ. Обвиненіе вовсе не справедливое. Хотя для русской торговли и тяжело былъ разрывъ съ Англіею, но послѣ аустерлицкой и фридландской кампаній намъ надлежало жить въ мирѣ съ Наполеономъ, до окончанія дѣлъ съ Турціей, Персіей и Швеціей, до поправленія нашихъ финансовъ, упроченія преобразованій внутри государства и устройства арміи. Воевать безъ оглядки—было молодечество, похвальный духъ въ народѣ, котораго самолюбіе было оскорблено; но всѣ разумные люди были убѣждены, что надобно переждать насильственное возвышеніе могущества Франціи. Графъ Румянцевъ былъ истинный патриотъ и преданъ искренно своему Государю и отечеству. Имъ не пожертвовалъ бы графъ Румянцевъ ни для какой посторонней привязанности. Наполеону онъ удивлялся, какъ удивлялись даже явные его враги, потому что это былъ геній. Графъ Румянцевъ былъ правъ, не совѣтуя съ нимъ воевать на-удалую. Вообще графъ Н. П. Румянцевъ былъ человекъ разсудительный и не упорствовалъ въ своемъ мнѣніи, когда убѣждался въ справедливости предлагаемыхъ ему доводовъ. Нѣтъ спора, что онъ

былъ не гений, но былъ человѣкъ умный, начитанный, образованный, дѣйствовавшій въ духѣ своего вѣка. При всѣхъ своихъ заслугахъ, графъ Н. П. Румянцевъ не заслужилъ бы безсмертія своею службою, если бъ не былъ великодушнымъ и просвѣщеннымъ покровителемъ наукъ. Девизомъ своего герба онъ принялъ латинскій афоризмъ: «*non solis armis*», то есть «не однимъ оружіемъ» — и науки воздвигли ему памятникъ, столь же прочный, какой побѣды соорудили его великому родителю. Никто изъ частныхъ людей не сдѣлалъ болѣе для отечественной исторіи какъ графъ Румянцевъ, и его богатый музей, завѣщанный имъ отечеству, стоящій напротивъ монумента его отца, черезъ рѣку, навсегда сохранитъ память просвѣщеннаго вельможи и благороднаго человѣка.

Помощникомъ графа Румянцева въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, по нынѣшнему товарищъ министра, былъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ, вельможа всѣми уважаемый. Военный министръ, графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, отличался строгою исполнительностью и взыскательностью по службѣ. Всѣ знаютъ, что въ обращеніи онъ былъ чрезвычайно крутъ, пренебрегая вѣжливостью и разборчивостью въ обхожденіи съ подчиненными. Но за то справедливость заставляетъ сказать, у него, какъ говорится, дѣло горѣло въ рукахъ, и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ онъ всегда находилъ скорыя средства къ исполненію Высочайшей воли. Русская артиллерія, почитаемая одною изъ лучшихъ въ мірѣ, обязана графу Аракчееву своимъ усовершенствованіемъ. Онъ завелъ ловкую упряжь, легкіе лафеты, колеса и ящики, довелъ литейную часть до высокой степени совершенства, и привелъ въ порядокъ оружейные и пороховые заводы. Даже и враги отдавали ему въ этомъ справедливость. Какъ военный администраторъ, графъ Аракчеевъ былъ человѣкъ высокаго достоинства. Друзей онъ не имѣлъ и дѣйствовалъ одинъ въ своемъ управленіи. О личномъ его характерѣ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ? Морской министръ, адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, сдѣлался извѣстенъ въ 1812 году, командованіемъ сухопутными войсками, при переходѣ Наполеона черезъ Березину. Павелъ Васильевичъ Чичаговъ былъ искусный морякъ и уже отличился на флотѣ. Англоманъ въ душѣ, онъ ненавидѣлъ Наполеона и французскую систему. — Министръ юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Петръ Василье-

вѣтъ Лопухинъ, и министр внутренних дѣлъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, вельможи старинныхъ боярскихъ родовъ, приобрѣли опытность и навыкъ къ дѣламъ долговременною службою. Министръ просвѣщенія, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, родомъ изъ Малороссіи, сынъ небогатыхъ родителей, получилъ основательное и ученое образованіе въ іезуитскомъ коллегіумѣ, въ Польшѣ, вступилъ потомъ въ военную службу, и дослужился до полковничьяго чина. Фельдмаршалъ графъ П. А. Румянцевъ употреблялъ его въ арміи по письменнымъ дѣламъ. Императрица Екатерина-Вторая, получивъ однажды бумагу отъ фельдмаршала, желала знать, кто писалъ ее, и приказала фельдмаршалу прислать сочинителя, при первомъ случаѣ, въ Петербургъ. Это былъ Завадовскій. Императрица приблизила Завадовскаго къ своей особѣ, возвысила до первыхъ чиновъ, обогатила, и онъ службою своею вполне оправдалъ ея благодѣянія. Графъ П. В. Завадовскій искренно любилъ науки, былъ усерднымъ поборникомъ просвѣщенія, и въ началѣ учрежденія министерствъ дѣйствовалъ сильно и умно, при введеніи всѣхъ преобразованій. Ученые и литераторы всегда были ласково принимаемы въ его домѣ и находили у него защиту и покровительство. Человѣкъ онъ былъ добрый, ласковый, вѣжливый, хлѣбосоль, и вообще любимый и уважаемый. — Управляющій министерствомъ финансовъ, государственный казначей, тайный совѣтникъ Федоръ Александровичъ Голубцовъ, принадлежалъ къ числу людей практическихъ, или, какъ говорится, канцелярскихъ. Министромъ удѣловъ * былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (въ послѣдствіи графъ), управляя въ то же время кабинетомъ, а помощникомъ его былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, добрый, благородный человѣкъ, любитель наукъ, словесности и художествъ, о которомъ я буду говорить подробно.

Въ Государственномъ Совѣтѣ предсѣдателя не было. Кромѣ всѣхъ министровъ, членами Совѣта были: Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, генералъ отъ инфантеріи, пользовавшійся особенною милостью покойнаго Императора Павла Петровича и бывший въ его царствованіе генералъ-прокуроромъ; графъ (послѣ князь) Викторъ

* Министръ удѣловъ не назывался государственнымъ министромъ, какъ всѣ прочіе министры.

Павловичъ Кояубей, дѣйствующій въ духѣ нововведеній и преобразованій, человекъ высокаго ума и сильнаго характера; дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Степановичъ Поповъ, бывшій правителемъ канцеляріи при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, человекъ необыкновеннаго природнаго ума и опытности въ дѣлахъ; князь Адамъ Адамовичъ Чарторійскій. Неприсутствующими членами были: фельдмаршалы графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій; дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, посолъ въ Вѣнѣ; князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, находившійся въ отпуску. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и генералъ отъ Инфантеріи Михаилъ Михайловичъ Философовъ, также члены Совѣта, рѣдко въ немъ присутствовали. Правителемъ канцеляріи Совѣта былъ государственный секретарь, тайный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ. — Канцелярія Совѣта раздѣлялась на четыре экспедиціи. Первою, по части иностранныхъ дѣлъ и коммерціи, управлялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Энгель; второю, по части военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Лѣсницкій; третью, по части гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій; четвертою, по части государственнаго хозяйства, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ.

Было тогда весьма важное званіе: *при особо порученныхъ отъ Его Императорскаго Величества дѣлахъ*, которымъ обдѣченъ былъ тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ (въ послѣдствіи графъ). При немъ состояли: статскій совѣтникъ Яковъ Александровичъ Дружининъ и нынѣшній министръ финансовъ, тогда надворный совѣтникъ Ѳедоръ Павловичъ Вронченко.

Комиссіею прошеній управлялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Степановичъ Молчацовъ, человекъ дѣловой и опытный, а при немъ производителемъ дѣлъ находился статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Анненскій, дѣлецъ, въ полномъ значеніи слова. — Процесъ моей матеря еще не былъ конченъ, и я долженъ былъ знать всѣхъ дѣльцовъ....

Комиссія о составленіи законовъ обращала тогда на себя общее вниманіе, потому что отъ нея ожидали полнаго изданія законовъ, со всѣми переменами. Въ комиссіи присутство-

вали: князь Лопухинъ и Н. Н. Новосильцовъ. Секретаремъ присутствія и рецензаріемъ первой экспедиціи былъ, извѣстный учеными выисками по части русской исторіи и древняго законодательства, Густавъ Андреевичъ Розенкамповъ, Старшими помощниками его были; надворные совѣтники Федоръ Павловичъ Вронченко и Александръ Ивановичъ Тургеневъ, о которомъ я буду говорить подробно, когда дойдемъ дѣло до литературы. Редакторскими помощниками были: осьмаго класса Григорій Ивановичъ Карташевскій и Иванъ Андреевичъ Старынкевичъ (оба въ послѣдствіи сенаторы). Второю экспедиціею управлялъ и былъ редакторомъ законовъ седьмаго класса Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, бывший въ то же время профессоромъ въ Педагогическомъ Институтѣ, недавно къ общему сожалѣнію, скончавшійся, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

При номінесіи о составленіи законовъ было выдѣлено училища православія, которымъ управлялъ, въ званіи помощника директора (директоромъ былъ А. Н. Оленинъ), Г. А. Розенкамповъ. Право естественное преподавалъ въ училищѣ Петръ Дмитріевичъ Лодій, право римское Василій Григорьевичъ Жуковникъ (отецъ нынѣшняго поэта), право гражданское Григорій Ивановичъ Терлантъ, всѣ родомъ Карпато-Россы, состоявшіе въ чинѣ седьмаго класса и въ званіи профессоровъ Педагогическаго Института. Въ этомъ высшемъ училищѣ началъ свое образованіе двадцати-пяти-лѣтній другъ мой и товарищъ, Николай Ивановичъ Гречъ.

Президентомъ главнаго почтоваго правленія былъ тайный совѣтникъ Григорій Павловичъ Кондоиди, а санктперербургскимъ почтъ-директоромъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Калининъ.—Почтовая часть тогда была плохо устроена, и сравнивая ее съ нынѣшнимъ ея состояніемъ, нельзя не удивляться, до какой степени она теперь усовершенствована. Господа журналисты узнали бы иѣбу порядка нынѣшняго почтоваго управленія, если бѣ имѣли дѣло съ прежнимъ!

Военнымъ генераль-губернаторомъ въ Санктпетербургѣ былъ генераль отъ инфантеріи князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, а оберъ-полиціймейстеромъ генераль-маіоръ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, оба люди строгіе, выискательные, быстрые исполнители.

Важнѣйшіе просельскіе посты занимали: въ Парижѣ прелатъ

Петръ Александровичъ Толстой, при которомъ находился совѣтникомъ посольства, управлявшій всѣми его дѣлами; дѣйствительный камергеръ графъ Карлъ Васильевичъ Несельроде; въ Вѣнѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, и при этомъ посольствѣ находились камеръ-юнкеръ Сергій Семеновичъ Уваровъ (нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ и министръ просвѣщенія) и покойный санктпетербургскій почтъ-директоръ, котораго всѣ любили и уважали, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ; въ Берлинѣ графъ Густавъ Оттоновичъ Штакельбергъ; въ Мадридѣ тайный совѣтникъ баронъ (нынѣ графъ) Григорій Александровичъ Строгановъ; въ Неаполѣ тайный совѣтникъ Александръ Александровичъ Бибииковъ. Въ Лондонѣ не было тогда посольства, но при тамошней миссiи считались надворный совѣтникъ Николай Михайловичъ Лонгиновъ (нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ) и камеръ-юнкеры: Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ (братъ покойнаго графа Александра Христофоровича) и свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ (нынѣ адмиралъ и начальникъ морскаго штаба).

Высочайшимъ дворомъ управлялъ любимецъ Государя, бывшій при немъ неотлучно, оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой. Камергеры и камеръ-юнкеры носили это званіе безъ различія чиновъ и рода службы, и между ними были и военные. Такъ, напримѣръ, полковникъ преображенскаго полка, графъ (нынѣ князь и кавказскій наместникъ) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ въ то же время камергеромъ.

Военный дворъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича составляли: въ должности гофмейстера полковникъ Петръ Ивановичъ Озеровъ; адъютанты: полковники конной гвардіи: Николай Дмитриевичъ Олсуфьевъ, Ѳедоръ Петровичъ Опочининъ, астраханскаго гренадерскаго полка полковникъ графъ Сергій Христофоровичъ Минихъ, ротмистръ конной гвардіи Александръ Андреевичъ Жандръ, инспекторскій адъютантъ, ротмистръ того же полка Иванъ Григорьевичъ Ладога, бывшій ремонтеромъ всей гвардейской кавалеріи.

При воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича находились: главный начальникъ генералъ-лейтенантъ графъ Ламсдорфъ, кавалеры: генералъ-маіоръ Николай Нее-

викъ Ахвердовъ, полковники Павелъ Петровичъ Ушаковъ и Павелъ Ивановичъ Арсеньевъ. Наставникомъ былъ статскій совѣтникъ баронъ Пюже.

Генераль-адъютантовъ было всего восемь, а именно: Федоръ Петровичъ Уваровъ, генераль-лейтенантъ и шефъ кавалергардскаго полка; графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, генераль-маіоръ; князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, генераль-маіоръ; князь Василій Юрьевичъ Долгоруковъ 5-й, генераль-маіоръ и шефъ черниговскаго мушкетерскаго полка; Илларионъ Васильевичъ Васильчиковъ, генераль-маіоръ и шефъ ахтырскаго гусарскаго полка; князь Василій Сергіевичъ Трубецкой, генераль-маіоръ и дѣйствительный камергеръ; князь Михаилъ Петровичъ Долгоруковъ, генераль-маіоръ и шефъ курляндскаго драгунскаго полка, и графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій. Флигель-адъютантовъ было девятнадцать. Изъ нихъ, сколько мнѣ извѣстно, находится въ живыхъ фельдмаршалъ графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій, князь Варшавскій, бывший тогда капитаномъ преображенскаго полка и имѣвшій владимирскій орденъ съ бантомъ. Не знаю, живъ ли князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, бывший тогда поручикомъ кавалергардскаго полка. Покойный графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ тогда полковникомъ и флигель-адъютантомъ.

Полками гвардіи командовали: преображенскимъ, генераль-маіоръ Михайла Тимофѣевичъ Козловскій; семеновскимъ, по отъѣздѣ за границу генераль-маіора Николая Ивановича Вердеревскаго, полковникъ Карлъ Антоновичъ Криденеръ; измайловскимъ, послѣ отставки генераль-лейтенанта Петра Федоровича Малютина, генераль-маіоръ Павелъ Яковлевичъ Башуцкій. Шефомъ гвардейскаго егерскаго полка считался генераль-лейтенантъ князь Багратионъ, а полкомъ командовалъ старшій полковникъ графъ Эммануиль Францовичъ Сентъ-Пріестъ (правильнѣе Сентъ-При, Saint-Priest). Батальоннымъ командиромъ гвардейской артиллеріи считался графъ Аракчеевъ, командовалъ батальономъ полковникъ Василій Григорьевичъ Костенецкій, знаменитый своею храбростью и оригинальностью. Кавалергардскимъ полкомъ командовалъ генераль-маіоръ Николай Ивановичъ Денрерадовичъ. Въ этомъ полку служили, въ то время: ротмистромъ Василій Васильевичъ Левашовъ (нынѣ графъ, генераль-адъютантъ и генераль отъ кавалеріи) и штабъ-ротмистромъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ (нынѣ князь, генераль-адъютантъ, гене-

радъ отъ кавалеріи и военный министр). Павелъ Петровичъ Фонтъ-Сухтеленъ (въ послѣдствіи графъ и генераль-губернаторъ оренбургскій), былъ въ этомъ полку поручикомъ, а извѣстный писатель Михайла Ѳедоровичъ Орловъ—корнетомъ. Конной гвардіей, подъ непосредственнымъ начальствомъ Его Высочества Цесаревича, командовалъ генераль-маіоръ Иванъ Ѳедоровичъ Яковичъ. Поручикомъ въ этомъ полку былъ тогда нынѣшній генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи Владиміръ Карловичъ Кноррингъ и имѣлъ Анну третьей степени и золотую шагу, а нынѣшній генераль-лейтенантъ, инспекторъ запасныхъ гвардейскихъ эскадроновъ, Петръ Ивановичъ Кошкуль, имѣвшій Анну третьей степени, былъ корнетомъ. Лейбъ-гусарскимъ полкомъ командовалъ генераль-маіоръ графъ Петръ Крестьяновичъ Витгенштейнъ. Знаменитый поэтъ-партизанъ Денисъ Ивановичъ Давыдовъ былъ въ этомъ полку ротмистромъ и имѣлъ Владиміра четвертой степени и прусскій Пуръ-ле-меритъ, а Алексій Ѳедоровичъ Орловъ (нынѣ графъ, генераль-адъютантъ и генераль отъ кавалеріи) былъ поручикомъ и имѣлъ тогда орденъ Анны третьей степени и золотую саблю. Въ этомъ же полку служилъ тогда поручикомъ, мой близкій родственникъ и истинный другъ, графъ Михаилъ Михайловичъ Тимманъ, командовавшій въ отечественную войну, съ честью и славой, отличнымъ цыгомскимъ гусарскимъ полкомъ и скончавшійся въ генераль-маіорскомъ чинѣ. Это былъ храбрый, умный и благородный человекъ, заслужившій общую любовь и уваженіе.

Науки, словесность и искусства были уважаемы общественнымъ мнѣніемъ. Словесность, хотя не была на такой высокой степени, какъ въ государствахъ, издревле пользующихся просвѣщеніемъ, но можно сказать, что процвѣтала и имѣла достойныхъ представителей.

Театральныхъ группъ было пять: русская, французская, немецкая, итальянская и балетная. Дирекціей театровъ управлялъ по прежнему Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Директоромъ музыки былъ О. А. Козловскій. Экономическою частью завѣдывалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ; репертуарною—камеръ-юнкеръ князь Александръ Александровичъ Шаховской, лучший комикъ нащъ, послѣ Фонтъ-Визина и Грибоѣдова, которому въ слѣдующемъ году дадутъ въ помощники авторъ трагедій «Дядя Эдмундъ», Александръ Николаевичъ Гривинцевъ.

Переводчикомъ былъ Николай Степановичъ Краснопольскій, котораго имя не сходило съ афишъ. Онъ перевелъ почти всѣ пьесы Коцебу, любимую въ то время легкую волшебную оперу «Русалка» (Donauweibchen) и множество различныхъ пьесъ. Краснопольскій былъ однимъ изъ самыхъ неутомимѣйшихъ литературныхъ работниковъ.

Президентомъ Россійской Академіи, утвержденной Императрицею Екатериною Второю на честь, славу и пользу русскаго языка, былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Андреевичъ Нартовъ, отецъ котораго находился нѣкогда при Петрѣ Великому, помощникомъ при его токарномъ станкѣ. Членовъ было пятьдесятъ-шесть, въ числѣ ихъ пятнадцать писателей и именно: Гавріиль Романовичъ Державинъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, Николай Яковлевичъ Озерецковскій, Василій Васильевичъ Капнистъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, Николай Петровичъ Николевъ, Александръ Семеновичъ Хвостовъ, Александръ Семеновичъ Шишковъ, Иванъ Степановичъ Рижскій, Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій (знаменитый актеръ), Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, Петръ Матвѣевичъ Карабановъ, Павелъ Юрьевичъ Львовъ, Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ и Александръ Сергѣевичъ Никольскій. Любимѣйшіе публикою писатели: Николай Михайловичъ Карамзинъ, князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, Владиславъ Александровичъ Озеровъ, Матвѣй Васильевичъ Крюковской и князь Александръ Александровичъ Шаховской не были членами академіи.

Академія наукъ славилась во всей Европѣ своими учеными членами. Тогда еще жилъ знаменитый натуралистъ Палласъ (Петръ Семеновичъ), физикъ Логинъ Юрьевичъ Крафтъ, математикъ Николай Ивановичъ Фусъ, астрономъ Федоръ Ивановичъ Шубертъ, политическій экономъ Андрей Карловичъ Шторхъ, химикъ Александръ Николаевичъ Шереръ, статистикъ Иванъ Филипповичъ Германъ. Изъ природныхъ Русскихъ приобрѣли извѣстность: натуралистъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій, минералогъ Василій Михайловичъ Севергинъ, химикъ Яковъ Дмитріевичъ Захаровъ, физико-математикъ Семенъ Емельяновичъ Гурьевъ, анатомъ и физиологъ Петръ Андреевичъ Загорскій, математикъ Василій Ивановичъ Висковатовъ и почетные члены: математикъ капитанъ ко-

мандоръ Платонъ Яковлевичъ Гамагъ и гидрографъ, капитанъ 2-го ранга Иванъ Федоровичъ Крузенштернъ.

Университета въ С. Петербургѣ не было, но попечителемъ округа и начальникомъ Педагогическаго Института * былъ Н. Н. Новосилцевъ, а при немъ правителемъ дѣлъ надворный совѣтникъ Федоръ Павловичъ Вронченко.

Знаменитости Академіи художествъ были; скульпторъ Иванъ Петровичъ Мартосъ и доминикъ Рашетъ. По части исторической живописи: Григорій Ивановичъ Угрюмовъ, Василій Кузмичъ Шебуевъ, Алексѣй Егоровичъ Егоровъ; по части ландшафтнoй живописи: Герардъ Кегельхенъ, Федоръ Михайловичъ Матвѣевъ; граверъ Иванъ Васильевичъ Чесскій. По части орнаментной скульптуры Павелъ Ивановичъ Брюлло (отецъ нынѣшнихъ знаменитыхъ художниковъ Александра и Карла Брюлло). Знаменитый архитекторъ былъ Андрей Никифоровичъ Воронихинъ, строитель Казанскаго Собора. Литейнаго и чеканнаго дѣла мастеромъ былъ Василій Петровичъ Якимовъ. Президентомъ Академіи былъ графъ А. С. Строгановъ. Произведенія этихъ знаменитыхъ художниковъ останутся навсегда памятникомъ процвѣтанія художествъ въ Россіи.

Въ 1809 году, государственному устройству дано сильное движеніе возвышеніемъ двухъ необыкновенныхъ людей въ званія, гдѣ они могли свободнѣе дѣйствовать на пользу общую. М. М. Сперанскій назначенъ былъ товарищемъ министра юстиціи, членомъ комиссіи о составленіи законовъ и членомъ комиссіи объ управленіи духовныхъ училищъ. Товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ. О М. М. Сперанскомъ я буду говорить подробно, а о Козодавлевѣ скажу только, что онъ безспорно заслуживаетъ благодарной памяти всѣхъ русскихъ патріотовъ. Осипъ Петровичъ былъ потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, управлялъ нѣкоторое время министерствомъ просвѣщенія и почтовою частью; за сѣдалъ въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. При высокомъ умѣ и основательномъ образованіи, вездѣ отличаясь усердіемъ къ общему благу, необыкновенною дѣятельностью, стремленіемъ къ пресѣченію злоупотребленій, праводушіемъ

* Въ этомъ институтѣ воспитывались К. Н. Арсеньевъ, А. П. Куницынъ, М. Г. Елисовъ, Н. Я. Бутырскій, Н. К. Кайдаловъ, В. Н. Клоновъ и другіе русскіе профессора, оказавшіе услуги русскому просвѣщенію.

и правосудіемъ, страстнымъ поборникъ просвѣщенія, истинный любитель и покровитель отечественной литературы, онъ принималъ у себя и покровительствовалъ писателей. По несчастію, я не имѣю матеріаловъ для полной его біографіи: но такой вельможа заслуживаетъ, чтобъ соотечественники почтили его память. Весьма замѣчательное лицо въ будущей исторіи Россіи, въ первой четверти девятнадцатаго вѣка, Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій былъ тогда статскимъ совѣтникомъ и начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по части государственнаго благоустройства. Какъ человѣкъ необыкновеннаго ума и способностей, получившій отличное образованіе въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, лучшимъ въ то время учебномъ заведеніи, Магницкій пользовался особеннымъ благорасположеніемъ и покровительствомъ О. П. Козодавлева и М. М. Сперанскаго, употреблявшихъ его въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

По части дипломатической весьма замѣчательнымъ обстоятельствомъ было назначеніе посла къ новому вестфальскому королю Иерониму Бонапарту: мѣсто это занялъ генералъ-майоръ князь Николай Григорьевичъ Рѣпинъ, между-тѣмъ какъ князь А. Б. Куракинъ, въ началѣ 1809 года оставилъ Вѣну, потому что отношенія Россіи и Австріи доходили до разрыва. вмѣсто Куракина, въ Вѣнѣ остался только повѣренный въ дѣлахъ, статскій совѣтникъ баронъ Иванъ Осиповичъ Анстеть.

1810 годъ былъ обилень перемѣнами. Государственный Совѣтъ получилъ окончательное устройство, съ назначеніемъ предсѣдателемъ его графа Н. П. Румянцева, уже возведеннаго въ званіе государственнаго канцлера, вскорѣ по заключеніи мира съ Швеціей, въ Фридрихсгамбѣ. Совѣтъ раздѣленъ былъ тогда на четыре департамента, съ особымъ предсѣдателемъ въ каждомъ. Въ первомъ департаментѣ, *законовъ*, назначенъ предсѣдателемъ графъ П. В. Завадовскій; во второмъ, *военномъ*, графъ Аракчеевъ; въ третьемъ, *дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ*, князь П. В. Лопухинъ; въ четвертомъ, *государственной эколоміи*, Н. С. Мордвиновъ, знаменитый патриотъ, ревнитель славы отечества и его просвѣщенія. Въ министерствахъ также произошла перемѣна. Морскимъ министромъ назначенъ адмиралъ маркизъ Иванъ Ивановичъ Траверсе, министромъ просвѣщенія графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, министромъ финансовъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (тогда еще не графъ), военнымъ — генералъ-

отъ инфантеріи М. Б. Барклай-де-Толли, юстиція — знаменитый писатель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, бывший тогда въ чинѣ тайнаго совѣтника. При Дмитріевѣ былъ секретаремъ сатирической поэты Михайло Васильевичъ Милоновъ. — М. М. Сперанскій, уже тайный совѣтникъ, назначенъ государственнымъ секретаремъ и директоромъ комиссіи о составленіи законовъ и остался товарищемъ министра юстиціи. Покровительствомъ М. М. Сперанскаго, М. Л. Магницкій произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и переведенъ въ государственную канцелярію, съ назначеніемъ статсъ-секретаремъ въ департаментъ законовъ. Въ комиссію прошеній определенъ предсѣдателемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ. Главное управленіе водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній совершенно преобразовано; главнымъ директоромъ назначенъ Его Императорское Высочество Принцъ Георгій Голштейнъ-Ольденбургскій, супругъ Великой Княгини Екатерины Павловны. Первымъ членомъ совѣта управленія былъ гениальный инженеръ-генералъ Францъ Павловичъ Деволантъ. Генералъ-майоръ, получившій званіе генералъ-адъютанта, А. Д. Балашевъ исправлялъ, въ 1809 и 1810 годахъ должность санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора и оберъ-полицеймейстеромъ былъ генералъ-майоръ Петръ Аванасьевичъ Пашковъ, человекъ весьма замѣчательный, оставившій по себѣ благодарную память своимъ прямодушіемъ, строгій съ благостителями порядка и снисходительный къ гражданамъ. Онъ оставался не долго на мѣстѣ, и въ 1810 году назначенъ санктпетербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ генералъ-майоръ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ (впослѣдствіи графъ, генералъ-адъютантъ и генералъ отъ кавалеріи). Главнокомандующимъ въ Грузіи на мѣсто графа И. В. Гудовича, назначенъ въ 1810 году, генералъ отъ кавалеріи Александръ Петровичъ Торшасовъ. Это измѣнило судьбу мою, потому что я намѣревался проситься въ Грузію, подъ начальство родителя, благосклоннаго ко мнѣ нашего полковника, графа А. И. Гудовича.

Къ замѣчательнымъ измѣненіямъ по военной части принадлежитъ переименованіе финляндскаго батальона въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ, котораго командиромъ назначенъ генералъ-майоръ Андрей Андреевичъ Трошинскій. Генералъ-майоръ графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, отличившійся личною храбростію и умными распоряженіями-

ми въ финляндскую войну, назначенъ командиромъ лейбъ-казацкаго полка (послѣ генералъ-маіора Черновубова). Графъ Орловъ-Денисовъ, покрывшійся славою въ войнахъ 1808, 1812, 1818 и 1814 годовъ, человѣкъ весьма замѣчательный не одними военными подвигами и храбростію: онъ былъ искреннимъ любителемъ просвѣщенія и литературы. Прежде на Дону туждались школьнаго образованія, и графъ В. В. Орловъ-Денисовъ, сынъ войсковаго атамана Орлова и внукъ знаменитаго Федора Петровича Денисова, возведеннаго Императоромъ Павломъ, за заслуги, въ графское достоинство, вступивъ въ службу на двѣнадцатомъ году отъ рожденія, не зналъ ничего, кромѣ русской грамоты. Будучи уже войсковымъ старшиною и находясь въ Петербургѣ, графъ Василій Васильевичъ, получая скудное содержаніе отъ богатыхъ своихъ родителей, началъ учиться въ частномъ пансіонѣ (на Кирочной Улицѣ, близъ Аннинской Лютеранской Церкви), вмѣстѣ съ другими воспитанниками, прошелъ весь курсъ школьный и изучилъ языки французскій и нѣмецкій. Примѣръ единственный благородной страсти къ образованію! Державинъ любилъ графа В. В. Орлова-Денисова, и узнавъ, что онъ не въ состояніи платить учителямъ на дому, посоветовалъ ему вступить въ пансіонъ, сказавъ, что *учиться никогда и нигдѣ не стыдно*. Графъ В. В. Орловъ-Денисовъ былъ удивительный красавецъ и притомъ самый добродушный и благородный человѣкъ. Всѣ любили и уважали его. Память храбраго воина, любителя просвѣщенія—священна! Графъ Витгенштейнъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а полковнымъ командиромъ лейбъ-гусарскаго полка назначенъ генералъ-маіоръ Иванъ Егоровичъ Шевичъ. Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ назначенъ командиромъ лейбъ-гренадерскаго полка. Командиромъ лейбъ-егерскаго полка сдѣланъ полковникъ (скончавшійся въ чинѣ генерала отъ инфантеріи) Карлъ Ивановичъ Бистромъ, прославившійся отчаянною храбростію въ отечественную войну. Онъ также былъ страстнымъ любителемъ литературы, какъ свидѣтельствуемъ биографъ его, господинъ Лукьяновичъ. Нынѣшній фельдмаршалъ графъ Эриванскій и князь Варшавскій, Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, произведенъ въ этомъ году въ полковники, а графъ (нынѣ князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ въ генералъ-маіоры. О нихъ я буду говорить въ свое время и докажу ихъ искреннюю любовь къ просвѣщенію и литературѣ.

Нынешній директоръ войскъ императорскихъ театровъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Гедерноръ, который такъ усердно и неукрѣнно покровославствуетъ русскую драматургію, былъ въ это время переселенъ изъ свиты Его Императорскаго Величества, на чинъ подпоручика, въ кадетскій полкъ. О нѣкоторыхъ урокахъ здѣсь дѣлахъ я буду говорить еще въ своей мѣстѣ; о другихъ умолчу, подчиняясь латинской пословицѣ «de mortuis aut bene aut nihil».

Большая часть численныя мною лица, дѣйствующія въ это время на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, уже дожились въ могилѣ; нѣкоторые доживаютъ свои дѣти, и только немногіе бывшіе тогда въ молодыхъ лѣтахъ, еще дѣйствуютъ. Многіе изъ людей новаго поколѣнія, которые тогда или вовсе не родились, или были въ дѣтствѣ, или еще не служили и не дѣйствовали, набирая все выставляемое мною мнѣніе и удѣляясь самолюбіемъ, могутъ быть, спросить: что же сдѣлали эти люди? Сдѣлали много, а вакцій, идее ирѣ дѣлѣ дѣхъ въ томъ, что если вы починаете чинить, прою эпоху лучшую, то люди предшествовавшей эпохи приготовили ее для васъ. Скажу безпристрастно, что вся предшествовавшая эпоха была приготовительная, то въ ней, много было несовершеннаго. Медъ не сладокъ, пока пчелы не окончатъ работы. По гражданской части все преобразовывалось къ лучшему, по новымъ планамъ; но исполненіе маленкаго порученія людямъ, привыкшимъ къ вѣчному царству, и каренныхъ образованныхъ чиновниковъ было немнога, до указа Императора Александра II августа 1809 года, до умноженія университетовъ и робота до облегченія средствъ къ приобряденію необходимыхъ къ государственной службѣ познаній. Профессорскія учрежденія можно скоро создать, но способныхъ людей создать нельзя. На это чалобно много времени. Палачіе, оштрафованные дѣльцы и лѣвѣе крѣпосторцы, возмущенные въ канцелярствѣ, брали вѣтки съ правого и съ виноватаго, и грабѣли казну тогда только могли. По нашему фамильному процессу я имѣю случай въ этомъ удостовѣриться! Постѣжки провинціальныхъ чиновниковъ тою времени засвидѣтельствованы исторіей. Въ тамонахъ, при откунахъ, подрядахъ было еще хуже. Дѣны всѣмъ приближеннымъ мѣстамъ были известны. Странно,

* См. Описание войнъ 1806, 1807, 1809 и 1810 годовъ, соч. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.

иногда: возмездные толки, что: сурово въчинять, и я не могъ бы оставить нѣсколько толковъ изъ однихъ злодѣежь о прѣдѣлахъ предѣлилъ, которые тогда всѣмъ были извѣстны, потому что дѣлались ясно. Въ мѣсяцъ «Иванъ Васильевичъ» я пообразилъ только тѣмъ прѣдѣлу времени. Не кому распространяться въ численности злоупотребленій; скажу только, что между тѣмъ какъ блегонамѣренныя и привадушныя начальники: вѣдоваши всѣ свои силы и средства для прѣсѣченій и искорененія злоупотребленій, нѣкоторые смѣтрѣли на нихъ равнодушно, а другіе даже сами пользовались спонсорствомъ и обогащались! Спрашиваю: какими средствами можно шажить на службѣ пять, десять, пятнадцать, двадцать тысячъ душъ крестьянъ? Какъ можно скопить миллионы? А прѣдѣломъ много! Не поднимаетъ землем. И за «Ивана Васильевича» меня чуть не заключали, и теперь еще иногда видноты, — а еслибъ я рассказала сегою доме того, что знаю, хоть безъ имени, то принялась бы или улетѣла въ мѣсяцъ, или скрылась въ лѣсу! Важнѣйшое заикомъ злоупотребленій было и есть распространеніе злоупотребителями мѣствъ, что деловитая безчестна! А развѣ прѣдѣла не обявляють насъ изъ роду? Если не боимся поимать вечнаго вора и разбойника, то нѣтъ намъ боя, что даже почтено уклады лѣно и армокаша/вентуринка; похитителя: казны или прѣдѣлоху, измѣна: каго: свои: вѣдѣла изъ дѣлъ общественныя. Но надобно деловитая! А шажеть ли частный человекъ средства изъ прѣдѣлоху съидствія и подкрѣпленія улитъ свидѣтелями! Во Франціи генералъ-прокурору прѣдоставлено право посѣдѣть въ судѣ пѣлоху, если общее мѣствіе указываетъ на него. И у насъ были прокуроры и: странце для той же шѣла, но они были безвольны. Не даромъ существуетъ пословица: «рука руну мѣстѣ!»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда не было такого много: прѣдѣлоху, образованныхъ, честныхъ и безчестныхъ чиновниковъ, какъ нынѣ въ министерствахъ и въ вѣдѣлахъ прѣдѣлоху мѣствъ, и что теперь прѣдѣлоху не лучше шажуть въ канцеляріяхъ тѣмъ насали прѣдѣлоху, и тѣмъ шажуть въ нѣкоторыхъ нѣнѣннннхъ журнѣлахъ. Справедливо и то, что теперь чиновники ведутъ себя скромнѣе, прѣдѣлоху. Но и то правда, что въ тогдашннхъ образованныхъ кругѣ, въ молодости было болѣе жизни, болѣе энергіи, болѣе стремленія къ высокому, болѣе рыцарства, и что па-

триотизмъ въ юности окрѣлоу была любовью къ слову и къ умственнымъ усилкамъ. Всѣ молодые люди, получившіе образованіе, особенно военные, читали, слушали, разсуждали, а видя благое направленіе правительства, радовались и благословляли его. Направленіе къ лучшему было очевидное, такъ сказать осязаемое, и только загрубѣло невѣжество и любостыжаніе ронтали, какъ вонять гады при осушеніи болота. Мы не читали Пушкина и Грибоедова, но прекрасное дарованіе В. А. Жуковскаго было тогда въ полномъ своемъ развитіи, и мы читали Державина, Карамзина, Дмитріева, Озерова, князя Шаховскаго, Д. В. Давыдова. Крыловъ началъ въ это время писать свои басни, а Батюшковъ свои изящныя стихотворенія. Никогда не занимались такъ усердно очищеніемъ и воодѣлываніемъ языка, какъ въ это время. Если бѣ нынѣшніе литераторы изучали труды Шлишкова, Востокова, Соколова, Борна, Никольскаго, Мерзлякова, то не писали бы такихъ дикимъ слогомъ и такимъ неказистымъ языкомъ. Какой изъ нынѣшнихъ журналовъ можетъ сравниться съ «Вѣстникомъ Европы», основаннымъ Карамзинимъ въ 1802 году, и издаваемымъ въ 1808, 1809 и 1810 годахъ В. А. Жуковскимъ вмѣстѣ съ М. Т. Каченовскимъ! Литературныя общества, въ которыхъ литераторы читали свои сочиненія, сперва между собою, а потомъ при собраніи публички, распространяли вкусъ и любовь къ литературѣ, и что весьма важно, сближали литераторовъ. Въ обществахъ *санктпетербургскомъ любителей словесности, науки и художества* (основанномъ въ 1803 году) и въ *бесѣдѣ любителей русскаго слова*, имѣвшей свои засѣданія въ домѣ основателя (въ 1810 году), знаменитаго Державина, встрѣчались литераторы, находили одобреніе или благонамѣренную критику своихъ сочиненій, а въ публичныхъ собраніяхъ дѣлались извѣстными лучшему обществу столицы. Въ Москвѣ, въ Казани, въ Харьковѣ также были общества словесности, исторіи и наукъ, и дѣлительному уму нельзя было ни дремать, ни соврацаться съ истинаго пути. Благородное соревнованіе одушевляло всѣхъ любителей литературы и возбуждало къ дѣятельности всѣхъ имѣвшихъ призвы къ ней.

Но кто болѣе всѣхъ обращалъ на себя вниманіе на гражданскомъ поприщѣ, кто болѣе всѣхъ дѣйствовалъ и произвелъ изъ всѣхъ сподвижниковъ Императора Александра въ великомъ подвигѣ преобразованій и усовершенствованій? Это, безъ всякаго сомнѣнія, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. О

ница тогда вседѣ и всѣ говорили, имъ болѣе всѣхъ занима-
лись. Сообщаю о немъ что знаю, отъ его рожденія до кончи-
ны. Теперь можно говорить о немъ откровенно и справедли-
во. Если на могилѣ заслуженнаго мужа не высказать прав-
ды, то ужъ лучше отречься отъ нея!

М. М. Сперанскій родился въ 1771 году и происходилъ
изъ духовнаго званія. Онъ былъ сынъ священника, владимір-
ской губерніи и уѣзда, села Черкутина. Первоначальное об-
разование получилъ онъ во владимірской семинаріи. Фамилія
отца Михаила Михайловича Сперанскаго была *Грамотинъ*,
но въ семинаріи дано ему названіе Сперанскаго (отъ латин-
скаго слова spes, надежда, sperans, надѣящійся), по необык-
новеннымъ его успѣхамъ въ наукахъ, по способностямъ и
характеру, возбуждавшимъ въ профессорахъ большія надеж-
ды насчетъ будущей судьбы ихъ питомца. Они не обману-
лись въ своихъ надеждахъ. Мы имѣемъ многіе примѣры пе-
ремѣны фамилій въ семинаріяхъ. Образование свое М. М. Сперанскій кончилъ въ С. Петербургской Александро-Невской
Духовной Академіи. Онъ изучилъ основательно въ школахъ
языки латинскій и греческій, а современнымъ языкамъ, нѣ-
мецкому, англійскому и французскому, обучался у частныхъ
учителей, на собственный счетъ, уже занимая въ Академіи
званіе профессора словесности, а потомъ и математики, къ
которой онъ имѣлъ непреодолимую склонность. Когда я, од-
нажды, спросилъ М. М. Сперанскаго, почему онъ предпо-
челъ математику другимъ наукамъ, онъ отвѣчалъ мнѣ, съ
своею обыкновенною, услаждавшею душу улыбкою: «потому
что положительныя истины только въ одной математи-
кѣ». Я никогда не смѣлъ его о томъ разспрашивать, какимъ
образомъ онъ вошелъ на поприще гражданской службы, и
оставилъ ученое званіе. Извѣстно однако жъ, что онъ препо-
давалъ уроки въ домѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина,
занимавшаго важную должность при генералъ-прокурорѣ
князѣ Вяземскомъ. Князь Куракинъ, часто разговаривая съ
профессоромъ, былъ очарованъ его глубокими и разнообраз-
ными познаніями и возвышенными идеями и предложилъ
ему мѣсто частнаго своего секретаря, которое М. М. Сперан-
скій принялъ охотно. Когда, при восшествіи на престолъ
Императора Павла Петровича, князь А. Б. Куракинъ произ-
веденъ было въ генералъ-прокуроры, онъ немедленно пред-
ложилъ М. М. Сперанскому перейти въ гражданскую службу
(въ 1797 году), подъ его начальство. Сперанскій былъ тогда

не двадцать шестому году вѣрско. Необыкновенныя дарованія, глубокія познанія и ясное, широкое и полезное видѣніе дѣлъ, поручаемыхъ Сперанскому, одѣлали его въскорѣ важнѣйшимъ всѣмъ лицамъ, занимающимъ важныя должности. Онъ занималъ мѣсто секретаря при трехъ генераль-прокурорахъ, князѣ А. Б. Куракинѣ, Беклеушевѣ и Обольдинѣ, и дослужился въ этомъ званіи до чина статскаго совѣтника. Всѣхъ лучше оцѣнилъ его графъ Викторъ Павловичъ Кочубей. При вошествіи на престолъ Императора Александра, Сперанскій, въ 1801 году, на тридцатомъ году отъ рожденія, будучи уже статскимъ совѣтникомъ, назначенъ статсъ-секретаремъ въ Государственномъ Совѣтѣ, не имѣвшемъ тогда никакого опредѣленнаго устройства. Я слышалъ, что графъ В. П. Кочубей ходатайствовалъ за Сперанскаго и просилъ о назначеніи его на это мѣсто. Почти всѣ важныя государственныя акты, вышедшіе въ свѣтъ до 1812 года, написаны Сперанскимъ. При образованіи министерствъ, въ 1802 году, Сперанскому Высочайше поручено было составить планъ надзоромъ графа В. П. Кочубея, перваго министра внутреннихъ дѣлъ, планъ устройства этого министерства. Этотъ планъ долженствовалъ служить образцемъ для всѣхъ другихъ министерствъ. Сперанскій исполнилъ порученіе съ величайшимъ успѣхомъ, и доказалъ свои глубокія познанія въ дѣлѣ государственнаго управленія. Годовые отчеты министерства внутреннихъ дѣлъ, составляемые Сперанскимъ и печатаемые въ *С. Петербургскомъ Журналѣ*, имѣ учрежденномъ и издававшемся при этомъ министерствѣ (съ 1804 до конца 1809 года), обратили на себя вниманіе не только всей Россіи, но и всей Европы, въ которой они сдѣлались извѣстными по сочиненію академика Шторха: *Russland unter Alexander I* (то есть, Россія при Александрѣ Первомъ). Кроме высокыхъ идей и выраженія благаго направленія правительства, заключающихся въ этихъ отчетахъ, они, равно какъ и всѣ статьи *С. Петербургскаго Журнала*, были и навсегда пребудутъ образцами канцелярскаго слога, какимъ должны писаться офиціальныя бумаги въ государствѣ просвѣщенномъ. *С. Петербургскій Журналъ* составляетъ эпоху не только въ русской администраціи, но и въ русской письменности; онъ произвелъ самое благодѣтельное вліяніе во всѣхъ отрасляхъ управленія. Въ 1803 году, Государь поручилъ Сперанскому, также чрезъ графа В. П. Кочубея, составленіе плана образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ

решенія, что неслыханно для прусскаго. Хотя проекты разнородны: война и не приведены въ исполненіе, въ ожиданіи общаго преобразованія. Узнавъ способности Сперанскаго, Императоръ Александръ назначилъ его товарищемъ министра юстиціи и директоромъ комиссіи о составленіи законовъ и прибавилъ его къ Своей Особѣ (въ 1808 году). Государь поручилъ ему обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія и передавалъ ему всѣ поступающіе къ Нему проекты по этому предмету. Въ концѣ 1806 года, Сперанскій сталъ уже весьма близкимъ къ Государю лицомъ. Государь Императоръ самъ прилежно занимался дѣлами, и проводилъ цѣлыя вечера съ Сперанскимъ въ своемъ кабинетѣ, въ чтеніи различныхъ сочиненій, относящихся къ государственному устройству и управленію и, наконецъ, поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія, по собственнымъ своимъ идеямъ. Планъ былъ составленъ и Государь, разсмотрѣвъ его подробно, вознамѣрился привести его въ дѣйствіе по частямъ, чтобъ не вдругъ всенепровергнуть, основываясь на одной теоріи. Изъ этого плана приведены въ исполненіе образованіе государственнаго совѣта, устройство министерствъ и уставъ каждаго изъ нихъ, съ опредѣленіемъ порядка ихъ сношеній между собою, и вслѣдствіе этого же плана учреждены два новыя министерства: полиціи и государственнаго контроля. Преобразование Правительствующаго Сената и другія важныя мѣщенія въ управленіи остались неисполненными. Въ комиссіи о составленіи законовъ, Сперанскій составилъ двѣ части гражданскаго уложенія и внесъ ихъ въ совѣтъ. Третья часть, заключавшая въ себѣ коммерческій уставъ и уголовное право, требовала только отдѣлки. Въ этомъ трудѣ Сперанскій не имѣлъ ни одного помощника и все составилъ одинъ, не обращая ни какого вниманія на представленные ему проекты господиномъ Розенкампомъ и другими. По покореніи Финляндіи, Сперанскому поручено было управленіе этого края и новое его устройство, и въ то же время онъ былъ назначенъ канцлеромъ абовскаго университета (нынѣ гельсингфорскаго), который навсегда будетъ помнить заслуги Сперанскаго, исходатайствовавшаго отъ щедротъ Государя Императора умноженіе его доходовъ и другія важныя преимущества. Въ то же время Сперанскому дано порученіе преобразовать всѣ духовныя училища въ Россіи, и устроить прочее ихъ управленіе, что исполнено имъ съ величайшею

мудростью. Но важнейшій трудъ Сперанскаго—это нововведе-
 ние финансовой системы. Въ концѣ 1809 года, ассигнаціи на-
 чали упадать въ курсѣ, и въ смѣтѣ на 1810 годъ представ-
 лены были недостатокъ въ сто-пять миллионъ рублей. Вой-
 ны истощили казну, а необходимость быть готовымъ къ
 новой войнѣ требовала скорой помощи. Положеніе финан-
 совъ безпокоило Государя Императора. Всѣ представленныя
 Государю планы заключались въ умноженіи ассигнацій! Им-
 ператоръ Александръ поручилъ, наконецъ, Сперанскому со-
 ставить планъ къ прикрытію издержекъ и возстановленію
 кредита. Планъ Сперанскаго основывался на четырехъ нача-
 лахъ. Онъ предложилъ: 1) Прекратить выпускъ ассигнацій,
 и для убѣжденія въ этомъ народа, сдѣлать эту мѣру глас-
 ною. 2) Уменьшить число ассигнацій учрежденіемъ капита-
 ла погасительнаго и прочнаго, посредствомъ увеличенія на-
 логовъ. 3) Учредить постоянные доходы для покрытія го-
 сударственныхъ расходовъ, опредѣлить съ точностью расхо-
 ды, сократить и привести въ порядокъ издержки. 4) Под-
 вергнуть всѣ смѣты министерствъ контролю Государствен-
 наго Совѣта, а всѣ издержки контролю государственному.
 Планъ этотъ хотя былъ одобренъ Государемъ Императо-
 ромъ и Государственнымъ Совѣтомъ, но не былъ исполненъ
 во всѣхъ своихъ частяхъ самыми исполнителями, Однако жъ,
 онъ принесъ величайшую пользу, и приноситъ ее до-сихъ-
 поръ предварительнымъ разсматриваніемъ смѣтъ и послѣдо-
 вательною повѣркою издержекъ въ государственномъ контро-
 лѣ, который былъ страшенъ при покойномъ баронѣ Бальта-
 зарѣ Бальтазаровичѣ Кампенгаузенѣ (государственномъ кон-
 тролерѣ), человекѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельно-
 стью, безпристрастіемъ и правдивостью.

Со вступленія своего на поприще гражданской службы, съ
 1797 по 1812 годъ, то есть въ теченіе пятнадцати лѣтъ Сперанскій достигнулъ до важнаго званія государственнаго се-
 кретаря, былъ тайнымъ совѣтникомъ, александровскимъ ка-
 валеромъ, и что всего драгоцѣннѣе, пользовался милостью и
 довѣренностью Государя Императора. Но между-тѣмъ, какъ
 онъ, по волѣ и по мыслямъ Государя, работалъ неутомимо,
 подъ нимъ копали пропасти, въ которую наконецъ онъ обру-
 шился.

Всѣмъ извѣстно, что самыя благодѣтельные нововведенія
 находятъ всегда и вездѣ множество порицателей, и что каж-
 дое частное лицо, вышедшее изъ своей сферы въ высшій

крутъ своими личными достоинствами и заслугами, должно имѣть завистниковъ, слѣдовательно и враговъ. Это ведется вездѣ на свѣтѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ люди образовали гражданскія общества. Даже самый скромный умъ, чуждый всякаго честолюбія, имѣеть непримиримыхъ враговъ, если дерзнетъ выглянуть на свѣтъ, а клевета старается предварительно заградить ему путь къ высотѣ. Какъ же можно было Сперанскому не имѣть враговъ! Всѣ нововведенія и всѣ проекты приписывались ему. Указъ шестаго августа 1809 года воспламенилъ противъ него ненавистью всѣхъ чиновниковъ, для честолюбія которыхъ предѣлъ назначался только до чина титулярнаго совѣтника. А для перешедшихъ за эту черту, прежде изданія указа, только до чина коллежскаго совѣтника. Высшее прохожденіе чиновъ назначалось только людямъ, посвященнымъ въ таинства наукъ! — Спрашиваю, чего болѣе въ каждомъ государствѣ: невѣжества или просвѣщенія? Цѣлыя легіоны чиновниковъ, съ чадами и домочадцами, вопіяли противу Сперанскаго, и обновляли свою злобу при каждомъ производствѣ образованнаго товарища. Мало того что всѣ вопіяли, были и такіе, которые разсѣвали клеветы, и во всемъ, едва ли не въ дурной погодѣ или повальной болѣзни, обвиняли Сперанскаго. Купцы приписывали ему упадокъ торговли, происшедшій въ слѣдствіе континентальной системы, вѣря мнимою его приверженности къ Наполеону. Учрежденіе контроля также надѣлало ему непримиримыхъ враговъ, а главная причина самой опасной для Сперанскаго вражды — это была милость и довѣренность къ нему Государя, передававшего на его обсужденіе многіе представляемые ему бумаги и доклады, и требовавшего часто откровеннаго мнѣнія о дѣлахъ и лицахъ. Собрано было все, чтобъ очернить характеръ Сперанскаго, и представить его человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Его скромность и ласковость называли притворствомъ и лицемеріемъ; искреннюю душевную его вѣжливость и снисходительность именовали умысленною вкрадчивостью; его планы къ улучшенію всѣхъ частей государственнаго устройства — средствами къ возбужденію негодованія въ народѣ противу правительства, въ пользу Наполеона, высоко цѣнившего его достоинства. Набожность Сперанскаго, твердую, потому что она была основана на высшей философіи, называли ханженствомъ. Выводимый часто изъ терпѣнія, Сперанскій иногда смѣло и правдиво отзывался о нѣкоторыхъ лицахъ — и это названо было злонамѣренностью,

а сужденія его о недостаткахъ прокинулъ серию воединическихъ фразъ, дочитаемыя были явобшествомъ.

Не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они уже всё въ могилѣ, тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрывала! Добрыя и злыя дѣла остаются, и громко возопиють въ потомствѣ!

Сперва Сперанскій былъ удаленъ въ Нижній-Новгородъ, въ которомъ онъ прожилъ спокойно шесть мѣсяцевъ. Когда Французы заняли Москву, Сперанскому назначенъ для жительства городъ Пермь, въ 1500 верстахъ отъ Москвы. Эта мѣра огорчила его, потому что она нѣкоторымъ образомъ подтверждала подозрѣніе о сношеніяхъ его съ врагомъ отечества, отдѣляла отъ малаго числа друзей, оставшихся ему вѣрными въ несчастьи, и поставляла въ затрудненіе на счетъ издержекъ при его ограниченномъ состояніи. Но онъ вскорѣ утѣшился, удостовѣрясь, что Императоръ Александръ, котораго онъ обожалъ, помнитъ о немъ, потому что онъ назначилъ ему значительную пенсію. Въ Перми Сперанскій провелъ все время отечественной войны, а въ январѣ 1813 года, осмѣлился написать къ Государю письмо, въ которомъ изложилъ вкратцѣ всё свои дѣйствія, и опровергая клевету, просилъ изслѣдовать доносы, а между-тѣмъ позволить ему провести остатокъ жизни въ забвеніи, въ имѣніи жены * его, въ деревнѣ Великопольѣ, въ восьми верстахъ отъ Новгорода.

* М. М. Сперанскій женатъ былъ на Англичанкѣ, дѣвицѣ Стюэнсъ (Stowensa), которой мать была воспитательницею дѣтей графа Андрея Петровича и Катерины Петровны Шуваловыхъ. Одна изъ питомицъ ея, графиня Прасковья Андреевна, вышла замужъ за князя Михаила Андреевича Голицына, а другая, графиня Александра Андреевна, за князя Франциска Дитрихштейна. Дѣти княгини П. А. Голицыной, урожденной графини Шуваловой, служатъ съ честью въ генеральскихъ чинахъ, пользуются общюю любовью и уваженіемъ. Князь Андрей Михайловичъ Голицынъ, генераль-лейтенантъ, облеченъ нынѣ въ важное званіе витебскаго, моголевскаго и смоленскаго военнаго губернатора, а князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, генераль-майоръ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Супруга М. М. Сперанскаго, воспитанная въ семействѣ, отличавшемся всеми похвальными качествами души и ума, была образцемъ кротости, ласковости и всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, но жила не долго. М. М. Сперанскій никогда не могъ утѣшиться въ этой невозвратной потерѣ, и хотя ему, въ послѣдствіи, предлагали многія выгодныя партіи, онъ, въ уваженіе къ памяти покойной жены и въ любви къ дочери, остался вдовцемъ.

Императоръ Александръ послалъ съ дочерью своею *, чтобъ мы въѣхавъ получили въ руки Государя.

Государь Императоръ дозволилъ ему жить въ имѣньи женской оной; обещан при первой возможности рассмотреть дѣло и все бумаги, оставшіяся въ кабинетѣ Сперанскаго.

М. М. Сперанскій съ необыкновеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о пребываніи своемъ въ Великонолѣ. «Тамъ нашелъ я наконецъ тихую пристань, послѣ бурнаго плаванія», сказывалъ онъ мнѣ однажды. «Исполнивъ долгъ мой Государю и отечеству, но совѣсти и крайнему разумѣнію», продолжалъ онъ, «я наконецъ могъ жить для себя и для моего семейства, быть полнымъ хозяиномъ моего времени, заниматься тѣмъ, что составляло мою радость и услажденіе, не зная ни какого принужденія. Я самъ давалъ уроки моей дочери, кончилъ и пересмотрѣлъ переводъ мой: *О подражаніи Іисусу Христу, сочиненіе Фомы Кемпійскаго*, начатый еще въ Перми, и до того читался Тацита, что почти выучилъ его наизусть. Все изученное, прочитанное и написанное мною въ теченіе всей моей жизни, я, такъ сказать, уложилъ въ порядкѣ въ моей памяти, и составилъ выводы (результаты). Я былъ совершенно спокоенъ; въ убѣжденіи, что Государь помнитъ обо мнѣ, что истина непременно обнаружится и проникнетъ въ общее мнѣніе, и что оно, наконецъ, перестанетъ быть мнѣ враждебнымъ». Такъ и случилось! Въ 1816 году (въ августѣ), послѣдовалъ именной указъ, въ которомъ Императоръ Александръ, назначая Сперанскаго пензинскимъ гражданскимъ губернаторомъ, оправдалъ его предъ Россією и Европою, сказавъ въ указѣ, что, получивъ важные доносы въ то самое время, когда отправлялся въ армію, онъ не могъ рассмотреть ихъ съ надлежащею точностью, и, по важности обвиненій, благоразуміе требовало удалить отъ дѣлъ обвиненнаго; но что по произведенному слѣдствію, обвиненія оказались неосновательными. Этого было довольно, и хотя званіе губернатора не соответствовало занимаемымъ имъ до его удаленія мѣстамъ, Сперанскій принялъ его съ благодарностью, сожалея только о своемъ тихомъ убѣжищѣ. Въ то же время Государь пожаловалъ ему 7,000 десятинъ земли. Правосудіемъ, безкорыстіемъ, снисходительностью и ласковостью своею Сперанскій приобрѣлъ безпредѣльную любовь

* Елисаветою Михайловною, бывшею въ замужствѣ за сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Александромъ Васильевичемъ Фроловымъ-Багрѣвымъ.

и глубокое уваженіе жителей всѣхъ сословіи новопришедшей губерніи—и управленію его назвали золотымъ столпомъ. Въ 1819 году, Императоръ Александръ назначилъ Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ и председателемъ двухъ комиссій. Первая должна была изслѣдовать, законнымъ порядкомъ, всѣ злоупотребленія, которымъ Сибирь подвергалась въ прежнее управленіе, а вторая комиссія должна была составить планъ для управленія этой обширной страны, населенной различными народами. М. М. Сперанскій назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ послѣ тайнаго совѣтника Ивана Борисовича Пестеля, и послѣ отрѣшенія отъ должности извѣстнаго иркутскаго гражданскаго губернатора, Николая Ивановича Трескина.

М. М. Сперанскій оставилъ по себѣ незабвенную память въ Сибири. Онъ былъ достойнымъ представителемъ мягкосердія Императора Александра, его правосудія и любви къ народу. Пока будетъ существовать Сибирь, до тѣхъ поръ будутъ тамъ вспоминать съ умиленіемъ о Сперанскомъ, какъ объ ангелѣ-хранителѣ, ниспосланномъ самимъ Богомъ, внушившимъ своего помазанника. Я самъ видѣлъ, и неоднократно, слезы Сибиряковъ при произнесеніи имени Сперанскаго! Каждый Сибирякъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, ходилъ къ Сперанскому, какъ къ отцу, чтобъ взглянуть на него и услышать звуки его голоса. Это была отрада для каждаго! Представитель правительства, возбуждая къ себѣ общую приверженность и довѣренность при исполненіи своихъ обязанностей, оказываетъ правительству величайшую услугу, заставляя любить его.

Въ два года Сперанскій изъѣздилъ всю Сибирь, чтобъ узнать нужды и средства края, познакомиться на мѣстѣ съ образомъ жизни, промыслами жителей и управленіемъ, и наконецъ, въ 1821 году, составилъ планъ управленія Сибири, который приведенъ въ дѣйствію, подъ именемъ *сибирскаго уложенія*. Характеристическое достоинство этого уложенія состоитъ въ томъ, что въ немъ не забыты нужды и отношенія всѣхъ сословіи народа, отъ дикихъ инородцевъ, коренныхъ жителей Сибири, до богатыхъ гражданъ и чиновниковъ.

Въ 1821 году, Сперанскій призванъ былъ въ Петербургъ. Въ девять лѣтъ его отсутствія изъ столицы все переменялось! Клевета была забыта, и заслуги Сперанскаго ярко сияли. Императоръ Александръ принялъ Сперанскаго не только

милостиво, но съ чувствомъ, и Михаилъ Михайловичъ, до своей кончины, всегда съ умилеиіемъ вспоминалъ объ этомъ свиданіи. «Я хотѣлъ говорить, изъявить благодарность мою Государю», сказалъ мнѣ Сперанскій, «и не могъ.... взглянуть на него.... и залился слезами! Государь обнялъ меня и сказалъ: забудемъ прошлое. «Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ я, силовъ словъ: я помнилъ всегда и никогда не забуду вашихъ милостей и вашей благодати. Вы человекъ — слѣдовательно могли ошибиться... Императоръ Александръ назначилъ Сперанскаго членомъ Государственнаго Совѣта и членомъ комиссіи о составленіи законовъ, и онъ снова началъ усердно трудиться на пользу общую.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ почтилъ высокія заслуги и достоинства Сперанскаго, поручивъ ему исполненіе величайшаго и безсмертнаго подвига своего царствованія — составленіе *Свода Законовъ*, и наградилъ истинно по-царски. Сперанскій производилъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, получилъ Андреевскую ленту, графскій титулъ, обезпеченіе состоянія, а въ знакъ своей довѣренности Государь Императоръ предоставилъ Сперанскому преподаваніе законодательства Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу, Наслѣднику престола.

Всѣмъ любимый и уважаемый графъ Михаилъ Михайловичъ окончилъ земное свое поприще въ январѣ 1839 года, на шестьдесятъ осмомъ году отъ рожденія. Труды и внутреннія страданія разстроили крѣпкое его здоровье. Онъ могъ бы еще долго жить для пользы отечества. Къ общему сожалѣнію, Сперанскій не оставилъ наслѣдника своего имени, которое будетъ ярке сіять въ умственной части народной русской исторіи!

Сперанскій былъ высокаго роста и отлично сложенъ. Прекрасное лицо его выражало умъ и кротость. Высокое чело его замѣчательно было гениальностью. Звукъ его голоса производилъ какое-то очарованіе, улыбка проливалась въ сердце усладу; кроткій взглядъ его проникалъ въ душу и возбуждалъ къ нему довѣренность. Ничто не могло противостоять его краснорѣчію. Онъ выражалъ свои мысли просто, ясно, кратко, а когда былъ одушевленъ, то озарялъ рѣчь свою лучами поэзіи. Никто не говорилъ по-русски лучше Сперанскаго, и никто не зналъ такъ основательно письменнаго языка.

какъ онъ. Въ каждой-оной работѣ онъ былъ правительственный математикъ. Вся жизнь основаніе, несомненно, съ труда, и потому выгода и замалованіе ясна. Не знаю, могли ли быть челоѣкъ съ лучшимъ сердцемъ, какое было у Сперанскаго. Кто только зналъ его, тотъ его любилъ до обожанія. Никому не сдѣлалъ онъ умышеннаго зла, и, вѣжливостію: прощалъ своимъ врагамъ. Россію Сперанскій любилъ больше, чѣмъ въ мірѣ — и только челоѣчество ставилъ выше отечества, то есть онъ не жалелъ бы, чтобъ слава его основана была на бѣдѣ челоѣческаго рода. Онъ былъ вовсе чуждъ предрасудка, который порождаетъ зависть или недоброжелательство къ иноплеменникамъ или чужезычникамъ племенамъ, оставляющимъ народонаселеніе Россіи. Религіозность его была высокая, и онъ былъ врагъ ханжества и жестокости (intolérance), желая чтобъ каждая религія была создана по своему внутреннему убѣжденію. Сперанскій былъ челоѣкъ истинно европейскій, который бы въ самыхъ просвѣщеннѣхъ странахъ могъ занимать первыя государственныя должности. Даже враги его не могли ничего задумать на счетъ его безкорыстія! Никогда не ссорился: онъ ругалъ своихъ неправыхъ старшихъ. Все, что онъ выигралъ, было даромъ Государей, которымъ онъ служилъ вѣрно и усердно. Не было и не будетъ челоѣка безкорытнѣе и честнѣе Сперанскаго. Государственнымъ трудомъ обвѣстивъ его отъ пріятія дѣятельнаго участія въ общественной литературѣ, которую онъ любилъ страстно, читалъ много, и уважалъ и доскональ изсаводѣй, которыми труды почиталъ святыми. Однако жъ, среди государственныхъ трудовъ, онъ успѣлъ написать и издать: 1) Избранная книга изъ рѣчицъ пророка Омии Кампійскаго, переводъ съ латинскаго. Санктпетербургъ 1819. 2) О подражаніи Иисусу Христу, Омии Кампійскаго, и прочее, переводъ съ латинскаго, 1819, 1821, 1844. 3) Правила вѣснаго краснорѣчія, напечатаны въ 1844 году. 4) Обзорніе историческаго свѣдѣнія о свѣдѣ законности и прочее, 1833 года и 5) Руководство къ познанію законовъ (напечатано въ 1845 году). Последнее сочиненіе есть прекрасный урочекъ, который преподавалъ М. М. Сперанскій Его Высочеству Цесаревичу, такъ сказать его собственнаго тетрадь, по которой онъ развивалъ искусство начата, называвшася книгой. Владѣніе М. М. Сперанскаго на русскій языкъ была сильное и благодѣтельное. Н. И. Гречъ, въ Омии красной кнѣ-

дні російскої імператору (дворов. далація, 1822 года, стр. 252) говорить: «Образами дипломатическаго слога могутъ служить манифесты, указы и другіе важныя акты, издаваемыя самимъ вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Императора (писано при жизни Александра); въ числѣ оныхъ особенно отличаются: манифесты о подтвержденіи правъ дворянства и градскихъ обществъ, о кончинѣ Великой Княгини Александры Павловны, о миліціи 1806 года, и многіхъ другихъ. Въ нихъ нельзя не узнать пера М. М. Сперанскаго, которому сверхъ того литература и христіанское нравоученіе обязаны прекрасными переводами званія *Сынъ Кемальскаго: О водражаніи Исусу Христу*. Примѣры чистаго, правдынаго и благороднаго слога можно найти въ *Салткентербургскомъ Журналѣ* (1804 — 1809), издававшемся при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Всѣ статьи этого журнала, какъ извѣстно, были писаны или пересмотрѣны и переправлены Сперанскимъ,

Нотолько враги, но даже и многіе приверженцы М. М. Сперанскаго упрекали его въ слабости характера. Ложное обвиненіе! Какимъ образомъ человекъ, безъ силы душевной, могъ дойти до такого высокаго званія, безъ всякихъ связей, безъ интригъ, однимъ своимъ достоинствомъ? Въ счастьи Сперанскій не былъ гордъ, и несчастіи претерпѣвъ съ Сократовымъ мужествомъ, никогда не унывалъ и всегда дѣйствуя прямолинейно. Развѣ это не сила характера? Многіе требовали, чтобъ онъ рвался, кричалъ, подавалъ плечи къ обвиненію того, что назалось недостаточнымъ, указывалъ на зло, и тому подобное. Это безпачиство и движеніе нѣкоторыхъ называютъ силою характера. Ложное обвиненіе! Сперанскій, не имѣя на что опереться въ случаѣ неудачи, пришедъ за неизбѣжное правдо, отъ котораго онъ никогда не отступалъ: говорить тогда только, когда его спросятъ, и писать о томъ, что представлялось его сужденію по его званію, или что ему особенно поручено, не вѣшивался въ чужія дѣла. Это вовсе не означаетъ слабости характера, какъ многіимъ кажется, но истинная мудрость. Полагаю даже, что и не должно дѣлать иначе, чтобъ не произошло етолкновеній, недоразумѣній. Пусть только каждый на своемъ мѣстѣ поступаетъ такъ совѣстно и съ такимъ пониманіемъ дѣла, какъ поступалъ Сперанскій — было бы дозволено! Сперанскій былъ въ полной мѣрѣ человекъ добродѣ-

толькой и мудрой, въ жизни общественной и семейной, въ кругу своихъ приверженцевъ, которымъ онъ былъ преданъ душою, и между своими врагами и завистниками, о которыхъ онъ только сожалѣлъ, и никогда даже не помышлялъ о мести. На одно пятно не пало на его свѣтлую, тихую, примѣрную жизнь — и о немъ можно сказать то, что сказалъ Тацитъ объ Агриколѣ :

« Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, fama rerum. Nam multos veterum, velut inglorios et ignobiles, oblivio obruet; Agricola, posteritati narratus et traditus, sempiternus erit. » То есть: « Все, что мы любили и чему удивлялись въ Агриколѣ, живетъ и будетъ вѣчно жить въ сердцахъ, и вѣсть съ памятью дѣлъ его. Многие изъ пользовавшихся въстарину извѣстностью, поглотить въ пучинѣ забвенія, въ безславіи и ничтожествѣ; Агрикола, перенесенный въ потомство повѣствованіями и преданіями — останется безсмертнымъ. »

Я представленъ былъ Сперанскому Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, въ 1823 году, когда я издавалъ «Сѣверный Архивъ». М. М. Сперанскій любилъ отечественную исторію, прочелъ все, что было о ней писано по-русски, по-нѣмецки и по-французски, и составилъ о многихъ трудныхъ и неразрѣшенныхъ вопросахъ исторіи собственные свои мнѣнія. Позволивъ мнѣ навѣщать его, особенно по утрамъ, отъ семи часовъ до десяти, когда онъ не принимался еще за дѣла, и вечеромъ отъ девяти часовъ, Михаилъ Михайловичъ въ нѣсколько посѣщеній моихъ, такъ сказать, проэкзаменовалъ меня. Потомъ онъ всегда принималъ меня ласково, хотя я и не беспокоилъ его часто. Я ходилъ къ нему какъ къ оракулу, для разрѣшенія моихъ сомнѣній о разныхъ предметахъ, за совѣтомъ, а иногда за утѣшеніемъ. Взглядъ его и звукъ голоса дѣйствовали на меня магически. Въ тотъ день, когда я видѣлъ Сперанскаго и слышалъ его голосъ — я былъ счастливъ! Онъ ободрялъ меня въ ратстваніи за историческія истины, за чистоту языка и изящное, почиталъ статьи мои о правахъ полезными — и это придавало мнѣ силу и мужество. Вражда пигмеевъ-гордецовъ, которымъ я не хотѣлъ покориться, казалась мнѣ ничтожною послѣ ласковаго слова Сперанскаго! Мои мысли на счетъ Русской Исторіи, изложенныя въ моемъ сочиненіи: *Россия въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*, были одобрены Сперанскимъ, принимавшимъ живое участіе

въ этомъ моемъ трудѣ. Во многія я прибѣгалъ къ его содѣлать. Исканіе русскаго языка, начавшееся въ журналахъ, и теперь дошедшее до высокой степени безумія, слыша спорнаго Сперанскаго. Не хочу повторять его сужденій на счетъ искаателей, чтобъ не пришлось его споръ мнѣ.

Когда фамильный процессъ мой вошелъ въ Государственный Совѣтъ на разрѣшеніе, въ 1825 году, М. М. Сперанскій жилъ на дачѣ въ Парголово, въ домѣ графовъ Шува洛夫ыхъ, которыхъ онъ былъ почитателемъ. Противу меня была сила. Я явился къ М. М. Сперанскому, и сказалъ только: «Защитите!» — «Любезный другъ, отвѣчалъ мнѣ Сперанскій: если вы правы, я буду защищать васъ всѣми зависящими отъ меня средствами, а если не правы, то искренно пожалѣю о васъ — и буду противу васъ. Я велѣлъ доставить ко мнѣ все дѣло, и нынѣшнимъ лѣтомъ разсмотрю его во всѣхъ подробностяхъ.» К. Г. Р.....скій, бывшій тогда при его особѣ, знаетъ хорошо, какъ занимался моимъ дѣломъ Сперанскій. Онъ разсмотрѣлъ его во всей подробности, повѣрилъ всѣ подлинныя акты, подалъ мнѣніе, съ которымъ согласился почти всѣ господа члены Государственного Совѣта — и я выигралъ тяжбу! Никогда не дерзнулъ я спросить предварительно, что думаетъ Михаилъ Михайловичъ о моемъ дѣлѣ — и никогда онъ мнѣ не сказалъ ни слова! Когда я сталъ благодарить его, онъ отвѣчалъ: «Радуюсь, что ваше дѣло правое!»

Однажды, во время прогулки (а я ловилъ его на прогулкахъ, боясь безпокоить часто на дому), рѣчь зашла о постигнувшемъ его несчастіи, и я изъявлялъ мое удивленіе, что не нашлось защитниковъ истины. «Если бъ я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, сказалъ Сперанскій, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца.» Эту фразу я ввелъ въ романъ мой: *Петръ Ивановичъ Выжиинъ*, и М. М. Сперанскій сказалъ мнѣ послѣ того, въ шутку: «Вы человекъ опасный — печатаете пріятельскія бесѣды!»

Не могу привести здѣсь всего, что говорилъ Сперанскій о русской литературѣ, потому что мои *благодѣтели* могли бы подвергнуть сомнѣнію вѣрность словъ моихъ.

Сперанскій — это рѣдкое явленіе, которое вѣроятно не повторится втеченіе долгаго времени! Почитаю себя счаст-

ливимъ, что я зналъ его и даже заглядывалъ въ его высокую душу, и что дожидь до того времени, въ которое отдана ему была полная справедливость. Эта справедливость въ наградѣ Сперанскаго есть неувыдающій лавръ въ вѣщцѣ нашего добраго Государя! Дай Богъ ему за это во всемя счастья.

Теперь перейдемъ къ общественнымъ событіямъ и мнѣнъ приключеніямъ.

О. ВУЛГАРИНЪ.

=

● II.
ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ,

ИНФАНТЪ ИСПАНСКИЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

НИЛЛЕРА.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Комната въ королевскомъ дворцѣ, съ рѣшетчатою дверью; ведущею въ большой корридоръ, въ которомъ ходятъ часовые.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КАРЛОСЪ сидитъ за столомъ. Голова его покоится на рукѣ; можно подумать, что онъ спитъ. На заднемъ планѣ комнаты нѣсколько офицеровъ, вмѣстѣ съ ними заключенныхъ. МАРКИЗЪ ПОЗА входитъ, незамѣченный Карлосомъ и тихо говоритъ съ офицерами, которые тотчасъ удаляются. Потомъ онъ подходитъ къ Карлосу и молча, печально смотритъ на него нѣсколько минутъ. Наконецъ дѣлаетъ движеніе, которое выводитъ принца изъ безчувственнаго положенія. Карлосъ встаетъ, видитъ маркиза и содрогается. Потомъ смотритъ на него нѣсколько времени неподвижно и во всѣ глаза, и третъ рукою по лбу, какъ будто желая что-то припомнить.

МАРКИЗЪ.

Мой Карлосъ, это я.

Т. LXXXVIII. — Отд. II.

КАРЛОСЪ, подаетъ ему руку.

Ты! ты пришелъ
Ко мнѣ? Вотъ это благородно, право.

МАРКИЗЪ.

Я полагалъ, что Карлосу здѣсь другъ
Понадобиться можетъ.

КАРЛОСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Ты это думалъ? Ну, я очень радъ,
Невыразимо радъ. Ахъ! я вѣдь зналъ,
Что ты меня не-прежнему все любишь.

МАРКИЗЪ.

И эту вѣру заслужилъ я, Карлосъ.

КАРЛОСЪ.

Не правда ль? О, еще не расучились
Мы понимать другъ друга! Эта нѣжность,
Пощада эта такъ обыкновенна
Въ душахъ великихъ, какъ у насъ съ тобой.
Пускай одно изъ Карловыхъ желаній
Несправедливо было.... оттого
Ему ты не откажешь въ справедливыхъ.
Тверда, рѣзка быть можетъ добродѣтель,
Но не жестока, не безчеловѣчна.
Тебѣ то много стоило! Я знаю,
Какъ обливалося кровью твое сердце,
Когда свою ты жертву велъ на ножъ.

МАРКИЗЪ.

Что ты подъ этимъ разумѣешь, Карлосъ?

КАРЛОСЪ.

Ты самъ теперь окончивъ и свершивъ,
Что я бы долженъ и не могъ.... Ты самъ
Создашь Испанцамъ золотые дни,
Что отъ меня они напрасно ждали.
Со мной все кончено.... и навсегда.
Ты то провидѣлъ.... О, моя любовь
Всѣ ранніе цвѣты души моей
Невозвратно оборвала. Умеръ
Я для твоихъ возвышенныхъ надеждъ.
Случай или Промыслъ предають тебѣ
Монарха.... стоитъ тайны лишь моей,
И онъ въ рукахъ твоихъ.... ты можешь быть

Его спасителемъ. А мнѣ ужъ нѣтъ
 Спасенья больше.... нѣтъ-ли для Испанья?...
 Ахъ, въ этомъ ничего дурнаго нѣтъ,
 Кромѣ нелѣпой слѣпоты моей,
 Не позволявшей до сихъ-поръ мнѣ видѣть,
 Что также ты великъ, какъ и яженъ.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ!

Вотъ этого я не предвидѣлъ.... нѣтъ,
 Я не предвидѣлъ, чтобъ великодушнаго друга
 Изобрѣтательнѣе быть могло
 Мнѣхъ всомнѣнно мудрыхъ замышляющій.
 Мое все зданье рухнетъ внезапно....
 Я о твоёмъ занятовалъ сердце.

КАРЛОСЪ.

Когда-бъ ее ты только понималъ,
 Вотъ видишь ли, за это я тебѣ
 Невыразимо былъ бы благодаренъ.
 Развѣ одинъ не могъ страдать я? Развѣ
 Должна была второй она быть жертвой?...
 Но полно! упрекать тебя не стану.
 И чтò тебѣ до королевы? Развѣ
 Ты любишь королеву? И твоей-ли
 Высокой добродѣтели пощисъ
 О мелочныхъ заботахъ моей страсти?
 Прости.... я былъ несправедливъ.

МАРКИЗЪ.

Ты точенъ

Несправедливъ.... но не за эти пѣни.
 Одну я заслужилъ, я заслужу
 Ихъ всё.... а ужъ тогда передъ тобою
 Я такъ бы не стоялъ.

Всплываетъ портфель.

Вотъ здѣсь нѣтъ писемъ

Есть нѣсколько, что ты на сохраненіе
 Мнѣ отдалъ. Сиречь къ себѣ нѣтъ.

КАРЛОСЪ, смотритъ съ удивленіемъ, то на письмо, то на маркиза.

Какъ?

МАРКИЗЪ.

Я отдаю тебѣ назадъ ихъ, Карлосъ:
 Въ твоихъ рукахъ они теперь вѣрны.

КАРЛОСЪ.

Что это? Такъ король ихъ не читалъ?
Такъ онъ ихъ не видалъ?

МАРКИЗЪ.

Твой-то письма?

КАРЛОСЪ.

Ты показалъ ему не всё?

МАРКИЗЪ.

Но кто

Сказалъ тебѣ, что ихъ я королю
Показывалъ?

КАРЛОСЪ, въ сильномъ удивленіи.

Возможно-ли? Графъ Лерма.

МАРКИЗЪ.

Такъ онъ сказалъ тебѣ? Ну, такъ теперь
Все ясно! Кто-же могъ предвидѣть это?...
Такъ это Лерма?... Нѣтъ, онъ не учился
Еще лгать.... Точно такъ.... Другія письма
Ложать у короля.

КАРЛОСЪ, долго смотритъ на него съ безмолвнымъ удивленіемъ.

За что-жъ здѣсь?

МАРКИЗЪ.

Чтобъ удержать тебя, на случай, еслибъ
Ты Эболи въ другой разъ пожелалъ
Своей повѣренной сдѣлать.

КАРЛОСЪ, будто пробужденный отъ сна.

Га!

Ну, наконецъ.... теперь я понимаю!...
Теперь все стало ясно....

МАРКИЗЪ, идетъ къ дверямъ.

Кто идетъ?

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА. ПРЕЖНИЕ.

АЛЬБА, почтительно приближается къ принцу. Впродолженіи
всей этой сцены онъ стоитъ спиною къ маркизу.

Принцъ, вы свободны. Посланъ королемъ я
Вамъ это возвѣститъ.

Карлосъ смотритъ съ изумленіемъ на маркиза. Всѣ молчатъ.

Свѣтлѣйшій принцъ,

Я чту себя счастливымъ, что я первый
Имѣю честь....

КАРЛОСЪ, смотреть на обонхъ съ величайшимъ удивленіемъ.
Потомъ обращается къ герцогу.

Меня берутъ подъ стражу,
Мнѣ говорятъ потому, что я свободенъ,
А я и самъ не вѣдаю, за что
Я взятъ подъ стражу, и за что мнѣ
Свободу объявляютъ?

• АЛЬБА.

По ошибкѣ,
Ваше высочество, сколько я знаю,
Къ какой одинъ обманщикъ короля
Склонилъ

КАРЛОСЪ.

Но все-жъ я здѣсь по повелѣнію
Монарха нахожусь?

АЛЬБА.

Да, по ошибкѣ
Его величества.

КАРЛОСЪ.

Мнѣ очень жаль....
Но если ошибается король,
Такъ пусть же самъ король, своей особой,
Свою ошибку и поправитъ.
Онъ ищетъ глазами маркиза и сохраняетъ гордое презрѣніе къ герцогу.

Здѣсь

Зовутъ меня Филиппа сыномъ. Очи
И клеветы, и любопытства зорко
Слѣдятъ за всякимъ изъ моихъ движеній.
То, что монарха долгъ заставилъ сдѣлать,
Я не хочу принять того какъ милость.
Пожалуй, я готовъ предъ судъ кортесовъ
Немедленно предстать.... но шпаги, герцогу,
Я не прийму изъ вашихъ рукъ.

АЛЬБА.

Король

Вамъ вѣрно не откажетъ въ исполненіи
Такого справедливаго желанья,
Когда, ваше высочество, мнѣ только
Позволите васъ проводить къ нему....

КАРЛОСЪ.

Я здѣсь останусь до-тѣхъ-поръ пока
Меня вернутъ, или его Мадридъ
Не выведутъ отсюда. Потрудитесь
Ему отвѣтъ мой передать.

Альба удалется. Нѣсколько времени онъ стоитъ въ корридорѣ и раздаетъ
приказанія.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КАРЛОСЪ и МАРКИЗЪ ПОЗА.

КАРЛОСЪ.

Но что жъ

Все это значить? Изъясни мнѣ.

Ты развѣ не министръ?

МАРКИЗЪ.

Я былъ, какъ видишь.

Подходитъ къ нему въ сильномъ волненіи.

О, Карлъ, подѣйствовало это... Да...

Ужъ удалось... Все сдѣлано теперь...

О, слава Богу!

КАРЛОСЪ.

Удалось? Но что-же?

Я словъ твоихъ не понимаю.

МАРКИЗЪ схватываетъ его за руку.

Ты

Свасень, мой Карлъ... свободенъ... я же...:

Останавливается.

КАРЛОСЪ.

Ты?

МАРКИЗЪ.

А я.. я жму тебя къ груди своей

Впервые съ полнымъ, совершеннымъ правомъ:

Я видѣ купилъ его всѣмъ, всѣмъ, что мнѣ

Здѣсь дорого... О, Карлъ, какъ велика,

Какъ сладостна минута эта! Я

Собой доволенъ.

КАРЛОСЪ

Что за перемѣна

Въ твоихъ чертахъ? Еще я никогда

Тебя такъ не видалъ. Вольнѣе грудь

Твоя вздымается, а очи блещутъ.

МАРКИЗЪ.

« Другъ съ другомъ должно намъ проститься, Карлосъ.

О, не пугайся. Будь мужчиной! Что бы
Ты не услышалъ отъ меня, мой Карлосъ,
Дай слово мнѣ неукротивымъ горемъ,
Сердечъ великихъ вовсе недостойнымъ,
Не дѣлать тягостнѣй разлуки нашей...
Меня терлешь ты — на много лѣтъ...
Глушцы зовуть это навѣки.

Карлосъ отдергиваетъ руку, пристально смотритъ на него и ничего не
отвѣчаетъ.

Будь

Мужчиной! Я увѣренъ былъ въ тебѣ,
Я положилъ съ тобой провести тотъ часъ,
Что здѣсь послѣднимъ страшно называютъ...
Признаться-ли тебѣ, мой Карлъ? Я даже
Былъ радъ тому... Пойдемъ-ка, сядемъ...
Я весь измученъ и ослабъ.

Онъ придвигается къ Карлосу, который все еще погруженъ въ мертвое
оцѣпенѣніе и машинально садится подлѣ него.

Гдѣ-жъ ты?

Ты мнѣ не отвѣчаешь?... Слушай, Карлосъ :
Спусти лишь день, какъ мы въ послѣдній разъ
У Картезіянцевъ видѣлись съ тобою,
Потребовалъ меня къ себѣ король.
Послѣдствія ты знаешь, знаетъ цѣлый
Мадридъ. Не знаешь только, что ужъ тайна
Твоя была извѣстна королю,
Что письма найдены у королевы
Въ шкатулкѣ и что я отъ короля
Узналъ объ этомъ, потому что я былъ
Его повѣреннымъ.

Остается въ ожиданіи отвѣту отъ Карлоса, который упорствуетъ
въ молчаніи.

Да, Карлосъ! я своими

Устами дружбѣ нашей измѣнилъ.
Я самъ комплотомъ управлялъ, который
Тебѣ готовилъ гибель. Слишкомъ громко
Ужъ говорило дѣло. Оправдать
Тебя ужъ было поздно. Овладеѣть
Филиппа мщеньемъ — вотъ одно, что я

Еще могъ сдѣлать для тебя. И такъ
Я сталъ врагомъ твоимъ, чтобъ тѣбѣ сильнѣе
Тебѣ служить... Ты слушаешь меня?

КАРЛОСЪ

Я слушаю, но дальше, дальше!

МАРКИЗЪ

До-сихъ-поръ нѣтъ на мнѣ вины. Но вотъ
Мнѣ измѣняетъ непривычный лучъ
Великой милости монарха. Толки
Доходятъ до тебя, какъ я предвидѣлъ.
Но я, подкупленный любовью ложной,
Тщеславіемъ надмѣннымъ ослѣпленный —
Окончить безъ тебя все дѣло, я
Отъ дружбы тайну страшную скрываю.
Вотъ здѣсь огромная ошибка! Сильно
Я проступился. Знаю, сумасбродствомъ
Была моя увѣренность. Прости мнѣ —
Я основалъ довѣрчиво ее
На вѣчности твоей высокой дружбы.
Онъ умолкаетъ. Карлосъ изъ своего оцѣпенѣнія переходитъ къ сильному
волненію.

Чего я опасался, то случилось.

Тебя пугаютъ вымышленнымъ страхомъ.

То королева вся въ крови — то ужасъ

Смятеннаго дворца — то графа Лермы

Несчастливая услужливость — ктому жъ

И странное мое молчанье, все

Въ твое въ распахъ застигнутое сердце

Ударило внезапно, разомъ... Ты

Колелешься... Ты думаешь, что я

Потерявъ для тебя... но слишкомъ благородный,

Чтобъ сомнѣваться въ благородствѣ друга,

Его паденье ты величьемъ называешь:

Только тогда рѣшаешься признать

Его измѣну ты, когда въ измѣнѣ

Онъ твоего достоинъ уваженья.

И вотъ покинутый ты другомъ въ руки

Бросаешься принцессы вѣроломной;

Несчастный! въ дьявольскія руки:

Она вѣдь это предала тебя.

Карлосъ встаетъ.

Я вижу, какъ ты къ ней бѣжишь. Всѣ злыя
Предчувствія воззаются мнѣ въ сердце.
Я за тобой иду. Ужъ поздно! Ты
Лежишь у ногъ ея. Признание съ устъ
Твоихъ уже слетѣло. Для тебя
Нѣтъ болѣе спасенья....

КАРЛОСЪ

Нѣтъ, она

Была растрогана. Ты обманулся.
Она была разстрогана.

МАРКИЗЪ

Въ глазахъ

Тутъ у меня стемнѣло, помутилось.
Нигдѣ... нигдѣ нѣтъ средства... нѣтъ спасенья...
Нѣтъ больше помощи во всей вселенной!
Отчаянье овладѣваетъ мною....
Я демономъ, я звѣремъ становлюсь...
Я женщинѣ княжаломъ угрожаю...
И вдругъ... вдругъ мысль, какъ солнца лучъ блестящій,
Мою внезапно душу озаряетъ.
Что если-бъ обмануть Филиппа? если-бъ
Въ его глазахъ мнѣ самому прослыть
Винновнымъ? Вѣроятно-ль, нѣтъ ли,
Лишь только-бы прослыть! — Для короля
Филиппа виду одного довольно;
Повѣрить онъ, какъ всякому дурному.
Пусть будетъ такъ. Рѣшаюсь я. Онъ станетъ
Раздумывать, а Карлосъ между тѣмъ
Успѣетъ въ Нидерланды удалиться.

КАРЛОСЪ

И это... ты ужъ сдѣлалъ?

МАРКИЗЪ

Я пишу

Во Фландрію, къ Оранскому, что я
Влюбился въ королеву, что склонивши
Все подозрѣнье на тебя, мнѣ удалось
Уже Филиппа обмануть, что я
Черезъ монарха самого дорогу
Умѣлъ себѣ къ ней проложить. Но тутъ же
Я прибавляю, что страшусь открытій,
Что ты, узнавъ объ этой страсти, прямо

Къ принцессѣ Эболи пошелъ въ покои,
 Съ намѣренемъ, быть можетъ, чрезъ нее
 Предостеречь Елизавету.... что тебя
 Я посадилъ подъ стражу, и теперь
 Намѣренъ въ Брюссель укрыться. Это
 Письмо....

КАРЛОСЪ, испуганный, перебиваетъ его.

Не отдалъ ли ужъ ты на почту?

Ты знаешь, что всѣ письма въ Нидерланды....

МАРКИЗЪ.

Передаются королю. Какъ видно,
 Уже Таксисъ свой долгъ исполнилъ.

КАРЛОСЪ.

Боже!

Такъ я погибъ!

МАРКИЗЪ.

Ты? Почему же ты?

КАРЛОСЪ.

Несчастный! вѣдь и ты погибъ со мною.
 Подобнаго обмана мой отецъ
 Намъ не простить во вѣки. Нѣтъ, такого
 Онъ не простить обмана никогда!

МАРКИЗЪ.

Обмана? Ты разсѣянъ, Карлъ. Опомнись.
 Кто жъ объ обманѣ этомъ ему скажетъ?

КАРЛОСЪ, пристально смотритъ ему въ глаза.

Кто, спрашиваешь ты? Я самъ.

Хочетъ идти.

МАРКИЗЪ.

Съ ума

Сошелъ ты что ли? Стой. Куда ты?

КАРЛОСЪ.

Прочь, прочь!

О, ради Бога! не держи меня!

МАРКИЗЪ.

Остановись! намъ дороги, священны
 Эти минуты. Намъ еще довольно
 Есть передать другъ другу.

КАРЛОСЪ.

Что? А онъ

И не узнаетъ....

Хочетъ опять идти.

МАРКИЗЪ, взявъ его за руку.

Слушай, Карлосъ, былъ ли

Я такъ поспѣшенъ, также щекотливъ,
Какъ за меня ты кровью истекалъ
Тогда.... ты помнишь?

КАРЛОСЪ, растроганный, въ удивленіи останавливается передъ нимъ.

О, великій Промыслъ!

МАРКИЗЪ.

Спаси себя для Фландріи! Престолъ
Твое призванье. За тебя погибнуть —
Было мнѣ.

КАРЛОСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Не будетъ онъ,
Не можетъ онъ быть непреклоннымъ, вѣрь,
Къ подобному величью непреклоннымъ!
Я поведу тебя къ нему. Рука
Съ рукой къ нему пойдемъ мы оба вмѣстѣ.
Родитель мой, ему скажу я, вотъ что
Здѣсь сдѣлалъ другъ для друга своего.
Онъ будетъ тронуть. Вѣрь мнѣ, вѣрь,
Онъ не совѣмъ еще безчеловѣченъ,
О, да! Онъ будетъ тронуть этимъ. Очи
Его нальются жаркими слезами,
И онъ тебѣ и мнѣ проститъ....

Сквозь рѣшетчатую дверь раздастся выстрѣлъ. Карлосъ вздрагиваетъ.

Га!

Въ кого же это?

МАРКИЗЪ.

Кажется въ меня.

Падаетъ.

КАРЛОСЪ, съ крикомъ падаетъ возлѣ него на полъ.

О, милосердый Боже!

МАРКИЗЪ, замирающимъ голосомъ.

Онъ скорь....

Король.... я думалъ... дольше.... Позаботься
Ты о спасеніи.... слышишь? о спасеніи....
Все знаетъ королева.... не могу....

Карлосъ какъ мертвый лежитъ возлѣ трупа. Спустя нѣсколько времени, входитъ король въ сопровожденіи многихъ грандовъ, и при взглядѣ на эту сцену, въ смущеніи отступаетъ назадъ. Всеобщее глубокое молчаніе. Гранды становятся полу-кругомъ и смотрятъ попеременно то на короля, то на его сы-

на. Последний лежит все еще безъ всякаго признаку жизни. Король смотритъ на него, погруженный въ глубокое размышленіе.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КАРЛОСЪ одинъ остается у трупа. Нѣсколько минутъ спустя входитъ ЛЮДВИГЪ МЕРКАДО, бояливо оглядывается и стоитъ молча нѣсколько времени за принцемъ, который не замѣчаетъ его.

МЕРКАДО.

Я присланъ къ вамъ отъ королевы.

Карлосъ снова смотритъ въ сторону и не отвѣчаетъ.

Имя

Мое Людвигъ Меркадо.... Я лейбъ-медикъ
Ея величества.... и вотъ мое,
Принцъ, полномочье.

Показываетъ принцу перстень. Принцъ все еще не отвѣчаетъ.

Королева хочетъ

Васъ видѣть нынче.... Важныя дѣла....

КАРЛОСЪ.

На этомъ свѣтѣ ничего мнѣ больше
Не важно.

МЕРКАДО.

Порученье, говорила,

Отъ кавалера Позы.....

КАРЛОСЪ, быстро встаетъ.

Что?... Сейчасъ.

МЕРКАДО, хочетъ идти съ нимъ.

Нѣтъ, не теперь, свѣтлѣйшій принцъ. Вамъ должно
До ночи подождать. Проходы все
Заставлены; удвоена вся стража.
Рѣшительно нельзя въ то отдѣленье
Дворца, не бывъ замѣченнымъ, войти.
Безумствомъ это было бы....

КАРЛОСЪ.

Но....

МЕРКАДО.

Только

Одно еще есть средство.... королева
Сама нашла его и предлагаетъ
Теперь на разсмотрѣнье ваше, принцъ;
Но средство это сѣло и опасно.

КАРЛОСЪ.

Скажите.

МЕРКАДО.

Ужъ давно идетъ преданье,
 Какъ сами знаете, что ровно въ полночь
 Подъ сводами дворцовыхъ галерей
 Усоншій духъ покойнаго монарха
 Въ одеждѣ мрачной ибена блуждаетъ.
 Чернь вѣритъ этимъ слухамъ; часовые
 Со страхомъ занимаютъ этотъ востъ.
 Когда бъ рѣшились вы переодѣться,
 То вамъ бы можно было безопасно
 Дойти до комнатъ королевы; ихъ
 Вамъ этотъ ключъ отворить. Видъ священный
 Васъ оградитъ отъ всякихъ нападеній.
 И такъ рѣшайтесь, принцъ, сейчасъ рѣшайтесь.
 Одежду, маску у себя найдете
 А я межъ тѣмъ отвѣтъ вашъ королевѣ
 Пойду снесу.

КАРЛОСЪ.

А время?

МЕРКАДО.

Время—полночь.

КАРЛОСЪ.

Скажите жъ королевѣ, чтобъ она
 Меня ждала.

Меркадо уходитъ.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

КАРЛОСЪ, ГРАФЪ ЛЕРМА.

ЛЕРМА.

Спасайтесь, принцъ. Король
 На васъ разгнѣванъ. Свобода ваша
 Въ опасности, а можетъ быть и жизнь.
 Не спрашивайте болѣе меня.
 Я скрылся, чтобы васъ предостеречь.
 Не медлите, бѣгите!

КАРЛОСЪ.

Я въ рукахъ

Всевышняго.

ЛЕРМА.

Какъ королева мнѣ
 Дала замѣтить, вы еще сегодня
 Должны Мадридъ оставить и ~~бѣжать~~
 Въ Голландію. Смотрите жь, принцъ,
 Не медлите. Вамъ возмущенье
 Благопріятствуетъ. Вотъ потому
 И королева такъ распорядилась.
 Теперь едва ль осмѣлятся назвать
 Противу васъ употребить. Вася ждетъ
 Въ монастырѣ картезіанскомъ ночью;
 А вотъ вамъ и оружіе на случай,
 Когда бъ принудили....

Подать ему ~~инималъ~~ и ~~инималы~~.

КАРЛОСЪ

Благодарю,
 Благодарю, графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Вашъ рассказъ
 Меня до глубины души растрогалъ.
 Такъ болѣе не любить! Патриоты
 До одного, всѣ съ вами вѣсть плачутъ.
 Но больше вамъ сказать теперь не смѣю.

КАРЛОСЪ

Графъ Лерма! Васъ покойникъ называли
 Прямымъ и благороднымъ человекомъ.

ЛЕРМА.

Еще разъ, добрый принцъ, счастливый путь вамъ!
 Дастъ Богъ, настанетъ лучший вѣкъ; меня
 Тогда на этомъ свѣтѣ ужъ не будетъ.
 Пріймите же теперь мою присягу.

Преклоняеть предъ нимъ колѣно.

КАРЛОСЪ: хотеть удержать его, въ сильномъ волненіи.

Не такъ, не такъ, графъ Лерма... Вы меня
 Растрогали.... Мнѣ бъ не хотѣлось быть
 Растроганнымъ.

ЛЕРМА, цѣловать его руку съ чувствомъ.

Король моихъ дѣтей!
 Мои лишь дѣти будутъ въ состоянн
 За васъ жизнь свой положить. А я
 Того не смѣю. Помните меня
 Въ дѣтяхъ моихъ.... Счастливо возвращайтесь

Назадъ въ Испаню. Будьте человекомъ
 На тронѣ короля Филиппа. Вы
 Страдали сами. Не предпринимайте
 Противъ родителя вы ничего
 Кроваваго. О, ничего, мой принцъ!
 Филиппъ Второй принудилъ отказаться
 Отъ трона дѣда вашего — и этотъ
 Филиппъ Второй теперь и самъ трепещеть
 Передъ своимъ однороднымъ сыномъ!
 Подумайте о томъ, и Богъ храни васъ.
 Онъ поспѣшно уходитъ. Карлосъ хочетъ идти въ противоположную сторо-
 ну, но возвращается, преклоняется передъ тѣломъ Маркиза, и заключаетъ
 его въ объятія, потомъ встаетъ и быстро оставляетъ комнату.

Принимая короля.

Выходъ шестой.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА и ГЕРЦОГЪ ФЕРИА входятъ разговаривая.

АЛЬБА.

Мадридъ спокоенъ. Какъ вы короля
 Оставили?

ФЕРИА.

Въ ужасномъ раздраженнѣ.
 Онъ заперся. Что бы ни случилось, онъ
 Къ себѣ впускать души не приказалъ.
 Извѣна Позы всю его натуру
 Визанно измѣнила. Мы его
 Не узнаемъ.

АЛЬБА.

Мнѣ надобно къ нему.
 На этотъ разъ нельзя шадить его.
 Откройте важное, что лишь сейчасъ...

ФЕРИА.

Какъ! новое открытье?

АЛЬБА.

Картезийскій

Монахъ, прокрадвшійся тайкомъ къ инфанту,
 И очень подозрительно внимавшій
 Разказу о кончинѣ кавалера,
 Попался въ руки караула. Тутъ же
 Его остановили. Ужасъ смерти
 Его признаться наконецъ заставилъ.

Что у него есть важныя бумаги,
 Которыя покойникъ поручилъ
 Ему отдать инфанту въ руки, если
 Онъ до заката солнечнаго самъ
 Съ нимъ не увидится.

ФЕРИД.

Ну, что жъ?

АЛЬБА.

Изъ писемъ

Увидѣлъ я, что Карлосъ нынче въ полночь
 Мадридъ оставить долженъ.

ФЕРИД.

Что?

АЛЬБА.

Что судно

Его ждетъ въ Кадиксъ для перевоза
 Во Флисингенъ; что штаты Нидерландовъ
 Его лишь только ждуть чтобы сорваться
 Съ испанской цѣпи.

ФЕРИД.

Это что еще?

АЛЬБА.

Другія письма извѣщаютъ, что
 Флотъ Солimana вышелъ изъ Родоса,
 Чтобъ въ Средиземномъ Морѣ на нашъ флотъ
 Напасть....

ФЕРИД.

Возможно ли?

АЛЬБА.

Вотъ эти письма

Мнѣ и даютъ понятие о поѣздкахъ,
 Предпринятыхъ Мальтійцомъ по Европѣ.
 Не о бездѣлицѣ какой шло дѣло,
 Но о возстаньи сѣверныхъ монарховъ
 За независимость Фланандцевъ.

ФЕРИД.

Это

Былъ онъ?

АЛЬБА.

И наконецъ изъ этихъ писемъ
 Весь видѣнъ планъ войны кровопролитной,
 Что отъ испанскаго владычества на вѣки
 Должна была освободить Голландцевъ.

Тамъ ничего не выпущено. Все.
 Нечислено, сопротивляенье, силы,
 Всѣ средства, всѣ истощенныя дамы.
 Съ подробностью неизменною исподъ,
 Показано какъ все устроить должно,
 Какіе съ кѣмъ союзы заключить.

ФЕРІА.

Ахъ, Боже мой! какой опасный, страшный
 Предатель!

АЛЬБА.

Упомянуто еще
 Въ его письмѣ о тайномъ сообщеніи,
 Въ ночь предъ отъѣздомъ, прищца съ королевой.

ФЕРІА.

Да это вышче, герцогъ.

АЛЬБА.

Въ полночь Я
 На всякій случай ужъ распорядился.
 Вы сами видите—необходимость.
 Нельзя терять минуты.... Отворите
 Мнѣ дверь къ его величеству.

ФЕРІА.

Не смѣю.

Входъ запрещенъ.

АЛЬБА.

Такъ отворю я самъ....
 Опасность оправдаетъ эту смѣлость....
 Только что онъ подходитъ къ дверямъ, какъ они отворяются и входятъ
 король.

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

КОРОЛЬ и ПРЕЖНИЕ.

При взглядѣ на него всѣ ужасаются, отступаютъ и почтительно да-
 ютъ ему дорогу. Онъ идетъ, будто погруженный въ сонъ, какъ въ луна-
 тизмъ. Его одежда показываетъ еще безпорядокъ отъ недавняго обморока.
 Медленными шагами проходитъ онъ мимо присутствующихъ грандовъ, при-
 ставливо взглядывая на каждаго и ни одного не замѣчая. Онъ оставая-
 вается погруженный въ думы, потупивъ взоръ, пока наконецъ не прояв-
 ляется его внутреннее движеніе.

КОРОЛЬ.

Покойника мнѣ этого отдай!
 Онъ нуженъ мнѣ.

Т. LXXXVIII. — Отд. II.

ДОМИНГО, тихо къ Альбѣ.

Начните говорить съ нимъ

Король, какъ выше.

Онъ умеръ, но онъ нуженъ мнѣ. Я долженъ,
Хочу опять имѣть его. Онъ долженъ
Иначе думать обо мнѣ.

Альба, со страхомъ приближается.

Сирь....

Король.

Кто

Здѣсь говорить?

Онъ долго осматриваетъ всѣхъ грандовъ.

Альба.

Не говорите болѣе о Позѣ, сирь!
Другой опаснѣйшій и злѣйшій врагъ
Стунилъ на сердце вашей монархїи.

Феріа.

Принцъ Карлосъ....

Король.

У него былъ другъ, который
Пошелъ на смерть для друга, — для него!...

Къ герцогу Альбѣ, который подаетъ письма.

Что въ этихъ письмахъ?

Альба.

Эти письма, Сирь,

Въ себѣ содержатъ завѣщаніе маркиза
Донъ-Карлосу.

Король пересматриваетъ бумаги, при чемъ всѣ окружающіе слѣдятъ за
его малѣйшимъ движеніемъ. Перечитавъ, онъ откладываетъ ихъ въ сто-
рону и молча ходитъ по комнатѣ.

Позвать ко мнѣ

Немедля инквизиторъ-кардинала.

Прошу его на нѣсколько минутъ.

Одинъ изъ грандовъ выходитъ. Король беретъ бумаги, чи-
таетъ опять, и снова кладетъ ихъ въ сторону.

Такъ въ полночь онъ поѣдетъ?

Такенсъ.

Ровно въ два

Часа его ждетъ почта въ картезіиномъ
Монастырѣ.

Альба.

А посланные мною

Мнѣ донесли, что видѣли, какъ много
Дорожной клади за гербомъ короннымъ
Было отправлено къ монастырю.

ФЕРІА.

И также собраны большія суммы
На имя королевы съ мавританскихъ
Агентомъ, съ переводомъ въ Брюссель.

КОРОЛЬ.

А гдѣ оставилъ инфанта?

АЛЬБА.

У тѣла кавалера Позы.

КОРОЛЬ.

Есть-ли

Свѣтъ въ комнатахъ у королевы?

АЛЬБА.

Тамъ

Все тихо. Также дамъ своихъ она
Гораздо раньше нынче отослала.
Графиня Арносъ ужъ въ глубокомъ снѣ
Ее оставила.

Офицеръ лейбъ-гвардіи входитъ, отводитъ герцога Ферію въ
сторону и тихо говоритъ съ нимъ. Этотъ въ смущеніи обра-
щается къ герцогу Альбѣ, другіе тѣснятся къ нимъ и между
ними слышенъ шопотъ.

ФЕРІА, ТАКСИСЪ, ДОМИНГО, ВМѢСТѢ.

Не можетъ быть!

КОРОЛЬ.

Что тамъ такое?

ФЕРІА.

Новость, государь,

Какой едва повѣрить можно.

ДОМИНГО.

Два

Швейцарца, только лишь съ своихъ постовъ
Смѣненные, рассказываютъ.... но
Смѣшно и повторять....

КОРОЛЬ.

Ну, что же?

АЛЬБА.

Что нынче въ лѣномъ флигелѣ дворца

Духъ императора ннѣ появился,
И твердымъ, нѣрнымъ шагомъ мнѣе нкъ
Промель. И эту новость подтверждаютъ.
Всѣ часовые въ этомъ павильонѣ,
И говорятъ, что духъ изчезъ въ покояхъ
Ея величества.

КОРОЛЬ.

Въ какомъ-же видѣ
Явился онъ?

ОФИЦЕРЪ.

Въ одеждѣ той же самой,
Какую онъ носилъ въ монастырѣ
Святого Юста.

КОРОЛЬ.

Какъ монахъ? Такъ стало
Его при жизни знали часовые?
Иначе какъ могли они подумать,
Что это императоръ?

ОФИЦЕРЪ.

Видно было
По снплетру, что былъ въ его рукахъ.
Но утверждаютъ, что и прежде онъ
Явился, какъ идетъ сказанье, въ этой
Одеждѣ.

КОРОЛЬ.

Съ нимъ никто не говорилъ?

ОФИЦЕРЪ.

Кто-жъ бы осмѣлился? Однѣ молитвы
Читали часовые и впустили
Его съ подобострастьемъ.

КОРОЛЬ.

И въ покояхъ
Ея величества изчезло привидѣнье?

ОФИЦЕРЪ.

Въ приемной королевы.

Общее молчаніе.

КОРОЛЬ, быстро оборачивается.

Ваше мнѣніе?

АЛЬБА.

Мы вѣны, государь.

король, послѣ некотораго молчанія къ офицеру.

Удвойте стражу,

И приказать стеречь ей каждый выходъ.

Мнѣ хочется словечко перемолвить

Съ названнымъ этимъ привидѣньемъ.

Офицеръ удаляется. Паждъ входитъ.

ПАЖЪ.

Сиръ, инквизиторъ-кардиналъ.

король, присутствующиимъ.

Уйдите.

Кардиналъ великій инквизиторъ, старецъ девяноста лѣтъ и слѣпецъ, входитъ, опершись на посохъ и ведомый двумя доминиканцами. Въ то время, какъ онъ проходитъ мимо грандовъ, они бросаются ницъ передъ нимъ и дотрогиваются до пола его платья. Онъ раздаетъ имъ благословеніе; всѣ удаляются.

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КОРОЛЬ и ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Долгое молчаніе.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Стою ли я передъ монархомъ?

КОРОЛЬ.

Да.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Я этого не ожидалъ ужъ больше.

КОРОЛЬ.

Я повторяю сцену лѣтъ прошедшихъ,
Филиппъ инфантъ совѣта снова проситъ
У своего учителя.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Въ совѣтѣ

Мой ученикъ, великій вашъ родитель,
Ни разу не нуждался.

КОРОЛЬ.

Онъ былъ счастливъ....

Я учинилъ убійство, кардиналъ,
И нѣтъ покою....

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Для чего жъ убійство

Вы учинили?

КОРОЛЬ.

Я вдался въ обманъ
Ужасный, безпримѣрный....

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Да, я знаю.

КОРОЛЬ.

Какъ! что вы знаете?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Ужъ много лѣтъ

Я знаю то, что узнаете вы
Лишь съ солнца заката.

КОРОЛЬ, съ отчаяніемъ.

Такъ вы знали

Объ этомъ человѣкѣ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Жизнь его

Давно съ начала до конца —

Въ святыхъ регистрахъ Санта-Казы.

КОРОЛЬ.

И онъ свободенъ былъ?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нить, на которой

Онъ былъ привязанъ здѣсь, была длинна,
Но не разрывна.

КОРОЛЬ.

Но онъ былъ за границей

Монхъ владѣній.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Гдѣ бы ни былъ онъ,

Я былъ при немъ.

КОРОЛЬ, съ негодованіемъ ходить взадъ и впередъ.

Вы знали, въ чьихъ рукахъ

Я находился.... и ни словомъ даже

Объ этомъ мнѣ не намекнули?

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Этотъ

Вопросъ назадъ пріймите.... Почему же
Вы не спросили насъ, когда въ объятія
Вы бросились къ такому человѣку?
Его вы знали! Взглядъ единый вашъ
Изобличилъ еретика.... Что жъ васъ

Могло заставить скрыть такую жертву
Отъ инквизиціи?

КОРОЛЬ.

Онъ также въ жертву

Былъ принесенъ.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Нѣтъ, онъ убитъ.... безславно!

Кошунственно!.... Та кровь, что намъ во славу
Должна бы течь обильными ручьями,
Убийца лишь подыхъ обагрила.

Онъ нашимъ былъ.... Что васъ могло заставить
Нашимъ добромъ, какъ тать, распорядиться?

Онъ жилъ, чтобъ умереть чрезъ насъ. Его

На бѣдность вѣку нашему Господь

Самъ подарилъ, чтобъ мудреующій умъ

Во всѣхъ его постыдныхъ заблужденьяхъ

Торжественно, открыто обличить.

То былъ обдуманнѣйшій мой планъ. И вотъ

Что сталося съ работой столькихъ лѣтъ!...

Я вами не доволенъ, сирѣ. Гдѣ жъ былъ

Тогда Филиппъ, чья твердая душа,

Какъ та звѣзда на небѣ, неизмѣнно

И вѣчно вокругъ себя одной вертится?

Прошедшее за вами провалилось?

Или въ тотъ мигъ, когда ему объятья

Свои открыли вы, свѣтъ сталъ не тѣмъ же?

Ядъ болѣе не ядомъ? Или стѣна

Между добромъ и зломъ, межъ истинной и ложью

Разрушилась? Что значить цѣль, что твердость,

Мужское слово, если въ слабый мигъ

Шестидесяти-лѣтнія убѣжденія,

Колеблются, какъ женскіе капризы?

КОРОЛЬ.

Ему глядѣлъ я въ очи... Снизойди

Ты къ недостаткамъ смертности моей

Миръ однимъ входомъ къ сердцу твоему

Бѣдѣе. Очи у тебя потухли.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

И что вамъ было въ этомъ человѣкѣ?

Что новаго онъ могъ вамъ показать,

Чего бы вы еще не знали? Развѣ

Такъ мало вамъ извѣстенъ фанатизмъ
 Нововведенія? Или вамъ непривычны
 Еще хвастливыя, пустыя фразы
 Всѣхъ этихъ гениевъ всемірныхъ? Если
 Уже отъ словъ однихъ распалось зданье
 Всѣхъ вашихъ правилъ..... то съ какимъ лицомъ,
 Я спрашиваю васъ, стамъ-тысячъ слабымъ
 Душамъ вы подписали приговоры?
 За что жъ они-то на костеръ всходили?....

КОРОЛЬ.

Я въ человѣкѣ нужду ощутилъ.
 Эти Доминги....

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Отъ насъ хотѣли вы освободиться.
 Оковы ордена васъ тяготятъ:
 Единственнымъ, свободнымъ вамъ хотѣлось быть.
 Останавливается. Король молчитъ.

Но мы отомщены.... Благодарите
 Святую Церковь, что такъ благосклонно,
 Такъ матерински наказуетъ васъ.
 Тотъ выборъ, что такъ сѣбно допустили
 Васъ сдѣлать, есть ужъ ваше наказанье.
 Впередъ наука. Вы теперь опять
 Къ намъ возвращаетесь.... Когда бъ теперь
 Я не стоялъ предъ вами.... передъ Богомъ!...
 Вы завтра жъ такъ стояли-бъ предо мною.

КОРОЛЬ.

Не говори такъ дерзко, понъ! Языкъ
 Свой удержи! Я не терплю того....
 Такихъ рѣчей я не стерплю.

ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ.

Зачѣмъ же

Вамъ было вызывать тѣв Самуилъ?
 Двухъ королей Испанія я далъ,
 И полагалъ, что трудъ мой ужъ незыблемъ.
 И вотъ плодъ жизни всей моей потерянъ:
 Самъ Донъ-Филиппъ потрясъ мое все здаче.
 И что же, сирь.... зачѣмъ сюда я позванъ?
 Что здѣсь мнѣ дѣлать?.... Я не повторю
 Въ другой разъ своего прихода.

КОРОЛЬ.

Вѣсть

Еще одна послѣдняя работа....

Послѣ нея отъиди съ миромъ въ вѣчность.

Забудемъ прошлое, пусть миръ нежъ намъ

Какъ прежде водворится.... Миръ въ нѣтъ?

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОРЪ

Я миръ люблю.

КОРОЛЬ.

Ну, хорошо, пойдѣмъ

Уводить его.

Комната королевы.

ВЫХОДЪ ПОСЛѣДНІЙ.

КАРЛОСЪ, КОРОЛЕВА, петомъ КОРОЛЬ со СВИТОЙ.

Карлосъ въ монашеской одеждѣ съ маскою на лицѣ, которую онъ тутъ же спинаетъ; подъ мышкою обвѣщенный мечъ. Совершенно темно. Карлосъ подходитъ къ двери, которая отвергается. Королева входитъ въ комнату въ платѣ съ зажженной свѣчю.

КАРЛОСЪ, преклоняетъ колѣно.

Елисавета!

КОРОЛЕВА, смотря на него съ тихою грустью.

Вотъ какъ мы свидѣлись?

КАРЛОСЪ,

Вотъ какъ мы свидѣлись!

Молчаніе.

КОРОЛЕВА, старалась успокоиться.

Но встаньте!

Не будемъ мы разстроивать другъ друга.

Не немощной слезой должны мы тризнау

По другъ нашемъ править, Карлосъ. Слезы

Годятся лишь для мелкой скорби!... Онъ

Пожертвовалъ собою вамъ! Онъ жизнью

Своею вашу искупилъ.... И ировъ

Свою не попусту жъ онъ пролилъ!... Карлосъ!

За васъ дала ему свое я слово,

Сама за васъ ему я перучилась,

И онъ спокойнѣй съ жизнью разстался.

Вы, вѣрно, не допустите, чтобъ ложью

Себя я запятнала, Карлосъ.

КАРЛОСЪ, съ вдохновеніемъ.

Я

Ему надгробный памятникъ поставлю,
 Какого не бывало у монарховъ....
 Надъ прахомъ друга раи зацѣлуютъ!

КОРОЛЕВА.

Отъ васъ ждала я этого. И въ этомъ
 Вся мысль его прекрасной, славной смерти!
 Меня въ душеприкащицы свои
 Онъ избралъ. Я напоминаю вамъ:
 Обѣтовъ этихъ я держаться буду.
 Еще другое завѣщанье мнѣ
 Оставилъ нашъ покойникъ.... Я ему
 Дала въ томъ слово.... и.... зачѣмъ же мнѣ
 Умалчивать? Онъ Карла передалъ мнѣ....
 На перекоръ пойду я свѣту.... я
 Предъ нимъ не стану больше трепетать;
 Какъ другъ, хочу быть смѣлой. Сердце
 Пусть говоритъ во мнѣ. Онъ нашу страсть
 Великой добродѣтелью назвалъ.
 Я вѣрю и не стану больше сердца....

КАРЛОСЪ.

Довольно, королева!... Я лежалъ
 Все это время въ долгомъ, тяжкомъ снѣ.
 Я васъ любилъ.... Теперь я пробудился.
 Забудемъ прошлое! Вотъ ваши письма.
 Мои вы уничтожьте и не бойтесь
 Ужъ больше ни какихъ моихъ волненій.
 Все кончено. Чистительнымъ огнемъ
 Все существо мое воспламенилось.
 Отнынѣ лишь въ могилахъ у усопшихъ
 Живетъ любовь моя. Желанья смертныхъ
 Не раздѣляютъ больше этой груди.

Послѣ нѣкотораго молчанія, схватывая ея руку.

Проститесь съ вами я пришелъ сюда....
 О, королева! лишь теперь я вижу,
 Что есть другое, высшее блаженство,
 Чѣмъ обладать тобою. Одна лишь ночь
 Моихъ годовъ лѣнивое теченье
 Внезапно окрылила, изъ меня
 Вдругъ мужа сдѣлала. Мнѣ въ жизни

Не остается больше ничего,
Какъ только память объ усопшемъ! Жатвы
Моя пропала....

Онъ приближается къ королеви, которая закрываетъ лицо.

Вы не говорите

Мнѣ ничего?

КОРОЛЕВА.

На эти слезы, Карлосъ,
Не обращайтесь вы вниманья. Я
Не въ силахъ удержать ихъ.... Но, повѣрите,
Я удивляюсь вамъ.

КАРЛОСЪ.

Вы вашей дружбы
Единственной повѣренною были, —
Подъ этимъ именемъ вы для меня
Дороже будете всего на свѣтѣ.
Свою я дружбу также мало въ силахъ
Вамъ подарить, какъ и любовь вчера
Могъ подарить я женщинѣ другой.
Но царственной вдовы покой мнѣ будетъ
Всегда священенъ, если Провидѣнье
Меня на тронъ испанскій возведетъ.

Король въ сопровожденіи великаго инквизитора и гравдовъ
является въ углубленіи сцены, не замѣченный ими.

Теперь Испанію я оставляю
И не увижусь болѣе съ отцомъ....
По крайней мѣрѣ въ этой жизни. Въ сердцѣ
Моемъ природа вымерла.... Вы будьте
Опять ему супругой. Онъ лишился
Навѣки сына. Долгу своему
Вы слова будьте вѣрны. Такъ,
Въ послѣдній разъ прощайте!

Цѣлуетъ ее.

КОРОЛЕВА.

Карлосъ! Карлосъ!

Что изъ меня вы сдѣлали? Не смѣю
Возвыситься до этого величья;
Но понимать и удивляться вамъ
Могу я, вѣрьте.

КАРЛОСЪ.

Развѣ я не силенъ,

Елисавета? Я держу въ объятяхъ
Своихъ тебя и не колеблюсь.
Еще вчера меня отъ этихъ мѣстъ
Не отарвалъ бы ужасъ близкой смерти.

Остается се.

Но все прошло. Теперь наперекоръ
Готовъ идти враждующей судьбѣ
Я васъ въ объятяхъ сейчасъ держалъ
И самъ не колебался.... Тише! чу!
Вы ничего не слышите?

Бьютъ часы.

КОРОЛЕВА.

Лишь только

Одинъ ужасный колоколъ, что вамъ
Разлуку возвѣщаетъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ прощайте жъ.

Изъ Гента ждите перваго письма,
Что гласной сдѣлаетъ всю тайну нашихъ
Сношеній. Все, все будетъ яено. Это
Пусть мой обманъ послѣдній будетъ.

Хочетъ взять маску. Король становится между ними.

КОРОЛЬ.

Онъ твой послѣдній!

Королева падаетъ въ обморокъ.

КАРЛОСЪ бѣжитъ къ ней и принимаетъ ее въ объятія.

Умерла?

О, небо и земля!

КОРОЛЬ, холодно и спокойно къ великому инквизитору.

Свое я сдѣлалъ дѣло.

Теперь очередь за вами, кардиналъ.

Уходитъ.

М. ДОСТОЕВСКІЙ.

КЛАРИССА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

Миссъ Кларисса къ миссъ Гору.

Вторникъ, 4 апрѣля, въ шесть часовъ утра.

Настала страшный; торжественный день; какъ бы я хотѣла чтобъ онъ уже прошелъ! Я не спала цѣлую ночь, и съ каждой минутой все болѣе и болѣе прихожу въ трепеть.

Вторникъ, 11 часовъ.

Сегодня утромъ Бетти таинственно и торжественно сказала что *нѣкто* придетъ со мною завтракать; я надѣялась увидѣть тетущку, услышавъ шаги на лѣстницѣ, бросилась съ радостью къ дверямъ, но, увы! тщетная надежда! это была тетущка Гервой. Я была такъ взволнована, что тетущка, посмотрѣвъ на меня, сказала: «Ахъ, Господи! чему тутъ такъ пугаться? развѣ ты думаешь, что мистръ-Сонъ менѣе тебя взволновать, милая племянница? Въ то же время она стала расхваливать, превозносить меня и даже говорила, кажется, о *снихожденіи* мистра Сонза; я все дрожала. «Я вѣдь и забыла, сказала тетущка, что дѣвушка всегда дрожитъ когда ожидаетъ жениха. — «Жениха! жениха! вопричала я съ негодованіемъ, но тетущка встала и ушла, повторила, что я сейчасъ увижу Сонза.

Вторникъ, полночь.

Дай мнѣ выплакать мое горе. Я жива еще, и все еще нахожусь въ родительскомъ домѣ; вотъ все, что могу сказать тебѣ, чтобъ усюконтъ твое сердце. Но какъ долго пробуду я въ этомъ положеніи? не спрашивай, я и сама не знаю. Только-что тетушка вышла, какъ вбѣжала ко мнѣ опрометью Бетти. «Идите! идите, сударыня васъ ждутъ, онъ ужъ пріѣхалъ; мистра Сомза, право, можно принять сегодня за какого-нибудь лорда: онъ пресавантажный въ своемъ бѣлокурномъ парикѣ и вышитомъ золотомъ кастанѣ. Ахъ! какъ жаль, миссъ, что вы обошлись такъ неблагосклонно съ такимъ любезнымъ джентельменомъ...» Кровь хлынула къ вискамъ моимъ, я схватила вѣрвь: кто жъ ждетъ меня, Бетти? спросила я. «Да всѣ, всѣ рѣшительно, миссъ Кларисса,—мистръ и мистриссъ Гарло, оба дядюшки, мистриссъ Гервей, вашъ братецъ съ сестрицей, и наконецъ мистръ Сомзъ, который мнѣ самъ сказалъ (говоря это, Бетти передразнивала Сомза): «Будьте такъ милы и такъ добры, миссъ Бетти, увѣрьте миссъ Гарло въ моемъ глубочайшемъ уваженіи и скажите что я жду съ нетерпѣніемъ чести засвидѣтельствовать ей мое нижайшее почтеніе.» Какое злобное, адское творенье эта Бетти! Я увѣрена что дерзкое это созданье очень хорошо знаетъ, что дѣлаетъ, и ты увидишь, что она поступила по наущенію своей возлюбленной барышни, которая, стараясь отнять у меня послѣднее присутствіе духа и вывести совершенно изъ терпѣнія, научила своего шпіона подстрекать меня дерзостями. Вся взволнованная, я схватила вѣрвь, выпила стаканъ воды и опрометью сбѣжала внизъ, потому что боялась что у меня не хватитъ силъ выдержать до конца эту пытку. Только что я вошла въ одну дверь, какъ всѣ они вышли въ другую; это сдѣлалось такъ скоро, что я могла только разсмотрѣть кончикъ зеленоватаго платья Арабеллы. Дядюшка Антонн скоро воротился, оставивъ другихъ въ гостиной миссъ Арабеллы. Самая тонкая перегородка отдѣляетъ эти комнаты, такъ, что родные мои могли невидимо присутствовать.

Увидѣвъ меня, Сомзъ смѣшался; это придало мнѣ бодрости; отвернувъ голову и не стараясь скрыть моего презрѣнія, я сѣла у каминна. Сомзъ кашлянулъ два или три раза и преговорилъ что-то о *глубокомъ почтеніи, смущеніи, уваженіи, надеждѣ... надеждѣ...* и когда онъ *понадпьялся* до трехъ разъ, то я отвѣчала, что не могу понять его преслѣдованій и упорства, когда онъ видитъ мое постоянное отвращеніе. Тогда онъ привелъ мнѣ въ при-

мѣръ многихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя нѣсколько разъ отказывали женихамъ своимъ, потому выходили за нихъ и были совершенно счастливы. «Вѣроятно, меня очернили въ газетъ вашихъ, говорилъ онъ: разумѣется у меня есть недостатки, но для васъ я могу исправиться.....» Я не перебивала его, давала говорить, сколько угодно, а наконецъ когда надо было дать рѣшительный отвѣтъ, я сказала: «Мы пришли сюда не для того чтобъ дѣлать другъ другу комплименты; вы причина всѣхъ моихъ несчастій, поведение ваше недостойно честнаго человека, и такими средствами нельзя заставить любить себя.» Я хотѣла продолжать тѣмъ же тономъ, какъ вдругъ вбѣжалъ дядюшка Антонъ, онъ былъ какъ помѣшанный!... «Такъ-то ты отвѣчаешь? вскричалъ онъ: мистръ Сомзъ стоитъ, а миссъ Гарло сидитъ! Сдѣлайте одолженіе, садитесь, мистръ Сомзъ, и помнитесь съ племянницей.» Я встала на колѣни вбродъ дядюшкой и сказала: «Примите глубокое уваженіе вашей племянницы, которой такъ нужна теперь ваша благосклонность и которая васъ умоляетъ!»— «О благосклонности нечего умолять, миссъ Кларисса, она вамъ известна, заслужите же ее теперь.» — «О! не медлите дядюшка, если вы хотите простить меня, такъ простите теперь, сію минуту! Вы видите, меня преслѣдуютъ, гонятъ, запираютъ, отвергаютъ; я какъ чужая въ собственномъ семействѣ, и за что все это? что я такое сдѣлала? какое преступленіе? Возьмите мое состояніе; я обещаю никогда не выходить замужъ.... выслушайте мои клятвы!....» — «Клятвы?.... повторилъ дядюшка, побереги ихъ лучше до свадьбы, когда тебя будутъ вѣнчать съ мистромъ Сомзомъ.» А мистръ Сомзъ былъ тутъ и слушалъ эти ужасныя слова. «Дядюшка! дядюшка! вскричала я, такъ вы хотите уморить меня? И вы тоже, сказала я обращаясь къ Сомзу, потому что вы стоите тутъ, слышите, что я говорю и не отказываетесь отъ меня: такъ знайте, что я предпочитаю смерть этому браку!» Можешь представить себѣ, милая Анна, ярость дяди; онъ наслу могъ говорить. Онъ отвелъ въ сторону Сомза и сталъ говорить задыхающимся голосомъ объ упрямствѣ женщины: «Но клянусь небомъ! любезный мистръ Сомзъ, мы принудимъ ее, волею или неволею.» Потомъ, посмотрѣвъ на меня съ злостью, онъ подошелъ поспѣшно съ жатымъ кулакомъ, какъ будто хотѣлъ нанести мнѣ послѣднее оскорбленіе: «Да, да! не позже какъ черезъ недѣлю ты будешь его женою, ты будешь мистриссъ Сомзъ».... и новое, еще болѣе энергическое тѣмъ первое *клянусь небомъ!* казалось, успокоило его немного.

Что отвѣчать на это? Я хотѣла уйти, потому что была твердо убѣждена, что хорошо поступило, не оставившись; мнѣ хотѣлось видѣть, не будутъ ли у дядюшки какого-нибудь перышку ушлепика или жалости? какого-нибудь слова; движенія; взора, улыбки... и я бы бросилась въ его объятія; но нѣтъ! онъ стоялъ молча, недвижимъ, и глядѣлъ на друга своего. Сонза, какъ будто спрося его сѣмья. Вдругъ вбѣгаетъ братъ, и хватается меня за руку, но такъ крѣпко, что чуть не переломилъ ее: «Сдѣлайте одолженіе, потрудитесь вернуться, любезная мысль, мы еще не кончили; васъ не положили въ магальный склепъ, а поведутъ сюда вѣнчать, и поныне хорошенько; что никогда, чѣмъ ни дай, ты не увидишь этого подлаго Ломаса. Мы съумѣемъ (тушь еще невысохъ голоса, такъ, чтобъ всѣ его слышали) сохранить тебя для этого честнаго человека, (чуть братъ подхватилъ не Сонзу) который хочетъ спасти тебя отъ гибели. Неблагодарная! тебѣ бы слѣдовало благодарить его за такую доброту, за такое отношеніе!» Потомъ обратился къ Сонзу: «Вотъ рука ея, возмите ее, любезный братъ, и будьте увѣрены, что непокорная эта сама скоро утвердитъ за вами даръ, который я принесу вамъ отъ имени всего семейства; имя она будетъ самая несчастная, потому что отецъ, мать, дяди, всѣ мы однимъ словомъ, уже покидаютъ ее.» Я была въ отчаяніи, и хотѣла уже уйти, но услышавъ это, оставилась и сказала съ негодованіемъ: «А по канону праву, милостивый государь, располагаете вы моею рукою? Кто вы такой? Если вы въ самомъ дѣлѣ глава семейства, то я не признаю вашей власти въ этомъ домѣ, особенно когда дѣло идетъ о чести и совѣсти!» Между-тѣмъ она все еще держала мою руку. «Взыщите мою руку, милостивый государь, мнѣ больно, выпустите ее!» Она пришла въ ярость и швырнула съ ненавистью и презрѣніемъ наболевшую мою руку. Я вскрикнула и заплакала. Мистръ Сонзъ былъ такъ добръ, что вступился за меня. «Милостивый государь, сказала я ему, я не принимаю вашего покровительства, потому что вы причина такого обхожденія.» — «Вы слышите добры, мистръ Сонзъ, сказалъ братъ, но все таки, я прошу васъ, будьте тверды въ вашемъ намѣреніи: спасите ее отъ гибели. Ободритесь, посмотрите, какъ она хороша! Вспомните сколько въ ней хорошихъ качествъ; сколько удивительныхъ достоинствъ, и что она была еще недавно украшеніемъ своего семейства, которое гордилось ею. Кажется, она стоить, чтобъ вы преслѣдовали до конца намѣреніе спасти ее; еще одна или двѣ недѣли проведенныхъ такимъ

образомъ, и вы будете такъ счастливы какъ *можетъ только быть счастливы мужь!*» Последняя эта выходка не должна удивлять тебя, милая Анна, если вспомнишь, что шутки такого рода входятъ въ образованіе и хорошій тонъ мистра Джемза! Я спорила съ братомъ, спорила съ Сомзомъ, и даже дядюшкѣ, который вскричалъ, что не вѣрить чтобъ миссъ Кларисса могла такъ пылать, отвѣчала, что надо же мнѣ наконецъ защищаться, если на меня нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Да, со мною обходится недостойно, съ невыразимою грубостью!... Я задыхалась, такъ, что мнѣ надо было позвать Бетти, чтобъ не упасть при нихъ за мертво. Я побрела въ садъ, а дядюшка кричалъ мнѣ въ слѣдъ: «Мисъ Кларисса, погодите, послушайте насъ, еще минутку.... Мистру Сомзу надо переговорить съ вами....»

Сидя на дерновой скамьѣ, я закрыла лицо Беттинымъ передникомъ и горько плакала. Черезъ часъ маленькая кузина моя, Долли, дочь тетушки Гервей, пришла сказать мнѣ своимъ нѣжнымъ и звучнымъ голоскомъ, что меня требуютъ въ моленную. Бѣдная дитя была вся въ слезахъ. «Милая кузина, сказала она, я плачу оттого, что люблю васъ!» Потомъ прибавила шепотомъ: «Мама тоже о васъ плачетъ, миссъ Кларисса, потому что чувствуетъ къ вамъ безпредѣльную нѣжность, и говоритъ, что они губятъ цвѣтокъ нашего семейства! Ваша мама тоже плачетъ; дядюшка Гарло тоже видитъ, что вамъ нельзя выходить за мистра Сомза, но вашъ братъ, миссъ Арабелла и дядюшка Антони настаиваютъ на своемъ.» Потомъ, посмотрѣвъ на меня, Долли прибавила: «Ахъ! милая кузина, если бъ я была на вашемъ мѣстѣ, то вышла бы за Ломаса, и не поглядѣла бы на этого неспособнаго, который не стѣдитъ вашего башмака.»

Между-тѣмъ маленькая Долли привела меня въ моленную и оставила тамъ какъ обреченную жертву. Она простилась со мною, и я осталась одна, оглушенная всѣми голосами, которые спорили, кричали, шумѣли въ сосѣдней комнатѣ; я могла однако различить голоса, которые говорили, защищали меня и возставали противъ меня; я чувствовала жалость однихъ и понимала гнѣвъ другихъ; въ такомъ положеніи я провела четверть часа, которая показалась мнѣ цѣлымъ вѣкомъ. Вошла тетушка: «А! ты здѣсь, Кларисса!» сказала она. Въ ту же самую минуту явился дядя Антони: онъ велъ за руку Сомза, который въ это время забавлялся вздохами и дышалъ какъ усталый полотеръ. «Садись, сказалъ мнѣ дядя, сажал подлѣ меня Сомза, и самъ садясь съ

другой стороны. «Пора все это кончить, племянница; кажется, ты уже все сказала, что было у тебя на сердцѣ», сказалъ дядя и взялъ меня за руку. Я вырвала ее. «Такъ-то ты со мною обращаешься? Я не ожидалъ отъ тебя этого, Кларисса!» — Ради Бога! любезная миссъ Гарло! вскричалъ Сомзъ, всплеснувъ руками. — «Кажется вамъ не слѣдуетъ дѣлать этихъ восклицаній», отвѣчала я, потому что между Богомъ и вами нѣтъ ничего общаго!» Сомзъ замолчалъ, а дядюшка, совершенно вышедъ изъ себя, сказалъ: «Переставьте, мистръ Сомзъ, нечего ее упрашивать.» Дядюшка сталъ упрекать меня и пересчитывать все добро, которое для меня дѣлалъ; какъ любилъ онъ меня, больше брата, больше сестры, и если остался холостымъ, то это для меня; если онъ нажилъ большое состояніе, то наживалъ его тоже для меня. Я отвѣчала, что съ радостью отдамъ все это за одно ласковое слово дядюшки. Настало молчаніе.... Сомзъ опустилъ голову и припряталъ свои любезности до другаго разу, потому что человѣкъ этотъ говорить мало и дурно, а дядюшка вытаращилъ глаза: «Да, дядюшка, продолжала я: отдайте состояніе ваше сестрѣ и брату, а мнѣ оставьте только вашу нѣжность.» Дядюшка былъ тронутъ; но вдругъ прибѣжалъ братъ, онъ бѣсновался, проклиналъ всѣхъ и все и кричалъ, что дѣло идетъ не о дядюшкиномъ наследствѣ, но о чести всего семейства. Однимъ словомъ, у насъ опять поднялась кутерьма; онъ кричалъ, грубилъ, а я съ своей стороны дѣлала ему горькіе упреки и говорила, что честь моя не можетъ быть въ опасности въ родительскомъ домѣ, и что онъ меня напрасно оскорбляетъ. Братъ хотѣлъ меня ударить, но добрый Сомзъ остановилъ его; это, кажется, была хитрость съ обоюднаго согласія этихъ двухъ достопочтенныхъ друзей. «Какая доброта! какое великодушіе! что за душа! какъ онъ умѣлъ обезоружить дядю!» Что же до меня касается, то я самое недостойное, неблагодарное существо. Въ это самое время вошла Бетти и, бросивъ на меня наглый взглядъ, сказала брату: «Батюшка проситъ васъ, сударь, пожаловать къ нему немедленно; онъ ждетъ васъ за дверью.» Братъ всталъ и я услышала грубый голосъ батюшки, который говорилъ: «Ужъ это слишкомъ! Свези ее, Джемзъ, тотчасъ же къ брату моему Антони; я не хочу, чтобъ она оставалась въ моемъ домѣ.»

Могу ли передать, что происходило въ душѣ моей? Я встала, закричала, бросилась къ дверямъ и отворила бы ихъ, если бы братъ не поспѣшилъ вынуть ключъ; я стояла на колѣняхъ и говорила умоляющимъ голосомъ: «О! батюшка, батюшка! смальтесь

надо мною, не отвергайте вашей дочери! Позвольте обнять ваши колѣни.» Я кричала, плакала; глаза дядюшки наполнились слезами, даже самъ Сомъ былъ тронутъ, отчего сдѣлался еще откровеннѣе; только одинъ батюшка молчалъ, не подавая ни малѣйшаго знака умиленія.... «Выслушайте меня, батюшка, я стою на колѣняхъ, прошу, умолию васъ отворить эту дверь!» Дверь въ самомъ дѣлѣ распахнулась, но такъ внезапно, что я спотыкнулась и очутилась въ сосѣдней комнатѣ.... но тамъ никого не было. Я ушла къ себѣ, дядя и Сомъ пошли къ матушкѣ.

Не знаю, что тамъ происходило. Братъ возвратился одинъ. «Будь готова къ отъѣзду; отдай ключи Бетти, которая уложитъ всѣ твои вещи! Бетти, возьми ключи, если они въ барышнининыхъ карманѣ.» — Милостивый государь, отвѣчала я, вы видите, въ какомъ я положеніи, и могу ли теперь ѣхать; отъѣздъ этотъ можетъ мнѣ стоить жизни.... Что же касается до ключей, то я отдамъ ихъ только одной матушкѣ. «Ключи! ключи!» кричалъ онъ. — Извините, милостивый государь, я вовсе не расположена на собственной волѣ отдавать вамъ ключи мои. «Поэтому у тебя есть тайны, которыхъ никто не долженъ знать?» сказалъ онъ и вышелъ какъ-будто хотѣвъ идти за приказаніями къ матушкѣ. Маленькая Долли принесла мнѣ отвѣтъ. «Вотъ, возьми эти ключи, мое дитя мое, и снеси ихъ матушкѣ, и если ей не будетъ непротивно, то попроси ее, чтобъ она позволила мнѣ еще прожить у себя нѣсколько дней.» Долли взяла ключи и горько заплакала, потомъ, бросившись ко мнѣ на шею, стала обнимать, дѣловато меня и просить прощенія, что взяла на себя такое грустное порученіе. Но Бетти Баризъ, посмотрѣвъ на насъ, злобно захохотала. «Вотъ какая любовь!» сказала она. Я рассердилась и приказала ей выйти. «Очень была бы рада, отвѣчала она, но должность моя не позволяетъ.» Я хотѣла уйти къ себѣ, но Бетти сдѣлала видъ, какъ-будто хотѣтъ заслонить мнѣ дорогу. «О! это савшкомъ!» вскричала я, и оттолкнула эту недостойную тварь; она закричала, зазвонила и братъ тотчасъ же приближалъ къ ней на помощь. «Погодите, погодите, идите!» сказалъ онъ, и я осталась одна съ моими тюремщиками. Я не стану передавать тебѣ всѣхъ грубостей, которыми осмылали меня братъ и служанка. Между-тѣмъ они грабили мою комнату и сестра бѣгала по всѣмъ угламъ, чтобъ найти противъ меня какое-нибудь обвиненіе, но все было напрасно; къ счастью, мнѣ нечего было скрывать. Какъ я устала отъ столькихъ воле-

нѣй! глаза смыкаются; я иду лечь на постель и постараюсь заснуть.

Среда, три часа утра.

Не могу спать! Страшная будущность моя приближается скорыми и ужасными шагами; поспѣвши. Только-что я осталась одна, какъ они прислали мнѣ Сомза, Антони и тетущку Гервей. Видно было, что она съ отвращеніемъ взяла на себя это порученіе, потому что была болѣе чѣмъ грустна. «Кларисса, сказала она, я пришла отъ имени твоей матери, которая находитъ, что Джемзъ слишкомъ жестоко съ тобой поступаетъ. Следѣй и постараемся пожать другъ друга.» Тетущка съѣла подлѣ меня съ правой стороны, Сомзъ съ лѣвой, а дядюшка напротивъ меня; меня окружили и стерегли какъ какую нибудь важную крѣпость. «Во первыхъ, сказала я тетущкѣ, зачѣмъ вы привели сюда мистра Сомза? Неужели мы опять станемъ говорить объ немъ?». Дядюшка укусила губу и Сомзъ погладилъ себѣ подбородокъ. «Ну, что бы ты сдѣлала, любезная племянница, сказала тетущка, если бы съ тобою обходился поласковѣе?» — То же самое, что дѣлаю теперь, тетущка: отказала бы мистру Сомзу. — Дядюшка вскопчалъ и, отводя въ сторону Сомза, сказалъ: «Не надо на нее обращать вниманія; побѣда будетъ на нашей сторонѣ, это вѣрно; можно ли допустить, чтобъ все семейство уступило такой дѣвочкѣ? Вотъ что огорчаетъ меня, что я до сихъ поръ не знаю причины такого дьявольскаго упрямства!» Въ это время тетущка глядела на меня съ участіемъ и говорила, что матушка была очень довольна присылкою ключей, что родные, не найдя ничего что бы могло обвинять меня, успокоились немного, и что самъ Сомзъ уступилъ за меня. «Ради Бога, не говорите мнѣ объ этомъ человѣкѣ, не выставляйте передо мною его достоинствъ: я объ немъ не хочу слышать. Тогда только я буду благодарить его, когда онъ откажется наконецъ отъ своихъ неумѣстныхъ напиривій!» — Я не въ силахъ, вскричалъ Сомзъ, отказаться отъ собственнаго счастья и отъ чести миссъ Клариссы. — Я отвѣтила ему презрительнымъ взглядомъ, а тетущка, какъ-будто ея никто не перебивалъ, продолжала: «И потому, милая Кларисса, родители твои, по просьбѣ мистра Сомза, позволяютъ тебѣ еще недѣлю оставаться въ своемъ домѣ.» — Выслушайте меня, тетущка, сказала я: постарайтесь избавить меня отъ посѣтителей, которые мнѣ не нравятся, тогда я тотчасъ же уѣзжаю къ дядюшкѣ Антони. — Увидимъ, увидимъ, сказала тетущка: между-тѣмъ выслу-

шай насъ хорошенько, тогда ты поймешь, зачѣмъ пришелъ сюда твой женихъ.» — Да, племянница, сказалъ дядя: будь внимательна; ты услышишь сейчасъ чудесныя вещи; а вы, мистръ Сомъзъ, потрудитесь прочесть намъ то письмо.—«Сейчасъ, сейчасъ, милостивый государь, отвѣчалъ уродъ, вытаскивая изъ кармана портфель, изъ котораго вынулъ предьявное посланіе, и развернуть его съ преглупою миною, кашлянулъ, плюнулъ, посмотрѣлъ на насъ сверхъ очковъ и началъ наконецъ такимъ образомъ: «Мистру Роджеру Сомъзу, конюшему. Любезный другъ....» — Извините, милостивый государь, сказала я, перебивая его: к чему мнѣ знать содержаніе этого письма? — «Чтобъ доказать тебѣ, миссъ Кларисса, что это за человѣкъ, который, по-видимому, тебѣ нравится.» — Ну, если это и такъ, то по какому же праву мистръ Сомъзъ смѣетъ требовать сердца, которое принадлежитъ другому?—«Выслушай же насъ, Кларисса; тебя только объ этомъ и просить.» — Но прежде всего, милая тетушка, мистръ Сомъзъ долженъ намъ сказать, не дѣйствуетъ ли онъ тутъ изъ личныхъ выгодъ? — «Выслушай его», повторила тетушка. — Да замолчишь ли ты наконецъ? вскричалъ дядюшка. Сомъзъ снова сталъ читать. Письмо это было безъ подписи и безъ интересу. Еслибъ ты знала, что говорятъ тутъ о Ловласѣ! Но мнѣ не хотѣлось доставить наслажденія Сомъзу и дать дочитать до конца поучительную рѣчь. «Безымянное письмо! стыдитесь, милостивый государь! Вообще мнѣ нѣтъ до него ни какого дѣла, все равно какъ до перваго встрѣчнаго, однако согласитесь, сказала я, обратясь къ дядюшкѣ съ гордымъ видомъ, что всѣ эти преслѣдованія могли бы меня заставить полюбить Ловласа?... Но иора все это кончить, и потому я объявляю, что если меня избавить отъ этого человѣка, то я съ радостью отказываюсь отъ того!» — Ну, продолжайте, мистръ Сомъзъ, сказалъ дядюшка. — «Еще разъ повторяю, к чему? Я напередъ знала, что мистръ Сомъзъ будетъ вамъ вторить; вѣдь это его выгода, и въ письмѣ этомъ, вѣрно, нѣтъ ничего такого, чего бы я давно не знала. Право, можно подумать, что вы стараетесь заставить меня влюбиться въ Ловласа: иначе не стали бы такъ преслѣдовать.» — Вы слышите, вскричалъ дядюшка, какъ она защищаетъ этого беззастѣливаго человѣка!—«Ахъ, Боже мой! такъ это правда, что они говорятъ?» — Нѣтъ, нѣтъ, тетушка, это неправда; только я вспомнила одно мѣсто изъ Евангелія, гдѣ Христосъ вызываетъ бросить первый камень тѣхъ, которые чувствуютъ себя безгрѣшными: человѣка этого ненавидятъ, преслѣдуютъ, обвиняютъ; я не обвиняю и не

защитаю его, но только говорю, что еслибъ у него была сестра; то онъ не сталъ бы притѣснять ее и выдавать силою за какого-нибудь «конюшаго», къ которому она чувствуетъ отвращеніе! Навротивъ, онъ опора своего семейства, которое онъ любитъ, защищаетъ, поддерживаетъ; онъ бы не рѣшился на стыдъ ограбить его, чтобъ обогатить и безъ того богатую женщину.... — «Ты ошибаешься, Кларочка,» вскричала тетушка. — Ты не о томъ говоришь, сказалъ дядя. — «Вамъ не такъ передано», прибавилъ Сомзъ. — Да что мнѣ за дѣло! Я ничего не знаю и знать не хочу, а только одно знаю, что нѣтъ человѣка, который бы избѣгалъ людскихъ толковъ. Да хоть вы, мистръ Сомзъ! Чего, чего не говорить о васъ и чего не думаютъ? И что вы сами можете подумать о человѣкѣ, который нападаетъ на отсутствующаго? — Сомзъ остолбенѣлъ. Настала минута глубокаго молчанія. Дядя и тетушка, казалось, хотѣли оправдать меня; я торжествовала; но вдругъ вбѣжалъ братъ. Онъ былъ въ себя. «Вотъ вы и оробѣли! вскричалъ онъ: бредни миссъ Клариссы произвели желанное дѣйствіе. Я слышалъ всѣ ея назидательныя рѣчи; но будьте тверды, мистръ Сомзъ, и когда сдѣлаетесь ея мужемъ, то оплатите ей за всѣ ея дерзости!» — Помилуй, Джемзъ, вскричала тетушка, какъ ты смѣешь такъ говорить о своей сестрѣ? — «Тетушка, продолжалъ Джемзъ, я очень радъ случаю сказать, что ваша трусость и слабость утомляютъ меня, потому что вы своимъ снисхожденіемъ возбуждаете въ ней непокорность. Если миссъ Кларисса осмѣливается защищать такого повѣсу, кто жъ поощряетъ ее, если не вы?» Услыхавъ это, тетушка заплакала. «Еслибъ мой родной братъ сталъ говорить со мною такимъ тономъ какъ ты, Джемзъ, то и ему бъ я сказала, что онъ ведетъ себя недостойно.» — Такъ же какъ и обращеніе его со мною! вскричала я, выходя изъ себя: есть чѣмъ гордиться; столько яду достанетъ и у зѣвъ! — «Довольно! довольно, Кларочка! вскричалъ дядюшка: а ты, любезный племянникъ, также виноватъ какъ и сестра твоя!» Въ эту минуту вошла Арабелла. «Сколько потеряннаго времени! сказала она: развѣ ты не видишь, Джемзъ, что доброта и снисхожденіе мистра Сомза придаютъ еще больше смѣлости этой дѣвочкѣ? Впрочемъ батюшка зоветъ васъ всѣхъ, и мистра Сомза тоже». Она вышла; я осталась одна съ Арабеллой. Лицо и глаза ея горѣли, она снова стала осыпать меня упреками и униженіями, только въ полголоса, но я заставила ее однимъ словомъ, сказаннымъ громко, переимѣнить тонъ; она вспыхнула, закричала, такъ, что ее услышали изъ сосѣдней комнаты и прислали малень-

кую Долли, чтобъ она заставляла ее молчать. Она должна была покориться; вышла въ другую комнату и слышала, какъ она сказала: «Это созданье такъ колко отвѣчаетъ!» Но спокойствіе мое не долго продолжалось; только-что сестра ушла какъ пришелъ Сомъ съ своими пошлыми увѣреніями въ своей преданности и уваженіи. «Несмотря на вашу жестокость, миссъ Кларисса, я всё-таки буду надѣяться на ваше снисхожденіе и доброту сердца.» — Но я вамъ говорю что вовсе не имѣю къ вамъ ни какой склонности. — «Я знаю, какое уваженіе надо питать къ чувствамъ миссъ Клариссы, и увѣренъ что рано или поздно, я составлю ей счастье.» — «Я ничего отъ васъ не хочу, ни счастья, ни разговоровъ, ни визитовъ, ничего, ничего.» — «Я самый несчастный человѣкъ, но надѣюсь, что вы уступите волѣ брата и дядюшекъ.» — «Никогда, милостивый государь, будьте увѣрены что никогда!» — «Я буду терпѣливо ждать, чтобъ миссъ Кларисса перемѣнила свой образъ мыслей, потому что я могу быть счастливъ только съ нею.» — «Не смотря что я буду несчастна?» Онъ сталъ говорить о своемъ богатствѣ и что состояніе его принадлежитъ мнѣ, но я остановила его однимъ словомъ: — «Довольно, довольно; такъ вы рѣшительно не хотите понять ненависти и презрѣнія, которое я къ вамъ чувствую?» Надо было видѣть, какъ онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, желтѣлъ, снѣдѣлъ, и стоялъ какъ помѣшанный. Какое несчастье, когда у человѣка нѣтъ довольно ума, чтобъ замѣтить глупость или, что еще хуже, дерзость, которую онъ сказалъ.

Братъ снова явился и снова сталъ оскорблять меня.... Я переходила съ мѣста на мѣсто.... Ксчастью его позвали. Наконецъ мистеръ Сомъ, простясь со мной, удалился, и мнѣ позволили идти на верхъ. Дерзкая Бетти вошла за мною въ комнату, говоря, что Сомъ влюбленъ въ меня безъ памяти, что родители мои никогда такъ не желали этого брака какъ теперь, что никто не хочетъ вѣрить, что это непостижимо, чтобъ я до такой степени могла полюбить Ловласа! и, наконецъ, что я очень хорошо сдѣлала, что умѣла спрятать бумаги отъ всѣхъ поисковъ. — «Берегитесь, миссъ, благодаря Бога у меня презоркіе глаза, я все вижу.... вы пишете днемъ и ночью, но васъ можно лишитъ этого маленькаго удовольствія!» Слова эти, сказанныя на вѣтеръ, заставляли меня подумать и взять нѣкоторыя предосторожности. На всякой случай, я припряду все, что нужно для письма, а въ случаѣ нужды буду писать карандашемъ на выкройкахъ платьевъ и мантіахъ. Какой безпорядокъ въ моихъ шкафахъ, ящикахъ, кни-

гахъ; все перерыто, переложено! Еслибъ не твой спасительный совѣтъ, я погибла бы.

Прощай, другъ; перо падаетъ изъ рукъ моихъ.

Шесть часовъ вечера.

Они привели въ исполненіе свои угрозы и похитили у меня всё средства писать. Надо поторопиться, если я хочу, чтобъ ты знала все, что у насъ происходитъ. Я написала четыре строчки Ловласу: «что говорила съ Сомзомъ и надѣюсь, что онъ потерялъ всю надежду на меня». Я думаю, ты получишь довольно поздно мое письмо, потому что я такъ утомилась, что не въ состояніи была встать съ постели; однако полагаю, что сегодня вечеромъ или завтра, утромъ ты отвѣтишь. Что говорить на все это твоя матушка? Проси и умолай ее любить меня по прежнему, потому что я больше чѣмъ когда-нибудь нуждаюсь въ ея благосклонности! Только что я проснулась какъ пришла тетушка Гервей, для того только чтобъ подтвердить справедливость дурныхъ слуховъ, которые носятъ о Ловласѣ. Тетушка говоритъ, что родные мои будто бы слышали отъ самыхъ вѣрныхъ людей, что Ловласъ до крайности напыщенъ своею знатностью и говоритъ о фамиліи Гарло, какъ о такой фамиліи, которая недостойна быть съ нимъ въ родственныхъ связяхъ. — «Да по какому же праву, милая тетушка, отвѣчала я, Ловласъ можетъ пренебрегать нашимъ родствомъ? Наша фамилія, исключая только что у насъ нѣтъ перовъ, ни сколько не хуже его фамиліи. Но я не вѣрю, чтобъ онъ былъ такъ гордъ: это было бы слишкомъ глупо; но еслибъ даже онъ и сказалъ это, то сказалъ какъ человѣкъ, котораго братъ часто оскорблялъ; въ такомъ случаѣ надо быть справедливымъ и не принимать неавиствъ за оскорбленіе.» — Ахъ! какъ ты влюблена въ него, милая Клариса! вскричала тетушка. — «Нисколько не влюблена, я только защищаю его; не понимаю, отчего всё безъ исключенія, говорятъ мнѣ объ немъ на каждомъ шагу и каждую минуту?» — Но позволь мнѣ передать тебѣ, что онъ говоритъ о тебѣ самой, о тебѣ, которая съ такимъ краснорѣчіемъ защищаешь его; отчего не хочешь ты слушать Сомза? — «Если непременно надо, чтобъ кто-нибудь говорилъ мнѣ о Ловласѣ, то Сомзу тутъ рѣшительно нечего дѣлать; лучше говорите вы сами.... Для чего вѣчно мѣшать Сомза и Ловласа и ставить ихъ на одну доску? Видя мое нетерпѣніе и раздражительность, тетушка ушла, недовольная мною и самой собою.... Кто-то стоялъ за дверями, подслушивая нашъ разговоръ.... Вбѣжала Бетти: «Миссъ, миссъ! вскричала она, кто-то

ждать васъ въ парлаурь». — «Кто жъ такой?» — «Можеть-быть братецъ, а можеть-быть и сестрица, потому что они не осмѣливаются входить къ вамъ; они боятся васъ, миссъ Гарло.» — «А мистръ Сомъ, уѣхалъ?» — «Я думаю; но если вамъ угодно, то можно вернуть его?» Дерзкая! Я сошла внизъ, это и въ самомъ дѣлѣ былъ братъ съ своимъ достойнымъ сподвижникомъ Сомзомъ! Я почувствовала, какъ холодный потъ выступалъ на лицѣ моемъ. — «Садитесь, миссъ Кларисса, сказалъ братъ; я сѣла, Сомъ сказалъ: «Сударыня, вы должны знать, что Ловласъ отъявленный врагъ жемъбы, шепеть не руки вашей, но...» — «Какой вы низкій человекъ! вскричала я, отдергивая руку, которую держалъ братъ, да, низкій человекъ и предатель! Знайте, милостивый государь, что честь такой дѣвушки, какова я, ни отъ кого не зависить, и ни кто не можеть похитить ея, ни Ловласъ, ни Сомъ, ни мистръ Джемъ», прибавила я глядя пристально на брата. — «Злое творенье! сказалъ братъ: но подумай, миссъ Кларисса, что терпѣннѣе наше можеть лопнуть!» Сказавъ это, онъ схватилъ мнѣ руку и такъ крѣпко, что чуть не сломалъ ее; я старалась вырваться, онъ схватилъ меня обѣими руками.... Началась борьба! — «Скажи крайней-мѣрѣ этому человеку, чтобъ онъ ушелъ отсюда! кричала я, чтобъ онъ не былъ свидѣтелемъ твоихъ низкихъ покушеній, если ты хоть сколько-нибудь уважаешь самого себя, мистръ Джемъ.» Сдѣлавъ послѣднее усиліе, я вырвалась изъ рукъ брата. «Убирайся, фурия! и оставь насъ въ покоѣ.» Я ушла къ себѣ въ комнату и заперлась на ключъ. Ахъ! какъ я боялась. Черезъ минуту пришла Бетти. «Отворите! отворите, миссъ!» Я отворила: «Господи, Боже мой! весь домъ къ верху дномъ! шумъ, гамъ, хоть кого оглушить! Кто бы могъ подумать, что такой тихій, спокойный, честный, всѣмъ уважаемый домъ превратится въ такой адъ, и изъ чего все это? изъ того только, что какая-нибудь дѣвочка не хочетъ слушаться.» Потомъ, оборотясь ко мнѣ спиною, сказала: «Сударыня! давныя мнѣ приказанія строги, но я должна повиноваться; отдайте мнѣ ваши перья, бумагу и чернила.» — «Это зачѣмъ?» Она хотѣла силою войти въ кабинетъ. «Какъ! ты осмѣливаешься?...» вскричала я. Она хотѣла оттолкнуть меня, но въ это время вошла маленькая Долли и сказала своимъ звучнымъ и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ: «Надо, добрая кузина, чтобъ вы мнѣ отдали перья, чернила и бумагу!» — «Да, тебѣ, Долли! это другое дѣло, въ твои ручки, но не въ когти этой мегеры.» — «Что станется съ вами, душенька кузина?» прибавила робко Долли. «Я въ отчаяніи, но вамъ папа клянется; что завтра или въ суббо-

ту васъ непрежѣнно отправятъ къ дядѣ Антони.» Долли ушла, унесла чернильницу и перья, которыми сестра и достойная ея компаньонка Бетти записывали и считали, въ обратное въ то время, когда я была въязу. Къ счастью, я успѣла еще прикрытаться съ дюжиною перьевъ, а то не знала бы теперь что дѣлать. Когда Долли ушла, Бетти стала мнѣ рассказывать со всѣми подробностями, что матушка совершенно перешла на сторону брата; что дядюшка Юліи тоже покидаетъ меня на произволъ судьбы, только умоляетъ Сонза, когда онъ сдѣлается моимъ мужемъ, забыть несправедливое обращеніе и капризы дѣвочки, которая сама не знаетъ, чего хочетъ и что говорить. Долли снова пришла и рассказала, что они требуютъ у нея и спрашиваютъ, куда дѣвалась бутылка съ чернилами, которую всѣ они видѣли въ моей комнатѣ.... Я отдала ее. Тѣмъ лучше; они не станутъ больше подозрѣвать меня; вотъ въ какомъ положеніи находятся теперь дѣла мои, милая Анна; но мать твоя, мать твою, что она дѣлаетъ и что со мною будетъ?

P. S. Я возвращаюсь съ нашей почты, вчерашнее мое письмо всё еще тамъ, слѣдовательно ты получишь два письма вдругъ.

Срела.

Вотъ письмо отъ Ловласа. Онъ уже знаетъ отъ слова до слова все, что было говорено, и все, что дѣлается у насъ въ домѣ; онъ знаетъ, что родители мои не перемѣнятъ своего рѣшенія и оттого убѣдительно упрашиваетъ согласиться на предложенія, которыя онъ мнѣ уже нѣсколько разъ дѣлалъ. Дядя его и тетки съ радостью готовы принять меня; наконецъ, въ ожиданіи Мордена онъ предлагаетъ мнѣ ѣхать въ мое помѣстье. «Нѣтъ! пишетъ онъ: я никогда не потерплю, чтобъ васъ заключили въ замокъ вашего дяди Антони!» Я никогда не видала болѣе дѣтельнаго, болѣе рѣшительнаго и болѣе вспыльчиваго человѣка; онъ все знаетъ, даже самыя малѣйшія подробности. Но ты знаешь, другъ мой, я не могу принять его покровительства. Вся моя надежда на мать твою, только она одна можетъ приютить, защитить, спасти меня. Я чувствую, что погибну, если останусь въ этомъ домѣ, и погибну тоже если уйду отсюда, не имѣя пристрашница: попроси добрую твою матушку прислать за мною карету, а потомъ пусть дѣлаетъ она со мною, что хочетъ; я буду ей во всемъ повиноваться, только чтобъ мнѣ избавиться отъ Сонза и не быть принужденной искать покровительства въ

семействъ врага моихъ родителей. Дай Богъ, чтобъ мать твою сжалась надо мною.

Среда, вечеръ.

Я возвращаюсь изъ сада, гдѣ сдѣлавъ нѣсколько круговъ остановилась въ одной изъ аллей: вдругъ прибѣгаетъ Бетти и говоритъ запыхавшись: «Будьте осторожны, миссъ, сюда идетъ мистръ Гарло!» Только-что я успѣла броситься въ кусты какъ прошелъ батюшка; онъ шелъ съ братомъ и сестрою; гримъ его дрожалъ отъ гнѣву. «Дженсъ, говорилъ онъ, и ты Белла, и ты братъ, дѣйствуйте какъ хотите, я предоставляю вамъ полную волю». Онъ говорилъ обо мнѣ. Батюшка продолжалъ прогуливаться; а какъ матушка не выходитъ, то я послала узнать о ея здоровьи. «Мнѣ не идетъ теперь принимать участіе въ миссъ Клариссъ; что ей за дѣло до страданій, которыхъ она единственною причиною?» Къ вечеру ей стало лучше; но чтобъ эта добрая вѣсть досталась мнѣ не даромъ, Бетти объявила, что мнѣ надо отказаться отъ прогулокъ въ саду и даже отъ птицъ. Ты сама видишь, что мнѣ надо сѣшнить, иначе невозможно будетъ бѣжать, или надо будетъ цѣловать униженно руки брата и сестры.

Тотъ же день, полночь.

Въ домѣ ужасная тревога. Какой-то странный шумъ, двери то затворяются, то отворяются; Бетти бѣгаетъ сверху внизъ и снизу наверхъ, и смотритъ на меня каждую минуту съ какимъ-то помѣшаннымъ видомъ, восклицая: «О, Господи! Господи!» Не знаю, что это значитъ? а между-тѣмъ дрожу всѣмъ тѣломъ и нду узнать нѣтъ ли отъ тебя писемъ?... Что съ тобою? не больна ли ты, милая Анна? я не нашла ни одного отъ тебя письма, а мои письма всё-еще лежать на томъ же мѣстѣ! Если бъ ты знала, какъ я страдаю, колеблюсь и жду!

Миссъ Говъ къ миссъ Клариссъ.

Четвергъ утромъ. 6 апрѣля.

Наконецъ я держу въ рукахъ всѣ три письма! можешь представить какъ я жаждала узнать, что съ тобою дѣлается; зато третьяго дня рано... даже слишконъ рано утромъ, я послала Роберта къ мѣсту нашей тайной переписки; онъ возвратился съ пустыми руками, а когда я хотѣла послать еще разъ, то его уже

не было, онъ ушелъ по маленькому порученію къ какому-то сосѣду; когда Робертъ возвратился, я хотѣла снова послать, но уже было такъ поздно, что надо было отказаться на этотъ вечеръ отъ радости или горя читать твои письма. Я не спала цѣлую ночь, только сегодня утромъ, бросивъ всѣ дѣла и не одѣваясь еще, я схватила и прочтала твои письма, съ негодованіемъ, ужасомъ и восторгомъ! да, съ восторгомъ! меня восхищаетъ твоя храбрость, присутствіе духа и терпѣніе. Вотъ въ какомъ теперь положеніи моя бѣдная Кларочка! Съ одной стороны семейство Ловласа (но, какъ ты сама говоришь, можно ли думать просить покровительства въ семействѣ врага твоихъ родителей?), съ другой стороны, замокъ дялюшки, ирраціональный, страшный замокъ, который не что иное какъ тюрьма, и, наконецъ, союзъ съ Сомзомъ, больше чѣмъ когда-нибудь невозможный, именно потому что ты явно показывала ему свое отвращеніе; впрочемъ отвращеніе это не тайна, оно всѣмъ извѣстно, и исключая твоихъ родныхъ, нѣтъ человѣка, который бы не жалѣлъ, не уважалъ тебя. У тебя есть одно средство; правда, что оно ужасно, но чтѣ жъ дѣлать? ты можешь бѣжать въ Лондонъ, который умѣетъ хорошо прятать.... но всѣ говорятъ что это проклятое мѣсто. Если бъ я была на твоемъ мѣстѣ, то знала бы чтѣ сдѣлать, но по какому праву стану я давать совѣты Клариссѣ Гарло? Главное, вотъ въ чемъ дѣло, другъ мой: всѣ ждутъ, чтобъ ты рѣшилась на чтѣ-нибудь достойное тебя.

Ты поймешь, милая Кларисса, что если я такъ долго осматриваю средства, на которыя ты можешь рѣшиться, такъ это оттого, милая Кларочка, что у меня не хватаетъ духу объявить тебѣ рѣшительнаго отказа маленьки. Я нѣсколько разъ упрасивала ее и она мнѣ каждый разъ отвѣчала, что неблагоразумно мѣшаться въ чужія дѣла. «Когда дѣло идетъ до брака, то благовоспитанная дѣвушка должна повинноваться родителямъ. Когда я выходила за мистра Гоу, твоего отца, Ненси, то выходила за него скорѣе изъ послушанія, чѣмъ по любви, а между тѣмъ я не могу пожаловаться, я была довольно счастлива!» Нравовученіе это скорѣе относилось ко мнѣ чѣмъ къ тебѣ, ангелъ Кларочка. Я не могу постичь матушку. Можно ли, когда дѣло идетъ о счастьи, спокойствіи моего друга, говорить: «Неблагоразумно мѣшаться въ чужія дѣла!» Право, можно заплакать съ досады, слушая, даже отъ матери, такія вещи.... И такъ, если ты ужъ рѣшилась бѣжать въ Лондонъ, потому что зло надо истреблять смѣлыми средствами, то предупреди меня за двад-

цать четыре часа, и я ъду съ тобой, другъ мой, потому что я рѣшилась не покидать тебя и всюду слѣдовать за тобою; мы будемъ жить и, если надо, умремъ вмѣстѣ. У насъ женщины, есть тоже своего роду рыцарство. Какъ только мы достигнемъ Лондона, намъ рѣшительно нечего бояться! мы будемъ тогда сильны, тверды! Кто смѣетъ тогда обидѣть насъ?! Не бойся ничего, и вѣрь, что только одна кротость твоя и доброты сердца ободряютъ низость твоихъ родственниковъ. Даме теперь, знаешь ли что вхъ удерживаетъ? Они не смѣютъ отогнуться, изъ уваженія къ своей власти! Освободись однажды навсегда, и ты увидишь, что они снова отдадутъ должное тебѣ уваженіе. Но зачѣмъ было не написать съ самаго начала Мордину? Насчетъ же похищенія твоего и заключенія силою въ замокъ мистра Антонн, будь спокойна, попытка нмъ не такъ то легко удался; Ловласовы люди, которыми онъ послалъ на подмогу шесть или семь самыхъ отчаянныхъ головъ, стерегутъ и охраняютъ тебя; они рѣшились во что бы то ни стало освободить тебя изъ плѣну мистра Сонза и компаніи. Мнѣ будетъ однако очень грустно, если ты привуждена будешь какими бы то ни было образомъ принять услуги избавителей такого роду. Въ короткихъ словахъ, вотъ мое мнѣніе: уѣдемъ въ Лондонъ; я прѣйду и буду ждать тебя въ каретѣ или вѣтрѣса чести лорда М^{нн}; если ты только не рѣшишься тотчасъ же выйти за Ловласа. Бѣдняжка! Да наставитъ тебя Господь Богъ!

Миссъ Кларисса къ миссъ Гей.

Четвертъ, 6 апрѣля.

Ты успокоила меня насчетъ писемъ и сообщила съ самыми вѣжными предосторожностями дружбы, боязнь и отказъ твоей матери. Она поступаетъ благоразумно и осторожно, ктому же могу ли я требовать отъ посторонней участія, котораго не нахожу въ собственномъ семействѣ? Ахъ! видно, я родилась подъ несчастной планетой, и предназначена къ ужаснымъ несчастіямъ. Въ такое короткое время, въ какую пронасть упало наше семейство, еще такъ недавно цвѣтущее всѣми благами жизни. Увы! увы! Можно ли окружать такими опасностями, такое слабое какъ я созданье! Признаться ли? Я чувствую какое-то униженіе отъ всѣхъ этихъ несчастій, и спрашиваю себя, не погибла ли навсегда въ этой жестокой борьбѣ моя добрая слава, а между-тѣмъ я воѣ еще надѣюсь и хочу надѣяться.

Но какъ могла ты предполагать, чтобъ я, твой другъ, рѣшилась губить тебя, тащить съ собою въ прощаль, чтобъ я приняла твоё самоотверженію, твою преданность и заставила тебя, молодую, прекрасную, свободную, добры уважаемую дѣвушку раздѣлять странническую, кочующую жизнь отчаяннаго существа, которое не знаетъ куда склонить голову? Какъ ты могла думать это, ты, привыкшая читать всѣ вымыслы, всѣ сокровенныя тайны души моей? Что жъ мнѣ дѣлать, однако? Напрасно я озиралась кругомъ и смотрю, за что бы удивиться, гдѣ покать спасенія?... Господь отвернулся отъ меня.... Все мрачно кругомъ меня, да одной свѣтлой звѣзды, чтобъ озарить мой трудный путь!...

Я уже нѣсколько разъ думала о покровительствѣ лорда М^{***} и сестеръ его, но согласилась, что поступая такимъ образомъ я ставлю себя въ зависимость Ловласа. Съ другой стороны, если я пообѣюсь у себя и до возвращенія Мордеа приглашу родныхъ Ловласа, это будетъ значить, что я объявляю себя совершенно независимой; въ такомъ случаѣ я принуждена буду или судиться съ батюшкой или выгнать семью людей его изъ дому. Ты советуешь выйти за Ловласа.... развѣ ты забыла его угрозы? Ктому же, сдѣлавшись его женою, я объявляю этимъ открытую войну своимъ родственникамъ? Мнѣ невозможно выйти за Ловласа, въ сердцѣ что-то возстаетъ противъ этого. Мнѣ остается одинъ Лондонъ, только не съ тобою, добрая и дорогая Анна, а съ горемъ, съ одиночествомъ. Скрывалась отъ всѣхъ, я буду жить тамъ и писать родителямъ, упрашивая ихъ принять мое состояніе и позволить не выходить замужъ; можетъ быть, они на это согласятся. И потому не плачь обо мнѣ, милый ангелъ, но отъящи и пришли какую-нибудь карету, коляску, бричку, «ургонъ», все равно что имъ покажетъ, а въ случаѣ нужды я могу даже ѣхать въверхомъ, еслибъ ты только достала мнѣ платье саужапки. Я знаю, что мнѣ будетъ трудно бѣгать, что меня ожидаетъ много опасностей, и что если меня догонять, я право не знаю осилюсь ли я еще защищаться, даже противъ Солма! Но положимъ, что я уже пересела за стѣну, отдѣляющую дворянскій дворъ отъ аллей и благополучно достигла Лондона.... гдѣ, у кого могу я скрыться....

Какъ избѣжать волковъ Ловласа? А если онъ откроетъ мое убѣжище, то сдѣлать скажетъ, что я дѣйствую съ нимъ за одно. Ты права, мнѣ бы слѣдовало съ самаго начала написать Мордеу и просить его покровительства; но тогда я должна была обвинить отца, брата, сестру, дядей; ктому же я не знаю еще на

что рѣшился бы Морденъ? кого бы оправдалъ, мнѣ или меня? Положить что полковникъ и оправдалъ бы меня: какъ въ такомъ случаѣ поступилъ бы батюшка? Молись за меня, Нелси, голова моя мѣшается, я не знаю на что рѣшиться.

Вечеръ того же дня.

Теперь я знаю отчего происходилъ вчера этотъ ужасный шумъ и дерзости Бетти: всю эту кутерьму надѣлалъ Ловласъ, который позволилъ себѣ объявить мнѣ роднымъ, что онъ не допустить, чтобъ меня заперли въ дядюшкинъ замокъ, и что онъ употребить на это всевозможныя средства.

Я понимаю и вполне оправдываю негодование родителей. Гдѣ живемъ мы и въ какія времена, чтобъ посторонній человѣкъ осмѣливался оспаривать дочь у отца!? Что люди могутъ сказать какъ не то, что непокорная дочь находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ соблазнителемъ? Иначе этого и объяснить нельзя. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждаетъ Бетти, а она вѣрный отголосокъ родныхъ моихъ. Что бы тамъ ни было, а угрозы Ловласа принесли уже плоды свои. Меня не везутъ въ мрачный замокъ, но зато налагаютъ другія вѣззанія, и заставляютъ прибѣгать къ такимъ сильнымъ, такимъ отчаяннымъ средствамъ, которыми никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Ахъ! Ловласъ, вы вѣроятно не подумали объ ужасныхъ послѣдствіяхъ вашихъ послѣднихъ угрозъ.

6 часовъ вечера.

Кто-то постучался ко мнѣ въ двери, я отворила: это была тетюшка; она вошла и сказала: «Я прихожу къ тебѣ послѣдній разъ, чтобъ объявить послѣднее рѣшеніе родственниковъ.... Ты не ѣдешь къ дядѣ Антони.» Я хотѣла благодарить ее: «Негоди, не радуйся заранѣе, сказала она, потому что несмотря на все твои старанія, ты все таки будешь мистриссъ Сомзъ.» Отъ Сомза тетюшка перешла къ Ловласу, и стала разсказывать подробности этого разбойника, который во что бы то ни стало хотѣлъ похитить меня и отмстить брату, батюшкѣ и дядькѣ; но они взяли всевозможныя предосторожности и Ловласу не удалось сдержать своей клятвы. И потому они рѣшили не меня везти въ страшный замокъ, а батюшку, который уступаетъ мнѣ свое мѣсто и ѣдетъ въ понедѣльникъ съ матушкою къ дядюшкѣ, а меня во вторникъ волею или неволею вѣчаютъ съ Сомзомъ. Я отплакала однимъ рыданіемъ. Они достали разрѣшеніе духовенства; и мени

хотятъ вѣнчать въ мѣнхъ комнатахъ, безъ свидѣтелей, въ присутствіи однихъ родственниковъ, исключая батюшки и матушки. Тетушка говорила долго и все тѣмъ же тономъ, восхищаясь моимъ будущимъ счастьемъ съ Сомзомъ. Я закрыла лицо платкомъ и горько заплакала. «Да говори же, отвѣчай по-крайней-мѣрѣ. Кларисса! Потрудишься только взглянуть на этотъ контрактъ и ты увидишь какая блестящая готовится тебѣ будущность», сказала тетушка, и въ то же время вынула изъ кармана бумагу, отъ которой я вздрогнула. «Ахъ! тетушка, именемъ вашей прежней ко мнѣ нѣжности, именемъ чести умоляю васъ, спрячьте этотъ контрактъ поего стыда, безчестія. Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ я не выйду за Сомза, или я за себя не отвѣчаю!» Тетушка испугалась и убѣжала. Вмѣсто ея прислали Бетти, которая, вбѣжавъ съ безпечнымъ и самонадѣяннымъ видомъ, стала говорить о подаркахъ, брилліантахъ, обояхъ, мебели, экипажахъ. Съ отчаяніемъ я стала кликать тетушку; она вернулась; я умоляла ее со слезами, чтобъ отсрочилъ еще на двѣ недѣли. «Нѣтъ, это невозможно.» — «Ну, хоть на одну недѣлю?» — «Можетъ-быть, они на это и согласятся, милая Кларочка, только съ двумя условіями: во-первыхъ, ты ни съ кѣмъ не должна имѣть ни какихъ сношеній; во-вторыхъ, черезъ недѣлю выйти за Сомза.» — «Никогда! никогда! такъ этой цѣною я должна искупить недѣлю спокойствія? да это неслыханное варварство, недостойное тиранство! Вонъ отсюда! вонъ, вонъ.... вонъ, этого злодѣя Сомза!» вскричала я въ бѣшенствѣ, топая ногами. Я хотѣла видѣть батюшку, звала его, и, сбѣжавъ съ лѣстницы, хотѣла броситься къ ногамъ его, какъ вдругъ голосъ брата, разговаривавшаго съ сестрою, остановилъ меня на послѣдней ступени. «Вотъ и попалась! теперь она наша! ты, Белла, стереги батюшку, а за матушку я отвѣчаю», говорили эти злобныя созданья и въ то же время громко захохотали съ торжествующею радостью. Несчастливая! тутъ я узнала впервые чувство мщенія и остановилась въ негодованіи. Тетушка, вышедшая изъ остолебенія, сошла съ лѣстницы, взяла меня за руку и привела въ комнату. Я не сопротивлялась, потому что взнемогала. «Оставьте меня, милая тетушка, и унесите эту страшную бумагу. Я осталась одна, но мнѣ все-еще слышался сатанинскій хохотъ Джемза и Беллы. Въ эту-то минуту мстительной ненависти, я написала Ловласу:

«Все измѣнилось, милостивый государь; нигдѣ нѣтъ такихъ ужасовъ какъ здѣсь, въ нашемъ домѣ; я гибну, и потому не могу долѣе противиться; у меня нѣтъ другаго приставища, какъ у вашихъ тетушекъ. Пріѣзжайте въ будущій понедѣльникъ,

«отъ трехъ до пяти часовъ вечера, и ждите меня у садовой ка-
литки.» Въ то же время, чтобъ не встрѣтиться съ Ловласомъ и
не видать его, я требовала чтобъ онъ ѣхалъ въ Лондонъ какъ
къ дядѣ. Я надѣялась, что миссъ Монтегю сдѣлаетъ мнѣ честь
и будетъ моимъ спутникомъ во время этого грустнаго путеше-
ствія, къ которому принудило меня только одно отчаяніе. На-
писавъ письмо, я снесла его въ садъ; было уже темно и ни-
кто не видалъ меня. Но теперь я дрожу, не знаю что дѣ-
лать; я бы всёхъ на свѣтѣ пожертвовала, чтобъ только остано-
вить его. Что я надѣлала? но еще не поздно. Дай Богъ мнѣ толь-
ко добраться до калитки, а тамъ я и одна дойду до Лондона.
Ахъ! Господи! что мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?

Пятница, 7 апрѣля, семь часовъ утра.

Я только что проснулась. Ахъ! какой ужасный сонъ: мнѣ слы-
шался крикъ совы и пискъ кузнечика; хищная птица цѣлую
ночь испускала злобщіе, пронзительные крики. Мнѣ казалось
что Ловласъ, размахивая шпагою, выгонялъ дядю Антони и
Сомза; потомъ убійца, покрытый кровью, бросался на меня, та-
щилъ на кладбище, и поражая шпагою, толкалъ въ глубокую
яму, гдѣ уже лежало шесть труповъ полусточечныхъ черя-
ми. Мнѣ кажется что я теперь еще чувствую какъ онъ толталъ
меня ногами, испачканными кровавою грязью. Мрачный сонъ!

Осень часовъ.

Тетушка Гервей долго прогуливалась по саду и мнѣ надо
было ждать, когда она вернется. Я только что пришла съ др-
ванаго двора.... письмо мое уже въ рукахъ Ловласа. Я въ от-
чаяніи, что написала его. Еслибъ ты знала, какъ это тревожить
меня!

Одиннадцать часовъ.

Тетушка снова была у меня два или три раза и снова повто-
рила свои вчерашнія угрозы. Матушка проситъ и батюшка тре-
буетъ повиновенія. Я потеряла всякое терпѣніе; мистриссъ Гер-
вей ушла отъ меня разсерженная.

«Позвольте, миссъ, сказала Бетти, подавая мнѣ мокрую сал-
фетку, у васъ палецъ въ чернилахъ.»

Част.

Вотъ отвѣтъ Ловласа; я не долго ждала его! Онъ готовъ на
Т. LXXXVIII. — Отд. II.

все совершенно, оправдывать мое сопротивление, и доказать повинность моей малѣйшей вѣлѣ. Все готово къ моему бѣгству; тетюшка его Лоронсъ и кузина Шарлота Монтегю гордятся каменіемъ обнять меня. Карета, запрошенная шестерней, будетъ ждать меня въ назначенный часъ. «Будьте покойны, миссъ Кларисовъ, все пойдетъ хорошо.» Овъ такъ радъ, что я до такой степени понавиному Соиза! По этому мистръ Ловласъ уже воображаетъ, что если Соиза неавидать, то его, Ловласа, обожаютъ. Я отвѣчала Ловласу, что у меня впереди еще трое сутокъ, что я даже на то не рѣшилась, и что если будетъ какая-нибудь возможность, то я остаюсь въ родительскомъ домѣ. «Что бы ни случилось, даже въ отсутствіи, я буду повиноваться только одному батюшкѣ, и если по несчастію мистръ Ловласъ воображитъ, что бѣгство мое дастъ ему надежду, что я буду поступать противъ воли батюшки, то онъ очень ошибается.» Я снесу отвѣтъ и тотчасъ же вернусь.

Четыре часа.

Я страдаю и чувствую что здоровье мое ослабѣваетъ; у меня лихорадка, я думаю что простудилась въ саду: Бетти сказала роднымъ, что я больна. «Ба! что за глупости, отвѣчаютъ они, не важная болѣзнь.» Вотъ какъ теперь говорятъ обо мнѣ тѣ самые родные, которые, бывало, пугались когда малѣйшій вѣтерокъ пахнетъ на меня.

Шесть часовъ.

Вотъ ихъ послѣднее рѣшеніе: семейство, не исключая батюшки и матушки, соберется во вторникъ утромъ. Мистръ Люинъ будетъ ждать въ сосѣдней комнатѣ, чтобъ уговорить меня въ случаѣ нужды. Батюшка будетъ предсѣвателемъ этого страшнаго суда, предъ который я должна буду предстать. Напрасно буду увѣрять я, что нездорова, никто не повѣритъ этой *новой хитрости*. Если же я добровольно подпишу контрактъ, то мистръ Соизъ обѣщаетъ оставить меня у родителей такъ долго какъ захочу. Какъ противустоять противъ столькихъ соединенныхъ силъ? какъ спорить съ батюшкой, который бываетъ ко мнѣ попеременно то нѣженъ, то строгъ, то умоляетъ, то повелѣваетъ? какъ послѣ этого не подписать имени....

Девять часовъ вчера.

Я нашла письмо отъ Ловласа; вѣрно, онъ скрывается въ какой-

Или будь стѣнной свѣжизнѣ. Недоумѣніе мое возрастаетъ съ каждою минутою, потому что надо же наконецъ, чтобъ я дала ему знать, нахѣрена я или нѣтъ бѣжать прежде вторника. Если я оставусь, то должна буду выйти за Сомза: если же убѣгу, то оправдаю этихъ жестокость моихъ родственниковъ. Съ другой стороны, Ловласъ такъ предастъ, такъ покоренъ, что повременамъ и перестану пугаться своего покушенія. Теперь остается выбрать что лучше, повиноваться здѣсь, или повелѣвать тамъ за стѣною, вотъ важный вопросъ! Ловласъ заранѣе согласенъ на всѣ мои требованія; куда я хочу, туда и поѣду; если я ѣду къ его дядѣ или теткамъ, онъ обѣщаетъ мнѣ уѣхать въ Лондонъ; если же, напротивъ, я ѣду въ Лондонъ, то онъ сію же минуту уѣзжаетъ изъ города, и присылаетъ для моего размеченія своихъ двухъ кузницъ Монтею. Леди Лоренсъ не успѣетъ мнѣ написать до вторника; и еслибъ онъ могъ хотя на минуту выпустить меня изъ глазъ, то самъ бы поѣхалъ за отвѣтомъ, потому что во всемъ этомъ онъ хочетъ только спасти меня и думать не о себѣ, а только обо мнѣ.

«Избави Боже, прибавляетъ онъ, чтобъ онъ осмѣлился, въ то время когда родные притѣсняютъ меня, думать о рукѣ моей. Что же касается до свѣтскихъ толковъ и приличій, то не мнѣ, а родителямъ надо бояться ихъ.»

Увы! по справедливости такъ и должно быть, но свѣтъ судить иначе; онъ судить по-тому, что видитъ, а не по-тому, что говорятъ. Нѣтъ сомнѣнія что со мною обходились безчеловѣчно, что ужасными насильствами меня вывели изъ всякаго терпѣнія, а между-тѣмъ все, чего могу я ожидать отъ свѣта, если войду въ семейство лорда М***, такъ это—чтобъ онъ забылъ и простилъ мнѣ справедливое мое бѣгство. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ Ловласъ настоятельно проситъ свиданья и напоминаетъ что уже два раза я общала его выслушать и ни разу не сдержала слова, что онъ такъ же послушенъ, такъ же покоренъ и проситъ только одного, чтобъ я была и оставалась всегда убѣждена въ необходимости моего отъѣзду.

Суббота, 8 апрѣля, семь часовъ утра.

Рѣшено, я ѣду. Я написала Ловласу что я рѣшилась на бѣгство и принимаю его помощь! Богъ свидѣтель, что я съ радостью лишила бы себя жизни, еслибъ смертоубійство не было преступленіемъ. Какъ только я буду свободна, поселюсь, не у леди Лоренсъ, а въ ея сосѣдствѣ, и возьму къ себѣ моего до-

брую, преданную и вѣрную Эмилию, которая будетъ служить мнѣ, беречь меня и заступать мѣсто матери. Если родители захотятъ простить меня и потребуютъ для этого, чтобъ я отказалась отъ Ловласа, я соглашусь сію-же-минуту; но въ то же время дамъ слово Ловласу не выходить за мужъ до тѣхъ-поръ пока онъ самъ не женится. Такимъ образомъ я награжу его за всѣ его труды и оскорбленія, которыя онъ терпѣлъ изъ-за меня. Что же касается до свиданья, котораго онъ у меня проситъ, то это кажется мнѣ совершенно безполезнымъ; но если я перемѣню намѣренія, то это другое дѣло. Такимъ образомъ я оставляю ему надежду, въ случаѣ, если и въ самомъ дѣлѣ я не рѣшусь бѣжать; впрочемъ, ты сама знаешь, какъ онъ хорошо держалъ себя въ первый разъ, когда мы съ нимъ встрѣтились на деревянномъ дворѣ.

Десять часовъ.

Сонъ здѣсь, онъ пріѣхалъ обѣдать, какъ выражается Бетти, «въ своемъ семействѣ». Ловласъ уже получилъ письмо мое. Я не понимаю какъ это онъ дѣлаетъ? и какъ фермеры наши не узнаютъ его? хотя онъ скрывается подъ разными одеждами, все же нельзя не замѣтить надменнаго виду и благороднаго лица этого прекраснаго джентельмена. Прогуливаясь послѣдній разъ по саду, я изучила внимательно тѣ мѣста, которыя уже такъ давно и такъ хорошо знаю,—эту калитку, которая выходитъ на такъ называемую нами *стель*,—эту вѣчно сырую аллею, по которой ходитъ твой посланникъ, доставляя мнѣ письма. Если я хочу бѣжать, то должна бѣжать отсюда: только это уединенное мѣсто и старые дубы скроютъ мое бѣгство, потому что всѣ остальные пункты видны изъ замка, который возвышается надъ всѣми владѣніемъ.

P. S. Какъ можешь ты, милая Анна, посылать съ пустыми руками вѣрнаго твоего Роберта?

Миссъ Говъ къ миссъ Клариссѣ.

Суббота, послѣ обѣда.

Я въ ужасномъ волненіи, и стараюсь, но напрасно, дать тебѣ какой-нибудь хорошей совѣтъ. Я соображаю, раздумываю, и приписываю средства какъ бы спасти тебя отъ этихъ ужасныхъ преслѣдованій.

Дядя твой Антонъ ѣздитъ къ намъ каждый день, и я знаю все, только мнѣ не хочется сказать тебѣ какимъ образомъ, я знаю все что они говорятъ съ матушкой. «Все идетъ какъ слѣ-

дурекъ, снанизъ онъ вчера, мы поставимъ на своемъ, только бѣ миссъ Гоу не разрушила нашихъ плановъ. И потому, надо торопиться, милое дитя, вотъ мой совѣтъ, который я давно уже даю тебѣ, но ты не хотѣла меня слушаться: надо бѣжать, и бѣжать какъ-можно скорѣе! Вспомни, что я даю тебѣ этотъ послѣдній совѣтъ, только съ условіемъ дѣлать съ тобою всё опасности и всё бѣдствія. Я не вижу тутъ ничего дурнаго, и неужели ты думаешь, что изъ-за этого другъ мой Гикменъ откажется отъ руки моей? Тѣмъ хуже для него.... бѣдный молодой человѣкъ! Ты говоришь, что матушка будетъ въ отчаяніи; но развѣ она въ свою очередь не огорчаетъ меня? развѣ мнѣ пріятно видѣть, какъ она позволяетъ управлять собою твоему дядѣ, этому злому человѣку, который каждую минуту говоритъ о тебѣ дурно, о тебѣ, которую я люблю больше всего въ мірѣ? Я не стану стыдиться этого побѣгу, напротивъ буду имъ гордиться: мало того что я отниму тебя у брата и Сомза, но даже у Ловласа, потому что соединивъ наши силы, мы будемъ гораздо сильнѣе его. Если же ты рѣшительно отвергаешь мою помощь, то я тебѣ совѣтую немедленно выйти за Ловласа; это будетъ вѣрнѣе. Что ты ни дѣлай, они всё-таки узнаютъ, что онъ помогалъ тебѣ бѣжать, и тогда толкамъ и преслѣдованьямъ не будетъ конца. Выходи за него: еслибъ у тебя въ приданое было только одно помѣстье, то и тогда ты все еще очень хорошая партія; онъ же съ своей стороны довольно богатъ для васъ обоихъ; родные его мало того что принимаютъ, но даже пламенно желаютъ чтобъ ты вошла въ ихъ семейство, и наконецъ, только одинъ бракъ можетъ избавить тебя отъ клеветы. Однимъ словомъ, вотъ мой совѣтъ: уѣзжай съ другомъ твоимъ миссъ Гоу, или съ мужемъ твоимъ мистромъ Ловласомъ.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

(Письмо это писано въ субботу, прежде чѣмъ получено предъидущее.)

Я получила уже отвѣтъ Ловласа; онъ сходитъ съ ума отъ счастья; называетъ себя мнимъ невольникомъ, находитъ все хорошимъ, что я только дѣлаю и говорю, однимъ словомъ, я добра, хороша, умна и такъ далѣе. Теперь онъ ищетъ для меня домъ, въ сосѣдствѣ леди Лоренсъ. Онъ пишетъ, что семейство его у ногъ моихъ и что онъ самый счастливый человѣкъ съ тѣхъ-поръ какъ увѣрился, что не буду принадлежать другому; для насъ обоихъ достаточно его одного состоянія; итѣніе его приноситъ двѣ

тысячи гиней доходу, и онъ никому ничего не долженъ, скорѣе, изъ гордости чѣмъ изъ добродѣтели. Въ день свадьбы дядя даритъ ему тысячу гиней доходу и замокъ въ гертфордскомъ или ланкастрскомъ графствѣ, въ которомъ я захочу. Для чего хлопотать о бѣдѣ и платьяхъ, какъ-будто его тетки и кузины не могутъ объ этомъ позаботиться? Онъ думаетъ, что кузина его Шарлота Монтегю не будетъ въ состояніи провожать меня, у нея сильно болитъ горло, но только что ей будетъ лучше, первый выѣздъ ея будетъ ко мнѣ. Онъ хотѣлъ было прислать мнѣ кузину свою Петю, но она такая трусиха, что вмѣсто того чтобъ помочь, она будетъ только мѣшать намъ. И потому, милая Анна, я должна ѣхать одна; не знаю, хватитъ ли у меня духу. О! Боже! что дѣлать и какъ начать? Не понимаю, какъ онъ не подумалъ прислать мнѣ по-крайней-мѣрѣ одну изъ горничныхъ леди Лоренсъ? Ахъ, если бъ я еще успѣла!... если бъ не боялась его бѣшенства!...

Воскресенье, 9 апрѣля, утро.

Наконецъ я получила письмо твое, полное добрыхъ совѣтовъ и теплой преданности. Ты напередъ знаешь, что изъ совѣтовъ я не могу принять перваго, потому что не хочу губить тебя; насчетъ же втораго, спрашиваю тебя, какъ могу я выйти немедленно за человѣка, съ котораго взяла слово, что какъ-скоро я приѣду, онъ тотчасъ же удалится? Это невозможно и я не могу перемѣнить условій, которыя сама на него наложила. У меня остается одно средство, еще ждать, чтобъ узнать наконецъ, чего я могу ожидать отъ этого роковаго вторника? Ничего! у меня хватитъ духу! Я не уступлю даже самому батюшкѣ, брошусь къ погамъ его и буду умолять о помилованіи. Тетушка Гервей будетъ на моей сторонѣ, мистриссъ Мортонъ тоже обѣщалась поддержать меня. Я понимаю тебя, милая Анна, и совѣтъ мой уже нашептывала мнѣ этотъ совѣтъ, который раздается въ глубинѣ сердца. Такъ, я напишу Ловласу, что я не ѣду, тогда увижу, могу ли я вѣрять его глубокому уваженію и покорности.

Воскресенье, утро, 9 апрѣля.

Благовѣстятъ къ обѣднѣ, а они и не думаютъ собираться въ церковь. Всѣ они въ безпокойствѣ, въ попыхахъ. Бетти осмотрѣла всѣ мои шкафы; я даже застала ее какъ она рылась въ моемъ письменномъ столѣ; она сказала, что ей вѣрно и родные хотѣть знать, не готовлюсь ли я къ отъѣзду. Они даже хотѣли за-

претить мнѣ гулять. Я думаю, что Ловласть получилъ уже письмо мое, въ которомъ я пишу, что очень важное обстоятельство удержи-
ваетъ меня въ родительскомъ домѣ, что я покину его только
тогда, когда буду въ послѣдней крайности, и что наконецъ ни-
когда не буду принадлежать Сомзу. Я увѣрена, что онъ возбу-
дится; но я объ этомъ несколько не забочусь.

Четыре часа по полудни.

Письмо мое все на томъ мѣстѣ, ну, если онъ забудетъ послать
за нимъ.... Что подумаетъ онъ, когда я не приѣду завтра на мѣ-
сто свиданія? Боже! какая пропасть! Какъ я была счастлива пока
не знала этого человѣка!

Семь часовъ вечера.

Письмо мое все на томъ же мѣстѣ; вѣрно онъ очень занятъ
приготовленіемъ къ отъезду или слишкомъ увѣренъ во мнѣ. Не-
ужели его ничто не тревожитъ? онъ такъ дѣйствуетъ какъ-буд-
то бы дѣло шло объ обыкновенномъ путешествіи!.... Я не взяла
письма. Какъ была бы я рада если бъ онъ получилъ его прежде
назначеннаго для свиданія часа. По-крайней мѣрѣ онъ узнаетъ,
что его предупредили и что если онъ не узналъ въ-время, такъ
это его вина. Но если бъ ты знала, какъ я страдаю и въ какомъ
теперь волненіи!

Деять часовъ.

Говорятъ, что мистриссъ Мортонъ будетъ ко мнѣ во вторникъ
во время обѣда; ей дали порученіе уговорить меня «и прими-
рить съ собою и съ другими». Всѣ ожидаютъ отъ меня, какъ го-
ворить дерзкая Бетти, обмороковъ, восклицаній, криковъ, слезъ;
но когда я хорошенько выплачусь, то все уже будетъ кончено.

Понедѣльникъ, семь часовъ утра.

О! милая Анна, вообрази, что до-сихъ-поръ онъ не получилъ еще
письма, въ которомъ я отказываюсь бѣжать. Онъ такъ во мнѣ
увѣренъ, что ни минуты не усомнился въ моемъ обѣщаніи! Что
дѣлать, если онъ приѣдетъ и не найдетъ меня на условленномъ
мѣстѣ? Я боюсь чтобъ онъ не надѣлалъ шуму, не вбѣжалъ
бы въ домъ!.... Что будетъ тогда со мною?! Если же я не
приѣду, то нарушу свое слово, а я ему не одинъ, но десять разъ
писала: «Я ѣду!» вотъ отчего онъ не подозреваетъ, чтобъ я мог-
ла переменить намѣреніе.

Десять часовъ.

Кухня Долли сунула мнѣ въ руку записку; вотъ она: «Любезная Кларисса, если вѣрить словамъ тюремщика вашего Бетти, то въ среду васъ выдаютъ за Сомза. Пасторъ Люнцъ отказался вѣнчать васъ, такъ вмѣсто его пригласили Бранда. Я однако не вѣрю Бетти и ея рассказамъ, потому что она все перешептывается съ миссъ Арабеллой. Но вотъ что вѣрно и что я слышала не отъ Бетти, а отъ другихъ: они хотятъ пересмотрѣть всѣ ваши бумаги, и до вторника обращаться съ вами лучше обыкновеннаго, но во вторникъ, что бы ни случилось, если бъ даже вы были больны—вы будете женою Сомза!» Записка эта чуть не заставила меня перемѣнить рѣшеніе, я снова хотѣла бѣжать: но если пасторъ Люнцъ находитъ препятствія къ этому браку, развѣ я не могу тоже ухватиться за какое-нибудь богословское мнѣніе и, наконецъ, развѣ это такъ трудно сказать нѣтъ? Они хотятъ схватить мои бумаги, и хорошо сдѣлаютъ; пусть они прочтутъ твои и мои письма исполненныя душевной горести и непреодолимой рѣшимости.

Въ оранжереѣ, 11 часовъ.

Мнѣ теперь необходимо съ нимъ видѣться, потому что онъ не получилъ еще письма моего. Пока я старалась удалить моего шпиона, вошла тетушка и, увидавъ столыкъ стоящій въ зелени и накрытый для моего обѣда, сказала: «Ты сегодня въ послѣдній разъ обѣдаешь одна.» Между тѣмъ я такъ боялась, чтобъ Ловласъ не вбѣжалъ и не надѣлалъ шуму, что я дрожала и не говорила ни слова. «Милая племянница, прибавила тетушка: я взяла на себя очень непріятное порученіе, но я не думаю, чтобъ тебя могло встревожить, если мы еще разъ осмотримъ твои комваты и ящики....» Сначала я притворилась будто колеблюсь, потомъ отдала ключи, вывернула карманы и даже предложила тетушкѣ обѣискать меня; столько послушанія казалось удовлетворило ее. Она надѣлась, что обѣискъ этотъ будетъ бесполезенъ и, наконецъ, просила меня, завтра или послѣ завтра выслушать съ почтениемъ батюшку. «Тогда, сказала тетушка, тогда...» Но она вдругъ остановилась и ушла, какъ-будто бы испугалась, что слишкомъ далеко зашла. Я объяла ее и заплакала. Черезъ нѣсколько минутъ Бетти принесла обѣдъ и тотчасъ же вышла, говоря, что ее требуютъ на верхъ. Она казалась веселою и въ то же время рас-

хваливала своего молодого барина и превозносила его умъ, говоря: «Если онъ позволилъ вамъ обѣдать въ саду, такъ это потому что хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ и осмотрѣть ваши конюшни.» Я и въ самомъ дѣлѣ замѣтила, что Джемъ охотно хвастаетъ своими маленькими хитростями. Я вся дрожу! кажется, это замѣтно по моему почерку; малѣйшій шумъ приводитъ меня въ трепетъ; мнѣ кажется, что онъ стоитъ у садовой калитки. Нѣтъ, это еще не онъ, слава Богу! Я снесу письмо это, но не знаю, могу ли еще, прежде чѣмъ не выйду за Сонзу, возвратиться туда. Прощай! прощай! прощай, мой ангель-хранитель, мой другъ, моя сестра! Сердце мое раздирается! голова кружится, взоръ помрачается! Прощай! если въ среду утромъ ты не получишь письма, то знай, что я уже погибла.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

Писано изъ Saint-Albans (въ семи льѣ отъ Лондона), вторникъ, 11 апрѣля, по полудню.

Ты вѣрно не вѣришь глазамъ своимъ, милая Анна! да я и сама не вѣрю, чтобъ это я писала, какъ-будто бы я еще имѣла на это право? Что я надѣлала? Я думаю, что до тебя уже дошли слухи, что звѣзда съ неба упала, что миссъ Кларисса Гарло убѣжала съ постороннимъ человекомъ. Добрый и вѣрный другъ моего дѣтства, моей юности, умоляю тебя, хотя я этого не стою, величай меня утѣшенію писать тебѣ и получать твои письма. Я начала писать для тебя исторію моихъ бѣдствій и гибели.... и все еще продолжаю въ свободное время. Но время уже не принадлежитъ мнѣ больше. Сжался надо мною, я знаю и понимаю, что заслуживаю осужденія, но погоди и не осуждай прежде чѣмъ не получишь моего рассказа. Гдѣ буду я завтра? не знаю. Отдай подателю этого письма, остатокъ моего бѣлья; спрячь бумаги, которыя я дала тебѣ на сохраненье, и напиши, если можешь, нѣсколько строчекъ; не говори мнѣ о прощеньи, но о дружбѣ твоей, милая Анна. Прощай! прощай! обнимаю тебя и умоляю не забывать и любить по прежнему друга твоего, Клариссу. О, Боже! что ты теперь обо мнѣ думаешь? что скажетъ моя мать? и всѣ родные? что подумаетъ добрая Мортонъ? Такъ свершилось же торжество, великое торжество брата и сестры!

Миссъ Гю къ миссъ Клариссъ.

Вторникъ, девять часовъ.

Ты спрашиваешь, люблю ли я еще тебя? Да развѣ можно не любить тебя? Такъ это правда? такъ это и въ самомъ дѣлѣ твоими? или Клариссы Гарло? Великій, праведный Боже! Кто бы подумалъ, чтобъ миссъ Кларисса Гарло, образецъ совершенства, всего прекраснаго, высокаго, бѣжала! бѣжала! Прости мои восклицанія; вѣтъ, я не тебя виню, дитя мое, но твое ужасное семейство, которое слѣдуетъ презирать, ненавидѣть. А я еще вчера увѣрила матушку, что ты ни за что въ мірѣ не согласишься отступить хотя на шагъ отъ твоего дому! Какъ это случилось, чтобъ ты, Кларисса, такъ скоро и внезапно рѣшилась на такой поступокъ? Никто не знаетъ еще объ этомъ несчастіи, а между тѣмъ я должна предупредить матушку, но какъ взяться, какъ начать? Нѣчего сказать, мистръ Джемсъ и миссъ Арабелла одержали блистательную побѣду! Кажется, я глажу какъ они екоблать, рвутъ, пишутъ и переписываютъ духовнымъ обоимъ дялюшекъ. Еще одно слово: выходи за Ловласа и выходи какъ-можно скорѣе, чтобъ заставить думать, что ты уже обвѣчана съ нимъ тайно! Я слышу голоса, которые спрашиваютъ съ нетерпѣвнѣмъ: «Дома миссъ Анна?» Это миссъ Фанни и миссъ Бадульѣ, которыя жаждутъ новостей. Ахъ, Господи! я слишкомъ хорошо знаю, что хотятъ онѣ отъ меня узнать и сообщить мнѣ. Нечего дѣлать, надо передать письмо твое матушкѣ, чтобъ она прочтала его не медля, у меня не остается другихъ средствъ. Господи! какъ много я говорю тебѣ горькаго, жестокаго! Посылаю бѣлье твое. Если я могу оказать тебѣ какую-нибудь услугу, то скажи только слово вѣрному твоему другу Аннѣ, и она все съ радостью исполнитъ.

Миссъ Кларисса къ миссъ Аннѣ.

Вторникъ вечеромъ.

Да благословить тебя Богъ, милая Анна, за твою преданность и неизмѣнную дружбу. Не бойся своей ко мнѣ строгости; никто въ мірѣ, ни ты, ни матушка твоя, ни даже подруги наши, которыя отвергаютъ меня теперь, не могутъ быть ко мнѣ такъ строги, какъ я сама. Выслушай однако этотъ грустный разсказъ:

Только-что я запечатала и снесла послѣднее письмо къ тебѣ, какъ проходила мимо оранжереи я остановилась, чтобъ взять назадъ

те, которое писала Ловлаосу, и раздумать о своей положеніи. Все пришло мнѣ тогда на память, записка Долин, прерванный рѣчь миссъ Бетти, нерѣшимость тетушки.... и, наконецъ, пѣснолле слеза, не столь жестокихъ какъ обыкновенно.... заставили меня думать, что злоба противъ меня начинаетъ наконецъ утихать и что я могу опмидать лучшей перемѣны, такъ, что вторнишь уже не казался мнѣ такимъ страшнымъ. Если я скажу нѣтъ, святой отецъ не станетъ вѣнчать меня: кому жъ контрактъ не былъ еще подписанъ, батюшка и матушка увѣжали въ дадюшкинъ замокъ, следовательно они предвидѣли, что бракъ этотъ можетъ и не состояться, и неужели Сомъ захочетъ въ самомъ дѣлѣ жениться по что бы то ни стало на дѣвушкѣ, которая не хочетъ за него идти? Наконецъ, вѣдь у меня тоже есть сомнѣнія, мнѣ бы хотѣлось очистить совѣсть и поговорить съ Люпвомъ? Ахъ! вотъ надежда, за которую мнѣ слѣдовало бы хватиться! Если бъ мнѣ дали только часъ для размышленія, одинъ только часъ.... минуту.... и я была бы спасена! Но только что пробилъ колоколъ сзывающій къ обѣду, только что Бетти вышла, какъ я услышала условный знакъ у калитки, ведущей въ поле: это былъ онъ! Я отворила задвижку, ключъ былъ у него и калитка отворилась. Онъ ждалъ меня; огненный взоръ его дышалъ нѣжностью.... я чуть не упала. «Время дорого, сказалъ онъ, карета ждетъ насъ, ѣдьте.» — «Я не хочу ѣхать, я остаюсь; письмомъ моимъ я предупредила васъ, что перемѣнила намѣреніе, но вы не взяли его.» — «Я не могъ этого сдѣлать, потому что я и человекъ мой были окружены шпионами; но не медлите, милая Кларисса, пора ѣхать....» сказалъ онъ и схвативъ руку мою сталъ увлекать.

— К чему? Я соглашусь скорѣе умереть чѣмъ бѣжать отсюда. Услыхавъ это, онъ смѣшался и вскричалъ, что я дала ему слово и не имѣю права отказываться отъ своихъ обѣщаній; что родня его ждетъ меня; что если я останусь, то погибну, и что если ему придется отказаться отъ надеждъ своихъ, то онъ ни за что не отвѣчаетъ. Говоря такимъ образомъ, онъ старался увлечь меня. — «О, милый другъ! к чему терять дорогія минуты, ѣдьте! развѣ вы сомнѣваетесь въ чести Ловлаоа? Да накажетъ меня Богъ, если я васъ обманываю. Время дорого, надо спѣшить, вспомните, что завтра уже вторникъ! кажется, вы ужъ объ этомъ забыли, милая Кларисса?» Я старалась вырваться, онъ выпустилъ мою руку и грустно посматривъ сказалъ: «Вы свободны, идите, миссъ Гарло.» Я пошла домой и уже дотронулась до ручки ка-

Литки какъ услышала прерывающійся голосъ Левласа: «Рѣшено! я иду съ вами, жребій брошенъ, я хочу все кончить однимъ разомъ; но я войду въ этотъ домъ, который нѣталъ ко мнѣ столько ненависти, не съ шнагою въ рукахъ, нѣтъ, я не стану защищаться, напротивъ, буду ждать послѣдняго, смертельнаго удара!» Еслибъ я не удержала его, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы это. Онъ бросился къ ногамъ моимъ, призывалъ небо и землю въ свидѣтели любви своей, называлъ меня своею милою, божественною Клариссою, цѣловалъ мои руки; а я, чтобъ успокоить его, напоминала ему мое сильное сопротивленіе, безконечную борьбу и твердое намѣреніе не выходить за Сомза. Кажется, я говорила краснорѣчиво, увлекательно, но какъ объясняться съ такимъ пылкимъ человѣкомъ, который перебивалъ меня каждую минуту, клялся небомъ! людьми! нѣжностью, любовью, друзьями, родными, и говорилъ о своемъ состояніи и связяхъ, противъ которыхъ нельзя возставать и которыя могутъ защитить насъ? «Выслушайте меня, сказала я: я возвращаюсь, но если въ самомъ дѣлѣ все погибло для меня, если родители всё-еще станутъ настаивать, чтобъ я вышла за Сомза, то я найду средство бѣжать съ миссъ Гоу, которая расположена къ вамъ, въ какую-нибудь церковь, и тамъ у подножія алтаря, я клянусь быть вашею женою; тогда бѣгство это уже не будетъ преступленьемъ, но долгомъ!» Онъ перебилъ меня, схвативъ шнагу. «*Кто тамъ?*» спросилъ онъ шопотомъ. Потомъ въ ту самую минуту когда я взялась за ключъ чтобъ войти въ садъ, онъ сказалъ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ: «Это они: я слышу голоса ихъ! вотъ они! бѣжимъ! бѣжимъ!» Онъ подбѣжалъ къ калиткѣ, захлопнулъ ее, повернулъ два или три раза ключемъ, и въ это время я услышала за стѣною голоса. Сюда! сюда! скорѣй! вотъ она! кричали догоняющіе меня и такъ сильно трясли калитку, что она начинала трещать. Между тѣмъ Левласъ, схвативъ подъ мышку свою шпагу, взялъ насильно мои обѣ руки, говоря: «Бѣгите! бѣгите! вотъ братъ вашъ, вотъ Сомзъ, вотъ всѣ они, бѣгите! бѣгите!» Что мнѣ было дѣлать? Онъ былъ въ бѣшенствѣ, я въ помѣшательствѣ. Вспомни, милая Анна, мой трепеть, смущенье, слѣзы, и человѣка этого, который влекъ меня, задыхающуюся! Въ то же время голоса за стѣною кричали и провозносили самыя страшныя, самыя ужасныя угрозы и проклятія. Что дѣлать? какъ быть? куда дѣваться? гдѣ искать спасенія? Воображенію моему уже представлялись оскорбленія, злость брата и сестры, ярость батюшки, гнѣвъ дядей, даже насмѣшки

людей. Все было кончено! я бѣжала!... сама не зная куда. Мною овладѣло такое непреодолимое, смутное, слѣзное чувство, что-то въ родѣ помѣшательства, которое противъ воли, несмотря на всѣ мои разсужденія, несмотря на сердце мое, на возрастающій ужасъ, все толкало и толкало меня впередъ; и я бѣжала, бѣжала за этимъ человѣкомъ, который увлекалъ меня все дальше и дальше!... Я ничего не видѣла и не слышала, а между-тѣмъ все обращала голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ домъ, который, казалось, бѣжалъ за мною! Въ эту минуту онъ взялъ шпагу въ руки, а меня взявъ подъ руку ускорилъ шаги; напрасно говорила я: Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! мы шли все далѣе, какъ наконецъ меня бросили въ карету, окруженную четырьмя всадниками.

Напрасно стараюсь я оправдываться, какъ будто могу обмануть свою совѣсть и тебя, Другъ мой, Анна! Я виновата, я это понимаю, чувствую, вижу, и если я не была преступна, то крайней-мѣрѣ была неблагоразумна; я сама предала себя, сама какъ помѣшанная бросилась отъ опасности въ пропасть, а можетъ-быть.... опасность, которой я избѣгала не была такъ велика какъ та, въ которую, въ смущеніи своемъ, я бросилась. Не знаю, хорошо-ли я воступила, неосторожная! что перешагнула черезъ порогъ калитки? Что привлекло меня туда, извѣсна или преступленіе? Не знаю, страхъ или неожиданность столкнули меня въ эту пропасть. Ловласъ такъ ловокъ и такъ опасенъ, ты сама это знаешь! Онъ изъ тѣхъ людей, которые повелѣваютъ даже самому случаю. Для чего, въ самомъ дѣлѣ не взялъ онъ моего письма, гдѣ я говорила, что переищулю намѣреніе? И наконецъ (ты видишь милая Анна, что я обвиняю себя!) наконецъ, надо ли все сказать? изъ всѣхъ людей, которые должны были бы бѣжать за мною крайней-мѣрѣ до конца парка, я замѣтила только одного, который выбѣжалъ изъ сада, и надо тебѣ сказать, что человѣкъ этотъ шагу не сдѣлалъ, чтобъ догнать насъ! кажется, я узнала его: мнѣ показалось, что это былъ Джозефъ Леманъ! Мнѣ стыдно, страшно; я во всемъ сомнѣваюсь, ко всему прислушиваюсь, нищу, гляжу во всѣ стороны, слышу всеобщее негодованіе, и спрашиваю себя, ужъ не демонъ ли этотъ Ловласъ? Ты говоришь: «Выходи за него!» но вѣдь теперь не я а онъ повелѣваетъ, а я!... я повинуюсь, несчастная!

Между-тѣмъ, до сихъ-поръ нельзя быть почтительнѣе, вѣжливѣе, скромнѣе. Прощай, я не знаю еще, куда можешь ты адресовать ко мнѣ письма, но во всякомъ случаѣ дамъ знать. Я

посылаю письмо это съ человѣкомъ, котораго сама выбрала, потому что я уже не доверяю ни Ловласу, ни его людям!

Ловласъ къ Джозефу Лемону.

Суббота, 8 апреля.

C'est le jour de Saint-Valentin.

Il faut se lever bon matin.

Наконецъ, честный Джозефъ, молоденькая твоя леди соглашается бѣжать со мною и не позже какъ послѣ завтра, то есть въ понедѣльникъ въ четыре часа; не далеко отъ тропинки, окружающей гарловскій паркъ, на проселочной дорогѣ, насъ будетъ ожидать карета шестерней; со мною будутъ вооруженные приятели и слуги, которые не иначе какъ только для своей защиты употребятъ въ дѣйствіе оружіе. Ты знаешь, добрый Джозефъ, что я не люблю сильныхъ средствъ. По этому все рѣшено, все готово, и если ты честный малый, то скоро увидишь, что у меня и моей красавицы одно сердце, одна душа; только я боюсь, что когда настанетъ рѣшительная минута, твоя барышня не захочетъ со мною бѣжать; для меня погибнетъ тогда женщина, которую я люблю всею силою любящей моей души, а для тебя, Джозефъ, богатая награда, потому что такой славный малый какъ ты можешь раззориться и погнѣть, если останется на службѣ у мистра Сомза. И потому сдѣлаю тебѣ не звать, быть ловкимъ, распорядительнымъ въ этой продѣлкѣ, а главное не забывать моихъ наставленій и помогать всѣми силами къ совершенію этого брака, который составитъ мое счастье и твое состояніе, другъ Джозефъ. Такъ слушай: во первыхъ, ты будешь въ саду въ назначенный часъ; если задвижка отворена снаружи, то это будетъ значить что миссъ Кларисса со мною, женихомъ своимъ; между тѣмъ и позабочусь вытащить мой ключъ изъ замка, чтобъ въ случаѣ нужды ты могъ отворить ее собственнымъ ключемъ. Во вторыхъ, ты не долженъ далеко уходить, иначе не услышишь, когда я закричу: Гмъ! гмъ! (тутъ надо имѣть тонкій слухъ, потому что условный этотъ знакъ долженъ остаться между нами) и ударю каблукомъ въ калитку; въ эту минуту я буду спасать молодую особу, и тутъ начнется роль твоя. Ты прибѣгаешь въ попыхахъ, осматриваешь задвижку, стучишься въ калитку, срываешь замокъ, кричишь: скорѣй! скорѣй! ко мнѣ! сюда! Однимъ словомъ, ты такъ долженъ насъ перепугать, что мы совершенно

терпелся и думалъ только о побѣгѣ. Когда услышишь мой голосъ, это будетъ значить; что мы уже довольно далеко; тогда ты отворишь калитку, кладешь свой ключъ въ карманъ, а на его мѣсто съ садовой стороны всовываешь мой, а какъ ключъ этотъ принадлежитъ мнѣ, то всѣ скажутъ: «Разбойникъ этотъ укралъ его!» Прощу позаботиться о малѣйшихъ обстоятельствахъ, которыхъ самая высокая человѣческая мудрость не можетъ предвидѣть, и помнить, что въ природѣ нѣтъ ни одного бесполезнаго существа. Разумѣется, что ты тогда только отворишь калитку когда никто не приблизитъ на зовъ твой; въ противномъ случаѣ она не отворится, а пока ее будутъ выламывать, мы ужъ успѣемъ убѣжать; если же никто не придетъ, то ты дотѣхъ-поръ не долженъ показываться, пока мы не будемъ на довольно большомъ разстояніи отъ замка. Чтобы не быть узнану миссъ Клариссой, подыми голову и переменя походку, тогда ты сдѣлаешься совершенно другимъ человѣкомъ, потому что можно точно также переменить походку какъ и лицо. Ты долженъ бросаться во всѣ стороны, бѣгать взадъ и впередъ какъ будто созывая преслѣдующихъ насъ людей; наконецъ, когда совершенно потеряешь насъ изъ виду, слони огромный сукъ, бѣги въ смѣтенъ въ замокъ, и первому кто попадется кричи: «Ахъ! сударь, ахъ! сударыня, ахъ! миссъ, ахъ! добрый мой баринъ, ахъ! вы всѣ кто тутъ ни есть! бѣгите! сѣшите! мистръ Ловласъ! (тутъ ты долженъ приостановиться и испустить тяжелый вздохъ) мистръ Ловласъ! (другой вздохъ тяжеловѣснѣе перваго) ушелъ.... убѣжалъ.... съ одной.... онъ прошелъ.... вотъ тутъ.... на этомъ самомъ мѣстѣ....» и такъ далѣе. Разумѣется, что въ смущеніи своемъ, ты указываешь мнѣ совершенно противоположную дорогу. Тебя окружаютъ, спрашиваютъ, разспрашиваютъ обо всѣхъ подробностяхъ; когда же наконецъ ты совершенно успокоишься, то расскажи мнѣ истинную правду, не скрывая ничего, все какъ видѣлъ и какъ случилось. Можешь тоже прибавить, что по видимому мы не ссорились съ миссъ Клариссой, напротивъ, казалось, были въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ; что когда ты пришелъ къ калиткѣ, мы уже были довольно далеко; что я бѣжалъ изъ всѣхъ силъ, а миссъ Кларисса хотя шла легкою поступью, однако не сопротивлялась и не заставляла просить себя. Не забудь сказать, достойный мой Леманъ, потому что это моя слабость быть любиму для самого себя; я не хочу чтобы думали, будто я увезъ ее насильно; прибавь еще, что для сохранения ея и моей чести, достойные родители жены моей (да со-

хранить ихъ Амахъ!) должны быть увѣрены, что миссъ Кларисса ушла со мной по собственной волѣ. Вотъ чего я хочу. Въ случай, если честные эти люди прибѣгутъ къ калиткѣ прежде чѣмъ мы успѣемъ убѣжать, то, не переставая шумѣть и бросаться во все стороны, кричи и требуй ключа, говоря: «Ключъ! ключъ! кто взялъ его? да у кого же ключъ?» А чтобы они не могли отворить собственнымъ ключомъ, если неравно у нихъ есть другой, то брось, только половчѣе, шепотку сору въ замочную скважину. Это дѣлается довольно часто, какъ подтверждаетъ и поговорка: *помрачи замкъ!* а какъ поговорка эта, которую ты слышалъ отъ кроткой твоей Бетти, такая же древняя какъ самый мѣръ, то изъ этого слѣдуетъ, что обычай помрачить замки терлется во мракъ вѣковъ. Вотъ чего я отъ тебя ожидаю, любезный другъ; но если твоя преданность и изобрѣтательность внушатъ тебѣ какія нибудь маленькія выдумки, то дѣйствуй свободно, но я этого не требую; дѣлай какъ я сказалъ. Кесарь говорилъ: «Дѣлай то!» и было сдѣлаво, а я не хочу чтобы мнѣ служили хуже чѣмъ Юлію Кесарю, у котораго въ мои лѣта было двадцать миллионъ долгу, и онъ ни кому не платилъ. Какъ прежде всего я долженъ позаботиться о друзьяхъ моихъ и предохранить ихъ отъ дурныхъ послѣдствій, то я предвидѣлъ главныя затрудненія нашей экспедиціи, и ты поймешь, что во всемъ этомъ я заботился о твоей хорошей репутаціи. Благодаря моей предусмотрительности, если ты станешь называть меня громко *бандитомъ, злодѣемъ, жестокимъ* Ловласомъ, то заранѣе можешь быть увѣренъ въ благоклонности господъ своихъ, и что ния твое, переходя изъ рода въ родъ, сдѣлается синонимомъ добраго и вѣрнаго слуги.

Посылаю тебѣ, любезный другъ, впередъ небольшую сумму денегъ въ счетъ награды, которую я тебѣ назначилъ. Радуйся и веселись: что можетъ быть для человѣка лучше веселья?

Надѣюсь, впрочемъ, что ты питаешь ко мнѣ довольно уваженія и дружбы, чтобы ввѣряться моей благодарности и честному слову; тебѣ стоятъ только сказать: «Я отдаю вамъ миссъ Клариссу», и будущность твоя обезпечена самымъ выгоднѣйшимъ образомъ. Я забылъ наказать тебѣ, не падать миссъ Бетти; надо приковать, завлечь ее, любезный Джозефъ; если бъ даже тебѣ пришлось на ней жениться; не бойся зайти слишкомъ далеко, пользуйся своей фортуной, которая находится теперь въ счастливомъ ударѣ. Неужели такой молодецъ какъ ты, станешь бояться какихъ-нибудь царяпавъ?

Ложанъ къ Ловласу.

Воскресенье, утро, 9 апрѣля.

Ваше сіятельство слишкомъ ко мнѣ снисходительны, но требуетъ ужъ слишкомъ многого за одинъ разъ. Какъ ваше сіятельство съ перваго шагу изволили одержать значительную побѣду, и если откроется, что я держусь стороны милорда, то бѣдная моя шея подвергается большой опасности! *Respite finest, берегись веревки,* говоритъ латынь; но мнѣ все-равно, потому что я люблю васъ и душою привязанъ къ нашей барышнѣ. Она такъ добра, а вы снисходительны! Ктому же мнѣ такъ хочется приобрѣсти постоянный дворъ, обѣщанный вашимъ сіятельствомъ. Между-тѣмъ позвольте просить васъ не называть меня такъ часто честнымъ Джо-зефомъ, потому что мнѣ тогда кажется, будто ваше сіятельство изволите шутить надо мною. Все, что требуетъ милордъ, будетъ исполнено, даже то, что относится къ миссъ Бетти; но надо сказать правду, предписаніе милорда служить свѣлымъ поощреніемъ къ браку. Я увѣренъ, что Бетти будетъ хорошо управлять трактиромъ, подаркомъ милорда, и пока она будетъ раскупоривать бутылки, я не подумаю ходить за предписаніями къ милорду. Да проститъ ваше сіятельство человѣку простому, не привыкшему писать къ такимъ знатымъ вельможамъ!

Ловласъ къ Бельфорду, коммиссару.

Сентъ-Альбансъ, комедьянникъ, вечеръ.

«Проснись, владѣтельный Брабанціо! Го! гей! молѣи нехителъ дочь твою! Помогите! помогите! васъ обобрали, сіятельный вельможа! Вбрось глотеть теперь вашу голубку! Звоните! воры, воры!»

На этотъ разъ воръ не кто иной какъ я, любезный Бельфордъ! Правда, что я не могу прибавить исторіи «звѣря, у котораго быдъ двѣ спины», и кричать старику Гарло, «что чортъ нагрѣишь пожаловать его въ дѣдушки», но все-таки я могу кричать: «Побѣда!» потому что я овладѣлъ ею и ея добродѣтелью! Конечно, прелестная эта дѣвушка ушла навсегда; въ моей власти находится теперь «самая блестящая звѣзда Англіи, чистая и свѣтлая какъ ноябрьскій снѣгъ на шотландскихъ горахъ.»

Я торжествую; я напередъ говорилъ, что это семейство кровотвъ, воры которыхъ я ввзалъ всѣ до одной, самѣ бросить въ

мой объятіа эту гордую красавицу. Она перешла Рубиконъ, но всё-еще я не совсѣмъ побѣдилъ. Напрасно стараюсь я увѣрить себя, что прелестная и восхитительная Кларисса любить меня; нѣтъ, я вижу, что она отдалась скорѣе изъ страху чѣмъ изъ любви. Такъ молода и такъ жестокосерда! Какая глубокая грусть! какое нефритворное отчаяніе! «Горе было бы рѣдкою и божественною красотою, еслибъ всѣ лица могли дышать такою прелестію.» Какое неблагоразуміе плакать! развѣ она не знаетъ, что возвратъ невозможенъ! и что бѣда тому, кто оскорбитъ мое самолюбіе. Что же до тебя касается, то тебѣ нечего мнѣ говорить; и отъ другихъ мнѣ нечего слушать. И потому совѣтую и тебѣ и другимъ успокоить свое сердце; цѣлое королевство не можетъ выкупить этого ребенка. Тише, она просыпается, идетъ; солнце тоже показывается, чтобъ провожать и освѣщать ей путь. Здравствуй, другъ Бельфордъ. Если ты хочешь преклониться предо мною, то преклонись и скажи: «Нѣтъ страшнѣе хищной птицы какъ нашъ левъ».

Миссъ Кларисса къ миссъ Гог.

Среда, 12 апрѣля.

Продолжаю грустный разсказъ. Только что онъ снесъ меня въ карету, лошади помчались во весь опоръ. Мнѣ казалось что это былъ сонъ, я молчала и плакала, а онъ не смотря на торжество свое сидѣлъ въ почтительномъ отъ меня разстояніи, скрывая свою радость подъ личиною уваженія. Нѣсколько всадниковъ слѣдовало за каретою: проскакавъ довольно большое пространство, мы остановились у одного трактира; мнѣ надо было выйти изъ кареты и показаться цѣлой толпѣ празднующихся, сбѣжавшихся поглядѣть на насъ. Я была въ утреннемъ платьѣ, съ непокрытою головою, въ маленькомъ платьѣ, почти не прикрывавшемъ шеи и плечь моихъ; съ изнуреннымъ тѣломъ, разтерзанною душою.... Въ эту минуту я выходила на какую нибудь некательницу приключеній....

Каждому хотѣлось поглядѣть на меня, и я съ большимъ трудомъ могла спрятаться въ комнату, гдѣ начала плакать. Вскорѣ явилась содержательница трактира и сказала, что братъ мой желаетъ говорить со мною.... Ловлась выдать меня за сестру свою, и увѣрилъ что вырвалъ изъ дома друга, чтобъ разорвать предпринятый союзъ. Нечего было дѣлать, я не могла опровергнуть этой лжи, которую онъ поддерживалъ съ такою увѣрен-

ностью и такимъ натуральнымъ тономъ какъ будто говорилъ истинную правду; мнѣ не хотѣлось принять его у себя въ комнату, гдѣ я должна была почевать, и потому сошла въ общую залу, Пока хозяйка была тутъ, онъ называлъ меня милою сестрою, но какъ скоро она ушла, онъ снова сдѣлавшись почтительнымъ и покорнымъ сталъ спрашивать, чего я желаю и на что рѣшилась? которую изъ двухъ тетокъ его я выбрала? въ какое граство, или въ который изъ замковъ лорда М^{***} намѣрена я ѣхать? Потомъ, не дождавшись отвѣту, сталъ совѣтовать ѣхать въ Лондонъ, потому, говорилъ онъ, что какъ только вы туда прїѣдете, родные мои тотчасъ же примутъ васъ, а кузина Шарлота Монтегю не разстанется съ вами; впрочемъ если вамъ только угодно, вы во всякое время можете ѣхать къ леди Лоренса. Я такъ была утомлена, что сначала не могла хорошево слышать его; наконецъ увидала, что во всѣхъ этихъ диспутахъ не оставалось ни малѣйшаго мѣста для моей собственной воли; я отвѣчала однако, что не могу въ такомъ видѣ представиться его семейству, и что прежде всего мистръ Ловласъ долженъ подумать о томъ, какъ бы ему скорѣе удалиться; что самое сарниное убѣжище для меня всего приличнѣе и что я предпочитаю деревню городу. Онъ настаивалъ, чтобъ я ѣхала въ Лондонъ, но я его не слушала, потому что мнѣ казалось, что каждое его слово, каждое движеніе дышитъ измѣною. «Сдѣлайте милость, потерпите немного! я сама не знаю что дѣлаю?—чего хочу? гдѣ я? и кто я такова? развѣ вы не видите, что я заблудилась на большой дорогѣ, что у меня нѣтъ ни денегъ, ни пристанища, даже нѣтъ приличнаго платья, какъ у нищей! вы видите, что я гибну и вы причина этой гибели: на что же хотите вы, чтобъ я рѣшилась? Тогда онъ отвѣчалъ, что состояніе его принадлежитъ мнѣ, и даже хотѣлъ, чтобъ я приняла банковый билетъ въ сотню гиней, но разумѣется я отвергла это предложеніе. Тогда онъ всременилъ тонъ, умолялъ шепотомъ и говорилъ громко; я на него сердилась, сама не знаю, за что? тѣмъ больше я была грустна, тѣмъ больше онъ выходилъ изъ себя. «Развѣ не я сама хотѣла бѣжать изъ родительскаго дому, и могла ли иначе забавиться отъ Сомза? Ктому же, развѣ онъ мало пострадалъ изъ за меня?» Онъ упрекалъ меня и обижался, что я приходила въ такое отчаяніе: Кто виноватъ? на кого пѣвать? Послѣ этихъ упрековъ онъ всталъ на колѣни, снова сдѣлался такимъ кроткимъ, такимъ покорнымъ и хотѣлъ было заговорить о любви своей, но я тотчасъ же остановила его. «Ни слова!» вскричала

я. Онъ смутился, сталъ расказываться и просить прощенья у возлюбленной своей *Клариссы*, и въ знакъ моего прощенья, оскѣлился поцѣловать меня въ щеку! — Тутъ итъ можетъ-быть большаго преступленья, но поцѣлуй этотъ, когда я вспоминаю снѣжность этого человѣка, пугаетъ меня. Я встала тогда и пошла писать къ тебѣ. Хозяйка трактира рекомендовала мнѣ человѣка, который доставитъ мнѣ все, что ты дашь ему. Вотъ адресъ: «Мистрисъ Гремъ, ключницѣ лорда М^{...} въ замокъ Герфордширъ! Мы ѣдемъ завтра, только не въ каретѣ, а парюю въ другомъ экипажѣ, чтобъ обмануть погоню. Въ кошелькѣ у меня немного, только семь гиней и еще немного мелочи. У меня есть пятьдесятъ гиней, но я ихъ забыла въ ящикѣ, потому что не думала больше о побѣгѣ. Въ какомъ жалкомъ я теперь положеніи, что принуждена просить тебя прислать мнѣ оставшіяся у тебя платья, а онъ еще подумаетъ, что я уже давно задумала бѣжать съ нимъ. Необходимость выдавать себя за сестру его, мучаетъ, утомляетъ меня. Сегодня утромъ когда я сошла въ низъ, онъ поздоровался со мною какъ съ сестрою и подарилъ бархатную шляпу и шитую серебромъ мантилью; какъ сестра при всемъ этомъ народѣ я не могла отказать такому внимательному брату въ поцѣлуй. Когда мы сѣли въ карету, у насъ снова завязался вчерашній разговоръ: онъ совѣтовалъ ѣхать въ Лондонъ, если я не найтѣрена ѣхать къ его дядѣ. Я отказалась. Тогда онъ предложилъ мнѣ остановиться въ одной гостинницѣ, находящейся не далеко отъ замка лорда М^{...}, на что я согласилась, потомъ ушла къ себѣ въ комнату и сѣла писать, сперва къ тебѣ, а послѣ къ сестрѣ. Куда же будешь ты писать мнѣ? вотъ что беспокоило меня; но Ловдасъ и объ этомъ подумалъ. «Надо, чтобъ всѣ думали, сказалъ онъ, что вы находитесь теперь въ Лондонѣ. Напишите къ миссъ Гоу, чтобъ она адресовала письма свои на имя мистра Осгуда на площади Со; онъ честный человѣкъ, который вѣрно доставитъ все, что будетъ ему поручено на ваше имя.» Видишь, милая, что у него на все есть отвѣтъ. Онъ отлучился часа на полтора; возвратясь въ гостинницу, онъ посылалъ ко мнѣ три или четыре раза, прося позволенія видѣться со мною; а какъ я отвѣчала, что до обѣда не могу принять его, онъ сталъ браниться со всѣми людьми. Управительница замка, мистрисъ Гремъ, пришла во время обѣда засвидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе. Присутствіе этой честной и простой женщины успокоило меня. Она показывала много уваженія молодому своему барину, а когда я стала просить ее, чтобъ она нашла мнѣ

приличную квартиру, то Гремъ стала говорить о своей невѣсткѣ, которая живетъ въ семи или осьми миляхъ отъ замка. «Пойдемте, посмотрите,» сказалъ Ловласъ, и даже былъ такъ любезенъ, что посадилъ со мною мистриссъ Гремъ, а самъ съ двумя слугами и двумя конюшными лорда М^{...} поѣхалъ верхомъ за каретой. Дорогою я стала разговаривать съ Гремъ и нашла въ отвѣтахъ ея такъ много ума, что тотчасъ же почувствовала къ ней довѣріе. Она сильно привязана къ молодому своему барину и говоритъ о немъ много хорошаго съ маленькою примѣсью дуриаго. Дядя и тетки, которые обожаютъ его, предлагали ему самыя блестящія партіи, но онъ всегда отказывался говоря: что женится только на миссъ Клариссѣ Гарло, которую предпочитаетъ, еслибъ даже она была вовсе безъ приданнаго, самымъ богатѣйшимъ наследникомъ во всѣхъ трехъ королевствахъ. Въ семействѣ, Ловласъ всѣми управляетъ, даже дядею, который хотя и спорить иногда съ племянникомъ, однако всегда ему уступаетъ. Разговаривая такимъ образомъ, мы доѣхали до невѣстки мистриссъ Гремъ. Онадова, имѣетъ двоихъ дочерей и двухъ сыновей, которые вѣжлив и почтительно обходятся съ своими сестрами. Домъ не совсѣмъ спокоенъ, но мистриссъ Гремъ предупреждала насъ, и Ловласъ откровенно выразился на этотъ счетъ, что комнаты находятся слишкомъ близко одна отъ другой, (мнѣ такъ пріятно слышать отъ него самого это замѣчаніе); онъ сказалъ, что если я поселюсь тутъ, то ему прійдется нанять въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, что помѣшастъ ему беречь мою особу. Все это довольно справедливо, но вотъ что портитъ всѣ благородные порывы его сердца: это вѣчные восклицанія и восторгъ, съ которыми онъ говоритъ со мною. Кажется, истинная любовь не такъ выражается; *къ чему эта шумная болтовня дерзкаго и смѣлаго краснорѣчія!* какъ говоритъ нашъ знаменитый Шекспиръ. О! Боже! что дѣлаютъ теперь мои родители? проклинаютъ меня, говоритъ Ловласъ; несчастная! не стыдъ ли бѣжать съ такимъ обольстителемъ! Я боюсь его, глаза его говорятъ страшнымъ языкомъ, и я понимаю отчего нахожусь теперь подъ его игомъ. Слава Богу, что письмо твое ободрило меня немного. Ты получишь письмо это черезъ развозчика околотка, на котораго не можетъ пасть подозрѣніе. Умоляю тебя, другъ мой, увѣдомь меня, что дѣлаютъ мои родители и скажи, стою ли я еще любви твоей и уваженія.

Долгость из Бельфорду.

Вторникъ и среда, 11 и 12 апрѣля.

Ноклонъ капитану Бельфорду. Впрочемъ, ты помнишь что когда мы разстались, я рѣшился, если свиданье мое не уладится, соединиться съ вами, и идти всѣмъ вѣстѣ въ замокъ Гарло, чтобъ требовать отчету, почему дураки эти преслѣдуютъ насъ, стоишь неввинныхъ жертвъ. Правду сказать, я боялся чтобъ бѣдная дѣвушка не перемѣнила еще разъ своихъ намѣреній, потому что замѣтилъ въ нашемъ почтовомъ ящикѣ особеннымъ образомъ сложенную записочку, которая не предвѣщала ничего добраго. Зато, предчувствуя сопротивленіе, я до нея не дотронулся. Какъ бы ты сталъ смѣяться надо мною, еслибъ птичка долетѣвъ до меня ускользнула изъ сѣтей моихъ! Я подстерегалъ ее за калиткой, и какъ только она дотронулась до замка, я увѣрился въ своей побѣдѣ. Она явилась какъ звѣзда! Ахъ! Бельфордъ! какъ она была бѣла! Лиція и снѣгъ ничто въ сравненіи съ ея бѣлизною. Чудные ея волосы, связанные свѣтлоголубою лентою, падали небрежно по плечамъ; на головѣ у нея ничего не было, потому что она не боялась ни солнца, ни дождя; загарь, какъ и клевета, не смѣють къ ней прикасаться! Она была въ утреннемъ платьѣ, кокетливо приподнятомъ серебряною вышивкою, и въ бѣломъ платочкѣ, обрубленномъ собственными ея руками и прикрывавшемъ эту юную грудь, полную трепету и ощущеній. Два большіе брилліанта блестяли въ ухахъ ея. Рукава, обшитые кружевными мавшетами, point de Malines и черныя полуперчатки собственнаго произведенія (она выдумываетъ моды и одѣвается по произволу, какъ вздумается) обрисовывали ея прекрасныя руки (изъ блага бархату). На ней была бѣлая атласная юбка, кисейный передникъ, вышитый мелкими цвѣтами, и голубыя атласныя туфли съ золотыми пряжками. Наконецъ она моя! Она не могла уйти отъ меня! Сначала я взялся потихоньку, потомъ началась престранная борьба! Погоди, дай мнѣ поохотатъ; я много рисковалъ, многое и выигралъ.... тѣмъ хуже, если люди мои думаютъ, что я съ ума сошелъ (одинъ изъ нихъ уже подошелъ къ дверямъ: ему, вѣрно, хочется знать, чему я такъ смѣюсь). Я смѣюсь, другъ Бельфордъ, отъ радости, отъ гордости. Ахъ, прелестная Кларисса! я много трудился, много хлопоталъ изъ-за васъ; но не бойтесь, я великодушный побѣдитель и признаюсь, что вы мужественно защищались. «Молись за грѣхъ мой, пнча!» На этомъ условіи я отдаю тебѣ всѣ военныя почести; благородіе твое,

осторожность и мудрость могут выйти съ оружіемъ въ рукахъ и съ барабаннымъ боемъ.

Я отсюда вижу твои мысли, Бельфордъ; ты думаешь, что я не осмѣлюсь унижить такую красоту и нарушить столько клятвъ. Право, капитанъ, я не знаю еще, что намѣренъ дѣлать; кажется, у меня нѣтъ недостатку въ смѣлости; я изъ тѣхъ людей, которые смѣютъ осмѣливаться, а будущиѣхъ грѣховъ у меня больше тѣмъ времени и воображенія, чтобъ совершить ихъ и придать какую-нибудь форму. Притомъ надо же вознаградить себя, зато что до сихъ поръ разыгрывалъ прескверную роль: трясся, боялся, меня все пугало, ночь, вѣтеръ, братъ и сестра, отецъ и дяди, даже она — она сама, это милое, благородное существо! Неосторожная! своею невинностью и хладнокровіемъ она сама смутила мою душу! Только тогда она согласится выйти за меня, когда я остепенюсь и когда съ возлюбленными ея родителями можно будетъ говорить, то есть, когда Гарло сдѣлаются людьми... А какъ теперь она находится въ рукахъ моихъ, то не дуракъ ли я буду, если не воспользуюсь выгоднымъ положеніемъ и не отищу имъ за себя? Ты совѣтуешь мнѣ жениться — к чему? Я рѣшился бы на это только въ крайности. Когда я захочу, она будетъ моею женою.... Прости, я такъ ослѣпленъ своею побѣдою, что съ ума схожу; вчера вечеромъ, прогуливаясь въ полѣ, я чуть было не снялъ шляпы, чтобъ посмотреть, не загорѣлась ли какая-нибудь звѣзда на небѣ! По этому ты можешь судить о торжествѣ, о любви моей!

Миссъ Говъ къ миссъ Клариссѣ.

Среда, вечеръ, 12 апрѣля.

Да, ты все еще наша милая Кларисса, и добродѣтели превышаютъ твои несчастія. Да, я горжусь твоею дружбою и говорю это всѣмъ, кому угодно слушать; я сказала это матушкѣ и сказала бѣ даже дядѣ твоему Антони, еслибъ онъ, не заперся съ нею.... Родныхъ твоихъ, виновниковъ этого ужаснаго преступленія, ты оправдываешь, а себя обвиняешь! Не могу выразить моего горя и безпокойства; гордость Ловласа ужасаетъ меня. Еслибъ я была на твоемъ мѣстѣ, то поселилась бы у леди Лоренсъ. Будь увѣрена, что родные твои не скалятся надъ тобою: они неумолимы. Они сами заставили тебя бѣжать, это общее мнѣніе. Отца твоего и дядей всѣ громко обвиняютъ, а на брата и сестру смотрятъ съ отвращеніемъ, какъ на виновниковъ твоего

проступка. Матушку твою жалѣютъ, что у нея не достало духу защитить свое дитя, а отвратительный Сомзъ не смѣетъ показываться на улицѣ. Ни стыдъ, ни угрызенія совѣсти, ни всеобщее негодованіе не могутъ усмирить твоихъ гонителей; напротивъ, они еще больше злятся и стараются теперь объяснить и оправдать свои поступки. Они увѣряютъ, что испытаніе роковаго вторника было бы послѣднее. Безумные! имъ можно теперь лгать сколько угодно! Нельзя вообразить, что происходило въ этомъ домѣ, когда узнали о твоёмъ побѣгѣ. Кажется, что мистриссъ Гервей, которая возвращалась съ твоей половины съ намѣреніемъ объявить тебѣ, что всё поиски кончены, первая встрѣтилась съ испуганнымъ слугою, который кричалъ и звалъ на помощь. (Они не называютъ этого лакея, но мнѣ кажется, что это долженъ быть Джозефъ Леманъ.) Онъ вбѣжалъ съ огромнымъ сучкомъ и казался сильно взволнованнымъ. Услыхавъ крикъ, Джеизъ вбѣгаетъ и требуетъ коня и шпагу; мистръ Антони и Сомзъ бѣгутъ за нимъ, но не знаютъ куда. Вѣрно вы ужъ были далеко. Мистръ Гарло, который боялся суматохи, удержалъ безъ большого труда благородный порывъ чести этихъ странствующихъ рыцарей. Другихъ подробностей я не знаю, хотя приключеніе это надѣлало столько шума, что хоть вонъ бѣжать. Матушка безпокоится и черезъ-чуръ волнуется, а Гигменъ всѣми силами защищаетъ тебя и уговорилъ Файльмерса, своего фермера, помогать намъ въ нашей переплскѣ; посылай ему письма на имя *Джона Собертонна*. Чѣмъ больше я раздумываю, тѣмъ убѣдительнѣе прошу тебя быть какъ можно осторожнѣе. Ахъ, Кларочка! если Джозефъ Леманъ и въ-самомъ-дѣлѣ сообщникъ Ловласа, то бѣги, бѣги не оглядываясь! Или выходи замужъ, нето ты погибнешь. По-крайней мѣрѣ живи отъ него подальше, а между-тѣмъ скрывайся, потому что бѣшенство всѣхъ Гарло доходитъ до неистовства. Въ то же время и какъ можно скорѣе требуй своего наслѣдства, потому что семейство твое, будь въ томъ увѣрена, ничего, даже шиллинга не дастъ тебѣ. Не могу передать моего горя, когда вспомню что у тебя нѣтъ ни денегъ ни одежды. Бѣдное дитя! семь гиней! что дѣлать съ семью гинеями? Я предлагаю тебѣ шестьдесятъ; ангель Кларочка, возьми ихъ; платья мои и бѣлье тоже къ твоимъ услугамъ; носи ихъ, милая сестра, какъ собственные свои вещи. Я надѣюсь, что ты не поставишь меня на одну доску съ Ловласомъ, потому что слишкомъ деликатна, чтобъ принять отъ него какую-нибудь помощь. Увѣдомляй меня о малѣйшихъ обстоятельствахъ и помни, что я присутствую при са-

монъ ужасномъ поединкѣ. Какъ ты теперь больше не повели тельница, то будь осторожна, не оскорбляй самолюбія этого опаснаго человѣка, не серди его; если можно, показывай ему немного расположенія. Ты получишь это письмо черезъ одного пріятеля Гикмена: онъ ѣдетъ въ вашу сторону, даже знакомъ съ мистриссъ Гремъ; онъ пріѣдетъ сегодня вечеромъ и расскажетъ все, что узнаетъ. Прощай, милый ангелъ; матушка зоветъ; она не знаетъ, что я пишу тебѣ. Прощай!

Миссъ Кларисса къ миссъ Гбу.

Четвергъ, 10 апрѣля.

Буду поступать по твоимъ совѣтамъ. Положеніе въ самомъ дѣлѣ такъ запутано, что не знаю, какъ дѣйствовать. Я чувствую, что мнѣ теперь необходима вся сила души моей и твоя преданная дружба. До-сихъ-поръ все идетъ по прежнему, онъ также почтителенъ и также дерзко самолюбивъ какъ и прежде. Я бы хотѣла, даже можетъ быть, должна имѣть къ нему довѣріе, но мнѣ все кажется, что онъ обманулъ меня, и это ужасное сомнѣніе оставаливаетъ мое довѣріе! Ктому жъ, увидавъ такую внезапную переменъ, онъ можетъ думать, что я до-сихъ-поръ притворилась. Несвоеное, странное недоумѣнье! Когда вспомню, что мнѣ оставался можетъ-быть только еще одинъ день монхъ долгихъ испытаній, тогда я краснѣю отъ стыда, что у меня не достало силъ терпѣть долѣе. Благодарю за предложенія, милая Анна, но не принимаю еще твоей помощи, потому что не могу вѣрить, чтобъ родные мои, по-крайней-мѣрѣ всѣ родные, оставили меня безъ денегъ. Впрочемъ, прочитай письмо, которое я пишу сестрѣ.

Еще одно слово: хотя я не прежняя Кларисса, которая могла давать совѣты и требовать чтобъ ихъ выслушивали, однако всё-таки позволь сказать, что ты говоришь о своей матери какъ не слѣдуетъ говорить, милая Анна, даже изъ уваженія ко мнѣ, если ты не хочешь чтобъ сказали: «Вотъ чему выучилась она у миссъ Клариссы». Поблагодари отъ меня, добраго нашего друга, мистра Гикмена, за участіе, которое онъ принимаетъ въ моемъ несчастіи.

Миссъ Кларисса къ сестрѣ своей, миссъ Арабелль Гарло.

Вторникъ, 11 апрѣля.

Признаюсь, любезная сестра, я виновата, что рѣшилась на та-

кой проступокъ, который нельзя было бы назвать, если бь ею мною обращались не такъ строго! Несмотря однако на эту строгость, я никогда не подумала бы бѣжать изъ родительскаго дому, если бь могла надѣяться, что возлюбленные мои родители сжалятся надо мною. И теперь еще я готова просить ихъ прощенья, только бы меня не принуждали къ этому браку; я предлагаю еще разъ все что мнѣю, и согласна жить тамъ гдѣ мнѣ только угодно,—у нихъ ли въ домѣ, или у себя въ мнѣиніи. Пусть скажутъ они только одно слово, въ которомъ бы я увидала любовь или участіе, и я сію же минуту къ нимъ возвращусь.

Раздумай объ этомъ хорошенько, это очень важное обстоятельство нашей жизни. Дай Богъ для тебя и для меня, чтобъ ты не возставала противъ сестры твоей! Помни, что я раскаиваюсь въ своемъ проступкѣ, что я никому не подвластна и что нѣсколько ласковыхъ и благосклонныхъ словъ могутъ возвратитъ заблудшую овцу. Я къ тебѣ обращаюсь, сестра, къ тебѣ и брату, потому что вы столкнули меня въ эту пропасть. Есть еще время протянуть ко мнѣ руку помощи и спасти отъ несчастія, которое упадетъ на вашу же голову.

P. S. Не слишкомъ ли много стану я отъ тебя требовать, если попрошу переслать мои платья, бѣлье и пятьдесятъ фунтовъ, которые ты найдешь въ моемъ ящикѣ? Мнѣ бы тоже хотѣлось нѣсколько поучительныхъ книгъ, онѣ находятся въ моей библіотекѣ, и если ты заблагоразсудишь, то вышли тоже и брилліанты. Все это ты можешь адресовать на имя мистра Осгуда, въ Лондонъ, на площади Со.

Ловлясь къ Бельфорду.

Гдѣ я остановился? Все что я знаю, такъ это, что лошади мои покрытыя пѣной, неслись во весь духъ, а время летѣло еще скорѣе; вспомни, что мы были совершенно одни: *solus cum sola!* и что хотя она не думала о пламенныхъ моихъ взглядахъ, но я могъ восхищаться ея красотою! Мы подѣхали къ трактору; можешь представить себѣ удивленіе толпы, когда она увидала, что изъ пыльной кареты выходитъ такая царица! Она, красивъя, убѣжала на верхъ, а я оставшійся въ общей залѣ, выдавалъ богиню мою за сестру, которую хотѣлъ спасти отъ нескательствъ нѣкотораго волокиты. Всѣ повѣрили моей баснѣ, потому что она и въ самомъ дѣлѣ была довольно правдоподобна, и потому что я рассказывалъ ее съ такою самоувѣренностью, которая не терпится

противорѣчій. Но за то нареченная моя сестрица подняла бурю!... стала приходять въ отчаяніе, и дѣлать самыя горькія упреки. Я хотѣлъ усмирить ее нѣсколькими громовыми ударами моего гнѣву, но она, однимъ взглядомъ заставила меня опустить глаза. Она кровно оскорбила меня; жаль мнѣ этой дѣвушки, которую понимаю, угадываю и знаю, что она скорѣе бонется, чѣмъ любить меня, а уважаетъ еще меньше чѣмъ любить. Правда, она убѣжала со мною отъ отца, но она убѣжала неожиданно, противъ воли, потому только, что я такъ ловокъ и находчивъ; она бѣжала не изъ любви ко мнѣ, а изъ ненависти къ отвратительному Сомзу. Наконецъ, развѣ я больше не Ловласъ? развѣ меня принимаютъ за дурака? Какъ! развѣ можно обходиться со мною такъ холодно, съ такимъ сухимъ презрѣніемъ, которое проникаетъ до самыхъ костей! Я дотронулся однако жгучими кончиками губами до ея ротика, — но только одинъ разъ (о Бельфордъ! ты видишь, я чистосердеченъ), и еще надо было похитить эту милость. У нея нѣтъ денегъ, но мысль занять у меня никогда не прійдетъ ей въ голову. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ она переѣхала въ Лондонъ (въ Лондонъ, о Бельфордъ!), но какъ сдѣлать, чтобъ она согласилась? Но, можетъ быть, родные ея помогутъ мнѣ и на этотъ разъ. Они съ ума слодятъ; я же имъ доставилъ на цѣлый годъ ярости. Какъ были они удивлены, когда увидѣли, что жертва ихъ исчезла какъ падающая звѣзда! Правда, хорошо разставилъ сѣтъ; честный Джозефъ увѣрилъ ихъ, будто они подкупили Вильда, моего знаменитаго камердинера, а Леману они поручили подсматривать за миссъ Клариссой. Я, ты и еще нѣсколько друзей могли бы похитить ее днемъ, но совѣсть Джозефа не допустила насъ до такой суматохи. Ктому же, я надѣлся на ревностное посредничество миссъ Арабеллы и достойнаго ея брата, которые и въ самомъ дѣлѣ помогли мудрымъ мопмъ намѣреніямъ.

Мы ѣздили въ Лепъ, это недалеко отъ дядюшкина замка. Какъ была она рада, что сидѣла не подлѣ меня, а подлѣ мистриссъ Гремъ, невинной моей сообщницы. Добрая эта женщина увѣрена, что я не умѣю лгать, потому что сама видѣла, какъ скоро я сознаюсь во всѣхъ своихъ даже самыхъ непростительныхъ проступкахъ. Впрочемъ, честная Гремъ возсылала за меня къ небу столько молитвъ, что должна быть теперь увѣрена въ полномъ моемъ обращеніи на путь истины. Несмотря однако на такой назидательный разговоръ, миссъ Кларисса горько плакала, читая письмо друга своего миссъ Гоу, этого маленька-

го демона, за которымъ я велѣлъ подсматривать паясу моему, дядѣ Антони. Эта миссъ Гоу преопасная дѣвочка; не знаю откуда набрѣлась она такихъ разсужденій и такой предусмотрительности! Славная была бѣ охота, если бѣ однимъ ударомъ я могъ подстрѣлить обѣихъ птичекъ! какъ ты думаешь, Бельфордъ?

Какая симпатія между мною и моею красавицей! пока я пишу моему Бельфорду, она пишетъ своей миссъ Гоу. Въ письмахъ заключится вся жизнь ея, потому что она не умѣетъ еще весело проводить своего времени; но надо имѣть терпѣнье. Съ терпѣньемъ до всего дойдешь, говоритъ лордъ М*** въ одной изъ своихъ септенцій. Она писала также сестрѣ, прося выслать ей денегъ и нѣсколько правоучительныхъ книгъ. Какъ она невинна, что досехъ-поръ надѣется на чувствительность сестры своей. Бѣдная Кларисса, она не знаетъ еще азбуки человѣческаго сердца! Чтобъ выучиться этой азбукѣ, ей надо сперва изучить меня, потому что есть на свѣтѣ человѣкъ, въ мизинцѣ котораго заключается болѣе премудрости чѣмъ во всей особѣ миссъ Клариссы, и человѣкъ этотъ я! Напрасно она плачетъ, пишетъ, умоляетъ; потерянный трудъ, потерянные слезы! Она обращается къ глухимъ и никто не придетъ на помощь бѣдному этому ребенку, этой дочери-племянницѣ какъ всѣ они ее называли; они поглупѣли, помѣшались отъ злости или скорѣе отъ скупости, потому что скупость — гнѣздо всѣхъ пороковъ.

Слѣдовательно у Клариссы остается только одна опора, одно прибѣжище, другъ ея, миссъ Анна Гоу, которая любитъ ее, уважаетъ, обожаетъ съ какимъ-то восторгомъ и преклоняется передъ высокою добродѣтелью этой божественной души; да, но миссъ Гоу сама находится въ моей власти; я управляю ея дѣйствіями, глупостью, мелочнымъ благоразуміемъ, упрямствомъ, тщеславіемъ, чванствомъ, и бережливостью, доходящею до скряжества ея почтенной матушки. Что же касается до мистриссъ Гоу, то я управляю ею черезъ посредничество ея обожателя, любезнаго дядюшки Антони, жестко накрахмаленнаго автомата. Усталый полотеръ не выпускаетъ такихъ тяжелыхъ и шумныхъ вздоховъ, какъ дядя Антони сидя подлѣ своей возлюбленной; я стороною заставляю этого тщеславнаго эгониста повѣтъ, что мистриссъ Гоу не мѣшало бы смотрѣть за дочерью, и не позволять миссъ Аннѣ распорядиться вещами и деньгами, въ пользу такой преступной дочери. Они такъ глупы, что, право, нѣтъ ни какого удовольствія управлять такими болванами. Что

же до меня касается, кажется, я требую не многого? я хочу быть единственнымъ другомъ, единственнымъ покровителемъ, единственнымъ приближеннымъ, единственнымъ утѣшеніемъ миссъ Клариссы Гарло; я хочу быть ея путеводителемъ, опорой, особенно же кассиромъ, и мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ я скорѣе щедръ, чѣмъ ловокъ. Я упросилъ ее, чтобы она просила родныхъ адресовать къ ней письма на имя достойнаго Осгуда, твоего двоюроднаго брата, и потому прошу тебя послать нарочнаго за письмами и вещами миссъ Гарло; вещей нечего бояться. Пиши цифрами, какъ мы это дѣлаемъ въ сомнительныхъ дѣлахъ; было бы досадно погибнуть по собственной глупости. Надо все предвидѣть, взять всевозможныя, то есть необходимыя, предосторожности: только одни дураки заходятъ за предѣлы необходимаго. Знай, любезный капитанъ, что не дождавшись предписанія парламента, я называюсь теперь конюшимъ Робертомъ Гунифоромъ. Какъ хорошо имя! неправдали? Я говорилъ о тебѣ съ моею красавицей, и описалъ тебя в добродѣтель твою чудесными красками; но какъ нельзя расхваливать тѣлесныя достоинства такъ же какъ душевныя, иначе можно прослыть за лгуна, то я сказалъ, что ты довольно толстъ и неуклюжъ, но впрочемъ добрый малый: ну, что, доволенъ? Мы живемъ въ старомъ, гадкомъ и безпокойномъ домѣ, и я первый это замѣтилъ, чтобы она не слишкомъ была разборчива. Обѣ дочери мистриссъ Сорлингъ—прехорошенькія дѣвушки, живутъ съ миссъ Клариссой, и изъ осторожности я похвалилъ только ихъ молочную и умѣнье хозяйничать. О! женщины! какъ любятъ онѣ похвалы! Гуля однажды по Лондону, я увидалъ пренарядную и прехорошенькую женщину, которая мимоходомъ слушала внезапно восхищеннаго и покрытаго саломъ и сажей трубочиста. Еслибъ я былъ тогда только трубочистомъ.... но я начиналъ уже быть великимъ Ловласомъ. Я нахѣрею взять одну изъ дѣвицъ Сорлингъ для компаніи миссъ Гарло; кажется, мать не совсѣмъ желаетъ ввѣрить мнѣ дочь свою; если это происходитъ отъ недовѣрія, то мнѣ жаль этихъ дѣвушекъ. Но довольно, пора кончить.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гау.

Четвертъ, 13 апрѣля.

Я не могу больше оставаться одна, онъ такъ мнѣ надоедаетъ своими любезностями. Когда мнѣ хочется быть одной, онъ просить *осчастливить моими присутствіемъ*. Если я отказываю, онъ

настываетъ; наконецъ я выхожу изъ терѣнія и схожу внизъ, тогда разговоръ его, манеры, уваженіе, — все бѣситъ меня: въ немъ нѣтъ ничего истиннаго. Вчера еще, послѣ долгихъ споровъ, онъ вдругъ принялъ скромный видъ и сказалъ красиво, что если бѣ не законы, которые я сама на него наложила.... Въ эту минуту я почувствовала неизъяснимый трепеть; онъ опустилъ глаза и предложилъ свою руку. «Только женившись, любезная Кларисса, мы можемъ выйти изъ этого стѣсненнаго положенія; когда вы сдѣлаетесь моею женою, я представлю васъ роднымъ; мы поѣдемъ къ другу вашему миссъ Гоу, и дверь прощенья, котораго вы такъ желаете, отвернется передъ вами.» Я вспомнила тогда твои совѣты, но чтѣ могла я отвѣчать? Я была одна, и могла ли ловить его на словахъ? Не было еще трехъ дней какъ я бѣжала, и мнѣ казалось неприличнымъ бросаться такъ къ нему на шею, особенно послѣ всѣхъ грубостей, которыхъ я ему наговорила. Я молчала; онъ смотрѣлъ на меня смѣло и пристально, какъ-будто читалъ въ глубинѣ сердца. Онъ долженъ былъ замѣтить по краскѣ лица моего, что я не приняла этого за оскорбленіе. Я посмотрѣла на него. «Вы молчите, презираете меня?» спросилъ онъ. Я не могу описать тебѣ моего смущенія; я встала и вышла. Если онъ въ самомъ дѣлѣ желаетъ руки моей, то не умѣлъ воспользоваться случаемъ и ускорить мое согласіе. Я очень недовольна, очень разсержена. Надо, чтобъ онъ уѣхалъ; я этого хочу; это необходимо.

Ловится къ Бельфорду.

Четвергъ, 13 апрѣля.

Ты вздоръ говоришь, другъ Бельфордъ, противъ невозможной любви. О! человекій человекъ! ты никогда не узнаешь скрытыхъ радостей тѣхъ побѣдъ, которыя требуютъ всего генія и всею терѣніемъ смертнаго. Ты остаешься всегда скотиною, годною глотать кости, которыя мнѣ заблагоразсудится тебѣ бросить, другъ Бельфордъ.

Правда, что предпріятіе было трудно, я это знаю лучше другихъ, и уже потерпѣлъ сорокъ дней и сорокъ ночей, да еще по какой погодѣ!... а хитростямъ не было конца, и для чего? чтобъ кончить самою робкою и послушною ролью влюбленнаго. Зато тѣмъ болѣе я для нея унывался, тѣмъ болѣе намѣренъ не уступать. Силы наши равны, другъ Бельфордъ, и ты увидишь наконецъ, что мольбою, гнѣвомъ, хитростью, покор-

нестью, угрозами, скукою, даже силою, я покорю эту непреклонную волю. Ктому жъ, я сдѣлалъ опытъ, который мнѣ удался. Чтò бы ты сказалъ, добродѣтельный и чувствительный Бельфордъ, если бъ и въ самомъ дѣлѣ эти жалобы и слезы стремились только къ одной цѣли, къ законному и неразрывному браку? Уже я нѣсколько разъ, только съ легка, детрогивался до супружеской струны, но какъ человекъ, который не хочетъ раздражаться обожаемому предмету. Сегодня, однако, затишая ея раздражительность, я сталъ говорить яснѣе объ этомъ предметѣ. Надо было видѣть, какъ она задрожала, смутилась, покраснѣла. Видно было что она ждала, хотѣла чтобъ я выразился яснѣе, чтобъ сказать мнѣ: «Да, вотъ вамъ рука моя!» Но я вовсе не былъ къ этому расположенъ; напротивъ, когда я замѣтилъ что она очень этого желаетъ, то сдѣлалъ скромный видъ, опустилъ глаза и, наконецъ, послѣ такого благороднаго, честнаго предложенія, я пришелъ въ негодованіе, что миссъ Кларочка выслушиваетъ меня такъ холодно и не отвѣчаетъ ни слова! Да здравствуютъ глухіе, не желающіе слушать! Видя мою недогадливость, она до того испугалась и смутилась, что вздохнула и отворнулася, чтобъ скрыть слезу, вистѣвшую на рѣсницѣ. Наконецъ, побѣда осталась за мною.

Вы слишкомъ благородны и распорядительны для меня миссъ Гарло; наша драма только что началась, а вы уже хотите развязки, какъ канья-нибудь завочница, которая утащила у своей хозяйки послѣдній романъ, занятый въ книжномъ магазинѣ. Неужели я долгого отказывался отъ самыхъ блестящихъ партій Англіи, чтобъ положить мою знатную фамилію и состояніе къ ногамъ миссъ Клариссы? Къ кому мнѣ это дѣлать, когда она и такъ находится въ моей власти? это было бы слишкомъ глупо! Ну, если бъ я еще былъ принужденъ къ этому, то, можетъ-быть, и согласился бы на это для нея; но я вовсе не намѣренъ тѣшить этихъ съумасшедшихъ пугалъ, которыхъ она называетъ отцомъ, братомъ и дядями. Я воображаю себѣ торжество Гарловыхъ, этого тирана-отца, у котораго, кромѣ богатства, нѣтъ ни какихъ достоинствъ, этихъ дураковъ дядей, которыхъ хочется продать мнѣ разными изрѣзаніи свое будущее наследство; этой Беллы, душа которой также гадка какъ и тѣло, то есть гадкій оутларъ, заключающій въ себѣ гадкую душу; она злится и метить сестрѣ за мое справедливое къ ней презрѣніе! Да согласусь ли я когда быть братомъ Дженса Гарло, такого подлца, который ско-

рѣе проглотить щиагу, чѣмъ рѣшится облажить ее еще разъ. Да я не взялъ бы его къ себѣ въ лапы!

А между тѣмъ женщина, отъ которой я отказываюсь, называется Клариссой, дивной Клариссой (я не говорю Гарло), это образецъ, краса своего пола! Даже меня самого, моя Ловласа, покорила ее добродѣтель, красота и умъ. Вотъ именно причина, почему я началъ эту борьбу! Непобѣдима развѣ эта добродѣтель? хватитъ ли у нея силы защищаться до конца? Кто остановитъ мое покушеніе.... и искушенію? Или дивная Кларисса признается побѣжденной безъ возмрата, тогда коймѣшь ли ты мою радость, торжество, что мою любезную зовутъ Гарло? или она будетъ защищаться, бороться до конца съ искушеніями, хитростью, любовью и добродѣтью Ловласа. О! въ такомъ случаѣ, я признаюсь побѣжденнымъ и убѣжденнымъ, кладу оружіе и говорю: «Надо вѣрять въ добродѣтель такой женщины!» и женюсь на ней. Во всякомъ случаѣ положеніе мое очень выгодно. Жребій брошенъ! я нападаю на эту добродѣтель, не оставляю ее ни на минуту и всѣми средствами стараюсь покорить ее. Подумай хорошенько, Бельфордъ! и будь вѣрнымъ свидѣтелемъ борьбы. Не смотришь, какъ будетъ она защищаться! Если она устоитъ противъ всѣхъ искушеній, то она больше чѣмъ женщина.

Это серьезное дѣло; смотри, не разболтай моей тайны; не говори объ этомъ даже во снѣ; я знаю, что ты не одобраешь меня и помогаешь даюшкѣ уладить эту свадьбу, но я тоже знаю, какими ненарушимыми клятвами мы навсегда связали другъ друга, и какъ честные люди и вѣрные товарищи не должны нарушать ихъ!

Миссъ Кларисса къ миссъ Гву.

Пятница, 14 апрѣля.

Они не хотѣли высылать моихъ платьевъ, бѣлья и денегъ. Не думаю, однако, чтобъ они долго еще продолжали свои преслѣдованья, которыя не имѣютъ теперь ни какой цѣли. Надо дождаться, чтобъ гниль ихъ утихъ, потому что рана еще не совсемъ зажила. Я думаю, что черезъ нѣсколько времени они увидятъ, что я не совсемъ была виновата и простятъ меня; особенно магушка! она вѣрно ужъ просила за свою Клариссу. Какая добрата! какая снисходительность! Я говорила сейчасъ съ Ловласомъ, и на этотъ разъ онъ мнѣ даже понравился. Онъ пришелъ объявить мнѣ, чтобъ я не боялась больше преслѣдованій моихъ

родныхъ, которые отказываются отъ меня, а за тѣмъ сталъ просить новыхъ приказаній. «Скажите лучше сами, что намѣрены вы дѣлать?» сказала я, чтобъ знать его намѣренія.

— Еслибъ я имѣлъ право давать совѣты, миссъ Гарло, то мое мнѣніе...

— Говорите, говорите, потому что я могу не принять его...

— Если вы позволите мнѣ говорить откровенно, то я бы вамъ совѣтовалъ поселиться въ Виндзорѣ, если не намѣрены принять предложеній леди Лоренсъ. Тамъ очень пріятно жить; похѣстья дядюшки и леди Лоренсъ, которая живетъ теперь въ Оксфордѣ, очень близко отъ Виндзора; Лондонъ тоже не далеко. Я буду жить въ Лондонѣ и могу часто навѣщать васъ.

Потомъ онъ предложилъ мнѣ взять къ себѣ мою старую няню Эммилю. Еслибъ ты знала, какъ тронула меня такая заботливость.

Виндзоръ и въ самомъ дѣлѣ очень приличное для меня мѣсто; няня Эммилія будетъ мнѣ защитою и покровительницею; правда что Виндзоръ отдаляетъ меня отъ тебя, милая Анна, но зато и отъ Ловласа. Я просила его нанять мнѣ приличную и недорогую квартиру поближе къ замку, чтобъ ходить чаще въ церковь; какъ давно я лишена этого утѣшенія. «Я считаю магнѣйшія ваши желанія за приказанія, которые исполняю съ радостью, отвѣчалъ Ловласъ, и только объ одномъ думаю, какъ бы заслужить ваше уваженіе, потому что, хотя я еще очень молодъ, миссъ Гарло, (онъ говорилъ это очень серіознымъ тономъ,) однако пережилъ уже многое, и испыталъ больше чѣмъ иной старикъ. Бурная эта жизнь утомляетъ меня, пора бросить ее и начать тихую жизнь честныхъ людей.» Простыя эти слова, исполненныя такой твердости, обрадовали и удивили меня; выраженіе лица и всѣ движенія его не опровергали словъ его; я не скрывала своей истинной радости; добрыя эти намѣренія восхищали меня; онъ же съ своей стороны былъ въ восторгѣ, говоря что это первое одобреніе миссъ Клариссы стоитъ въ глазахъ его гораздо выше всѣхъ возможныхъ свѣтскихъ похвалъ. Чтобъ еще больше подвинуть его къ добру, я сказала, какъ была тронута поведеніемъ его съ маленькой Бетси; однимъ словомъ, я говорила ему проповѣдь и увѣрена, что самые краснорѣчивые проповѣдники рѣдко находятъ такихъ покорныхъ и внимательныхъ слушателей; наконецъ онъ уѣхалъ въ Виндзоръ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ возвратиться на путь истины. Завтра онъ вернется.

Ловласъ къ Бельфорду.

Пятница, 14 апрѣля.

Если раздумать хорошенько, ты не слишкомъ уменъ, другъ мой, Бельфордъ; ты, кажется, еще до сихъ-поръ не понимаешь восторгу, удивленія, которое внушаетъ тебѣ моя особа, а какъ ты не любишь разсуждать, то взваливаешь свою непонятливость на счетъ моего самолюбія; попробуй, понци человѣка изворотливѣе меня. Я уже умѣлъ заставить ее бояться, а это очень важно, Бельфордъ, потому что страхъ останавливается сопротивленію. Я наконецъ признался ей въ своихъ сношеніяхъ въ гарловской пещерѣ, и даже не совсѣмъ отказался отъ подземнаго сообщничества съ сэромъ Джозефомъ Леманомъ, такъ, что она смотритъ теперь на меня какъ на олицетворенную мудрость и преклоняется молча передъ моимъ разумомъ и волею: между-тѣмъ я хотѣлъ успокоить это сердце, которое все предвидитъ, все предчувствуетъ, и сталъ совѣтовать ей переселиться въ Виндзоръ, говорилъ о скромномъ ея убѣжищѣ, объ утѣшеніи, которое она найдетъ въ бесѣдѣ съ какимъ-нибудь почтеннымъ канцеляромъ, а чтобъ она не сомнѣвалась на счетъ моихъ предложеній, я уѣхалъ въ Виндзоръ, страну веселыхъ баядерокъ, съ истиннымъ раскаяніемъ въ прошлыхъ моихъ похиженіяхъ, и съ наставленіями прекрасной моей проповѣдницы!

— Но если обращеніе мое къ добродѣтели идетъ впередъ, зато любовь далеко отстала. Достоинство, благоразуміе, хладнокровіе, и подь-часъ презрѣніе! защищаютъ ее, Бельфордъ! Она неприкосновенна; врожденное достоинство спасаетъ ее отъ всѣхъ возможныхъ козней; она такъ же горда, такъ же самолюбива, и пацки такъ же умна и находчива какъ я самъ, а это много! Зато я иду шагомъ, осторожно.... Какъ мнѣ нечего было дѣлать въ Виндзорѣ, куда я вовсе не намѣренъ везти миссъ Клариссу, то я дошелъ только до дому мистра Хельта; тамъ я нашелъ тетужкины и кузинины письма, изъ которыхъ постараюсь извлечь пользу, потомъ вернулся домой во весь опоръ. Какъ я оставилъ ее довольно любезною и веселою, то былъ крайне удивленъ когда, по возвращеніи, увидѣлъ ея величественный и торжественный видъ. Ужъ вѣрно, она опять получила какое-нибудь письмо отъ этой проклятой миссъ Гоу; да провались она сквозь землю! этотъ злобный маленькій демонъ былъ бы моимъ страшѣйшимъ врагомъ, еслибъ я не дергалъ витками накрахмаленнаго паяса, управляющаго ее достойною матушкой. Будь увѣренъ, что я скоро

стану пересматривать переписку двухъ пріятельницъ, а это все равно что дотрогиваться до каленого желѣза. Я не могу позволить ворковать такъ свободно этимъ двумъ горлицамъ. Для собственнаго спокойствія, я не хочу, не долженъ переносить этой ежедневной, ежочасной, ежеминутной переписки, я хочу знать, что онѣ пишутъ другъ другу. А пока, я все еще долженъ вынашивать аудіенцій, на которыя красавица соглашается нехотя. Вчера еще... она приняла меня, это правда, но я долженъ былъ прежде вымолить честь поговорить съ нею. Я держалъ въ рукахъ письма тетумки Доренсъ и миссъ Монтегю, исполненныя ласкъ, вниманія и любви къ милой моей Клариссѣ. Я снова заговорилъ о бракѣ, но, какъ мнѣ показалось, что она слушала меня слишкомъ внимательно, то я вдругъ запуталъ уваженіемъ и смущеніемъ форменное мое предложеніе; но я боюсь, не замѣтила ли она, что внезапный этотъ страхъ былъ не что иное какъ притворство. Глубокій и спокойный взоръ ея, кажется, читаетъ всѣ потябы души моей, она невыразимо чувствительна и деликатна, и деликатность эта ведетъ ее по прямой дорогѣ.

Минуту, только одну минуту, увлеченный восторгомъ, ослѣпленный ея красотою, я все забылъ, и сжалъ въ объятіяхъ это дивное созданье; я видѣлъ уже, что приближалось то мгновеніе, когда я долженъ былъ походить на голубковъ, которые цѣлуются въ супружеской корзинѣ. Съ какою грустью она оттолкнула меня! Она сидѣла спокойно, плакала, но не защищалась. *Какая я несчастная!* сказала она вырываясь изъ рукъ моихъ, но тихо и безъ усилій. Какъ краснорѣчиво говорила ея слезы, взоръ! и какъ сильно я чувствовалъ свое униженіе, смотря на ея величіе, красоту, спокойствіе; она была оди- та, просто, одни достоинства украшали ее! Какъ казался я ей въ эту минуту!.... только забылъ чѣмъ; въ это время я чувствовалъ что говорилъ; я держалъ ея руку и покрывалъ поцѣлуями и радостными слезами; только одного не доставало, чтобъ я уналь къ ногамъ ея, и умолялъ на колѣняхъ, принять руку и имя Ломаса. «Да! говорилъ я, въ васъ заключается все, что я уважаю, все что люблю въ мірѣ, вы рождены для моего земнаго счастья и небеснаго блаженства, потому что только вы можете спасти мою душу....» Слава Богу! что я ни дѣлаю, что ни говорю, а кажется, не имѣю дара *святоства*; на этотъ разъ она опять мнѣ отказала! Я былъ такъ краснорѣчивъ, такъ сильно чувствовалъ, что венугалъ ее, но что до этого! она была очаровательна въ своемъ дѣвственномъ трепетѣ.... Безплодный для меня трепетъ

пока жертва моя останется въ этомъ честномъ домѣ! Но въ Лондонѣ! о! еслибъ она была теперь въ Лондонѣ!... Я до-сихъ-поръ еще не понимаю, какъ это я спасся отъ совершеннаго покоренія, и очень этому радъ, потому что ненавижу гнусное семейство Гарло. Но поймешь-ли ты мою радость, другъ Бельфордъ, если я скажу, что эта скромная, благоразумная, осторожная Кларисса сама просится въ Лондонъ! въ Лондонъ! въ Лондонъ! гдѣ чаще говорятъ о разводахъ чѣмъ о бракахъ. Она сама этого хочетъ, даже уговариваетъ меня, и права, потому что большому кораблю надо большое плаванье, большимъ рыбамъ большія рѣки, а большимъ волокитамъ большіе города; можно подумать, что миссъ Кларисса давно ужъ это знаетъ, потому что сама назначаетъ мѣсто своей гибели, а чтобы довести ее до этого, мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда: я притворился, будто вовсе не думаю о Лондонѣ. Женщины любятъ противорѣчія и тѣмъ принуждаютъ насъ хитрить, а когда попадутся въ собственные сѣти, то рвутъ на себѣ волосы, кричатъ, и грозятъ намъ мстью! Зато я задыхался отъ радости, когда она заговорила о Лондонѣ, а между-тѣмъ (молчи бѣдное мое сердце!) я казался спокойнымъ и почти разсѣяннымъ. О! теперь она моя невольница! она погибла! даже мать, сама мать не можетъ спасти ее! Чѣмъ больше въ ней чести и скромности, тѣмъ скорѣе она будетъ моею, потому что она не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя ни въ чемъ не сомнѣваются, и которыя, прежде нежели что-нибудь предпринуть, влекутъ честнаго человѣка прямо къ алтарю. Ктому жъ все доказываетъ, что я вращаюсь этому ничему существу; хотя она не смѣетъ еще признаться самой себѣ, однако замѣтно, что изъ всѣхъ мужчинъ она предпочитаетъ меня, а предпочтеніе есть уже начало самыхъ великихъ милостей. О! счастливый Ловласъ, дважды, трижды счастливый и даже больше.... ты овладѣешь этою красавицей! Какъ она запуталась въ мнѣхъ сѣтяхъ, и изъ всего Лондона выбрала именно тотъ домъ, въ который я хочу ее свергнуть. Правда, что я предлагалъ твой домъ, гдѣ бъ она, вѣрившись твоей чести, могла жить безопасно; но я тебя знаю, ты никогда не будешь въ состояніи перейти за нѣкоторые предѣлы; я окружилъ столько опасностями честное твое жилище, что красавица моя ни за что въ мірѣ не согласится тамъ жить, а между-тѣмъ она бы встрѣтилась у тебя, а можетъ-быть и подружилась бы съ мистрисъ Осгудъ: она, кажется, честная и хорошая женщина.

Мисль Клариссы къ миссъ Гову.

Четвергъ, 20 апрѣля.

Прочитай, сдѣлай милость, письмо, которое привезъ вчера вечеромъ курьеръ Ловласа изъ Лондона.

-Дольменъ къ Ловласу.

«Съ истиннымъ удовольствіемъ узнали мы, милостивый государь, о вашемъ возвращеніи и скорой женитьбѣ. Жена моя и сестра поздравляютъ васъ отъ всего сердца, друзья ожидаютъ, а я хлопочу и ищу для васъ квартиры. Я ужъ обѣгалъ нѣсколько въ Норфолькской и Цициліенской улицахъ; улицы эти прекрасны, находятся на берегу Темзы и на Соррійскихъ Холмахъ. Не знаю какъ вамъ, но мнѣ кажется, что это слишкомъ близко отъ стараго города.

«Наконецъ жена моя, которая знаетъ городъ какъ свои пять пальцевъ, сказала, что въ Дуврской Улицѣ живетъ вдова одного гвардейскаго офицера; она не богата, и для того отдаетъ въ наемъ меблированныя комнаты въ томъ самомъ домѣ, гдѣ живетъ сама. Домъ очень хорошъ и состоитъ изъ двухъ строеній, раздѣленныхъ прекраснымъ садомъ; я предлагаю вамъ ту квартиру, которая выходитъ въ садъ; у васъ будетъ столовая, прекрасная гостиная, еще три большія комнаты и очень хорошенькій кабинетъ, окнами на лугъ; однимъ словомъ, квартира удобна, прилична, чиста и меблирована, хотя не роскошно, однако со вкусомъ.

«Въ этомъ домѣ жилъ прежде почтенный пасторъ съ женою и взрослою дочерью. Они наняли ее только на три мѣсяца, а прожили въ ней десять лѣтъ; хотя мужъ получилъ очень выгодное мѣсто въ Ирландіи, однако имъ вовсе не хотѣлось выѣзжать. Если говорить правду, мнѣ лучше нравится домъ чѣмъ вдова; согласенъ, что она женщина добрая и пользуется хорошей репутаціей, но съ перваго взгляду она не привлекательна, въ глазахъ у нея есть что-то непріятное; можно однако привыкнуть къ этому выраженію; впрочемъ, если лицо ея не слишкомъ привѣтливо, зато она вѣжлива и благосклонна, особенно къ жильцамъ своимъ. Она воспитываетъ двухъ племянницъ своего мужа, которыя любятъ и уважаютъ ее какъ мать родную. Она слишкомъ толста, чтобъ быть воркунейей, и потому я говорю о ней только то, что видѣлъ. Если леди Ловласъ согласна взять эту квартиру, она можетъ кушать, гдѣ ей угодно, у себя въ к-

или за общинъ столомъ; вы можете переѣхать хоть сейчасъ, потому что квартира совершенно готова, только хозяина просить сказать, сколько будетъ при васъ людей.

«Пріѣзжайте сами и посмотрите; домъ въ Цицилиевской Улицѣ тоже очень хорошъ, но хозяинъ не отдастъ иначе какъ на годъ; наконецъ вы знаете, что мой домъ — вашъ домъ, и, кажется, было бы очень хорошо и просто, еслибъ вы пріѣхали и поселились у васъ безъ церемоній; мистриссъ Дольменъ, дочь моя и я самъ находимся въ совершенномъ распоряженіи леди Ловласъ; или дайте мнѣ еще нѣсколько дней сроку, и я вамъ пришлю еще нѣсколько адресовъ. Надѣюсь, любезный и почтенный сэръ Ловласъ, что вы не сомнѣваетесь въ моей преданности и готовности служить вамъ.»

Ты, вѣрно, поймешь, душа моя, что прочитавъ письмо это, я не могла колебаться и тотчасъ же рѣшилась поселиться въ квартирѣ пастора. Но мнѣ хотѣлось испытать его, и я притворилась, будто намѣрена переѣхать въ Цицилиевскую Улицу, въ чемъ Ловласъ не противорѣчилъ мнѣ. «А вдова?» спросила я. — «И тамъ хорошо,» отвѣчалъ онъ, и затѣмъ я рѣшила, что мы ѣдемъ въ субботу. Бѣдная Эмилія не можетъ теперь ѣхать со мною: она страдаетъ ревматизмомъ. Ловласъ послалъ ей пять гиней; дай ей еще пять отъ моего имени и скажи, чтобъ она не медля пріѣзжала, какъ скоро поправится. Такъ я ѣду одна; кажется, это огорчило Ловласа; онъ хотѣлъ, чтобъ я взяла съ собою одну изъ служанокъ, или одну изъ дочерей мистриссъ Сорлингсъ; но онѣ такъ заняты, что, право, совѣстно отрывать ихъ отъ работы. Прощай, душа моя; сердце мое преисполнено грусти; какъ только я пріѣду въ Лондонъ, то запрусь въ кабинетъ, и засяду писать тебѣ.

Ловласъ къ Бельфорду.

Четвергъ, 20 апрѣля.

Все идетъ какъ нельзя лучше, красавица моя попала еще въ другой просакъ. Я самъ диктовалъ Дольмену это письмо, которое мнѣ кажется совершенствомъ въ своемъ родѣ. Можешь представить себѣ, какъ его читали, перечитывали, колебались, старались прощипнуть до самыхъ сокровенныхъ изгибовъ души моей, и наконецъ, видя мое сопротивленіе, рѣшились переѣхать въ Дуврскую Улицу.... Ты, вѣроятно, спросишь, откуда я взялъ названіе Дуврской Улицы? Разумѣется, что изъ головы моей; надо все предвидѣть, а мнѣ, право, не хочется, чтобъ миссъ Гоу или

другая какая-нибудь любопытная стала справляться, гдѣ находится *домъ такой-то вдовы*. Разъ поселившись въ Дуврской Улицѣ, я избавляюсь отъ всѣхъ преслѣдованій, отъ всѣхъ справокъ; пусть миссъ Гоу пощеть тогда друга своего, миссъ Клариссу: она найдетъ ее такъ же скоро какъ еслибъ ей вздумалось искать правды на землѣ. А знаешь ли, кто такова эта почтенная вдова? «Предобрая женщина, только не любитъ говорить правды»; знаешь ли, какъ зовутъ эту пѣжную мать и вѣрренныхъ ей племянницъ, такую скромную и разборчивую въ выборѣ жвальцовъ своихъ и которую бы ты самъ, хотя и знаешь толкъ въ такихъ людяхъ, не сталъ подозрѣвать въ ремеслѣ такого рода? А! Бельфордъ! становись передо мною на колѣни, удивляйся моему разуму: знаменитую эту даму зовутъ мадамъ *де-Сентъ-Клеръ*! Да, это сама Сентъ-Клеръ, возлюбленная сестрица дьявола, которую я нарочно опуталъ туманами и дымомъ, окружающими ее со всѣхъ сторонъ; но если я многого ожидаю отъ такой компаніонки, то надо признаться, что я самъ много для нея сдѣлалъ, придавъ ей то, чего не доставало: приличный видъ, законныхъ племянницъ и предковъ! Предокъ ея былъ шотландскій горецъ, немного познативше перваго лорда казначейства; мужъ — шотландскій дворянинъ, служившій въ военной службѣ, только не умѣвшій составить себѣ состоянія: такова моя хозяйка. Я такъ устроилъ домъ, что невозможно узнать его даже тѣмъ, которые какъ ты, вскормленные въ сералѣ, знаютъ малѣйшія подробности. Я нашелъ средство придать квартирѣ этой кокетливый видъ. «Нѣтъ, домъ этотъ не можетъ быть мѣстомъ любовныхъ продѣлокъ.» Я былъ такъ предусмотрителенъ, что даже составилъ для мадамъ *де-Сентъ-Клеръ* библиотеку изъ самыхъ поучительныхъ и нравственныхъ книгъ; сердце, умъ и самый утонченный литературный вкусъ не могли сдѣлать лучшаго выбору, а чтобъ придать правдоподобный видъ, я выбралъ у книжниковъ именно тѣ томы, которые были позапачканы, поизодраны другими, и на отмѣченныхъ листахъ которыхъ покопился въ продолженіи полулѣтка грязные пальцы и достопочтенные очки цѣлаго поколѣнія пуританъ. Вотъ эти-то книги можно было бы назвать *ясе-нистами любви*. По-крайней мѣрѣ миссъ Клариссъ будетъ съ кѣмъ поговорить въ этомъ домѣ.

Сколько приготовленій, предосторожностей! Но какъ быть? Я повинуюсь закону, порождающему великихъ художниковъ, если только правда, что художникъ все идетъ къ цѣли, которая бѣжитъ отъ него. Я хочу быть терпѣливымъ, а между-тѣмъ, когда вспо-

мню, что ожидает ее, то мнѣ кажется, будто сердце бьется сильнѣе. Но нѣтъ! я все предвидѣлъ, даже угрызения совѣсти, потому что вотъ сейчасъ еще, въ минуту невиннаго восторгу.... да стоить ли говорить о влюбленныхъ? или можно вертѣть во всѣ стороны, и чудная эта дѣвушка могла бы сдѣлать изъ меня самаго покорнаго раба.... Я предложилъ Клариссѣ просто за просто кончить тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ кончить, то есть женитьбою. Вѣроятно, въ предложеніи этомъ было что то неожиданное, дерзкое, смѣлое, которое отняло отъ него ту прелесть признанья, приготовленнаго заранѣе всякаго рода нѣжностями, но клянусь тебѣ, что въ эту минуту я поступалъ по сердцу, и не смотря на мое послѣднее торжество, бабочка чуть было опять не обожгла свѣтлыхъ своихъ крыльевъ.

Правда, что я былъ скорѣе грубъ чѣмъ нѣженъ, скорѣе сердитъ чѣмъ влюбленъ, но все же съ языка моего сорвалось наконецъ роковое слово *бракъ*! Еслибъ ты видѣлъ ее въ эту минуту: слезы текли изъ глазъ ея; она сидѣла молча, вслушивалась внимательно въ каждое слово и старалась отыскать смыслу въ малѣйшемъ звукѣ моего голоса, то надѣялась, то приходила въ отчаяніе! Какое невинное смущеніе, какой трепетъ, какое недоумѣніе попеременно выражалась на лицѣ ея!... Опустивъ глаза, она слушала меня краснѣя и знала, что я смотрю на нее; наконецъ заплакала и хотѣла убѣжать, но я остановилъ ее, схвативъ обѣими руками, и сталъ снова просить, умолять согласиться быть моею женою. Но на этотъ разъ, въ словахъ моихъ почти не было замѣтно предложенія, такъ я запуталъ все это перифразами. «Ахъ! какая я несчастная!» вскричала она. Крикъ этотъ пронзилъ мое сердце, и я почувствовалъ, что въ-самомъ-дѣлѣ погибаю. Я бросился къ ногамъ ея, только ужъ не въ шутку, а за правду; я любилъ ее, былъ убѣжденъ въ истинѣ словъ моихъ, и еслибъ тутъ подвернулся священникъ, я бы ему сказалъ: «Вѣнчайте насъ!» и протянулъ бы въ петлю буйную мою головушку. Згнѣвъ, провались, глупая моя восторженность! Я бы могъ попасться въ самомъ разгарѣ моего краснорѣчія; но къ моему счастью и къ ея несчастію, миссъ Кларисса не умѣла воспользоваться минутою восторгу и раскаянія; она не умѣла, она не смѣла сказать: «Принимаю ваше предложеніе», или, скорѣе, она не вѣрила истинѣ словъ моихъ: тогда самолюбіе мое снова заговорило, и я понялъ, что если гордая эта дѣвушка приметъ предложеніе графа Ловласа, такъ длятого только, чтобъ избавиться отъ рата и какого-то капитана Синглтона.... а капитанъ этотъ та-

кой же волокита, какъ и вашъ покорнѣйшій слуга. Такъ въ Лондонъ, въ Лондонъ! въ приготовленный мною домъ! Бѣдная Кларисса! Но до-сихъ-поръ я всё еще похожъ на тѣхъ побѣдителей которые опустошаютъ свѣтъ, не овладѣвая имъ.

Джозефъ Леманъ къ Ловласу.

16 апрѣля.

Пишу это не на другой какой конецъ, а затѣмъ только чтобы извѣстить васъ, сіятельнѣйшій мой господавнъ, о томъ какъ былъ я добрыми моими господами употребленъ въ дѣлѣ, которое много тревожило меня за васъ и касается вашей чести, — такъ по-крайней-мѣрѣ, съ вашего позволенія, говоритъ мистръ Джемсъ Гарло. Дѣло идетъ о вѣкоторой миссъ Бетстонъ, изъ Ноттингама, особѣ, надо полагать, изрядно хорошенькой. Рассказываютъ люди про удалую штуку вашего сіятельства, — будто бы, то есть, изволили поддѣльнымъ письмомъ завлечь рѣченную миссъ Бетстонъ въ гостиницу на большой дорогѣ и остаться тамъ съ нею, то есть съ миссъ Бетстонъ, впродолженіи десяти съ половиною мѣсяцевъ; о чемъ я имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство, затѣмъ чтобы изволили приготовиться отразить угрозы мистра Джемса и затѣмъ чтобы благоволили крѣпко сохранить вѣрность миссъ Клариссъ, моей барышнѣ, которую теперь въ своей власти имѣете, потому что иначе, если случится какая бѣда, мнѣ, Джозефу Леману, прійдется умереть съ горя по причинѣ вѣкоторыхъ услугъ, мною вашей милости оказанныхъ съ самымъ благимъ намѣреніемъ. Что касается до моего родственника по бабкѣ, мистра Титуса, онъ разсуждаетъ, что дѣло о миссъ Бетстонъ — не хорошее дѣло для вашего сіятельства, и что коснуться можетъ даже до шеи вашей милости.... то есть, онъ не говоритъ, что милорда Ловласа повѣсятъ, какъ повѣсили бы нашего брата, а случиться можетъ что съ приличнымъ почетомъ голову снимутъ; это совсѣмъ иное дѣло. Если правосудіе дойдетъ до такой крайности, то осмѣлюсь покорнѣе просить, — какъ всякое имущество осужденнаго забирается въ пользу королевской казны, — благоволите, ваше сіятельство, благовременно распорядиться, чтобы этотъ процессъ не разорилъ въ конецъ вашего вѣрнаго Джозефа Лемана.

Есть, впрочемъ, средство и не терять такимъ образомъ всего имущества: напримѣръ, вашему сіятельству стѣитъ только пови-даться съ моимъ родственникомъ, мистромъ Титусомъ, — олицетворенное милосердіе.

Пребываетъ также въ нашемъ замкѣ нѣкоторый капитанъ Синглтонъ, который, сколько мнѣ извѣстно, ничего добраго не сулитъ намъ. Онъ постоянно бесѣдуетъ съ моимъ молодымъ баринкомъ и иногда съ миссъ Арабеллой. Кажется, они замышляютъ похитить миссъ Клариссу, но.... клянусь Сивимъ Медвѣдемъ!.... вашъ вѣрный Леманъ на сторожѣ. Кстати о Сивемъ Медвѣдѣ и объ уткѣ Бетти, я былъ бы премного счастливъ, если бы вашему сіятельству угодно было сдѣлать изъ меня хозяина, а изъ миссъ Бетти хозяйку. Это могло бы быть не бесполезно вашей милости, потому что если бы супруга вздумала какъ-нибудь повести себя неприлично, было бы кому урезонить. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство извинить длинноту письма, недостойнаго подлежать свѣтлому взору милорда. Мы люди темные, а дѣло наше только посильнымъ трудомъ свискивать милостивое расположеніе такого добраго и знатнаго господина какъ ваше графское сіятельство.

Ловиась къ Леману

Помилуй, Джозефъ! ты слишкомъ скромнень, и это тѣмъ больше досадуешь меня, что несмотря на твои просьбы, я долженъ осыпать тебя похвалами. Право, ни укого изъ твоей братьи я не встрѣчалъ головы лучше твоей. Однакожъ, я не смѣю тебѣ льстить, потому что ты такой человѣкъ, которому надо показывать истину во всей ея наготѣ, а это самый лучший нарядъ, если вѣрить, что истина такая красавица какъ говорятъ. Коротко сказать, ты иногда погрѣшаешь противъ разсудительности и мужества, словомъ ты трусъ, и если ты не будешь осторожнѣе, мадамозель совѣсть твоя погубитъ тебя. Правда, что со стороны скромности ты герой: ты всегда держалъ языкъ за зубами, даже въ самыхъ задушевныхъ изліяніяхъ съ дамой твоего сердца, а эта добродѣтель искупаетъ множество слабостей. Но скажи на милость, на кой чертъ тревожишь ты свой бѣдный мозгъ живыми похождениями съ миленькой Бетстонъ и кричишь объ этомъ, какъ поросенокъ, зашпеленный между дверей? Эта молоденькая миссъ вовсе не такъ бѣла, какъ добрые языки постарались представить тебѣ, чтобы сдѣлать меня чернѣй. На нее наклеветали добра. Сохрани меня Богъ отъ неблагодарности, однакожъ, живымъ должно оказывать уваженіе, а къ мертвымъ должно только быть справедливымъ. Между нами сказать, я не употреблялъ ни какихъ насмѣхъ съ этою дѣвушкой, напротивъ, кажется, она запутала ме-

ня въ свои сѣти. Еще разъ повторяю, что изъ этого вовсе не стоить столько шумѣть. Я согласенъ, что между мѣщанками трудно найти дѣвушку, которая бы была такъ хорошо создана какъ эта, но все-таки она не болѣе какъ дочь лавочника. Ты понимаешь меня, Лемант. Доказательство, что молоденькая миссъ не навидѣла меня, и что дитя родилось не совѣсть по моей милости, она меня не обвиняла. Она умерла безъ жалобы, и даже не хотѣла подписать маленькой записочки, которую ея паневъка такъ тщательно приготовилъ. Не трепещи же за меня добрый Джозефъ, ни за Синяго Медвѣдя, который отъ тебя не уйдетъ. И если ужъ пошло на откровенность, я выскажу тебѣ все, что думаю о маленькихъ шалостяхъ, въ которыхъ ты меня укоряешь и при которыхъ я въ невинности тку дни жизни моей изъ шелку и золота. Я невиннѣе чѣмъ ты полагаешь, потому что я для собственного обиходу устроилъ себѣ родъ честности, къ которой ты, я надѣюсь, приложишь печать своего одобренія.

Что касается до твоей барышни, миссъ Клариссы, это другой вопросъ. Во-первыхъ, ты очень хорошо понимаешь, что женившись на миссъ Бетстонъ, я не могъ бы жениться на миссъ Клариссѣ, а я вѣдь знаю мои обязанности въ отношеніи къ ней и къ тебѣ. Я поклялся тебѣ твоею головой и твоею честью, что «поступлю съ нею, какъ слѣдуетъ честному жениху и мужу,» и сдержу слово. Положись на меня. У дражайшихъ моихъ друзей я только одного прошу, — чтобы, сколько возможно, избавляли меня отъ длинныхъ крюковъ и обходовъ, на основаніи той простой истины, что прямой путь — кратчайшій. Не въ обиду тебѣ будь сказано, твоя нравственность несколько не пострадаетъ отъ этой услуги, и ты же не похожъ на желчныхъ и дикихъ моралистовъ, которымъ хочется, чтобы добродѣтель была создана по ихъ образу и подобию. Помилуй, братецъ! ты знаешь меня, а трепещешь за доброе имя миссъ Клариссы! Эти глупости надобно предоставить мистру Джемзу. Правда, что я еще не женатъ на миссъ Клариссѣ, но кто жъ виновать? Я давно готовъ, только твоя барышня еще не рѣшается, — такъ дурно совѣтуетъ ей ея пріятельница, миссъ Гоу.

Что касается до его благородія, капитана Сингльтона, твой совѣтъ хорошъ и я нахожу, что твое благоразуміе — образецъ совершенства. Ходи по слѣдамъ этого мистра Сингльтона и сдѣлай одолженіе, говори ему обо мнѣ какъ можно по-больше дурнаго. Потомъ, когда онъ и Джемзъ будутъ достаточно распалены, сообщи имъ, какъ будто знаешь отъ моего камердинера, что

«миссъ Кларисса холоднѣкъ Ловласу: такъ она надѣется еще воротить милость отца». Когда спросить о мѣстѣ нашего пребыванія, смѣло отвѣчай, что не знаешь, однако жъ помощію нѣсколькихъ гиней можешь добывать свѣденія обо всемъ, что у насъ дѣлается. Можешь даже прибавить.... и не солжешь, — я самъ ненавижу бесполезную ложь.... можешь прибавить, что мы намѣреваемся уже переимѣнить квартиру и что я мало бываю дома.

Тогда, если эти господа станутъ сколько-нибудь поощрять тебя въ поискахъ, ты какъ ловкій молодецъ, откровенно поговоришь съ Бетти, въ сумеркахъ, въ бесѣдкѣ, въ саду. Выбери на это благоприятную погоду. Бетти тотчасъ же все расскажетъ Арабеллѣ, Арабелла сообщитъ дядѣ Автону, дядя отнесетъ горячую новость къ своей пріятельницѣ, мистриссъ Гоу, которая, если не поссорится въ тотъ день съ дочерью, передастъ свѣденіе миссъ Аннѣ и черезъ три часа времени миссъ Анна будетъ писать къ миссъ Гарло: «Берегись, Кларисса! берегись капитана Сингльтона; берегись замысловъ твоего брата, который скоро откроетъ твое мѣстопробываніе и намѣренъ силою увести тебя; спрячься «хорошенько». А ты, Леманъ, между-тѣмъ.. слушай команды!... Ты, которому извѣстны мои добрыя намѣренія, ты, съ своей стороны, напишешь мнѣ письмо, наполненное трепетомъ и подробнымъ рассказомъ о знаменитомъ вторникѣ, о нашемъ днѣ битвы при Куллоденѣ; опиши бѣшенство семейства Гарло по открытіи побѣга дочери; проклятія старика Гарло; заговоръ брата и капитана Сингльтона; тревогу дядей, и все. Тогда, — если можно сколько-нибудь положиться на мою предусмотрительность, — миссъ Кларисса пойметъ, что ей уже нечего ждать добра отъ родныхъ, и что вся ея надежда — во мнѣ. Тогда она, можетъ-быть, полюбитъ меня совершенно.... Она уже любитъ довольно много. Она покрѣпче прижмется ко мнѣ и такимъ образомъ сперва сдѣлается моею женой, а потомъ опять будетъ дочерью отца и матери, сестрою брата, племянницею дядей. Я самъ буду снаенъ, и снаешь меня ты, Дозефъ; обо мнѣ уже не услышать болѣе, что черезъ меня каждый день рыдаютъ новыя вдовы и кричатъ новыя сироты.... и все это — благодаря честному Леману! Это, впрочемъ, не помѣшаетъ тебѣ приберечь про себя гиней, которыя даетъ тебѣ мистръ Джемсъ, на подкупъ моихъ людей; я даромъ сообщу тебѣ всѣ извѣстія, какими можно будетъ вскипятить кровь достопочтеннымъ Гарло, — не считая моихъ гиней, — такъ, что, съ гиней на гиней, доберешься до Синяго Медвѣда и сдѣлаешься хозяиномъ и мужемъ, и веселье

тебѣ ничего не будетъ стоить, потому что прійдутъ гости и тебѣ же заплатятъ, чтобы вышелъ съ ними, а на закатѣ дней будешь сидѣть себѣ, зимой у очага, лѣтомъ на крыльцѣ, окруженный пяточкомъ маленькихъ Лемановъ, выпачканныхъ леденцомъ, и вкусишь полное блаженство на землѣ, какъ достойный слуга, достойно награжденный по заслугамъ.

Миссъ Кларицца къ миссъ Гоу.

19 апрѣля.

Я знаю, что у брата моего есть противъ меня замыселъ; я увѣрена въ этомъ, хотя узнала отъ Ловласа. Нѣкто капитанъ Снигълтонъ, котораго я видѣла два или три раза въ замкѣ Гарло, вѣроятно, внушилъ мистру Джемзу ужасную мысль похитить меня. Капитанъ Снигълтонъ — человѣкъ очень предприимчивый. Онъ льститъ моему брату, потому что имѣетъ нужду вооружить свой корабль. Онъ живетъ въ Лейнѣ, то есть, по сосѣдству съ Джемзомъ. Тутъ есть, чего страшиться, что бы ни говорилъ Ловласъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Снигълтонъ похититъ меня, я тотчасъ же сдѣлаюсь плѣнницей брата. Признаюсь, эта угроза ужасаетъ меня, и тѣмъ больше, что Ловласъ, кажется, вовсе не обращаетъ на это вниманія.

— Я очень несчастенъ, говорилъ онъ, но не знаю, чего могу надѣяться отъ васъ, миссъ Гарло; вы такъ твердо рѣшились, не прибѣгнвъ въ Лондонъ, не принимать моихъ услугъ, что я, право, уже не смѣю имѣть своего мнѣнія: такъ я боюсь прогнѣвить васъ.

— Угрозы моего брата нисколько не перемѣнятъ моего намеренія, сэръ, отвѣчала я: напротивъ, тѣмъ болѣе хотѣть принудить меня, тѣмъ болѣе я должна скрываться отъ всѣхъ. Только одна миссъ Гоу будетъ знать, гдѣ я. Что же касается до васъ, тѣмъ дальше вы будете отъ меня, тѣмъ менѣе меня будутъ тревожить, потому что искать меня станутъ тамъ, гдѣ вы находитесь....

— Конечно, вы не желаете попасть въ руки вашего брата миссъ, возразилъ онъ, зачѣмъ же вы хотите подвергнуться такой опасности, лишая себя моей защиты? Свидѣтельствуюсь Богомъ, что я не ищу этой встрѣчи, однакожъ, видя васъ въ опасности отъ такого насилія, я признаюсь, не потерплю его.

— Боже мой! вскричала я; такъ вотъ уже до чего я дошла. О, роковое ужасное заблужденіе!

— Дорогая Кларицца, возразилъ онъ почтительно, не разры-

вайте мнѣ сердца вашиниъ горькииъ раскаянiемъ. Вы видите, что прибѣгнуть къ послѣднимъ мѣрамъ; если вы останетесь въ домѣ вашего отца. Не говорите, роковое ужасное заблужденiе! заблужденiя ни въ чемъ нѣтъ, даже въ побѣгѣ, о которомъ вы сожалѣете со слезами, такъ прискорбными для меня. Не я, а Гарло виноваты въ вашемъ несчастiи, и самый виновный изъ нихъ — вашъ братъ. Что же касается до его сегодняшнихъ угрозъ, стоитъ ли обращать на нихъ вниманiе? Я знаю вашего брата лучше васъ; онъ человѣкъ очень ограниченный и ничего не можетъ сдѣлать одинъ, а съ помощiю другихъ, также мало.

Я все плакала, обвиняя себя въ безрасудствѣ, и Ловласъ вскричалъ:

— Чѣмъ же я виноватъ? Что сдѣлалъ я вамъ злаго, миссъ Гарло? Развѣ я мало былъ почтителемъ, покоренъ, скромнъ?

Онъ сказалъ это съ надменнымъ выраженiемъ, гордо вскинувъ голову.... Я была смущена, въ сердцѣ у меня кипѣлъ гнѣвъ; я некала словъ для отвѣту.... наконецъ хотѣла бѣжать.... но онъ взялъ меня за руку и умолялъ не уходить въ гнѣвъ.

Изъ состраданiя, изъ жалости, выслушайте меня, миссъ Гарло, сказалъ онъ.

Я осталась и слушала.

— Вотъ мой совѣтъ.... вскричалъ Ловласъ. Но ради Бога не прогнѣвайтесь.... Вы видите, что ваши родные отъ васъ отрѣклись. Вникните въ себя, и спросите у вашего сердца, можете ли вы отдать руку человѣку, для котораго вы ничего еще не сдѣлали по собственному своему расположенiю?

О! еслибъ ты знала, милая Анна, съ какими выраженiемъ были произнесены эти слова! Развѣ онъ такъ долженъ былъ сказать это?... Однако жъ, я вспомнила твои совѣты, твое благоразумiе, и удержалась.... Но, такъ печально, въ минуту моего гнѣва, дѣлать мнѣ подобное предложенiе!... притомъ такимъ тономъ! Можно было сказать, что это приказанiе господина. Наконецъ, какъ глядѣлъ онъ на меня! О какъ жалка я была въ эту минуту. Блѣдная, отъ негодованiя и стыда, я спрашивала себя, гдѣ жъ должное уваженiе? Развѣ такъ должно просить руки у дѣвушки честной и изъ благороднаго семейства? А ему, казалось, было весело, что смутилъ меня. На этотъ разъ роли перемѣнились; на его сторонѣ было хладнокровiе. Я была смущена, взволнована, раздражена. Сердце мое разрывалось. Я заплакала. Тогда Ловласъ почтительно и нѣжно взялъ меня за руки. Я ожидала, что онъ начнетъ объясняться какъ свѣтскiй человѣкъ, который не имѣетъ

недостатку въ тактѣ и въ привычкѣ.... Но нѣтъ! онъ разсыпался въ пустыхъ словахъ. Увѣрялъ, что не хочетъ воспользоваться моимъ положеніемъ; говорилъ, что никогда не будетъ настаивать, чтобъ я отдала ему руку, если нахожу, что онъ еще не стѣнитъ ея; оставался почтительнымъ къ моей волѣ, и только просилъ, чтобъ я простила его.... что такъ рано увлекся надеждой.... Я была въ недоумѣніи. Какое его намѣреніе? Чего хотѣлъ онъ отъ меня? На что надѣялся?... Онъ все-еще держалъ меня за руки. Я вырвалась и, въ слезахъ, въ негодованіи, хотѣла уйти.

Ловласъ снова бросился къ моимъ ногамъ, сложилъ руки, и на этотъ разъ, въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, сталъ умолять меня быть его женой.... Но не могу объяснить себѣ, отчего даже распростертый у ногъ моихъ, онъ нѣмъ въ голосъ, въ движеніи, во взглядѣ что-то живое, принужденное, жестокое. Можно было подумать, что онъ женится на мнѣ изъ состраданія и какъ человѣкъ, который не можетъ поступить иначе.

Онъ ждалъ.... Я не знала, что отвѣчать. Наконецъ сказала, что съ его стороны очень жестоко такъ упорствовать во враждѣ съ моимъ братомъ и заставлятъ меня чувствовать, что я оставлена моими родными.... Это былъ для Ловласа самый удобный случай снова воротиться къ своимъ старымъ привычкамъ, настаивать, просить, умолять. Онъ, какъ прежде, боится прогнѣвить меня; онъ началъ просить, чтобы я его простила, если онъ оскорбилъ меня.... У меня еще разъ достало мужества дать ему возможность рѣшительно искать моей руки. «Подождемъ возвращенія министра Мордена, сказала я: когда полковникъ увидитъ, что вы думаете только пришли, чтобы пособить мнѣ избавиться отъ домогательствъ Сонза, онъ, вѣроятно, будетъ очень расположенъ къ вамъ....» Не правда ли, милая Анна, что я хотѣла сказать больше? Развѣ это былъ отецъ? и всякій на мѣстѣ Ловласа не употребилъ ли бы новыхъ усилій? Какъ должно быть приятно для человѣка, который любитъ, просить свою возлюбленную, утѣшать плачущую, ободрять трепещущую. Я ожидала хоть одного ласковаго слова, а увидѣла только взбѣшеннаго.

— О! вскричалъ онъ, все та же ненависть, все то же презрѣніе! Мнѣ нечего ожидать отъ васъ, пока у васъ остается хоть малѣйшая надежда помириться съ братомъ и я у васъ послѣдній подлѣ всѣхъ этихъ людей, злѣйшихъ моихъ враговъ.

Онъ страшно волновался, онъ былъ взбѣшенъ. Прому говорить откровенно съ человѣкомъ въ такомъ состояніи.

— Милостивый государь, сказала я, я была непреклонна передъ

бѣшенствомъ моего брата, и конечно останусь спокойна передъ бѣшенствомъ мистра Ловласа. Довольно объ этомъ!

Онъ слова началъ свои возраженія и обещанія, но я не хотѣла слушать. Разговоръ перемѣнился, мы перешли къ моему намѣренію скрыться въ Лондонѣ, въ домѣ вдовы.

— Если домъ этой дамы будетъ для васъ неудобенъ, сказала онъ, легко найти другой. Однако жъ, миссъ, не лучше ли вамъ будетъ написать къ вашему дядѣ Гарло, и потребовать, чтобы васъ ввелъ во владѣніе вашимъ помѣстьемъ?... Если вы не благоволите дать мнѣ права самому потребовать этого, но.... (это вѣчное но!).

Это задѣло меня за живое. — Мнѣ кажется, сказала я, что въ Лондонѣ я буду вполне вольна въ моихъ дѣйствіяхъ и могу дѣлать съ дядей условія о моемъ возвращеніи.

— Безъ сомнѣнія, вы будете вполне вольны, перебилъ онъ, однакожъ, съ тѣхъ-поръ какъ я узналъ исторію съ Сингльтономъ, я не могу не беспокоиться за васъ. Кто эта вдова? Какъ расположенъ этотъ домъ? Будете ли вы въ немъ безопасны отъ преслѣдованій мистра Джемза? Вотъ, что хочу я знать. При томъ, будьте увѣрены, миссъ Гарло, что я не легко отступлю отъ васъ.

— Надѣюсь, возразила я, что вы не намѣреваетесь помѣститься въ одномъ домѣ со мной?...

— Избави Богъ! Хотя домъ мой въ Лондонѣ передѣлывается, однако жъ у меня остается Бельфордъ домъ, на площади Со, или его дача въ двухъ миляхъ отъ городу, и оттуда я удобно могу разрушать всѣ замыслы нашего брата.

Вотъ она вся, эта продолжительная бесѣда. Она измучила меня. Завтра мы ѣдемъ въ Лондонъ. Ахъ, милая Анна, какой это ужасный будетъ день! какой ужасный отъѣздъ! Помолитесь Богу, чтобы путешествіе мое кончилось благополучно.

P. S. Я написала еще письмо къ тетущкѣ Гервей; не знаю, прочтаетъ ли! Еще смиренная просьба. Боже мой! какъ же это никто кромѣ тебя, милая Анна, не хочетъ подать мнѣ руки.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

20 апреля.

Нѣтъ никого кто протянулъ бы мнѣ руку! Вотъ что сказала я вчера.... О, милая Анна, какъ я нуждаюсь теперь въ твоихъ совѣтахъ, въ покровительствѣ, въ мужествѣ! Я погибла, я уни-

чужаки!... Моя сестра.... моя бедошная сестра писала мнѣ.... злость ея письмо! Прочитай, прочитай его, и ты увидишь, сколько проклятій обрушилось на мою голову! Теперь какая мнѣ нужда, уйду я или останусь, погибну ли или спасусь.... Они оторвались отъ меня! Вотъ это письмо, прочти его, и если можно, сосчитай сколько тутъ разъ! Думали, силою воротить меня, «во я не стою труда», который должно употребить на это. Готовы отдать мои вещи, но мать моя «не желаетъ видѣть ничего принадлежащаго мнѣ». Отецъ, узнавъ о моемъ побѣгѣ, «молилъ Бога, чтобы наказалъ меня черезъ обольстителя моего. Я — стыдъ, униженіе, ужасъ моихъ родныхъ». Портретъ мой виселъ на чердакѣ; коммату мое заперли, «какъ мѣсто повору». Куда дѣвалось мое дѣтство? «оно въ грязи». Отецъ оторвался отъ дочери; дядюшка Гарло отъ племянницы, дядюшка Антонъ запрещають произносить при немъ мое имя, тетюшка Гарвой меня осуждаетъ, а даже Нортонъ, моя кормилица, и та раздѣляетъ всеобщую ненависть. Я для нихъ не болѣе какъ любовница велекиты. Мнѣ нечего больше ожидать отъ родныхъ; они даже на хлѣбъ не дадутъ мнѣ: чтобы я по справедливости была наказана, нужно видѣть меня «нищею, протягивающей руку въ самыхъ грязныхъ кварталахъ Лондона.» Прочитай это письмо, милая Анна, прочитай, и скажи, при чемъ остался я? во, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли я право защищаться, говорить о чистотѣ, о честности, о добродѣтели?

Миссъ Губъ къ миссъ Клариссѣ.

Возвращаю тебѣ это ужасное письмо; оно жметъ мнѣ руки. Сестра твоя отвѣтитъ за него Богу. Дай Ловласу прочесть, и пусть онъ пойметъ наконецъ, сколько ты страдаешь черезъ него.... Вѣда эти гнусныя обиды, не возможно быть до такой степени низкимъ и жестокимъ, чтобы не тронуться такимъ горемъ какъ твое. Положимся на Бога, милая Кларисса, и даже на людей: великому преступленію сеть мѣра. Есть также проклятія, которыхъ небо не принимаетъ, изъ состраданія къ безумцамъ, которые произносятъ ихъ.... Какъ досадую я на Ловласа! Онъ не хотѣлъ понять, что употребивъ немного побольше настойчивости, тотчасъ же сдѣлался бы твоимъ мужемъ. Но и ты, моя милая недотрога, не была ли ужъ слишкомъ скромна и застѣлива? Этотъ гордецъ не могъ привыкнутьъ къ твоимъ сожалѣніямъ о

родительской кровлѣ; онъ воображалъ, что долженъ быть великъ для тебя. Ты знаешь, что даже сквозь его почтительность всегда прорывалась дерзость, для которой нѣтъ ничего невозможнаго. Впрочемъ, съ этой стороны Ловласъ никогда не обманывалъ тебя: онъ всегда былъ таковъ какъ теперь. Развѣ не былъ онъ дерзокъ, когда оставлялъ твоему брату жизнь? И даже съ тобой не переходилъ ли онъ попеременно отъ хитростей къ глупу? Если ты не можешь забыть и ненавидѣть его, другъ мой, умоляю тебя, не раздражай этого бѣшеннаго человѣка, и въ особенности не обращай съ нимъ такъ сурово. Но если, всматривая на это, онъ не будетъ вѣжливѣе, не колеблясь отдайся подъ импровизаторство его родственницъ. Онѣ столько показываютъ тебѣ уваженія, что можно на нихъ положиться. Отправляясь въ Лондонъ, ты должна по крайней мѣрѣ взять съ собой одну изъ его кузинъ Министю. Будь поменьше горда, милая Кларисса; теперь всего важнѣе то, чтобы знать на вѣрное, въ чемъ состоятъ намеренія графа Роберта Ловласа.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гову.

Среда, утро, 26 апрѣля.

Еще разъ благословляю тебя, милая Анна, за твои добрые софиты; я утѣшаю въ половину успокоенная. Я отправляюсь въ Лондонъ, въ коляскѣ, съ дочерью моей хозяйки. Ловласъ будетъ сопровождать меня верхомъ. Пршлый разъ онъ пришелъ ко мнѣ, когда я только что прочла письмо сестры. Я была въ такомъ отчаянн, что Ловласу стало жаль меня; онъ ни минуты не колебался, самымъ естественнымъ голосомъ и на этотъ разъ очень благосклонно, предложилъ мнѣ тотчасъ сдѣлаться его женой, предоставляя мнѣ выборъ, отправиться къ его дядѣ или послать за священникомъ замка. Онъ говорилъ, что очень желаетъ для себя и для меня, чтобы мы женились, прежде прибытія въ Лондонъ. Явно, что намеренія его были искренни, и теперь, думая объ этомъ, я очень жалѣю, что не приняла его предложенія... однакожъ, можно ли было мнѣ выйти замужъ, милая Анна! вдругъ, безъ позволенія церкви, безъ присутствія друзей, и ни въ какое время составить свадебный контрактъ? И потомъ, жестокая убійственная неизвѣстность, простить ли меня когда нибудь отецъ? Ты видишь, что письмо моей сестры принесло уже горькіе плоды: оно до глубины души возмутило меня. Кажется мое наказаніе начинается. Прощай, прощай!

Ловласъ къ Бельфордъ.

Понедѣльникъ, 24 апрѣля.

Ты великій моралистъ, Бельфордъ. Я получилъ твое письмо отъ 21 апрѣля. Образцовая вещь, но я не помню, дочиталъ ли до конца. Какъ ты принужденъ будешь презирать себя и свою риторикку, Бельфордъ!... когда я достигаю наконецъ до довершенія моего блестящаго подвига, является врагъ, являются препятствія совершенно неожиданныя. Этотъ врагъ — мое сердце! эти препятствія — мое состраданіе! Уволь же меня, пожалуйста, отъ твоего Ереміева плача.

Вотъ какъ разыгралась у меня съ нею эта новая драма. Я тебѣ говорилъ, что она однажды уже отказалась быть графиней Ловласъ. Правда, что я въ тотъ день, можетъ быть, сказалъ не все, чтò нужно было бы сказать, однакожь я сказалъ уже довольно, столько, что такая дѣвушка какъ она, могла бы, кажется, понять меня на словѣ. Въ отчаяніи, она обратилась къ теткѣ, которая не посмѣла отвѣчать, и къ сестрицѣ Беллѣ, которая налила ей въ письмо столько яду, оскорбленій, проклятій, брани, презрѣнія и изумительной женской злости, что если бы я, ты и Мобрей вмѣстѣ озлобились на самую послѣднюю дѣвченку въ городѣ и сложили бы всю свою злость воедино, намъ не удалось бы произвестъ на свѣтъ такое мастерское произведеніе зависти и ругательства. Я воротился домой черезъ три часа послѣ того какъ Кларицца получила это письмо. Ахъ, Бельфордъ, если бы ты видѣлъ ее бѣдняжку, какъ она сидѣла, сокрушенная, съ блуждающими глазами, въ нѣмомъ отчаяніи, ты поступилъ бы также какъ я. Въ эту минуту я все забылъ, мои планы, мою месть, мою ненависть къ брачнымъ узамъ, ния Гарло, все.... я упалъ къ ея ногамъ, безъ всякаго умыслу взявъ за руки, произносилъ самыя нѣжныя слова, проливалъ самыя искреннія слезы и отъ всего сердца желалъ, чтобы она сдѣлалась моею обожаемою, уважаемою законною женой. Но въ увывіи и по чрезвычайной деликатности, которую она сохранить до послѣдняго издыханія, она и на этотъ разъ отказалась дать согласіе, за которое я въ эту минуту отдалъ бы мою жизнь. «Нѣтъ, сказала она, не теперь; такъ нельзя.» Потомъ она прибавила... и это единственное ея признаніе — «Послѣ, Ловласъ, потому что теперь вся моя надежда — на васъ.» Но вотъ чтò меня оскорбляетъ!... («Вы раскастесь въ минутѣ, когда смутили меня этимъ отвѣтомъ»). Одно это слово продлить ея испытаніе. Я же хочу, чтобы сердце мое

было чисто. Хорошо же — «послѣ.» Между-тѣмъ я велъ себя честнѣе чѣмъ предполагалъ. Я буду жить скромно и въ мирѣ съ моею совѣстью. Подивився, однако жъ, со мною благосклонности судьбы: не будь письма любезной сестрицы Арабеллы, Кларисса не поѣхала бы со мной, а теперь она со мной, — со мной! — ѣдетъ въ Лондонъ. Она ѣдетъ доврѣчивая и спокойная, потому что при видѣ такого истиннаго глубокаго страданія я нашелъ въ моей старой душѣ убѣдительныя слова, и она доврѣяется мнѣ, потому что я достаточно забылся передъ нею и заговорилъ голосомъ истинной страсти. Она добровольно ѣдетъ со мною, мы ѣдемъ въ Лондонъ, не завтра, потому что бѣдняжка еще слишкомъ слаба, а послѣ завтра. Она поѣдетъ въ хорошей каретѣ безъ гербовъ и со старшею дочерью мистриссъ Сорлингсъ, а я верхомъ. Кларисса убѣдительно просила меня не убивать капитана Спигльтона, если онъ встрѣтится намъ на пути. Все уже готовится къ нашему отъѣзду, а она все еще въ уныніи. Если бы ты зналъ, какъ она хороша! Сейчасъ еще я любовался на нее, когда она склонила голову на грудь къ мистриссъ Сорлингсъ. Бѣдный цвѣтокъ! такой вѣжливый и слабый! Дай Богъ, чтобы она поскорѣе опять стала тою доброю дѣвушкой, которую я зналъ прежде; мнѣ нужно, чтобы она была сильна и способна сопротивляться мнѣ; я желаю знать, до чего можетъ дойти стойкость и добродѣтель. Но... чу! вотъ она проснулась! она заговорила.... Дай мнѣ послушать гармоніи этого чистаго, прекраснаго голоса! Жди меня: черезъ два дня мы будемъ въ Лондонѣ.

Лондонъ, 28 апрѣль.

Берегъ! берегъ! Я въ Лондонѣ. Торжество мое велико, однако жъ у меня есть нѣчто въ родѣ угрызенія совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ это должно быть угрызеніе совѣсти, это нѣчто похожее на печаль и боль, и возмущающее несобязатную радость, которою насыщено мое сердце. Когда-то я читалъ, что одинъ молодой гуляка Аеннанивъ, входя при всемъ чествомъ пародѣ въ домъ гетеры, былъ оставленъ на гостепріимномъ порогѣ портретомъ своего наставника, философа Полемона, и, закрывъ лицо, обратился въ бѣгство. Невинный! что жъ бы онъ сдѣлалъ, если бы увидѣлъ въ такомъ мѣстѣ живой образъ Клариссы? Мнѣ кажется, что уже я слышу тебя, великій моралистъ. «Конечно, ты, Ловласъ, не покушился на визость съ такою совершенною дѣвушкой?» Правду тебѣ сказать, твой вопросъ смущаетъ меня. Но зачѣмъ же она не приняла руки, которую я такъ честно предлагалъ ей?.... Словомъ,

ны теперь въ домѣ у вдовы. Достоянная мадамъ де-Сенъ-Клеръ все приготовила, чтобы принять насъ. Она выбѣжала къ намъ на встрѣчу со своими хорошенькими племянницами.... опасныя двѣ проказницы! Онѣ обладаютъ всею силой существа этого разбору, — умомъ и красотой. «Ахъ, какое дивное созданіе, мистръ Ловласъ! Да вы, просто, обязаны были доставить намъ пріятное знакомство съ такою красавицей!» прибавила вдова. Колючіе, ядовитые языки! Даже въ ласкахъ уязвляютъ. Сверхъ-того я опредѣлилъ къ миссъ Клариссѣ служанку. Угадай, кого? Бывшую твою служанку, Доркесъ Уилькъзъ. — «О, Ловласъ!» — О, Бельфордъ!.... если бы ты видѣлъ ее въ одеждѣ прескромной недотроги, ты не узналъ бы своей воспитанницы. Чудесная Дебора, такъ хорошо дрессированная на ловлю дичи, такъ удивительно за мило чувшая богача, теперь — ни больше ни меньше какъ скромная деревенская дѣвушка, къ которой мадамъ де-Сенъ-Клеръ благоволила, съ условіемъ, чтобы невинная малютка избѣгала сѣтей и опасностей развратнаго города. Даже воспитаніе миссъ Доркесъ до такой степени оставлено въ небреженіи, что она — плутовка! — не умѣетъ ни читать, ни писать! Выдумаютъ же! Впрочемъ, мнѣ кажется, что это не дурно изобрѣтено. Такой невѣжды меньше остерегаются; скорѣй можно, наприимѣръ, оставить распечатанное письмо на столѣ.

Миссъ Гарло кажется мнѣ не очень убѣжденною въ достоинствахъ этой дѣвицы; эта плутоватая рожица вовсе не кажется ей невинною и простодушною. И я очень хорошо сдѣлалъ, что далъ себя предупредить черезъ честнаго Дольмана насчетъ нашей почтенной вдовы, — что она современемъ можетъ пригладѣться и только сначала производить непріятное впечатлѣніе. Безъ этой мудрой предосторожности все, можетъ быть, погнбло бы, такъ госпожа природа погуляла насчетъ мадамъ Сенъ-Клеръ. Впрочемъ, по неловкости ли почтенной вдовы, или по искусно рассчитанному недоразумѣнію, миссъ Клариссу привѣтствовали именемъ леди Ловласъ. Можешь вообразить, какъ это поддѣйствовало, но я устроилъ дѣло такъ, что черезъ минуту потомъ миссъ Гарло уже не стала явно отвергать новаго титула. Нужно замѣтить также, что, для соблюденій всѣхъ приличій, вдова торжественно предупреждена насчетъ нашего положенія, — то есть, что касается до совершенія брака: она знаетъ, что мы еще только вполонну женаты и что для полнаго счастья мнѣ нужно обождать еще устраненія нѣкоторыхъ препятствій. Это объявлено и всему дому.

Я увѣренъ, что теперь Кларисса прежде всего потребуетъ, чтобы я удаллся изъ дому, въ которомъ она живетъ. Я объ- щалъ это, но не все же обѣщанія исполняются, и дѣла уже из- рядно переиѣнили положеніе. Впрочемъ, весь домъ — мой.... Что я говорю, домъ! весь городъ къ моиимъ услугамъ, со всеми сво- ими праздниками, спектаклямъ, блескомъ, шумомъ и соблазномъ. Пусть она только два или три раза побываетъ со мною въ вих- рѣ этихъ страстей, и я отвѣчаю за нее. Когда я хотѣлъ просто на просто жениться на ней, я забывалъ мое ищеніе семейству Гарло, а теперь.... Неужели я сдѣлаю першу Англии изъ родной сестры Джемза Гарло?

Мысль Клариссы къ миссъ Гоу.

Среда, 25 апрѣля.

Я благополучно пріѣхала въ Лондонъ, милая Анна. Помѣщеніе мое почти такое, какимъ его описывали; портретъ хозяйки так- же вѣренъ, только, кажется, ей цемного польстили. Впрочемъ, эта дама очень мила и любезна. На половинѣ дороги, миссъ Сор- лингъ, которая провожала меня, вдругъ остановилась у большой родственницы своей матери. Ловласъ, казалось, очень досадовалъ на это. Тотчасъ по пріѣздѣ я взяла къ себѣ въ горничныя мо- лоденькую родственницу моей хозяйки. Это дѣвушка очень хоро- шенькая, только глаза у ней очень лукавые. Впрочемъ, она такъ услужлива, что я рѣшилась оставить ее до-тѣхъ-поръ пока не пріищу лучшей. Устроившись такимъ образомъ, я прежде всего объявила Ловласу, что желаю быть у себя полною хозяйкой. Ес- ли онъ пожелаетъ говорить со мной, то можетъ вызвать меня въ пріемную. Я сказала это такъ коротко и ясно, что Ловласъ совершенно смѣшался; потомъ, когда первое изумленіе прошло, онъ отвѣчалъ, что послѣ того какъ я почти одобрила его пред- ложенія, онъ надѣялся быть объявленнымъ женихомъ. «По край- ней-мѣрѣ, прибавилъ онъ, вы прійдете съ дамами пить чай?» Я отвѣчала, что мнѣ нужно писать. «Но не найдутъ ли это стран- нымъ, миссъ Гарло?» — Пожалуйста, будьте такъ добры, сказала я, познакомьте этихъ дамъ съ моиимъ малевькими странностями. Впрочемъ, я вовсе не ддятого пріѣхала въ Лондонъ, чтобы за- водить новыхъ друзей. Я поклонилась и Ловласъ оставилъ меня. Потомъ онъ воротился и началъ расхваливать нашу хозяйку. «Я собралъ о ней свѣдѣнія, говорилъ онъ: это дѣйствительно доб- рая женщина, однако жъ я не смѣю исполнѣе положиться на этотъ

домъ; въ немъ такъ много пустыхъ отдѣленій. Если брать ванну или каютанъ Смидгетонъ отирочуть мѣсто нашего пребыванія, какъ закрыть имъ входъ? Но, во всякомъ случаѣ будьте спокойны, милая Кларисса, я сейчасъ навальъ всё пустыя квартиры, до-тѣхъ-поръ пока мы не найдемъ болѣе удобнаго помѣщенія». — Мы не найдемъ помѣщенія? возразила я: что хотите вы сказать этому, мистръ Ловласъ? — «О! вскричалъ онъ, выслушайте меня, жизнь моя; Долженъ думалъ, что мы женаты, и даже здѣсь сказалъ, что вы моя жена». Потомъ видя мое негодованіе, онъ прибавилъ: «Ради Бога, успокойтесь, миссъ, это вовсе не обманъ; это была только предосторожность противъ вашего брата и его достойнаго товарища. Васъ перестанутъ преслѣдовать, когда узнаютъ, что мы женаты. Даже хозяйку нашу, чѣмъ больше она честная женщина, тѣмъ больше должно увѣрить ее, что мы женаты. Впрочемъ, будьте спокойны; я уже объяснилъ ей, что до новыхъ распоряженій вы будете жить одиѣ». — Ахъ, Боже мой! вскричала я въ себѣ. Онъ хотѣлъ взять меня за руку, но я съ живостью отдернула ее. — «Нѣтъ, я не жена ваша; я не буду поддерживать вашей лжи. Пойдите вонъ, сударь, если вы сами не поправите вашу ложь, я тотчасъ же оставлю этотъ домъ». Онъ снова началъ объяснять мнѣ, что теперь ему невозможно открыть правды. Быть-можетъ, я виновата, сказалъ онъ, но подумайте, какъ могу я, передъ этой доброй женщиной и передъ ея племянницами сознаться въ обманѣ? Но зачѣмъ это обманъ? Милая Кларисса, сдѣлайте, чтобы мы дѣйствительно были женаты; назначьте день, или (долженъ ли былъ онъ прибавить или прежде чѣмъ услышалъ мой отвѣтъ) или будьте ко мнѣ спиходительны, сохраните это въ тайнѣ, и не осрамите меня завтра за завтракомъ. Позвольте мнѣ одну ночь провести въ этомъ домѣ, а завтра я помѣшусь у моего друга Бельфорда. Сегодня уже очень поздно». Онъ говорилъ это очень скромно, очень почтительно; я вспомнила въ это время твои совѣты въ послѣднемъ письмѣ. Мнѣ нечего больше ждать отъ моихъ родныхъ. Что мнѣ было дѣлать? Я уступила; я была измучена борьбой. Ловласъ ужиналъ съ дамами и провелъ ночь въ этомъ домѣ. Только что онъ уѣхалъ, дамы пришли ко мнѣ съ привѣтомъ, говоря, что Ловласъ сказалъ имъ, какъ я люблю уединеніе, и что мнѣ будетъ предоставлена полная свобода. Наконецъ я осталась одна. Мнѣ необходимо было осмотрѣться. Этотъ человекъ ослѣпляетъ, тѣснитъ, подавляетъ меня. У него такая безконечная цѣпь доводовъ, что невольно уступаешь ему. Но, слава Богу, я

мнѣ носить тебѣ, бесѣдовать съ тобой, ты мое отрада, мое ода. Вокругъ меня все тихо, все молчитъ. Я заперевъ въ себя кабинетъ, я душу свободно, разсматриваю небожь, раскидаю тамъ и слитъ разбросанныя книги. Книжки вообще хороши... «Прововѣдъ» Тиллотсона и Соута, очиненія епископа Эвистера, «Теломакъ», Шемониръ, Саметь, стихотворенія Драйдена и Попа, послѣдній номеръ журнала Spectator и даже, постранили? «Зерцало судей» Бѣтгѣрша. На большей части этихъ книгъ надписаны имена Салли Мартенъ и Полли Ортона. Я иноклоко прикираюсь съ вдовой и ея племянницами. Окружающая тишина доставляетъ мнѣ отдыхъ и отраду.

Ловишь къ Бельфорду.

Какъ тебѣ покажется и что ты думалъ, когда я говорилъ тебѣ, что она по-крайней-мѣрѣ будетъ носить мое имя и что я буду жить съ нею подъ одною кровлей? Все сдѣлано по связанному; не безъ труда, правда, и не безъ гнѣву, но все-таки сдѣлано: я живу съ сестрою мистра Джемза въ одной квартирѣ. Ты можешь себѣ представить, что мнѣ не мало стоило хлопотъ прилично водворить мою красавицу въ этомъ домѣ, но она водворена. Она такъ провинциальна, что наши двѣ нимфы и въ-особенности мадамъ Семъ-Клеръ, плохо прикрытыя лакомъ скромности и не привыкшія носить личину добродѣтели, каждую минуту подвергаются опасности измѣнить себѣ и своей роли. Всего больше онаасность, разумѣется, угрожаетъ мнѣ, автору комедій. Я принужденъ безпрестанно задѣлывать прорухи, поправлять ворчи, успокаивать, увѣрять, к такъ дагѣ. Сколько возможно, я унострѣблю въ дѣло имена мочъ тетокъ, скорое прибытіе кузницъ, заступничество дяди и касаюсь великаго слова «бракъ», не наставляя однако жъ. Красавица немпожко успокоится, но все-таки дуется, уйдетъ, запретъ въ своей комнатѣ и приметъ писать, рассказывать задушевною пріятельницѣ о своемъ горѣ. Я между-тѣмъ не покидаю своего посту, почти не выхожу. Время я провожу съ моими дамами довольно пріятно, то заставляю ихъ протверживать роли честныхъ женщинъ, то представляю на волю собственнымъ ихъ прекраснымъ склонностямъ. Тогда нѣсмортрѣль бы ты, Бельфордъ, какіе это бѣем! Можно подумать, что это лягушки, которые на минуту посидѣли на цвѣткѣ и опять съ наслажденіемъ бросаются въ свое грязное болото. И какъ они зам! Только миссъ Арабелла могла быть злѣе. Она ревнива, и

Сами и Полю тоже ревнуютъ. Красоту, молодость, богатство и вѣнчикъ видѣ оубо еще простили бы Клариссу, но невинности, чистоты нравовъ и гордости не могутъ простить. Самое цѣлѣнное для нихъ — возвышенное почтеніе, манюе всѣмъ, и даже ихъ самимъ, внушаетъ миссъ Гарло, какъ только появится. Ихъ успокоиваетъ только мысль, что гордая добродѣтель скоро сдѣлается ихъ равною.... Ихъ равною! проклетіе на мою голову!... Бельфордъ, неужели я написала это слово? Но что жъ дѣлать! я дышу заразительнымъ воздухомъ; этотъ домъ настоящій адъ. Ты самъ согласишься, что сопротивленіе Клариссы необыкновенно возбуждаетъ. Въ любви, ты знаешь, я иду прямо къ дѣлу; я не привыкъ декламировать оды, расцѣвлять элегіи и портить кору деревьевъ парфизываніемъ вожделей. Притомъ, подобными штуками ничего не возьмешь у Клариссы: я каждый часъ принужденъ изобрѣтать что-нибудь новое и въ одинъ сутин трачу больше ума нежели нужно на управленіе цѣлою Англіей, — не считая того, что еще нужно нѣтъ въ занасѣ для непредвидимыхъ тревогъ. Такъ, напримѣръ, вдругъ прибѣжала безграмотная Дебора, то есть Доркессъ Умлькъ, и кричить: «Моя барыня собирается въ церковь!» — Какъ! безъ моего согласія? И она не думаетъ о крейсеровѣ знаменитаго капитана Сингльтона? ни о страшномъ Дженнѣ Гарло?... Видя, что она дѣйствительно собирается, и я собрался. Кларисса поколебалась; ей хотѣлось отправиться одной, однако жъ я послалъ за наретою и мы поѣхали.

Если бъ ты видѣлъ, Бельфордъ, какъ она молилась!... и молилась за меня: она призналась мнѣ потомъ. Но я до сихъ поръ трепещу при одной мысли, что могло бы случиться, если бы она одна пошла въ церковь, если бъ люди видѣли ее выходящую изъ этого подозрительнаго дому, или входящую! На возвратномъ пути мы разговаривали о проповѣди. Миссъ Кларисса была довольна мною, спокойна и даже весела. Когда разговоръ обратился на домашнихъ, она сказала, что мадамъ де-Сенъ-Клеръ женщина еще довольно сносная и племянницы ея лучше нежели можно подумать съ перваго взгляду. Я, ты знаешь, хватаю пулю на лету и думаю о васъ, мошенникахъ, больше чѣмъ бы слѣдовало. Увидѣвъ, что Кларисса стала помягче, я сталъ просить какъ великой милости, чтобы она позволила представить нѣсколькихъ друзей, которые горятъ желаніемъ засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Меня приняли сначала довольно немилостиво, но я ожидалъ этого; я былъ въ ударѣ изъ краснорѣчіе въ тотъ день.... я ходатайствовалъ за друзей!... Я нарисовалъ вамъ портреты на за-

глядѣнье, — три-четверти тѣни и полчетверти свѣту, — и всё-таки вы можете считать себя счастливыми и довольными. Миссъ Клариссъ произведеніи моеи фантази тоже понравилсъ и... падите ницъ, басурманы! ты, Бельтонъ, и Мобрей, и Турвилъ..... она соглашается допустить васъ на свѣтлые свои глаза. Прѣзжайте жъ, но только ведите себя, какъ слѣдуетъ, благовоспитаннымъ джентльменамъ, и если не хотите совершенно упасть во мнѣнїи моеи дамы, помните не мѣсто, гдѣ будете находиться, а леди Ловласъ, которая принимаетъ васъ. Пуще же всего, помните что вы имѣете честь быть въ домѣ почтенной вдовы. Мобрей и Турвилъ коротко знали покойнаго полковника де-Сенъ-Клера; они съ вдовою — старинные знакомцы, и имѣютъ быть прѣлично коротки между собой. Изъ женщинъ тутъ будетъ еще преблаго-родная и распрекрасная миссъ Парвингтонъ, обогащенная, украшенная и дополненная всѣми своими брилліантами. Она, по красотѣ своей, по-крайней-мѣрѣ, также заслуживаетъ, чтобы при ней вели себя поосторожнѣй. Ты не знаешь ея и не угадываешь? Тѣмъ хуже для тебя. Но я полагаю, что ты былъ знакомъ съ нею довольно коротко. Чтобы не долго мучить тебя, знай, что я, данною мнѣ властью, изъ нашей «веселой Гречанки» сдѣлала честнѣйшую, благовоспитаннѣйшую и благороднѣйшую дѣвицу, племянницу покойнаго полковника де Сенъ-Клера. Она немножко живаго и шаловливаго нрава, но ее держатъ очень строго; она никогда одна не выѣзжаетъ... сохрани Богъ!... У нея есть опекуны, родственники, сэръ Эдуардъ Готденъ и леди Готденъ. Леди Готденъ на великую силу отпустила ее на сутки погостить къ тетускѣ де Сенъ-Клеръ.....

Что касается до тебя, Бельфордъ, ты играешь роль благороднаго отца, резонера, только смотри, не попадись въ просакъ: повторяю тебѣ, что у миссъ Клариссы взоръ, что твоя молнія; въ самую черную душу на дно заглядеть. Хорошо будетъ, если ты отъ времени до времени нашимъ шалунамъ, Мобрею и Турвилю, кстатѣ дашь пинка или толчка локтемъ, чтобы не забывались. Впрочемъ, не нужно лицемѣрить; будьте естественны; будьте свѣтскими людьми и не удивляйтесь, если найдете въ моемъ салатѣ острую приправу: самая честная женщина не безъ удовольствїя останавливаетъ нѣкоторыя вольности языка у самыхъ честныхъ мужчинъ.

Бельфордъ къ Ловлагу.

Вторникъ, 2 мая.

Я еще нахожусь подъ вліяніемъ впечатлѣнія, какое произвели на меня прелесть, невинность и молодость миссъ Клариссы. Ловласть, ты ведешь бездѣлническую интригу, но-крайней-мѣрѣ не дѣлай изъ насъ орудій подлости и не заставь меня проклинать дружбу, наполненную нечистыми дрождами! Мои товарищи, такъ же какъ и я, признаются побѣжденными и обезоруженными этимъ удивительнымъ, совершеннымъ существомъ и мы всё думаемъ только о томъ, какъ бы спасти ее. Я, конечно, и безъ того уже сожалѣлъ о бѣдной бѣлой горлицѣ, окруженной коршунами и воронами, но теперь, когда я видѣлъ ее между женщинами, которыя служатъ твоимъ порокамъ, какъ палачъ служить ворами; теперь, когда я имѣлъ прискорбное счастье лично видѣть и слышать ее; когда я знаю, чего она стѣбитъ, — теперь я считалъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ, если бы не поспѣшилъ на помощь къ несчастной, которую ты поставилъ на край пропасти. Ловласть, я знаю твою злость и твое тщеславіе: ты имѣешь притязанія на всё роды геніяльности, и въ-особенности на геніяльность разврата, но невозможно, невозможно, чтобы ты захотѣлъ привести въ жертву своему тщеславію этого чистаго ангела, самымъ богомъ избраннаго и отличенаго. Я еще слышу ее, вижу ее и дивлюсь ей. Эта дѣвушка выше всякаго описанія, совершенство изъ всего, что ни есть совершеннаго въ природѣ. Даже въ гордости ея нѣтъ ничего ни презрительнаго, ни оскорбительнаго. Каждый ея взглядъ — или урокъ, или совѣтъ, и я не знаю награды выше ея улыбки. Я хорошо изучилъ ее посерединѣ міра, въ который ты ее забросилъ; она столько же умна, сколько прекрасна, и невозможно болѣе вѣрно предчувствовать всякую ложь, всякое коварство. Подчасъ она блѣднѣла и быстро отчаяніе по-мрачало прекрасное ея лицо. Потомъ, когда какое-нибудь честное слово прорывалось въ этой комедіи, взглядъ ея вдругъ оживлялся божественнымъ огнемъ. Она безпокоилась только о тебѣ: она скромнымъ и нѣжнымъ взоромъ слѣдила только за тобою какъ мать, какъ сестра, какъ невѣста, и когда ты произнесилъ благородное слово, бѣдняжка видимо торжествовала!

Если ужъ руки у меня связаны уставами нашего адскаго братства, если ужъ ты держишь меня въ рукахъ за всю прошедшую мою жизнь, которой я стыжусь, и за подложную честь, которая въ нашемъ обществѣ служитъ личною порокамъ.... и часто пре-

ступленіямъ.... то по-крайней-мѣрѣ послушайся моего совѣту! Не говори мнѣ о твоей любви: любовь не ходитъ такими путями. Ты теперь уже испилъ все вино молодости, Ловласть. Подумай, что ты скоро дойдешь до осадковъ и ты долженъ будешь надѣть ярмо, такъ же какъ и другіе. Гдѣ же ты тогда найдешь женщину, которая бы соединяла въ себѣ больше достоинствъ? Она красавица, между-тѣмъ она болѣе мила чѣмъ пріятна; ей еще гораздо выгоднѣе показать душу чѣмъ лицо или, лучше сказать, у нея въ одномъ тѣлѣ болѣе нежели одна прекрасная душа. Голосъ ея гнѣженъ, спокоенъ, чистъ и пріятеленъ. Какая женщина когда-либо имѣла болѣе высокое понятіе о святости брака, и какъ ты можешь не признавать этой твердой разсудительности, этого рѣдкаго здраваго смысла, этого возвышеннаго ума и пріятнаго, плодовитаго воображенія. Будь хоть однажды въ жизни предусмотрителемъ и не дожидись того, чтобы здравый смыслъ этой чудесной женщины разрушилъ въ прахъ всю твою ложь; не дожидись того, чтобы весь приборъ твоихъ коварныхъ изобрѣтеній разлетѣлся дымомъ. Опомнись, брось тщеславіе, злокачественный наростъ испорченныхъ сердець. Ты еще молодъ; воспользуйся порою, когда проступки еще могутъ быть названы уроками, а несчастія — средствами; обуздай свои страсти, сжапись надъ самимъ собою! Остерегись принести такую прекрасную жизнь и столько невнятности въ жертву восхищенію нѣсколькихъ отвратительныхъ созданій, которыя, въ награду за это, отдадутъ тебѣ свои нечистые тѣла и испорченныя души! Полно! полно! перестань употреблять свои деньги, и волю, и умъ на такія низости! Не давай аду этого великаго торжества; сдѣлай себѣ изъ этой истины добродѣтельной дѣвушки вѣрную и уважаемую жену.

Если бъ ты могъ видѣть, какъ смѣшонъ ты былъ, когда сидѣлъ какъ пѣтухъ на насѣсти посреди этихъ женщинъ! И эта коварная Партигтонъ! какъ искусно она играла свою роль! Но.... клявусь честью, если бъ миссъ Кларисса вдалась въ сѣти этой твари, если бъ она сама инстинктивно не угадала, что подъ этою скромностью скрытъ порокъ и въ смиренномъ оупщенномъ взорѣ таится безстыдство, я самъ, несмотря на наши условія, въ восхищеніи отъ миссъ Гарло, сорвалъ бы личину съ негодной Партигтонъ. «Посмотрите, миссъ Кларисса, сказалъ бы я, посмотрите, какое гадкое лицо! какая отвратительная ложь! Не до-
 «трогивайтесь до этой опозоренной твари! Бѣгите, бѣгите! вы
 «проданы, вы обмануты, вы погиблы!» Быть-можетъ я и теперь
 уже долженъ былъ бы сказать это. Меня остановила в успоко-

ла только известность имени Клариссы посреди всей лжи, парадоссовъ и выходовъ, достойныхъ паровъ вина, которое мы выпили. Когда Кларисса ушла отъ насъ, сама Нартингтонъ не посмѣла слѣдовать за нею и до конца слушать тебя проклятымъ орудіемъ.

Я говорю съ тобою какъ другъ и какъ джентльменъ. Турвалъ и Мобрей также умоляютъ тебя прекратить эту недостойную интригу. Белтонъ утверждаетъ, что дивная миссъ Кларисса — первый тостъ въ Англіи, а между тѣмъ она при ней не была; она, Белтонъ, остался трезвъ. Какое торжество для миссъ Клариссы! Еще разъ, горе тебѣ, если ты погубишь единственную душу, способную спасти тебя! Сколько ты ни толкуй, что до-сихъ-поръ все удавалось тебѣ, все служило твоему преступленію, — даже минуты твоей чести, — ты, если будешь откровененъ съ самимъ собою, долженъ будешь согласиться, что тебѣ нужно было быть глубоко испорченнымъ, чтобы взоръ этой дѣвушки не могъ проникнуть въ твою душу.

Ловится къ Бельфорду.

Среда, 3 мая.

Неучъ еси, друже! Какую галиматію ты изоролъ! «Ты видишь ослающую голову на своихъ плечахъ,» деревенскій Бельфордъ! Твоя мораль пугаетъ меня, любезный философъ; къ счастью, однакожъ, жизнь твоя успокаиваетъ меня. Но, сдѣлай одолженіе, скажи, откуда такой потокъ краснорѣчія? К чему такая раша? Развѣ я погрѣшилъ хоть сколько-нибудь противъ скромности и приличія? Кажется, я все такъ же чистъ какъ и прежде: посмотри на мой жениховскій нарядъ. Птичка заперта въ клеткѣ, правда, но она не лишилась ни одного перышка. Что вы называете похищеніемъ, сударь? И развѣ это преступленіе, если я не на чистые деньги покупаю надежду? Напротивъ, ни что не радуетъ меня столько какъ воспоминаніе о великолѣпныхъ, блестящихъ птицахъ, которыхъ я доводилъ до того что они сами, добровольно приходили клевать у меня изъ рукъ. Напрасно бѣдная птичка бьется, бывало, въ клеткѣ, стучитъ головкой въ желѣзную рѣшетку теплицы и рѣшается умереть съ голоду.... мало-по-малу приходится укротиться. Сначала, бывало, защищаются, кричатъ: «Какъ! милостивый государь.... — Какъ ты смѣешь, злодѣй!» а кончается вопросомъ: «Здоровъ ли ты, мой милый?» Это пѣсня укрощенной птички. Неужели ты не понимаешь наслажденій этого торжества, Бельфордъ? Сдѣлай же одолженіе, вложи обратно въ нож-

ны свой плачевный мотъ. Я знаю, ты самъ не вѣршишь ни одному слову изъ того, что накололъ мнѣ. Ты въ этомъ повиновался не столько своему добродѣтельному сердцу, сколько страшной машинѣ, что зовется мотъ дядей. Ему очень хочется женить меня, и, если тебѣ удастся совершить это чудо, ты, въ награду, получишь одну изъ моихъ кузинъ. Признайся, поналъ ли я? Однакожъ успокойся, и на придачу успокой моего любезнаго дядюшку. Никто еще не говоритъ, что миссъ Кларисса не будетъ носить титула леди Ловласъ. Лишь бы только птичка осталась дика и до конца защищалась подъ когтями коршуна; тогда... увидимъ! Но борьба, гнѣвъ, слезы, крики, надежда, состраданіе, ужасъ этой дѣвушки — мегеры, которыя поджигаютъ меня. А можетъ быть также, что возвратъ свободы, освобожденіе отъ угрожающаго роковаго яра, побѣжденная Кларисса, протягивающая мнѣ свою щечку, и я, отвѣчающій — «Послѣ, мой ангелъ!» — все это, можетъ быть, стоитъ вниманія, и не маленькаго. «Отними у меня эти удовольствія, и я даромъ отдамъ всю мою молодость,» сказалъ какой-то поэтъ.

Впрочемъ, вы, — ты и прочіе, — слишкомъ добры, что такъ безкончентесь о миссъ Клариссѣ. Зато и она васъ награждаетъ по заслугамъ. Если бъ вы знали, какое доброе мнѣніе она имѣетъ о васъ!... Ужъ не похвалились бы мнѣ, ручаюсь! Ты самъ отрекся бы отъ своей морали. Мы съ нею толковали о васъ, друзья мои, и сквозь легкую презрительную гримаску, которая такъ идетъ къ Клариссѣ, я видѣлъ, что, исключая меня, все общество не слишкомъ пришлось ей по вкусу. Она нашла всѣхъ васъ слишкомъ бойкими, задорными и пренебреженными сознаниемъ собственнаго достоинства, великимъ предисловіемъ къ пустому сочиненію. «Бельтонъ похожъ на порядочнаго человѣка, но умъ у него дюжинный. Лицо — изъ тѣхъ, которыя скоро нравятся, но скоро и надоедаютъ. У него нѣтъ ни слогу, ни вкусу, но есть много веселости въ обыкновенныхъ и довольно пріятныхъ мысляхъ. Онъ, безъ сомнѣнія, всегда первый заговорить моднымъ жаргономъ; онъ жетъ и играя, развращаетъ, клеветаетъ, и считаетъ себя совершенно честнымъ и достойнымъ уваженія, потому что шпага его всегда блеститъ. Онъ пьетъ черезъ мѣру; онъ игрокъ и гуляка; лицо у него опалено излишествами стола и ночныхъ бдѣній; когда онъ смѣется, вы слышите не доброе предвѣщаніе....» Коротко сказать, она ни *вогъ чего* не дастъ за нравственность и здоронье Бельтона.

«Мобрей на первый взглядъ довольно красивый мужчина; стро-

онъ, хорошо держитъ голову; взглядъ у него живой и смѣлый, улы довольно пріятный, походка ловкая. Но какой шумъ, какой стукъ, какая тревога около Мобрея! «Гей! эй, ты! пооди сюда! человекъ! подай то! съини это!» Должно быть, не хорошій баринъ. Къ тому же, онъ слишкомъ много говорить о своей чести и ни слова о скромности и честности. Словомъ, это человекъ, надъ которымъ побѣда никому не принесетъ большой чести.» Вотъ тебѣ, достойный Мобрей!

«Турраль — метриръ этой шайки. Онъ весь натянута на шпилькахъ, украшенъ бантами до гиперболическаго; онъ краснѣетъ, но безъ выраженія; до крайности доводитъ джентльменство; музыкантъ и мастеръ танцовать; верховный судья покровствъ платья запяжей и всякихъ модъ; онъ восхищается тѣмъ, что его копируютъ съ ногъ до головы; онъ благодаритъ себя за свою талию, за пріятный голосъ, самъ себя благословляетъ и собственною похвалою заглушаетъ голосъ сосѣдей; вся изобрѣтательность его ума ограничивается созданіемъ себя наряда, и послѣ всего, что онъ говоритъ, — я повторяю слово въ слово, — остается, какъ отъ взбитыхъ сливокъ, только пѣна и воздухъ. Конецъ концовъ, Турраль — красивый мужчина, и больше ничего!... шегель, и больше ничего!»

«Что касается до Бельфорда.....» Хорошенько открой уши, Бельфордъ: я увѣренъ, что ты не ожидаешь своей оклички... «Что касается до Бельфорда, онъ, очевидно, другъ сердца. Видно также, что этотъ джентльменъ очень смѣлъ, очень храбръ, и созданъ nato чтобы идти на ряду съ благороднѣйшими. Она предполагаетъ (какъ она угадала это?), что мы познакомились со швагами въ рукахъ, изъ за какой нибудь женщины. (Какова!) Но какъ ты ни старайся, Бельфордъ, — не прогнѣвайся, — «у тебя никогда не будетъ ловкости, ни блеску, ни вкусу, ни живости Ловласа; у тебя совершенно нѣтъ того счастливаго доску, какой разлитъ по всей особѣ Ловласа.» Однако жъ ты, кажется, человекъ порядочный. Ты не безплодно читалъ англійскихъ и французскихъ писателей; ты здраво и благородно мыслишь; логика у тебя ясная и твердая, но при всемъ томъ ты, такъ же какъ и другіе, человекъ безъ правилъ, равно испорченъ, и притомъ до такой степени, что уже не различаешь добра и зла; ты хватаешься за парадоксъ такъ же легко какъ за истину. Въ тебѣ есть матеріалъ на десятерыхъ честныхъ людей, но едва ли можно сказать, что ты изрядно честный человекъ....» Ты видишь, миссъ Кларисса пишетъ портреты лучше мадамозель Скудеря,

которой безмолвные романы всегда составляли славадвое цѣлой Англии, а теперь уже не занимають и моего почтеннаго дядюшки. Посмотри, сколько ѣдкой соли въ ея похвалахъ! И ты еще хочешь пошептать ту, которая насъ не шадеть! Что касаетоя до меня, сколько ни роюсь въ мозжъ благородныхъ чувствахъ, я не вижу преступленія въ западеніи на того, кто такъ ловко защищается. Конечно концовъ, я не такой ангелъ какъ ты, Бельфордъ; я человѣкъ отъ перся взятый, такъ ужъ лучше оставь ты меня въ покоѣ, избавь отъ проповѣдей и дай докончить нитру. — Мнѣ по крайней мѣрѣ нужно дознаться, въ чемъ собственно состоитъ эта великая добродѣтель, не въ одной ли гордости, или въ недостаткѣ чувствъ. Любить ли она меня? Если любить, она найдетъ во мнѣ все достоинства и добродѣтели. Любовь, сколько мнѣ известно, такая щекотливая статья, восторгъ которой женщины всегда очень долго обманываютъ себя. «Но что же было толку до сихъ поръ отъ этихъ опытовъ?» спрашиваешь ты своимъ могильнымъ голосомъ, а я отвѣчаю: — Какія плоды принесъ дубъ, который ты посадилъ вчера? Пожди, если я ошибаю, я откровенно признаюсь, — что, говорить, также не малая забота. Если, по случаю.... или по счастью... я буду побужденъ въ этой странной борьбѣ, ты согласишься по крайней мѣрѣ, что я гораздо выше тѣхъ орудствъ, какими пользовался. Я знаю, какія опасности угрожаютъ мнѣ и что я играю отчаянную партію, но я знаю также, какъ говоритъ веселая миссъ Нартингтонъ, что «загрудненія — лучшая прелесть въ любви.» Мы все рождены на свѣтъ для того чтобы жить, а жить вовсе не значитъ знать, что дѣлаешь.

Моей любезной—двенадцать лѣтъ. Она красавица изъ красавицъ; она обладаетъ всемъ, что въ женщинѣ можетъ быть привлекательнаго, всемъ, что могутъ дать природа, молодость и счастье, но она эгоистка: мнѣ, тому, который любить ее, она не удѣлила еще ни пылинки счастья. Она отталкиваетъ меня, бежитъ; она изучаетъ меня какъ западина; она колеблется передо мною какъ на краю пропасти. Единственная моя надежда въ томъ, что она еще не знаетъ, что ей подобныя падаютъ не отъ слабости, а отъ слишкомъ большой увѣренности въ своихъ силахъ. Оставь же, пожалуйста, бесплодное ремесло правоучителя, въ которое ты ударился, и прибери свои увѣщанія и совѣты на другой болѣе приличный случай; не вороши огня шагаю! Я знаю тебя, прекрасная маска! я тебя панзуютъ знаю, другъ Бельфордъ!

Я знаю, чего стоятъ твои слова и рѣчи; не даромъ мы съ тобой пожилъ на свѣтѣ!

Затѣмъ, «доброй ночи, добрый господишь капитанъ!» какъ говорить мошенникъ Яго.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гю.

Лондонъ, понедѣльникъ, 8 мая.

Съ каждымъ днемъ дѣлаюсь я грустивѣй, милая Анна, и все больше и больше теряю присутствие духа. Тайное безпокойство томить, преслѣдуетъ меня; я сомнѣваюсь въ себѣ, и даже не знаю, есть ли у меня хоть какая-нибудь надежда. Да, я чувствую, что какъ бы ни защищалась, я все-таки въ рукахъ этого чело-вѣка, и не смотря на мою твердую волю, у него всегда есть какое-нибудь непредвидимое возраженіе, которому приходится покориться. Вѣчно—упреки, вѣчно—тайныя насмѣя. Онъ жалуется на меня больше чѣмъ я на него; онъ сердится на мою тревогу, на мою робость; онъ не хочетъ понять, что я дѣйствую не только по разуму, но по долгу и по уваженію къ себѣ. Ахъ! Ловласъ вѣрять только себѣ, и никому больше. Какъ хорошо кузень Морденъ зналъ эти испорченные характеры, когда онъ однажды писалъ мнѣ. «Будь осторожна, милая кузина, съ людьми безъ «правилъ; остерегайся этихъ лживыхъ и хитрыхъ умовъ, кото-«рыхъ не укрощаетъ даже самое ужасное несчастіе! Въ сердцѣ «негодяя родится только безчестное и преступное.» О! зачѣмъ такъ поздно получила я это письмо? Бѣдная! теперь я одна съ Ловласомъ; у меня нѣтъ друга, который бы охранилъ меня и посоветовалъ мнѣ; я не могу даже довѣрить моей горяччонь. Все наводитъ на меня страхъ, все мнѣ не нравится. Шумъ и тишина этого дома, вспыльчивость и покорность Ловласа, одинаково стѣ-сляютъ меня. Пршлый вечеръ онъ пожелалъ, чтобы я ужинала съ его друзьями, о которыхъ мы говорили съ тобой съ такимъ ужасомъ. Сначала я отказывалась съ непреодолимымъ отарашеніемъ, но какъ не уступить этому упрямому и бѣшенному чело-вѣку? Я нашла этихъ молодыхъ людей вовсе не столько страшными, какъ предполагала; они, повидному, порядочные люди и, если захотятъ, могутъ быть пріятными собесѣдниками. Они знаютъ, какъ должно обращаться съ женщинами; и я при-нѣтила въ ихъ разговорѣ много тонкихъ насмѣшекъ, хорошаго вкуса и новыхъ остроуъ. Но что мнѣ за дѣло до нихъ? Не тутъ

моя печаль, моя забота. Умоляю тебя, упрости моихъ родныхъ сжалиться надо мной; пусть снова отворится мнѣ дорогая дверь, изъ милости, пусть дадутъ мнѣ хоть маленькій уголокъ въ родительскомъ домѣ. Упрости моего дядю Гарло, чтобы онъ не поворачивалъ обо мнѣ батюшкѣ и матушкѣ. Хорошая матушка! открой твое сердце и твои объятія, бѣдной дочери. Прощай, моя милая Анна; оплакиваю, люблю тебя; ты моя сила, ты мое мужество, ты все для меня!

Миссъ Говъ къ миссъ Клариссѣ.

Среда 10 мая.

Я не хочу думать, Кларисса, чтобы ты потеряла надежду и мужество; сердце твое слишкомъ гордо, для того чтобы пасть безъ боя. Я не найду справедливымъ, что Кларисса Гарло пала въ руки подобнаго басурмана, но, эта битва благородна, и ты будешь побѣдительницей, съ помощію Бога и совѣтств. Бѣдная, ты скромно и робко стучишь въ родныя двери, но онѣ не отворяются.... онѣ глухи. Я говорю тебѣ это. Неужели ты предположила, что я еще не думала о томъ, какъ бы упрости твоихъ родныхъ? Дядя твой униженъ въ своей гордости, мать твоя болѣе чѣмъ когда-нибудь робка, отецъ непреклоненъ, братья и сестра ничего не хотятъ уступить изъ того, что они такъ низко зовутъ своимъ торжествомъ; мистриссъ Нартонъ ни за что въ мірѣ не сибетъ сказать слова въ твою пользу: хорошая женщина боится даже прежней твоей горничной, Бетти. Она только безмолвно выслушиваетъ жалобы и сожалѣнія твоей матери, о погибшей дочери. Та и другая, когда свободно могутъ предаться своей печали, погружаются въ нее и вспоминаютъ о добродѣтеляхъ своего *падшаго ангела*, — такъ называютъ онѣ тебя, Кларисса! Онѣ вспоминаютъ о твоихъ добродѣтеляхъ, о твоей красотѣ и спрашиваютъ себя, какимъ образомъ дѣвушка такая идеальная рѣшилась бѣжать съ низкимъ негодиемъ?... «О! говорятъ онѣ, онѣ возвратятъ намъ ее занятанную, погибшую, опозоренную!» Прости мнѣ, милая, что я передаю тебѣ эти рѣчи, но я должна говорить правду, для того чтобы заставить тебя почувствовать, что тебѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо принять руну этого жестокаго разрушителя твоего спокойствія, богатства и самаго блестящаго счастья, какимъ только можно окружить дѣвушку, потому что до роковой встрѣчи съ нимъ ты была очень счастлива. Покончи съ этимъ непокоримымъ человекомъ.

Ловластъ молодъ, отваженъ, любитъ тебя; онъ не можетъ остаться безчувственнымъ къ твоимъ достоинствамъ и красотѣ; онъ гордъ, а потому будетъ тщеславиться твоимъ умомъ, напоромъ и разсудительностью, которой не можетъ не признать. Онъ знатнаго роду, наследникъ пера, онъ защититъ тебя отъ безчувственныхъ твоихъ родныхъ. Впередъ! впередъ, другъ мой! покорись своей судьбѣ. Не говори что ты оставлена всѣми; у тебя есть другъ, слыши одно слово, и я буду подлѣ тебя, несмотря на на какое пренятствіе, а дѣй дѣвушки, крѣпко любяща друга друга, вѣдь это дѣлая армія! Бѣдѣянина! въ самомъ дѣлѣ, ни отца, ни матери, ни родныхъ, никого кто бы могъ устроить будущность. И такъ, смѣль! поговори съ Ловласомъ, скажи ему откровенно: «Вы видите, что я одна въ мірѣ; вы отдалили меня отъ всѣхъ, кто любилъ меня; противъ воли мою я вѣше ина, и посторонніе называютъ меня *леди Ловласъ*; дождь, въ которомъ живу я, не нравится мнѣ. Вы говорили, что принцъ ина «ищеще болѣе удобное; отчего же не прискакали вы его? Вы говорили, что ваша кузина Монтегю придетъ ко мнѣ; это было бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Отчего же до сихъ поръ нѣтъ вашей кузины?» Вотъ, что ты должна сказать ему, и если онъ дѣйствительно не совсѣмъ еще негодилъ, онъ увидеть въ погань твоимъ, и скажетъ:—Виновать, простите!

Ловласъ къ Бельфорду.

Я былъ у тебя и не засталъ,—получилъ только твое писмо. Какъ! твой дядя въ самомъ дѣлѣ такъ шлохъ, что ты пралаудишь уѣхать въ ту самую минуту, когда твои услуги и, кто знаетъ? — можетъ быть даже твои совѣты мнѣ всею нужны? Чертъ побори старую податру! Правда, что если у твоего дядюшки есть податра, онъ не украсть ея, а заслужилъ ввалѣть. Умираеть? ну, Богъ съ нимъ; хорошее дѣло. Однако жъ, если бы онъ меня спросилъ, я ему посоветовалъ бы подождать еще мѣсяцевъ пять или шесть. Мнѣ очень жалъ расстаться съ тобою, потому что твое слово мнѣ свѣтъликъ во мракѣ; твои противрѣчія поджигаютъ мой умъ, а безъ тебя я буду переходить на актера, который позабылъ свою роль и ждетъ режиссерскаго свѣтка. По крайней мѣрѣ успѣша, Бельфордъ, я вопроси твоего добраго дядюшку, изъ любви ко мнѣ, воскорѣе покончить дѣло.

Послѣ твоего патетическаго увѣщанія я много думалъ о моемъ

предпріятія, и тѣмъ больше думаю, тѣмъ менѣе вижу, какимъ образомъ мои подражатели съ достоинствомъ откажутся отъ чести, которой до-сихъ-перъ гордились, если я, навривъ, чтобы покончить дѣло разомъ, поверочу на гладкую дорогу къ приходской церкви.

О! моя прекрасная Кларисса! вы слишкомъ горды, но будь вы даже демонъ, вы прекрасны, и я люблю васъ. Теперь я уже такъ далеко зашла, такъ заплела свои нити, что порвись одна, и все съѣтъ пропала! Тогда прости и всякая надежда на прощенье, если я не поставлю прекрасной Клариссы въ такое положеніе, чтобы она рада была простить своему вѣрнопреданному обманщику.

Вчера я представилъ ей капитана Менцеля, — капитана моей фабрики: Капитанъ Менцель — не кто иной какъ негодяй Ньюкомбъ, племянникъ честнаго Дольмена, достойный малый, которому хочется жить, во что бы то ни стало; искатель приключеній, дармовѣдъ, большой мастеръ брать въ долгъ безъ отдачи. Портретъ этого услужливаго мерзавца позабавилъ бы тебя, если бъ я нѣмъ время написать его какъ слѣдуетъ. Я встрѣтилъ его одѣтаго такъ, что палачъ похоронилъ бы платье вмѣстѣ съ повѣшеннымъ. Впрочемъ онъ добрый малый и не душень собой. Дуэлистъ отчаянный: дерется такъ, что съ трехъ ударовъ всадитъ тебѣ шпагу въ животъ, и въ ночное время не очень пріятный встрѣчный. По любовной части отыскиваетъ слѣдъ горничной на травѣ. И законы знаетъ, то есть знаетъ, до чего можно доходить, не заходя слишкомъ далеко. Онъ великій философъ: всегда стоитъ въ уровень съ своимъ состояніемъ; ему всякая роль ни по чемъ: есть солнце, онъ на солнцѣ шеголяетъ, а нѣтъ, такъ и луна, покровительница влюбленныхъ и воровъ, хороша. Надобно было видѣть его, какъ онъ фанфаронилъ, когда вырядился на мои деньги капитаномъ.... Только онъ увидѣлъ Клариссу, только услышалъ ея голосъ, совершенно смѣшался, разбойникъ. Я, разумѣется, плачу этому негодяю дороже нежели весь онъ стѣнть; между-тѣмъ, вообрази! у него уже явилось раскаяніе, что онъ раза два мимоходомъ солгалъ передъ миседи Ловлазъ! Посуди же, что я иногда, подъ совѣстливый чашъ, долженъ чувствовать, когда уже на такого плута такъ дѣйствуетъ одно присутствіе Клариссы! Это рѣшительно невыносимо! Нужно покончить съ этою нецобъднмою красавицей. И откуда у нея берется столько твердости? Неужели она все это почерпаетъ въ совѣтахъ своей пріятельницы, миссъ Гоу? Охъ, эти письма! Вотъ

истинныя мои пріятели! Эти двѣ дѣвушки понимаютъ одна другую на полу-словѣ и вдвоемъ онѣ солнцемъ управать. Но какъ добраться до этихъ писемъ? Напрасно я настраиваю безграмотную Доркесъ, чтобы она вкралась въ довѣренность къ своей госпожѣ: ни на шагъ не подается впередъ. Я приказалъ ей просить у *леди Ловласъ* уроковъ въ чтеніи и письмѣ, чтобы готово было оправданіе на случай, если безграмотную застанутъ за книгой или съ чернилами на пальцахъ, но всѣ эти предосторожности еще ни къ чему не повели: пронизательность и осмотрительность Клариссы съ каждымъ днемъ удваиваются. Самые великолѣпные планы мои она разрушаетъ меньше нежели ничѣмъ. Она день и ночь въ оборонительномъ положеніи; спитъ съ открытыми глазами; трепещетъ, сама не знаетъ, чего, до такой степени, что съ трудомъ согласилась убрать свои дорогія платья въ общій гардеробъ.... Любезная родня выслала ей платья, а денегъ, которая дѣвушка сама сберегла себѣ, нѣтъ. Эти люди доводятъ свою жестокость до безумія. Глупыя, низкія тваря! унижаются изъ-за нѣсколькихъ шиллинговъ! Весь умъ, все благородство этой семьи заключались въ Клариссѣ и вмѣстѣ съ нею изгнаны.

Можетъ-быть, не сегодня, такъ завтра, осторожная Кларисса сама какъ нибудь забудетъ въ карманѣ какое-нибудь письмо своей пріятельницы, — вотъ вся моя надежда, покуда, и чтобы добраться до этихъ тайниковъ, я долженъ былъ запереть чистыя, дѣвственныя одежды Клариссы въ одинъ шкафъ съ тряпками. Вотъ до чего я дошелъ! Мнѣ передъ самимъ собой стыдно, и если бы Кларисса показала мнѣ хоть немножко побольше довѣрія, клянусь! я готовъ былъ бы своеручно поджечь этотъ проклятый домъ, чтобы въ немъ не оставалось слѣда отъ моей обожаемой плѣнницы. Но... если бы ты зналъ, какъ она обращается со мной! Она бонитъ меня даже тогда, когда я преклоняюсь передъ нею до земли; она видитъ во мнѣ только змѣю; между тѣмъ, она повелѣваетъ, я повинуюсь; она царица, я рабъ, и она мои колѣнопреклоненія предпочитаетъ моему сердцу. Если бы еще по крайней мѣрѣ мое обожаніе, мои слезы, мои стоны любви, мои пламенные вздохи достигали своей цѣли, но... при всѣхъ трудахъ, я едва-едва открылъ въ этой строптивой душѣ слабую тѣнь любви. Я чувствую, я увѣренъ, что мнѣ нечего ожидать, нечего надѣяться отъ борьбы природы съ долгомъ въ этой душѣ, доступной только внушеніямъ невинности и чести. Что бы ни говорилъ въ мою пользу природа и любовь, побѣда

оставлетъ за добродѣтелемъ. О, бѣнство! она тутъ, а я стою у ея дверей какъ тумба у воротъ; она моя, а обращается со мною какъ съ ребенкомъ, которому мать подарла новое платье, только запретила надѣвать. Ты вчера говорилъ о ея милостяхъ и угожденіяхъ. Вотъ они, эти угожденія: — Сударыня, угодно вамъ прогуляться съ вашимъ покорнѣйшимъ слугою? — «Да, пожалуй, когда я захочу гулять, и если вы станете ходить медленно, будете смотрѣть на меня ласково и не скажете ни одного досаднаго слова.» Но я еще за счастье считаю такія условія.

Сейчасъ Доркесъ увѣдомила меня, что минута благоприятна, если я хочу подсмотреть одну изъ тайнъ эпистолярной интриги. Миссъ Гарло была одна въ столовой и, написавъ цѣлую страницу, принялась просматривать и считать всѣ свои письма.... Одна изъ этихъ драгоценныхъ записочекъ упала на полъ и осталась незамѣченною. Я бросился.... «Ну, вотъ, наконецъ, поздравьте меня! воскричалъ я: домъ мистриссъ Фричвилъ—нашъ! Мистриссъ Фричвилъ выѣзжаетъ, съ условіемъ, чтобы я оставилъ у себя ея повара, двухъ горничныхъ, двохъ лакеевъ, и купилъ бы все столовое бѣлье, а бѣлье очень хорошее.... Поздравьте же меня!» Въ то же время я хотѣлъ поцѣловать у нея руку и упалъ къ ногамъ, чтобы поднять письмо.... Срамъ на мою голову! я неуклюжѣе, неповоротливѣе послѣдняго матроса на Темзѣ; письмо уже было въ моихъ рукахъ, я уже сжималъ его въ кулакъ, но Кларисса услышала шорохъ, вскричала: «Какъ вамъ не стыдно!» съ великолѣпнымъ жестомъ вырвала письмо, поспѣшно ушла и заперлась въ своей комнатѣ на ключъ.

Ты видишь, я каждую минуту прикасаюсь къ цѣли, только затѣмъ чтобы откатиться дальше прежняго. Нужно испытать другое средство. Бѣдная Кларисса! жаль, но что же дѣлать, надобно снова начать войну. Если ужъ мнѣ суждено проиграть, такъ лучше проиграть сегодня вечеромъ чѣмъ сегодня утромъ.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гову.

Такъ я должна совершенно отказаться отъ помощи моихъ родныхъ, такъ мнѣ придется самой навязаться человѣку очень мало великодушному! Если бы знала ты, какъ трудно мнѣ послѣдовать твоему совѣту! Подумай, однако жъ, если я найду въ себѣ столько силы и отважности, что скажу ему: «Я согласна, женись на мнѣ», и если этотъ человѣкъ опять выдумаетъ предлогъ отложить.... Праведное небо! что будетъ тогда со мной? ■

когда подумаю, что оставленная вѣщи, я должна сдѣлать къ нему первый шагъ, искать случая, бояться не поправиться ему... О, бѣднѣе! Зачѣмъ же не можетъ онъ видѣть слезъ моихъ? Быть не можетъ, онъ тронулся бы.

Сегодня утромъ Ловласъ вышелъ очень рано, и велѣлъ сказать мнѣ, что воротится довольно поздно, если только мнѣ не угодно будетъ обѣдать съ нимъ. Я извинилась, какъ могла, и теперь ужасно боюсь, что это не понравится ему. Мнѣ кажется, что я уже вижу, какъ онъ входитъ ко мнѣ, надменный, съ дерзостью на губахъ. Умоляю тебя, не находи это страннымъ. Поставь себя на мое мѣсто: какъ поступила бы ты съ этимъ непостояннымъ человѣкомъ? Согласилась ли бы ты просить прощенья въ томъ, въ чемъ онъ одинъ виноватъ? или (прощай моя гордость!) сказала ли бы ты первая, жевитесь на мнѣ?... Но вотъ онъ входитъ, голосъ его повелителенъ. Онъ спрашиваетъ у Доркесъ, — такъ громко, чтобы я могла слышать, — можетъ ли барыня принять меня? Ему отвѣчаютъ, что я нездорова; онъ настаиваетъ. Какъ могу я принять его? Глаза мои опухли отъ слезъ; притомъ я чувствую, что не могу быть болѣе покорной.

Вторникъ 16 мая.

Онъ всталъ очень рано. Ночь моя была безпокойна. Когда въ шесть часовъ утра, я отворила мою дверь, Доркесъ пришла сказать, что меня просятъ въ пріемную. Ловласъ былъ тамъ. «Радъ Бога не гнѣвайтесь, сказалъ онъ, и стоитъ ли сердиться цѣлыхъ осемь дней зато, что я хотѣлъ тихонько прочесть письмо миссъ Гоу?» Я молчала. «О! милая Кларисса, продолжалъ онъ: неужели я такъ малаго стѣю въ вашихъ глазахъ?» И что сдѣлалъ я вамъ, что вы такъ дурно обращаетесь со мной?»

Тогда я сказала ему нѣсколько истицъ, сказала, что онъ не достаточно почтителенъ ко мнѣ, что докучаетъ мнѣ, и что онъ понималъ бы, если бы не былъ такъ гордъ, что я обязана съ нимъ быть не болѣе какъ вѣжливою. «Сердце мое такъ устроено, мистеръ, что я не могу переносить вашихъ грубостей, вашего гнѣву и безконечныхъ требованій. По какому праву заставляете вы меня носить ваше имя? Для чего я принуждена жить въ домѣ, который не правится мнѣ? Наконецъ, кто позволялъ вамъ жить подъ одною кровлею со мной?» Вотъ мои слова. Въѣсто отвѣту, Ловласъ бросился къ моимъ ногамъ и просилъ, чтобы я его простила. Онъ снова началъ умолять меня выслушать его и назначить день, котораго онъ такъ пламенно желаетъ. Онъ говорилъ,

что тогда всѣ пренятствія были бы устранены. Въ эту минуту я вспомнила твой послѣдній совѣтъ. Я колебалась, дрожала, щеки мои пылали; ему оставалось только объяснить мое молчаніе, снова заговорить о моихъ отказахъ и самому назначить день, когда должна кончиться борьба. Но онъ безмолвно стоялъ, устремивъ на меня глаза. Благодаря Бога, лицо мое не измѣнилось ниъ, а когда мы разстались, я имѣла по-крайней-мѣрѣ то утѣшеніе, что взяла съ собой мою тайну. На другой день мы опять видѣлись. Онъ тщательно составилъ договоръ, въ которомъ видно было, что онъ совершенно равнодушенъ къ деньгамъ. Въ этой бумагѣ онъ говорилъ, что предоставляетъ мнѣ владѣть моими нѣдвижимъ, и присоединяетъ четыреста фунтовъ стерлинговъ на мои собственные расходы. Его собственные доходы простираются до двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, не считая свадебнаго подарка, который назначаетъ ему его дядя въ графствѣ Эрфордъ. Я могу свободно распоряжаться всѣми деньгами, которыя получила отъ дяди, не давая никому отчету. Наконецъ, онъ желаетъ, чтобы я отъ него получала всѣ платья и вещи. «Все остальное зависить отъ моего рѣшенія». Мнѣ кажется, что послѣ такихъ блестящихъ предложеній, онъ могъ бы назначить и день нашей свадьбы. Но нѣтъ, онъ склонилъ разговоръ къ отъѣзду и заговорилъ о лордѣ М^{***}, который будетъ моимъ посаженнымъ отцемъ. «Какъ пріятно имя отецъ звучитъ въ моихъ ушахъ, сказала я Ловласу, сама природа говоритъ въ этомъ имени. О, какъ молю я Бога, чтобы меня благословили мои родители!» Онъ былъ взволнованъ. Сердце мое сжалось, я думала объ отцѣ, о матери, и тихо плакала. «Не удивляйтесь, сказала я, что воспоминаніе о моихъ родныхъ волнуешь меня и заставляетъ плакать, я еще такъ молода, а вы ужъ такъ много привнесли мнѣ горя». Вѣроятно, голосъ мой тронулъ Ловласа, потому что гордый челоуѣкъ отворотилъ лице, чтобы скрыть свое волненіе; видно было, что онъ жалѣлъ меня. Ахъ! если ужъ должно мнѣ быть его женой, какъ благодарю я Бога, что Ловласъ еще не совсѣмъ безчувственъ. Сердце мое было слишкомъ полно, я не могла продолжать разговоръ. Мы разстались; я ушла — успокоенная, а онъ... Но я думаю только о васъ, мои милые, добрые родители и о тебѣ, дорогой мой другъ. Всѣ-таки, несмотря что Ловласъ не сказалъ еще всего, что долженъ былъ сказать, мнѣ кажется, что я теперь менѣе недовольна и собой и имъ.

Бельфордъ къ Ломасу.

Не хочу больше надобдѣть тебѣ, такъ называемыми тобою проповѣданья, и ты не стоишь, кажется, этого труда. Теперь я вижу, что ты достойный сподвижникъ Джозефа Лемана, и послѣ послѣдняго твоего письма я ужъ больше ничего не ожидаю отъ твоего сердца. Преступленье, которое ты замышляешь въ сообществѣ этихъ недостойныхъ женщинъ, такъ жестоко, что я хочу рѣшиться на послѣднее средство. Вотъ письмо отъ твоего дяди, прочти его, и можетъ-быть съ Божіей помощью, ты устыдишься такого низкаго ремесла, которое влечетъ за собою развратъ и несчастье. Правда, что очень легко рѣшиться на великія предпріятія, когда онѣ намъ ничего не стоятъ.

Лордъ М... къ Бельфорду.

Достойнѣйшій и почтеннѣйшій мистръ Бельфордъ,

«Если негодный племянникъ мой взъ всѣхъ людей живыхъ и мертвыхъ, слушаетъ кого-нибудь, такъ это безъ сомнѣнія васъ однихъ, хотя я очень сомнѣваюсь, чтобъ гордецъ этотъ согласился выслушать васъ; онъ упрямъ, какъ козелъ; тащи осла впередъ, онъ назадъ идетъ; вотъ почему я и обращаюсь къ вамъ, чтобы сказаннаго негодяя, моего племянника и наследника, который приводитъ меня въ отчаяніе, принудили вы воздать наконецъ миссъ Клариссѣ Гарло должное ей уваженіе. Нѣчего сказать, Богъ создавъ ее прекрасно, сдѣлалъ и добродѣтельной; но откладывать не надо, потому что если бѣдвяжка попадетъ въ пламя нашего Робушки, то навѣрно оналитъ свою репутацію; я уже люблю ее совершенно родительскою любовью и она доставитъ честь моему роду, если Ломасъ поступитъ какъ честный человѣкъ. Продавай грушу созрѣвшую, выдавай дочку поспѣвшую; то и другое, знаете, подвергается порчѣ; такъ пусть же онъ баклушъ не бьетъ, жениться, такъ жениться; отзвонилъ и съ колокольни долой, и все же благоразуміе требуетъ ковать желѣзо пока горячо; пора молодцу перебѣдиться и стать человѣкомъ; глухо бросать подъ ноги, что можно положить въ карманъ; что взято, то свято, а «фортуна дѣло такое, что колесомъ вертится: коли поймалъ ее, такъ и держи. Лучше ракъ въ рукѣ, чѣмъ лосось въ плесѣ».

Растолкуйте ему все это покраснорѣчивѣе, а то вѣдь этотъ кутила добру божьему цѣны не знаетъ, а когда я начну толковать ему дѣло умными пословицами, — пословицы, вы знаете, со-

ставляютъ мудрость вѣковъ и народовъ, — онъ мнѣ платитъ, какъ говорится, той же монетой, отвѣчаетъ кучей самыхъ глупыхъ пословицъ, Богъ знаетъ, откуда онѣ у него берутся, словно изъ рукава сыплются. Съ ними не сладить. Но вы таки скажите ему наврямикъ; впрочемъ съ должною учтивостью, что онъ мерзавецъ, что поведеніе его — дѣло не дворянское и не греческое, а чортъ знаетъ что такое, — срамъ и поношеніе! а мнѣ право жаль его, вѣдь онъ мнѣ родной, — яблоко отъ яблони недалеко падаетъ, между нимъ и мной есть какая-то, такъ сказать, снмнатія, и мнѣ не хотѣлось бы умереть не увидавъ около себя нѣсколькихъ крошекъ внучатъ, которымъ бы я могъ раздѣлить заранѣе мои помѣстья и титулы. Да и что онъ выигралъ, продолжая транжирить и бѣсить меня? я какъ-разъ женюсь... мой товарищъ Вичерли женился вѣдь, даромъ что тремя годами старше меня, и нажилъ себѣ наследниковъ отъ своего колѣна. Такъ зачѣмъ же и мнѣ не выкинуть такой же штуки? Въ старой бѣнѣ чортъ водится, говоритъ пословица. Не смотри коню въ зубы, пока конь везетъ. На худой конецъ, одного-то сына и я могу вымолить у Бога. По этой статьѣ много можно бъ было привести пословицъ достовѣрныхъ и испытанныхъ, но я предпочитаю предоставить вашему таланту подробное изъясненіе оной — умнаго учить только портить, на каковой конецъ съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ вмѣю честь вамъ кланяться.

Лордъ М***.

Вотъ, Ловласъ, письмо твоего дяди, добраго и честнаго чело-вѣка, котораго, кажется, можно послушаться. Я совершенно съ нимъ согласенъ; и тѣмъ хуже для тебя, если тебѣ не выносива правда. Чтò выигралъ ты такую жизнью? Бесплодный вѣнецъ, бесплодный скиптръ! Отъ твоихъ ужасныхъ соображеній непарлется какой то паръ, требующій *мести!* Войди въ самого себя, еще есть время, берегись, не влявай неаввистныхъ воспомина-ній въ кубокъ успокоенія, возвратись на путь истины, раская-нія и правосудія; к чему эти бесполезныя шалости? Каждый бываетъ храбръ и сиѣлъ, когда его никто не видитъ. Когда жъ ты наконецъ опомнишься? Стыдись быть достойнымъ сообщикомъ самыхъ низкихъ и развратныхъ шутовъ, готовыхъ на всѣ возможныя мошенничества.

Что жъ намѣренъ ты наконецъ сдѣлать съ этою несчастною дѣвушкой, брошенной въ такой ужасный домъ? съ этимъ божествомъ, достойнымъ самаго великолѣпнаго храма! Ужъ и этого

доказано, что она осталась победительницей твоихъ козней; развѣ это не великое чудо? Она также свѣтла и чиста какъ ангелъ. Божественная красота эта своею невзможною и свискожденіемъ, какъ добродѣтель привлекаетъ къ себѣ сердца. Безъ кокетства, съ женскою чувствительностью и тонкимъ умомъ, она показала такую твердость характера, которая ручается за всю жизнь ея. Какъ осмѣлился ты окверненными столькими преступленіями руками дотрогиваться до такого ангела невзможности? Увы! я очень боюсь, чтобъ добродѣтельная дѣвушка не слишкомъ дорого заплатила за свою неосторожность! Не обманывай ея, пощади ея молодость. Чтобъ овладѣть такимъ существомъ, ты призываешь ложь на помощь, надѣешься на гнусныя интриги, потому что онѣ остаются въ тайнѣ, пристаешь какъ зараза къ этому беззащитному ребенку, и преслѣдуешь ее какъ демонъ! нечего сказать, есть чѣмъ похвастаться! За довѣріе ты хочешь завлечь ея подлостью, за то что она хотѣла быть твоею законною женою, ты платишь ей грубостью? Честный человѣкъ не поступаетъ такъ! О, Ломась! сколько слезъ пролила изъ за тебя эта дѣвушка, что я говорю, дѣвушка? ребенокъ! черта проведенная между дѣтствомъ и юностью!

Я не говорю о себѣ, потому что чувствую уже раскаяніе и стыжусь нашей прежней жизни, но о тебѣ, и какъ у тебя еще есть время поступить какъ слѣдуетъ честному человѣку, то, мнѣ кажется, слѣдовало бы воспѣшить. Бросимъ скорѣе эту постыдную жизнь, и войдемъ съ истиннымъ раскаяніемъ въ кругъ честныхъ людей; это не такъ трудно, какъ кажется, и вѣр мой опытности, гораздо легче исправиться отъ пороковъ чѣмъ скрывать ихъ. Посмотри, куда они довели тебя? Гадкія лица твоихъ красавицъ, покрытыя румянами и бѣлами, нисколько не хуже твоихъ поступковъ, скрытыхъ подъ притворною веселостью и хвастовствомъ. О! не безуміе ли это, не глупее ли самолюбіе стыдиться своего счастья, и просить совѣта у полудюжины мерзавцевъ? Можно ли согласиться на это счастье? Вспомни, какое ожидаетъ тебя блаженство, тишина, спокойствіе, уваженіе, любовь честной женщины, власть отца семейства, жена, дѣти, этотъ драгоценный предметъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, и наконецъ все, что окружаетъ старость, — почести, уваженіе, повиновеніе и дружескій кружокъ. Вспомни, что самая ужасная изъ всѣхъ смертей — смерть молодости; года приближаются, а время страшный, неумолимый, непрощенный гость; не допустишь, чтобъ угрызени совѣсти были его союзникомъ и товарищемъ.

Если ты будешь упорствовать въ своемъ преступленіи, которое сводитъ тебя съ ума отъ пагубной радости, то не надѣйтесь на друзей вашихъ, милостивый государь, они не согласятся на такое низкое сообщничество, нѣтъ стыдно за васъ, слѣдовательно вы можете дѣйствовать одни, или потрудитесь обратиться къ вашимъ достойнымъ товарищамъ, дамамъ и кавалерамъ, домашнимъ друзьямъ мадамъ де-Сенъ-Клеръ. О, какое достойное общество для дворянина, фамилія котораго происходитъ отъ короля Гарольда! Вотъ куда, въ какую пучину завлекла тебя страсть къ пороку.

Ловится къ Бельфорту.

Ты и дядюшка премно умиете писать пословицами, на которыя я могъ бы отвѣтить такими же, только немного по остроумію вашихъ, но мнѣ теперь не до нихъ. Мнѣ кажется однако, что вамъ обоимъ не мѣшало бы быть немного посписходительнѣе къ разгульной жизни. Во всякомъ случаѣ вамъ бы слѣдовало знать, что изъ меня трудно что-нибудь сдѣлать такими декламациями. Чортъ возьми, скажи сдѣлай милость, кто далъ тебѣ право колоть мнѣ глаза твоими жалобами. Прому тебя, припрятъ подальше всю эту мораль, которую ты кладешь мнѣ по зернушку, какъ голубь въ носикъ птенцамъ своимъ, а что касается до побѣдоносныхъ пословицъ моего почтеннѣйшаго дядюшки, то я бы скоро разсудилъ *этотъ порокъ* напыщенный добродѣтелю, и четырьмя пословицами зажалъ бы ротъ этому великому болтуну, который бредитъ потомками съ тѣхъ поръ какъ потерялъ надежду имѣть дѣтей. Я бросаю перчатку, вызываю на бой дядюшку и его готическій пылъ.

Я знаю, что вы будете ко мнѣ снисходительны, и если я хоть немного исправлюсь, то на остальное вы будете смотрѣть сквозь пальцы! Кто бы подумалъ? я еще не началъ раскаиваться, а ужъ усталъ! Ктому жъ, на вашемъ мѣстѣ, я не былъ бы такъ снисходителевъ. Не забудьте вотъ чего, милостивые государь: одинъ изъ самыхъ ученѣйшихъ моралистовъ древности, Варронъ, который былъ въ своемъ родѣ и въ свое время лордомъ М^{***}, очень хорошо сказалъ: «Дурной совѣтъ вредитъ больше совѣтчанку чѣмъ тому кому совѣтуютъ;» такъ для чего жъ забавляетесь вы оба и «разсказываете исторіи глухому?» Мой поэтъ Гораций говаривалъ часто: «Что нельзя все мѣрять на свой аршинъ,» и Гораций былъ правъ. Вы мнѣ оба надобно вашими пословицами, которыхъ ни ты, ни дядюшка не умѣете упо-

треблять, чортъ возьми! мнѣ некогда съ вами спорить, нельзя въ одно и то же время глотать и дуть, и наконецъ к чему всё эти угрозы и проклятія? Олъ-Джилъ говорилъ правду, «что многое можетъ случиться пока несешь кусокъ въ ротъ.»

Право, вѣрно почтеннаго моего дядюшку укусила какая-нибудь бѣшеная собака, что онъ осыпаетъ меня таинми нравственными поученіями. Кочастью, «я самъ умѣю бодаться и за словомъ въ карманъ не полѣзу.» Такъ знайте же, экой вы дядюшка! что не только звѣри, но даже рыбы и птицы живутъ по своему, а человѣкъ и подавно. «Всякой молодецъ на свой образецъ.»

Вы говорите, что храмъ освѣщенъ, налож поставленъ, и все готово къ совершенію брака; женитесь, кто вамъ мѣшаетъ? не-вѣста молода, богата, хороша собой. Какъ вы можете знать, дядюшка, и кто жъ можетъ знать если я самъ ничего не знаю? Надо-быть очень опытнымъ, чтобъ знать хорошо женщину, и если ее разхваляютъ, то надо только въ половину вѣрить.

И такъ съ вашего, или даже и безъ вашего позволенія, я не хочу такъ скоро жениться, хочу подождать.

А! а! любезный дядюшка, вы думаете, что меня стоитъ только занугать вословицами! Но я не изъ трусливаго десятка. Правду говорить, что кто много говоритъ, непремѣнно скажетъ какую-нибудь глупость, оттого вы и запѣли такую глупую пѣсню; положимъ даже, что пѣсня ваша и хороша, но вы поете ее такъ скверно! стыдитесь!

Что же касается до его женитьбы, я не стану мѣшать ему, напротивъ, буду еще ухаживать за молодою тетушкой; но прежде чѣмъ жениться, я совѣтовалъ бы ему поглядѣться въ зеркало, и не расквашаться въ послѣдствіи, потому что я первый захохочу въ лицо и скажу: «какъ счастливы родители, у которыхъ рождаются дѣти черезъ тринадцать мѣсяцевъ!» А! вы хотите войны! да будетъ война! я васъ не боюсь, особенно вашихъ умныхъ пословицъ; только прошу не позволять себѣ впредь такихъ унижительно-хъ для меня выраженій, которыя мнѣ вовсе не нравятся: въ мои года нельзя этого выносить.

Хотя Итальянцы говорятъ: «guardate d'aceto di vino dolce; не гниви добраго человѣка,» я несколько не боюсь вашихъ угрозъ, и совѣтовалъ бы дядюшкѣ надѣть длинный парикъ и притвориться молодымъ; напрасныя старанія! Прозерпина знаетъ его года: «Scit te Proserpina sanum. Женитесь хорошо, а не женитесь еще лучше.»

Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые хладнокровно смот-

рять на дураковъ, и потому совершенно оправдываю дялюшку и тебя Бельфордъ, что вы соединили воедино ваши умы, если только правда что самыя ничтожныя вещи, самыя мелочи приращаются вкупѣ: «concordia res parvae crescunt.»

Будетъ съ насъ поговорка; пусть дялюшка ищетъ себѣ нѣсть, а мы возвратимся къ нашему дѣлу; но прежде я хочу сказать тебѣ, что ты сдѣлался невыносимъ со своимъ правоученіемъ. Спрашиваю тебя, какое удовольствіе или какую выгоду можетъ извлечь ледяная твоя нравственность, видѣть невинное имя Кларисы и порочное имя Роберта любовно связанныя на одномъ и томъ же листѣ пергамента? Притомъ, къ чему это истеричье, неспѣшность распутывать нитокъ моихъ заблужденій? Еще одинъ вопросъ: можно ли давать одному и тому же человѣку столько работы: влюбиться, жеваться и раскаться, и все это за одинъ разъ? Это все равно какъ бы ты меня заставилъ протанцовать въ одно и тоже время шотландскій танецъ, менуеть и сарабанду! Фу! стыдись, Бельфордъ! Чѣмъ огорчать меня, ты бы гораздо лучше сдѣлалъ, еслибъ почище вымылъ мою печеньку, такъ чтобъ на ней не осталось ни малѣйшаго пятнышка любви.

Потолкуемъ теперь о серьезномъ: напрасно доказываете вы мнѣ по своему, какъ необходимо увѣнчать тело мое вѣнкомъ Гименя, но, я знаю тебя, прекрасная маска, и знаю, также хорошо какъ ты, что слово *демонстрація* происходитъ отъ демона, прародителя лукавства и притворства. Ну, еслибъ вы женили еще такого человѣка какъ я, въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, подъ тѣнью деревъ, то можно еще на это согласиться! но ты и дялюшка хотите соединить меня съ миссъ Гармо какъ соединяютъ ставни, и не думаютъ о томъ, что онѣ не ехоятся, потому что одна сдѣлана изъ здороваго, а другая изъ сухаго дерева. Неужели вы еще долго будете преслѣдовать меня все тѣмъ же прихвтомъ: «Когда жъ намѣрены вы идти подъ вѣнецъ, графъ Клодіо»? Не надеждаетъ вамъ это, наставники мои? Потемъ прибавите басомъ: — Подумай о будущности, объ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ тебя, о всеобщемъ уваженіи! Какъ же! какъ же, любезные мои Бельфорды! Какъ и въ самомъ дѣлѣ не подумать объ этомъ? Но не смотря на все это, я предпочитаю всеобщее презрѣніе и собственное самодовольство притворству и ханжеству, потому что не хочу быть низкимъ лицомъ. Вотъ мое мнѣніе, и мнѣ кажется что человѣку моего званія, такой знатной фамиліи и пока у него есть еще шпага, вѣчего бояться, особенно когда у него есть руки, ноги, глаза, и главное умная

голова и судякъ, который всегда бываетъ положъ, потому что я равно научился беречься дуновения заботъ. Ахъ! вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ пресмишное создавье! У меня престрашная фантазія, и такія желанія, которыя ни кому не прійдутъ въ голову. Напримеръ, я смотрѣлъ недавно на кустъ самыхъ лучшихъ весеннихъ розъ, и увидѣлъ, какъ красивый, разноцвѣтный червячекъ, переходя отъ одного цвѣтка къ другому, пожиралъ ихъ съ нѣмною радостью, потому пробирался между шипами, старался достигнуть до только что распускавшагося бутона.... «Хорошо! сказала я самъ себѣ, лучше быть червякомъ чѣмъ розой!» Я хоту передѣлать этотъ аполонъ въ стихи и посвятить будущимъ дѣтямъ любезнаго моего дядюшки. Не понимаю, какъ могли вы думать, что мыльные пузыри вашей философіи, или бумажные шары, которые летѣли въ меня изъ уша вашего, могли остановить такого какъ я человѣка и загородить ему путь, который прельщаетъ его?

Жребій брошенъ, чему быть, тому не мновать, мнѣ не надо вашихъ проповѣдей, и я переломалъ уже ноги ходя по пяткамъ вашимъ добродѣтелямъ. «Да случится же событіе, какъ предвѣщало о томъ прощавье!»

Что до меня касается, я съ своей стороны сдѣлалъ тоже маленькіе успѣхи. Сегодня утромъ я разговаривалъ съ этими снисходительными дамами, и красавица моя подслушала этотъ разговоръ, который оправдалъ меня, что я не тороплюсь свадьбою. Я былъ увѣренъ, что она насъ подслушивала; я сдѣлалъ знакъ мнѣ сообщницамъ; это значило «держите хорошенько удочки! она сейчасъ попадетъ на крючокъ!... поналась! наша!»

— Какъ жаль, сказала я самымъ натуральнымъ голосомъ, какъ будто отвѣчая миссъ Салли, что мистриссъ Фричуйль сдѣлалась больна, и такъ неожиданно что у меня нѣтъ еще приличнаго дома, чтобъ принять тетюшку мою леди Лоренсъ и кухню миссъ Монтегю! Какое несчастье, что дядюшка тоже захворалъ!... сказала я и въ тоже время сталъ хвалить леди Ловласъ, и разназывать внимательной миссъ Мертинъ уваженіе, нѣжность, любовь, которую я питаю къ женѣ моей, и которая довольствуется такъ малымъ, и какъ мнѣ больно, что она такъ холодно отвѣчаетъ на мою законную привязанность. Но какъ быть? Я прихожу въ бѣшенство, а долженъ покоряться.» Еслибъ по крайней мѣрѣ она была ко мнѣ хотя немного благосклонна! говорилъ я этимъ господамъ, которыя слушали меня разиня ротъ, еслибъ, хоть для того только чтобъ доказать мнѣ свое довѣріе, она согласилась въ субботу

ѣхать со мною въ театр! но нѣтъ, она такъ горда, что не согласится съ вами любезная миссъ Мертинъ, и вами, добрая миссъ Полли, показаться въ публикѣ!» Услыхавъ это, нимфы мои вскричали: «Странно! такая молодая женщина и которая, по-видимому, привязана къ вамъ, мистръ Ловласъ!» — Я бы съ удовольствіемъ поѣхала съ леди Ловласъ, сказала Полли, но не могу, потому что въ будущую субботу должна исполнить нѣкоторыя обязанности.... (какія странныя обязанности, Бельфордъ!) «Если будутъ играть, сказала Салли, *Спасенную Венецію*, то не считайте на меня, графъ, я зальюсь слезами.» Мы разговаривали о томъ о семъ, пока не дошли наконецъ (чтобъ предупредить всѣ сопротнвленія) до опасностей, которымъ подвергалась моя красавица. «Я увѣренъ, сказалъ я, понизивъ голосъ, что насъ вездѣ ищутъ; особенно, остерегайтесь одного человѣка; вотъ вамъ его описаніе: смуглое, матросское, несовершенное оспую лицо, смотреть изъ подлюбы, неуклюже сложенъ, висячія брови, ротъ до ушей, вырѣзанныя губы, такъ что всѣ десны видны; съ ножомъ, который не входитъ въ ножны, въ коричневой фуражкѣ, въ платкѣ, скрученномъ веревкой вокругъ шеи и съ огромной дубиной; если паутъ этотъ прійдетъ сюда, то ни слова о леди Ловласъ!» Можешь представить себѣ ужасъ мадамъ де Сенъ Клеръ и ея племянницъ. Сенъ-Клеръ дотого испугалась, что я принужденъ былъ дать ей толчокъ, чтобъ убѣдить, не предаваться такимъ восклицаніямъ! Интересная вдова мигнула мнѣ, что понимаетъ. «Клянусь! вскричалъ я: если бъ отцу или брату вздумалось похитить у меня леди Ловласъ, то я скорѣе убилъ бы ихъ чѣмъ отдалъ хотя одну волосъ съ головы ея!...» Сказавъ это, я заговорилъ обыкновеннымъ голосомъ; такимъ образомъ я далъ о себѣ такое лестное мнѣніе любопытной красавицѣ, что никогда она не была ко мнѣ такъ благосклонна какъ въ этотъ день, и, минутой спустя послѣ этого разговору, прислала за мною; даже позволила оставаться ужинать и охотно давала цѣловать прекрасныя свои руки, а ты самъ знаешь, какъ хороши онѣ, потому что я нѣсколько разъ замѣчалъ, ты восхищался ими, какъ совершенствомъ природы; отъ руки я хотѣлъ подняться до щеки..... а можетъ-быть и до губъ; но тутъ я долженъ былъ остановиться. Она оттолкнула меня; однако не очень разсердилась. Какая воля! въ какомъ отдаленіи держитъ она меня! Напрасно говорятъ, что женщина, коль-скоро выслушиваетъ нѣжности, находится въ опасности; эта же оградила себя самую мою страстью. Она такъ одѣвается, что наши древнія пуританки не имѣли ни какого понятія о подоб-

ной стратегіи, и я не знаю ни одной квакерши, которая держала бы себя въ такихъ неумолимыхъ предѣлахъ скромности. Четвергъ, этотъ прелестный день пролетѣлъ какъ сонъ: мы говорили свободно о нашемъ свадебномъ контрактѣ, о дядѣ, о нашемъ домѣ, и Кларисса охотно предавалась этимъ мечтамъ. Я заговорилъ о театрѣ, куда надѣялся съ нею ѣхать, и, какъ предвидѣлъ, она стала отказываться, находить затрудненія, но безъ гнѣва, — такъ она боялась огорчить меня! «Тамъ такъ жарко, говорила она: кому жъ, развѣ вы не бонтесь брата?» У меня на все былъ готовый отвѣтъ, и я ожидалъ съ покорностью согласія, въ которомъ мнѣ такъ мило отказывали. Еще одинъ день слишкомъ невнятнаго, но истиннаго счастья! Право, на какого это Гикмена я нашолъ, чтобъ находить столько радости въ терпѣніи?

Напоонецъ, замучивъ меня разными вопросами, она согласилась ѣхать въ театръ. Но она не можетъ, не хочетъ ѣхать одна: одна со мною, какой скандалъ! Тогда она обратилась къ миссъ Мертниъ и просила ее своимъ звучнымъ голосомъ, ѣхать съ нами; пожелавши немного, миссъ Мертниъ согласилась. Ты знаешь, что Салли умная дѣвушка, которая предпочитаетъ обожаніе любви, и которая больше гордится обожателями, чѣмъ хорошей репутаціей. У нея прекрасное лицо, благородный видъ и на все она очень охотно соглашается; она обладаетъ, какъ всѣ женщины, великимъ даромъ придавать себѣ нѣкоторый родъ ума; это ей ничего не стоитъ, а между-тѣмъ приноситъ большую пользу; она сохранила нѣкоторую пристойность, которая приноситъ ей главный доходъ съ ея капитала, потому что она уже давно положила честь свою въ ростъ на проценты. Къ моему и къ Клариссину несчастью, исторія Салли, какъ и она сама, всѣмъ известна, и потому я долженъ былъ принять ораторскія мѣры. «Сдѣлай милость, сказалъ я ей, не вертись во всѣ стороны и не гляди на зрителей, а гляди какъ можно внимательнѣе на сцену, и если невзначай ты увидишь какое нибудь фантастическое или знаковое лицо, то, хотя мнѣ и жаль тебя, милая Салли, я попрошу тебя закрыться вѣеромъ или платкомъ.» Въ то же время растолковалъ этой хохотунѣ въ чемъ состоитъ красота и недостатокъ трагедіи *Спасенной Венеціи*, мѣсто, гдѣ слѣдовало краснѣть или плакать. Плутовка эта поняла меня какъ нельзя лучше: она краснѣла, плакала, перегибалась при двусмысленностяхъ, и закрывала лицо руками. «Клянусь честью, мистръ Ловласъ....» го-

ворила она. — «Твоею честию, Салли? этого слишком мало, не кланись, а слушай меня!» И взявшись за руки мы прошли всю пьесу. Другъ нашъ, Цацеронъ, называетъ это: *ambiguis exactatio*, повтореніе въ тѣни. Увѣрю тебя, что повторенія эти имѣютъ свою прелесть.... и свою опасность. Во-первыхъ, я требую отъ васъ, жеманная миссъ Мертинъ, много и учтиваго обхожденія; смотрите, не вздумайте надѣть какого-нибудь пера, чего мнѣ будетъ совѣстно показаться въ публикѣ съ такими струсоми, который машетъ крыломъ по воздуху; одѣйтесь какъ были одѣты третьяго дня, то есть какъ можно скромнѣе, и на этотъ разъ, сдѣлайте милость, откажитесь отъ всякихъ вычурныхъ нарядовъ, которыми можетъ позавидовать сама Юнона. Устройте однако такъ, чтобъ мы не посѣли къ началу пьесы; помните, что лента у васъ не такъ приколата, или булавка выскочена; и предупреждаю васъ напередъ, потому что вы въ тѣхъ женщинахъ, которымъ не заставляютъ себя ждать. Берегитесь, держите себя осторожно глядя на *Спасенную Венецію*, которая можетъ всехъ насъ погубить; мы выбрали твореніе, которое трудно переворачивается, и есть ничто иное какъ мнѳологическая трагедія. Особенно, я боюсь первой сцены; потому что тутъ говорится о какомъ-то дуракъ-отцѣ, дочь котораго похитилъ бандитъ Джеовъръ. «Вы похитили ее у меня какъ воръ», говоритъ отецъ, что не совсѣмъ пріятно слышать. «Дай Богъ! чтобъ радости, которыми она васъ осыпаетъ, обманули васъ также какъ и меня!» прибавляетъ несчастный этотъ отецъ; тутъ не видать большого милосердія, да что въ немъ проку? Я вотъ чего боюсь, чтобъ миссъ Кларисса не примѣнила къ себѣ этихъ оскорбительныхъ словъ, хотя онѣ вовсе не согласуются съ ея положеніемъ, потому что вы сами знаете, миссъ Салли, до-сихъ-поръ мнѣ нельзя похвалять радостями, которыми она мнѣ осыпала. «Да будетъ порокъ вашимъ удѣломъ!» кричитъ разсерженный этотъ добрякъ, и прибавляетъ еще другія проклятія, очень пріличныя для пролога нашей трагедіи, и очень забавныя въ своемъ родѣ, но онѣ могутъ испугать миссъ Клариссу. Слѣдственно, благоразуміе требуетъ чтобъ мы пріѣхали именно въ ту минуту, когда упрямый этотъ старикъ кончитъ свою рачею противъ дочерей, позволяющихъ увозить себя; на нашъ паѣ намъ тоже досталось, красавицѣ моей и мнѣ, нѣсколько милыхъ родительскихъ проклятіи, о которыхъ, право, не стоитъ вспоминать, даже хотъ для того чтобъ повеселиться; гораздо пріятнѣе слышать какой-нибудь влюбленный монологъ, какъ, напримѣръ, вотъ этотъ, когда любезная

Джефрирн избѣгаетъ на сцену съ ребенкомъ и, увидавъ *Ловласа*, отца этого ребенка, восклицаетъ самымъ восклицательнымъ голосомъ: «Возлюбленный, единственное мое приближенце, какъ я рада, что снова вижу черты твои! Дай мнѣ вспомнить первое время нашей встрѣчи, воспреси мою измученную душу, обними меня!» или что-нибудь въ такомъ же родѣ. Въ эту минуту посмотрѣвъ неколькѣ на жену мою, какъ-будто хочешь этимъ сказать: «Вотъ какъ надо думать, говорить и дѣйствовать, а не играть какъ вы, миссъ Гарло!» Попадъ этого монолога Джефрирн восклицаетъ: «О! возлюбленная, обожаемая моя Бельведера! природа создала женщину для улаженія человеческого сердца. Вы ангелы, бросенныя на пути нашемъ, взысланные вынести насъ изъ тьмы на свѣтъ Божій! Вы наше видимое небо; радость, блескъ, вѣтвое блаженство, нескончаемая любовь!» Ты понимаешь, дитя мое, что если актеръ будетъ хоть немножко въ духѣ, и не *станетъ играть отой страсти какъ стараго бѣлья*, какъ говоритъ Гамлетъ, то вѣжливы эти слова найдутъ сочувствіе въ сердцѣ леди Ловласъ. Я между-тѣмъ пользуюсь страстными восторгамъ актера: сюда сзади моей прекрасной сесѣдки, такъ однако, чтобъ я могъ смотрѣть на эту блестящую красоту, я пытаюсь цѣловать ея руки, а какъ знать? можетъ-быть и плечо моей прекрасной подружки; ты же въ это время смотри какъ можно внимательнѣе на сцену; выстави голову и оборотись ко мнѣ плечомъ, такъ, чтобъ ты могла служить мнѣ стѣною. Ну да, стѣною, да еще китайскою, бѣлою, матовою, фарфоровою стѣною, которая защититъ меня отъ гнѣва безчеловѣчной моей красавицы, потому что и я тоже, дитя мое, могу сказать вѣстѣ съ Джефриромъ: «Какъ несчастный купецъ, ладья котораго течетъ со всѣхъ сторонъ и, къ-несчастью, причалая еще къ незнакомому берегу, а въ ней заключается все мое сокровище!»

Такимъ образомъ я прошелъ всю эту трагедію Отвадъ, въ которую надѣялся вести миссъ Кларксеу. Салли, со вниманіемъ, походившимъ на уваженіе, слушала мои верховныя повелѣнія, потому въ сильномъ порывѣ восторга представила мнѣ свой лобъ.

Я сказалъ Салли, что если сцена вѣшная—она должна плакать, если ужасная—ужасаться, смѣшная—смѣяться, и такъ далѣе.

«Я же съ своей стороны, увлеченный безумною вѣжностью, плещу о несчастной Бельведерѣ, которая слодитъ съ ума отъ любви и горя.

Вотъ, Вольфордъ, наставленія, которыя я далъ миссъ Мертинъ, нашему бывшему куширу; кажется я ничего не забылъ,

и безъ хвастовства сказать, я ожидаю хорошихъ послѣдствій отъ этого вечера. Развѣ можно найти удобнѣе этого случая, чтобъ выказать всѣ наши умственные и сердечныя качества?

Наконецъ, когда миссъ Кларисса увидитъ, что я и Салли такъ охотно плачемъ, то узнаетъ какъ мы чувствительны и перестанетъ насъ бояться, а можетъ быть и совсѣмъ забудетъ свою обыкновенную осторожность. Во всякомъ случаѣ, проведя вечеръ этотъ въ театрѣ, мы выходимъ изъ обыкновеннаго круга нашихъ привычекъ, и наконецъ красавица изъ всѣхъ красавицъ, и умница изъ всѣхъ умницъ, садится рядомъ, при всей публикѣ съ миссъ Салли и Ловласомъ, которые пользуются не совсѣмъ хорошою репутаціею. По сколькой драматической дорогѣ идешь скоро и далеко, и незамѣтно набираешься дурныхъ страстей, особенно когда кто не привыкъ къ искрѣ электрическаго потрясенія, и когда вѣрить еще собственному сердцу. Какъ знать? Пока миссъ Гарло въ порывѣ снисхожденія, можетъ-быть она и не откажется отъ маленькаго ужина въ компаніи интересной миссъ Мертинъ?

— Вотъ что восхищаетъ меня: пока мы будемъ въ театрѣ, ловкая и расторопная Доркезъ, отворить всѣ ящики, пересмотритъ всѣ тайны, и отыщетъ можетъ быть, чтò мѣшаетъ этому сердцу сказать: Сезамъ, отворись!

Миссъ Гбу къ миссъ Клариссѣ.

Мнѣ кажется, мой ангелъ, что наконецъ благодѣтельный лучъ солнца блеснулъ для тебя. Твое послѣднее письмо гораздо спокойнѣе, а изъ предложеній твоего тирана видно по-крайней-мѣрѣ, что у него безкорыстное сердце. Впрочемъ, я никогда не думала, что онъ преслѣдуетъ тебя изъ-за денегъ; такого роду люди считаютъ безкорыстіе честию порядочнаго человѣка. Тотъ, который безукоризненно разрушить спокойствіе сердца и весело внести въ домъ друга трауръ, почтетъ безчестіемъ воспользо-ваться одною денежкой. Слава Богу, наконецъ контрактъ твой составленъ; только не придирайся слишкомъ къ статьямъ, не поступи какъ Гикменъ, который тотъ же часъ сказалъ мнѣ съ подъяльскимъ видомъ, «надо посмотреть миссъ, должно изслѣдовать этотъ контрактъ, взвѣсить каждую статью.» На что миссъ отвѣчала. «Вы ужасно надѣли мнѣ, мистръ Гикменъ.» И я пошла въ свою комнату писать тебѣ, сначала о моей радости, потомъ о моихъ благоразуміи, потому-что съ такимъ страннымъ

человѣкомъ должно все предвидѣть. Зная, что ты одна въ этомъ Вавилонѣ, я предвидѣла, что настанетъ минута, въ которую, быть можетъ, тебѣ необходимо будетъ бѣжать, и потому нашла готовую къ твоимъ услугамъ толстую контрабандистку, Фанни Тоунсендъ, которая составила состояніе нарушеніемъ таможенныхъ правъ. Она тайкомъ продаетъ мнѣ за безцѣнокъ индѣйскіе шерсти, брусельскіе кружева и ліонскія шелковыя матеріи. Эта женщина услужлива, вѣрна и преданна, и вѣчно странствуетъ. Ты легко можешь найти ее, потому-что она имѣетъ лавку въ Дет-фордѣ. Если тебѣ нужна будетъ помощь, прійди и постучись въ дверь этой лавки; тебѣ при первомъ словѣ отворятъ; но если помощи этой женщины будетъ недостаточно, она призоветъ своихъ братьевъ, шкиперовъ купеческихъ судовъ, и они переломаютъ кости твоему тирану, въ ожиданіи лучшаго, на примѣръ висѣлицы, потому-что, исключая убійства и воровства, я его считаю способнымъ на все, пока не убѣдусь въ противномъ.

Ободришься, милая; можетъ случиться, что тебѣ понадобятся нотаріусъ и пасторъ, а мистрисъ Таунсендъ для свадебнаго наряда. Какъ ты сегодня въ веселомъ распоряженіи духа, то я хочу рассказать тебѣ премное приключеніе съ твоимъ дядей Гарло. Я ужъ говорила тебѣ, что онъ очень ухаживаетъ за моею матерью и желаетъ сдѣлать изъ нея подбой для своего сундука. Прошлый разъ онъ пришелъ къ намъ великолѣпно разодѣтый, и вздыхая сказалъ моеи матери: «Миледи, я рѣшился было никогда не жениться, но проступокъ племянницы перемѣнилъ мое намѣреніе; я пришелъ предложить вамъ мое богатство и мою руку. Я богатъ, вы также имѣете хорошее состояніе, женитесь, и будемъ вмѣстѣ сберегать наши деньги; вѣдь это величайшее благо на землѣ. Я не имѣю дѣтей; немного найдется молодыхъ людей, которые могутъ сказать это. Вы, къ несчастію, имѣете дочь, но выдавъ ее поскорѣй и повыгоднѣй замужъ, вы также не будете имѣть дѣтей. Если умру первый, я вамъ оставляю имѣніе, которое приноситъ двѣ тысячи гиней доходу; если же вы прежде оставите свѣтъ, то откажете мнѣ столько же, или какъ вы вздумаете. Въ бурный вечеръ, мы будемъ тихо сидѣть у огонька и я буду рассказывать вамъ о моихъ путешествіяхъ. Въ ясную погоду я буду кататься верхомъ, потомъ ворочусь съ вами обѣдать. И такъ пройдетъ наша жизнь.» Вотъ что называется любезничать, милая Кларисса. Выслушавъ это предложеніе, бѣдная мать моя была очень довольна, но вмѣстѣ съ

тѣмъ и очень несчастна. Какъ принять предложеніе? но какъ же и отказать человѣку, который общается столько гиней, исторій и чистаго доходу? Особенно, какъ заставить молчать злую, на-смѣшливую дѣвушку, которая осматриваетъ мистра Антони съ головы до ногъ? Мать моя тѣмъ больше была смущена, что я ей нисколько не помогала высказать ея чувства. Она колебалась и трепетала, какъ-будто бы передъ ней стоялъ молодой чело-вѣкъ, который въ первый разъ клянется въ любви. Однакожъ, наконецъ маменька рѣшилась: она сказала своему шестидесяти-лѣтнему обожателю, чтобы онъ спряталъ свое золото въ сун-дукъ, и что замужество, даже съ достойнымъ сосѣдомъ, наводитъ на нее страхъ. И такъ по-крайней-мѣрѣ на этотъ разъ я не бо-юсь сдѣлаться твоею кузиной.

=

КЛАРИССА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

Ловласъ къ Бельфорду.

Воскресенье 21 мая.

Ну, ужъ на этотъ разъ дай мнѣ свободу вполне предаться моему гнѣву и ненависти. Все кипитъ, все дрожитъ во мнѣ! Да будемъ мы прокляты, — мы, которые овладѣваемъ безумными этими существами, а желаніями ихъ никогда. Какую пищу даетъ это открытіе моей ненависти! Да, я ненавижу ее, и ты самъ увидишь, что я имѣю право на это. Я давно думалъ про себя, что не можетъ быть, чтобъ такая прелестная дѣвушка, во всемъ цвѣтѣ молодости, съ такими огненными глазами, невиннымъ сердцемъ и волнуемая моею любовью, могла смѣяться *даже до дерзости надъ властью мужчины* и защищаться противъ столькихъ нападеній и опасностей, не призывая на помощь какой-нибудь черной или бѣлой магіи, какого-нибудь демона, который бы ей указывалъ бѣсовскимъ жестомъ на всѣ окружающія ее опасности. Я знаю, что красавицу эту защищаетъ добродѣтель и честная, благородная ея душа, недоступная страху! Я прощалъ ей это великодушию, потому что твердость духа есть одна изъ главныхъ ея добродѣтелей. Ктому жъ я надѣялся, что

Т. LXXXVIII. — Отд. II.

бой будетъ равный! Но за нею стоитъ этотъ маленький, злобный демонъ миссъ Анна Гоу, которая мало того что внушаетъ ей самыя строгія правила, но даетъ еще самыя коварныя противъ меня совѣты. «О! восклицаетъ она на каждомъ шагу: благородная и добродѣтельная дѣвушка не можетъ безъ руки располагать своимъ сердцемъ.» Вотъ въ чемъ состоятъ ея, рѣчи, приправленные достоинствомъ, добродѣтелью и такъ далѣе, а между тѣмъ жизнь Ловласа проходитъ въ ожиданіяхъ и лишеніяхъ.

Бралихи эти, какъ матаморы сабельными ударами, осыпаютъ Ловласа эпиграммами; но погодите, мои амурчики, я заплачу вамъ за это. Развѣ вѣтренницы эти, которыя забавляются надо мною и рвутъ по клочкамъ мои надежды, забыли, что онѣ могутъ остаться въ старыхъ дѣвкахъ. Я вижу, что ты хочешь вырвать ее изъ когтей моихъ; но прошу тебя, Бельфордъ, не говори мнѣ *нѣтъ*, потому что къ великому моему удивленію, глаза мои прочли эти ужасныя слова, которыя слѣдовало бы *промычать по воздуху*; у меня есть подробная и вѣрная копія четкаго и красиваго почерка рѣзвой миссъ Доркесъ; вѣдь это Доркесъ наша, пока мы были въ театрѣ, и я совершенно ошеломленъ такимъ коварствомъ! Тутъ дѣло идетъ не болѣе и не менѣе какъ просить покровительства капитана контрабандистовъ *переломать мнѣ кости* и привязать къ висѣлицѣ! Все эти письма исполнены негодованія и угрозъ; эта миссъ Гоу не жепщица, а просто бой-дѣва. Я у нея на каждомъ шагу *блженный, сумасшедшій, гадкое пресмыкающееся*, она считала бы за величайшее несчастье, еслибъ ей пришлось принять какое-нибудь *одоженье отъ такого безчестнаго челоуѣка!* Чтѣ сказать тебѣ? Болтушки эти берегутъ меня на подставу какъ вещь, которая можетъ еще пригодиться. Но вы ошибались, мои милашки, я не намѣренъ служить вамъ забавою; мнѣ не нужна ни ваша благодарность, ни ваше чванство! Ахъ! голова моя кружится, а между-тѣмъ я слышу хохотъ несносныхъ этихъ шутихъ Полли, Доркесъ и Мертинъ, изъ которыхъ, въ ожиданіи лучшаго, я сдѣлалъ себѣ тройной философскій камень; еслибъ ты зналъ какъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ ихъ нестерпимый смѣхъ, присутствіе и разговоры! Онѣ дразнятъ меня взглядами, подстрекають мое самолюбіе и преслѣдуютъ насмѣшками, которыя колятъ мою гордость какъ ядовитое жало змѣи.

— У васъ одинъ недостатокъ, мистръ Ловласъ, вскричала Доркесъ, утомленная ремесломъ добродѣтельной субретки: это ваша любовь къ леди Клариссѣ. Еслибъ вы знали, какъ вы хороши

тогда бываете, князь безличныхъ философовъ, когда смотрите на вашу красавицу!

Въ то же время Полли, въ таяющемъ огненнаго цвѣту платьѣ, приложивъ мнѣ палецъ ко лбу и склонивъ голову, такъ чтобъ волосы ея коснулись лица моего, сказала: «Зажми уши, не прислушивайся къ шороху платья и шуму башмака, не предавай сердца твоего женщины! Не подходи къ запрещеннымъ мѣстамъ, не дотрогивайся до манжетъ и до руки замодавцевъ, и берись злаго духа!»

Салли, въ свою очередь, зашнурованная и сжатая какъ крысы въ мышеловкѣ, принимаетъ на себя свой обыкновенный буколическій, влюбленный видъ, и дыша злобою и пропіею, говоритъ: «Ну, любезнѣйшій мистръ Тучстонъ, какъ вамъ нравится эта пастьшеская жизнь?» Потомъ, дѣлая мнѣ низкій реверансъ и пересдразнивая своимъ голосомъ, сладкимъ какъ медъ съ горы Икль, мой голосъ, когда я бываю не въ духѣ, говоритъ: «Какъ я люблю тихую и скромную эту жизнь, прекрасная моя Филиса!» Шутихи! Разумѣется, я благодаренъ имъ за компанію, но компанія эта убиваетъ меня. Онѣ осаждаютъ меня взглядами, остротами, улыбками, значительнымъ молчаніемъ и всѣмъ, чѣмъ только могутъ, такъ, что самые ядовитые муравьи не кусаютъ больше этихъ тварей.

Когда я бываю грустенъ, онѣ смѣются, а когда я веселъ, онѣ дуются и вздыхаютъ.

Полли беретъ меня за руку и говоритъ: «Какія у васъ хорошенькія, свѣженькія ручки! Судя по нимъ, можно подумать, милордъ, что у васъ самое доброе сердце, что вы человѣкъ открытый и такого мягкаго характера какъ молодой лебяжій пухъ.»

Бѣшеная Салли въ свою очередь приступаетъ ко мнѣ, и если замѣчаетъ, что я хочу быть одинъ съ Клариссой, говоритъ мнѣ шепотомъ:

— Надѣюсь, съ вашего позволенія, что вы до-тѣхъ-поръ не будете оставаться одинъ, пока бракъ не сдѣлаетъ изъ вашихъ двухъ особъ одну особу!

Откуда эти черти берутъ такую утонченную злость? Еслибъ дядюшка слышалъ все, что онѣ мнѣ говорятъ, то вѣрно бы борода его посѣдѣла отъ удивленія! Особенно Полли, въ качествѣ распавшейся добродѣтели, упрекаетъ меня, будто я пользуюсь ея снисхожденіемъ съ-тѣхъ-поръ какъ не думаю о немъ.

— Ты мнѣ надѣлалъ много вреда, говоритъ она: прежде, пока я не встрѣчалась съ тобою, я совершенно ничего не знала, а

теперь, если сказать истинную правду, я рѣшительно никуда не похужу!

Что же касается до Сель-Клеръ, она считаетъ по старымъ своимъ пальцамъ все потерянное время съ-тѣхъ-поръ какъ солнце мое позволило этимъ печнымъ облакамъ скрыть свою блестящую красоту. Следственно, дѣло идетъ о чести и выгодахъ почтенной вдовушки, которую ужасно жемануетъ строгая добродѣтель нашей прекрасной плѣшницы. Понимаешь ты теперь, какая раздражается здѣсь гроза, когда расходятся всѣ эти низкія души! Только одна миссъ Кларисса остается тихою, спокойною, величественною среди всѣхъ этихъ бурныхъ страстей. Она тверда, непроницаема, не удостоиваетъ даже произнести жалобу или изъявить желаніе; однимъ словомъ, она дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы была полная распорядительница своихъ дѣйствій. Но какъ я не чувствую въ себѣ призванія къ такой добродѣтели какъ терпѣніе, то не хочу долѣе переносить такихъ капризовъ.

Я говорилъ тебѣ какимъ образомъ я приготовилъ вчерашнее мое торжество; все, что я предвидѣлъ, сбылось; но какъ мы далеко еще были отъ той драмы, про которую говорятъ графъ де-Русильонъ и которая съ земными актерами производитъ небесный эффектъ, то наша трагедія и умѣнье держать себя имѣлъ самый блестящій успѣхъ; о небесномъ же эффектѣ, ни слова. А между-тѣмъ Салли такъ покрасѣла, что сдѣлала бы честь самой опытной вдовѣ или самой неопытной дѣвушкѣ; я невольно плакалъ, скрывая слезы мои при самыхъ патетическихъ мѣстахъ. Прелестная Кларисса слушала душою и ушами эту интересную драму; даже въ молчаніи ея было что-то такое умное, проникательное, вѣжное! О! какъ мнѣ хотѣлось продлить для нея эту минуту тишины и спокойствія! потому что меня ничто въ мирѣ такъ не радуешь какъ радость этого ребенка.

Когда трагедія кончилась и пока Кларисса утирала слезы, я вздумалъ рассказать ей (чтобъ заставить ее забыть время, потому что было уже очень поздно и чтобъ она согласилась остаться съ нами ужинать) исторію Отви, автора «Спасенной Венеціи». Разумѣется, я сталъ вздыхать и оплакивать несчастія такого героя умершаго съ голоду въ кварталѣ Лондонской Башни, куда онъ скрылся отъ должниковъ и ростовщиковъ.

Еслибъ ты видѣлъ съ каинимъ участіемъ, съ каинимъ вниманіемъ Кларисса слушала мой рассказъ; въ глазахъ ея выражались жалость, удивленіе, а грудь колыхалась отъ негодованія.

Милое и благородное существо! сердце ея — неисчерпаемый источник доброты и благотворительности. Благословляю тебя, быстрокрылая добродѣтель! отъ полета твоего я съ ума схожу съ радости и гордости. Когда я рассказывалъ ей ужасную судьбу великаго поэта, она невольно схватилась за свой карманъ, а взоръ ея былъ такъ грустенъ! Глядя на нее можно было подумать, что великій этотъ гений стоитъ передъ ея глазами, протягиваетъ руку и проситъ подавнїя, именемъ столькихъ прекрасныхъ твореній, выстрадавшихъ посреди голоду и холоду. Если хочешь видѣть ее во всей идеальной красотѣ, надо смотрѣть на нее въ тѣ минуты когда она бываетъ одушевлена какимъ-нибудь высокимъ чувствомъ! Однако горе, горе мнѣ, несчастному! который хотѣлъ воспользоваться этими качествами и удержать за однимъ и тѣмъ же столомъ какое-нибудь погибшее созданье и самую чистую въ мїрѣ дѣвушку! Но чтожь дѣлать? мнѣ досадно, что я еще не дошелъ и до половины дороги къ ея сердцу, и подстрекаю себя на зло, какъ будто изъ удовольствїя. Я вспоминаю ея отказы, презрѣнїе, недовѣріе, и вдругъ, въ самомъ разгарѣ угрызеній моея совѣсти, чувствую ядовитое жало этихъ твореній которыя кричатъ: «Не унывай! ободрись, Ловлазь! она твоя! такую побѣдой можетъ похвастать даже самъ принцъ Валлійскій!»

Зато, когда я увидѣлъ что не помогли мнѣ, ни драма, ни жалобныя мои исторїи, ни вчерашній ужинъ, однимъ словомъ вѣщо ни вотъ на столько не приблизило меня къ цѣли моихъ желаній, то я хотѣлъ попробовать, не удастся ли мнѣ поддѣйствовать на нее ужасомъ, и надѣлалъ такого шума, такъ кричалъ по всему дому, что даже мой камердинеръ убѣжалъ и спрятался въ погребѣ.

Доркесь въ свою очередь дрожала всѣмъ тѣломъ. Можно было подумать, что весь домъ перевернулся вверхъ дномъ. Экой я неугомонный человекъ, не имѣю ни какого уваженія къ воскреснымъ днямъ, и осмѣлываюсь нарушать ихъ спокойствїе. А какъ воскресенье священнѣе день для миссъ Клариссы, то она проводитъ его въ молитвѣ, размышленїяхъ, одна въ присутствїи своего Господа! Мнѣ хотѣлось узнать (о надежда!) не побѣжду ли я наконецъ всѣ эти угрызенія совѣсти в эту утомительную застѣчивость.... Увы! шумъ и гнѣвъ мой не удался точно также какъ и вчерашнїя угожденїя, и я, право, не знаю, какъ надо дѣйствовать, чтобъ побѣдить непобѣдимую твердость этой непреклонной души.

Вотъ, посмотри, чувствительная ласточка, утомленная продолжительнымъ слонъ, вылетаетъ изъ своего цѣлительнаго и благоуханнаго гнѣзда! Тихою, спокойною поступью, съ молчаливымъ въ рукахъ, совсѣмъ уже одѣтая выходитъ она изъ своей комнаты, какъ будто находится еще въ домѣ Гарло и собирается ѣхать съ почтеннымъ другомъ своимъ, докторомъ Луиномъ: можешь судить о моемъ униженіи, ярости! представь себѣ чорта верхомъ на свирѣли. Неблагодарная! для чего подвергать меня на каждомъ шагу злобнымъ насмѣшкамъ этого безобразнаго дома?! Между-тѣмъ ударъ былъ силенъ. Какъ я ни стараюсь, однако не могу еще похвастать такимъ терпѣніемъ, чтобъ иногда не вспылить, и до-сихъ-поръ я не могу еще совершенно прийти въ себя.

— Какъ! сударыня, сказалъ я, вы намѣрены выѣхать и безъ меня?— «Да, я ѣду, безъ васъ; но позвольте мнѣ прежде выпить чашку чаю». Она положила на столъ книгу и перчатки, и стала наливать чай. Мнѣ кажется, что въ эту минуту (ты видишь, я не льщу себѣ), я жестоко походилъ на мистра Гикмена, такой у меня былъ глупый и помѣшанный видъ. Между-тѣмъ я немного оправился и сказалъ самымъ натуральнымъ тономъ. «Я надѣлся.... я думалъ, любезная Кларисса....» Въ эту самую минуту вошла несносная Доркесъ и я потерялъ нить своей рѣчи. «Ну, Доркесъ, все ли готово? спросила красавица, не обращая вниманія на слова мои: готовъ экипажъ?» Доркесъ услышавъ такой невѣроятный вопросъ, смотрѣла попеременно то на меня то на госпожу свою, и наконецъ сказала:

— Вильямъ пошелъ за экипажемъ, леди....

— Я надѣлся, миссъ Кларисса, сказалъ я въ третій или четвертый разъ, я надѣлся....

— Какова сегодня погода, Доркесъ? спросила леди Ловласъ своимъ важнымъ тономъ.»

Какъ! неужели у нея не нашлось ни одного слова, которое она могла бы мнѣ бросить какъ кость собакамъ! Да еслибъ я и въ самомъ дѣлѣ былъ собака, то и тогда со мною не могли бы обойтись хуже этого!

— Погода сдѣлалась теперь пасмурною, сударыня, отвѣчала Доркесъ: утромъ было теплѣе.

Прошу покорно, что ты можешь изъ всего этого понять? Вотъ до чего я дошелъ, я который прежде могъ соперничать съ Купидономъ въ искусствѣ пускать стрѣлы? Ну, что жъ! я буду такъ же упрямъ какъ она горда и надменна, я устаю, мнѣ надоѣло

говорить пастушескими сонетами. Я не выдержалъ, сильно ударилъ кулакомъ по столу, и чайникъ, чашки и все что было на столѣ разлетѣлось въ дребезги....

— Чортъ побери и хорошую погоду, и лакея, и служанку! вскричалъ я глядя на Доркесъ: я удивляюсь твоей дерзости; ты осмѣливаешься перебивать меня въ то время, когда я говорю и когда барыня твоя въ кон-то вѣки разъ удостоила меня своимъ разговоромъ!

Высокомѣрная красавица вскочила, испугалась, хотѣла взять свой вѣеръ и перчатки, но я, схвативъ ее за руку, сказалъ: «Вы останетесь дома, сударыня.» Если бъ ты видѣлъ, какой сдѣлала она жестъ, какой бросила на меня ужасный и презрительный взглядъ.

— Нѣтъ, сказалъ я тихимъ голосомъ, нѣтъ, я не хочу чтобъ вы уходили отъ меня въ такомъ видѣ, въ сердцахъ; если я немного вспылилъ, кто жъ виноватъ, если не вы сами съ вашими разпросами о дождѣ и солицѣ, не замѣчая даже моего глубокаго отчаянiя?

— Мистръ Ловластъ, сказала она наконецъ, я хочу знать за кого вы меня принимаете, за свободную или невольницу? Я хочу идти, куда мнѣ надо, и сiю же минуту.

Она пошла къ дверямъ, а я сталъ просить и умаливать ее остаться.

— Мнѣ хотятъ повредить въ нашемъ мнѣнiи, миссъ Гарло, и я знаю кто вредитъ мнѣ: это миссъ Гоу, мой смертельный врагъ. Я говорилъ это со слезами на глазахъ, потомъ, принявъ самый рѣшительный и повелительный топъ, прибавилъ: «Я думаю, миссъ Кларисса, что вы не надѣетесь найти во мнѣ другаго мистра Гнемена!»

Въ эту самую минуту я бросился передъ нею на колѣни и схватилъ обѣ ея руки; она оттолкнула меня.

— Довольно, довольно, сказала она, встаньте милордъ, я довольно горда, чтобъ желать съ вашей стороны такого униженiя.

Какъ она была разсержена, раздосадована! Темное облако покрыло свѣтлый взоръ ея, какъ морозъ обхватываетъ зеленые луга, а между-тѣмъ она никогда не была такъ хороша. Я лежалъ у ногъ ея. Въ эту минуту я всталъ и, переходя отъ мольбы къ восторгу, сжалъ ее въ своихъ объятiяхъ.... Какъ выразить ея ужасъ, смущенiе, негодованiе той скромности, которая обладаетъ всѣмъ существомъ ея, когда губами моиими я прикоснулся къ

этому ротуку, названному совершенно по образу Диавы, прежде приключенія ея съ Эдмундомъ? Да, я чувствую, что самое опасное изъ искушеній то, которое насъ тянетъ къ преступленію прелестью добродѣтели! А между-тѣмъ, клянусь тебѣ, въ эту минуту ни одна порочная мысль не коснулась ума моего: весь этотъ восторгъ происходилъ еще отъ уваженія; если же чувство мое черезъ минуту перешло въ безуміе, то это оттого только, что я вспомнилъ объ этомъ мірѣ виднѣй, которыя я сжималъ въ своихъ объятіяхъ. Знаешь ли, мнѣ иногда кажется, что я влюбленъ въ мечту, въ виднѣіе, Бельфорды!

Удерживать ее долѣе, значило всѣмъ жертвовать, и потому я выпустилъ ее и позволилъ уйти въ свою комнату, взявъ однако съ нея обѣщаніе, что она скоро вернется; но она не вернулась; она упорно сидитъ въ заперти въ своей комнатѣ, и если кто дотронется до святительскаго платья этой благородной особы, то она ужъ считаетъ это преступленіемъ. Кажется, все это нисколько не походитъ на свадебный пиръ, и ты самъ видишь, что я не могу еще сказать, какъ сказалъ мой двоюродный братецъ Гамлетъ: «Сударыня, могу я сѣсть у вашихъ ногъ?»

Какъ отдѣлаться теперь отъ дому Фритчвилъ? У меня не осталось другихъ средствъ какъ сказать, что у доброй этой дамы сдѣлалась самая злая, заразительная оспа, и что миссъ Клариссѣ нельзя переѣхать въ этотъ домъ. Но оспа эта только на время избавляетъ меня отъ хлопотъ. А послѣ того что дѣлать? что еще выдумать? Я выбился изъ силъ отъ всѣхъ интригъ и выдумокъ, и часто спрашиваю себя, что выигралъ я, спустивъ псарню прежде чѣмъ охота началась?

Я такъ запутался, что, право, не знаю, какъ мнѣ и выкарабкаться; что я ни говорю, что ни дѣлаю, а женщина эта ускользаетъ отъ меня; она угадывала меня вчера, сегодня понимаетъ, а завтра будетъ знать навзусь. Она защищается съ отчаяною стойкостью, которой ничто въ мірѣ не можетъ сломить; она восхищается своимъ гнѣвомъ и трогаетъ слезами, особенно въ тѣ минуты, когда призываетъ на помощь отца, мать и тѣнь дѣда, который такъ вѣжно любилъ ее! Тогда я чувствую себя побѣжденнымъ, и если бъ дѣло шло не о моей чести и славѣ пріобрѣсть наконецъ, во что бы то ни стало, нѣкоторыя великія привилегіи любви, то я право бы отказался отъ осады этой непреклонной воли, и заправду бы упалъ къ ногамъ *леди Ловлаксъ*.

Между бумагами, оскверненными дыханіемъ отвратительной Дорксы, я нашелъ клочки письма, писаннаго рукою миссъ Кларис-

сы ко мнѣ, Ловласу; она говоритъ тутъ о будущемъ нашемъ соединеніи, и я колеблюсь, не знаю, передать мнѣ тебѣ его или нѣтъ. Въ рукахъ твоихъ оно можетъ сдѣлаться страшнымъ противъ меня обвиненіемъ. Въ письмѣ этомъ, исполненномъ самыхъ высокихъ и благородныхъ чувствъ, ангелъ начинаетъ говорить мнѣ объ отцѣ, и говоритъ такъ сладко, такъ нѣжно, что глядя на нее, можно подумать, что слушаешь какую-нибудь прекрасную царьцу, которая, сидя въ тѣнистой бесѣдкѣ, поетъ самыя звучныя стихи при влюбленныхъ аккордахъ своей лютни.

«Отецъ долженъ быть первымъ гостемъ на свадьбѣ своей дочери, мистръ Ловласъ!» говоритъ она. Отъ отца она переходитъ къ будущему своему мужу, и умоляетъ небо, ниспослать мнѣ болѣе хорошія качества и болѣе успокоительныя мысли. Какъ высоко, чисто и благородно думаетъ она о бракѣ! «Мужъ — нашъ царь, властелинъ, пишетъ она: сердце наше и красота принадлежать ему; пока онъ для блага семейства трудится на сушѣ и на морѣ, мы отдыхаемъ! За столько жертвъ, чѣмъ можемъ мы заплатить мужу? Уваженіемъ, благодарностью и безпредѣльною нѣжностью! Если жена сердится, дуется, бранится, досадуетъ, то она недостойна прощенья. Она не должна присвоивать себѣ власти; напротивъ, должна просить миру на колѣняхъ; она должна служить и повиноваться; природа, создавъ насъ нѣжными и слабыми, хотѣла, чтобъ сердечныя наши качества согласовались съ нашею наружностью.»

Миссъ Кларисса знаетъ и можетъ разказать это дѣло еще подробнѣе, чѣмъ Шекспирова прекрасная Катерина. Я нашелъ въ этихъ отрывкахъ супружескаго вѣроисповѣданія всѣ утопіи моралистовъ: домашній миръ, тишину, нѣжность, спокойствіе и законную власть мужа надъ женой.... Ахъ! я даже мелькомъ разглядѣлъ будущихъ дѣтей нашихъ.... и все, что улыбается намъ въ жизни!

Потомъ, осыпавъ почестями, блаженствомъ и устроивъ судьбу мою, *чтобъ каждый день я дѣлался все счастливѣе и счастливѣе*, она начинаетъ устропвать собственную судьбу, отказывается отъ всѣхъ моихъ блестящихъ предложеній и хочетъ довольствоваться только десятою частью своихъ доходовъ, изъ которыхъ намѣрена еще помогать бѣднымъ. Бѣдное дитя! вѣчно думаетъ о другихъ, о себѣ же никогда! Подъ какой планетой милосердія родилась она? Наконецъ она проситъ меня не обижаться, если я находилъ ее слишкомъ осторожною; она взываетъ къ моему сердцу, и увѣряетъ заранѣе, что такая дѣвушка какъ она не могла встрѣтить на пути своемъ смертнаго опасіе

меня. Я не получалъ этого письма отъ миссъ Клариссы; вѣроятно, она нашла, что я недостойнъ его. Наконецъ, я ужасно боюсь, что она не согласится отдаться мнѣ, и что я принужденъ буду взять ее силой! Будь твердо, сердце мое! не поддавайся! особенно не допускай низкой лести! Если ты кончишь этотъ бой, то самъ сознайся въ этомъ, Ловласть! Если остановлю рядъ побѣдъ своихъ, то это не изъ раскаянiя, жалости или благодарности, но оттого только, что признаю себя побѣжденнымъ; я не осмѣлился, какъ слѣдовало, сказать: «Хочешь быть моею, прелесть прелестей?» Кажется, Сепъ-Клеръ справедливо предполагаетъ, что Ловласть боится добродѣтели и страшится презрѣнiя миссъ Клариссы. Презрѣнiя.... я произнесъ приговоръ моей жертвы! Мы никогда не стараемся вредить тому, кого презираемъ, но зато, напротивъ, бываемъ неумолчны къ тѣмъ, кто имѣетъ право презирать насъ!... Въ эту минуту я отворяю окно и несносная моя совѣсть улетаетъ, не знаю куда, какъ хищная птица.

Того же числа, одиннадцать часовъ вечера.

Сколько прошло съ-тѣхъ-поръ дней и ночей какъ я привязался душой къ моей надеждѣ! Я ставилъ противъ этой добродѣтели всѣ возможные батареи любви, преслѣдовалъ ее точно такъ же какъ любовь преслѣдуетъ меня самого; напрасныя усилiя! напрасная надежда! Чортъ возьми! мнѣ кажется, что я совсѣмъ не слишкомъ торопился; напротивъ, я былъ очень расположенъ любить миссъ Гарло, какъ обыкновенно порядочный человѣкъ любитъ молодую и прекрасную женщину; я чувствовалъ, говорилъ, глядѣлъ на нее съ восхищенiемъ, и когда хотѣлъ наконецъ попробовать своего счастья, то дѣлалъ это со всею осторожностью; я овладѣлъ было этою чудною дѣвою «cum privilegio ad imprimentum» (съ правомъ издавiя), и по разсудку долженъ былъ предполагать, что дѣвственная эта красота, находясь довольно долгое время въ Лондонѣ и въ довольно порядочномъ обществѣ, могла немного приучиться къ образованiю, и обходиться повѣжливей съ племянникомъ моего дяди. Вотъ каковы дѣла мои! Положенiе мое походитъ на прекрасное зданiе, построенное на чужой землѣ; я ошибся мѣстомъ и потому потерялъ мой мраморный выложенный золотомъ дворецъ. Между-нами будь сказано, нѣтъ ничего труднѣе какъ запугать такое сердце, которое ни въ чемъ не можетъ упрекнуть себя. Сердце это настоящая для меня загадка, тайна, которой я рѣшительно не понимаю. Любитъ ли онъ меня? обижается ли моимъ обхожденiемъ: я ничего не знаю,

потому что невозможно угадать огня под этою глыбою снѣга! Судя по всему этому, я не вижу въ ней любви романистовъ и поетовъ. Возвратите мнѣ этихъ вѣжнихъ героньевъ, которыя отдаются при первой встрѣчѣ: Дездемону, Офелію, Жулиетту! «Бѣдная дѣстница! я сдѣлала тебя, для того чтобъ онъ могъ взобраться по тебѣ ко мнѣ въ окно!» Это говоритъ Жулиетта, возлюбленная Ромео! Что за счастливый человекъ этотъ Ромео! Ему доставляютъ все, даже дѣстницу! между-тѣмъ какъ моя Жулиетта не удостоиваетъ меня даже веревочки. Еще такъ недавно она походила на ясный апрѣль, когда гроза снѣжается благотворнымъ солнцемъ, и по моему счету, ей бы слѣдовало превратиться теперь въ прекрасный, безоблачный май; но увы! вмѣсто обильной жатвы, я погрязъ въ твои болотистые совѣты, въ злобѣщіе какъ вороновы крики замѣчанія и пословицы мудраго моего дядюшки, — старыя заржавленные пословицы, отъ которыхъ издали несетъ плесенью, — пословицы съ притупленными уже концами, годныя только на старыя гвозди. Однимъ словомъ я ужасно объѣлся и не могу разобрать этой программы. Я хотѣлъ разыграть съ нею нѣсколько маленькихъ комедій нашего времени какъ напримѣръ: «Взаимная любовь»*, «Любовники увѣренные другъ въ другѣ»**, «Тайный бракъ»***, и кончить мои представленія «Лондонскими рогаками» †, а между-тѣмъ протверживаю въ тихомолку, въ какомъ-то сараѣ, который вѣроятно не былъ построенъ Пильмен-тономъ ††, или украшенъ Лотенбургомъ †††, адскую комедію «Рыбака пойманнаго въ собственныя сѣти» ††††. Знаешь ли что? я чувствую, что у дѣвушки этой есть возможность, не смотря на все мое фанфаронство, сохранить чистоту своей прекрасной особы. Она связала меня своими узлами, но я могу ихъ развязать также легко какъ ленты ея подвязокъ. Тутъ дѣло идетъ не о птицѣ пѣвчей, которую можно приманить парисованными кистями випограду, но о дѣвушкѣ, которая видитъ далеко и вѣрно; у нея твердый и разсудительный взглядъ на вещи. Даже когда молчить, она быва-

* Love for love, Комедія Конгрева.

** The conscious Lovers

.., Комедія Гаррика.

† Комедія Деля.

†† Знаменитый лондонскій архитекторъ, построившій оперный театръ въ Лондонѣ.

††† Черепе своего времени.

†††† Pincator, комедія въ которой отличалась миссъ Bellamy.

еть краснорѣчива, и когда захочетъ, то разсуждаетъ и выражаетъ такъ умно, такъ трогательно, такъ краснорѣчиво.... но о страсти ни слова; вѣрно у нея вмѣсто человѣчьей течетъ голубиная кровь въ жилахъ, а между-тѣмъ какъ соколъ, который чувствуетъ запахъ пороха, она чувствуетъ приближеніе опасности, и я, право, не знаю, какъ бы поумнѣе взаться, чтобъ склонить наконецъ къ любви это непобѣдимое сердце? Странная дѣвушка! Въ ту самую минуту, когда мнѣ кажется, что она слушаетъ меня внимательно.... она исчезаетъ какъ падающая звѣзда. Не истощалъ ли я всѣ силы моего воображенія, не изобрѣталъ ли я всѣ возможные средства, одно затѣйливѣе другаго, чтобъ привлечь птичку.... и поджидалъ ее; она прилетала.... вотъ она! моя!... думалъ я; но вдругъ, въ ту самую минуту когда я хотѣлъ «согрѣшить губами», птичка улетала.... Не думай однако, чтобъ радость и надежда избавиться отъ меня заглушали въ пей осторожность, самоохраненіе, и чтобъ она какъ слѣпая бросилась въ разставленные за кустами силки; нѣтъ! Клариса въ осторожности не уступитъ деревцу «не тронь меня.» Однимъ словомъ, я не думаю, чтобъ въ природѣ нашлась женщина кротче, неввинѣе, всопытнѣе и въ то же время осторожнѣе Клариссы. Говори послѣ этого что нѣтъ больше чудесъ на свѣтѣ, что время это уже прошло!

А между-тѣмъ я довелъ до нуля эту непреклонную волю, окруживъ эту честную, высоко добродѣтельную дѣвушку роковымъ кругомъ, изъ котораго она шагу не можетъ сдѣлать.... Напрасныя усилія! разсудокъ ея взялъ верхъ надъ моими хитростями, и она сидитъ твердо, не колеблясь на своемъ тронѣ добродѣтели. Сдѣлай милость, скажи мнѣ Бельфордъ, понимаешь ли ты хоть что-нибудь изъ всего этого? Какъ! да развѣ факелы существуютъ теперь не для того чтобъ освѣщать дорогу, деревья—чтобъ производить плоды, и красота—чтобъ услаждать любовь? Чего хочетъ она? и что можетъ сдѣлаться маленькому ея роткику отъ какого-нибудь ничтожнаго подѣлуя? «Стыдись, безчувственная картинка, безжизненный, намалеванный идолъ, глухой, неодушевленный образъ! Несмотря на свѣжесть и блескъ лица твоего, ты не человѣкъ, а право не знаю что такое!» Нѣтъ! я лучше скажу вотъ это: «Не мучьте меня, сжалитесь надо мною, нѣжная моя Кларисса! Будетъ съ васъ, вы довольно долго защищались.»

Когда я не притворяюсь самъ передъ собою, чтѣ случается очень рѣдко, то понимаю что иду къ пропасти, но не совѣтуй мнѣ остановиться.... Ктому жъ, гдѣ могу я остановиться? Море имѣетъ свои предѣлы, но у желаній нѣтъ ихъ; тамъ свыше написано: Стремись къ

своему призванію! и еслибъ я даже могъ вырвать изъ сердца золотую стрѣлу любви, то изъ одной только гордости не оставилъ бы этой борьбы. Да, да, я говорю и еще разъ повторяю; что не смотря на возстаніе моей совѣсти, я буду преслѣдовать упорно, до конца, счастливую или несчастную развязку этой начатой драмы. Что бы тамъ ни было, но я хочу разыграть роль мою до конца, и совершенно останусь доволенъ, если при послѣднемъ актѣ услышу: «Хорошо! славно, Ловласть!»

Но красавица моя груститъ теперь болѣе обыкновеннаго. День бракосочетанія носится еще въ облакахъ! Бѣдная дѣвушка никогда еще не была такъ встревожена, такъ возмущена, тѣмъ болѣе, что миссъ Анна не утѣшаетъ ея больше своими письмами, которыя становятся все рѣже и все короче. Надѣюсь, что такъ и должно быть, потому что дядюшка Антонн, дѣйствуя въ мою пользу, уговорилъ мистриссъ Гоу какъ можно строже смотрѣть за дочерью, такъ, что миссъ Анна можетъ писать только изрѣдка, и то потихоньку. Слѣдовательно, свадьба наша еще надолго отложена. Чтобъ успокоить Клариссу я объясняю, какъ могу, всѣ эти отлагательства, и расхваливаю красоту ея; но ни похвалы, ни угрозы мои ни къ чему не ведутъ, а между-тѣмъ, безъ лести будь сказано, мнѣ кажется, что я обладаю волшебнымъ даромъ вызывать прелестныхъ духовъ любви. Но она принимаетъ всѣ похвалы мои какъ должную дань, и какъ будто бы она сама произнесла объѣтъ весталокъ. Я ревнивъ какъ тигръ, и, что еще хуже, похожъ на тигра; я бы хотѣлъ, чтобъ она жила только для меня на свѣтѣ, думала, мечтала только обо мнѣ, чтобъ забыла для меня всѣхъ и все въ мірѣ. Да, разумѣется, дай мнѣ только волю, и мы разыграемъ вмѣстѣ комедію: «Женщину, убивающую ласками»*. Я хочу чтобъ она пѣла, говорила, молчала для меня; жила, умерла тоже для меня, все и вѣчно для меня! въ такомъ только случаѣ я отдамъ ей одну изъ моихъ девяти жизней, потому что, какъ говорятъ, кошки (а тигры вѣдъ кошачьей породы) пользуются девятью жизнями. Но, тише! я слышу ея голосъ, который узнаю между тысячью голосовъ, какъ горный пастухъ узнаетъ шумъ водопада или родной звукъ флейты. Мнѣ тоже кажется, что до ушей моихъ коснулась пѣснь любви! Да о чемъ же ей и говорить какъ не о нашемъ бракѣ? Она хочетъ, чтобъ свадьба была тихая, чтобъ не было большихъ приготовленій и гостей, — можно пригласить одного или двухъ пріятелей, но не больше;

* Комедія Грейвуда.

такъ она бьется разсердить отца! Отца! хоронятъ отецъ! ласкающій Капулетъ: вѣдь онъ самъ погубилъ ее. Дураки! и какъ жаль, что у нихъ есть дѣти! они всѣ на одинъ покрой и всѣ говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ*: «Прочь съ глазъ моихъ несчастная! поди повѣсься на дверяхъ, непослушная негодайка! Или выходи за того, кого я тебѣ предлагаю, или не показывайся мнѣ на глаза. Ни слова больше!» Тогда приходитъ бѣдная мать, которая дрожитъ какъ послѣдній въ домѣ лакей разбившій бутылку съ старымъ виномъ. Достойная эта женщина трепещетъ, мѣшается и наконецъ съ большимъ усиленіемъ начинаетъ просить нѣжно-жалобнымъ голосомъ за свое несчастное дитя. Тогда глава Капулетовъ или Гарло, — потому что это одно и то же, — бѣсится и обходится съ своею женою, которая въ сто разъ лучше его, какъ съ самою послѣднею бродягою.

«Что значить это, сударыня, говоритъ онъ, куда дѣвалось наше благоразуміе! Сдѣлайте милость, молчите, сударыня; право, можно съ ума сойти, если вы будете мало того что позволять, но еще поддерживать такую помѣшанную куклу, плаксу, которая стонетъ и смѣетъ еще отвѣчать мнѣ:— «Я не могу идти замужъ.... мнѣ надо подождать.... я слишкомъ молода для замужества....» а матушка за нее еще вступается! Убирайтесь вонъ! болтушки! которые разстроиваютъ всѣ мои планы, соображенія! а ты любезная дочка, поди, повѣсься на первомъ деревѣ или умри съ голоду на какомъ-нибудь перекресткѣ; хотя я и отецъ твой, однако не намѣренъ отвѣчать за тебя.» Славный отецъ семейства! Дочь же, кажется, уже была готова отвѣтить:—«Какъ вамъ угодно, батюшка!» только чтобъ мужъ ея былъ молодъ и хорошъ собою! Замѣть еще, что когда мистеръ Капулетъ-Гарло выгналъ изъ дому упрямую дочь свою, то не хотѣлъ, чтобъ дѣвушка осмѣлилась справлять свою свадьбу. Бѣдняжка ужъ и тому будетъ рада, если почтенный виновникъ дней не разбранитъ ея зато что, выходя за Роберта Ловласа (что превышаетъ всѣ надежды почтеннаго родителя), она не заботилась о нотаріусѣхъ и свидѣтеляхъ, а вышла замужъ на вѣтеръ, не взявъ должныхъ мѣръ предосторожности!

Пока она упивается отвѣтами, и пока мы толкуемъ о нашей свадьбѣ, я придумываю, какъ бы мнѣ отомстить миссъ Аннѣ Гоу за всѣ ѣдкія эпиграмы ядовитаго ея языка; а когда чего ищешь, то всегда находишь, слѣдственно и я нашелъ средство отомстить

* Ромео и Жуліетта, актъ IV.

этому маленькому демону, который совѣтуетъ, хвалить, разсуждать, и которому бы хотѣлось, чтобъ я вскарабкался на лѣстницу брака, которую она намъ подставляетъ. «Попроси Алексиса напомнить мнѣ ростъ Октавіи!» такъ говоритъ Маркъ-Анτωνій Шекспира про жену свою; мнѣ же нечего просить, чтобъ мнѣ напоминали ростъ, лицо и развязныя манеры моего непримиримаго врага, миссъ Анны Гоу; я помню ее и вспоминаю о ней часто какъ объ очень хорошенькой дѣвушкѣ, которая, исключая мести, стоила бы труда, чтобъ ею занялись исключительно. Еслибъ даже она походила на миссъ Арабеллу, то и тогда бы я не отказался отъ мести, хотя хорошенькой гораздо пріятнѣе вредить чѣмъ какому-нибудь уроду, и потому слушай меня Бельфордъ, и слушай внимательно.

Ты знаешь, что моя Кларисса и миссъ Анна любятъ другъ друга если не больше такъ по-крайней-мѣрѣ какъ двѣ сестры. Досихъ-поръ онѣ были неразлучны какъ лебеди Юноны, и старались разлучить ихъ былъ бы потерянный трудъ: «Мы выросли вмѣстѣ, какъ двѣ вишни на одной вѣткѣ; по наружности мы разлучены, но въ сущности, не смотря на разлуку, растемъ вмѣстѣ» *. И потому, что за грѣхъ, спрашиваю я тебя, если мы проглотимъ объ вишни вдругъ?

Я хочу предложить тебѣ отличиться въ геройскомъ подвигѣ: тутъ дѣло идетъ о славной военной хитрости, о бездѣлицѣ; правда, что тебя могутъ повѣсить или обезглавить; но, какъ говоритъ леди Макбетъ,—«если вы со мною соединитесь, то прославитесь.» И такъ выслушай меня, вотъ въ чемъ дѣло:

Моя добрая и благосклонная сосѣдка и пріятельница, мистриссъ Гоу, между прочими владѣніями, обладаетъ жеманною и очень богатою сестрицею, которая живетъ на островѣ Вайтъ и у которой, кромѣ милой нашей малютки, миссъ Анны, нѣтъ другихъ наслѣдниковъ. Почтенная эта дама пишетъ сестрѣ и племянницѣ, что очень будетъ рада, если онѣ пріѣдутъ съ нею повидаться, и что она намѣрена имъ что-то дать. А какъ мать любить деньги, если не больше, то по-крайней-мѣрѣ столько же какъ дочь свою, то тотчасъ же согласится на предложеніе, и если я не ошибаюсь, готовится уже къ отъѣзду. Что же мы тогда сдѣлаемъ? Бельтонъ, Мобрѣ, Турвилъ, всѣ отъявленные негодяи, которые будутъ повиноваться мнѣ съ довѣріемъ сокола, нападающаго на добычу (тебя я не считаю, потому что

* Сомъ въ Ивановскую ночь Шекспира.

знаю, ты не захочешь быть въ нашей шайкѣ, и если славно обдѣлываешь дѣла, зато долго не рѣшаешься)... И такъ, мы сваряжемъ какъ нельзя лучше, кокетливѣе, маленькій, хорошенькій катеръ, который вдругъ превращается въ ужасное разбойничье судно. Устроившись и убравшись, мы ѣдемъ изъ Портсмута въ Спитгедъ и принимаемъ къ себѣ пассажировъ и пассажирокъ. О корабль! ты понесешь Ловласа съ его «ортуной! Да надуются шелковые паруса твои тихимъ, попутнымъ вѣтромъ! Нашъ корабликъ красивъ, устроенъ по-царски и обѣщаетъ такое легкое плаваніе, что удивительно будетъ, если эти дамы не захотятъ сдѣлать съ нами этого пріятнаго путешествія; и если сюрпризъ считается удовольствіемъ, то я увѣренъ, что онѣ останутся довольны нами. Во-первыхъ, мы помѣщаемъ ихъ въ хорошенькихъ каюточкахъ, нарочно для нихъ приготовленныхъ, и такихъ спокойныхъ, что имъ будетъ казаться, будто онѣ сидятъ у себя дома. Онѣ насъ не видятъ, но мы ихъ видимъ и ухаживаемъ за вашими жертвами какъ только можемъ; а какъ намъ все удаётся, то, вѣроятно, счастье и любовь привлекутъ къ намъ мистра Гикмена, этого милого джентльмена, напичканнаго всѣми возможными совершенствами, съ кроткой и улыбающейся рожцею и съ оловянными глазами. Тѣмъ лучше! милости просимъ, мистръ Гикменъ! Франтъ этотъ могъ бы даже дать нѣсколько уроковъ самому Бельтону. Онъ танцуетъ, вертится на одной ножкѣ, сочиняетъ стихи и говоритъ въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ; отъ волосъ его вѣетъ весеннимъ благоуханіемъ. По всему видно, что кустъ этотъ расцвѣлъ у ногъ прекрасной миссъ Анны. И какое одолженіе сдѣлаемъ мы еще этому обожателю миссъ Гоу, который, не подозрѣвая такого далекаго путешествія, вѣроятно, не запасется любовью. Мы натягиваемъ паруса и ѣдемъ. Сначала все идетъ хорошо, все намъ благопріятствуетъ, и мы повиваемся первымъ предвѣщаніямъ зефира, какъ вдругъ море, которое сулило тишину и прохладу, начинается бешевать и ревѣть изъ глубины своей пропасти, вѣтеръ воетъ!... Человкій кормчій бонята, дрожитъ и направляетъ паруса къ берегамъ Франціи. О горе! буря заноситъ насъ въ Діеппъ или Шербургъ. Тогда мы встаемъ! Гикменъ сердится и дѣлаетъ видъ, будто хочетъ выхватить шнагу; его обезоруживаютъ и онъ — военно-плѣнный! Гикменъ преблагородный человекъ, но только влюбленъ, а это значить — онъ здравомыслящій человекъ, только не на шутку помѣшанъ, и потому, несмотря на его храбрость, я считаю его вовсе неопаснымъ. Я знаю, что онъ будетъ кричать,

сражаться; выскочить изъ себя, единичъ словомъ, :бухнуться какъ гиттера, который несется изъ дробной стужицы нашей, Норманди. Если же онъ станетъ надобно дать масть своимъ крикамъ и если онъ такъ повѣманъ, что станетъ требовать своей неволи, его попросить замолчать; если же просьба наша не падѣтвуать и мыотръ Гвменъ одѣлается совершенно несносимъ, то боъ великихъ разговоровъ его бросаютъ въ воду.... а тамъ... понимашь, что слѣдуетъ далѣе?

Я отсюда вижу, какъ онъ, точно бульдогъ, барахтается въ горькой влагѣ и радъ, что можетъ еще уцѣпиться за нашу лодку. Пока правдичкъ этотъ расплачивается за праздникъ, данный мною въ честь его невесты, дамы плачутъ и кричатъ: «Гвменъ! милый, добрый Гвменъ!» Мать приходитъ въ отчаянiе, а дочка мигаетъ жениху, который несется къ противоположному берегу. Теперь мы совершенно свободны, насъ ни что не стѣсняетъ! Мы действуемъ какъ настоящие разбойники, накрытые всими возможными грѣхами и преступленiями; но насъ привлекаетъ не золото, а красота женщины.

Мы пьемъ и кричимъ съ радостными восторгами, какъ запояннiе развратнiе пираты. Въ эту трудную минуту коремешная мнесь Анна защищается всенномъ и потчани; но если она и въ самомъ дѣлѣ не любитъ любви, то въ душѣ нисколько ея не боится. Я разувѣряю ее, вламусь въ преналимъ выраженiи, которыя вовсе не опасны. Наконецъ, когда еяъ вырвать себя всѣ волосы, разпарануть лица и окригнуть отъ криковъ, мы пернись, даже дружились съ этими демонами.

Вотъ моя драма, я предлагаю тебѣ такую какъ сочинилъ: эпизодъ — одѣтый въ леда, а прологъ — въ лорда. Прибавь еще, Веельвардъ, что подобное приключенiе нѣко бы ту выгоду, что развѣдало бы меня. Чтѣ ты на это скажешь? *Si tibi intellectus est, responde proximo.* Если въ тебѣ есть хоть сколько-нибудь толку и носин, то откликай на то, о чемъ тебя спрашиваютъ! Если же придумаешь что-нибудь по-интереснѣе, такъ проовѣтъ неваду — напиши. Затишь, прекрасный юноша, нѣко чести длаяться и желать всякаго здравiя и благодетвiя!

Четвертъ.

Но довольно хвастать. Не надо забывать, что я въ Лондонѣ. Признаюсь, я замечтался вчера о немного сильномъ развлеченiи; но я бы потерялъ тутъ много времени, а по ходу дѣла нельзя

терять его. Я все въ томъ же положеніи и ни на шагъ не приблизился къ дѣлу моихъ желаній. Чортъ побори пословицу, которая говоритъ : *Ubi amatur non laboratur!* Ты говоришь, что любовь не трудъ; а я такъ говорю, напротивъ, что нѣтъ каторжнѣе труда.... Не слишкомъ ли я ее балую? не прибавить ли жару въ загорѣвшемся уже сердцѣ?... Малютка эта гордится своею невинностью. Такъ неужели ей придется унести въ гробъ съ собою эту гордость? Я колеблюсь еще, и не хочу проклятыми средствами произвести этого падеія! Слѣдственно, ты можешь уволить меня отъ глупыхъ своихъ пословицъ, какими подчуешь меня дядюшка, какъ вотъ этою наприимѣръ, что *игра не стоитъ свѣчъ*. Чортъ побори твою неумѣстную осторожность, которая годится только тому, у кого течетъ въ жилахъ не кровь, а вода. Я презираю тѣхъ любовниковъ, которые считаютъ любовь удовольствіемъ, развлеченіемъ, праздникомъ! Я дѣлаю изъ любви борьбу, поединокъ; это подстрекаетъ мое самолюбіе, удовлетворяетъ гордости! Развѣ ты никогда не видывалъ птицелова? Онъ встаетъ съ разсвѣтомъ, смотритъ въ даль, прислушивается къ шуму вѣтра, и разставляетъ силки; а вечеромъ, послѣ столькихъ хитростей, столькихъ уловокъ, неудачъ, другъ нашъ потираетъ руки отъ радости, если ему удастся поймать хоть одну ласточку. Желаю, чтобъ приимѣры эти развернула въ васъ способность думать и умно дѣйствовать, мистръ Бельфордъ, а потомъ пусть ими воспользуются будущія поколѣнія. *Scribantur haec in generatione altera!* Моя же ласточка, голубокрылая птичка, право, стѣбитъ труда, чтобъ птицеловъ погнался за нею, побезпокоился. Зато, чтобъ поймать ее, я намѣренъ употребить старинную маленькую хитрость, которая, вѣрно, удастся, потому что существуетъ на бѣломъ свѣтѣ пять или шесть тысячъ лѣтъ. «Злые языки утверждаютъ, будто Леандръ погибъ изъ-за Гери, въ Сестосѣ, а въ сущности онъ погибъ отъ судорогъ, переплывая Геллеспонтъ.» Я же предупреждаю тебя, что перещеголаю, какъ говорятъ въ Парижѣ, самого прекраснаго Леандра. Я хочу захворать и серьезно захвораю: у меня будутъ своего рода судороги, это входитъ въ предположенія моей снѣлости, и какъ только благодатная эта лихорадка схватитъ меня за горло, то, если красавица моя и въ самомъ дѣлѣ питаетъ ко мнѣ какую-нибудь привязанность, она придетъ съ безпокойствомъ во взорѣ, съ грустною улыбкою на устахъ, станетъ за мною ухаживать, и спроситъ звучнымъ своимъ голосомъ: «Ну что, лучше ли?» — «Да, лучше, ангелъ мой!» отвѣчу я слабымъ и том-

нѣтъ голосомъ. Я встрѣчу смертьъ безъ трепету; а ты самъ знаешь, что никогда человѣкъ не бываетъ лучше, умнѣе, добродѣтельнѣе и интереснѣе какъ при послѣднемъ своемъ издыханіи.

Воскресенье.

Наконецъ я встаю послѣ продолжительной и опасной болѣзни, и увѣряю тебя, что чуть-чуть и въ самомъ дѣлѣ не захворалъ! Ухъ! какое скверное лекарство! но я проглотилъ его такъ храбро, что, въ сравненіи со мной, Александръ Великій показался бы трусомъ. Черезъ сутки, послѣ того, я рѣшительно походилъ на мертвеца. Ну, отличись, Доркесъ; тебѣ предстоитъ случай или никогда или теперь хорошенько разыграть роль свою; прини на себя грустный видъ, опустя глаза, вытяни лицо и вздыхай какъ можно громче; бѣгай взадъ и впередъ изъ моей комнаты въ столовую, а изъ столовой въ кухню; бѣгай опростомъ сверху внизъ, и снизу на верхъ, потомъ опять взбѣги и опять спусти съ лѣстницы съ громкими ахами, пока прекрасная моя Кларисса не спроситъ тебя: «Доркесъ, чтò тамъ такое случилось?» Ты же отвѣчай тѣмъ маленькими словцами, которыя всегда производятъ большой эффектъ: «Ахъ! сударыня.... мой баринъ.... мой бѣдный баринъ!...»

Доркесъ поступила по-моему совѣту; и что я предвидѣлъ, то и случилось. Какъ только добрая моя Кларисса услышала о внезапной моей болѣзни, она ужасно испугалась, и прекрасное лицо ея покрылось смертною блѣдностью. «Гдѣ онъ? чтò дѣлаетъ?» — «До отвѣтовъ ли мнѣ!» вскричала Доркесъ, которую такъ и тянуло поболтать; но при такой большой опасности она забывала все, что походить на вѣжливость. Доркесъ уходитъ.... а шумъ продолжается. Одна изъ дѣвицъ, стоя почти на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы, говоритъ на-ухо своей пріятельницѣ, но такъ громко, что ее можно слышать: «Какъ ты думаешь? кажется, слѣдовало бы предупредить графиню?» Услыхавъ это, красавица моя не можетъ совладать съ своимъ сердцемъ; она отворяетъ дверь своей комнаты и бѣжитъ ко мнѣ: «Чтò такое случилось?» повторяетъ она такимъ трогательнымъ голосомъ. Никогда пѣснь кормилицы не восхищала такъ ребенка, какъ это выраженіе трепета, жалости и участія: голосъ ея дрожалъ отъ волненія, а прекрасные глаза наполнились слезами. Ахъ! если бѣ ты видѣлъ ее въ эту минуту! Она любитъ меня! я въ томъ увѣренъ. Да, она чувствуетъ ко мнѣ любовь, истинную любовь! Пока я находился въ опасности, она не покидала меня ни на минуту: позволяла

держатъ свои руки такъ долго какъ мнѣ хотѣлось. Прощайте! Ночи у моего изголовья и молилась за меня Богу! Возлюбленная Кларисса! она была въ небѣ для меня, а не для себя!

Какъ только мнѣ стало лучше, я сдѣлался еще нѣжнѣе прежняго, и когда могъ выйти изъ комнаты, она вышла со мною въ сопровожденіи Салли и Подли. Это *Лектра* и *Маттинія*, мои дѣвочки; Салли и Подли, нацѣпанная однимъ и тѣмъ же духомъ, цоррочать и завистью; но въ этотъ день онѣ были въ ударѣ нравственности и высокой добродѣтели и держали себя очень прилично. Ты знаешь Салли; вѣдь она не такъ правится своимъ умомъ и любезностью, какъ злостью, и ты можешь вообразить какъ она бываетъ восхитительна, когда ею овладѣваетъ лихорадочная злость противъ моей измѣны. Салли и Подли, достойныя мои сподвижницы, угождаютъ мнѣ какъ мракъ угождаетъ ночи! Представь себѣ Клариссу между этими двумя тварями. Какъ блистаетъ самой чистой воды, адѣланый между двухъ стекларуситъ, поддѣтыхъ подъ столомъ въ кабакѣ! Небо было ясно, воздухъ тихій, прохладный, птицы вѣли на каждомъ дустѣ свои мелодическія мадригалы; однимъ словомъ, все улыбалось въ природѣ! Мы позавтракали, потомъ стали говорить о тебѣ, Балмордѣ, и о нашей перепискѣ. Ей хотѣлось знать, о чемъ это мы такъ много говоримъ.... любопытная!

Надо ковать желѣзо пока оно горячо, говоритъ поддѣвица, и потому, только-что мы вернулись домой, какъ Ловласъ вбѣгаетъ и говоритъ задыхался, что графа и графиню Ловласъ спрашиваетъ какой-то человекъ въ голубой подбитой желтой ливрѣ и съ золотымъ галуномъ на шлани. Бѣдное дитя побѣдѣло, испугалось. Черезъ нѣсколько минутъ я приказываю позвать лакея; онъ входитъ.

— Отъ кого ты, любезный?

— Отъ капитана Томлинсона, который приказалъ вамъ сказать, что онъ присланъ отъ мистра Юліа Гарло.

Услыхавъ фамилію Томлинсона, которую она никогда не слышала, робкая дѣвушка еще больше робѣетъ, терзается въ предположеніяхъ и не знаетъ, что начать. «Кто онъ такой? откуда? чего онъ отъ насъ требуетъ?» спрашиваетъ она и старается удержать меня при себѣ, потому что она дрожитъ только за меня одного. «Любезный мистръ Ловласъ», говоритъ она, а я въ это время окруживъ рукою ея талию, сказалъ: «Будьте спокойны, душа моя.» О! женщины, пугая васъ, всегда что-нибудь выигрываютъ!

Вдругъ (мы дѣйствовать, какъ видишь, очертя голову) снова сбѣгаетъ опрометью Доркесъ, потому что (это замѣчаніе миссъ Клариссы) мелочные люди хватаются за нѣлѣпнѣйшій предлогъ, чтобы разыгрывать трагедіи. «Ахъ! сударь.... ахъ! сударыня....» говоритъ она запыхавшись: «капитанъ.... тутъ....» Миссъ Кларисса поблѣдѣла. «Успокойтесь, говорю я ей: я приму его; идите къ себѣ въ кабинетъ, только не запирайте дверей.» Въ эту самую минуту вошелъ человѣкъ и въ-самомъ-дѣлѣ похожій на честнаго деревенскаго лорда, съ шляпою на головѣ, и такъ же увѣренный въ себѣ какъ карта, выигрывающая партію; это былъ капитанъ Томлинсонъ. Почтенный этотъ человѣкъ съ незапамятныхъ временъ въ первый разъ надѣлъ кружева и приличное платье сѣро-железнаго цвѣту, обшитое золотомъ; что же касается до сапоговъ его, то правосудіе само взялось наложить ихъ; однимъ словомъ, я далъ его благородіе въ полное распоряженіе одному лоскутнику; ты можешь видѣть его отсюда, съ обстриженными въ кружокъ волосы, агатовымъ кольцомъ на пальцѣ, въ коричневыхъ чулкахъ и фланелевыхъ подвязкахъ; человѣка этого, одного изъ ближайшихъ родственниковъ чорта, также извѣстнаго какъ Лондонская Башня, можно назвать что называется.... *и такъ далье!* Капитанъ Томлинсонъ никогда не переступалъ черезъ порогъ тѣхъ домовъ, гдѣ запасаются хорошей репутаціей. Если ежедневное его платье слишкомъ скромно, зато кошелекъ его не слишкомъ надутъ; онъ отличается въ той пугающей вѣжливости, которая издали пахнетъ стальнымъ своимъ остриемъ; между-тѣмъ онъ подошелъ ко мнѣ безъ всякихъ выходовъ, употребляемыхъ военными низкаго происхожденія.

— Кажется, я имѣю честь, сказалъ онъ, говорить съ графомъ Робертомъ Ловласомъ?

— Точно такъ, милостивый государь.

— Я пріѣхалъ сюда изъ угожденія къ другу и спѣшу кончить это дѣло.

— Какое дѣло, мистръ Томлинсонъ?

— Прежде чѣмъ взять на себя такое трудное порученіе, я долго размышлялъ и долго колебался, графъ. Мудрецъ сказалъ: «Не довѣрай мыслей языку твоему и не приводи въ дѣйствіе недуманныхъ предпріятій.» Но зато коль скоро я въ чемъ увѣренъ, то не колеблюсь больше. И потому, съ вашего позволенія, я пріѣхалъ спросить васъ, какъ честный человѣкъ спрашиваетъ другаго честнаго человѣка, намѣрены ли вы отдать всю справедлив-

вость молодой особы, которая носит фамилию почтеннаго моего друга и сосѣда, мистра Юлія Гарло?

— Милостивый государь....

— Извините, графъ, если я васъ перебиваю, но прежде чѣмъ продолжать разговоръ, скажите, *женаты вы или нѣтъ* на миссъ Клариссъ Гарло? Я отецъ семейства, графъ; у меня есть дочери, племянницы; я знаю свѣтъ; если вы не женаты, то мнѣ нечего больше говорить и остается только ѣхать во-своихъ.

Мнѣ очень хотѣлось отвѣтить: «Если говорить правду, капитанъ, то я не женатъ.» Но дверь была отворена, меня могли слышать, а какъ я не изъ тѣхъ людей, чтобъ для остраго словца пожертвовать чѣмъ-нибудь, даже другомъ, то отказалъ себѣ въ этомъ удовольствіи, сдѣлалъ сердитый видъ и сказалъ:

— Ни слова объ этомъ, капитанъ; вы дотрогиваетесь до слишкомъ чувствительной струны, я васъ предупреждаю. Если словомъ, взглядомъ, мыслию или малѣйшимъ какимъ движеніемъ вы оскорбите или дотронетесь до такого тайнаго и священнаго предмета какъ честь добродѣтельной женщины, то клянусь вамъ, кто бы ни прислалъ васъ, капитанъ, а вы будете имѣть дѣло со мною!

— Я васъ вдвое старше, мистръ Ловластъ, и имѣю надъ вами то преимущество, что знаю васъ, а вы меня не знаете. Меня предупредили, что вы характера горячаго, но у меня станеть хладнокровія на обоихъ насъ. И потому я скажу вамъ, что мой почтенный другъ, а *вашъ дядюшка*, мистръ Юлія Гарло, узнавъ недавно, что вы и его племянница, миссъ Кларисса, живете въ этомъ домѣ, и что нѣтъ еще недѣли какъ васъ видѣли въ театрѣ вмѣстѣ и въ одной ложѣ, заключилъ, что вы женаты, и мистръ Гарло такъ уважаетъ свою племянницу, что не думаетъ, чтобъ она согласилась, не будучи еще замужемъ, жить съ вами въ одномъ домѣ. Живѣйшее желаніе вашего дядюшки — чтобъ все это была правда; но прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь (онъ хотеть дѣйствовать въ вашу пользу), онъ желалъ бы имѣть письменныя доказательства вашего брака.

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ вошла Доркесъ и сказала, что *какой-то господинъ* желаетъ поговорить со мною, потомъ прибавила на ухо: «Барыня проситъ васъ на минуту.»

— Попроси его подождать, сказалъ я Доркесъ: я тотчасъ къ нему выйду.

Потомъ, обратясь къ капитану, продолжалъ:

— Капитанъ Томлинсонъ, вы дѣлали мнѣ столько вопросовъ,

что, наконец, позволите мнѣ въ свою очередь спросить васъ только объ одномъ: какинъ образомъ почтенный мистръ Юлій Гарло открылъ убійство своей племянницы?

— Очень просто, графъ: одинъ изъ серкеровъ мистра Юлія, увидавъ васъ въ театрѣ съ миссъ Клариссой, пошелъ за вами, а на другой день сообщилъ барину свое неожиданное открытіе. Все это остается пока въ тайнѣ между мной и мистромъ Юліемъ Гарло; остальная родня еще ничего не знаетъ, потому что дядюшка вашъ не доверяется мистру Джемзу. Что же до меня касается, то я не такъ давно знакомъ съ мистромъ Гарло, потому что недавно купилъ подлѣ замка его ферму въ довольно плохомъ положеніи, и живу теперь на этой фермѣ. Я познакомился съ сосѣдомъ моимъ въ кегляхъ; мы оба превосходно въ нихъ играемъ, и я понемногу сдѣлался повѣреннымъ этого джентльмена. Это было въ воскресенье, три дня тому назадъ; мы встрѣтились съ нимъ въ церкви; мистръ Юлій Гарло пригласилъ меня къ обѣду, и за десертомъ, въ минуту откровенности, сказалъ, что никогда не утѣшится и вѣчно будетъ горевать о своей дочери-племянницѣ, и что все семейство, исключая брата и сестры, сожалѣетъ о томъ, что случилось. «Но между нами не можетъ быть примиренія, прибавилъ мистръ Юлій, если Кларисса не обвинена съ джентльменомъ, съ которымъ бѣжала.» А какъ я собирался въ городъ по собственнымъ дѣламъ, то дядюшка вашъ поручилъ мнѣ спросить васъ самихъ, въ какомъ положеніи находятся ваши дѣла. Теперь, простите меня, милостивый государь, что я былъ такъ не скроменъ и безъ вашего приглашенія вошелъ въ этотъ честный домъ....

Въ эту минуту Доркессъ въ третій разъ вбѣжала въ комнату и сказала громко: «Баринъ этотъ не хочетъ ждать милордъ, онъ сердится и хочетъ говорить съ вами сію же минуту.

— Извините, капитанъ.

— Сдѣлайте милость, графъ, безъ церемоній; мнѣ и то совѣстно, что я такъ долго задержалъ васъ; но извините меня, если я настаиваю: мнѣ нужно кончить порученіе; я далъ другу слово, и потому завтра зайду за отвѣтомъ!

— И сдѣлаете мнѣ честь, капитанъ, останетесь съ нами завтракать.

— Согласенъ, только по-раньше, потому что отсюда до моей фермы довольно далеко, а если я опоздаю, то обезножую жену и дѣтей.

— Такъ до завтра, милостивый государь, я ожидаю васъ въ

одинъ часъ, мы ашзонъ рано. Принято решение: благопріятности моей, миссъ Томлинсонъ, и я рожу сказать вамъ, что для не- жель быть какое-нибудь приириеніе между мной и семействомъ, котораго было ко мнѣ тѣмъ жесточе, то ставлю за честь себя, что оно сдѣлается черезъ посредничество такого человека, какъ вы, капитанъ.

Тутъ основательно наконецъ разспросы посланнаго дяди Юлія и мои отвѣты; мы разсѣлись дружески, но серьезно, какъ свѣтскіе люди, которые не всё-еще высказали другъ другу.

Воскресенье, вечеръ.

У меня въ головѣ было много плановъ, и я надѣялся устро- нить много съ этимъ капитаномъ Томлинсономъ, но признаюсь, дошло до меня отказаться отъ невозможнаго. Когда я началъ разговоръ съ подложнымъ посланникомъ мистра Юлія Гарло, какъ начинаютъ бой на шпагахъ, то надѣялся, что миссъ Кла- рриса испуганная сухимъ и холоднымъ тономъ, не предвѣщав- шимъ ничего хорошаго между двумя джентльменами равно гор- дыми, упрямыми и всмыльчивыми, выскочить не равно изъ за- падни своей, закричитъ благимъ матомъ и рада будетъ даже при капитанѣ, называться леди Ловласъ! Я думалъ, что миссъ Гарло кончитъ тѣмъ, что подпишетъ письмо своимъ собственнымъ име- немъ, и тогда у меня будутъ неоспоримыя, письменныя доказа- тельства нашихъ короткихъ и тѣсныхъ сношеній. Одинъ чортъ можетъ знать, куда бы невольно вовлекла и эта подишь, но это остается до другаго разу; во всякомъ случаѣ я хорошо посту- пилъ, что не поспѣшилъ, потому что возлюбленная моя не клю- нула бы за удочку. «Вы сами теперь видите, мистръ Ловласъ, вскричала она, до чего мы дошли вашими кривыми путями! На самый простой вопросъ вы не можете отвѣтить ни да, ни нѣтъ, а между-тѣмъ вся будущность и честь моя зависятъ совершен- но отъ вашего отвѣту!» — Но что жъ мнѣ было отвѣчать, мой ангелъ? Что мы женаты? вы бы этого не потерпѣли; а тѣмъ согласиться въ томъ, что я вамъ не мужъ и вы мнѣ не жена, я скорѣе соглашусь умереть. Я не хочу быть лгуномъ въ соб- ственныхъ глазахъ. На что упряница эта отвѣтила, что на этотъ разъ она скажетъ капитану всю правду, потому что она посланъ отъ имени дядя ея Юлія; она умоляла меня самымъ нѣжнымъ голосомъ, послѣдовать ея примѣру, не лгать, не обма- нывать честныхъ людей. Она ждала съ нетерпѣніемъ слѣдующа- го дня! На другой день, въ назначенный часъ, капитанъ явился.

Хорошо! Вотъ ее всѣмъ своимъ принадлежностямъ, съ подпитой къ черку волосой; съ вышитыми шнуромъ ногши и одѣтый въ широкое дорожное платье; онъ ходитъ, говоритъ и держитъ себя весьма важно, сурово, какъ слѣдуетъ отцу семейства.

«Миръ и хорошая компанія мнѣму семейству» вскричала повѣренный изъ дворянъ мистръ Юлиа, и тотчасъ ми завали втораго разговора. Чтобы кончить поскорѣй и некоротко предисказать моей владичинѣ, которая была на стражѣ, подслушавши насъ за дверьями, я откровенно сказалъ почтенному мистру Томлинсону, что еще не женатъ на миссъ Клариссъ Гарло, и что счастье это не отъ меня зависитъ.

«Одинъ Богъ знаетъ, капитанъ, какъ пламенно я этого желаю, и если бы только могъ располагать своими дѣйствіями, то на другой же день, послѣ того какъ миссъ Кларисса принуждена была оставить отцовскій домъ, я бы съ радостью предложилъ ей мою руку и тотчасъ же бы женился. Но она колебалась и до-сихъ-поръ еще колеблется, потому что такъ уважаетъ и такъ любитъ своихъ родителей, что заключаетъ все счастье въ ихъ прощеньи, и потому, не примирившись съ ними, она не хотѣла рѣшиться идти за меня безъ ихъ благословенія; все, что до-сихъ-поръ я могъ у нея выпросить, состоитъ въ позволеніи представить ее въ этомъ честномъ домѣ подъ именемъ леди Ловласъ, и еще мнѣ надо было объяснять моимъ сосѣдкамъ, что мы принуждены жить какъ братъ и сестра. Представьте, любезный капитанъ, до чего доходитъ ея скромность! Она отказываетъ мнѣ даже въ самыхъ невѣстныхъ ласкахъ! Будьте, однако, такъ благосклонны и взгляните на этотъ контрактъ, который я уже давно предлагалъ миссъ Клариссъ, и который къ несчастію все отлагается день за день». Я указывалъ Томлинсону на разные пункты, изъ которыхъ хотѣлъ свить какъ можно гуще свадебный вѣнокъ миссъ Клариссъ и перещеголять «шотландскую угодлиность» дамамъ моею англійскою угодливіостью; я далъ тоже прочесть униженному джентльмену благоклонное письмо моего дяди и великодушныя его предложенія насчетъ брака, который по всему будетъ совершенно счастливъ. Только бы жена моя была уважаема какъ слѣдуетъ быть одной изъ знатнѣйшихъ особъ Англіи, чтобы только она забыла въ радостяхъ и царской роскоши несчастія отравившія жизнь ея, тогда бы я былъ на верку блаженства. Такъ будьте же такъ добры, капитанъ, и помирите насъ какъ можно скорѣе съ мистромъ Юлиемъ Гарло, котораго я всегда глубоко

уважалъ, и скажите ему, что хотя я жду съ болѣеюмъ интересомъ разсказа этого дѣла, однако жду приказаній его соевоимъ должнымъ къ нему уваженіемъ. Слова мои возхитили честнаго друга мистра Юлія, и лодная кора вдругъ неожиданно растала.

«Ахъ! какъ я обрадую вашего дялюнку, вскричалъ Томлинсонъ. Я вижу и давно догадывался, что вы не совсѣмъ счастливы въ любви; я бы много далъ, чтобъ мать достойной этой дѣвушки узнала, до какой степени вы добры и великодушны. Напрасно говорятъ они, что вы самый опасный и безнравственный человекъ; я почитаю васъ самымъ благороднымъ джентльменомъ, и отивчаю за васъ какъ за самаго себя....» Въ эту самую минуту доложили, что кушанье подано, и прекрасная моя Кларисса, окруженная сіяніемъ и покоря своимъ величіемъ страсти мои, явилась на порогѣ комнаты. Глаза ея блестя тѣмъ тихимъ и чуднымъ пламенемъ, котораго я не видалъ съ-тѣхъ-поръ какъ она бѣжала изъ-подъ родительскаго крова; прелесть, грація, наивность, вызванныя милою, очаровательною улыбкою, снова появились во всемъ своемъ блескѣ. Боже! какъ она хороша! какъ пристало къ ней счастье, какъ оно красить ее! Какъ внутреннее самодовольствіе озаряетъ лицо ея! и какъ она довольна другими, когда можетъ быть довольна сама собою! Она приблизилась съ тѣмъ спокойствіемъ красавицы, которая чувствуетъ, что создана для того чтобъ повелѣвать. Капитанъ мой былъ дотогу восхищенъ, взволнованъ, изумленъ, ослѣпленъ такимъ небеснымъ видѣніемъ, что не могъ выговорить ни слова; онъ всталъ и поклонился съ тѣмъ глубокимъ и невольнымъ почтеніемъ, въ которомъ нѣтъ ни какого притворства или принужденія; я тоже поклонился, потому что почтеніе приличиво, и обратился къ ней какъ къ женщицѣ, которая носить мое имя. «Имѣю честь представить вамъ, графиня, капитана Томлинсона; онъ соглашается примирить насъ съ вашими родителями, которыхъ вы такъ горячо любите.» — И это будетъ самый счастливѣйшій день моей жизни, сказалъ достойный отецъ семейства. Кларисса протянула ему руку; онъ поклонился не дотронувшись до нея, и хорошо сдѣлалъ, потому что не смотря на дружбу его съ дялей Юліемъ, я бы проломилъ ему черепъ. Право, я до сихъ поръ еще не видывалъ ничего подобнаго, что бы могло сравниться съ благосклоннымъ величіемъ этого милаго ребенка. Мы сѣли за столъ и она внимательно стала вслушиваться въ каждое наше слово. Если бъ капитанъ былъ ангелъ, низшедшій съ неба, то и тогда бъ она не могла быть къ нему ласковѣе и почтительнѣе-

«Успокойтесь, сударыня, говорилъ онъ ей, кажется мы причаливаемъ къ берегу, потому что графъ дѣлаетъ съ своей стороны все, что можетъ; но осмѣлюсь ли я просить у васъ кончи съ того контракта, который графъ показывалъ мнѣ вчера?» — Какъ будетъ угодно мистру Ловласу, отвѣчала она. — «Не какъ мнѣ, а какъ вамъ угодно, душа моя! вотъ мой контрактъ, возьмите его, капитанъ; но вы должны мнѣ дать честное слово, что исключая мистра Юлія Гарло вы никому не покажете, рѣшительно никому!» — Какъ вы добры! сказала она обратясь ко мнѣ. Потомъ посмотрѣвъ на Томлинсона, прибавила: сдѣлайте милость, мистръ Томлинсонъ, скажите милому моему дядѣ, что я очень сожалѣю, что такъ жестоко мучала его. — «А я съ своей стороны клянусь отчизною и титломъ дворянина содѣйствовать всѣми моими силами къ прекращенію этихъ ссоръ, которыя постараюсь изгладить изъ своей памяти. Мистръ Джемъ и миссъ Арабелла мучались и мучали другихъ, чтобъ захватить себѣ состояніе, съ которымъ мнѣ нечего дѣлать; скажите имъ, что я отъ него отказываюсь и отказываюсь съ радостью; миссъ Кларисса тоже не станетъ вступаться, съ нею довольно того, что оставилъ ей дѣдушка, и если бъ даже она отъ него отказалась, я всё-еще обладаю такою особой, какъ миссъ Кларисса, буду слишкомъ вознагражденъ».

Въ это время маленькая ручка дотронулась до руки моей. — Ахъ! мистръ Ловласъ! прошепталъ мнѣ кто-то на ухо; и сладостный какъ весенній цвѣтъ голосъ остановился; нѣжный взглядъ досказалъ остальное. Въ эту минуту, клянусь небомъ, я говорилъ что думалъ, что чувствовалъ; это былъ самый счастливѣйшій день моей жизни съ-тѣхъ-поръ какъ я сталъ преслѣдовать Клариссу. Милое дитя! какъ чудно она улыбается! и какъ я радъ, что лицо ея наконецъ прояснилось! Обыкновенно она ходитъ и говоритъ медленно, но когда заговоритъ о тѣхъ, кого любить, она становится живою и краснорѣчивой. Послѣ ухода капитана нѣжная моя Кларисса сложила ручки и сказала съ восторгомъ:— Когда я вспомню, что батюшка простить меня, снять съ преступной головы моей свое ужасное проклятiе, что матушка протягивая трепещущія свои руки, станетъ душить меня въ радостныхъ объятiяхъ, называя по прежнему милою своею Кларочкою, то мнѣ кажется, что я съ ума сойду отъ радости! Я увижу также дядюшекъ, дядю Антонiя, немного грубаго, дядю Юлія, болѣе нѣжнаго, наконецъ тетюшекъ, добрую мою Нортонъ, малютку Долли! и, наконецъ, домъ, гдѣ я родилась, выросла!... Я

увидевъ также съ братомъ и сестрой; подгляжу ихъ и скажу, что все забыто. Я увѣрена, что васъ хорошо примутъ, сначала можетъ быть немножко холодно, но когда увидать, что вы за человекъ; и узнаютъ все, что вы для меня дѣлали и какъ обходились съ бѣдной изгнанницей, то, вѣроятно, вполне оцѣнятъ ваше великодушіе. Говоря это, она такъ мило улыбалась, что я невольно всемигнулъ слова одного философа: «Не вѣрь добродѣтели, которая не знаетъ улыбки». Вся душа ея перешла во взоръ; глаза наполнились чистыми какъ кристаллъ слезами; каждое ея слово свѣтлое, звучное какъ золото, переходило отъ слуха къ сердцу.... Гордая и надменная моя пастушка встала, какъ-будто испугалась, что слишкомъ много высказала, и, дѣлая мнѣ знакъ рукою, ушла въ свою комнату.

Среда, 31 мая.

Nunquamne intelliges, dialectice senex, puerile argumentationis vitium? Когда старая твоя діалектика перестанетъ мучать меня пустыми своими доводами? Если ты воображаешь, что у меня есть время читать новую твою проповѣдь, которую посылаешь мнѣ съ такимъ благимъ намѣреніемъ, то крайне ошибаешься, другъ мой; надо предполагать, что ты чертовски самолюбивъ! Разумѣется, ты выбралъ хорошую минуту, чтобъ на четырехъ страницахъ размянуть мою совѣсть, которая бѣ мучила меня пока я писалъ тебѣ вчерашнее письмо. О! любезнѣйшій Бельфордъ, ты только декламаторъ въ сравненіи съ моею Клариссою, мажнѣе движеніе которой говорить краснорѣчивѣе всѣхъ твоихъ разсужденій. Ты говоришь, что я дѣйствую неблагородно, что я сдѣлаюсь жертвой фурій, что губя ее я гублю себя, что я стремлюсь къ двойному безчестию, во-первыхъ, къ ея безчестию, во-вторыхъ, къ моему собственному, что я вовлекъ ее въ такой проклятый домъ, что преслѣдуя ее уничтожаю самаго себя. Все это я знаю и безъ тебя, или лучше тебя, мудрый мой наставникъ; но какъ быть? что дѣлать? умиленіе мое бываетъ такъ мимолетно, а раскаяніе такъ быстро исчезаетъ. «О, сварливая любовь! о, влюбленная ненависть! она слишкомъ хороша и слишкомъ разсудительна; а если судить по разсудку, то она опять слишкомъ хороша, чтобъ заслужить счастье приводя меня въ отчаяніе!». Прости мнѣ за цитату; я заимствую ее у веронскаго Гвидиона, въ котораго Ромео, котораго Мобрѣ не взялъ бы себя въ лапы. Кетати о Мобрѣ, вотъ онъ такъ можетъ похвастаться ушкани въ любви!

Решю яному сподти только подрагаться, чтобъ проведишь его бросишься къ нему на шею; онъ не удержитъ еще скатать какой-нибудь шемы, хотъ этой напримеръ: bon jour, tout amour, какъ дама спускается уже съ балкона дворянку, и она выдвигается на вышней ступени блаженства, и подотъ по носу горло дуръ мса-дорощка и солосель! Не знаю, не мнѣ кажется, что даже воздуха, котораго дышать въ этомъ домѣ, заразителенъ, и мнѣ бы хотѣлось посмотреть на тебя и твою добродѣтель, окруженную этими гадкими лицами, которыя вѣчно чего-нибудь просятъ: порока, преступленья или шелкового платья! Что придумать, чтобъ выдаться здравымъ и невреднымъ двъ ногтой старатительной Сентъ-Клеръ и невинности миссъ Клариссы? обѣ эти провасти одинаково пугаютъ меня! Чтобъ выиграть, наде жить коронную икру; но до сихъ-дору я приногрываю по всѣмъ выры, а между-тѣмъ не могу снять осады съ этой крѣпости, потому что послѣ сраженій трудозъ съ этою дѣвочкой, какъ съ дорониномъ рас-травидка, я не хоту быть осмѣяннымъ этими шутками въ те-пидныхъ платьяхъ. Ктому жъ, (это прелебозыгная миссиды, confesseio amancis) переосетъ ли мал-гордосць гакре совершонное пораженіе? Мнѣ, побѣдителю, которому двъ осада миссиды не по-формла идель! покоряться такому униженію! Куда жъ дѣлется тогда мое миссиде? О! если когда-нибудь... а какъ это коада-ни-будъ можетъ очень скоро случиться... а уснѣно извернувшая по-средствомъ этихъ пидкикъ хитростей (да, прелебозель, мизанки), и положу къ ногамъ Гарло перство и гермогеную корону: зако-летъ ли благородная эта дѣвушка принять ихъ изъ совершон-ныхъ рукъ моихъ? Сомнѣваюсь! а если бы она приняла, то не думаю чтобъ я на это согласился! О, ошверная моя доррора! о, злодѣйская душа моя! прелесть, ужасъ, горе, сомнѣнье, пламан-ная доррорадка, и всѣ страсти, которыя терзають, убивають и приломатъ меня въ упоенье, нуужки я погану воо это од-чить дупороніемъ? Ктому жъ миссъ Кларисса (ушраица, ко-торая только по своему захочетъ разогаться съ титламъ дѣ-вучки!), сдѣлавшесь разъ леди Ловласъ, прелесть ли мнѣ это ужасное покушение на ея репутацию?... Нѣтъ, что ты мнѣ го-вори, я совсѣмъ не такъ виноватъ какъ ты думаешь; правда, что преступленья мои безчисленны, но я еще не сдѣлалъ настоя-щаго преступленья: преступленья противъ ея особы. Я ужъ боль-ше не прежній Ловласъ; любовь сдѣлала изъ меня ручнаго змѣя и эта любовь, исполненная лжениій, засталяетъ меня сомнѣвать-ся въ самомъ себѣ. Неужели столько угождений, столько безно-

нотскихъ трудовъ, столько искусныхъ выдумокъ, столько старыхъ хитростей и хитростей совершенно новыхъ, пропали совершенно даромъ? и я, родной племянникъ Роберта Дявола, моего патрона, защитника и покровителя, я! второй Кесарь, что я выигралъ послѣ всѣхъ этихъ тревогъ и волненій? Ровно ничего. Каждый вечеръ я возвращаюсь съ оживленными всѣми, что видѣлъ, глазами и пустыми руками, потому что ничего не успѣлъ схватить. Нѣчего сказать! хороша я въ этомъ видѣ! Какое невѣроятное униженіе!

Четвергъ.

Не издумай благодарить меня за такое безчисленное множество писемъ; я пишу ихъ не тебѣ, а самому себѣ; мнѣ надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходитъ у меня въ сердцѣ. Жизнь моя летитъ теперь такъ скоро! не потому что въ мнѣ могу похвастать побѣдами, напротивъ, эта добродѣтель съюза взяла верхъ надо мною и осыпаетъ меня правоучительными и быстрыми возраженіями, на которыя я не знаю что отвѣчать. За малѣйшее слово, за малѣйшій жестъ, за какую-нибудь бездѣлицу я теряю все что приобрѣлъ накануне, а главное теряю хладнокровіе. Въ ту же минуту мы начинаемъ ссориться и въ игнорованіе она переходитъ черезъ всѣ степени отчужденныхъ дуэлистовъ; отъ сладкой къ кислой улыбкѣ, отъ кислой улыбки къ вѣдливости, отъ вѣдливости къ холодному прощенью, отъ холоднаго прощенья къ грубому возраженію, а отъ грубаго возраженія къ окончательной ссорѣ.

Недавно она была такъ мила, такъ весела! Она воображала уже себя моею женою, и устроивала со мною домъ свой; она не признавалась, что любитъ меня, но уже согласилась, что вышла изъ равнодушнаго состоянія.

Это было много для нея, но слишкомъ мало для меня, и я всѣми мѣрами старался поддержать въ ней это расположеніе, и потому мы говорили только о контрактахъ, нотаріусѣ Моларѣ, капитанѣ Томлисонѣ, о семейныхъ дѣлахъ, и даже о дѣтихъ, о первомъ, о второмъ, о третьемъ, и о четвертомъ, потому что эти свадебные контракты все предвидѣть, во все мѣшаются. Она покраснѣла, опустила глаза и что-то преробормотала. Что сдѣлалъ бы ты на моемъ мѣстѣ? По невинности своей, я воображалъ, что настала минута быть немножко попредпринимчивѣе, и схвативъ обѣими руками ея маленькія ручки, я придвинулся такъ близко, какъ только можно.... прекрасныя ея волосы касались моихъ волосъ; отъ всей особы ея вѣяло чуднымъ ароматомъ

нездоровья, кривоты и нечистоты.... Я была такъ близка, что могъ слышать каждое биченіе ея сердца! Иногда немного, я осмѣлилась трепещущимъ голосомъ говорить ей о моей важной привязанности.... Она слушала съ восторгомъ, какъ-будто звукъ моего голоса отзывался въ душѣ ея!... Я говорилъ важнымъ голосомъ, глядя въ пламеннымъ взоромъ.... я вспоминалъ ея отца, мать, радовался заранѣе ихъ благословенію: даже называлъ невестиньями имена брата Джона и сестры Арабеллы! Я говорилъ такъ много, такъ трогательно, такъ краснорѣчиво, а голосъ мой дышалъ такой истиной, что она обратила наконецъ на меня прекрасные глаза свои безъ гнѣва, съ неопредѣленною благосклонностью. Въ это время я вспомнилъ, отчего не потати, стихи одного поэта, который, кажется, написалъ ихъ отъ нечего дѣлать, или самъ не былъ въ такомъ положеніи: «Начинай разговоръ, а потомъ, когда почувствуешь смущенье, воспользуйся случаемъ и поцѣлуй.... Когда не знаешь, что говорить, то это лучший способъ.» Болтай себя! ничего сказать, хорошо удался мнѣ этотъ способъ! Я говорилъ и не переставалъ говорить; а когда разговоръ нашъ востопился, я всталъ поспѣшно, схватилъ обѣими руками прелестную ея головку и впечатлѣлъ на губахъ ея огненный поцѣлуй. Она воспыла какъ разъяренная львица! Мнѣ кажется, — я дѣлаю тебѣ судья, — что въ сновеніяхъ, въ которыхъ мы теперь находимся и для дѣвушки ея лѣтъ, поцѣлуй — если не позволительный, такъ по-крайней-мѣрѣ непростительный грѣхъ. Если бъ ты видѣлъ въ эту минуту ея презрительный взглядъ, негодованье, гнѣвъ, ушасть!... (Можно ли плакать о такой бездѣлицѣ, какъ Діана плакала у есента!) Она тогнула ногою, ухватилась сматыми кулаками за дѣше, который служилъ ей обороною, и голосомъ, прерываемымъ рыданіями, которыя уже готовы были вырваться изъ груди ея, вскричала: «Низкій! подлецъ! лгуны! вы позволяете себѣ дерзости вѣрно потому, что я одна, что я весь выслушиваю и что за меня келому вступиться?... о, матушка! матушка!...»

Она убѣждала, не хотѣла больше меня видѣть, и мнѣ надо было обождать, пока пройдетъ вешетка. О, боги и богини! какъ украшалъ ее гнѣвъ! Я просилъ, умолялъ о прощеньи: напрасныя молитвы! Я совершенно испортилъ свое дѣло и, вмѣсто того чтобъ идти впередъ, отскочилъ еще на нѣсколько шаговъ.

Глухая дѣвочка! ты ухаживаешь за ней какъ за богиней, а она смотритъ на тебя какъ на собаку. Съ высоты своего величія она кажется говорить тебѣ: «Люби меня за мою славу.» Какъ ты

думаше? куда есть своего рода крабость! Если осмелюсь сказать несколько откровенно мое разсуждѣніе, я вижу тѣмъ, что можно за капитаномъ Томпсономъ изъ рыбному рынку, гдѣ онъ теперь находится.

«О! прійди въ менъ объятая, любимый посредникъ моего счастья!»

Ты знаешь, вѣроятно, въ какомъ родѣ можетъ быть этотъ *Johannes factotum* между порохомъ, этотъ капитанъ Томпсонъ, доверенный представителемъ моей власти! Ты правъ; весь цѣлый свеломъ готовъ къ твоимъ услугамъ, и прежде меня никто даже не подозрѣвалъ, чтобы въ такой гадкой раковинѣ скрывалась такая драгоценная перлъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ самымъ низкимъ и презрительнымъ, потому что онъ старій сынъ ланды и голыда; вѣроятно его мамка, какъ жиды, подъ камнемъ шибудь дубомъ; мамка, вѣроятно, говоритъ дерзости, заноситъ, шутитъ, — вотъ чему онъ выучился въ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но что бы онъ не предпринималъ, прекрасная фортуна всегда не удоставляла его своимъ благоволеннымъ измѣнлнмъ. Онъ не дуракъ, даже очень далеко отъ этого, и я довольно часто подмѣчаю что изъ него сдѣлаются шопры, очень похожія на ушь.

На двадцатомъ году жизни, онъ уже до ушей погруженъ въ благороднѣе общества испаніи, и подружился съ людьми каждаго достоинства классовъ, которые идутъ характерными тропинками въ снѣгъ вѣчной радости. Его можно рекомендовать какъ полезнаго обладателя различныхъ ничтожныхъ качествъ, которая доказывающа бедность воли и ласкѣ тѣла. Онъ пріятель тоже ушѣхи въ любви, и если угодно, разскажетъ, что не кончилъ жениться на какой-то безвѣстнѣ, у которой было сто тысячъ червонныхъ въ годъ дохода, потому что каминъ ее дымился. Разношерсти, улетчиво мальчишка и доринни, гадка на его шумѣра и смѣху, призывающа его шиптанннмъ; онъ вѣчно носится съ игорными фишгнннн, право, вошутно самого либуудъ плута. Онъ любитъ серебро, отъ серебра томе не откажется, а живеть тѣмъ же пошало, безъ сексаей, безъ рекомендабельныхъ писемъ, съ однимъ перокани, снѣлостью и умомъ. Нѣкоторое время онъ ннмѣлъ надежду сдѣлаться честнымъ человекомъ; пріятнал, но тщетная надежда: не ограничить свои честолюбиваго пламы, онъ, съ грѣхомъ помоланкѣ, сталъ довольствоваться жизнью, проходящею въ ѣдѣ и пнтьѣ. Онъ бѣденъ какъ поэтъ, то есть ужасно бѣденъ, ннмѣлъ однако всѣ дороге стоящія потребности богатаго джентльмена; но онъ экономически замѣнилъ ихъ зеленою кондальскою юнкою

и не советѣмъ закуперенною бутылкой. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ золъ отъ природы, но его милость можно назвать большимъ мошенникомъ; еслибъ онъ не былъ чистымъ бродягою, то во всякомъ случаѣ былъ бы отличвымъ куртизаномъ. Однимъ словомъ, нахаль, лгуны, жадный, задорный, какъ цѣпная собака, въпрекъ сомнительной честности, отчасти забіяка, отчасти поэтъ, отчасти все, что шкуда не годится; законодатель кабаковъ, угодившій красавицъ, ни въ чемъ не сомнѣвающейся и всегда готовый на самыя отчаянныя выходки. Въ Дублинѣ, когда онъ назывался Патрикомъ Макдональдомъ, что почти равняется съ его настоящимъ именемъ, если онъ носилъ его когда-нибудь, поведеніе его не разъ было на замѣчаніи у полицейскаго комиссара, вотому что нашъ герой не всегда держалъ себя въ границахъ позволеннаго мошенничества; мнѣ даже кажется, не во вредъ будь ему сказано, онъ до того былъ простъ, что утверждалъ въ судѣ такую вещь, въ которой самъ не былъ совершенно увѣренъ, и чтобъ вынудить его изъ этой бѣды, надо было употребить всю мою силу и дялюшкину власть, который былъ тогда хранителемъ бумагъ и секретаремъ его величества. Ему спасли голову, но свернули шею, и послѣ этого несчастія онъ живетъ остаткомъ своего ума, котораго нищета не успѣла еще задушить. Такой спекуляторъ, что пожертвуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобъ биться съ вами объ закладъ за сотню булавокъ, и тутъ еще выпрастаетъ; онъ называетъ себя, шутя, самымъ веселымъ бѣднягою въ Европѣ. Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ за свои злодѣянія и преступленія, вотому что пьянство есть самое лучшее его достоинство, онъ нѣтъ на лету, какъ египетскія собаки, и хотя нельзя предвидѣть, которая изъ этихъ великихъ добродѣтелей приведетъ его въ уголовный судъ, однако ты увидишь, что онъ когда-нибудь добудетъ себя мѣсточко въ Ботани-Бей. Салли сказала ему однажды:

«Быть тебѣ повѣшеноу, капитанъ, по какой-то внутренней голсъ говорить мнѣ, что ты сорвешься съ веревки; ты такой изворотливый! А еслибъ даже веревка и не оборвалась, такъ и тогда не на что жаловаться; може разъ корошо повѣсать, тому счету больше требовать.»

Въ ожиданіи этого счастливаго дня, такой человекъ былъ для меня находкою, особенно утромъ, на тощакъ; онъ же съ своей стороны, какъ только увидѣлъ меня, сказалъ: «У васъ въ энзі-опоніи есть что-то такое, что говорить въ вашу пользу, и вы

мнѣ такъ нравиться, что я съ удовольствіемъ буду называть васъ моимъ господиномъ.»

По симъ достаточнымъ причинамъ и черезъ посредничество моихъ *дукатовъ*, мы подружились съ перваго слова, и я никогда не видалъ такихъ хитрецовъ, которые бы лучше понимали другъ друга какъ я и почтенный мой сподвижникъ, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ. Когда такой бродяга, который во всю жизнь не сдержалъ ни одной клятвы и на слова котораго можно также положиться какъ на щеты трактирщика, сдѣлаетъ договоръ съ чортомъ, то увидишь, что онъ исполнитъ договоръ.

Впрочемъ, онъ умѣетъ хранить тайну, скакать верхомъ на лошади, ходить пѣшкомъ, вѣрно передать ничего невзначайшее порученіе; я держу его въ рукахъ и иду какъ воскъ, изъ котораго дѣлаю какія угодно фягуры. Добрый капитанъ возвратился сегодня утромъ, и какъ залетная птичка, которая улетая на зиму, приносить съ собою весеннюю пѣсню, онъ сказалъ, что мистръ Юлій Гарло прислалъ его къ намъ съ поклонами, и благодаря его посѣщенію, миссъ Кларисса согласилась снова удостоить меня своимъ присутствіемъ. Такимъ образомъ она предстала нашимъ взорамъ въ своемъ обыкновенномъ величій. «Никогда Тунисъ не былъ украшенъ такою несравненною царцею!» Правда, что на прелестномъ лицѣ этомъ не было вчерашняго спокойствія; но когда заговорили наконецъ о дядѣ, когда она увидѣла честное лицо добраго Томлинсона, когда мы стали вспоминать то счастливое время когда она была радостью и украшеніемъ семейства, неизсякаемымъ предметомъ похвалъ и вѣжности, весельемъ, восторгомъ молодыхъ людей, успокоительнымъ бальзамомъ старцевъ, которые окутывали ее широкимъ покрываломъ благосклонности, то прелестная трусиха успокоилась и стала слушать насъ внимательно. Добродушный капитанъ, озолотивъ насъ своими ласковыми словами, которыя только могъ найти въ своемъ лексиконѣ, не скрылъ однако, что мистръ Юлій Гарло былъ крайне огорченъ, узнавъ что племянница его и я, не будучи еще женатые, живемъ въ одномъ домѣ. «Какое пятно на домѣ Гарло!» вскричалъ онъ; но послѣ минутнаго гнѣву, мистръ Юлій, который, въ душѣ, любитъ свою племянницу за десятирехъ дядей, понялъ наконецъ, что хоть приличія и не соблюдены, по крайней-мѣрѣ честь спасена. Дай вамъ Богъ счастья, капитанъ, за такія добрыя вѣсти, сказалъ я: все что вы намъ передаете исполнено такихъ блестящихъ надеждъ, что я, право, не знаю какъ и благодарить васъ! «Выслушайте теперь послѣднія

слова вашего дялюшки, мистръ Ловласъ, сказалъ Томлинсонъ; овъ говорить:—Надо какъ можно скорѣе кончить это дѣло, либезный сосѣдъ; лучше поторопиться чѣмъ опоздать; и потому прошу васъ сказать племяннику и племянницѣ, чтобъ они не медля явились; если у нихъ нѣтъ свидѣтелей, то я знаю одного....» Томлинсонъ сказавъ это, мигнулъ глазомъ, и такъ выразительно, что Кларисса, забывая вчерашнюю свою досаду, вскричала: «Ахъ! мистръ Ловласъ! какое счастье, если бъ самъ дялюшка согласился быть нашимъ посаженнымъ отцомъ, если бъ онъ удостоилъ этой чести сироту!...» Милое дитя! она улыбается въ этомъ постыдномъ домѣ! горе мнѣ, если я не полюблю ее всей душою! Напрасно я стараюсь повторять себѣ: «Шуми, заглушай совѣсть, не бойся людской молвы, иди на перекоръ приличіямъ, понирай все погамп, но не уступай, иди къ своей цѣли,» а между-тѣмъ я дрожу, колеблюсь и не смѣю рѣшиться на такое гнусное дѣло! Сколько разъ мнѣ приходило въ голову упасть къ ногамъ ея и признаться во всѣхъ своихъ преступленіяхъ! Да, я признаюсь ей во всемъ, скажу, гдѣ она находится, въ какомъ ненавистномъ, безбожномъ мѣстѣ, кто таковы эти Сенъ-Клеръ и человекъ, котораго я называю своимъ другомъ за немнѣніемъ лучшаго; если же я не сдѣлаю этого, Бельфордъ, то,—клянусь розами и невинностью ея молодости,—потому только, что знаю ея благородный характеръ, великодушіе; она до того возвышенна что если взоръ ея проникнетъ въ мою душу и увидитъ въ ней истинное раскаяніе, она навѣрное проститъ меня!

Прощай, не надо углубляться въ такого роду вещи, не то съ ума сойдешь; впрочемъ внезапная грусть предвѣщаетъ можетъ быть счастье, какъ знать?

Подойди поближе, Доркесъ, я ужъ слишкомъ долго обдумываю что лучше: *слишкомъ торопиться, или слишкомъ опаздывать.* На этотъ разъ я хочу отдѣлаться отъ *болѣзни спокойствія* (sick of a calm) и горю на медленномъ огнѣ, при мысли, что она такъ близко и всё еще не моя; жребій брошенъ; намъ придется предоставить мраку соединить *бѣлую розу съ алой.* Ты знаешь въ чемъ дѣло, и чего я отъ тебя требую: госпожа твоя уйдетъ сегодня рано въ свою комнату; она будетъ веселѣе, слѣдовательно доврчивѣе обыкновеннаго. Надѣюсь, что она не просидитъ нынѣшнюю ночь за писаньемъ, на то есть день, а ночью надо спать. Что жъ до тебя касается, будь готова, Доркесъ, и ска-

жи чтобъ весь домъ былъ къ моимъ услугамъ; я хочу спать, наконецъ, не встопычъ ли Купидомъ всѣхъ стрѣлъ своихъ въ Венеціи. Отдавъ приказанія, я остался одинъ; небо было черное; тѣмъ лучше! ночью не чувствуешь стыда!

— Кровь кипитъ, kloкочеть, сердце бьется при одной мысли о Клариссѣ! Ободрись, Ловласъ! одни дѣти боятся привидѣній! Если хитрость эта удастся мнѣ... то я не стану, можетъ быть, расказываться! Серебряная діадема Цинтіи потускнѣла; страшное время летаетъ надъ изумленнымъ міромъ!... «всѣ засыпаютъ, пеключая воровъ, убійцъ, влюбленныхъ и взволнованныхъ сердецъ».*

— Знаешь что, Бельфордъ? я думаю, что если ты увидишь меня завтра, то найдешь во мнѣ большую перемену: мнѣ кажется, что завтра я сдѣлаюсь степеннымъ, глубокомысленнымъ.

Понедѣльникъ, 5-го іюня, пять часовъ утра.

Я разскажу тебѣ мою ночную драму, и постараюсь разсказать просто, хотя я еще въ отчаяніи отъ своей смѣлости.

Какую провелъ я ночь! и въ какомъ волненіи! Было два часа утра; все спало, или скорѣе все повидимому спало въ этомъ проклятомъ домѣ; надо мною покоилась возлюбленная моя Кларисса, которая спала тихо, беззаботно, на краю страшной пропасти! «Нечистыя колдуньи, к чему показывать мнѣ это видѣніе?» Несчастный! я какъ Антоній, *невольникъ этихъ осенцивъ!* Не надо гадать, не оиѣ а желанія влекли меня туда! Вдругъ послышался глухой продолжительный шумъ; всѣ по немногу пробуждаются, волнуются, беспокоятся; голоса говорятъ все громче, явственнѣе, отрывистѣе, и наконецъ раздражаются ужаснымъ крикомъ: *Пожаръ! пожаръ! пожаръ!* мы горимъ! Спѣшите! спасайтесь!

Въ одну минуту всѣ посиакали съ оестелей. Вбѣгаетъ полуодѣтая, испуганная Доркесъ и кричитъ завыхаясь: Ахъ! Господь! Боже мой!... *пожаръ!*... вставайте, сударыня, говоритъ она, подбѣгая къ дверямъ Клариссы и стуча замкомъ изо всей силы, вставайте, отворите, или все погибло!»

Услыхавъ крикъ, Кларисса встала, отдернула задвижку... и явилась глазами вашими свѣжѣе розы, бѣлѣе ливн, освѣщенная вечною лампадою, которая дрожала въ рукахъ ея. Представъ себѣ свѣтлее явленіе ангела! «Я тутъ, душа моя, но бойтесь,

* Катонъ, трагедія Анносова.

вскричала я, взявъ ее за руку, опасность миновалась, глупая эта Доркесъ только напугала васъ своимъ крикомъ!... Теперь нечего бояться, успокойтесь.» Я подошелъ къ ней, обнявъ, прижалъ къ сердцу, къ губамъ и чувствовалъ, какъ она дрожала, изнемогала въ моихъ объятіяхъ. Нѣтъ, ничто не можетъ изобразить, описать эту сѣбжесть, молодость, этотъ совершенный типъ идеальной красоты; этотъ крикомъ, одушевленный скромностью! Но зато я не знаю ни на какомъ языкѣ довольно сильнаго выраженія, чтобъ передать весь страхъ, весь ужасъ, все отвращеніе моей жертвы, когда она поняла наконецъ, что это я, Лопласъ, держу ее въ объятіяхъ, упоенный любовью! Вдругъ статуя, оживленная страхомъ, становится какъ ледъ холодная; прелестный станъ ея, смягченный глубокимъ сномъ, сжимается, костенѣетъ, чуть не ломается, только одни глаза пылаютъ пламенемъ негодованія, которое убиваетъ какъ молнія; глаза ея утопали въ слезахъ, а слезы въ глазахъ! Бѣдная дитя взывала къ Богу и умоляющимъ и грознымъ голосомъ требовала правосудія. Это былъ пронзительный, отчаянный крикъ горя, стыда, непреодоляемаго гнѣва; какое-то глухое рыданіе, заглушенное въ душѣ проклятіе, что-то странное, яростное, чего нельзя передать ни на одномъ человѣческомъ языкѣ. Всѣ члены ея дрожали; бѣдняжка!... Никогда не видалъ я существа исполненнаго такого горя, и сохраняющаго такое благородство.... признаюсь, я былъ слабѣе ея; прекрасная побѣдительница ускользнула изъ рукъ моихъ!... У меня не достало духу поправить столько молодости, красоты, невинности, скромности, или лучше сказать, я боялся, чтобъ въ рукахъ моихъ не очутился трунъ, и потому не удерживалъ ее болѣе. Освобождаясь, она стала какъ будто стряхать съ себя весь этотъ ужасъ... и озираясь кругомъ спрашивала, зачѣмъ совѣ и душа ея были возмущены такими страшными видѣніями. Наконецъ, на глазахъ ея навернулись слезы, тихія, безмолвныя слезы, а слезы вызвали трогательныя слова. «Если я оскорблялъ васъ, простите, скажите мнѣ моему; я смею моею, я смею вашей матеря, оставьте меня!»

— О, низкій и подлый человѣкъ, недостойный званія дворянина, измѣнщикъ, лгуна, обманщикъ! вскричала она и поспѣшно бросилась къ почкѣ, гдѣ увидѣла перочинный ножикъ и чуть не схватила его. Въ эту минуту она желала только смерти. Сердце у меня обмерло, я поблѣднѣлъ: «Клянуся тебѣ, побѣдоносный Римъ, въ печальной твоей одеждѣ!»

Она ушла не очуль. «Розы и лилии поочередно сѣнились на»

щекахъ ея. Бѣдница не знала куда съѣтъ и что дѣлать! Она схватила какую-то мантилью и накинула себѣ на плечи, потому что вся дрожала отъ внутренняго холоду. Никогда не видалъ я такой красавицы! Прелестныя, бѣлокुरыя ея волосы въ безпорядкѣ падали изъ-подъ чепчика, обшитаго кружевами, которые закрывали бѣлизнѣ ея рукъ и плечь; она вся свернулась и занимала меньше мѣста чѣмъ ребенокъ въ своей колыбели; она молчала, но верхняя губа вздернута негодованиемъ (вѣрный признакъ внутренней грозы) шептала вѣное проклетіе; потомъ, поднявъ внезапно обѣ руки надъ головою моею, вскричала: «Будь проклятъ, Ловласъ! будь проклятъ, разбойникъ!» Бѣлая пѣна выступила на губахъ ея. Это былъ вызовъ на бой дѣвственнаго рыцаря (virgin-knight), вызовъ на смерть! Какъ! можетъ ли быть, чтобъ такая робкая, такого смирнаго и кроткаго характера дѣвушка, которая казалось при малѣйшемъ движеніи стыдилась самой себя, была такъ мстительна, что призываетъ проклетіе на своего ближняго! Между-тѣмъ силы ея истощались, душа изнемогала.... Такъ она мол, наконецъ!... она погибала.... но по какому-то чуду свыше, она ускользнула изъ рукъ монхъ.... и упала къ ногамъ; сложивъ руки и глядя на меня глазами полными смоченнаго слезами огня, и закинувъ назадъ прекрасную свою голову, она умирала. Наконецъ! впервые мрачный и неподвижный взоръ и сложивъ руки, она стала просить, умолять, заклинать меня трепещущимъ, слабымъ голосомъ: «Спаси меня, праведный, милосердный Боже! Сжальтесь надо мною! говорила она: сжальтесь.... или убейте меня.... я жажду смерти.... умоляю о ней.... Ахъ! убей меня шпагою, только не убивай словами, взглядами! умоляю тебя! а когда меня не будетъ больше въ живыхъ, то прошу еще одной милости, только не смѣю....» Потомъ снова выходя изъ себя, говорила: «Кажется, нечего ожидать отъ тебя пощады или милости? Что это за мужчина, что за дворянинъ, который смѣется надъ такимъ горемъ! Подлецъ! презираю, ненавижу тебя какъ самого демона! Ахъ! столько подлости, Ловласъ! О, Боже, Боже мой! порокъ ругается надъ правосудіемъ! Пощади меня, Ловласъ! Прочь! прочь отъ меня! или я выйду изъ границъ терпѣнія.» Такъ умоляла она меня, и призывая къ себѣ на помощь все величіе твердой души своей, переходила отъ ужаса къ негодованію! Я между-тѣмъ слушалъ не слыша словъ ея, глядѣлъ, восхищался ею, обожалъ чудную эту женщину! Что мнѣ за дѣло до ея слезъ, ярости, мольбы, проклетій? «Несчастная! развѣ ты не видишь, что красота твоя

причиною моего преступленія? что я стремлюсь за твоей красотой, молодостью, певниностью, прелестью! Нѣтъ! нѣтъ! прочь жалость, прочь милосердіе, я ничего не хочу слышать: пусть все гибнетъ! весь міръ за минутное отдохновеніе на прекрасной груди твоей. Я жажду или тебя или смерти, моя Кларисса, моего безчестія и любви твоей. Я знаю, что сердцемъ моиѣ обладаютъ низкія чувства, но я люблю тебя! Зачѣмъ же медлишь ты любить меня? Зачѣмъ эти отказы, сопротивленіе, презрѣніе? Для чего приучила ты губы свои къ этому презрительному выраженію? Неопытная дѣвушка! развѣ ты не поняла, что мстительное это сердце ничего не прощаетъ и что въ безумномъ моемъ гнѣвѣ я былъ готовъ на такія дѣла, которыя бы привели въ содроганіе все человѣчество?»

Я цѣловалъ распустившіяся ея волосы, ароматъ которыхъ проливался мнѣ въ сердце. Жаркими поцѣлуями я хотѣлъ разогрѣть ея побѣлѣвшія губы, но она вскочила какъ стальная пружина и стала нападать, бросаться на меня, царапать мнѣ лицо, плакать, взывать къ небу, рвать на себѣ волосы, призывать мать, терзать себѣ лицо, руки, и называть меня «ужаснымъ человѣкомъ». Успокоясь немного, она продолжала: «Милый и великодушный Ловласъ! не губите меня, я у ногъ вашихъ, пощадите или лучше убейте меня! Я проклята! Ахъ, батюшка! батюшка! вѣдь ты проклялъ меня! О, милый дѣдушка, ты такъ нѣжно любилъ меня! спаси свою внучку! спаси твою Клариссу! твою малютку Клариссу! Ахъ, братъ, братъ!....» (Да, она призывала даже брата!) А какъ никто не приходилъ къ ней на помощь, то она выходила изъ себя, и раздражалась гнѣвомъ, горемъ, безграничнымъ отчаяніемъ! — «О, Ловласъ! сжальтесь надъ собою! подумайте о Богѣ, о душѣ вашей! посмотрите, я умоляю васъ на колѣняхъ!» И въ самомъ дѣлѣ она лежала у ногъ моихъ, стараясь спрятаться отъ самой себя, пока наконецъ не впала въ совершенное онемѣніе, изнеможеніе. Не видно было ни малѣйшей краски на губахъ, ни малѣйшаго блеску въ глазахъ, ни малѣйшей теплоты въ рукахъ. Въ эту минуту подвигъ къ небу прекрасные глаза свои, она походила на мученицу; только одно дыханіе показывало, что она еще жива.... Зато я вдругъ опомнился, всѣ страсти мои мгновенно замолчали, успокоились, и я глядѣлъ только съ удивленіемъ на это безграничное горе. Благодарю небо, что глаза мои увидѣли правду. Ахъ! я покушался на ужасное смертоубійство!

Между-тѣмъ меня приводило въ содроганіе это глубокое, стра-

стное молчаніе, царствовавшее въ этомъ бездушномъ, безчувственномъ домѣ, стѣны котораго могли даже слышать эти слезы, жалобы, крики! Неужели это воззваніе къ живымъ и мертвымъ, къ небу и къ землѣ не нашло отголоску ни въ чьемъ сердцѣ? Неужели эта святая певниность не тронула, не разжалобила ни одной души? О, какой я злодѣй! оскорблять такъ..... кого же?... сироту! терзать такъ жестоко самую твердую и самую возвышенную душу! олицетворенную скромность! о! столько грязи на этой неприкосновенной еще ллѣв! столько пороковъ возстающихъ на эту беззащитную добродѣтель!

Въ эту минуту, благодаря какому-то тайному голосу, всѣ страсти мои затихли.... Ребенокъ Ловласъ побѣжденъ! «Встань нѣжный юноша! встань чистымъ и непорочнымъ, и пусть низкіе свидѣтели твоего пораженія присутствуютъ при торжествѣ твоей дѣвственной певниности!»

Трепещущею, по трепещущею отъ восторгу и раскаянія рукою, я хотѣлъ тихонько подвѣять милую тигрицу. «Нѣтъ, нѣтъ, погодите, сказала она, я до-тѣхъ-поръ не встану, пока вы не дадите мнѣ честнаго слова, пока не общаетесь именемъ вашей матери оставить меня въ покоѣ, не безчестить моего имени!» — Общаю! вскричалъ я отходя отъ нея, и прошу у васъ прощенія. — «Да благословить васъ Богъ, и да услышитъ ваши молитвы, какъ вы слышали мою.» Она заплакала. Я хочу поцѣловать траву милости, которая выражаетъ состраданіе и ороситъ ея этими слезами. Но умиленіе это не долго продолжалось. Она снова посмотрѣла на меня съ ужасомъ, глаза ея выражали ненависть, помѣшательство, что-то смутное, неопредѣленное; движенія были судорожны! Я подошелъ къ ней потихоньку.... но она такъ вскрикнула, такъ испугалась, что я думалъ, она умретъ на мѣстѣ.

— Выслушайте меня, Кларисса, сказалъ я, глядя на нее съ умиленіемъ: если я уйду теперь, то могу ли по-крайней-мѣрѣ надѣяться на ваше прощеніе?

— Прощеніе?... да.... да.... я васъ прощаю....

— Отъ всего сердца?

— Да.... отъ всего сердца.

— Безъ принужденія?

— Да.... безъ принужденія.... только удалитесь, умоляю васъ.... удалитесь!..

— Въ знакъ примиренія дайте мнѣ вашу милую ручку и поцѣлуйте еще разъ, Кларисса!

Она протянула мнѣ щеку, сдѣлала знакъ рукою.... и я вышелъ

наконецъ съ раскрытiемъ въ сердцѣ, въ какомъ-то лихорадочномъ состоянiи; голова, руки и губы мои горѣли. Благословляю утро, возвратившее мнѣ здравье и разумокъ, утро веселое, болтливое, доступное жалости, чувствующее угрызение совѣсти! Возсылаю хвалу Создателю, который внезапно освѣтилъ меня своимъ великолѣпнымъ свѣтомъ, не допустивъ свершить злодѣянiя.

Вотъ я встрѣчаю теперь первые лучи восходящаго солнца, и въ ту минуту когда каждый желаетъ, просить чего-нибудь у грядущаго дня, я дрожу, стыжусь и прихожу въ отчаянiе отъ насмѣшекъ этихъ женщинъ. Мысли мои также черны какъ кузница Вулкана.

Кларисса ускользаетъ отъ меня, дверь ея неумолимо запирается. Я, право, никакъ не думалъ, чтобъ такое слабое дитя, «вѣжшая феялка весны-молодости», могло бѣ бороться съ бурей моей страсти. О, звѣзды! простите мнѣ покушенiе этой ночи!... Вѣрно, она и въ самомъ дѣлѣ чиста и невинна, когда я, Ловласть, долженъ признать и преклониться передъ такою высокою добротелью, которая доходитъ до недосягаемой высоты; изъ чего слѣдуетъ, что моя слишкомъ пламенная любовь утомляется собственнымъ своимъ избыткомъ и что я начинаю серьезно думать о твоихъ нравоучительныхъ совѣтахъ: какъ знать, можетъ быть ты не совѣтъ ошибаешься? Запиши же вотъ это въ своей памятной книжкѣ: «Прошедшiй поведѣльщикъ, ясный соколъ, упиваясь пространствомъ, парилъ надъ облаками, какъ-вдругъ, откуда ни возьмись, летитъ сова, пестрительница мышей, схватываетъ и уноситъ сокола.» *

Или никогда или теперь я долженъ воспользоваться дядей Юлиемъ и предложенiями капитана Томлинсона, который можетъ быть мнѣ очень полезенъ, потому что я чувствую какъ распадаются около моей изворотливости всѣ эти пирамиды, составленныя изъ выдумокъ и хитростей. Кларисса спитъ еще, или скорѣе видитъ прижавшись въ уголъ въ своей ненавистой комнатѣ. Дерзкія, преступныя Поля и Салли (будьте прокляты зловѣщiя птицы!) подходятъ ко мнѣ съ улыбкою, но съ адскою улыбкою, и стараются прочесть на лицѣ моемъ исторiю этой проклятой ночи. «Ваше сіятельство, мистръ *шахъ и матъ*, говорятъ онѣ сквозь бѣлые свои зубы: сегодня даютъ Шекспирову комедию: «Напрасные труды любви!» не повезете ли вы насъ въ театръ?»

Все тихо, все молчатъ въ комнатѣ миссъ Клариссы. Спитъ съ миромъ, свѣтлая душа!

* «Макбетъ», актъ третiй.

Я стучу къ ней въ двери, нѣтъ отвѣту! Наконецъ я слышу стоны.... Это она стонетъ.... это она плачетъ; я смотрю въ за-мочную скважину, и вижу Клариссу съ распущенными волосами: она стоитъ на козлахъ и молится Богу. Ангелъ! вотъ милое лицо ея! Какъ она поблѣдѣла отъ слезъ. Она спокойна какъ статуя изображающая *терпѣніе, улыбающееся несчастію!* Померкшій взоръ ея дышетъ торжествомъ ангела, поразившаго демона.

Понедѣльникъ, вечеромъ 5 іюня.

Проклятіе, проклятіе на мое низкое недостойное покушеніе! Проклятіе на меня, на тебя, на весь міръ! О стыдъ! о страхъ! о жестокіе шпы раскаянія! Гнетите меня вашими насмѣшками, терзайте остриемъ вашихъ эниграмъ, брось мнѣ въ лицо мои вычурныя фразы, мои утонченные комплименты, мои трехъ-этажныя и педантическія гиперболы. Мнѣ измѣнили, я обмануть, одурачить, ужасно одурачить; и женщиною, настоящею женщиною; конечно, я болѣе не графъ Робертъ Ловласъ, а просто дуракъ! Клариса, Клариса! гдѣ она? что съ ней? что она дѣлаетъ? что говоритъ? Отдайте мнѣ ее, или я публикую пропавшую во всѣхъ афишахъ, на всѣхъ перекресткахъ! Я безумецъ, я влюбленный! отдайте мнѣ ее! потерпи, говоришь ты мнѣ! Поди, проповѣдай терпѣвье вѣтру, океану, пожару! О небо! закройте женскому уму дверь, опъ улетитъ въ окно. Куда спѣшишь ты, мпый духъ? что станетъ съ ней въ этомъ чужомъ городѣ? что будетъ она дѣлать безъ денегъ, безъ помощи, безъ опоры? О Боже! пусть спадетъ моя голова съ плечъ, если это дитя, чистое и непорочное какъ свѣтъ, какъ стекло, не попадетъ въ какія нибудь ужасныя руки, потому что Лондонъ—грязь.... Мой рай былъ—смотрѣть на нее.... Съ этой женщиной пропала вся моя слава, я искалъ ее во всемъ домѣ и все еще ищу гдѣ мои слуги? мои шпионы. Стефанъ Слей, Джонъ Пенсъ, Петръ Турфъ, Генрихъ Пимиренель, и самый главный виновникъ, этотъ плутъ Вильямъ, я ихъ уничтожу! о праведный Боже! вотъ какъ посягнулъ меня гнѣвъ твой? Если бы я былъ только двумя часами молеж! Всѣ эти отвратительныя женщины, «гусныя души въ человѣческомъ образѣ», бѣгутъ при встрѣчѣ со мной, и хорошо дѣлаютъ, я бы ихъ убилъ. Прочь отсюда противныя тюремщицы! Безъ этой чистой души, домъ вашъ рушился бы, и раздавилъ бы васъ въ своихъ развалинахъ. Они нашли гнѣздо, но со-кровища, которое оно заключало, уже тамъ не было! Ужасная

Сень-Клеръ, отвратительная сморщенная колдунья, съ этимъ страшнымъ лицомъ, могущимъ служить заглавнымъ листомъ въ книгѣ жалобъ, смѣетъ мнѣ рассказывать исторію этого побѣга; прочь глупая пустомеля, черная Эюпка, убирайся съ своими утѣшеніями и совѣтами, колдунья, обреченная костру! О, небо! я несчастенъ, и за какое же преступленіе? За то что хотѣлъ собирать медъ съ прекрасныхъ пѣжныхъ цвѣтковъ! Но Бога ради, избавь меня, Бельфордъ, отъ совѣтовъ твоей болтливой осторожности. Вотъ какъ все было: король и дворъ находились въ Виндзорѣ, и по долгу службы, я долженъ былъ присутствовать на обѣдѣ короля англійскаго. Когда это утомительное удовольствіе кончилось, я поспѣшилъ къ Клариссѣ, мечтая о счастіи увидѣть, услышать ее, заранѣе радуясь ея ободреніямъ или совѣтамъ. Отбросивъ смиренно мои безумные планы, я жилъ только для того чтобы получить прощеніе изъ устъ Клариссы, чтобы прочитать его въ ея взорахъ! Да, на этотъ разъ, въ душѣ и совѣсти моей, я рѣшился не продолжать болѣе ея томленій! Но къ чорту все эти клятвы! Пусть погибнетъ въ пропасти этотъ остатокъ совѣсти! Болѣе чѣмъ когда-нибудь я хочу броситься на отчаянныя приключенія. Умъ, придумывай, перо пиши, смѣлость, будь мопмъ другомъ, отвага вооружись съ головы до ногъ! Нѣтъ, не сдѣлать изъ меня глупца съ пѣжнымъ сердцемъ и трогательнымъ взглядомъ! Представь себѣ; только что я уѣхалъ въ Виндзоръ, дверь затворницы моей отворилась! Миссъ Гарло позвала Доркесъ, которая сейчасъ явилась. Кларисса спросила кусочекъ хлѣба и стаканъ молока: голосъ ея былъ спокоенъ. Доркесъ предложила ей взойти во второй этажъ, чтобы посмотрѣть на опустошенія пожара. Она взошла, и согласилась что опасность была дѣйствительно велика; въ то же время, она послала Вильяма, моего слугу, на почту; минутой спустя, дала ему порученіе ко мнѣ. Вильямъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, но Доркесъ захохотала ему въ лицо: «Что за вздоръ! станетъ миссъ Кларисса хитрить; вы съ ума сошли мистеръ Виль.» Вильямъ нахмурился, и спрятался въ кухню, вмѣсто того чтобы идти ко мнѣ съ письмомъ. До-сихъ-поръ все идетъ хорошо. Старуха Сень-Клеръ сводитъ счеты, племянницы гуляютъ въ саду, а Доркесъ хлопочетъ во второмъ этажѣ, и приводитъ все въ прежній порядокъ. Въ это время миссъ Кларисса убѣжала. Она сошла съ лѣстницы, отворила дверь на улицу, и поминай какъ звали! Только черезъ полъ-часа Доркесъ замѣтила что госпожа ея исчезла, и холопы ищутъ, бѣгаютъ взадъ и впередъ съ

чердака до погреба, выбегают на улицу, расеярашпвают прохо- дящихъ; одинъ носильщикъ, котораго часто навизмали въ этомъ домѣ, говоритъ, что дѣйствительно видѣлъ на углу улицы пре- хорошенькую даму, которая шла торопливо озираясь во все сто- роны, и по виду ея была не изъ нашего дому, потому что онъ никогда не видалъ ее вѣстѣ съ племянницами Севъ-Клеръ. Ага! сказалъ другой носильщикъ, посмотри вотъ ужъ одна вырвалась изъ этого притона! Услышавъ слово притонъ, Севъ Клеръ встре- пенулась отъ ярости. Между-тѣмъ бѣглица продолжала бѣ- жать, она встрѣтила пустую карету, приказала ее отворить, но когда хотѣла взойти, спотыкнулась; она, вѣрно, разбила свое прекрасное лицо, бѣдное дитя! Ахъ, я чувствую какъ въ фибры моего сердца трепещуть отъ стыда и отчаянья! Какъ! одна съ своимъ горемъ, безъ денегъ, безъ одежды, въ глубокую ночь, она идетъ сама не зная куда! Бѣдная, быть-можетъ она боль- но разбилась!... «Пошелъ какъ можно скорѣе!» вотъ все, что она сказала кучеру. Вилль побѣжалъ за нею; я надѣюсь на этого слу- гу, онъ давно служить мнѣ рабочею лошадью въ моихъ любов- ныхъ походахъ; онъ привыкъ гордиться разбѣйничьиими под- вигами, но если онъ не найдетъ мою Клариссу, я освобожу на всегда этого негодяя.

Вхожу въ ея комнату, она пуста, но все дышетъ въ ней ея присутствіемъ. Воспоминаніе о ней впитаетъ еще въ этомъ узкомъ пространствѣ, гдѣ она такъ много плакала, такъ страдала, и такъ надѣялась. Я все помню, особенно мое преступленіе. Бѣ- шенство снова овладѣваетъ моимъ сердцемъ! Мнѣ невыносимы эти женщины, этотъ крикъ, развратъ, этотъ странный безпоря- докъ въ домѣ; мои угаданныя и выведенныя на свѣжую воду хи- трости, презрѣніе, которое ребенокъ этотъ унесетъ съ собою! Нѣтъ, это невыносимо, я сумасшедшій, несчастный, презрѣнный!..

Добрые люди, не встрѣчали ли вы въ Лондонѣ молодую же- щину, въ темномъ платьѣ? Оно кажется ново, какъ и все, что она носитъ. Восхитительное это лицо прячется подъ настороженную шляпкой, съ черною левтой; на шеѣ тоже черная лента; голубые банты украшаютъ грудь ея и придерживаютъ атласную юбку тѣ- леснаго цвѣту; на мизинцѣ носитъ она яхонтъ, выпавшій изъ кошель Аполлона. Вы узнаете ее по ея гордой наружности, по небеснымъ глазамъ ея! Если вы ее встрѣтите, усьмите путь ея цвѣтами и постарайтесь, чтобы она ко мнѣ воротилась, потому что она моя! Это мое благо, моя святыня, моя страсть, моя гордость,

моя возлюбленная, моя супруга, мое преступленіе. Она все для меня: мой рай, мой адъ заключается въ пей!...

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

Четвертъ, вечеромъ, 9 іюня.

Обвинил меня, дорогая Анна, и благодари Бога! Я погибла! погибла черезъ вѣчную причину людскаго несчастія, черезъ страсти, но я спасена, потому что скрылась отсюда какъ преступница!

О! какъ я опрометчива! Теперь я узнала этого человѣка, по до-сихъ-поръ принимала ужасную пропасть за ровъ, черезъ который можно перескочить безъ опасности! Несчастный этотъ хотѣлъ, чтобы я попала въ его сѣти; но небесныя силы сдѣлали такъ, что я изъ нихъ могла освободить честь незапятнанную! честь, — этотъ цвѣтъ добродѣтели.

Да, та, которая тебѣ пишетъ въ углу деревенской гостиницы, все та-же честная женщина, которая на краю гибели па-ходить, что женщина благородная теряетъ свое достоинство, выступая на сцену, какъ героиня какого-нибудь романа. Но увы! эта чистая репутація! Несчастная, безпріютная, что ты изъ нея сдѣлала? Этотъ человѣкъ станетъ тебя преслѣдовать, какъ свою добычу!...

Прощай, Анна! прощай, сестра моя! я еще не знаю куда иду; стараюсь пробраться въ одну изъ нашихъ американскихъ колоній; можетъ-быть и занесетъ меня туда губительный вѣтеръ несчастія! О! бѣдная! вообрази... но итъ, хотя ты и имѣешь право на мою откровенность, я избавлю тебя отъ этого разсказа. Какую я провела ночь! Ночь позора, который упалъ на голову самаго преступника! Я не знаю еще, въ какомъ я жила домѣ, съ какими женщинами? Души искаженные такъ легко добываютъ подобныхъ себѣ тварей! Но Господь спасъ меня; успокойся, а сохранила чистоту молодости. Пишу тебѣ изъ маленькой деревеньки, въ окрестностяхъ Лондона, въ домѣ одной почтенной женщины, которая приняла и обласкала меня. Отвѣчай мнѣ, адресуя на имя мистриссъ *Генриетты Лукасъ*. О! какъ мнѣ стыдно, милая Анна! Но какъ жаловаться? на что жаловаться и зачѣмъ? Несчастная, скрой слезы свои! Добродѣтель велитъ молчать; отъ этого по крайней мѣрѣ не пострадаетъ моя скромность!

Ловласъ къ Бельфорду.

Пятница, въ два часа по-утру.

Торжество и побѣда! О! счастливая новость! о! блаженная новость, дающая мнѣ по крайней мѣрѣ радостную надежду! Звоните въ колокола, зажигайте иллюминацію, пусть горитъ ова свѣтлымъ и блестящимъ пламенемъ. Благодарю васъ, черные, сѣрые, темные, голубые духи; пляшите, радуйтесь, торжествуйте при лунномъ свѣтѣ! Благодарю васъ, малюточки феи, добрые гени, которые указали мнѣ слѣды моей радужной богини! Воспоемъ праздничный этотъ день, воспоемъ хоромъ «Nosanna in excelsis», въ честь возвращенія предмета моей любви! Ура! она въ моихъ рукахъ; я слѣдую по ея стопамъ, и конечно. Ласточка не ждетъ весны съ такою радостью и упоеніемъ, какъ я жду мою Клариссу! Кто возвратилъ мнѣ ее? какой богъ? какая фея? какой случай?

Робинъ, добрый демонъ, сжался надо мной, и окружилъ Клариссу огненнымъ кругомъ, подобнымъ золотому кольцу подвязки; я воздвигаю ему за это памятникъ, да еще какой! А! прекрасная бѣглянка, у васъ шумитъ въ головѣ отъ такой бездѣлицы? Подождите, подождите!

Трепещи, красавица. Ты замучила меня своими безпрестанными стонами; предупреждаю тебя, что въ вышшемъ году сиритствуетъ страшная болѣзнь, болѣзнь, отъ которой погибаетъ добродѣтель!

Ты между тѣмъ, Бельфордъ, потрудись, изъ дружбы ко мнѣ, прочесть три раза это трижды восхитительное письмо.

«Ваше сіятельство,

«Письмо это скажетъ вамъ, что я въ Гемпстедѣ, гдѣ нашелъ на-
«конецъ графиню, которая живетъ у вдовы Муръ, и теперь я уже
«увѣренъ, что не выпущу ея изъ виду; клянусь вамъ честью, что
«никогда не осмѣлился бы предстать предъ вашимъ сіятельствомъ,
«если бы не могъ найти нашей прекрасной барыни. Я сторожилъ
«ее хорошо, но она вылетѣла какъ пташка. Теперь мы ее пой-
«мали, и какъ я слышалъ часто отъ вашей милости, что остроу-
«міе кроется въ кабакахъ, то и забрался въ одинъ преудобный
«погребокъ, подъ названіемъ «Еловая Шиска», противъ выше-
«означеннаго дому мистриссъ Муръ

«Во-первыхъ, милордъ, меня трудно узнать, потому что я перемѣнилъ свою ливрею на черное платье, и черный мой парикъ на сѣдой. Притомъ же, какъ у меня болитъ зубъ, который бла-

«господнинъ мой господинъ изволилъ мнѣ выбить кулакомъ; что, впрочемъ, принесло мнѣ большую пользу, потому что подаю мысль подвязаться платкомъ; а это придаетъ мнѣ бодрости и, въ добавокъ, оправдываетъ слова вашего сіятельства, которое изволило говорить, что съ нѣкоторою ловкостью человекъ извлекаетъ пользу изъ всего, даже изъ своихъ недуговъ.

«Посылаю письмо это милостивому моему господину съ вѣрными посланнымъ, которому я заплатилъ впередъ, чтобы быть увѣрену, что онъ выполнитъ съ точностью мое порученіе.

«Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

«Вильямъ Сомерсетъ.»

Довлазъ къ Бельфорду.

Изъ гостинницы «Еловая Шашка», 9 іюня, семь часовъ утра.

Я тотчасъ же отправился въ дорогу, и какова удача! встрѣчаю на самомъ порогѣ отеля капитана Томлинсона. «А! какъ кстати, вы пріѣхали капитанъ! Очень радъ васъ видѣть, *капралъ Триумъ!* Никогда розовый пальчикъ Авроры не указывалъ на столь веселое лицо! Идемъ живо! въ галопъ! Неправда ли, вы ѣдете со мной, достойный другъ Юлія Гарло?» Капитанъ не заставилъ просить, и мы чуть не уморили своихъ лошадей, потому что скакали во весь опоръ. Дорогой я рассказалъ пріятелю моему Томлинсону, какую ему слѣдовало играть роль; онъ очень хорошо понималъ, чего я ожидаю отъ его усердія, и до подлѣтя завѣса пошелъ влить въ себя горшокъ пива. Я справился о малѣйшихъ подробностяхъ, касающихся до моей прелестной бѣглянки; она пріѣхала сюда въ почтовой коляскѣ, въ которой почти ни кого не было; войдя въ гостинницу, она просила отвести ей особую комнату и подать чаю, и какъ хозяйка смотрѣла на нее съ сожалѣніемъ и благосклонностію, то Кларисса, замѣтивъ это, стала ее спрашивать объ окрестныхъ деревняхъ и дорогахъ, ведущихъ къ нимъ; вскорѣ послѣ того она встала, вышла изъ дому, говоря, что на дорогѣ ее ждетъ карета, и оставила на столѣ полу-имперіалъ, съ котораго не хотѣла брать сдачи. Даже въ нищетѣ она сохраняетъ важность и достоинство знатной дамы. Всѣ, кто только видѣлъ ее, говорятъ единодушно, что никогда еще не встрѣчали лица столь грустнаго и столь прекраснаго. «Безъ сомнѣнія, говорили они, дама эта принадлежитъ къ знатной фамиліи, но, вѣрно, у нея есть большое горе. Посмотрите, какъ она грустна, какъ распухли и покрасѣли глаза ея.» Она быстро взшла на Гемпстедскій пригорокъ и

остановилась подъ тѣню цвѣтущаго и развѣснаго дерева. Ее можно было принять за благодѣтельную фею этой роскошной, очаровательной долины.

Солнце закатывалось и отбрасывало тѣнь свою на долину; зрѣлище это, казалось, успокоило ее: она глядѣла въ даль умишительнымъ и грустнымъ взоромъ. Въ это время проѣхала карета, четвернею въ рядъ; если бѣ Кларисса догадалась, то непременно бы спаслась, потому что кучеръ придерживалъ лошадей, казалось, поджидалъ только знаку движенія, чтобы остановиться. Добрый человекъ не смѣлъ навязываться съ услугами, а робкая Кларисса не догадалась, такъ, что послѣдняя надежда ея исчезла въ пространствѣ. Если бѣ она подала знакъ кучеру, то онъ бы вѣрно остановился, и тогда я терялъ ее безвратно, потому что карета съ великолѣпными гербами принадлежала герцогинѣ Девонширской, урожденной Тенкервилъ, одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя повелѣваютъ свѣтомъ, и заставляютъ васъ, волею или неволею, признавать всемогущество добродѣтели!

Мало-по-малу бѣдная изгнанница, озираясь кругомъ, какъ-будто боясь преслѣдованія, добралась до деревни. По временамъ она отогрѣвала дыханьемъ правую ладонь и прикладывала ее къ глазамъ, чтобъ изгладить слѣды слезъ. Наконецъ, послѣ долгой борьбы, она собралась съ духомъ и вошла въ домъ интригесъ Муръ, навляла маленькую квартиру, гдѣ и теперь живетъ.

Подробности эти вѣрны: ихъ собирали на мѣстѣ сначала я, а потомъ плутъ Вильямъ, самый удалой разбойникъ, готовый изъ за куста схватить за горло всякаго прохожаго, и скорѣй способный на двадцать плутней разомъ чѣмъ на одно честное дѣло. Вильямъ сочинилъ такую исторіюку насчетъ Клариссы, что итъ даже не удалось бы изобрѣсть подобной!

— Эта молодая дама вышла недавно замужъ за молодого и прекраснаго джентльмена самаго древняго и знатнаго происхожденія. Какъ знать? очень можетъ быть, что нашъ молодой баринъ и вѣтренничаетъ немножко, но зато и она съ своей стороны довольно упряма и даже немногo ревнива; за всякую бездѣлицу она гнѣвается, за малѣйшее подозрѣніе бѣгаетъ. Какъ-то недавно ей сказали, что будто баринъ прогуливался подъ ручку по Сентъ-Джемскому Парку съ хорошенькой какой-то дамой, а наша ревнивица и давай бѣжать изъ дому безъ оглядки!

Можете посудить, каково было моему бѣдному господаю! Онъ не вѣлъ новею ни днемъ ни ночью; онъ дрожалъ при одной

мысли, что графиня может попасть въ руки какихъ-нибудь по-годляевъ, которыхъ такъ много въ Лондонѣ!

Великолѣпная эта рѣчь произвела желанный успѣхъ; всѣ перешли со стороны жены моея на мою сторону, особенно когда увидѣли, что моя фантомія совершенно соответствовала описанію мистра Вильяма. Благодаря моему печальному, разстроенному виду, мнѣ прекраснымъ очамъ, опущеннымъ долу, я въ десять минутъ приобрѣлъ дружбу мужчинъ и любовь женщинъ. Вѣтренныя эти головы начали придумывать, какъ бы пособить моему горю. Мистръ Тизакъ, депутатъ, предложилъ мнѣ стаканъ пива; мистръ Думблъ, проповѣдникъ, потчивалъ меня табакомъ; хозяинъ мой, восхищенный мнѣ скромнымъ видомъ, принялся сожалѣть обо мнѣ на своемъ провинціальномъ нарѣчій. Нѣтъ, ты никогда не видалъ подобной птицы! Это настоящій сэръ Джонъ, Джонъ — *подслащенное вино*; умъ его, такой же густой какъ тнуксбургская горчица, сгустился еще болѣе отъ частаго и неуиѣреннаго употребленія испанскаго вина и дурной привычки растягиваться послѣ обѣда; весь трудъ его состоялъ въ сводѣ итоговъ, какъ наприимѣръ: кашлунъ — шесть шиллинговъ, еще соуъ — четыре шиллинга, еще испанскаго вина — пять шиллинговъ; и едва ли хватитъ у него ума сказать въ точности, почему продаются на стемфордской ярмаркѣ быки и бараны! Это простакъ, зашывшій жиромъ, съ плачевной рожей, широкой лапой, сѣдой бородой, огромнымъ животомъ, короткимъ умомъ и отвислымъ подбородкомъ. По всему видно, что онъ носитъ рогъ изобилія, и сквозь это изобиліе блеститъ умъ и расторопность жены его, которая представляетъ совершенную противоположность съ мужемъ. Она ловка, жива, поворотлива. Говорятъ, будто бы она скупа, а онъ любитъ угостить; это настоящая кумушка Кикли, Кикли *добрая болтушка*, которая бы годилась въ жены самому альдермену. Она дѣлаетъ чтò хочетъ, говоритъ чтò хочетъ, ложится и встаетъ когда хочетъ, и все это втихомолку отъ сэра Актеона, своего супруга.

- Какая жалость, милордъ! говоритъ со вздохомъ мужъ.
- У васъ нѣтъ еще дѣтей, графъ? перебиваетъ жена.
- Увы! это не моя вина; жена причиной этого несчастія!
- Еще будутъ! восклицала *добрая болтушка*: графиня такъ молода!
- Прибавьте къ этому: такъ скромна, любезная мистриссъ Кикли!

Едва исторія моя едѣлась извѣстною, какъ всѣ привычные поѣвители таверны приняли уже участіе въ судьбѣ моей. Мистръ Ральфъ Мягкосердечный, мистръ Симонъ Тѣвъ, мистръ Томасъ Быкъ, мистръ Петръ Горбузь, мистръ Францискъ Слабый, женскій портной, и другіе почтенные члены общества. Когда я совершенно воцарился, то сталъ просить добрыхъ этихъ людей, какъ они думаютъ, не лучше ли будетъ, чтобы не слишкомъ испугать жены моей, явиться къ ней въ другомъ видѣ, то есть надѣть чужое платье? Хозяйка была моего мнѣнія и предложила мнѣ одежду своего мужа; я не ожидалъ такого блага! Тутъ всякій принялся за дѣло; хозяйка поправляетъ мнѣ парикъ, хозяйки надѣваетъ сюртукъ и нахлобучиваетъ свою старую шляпу, а я натягиваю, сверхъ шелковыхъ чулокъ, безобразную пару шерстяныхъ; однимъ словомъ, я такъ ухитрился, что изъ прекраснаго и ловкаго джентльмена превратился въ одну минуту въ немощнаго старика. Если судить по платью, то въ эту минуту во всей Европѣ не было старше меня человѣка. Я старался войти въ роль мою, которая вертится на трогательной меланхоліи и на глубокихъ вздохахъ, похожихъ на вздохи Тома Бедлема.

— Видишь, говорила хозяйка мужу, вотъ милордъ ужъ вѣрно знаетъ болѣе тебя и болѣе меня, и я отвѣчаю головой, что жена его не совсемъ виновата.

Хозяйки пожалъ плечами, я сгорбилъ спон. Дрянная палка поддерживаетъ мои колеблющіяся стопы; если бъ кто меня увидѣлъ издали, то, право, принялъ бы за старика, моего дядю, съ орлинымъ умомъ и птичьими ногами, *animus promptus, pedes rotundi*. Какъ калѣка, изувѣченный ревматизмомъ, я иду по улицѣ, кашляя, плюя, охая и тряся головою; спрашиваю: «Позвольте узнать, не тутъ ли домъ мистриссъ Муръ?» — Къ чему тебѣ, старичекъ, мистриссъ Муръ? спросишь ты: что тебѣ тамъ дѣлать?

Что за вопросъ, Бельфордъ! Я несусь на Септъ-Альбанъ, чтобы взять въ плѣнъ царицу; я иду за своимъ сокровищемъ, за несравненной Клариссой, за этимъ агнепкомъ, котораго запрю въ лѣсью нору! Хочу узнать наконецъ, восторжествуетъ ли эта твердая, непоколебимая душа надъ всеми моими кознями. Ни слова болѣе: я извѣсилъ въ душѣ моей всѣ оскорбленія, весь стыдъ и всѣ несчастія, которыми могу еще преслѣдовать эту дѣвушку; но прежде всего я хочу предупредить собственное повоженіе, а тамъ.... что будетъ, то будетъ, и да падетъ карающая сѣкира туда, гдѣ совершится преступленіе!...

Ловласъ къ Бельфорду.

Гемпштедтъ, пятница, вечеръ 9 юня.

Я шель, или лучше сказать тащился какъ почтенный дя-дюшка, когда подагра бѣснуетъ оноло толстыхъ костей его, и когда онъ подбирается къ желѣзному сундуку своему, сгорбленный самыми злѣйшими ревматизмами, которые когда-либо покоились на раменахъ смертнаго. Одною рукою я опираюсь на моего камердинера, а другою на толстую палку; глядя на меня; право, можно расплакаться отъ состраданія. Низкій обманъ! подумашь ты: что жъ дѣлать, любезный другъ? и все въ жизни обманъ: знаешь ли что, Бельфордъ? съ-тѣхъ-поръ какъ ты сдѣлался работъ и покровителемъ миссъ Клариссы, я считаю тебя *съкирою* моихъ разговоровъ и выдумокъ. Но развѣ ты забылъ, что самъ Юпитеръ, богъ боговъ прославившійся своими любовными похождениями, переодѣвался не одинъ, не пять разъ, а по-крайней-мѣрѣ сто! Пересчитай, если можешь, всѣ его костюмы: во-первыхъ, онъ обращался въ лебедя, потомъ въ быка, потомъ въ орла и наконецъ въ золотыя капли дождя; послѣднее его превращеніе кажется вѣрнѣе другихъ, потому что вошло въ большое употребленіе въ наше время. Но скажи самъ, невинный Бельфордъ, кто болѣе или менѣе не маскируется въ этомъ мѣрѣ?

Иной плачетъ, притворяется грустнымъ, а между тѣмъ чуть-не прыгаетъ отъ радости; другой улыбается, когда душа его немощуетъ отъ скорби; лица эти принимаютъ всѣ возможныя краски хамелсона, этого Ловласа между гадами.

Мнѣ надо по-крайней-мѣрѣ четверть часа времени чтобъ добраться до убѣжища, гдѣ скрывается моя Кларисса; дойдя до дверей, я остановился на порогѣ и постучался; если дверь эта отворится, подумалъ я, то я тотчасъ овладѣваю крѣпостью. Дверь и въ-самомъ-дѣлѣ отворилась. Я вхожу, стараюсь прикрыть полой плаща рукоять шпаги, слишкомъ роскошной для сибянаго лѣтави старика, и закрываю пламя слишкомъ огненныхъ глазъ моихъ длинною шелковою занавѣсью то влажныхъ, то жгучихъ ресницъ моихъ, которыя на вѣку своемъ проучили столькокхъ красавиць.

— Послушай, милая, сказалъ я служанкѣ, нельзя ли мнѣ поговорить съ хозяйкой дома? и не дождавшись отвѣту вошелъ въ пріемную съ громкимъ восклицаніемъ: *Ахъ! Господи! какъ я*

усталь! Сказавъ это, я такъ тяжело вздохнулъ, что разшевелилъ бы самое каменное сердце.

Дѣвушка пошла доложить обо мнѣ хозяйкѣ; вбѣгаетъ мистриссъ Муръ, я узнаю ее по заботливому и важному ея виду; манерами она походитъ на придворную камеристку, или на какуюнибудь графиню, которая никогда не выѣзжала изъ лондонскихъ предмѣстій.

— Извините, сударыня, если я обезпокоилъ васъ, но на доскѣ прибитой къ дверямъ вашимъ написано, что тутъ отдается квартира, и я зашелъ, думая, что, быть-можетъ, угодно будетъ принять меня въ число жильцевъ вашихъ?

Тутъ я приостановился, какъ-будто усталъ отъ слишкомъ продолжительной болтовни. Я говорилъ присвистывая, какъ говорить теперь *беззубый* мистръ Вильямъ, съ-тѣхъ-поръ какъ я выбилъ нанжелтѣйшее и нанвострѣйшее украшеніе его шакаловой челюсти.

— Позвольте спросить, продолжала дѣятельная хозяйка, въ комъ состоитъ ваше семейство, милордъ?

— Въ комъ? да почти ни въ комъ, сударыня, я, да жена, предобрая женщина, по-старше меня немного, и я, право, не буду въ состояніи сказать вамъ утвердительно сколько ей лѣтъ. Я думаю, что въ деревнѣ жена моя обойдется двумя дѣвушками и однимъ лакеемъ; экипажъ у насъ общій, такъ, что мы не будемъ беспокоить васъ большою прислугою, даже кучеръ можетъ помѣститься съ лошадьми гдѣ-нибудь въ деревнѣ; изъ всего этого вы видите, что мы ведемъ очень тихую, очень спокойную жизнь.

Впродолженіи разговора, я кашлялъ, чихалъ, сморкался и дыхѣлъ, не забывая однако всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Еслибъ даже ты обладалъ краснорѣчіемъ старика Нестора, изворотливостью хитраго Улсса, и еслибъ даже чувствовалъ себя способнымъ, какъ Синовъ, разгромить стѣны Трои, то и тогда остерегайся проницательныхъ глазъ женщины и ея собачьяго носа.

— А когда думаете вы переѣхать, милордъ?

— Да хоть сегодня, почтенная мистриссъ Муръ, а впрочемъ, это совершенно зависитъ отъ васъ, назначьте сами день; только жена моя будетъ сегодня вечеромъ.

— Но согласится ли леди обѣдать за общимъ столомъ?

— Разумѣется, согласится, во-первыхъ, потому что мы будемъ пользоваться вашимъ обществомъ, во-вторыхъ это избав-

лзеть васъ отъ скуки и непріятностей хозяйственныхъ хлопотъ; такъ мы объедемъ съ вами, чему я очень радъ, только прошу васъ, безъ церемоній, безъ соусовъ, чльмъ *Богъ послалъ*.... Тутъ я засмѣялся какъ человѣкъ, у котораго въ одно и тоже время насморкъ, чихотка и коклюшъ.

— Я должна однако предупредить васъ, милордъ, продолжала добрая мистриссъ Муръ, что въ эту минуту я не могу отдать вамъ всего дома, потому что лучшая комната занята одною молодою дамою, которая, я думаю, здѣсь долго не останется, и...

— А! вскричалъ я, кажется у васъ не одна комната, и что исключая этой есть и другія....

Экой я вѣтренникъ, сумасшедшій! чуть было не измѣнилъ себя этимъ восклицаніемъ, особенно же звучнымъ моимъ голосомъ, который раздается какъ золото рассыпанное по серебряному подносу; къ счастью, я скоро опомнился:

— Извините, сударыня.... вотъ я, ни съ того, ни съ сего, начинаю уже пылать и возвышать голосъ; но еслибъ вы знали, какъ я люблю жену мою, а здѣшній, деревенскій воздухъ ей будетъ такъ полезенъ! И я тоже, посмотрите, въ какомъ я нахожусь жалкомъ положеніи; подагра точитъ меня и не даетъ покою ни днемъ, ни ночью; мнѣ надо отдохнуть, успокоиться, а вашъ домъ, кажется, очень спокоенъ. Ну, будьте свисходительны, не томите меня такъ долго; квартира ваша мнѣ нравится, я беру ее непремѣнно, и вы увидите, что мы не будемъ васъ беспокоить.

Не дождавшись отвѣта, я поставилъ уже больную ногу на первую ступень лѣстницы.

— Только я боюсь за васъ, милордъ, продолжала добрая мистриссъ Муръ: я думаю, вамъ трудно будетъ подняться съ вашею подагрой, лѣстница наша довольно крута?

— Не бойтесь, взберусь какъ-нибудь; ктому жъ, мнѣ надо посмотрѣть компаты, которыя вы назначаете жевѣ моей, чтобъ я могъ по крайвей-мѣрѣ сказать ей, какъ онѣ расположены. Сказавъ это, я сталъ взбираться на лѣстницу, ведущую въ рай Магомета, въ комнату Клариссы!

Старикъ Монтальто идетъ согнувшись надъ костылемъ своимъ, и до-тѣхъ-поръ не выпрямится, пока папа Сикстъ-Пятый не превратитъ костыля его въ скиптръ! Но Сикстъ Пятый подагрикъ, въ сравненіи со мною, Ломласомъ, который снова увидитъ и увезетъ свою Клариссу!

Напрасно приѣзжался я къ стариковской походкѣ и старался

Итти шагомъ, мы всё-таки пришли немпожко слишкомъ скоро до дверей моей возлюбленной. Мистриссъ Муръ показала мнѣ квартиру. Она состоитъ изъ трехъ комнатъ въ рядъ, изъ которыхъ двѣ пусты, а третья занята *молодой дамой*.

— Комнаты эти пусты, сказалъ я, но несмотря на то, не знаю, какой-то аромать невинности, какой-то чудный запахъ весеннихъ фиалокъ говорятъ мнѣ, что черезъ нихъ прошла прелестная дѣвушка и оставила въ стѣнахъ этихъ чистое свое дыханіе.

Дверь въ третью комнату была заперта. О, другъ мой! какое надо было имѣть присутствіе духа, какую сверхъестественную силу, чтобы не разбить въ дребезги ненавистную перегородку! Я даже увидѣлъ въ скважпцу свѣтлый, робкій и любопытный лучъ ея чуднаго взора! Это была она.

— Она увидѣла дряхлаго старика и изъ скромности пошла въ свою комнату.

Сердце мое такъ и рвалось изъ груди, и на этотъ разъ я и въ самомъ дѣлѣ принужденъ былъ сѣсть, только въ самый отдаленный уголь, такъ я боялся свѣтлыхъ, небесныхъ глазъ ея.

— Я очень доволенъ расположеніемъ комнатъ, любезная мистриссъ Муръ; я оставляю за собой квартиру и прошу принять задатокъ. Еслибъ однако я не боялся обезпокоить.... *эту даму*, то попросилъ бы позволенія взглянуть только.... въ комнату, но, я опять повторяю, что никого не хочу обезпокоить; впрочемъ, всё-равно, мы успѣемъ и тогда посмотрѣть, когда она уѣдетъ.

Сказавъ это, я всталъ, какъ-будто вовсе не былъ расположенъ настаивать на этотъ счетъ.

— погодите, погодите, милордъ, я пойду, спрошу у этой дамы: можетъ быть она и позволить....

Черезъ минуту, хозяйка явилась прося меня войти, и говоря что я никого не обезпокою, потому что любезная жилица ея ушла въ другую комнату, смежную съ ея спальней.

Я вхожу, — о! какъ сильно забилось мое сердце! небесное существо! свѣтлая дочь Астрей! я вхожу въ чертогъ всѣхъ добродѣтелей; обыкновенная эта комната кажется мнѣ храмомъ! Я опять останавливаюсь и снова начинаю спрашивать: «Какъ зовутъ приходскаго священника? какого онъ праву? — Мнѣ кажется, любезная мистриссъ Муръ, что занавѣсы эти нитяные?... Для дачи нитяные занавѣсы гораздо лучше шелковыхъ.... Позвольте посмотрѣть поближе.» Я подошелъ къ кровати. (Да, Бельфордъ, я дотронулся до простыней ея!) Прекрасная кровать, любезная хозяйка! Наконецъ, подходя къ дверямъ, за которыми

была Кларисса, и глядя на картину висѣвшую надъ ними, я сказалъ: «Кажется, это копія съ Рубенса, что въ королевскомъ кабинетѣ.» Потомъ понизивъ голосъ, но такъ чтобъ каждое слово было слышно прибавилъ: «Такъ вы ни какъ не можете сказать мнѣ, когда опростается эта комната? Я не хочу беспокоить вашу жилищу, но вы сами знаете, какъ неприятно имѣть дѣло съ женщи- нами; онѣ хотятъ заравѣе все знать! особенно моя жена! та- кая любопытная!»

Хитрость моя удалась; за дверьми послышался божественный голосъ Клариссы!

— Мистриссъ Муръ, сказала она, если хотите, отдавайте эту комнату, я пробуду здѣсь только два, три дня, и какъ только по- лучу письмо котораго ожидаю, то не медля уѣду; ктому жъ, у васъ есть еще комната, во второмъ этажѣ; съ меня будетъ и той! Нѣтъ! ни что въ мірѣ не можетъ сравниться съ дивной гармоніей любимаго голоса; это какъ Эолова арфа, привязанная къ осодальной башнѣ и издающая заунывные мелодіи, которыя но- сясь по воздуху замираютъ въ пространствѣ! Мнѣ казалось, что меня убаюкивала сладостная пѣснь, которая съ первыми утрен- ними лучами прокрадываясь къ изголовью жениха, зоветъ его къ брачному алтарю.

Сквозь неумолимую дверь, мнѣ какъ будто слышалось.... бѣенье ея растерзаннаго сердца.

— Извините, сударыня! сказалъ я Клариссъ: мнѣ право совѣст- но.... я не хочу беспокоить такую особу.... А какъ она молчала, то я прибавилъ: Только я попросилъ бы вашу милость, отворить на минуту эту дверь, чтобъ передать женѣ, можетъ ли она по- мѣстить туда сундукъ съ нарядами, безъ котораго она жить не можетъ и который какъ тѣнь всюду за нею слѣдуетъ.

Дверь отворилась! о, Бельфордъ! мнѣ показалось, будто само небо разверзлось: *utinam dirumperes coelos!* Да! это точно моя Кларис- са! Вотъ она! я нашелъ ее! ты возвращаешь мнѣ ее, Боже! бла- годарю тебя! Сіянье озаряло чело ея, улыбка дышала спокойстві- емъ, а взоръ грустью.

— Да, да, вскричалъ я въ восторгѣ и смущеніи, сюда можно запереть всѣ сокровища; но клянусь всѣмъ, что дорого моему сердцу, никогда онѣ не могутъ сравниться съ тѣмъ которое те- перь передъ моими глазами!...

Неловкое и невольное это восклицаніе навело видимый ужасъ на миссъ Клариссу; она вздрогнула! посмотрѣла на меня, догада- лась.... узнала! Я не могъ больше владѣть собою, сбросилъ съ се-

«Ся этотъ постыдный нарядъ, это скверное платье! прочь отъ меня безобразная старость, прочь скверныя болѣзни! Прочь ревматизмы, кашель, фальшивыя волосы и пустая болтовня старыхъ бабъ! я возраждаюсь, воскресаю!... червякъ превращается въ бочку.

«О боги! благословите насъ! Такъ представляется въ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, падшій ангелъ, герой Мильтона! Ты можешь отсюда видѣть эту непостижимую драму: ужасъ Клариссы, изумленіе мистриссъ Муръ и мою гордость, и мою радость, и мой восторгъ, и мое уныніе!... Когда съ моею возлюбленною, я снова нахожу, и молодость, и могущество, и славу, и любовь.

Но, неблагодарная, увидавъ того, кого любить, она не закричала, не проворковала какъ птичка. «*Это, вѣрно, Лоренцо! мой возлюбленный, неправда ли?*» Когда она увидѣла, что дряхлый жеватый старикъ не кто иной какъ я, Ловласъ, то упала къ ногамъ моимъ,—да, Бельфордъ! къ ногамъ!—блѣдная, умирающая, бездыханная, пораженная громовымъ ударомъ ужаса... или счастья!

Мистриссъ Муръ, вызывая къ небу, ломала себѣ руки, и кричала изо всѣхъ силъ: *Воды! воды! помогите! помогите!* всѣ сбѣжались; я же, повелѣвая имъ, требую спирту и несу безчувственную дѣвушку на постель.

Въ то же время сбѣжались сосѣди и сосѣдки, и увидавъ сгорбленнаго, скорченнаго подагрика вдругъ превратившагося въ прекраснаго, стройнаго и высокаго юношу, съ выразительнымъ лицомъ, огненными глазами и говорящаго этому блѣдному привидѣнію: «Успокойся, душа моя, мой другъ, моя Кларисса, мой ангелъ, жизнь моя, дитя мое! вѣдь это я! мужъ твой!» спрашивали другъ друга съ любопытствомъ: «Не сонъ ли это? не видѣнье ли? не обманъ ли? не насмѣшка ли на ихъ счетъ?»

Въ толпѣ любопытныхъ я тотчасъ замѣтилъ и узналъ по худобѣ ея, знаменитую миссъ Ролингсъ, мѣстнаго оракула, и мистра Ролингса, достойнаго ея брата, два олицетворенные вопрошительные знака; они смотрѣли на меня, удивлялись, и не знали что дѣлать? Клянутся ли мнѣ въ ноги, или предать суду. Мистръ Ролингсъ соглашается со мною, что словца *если*, но и потому что бываютъ иногда очень полезны, и спасаютъ часто отъ неминуемыхъ бѣдъ, и потому онъ, повидимому, хотѣлъ смутить меня своимъ *но*, *если* и потому что; я, замѣтивъ это, поспѣшно стацилъ скверныя шерстяныя чулки и обратился къ нему сказалъ: мистръ Ролингсъ, кажется, мы съ вами лишніе здѣсь, не выйти ли намъ? Женѣ моей надо успокоиться, пойдемте въ другую

комнату и оставили на попеченіи этихъ добрыхъ дамъ. Сказавъ это, я преспокойно вытолкалъ его изъ комнаты.

О, Кларицца! я не хочу чтобъ этотъ бродяга смотрѣлъ свободно на твои прекрасныя, распушонныя волосы, на твои чудныя ножки и прелестныя ручки.

Бѣже четверти часа я просидѣлъ въ соседней комнатѣ, и начиналъ уже сильно беспокоиться, какъ вошла наконецъ миссъ Ролингсъ.

— Милордъ, милордъ, сказала она носѣвши, дама эта не на шутку расхворалась; она, кажется, сильно чѣмъ-то поражена, и если вы опять покажетесь, то я не отвѣчаю за нее.

— Добрая, любезная миссъ Ролингсъ, сказалъ я съ такимъ напыннымъ видомъ, что меня можно было принять за самаго нелюбимаго любовника, (мнѣ хотѣлось чтобъ эти хлопотуньи имѣли обо мнѣ хорошее мнѣніе и перешли бы на мою сторону): правда, что дама эта имѣетъ нѣкоторыя причины бояться моего присутствія, но будьте моимъ судьей: еслибъ вы были за мужемъ, и еслибъ мужъ вашъ дѣлалъ для васъ то, что я для нея дѣлаю, еслибъ онъ окружалъ васъ ласками, вниманьемъ, нѣжностью, уваженьемъ, угодиливостью, стали ли бы вы тогда безноконть вашего мужа, и ни съ того ни съ сего бѣгать изъ дому? скажите сами, на что это похоже? Ахъ! сударыня (тутъ я возвысилъ голосъ, чтобъ мистриссъ Муръ тоже могла слышать разговоръ нашъ), вы не можете понять моего горя и никогда не узнаете, какую веду я жизнь съ этою прелестною, но своенравною женщиною. Исторія моя такъ же длинна какъ печальна; ктому жъ, любовь неизлѣчима; небо избираетъ для насъ путь, деньги доставляютъ намъ помѣстья, удовольствія, но судьба, жребій, указываютъ намъ женщину, которую мы должны любить. Подите однако къ бѣдной жевѣ моей; не говорите съ нею и не давайте ей говорить; я же буду молча ожидать ея приказаній.

Мистриссъ Муръ и миссъ Ролингсъ, клянусь честью, преумныя головы, а между-тѣмъ я недоувѣряю этой Ролингсъ, потому что она умѣетъ молчать и знаетъ свѣтъ какъ свои пять пальцевъ. Онѣ возвращаются къ Кларицсѣ и сидятъ у ея постели; я же стоя у дверей, вижу и слышу все, что дѣлается и говорится въ соседней комнатѣ.—«Несчастная! говорить заливаясь слезами бѣдная Кларицца, несчастная!» Она плачетъ, рыдаетъ и приходитъ въ отчаяніе; вышедъ изъ усыпленія, она вскакиваетъ съ постели и садится въ кресла; ей кажется неприличнымъ лежать на постелѣ.

Замѣтивъ, что она хочетъ говорить, я вдругъ подошелъ къ ней. «Вонъ! вонъ отсюда!» вскричала она, блѣдная какъ смерть: о несчастный, гнусный человекъ!»

Я хотѣлъ взять ее за руку, но она вырвала ее такъ, что чуть не переломила кости: «Вонъ отсюда! вонъ! не скрывай лгу подлѣ медовыми твоими взглядами и рѣчами, не трогай меня обезчещенными твоими руками! удались, говорю тебѣ, удались! Прикосновеніе твое, какъ змѣнное жало ужасаетъ меня.» Потомъ отбрасывая назадъ волосы, она говорила: «Вы здѣсь! опять здѣсь? По какому праву осмѣливаетесь вы входить сюда? по какому праву? говорите! Ахъ! помогите! помогите! отгоните его, я не могу его видѣть; онъ убиваетъ меня глазами.... Помогите, помогите!»

Въ эту минуту Ролингсъ посмотрѣла на меня такъ пристально и такъ значительно, проникательными и смѣлыми своими глазами, что я почти омутился. Надо было изгладить невыгодное это впечатлѣніе, и потому я посмотрѣлъ на нее съ кротостью и сказалъ: «Видите ли? вѣдь я сказалъ вамъ правду, миссъ Ролингсъ?» Я склонилъ голову и говорилъ такимъ умильнымъ голосомъ, какъ олицетворенная покорность. Потомъ обратился къ красавицѣ: «Успокойся, душа моя; умоляю тебя, сжался, если не надо мною, такъ надъ собою! Чтò могутъ о насъ подумать? Глядя на тебя, какъ ты плачешь и мечешься, всякій скажетъ, что ты попала въ разбойничью пещеру?»

— Да, сказала она, тоная ногою: да, да, я и то была въ пещерѣ съ разбойникомъ!

Кларисса поираспѣла и хватаясь за голову окостенѣлыми отъ стальныхъ волнѣй руками, вскричала:

— Ахъ, голова! голова моя! я брежу, я съ ума схожу, умираю!

Она озиралась кругомъ и глядѣла помѣшанными глазами на обѣихъ женщинъ.

Я снова хотѣлъ взять ее за руку и поцѣловать, но она всмочила въ ярости и въ порывѣ негодованія, которое трудно описать, вскричала:

— Оставьте, оставьте меня! какъ вы смѣете? по какому праву? чего хочешь ты отъ меня?....

Она была въ бѣшенствѣ, въ изступленіи. Я не могъ говорить и немилу прошепталъ:

— По какому праву, душа моя? Но успокойся и прочитай лучше вотъ это письмо: оно отъ капитана Томлинсона.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу отъ тебя ничего.... ничего!.... Вонъ,

вогъ этого человѣка! сдѣлала она, показывая на меня пальцемъ.

Въ эту минуту она походила на помѣшанную, а мнѣ этого-то и хотѣлось. Нужно было, чтобъ мистриссъ Муръ и миссъ Роллингетъ, которыя сначала, кажется, вовсе не были расположены ко мнѣ, подумали, что Кларицца и въ самомъ дѣлѣ помѣшана. Чтобъ совершенно вывести ее изъ терѣвнѣя, я подошелъ къ ней и сказалъ:

— Отчего такая переменѣна, душа моя? Еще такъ недавно ты любила меня и была такъ добра ко мнѣ? Зачто ты такъ сердитишься?... за какой-нибудь ничтожный проступокъ, ты...

Она вскочила въ бѣшенствѣ, хитрость моя удалась.

— А! вскричала она, ты пазываешь это *ничтожными проступкомъ*? Но знай, злодѣй! я вырвалась изъ когтей твоихъ, убивала изъ твоей темницы! я свободна наконецъ, и приказываю тебѣ не нарушать больше моего спокойствія!

Въ эту минуту она была истинно величественна. Женщины, испуганныя такимъ изступленіемъ, котораго не понимали, уговаривали ее, говоря: «Успокойтесь, вы можете захворать, сударыня». Наконецъ она успокоилась и крупныя обильныя слезы потекли изъ глазъ ея. Это облегчило ее; она просила прощенія (только не у меня), что испугала своею вспыльчивостью.

Женщины плакали, а какъ мнѣ показалось, что онѣ снова переходятъ на сторону Кларицсы, то я вооружась достоинствомъ человѣка котораго оскорбляютъ, притворился обиженнымъ; но въ сущности, сердцемъ моимъ обладала глубокая радость злодѣя, который наслаждается своимъ тиранствомъ и пользуется своею силою.

Вотъ какъ плохо идутъ дѣла мои! Какъ бушуетъ душа моя! Во мнѣ есть что-то вампирское; страстные глаза, пожирающее сердце; въ мрачныхъ моихъ дѣяніяхъ видны плоды моего страшнаго воспитанія, моей смѣлой, дерзостной и отважной юности, въ ожиданіи лучшей провинцательности и болѣе искуснаго разврата зрѣлыхъ лѣтъ, если я только доживу до-тѣхъ-поръ. Право, мнѣ становится страшно за самого себя, но зато я удивляюсь своей неустрашимости и горжусь умомъ своимъ когда вспомню, что быть-можетъ свершу это великое твореніе безсовѣтнаго развратителя; все это она должна будетъ вытерпѣть, потому что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ развратѣе и хитрѣе меня человѣка, потому что я самый искусный комедіантъ, который когда-либо сидѣлъ въ лодпардовой шкурѣ! Надо было посмотрѣть на меня, какъ я славно извертывался, какъ хорошо разыгрывалъ роль моего въ спектаклѣ

той драмѣ, которую теперь рассказываю; я говорилъ то громко, то шепотомъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, какъ-будто меня преслѣдовала какая-нибудь страшная мысль или какое-нибудь сильное безпокойство: ужасъ, надежда, радость, горе, удивленіе всѣхъ слязъ, однимъ словомъ, всѣ оттѣнки страсти попеременно смѣнялись на лицѣ моемъ и были въ полномъ мѣрѣ распоряженіи! Какъ презираю я знаменитаго актера Гаррика, когда сравниваю его съ собою!

Признаюсь однако, что миссъ Кларисса очень храбра и тѣмъ болѣе удивляюсь этой храбрости, что она борется со мною, съ моимъ всемогущимъ гениемъ. По мѣрѣ того какъ неблагоклонные эти языки стали возставать противъ меня, мнѣ становилось гораздо труднѣе отвѣчать на обвиненія краснорѣчивой миссъ Гарло, чѣмъ бы на обвиненія какого-нибудь толстаго судьи, написанныя на бѣломъ пергаментѣ, четкимъ и красивымъ почеркомъ какого-нибудь писаря. Зато я отвѣчалъ обвинительницѣ моей скорѣе минами и жестами чѣмъ словами, содержащими въ себѣ какой-нибудь смыслъ. — Если мой видъ одинъ убиваетъ тебя, милый другъ, то я удаляюсь; и оставляю тебя полной распорядительницей твоихъ дѣйствій; располагай своей судьбой; ты свободна!... только скажи, куда долженъ я переслать вещи, оставшіяся на твоей половинѣ?

— Сюда, отвѣчала она: только избавьте меня отъ вашего присутствія! Вотъ все, чего я желаю.

Я хотѣлъ заговорить о почтенномъ моемъ другѣ, капитанѣ Томлинсонѣ. «Перестаньте! перестаньте! вскричала она повелительно: я ничего не хочу слышать, ни к чему не хочу дотрогиваться, что было въ рукахъ вашихъ; даже не приму письма отъ батюшки, да, отъ батюшки, если вы къ нему прикоснулись! Убирайся! вотъ мое послѣднее приказаніе: убирайся, и оставь меня въ покоѣ!...»

Въ эту минуту я сдѣлалъ то, что дѣлаютъ на театрѣ: пошелъ да не ушелъ; я вынулъ платокъ, поднесъ къ глазамъ и мнѣ показалось, что что-то влажное повисло на моихъ рѣсницахъ. Женщины тронулись моимъ горемъ, а я воспользовался этимъ впечатлѣніемъ и, возвращаясь назадъ, сказалъ: «Ахъ! миледи, жальтесь надо мною; умоляю васъ самизъ небомъ, прочитайте письмо капитана, если не все, то по крайней мѣрѣ нѣсколько строчекъ; сдѣлайте милость, выслушайте меня въ послѣдній разъ! Вотъ письмо леди Доренъ, *нашей* тетки и *нашей* кузины Монтегю; не будьте такъ жестоки, такъ неумолимы, прочтите ихъ.

— Это к чему? вскричала упрямец: что мнѣ за дѣло до тетеньки вашей, до кузины и до какого-то капитана! Я сама не знаю, гдѣ я и кто вы таковы! Нѣтъ! я ничего не хочу слышать! вонъ отсюда! вонъ!

Можешь представить какъ кумушки тѣрашили на насъ глаза и воздѣвали руки къ небу; но я ихъ выучу когда-нибудь отличать ястреба отъ горлицы и коршуна отъ голубя. Я понялъ тогда, что стою на шаткой землѣ и вдругъ, возвысивъ голосъ, сталъ нападать въ свою очередь. «Вы должны выслушать и выслушаете меня, сударыня!»

— Нѣтъ, нѣтъ! ни подь какимъ видомъ, несчастный! между нами нѣтъ и ничего не должно быть общаго.... Кто ты таковъ? и чего ты отъ меня хочешь?

— Чтѣ за вопросъ, душа моя? Развѣ ты не знаешь, кто я таковъ?

— Да, кто ты таковъ? повторила она, но не могла продолжать — негодование душило ее; она замолчала; въ то же время гнѣвъ мой утихъ, голосъ мой сдѣлался нѣжнымъ, умоляющимъ; я говорилъ спокойно, съ чувствомъ; глаза мои выражали покорность, уваженіе, послушаніе.

Когда я замѣтилъ, что кумушки сдѣлались ко мнѣ повиннательнѣе, то по немногу снова возвратился къ клятвамъ, къ упоенію, какъ говорятъ французскіе стихотворцы, и упоеніе помогло мнѣ: оно возвратило мнѣ хорошее мнѣніе двухъ этихъ дочерей инквизиціи, которыхъ надо было замаслить, потому что я хотѣлъ приставить ихъ тюремщиками къ моему Темирѣ.

Наконецъ я взялъ письма и положилъ ихъ передъ Клариссой, какъ проситель кладетъ просьбу къ подножію трона; кажется, это понравилось обѣимъ зрительницамъ нашей драмы; я всталъ и ушелъ, уводя съ собою мистриссъ Муръ и миссъ Роллингъ; Кларисса осталась одна.

Я воспользовался этимъ временемъ и сталъ просить у мистриссъ Муръ прощенія, что вошелъ обманомъ въ ея домъ; просилъ считать за мной квартиру и, побѣдивъ ее совершенно, завладевъ миссъ Роллингъ, которая по на шутку стала приставать ко мнѣ съ вопросами, и задала мнѣ два или три такихъ, на которые я не могъ и не хотѣлъ отвѣчать.

— Кто жъ, наконецъ, эта молодая дама? спросила хитрая и любопытная дѣва, которая такъ трогательно на васъ жалуется, милордъ. Женаты вы? да или нѣтъ? Отказывая или помогая вамъ, графъ, рискуешь сдѣлать непріятность благородному чело-

айку, жеватому на своеправной женщицѣ; или попадешь въ бѣду, сдѣлаешь несправедливость, помогаа низкому развратителю противъ добродѣтельной женщины.

У этой миссъ Ролингсъ есть своего роду разсужденія: она такъ умѣетъ вывѣдать, такъ пристаётъ; но у меня нашлись на все отвѣты, то есть, я ни на что не отвѣчалъ. Я такъ вралъ, наговорилъ ей столько вздоровъ, между которыми по временамъ мелькала однако и правда.

-- Ахъ, Господи! если бъ вы знали, миссъ Ролингсъ, что это за странное происшествіе, а между-тѣмъ оно очень понятно. Молодая эта особа убѣжала со мною противъ воли своихъ родителей, которые представляли ей препятствіями мою молодость и слишкомъ знатное мое происхожденіе. Она любила меня безъ ума, да и теперь, надѣюсь, еще любить, несмотря на дурные совѣты родныхъ своихъ; мы убѣжали и пріѣхали въ городъ; тамъ мы наняли двѣ квартиры у вдовы полковника Сень-Клера, котораго вы, вѣроятно, знали, мистриссъ Муръ, потому что онъ былъ человекъ хорошаго тона, знатной фамиліи и получилъ прекрасное воспитаніе (мистриссъ Муръ сдѣлала утвердительный знакъ), а жена его принуждена содержать квартиры (миссъ Ролингсъ покачала головою). Одяпнѣ словомъ, я разсказалъ имъ почти все, что можно разсказать о миссъ Клариссъ, и даже не скрылъ отъ нихъ, что есть страннаго въ нашемъ бракѣ.

Когда я увидѣлъ, что онѣ слушаютъ меня внимательно, и что у миссъ Ролингсъ отъ любопытства заходили ходуномъ зрачки и вѣрзь (прелестный другъ, который я не успѣлъ переложить на ноты), то разсказалъ, кто таковъ этотъ благородный человекъ капитанъ Томлинсонъ, какъ старается онъ помирить насъ съ нашимъ дядей Юліемъ, и какъ зять мой Джемъ мѣшаетъ этому примиренію (ты этого не знаешь еще, Бельфордъ, но дѣло въ томъ, что мнѣ надо было еще разъ взбѣсить мистра Джемза, и я поднялъ эту бурю въ стаканѣ капитана Томлинсона); послѣ чего и чтобъ нанести послѣдній рѣшительный ударъ убѣжденія на эти невѣрующія души, я прибавилъ, что сама тетка моя, моя тетка, одна изъ первыхъ дамъ двора короля Георга, пріѣдетъ сегодня или завтра, но не позжее съ кузиной моею Монтегю, и повезетъ *жену* мою къ лорду М^{...}, моему дядѣ, который ждетъ ея и любитъ какъ дочь родную. «Но согласитесь, что миссъ Кларисса Гарло очень холодно отвѣчаетъ на всѣ наши ласки, любовь и почтенія, которыми мы ее окружаемъ! Ну, Богъ бы съ ней, еслибъ она обходилась такъ тол-

ко со мною, я бы вынесъ это безъ ропота; но когда дѣло идетъ о самыхъ близкихъ мнѣ родственникахъ, которыхъ я уважаю, то мнѣ, право, не грѣшно рассердиться!»

Кто повѣритъ, когда я скажу, что Роллингъ (о дѣва! Благоговѣю твое чувствительное сердце!) въ порывѣ глубокаго убѣжденія, начинаетъ умолять меня, чтобъ я простилъ капризную красавицу: «Правда, что она немного своеобразлива, но зато какъ она хороша!» — Помилуйте! кому это вы говорите? Но между тѣмъ я на васъ ссылаюсь: я не привыкъ къ такому оскорбительному обхожденію, особенно дамы никогда не были ко мнѣ такъ жестоки, напротивъ.... Потолкуемте, тогда вы увидите, кто правъ, кто виноватъ; ну, еслибъ у васъ былъ молодой мужъ, очень недурень собою и влюбленный въ ваше прекрасное лицо и въ ваши каштановые волосы, — я къ вамъ обращаюсь, миссъ Роллингъ, — неужели вы стали бы бѣгать изъ дому и бѣсноваться за то только, что возлюбленный этотъ мужъ старался вымолвить прежде свадьбы у небснаго своего сокровища нѣсколько ласковыхъ словъ! Наконецъ, какъ уладить, чтобъ графиня приняла просьбу капитана Томлинсона? Какъ устроить, чтобы рассерженная эта красавица приняла если не дружески, такъ по крайней мѣрѣ съ почтеніемъ тетюшку и кузину мою, которыя будутъ сегодня изъ Виндзора? А дядюшка, который ждетъ ея съ распростертыми объятіями?... Еще разъ спрашиваю васъ, какъ выпутаться намъ изъ этой исторіи? какъ все это обдѣлать?...

По всему видно было, что логика моя держала любовитныхъ этихъ въ сѣтяхъ своихъ, изъ которыхъ имъ было трудно выпутаться; я былъ олицетворенное убѣжденіе и однимъ словомъ уничтожилъ первое затрудненіе, то есть объявилъ хозяйкѣ, что немедленно занимаю нанятую мною квартиру, «задатокъ за которую вы уже получили, любезная мистриссъ Муръ», сказалъ я, обращаясь къ старухѣ. Когда я до-сыта наговорился, то заблагоразсудилъ отослать этихъ новообращенныхъ къ миссъ Клариссѣ, которая, съ своей стороны, имѣла время надуматься.

Миссъ Роллингъ встала, прося друга своего, мистриссъ Муръ, идти съ нею къ Клариссѣ, чтобы уговорить и утѣшить бѣдняжку. Кларисса умѣетъ побѣждать, но не умѣетъ пользоваться побѣдой. Возможно ли! Кларисса знаетъ меня наизусть и позволяетъ, чтобъ я врожденнымъ своимъ краснорѣчіемъ побѣдилъ честныхъ жителейца этого дома; пока я говорю, хлопочу, дѣйствую, распоряжаюсь, миссъ Кларисса надѣется на свое честное поведеніе, на свою невинность и на людское правосу-

да. Она не знаетъ, что люди судятъ по наружности, хотя и говорятъ, что наружность бываетъ обманчива. Но чего же можно ожидать отъ такого несчастнаго ребенка? Я думаю, она ужъ утратила всю твердость, всю энергію и не понимаетъ больше, кто она? гдѣ она? въ самомъ ли дѣлѣ она живетъ, или это только тягостный сонъ?... Но все равно, я поймалъ ее, и на этотъ разъ, кланусь шпорамъ, кланусь ищеньемъ! она не убѣжитъ отъ меня!

Вотъ продолженіе борьбы моей съ этими тремя женщинами. Это драма, въ которой я игралъ первую роль и которую я люблю пересказывать самому себѣ, потому что анализъ собственныхъ твореній — наслажденіе демоновъ, такихъ какъ мы съ тобой: когда мы мастерски сотворимъ что-нибудь, намъ пріятно все одумавшее слова процѣдить по каплѣ и распробовать, какъ знатоки пробуютъ хорошее вино.

Я оставилъ Ролингсъ и ея пріятельницу Муръ, когда онѣ вошли въ комнату къ Клариссѣ, и подслушалъ одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые изобличаютъ во лжи поговорку «слушай, услышишь добро». — «Вашъ мужъ, миледи....» такъ начали онѣ, чтобы съ самаго начала видѣть, какое дѣйствіе произведетъ этотъ титулъ. Кларисса вспыхнула, какъ-будто ей нанесли самое жестокое оскорбленіе и тѣмъ самымъ уничтожила всю силу отрицанія: оно потерялось въ удивленіи и страхѣ. «Ахъ! вскричала она: можно ли сказать объ этомъ человѣкѣ хоть одно слово, которое бы не оскорбляло меня? Это негодяй! Прошу, умоляю васъ, не оставляйте меня... защитите меня!»

Она была такъ трогательна, что добрая Муръ уже плакала, а Ролингсъ, — та всегда идетъ прямо къ дѣлу.... бойкая баба! она современемъ далеко пойдетъ, — Ролингсъ тотчасъ приступила къ щепетливой статьѣ о моемъ бракѣ. Къ счастью, на этотъ разъ добрая миссъ и ея благоразуміе совершенно промахнулись. Что жъ дѣлать; неловкость! Въмѣсто того, чтобы требовать рѣшительно да или нѣтъ по вопросу о законномъ нашемъ союзѣ, она сбила вопросъ и стала допытываться, дѣйствительно ли графъ Робертъ Ловласъ изъ роду патриціевъ? точно ли правда, что онъ племянникъ бывшаго лорда-канцлера и наследникъ его перства? правду ли существуетъ родственная связь между нимъ и знаменитому леди Лоренсъ? въ самомъ ли дѣлѣ онъ кузенъ премилой миссъ Монтегю, одной изъ первыхъ невестъ въ трехъ соединенныхъ королевствахъ? и правда ли то, и справедливо ли это, — словомъ, осведомилась обо всей правой сторонѣ моей исторіи. На все это

жестъ Кларисса, также умолчала отъ настоящаго вопросу, отвѣчала, разувѣстая, утвердительно. «Но когда такъ, продолжала Роллингъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: то вѣдь все дѣло состоитъ въ нѣкоторыхъ шалостяхъ, которыя можно приписать молодости....» На это Кларисса не знала что отвѣчать; она, вѣроятно, красивѣла.

Потѣмъ она снова принялась заклинать дамъ, чтобы помогли ей ухъзть. «Ради Бога! говорила она: освободите меня! помогите мнѣ вырваться отсюда, такъ, чтобы онъ не зналъ этого!... Но какъ это сдѣлать? продолжала она съ отчаяніемъ: какъ спастись? и что я стану дѣлать?... Ахъ, я несчастная! несчастная!» Она отворила окно и приняла моего новаго слугу, исландскаго длинноухаго пса, который стоялъ на сторожѣ. «Посмотрите! вскричала она: ужъ поздно! Вы уже не можете спасти меня, даже если предположить, что онъ еще не ослѣпилъ васъ.» Она стояла упала на стулъ. Въ эту минуту добрая Муръ заговорила о леди Лоренсъ. «Кажется, леди Лоренсъ скоро прїѣдетъ, говорила она: какъ же сдѣлать, какъ сказать ей, графиня, что вы не хотите принять ее?» — «О! вскричала Кларисса: предоставьте это только ея племяннику: онъ достаточно находчивъ.»

Ты можешь представить себѣ, что разговоръ начиналъ наскучать мнѣ. Чтобы положить ему конецъ, я вошелъ. Тогда Кларисса обратилась ко мнѣ и очень рѣшительно, очень спокойно сказала:

— Позвольте васъ спросить, графъ, и отвѣчайте мнѣ передъ этими свидѣтелями: мужъ вы мнѣ? жена я вамъ? Отвѣчайте.

«Ну, Ловласъ, поворачивайся! сказалъ я себѣ. Прижали крѣпко. Вооружайся смѣлостью.»

— Какъ! женаты ли мы?... и это вы спрашиваете? вы, любовь моя? Но у всякаго другаго такой вопросъ показался бы мнѣ оскорбленіемъ. Развѣ вы не читали посланія капитана Томлинсона?

— Какъ! вы утверждаете, что я ваша жена?... что вы мой мужъ?

— Милый другъ, какія странныя идеи! какія ужасныя рѣчи! Что это за волненіе? и что вы хотите, чтобы я отвѣчалъ на такой вопросъ?

— Еще разъ, графъ, заклинаю васъ, отвѣчайте: женаты ли мы нѣтъ?

— Нѣтъ, миледи, нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь. Если бракъ — со-

шесть двухъ взаимно любящихъ сердець, то мы не женоваты; еднъ бракъ — законный и дѣйствительный союзъ мужчины и женщины, которые живутъ вмѣстѣ, для того чтобы составить новое семейство, то мы не женоваты, гбтъ, миледи.

Слушая меня она, казалось, была въ какомъ-то странномъ невнимательствѣ. Она колотила себя въ лобъ, какъ-будто хотѣла жалюзомъ и сталью вооружить свои робкія мысли. Ужась, гбтъ, ретированіе и отвращеніе отъ лжи какъ-будто опутали ее сѣтви.

— Подите! сказала она наконецъ: я напрасно прибѣгала къ честности такого негодяя. О, отецъ мой! о, жестокое проклатіе отцовское! Отецъ, ты хотѣлъ, чтобы дочь твоя была наказана... она наказана! ужасно наказана!...

Бѣдняжка! какъ она была достойна сожалѣнія въ эту минуту! Роллингъ и Муръ были глубоко тронуты и увлечены неодолимымъ очарованіемъ, да, кажется, я и самъ почувствовалъ состраданіе: величіе Клариссы поразило меня; я ретировался. Муръ и Роллингъ вышли за мною. Вопросы сыпались градомъ. Долго я не могъ выдержать; я уже хотѣлъ разомъ отдѣлаться громоздкимъ проклатіемъ или какою-нибудь крупною поговоркой, какъ вдругъ Кларисса отворила дверь. Она намѣревалась уйти,

— Кто смѣетъ удержать меня противъ воли? вскричала она: я не хочу оставаться здѣсь.

Въ то же время она сунула хозяйкѣ въ руку бумажку, въ которую былъ завернутъ брилліантъ. Денегъ у нея уже не было. Выходъ былъ такъ смѣлъ, что могъ увѣнчаться успѣхомъ. Но я загородилъ дорогу. «Милая моя, неужели вы надѣяетесь такого позору?» сказалъ я: это ли прощеніе, которое вы обѣщали мнѣ?» Она не отвѣчала, отталкивала меня и непремѣнно хотѣла пройти, но напрасно. Наконецъ силы у нея истощились; она едва не упала назвничъ, и слезы еще разъ онасли ее и меня.

Между-тѣмъ наши свидѣтельница, которыя не слышали ни какого рѣшительнаго отрицанія и считали меня олицетворенною правдой, увидѣвъ изнеможеніе Клариссы, воображали, что гбтъ ея наконецъ укротился, и стали увѣщавать и уговаривать. «Посмотрите, миледи, онъ рассказываетъ, просить прощенія; примите наше поручительство.» Когда же и я съ моей стороны прибавилъ слово, она вскричала: «Неблагодарный! ты никогда не узнаешь цѣны сердцу, которое оскорбилъ!» Эти слова показали доброй мистриссъ Муръ и ея подругѣ хорошимъ знакомъ. Обѣ скромно удалились. Напрасно Кларисса хотѣла остановить ихъ: онѣ разсудили, что объясненію съ глазу на глазъ самое лучшее

страстно къ миру между двоими любовниками, которые вессорились. Мы остались одни и я поздравилъ себя, что изобрѣлъ Томлинсона. Моя неутомимая Кларисса, подобно разъяренному морю, успокоилась только на поверхности, а въ глубинѣ рокотала буря. Если бъ ты слышалъ, Бельфордъ, что она говорила; если бъ ты видѣлъ, какъ она обошлась со мной, какъ она смотрѣла на меня: слѣпой ощутилъ бы ея огненные взгляды. Она вся облелась въ величественную мантию краснорѣчія, добродѣтели и достоинства. Но наконецъ, утомившись и чтобы не потерять понапрасну остатки надежды на прощеніе, которая сулила ей доброй капитанъ, она согласилась принять Томлинсона, какъ скоро онъ явится.

Между тѣмъ подали обѣдать. Ты можешь себя представить, что миссъ Кларисса не желала сидѣть за столомъ съ такимъ извергомъ, каковъ Ловласъ. Она потребовала своей обыкновенной пищи, — хлѣба и воды, — и заперлась у себя на ключъ. Что жъ тутъ становишь дѣлать? Сраженіе было жаркое, я усталъ и рѣшился, для развлечения, пообѣдать съ дамами и принять участіе въ ихъ болтовнѣ.

За столомъ я между-прочимъ вазель одну молодую вдову, мистриссъ Бевисъ, женщину очень любезную и привлекательную, брюнетку, съ хорошенькимъ голоскомъ, въ которомъ множество утѣшительнаго и обнадеживающаго. Она оживила весь обѣдъ; она рѣжетъ, ѣстъ и болтаетъ такъ весело и мечетъ такіе взгляды, что просто бѣда! Она обозрѣла меня въ одну секунду и, по видимому, осталась довольна. Мнѣ казалось даже, что она не поднимаетъ, какъ можно такъ упорно сопротивляться столько многу молодому человѣку. Видя это, я съ приличною скромностью дополнилъ мой рассказъ описаніемъ тайнаго противодѣйствія и вліянія миссъ Анны Гоу на Клариссу. Описаніе у меня вышло такое ловкое, что мистриссъ Бевисъ заключила изъ него, будто миссъ Гоу влюблена въ меня и ревнуетъ къ Клариссѣ. Чтò жъ! можетъ-быть это и правда. Жаль, что я самъ раньше не попалъ на эту догадку.

Благодаря мистриссъ Бевисъ, обѣдъ прошелъ очень пріятно; всѣ остались довольны, даже служанка, которой Вильямъ, по моему распоряженію, строилъ куры, — разумѣется, съ честнымъ намѣреніемъ. Подали десертъ; мистриссъ Бевисъ оживлялась все больше и больше, когда явился мой капитанъ Томлинсонъ. Онъ предварительно побесѣдовалъ съ бутылкой, однако жъ такъ, что не забылъ своей отличной сценической способности.

— Милордъ! вскричалъ онъ: я лился немощно свободо.... Шановать мой банкиръ.... Разница выходила въ какихъ нибудь двадцати гинеяхъ (у него никогда не бывало пяти гинеи жалкими)... можете себя представить!... Однако жъ, вотъ я здѣсь и, кажется, кстатъ.

Говоря это онъ передъ зеркаломъ поправлялъ свой парикъ и маншеты. Когда же я сталъ жаловаться на медленность сѣнешства Гарло, онъ вскричалъ:

— Полноте, полноте! любезнѣйшій молодой человекъ! Будьте потерпѣливѣе. Неужели вы думаете, что стонть только похитить прекрасную, благовоспитанную, богатую дѣвушку и сказать «жените насъ!» Нѣтъ! (тутъ капитанъ возвысилъ голосъ) пока и тутъ, я не позволю вамъ нападать на моего друга Юлія Гарло. Что до другихъ, поступайте какъ вамъ угодно; они сурово обшались съ вами, были жестоки къ миссъ Клариссѣ, которую вы хотите сдѣлать знатною дамой.... Но, еще разъ спрашиваю, чему было похищать дѣвушку, которую вамъ отдали бы за одно ласковое слово?... Можно мнѣ говорить при этихъ дамахъ?

— Безъ сомнѣнія, капитанъ. Объяснитесь совершенно свободно. Эти дамы очень добры и сострадательны; онѣ покровительствуютъ миссъ Клариссѣ, но онѣ знаютъ также всю силу моей любви. Пусть только мой лакей выйдетъ. Эта дѣвушка можетъ остаться.

Я указавъ на служанку мистриссъ Муръ и моя улыбка и мое довѣріе очень польстили ей. Мы съ капитаномъ стали играть въ мячи этими душами, и клянусь тебѣ, что искусѣе играть было невозможно. Капитанъ былъ то суровымъ воркуномъ, то добрымъ малымъ, переходилъ отъ порицанія къ одобренію. По временамъ онъ спрашивалъ о Клариссѣ.

— Зачѣмъ она бѣжала?

— Ради Бога, капитанъ, возразилъ я, перестаньте; слово любви мнѣ не нравится.

— Между-тѣмъ, побѣгъ — настоящее слово, графъ, и я стою на немъ. Тѣмъ хуже тому, кто имъ оскорбляется. (Капитанъ Томлинсонъ сопровождалъ это выраженіе суровымъ, твердымъ взглядомъ самаго задорнаго качества.) Да! продолжалъ онъ: это побѣгъ! И что вы хотите, чтобы я сказалъ моему почтенному другу Юлію Гарло, когда онъ спроситъ, зачѣмъ его племянница бѣжала изъ пріюта, который сама избрала? Вы краснѣете, графъ? (Чортъ меня возьми, если я думалъ краснѣть, но мысль была хороша: я покраснѣлъ по уши, къ великому восхищенію двухъ

даже без чашки. Мистриссъ Бернър наградила меня довольно обильною улыбкой. Вы крадете; это добрый знак, и я знаю теперь чего держаться. Любовная ссора, сударыни, любовная ссора и больше ничего!

Тутъ я повернулъ кольцо около пальца, а мистриссъ Муръ достала табакерку. Добрая дама какъ капля на каплю воды пошла на нашу оксфордскую мамезьку, мистриссъ Фичерстонъ, ты помидишь ее? Но — къ настоящему.

Въ заключеніе всѣмъ казалось, что для общаго блага и удовольствія нашъ съ Клариссой, до трехъ-четвертей уже женатымъ, слѣдуетъ какъ можно поскорѣе обвиняться. «Это—единственное желаніе дяди Юлія, прибавилъ капитанъ: это единственное средство удержать брата Джемза и всю остальную родню въ законныхъ предѣлахъ. Ничѣмъ нельзя успокоить, удовлетворить и примирить родныхъ такъ хорошо какъ бракомъ.» Это заключеніе, сжраченное остріемъ увлекательнаго краснорѣчія, было принято цѣлымъ собраніемъ. Я полагалъ, что пора открыть трагедию, и послалъ спросить миссъ Клариссу, не угодно ли ей принять капитана Томлинсона.

Черезъ минуту мистриссъ Муръ воротилась съ отвѣтомъ, что миссъ Гарло не здорова, нуждается въ спокойствіи и извиняется передъ капитаномъ. Но мистръ Томлинсонъ не унывалъ: онъ просилъ чести выпить чашку чаю съ племянницей своего стариннаго друга. Отправилъ еще посольство и получилъ тотъ же отвѣтъ. Другъ дяди Юлія обидѣлся, взялъ шляпу и собрался домой, въ городъ. «Но позвольте, капитанъ, сказалъ я, почему вы не попросите пристанища на эту ночь у мистриссъ Муръ? Вы завтра утромъ могли бы повидаться съ миссъ Клариссой.» На это достойный капитанъ отвѣчалъ, что его часы сочтены, что у него есть нужное дѣло сегодня вечеромъ, но что онъ завтра опять придетъ, потому что желаетъ, во что бы то ни стало, устроить эту свадьбу. Съ этимъ онъ величественно вышелъ. Поздравь меня, Бельфордъ! Кларисса мало по-малу возвращается мнѣ! Часъ тому назадъ, жалѣли о ней, теперь жалѣютъ обо мнѣ. Оскорбленный мужъ, если онъ хорошъ собой, всегда мѣтеть на другой сторонѣ женщинъ.

Къ ночи я послалъ Клариссѣ распечатанную и снова запечатанную отраду на часъ, врачующій бальсамъ, — мнимое письмо миссъ Гоу. Въ томъ, которое я перехватилъ и удержалъ у себя, миссъ Ациа презаюшла себя. Миссъ Анна, вѣроятно, никогда не читала, что говорить жидъ у Шекспира: «Берегись своей запис-

ки!» Вожусь, я иностраннѣй Шейлока! «Берегись своей записки» миссъ Анна! Она носилась надъ моими неудачами, носилась надъ моими побѣдами, «она оскорбила мой народъ», она жестоко оскорбила меня. «Берегись своей записки», миссъ Анна! Я не удовольствуюсь однимъ фунтомъ твоего мяса. Но когда же она отправится на островъ Вайтъ, на моемъ Корсарѣ? Ея записка у меня. Вильямъ спроворилъ ее у стараго Грайма. Если бы хоть клочекъ этого письма попалъ въ руки Клариссы, конечно было бы,—я былъ бы изоблаченъ, мщеніе мое погибло бы. Кчастію, въ числѣ разныхъ свѣтскихъ пріятныхъ дарованій я обладаю порядочнымъ искусствомъ писать подъ чужую руку. Красивыхъ, стройныхъ, изящныхъ буквъ Клариссы я, правда, никогда еще не рѣшался скопировать, но поддѣлать смѣлыми зигзаги и крючки этого демона, миссъ Анны, моего смертельнаго врага, берусь. Я поддѣлался не только подъ почеркъ, даже подъ слогъ и всю манеру, такъ, что, мнѣ кажется, она сама не отличитъ моего письма отъ своего.

Правду сказать, я очень мало измѣнилъ въ письмѣ миссъ Гоу. Она пишетъ меня черною краскою, и я черною, только черною блестящею какъ вороново крыло; я страшень, но сносно и даже интересно страшень; я говорю о моихъ порокахъ, но такъ, что они получаютъ лоскъ страсти, а въ припискѣ сказано: «Прости мнѣ дурной почеркъ; всѣ вороньи перья у меня вышли.»

Эти дамы иначе не пишутъ какъ вороньими перьями. Миссъ Кларисса простила почеркъ: она приняла и прочитала письмо съ восхищеніемъ, потомъ написала отвѣтъ и довѣрила своей служанкѣ, которая влюблена въ Вильяма, и, благодаря нѣкоторымъ поваркамъ и перестановкамъ запятыхъ, письмо можетъ отправиться, такъ, что и поддѣлывать не нужно. Весь домъ, гдѣ находится Кларисса, принадлежитъ мнѣ душою и тѣломъ; Вильямъ, которому настоящее имя — молчаніе, занимаетъ высоты; на всѣхъ дорогахъ у меня есть лазутчики; въ тавернахъ мои повѣренныя вербуютъ мнѣ поклонниковъ со стаканами въ рукахъ.... Сколько заботъ, сколько труда, чтобы добиться такой малости!

На другой день послѣ этой стычки, которую я назову моимъ «гемипстедскимъ сраженіемъ», въ одиннадцать часовъ утра, явился нашъ капитанъ. Онъ кажется мнѣ въ духѣ тѣмъ наканунѣ; онъ еще не забылъ обиды, понесенной отъ племянницы его друга Юлія Гарло. Въ самомъ дѣлѣ было тѣмъ обидѣться: заставить капитана Томлисона ждать, какъ какого-нибудь лакея, и не привавши услатъ, шутка! Да это хоть какого добряка

ситъ! Между-тѣмъ нашъ капитанъ спокойнымъ голосомъ повторилъ чести повидаться съ миссъ Гарло. Ему отвѣчали, что миссъ Гарло не можетъ принять раньше четырехъ часовъ. Нечего дѣлать, надо было дожидаться. Въ четыре часа мы опять собрались у мистриссъ Муръ, и вслѣдъ затѣмъ на гѣстницѣ слышались шаги нашей царицы.

«Молчи мое сердце, Юнона приближается!» Когда дверь открылась, мы всѣ невольно встали. Да и кто же можетъ не поклонить голову съ почтеніемъ, когда является Кларисса?

— Сдѣлайте одолженіе, mesdames, сказала она учтиво (и только учтиво, не болѣе): будьте свидѣтельницами этого совѣщанія. Я не сомнѣваюсь, что моя исторія вамъ извѣстна, или по крайней-мѣрѣ исторія «этого господина.» Она указала на меня рукою въ перчаткѣ и обратилась къ Томлинсону, который какъ мѣлъ усѣлся верхомъ на своемъ заимствованномъ достоинствѣ. «Капитанъ, сказала она съ чрезвычайно любезнымъ поклономъ, извините, пожалуйста, что я заставила васъ ждать. Надѣюсь, впрочемъ, что это въ послѣдній разъ.» Она сказала это рѣшительнымъ тономъ, въ которомъ не было уже и тѣни вчерашняго смущенія. Потомъ она сѣла какъ королева на тронъ или какъ мать Граковъ, когда та указывала на фамильныя свои сокровища. Началось объясненіе. «Какимъ образомъ *этотъ господинъ* (все тотъ же жестъ на мою долю) открылъ мое убѣжище? спрашивала она: какою адекою хитростью я опять спутана его сѣтями? По какому праву онъ стѣсняетъ мою свободу? Какъ и чѣмъ вознаградилъ онъ меня, зато что я для него покинула моихъ родныхъ, мое состояніе, всѣхъ друзей и всѣхъ слугъ?»

Тутъ она заплакала, да какъ!... сами демоны заплакали бы, глядя на нее. Капитанъ совершенно забылъ свою роль и *окларисился*: я увидѣлъ у него слезу, настоящую слезу на глазахъ, объѣденныхъ пьянствомъ. Къ счастью, я успѣлъ метнуть ему взглядъ и онъ попросилъ, чтобы оставили его на минуту одного съ миссъ Клариссой. Я всталъ и, пропустивъ дамъ впередъ, далъ капитану Томлинсону знакъ, что я присутствую, хотя и невидимо: это было совершенно необходимо, потому что несчастный видимо упалъ духомъ.

Однако, избавившись отъ меня, Кларисса стала спокойнѣе. Она укоряла капитана, зачѣмъ своимъ молчаніемъ подтвердилъ слухъ о нашемъ бракосочетаніи; онъ отвѣчалъ, что полагалъ, такъ будетъ лучше, что таково желаніе дяди Гарло и что сама она, у мадамъ де-Сенъ-Клеръ, по-видимому помогала этому подлогу, но

тотъ, впрочемъ, прибавилъ много хорошаго къ отчетикамъ. Кларисса согласилась, что считала говорить правду.

— И вы предполагаете, прибавила она, что люди Лоренса и миссъ Томлинсонъ въ самомъ дѣлѣ намѣрены прійхать за мною въ эту самую ночь?

— Безъ всякаго сомнѣнiя, миссъ, онѣ прійдутъ, отвѣчалъ капитанъ.

Потомъ онъ прибавлялъ, что графъ Ловласъ намѣренъ откровенно во всемъ признаться своей теткѣ и кузинѣ, открыть то есть, что онъ еще не мужъ миссъ Клариссы. Наконецъ онъ ловко своротилъ рѣчь на мистриссъ Гарло, которая неутѣшно плачетъ по своей дочери, по своей Кларочкѣ. Кларисса заплакала, и вславу тебѣ, въ эту минуту я возненавидѣлъ моего капитана Томлинсона: я не люблю и не хочу, чтобы кто-нибудь кромѣ меня заставлялъ Клариссу улыбаться или плакать.

Отъ слезъ къ тону болѣе кроткому переходъ былъ уже не труденъ, и въ такомъ тонѣ начались жалобы.

— Право, говорила она, я уже не знаю, что думать о Ловласѣ (наконецъ она рѣшилась произнести и мое имя): какое жестокое сердце! какое забвенiе всѣхъ обязанностей въ отношенiи къ беззащитной и довѣрчивой дѣвушкѣ, которая отдалась подъ его покровительство!

Томлинсонъ шагъ за шагомъ слѣдовалъ за обвиненiемъ и то защищалъ меня съ безпримѣрнымъ искусствомъ, то осуждалъ, то старался уменьшить вину обстоятельствами; дѣлалъ скромныя, но твердыя возраженiя и оканчивалъ всегда засадою за воспоминанiемъ о матери и за желанiемъ дяди Гарло или за великимъ словомъ миссъ Анны, — «необходимость!»

Тутъ мы вошли и я съ моей стороны докончилъ ораторскую рѣчь капитана восклицанiемъ: «Если я и преступенъ, то вся вина моего преступленiя падаетъ на степенiе обстоятельствъ и на страсть мою! Впрочемъ, развѣ я не женихъ моей невѣсты? Развѣ за меня не стоитъ тайное согласiе дяди и матери?» Я говорилъ, но меня не слушали. Глаза Клариссы метали огонь и искры. Она хотѣла даже выйти, но я остановилъ и въ свою очередь сталъ жаловаться на злощастную мою долю, на невѣдомую враждебную мнѣ звѣзду, на то что Кларисса, пока живетъ въ такой тѣсной дружбѣ съ миссъ Гоу, всегда будетъ оставлять мнѣ ничтожное расположенiе, близкое къ презрѣнiю. «И какъ же я узнаю наконецъ, дѣйствительно ли меня предпочитаютъ другими, или только выходятъ за меня замужъ, по повѣнчанию лучшаго?»

Кларисса, я все это сделала довольно хорошо, потому что Кларисса наконецъ стала посредить.

— Нѣтъ, капитанъ, нѣтъ, сказала она: я говорю это вамъ, дорогому другу моего дяди, я неспособна была не отдать сердца, когда отдавала руку! И посмотрите на него (все съ тѣмъ же небрежнымъ жестомъ), посмотрите ему прямо въ глаза: онъ не можетъ не признаться, что я была достаточно добра и снисходительна къ нему. Я съ удовольствіемъ отъискивала извиненія непостоянному непостоянству его поведенія, я была ему такъ признательна за всякую малѣйшую тѣнь честности и искренняго чувства.... Но затѣмъ возвращаться ко всѣмъ этимъ разрушеннымъ вещамъ.

Капитанъ стараясь тронуть ее напоминаніемъ о дядѣ Юліѣ и о новой скорби при вѣсти о такомъ разрывѣ, а я осмѣлилась предложить способъ уладить дѣло.

— Сдѣлайте одолженіе, увольте отъ вашихъ способовъ и вашихъ изобрѣтеній, графъ! вскричала она: съ меня довольно ихъ; я больше не хочу видѣть. Притворщикъ хочетъ, чтобы вѣрили въ его честность! Лгунъ и обманщикъ, который не посовѣстился вырядиться дряхлымъ старикомъ, надѣть лицину и заговорить здѣсь о своей женѣ и дѣтахъ! лицемеръ! Кто же здѣсь въ домѣ присовѣтуетъ мнѣ довѣряться ему? Неужели вы, добрая мать-присохъ Муръ? или вы, миссъ Ролингсъ? или вы, мистръ Томлинсонъ.... хотя вы, кажется, и защищаете его?

Капитанъ (мастеръ своего дѣла; я удвою ему жалованье!) обратился ко мнѣ спиной и, почтительно поклонясь Клариссѣ, сказалъ:

— Такъ прощайте, миссъ; примите выраженіе моей искренней преданности и глубокаго сожалѣнія. Я пойду нанести вашему дядѣ ужасный ударъ, но настаивать не смѣю. Между тѣмъ (онъ обратился ко мнѣ), вы, графъ, подумайте, что я говорю съ вами въ послѣдній разъ и со смертною жалостью въ сердцѣ.... рѣшайтесь, рѣшайтесь поскорѣй, если у васъ есть честное средство склонить миссъ Гарло. Говорите, я васъ слушаю.... я умоляю васъ именемъ чести, именемъ всего, что человѣку священно на землѣ....

Ты не можешь представить себѣ, какъ этотъ мошенникъ behaves краснорѣчивъ, когда захолетъ; и какъ тонокъ, бестія, сущій Макбиваль!

— Увы! вскричала я: что мнѣ отвѣчать вамъ, мистръ Томлинсонъ? какую клятву я могу дать, когда меня уже не слу-

шають? Я самъ прошу, умоляю васъ, капитанъ, уговорите миссъ Клариссу дожидаться прїѣзду леди Лоренсъ, моей тети, которая съ кузиной Монтегю прїѣдетъ сегодня же вечеромъ, или завтра утромъ непременно, и увезетъ миссъ Клариссу въ нашъ оксфордскій замокъ. Тамъ бракосочетаніе наше легко совершится и и угожденіями и раскаяніемъ заслужу прощеніе.

— Вотъ это рѣчь честнаго и порядочнаго человѣка, графъ! вскричалъ капитанъ, схвативъ меня за руку: теперь я доволенъ вами.

Никогда его капитанское горло еще не издавало звуку болѣе торжественнаго. Я скромно поклонился, хотя готовъ былъ въ восхищеніи закричать: «Славно покрасилъ, мѣдный лобъ!»

Всѣ глаза обратились на миссъ Клариссу; всѣ съ состраданіемъ и трепетомъ ожидали ея рѣшенія, и гнѣвъ ея вдругъ укротился. «Несчастная я! сказала она: Боже мой, что мнѣ дѣлать? Кто подастъ мнѣ совѣтъ?» Она встала и дрожащимъ голосомъ прибавила: «Оставьте меня одну на минуту; дайте мнѣ собраться съ мыслями; можетъ-быть, Богъ вдохновитъ меня; можетъ-быть, Онъ еще смилуется надъ несчастною.» Она вышла и женщины проводили ее со слезами на глазахъ. Даже мистриссъ Бевисъ, на союзничество которой я имѣлъ право рассчитывать, сдѣлалась совершенною партизанкой всеувлекающей миссъ Клариссы.

А тутъ еще новая бѣда, которая могла покрыть меня вѣчнымъ срамомъ. Я и теперь еще трепещу при одной мысли объ этомъ. Вообрази! негодяй Томлинсонъ.... мошенникъ, котораго имя записано черными буквами на спискѣ у Сатаны.... вдругъ закрылъ рукою глаза и сталъ утирать ручьи слезъ! Я уже нѣсколько разъ встревоживался за чувствительность моего соломеннаго солдата, но чортъ меня возьми, если я приписывалъ ее чему-нибудь иному, кромѣ смущенія передъ сокрушительною логикою миссъ Клариссы.

Когда мы остались одни, онъ очень рѣшительно и почти дерзко сказалъ мнѣ: «Ваше сіятельство, я долженъ откровенно признаться вамъ, что я не въ состояніи болѣе продолжать этой адской комедіи. Конечно, я очень хорошо знаю, что не принадлежу къ числу особенно добродѣтельныхъ, но за всю честь и славу Англіи я не хотѣлъ бы продолжать этого обману. Можетъ-быть, вамъ удовольствіе мучить эту прекрасную молодую особу; что же до меня, я отказываюсь отъ ремесла Іуды. Прощайте, милордъ.» Съ этимъ словомъ онъ взялъ шляпу и ушелъ бы, если бъ я не остановилъ.

Ты можешь себя представить мой гнѣвъ и мое удивленіе, когда я увидѣлъ передъ собой такого правоучителя, такое олицетвореніе совѣстливости и добродѣтели въ образѣ лоховой лошади. У мистра Патрика Макдональда-Томлинсона — принадлежности честности, въ родѣ колотьевъ въ боку. Нужно было разомъ вылетѣть его.

— Что я слышу? вскричалъ я громовымъ голосомъ: какого это страстующаго рыцаря я вижу передъ собой? Что значать ваши рѣчи, капитанъ? Или въ нынѣшнемъ году дешево жить не свѣтъ, — въ кабакахъ даромъ водку подносятъ, въ трактирахъ за обѣдъ денегъ не берутъ, — что вы изволите возмущаться противъ меня?

Словомъ, я разгромилъ его очень достаточно убѣдительными доводами, но несмотря на это добродѣтельный Макдональдъ не поддавался; ни брань ни обѣщанія на него уже не дѣйствовали, — такъ глубоко лучи Клариссы проникли въ этотъ толстый черепъ! Я сталъ грозить моему капитану каторгой, ссылкой, галерами, побоями, всѣми чертями и даже сказалъ, что тутъ же приколю его шпагой къ стѣнѣ. Я взялся при этомъ за эфесъ шпаги, и въ эту минуту у меня блеснула счастливая мысль.

— Послушайте, мистръ Макдональдъ, если ужъ вы въ самомъ дѣлѣ такъ совѣстливы и добродѣтельны, то я вамъ окажу вотъ какую честь: я нешутя буду драться съ вами.

Я отворилъ дверь въ садъ и повелъ моего капитана за не слишкомъ густую шпалеру. Томлинсонъ былъ внѣ себя отъ восхищенія.

— Какъ! вскричалъ онъ: неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ не шутите, ваше сіятельство? Вы удостоиваете мою скромную шпагу такой великой честью? Впрочемъ, всякій человѣкъ отъ женщины родился и шпага шпаги стѣнѣ. Благодарю за честь и обещаю забыть всю брань, которою вы меня осыпали.

— Хорошо, хорошо, капитанъ Томлинсонъ, становитесь въ позицію. Миѣ пужна ваша кровь, чтобы миссъ Кларисса могла повѣрить вашей честности.

Мы обнажили шпаги, бой завязался и я увидѣлъ, въ чемъ состоитъ пресловутое искусство Макдональда, который въ своемъ избранномъ кругу слылъ отчаяннымъ дуэлистомъ и боксеромъ. Онъ бьетъ и колотитъ вкривь и вкось, вдоль и поперекъ, безъ всякаго толку, безъ малѣйшаго чувства изящнаго. Давай миѣ двадцать такихъ дуэлистовъ, я весь ихъ желѣзный хламъ переломаю палкой. Я могъ бы двадцать разъ насадить его на шпагу какъ гуся на вертелъ, если бъ миѣ это было нужно, и тѣмъ бо-

мои капитанъ разогрѣвался, тѣмъ пуще выходящаго руганя и удары. Его въ особенностяхъ бѣсило то, что я предсказывалъ ему каждый ударъ, и что онъ не въ состоянн былъ отразить предсказаннаго.

Между тѣмъ стукъ щита и мой голосъ, — разумѣется, громкій, — поднялъ весь домъ на ноги. «Помогите! помогите!» закричали со всѣхъ сторонъ и начали сбѣгаться. До сихъ поръ я задерживалъ капитана только не платью. Тутъ я закричалъ: «Капитанъ, берегите лѣвую щеку!» и царапнулъ по лѣвой щекѣ. Когда Кларисса пошла въ садъ, я крикнулъ: «Капитанъ, берегите правую щеку!» и царапнулъ по правой. Капитанъ взъярился. Чтобы успокоить его, я тихонько сказалъ: «Капитанъ, берегите носъ!» и задѣлъ до носу. Посмотрѣлъ бы ты, право, было отъ чего лопнуть со смѣху. Но тутъ подбѣжала Кларисса. Она была дѣйствительно, она задыхалась. Я выбѣжалъ у противника шпагу изъ рукъ, обратился къ Клариссѣ и сказалъ:

— Отъ васъ, миссъ, я могу снести всякое оскорбленіе, но дайте мнѣ за кѣмъ не признаю права сомнѣваться въ моей честности и въ чистотѣ моихъ намѣреній. Пусть это послужитъ вамъ урокомъ, мистръ Томлинсонъ. Впрочемъ, если хотите, чтобы все было забыто, вотъ моя рука.

Капитанъ стоялъ вытянувъ шею и склоня голову, чтобы кровь изъ трехъ царапинъ не попала на жилетъ. Кларисса въ изнеможеніи опустилась на скамью; я вложилъ шпагу въ ножны; раненный окунулъ лицо въ чашку съ холодной водой, которую ему подала сострадательная служанка. Дамы окружили Клариссу. Она плакала и съ отчаяніемъ говорила: «Кровь! оцѣть кровь пролита изъ-за меня!»

Такъ прошло около четверти часа; потомъ мы воротились въ гостиную, гдѣ уже находился храбрый и интересный капитанъ Томлинсонъ, украшенный повязками какъ Ингенія, идущая къ Калхасову жертвеннику.

— Мистръ Томлинсонъ, сказала Кларисса, вы видите, я глубоко огорчена этими насиліями. Если бы хоть по одному моему слову, по одной какой-нибудь мысли я могла заключить, что я причиною вашей дуали, я никогда не простила бы себѣ этого. Но разсудите сами, развѣ я виновата, что не могу довѣряться никому изъ окружающихъ меня? Моя довѣрчивость убита, ее убилъ и.... (она бросила негодующій взглядъ на меня) не ударами шпагой можно воротить ее. Согласитесь, капитанъ, согласитесь, что послѣ всего, что уже попытала, я должна сомнѣваться

ей во время, я могла даже обняться въ васъ самихъ, даже въ то время когда вы сражались за меня.

Она сказала это такъ нѣжно, съ такимъ очаровательнымъ движеньемъ, что я видѣлъ какъ у моего несчастнаго компаньона опять возобновляются припадки колотья. Если бы ты зналъ, какъ интересенъ онъ былъ въ эту минуту со своими повязками и съ черными тафтянымъ пластыремъ на носу, которые скрывали и перерывали его сострадательныя и добродѣтельныя гримасы. Счастье еще, что я оцарапалъ его такимъ образомъ: иначе Кларисса непремѣнно прочитала бы на его рожѣ, что происходило у него въ душѣ.

Нужно сказать тебѣ, что у меня были условлены съ Шотландцемъ сигналы. Миганье значило — «миновать это, капитанъ»; прикушенная губа — «настойть на этомъ»; открытая рука — «будь остороженъ» и такъ далѣе. Все было предусмѣтрѣно, но все таки толку вышло мало. Когда надменная царица кончила рѣчь, наступила глубокая тишина. Она устремила на Томлинсона своимъ глазами, прозрачныя какъ ключевая вода и блестящія какъ молнія; потомъ взглянула на меня. Я стоялъ позади Томлинсонова кресла; я былъ точно высажень изъ сѣдла. Въ эту минуту я въ совершенствѣ понималъ страхъ и колебанія моего мошенника-помощника. Нужно быть движиму такую страстью и гордостью какъ я, чтобы устоять противъ сверхъестественнаго влiянiя Клариссы. Напрасно я дѣлалъ капитану знаки, что теперь или никогда пора явиться разгнѣваннымъ, пощеголить ранами, пройти вдали и поперегъ по комнатамъ какъ человѣку оскорбленному напраснымъ подозрѣнiемъ, — капитанъ стоялъ неподвижно какъ истуканъ, задыхался и не зналъ на что рѣшиться.

— Я обращаюсь къ вашему чувству чести, мистръ Томлинсонъ, продолжала она, смутно понявъ свое превосходство: обращаюсь къ вашей совѣсти, поклянитесь мнѣ, что вы действительно другъ моему дядѣ Юлію Гарло; поблiнитесь, что все, что вы говорили, правда.

Негодяй Томлинсонъ стоялъ точно громомъ пораженный. Этотъ бродяга, этотъ цыганъ, этотъ галерный герой покраснѣлъ какъ-будто разомъ проглотилъ четыре бутылки мускатнаго! Къ счастью, Кларисса не настанвала: ей, вѣроятно, такой подлогъ казался невозможнымъ. Впрочемъ, она уже рѣшилась не принимать леди Лоренсъ.

— Кѣму, говорила она, вѣхать съ этою дамою, когда я отвергаю ея племянника? На что принимать ея посѣщенiя, когда она

будеть говорить мнѣ въ пользу человека, который вѣдѣтъ, образомъ оскорбилъ меня. Если вы благородный человекъ, мистръ Томлинсонъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, я буду просить васъ только объ одномъ: замолвите моему дядѣ доброе слово за меня. Мнѣ за многія вины нужно вымолить прощенье, но, слава Богу, наказаніе скоро постигло меня. Расскажите, расскажите о моемъ бѣдствіи, мистръ Томлинсонъ; расскажите, что вы видѣли и сколько я страдала! Ради Бога, въ состраданіи, ради чести моихъ родныхъ, выхлопочите мнѣ позволеніе воротиться въ отцовскій домъ, о которомъ я пролила столько слезъ!

Томлинсонъ закрылъ лицо обѣими руками и самъ чуть-чуть не расплакался. Я уналь къ ногамъ обожаемой Клариссы, стала просить, умолять, цѣловать руки, платье, заклинавъ всѣмъ, что только можетъ родиться въ душѣ краснорѣчиваго, такъ, что, наконецъ, сквозь слезы, на мою покорную голову уналь синхотельный взглядъ.

Капитанъ также стоялъ на обѣихъ колѣняхъ, умолялъ и призывалъ ния дяди Юлія. Кларисса съ восхитительнымъ жестомъ подняла почтеннаго капитана и съ полуоборотомъ ко мнѣ, съ платкомъ на глазахъ, сказала: «Встаньте и вы, графъ; не прибавляйте къ оскорбленіямъ еще такого униженія. Оставьте меня; прошу васъ, оставьте меня».

Я оставилъ ее вдвоемъ съ Томлинсономъ, который, — оттого ли что устыдился своей минутной чувствительности, или оттого, что считъ мое пламенное краснорѣчіе чистосердечнымъ, принялся такъ искусно объяснять трудности положенія, такъ ловко затрогивалъ всѣ нѣжныя струны сердца Клариссы и такъ убѣдительно доказалъ желаніе дяди Юлія видѣть нашъ бракъ совершеннымъ, а я подоспѣлъ и снова заговорилъ такъ пламенно, такъ нѣжно, цѣловалъ руки, уже не отнятыя, такъ страстно, что мы добились по крайней-мѣрѣ спокойствія на минуту. Она еще плакала и защищалась, но наконецъ, тронутая, сказала: «Все зависить отъ пьсьма, котораго я ожидаю отъ миссъ Гоу, отъ единственнаго моего друга, отъ единственнаго совѣтника».

Она слегка поклонилась капитану, и кажется даже, что въ этомъ чуть примѣтномъ движеніи головы нѣкоторая частичка относилась ко мнѣ. Вотъ все, что я успѣлъ выхлопотать. Клянуся гѣвомъ души моей, надменная красавица! теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь я хочу, чтобы ты покорилась мнѣ, я хочу погубить тебя.... между-тѣмъ.... я люблю тебя, невыразимо люблю!

Между-тѣмъ какъ Кларисса предавалась своей скорби у себя

въ снѣдѣ, я ерзался съ моею собѣстью и дѣлалъ инквизитор-скій смотръ менѣ соизнанъ, парадоксанъ и преступленій, настоящихъ и будущихъ. Какія тутъ я увидѣлъ склонности! какія привычки! какое ничтожное, малое, развратное поведеніе! какія прихоти! какое грубое общество!.... Въ то же время я пересчитывалъ всѣ удивительныя достоинства и добродѣтели Клариссы; я мысленно поставилъ ее снова въ тотъ кругъ, изъ котораго похитилъ, туда, гдѣ она была окружена почтеніемъ и уваженіемъ цѣлой области, гдѣ она составляла надежду и приближеніе несчастныхъ, честь семейства, гордость друзей, и гдѣ ее могла ожидать самая блестящая участь; я вспомнилъ обо всѣхъ ея прелестяхъ, обо всѣхъ талантахъ и объ увлекающемъ красноречіи.... Но я вспомнилъ и о моей клятвѣ, о моемъ ищениі. Тендеръ пачотенъ, дерево должно быть срублено.

Я сидѣлъ въ гостиной съ мистриссъ Бевисъ, которая утверждала, что ни какой мужчина и ни какая женщина не могутъ съ перваго взгляду опредѣлить, какъ имъ быть или не быть между собою, и что подобный мнѣ порядочный человѣкъ не можетъ честнымъ образомъ гоняться за двумя добычами въ одно время. Я доказывалъ противное, какъ вдругъ какой-то деревенскій уродъ очень некстати перебилъ бесѣду въ ту самую минуту, когда я уже видѣлъ, что умная, хорошенъкая вдова начинаетъ понимать основательность моихъ доводовъ. Но я утѣшаюсь тѣмъ, что сама судьба вездѣ помогаетъ мнѣ. Деревенскій уродъ пришелъ и спрашиваетъ мистриссъ *Генриетту Лукасъ*. Генриетта Лукасъ — ния которымъ миссъ Гарло думала оградить себя отъ моихъ похвалъ! Въ эту минуту миссъ Гарло была въ церкви съ мистриссъ Муръ, — безъ моего позволенія, но подъ присмотромъ Вильяма. Услышавъ ния Генриетты Лукасъ, я пошелъ къ мистриссъ Бевисъ, которая, изъ предосторожности, успѣшно скрылась въ соседнюю комнату, и уговорилъ ее на минуту принять на себя ния и атрибуты мистриссъ Генриетты Лукасъ, чтобы получить письмо миссъ Анны Гоу. Хорошенъкая вдова была такъ любезна, что безъ возраженій согласилась. Посланный вошелъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ отдать письмо въ собственныя руки и отдалъ. Вдова лежала на кушеткѣ, въ тѣни, при запущенныхъ столахъ, — болѣзненнаго виду ради, — и ее легко можно было принять за Клариссу, особенно человѣку, который только разъ, и то мелькомъ видѣлъ. За отвѣтомъ приказали прийти черезъ два дня, и деревенскій курьеръ очень обрадовался этому, потому что нашелъ случай побывать въ Лондонѣ и погулять.

Такимъ образомъ письмо миссъ Гоу у меня въ рукахъ. Съ такою удивительною проникательностью эта маленькая полудуша обладаетъ всегда на правду, ты представляешь себя не чуждымъ! На этотъ разъ она такъ растерзала мою честь, что клочья не собрать. Вообраза! миссъ Гоу до того простираетъ свою подозрительность, что даже сомнѣвается въ подлинности имени Томлинсона! Она снова предлагаетъ къ услугамъ Клариссы свою старую контрабандистку, мистриссъ Тоусендъ, и двухъ ея братьевъ. Даже Гикменъ, сынъ и шестръ Гикменъ, узнавъ о положеніи Клариссы, упалъ къ ногамъ миссъ Анны и, какъ истинный рыцарь, просилъ позволенія посѣтить на помощь къ угнѣтенной добродѣтели. Словомъ, все письмо наполнено ужасами, которые готовы были совершенно погубить меня. Но моя звезда не измѣняетъ мнѣ. Да здравствуетъ догадливость! Теперь въ Лондонъ. Вѣтеръ попутный; въ Лондонъ! Тамъ конецъ убивать дѣло; тамъ ни что уже не помѣшаетъ моему успѣху и торжеству.

Ловись къ Бельфорду.

Лондонъ.

Теперь она уже не уйдетъ у меня какъ ртуть промежъ пальцевъ; теперь насъ уже не окружаютъ ни гемптедские холмы, ни мистриссъ Муръ, ни миссъ Роллингсъ, — ничего нѣтъ саломанго: ны у мадамъ де-Сенъ-Клеръ. Мой барашекъ въ безопасности, у волка въ берлогѣ. Теперь пусть она себя проектируетъ, замышляетъ и коварствуетъ сколько угодно: у насъ игра — одинъ на одинъ. По крайней мѣрѣ ей же славы будетъ больше, если она только самой себя будетъ обязана побѣдой. Увидимъ, впрочемъ, кто побѣдитъ.

Не подумай однако жъ, что я силою воротилъ ее сюда... сохрани меня Юпитеръ! Я держусь правилъ того разбойника, который будилъ своихъ жертвъ передъ смертью, для того чтобы онъ потомъ не сказалъ, что ихъ убилъ подлый трусъ. Миссъ Гарло пріѣхала сюда, потому что я рѣшительно такъ хотѣлъ, правда, но и потому что она сама согласилась.

Сегодня утромъ, въ десятомъ часу, передъ широкимъ и сентиментальнымъ жилищемъ мистриссъ Муръ остановилась грузная карета съ огромными гербами, запряженная въ четверку. Два ливрейныхъ лакея расторопно отпираютъ дверцу, подожка со стукомъ открывается и выходятъ двѣ знатныя барыни, а за ними хорошенькая горничная.

Это — явленіе такое небывалое, что въ минуту вся деревня сбѣжалась и всё сразу узнали мою тетюшку, леди Лоренсъ, и мою кухню, миссъ Монтегю, хотя никто никогда не выливалъ ихъ въ глаза. Но это они! какъ же узнать! Леди Лоренсъ сіяетъ брилліантами. На благородномъ лицѣ ея, — по праву знатной дамы щедро парумяченомъ, — еще сохранились остатки гордой и смѣлой красоты; поступь у нея какъ у настоящей герцогини; всё движеніе важны и повелительны. На ней — бархатное платье съ длиннымъ шлейфомъ; машеты, фалбалы и уборы изъ лучшихъ кружевъ... словомъ, ни какая барыня не можетъ одѣться роскошнѣе и приличнѣе. Молоденькая моя кузина Монтегю, что идетъ съ тетюшкой подъ руку, — одѣтая по завтрашней модѣ, — самое очаровательное и самое изящное созданіе изъ всѣхъ лондонскихъ барышень. А горничная, — родилась у нихъ въ помѣстьѣ, свѣженькая, хорошенькая дѣвушка, въ коротенькой, но пышной шестрой юбкѣ, — поминутно краснѣетъ и скромно прячется за своихъ барынь. Посмотрѣлъ бы ты на этихъ трехъ разноперыхъ птичекъ, ручаюсь, и ты не узналъ бы въ нихъ моего Меркурія, вистриссъ Аностъ, ея дочь Доротею и племянницу Фанни.

Я наваялъ этихъ барынь на цѣлый день, приварядилъ тетюшкиными ожерельями, которые находились у брилліанщика, посадилъ въ карету и леди Лоренсъ пріѣхала.

Добродушный свѣтъ всегда прежде всего смотритъ на наружность. Какой порокъ не завистствуетъ личинѣ у самой противоположной себѣ добродѣтели? Трусъ подвизываетъ себѣ бороду Марса; молодая женщина щеголяетъ роскошными мягкими кудрями, но тронь эти кудры — они снаты съ мертвой головы. Вездѣ ложь; все, что ны виднѣтъ — ложь. Благоразумная и осторожная Кларисса также принимаетъ вещь за то, чѣмъ она кажется.

Леди Лоренсъ, какъ только вышла изъ кареты, тотчасъ закричала: «Мистриссъ Муръ, гдѣ моя племянница? покажите мнѣ ее, дайте мнѣ ее обнять!» и не дожидаясь проводовъ, сама вошла въ конюшны; сама отыскала Клариссу. «Милая моя племянница! говорила она: дочь моя!... позвольте мнѣ, миссъ, называть васъ этими сладостными именами... Наконецъ-то я васъ вижу! Извините, что я такъ замедлила пріѣздомъ, но зато теперь я ужъ не расстаюсь съ вами.» Тутъ она обратилась ко мнѣ и съ строгимъ видомъ прибавила: «Любезный племянникъ, это просто преступленіе заслужить неудовольствіе такой прелестной особы. Я никогда не прощу вамъ этого.» Въ то же время моя кузина Монте-

го подѣла къ Клариссѣ съ правой стороны и, взявъ за руку, вѣжно сказала: «Позвольте мнѣ надѣяться, миссъ Гарло, что вы удѣлите мнѣ хоть маленькій уголокъ въ вашемъ сердцѣ.»

Кларисса была въ смущеніи; она попеременно взглядывала, правда, безъ недоувѣрчивости, но и безъ особеннаго расположенія, то на тетущку, то на кухню. Я стоялъ какъ на горячихъ угляхъ: одно слово, одно движеніе могло уронить личиу съ монхъ наемныхъ родственницъ. Первая минута въ такомъ случаѣ всего страшнѣй. Чтобы отклонить опасность, я упалъ передъ Клариссой на колѣни и сталъ молить прощенія и забвенія прошлаго. «Милая Кларочка, поѣдьте съ нами, сказала тетущка: лордъ М^{...} приметъ васъ какъ родную дочь, и, если хотите, мы запретимъ этому господину (мнѣ то есть) входить къ вамъ, до-тѣхъ-поръ пока вы не разсудите ошастливить его вмѣстѣ и прощеніемъ и вашею рукой.»

Тутъ вошелъ капитанъ Томлинсонъ. Онъ отъ имени дяди Юліа нанесъ послѣдній ударъ. Коротко сказать, тѣснимая со всѣхъ сторонъ Кларисса потушила взоръ, склонилась на плечо кухни, подала руку тетущкѣ, взглянула на капитана Томлинсона, потомъ мелькомъ на меня и сказала, что, можетъ-быть, простить меня и что согласна ѣхать въ замокъ къ лорду М^{...}, но не прежде какъ по полученіи письма отъ своего друга, миссъ Гоу. При этихъ словахъ всѣ опечаленныя лица озарились радостью, миссъ Монтегю бросилась на шею къ милой кухнѣ, капитанъ крикнулъ вивать! тетущка милостиво подала руку племяннику и рѣчь продолжалась о прощеніи, о близкомъ союзѣ, о празднествахъ и о всеобщемъ счастіи.

Послѣ первыхъ изліяній леди Лоренсъ призвала мистриссъ Муръ и объявила, что не намѣрена разставаться со своею племянницею ни на минуту. «Помѣстите меня гдѣ хотите, милая хозяйка, говорила она: только не разлучайте меня съ моею Кларочкой, и я всѣмъ буду довольна. Рѣшено, мы остаемся здѣсь, не правда ли, миссъ Монтегю?» На это Шарлотта отвѣчала, что она за счастье почитаетъ жить подъ одною кровлею съ миссъ Клариссой, и прибавила: «Но какъ же мы переодѣнемся, тетущка? Неужели мы въ такомъ нарядѣ здѣсь останемся? Развѣ послать въ городъ за другими платьями?»

— А почему жъ бы намъ самимъ не сѣздить? возражаетъ тетущка: погода прекрасная, до городу не далеко, лошади не могли устать; для насъ это будетъ пріятная прогулка, а къ обѣду мы воротимся.

— Да, но изъ за этого я должна такъ скоро разлучиться съ моею милою кузницей! сказала Шарлотта, обнявая Клариссу: позвольте мнѣ лучше остаться здѣсь, тетушка, а васъ проводить кузень Ловласъ.

— Я совсѣмъ не вижу причины, почему намъ разставаться, продолжаетъ леди Лоренсъ: поѣдьте и вы съ нами, Кларочка. Вы блѣдны; вы, кажется, утомлены. Прогулка будетъ вамъ полезна, освежитъ васъ. Можетъ быть, вамъ самимъ нужно что-нибудь справить въ городѣ. Такъ конечно; поѣдемъ все вмѣстѣ. Такимъ образомъ мы цѣлый день не разстанемся. Въ каретѣ мы будемъ однѣ. Если моему любезному племяннику непрѣмъно угодно провожать насъ, онъ можетъ сѣсть на козлы; другаго мѣста ему нѣтъ. Впрочемъ, онъ будетъ хорошимъ возничимъ: мои лошади коротко знаютъ его; онъ не разъ кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ.

Тетушка и кузина берутъ трепещущую Клариссу подъ руки и волею неволею ведутъ съ крыльца, сажаются въ карету, а на козлы, возжи въ руки, и лихіе кони помчались не хуже Фастоновыхъ. Въ эту мигу я походилъ на бойца въ олимпійскомъ циркѣ, на триумфальной колесницѣ. Земля горѣла подъ копытами моихъ коней. Наконецъ я воротилъ мою прекрасную пѣвицу, воротилъ на глазахъ у всего міра, при свѣтѣ солнца, посреди толпы, которая разступилась, чтобы мои кони и колеса не раздавили ее.

Я былъ въ лихорадочномъ жару. То мнѣ хотѣлось остановить лошадей, которыя мчались во всю скачь моей страсти, то готовъ былъ подвязать имъ крылья. Я переходилъ изъ страха въ надежду; то мнѣ хотѣлось быть великодушнымъ, то я твердилъ себѣ: «Наконецъ! наконецъ я приближаюсь къ развязкѣ!»

Я за глаза видѣлъ Клариссу. Я чувствовалъ, какъ ея исповѣдніе постепенно пробуждалось, какъ она сперва удивлялась, потомъ начинала тревожиться, потомъ трепетала отъ страха. Она лѣвою рукой держалась за дверцы кареты, и рука эта была судорожно сжата. Отъ времени до времени прелестная головка всковывалась, чтобы посмотреть, куда мы ѣдемъ, и я слышалъ, какъ мягкіе локоны бились на вѣтру о поля шляпки. Напрасно леди Лоренсъ и миссъ Монтегю истощались на любезности; Кларисса уже ничего не слушала, едва отвѣчала: она уже догадывается, она знаетъ, куда я везу ее! Что я дѣлаю? что я дѣлаю? Я самъ не знаю! Поручить эту дѣвушку такимъ женщинамъ зна-

чить приставить коршуновъ на стражѣ у голубки! Боже мой, подави въ душѣ моей преступныя мысли! Пусть моя лошадн раздавятъ меня какъ цѣломудреннаго Ипполита!... Я мчусь къ цѣлю, къ которой увлекаетъ меня преступленіе, несмотря на укоры совѣсти!...

Мы неслись по безымяннымъ улицамъ, по грязнымъ переулкамъ, по лабиринту закопченныхъ и заплесневѣлыхъ развалинъ, и наконецъ прибыли.... прибыли къ проклятому дому! Узнавъ страшную дверь, Кларисса чуть не упала въ обморокъ, и лучше бы если бъ упала.

— Боже мой! вскричала она, всплеснувъ руками: что же это значитъ? Гдѣ я? Что со мной дѣлаютъ? Кто вы, миледи?...

Я отдалъ возжи кучеру и явился у дверецъ.

— Милая Кларисса, не бойтесь, говорю я: вы оставили ваши вещи въ этомъ домѣ, и я полагаю, что не худо будетъ заѣхать. Впрочемъ, для этого вамъ нѣтъ надобности самимъ выходить изъ кареты.

— Конечно, нѣтъ, подхватила леди Лоренсъ: однако жъ, милая Кларисса, отчего же этотъ домъ такъ пугаетъ васъ? Мнѣ, напротивъ, очень хочется войти и выпить чашку чаю, — если хозяйка предложитъ, — хотя бы только для того, чтобъ доказать вамъ, какъ напрасенъ вашъ страхъ.... Да вотъ и сама хозяйка, кажется.

Въ самомъ дѣлѣ Сенъ-Клеръ и Доркесъ выбѣжали съ сіяющими отъ радости лицами.

— Ахъ, милая миссъ! ахъ! наконецъ-то вы пріѣхали! Какъ мы счастливы! какъ рады будутъ мои племянницы! говорила Сенъ-Клеръ.

Но при одномъ видѣ этой женщины у Клариссы видимо поворотило всю внутренность. Она откинулась назадъ въ карету и застонала. Прохожіе стали останавливаться и съ любопытствомъ заглядывали въ экипажъ.

— Ахъ, милая Кларочка, посмотрите, толпа около насъ собирается! сказала леди Лоренсъ: ваши слезы для этихъ зѣвакъ — зрѣлище. Неужели вы захотите надѣлать позору? Войдите лучше поскорѣй въ комнату. Вѣдь я съ вами; чего вы боитесь? Дайте руку. Притомъ, прибавила она шепотомъ, вы не долго пробудете; заберите поскорѣе ваши вещи — и конецъ.

Эти увѣщанія, а еще болѣе наглые взгляды любопытныхъ, отъ которыхъ нечѣмъ было защититься, наконецъ заставили Кларис-

су выйти изъ кареты. Она ни живая ни мертвая взошла на крыльцо, ступила черезъ порогъ, и дверь темницы захлопнулась!

Вступивъ въ свою прежнюю комнату, Кларисса все поняла. Все, что служило средствомъ къ тому, чтобы привезти ее сюда, вдругъ исчезло; послѣднее заблужденіе разсѣялось и уступило мѣсто отчаянію, близкому къ помѣшательству. Мнимая леди Лоренсъ ушла подъ предлогомъ укладки брилліантовъ (я точно обобралъ ихъ и спряталъ куда слѣдовало.) Миссъ Монтегю также пошла переодѣваться. Я вошелъ къ прекрасной плѣвиницѣ, чтобы успокоить ее, сколько можно.

Она казалась спокойною, но вдругъ бросилась къ окну, ухватилась за желѣзную рѣшетку и съ гнѣвомъ, съ отчаяніемъ, со слезами стала кричать, звать на помощь. Сень Клеръ внизу перепугалась и съ трудомъ отдѣлалась отъ констебля, который радъ былъ случаю придратъся и, разумѣется, не ушелъ, пока его не успокоили какъ слѣдуетъ.

Послѣ того мнѣ самому еще пришлось выдержать почти жутьбу отъ почтенной мистриссъ Сень-Клеръ. Она обошлась со мной просто какъ съ школьникомъ, и я уже не знаю, откуда у меня взялось столько терпѣнія, что я выслушалъ ее. Можетъ быть, я чувствовалъ, что она говорила правду. Она называла меня самолюбивымъ, тщеславнымъ хвастуномъ, который ровно ничего не смысляетъ въ дѣлѣ, за которое берется. «Если бы вы мнѣ предоставили распорядиться, ваша строптивая голубка давно уже была бы усмирена. Видѣла я и не такихъ надменныхъ, да смирились и становились тише воды, ниже травы. Нужно только знать, какъ за дѣло взяться.»

Теперь не знаю что будетъ. Кларисса заперлась въ своей комнатѣ на замокъ и, вѣроятно, предастся своему отчаянію, а я на правено стараюсь казаться довольнымъ и веселымъ: до-сихъ-поръ побѣда моя не веселитъ меня.

Прощай, Бельфордъ; не жалуйся на безконечность письма. Мнѣ кажется, что если завтра захочешь узнать что-нибудь о Ловластѣ, ты долженъ будешь самъ отыскать его въ пещерѣ Ахерона.

Надъ герой, сыпавшій до-сихъ-поръ изъ объихъ рукъ насмѣшканн надъ всѣми благородными чувстваваніями человека, съ приближеніемъ страшной драмы къ развязкѣ дошелъ до такой

степени, гдѣ уже слишкомъ невѣроятна была бы его собственная исповѣдь въ дружеской перепискѣ. Онъ теперь уже не пишетъ; онъ только дѣйствуетъ, а мы доскажемъ лѣтопись его злодѣйствъ.

Вечеромъ того дня, когда мнимая леди Лоренсъ и достойная племянница привезли Клариссу, у мистриссъ Сень-Клеръ было большое собраніе. Кромѣ трехъ героинь того дня, тетушки и кузины Ловласа и ихъ скромной горничной, тутъ находились почти всѣ прочіе актеры и актрисы разыгрываемой комедіи, — Полли, Салли, Доркесъ, капитанъ Томлинсонъ, или Патрикъ Макдональдъ, и нѣсколько другихъ обыкновенныхъ посѣтителей мистриссъ Сень-Клеръ, — капитанъ Макъ-Морисъ, который удачно какъ обезьяна поддѣлывается подъ свѣтскаго человѣка, обладаетъ пріятнымъ теноромъ и съ чувствомъ поетъ романсы; мистръ Брокъ, богатый торговецъ модными товарами; мистръ Эдгаръ, элегическій поэтъ съ большою способностью выпивать огромныя количества пива и вина; мистръ Брандъ, мистръ Джорджъ Барп, мистръ Врей, мистръ Сквель, докторъ Виверъ, два студента и мистръ Джонъ Дойтъ, изъ Страффорда, который въ этотъ день впервые вступалъ на поприще столичной жизни.

Капитанъ Томлинсонъ сидѣлъ поодаль въ углу, устремивъ смущенные, влюбленные глаза на Салли Мертвинъ и былъ готовъ раскрыть голову первому, кто осмѣлится словомъ или взглядомъ задѣть его.

Главнаго лица, настоящаго хозяина этого пиру Атридовъ, графа Ловласа, еще не было, что однакожъ не мѣшало гостямъ ужинать. Вино лилось обильно, но разговоръ не становился общимъ: дамы были заняты чѣмъ-то не совсемъ обыкновеннымъ; Полли казалась встревоженною, Доркесъ бѣгала взадъ и впередъ, то наверхъ, къ Клариссѣ, то прислушивалась у дверей; одна Салли говорила очень много, остряла и смѣялась. Отсутствіе Ловласа, по-видимому, больше всѣхъ беспокоило Макдональда: онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ немъ и при этомъ всегда взглядывалъ на Доркесъ.

Наконецъ Ловласъ явился въ ту самую минуту, когда капитанъ Томлинсонъ въ десятый разъ осѣдомился объ немъ съ упоминаніемъ чорта и съ нетерпѣливымъ ударомъ по столу. Ловласъ былъ пышетъ, блестящъ, разодѣтъ и раздущенъ. Компания

обрадовалась ему как солнцу и со всѣхъ сторонъ носынались громкія привѣтствія. Онъ небрежно раскладывался, сѣлъ подлѣ нареченной своей кузины и, насмѣшливо взглянувъ на Макдональда, сказалъ:

— Мнѣ кажется, я слышалъ, кто-то здѣсь провозносилъ мое имя, — какъ будто кошка промаучила?... Это кажется вы, храбрый капитанъ? Во-первыхъ, позвольте вамъ замѣтить, сударь, что вы могли бы обойтись безъ заклинаній, когда дѣло идетъ обо мнѣ; во-вторыхъ, я спрошу, чтѣ тебѣ нужно отъ меня?

— Будьте здоровы, ваше сіятельство, отвѣчалъ Макдональдъ: больше мнѣ ничего не нужно отъ васъ

— Не опять ли у тебя припадки добродѣтели, вельвовуловъ племянникъ? Ты чтѣ-то вкисло смотришь сегодня.

Макдональдъ не успѣлъ отвѣчать, какъ вошла Доркесъ, со свѣчей въ рукѣ, и сказала Ловласу:

— Пожалуйте, графъ, васъ ждутъ. Царпца ѡей готова принять васъ. Она надѣла самый роскошный свой нарядъ и окружила себя самыми уопительными благоуханіями. Пожалуйте, васъ ожидаетъ счастье.

Ловласъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на окружающихъ; мужчины, очевидно, впрочемъ не знали, а изъ женщинъ одиѣ отворотились, другія стали перешептываться между собой, — вѣроятно, подтверждая другъ другу не выдавать тайны. Старуха Сенъ-Клеръ, съ нутными глазами и съ злобною улыбкой на морщинапетыхъ губахъ пла впно, какъ будто старалась залить тайну въ своей глоткѣ. Одиѣ Макдональдъ догадался, что въ домѣ готовится адское преступленіе.

— Куда вы зовете графа Ловласа, Доркесъ? вскричалъ опъ: куда и зачѣмъ вы идете, ваше сіятельство? Горе, горе вамъ! если преступленіе, которое я предвижу, совершится, благодаря вашему подлогу. Графъ! не лучше ли остановиться, пока еще есть время? Берегитесь этихъ женщинъ; онѣ погубятъ васъ, онѣ вовлекутъ васъ въ страшное дѣло! Вы раскаетесь, но будетъ ужъ поздно!

Много и долго еще говорилъ несчастный бродяга, который одиѣ рѣшился заступиться за погибавшую добродѣтель и хотѣлъ спасти ее остатками честности, заблудившейся въ его душѣ, болѣе развращенной чѣмъ развратной. Одиѣкожъ, несмотря на странность и сиѣшнюю сторону этого заступничества, у Макдональда вырвалось нѣсколько сильныхъ выраженій, которыя,

могутъ быть, поколебали бы Ловласа, если бы не поддерживала Доркесь.

— Помните, кузень Патрикъ! вскричала она: съ чего это вамъ грезятся преступленія и ужасы? Какой это домовый вазъ давить? Хорошо ли вы знаете, въ чемъ дѣло? Какое вы находите преступленіе въ томъ, что молодой прекрасной особѣ угодно принять изъяснанаго графа Ловласа у себя въ комнатѣ, безъ свидѣтелей, для объясненія по дѣлу, которое только до нихъ двоихъ касается? Какое вамъ дѣло, что она для этого свиданія являлась ночью? Это пора любви, следовательно и пора миру и согласія. Кто утромъ говорилъ *млтз*, тотъ очень легко можетъ вечеромъ сказать *да*, безо всякаго ущерба своей видимой добродѣтели.

Ловласъ захохоталъ и взялъ сабчу изъ рукъ своей находчивой прислужницы.

— Охота тебѣ толковать съ такимъ сумасшедшимъ, Доркесь! сказалъ онъ: пойдемъ лучше, скажи мнѣ, въ хорошень ли расположен духа моя Діана.

И онъ пошелъ, гордо поднявъ голову и съ улыбкою демона на губахъ.

— Иди! иди, Ловласъ! закричалъ Макдональдъ: но и я пойду за тобой! Я хочу видѣть, добровольно ли отворится тебѣ дверь твоей Діаны, — какъ ты говоришь. Если же дверь не отворится, если твоя жертва станетъ защищаться отъ тебя какъ отъ вора; если она не ждетъ, не призываетъ тебя, тогда.... увидимъ!

Они ушли. Гости начали съ любопытствомъ спрашивать друга у друга, въ чемъ дѣло. Одни смѣялись, другіе отшучивались, Салли отвѣчала загадками и цитатами изъ «Макбета».

«Мнѣ известно зелье, котораго порошокъ дѣлаетъ человека невидимымъ.... Когда добуду его соку, сварю ему нитья на ночь; жилы перестанутъ биться; ни теплота, ни дыханіе не подадутъ признаку жизни; завѣса глазъ опустится какъ въ ту минуту, когда смерть закрываетъ передъ ними свѣтъ жизни.... а потомъ онъ проснется какъ отъ пріятнаго сна».

Черезъ нѣсколько минутъ Патрикъ Макдональдъ воротился и молча занялъ свое прежнее мѣсто. Глаза его блуждали, на лицѣ выражалось недоумѣніе.

— Ну, что мистръ Патрикъ, правду ли вамъ сказали? спросила Салли: были вы свидѣтелемъ какго-нибудь насилія?

— До этого я не допускалъ бы, вкляуеъ чортъ! вскричалъ

Итакъ, ударивъ кулакомъ по столу: да, правда, правда! неосуществимая правда!... И видѣлъ, какъ Ловласъ легонько постучался въ дверь. «Кто тамъ?» тихо спросилъ тонкій голосокъ. «Это я, твой Ловласъ, моя любовь!» отвѣчалъ онъ, и дверь отворилась, бѣлая какъ свѣтъ ручка взяла его за руку. Онъ вошелъ, дверь затворилась и, не смотря на насмѣшки Доркесъ, я долго простоялъ у порогу, чтобы послушать, что будетъ. Все тихо... ни звука! Странно! непостижимо!... Счастье-быть правда, что всѣ женщины тановы.... Дайте мнѣ вина... побольше вина! Будемъ пать!

— Да здравствуетъ веселье! Надейте капитану круговую пашу! вскричала Сенъ-Клеръ.

Оргія продолжалась до утра. Свѣчи начинали тусклѣть при разсвѣтѣ дня и въ воздухѣ, напитанномъ винными парами; утомленные гости зѣвая собирались разойтись, какъ вдругъ за дверями послышался стонъ.

— Чу! слышите? Кто тамъ? вскричалъ Макдональдъ: какая это погибшая душа проснется въ адъ?... Это тѣнь несчастной Клариссы Гарло!

То въ самокъ дѣлѣ была тѣнь Клариссы. Несчастная напрасно отбивалась отъ ужаснаго кошмара. Во весь тотъ день она ничего не брала въ ротъ, кромѣ стакана воды, изъ графина, который вечеромъ принесла Доркесъ. Вскорѣ потомъ голова у нея отяжелѣла, глаза отуманились, неодолимое утомленіе овладѣло всѣми членами, она заснула глубокимъ сномъ, наполненнымъ странными смутными видѣніями. Между прочимъ, ей казалось, будто какая то дѣвушка, скрывавшаяся въ ея комнатѣ, отворила дверь и впустила Ловласа. Тутъ видѣнія исчезли на время, потомъ опять явились въ дикомъ, страшномъ безпорядкѣ.... Потомъ несчастная вырвалась изъ когтей преслѣдовавшихъ ее чудовищъ, и въ полуснѣ видѣла опять Ловласа, который бѣжалъ какъ злодѣй по совершеніи преступленія. Несчастная еще не знала всей глубины своего бѣдствія, своего униженія. Въ опьяненіи отъ яду и ужаса, она ошупью, шатаясь, пошла по покоямъ проклятаго дома къ дверямъ, за которыми слышались голоса.... Она шла про оныя состраданія и мести!

За дверями она смутно размышляла рѣчи буйной и безстыдной оргіи. Говорили о ней, о Клариссѣ! отводили ей мѣсто въ пещотомъ логовищѣ всѣхъ пороковъ и преступленій! То были мелоческіе голоса, а говорить могли только демоны. Она осталась какъ-будто прикованною къ порогу, она чувствовала, что

роковой сонъ снова можетъ овладѣть ею, и собирала всѣ свои силы, весь свой страхъ, чтобы не заснуть. Такъ, сокрушенная опиумомъ и отчаяніемъ, обезумленная отъ страшныхъ грозъ и еще болѣе ужасной дѣйствительности, она вбѣжала и упала безъ памяти на край стола, уставленнаго винами и яствами, посреди безпутнаго собранія. Волосы ея были растрепаны, бѣлая одежда въ беспорядкѣ, станъ какъ-будто переломленъ. Ужасенъ и прискорбень былъ видъ бѣдной Клариссы!

Всѣ вскочили; мужчины схватились за шпаги; женщины вскрикнули и закрылись воалими; служанки съ ужасомъ отскочили; Сепъ-Клеръ все также злобно улыбалась, а Макдональдъ, очнувшись отъ хмѣлю, тихо бормоталъ про себя:

— А! такъ вотъ она гдѣ, тайна-то. Вотъ, чтò значилъ таинственный перешептыванья! Теперь я повиную попостыжимую побѣду чудснаго Ловласа. Несчастная! ее ополли опиумомъ, а я, глупецъ, могъ обвинять ее!

Женщины хотѣли подойти къ Клариссѣ.

Проч! закричала Макдональдъ: никто не смѣй прикасаться къ ней! Я признаюсь, что я преступникъ и негодяй, но я лучше васъ всѣхъ. Я еще имѣю право защитить ее отъ васъ!

Онъ завернулъ Клариссу съ ногъ до головы въ свой плащъ, какъ въ савацъ, спелъ наверхъ, уложилъ на постель, потомъ заперъ комнату и легъ передъ дверью съ готовностію охранять безчувственную, какъ мать охраняетъ своего ребенка.

За ужасною ночью, въ которую совершилось преступленіе, послѣдовало продолжительное оцпенѣніе. Не прежде какъ на вторые сутки Кларисса начала возвращаться къ жизни, но къ жизни непродолжительной, близкой къ грезамъ. Глаза у нея были открыты, но она почти ничего не видѣла; уста, сжатые послѣдними словами, не могли произнести ни одного слова; она старалась понять, догадаться, вспомнить, и не находила въ своей головѣ ничего кромѣ замѣшательства и мраку; въ душѣ у нея шевелилось чтò то не похожее ни на страхъ, ни на надежду. Ее нельзя было назвать ни живою, ни мертвою.

Это состояніе продолжалось три дня, на четвертый наконецъ воротилось полное сознаніе и ... полное отчаяніе, которое прорывалось только припадками безумія: несчастная то плачетъ, то

ноеть, то молится, — просить отпущенія своихъ грѣховъ, — то зоветъ всѣхъ родныхъ и друзей. Иногда она принимается читать и перелистываетъ проповѣди, иногда опять, чувствуя потребность изліянія, пишетъ чтò придетъ въ голову, на клочкахъ бумаги и опять рветъ или бросаетъ по угламъ; такъ она выражаетъ свои разстроенныя мысли, свои воспомнанія о счастіи и невздорѣ, о спокойствіи и скорѣби; потомъ это безпорядочное занятіе снова прерывается или безумными припадками веселья или новымъ оцѣпенѣніемъ.

Въ домѣ Севъ-Клеръ поселился страхъ; въ сердцѣ Ловласа голось совѣсти кричить громко, но и гордость еще борется. Патрикъ Макдональдъ скрываясь бродитъ около пріюта преступлевій, гдѣ погибла несчастная Кларисса, и какъ будто ждетъ часу правосудія. Кларисса продолжаетъ рыдать и писать. Никогда болѣе скорбныя слова не ложились на бумагу: эти обрывки похожи на строки, разорванныя ужасомъ. Она пишетъ то къ матери, то къ отцу, то къ своему другу, Аннѣ Гоу.

«Милая моя Анна, гдѣ ты?... Позволь мнѣ еще одинъ разъ назвать тебя другомъ!... Батюшка! обожаемый батюшка, зачѣмъ вы меня проклинали?... Неужели ваше проклетіе никогда не переставетъ тяготѣть на мнѣ.... и никто, никто не бросится къ вашимъ ногамъ, чтобы вымошть мнѣ прощеніе!...»

Потомъ слѣдовали многочисленныя помарки и слова безъ связи; потомъ она опять писала къ своей подругѣ:

«Позаботься о моихъ бѣдныхъ, милый другъ мой. Я теперь уже не богата, но я все еще люблю ихъ, этихъ стариковъ и сиротъ, которые называли меня своею кормилицей.... Побереги!...»

Тутъ слеза смыла остальное. Одинъ изъ отрывковъ назывался доброй старухѣ Нортонъ, но и эти строки были не спокойнѣе другихъ. Далѣе Кларисса писала исторію дѣвочки и льва.

«Дѣвушка.... какое безуміе привязаться къ подобной мысли!... дѣвушка привязалась къ красивому льву.... итѣтъ, я ошпблась, къ леопарду или тигру.... и воспитала его, кормила изъ своихъ рукъ.... тигръ повиновался ей, ласкался, слѣдовалъ за нею какъ вѣрная собака.... а потомъ вдругъ растерзалъ! Сама виновата! зачѣмъ играла съ дикимъ звѣремъ!...»

«Несчастная Кларисса! какъ глубоко ты упала! Безумная дѣвушка!... Я знала ее, эту миссъ Гарло; она была молода, прекрасна и богата; ее любили, уважали, благословляли; у нея были отецъ,

мать, двое детей... двоюродный братъ и подруда... и она поѣхъ въкъ лишилась, зато что перешагнула за порогъ родительскаго дома!... Все для нея могло! оттого что она хотѣла вернуть непереченнаго человека на путь истины и чести... Прости, доброе имя! прости, брачный вѣнецъ!... прости, благословеніе церкви!... Ничего не осталось, кромѣ могилы... Ее въ землю заруютъ... и лица не закроютъ... увы! Безъ молитвы схоронятъ, и слезы не прольютъ надъ несчастной... увы!..

«Ужась! ужась! величайшій изъ ужасовъ! Нѣтъ мысли, чтобы постигнуть, шѣтъ языка, чтобы выразить тебя!... Чу! слушай, кто спитъ въ сосѣдней комнатѣ?... Это Дональбейнъ.»

.....
 «Но неужели другая на моемъ мѣстѣ устояла бы?... Онъ былъ такъ красивъ, такъ молодъ, храбръ, уменъ, изященъ... онъ такъ казался!... Онъ пощадилъ моего брата... онъ рассказывалъ столько случаевъ, которые доказывали доброту его сердца... Я дорожила своимъ добрымъ именемъ, во-первыхъ, для себя, потому что доброе имя — лучшая и самая законная награда добродѣтели; во-вторыхъ, для него: я хотѣла быть ему безпорочною женой, достойною поддержать зватный родъ его... Ахъ, если бы у меня, какъ у него, въ рукахъ была участь и честь дѣвушки! если бы счастье честнаго существа зависѣло отъ моей честности... если бы я могла поддержать и окружить ее почетомъ!..»

«Ради Бога... изъ состраданія, Довласъ... не будь такъ золь до меня, за то что я дорожу честью... Умоляю тебя, не трави на меня эту ужасную Семъ-Клеръ!... это чудовище!... Она пугаетъ меня!... Ради Бога!... Можетъ быть, она и хорошая женщина, не я боюсь ея... Не говори ей, что я пишу объ ней; она будетъ сердиться ...»

«Зачѣмъ вы только до половины отравили меня, Довласъ? Слѣдовало сразу убить, лучше было бы. Не бойтесь, соберитесь съ духомъ и исполните, что я вамъ скажу... Это не трудно, вы увидите. Дайте мнѣ еще яду, только посильнѣй; я выпью, и дѣло съ концемъ. Вы вѣдь знаете, что никто не прійдетъ отыскивать меня... Развѣ только миссъ Гоу, можетъ быть... по двумъ-тремъ хорошимъ шуткамъ насчетъ трудности уберечь дѣвушку отъ дѣлается. Или скажете: «Развѣ вы давали мнѣ ее на сохраненіе?» какъ сказалъ Канъ... или — «Она отправилась на тотъ свѣтъ,» и конецъ... Попросите также Доркестъ, чтобы она не мучила меня, не принуждаетъ есть хлѣбъ и не грозила бы хозяйкой... Я

не голодна, я только пить хочу, но не смѣю больше пить: ваше питье отравлено ядомъ, который усыпляетъ, а не убиваетъ!...

«Вы принуждены будете продать мои платья, сэръ Ловласъ, чтобы выручить все, что я вамъ должна.... потому отвезите меня, пожалуйста, не въ Бетлемъ, а въ какое-нибудь частное заведеніе для умалишенныхъ.... къ какому-нибудь доктору.... гдѣ бы я могла имѣть особую комнату и гдѣ бы никто не видалъ моего помѣшательства....»

Такъ писала она дрожавшими руками, отрывисто, какъ приходили сбивчивыя и безослѣдовательныя мысли; въ самомъ почеркѣ ея отражались востерѣливыя судорожныя трепетанія рукъ. Только одна фраза, на особомъ клочкѣ бумаги, была написана твердымъ, ровнымъ почеркомъ. Это были слова: «Дѣдушка! ты спрашиваешь, отчего я не умру? Оттого что Богъ не даетъ смерти, а самоубійство — тяжкіи грѣхъ!... ужасѣе другихъ грѣховъ: послѣ него и раскаenie уже не возможно.»

Нѣсколько разъ она пыталась бѣжать, но Сентъ-Клеръ и Доркесъ зорко стерегли дверь. Когда являлся Ловласъ, она встрѣчала его глубокимъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ, и напрасно оиъ, притыженный, бормоталъ предложенія брака.

— Ты думаешь поправить свое зло, низкій человѣкъ? отвѣчала она: Боже мой! да если бы я приняла теперь твою руку, Ловласъ, я унизила бы въ собственныхъ глазахъ на столько же, на сколько унижена въ глазахъ людей. Конечно, я одинока, я бѣдна, я покинута, я погибла; но.... добровольно вступить въ бракъ съ такимъ порокомъ — Ф! пѣтъ, ни за что!...

Однажды, когда Ловласъ новою хитростью думалъ заставить несчастную выйти изъ комнаты, гдѣ она запиралась на замокъ, безъ пищи и питья и почти не ложась, не раздѣваясь, и когда всѣ женщины ломались къ ней, дверь вдругъ отворилась и Кларисса явилась на порогѣ, гордая и страшная.

— Чего вамъ нужно? чего вы хотите отъ меня? спросила она у отступившихъ съ невольнымъ почтеніемъ: не хотите ли снова отравить меня вашими проклятымъ зельемъ? Послушайте, продолжала она, обращаясь къ женщинамъ, я знаю, кто вы, но и вы не можете не знать, кто я.... Вамъ извѣстно, что я не жена чудовища, который держитъ васъ на жалованьи; вамъ извѣстно также, что я принадлежу къ благородному семейству, къ сильной и знатной фамилии, которая потребуетъ къ отвѣту тѣхъ, которые погубили меня; законъ, слышите? законъ защититъ меня!

законъ мое прибъжище, законъ будетъ мнимъ мстителемъ. Убейте меня, совѣтую вамъ; мнѣ же легче... смотрите только, чтобы достаточно глубока была яма, въ которую вы зароете мое тѣло: иначе судъ найдетъ его и васъ также.

Говоря это она была величественна, голосъ ея звучалъ торжественно, какъ голосъ вѣстника небеснаго правосудія. Сенъ-Клеръ хотѣла отвѣчать, но слова замерли на губахъ; Полли, Салли и Доркесъ, смущенныя до глубины души, уже воображали себя въ рукахъ палача.

— А ты, сказала Кларисса обращаясь къ Ловласу: гордись, гордись теперь своими подвигами! Радуйся своему успѣху! Достойный повелитель такихъ слугъ; смотри, какъ блѣднѣютъ твои сообщницы! посмотри, какъ совѣсть исказила отвратительныя ихъ лица! Развѣ ты не понимаешь, несчастный, что я презираю тебя? Развѣ ты не понимаешь, что тебѣ лучше задушить меня чѣмъ выпустить отсюда живую?

Ловласъ былъ совершенно побѣжденъ и сокрушенъ. Онъ понималъ, какую добродѣтель оскорбилъ, понималъ, что имѣетъ дѣло съ сердцемъ непреклоннымъ, и рѣшился поспѣшить искупленіемъ. Кларисса, утомленная столькими потрясеніями и ежеминутнымъ трепетомъ въ комнатѣ, гдѣ замки уже не ограждали ея, полумертвая отъ страху, голоду и негодованія, наконецъ занемогла горячкой, но Богу не угодно было, чтобы она умерла въ этомъ проклятомъ домѣ.

Несчастную стерегли во всѣ глаза; чѣмъ страшнѣй были ея угрозы, тѣмъ болѣе увеличивалась бдительность сообщниковъ: Вильямъ стерегъ крыльцо, Сенъ-Клеръ — дворъ, Салли и Полли — служили часовыми въ комнатахъ, Ловласъ былъ всюду; всѣ двери, всѣ окна были заперты на задвижки и замки: ни какого выхода, ни какой надежды; надлежало погибнуть, надлежало умереть!

Однажды утромъ, на двѣнадцатый день своего заключенія, Кларисса еще сидѣла въ креслѣ, въ которомъ провела ночь, когда пришла ея новая горничная, Мабель (услугъ Доркесъ она уже не хотѣла принять), и стала просить уже обѣщаннаго ей стараго платья, въ которое она хотѣла нарядиться на именины своего отца. Кларисса тотчасъ же пошла искать между своими вещами паряда, изъ котораго бы можно было сдѣлать что-нибудь приличное горничной.

— Вотъ тебѣ, сказала она, отобравъ почти новенькое, шер-

стяное платье и шелковую мантилю: но нужно напередъ пере-
дѣлать, хотя ты почти ровнаго со мною росту. Нужно пере-
шить рукава и снять лишнія оборки. Приведи мнѣ шиею, я сама
покажу, какъ нужно сдѣлать.... Но теперь идетъ дождь; надѣнь
свой салопъ и капоръ.

Мабель одѣлась и побѣжала со двора, предупредивъ однакожъ
Севъ-Клеръ и всѣхъ домашнихъ, которыя въ тотъ день въ осо-
бенности были встревожены и совѣщались между собою насчетъ
мѣръ, какія слѣдовало принять, на случай отвѣту передъ су-
домъ. Онѣ придумали оставить ключъ въ замкѣ у вышнихъ
дверей, чтобы прохожіе могли засвидѣтельствовать, что Клариссу
не держали въ домѣ насильно. Съ этимъ вѣстѣмъ онѣ однако жъ
удвоили бдительность внутри дома.

Мабель черезъ нѣсколько времени воротилась съ швеей. Миссъ
Гарло достала ей одно платье съ вышивками и, отдавая горнич-
ной, сказала:

— Возьми вотъ и это, Мабель; я увѣрена, что оно будетъ
тебѣ къ лицу. Поди въ ту комнату и примѣрь передъ зерка-
ломъ.

Осчастливленная горничная вышла съ швеей въ другую комнату
и стала примѣрять платья, разсуждать о томъ, гдѣ что прибавить,
гдѣ убавить, и любоваться на себя въ зеркалѣ. Между-тѣмъ
Кларисса поспѣшно нарядилась въ салопъ и въ капоръ, которые
Мабель оставила на стулѣ, окуталась, укрыла въ особенности
лицо и твердымъ шагомъ сошла съ лѣстницы.

Услышавъ шаги, Севъ-Клеръ выглянула, но увидѣла только
Мабель, которая поспѣшно уходила со двора.

— Далеко ли, Мабель? спросилъ Вильямъ на крыльцѣ.

— Сейчасъ ворочусь, отвѣчала Кларисса счастливо поддѣлан-
нымъ голосомъ и скрылась.

Черезъ минуту потомъ въ домъ хватились бѣжавшей и броси-
лись было по слѣдамъ, но вышняя дверь была заперта на за-
мкъ. Проводивъ мнимую Мабель глазами, Вильямъ вошелъ, а Па-
трикъ Макдональдъ, который всё-еще стерегъ домъ съ своей сто-
роны какъ настоящій бульдогъ, подоспѣлъ и заперъ дверь. Онъ
узналъ Клариссу и помогъ ей задержаніемъ преслѣдователей.

Кларисса Гарло, новымъ чудомъ избавившись отъ ужасной сво-
ей тюрьмы, разсудила, что гораздо безопаснѣе будетъ не выхо-

дять изъ города, и укрылась неподалеку отъ Ковентгардена, въ домъ небогатаго торговца Смита и его жены, людей привѣтливыхъ и не любопытныхъ, которые отдавали въ наемъ нѣскольکو комнатъ съ мебелью.

Видъ молоденькой женщины, разстроенной, въ безпорядочной и промокшей подъ дождемъ одеждѣ сначала привелъ хозяекъ дома въ недоумѣніе, но скоро кроткій взглядъ и трогательный голосъ, молвившій о пріютѣ и состраданіи, возбудили ихъ участіе. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдняжка дрожала отъ холоду, сырости, голоду и изнеможенія.

Добрая мистриссъ Смитъ, не спросивъ даже объ имени, приняла гостью въ чистую и свѣтлую комнату, попотчевала завтракомъ со своего стола, ухаживала, угождала и успокоивала бѣдшуща утѣшительными рѣчици, такъ, что Кларисса въ самомъ дѣлѣ отдохнула и въ первый разъ съ давнихъ поръ спокойно уснула.

За этииъ сномъ однако жъ обнаружилась горячка, которая продержала Клариссу на постелѣ нѣлый мѣсяцъ, и это самое спасло ее отъ поисковъ Ловласа и его наемныхъ сообщниковъ. Несчастная лежала совсѣмъ безъ памяти. Мистриссъ Смитъ и еще одна добрая еосѣдка, мистриссъ Ловикъ, ходили за нею какъ за своею дочерью.

Впродолженіи медленнаго выздоровленія бѣдная Ловласова жертва имѣла довольно времени привести свои мысли въ нѣкоторый порядокъ и сообразить свое бѣдственное положеніе. Она припомнила всѣ коварства, жестокости, предательства и обманы, которыми была окружена, — униженія, до которыхъ ее доводили, — вспомнила дурное обращеніе родныхъ, жестокость отца, несправедливость дядей, дерзость брата и сестры и скорбь матери, которая не смѣла защищать свое дитя, — она припомнила все, но не жаловалась и готова была все простить. Глядя на ея спокойную задумчивость и покорность судьбѣ, можно было заключить, что она готовится и собираетъ силы къ близкой послѣдней борьбѣ.

Ловласъ между-тѣмъ неалъ ея по всему Лондону съ настоячивостью, съ какою добивался удовлетворенія маглѣйшей своей прихоти. Всѣ слуги и прислужники его были на ногахъ. Даже его родня тревожилась о безъ вѣсти пропавшей Клариссѣ Гарло; лордъ М^{нн} постоянно требовалъ, чтобъ представили ему ея племянницу. Миссъ Анна Гоу съ величайшимъ безпокойствомъ

и истрасно ждала какой-нибудь вѣсти, какого-нибудь слова отъ Клариссы и терзалась въ предположеніяхъ. По возвращеніи не долгого посланца, который принялъ мистриссъ Бовисъ за миссъ Парло, она тотчасъ же отправила другаго нарочнаго въ Гемпстедъ; этотъ воротился и сказалъ, что все кончено, что тетка и кузина графа Ловласа сами пріѣхали и увезли миссъ Клариссу въ своей каретѣ и что теперь свадьба, по всей вѣроятности, уже справлена. Это были подробности такія ясныя, такія определенныя и въ то же время такія вѣроятныя, что миссъ Анна уже не знала, что подумать о своей подругѣ. Сначала она догадывалась, что Клариссъ стыдно признаться въ томъ, что слишкомъ скоро простила Ловласу, но Анна знала также, что подобное взыскательство не могло бы такъ продолжиться у благородной и откровенной Клариссы.

Между тѣмъ Бельфордъ воротился изъ своего путешествія въ Испанію и нашелъ у себя нѣкоторые Ловласовы посланія, изъ которыхъ узналъ продолженіе его интригъ, но не до конца, потому что Ловласъ уже не могъ быть столько откровеннымъ какъ прежде. Когда друзья свидѣлись, Бельфордъ увидѣлъ только, что Ловласъ твердо намеренъ жениться на Клариссѣ. О крайности, до которой дошелъ, Ловласъ ни слова не сказалъ: онъ только съ обыкновеннымъ своимъ острословіемъ признавался, что велъ себя очень дурно въ отношеніи къ своей возлюбленной, однако же не рассказывалъ въ этомъ, потому, какъ говорилъ онъ, что узналъ въ крайней мѣрѣ, до чего можетъ возвыситься добродѣтель женщины. Въ добродѣтель женщинъ вообще онъ не вѣрилъ, но въ добродѣтель Клариссы ему нужно было вѣрить.

— Съ тѣхъ поръ какъ она скрылась, Бельфордъ, говорилъ онъ, мнѣ кажется, что весь міръ грозитъ мнѣ и солнце мое закрывается тучами. Да! я признаюсь, Кларисса — честь своего пола: она разрушила самыя тонкія мои соображенія и являлась поперѣчною ивжною и подозрительною, мужественною и негодующею; благоразуміе у нея равно красотѣ, и если мы отыщемъ ее, князюса, она будетъ графиней Ловласъ.

Такъ говорилъ онъ, призывая Клариссу, повторяя, что она — его надежда, его жизнь, его счастье. Но если бы посреди этихъ тайныхъ угрызений совѣсти и безсонныхъ ночей кто-нибудь пріишелъ и сказалъ ему: «Пойдемъ, Ловласъ, пасторъ дожидается у алтара; и женщина, которую ты оскорбилъ, простила тебя», онъ еще поколебался бы. Ко всякому правду, ко всякому закону,

ко всякому порядку Ловласъ чувствовалъ неодолимую ненависть; всѣ слова и всѣ намѣренія этого безнѣрно самолюбиваго и безнѣрно гордаго человѣка были двуличивы; въ случаѣ надобности онъ опровергалъ очевидную истину съ жаромъ полного убѣжденія; обладая увлекательнымъ краснорѣчіемъ, Ловласъ, въ хорошеиъ расположеніи духа былъ чрезвычайно милъ и нѣженъ, а въ брюзгливомъ — язвительнъ и надменнъ. Сколько обиліе жизненныхъ силъ и здоровья безпрерывно увлекало его къ сумасбродной неумѣренности, столько и весь характеръ его складывался изъ крайностей: онъ былъ храбръ до безразсудства, гордъ до наглости и виѣстѣ съ тѣмъ обходительнъ до простоты, великодушнъ и разсчитливъ до скупости, притомъ такъ упрямо гордъ, что часто ему стоило величайшихъ усилій надъ собою, чтобы признаться даже самому себѣ въ своей ошибкѣ или заблужденіи.

Будучи побѣжденъ, онъ скрывалъ свое пораженіе гнѣвомъ; будучи измученъ угрызениями совѣсти и снѣдаемъ тоской, онъ не хотѣлъ признаться ни въ своемъ волненіи ни въ безсонницѣ. Наединѣ съ самимъ собою онъ припоминалъ всѣ очаровательныя предести своей жертвы и всѣ безплодныя слѣдствія своихъ хитростей и интригъ, сокрушившихся объ эту непобѣдимую добродѣтель. Къ довершенію, рука его отвергнута, ния презрѣно какъ позоръ, приближеніе почитается нечистымъ пятномъ и униженная дѣвушка готова лучше умереть чѣмъ сдѣлаться графиней Ловласъ.

Въ эти минуты откровенности съ самимъ собою, минуты очень рѣдкія и короткія, Ловласъ дѣйствительно и искренно раскаивался; онъ говорилъ себѣ, что теперь Клариссу, если она и отъщется, уже невозможно будетъ склонить къ миру. «Она слишкомъ жестоко оскорблена; она слишкомъ тверда и горда; она презираетъ меня! Она погибла, навсегда погибла для меня!» То онъ проклиналъ свои поступки и хитрости, то сердился на упрямыцу, которая скрывалась Богъ знаетъ гдѣ, въ такую минуту, когда могла сдѣлаться графиней Ловласъ. Чаше же всего гнѣву его поддавало семейство Гарло; онъ проклиналъ суровость и жестокосердіе всѣхъ родныхъ Клариссы, обвинялъ ихъ въ безчувственности и кричалъ, что женится насильно, лишь-только отыщется бѣглянку.

— Если бы мнѣ только увидѣть ее! говорилъ онъ: если бы она хоть назначила мнѣ условія, подписала законы, если бъ я только зналъ ея волю.... какою бы то цѣной ни было, я купилъ бы ея прощеніе: я съ радостью соглашусь на все.

Онъ то сидѣлъ, запершись въ своей комнатѣ, проводилъ дни и ночи въ тоскѣ, то, для развлечения, одѣвался самымъ блестящимъ образомъ, садился въ великолѣпный экипажъ и пускался отыскивать свѣтъ, толпу, шумъ и удовольствія, бывалъ въ городѣ и за городомъ, во всѣхъ знакомыхъ домахъ и окрестныхъ замкахъ, щеголялъ своимъ остроуміемъ, своимъ изяществомъ и дивною наглостью, которая составляла предметъ удивленія и зависти для всѣхъ петиметровъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Въ особенности онъ посѣщалъ дамское общество, гдѣ былъ въ это время въ большой модѣ.

Последнее приключеніе графа Роберта Ловласа съ благородною, прекрасною и богатою миссъ Гарло только увеличило общее расположеніе къ блестящему побѣдителю. Позоръ, убивающій невинную дѣвушку, очень часто увеличиваетъ славу обольстителя и возвышаетъ его въ мнѣніи извѣстныхъ круговъ общества. Передъ остроумнымъ, ловкимъ, пріятнымъ, богатымъ и знатнымъ графомъ Ловласомъ, будущимъ лордомъ и перомъ, всѣ двери и всѣ сердца были отворены. Не было матери, которая бы не погордилась одною возможностью выдать за него свою дочь; не было дѣвушки, ни даже самой скромной, которая бы не была готова предпринять съ радостью обращенія этого чудеснаго волоньера на путь добродѣтели мирнаго семьянина.

Съ тѣхъ-поръ какъ Кларицца пропала, Ловласъ, когда явился въ свѣтъ, удивлялъ свою роскошь и любезность; онъ еще усерднѣе ухаживалъ за женщинами, еще пріятнѣе обращался съ мужчинами.

Однажды онъ былъ приглашенъ на сельскій праздникъ къ помѣщику, котораго имѣніе находилось по сосѣдству съ замкомъ Гарло. Собраніе было многочисленное и блестящее; тутъ находились знатнѣйшіе государственные люди и самыя блестящія женщины Англіи. Миссъ Анна Гоу также пріѣхала съ матерью. И она также была тутъ не изъ послѣднихъ: мужчины поклонялись ея красотѣ, женщины уму и обходительности. Почти всѣ знали о тѣсной дружбѣ ея съ несчастною бѣглицкой изъ замка Гарло, но никто не осмѣливался ни словомъ ни взглядомъ осведомиться у миссъ Анны о судьбѣ прекрасной Кларицсы, которая вѣкогда царствовала во всей области.

Вдругъ въ отворенныхъ настежъ дверяхъ залы громко раздались имя графа Роберта Ловласа. То былъ онъ! Глядя на него можно было подумать, что его сцѣпа — цѣлое государство, его

осведомленны — принцы, такъ гордо, такъ бодро, такъ отъ-
 такъ самодовольна его улыбка, такъ вольно и самоуверенно онъ
 подходилъ къ дамамъ, громко осведомляясь объ ихъ здоровьи и шепе-
 томъ объ ихъ сердечныхъ дѣлахъ. Онъ хотѣлъ нравиться, и нрави-
 ся противъ воли. На каждомъ шагу его раздавались восклицанія удив-
 ленія и восхищенія. Наконецъ онъ, какъ будто нечаянно, встрѣ-
 тился съ миссъ Гоу и ея матерью. Мать, какъ женщина свѣдѣ-
 ская, старалась не оскорблять и молчала, а дочь вспыхнула отъ
 негодованія и презрѣнія къ обольстителю своего друга. Глаза всего
 общества обратились на нихъ. Примѣтивъ это, Анна отступила
 на шагъ, гордо выпрямилась и сказала:

— Милостивый государь, если бъ я знала, что встрѣчу здѣсь та-
 кого человѣка какъ вы и что этотъ человѣкъ осмѣлится подойти
 ко мнѣ съ улыбкою на губахъ, я ни за что въ мирѣ не пришла
 бы сюда. Уйдите отсюда, маменька!

Она въ самомъ дѣлѣ повернулась, чтобы идти.

— Миссъ Гоу! сказалъ Ловласъ удерживая ее и такъ тихо,
 чтобы только она могла слышать: на одну минуту... на одно сло-
 во... ради миссъ Кларисы!

— Отойдите отъ меня, несчастный! вскричала Анна махнувъ
 опахаломъ, такъ, что задѣла графа Ловласа по лицу.

— Миледи, продолжалъ Ловласъ громко обращаясь къ мистриссъ
 Гоу: скажите пожалуйста гдѣ это ваша милая дочка приобрѣла та-
 кой пріятный нравъ? Это очень хорошо, что она такъ кротка и
 любезна: я гдѣ-то читалъ, что за кротость женщинъ называютъ
 ангѣлами.

Гости разсмѣялись, Ловласъ обратился къ Гикмену, который
 стоялъ въ двухъ шагахъ.

— Мистеръ Гикменъ, сказалъ онъ, медъ, молоко и сахаръ —
 три вещи очень пріятныя въ хозяйствѣ. Примите мое поздрав-
 леніе съ счастьемъ, которое васъ ожидаетъ; только, когда вы бу-
 дете мужемъ этой прекрасной молодой особы, совѣтую вамъ не
 раздражать ея.

Нѣсколько пылинокъ пудры упали на его шитый золотомъ ка-
 танъ. Онъ небрежно страхнулъ ихъ и вѣшался въ толпу. Онъ
 танцевалъ съ миссъ Плейнордъ, разговаривалъ съ миссъ Олейвъ
 о новой оперѣ и когда миссъ Лойдъ пожелала знать лучшую арію
 въ этомъ новомъ произведеніи любимаго композитора, онъ взялъ
 ее за руку и тихонько сталъ напѣвать, по-видимому, очень прі-
 ятную вещь, потому что всѣ сидѣвшія подлѣ дамы съ лживою за-

цетомъ споровался недоумкииъ. Миссъ Анна увидала, что уже поздно стало: знала, что Долласъ не встанетъ и увидитъ болѣе трехъ миссъ въ суднѣ Клариссы, что совсѣмъ глупо и гадко, нѣтъ сомнѣннн въ томъ, что Долласъ испугалъ разсудочннхъ. А Долласъ былъ способенъ придумать въ тотъ вечеръ.

На другой день послѣ праздника къ графу Долласу явился мистръ Гикмесъ. Послѣ многихъ поклоненнй, участливо и нѣжною озабоченностью сказалъ:

— Графъ... милордъ... позвольте...

— Вы пришли сказать мнѣ, что миссъ Анна прегрѣдилась на канѣ? перебилъ Долласъ: вы хотите, чтобы я извинился передъ цою или обязался съ вами? Извольте, я готовъ.

— Позвольте, графъ...

— Кажется, мистръ Гикмесъ, тамъ, на дворѣ, стоитъ вашъ чалый жеребецъ, который на послѣдней скачкѣ выигралъ призъ?... Какія у васъ прекрасныя маншеты, слышишь дороги, кажется, для солиднаго человѣка... Мнѣ нравится вашъ галстукъ, хотя онъ слишкомъ малъ для мужчины и слишкомъ великъ для ребенка.

— Графъ, вамъ легко пользоваться моимъ проклятымъ замѣшательствомъ и несумѣешь говорить; я не такой острякъ и не такой дуракъ какъ вы, но зато я смѣю назваться честнымъ человѣкомъ и считаю правду и откровенность хорошими вещами. Теперь, когда уже началъ говорить, я вамъ скажу коротко и ясно, не ослѣпляясь блескомъ вашего краснорѣчнн, что вы нехорошо поступили съ миссъ Клариссой Гарло. Вы оскорбили и уничили это чудо природы, и я, по порученнню миссъ Гоу, пришелъ узнать, не найдете ли вы какого-нибудь честнаго средства покончить прискорбное пожеденне, котораго я и назвать не умѣю?

— Берегитесь, мистръ Гикмесъ, возразилъ Долласъ: вы украли у меня одну изъ лучшихъ моихъ риторическнхъ «игурь! Я когда-то сочинилъ советъ изъ моей лошади, которая издохла, оттого что ее съ жару опояли. Этотъ советъ начинался именно словами «О, прелестное животное! о, чудо природы!» Впрочемъ, я вижу, куда вы идете въ вашихъ семи-мильовыхъ сапогахъ: вамъ угодно знать всю мою исторню, чтобы было чѣмъ позабавить вашу невесту. Не худое намѣренне. Увѣряю васъ, вы будете знать употреблемый способъ, если расскажете эту исторню во всей подроб-

ности. Но, по истинной правдѣ вамъ сказать, я и самъ еще не знаю, чѣмъ она кончится. Что жъ касается до «честнаго средства», какъ вы изволили выразиться, признаюсь вамъ откровенно, что, если вы подъ этимъ разумѣете честный бракъ, эти прелестныя узы пугаютъ меня. Человѣкъ живетъ въ гостяхъ гораздо веселѣе чѣмъ у семейнаго очага, сами вы согласитесь, мистръ Гикменъ.

— Сожалѣю, что не могу разделить вашего мнѣнія, графъ, отвѣчалъ Гикменъ: впрочемъ, мнѣ поручено только узнать, намѣрены ли вы исправить зло, которое причинили?

— Какое же зло, мистръ Гикменъ? Неужели вы думаете, что мое зло злѣе другихъ? Вы знаете, что время все исправляетъ, или по крайней мѣрѣ со временемъ все забывается.

— Можетъ-быть. Но я знаю также характеръ миссъ Гарло: чтобы заставить ее скрыться такимъ образомъ, какъ она теперь скрылась, и не подавать столько времени ни какого звука жизни, нужно было поступить съ нею очень недостойнымъ образомъ.

— А я съ моей стороны увѣрю васъ, мистръ Гикменъ, что я имѣю право горько жаловаться на поступки миссъ Гарло со мною. Она унижала меня, она осыпала меня пасмѣшками, словомъ, она оскорбляла меня ежеминутно, меня, графа Роберта Довласа.

— Можетъ-быть; но миссъ Гоу поручила мнѣ только узнать, что вы сдѣлали съ ея подругой и куда вы ее дѣвали.

— А я отвѣчаю вамъ, мистръ Гикменъ, что рѣшительно не знаю гдѣ теперь находится миссъ Кларисса; я отдалъ бы вашу жизнь и часть моей, чтобы узнать это. Впрочемъ, развѣ можно ручаться за прихоти женщины? Вы знаете какъ странны онѣ иногда бываютъ? Я былъ твердо намѣренъ жениться на миссъ Клариссѣ — въ этомъ вы можете увѣрить миссъ Анну Гоу, вашу невѣсту, мистръ Гикменъ, — но, вы сами видите, неблагодарная бѣжала отъ меня.... Можетъ-быть, она предпочла мнѣ какого нибудь лысаго и толстаго помѣщика или тощаго и сѣдаго купца.... Я вамъ говорю, что за прихоти женщины ручаться нельзя.

— У васъ рѣдкій даръ шутить, графъ, но я все-таки нахожу, что вы во зло употребляете и ваше остроуміе и положеніе людей, которые привязаны къ миссъ Клариссѣ и напрасно ждутъ какой-нибудь вѣсти о ея судьбѣ. Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы отыскать средство къ миру, а не съ тѣмъ чтобы слушать ваши

шутки, графъ Ловласъ. Если же вы никакъ не можете удержатъ своей веселости, то прощайте; мнѣ еще не пришло время объясняться съ вами на этотъ счетъ подробно. Но будьте увѣрены, что, не сегодня такъ завтра, вы найдете съ кѣмъ объясниться. Мое почтеніе.

Гикменъ ушелъ и не слышалъ граду насмѣшекъ, которыми его проводилъ Ловласъ, а если и слышалъ, такъ считалъ себя, какъ честнаго человѣка, выше остротъ безсовѣтнаго развратника.

Кларисса, едва оправнявшись отъ болѣзни, стала собираться въ дорогу. Она рѣшилась отправиться въ Америку, чтобы тамъ скрыть свой стыдъ, свое несчастіе и дожидаться смерти, какъ избавленія. Лучше не могла поступить несчастная, проклятая отцомъ, покинутая матерью, отвергнутая, изгнанная родными и опозоренная въ глазахъ неумолимаго свѣта.

Когда возможно стало выходить со двора, она прежде всего захотѣла побывать въ церковь, поблагодарить Бога, зато что не оставилъ ея въ отчаяніи. Было еще очень рано утромъ и погода стояла ясная и тихая, когда Кларисса вошла въ только-что отворенную церковь и, ставъ въ самый темный уголъ на колѣни, начала вливать и облегчать душу пламенною молитвой.

Кончивъ молитву, она встала и пошла опять домой по безлюдному переулку, какъ вдругъ ее окружили и задержали полицейскіе солдаты. Дѣвушка, въ недоумѣніи и ужасѣ, смотрѣла на нихъ блуждающими глазами, умоляла отнестись и спрашивала, за что ее схватили?

— За полтораста фунтовъ стерлинговъ долгу, отвѣчалъ констебль: зато что вы задолжали почтенной дамѣ, которая содержала васъ, поила и кормила во все время пребыванія вашего въ Лондонѣ, и отъ которой вы ушли не только не сказавъ спасибо, но даже не простившись. Мы уже цѣлый мѣсяцъ ищемъ васъ, сударыня. Извольте замѣтить, не рассуждая долго, или пожалуйте съ нами.

Кларисса слушала и ничего не понимала, хотя ей нѣсколько разъ повторяли, въ чемъ дѣло. Но вдругъ она увидѣла Вильяма, который помогалъ полицейскимъ, и вскрикнула, стала звать на помощь.

Народъ сбѣжался. Положеніе хорошенькой дѣвушки внушало состраданіе; ее хотѣли было отбить у полицейскихъ, но констебль

— Настоящая не-справедливость, другая, отвѣтила Кларисса; что ей на тюрьма, что другая, мнѣ всё равно; только избавьте меня отъ этихъ жондилье, ради Бога!

— Эти жондилье, сударыни, по праву требуютъ платы, зато что кормили и содержали васъ, змѣтила Салли. Заплатите вамъ деньги и тогда избавитесь отъ кого угодно.

Кларисса заперла глаза и ротъ платкомъ и отворотилась. Она старалась задуметь голову, чтобы не зарыдать въ присутствіи Салли.

Тутъ приметъ констебль и сказалъ, что арестантка имѣетъ право требовать, чтобы ее оставили одну, и Салли вышла. Кларисса поблагодарила помпейскаго выразительнымъ взглядомъ, какъ вѣтвистаго набавитоза.

Около четвертаго часу мистриссъ Ролендъ опять пришла по-смотреть на арестантку и нашла ее все въ томъ же положеніи. Кларисса не тронулась отъ мѣста; она не спала и не бодрствовала, — она думала о своей судьбѣ.

Ей предложили пищи, она отказалась и только выпила нѣсколько глотковъ воды.

На ночь, чтобы не застали сонную, она придвинула стулъ къ дверямъ и тамъ была. Утромъ ее застали на колѣнахъ за изорваннымъ шелтвенникомъ, который она нашла гдѣ-то въ углу. Подъ, на столѣ, лежалъ мокрый отъ слезъ платокъ. По опухшимъ глазамъ, по блѣдному лицу и холоднымъ рукамъ видно было, что бѣдная провела всю ночь безъ сна.

Мистриссъ Ролендъ уговорила ее выпить чашку чаю и объяснила, что если она не захочетъ отдаться на поруки дамамъ, изъ которыхъ одна наканунѣ приходила, то ее черезъ день отправятъ въ тюрьму. Кларисса отвѣчала, что она предпочитаетъ всякую тюрьму такой поруки и что, впрочемъ, у этихъ дамъ остаются ея вещи, наряды, платья и ожерелья, которые можно продать и выручить гораздо больше полутораста фунтовъ стерлинговъ. Но какъ только несчастная начинала говорить, слезы задушили голову и констебльша оставила ее опять почти въ безчувственномъ состояніи. Положили, что нужно будетъ отправить должницу въ тюрьму.

Къ счастью,—если только можно употребить это слово въ подобной исторіи, — Патрикъ Макдональдъ, изгнанный изъ дому Сенъ-Клеръ, увидѣлъ предметъ своей страсти, Салли, и частью изъ любопытства, частью по влеченію сердца пошелъ слѣдить

дѣ кватирты констебля. Узнавъ, что Салли посѣщала какую-то дѣвушку въ арестантской, онъ догадался, что Кларисса попала въ новую завадню, и тотчасъ же побѣжалъ къ Ловласу, чтобы потребовать у него объясненія. Но графа не было дома: онъ танцевалъ на сельскомъ праздникѣ и напѣвалъ красавицамъ вѣжные куплеты. Макдональдъ отправился къ Бельфорду. Тотъ вѣрить не хотѣлъ ужасному разсказу, и въ негодованіи, съ глубокимъ состраданіемъ къ несчастной дѣвушкѣ и съ досадою на себя, зачѣмъ раньше не вступился, далъ клятву отнышѣ употребить всѣ свои силы, состояніе и жизнь, если будетъ нужно, чтобы спасти миссъ Клариссу и исправить хоть часть зла, котораго былъ повѣреннымъ и почти участникомъ.

Онъ по указанію Макдональда тотчасъ же поскакалъ къ констеблю, вручалъ ему сумму мнимаго долга и приказалъ доложить о себѣ миссъ Клариссѣ.

— Доброе дѣло, милордъ, доброе дѣло, говорилъ констебль бѣдняжка, право, слишкомъ молода и хороша для нашей арестантской, но чтѣ жъ дѣлать, наше дѣло — исполнять предписанія.

Бельфордъ взобрался по скрипящей лѣстницѣ, держась за сальную веревку, служившую вѣсто перилъ. Когда онъ вошелъ въ грязное гнѣздо, его глазамъ представилось ужасное зрѣлище. Несчастная Кларисса стояла передъ столомъ на колѣняхъ и читала молитвенникъ. Ея бѣлое платье было распушено, волосы въ беспорядкѣ разсыпались вокругъ прекрасной шеи; лицо, страшно измѣненное болѣзью и горемъ, всё-еще было чудно хорошо, и несмотря на смѣренное положеніе, дѣвушка была всё-еще величественна. Молчаливая, неподвижная Кларисса устремляла потухающіе глаза на Бельфорда и поняла, что онъ пришелъ спасти ее. Она хотѣла что-то сказать, но не достало голоса. Бельфордъ сѣлъ подлѣ несчастной, умолялъ вѣрнуться ему и говорилъ, что она свободна.

— Вѣдь вы другъ Ловласа, сказала Кларисса, и голосъ ея прервался. Она только назвала домъ мистриссъ Смитъ и изъявила желаніе воротиться туда; потомъ, собравшись съ силами, продолжала: надѣюсь, что другъ вашъ дастъ мнѣ спокойно умереть тамъ. Въ протавномъ случаѣ я лучше останусь въ тюрьмѣ или здѣсь, у мистра Роленда; онъ вовсе не такъ золъ, какъ я предполагала.

Къ вечеру Смитъ и его жена пришли взять свою жилицу. Они вывели ее изъ арестантской и посадили въ наемную каре-

ту. Слѣдомъ шелъ какой-то человекъ со шляпой въ рукахъ. Это былъ Патрикъ Макдональдъ.

Въ тотъ же вечеръ Бельфордъ рассказывалъ подавленному стыдомъ Ловласу о бѣдствіи и отчаяніи Клариссы.

— Она предполагаетъ, что это ты подалъ на нее жалобу за денежный долгъ. И дѣйствительно, кто, видя голубку въ гнѣздѣ ястреба, можетъ подумать, что она разтерзана кѣмъ-нибудь другимъ? Горе тебѣ, Ловласъ! тоска и угрызенія совѣсти всюду послѣдуютъ за тобой! они будутъ твоими спутниками въ забавахъ, и какое бы ни случилось съ тобой несчастіе, знай! что это наказаніе за Клариссу.

Спокойное и однообразное движеніе кареты, пріятный голосъ мистриссъ Смитъ и свѣжій воздухъ не много ободрили дѣвушку, а когда она, послѣ трехъ-дневнаго отсутствія, вошла въ домъ къ своей хозяйкѣ, силы ея скоро возстановились. Мистриссъ Ловикъ встрѣтила Клариссу на порогѣ.

— Ахъ, мистриссъ Ловикъ! сказала дѣвушка, если бы вы знали, какъ я страдала! Меня посадили за долгъ, котораго я не дѣлала. Но, слава Богу! я снова васъ вижу. Пожалуйста, помогите мнѣ съ доброй мистриссъ Смитъ дойти до моей комнаты. Я чувствую большую слабость, милые друзья мои, потому что вотъ уже три ночи какъ не смыкала глазъ. Благодарю васъ, мистръ Смитъ.

И несчастная дѣвушка не могла продолжать; она послѣ первыхъ минутъ радости такъ ослабла, что должны были на рукахъ перенести ее на постель.

Послѣдняя попытка въ тюрьмѣ окончательно разрушила Клариссу, эту некогда блестящую красоту, которая постепенно исчезла отъ горя, раскаянія и безсонницъ. Въ домѣ доброй мистриссъ Смитъ Кларисса, окруженная любовью и уваженіемъ скоро снова очутилась въ своей сферѣ. Мистриссъ Смитъ была къ ней нѣжна и внимательна, мистриссъ Ловикъ обходилась съ нею какъ съ дочерью и напоминала дѣвушкѣ добрую Нортонъ. Вѣрный и преданный Бельфордъ охранялъ спокойствіе ея убѣжища, и она, не понимая неожиданнаго счастья, чувствовала, что теперь ей нечего бояться.

Призванный врачъ, человекъ степенный и свѣдущій, скоро принялъ участіе въ бѣдной дѣвушкѣ. При видѣ этой разрушенной молодости онъ угадалъ, что болѣзнь его пациентки происходитъ отъ горя; онъ не видѣлъ только, до какой степени зло дошло. Искусный прагматикъ думалъ, что дѣло идетъ объ обыкновен-

вѣнчикъ, дѣшевое сардоникъ, бѣлѣзникъ, лопарскіе сапоги: все это можно изцѣлить.

— Любите се, забываете о ней, возвращаете врата ея недостать матери; болѣете вы — въ сердце.

Когда жене Клариссы была въ состояніи покинуть свою постель и перейти на кресло, она пожелала видѣть Бельфорда, чтобы поблагодарить его за оказанныя услуги.

— Извините меня, что я не встаю, сказала дѣвушка, когда она вошла: я еще такъ слаба, но мнѣ хотѣлось поблагодарить васъ за участіе, которымъ вамъ обязана. Здѣсь рай въ сравненіи съ тѣмъ мѣстомъ, откуда вы меня взяли. Здѣсь у меня свежій воздухъ, солнце, свобода; меня окружаютъ честные люди, а я такъ давно не встрѣчала ихъ, что ужъ начинала себя спрашивать, куда же они дѣвались!

Видя Клариссу совершенно спокойной, Бельфордъ хотѣлъ воспользоваться удобной минутой и сказать ей, что Локласъ невнимателенъ въ ея послѣдствіи несчастій.

— Я вѣрю вамъ, сэръ, возразила дѣвушка, вѣрю, потому что мнѣ и самой казалось невозможнымъ, чтобы другъ вашъ до такой степени былъ низокъ. Но, изъ жалости ко мнѣ, не говорите о немъ. Если бы вы знали.... вы должны бы были сильно уверить себя, зато что не предупредили меня, когда еще могъ спасти.

Она остановилась и поднесла къ глазамъ платокъ, потому продолжала.

— Никогда, никогда не хочу я снова видѣть его.

Негодование Клариссы было такъ же истинно какъ ея горе, однакожь глаза выражали природную доброту, несмотря на то что горьки: она была сильна, потому что съ нею были ея благочестіе и чистосердечіе. Бельфордъ сказалъ ей, что велѣлъ сложить въ передней ея платья, дорогія бездѣлушки и письма миссъ Гоу, словомъ все, что она оставила въ домѣ Сень-Клоръ. Кларисса отъ всей души благодарила Бельфорда, говоря, что очень жалеетъ перечитать письма своего друга и что рада своимъ вещамъ, потому что можетъ большую часть изъ нихъ продать и выручить необходимыя деньги. Она пуше всего не хотѣла быть кому нибудь обязанной, и желала заплатить медіку за услуги.

Кларисса все больше и больше ослабѣвала. Она ничего не ѣла, почти не спала и видимо тѣла. Медікъ молча наблюдалъ за обраткою жизни, которая потесала безъ видимой болѣзни. Она

старался скрыть свои опасенія, и принималъ вседневный видъ человека, состоящаго за свою болельку. Дѣвушка съ своей стороны не точности исполняла его предписанія; она говорила, что ей нужна мать, и что она боится врача.

Кларисса разобрала своей гардероба, осмотрѣла всеневѣрные юрчаны, и никогда не смѣла употребить съ тѣмъ же успехомъ, — шитья были болѣею частью еще сеголѣшняго покроя. Она все продала.

— Я ужъ никогда не буду такъ наряжаться, говорила она, а когда умру, сестра не станетъ носить моихъ платьевъ.

Мистриссъ Смитъ и мистриссъ Ловикъ, удивленные изыществомъ и богатствомъ этихъ нарядовъ, спрашивали себя: «Кто эта дѣвушка, такая молодая, прекрасная, съ такими великолѣпными нарядами, и такая бѣдная, покинутая?»

Кларисса встала съ разсвѣтомъ и писала письма, часто обливая ихъ слезами. Въ полдень, во время обѣда ее отвозили въ соседнюю церковь. Видно было, что она много страдала прежде чѣмъ утратила здоровье. Она и теперь не переставала страдать, особенно нравственно. Спокойствіе ея предвѣщало что-то важное, торжественное.

Въ это время нѣкто, человекъ, котораго нѣа часто повторялось въ этой исторіи, переѣзжалъ черезъ проливъ, отдѣляющій Францію отъ Англіи. То былъ полковникъ Морденъ.

Мордену только-что исполнилось сорокъ лѣтъ; онъ былъ знатнаго происхожденія, прамодушенъ, благороденъ и немножко гордъ, — не скоро сблизался съ людьми и рѣдко восхищался ими, однакожъ ему не чужда была слеза состраданія, и онъ умѣлъ оказать благодѣаніе, когда видѣлъ истинную нужду. Пробывъ двадцать лѣтъ въ военной службѣ, онъ привыкъ говорить просто и во всемъ приступать прямо къ дѣлу, какъ солдатъ и какъ честный человекъ. На прекрасномъ и благородномъ лицѣ полковника отражалась вся его душа.

Когда Кларисса была еще ребенкомъ, старый дѣдъ, умирая, вѣрилъ ее Мордену. «Береги ее, говорилъ онъ, береги мою любимицу; я вѣрю тебѣ этого ангела; будь ея воекровителемъ; люби ее какъ дочь, — какъ я ее люблю.»

Старикъ сдѣлалъ Мордена своимъ душеприказчикомъ и умеръ спокойно, полагаясь на слова молодого человека. Кларисса было лѣтъ двѣнадцать, когда Морденъ оставилъ Англію, вполне утѣренный, что его воспитанница, окруженная преданными ей людьми,

ни съ чѣмъ не будетъ имѣть недостатку. Посреди военной жизни онъ ничего не зналъ о промышленности, которое поразило это вѣчно цвѣтущее и счастливое семейство. Мордеи каждый годъ получалъ отъ Клариссы письма, исполненные такою вѣжливостью и добротой молодого сердца, что полковнику никогда не приходило мысль, что надъ прекрасной головой его любимицы можетъ разразиться громовая туча. Онъ возвращался на родину всегда счастливый, и увѣренный что увидитъ своихъ родныхъ и милую воспитанницу.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

РИМЛЯНЪ ПРИ АВГУСТЪ

■

ГРЕКОВЪ ПРИ ПЕРИКЛЪ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

Когда Хариклъ пришелъ на рынокъ, тамъ уже была пронасть народу. Продавцы ставили передъ лавками загородки изъ плетевыхъ сучьевъ и раскладывали на столахъ и скамьяхъ товары. Булочница выстроила изъ хлѣбовъ нѣсколько пирамидъ, а проходжій шутникъ свалилъ одну изъ нихъ къ величайшему удовольствію праздноѣ толпы, которая прогуливалась на рынокъ. Многія женщины варили для простаго народу гороху и разныя овощи. Въ горшечномъ ряду громко выхваляли доброту посуды; не много дальше толпились въ миртовомъ ряду дѣвушки, которыя продавали вѣнки и принимали заказы для доставки цвѣтовъ къ вечернимъ попойкамъ....

Не только рабы и невольницы, но и множество гражданъ закупаѣли съѣстные припасы и другіе товары.

Раздался звонокъ, которымъ обозначали начало рыбной продажи. Все бросились въ рыбный рядъ, чтобы сдѣлать самую важную

покупку для обѣда. Харикль проходилъ мимо рыбаковъ и съ удовольствіемъ наблюдалъ за разными хитростями продавцевъ и покупателей.

Такъ напримѣръ какой-то лакомка спросилъ у пролавца:

— Что стоятъ эти двѣ щуки?

— Пятнадцать оболовъ, отвѣчалъ продавецъ едва подымая глаза.

— Ухъ, какъ дорого!... Нельзя ли взять.... восемь.

— Одну щуку.... продамъ за восемь.

— Ну! вотъ.... возьми, восемь оболовъ, — сказалъ покупатель, протягивая руку съ деньгами.

— Ни какъ нельзя меньше!

— Ну, ужъ дамъ тебѣ девять, — продолжалъ покупатель, улыбаясь поглядывая на рыбу.

Продавецъ съ презрѣніемъ сталъ смотрѣть въ другую сторону; но скоро воротилъ покупателя, который медленно уходилъ и изъ подтишка оглядывался. Поторговавшись еще нѣсколько времени, продавецъ согласился отдать рыбу за предложенные девять оболовъ.

Въ Аоніахъ существовалъ указъ, который воспрещалъ продавцамъ обливать рыбу водою. Указъ этотъ данъ былъ, вѣроятно, для того чтобы рыбаки, спѣша продать товаръ, не такъ много запрашивали. Но вотъ къ какой хитрости прибѣгали продавцы. Когда у нѣсколькихъ рыба начинала засыпать, то одинъ изъ рыбаковъ падалъ въ обморокъ, ближайшіе сего товарищи сбѣгались и обливали обмершаго водою. Виѣтъ съ тѣмъ, какъ будто печально означивали своихъ рыбъ. Такимъ образомъ падали рыбаки въ обморокъ по очереди и по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ день.

Полюбовавшись нѣсколько времени на эти образцы греческой хитрости, Харикль вспомнилъ о своемъ рабѣ съ лишкомъ золота и пошелъ къ прилавкамъ мѣнать, *trapezités*, гдѣ и встрѣтилъ Ктезиона. Харикль хотѣлъ рассказать другу о своемъ счастьи, но вспомнилъ обѣщаніе данное старикъ. Оттого онъ сказалъ только, что купилъ отцовскій домъ у Форіона, который человекъ хорошій и честный.

— Удивительно, продолжалъ Харикль, — отчего Форіонъ прослылъ скупцомъ и злымъ ростовщикомъ. Онъ преблагородная душа...

— Да, подобныя вещи случаются часто, — возразилъ Ктезионъ. — Толва судить по варужности и не рѣдко считаетъ людей самыхъ низкихъ образцами добродѣтели. Вотъ напримѣръ.... посмо-

три... тамъ идетъ человекъ съ такимъ скромнымъ лицомъ. Онъ передразниваетъ одеждою Спартанцевъ!... Видишь ли... какое накинута на немъ худое платье?... какъ скромно онъ идетъ у самой стѣны и кажется не обращаетъ вниманія на то, что окружаетъ его?... По видимому онъ настоящій образецъ мужской важности и врослости... но увѣряю тебя... нѣтъ такого подлаго дѣла, котораго онъ не согласился бы сдѣлать.... Вообще тутъ, на рынкѣ, многому можно научиться.... безпрестанно встрѣчаешь людей, за которыми стоитъ наблюдать.... Вотъ идетъ намъ навстрѣчу съ тремя рабами человекъ съ такою важною наружностью.... Онъ не подымаетъ глазъ, ддятого чтобы никому не вляяться.... одежда виситъ у него до самыхъ пятокъ.... на пальцахъ блестятъ цѣлыя дюжины колець.... Слышишь?... онъ громко разговариваетъ со своими рабами о серебряныхъ блюдахъ, рогахъ и чашахъ.... Посмотри какъ онъ пыхтитъ, будто ему мало мѣста въ Аопнахъ.... И что ты думаешь? кто онъ?... Человекъ самаго низкаго происхожденія, который недавно получилъ огромное наследство.... Теперь онъ только и показывается въ ряду мѣндалъ.... Его звали Симономъ, но это имя показалось ему слишкомъ простымъ.... онъ прибавилъ еще слогъ.... величаетъ себя Симономдомъ и воображаетъ, что сдѣлался оттого очень важною особою. Встарину Симоны въ грязной, взорванной одеждѣ за мелочь таскалъ на рынкѣ за другими разныя покупки.... теперь Симоныдъ, вѣрно, обидится, если съ нимъ заговоритъ старый худо одѣтый пріятель.... Ахъ!... посмотри тамъ прохаживается высокій, худощавый, черноволосый человекъ.... самъ онъ ничего не закупаетъ, а только присматриваетъ за другими.... Это преопасный сикофантъ.... * Какъ змѣя пробирается онъ въ народѣ и ищетъ кому бы погрозить доносомъ, чтобы страхомъ выудить денегъ. Онъ ни съ кѣмъ не разговариваетъ.... никто съ нимъ не зается.

— Да.... въ этомъ точно укоряють Аопны.... но знаешь-ли кто шоражаетъ меня всего болѣе?... Молодые люди, которые толкаются тамъ около лавокъ съ мазями.... Посмотри, какія у нихъ смѣшныя ухватки и походка.... Отъ этихъ фравтовъ такъ и несетъ

* Сикофантъ (sykophantés) назывался у Аопянъ клеветникъ-доносчикъ. Слово sykophantés состоитъ изъ sykón, смола, и phainó, указываю, и происхожденіе его слѣдующее: Аопяне были большіе охотники до смоквы и издали законъ, запрещавшій вывозъ этихъ плодовъ въ другія государства. Этотъ указомъ пользовались многіе злонастроенные люди, подавая на гражданъ доносы, очень часто ложные.

духами, а въ рукахъ они носятъ цвѣты, или плоды.... Однако я съ тобою заговорился о глупостяхъ и забылъ, что должно по-видаться съ мѣнялами, Діотимомъ и Ликономъ.... Не пойдешь-ли ты со мною... Дѣла то, видишь, такія, что безъ свидѣтелей опасно дѣлать.... Трапециты, говорятъ, часто мошенничаютъ.... притомъ ты опытишь меня и твой совѣтъ, можетъ-быть, очень пригодится.

Ктезифонъ охотно согласился.

Мѣняла Діотимъ слылъ человѣкомъ честнымъ и вполне заслуживалъ своей славы. Онъ былъ не только мѣнялою, но и другомъ Харина. Занятіе трапецитовъ, какъ извѣстно, состояло не въ одномъ развѣсѣ денегъ. Онъ кромѣ того вели денежныя дѣла подобно нашимъ банкирамъ.

У Діотима хранилась большая часть имѣнія Харикла, отецъ котораго вѣрнулъ своему пріятелю при побѣгѣ не только продажу дома, работъ и домашней утвари, но и значительную сумму денегъ.

У прилавка честнаго мѣнялы стояло нѣсколько человѣкъ. Передъ однимъ лежала небольшая куча денегъ, а Діотимъ читалъ росписку. Трапецитъ обратившись къ человѣку, высыпавшему деньги съ прилавка въ ящикъ, сказалъ:

— Ты сполна получилъ деньги, которыхъ просилъ у меня въ долгъ. Ты далъ только эту бумажку; но не забудь, за меня постоить законы....

Должникъ принялся увѣрять Діотима, что непремѣнно исполнитъ все сказанное въ роспискѣ и потомъ ушелъ.

Мѣняла вынулъ книгу, вписалъ въ нее нѣсколько словъ, спряталъ росписку въ ящикъ и обратился къ другому человѣку, который пришелъ съ довольно худо одѣтымъ провожатымъ.

— Что тебѣ угодно? спросилъ трапецитъ.

— Да вотъ, я купилъ у этого человѣка за двѣ мины раба. По моей книгѣ у тебя должно быть моихъ семьсотъ драхмъ. Выплати ему пожалуйста двѣ мины.

Мѣняла посмотрѣлъ въ книгу и безпрекословно отдалъ требуемую сумму. Потомъ подошли къ столу оба наши пріятеля, которые въ сторонѣ ждали своей очереди.

— Кто ты и чего тебѣ надобно? спросилъ мѣняла у Харикла, который выступилъ впередъ.

— Я Хариклъ, сынъ Харина, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и только-что пріѣхалъ изъ Сиракузъ. Посмотри, вотъ извѣстная пе-

чать моего отца. Я пришел за моим наследством, за долгами, которые оставил у тебя отец.

— Значит, Хармъ умер!—воскликнула мѣнла.

— Мы схоронили его пепелъ въ Сициліи, отвѣчалъ молодой человѣкъ. Вѣрный слуга везетъ однако прахъ сюда, чтобы поставить въ гробницу предковъ.

Старикъ закрылъ лицо и заплакалъ.

— По завѣщанію моего отца, у тебя должны находиться на сохраненіи одинъ талантъ и четыре тысячи драхмъ, продолжалъ Хармъ, когда Диотимъ поднималъ голову.

— Порядочно ошибаешься, возразилъ мѣнла; но твой отецъ, конечно, этого не могъ знать. Недавно мнѣ заплатили три тысячи драхмъ, сверхъ того капиталъ выросъ, и у тебя два съ половиною таланта слишкомъ.... Притомъ тебѣ надобно получить изъ Андроса. Должникъ давно уже не пріѣзжалъ въ Аены, а я для путешествій слишкомъ старъ. Отправился бы ты въ Андросъ: вѣдъ двѣ тысячи драхмъ порядочная сумма.

Хармъ поблагодарилъ добраго старика за честность, ни минуты не раздумывая отдалъ мѣнлѣ на сохраненіе ящикъ съ золотомъ, который несъ Манесъ, и пошелъ съ Ктезиономъ къ другому трапезату.

Уѣзжая изъ Сиракузъ, Хармъ оставилъ большую часть своего имѣнія у пріятеля, который далъ ему рекомендательное письмо. Молодой человѣкъ получилъ отъ него записку, заключавшую приказаніе выдать подателю означенную сумму денегъ.

Ликонъ мрачно сидѣлъ за прилавкомъ и вѣсилъ серебряныя деньги. Подлѣ него лежала куча бумаги, пожелтѣвшей отъ времени, и счеты, на которыхъ онъ что-то рассчитывалъ. Хармъ съ неудовольствіемъ приблизился къ этому человѣку и коротко объяснилъ зачѣмъ пришелъ.

При имени Сиракуза у мѣнлы сдвинулись брови и онъ сердито сказалъ:

— Не знаю, откуда Сосеену приходится столько получить... Развѣ онъ забылъ, что я заплатилъ одному Хераклею осемь тысячъ драхмъ?... Вотъ, посмотри что стоитъ въ моей книгѣ: «Сосеень, сынъ Форміона, изъ Сиракузъ, отдалъ на сохраненіе два таланта. Изъ нихъ выплачено Хераклею Фрипіону осемь тысячъ драхмъ....» Значитъ, остаются только четыре тысячи драхмъ....

— Точно такъ, Сосеень говорилъ мнѣ объ этомъ, возразилъ

Хариклъ;—но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ мимоходомъ былъ тутъ и оставилъ у тебя два таланта и двѣ тысячн драхмъ.

Трапеццъ пришелъ въ смущеніе и старался скрыть его за-пальчивостью своей рѣчи.

— Почему я знаю, кто ты ... каждый встрѣчный и попереч-ный можетъ подъ чужимъ именемъ требовать денегъ....

— Да вѣдь ты не далъ мнѣ всего сказать, возразилъ молодой человекъ. Вотъ письмо Сосоена.... знаешь ли ты его печать?

— Кажется, что это его печать, съ неудовольствіемъ сказалъ Ликонъ, принявъ письмо, и сталъ вполголоса читать.

Скоро онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Сосоенъ говорилъ, что-бы, въ случаѣ сомнѣнія въ подлинности Харикла, трапеццъ обра-тился къ Форіону. Тутъ мѣняла мрачно поднялъ голову и сталъ думать. Ктезифонъ, замѣтивъ это, сказалъ:

— Полно, Ликонъ, выдумывать новыя козни... Всѣ еще пом-нить, какъ ты хотѣлъ обобрать византійскаго купца, когда онъ пришелъ требовать у тебя своихъ денегъ. Весь городъ знаетъ, что ты упряталъ куда-то единственнаго свидѣтеля, отказался запла-тить деньги и подкупилъ ложныхъ свидѣтелей, которые говори-ли, будто купецъ еще долженъ тебѣ шесть талантовъ. Тогда те-бя изобличилъ Форіонъ.... Берегись! въ другой разъ онъ тебя то-же не пожалѣетъ.

Трапеццъ хотѣлъ было грубо отвѣчать, но вдругъ остано-вилъ. Онъ увидѣлъ вдали Форіона, который приближался къ ряду мѣнялъ, и въ замѣшательствѣ сказалъ:

— Я и не думалъ отговариваться... У меня теперь нѣтъ столь-ко денегъ.... и никто изъ моихъ сосѣдей не одолжитъ мнѣ трехъ талантовъ.... Приходи, Хариклъ, завтра.... я постараюсь достать денегъ....

— На всякій случай я приѣду съ Форіономъ.... прѣзнесъ Ха-рикль.

— Не нужно, не нужно, поспѣшно сказалъ мѣняла. Я тебѣ вѣ-рю, и ты сполна получишь три таланта.

Между-тѣмъ какъ Хариклъ приводилъ свои дѣла въ порядокъ, рынокъ замѣтно пустѣлъ. Ктезифонъ сказалъ своему другу:

— Пора немножко закусить; зайдемъ въ какоенибудь заведе-ніе, гдѣ собираются молодые люди. Ты, можетъ-быть, найдемъ тамъ старыхъ товарищей.

Заведеніе, въ которое Ктезифонъ свелъ Харикла, принадлежало вольвоотпущенному, Диску. У него ежедневно собиралось множе-ство молодыхъ людей, чтобы попытать счастье въ игрѣ, посмо-

трѣтъ на бой пѣтуховъ и перепеловъ, потолковать о разныхъ городскихъ новостяхъ. Иногда нѣсколько человѣкъ съ обща задавали пиръ, и никто не умѣлъ устроить его лучше Диска. Конечно, не всегда проходили такія пиршества безъ шума или драки.

Ктезифонъ и Хариклъ были тутъ уже не первые. Въ комнатахъ и на дворахъ толпилось множество молодежи. Въ одной залѣ сидѣли игроки, игравшіе въ кости, и спорили о вѣрности одного удара, въ другой нѣсколько человѣкъ пили, противъ обыкновенія, послѣ завтрака и для забавы играли въ чѣтъ или вѣчетъ, или старались остановить пальцемъ вертящуюся монету такъ, чтобы она не упала. На дворѣ спорили о превосходствѣ двухъ лошадей съ такимъ жаромъ, что споръ, пожалуй, худо бы кончился, если бы всѣхъ не привлекло зрѣлище особаго роду.

Греки были большіе охотники до птичьихъ боевъ. Для представленій подобнаго роду они употребляли пѣтуховъ и перепеловъ. Ловля и обученіе этихъ птицъ были единственнымъ занятіемъ многихъ.

Дискъ имѣлъ нѣсколько боевыхъ птицъ. Между перепелами отличался одинъ, который еще ни разу не бывалъ побѣжденъ. Какой-то молодой человѣкъ принесъ теперь своего перепела для боя съ побѣдоносною птицею Диска. Рабъ поставилъ на землю круглую доску съ возвышенными краями. Молодой человѣкъ осторожно вынулъ изъ-подъ лѣвой пазухи птицу, поставилъ на кружекъ и сказалъ:

— Передъ боемъ не угодно ли кому-нибудь побиться со мною объ закладъ: какъ бы ни дразнили моего перепела, онъ все-таки не сойдетъ съ доски....

Нѣсколько человѣкъ тотчасъ согласились на предложеніе и тутъ началась забавная игра, *щелканье перепела* (*ortugokoria*). Но сколько молодые люди ни толкали его пальцемъ, сколько ни дергали за перья, перепелъ храбро отражалъ нападенія.

Наконецъ явился Дискъ со своимъ завѣтнымъ бойцемъ. Хозяева перепеловъ сговорились, что чья птица побѣдитъ, тотъ получитъ пятьдесятъ драхмъ. Маленькихъ бойцевъ поставили на доску. Перья у нихъ поднялись и оба съ яростью бросились другъ на друга. Долго вѣлья было знать, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, потому что объ птицы съ равною силою нападали другъ на друга. Большая часть зрителей увлеклись и стали биться между собою объ закладъ. Наконецъ непобѣдимый перепелъ Диска съ удвоенною силою бросился на своего противника и

оглушилъ его такъ, что тотъ послѣ короткаго сопротивленія, далеко улетѣлъ съ доски.

— Побѣда, побѣда! — вскричали нѣкоторые зрители.

Хозяинъ побѣжденнаго перепела скорѣе схватилъ свою птицу и сталъ, по существовавшему обычаю, говорить ему въ самое ухо разныя постороннія вещи, чтобы изгнать воспоминанія о пораженіи.

Дискъ торжественно поднялъ свою птицу, которую осыпалъ похвалами, и, съ удовольствіемъ взявъ свой выигрышъ, пошелъ въ комнату.

Ктезифонъ и Хариклъ тоже пришли послѣ завтраку посмотрѣть на бой. Одни игроки въ кости не могли оторваться отъ своего занятія; но они играли съ такимъ ожесточеніемъ, что черезъ нѣсколько времени поднялся шумъ. Всѣ напали на одного человека среднихъ лѣтъ въ поношенной одеждѣ. По необыкновенному счастью, или съ помощью непозволенныхъ приемовъ, онъ успѣлъ выиграть всѣ ставки игроковъ и теперь находился въ опасности, что у него все отънимутъ силою. Онъ терпѣливо сносилъ удары, которые такъ и сыпавсь, и старался только о сохраненіи денегъ, лежавшихъ въ полѣ платья; но старанія его были напрасны. Одни схватили несчастнаго любимца Фортуны или Меркурія за руки, другіе разодрали у него платье и подобрали деньги, вытолкали съ сняжками и подбитымъ глазомъ на улицу.

— Такъ ему и надобно! кричали нѣкоторые. Зачѣмъ суешь носъ, куда не слѣдуетъ.... пусть ходитъ въ кабаки, а не къ намъ...

— Не пожалуется-ли онъ? замѣтилъ одинъ игрокъ.

— Что его отколотили при игрѣ.... не думаю, возразилъ другой. Но слыжали-ли вы?... вчера судили Ктезифона....

— Ахъ, да! прибавилъ третій,.... къ небольшому штрафу.... въ двѣ тысячи драхмъ.

— Какого Ктезифона? спросилъ Хариклъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, которые еще не знали этой новости.

— Сына Ктезія, отвѣчалъ словоохотливый рассказчикъ. Вы вѣдь ихъ знаете: они такіе кутилы и при томъ часто затѣваютъ драку.

— А за что присудили его къ штрафу? съ любопытствомъ спросилъ Хариклъ:

— За шутку, сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ, просто за шутку, которую можно бы простить молодымъ гулякамъ....

— Ну, это скверная шутка, возразилъ другой. Мнѣ хорошо извѣстно, съ чего все началось, и я самъ видѣлъ, какъ неприлично вели себя тѣ молодые люди.... Если бы за такія вещи не наказывали, всякому надобно было бы опасаться за свою жизнь.

— Расскажи-ка намъ, что тамъ случилось.... и кто жаловался? — сказалъ Ктезифонъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: Аристофонъ, человѣкъ честный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ пожаловался въ военномъ судѣ на Ктезипа за одну грубую выходку. Стратегъ присудилъ виновнаго къ наказанію и съ-тѣхъ-поръ отецъ и сынъ преслѣдуютъ Аристофона.... Онъ недавно гулялъ вечеромъ съ однимъ пріятелемъ на рынкѣ и встрѣтилъ пьянаго Ктезипа, который, увидѣвъ его, пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ и пошелъ въ Мелиту. Тамъ кутилъ его отецъ съ другими гуляками. Они вздумали воспользоваться случаемъ и отомстить Аристофону. Всѣ отправились на рынокъ. Аристофонъ, ничего не подозрѣвая, по прежнему прогуливался и встрѣтилъ толпу пьяницъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ прежде видѣлъ Ктезипа. Двое схватили честнаго сына Аонія за руки, а Ктезипъ съ отцемъ и еще однимъ товарищемъ содрали съ Аристофона одежду, бросили его въ лужу и принялись колотить, топтать ногами и осыпать самыми грубыми ругательствами.... Потомъ вся толпа со смѣхомъ удалилась, оставивъ избитаго въ такомъ состояніи, что прохожіе должны были снести домой и прибѣгнуть къ помощи врача.

— Ну! вскричалъ Харпкль, если это шутка, то на свѣтѣ не существуетъ болѣе насильства....

— Полно! воскликнулъ ктезиповъ защитникъ, вѣдь гуляки-то были пьяны.... значить, имъ это можно простить.... Сыновья почтенныхъ гражданъ иногда заводятъ драку изъ за-какой-нибудь красавицы, а что касается до руганья.... вѣдь многіе въ шутку называютъ другъ друга безпутными, или блюдолизами *.

— Дѣло въ томъ.... хорошо ли это? продолжалъ рассказчикъ. Положимъ.. пьянымъ простить можно.... но послѣ они вели себя еще неприличнѣе.... Аристофонъ пожаловался. Когда дѣло должно было быть изслѣдовано у діетета, онъ просилъ меня и другихъ пріятелей присутствовать при разбирательствѣ.... Обвиняемыхъ долго ждали. Наконецъ, подъ вечеръ, явился отецъ съ сыномъ и вѣсколькими друзьями.... но только для того, чтобы посмѣяться надъ святостью судилища.... Они не хотѣли выслушать или прочесть обвиненіе и во все время занимались однимъ

* Ithyphallos, или autoléktythos.

нощными шутками и остроумиями... Иные водили насъ къ алтарю и клялись собакою и каперсами, что мальчикъ сынъ этеры и сдѣлалъ то и то, или писали признанія о дѣлахъ, которыя не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ вашему обвиненію.... Если бы за такую насмѣшку надъ законами не наказывали, то всѣ были бы подвержены обидамъ разнаго роду.

— Твоя правда, сказавъ хорошо одѣтый красивый молодой человѣкъ, который вышелъ изъ той комнаты, гдѣ была попойка, чтобы послушать разсказа о Ктезиѣ. Я не прочь иногда для шутки поспорить за какую нибудь красотку, но ни за что не хочу водиться съ такими гуляками, какъ Ктезиѣ, его отецъ и ихъ пріятели.... Я встарину зналъ Ктезина.... онъ былъ ужасный сорванецъ.... его часто сбѣгли въ герминовой школѣ за злыя шалости....

При имени Гермина Хариклъ внимательно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Ну, право! вскричалъ Хариклъ, это Лизитель!

И поспѣшно подошелъ къ старому товарищу.

— Хариклъ! съ удивленіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ. Когда это ты воротился въ Аопны?

— Я только что вчера пріѣхалъ изъ Сиракузъ.

— Ну, старый товарищ, дружески сказалъ Лизитель, погуляемъ для твоего пріѣзду.... Ты вѣдь не откажешься быть сегодня моимъ гостемъ.

— Благодарю за приглашеніе, возразилъ Хариклъ; но я обѣщала другу, у котораго покуда я живу, прійти вечеромъ....

— Такъ завтра, сказалъ молодой человѣкъ. По рукамъ.... что ли?... ты вѣдь прідешь....

— Хорошо, отвѣчалъ Хариклъ; но гдѣ ты живешь?

— Да вотъ пора уже уйти отсюда; я тебѣ по дорогѣ опишу, какъ найти мой домъ.... Подожди немного, я только расплачусь съ Дискомъ....

Черезъ нѣсколько времени Лизитель воротился и вышелъ съ Харикломъ на улицу. Ктезифовъ минуты за двѣ передъ тѣмъ отправился въ Ликіонъ, гдѣ друзья уговорились сойтись, чтобы заняться передъ обѣдомъ гимнастическими играми.

Хариклъ скоро разстался съ Лизителемъ и пошелъ къ воротамъ Діохара. Улицы порядочно опустѣли и утихли, потому что время было обѣденное. Въ однихъ мастерскихъ разныхъ ремесленниковъ все еще суетились и шумѣли, и только улицы, которыя вели къ Ликіону, Киносаргу и Академіи, были полны народомъ. Всѣ

спешили идти къ вѣстамъ гимнастическихъ упражненій, чтобы движеніемъ возбудить аппетитъ.

По дорогѣ Хариклъ закунулъ еще кое-что и скоро дошелъ до Ликуна. Тутъ вспомнилъ, какъ отецъ старался возбудить въ немъ охоту къ гимнастическимъ упражненіямъ, которыя вмѣстѣ съ науками составляли единственное занятіе свободнаго молодого гражданина. Хариклъ хорошо боролся, чрезвычайно быстро бѣгалъ и ловко скакалъ. Онъ такъ далеко и мѣтко впадалъ дискъ и копье, и съ такимъ искусствомъ игралъ мячемъ, что прослылъ въ Сиракузахъ первымъ гимнастикомъ.

Запятый своими воспоминавіями, молодой человѣкъ весело шелъ по заламъ гимназіи, окружавшимъ перистиль. Въ нихъ молодые и пожилые люди заняты были разговоромъ. Соинстъ сидѣлъ съ учениками и забавлялъ ихъ каламбурами и шуточками, или ложно объяснялъ какой нибудь философическій вопросъ. Въ одной залѣ риторъ критически разсматривалъ рѣчь ученика; въ другой собрался небольшой кружокъ, чтобы потолковать о пропешествіяхъ въ Азіи. Недавно пришло извѣстіе изъ македонской арміи объ осадѣ Тира, и многіе, стараясь выказать свои топографическія свѣдѣнія, чертили планъ города и окрестностей на песокъ палкою, которую тогда носилъ модники.

Пройдя всѣ залы, Хариклъ вышелъ на открытое мѣсто, гдѣ охотники упражнялись, или только смотрѣли на искусство другихъ и громкими восклицаніями выражали удивленіе. Съ одной стороны зрители толпились въ особенности и образовали тѣсный кругъ.

— Ужъ это, вѣрно, Ктезифонъ, сказалъ подлѣ Харикла молодой человѣкъ, который за народомъ ничего не могъ видѣть, онъ душа нашей гимназіи....

Хариклъ приподнялся на цыпочки и увидѣлъ голову одного борца. Дѣйствительно это былъ его другъ, который скоро свалилъ своего противника. Раздалось одобрительное восклицаніе и кругъ не много пораздвинулся. Хариклъ похвалилъ друга и изъявилъ желаніе помѣряться съ нимъ силами. Ктезифонъ охотно согласился, и хотя онъ былъ очень силенъ, однако Хариклъ боролся съ искусствомъ и обдуманностью. Но послѣ продолжительной борьбы Ктезифонъ все-таки остался побѣдителемъ. Впрочемъ Харикла со всѣхъ сторонъ хвалили за искусство и ловкость. Погулявъ не много по заламъ, друзья пошли купаться. Потомъ они разстались и Хариклъ отправился къ Форіону.

На другой день въ Лизителовомъ домѣ съ ранняго утра нача-

ли хлопотать и суетиться. Богатый молодой человек съ наипомощью хотѣлъ праздновать возвращеніе стараго товарища. Онъ приказалъ купить все, что только можно было найти самаго лакономаго на конноенонъ рынкѣ. Лизитель очень заботился объ устройствѣ обѣда и даже самъ отправился на рыбный рынокъ и выбралъ самыхъ лучшихъ копейскихъ угрей и огромныхъ морскихъ щукъ. Утромъ наняли знаменитаго повара, который не замедлялъ явиться въ домъ съ посудой и помощниками. Къ вечеру заказали красивые вѣнки и купили душистыхъ маселъ.

Въ просторной столовой поправляли богатыя ложа; на красныхъ столахъ стояло множество большихъ и маленькихъ серебряныхъ чашъ и кубковъ. По комнатамъ хлопотливо бѣгали молодые рабы, поправляли и чистили на ложахъ пестрые ковры, раскладывали на нихъ полосатыя подушки, мыли и полоסקали посуду, приводили все въ порядокъ къ приему гостей.

Хариклъ почти вечеромъ шелъ съ Манесомъ къ Лизителю. Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Ктезифона.

— Манесь, сбѣгай поскорѣе къ Ктезифону.... видишь, онъ идетъ тамъ.... спиною къ намъ, сказалъ Хариклъ рабу, и попроси его подождать меня.

Манесь со всѣхъ ногъ побѣжалъ, остановилъ Ктезифона за одежду и попросилъ подождать Харикла.

— Гдѣ онъ? спросилъ Ктезифонъ, оборачиваясь.

— Вотъ онъ идетъ, отвѣчалъ рабъ.

Друзья скоро поздоровались и когда Ктезифонъ увидѣлъ на Хариклѣ праздничную одежду, онъ спросилъ:

— Куда ты идешь?.... что ты такъ разодрѣлся?

— Лизитель задаетъ пиръ, возразилъ Хариклъ, я вчера обѣщаль прійти къ нему.... Развѣ онъ тебя не пригласилъ.

— Нѣтъ!

— Ну! онъ тебя вѣрно не видалъ. Пойдемъ же къ нему вмѣстѣ.... безъ тебя я пожалуй соскучусь тамъ.

Друзья черезъ нѣсколько времени дошли до дому Лизителя. Въ сѣняхъ ихъ встрѣтилъ рабъ и повелъ въ столовую, гдѣ собрались уже гости. Хозяинъ пріятливо поклонился Хариклу и увидѣвъ входящаго Ктезифона, сказалъ:

— Ты пришелъ очень встать.... я вчера цѣлый день искалъ тебя, чтобы пригласить на пиръ, но нигдѣ не нашелъ....

— Хариклъ пригласилъ меня отъ твоего имени и принудилъ прійти сюда, — отвѣчалъ Ктезифонъ.

— Прекрасно, прекрасно! воскликнулъ учтивый хозяинъ. Рас-

положитесь на ложахъ.... Харкиль, ложась подлѣ меня, а ты Ктезионъ подлѣ нашего стараго пріятеля Глаукова.... Эй!.... рабы, сивинте саандаи и умойте ноги....

Рабы поспѣшно развезали рюмешки саандаи и принесли серебряныя чаши и облили гостямъ ноги не водою, а заветнымъ виномъ.

Между-тѣмъ какъ Харкиль съ небольшимъ изумленіемъ, а Ктезионъ улыбаясь купали ноги въ дорогой жидкости, нѣкоторые гости подошли чтобы поодерогаться съ старыми товарищами. Всѣ они ходили въ гермицеву школу и стали приравнивать свой прежній образъ жизни.

— Послушайте друзья, сказалъ Эвтемонъ, пора уже лечь за столъ.... послѣ потолкуемъ о прошломъ.

— Да, правда! воскликнулъ Лизителъ, пора!.... Подайте воды и принесите кушанье.... Посмотримъ, хорошо ли вы стрижаете?

Приказаніе тотчасъ же исполнили. Подали воды и цолотнца, котомъ принесли столъ съ разными кушаньями. Рабъ разнесъ гостямъ въ корзины изъ слоеной кости хлѣба. Вдругъ у наружныхъ дверей послышался сильный стукъ. Черезъ нѣсколько времени одинъ рабъ сказалъ, что пришелъ шутъ Стефанъ съ большимъ запасомъ острогъ.

— Какъ вы думаете, друзья мои, сказалъ хозяинъ, обращаясь къ гостямъ, нельзя же усласть его?.... Пусть онъ войдетъ сюда.

Стефанъ, который стоялъ уже за дверями, при этихъ словахъ вошелъ и поспѣшно сказалъ:

— Вы знаете.... я шутъ Стефанъ.... и никогда не отказываюсь отъ хорошаго шра.... Оттого я для васъ не сдѣлаю исключенія и принимаю приглашеніе.

— Хорошо, хорошо! вскричалъ Лизителъ, насъ за столомъ всего девятеро.... ложись туда подлѣ Мантиея и будь моимъ гостемъ.

Рабы принялись подавать кушанья, которые показывали высокія знанія нанятаго сицилійскаго повара. Блюда такъ нравились гостямъ, что Глауковъ съ видомъ знатока сказалъ:

— Ну, это уже не аенскій столъ, а настоящій віотійскій.

— Чтѣ правда, то правда, замѣтилъ Эвтемонъ, которому повидному чрезвычайно нравились кушанья. Какой толкъ въ аенскомъ столѣ.... подають на маленькихъ блюдахъ самыя простыя кушанья.... Зато Віотійцы мастера лакомиться.... только у нихъ можно найти такихъ угрей. Клянусь Зевесомъ!... я думаю это самый старій житель Копайскаго Озера....

Стефановъ, который нѣсколько разъ тщетно старался расширить гостей, сказалъ:

— О какъ счастливо это озеро!... Въ немъ такіа прекрасныя блюда и оно вѣчно есть и никогда не бываетъ пусто!...

— Отъ воды! вскричалъ Харикль, что за чуди?... ты завидуешь этому озеру... встарину ты никогда не отказывался отъ вина, неужели теперь у тебя переѣбилась натура и ты сдѣлался охотникомъ до воды?...

Гости стали ошарашены надъ неудачностью Стефановой остроумности.

Черезъ нѣсколько времени, къ величайшему сожалѣнію шута, перестали давать новыя блюда, и когда Лицитель увидѣлъ, что гости не хотятъ больше кушать, онъ подалъ знакъ убирать. Рабы принесли душистой воды, мыться, и съели съ полу крошки. Потомъ раздали миртовыхъ и розовыхъ вѣнковъ, вострыхъ лентъ и душистыхъ маселъ. Вошелъ слуга съ золотой чашею и серебряными кувшиномъ чистаго вина для жертвоприношенія Баху. За работою слѣдовали двѣ хорошенькія флейцицы. Лицитель взялъ чашу, слилъ съ нея пенного и сказалъ:

— Доброму дѣху!

Потомъ отпилъ не много и подалъ вино Хариклу. Вся церемонія сопровождалась тихою и важною музыкою, которую дѣвушка прервала, когда послѣдній гость также сдѣлалъ жертвоприношеніе. Послѣ этого все весело стали пить хвалу Баху.

Рабы принесли десертъ и поставили на столъ большой кубокъ, украшенный изящно вырѣзанными вакханками. Глаузонъ не много привсталъ на ложѣ и сказалъ:

— Но вѣдь главнѣе дѣло въ томъ... по какому закону ставемъ мы пить?

— Я думаю, лучше всего оставить законы въ сторонѣ, возражалъ Ктезифонъ, и пить такъ, какъ угодно!

— Ну, пить! примолвилъ Полемархъ, непременно надобно выбрать архонта.

— Да, клянусь Зевесомъ!... это необходимо! вскричалъ Паузыратъ. Я совершенно покорюсь его воли!...

Все согласились на предложеніе.

— Принесите кости, сказалъ хозяинъ, лучшей ударъ будетъ принадлежать архонту этого вечера!

— За чѣмъ?... не нужно! воскликнулъ Полемархъ, тутъ все будетъ зависѣть отъ случая и въ архонты попадетъ пожалуй слишкомъ умѣренный Ктезифонъ, или исцѣпный Стефанъ. По мос-

Починники попойки.

му ивѣпно не избрать ли намъ Глаукона.... онъ вѣдь на такія вещи мастеръ.

Всѣ съ удовольствіемъ согласились на предложеніе Полемарха. Глаукопъ съ важностью обратился къ гостямъ и сказалъ:

— Всѣми силами постараюсь заслужить похвалу нашего пріятеля и.... для начала... приказываю тебѣ, мальчикъ, хорошо мѣшать. Вѣдь у насъ пословица говоритъ: «Три или пять пей, но четырехъ пить ипкакъ не смѣй.» Это вино крѣпкое, ширское, оттого палей двѣ части воды и одну часть вина и подай намъ въ маленькихъ кубкахъ.... Съ маленькихъ начнемъ, большими кончимъ.... Только смотри не зѣвай, какъ скоро кто выпилъ, тотчасъ палей вина въ пустой кубокъ.... Да не забудь поближе поставить кубокъ наказанья....

— Послушай Глаукопъ, прервалъ его Ктезифонъ, ты толкуешь объ одномъ пьянствѣ; неужели мы этимъ только и будемъ заниматься.... Поносимъ, поиграемъ, поговоримъ?....

— Непремѣнно, возразилъ Глаукопъ; но сперва примемся за вино.

Онъ взялъ отъ мальчика кубокъ и произнесъ пия Зевеса выпилъ до дна. Другіе гости послѣдовали его примѣру.

— Ну, что жъ мы станемъ дѣлать? продолжалъ начальникъ попойки.

— Только прошу не заводить ученыхъ разговоровъ, примолвилъ Полемархъ. Философія, также какъ и хозяйкѣ дома, не мѣсто показываться на попойкѣ.

— Пожалуйста не играйте въ кости, сказалъ Наузикратъ, какъ разъ затѣется ссора, а тогда прощай веселость и удовольствіе!

— Ну, такъ станемте пѣть! сказалъ Глаукопъ.

— Или задавать другъ другу загадки, примолвилъ Ктезифонъ.

— Прекрасно.... загадки!.... сказалъ Хариклъ. Я ихъ очень люблю.... при нихъ всегда найдешь случай пошутить и посмѣяться.

Всѣ очень охотно согласились на это предложеніе. Глаукопъ обратился къ гостямъ и сказалъ:

— Кто разгадаетъ загадку, долженъ получить одну изъ этихъ повязокъ и поцѣлуй отъ того кто задалъ ее ... Но если кто не разгадаетъ, тотъ выпьетъ эту огромную чашу чистаго вина. Для тебя Стефанъ, прибавилъ Глаукопъ, улыбаясь, въ такомъ случаѣ подадутъ чашу съ соленой водой.... Иначе.... я знаю.... ты никогда не станешь разгадывать!... Теперь я задамъ Ктезифону загад-

ку, а потомъ Ктезиѳонъ своему сосѣду и такъ далѣе. Слушай же Ктезиѳонъ:

— Знаешь ты двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна умирая родитъ другую, а сама бываетъ потомъ рождена рожденною.

— Это не трудно разгадать, поспѣшно сказалъ Ктезиѳонъ. Сестры—день и ночь.

— Угадалъ.... и вотъ одѣваю за то на твою голову повязку и даю условленный поцѣлуй. Теперь твоя очередь.

Ктезиѳонъ попросилъ своего сосѣда, Лизителя, немного подождать и подумавъ, сказалъ:

— Назови мнѣ существо, которое растетъ самымъ страннымъ образомъ. При своемъ рожденіи оно исполнитъ, въ серединѣ своего существованія дѣлается крошечнымъ, а при концѣ опять исполнитъ.

— Точно это странно! отвѣчалъ Лизитель. Трудно угадать.... Въ дѣтствѣ бываетъ исполнитъ, потомъ карликомъ, и наконецъ опять исполнитъ?... Ахъ, да! вѣдь стоитъ только посмотреть на указатель солнечныхъ часовъ.... это тѣнь.... утромъ она очень длинна, въ полдень коротка и къ вечеру становится длинною.

— Вѣрно! вѣрно! воскликнули гости.

И Лизитель получилъ повязку и поцѣлуй.

— Ну, Харикль,—сказалъ онъ,—теперь твоя очередь.... угадай, что не смертно, и не бессмертно, состоитъ изъ смѣси человѣческой судьбы и божества, всегда образуется снова и скоро исчезаетъ. Оно невидимо, но мы все его знаемъ?

Подумавъ немного, Харикль отвѣчалъ:

— Ты очень темно выразился, но я не ошибаюсь.... это сонъ? Не правда ли?... По тебѣ надобно бы было сдѣлать загадку пояснѣе.... Теперь Эвктемонъ, тебѣ разгадывать.... Въ моей загадкѣ пропастъ противорѣчій.... Берегись.... пожалуй придется выйти въ наказаніе эту чашу вина.

— Послушайте! сказалъ Глауконъ, если кто не разгадаетъ загадку.... что тогда дѣлать?... сосѣду разгадывать?

— Нѣтъ!—сказалъ Ктезиѳонъ,—я думаю.... кто первый угадаетъ, тотъ и получитъ награжденіе.... А если разгадка невѣрна, то человекъ угадчикъ выпьетъ въ одинъ разъ всю эту чашу вина.

Все согласились исполнить предложенное условіе. Харикль обратилъ къ Эвктемову и сказалъ:

— Знаешь ли ты, кто безмолвно хранитъ своихъ дѣтей, которыхъ и мы; но ихъ слова произносятся за морями и въ далекихъ

странахъ. Мать этихъ дѣтей говорить со всѣми, хотя никто не слышитъ ея?

Эвктемонъ никакъ не могъ разгадать этой загадки и онъ долженъ былъ выдержать условленное наказаніе. Вдругъ Стефанъ съ радостнымъ лицомъ вскричалъ:

— Знаю, знаю.... я угадалъ.... мать—городъ, а дѣти—ораторы, которые такъ кричатъ, что ихъ слышать за моремъ въ Азіи и Фракіи.

Раздался громкій смѣхъ и Хариклъ съ хохотомъ спросилъ:

— Случалось ли тебѣ видѣть нѣмага оратора?

— Соленой воды! закричали гости.

И какъ Стефанъ ни отпрашивался, онъ долженъ былъ осушить огромную чашу необыкновеннаго напитка. Потомъ Ктезифонъ приподнялся на ложѣ и сказалъ:

— Я объясню загадку.... Дѣти письма—буквы, которые нѣмы; но говорятъ тому, къ кому написано письмо.

— Прекрасно, угадалъ! воскликнулъ Глауконъ.

Такимъ образомъ гости продолжали задавать другъ другу загадки. Наконецъ очередь дошла до Стефана и онъ съ самодовольнымъ лицомъ сказалъ:

— Черезъ девять мѣсяцевъ родится дитя; десять лѣтъ носить самакя слона въ утробѣ тѣло исполнна; но я еще дольше потому чудовище, которое растетъ не по днямъ, а по часамъ, и я никогда не буду въ состояніи освободиться отъ него.

— Ну, это угадать не трудно! вскричалъ Глауконъ, хотя у меня вовсе нѣтъ охоты цѣловаться съ тобой.... Каждый легко пойметъ, что рѣчь идетъ о твоёмъ ненасытномъ голодѣ.

Гости еще вѣсколько времени забавлялись загадками. Потомъ вошли нанятые Лизителемъ танцовщики. Человекъ средняго лѣтъ, хозяинъ маленькой труппы фигларовъ, ввелъ молодого красиваго юношу и хорошенькую дѣвушку. За ними шла флейщица. Столъ вынесли, и ложь немного отодвинули. Юноша заигралъ на гитарѣ, а флейщица на флейтѣ. Молодой дѣвужикъ подалъ вѣсколько обручей, которыя она, прилагаясь, клала и ловила въ тактъ съ музыкою. Отъ времени до времени танцовщица брала еще больше обручей, такъ, что наконецъ у нея очутилась въ рукахъ цѣлая дюжина. Она такъ и летала вокругъ дѣвушки, которая плясала съ большою ловкостью и граціею. Гости не могли нахвалиться ея ловкостью.

— Право, Лизитель! сказалъ Хариклъ, ты прекрасно устроилъ. LXXXVIII. — Отд. III.

шаешь насъ.... не только хорошимъ столомъ, но и удивительными зрѣлищами и прекрасною музыкою.

— Посмотрите, сказалъ хозяинъ, она покажетъ еще опытъ своего искусства.

Принесли большой обручъ, вокругъ котораго прикрѣплены были острые ножи. Его положили на полъ. Дѣвушка снова залясала, встала посреди обруча, проскочила сквозь него и повторила это нѣсколько разъ. Зрители съ ужасомъ смотрѣли на опасную игру. Наконецъ Наузикратъ вскочилъ съ ложа и попросилъ дѣвушку перестать танцовать, чтобы не обрѣзаться.

Потомъ выступилъ юноша и сталъ танцовать съ удивительною выразительностью и ловкостью и получилъ такую же похвалу, какъ и дѣвушка.

— Пусть они теперь немного отдохнутъ, сказалъ Глауконъ. Лазитель, вели принести котабъ....

— Котабъ!... да, котабъ! вскричали гости.

— Ахъ! сказалъ Ктезифонъ, обращаясь къ Хариклу: вѣдь это сицилійская игра.... ты, вѣроятно, въ ней очень ловокъ.

— Я часто упражнялся,—возразилъ Хариклъ;—но въ Аопнахъ кажется эта игра въ большемъ ходу, нежели въ Сициліи.

Посреди комнаты поставили столбъ съ вѣсами, подъ чашкою которыхъ стояла металлическая статуйка, называемая манеса. Глауконъ подошелъ съ кубкомъ и брызнулъ остатками вина въ чашку; но въ нее попало лишь нѣсколько капель и она только не много пошатнулась въ сторону. Глауконъ легъ на свое прежнее мѣсто, а Ктезифонъ сказалъ ему:

— Тебѣ надобно было брызнуть лучше.... разомъ....

Потомъ онъ взялъ кубокъ. Вино полетѣло вверхъ и упало прямо въ чашу, которая нѣсколько разъ звонко ударила по головѣ манеса. Другіе гости съ большею или меньшею удачею испытывали ловкость въ этой игрѣ; но никто не могъ брызнуть виномъ такъ хорошо, какъ Ктезифонъ.

— Да! сказалъ Глауконъ, онъ играетъ виномъ лучше нежели пить его. Но теперь онъ и въ этомъ не долженъ отставать отъ другихъ.... Принесите кубокъ, по-крайней-мѣрѣ въ десять цятосовъ.... Мы станемъ пить круговую чашу.... Не бѣда выпить не много лишняго.... Земля и растенія пьютъ.... и вода оживляетъ ихъ, такъ и насъ развеселяетъ вино.. .

Глауконъ взялъ принесенный кубокъ вина и обращаясь къ сосѣду на право, сказалъ:

— За нашу дружбу и любовь!

И разсѣвъ выплылъ кубокъ до самаго дна.

— Теперь конечно я принужденъ погрѣшнть протнвъ моего рѣшешя не брать въ ротъ ничего хмѣланнаго, промашешь Ктезофонъ.

— Если ты охмѣлившись, скажешь Стеванъ, то выдѣй завтра еще больше... одна дырка прокопаетъ другую.

Гости усердно привалили за кубки и разговоры становились все живѣе и живѣе. Даже нѣкоторые привалили любезничать съ Флейшидами, которыя нисколько не протншались этому. Поднявъ ночью гости разстались и шатались побрели домой.

Въ одно осеннее утро Аоняно восхищалось прекраснымъ восходомъ солнца. Первые лучи его осветили горныя вершины и высокую стетую богини, покровительницы города. Изъ гавани отчаливалъ корабль необыкновенной величины; но несмотря на свою огромность онъ шелъ также легко, какъ рыбацья лодка. Сѣвнй западный вѣтерокъ колыхалъ красный флагъ и надувалъ разнушонныя паруса. Сильные гребцы дружно работали подъ обычную пѣсню, *keleyama*, своего начальника, *keleystès*. Киль стремительно прорѣзалъ волны, которыя разбивались обрызгивали расписанный бортъ корабля. Даже иногда вода достигала до золотого тритона, служившаго отличительнымъ знакомъ этому судну, называвшемуся оттого Тритонемъ, Хоанецъ корабля, купецъ изъ Херамлея, съ самодовольною улыбкою прогуливался на палубѣ. Онъ прѣхалъ въ Аонны съ грузомъ хлѣба, продалъ его и отправлялся въ Понтъ съ масломъ и произведениями аонскихъ художниковъ. По дорогѣ хотѣлъ завернуть въ Хисъ, чтобы купить отличнаго туземнаго вина, а потомъ въ Андросъ, доставить нѣсколькихъ пассажировъ и записаться снѣжною водою.

— Славно плутъ мой дѣла, думалъ купецъ, потирая руки: я не только выручу теперь въ такое короткое время расходы на постройку этого корабля; но сверхъ-того останется еще для меня что выбудетъ.... Ахось, будущий годъ Меркурій также поможетъ мнѣ и тогда я, вѣрно, сдѣлаюсь страшнымъ богачемъ....

Пассажиры, казалось, также съ удовольствіемъ посматривали на корабль и на море. У кормы, гдѣ опытный корчій сильною рукою управлялъ кораблемъ, двое красивыхъ молодыхъ людей бесело разговаривали. Подлѣ нихъ стоялъ третій, который былъ донного печаленъ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на городъ, болѣе и болѣе терявшійся изъ виду.

— Славное судно, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей: оно поменьше чѣмъ четверть стади² въ длину *. Посмотри, что за высокая мачта, какіе огромные паруса и толстыя веревки... Притомъ все идетъ плавно.... легко.

— А вѣдь мы прерисело сдѣлали, что отложили на нѣсколько дней наше путешествіе, произвешъ другой молодой человекъ. Мы воняли бы тогда на небольшое лямкое судно Византийца.... Притомъ хозяинъ корабля нѣмъ пранится больше.... онъ волеетъ дойти, а на морѣ не все равно, быть ли въ рукахъ честнаго капитана, или мошенника, который въ минуту опасности заботится объ одномъ своемъ спасеніи.

— Я тоже считаю хозяина челоукомъ честнымъ, сказалъ первый, но однимъ богамъ извѣстно, будетъ ли онъ челоуколюбивъ въ минуту опасности. Въ такомъ случаѣ разрываются самыя тѣсныя узы дружбы.... у насъ такъ сильно развито чувство самохраненія, что оно подавляетъ иногда всѣ другія.

— Ну, не глупъ ли я, сказалъ третій молодой челоукъ, обращаясь къ двумъ первымъ: безо всякой надобности вздумалъ подвергнуться опасностямъ и неудобствамъ морскаго путешествія.... Ты, Хариклъ, блдешь въ Андросъ за долготъ.... ты, Клеонъ, хочешь кинуть въ Хіосъ вонъетъ; ну, а мнѣ ни съ того ни съ сего пришла вдругъ охота посмотреть, какъ дѣлается прекрасное кипрское вино.... Не лучше ли сидѣть дома и спокойно пить его. Вѣдьте того чтобы качаться на колбѣхъ постраченной Антифилы.... я качаюсь на бурномъ морѣ.... это совѣтъ не пріятно.... не знаю, мнѣ что-то нездоровится.

— Утѣшься, любезный Наузикратъ, улыбаясь сказалъ Хариклъ: при такомъ вѣтрѣ мы вечеромъ пріѣдемъ въ Андросъ.... завтра ты увидишь Хіосъ, а можетъ быть черезъ десять, двѣнадцать дней свою несраженную Антифилу.

Притомъ между тѣмъ быстро летѣлъ мимо береговъ Аттики. Солнце поднялось довольно высоко и пассажиры расположились завтракать. Трое пріятелей также не забыли сдѣлать это; но они не скоро устроились, потому что Наузикратъ очень забеспокоился объ удобствахъ. Другіе пассажиры ленились, гдѣ помало, и какъ-какъ утоляли голодъ. Наузикратъ же приказалъ двумъ рабамъ съискать между вещами дорогой коверъ и вынуть подушки. Слуги устроили на палубѣ небольшую столовую; но къ вечеру

* Греческая *stadia* (stadion) равна ста-двадцати-пяти шагамъ или шестидесяти-двадцати-пяти футамъ. Значитъ четверть стади составляетъ во нашей вѣрѣ около двадцати-двухъ сажень.

свѣтлое солнце, а Наузирату своей иѣнчалъ гастрономически аку-
сить лакомый завтракъ. Послѣ продолжительныхъ поисковъ друзья
наконецъ открыли за парусомъ тѣмное море и рѣшились на-
конецъ расположиться тутъ.

Весело разговаривая, пассажиры не замѣчали, что корабль
идеть все тише и тише. Вѣтеръ ослабилъ и къ полудню одѣлал-
ся совершенный штиль. Парусъ опустелъ и судно шло на од-
нѣхъ веслахъ. Черезъ нѣсколько времени на горизонтѣ показа-
лось сѣренькое облачко, которое безпрестанно увеличивалось.

— Будетъ буря, сказала коричій хозяйшиу корабля: не лучше
ли поѣхать для вѣрности теперь еще въ Кеосъ и подождать,
покуда пройдетъ непогода.

Хораклюецъ былъ совершенно другаго мѣнѣя. Онъ возразилъ:

— Это дождевое облако... мы только немного замочимся...
Держись лѣвѣе... къ Эвбей, чтобы въ случаѣ нужды можно бы
было завернуть въ гавань... Впрочемъ опаснаго ничего нѣтъ.

Коричій сомнительно покачалъ головой. Черезъ нѣсколько вре-
мени чистое небо покрылось облаками, которые становились все
темнѣе и темнѣе и, наконецъ, разразилась страшная буря. Не-
смотря на всѣ усилія матросовъ мачта скоро сломилась и волны
по произволу вѣтра стали перекидывать корабль съ одной сто-
роны на другую. Вдругъ раздался крикъ:

— Судно идетъ ко дну!... бросайте скорѣе грузъ въ море.

Но напрасно. На кораблѣ не осталось ничего кромѣ людей, а
онъ быстро наполнялся водой. Спасти можно было только въ
единственной лодкѣ, но она была слишкомъ мала для всѣхъ. Мно-
гіе бросились въ нее и Хариллу съ друзьями удалось попасть
въ лодку. Другіе также хотѣли сѣсть въ нее, но она была очень
полна и сѣдоки скорѣе отрѣзали веревку, которою привязана бы-
ла лодка къ кораблю. Отъѣздъ сопровождался проклятіемъ остав-
ленныхъ пассажировъ. Къ несчастію, это проклятіе скоро испол-
нилось. Огромная волна горою набѣжала на лодку и потопила
ее. Многіе утонули, а другіе старались схватить плавающіе об-
ломки, въ надеждѣ доплыть съ ними до берегу.

На другое утро солнце блѣдно освѣщало разрушенія прошед-
шаго дня. На берегу разбросаны были корабельные обломки,
трупы.... Буря уже утихла, но волны всё-еще съ шумомъ раз-
бивались о скалы. На берегу лежалъ, повидимому, мертвый мо-
лодой человѣкъ. Подлѣ него стоялъ на колѣняхъ рабъ и старал-
ся оживить очоувѣвшіе члены господина теплымъ дыханіемъ и
растираніемъ. Иногда вѣрный слуга поглядывалъ на блѣдное

лицо молодого человека и отиралъ съ вѣлою шѣву перской воды.

Между-тѣмъ на вершинѣ одной скалы показался кто-то. Его одежда и рыболовные припасы, которые онъ несъ въ рукахъ, показывали, что это рабъ, котораго господинъ послалъ добыть къ завтрау чего-нибудь хорошаго.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ, замѣтивъ старавя раба, который при своихъ хлопотахъ не замѣтилъ его.

— Ахъ! воскликнулъ добрый слуга вскакивая: тебя прислалъ сюда богъ. Нашъ корабль пошелъ вчера ко дну и волны выбросили насъ на обломкахъ сюда. Мой господинъ, кажется, почти умеръ отъ усталости и сырости.... Помогни мнѣ.

— Глупецъ,— сказалъ рыбакъ:— о чемъ ты хлопочешь? Пусть его лежить и бѣги скорѣе.... Не теряй случая освободиться.... Сегодня ты спасешь его отъ смерти, а завтра.... на тебя надѣнутъ цѣпи.... ошейникъ..... Право.... бѣги, такой случай — рѣдкость.

— Сохрани меня Зевесъ, оставить своего господина! возразилъ рабъ. Я въ дѣтствѣ игралъ съ нимъ, потому мы вмѣстѣ ѣздили по чужимъ краямъ.... Притомъ лучше имѣть хорошаго господина, нежели быть гражданиномъ-нищимъ.... Однако полне толковать объ этомъ.... вѣрно твой баринъ живетъ тутъ не далеко?

— До его дому отсюда едва ли будетъ одна стадія, отвѣчалъ рыбакъ: вотъ за этимъ холмомъ господская дача.

— Ну, такъ сбѣгай туда и скажи, что благородный Аониянинъ находится въ самомъ жалкомъ состоянн. Попроси прислать сюда вина и сухой одежды.... по поскорѣе, мы тебя зато наградимъ....

Рабъ покачалъ головою, потомъ положилъ корзину и сѣлъ на землю и удалился.

Вѣрный слуга продолжалъ свое прежнее занятіе. Ему показалось, будто на лицѣ господина показывается краска. Рабъ приложилъ лицо къ его рту и носу, а руку къ сердцу.

— Онъ дышетъ! воскликнулъ слуга радостно: сердце у него бьется, хотя и очень слабо.

Потомъ онъ взялъ пучекъ дикаго тиміана, растеръ въ рукахъ и поднесъ къ лицу господина. Молодой человекъ пошевелинулся, на минуту открылъ глаза и опять закрылъ ихъ.

— Хариклъ, приди въ себя! вскричалъ рабъ.

Хариклъ опять открылъ глаза и стараясь привстать, слабымъ голосомъ сказалъ:

— Манесъ.... ты тутъ?... гдѣ мы?....

— Мы спасены, отвѣчалъ рабъ.

— А Ктезионъ? спросилъ Хариклъ.

Манесъ отворотился и не отвѣчалъ.

— Бѣдный Ктезионъ, бѣдный Наузникратъ, печально продолжалъ молодой человекъ.

— Почему звать, сказалъ Манесъ, и они можетъ быть спаслись. Когда я схватился за доску, на которой мы приплыли сюда, то видѣлъ какъ мнѣ удалось поймать кусокъ кормы, достаточно большой для обонхъ.

— Ты спасъ мнѣ жизнь, произнесъ Хариклъ, съ чувствомъ пожимая рабу руку: какъ скоро мы приѣдемъ въ Аены, я освобожу тебя

— Только позволь мнѣ остаться у тебя, сказалъ Манесъ. Но думай теперь о себѣ... дай я сведу тебя туда... тамъ солнце грѣеть лучше и ты скорѣе просохнешь.

Между-тѣмъ, какъ Хариклъ, поддерживаемый Манесомъ, шелъ къ указанному мѣсту, явился и рыбакъ съ двумя рабами и корзиною съ виномъ, хлѣбомъ и сухою одеждою. Гостеприимный помѣщикъ просилъ Харикла къ себѣ. Сухая одежда и хорошее вино такъ оживили молодого человекъ, что онъ могъ идти безъ посторонней помощи; но Хариклъ безмолвно думалъ о вчерашнемъ происшествіи и потерѣ друга. Манесъ съ одеждою господина и завтракомъ шелъ впереди. Съ высокаго утеса онъ посмотрѣлъ на волнующееся море и увидѣлъ, что къ берегу приближается какой-то предметъ. Онъ подозвалъ рыбака и спросилъ:

— Что ты тамъ видишь?

— Кусокъ дерева, отвѣчалъ рыбакъ: вѣроятно обломокъ вашего корабля.

— Нѣтъ, возразилъ Манесъ: теперь видно яснѣе.... это лодка.... неужели рыбаки рѣшились ѣхать при такой погодѣ въ открытое море?

— Клянусь Позейдономъ!.... это было бы безумно, сказалъ рыбакъ: но можетъ быть лодка оторвалась гдѣ-нибудь и волны несутъ ее сюда.

— Въ ней люди, черезъ нѣсколько времени произнесъ Манесъ: они управляютъ ею.... Видишь, лодка такъ прямо идетъ сюда.

Когда лодка приблизилась еще больше, можно было видѣть, что въ ней находятся три человекъ. Двое гребли, а одинъ си-

дѣлъ неподвижно. Харникъ, услышавъ разговоръ, тоже посмотрѣлъ въ ту сторону. Сѣдоки старались причалить къ берегу, но сильный прибой волнъ нѣсколько разъ увлекалъ ихъ въ море. Наконецъ огромная волна счастливо пригнала лодку на береговую отмѣль. Одинъ изъ сѣдоковъ успѣшно выскочилъ и подавъ руку другому, который, казалось, совѣтъ изнемогъ. Третій тоже вышелъ и оттолкнулъ лодку.

— Это Ктезифонъ! вскричалъ Манесъ.

— Ты думаешь? сказалъ Харникъ: и мнѣ кажется....

— Я въ томъ увѣренъ, возразилъ рабъ, а съ нимъ и Наузикратъ.... Сбѣгайте поскорѣе къ нимъ, продолжалъ онъ обращаясь къ двумъ рабамъ помѣщика, и ведите ихъ намъ на встрѣчу.

Манесъ не ошибся. Когда лодка потопилась, Наузикрату и Ктезифону удалось схватить руль. Къ нимъ присоединился кормчій. Они втроемъ провели страшную ночь. Утромъ Ктезифонъ увидѣлъ недалеко пустую рыбацью лодку. Ктезифонъ поплылъ къ ней, а за нимъ и кормчій. Оба счастливо достигли своей цѣли и имъ удалось еще поймать изнемогшаго отъ страха Наузикрата. Посоветовавшись, они рѣшились ѣхать къ Эвбеѣ, гдѣ они съ величайшею радостью встрѣтили друга, котораго считали погибшимъ.

Друзья пробыли у гостепріимнаго помѣщика два дня. Погода была хороша и наши путешественники стали совѣтоваться, чтѣ имъ теперь дѣлать.

— Лучше всего отправиться въ ближайшую гавань, съѣсть на барку и воротиться моремъ въ Аѳины, сказалъ Ктезифонъ.

— Ни за чтѣ на свѣтѣ! воскликнулъ Наузикратъ: я никогда не поѣду водой.... Но вотъ въ чемъ бѣда.... какъ можно будетъ показаться въ Аѳины въ такой одеждѣ?... У меня пропали всѣ мои вещи.... потонули два раба, которыхъ я купилъ за десять мнѣвъ.... А что хуже всего.... у меня былъ такой прекрасный настоящій персидскій коверъ.... жаль.... его не спасли. Теперь у меня нѣтъ порядочнаго платья и у васъ тоже. Знаете, чтѣ я вамъ посоветую.... Стадій за полтора года отсюда живетъ мой пріятель, который ежегодно гоститъ у меня во время діонизій. Онъ намъ поможетъ и мы прилично одѣтые воротимся самымъ короткимъ путемъ въ Аѳины.

Предложеніе было принято. Добрый помѣщикъ далъ своимъ гостямъ лошаковъ и проводилъ ихъ изъ дому.

Къ несчастію, пріятеля Наузикратова не было дома. Онъ недѣли двѣ тому назадъ поѣхалъ лѣчиться къ цѣлебнымъ водамъ Эдеп-

сося. Хариклъ и Писемковъ хотѣли тотчасъ же ѣхать моремъ въ Ашганъ, но Наузикратъ ни какъ не соглашался. Подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Пріятель мой что-то рехотаничалъ Эденсось.... это отсюда такъ близко.... поѣдите туда. Я залезу мои доретія кольца, мы хорошенъко одѣнемся и съѣдемъ пріятеля.

Наузикрату легко удалось уговорить своихъ друзей и они на другой день пѣшкомъ отправились въ Эденсось, который въ послѣдствіи сдѣлался у Греновъ тѣмъ же, чѣмъ былъ у Римлянъ Бай. Къ полудню путешественники встрѣтили носильки, которыя несли-четверо сильныхъ рабовъ. Въ нихъ не видному сдѣлалъ очень богатый большой, возвращавшійся изъ Эденсоса, гдѣ цѣлебная вода не помогла ему. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой встрѣчи молодые люди услышали не далеко женскій смѣхъ. Они вошли въ кустарникъ и увидѣли прехорошенъкую дѣвушку, которая сидѣла на берегу ручья и плоскала ноги. За нею стояла служанка съ зонтикомъ, другая служанка стояла подлѣ госпожи на колѣняхъ и дружески шутила съ нею. Не много въ сторонѣ отъ дороги рабы укладывали посуду и остатки господскаго завтрака. На дорогѣ стояла повозка, въ которую запряжены были мулы. Съ кучеромъ разговаривалъ другой рабъ въ одеждѣ евнуха.

Молодые люди съ восхищеніемъ смотрѣли на игру дѣвушекъ, которыя беззаботно отбросивъ наружный видъ приличія и скромности, весело играли. Младшая служанка принесла огромный пучекъ цвѣтовъ и положивъ ихъ на колѣни госпожи, шепотомъ сказала ей что-то на ухо. Дѣвушка за-это такъ разсердилась, что схватила сандалій и хотѣла ударить служанку, но промахнулась и обувь полетѣла далеко въ воду. Дѣвушки вскрикнули, а Хариклъ не долго раздумывая, выскочилъ изъ кустарника и поймалъ плавающій сандалій. Красавицы закричали еще громче и хотѣли убѣжать, но Хариклъ поспѣшно подскочилъ къ госпожѣ, которая приняла отъ него мокрый сандалій и тщетно искала около себя покрывала и верхней одежды. Хариклъ тоже совсѣмъ растерялся при видѣ необыкновенныхъ прелестей молодой дѣвушки. Но онъ не долго восхищался этимъ зрѣлищемъ. На крикъ приближали рабы, и женщины ушли какъ можно скорее, потому что Ктезионъ и Наузикратъ также подходили къ нимъ. Хариклъ долго смотрѣлъ на удаляющійся повздъ. Наконецъ Манесъ неприятнымъ образомъ пробудилъ его изъ мечтаній и рассказалъ то, что узналъ отъ кучера, что уѣхавшая повозка

принадлежать одному очень богатому Афинянину, теломъ старому и большому. Молодая женщина, которую друзья принимали за дѣвушку, была жена этого старика.

— Такъ она замужемъ! вскричала пораженный Хариклъ.

— За хлысть старикомъ, прибавилъ Наузикратъ: жаль... а какая красавица!

— А знаешь ли ты имя ея мужа? спросилъ Хариклъ своего раба.

— Нѣтъ, не успѣлъ хорошенько распространить, отвѣчалъ Мавесъ: они очень спѣшили.

Путешественники пошли дальше; но Хариклъ былъ противъ обыкновенія молчаливъ и задумчивъ, и съ досадою слушалъ шутки пріятелей. Скучно проводилъ онъ время въ Эдессосѣ и черезъ нѣсколько дней сказалъ, что долженъ ѣхать тотчасъ же по нужнымъ дѣламъ въ Аѣны. Наузикратъ съ трудомъ согласился на это, такъ ему поправилась веселая жизнь въ Эдессосѣ.

— Знаю я твои важныя дѣла, сказалъ онъ Хариклу, тебѣ хочется какъ-нибудь увидать ту хорошенькую... да на что?... вѣдь она замужемъ.

Краска на лицѣ молодаго человѣка ясно показывала, что Наузакратъ угадалъ, но Хариклъ старался увѣрить своихъ друзей будто онъ назначилъ черезъ нѣсколько дней одному нужному человѣку свиданіе въ Аѣнахъ.

Прошло уже два мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, какъ Хариклъ воротился въ Аѣны. Но его прежняя веселость пропала. Имя молодого человѣка было употреблено на выгодныя предпріятія. Отцовскій домъ прекрасно отдѣланъ и каждый думалъ, что въ немъ жить прѣвесело. Одинъ хозяинъ былъ всѣмъ недоволенъ и печально ходилъ по пустымъ комнатамъ. Прогулки на рынокъ ему опротивѣли; веселые крики въ гимназіяхъ мѣшали мечтать. Онъ всего охотнѣе ходилъ въ мѣста пустынные и строилъ тамъ воздушныя замки.

— Ты влюбленъ, шутя говорили ему пріятели, когда у него спадали съ вѣнка поблекшія листья.

Прежде Хариклъ смѣялся надъ такими замѣчаніями, а теперь онъ сердился и краснѣлъ.

Однажды онъ показалъ Фориону устройство своего дому. Женскіе покои были отдѣланы съ такою пышностью будто съ минуты на минуту ждали молодую супругу. Старикъ, замѣтивъ это, сказалъ Хариклу:

— Хорошо... теперь тебѣ надобно поискать добрую жену, ко-

торая могла бы составить твое счастье. Не смотри, не бери слишкомъ Фданую, для того чтобы ее уважали въ домѣ.... и не слишкомъ богатую, кто ты легко попадешь въ неприятную зависимость.... У тебя тутъ мало знакомыхъ.... такъ я тебѣ привожу новѣсту. Вотъ, напримѣръ, у моего племянника, Пазія, прехорошенькая дочка....

Хариклъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ самъ говорилъ себѣ, что Форіонъ правъ и что женитьба—лучшее средство изгнать изъ памяти образъ хорошенькой незнакомки. Молодой человекъ сообщил своему другу предложеніе Форіона. Ктезионъ очень изумился и отвѣчалъ такъ странно, что Хариклъ ничего не понималъ.

Раздумывая принять или не принять Форіоново предложеніе, Хариклъ шелъ однажды вечеромъ по рынку. Вдругъ его дернулъ кто то за одежду. Онъ оглянулся и увидѣлъ передъ собою старую невольницу, которая съ изумленіемъ и радостью воскликнула:

— Хариклъ!... любезный Хариклъ! ты ли это?

Тутъ молодой человекъ узналъ свою няньку Манто. Передъ Хариновымъ побѣгомъ она заболѣла, осталась съ большею частью рабовъ въ Аеннахъ и рассказала теперь Хариклу, что богатъ Полккъ купилъ всю отцевскую дворню.

— Вѣдь ты знаешь Полккла, продолжала Манто, онъ былъ пріятелемъ твоего отца.

— Помню, помню! сказалъ Хариклъ.

— И онъ часто вспоминалъ о васъ.... я думаю, онъ очень радъ будетъ видѣть тебя.... Полккъ уже вѣскольکو мѣсяцевъ болѣлъ.... и при всемъ своемъ богатствѣ ни какъ не можетъ выздороветь, а мы, бѣдняк, живы и здоровы....

Тутъ Манто три раза плюнула, чтобы отвратить отъ себя подобное несчастіе. Послѣ этого она закидала молодого человѣка вопросами. Хариклъ сталъ отвѣчать, но старушка вспомнила, что пора нести домой травы, купленной для больного господина.

Полккъ былъ очень богатъ. Онъ имѣлъ вѣскольکو помѣстій и домовъ, множество рабовъ и сверхъ-того у трапезитовъ лежали огромныя суммы его денегъ. Говорили, что у него по-крайней-мѣрѣ полсотни талантовъ. На пятидесятомъ году холостой Полккъ женился по желанію своего покойнаго брата на его дочери, хорошенькой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Но въ день свадьбы на веселомъ пиру его разбило параличемъ. Все сред-

ства были испытаны. Призывали поученных врачей, египтологов, колдуновъ, гадальщиковъ; оставили больного на несколько дней въ храмѣ Асклеюса. Наконецъ Полликла свезли къ элевтерскимъ водамъ; ничто не помогало и одна нѣжность жоны его Клеобулы, которая улаживала за нимъ какъ дочь, облегчала боль. Опытный домашній врачъ объявилъ въ тотъ день, какъ Хариклъ встрѣтился съ Мапто, что *больному поможетъ только плащъ, то есть смерть*. Греки окружали надгробные памятники плащомъ, оттого лечиться плащомъ значило умереть.

На другое утро Хариклъ хотѣлъ идти къ Форіону. Онъ пораздумалъ и рѣшился жениться, а добраго старика попросить быть сватомъ. Вдругъ постучали у дверей. Пришелъ рабъ Поликла просить молодого человека къ своему господину. Хариклъ не могъ и не думалъ отказываться, и сказалъ, что скоро придетъ.

— Ты бы лучше всего пошелъ со мной, возразилъ рабъ: мой господинъ очень слабъ и не въ состояніи много говорить, теперь у него нѣсколько пріятелей... такъ и тебѣ можно было бы кстати повидаться съ нимъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Хариклъ, пойдемъ.

Они скоро дошли до Поликлова дому. На улицѣ стоялъ рабъ передъ открытыми дверями, для того чтобы посѣтителю не беспокоили господина обычнымъ стукомъ въ двери. Хариклъ скоро удостовѣрился въ истинѣ молвы о богатствѣ Поликла. Комнаты убраны были съ величайшею роскошью. Даже спальня больного не уступала великолѣбіемъ другимъ покоямъ. Драгоценный перстрій вавилонскій коверъ служилъ дверямъ завѣсомъ. На постели лежало милезійское пурпуровое одѣяло, изъ подъ котораго видны были рѣзные ножки изъ слоновой кости. Подлѣ ложа стоялъ круглый столъ на бронзовыхъ козлиныхъ ногахъ, а въ углу комнаты коринфская рѣзная мѣдная грѣлка съ горячими угольями. Около постели разставлены были стулья изъ чернаго дерева съ золотыми украшеніями. На одномъ сидѣлъ врачъ, человекъ пожилой и важный, одѣтый въ чистую бѣлую одежду. Подлѣ него находился на столѣ простой футляръ съ лѣкарствами и инструментами. Правую руку онъ задумчиво наблюдалъ за бѣніемъ пульса больного. У постели стояли три пріятеля Поликла и внимательно смотрѣли на врача, который не говорилъ ни слова. Въ его лицѣ не выражалось ни опасеніе, ни надежда....

Вошелъ рабъ и спросилъ врача на ухо, можно ли впустить

еще гостя. Врачъ утвердительно кивнулъ головою, а раба развѣсивъ занавѣсъ грѣшко доложилъ о приходѣ Харикла. Большой приходилъ шонкремую шапку, которая опустилась на глаза, фодаль молодому человѣку правую руку и слабымъ, прерывающимся голосомъ сказалъ:

— Здравствуй.... желаю тебѣ радостей.... сына моего... друга... благодарю.... за исполненіе моего желанія....

— И тебѣ желаю добра и радостей, возразилъ Хариклъ. Молю боговъ предатьте мнѣ, которая окружаетъ тебя, въ дѣла.

— Нѣтъ!... вскакнулъ Полкклъ, но отъому обманываться тщетное надеждо.... я не изъ тѣхъ людей.... которые въ несчастіи в отчаяніяхъ.... призываютъ для утѣшенія.... сестры.... Расскажи мнѣ лучше что нибудь о своихъ родителяхъ....

Молодой человѣкъ коротко отвѣтилъ, что случилось съ его семействомъ послѣ побѣгу изъ Ашша. Большой изломалъ разъ, казалось, былъ растроганъ. Наконецъ врачъ знакомъ приказалъ сказчику перестать и спросилъ у входящаго раба:

— Готовъ ли шавтокъ, который я приказалъ сдѣлать?

— Манто сейчасъ привесетъ его, отвѣчалъ раба.

— Отчего же Манто, а не Клебула, сказалъ Полкклъ.

— Она слышала, что тутъ шумъ, возразилъ раба.

— Это все приятели, проговорилъ большой, она можетъ пойти.... Я всего охотнѣе пью.... изъ ея руки.

Раба вышелъ звать госпожу; врачъ еще разъ взялъ больного за руку, а гости пошли въ сторону. Одинъ изъ трехъ пріятелей Полккла, Сосилъ, пошелъ съ Харикломъ въ уголъ комнаты. Ему было около пятидесяти лѣтъ и, несмотря на сѣдую голову, онъ держался прямо и всѣ его движенія выказывали силу, ловкость и образованность. Пріятнее выраженіе его лица вселяло довѣріе. Сосилъ внимательно слушалъ рассказъ Харикла и съ уластивымъ разспрашивалъ молодого человѣка о подробностяхъ его жизни.

Между-тѣмъ, какъ оба шепотомъ разговаривали между собой, отодвинулся занавѣсъ и вошла Клебула съ служанкою. Стальнѣе вступивъ глаза на стеклянную чашу, которая была у ней въ правой рукѣ, она подошла къ больному, подала лѣтъ, приготовленное ею по предписанію врача, и поправила подушки. Съ уластивѣемъ нагнулась она надъ своимъ дадою и казалась спрашивала глазами, есть ли надежда на выздоровленіе?

Съ восхищеніемъ смотрѣли всѣ на эту милую картинку дѣтской любви. Хариклъ, разговаривая съ Сосиломъ, стоялъ спиной къ дверямъ и не замѣтилъ, какъ вошла Клебула, которая не смѣла

дышалось занялась белышья. Красивый высокій станъ пробудить въ сердцѣ молодого человека уснувшія воспоминанія и чувства. Прекрасная знакомка у ручья имѣла точно такой же станъ и ростъ.

Врачъ приказалъ сдѣлать больному ванну. У Поллила была устроена въ маленькомъ видѣ цѣлая купальня. Тамъ были теплыя и холодныя бани, также комната съ ванною. Эту комнату теперь вошливо вътрѣли и Клебула пошла, чтобы приготовить все для пріема больнаго. Тутъ она вѣстало увидѣла Харрила и такъ смутилась и испугалась, что стѣнная чаша вѣрно бы выпала изъ ея руки, если бы врачъ не успѣлъ подхватить ее. Покраснѣвъ по своимъ ушн, Клебула потушила глаза и вѣстало вышла изъ комнаты. Харрилъ тоже смѣшался и очень удивилъ Сосила запутанностью отивтовъ. Молодой человекъ прѣстился съ хозяиномъ и вѣволнованный вышелъ на улицу.

Ночь была самая невѣстная. По небу тлѣлись темныя облака. На темныя улицы лишь изрѣдка шла безъ саделовъ полупьяныя матросы, или пряталось зоры за армами и алтарями, поджидая добычу — коронную одежду.

Въ небольшомъ домѣ, не далеко отъ гавани, лежалъ на низкой малевькой постели молодой человекъ неприятной наружности. Вялые глаза, неблагородныя манеры и грубыя шутки показывали, что онъ ведетъ безпорядочную жизнь, днемъ за столомъ игрѣетъ въ кости, а ночью на буйныхъ попойкахъ. На столѣ стояла отройная кружка, изъ которой онъ безпрестанно пилъ вино, лампа съ двумя рожками и остатки бѣдлой закуски. Въ комнатѣ былъ рабъ, который также отъ времени до времени наливалъ себѣ въ кубекъ вина. Между обонми стояла игорная доска. Рабъ смотрѣлъ на нее съ задумчивостью, а молодой человекъ безъ всякаго вниманія. Наконецъ онъ перевернулъ шашки и сказалъ:

— Что за глухая игра! все надобно думать.... вотъ кости.... другое дѣло.... Но отчего Сосилъ такъ долго не идетъ.... Теперь.... я думаю уже полночь....

— Онъ у Поллила, возразилъ рабъ.... Говорятъ, этотъ богатъ не доживетъ до завтрашняго дня. Сосилъ, кажется, очень интересуется имъ.

— Знаю, сказалъ молодой человекъ, но къ чему призывалъ онъ меня вѣстало теперь. Неумели ему нельзя ждать до завтрашняго

утра.... Я долженъ былъ уйти съ веселой пирушки и купить по милости этого скраги въ дрянной табернѣ худое вино.

— Не знаю, что все это значить, но мой господинъ приказалъ мнѣ непремѣнно сыскать тебя и привести сюда. Ему сегодня же надобно поговорить съ тобой.

— А онъ всё-таки не идетъ! съ досадою сказалъ молодой человѣкъ. Что.... поможь онъ одинъ?

— Нѣтъ!... съ Сиромъ, отвѣчалъ рабъ. Да бѣда не велика, если съ нимъ и случится что-нибудь.... Вѣдь ты его наследникъ?... а у него два дома въ городѣ, кромѣ того въ гавани столярная мастерская и наличныхъ денегъ пять или шесть талантовъ.

Молодой человѣкъ самодовольно протянулся на ложѣ и сказалъ:

— Да! Моложь.... если бы онъ только скорѣе отправился на тотъ свѣтъ.... тогда....

У наружныхъ дверей раздался сильный стукъ.

— Вотъ онъ! сказалъ рабъ, убирая поспѣшно игорную доску и свой кубокъ.

Потомъ онъ привелъ въ порядокъ подушки и одѣло на ложѣ, на которомъ сидѣлъ, и всталъ подлѣ молодаго человѣка такъ, какъ будто находился тутъ для того, чтобы прислуживать.

На дворѣ слышны были шаги и суровый повелительный голосъ. Дверь отворилась, вошелъ пожилой человѣкъ съ мрачнымъ лицомъ и густою бородой. По наружности надобно было подумать, что онъ образецъ добродѣтели. На немъ былъ короткий спартапскій плащъ и савдалин. Въ рукахъ онъ имѣлъ палку съ крючкомъ. Увидѣвъ выпную кружку и необыкновенное освѣщеніе, онъ забылъ сдѣлать обычное привѣтствіе, съ приподнятою палкою подскочилъ къ рабу и вскричалъ:

— Мошеникъ!... отчего зажегъ лампу съ двумя свѣтильниками? Звонкой еще много нужно масла.... А ты, Лизистратъ, кажется пресвело попиваешь въ моемъ домѣ?

— Да, дядюшка, съ горькою усмѣшкой отвѣчалъ молодой человѣкъ. Я взялъ тутъ, подлѣ, вина въ долгъ. Вѣдь твое подлѣ замкомъ.... Неужели ты думаешь, что я такъ прожду до полночи?... да у меня горло пересохнетъ.

— Я хотѣлъ прийти раньше, сказалъ старикъ поласковѣе и оглядываясь. Моложь, иди спать.... мы безъ тебя обойдемся.

Рабъ вышелъ. Созилъ заперъ двери на задвижку и воротившись къ племяннику, со вздохомъ сказалъ:

— Охъ умреть. Полякъ оставилъ болѣе шестидесяти талантовъ и у него вѣтъ прямыхъ наследниковъ.

Щедрыику съ удивленіемъ посмотрѣлъ на дядю и вскричалъ:

— Дядь отъ этого какая польза? вѣдь мы ничего не получимъ.

— Въ томъ то и дѣло, возразилъ дядя. Известрать, продолжалъ онъ подумавъ немного, хочешь ли ты быть богатымъ?

— Кладусь Дионисомъ.... хочу! со смѣхомъ отбѣчалъ молодой человекъ.

— И ты будешь имъ, сказалъ Созилъ, если согласишься то, что я прикажу. Мы конечно дальніе родственники Поляка.... моя покойная жена и мать Клеобуды были двоюродныя сестры; но это родство не дастъ намъ права на наследство.... А вотъ если завѣщаніе сдѣлаетъ меня наследникомъ?

Известрать задумался и наконецъ сказалъ:

— То есть, ты хочешь предложить поддѣльное завѣщаніе?... но чѣмъ ты его зацелатаешь?... Цригомъ. Полякъ, вѣрно, написалъ завѣщаніе во время своей болѣзни....

Старикъ таинственно отперъ двери сосѣдней комнаты, привнесъ отсюда замкнутый ящичекъ и вынимая изъ него зацелатанное письмо, сказалъ:

— Посмотри!... Что это такое?...

— Право!... тутъ написано: «Завѣщаніе Поляка!» вскричалъ изумленный щедрыику. Какъ ты его досталъ?

— Отъдѣ просто, возразилъ дядя. Въ то время какъ Полякъ отправился въ Эфесосъ, его другъ, Софилъ, къ счастью, не было въ Аоніяхъ. Полякъ и позвалъ меня, какъ родственника Клеобуды, и передалъ мнѣ при трехъ свидѣтеляхъ завѣщаніе.

— Чудесно! воскликнулъ Известрать: теперь ты самъ можешь поддѣлать другое завѣщаніе. Но чѣмъ ты его зацелатаешь?... ну жели дядь вырѣзать новую печать?

— Это было бы опасно, отвѣчалъ дядя: и посмотри, какъ написано завѣщаніе: у большого дрожаща рука, и трудно будетъ поддѣлать ее. Но чѣмъ согласишь де нужно дѣлать этого....

Щедрыику взялъ дощечку, снялъ раковину, которою прикрыта была печать, и сказалъ:

— Посмотри, дядя Полякова печать.... А это что такое? спросилъ онъ, показывая другое печать на отрѣздочкѣ вѣтки.

— Кладусь Дионисомъ, та же самая! воскликнулъ удивленный Известрать. Но я не понимаю!

— Сейчас поймешь, возразилъ дядя.

Онъ не раздумывая отрѣзалъ печать, подавъ племяннику письмо и съ злобною улыбкою сказалъ:

— Посмотри, если бы тутъ стояло вмѣсто «София» «Созиль», а тамъ вмѣсто «Созиль» «София», то это было бы очень хорошо.

Изумленный молодой человекъ безмолвно читалъ.

— Прекрасно! воскликнулъ онъ потомъ: не трудно переменить одну букву, потому что, во счастливому случаю, отцы имѣли одно и то же имя.... А печать? прибавилъ онъ: какъ ты осмѣлился открыть письмо?

Старикъ таинственно опустилъ руку въ ящичекъ и вынулъ оттуда что-то похожее на печать и сказалъ:

— Одинъ мудрецъ научилъ меня дѣлать эту массу. Ее кладутъ совсѣмъ мягкою на печать, и она въ короткое время дѣлается твердою какъ камень.... Я уже открывалъ одинъ разъ завѣщаніе и запечаталъ его этою печатью. Можешь ли ты различить поддѣльную отъ настоящей?

— Нѣтъ, дѣйствительно не могу, отвѣчалъ племянникъ.

— Ну, такъ легко будетъ переменить буквы и запечатать завѣщаніе.

— Но какъ же я то сдѣлаюсь богачемъ? спросилъ Лизистратъ. Обо мнѣ не говорится въ завѣщаніи ни слова?

— Точно такъ, отвѣчалъ дядя: но въ завѣщаніи есть оговорка: наследникъ долженъ жениться на Клеобулѣ. Если онъ не хочетъ сдѣлать этого, то получаетъ пять талантовъ и имѣетъ право принести для молодой вдовы мужа, который и получитъ остальную часть наследства. Я не женюсь на ней; я не только старъ, но и видѣлъ сегодня сонъ, который запрещаетъ мнѣ жениться. Мнѣ снилось, что я шелъ къ своей невѣстѣ на свадьбу, и когда хотѣлъ удалиться, дверь была заперта и ее никакъ нельзя было открыть. Я разспрашивалъ двухъ снотолкователей; они говорили, что это означаетъ смерть въ день свадьбы. Оттого я и не женюсь; но зато устрою твою свадьбу съ Клеобулою, если ты мнѣ уступишь половину наследства.

Племянникъ задумался и черезъ нѣсколько минутъ сказалъ:

— Дѣлежъ будетъ неравенъ. Ты получишь чистыя деньги, а мнѣ навяжутъ сверхъ того жену.

— Экой ты дуракъ! вскричалъ Созиль. Клеобула такъ хороша, что многіе безъ приданого женились бы на ней.... Притомъ, отъ меня одного будетъ зависѣть выборъ ея мужа.

Оба еще нѣсколько времени торговались. Наконецъ они договорились и старикъ сказалъ:

— Подай сюда закѣшаніе и приноси оттуда губочку... Чудесный папирусъ! какъ легко стираются буквы!

Потомъ онъ поправилъ тростниковымъ перомъ буквы и продолжалъ:

— И распознать нельзя: чернила того же цвѣту.

— Да, ты мастерски это сдѣлалъ, сказалъ Лизистратъ.

Созидъ взялъ воскъ, связалъ нитки, запечаталъ папирусъ и произнесъ:

— Вотъ все и готово, и печать та же самая.

— Право, удивляюсь! воскликнулъ Лизистратъ: и доказываетъ недвѣно, что печать поддѣльная.

Шумъ за дверью испугалъ старика. Онъ скорѣе положилъ закѣшаніе въ ящикъ, сѣсть въ комнату и наложилъ на дверь свою печать. Потомъ взялъ лампу и вышелъ.

Но онъ скоро воротился и спокойно сказалъ:

— Тамъ никого нѣтъ; вѣрно двери дрожали отъ вѣтру. Уже разсвѣтаетъ... Пойдемъ спать; отдохнемъ немного.

Черезъ нѣсколько времени послѣ уходу добродѣтельнаго дядюшки съ племянникомъ, въ комнату прокрадся Молодцъ. Онъ подошелъ къ постели и началъ шарить около нея. Луна на минутку освѣтила комнату. Рабъ увидѣлъ что-то въ складкахъ одѣяла, поспѣшно схватилъ и спряталъ этотъ предметъ, какъ драгоценность, и тихо вышелъ изъ покоя.

Въ домѣ покойника съ ранняго утра все были заняты приготовлениями къ погребенію. Глиняный сосудъ съ водой стоялъ у наружныхъ дверей и указывалъ каждому переходящему, что въ домѣ кто то умеръ. Внутри женщины натирали покойника душистыми маслами. По просьбѣ неопытной Клеобулы, Созидъ взялся устроить похороны. Молодая вдова оплакивала своего мужа, въ которомъ видѣла только своего дядю. Мать немощна Клеобулѣ выполняла начальную обязанность и осталась въ домѣ всю ночь, оттого что дочь ея, въ дѣтствѣ занугодивъ разсказами о дѣхахъ, боялась остаться одна.

На другой день рано утромъ Созидъ пришелъ посоветоваться съ женщинами какимъ образомъ лучше устроить похороны. Скоро послѣ того съ печальнымъ лицомъ явился Созидъ и серьезно сказалъ:

— Слѣдуетъ отдать завѣщаніе добродѣтельнаго покойника.... можетъ быть въ немъ находятся приказанія на счетъ похоронъ....

Созилъ назвалъ свидѣтелей, при которыхъ ему отдали завѣщаніе.

Клеобулъ очень неприятно было видѣть рѣшеніе своей судьбы въ рукахъ человѣка, который не правилъ ей уже съ самаго ранняго дѣтства. Поликлъ конечно нѣсколько разъ увѣрялъ что заботится о ея будущности. Она надѣялась на это обѣщаніе. Софилъ поблагодарилъ Созила за точность и хотѣлъ было послать за свидѣтелями; но лицемѣръ сказалъ, что этого не нужно дѣлать, такъ какъ онъ уже просилъ ихъ прійти.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько времени явились свидѣтели и Созилъ спросилъ ихъ:

— Вы видали, какъ Поликлъ отдавалъ мнѣ свое завѣщаніе.... не такъ ли?...

Они отвѣчали утвердительно.

— Тотъ-ли это папирусъ, который мнѣ отдали?...

— Да, отвѣчалъ одинъ изъ свидѣтелей, это видно по подписи и печати, которая цѣла....

— Увѣрься и ты Клеобула, продолжалъ Созилъ, что я свято хранилъ завѣщаніе твоего мужа?

Молодая вдова дрожащею рукою взяла папирусъ, посмотрѣла на него и сказала:

— Орелъ съ змѣею въ когтяхъ.... это его печать....

И она передала завѣщаніе Софилу. Онъ тоже призналъ его за вѣрное и возвратилъ Созилу, который подалъ одному изъ свидѣтелей и сказалъ:

— Тогда его можно прочесть; но глаза мои слабы.... оттого прошу тебя сдѣлать это.

Нитки разрѣзали, папирусъ открыли и свидѣтель сталъ читать: «Завѣщаніе Пэанійца Поликла.»

«Желаю чтобы все хорошо кончилось; но если я не переживу этой болѣзни, то завѣщаю слѣдующее: Отдаю жепу свою Клеобулу и все имѣніе (съ исключеніемъ того, что тутъ назначено другимъ лицамъ) моему пріятелю Созилу, Филонову сыну, и дѣлаю его тогда своимъ пріемнымъ сыномъ. Но если онъ не желаетъ жениться на Клеобулѣ, то получить пять талантовъ и сдѣлается опекуномъ моей жевы. Притомъ онъ будетъ имѣть право по своему благоусмотрѣнію избрать Клеобулѣ мужа. Домъ въ Олимпіонѣ отдаю Ферову, Калліеву сыну; домъ въ Пирѣѣ Софилу, Филонову сыну. Для того чтобы сынъ Клипада не дума-

лъ, что я забылъ о немъ, дарю ему большую серебряную чашу, а жемъ его золотыя сережки, мои лучшіе два ковра и двѣ подушки. Пусть выдадутъ моему врачу Земосеу тысячу драхмъ: онъ заслужилъ ихъ за свою заботливость и искусство. Погребеніе исполнить въ моемъ саду у мелтійскихъ воротъ. Прошу Ферона, Софила и моихъ родственниковъ стараться не слишкомъ много тратить на мое погребеніе. Запрещаю Клеобулѣ, другимъ женщинамъ и моимъ невольницамъ обрѣзывать волосы въ знакъ печали по мнѣ. Вольноотпущенному Деметрію дарю незаплатенный выкупъ и сверхъ того пять мины, чтобы онъ могъ приличнымъ образомъ жить. Отпускаю на волю Пармевона и Хареса съ его дѣтьми. Если Каріонъ и Давакъ четыре года будутъ прилежно работать въ моемъ домѣ, то отпустить ихъ послѣ этого срока на волю. Манто освободить въ день свадьбы Клеобулы и дать ей четыре мины. Не продавать дѣтей рабовъ, а воспитать въ моемъ домѣ, и когда они подростутъ, отпустить на волю. Продать одного Сира. Прошу Софила, Ферона и Калиппа позаботиться объ исполненіи моихъ желаній. Завѣщаніе отдано Созилу. Свидѣтелями были: Лизимахъ, сынъ Стратона, Хегизій, сынъ Хегія, Хивархъ, сынъ Калина.

Наступило глубокое молчаніе. Клеобула при началѣ чтенія поблѣднѣла и упала на стулъ въ обморокъ. Софилъ задумчиво приложилъ палецъ ко рту; свидѣтели безмолвно переглядывались. На одномъ лицѣ Созила не выражалось ни уныніе, ни изумленіе. Лицемѣръ подошелъ къ молодой вдовѣ и кроткимъ голосомъ сказалъ:

— Ободрись, Клеобула!... не думай, чтобы я принялъ предложеніе моего добраго друга и жеплся на тебѣ... Нѣтъ!... я слишкомъ старъ и удивляюсь какъ пришла Поликлу въ голову такая мысль... Охотно отказываюсь отъ богатаго наслѣдства... чѣмъ мнѣ въ немъ... вѣдь я уже не долго проживу на свѣтѣ... но мы примемъ мужа тебѣ по лѣтамъ...

Клеобула вздрогнула и отворотилась. Созилъ взялъ завѣщаніе и сказалъ свидѣтелямъ:

— Теперь вамъ надобно только приложить ваши печати.

Свидѣтели исполнили эту необходимую мѣру, чтобы завѣщаніе не было подмѣнено. Одинъ изъ нихъ вдругъ сказалъ:

— Кромѣ этого завѣщанія Поликла, хранился еще другое.

Созилъ поблѣднѣлъ и съ замѣшательствомъ сказалъ:

— Неужели? но тутъ не написано, что Поликлъ отдалъ кому нибудь копию съ этого завѣщанія?

— Не знаю почему, возразилъ свидѣтель, только черезъ два дня послѣ того, какъ ты получилъ завѣщаніе, Поликлъ призналъ меня и четырехъ другихъ свидѣтелей и вручилъ завѣщаніе Менеклу....

Это открытіе произвело очень странное дѣйствіе. Созилъ остолбенѣлъ; въ сердцѣ Клеобулы пробудилась вѣсная надежда; Софилъ внимательно смотрѣлъ на лицемѣра, который старался укрыться отъ пронзительныхъ взоровъ почтеннаго старика. Долго длилось молчаніе, наконецъ Созилъ съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Это завѣщаніе должно быть исполнено.... и если существуетъ другое.... подлинное.... то въ немъ вѣроятно находится то же самое.... что и въ этомъ.

— Конечно.... сказалъ Софилъ, нельзя предполагать, чтобы Поликлъ перемѣнилъ черезъ два дня свое мнѣніе... Но мы обязаны, какъ можно скорѣе пригласить Менекла и получить копию, которая у него хранится....

Вошелъ рабъ и доложилъ, что пришли двое свидѣтелей, приглашенныхъ Менекломъ.

— Прекрасно! воскликнулъ Софилъ, онъ также успѣшно исполняетъ свою обязанность, какъ и ты.

Свидѣтели вошли въ комнату. Созилъ задумчиво прохаживался; онъ по немногу оправился и къ нему возвратилась прежняя дерзость и безстыдство. Хотя второе завѣщаніе неприятно портило его планъ, онъ однако надѣялся затѣять тяжбу и выиграть дѣло. Черезъ нѣсколько времени пришелъ Менеклъ съ двумя другими свидѣтелями. При осмотрѣ всѣ также признали, что печать и подпись вѣрны. Это завѣщаніе было буквально списано съ перваго; только при двухъ мѣстахъ нашли разницу. Въ концѣ стояло замѣчаніе, что у Созила хранится точно такое же завѣщаніе. Послѣ чтенія стали другъ друга обвинять въ обманѣ. Созилъ говорилъ, что это завѣщаніе поддѣльное и уходя грозилъ судомъ.

Насталъ день погребенія. Съ восходомъ солнца собрались въ самомъ домѣ и около него знакомые Поликла, чтобы присоединиться къ процессіи, а любопытные посмотрѣть на пышность погребенія. За день передъ тѣмъ покойника выставили съ большимъ великолѣпіемъ. Услышавъ, что о наслѣдствѣ будутъ тягаться, многіе, ниѣя какое-либо притязаніе на родство съ Поликломъ, одѣлись въ трауръ и явились въ домъ, черезъ порогъ ко-

того же онъ въ первый разъ переходилъ. Харикль не вошелъ въ домъ покойника, хотя ему очень хотѣлось сходить туда. Онъ понималъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Клеобулу и считалъ неприличнымъ помѣшать ей своимъ присутствіемъ въ исполненіи священныкъ обязанностей. Но онъ пришелъ провожать покойника къ мѣсту погребенія. Софилъ, котораго Харикль очень занималъ, лично пригласилъ его сдѣлать это и онъ не могъ отказаться. Почтенный старецъ нѣсколько разъ посѣщалъ молодого человѣка и повидному не безъ цѣли изображалъ въ какой опасности будетъ находиться Клебула, если признаютъ законность Созилова завѣщанія, которое онъ принималъ за поддѣльное. Харикль безпокоился объ этомъ болѣе Софила. Для него конечно разрѣшеніе не имѣло ни какой важности. Если обманъ откроется, то Софилъ сдѣлается мужемъ молодой вдовы; но ему не пріятно было, что она можетъ попасть въ руки человѣка, котораго очень многіе считали за низкаго обманщика.

Харикль только мимоходомъ видѣлъ его у Поликла и желалъ внимательнѣе посмотреть его на погребеніи. Оттого молодой человѣкъ рано отправился къ дому покойника, но не вошелъ въ него, а ждалъ процессіи у дверей, чтобы присоединиться съ Софиломъ, когда онъ выйдетъ.

При первыхъ лучахъ солнца, процессія тронулась. Впередѣ играли на флейтахъ самую печальную музыку. Потомъ шли друзья, пріятель и дальніе родственники Поликла. Какъ покойникъ не видалъ близкихъ родственниковъ, то вольноотпущенные несли ложе, на которомъ лежалъ Поликль въ бѣлой одеждѣ, съ вѣнкомъ на головѣ и прикрытый пурпуровымъ одѣяломъ, до такой степени покрытымъ вѣнкомъ, что не видать было его великолѣпной вышивки. Подлѣ шли рабы и несли сосуды съ мазями. За ложемъ слѣдовали женщины. Между ними была и Клебула съ матерью.

Процессія скоро дошла до сада, посреди котораго навалень былъ костеръ. Ложе поставили на самый верхъ. На костеръ бросили сосуды съ мазями и другія вещи, и зажгли его факеломъ. Черезъ нѣсколько минутъ пламя распространилось повсюду и раздался плачъ присутствующихъ. Со слезами истинной печали подошла Клебула къ костру и бросила сосудъ съ душистою мазью. Въ своей горести она забыла осторожность и слишкомъ приблизилась къ огню, который отъ вѣтра метался во всѣ стороны. Въ страхъ многіе вскричали:

— Помогите!... помогите!

Харикль, забывъ вслѣдъ прищипъ, подоцтылъ въ молодой вдовѣ, затушилъ руками загорѣвшееся платье и повелъ испуганную, дрожащую Клеобулу къ матери.

Большая часть провожатыхъ ушла, лишь немногіе остались, набрали прахъ и кости и закопали въ землю. Женщины простились со свѣжею могилою и всѣ удалились.

Харикль пошелъ съ Софилемъ. Они разговаривали между собой о несчастныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ невѣрнаго судебнаго разрѣшенія спора о завѣщаніяхъ. Харикль не могъ скрыть своего удивленія о дурной репутацин Созла. Онь показалося ему оцды одромнымъ и потрениымъ человекомъ; Харикль сталъ даже сомнѣваться въ справедливости обвиненія.

— Кто можетъ подумать, оудя по наружности, что это диній человекъ? сказалъ Харикль.

— Многѣ естъ тавихъ людей, возразилъ старикъ: они камутся ниже травы, тише воды, но въ сердцѣ у нихъ столько злобы что они всегда готовы одѣлать всякую подлость, если видать въ томъ пользу для себя.

У воротъ они разошлись.

Во всю дорогу за дини слѣдовалъ какой-то рабъ. Тенаръ онь остановился въ нерѣшимости, за которыми продолжать путь.

— Молодые шедры! подумалъ онь и пошелъ за Харикломъ.

Въ пустой уличѣ, на которую выходили одни садовыя стѣны, онь удвоилъ шагъ и подошелъ къ Хариклу.

— Кто ты? спросилъ молодой человекъ отступая на шагъ.

— Какъ видишь!... рабъ... который можетъ-быть для тебя полезенъ! Ты, кажется, принимаешь большое участіе къ судьбѣ Клеобулы?

— Тебѣ что за дѣло? возразилъ Харикль; но самъ покраснѣлъ, и рабъ ясно увидѣлъ, что отгадалъ.

— Для тебя не всё-равно, будетъ ли наследникомъ Софилъ или Созилъ? продолжалъ онь.

— Можетъ-быть?... но къ чему этотъ вопросъ?... что тебѣ до этого за дѣло?...

— Вотъ увидишь, возразилъ рабъ. Что ты мнѣ дашь, если получишь отъ меня доказательство подложности одного изъ двухъ завѣщаній?

— Ты!... рабъ?... воскликнулъ изумленный молодой человекъ.

— Рабъ часто знаетъ самыя тайныя дѣла своего господина, возразилъ онь. Но еще разъ спрашиваю, тѣбѣ ты наградишь меня?

— Свободою, которую тебѣ слѣдуетъ получить за такое показаніе.

— Хорошо! сказалъ рабъ; но вольвоотвущенному надобно чѣмъ нибудь жить!...

— Знаю.... оттого я тебѣ дамъ пять минъ, если ты скажешь правду.

— Никто не слыхалъ твоего обѣщанія; но я тебѣ вѣрю.... Моего господина зовутъ Созимомъ, а меня Моломомъ.

И рабъ съ таинственнымъ видомъ опустилъ руку въ небольшой ящикъ, вынулъ оттуда что-то и сказалъ:

— Посмотри, вотъ печать, которою запечатали подложное завѣщаніе.

Онъ взялъ немного воску, разогрѣлъ его, прижалъ на печать и продолжалъ:

— Видишь. Поляклову печать: орелъ съ змѣею въ когтяхъ.... Ты будешь орломъ....

Потомъ рабъ разказалъ, какъ смотрѣлъ сквозь щель въ дверяхъ на мошенничество своего господина. Шорохъ, который печально сдѣлалъ Моломъ, перепугалъ преступника. Схвативъ въ поспѣшности завѣщаніе и ящикъ, Созимъ незамѣтно оставилъ на костелѣ поддѣльную печать.

— Ну! не сдержалъ ли я слова.

— Клянусь богами и я сдержу свое! вскричалъ Харикъ обрадованный этимъ открытіемъ. Я тебѣ дамъ не пять, а десять минъ. Пойдемъ теперь къ Соену.

— Нѣтъ! я тебѣ и такъ вѣрю, сказалъ рабъ. Иди одинъ. Если я тебѣ буду нуженъ, то призови меня.

И. ОЛЬХИНЪ.

==

ГРАФИЧЕСКІЙ

СПОСОБЪ ДѢЛЕНІЯ ДУГИ НА ТРИ РАВНЫЯ ЧАСТИ.

=

Излагаемый мною способъ дѣленія дуги на три равныя части такъ точенъ, что въ чертежахъ, исполненныхъ вѣрно, погрѣшности для глаза и циркуля не замѣчается. Но строгія аналитическія изслѣдованія въ каждомъ изъ подобныхъ сему способъ открывали погрѣшности болѣе или менѣе значительныя. То и я, несмотря на видимую только точность совмѣщенія, найденной прямой по данной дугѣ круга три раза, подвергаю ее аналитическому изслѣдованію.

И такъ пусть будетъ дана дуга круга ard . Найти линію, которая, будучи по ней отложена, совмѣщалась бы три раза?

Для этого данную дугу ard въ точкѣ r прямою ArB дѣлю пополамъ, провожу касательныя am и rm ; изъ нихъ rm , въ точкѣ q дѣлю пополамъ и провожу Aq ; отложивъ $Ac = Aq$, и проведу ac , возьму на ней $ab = \frac{2}{3} ac$, которая и будетъ искомая линія. (Черт. 1.)

Аналитич. опредѣленіе. Положимъ уголъ $aAd = \alpha$.

Изъ чертежа видно, что $rm = \tan \frac{1}{2}\alpha$, $pq = \frac{1}{2} \tan \frac{1}{2}\alpha$.

Изъ прямоуг. треугольника Арq выводимъ

$$Aq = \sqrt{\frac{-2}{Ar + pq} - \frac{-2}{pq}} = \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha}.$$

Съ другой стороны, такъ какъ ac есть сторона треугольника aAc , въ которомъ $Aa = 1$, $Ac = Aq$ и уголъ $aAr = \frac{1}{2} \alpha$, то получимъ:

$$ac = Aa + Aq - 2Aa \times Aq \cdot \operatorname{Cos} \frac{1}{2} \alpha,$$

или, подставляя равныя вмѣсто равныхъ, будемъ имѣть:

$$ac = 1 + 1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha - 2 \operatorname{Cos} \frac{1}{2} \alpha \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha}$$

$$\text{и } ac = 2 - 2 \operatorname{Cos} \frac{1}{2} \alpha \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha} + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha.$$

Вычислимъ теперь эту величину по приближенію, откидывая только 4-я и высшія степени угла α .

Такъ какъ вообще

$$\operatorname{tang} \varphi = \varphi + \frac{\varphi^3}{3} + \dots$$

$$\operatorname{Cos} \varphi = 1 - \frac{\varphi^2}{2} + \dots$$

то и получимъ

$$\begin{aligned} \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha} &= \left(1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha\right)^{\frac{1}{2}} = 1 + \frac{1}{8} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha = \\ &= 1 + \frac{1}{8} \left(\frac{1}{2} \alpha + \frac{1}{24} \alpha^3\right)^2 = 1 + \frac{1}{8.16} \alpha^2 \end{aligned}$$

$$\operatorname{Cos} \frac{1}{2} \alpha = 1 - \frac{1}{8} \alpha^2$$

$$\begin{aligned} \text{по этому } \operatorname{Cos} \frac{1}{2} \alpha \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{2} \alpha} &= \left(1 - \frac{1}{8} \alpha^2\right) \left(1 + \frac{1}{8.16} \alpha^2\right) = \\ &= 1 - \frac{15}{8.16} \alpha^2 \end{aligned}$$

$$2 - 2 \cos \frac{1}{3} \alpha \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{4} \alpha} = 2 - 2 \left(1 - \frac{15}{8.16} \alpha^2 \right) = \\ = \frac{15}{4.16} \alpha^2$$

Придавъ же $\frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{4} \alpha = \frac{1}{4.16} \alpha^2$

Получимъ $ac = \frac{15}{4.16} \alpha^2 = \frac{1}{4} \alpha^2$

Отсюда $ac = \frac{1}{3} \alpha$ и наконецъ

$$af = \frac{2}{3} ac = \frac{1}{3} \alpha.$$

Пусть будетъ δ разность между найденною хордою af и истинною af' , которая равна $2 \sin \frac{1}{6} \alpha$. найдется

$$\delta = af - af' = \frac{1}{3} \alpha - 2 \sin \frac{1}{6} \alpha$$

но какъ вообще $\sin \varphi = \varphi - \frac{\varphi^3}{6} + \dots$

Слѣдовательно $\sin \frac{1}{6} \alpha = \frac{1}{6} \alpha - \frac{1}{6} \cdot \frac{\alpha^3}{6^3} + \dots$

и $2 \sin \frac{1}{6} \alpha = \frac{1}{3} \alpha - \frac{1}{3} \cdot \frac{\alpha^3}{6^3} + \dots$

По этому $\delta = \frac{1}{3} \cdot \frac{\alpha^3}{6^3} = \frac{1}{648} \alpha^3 = 0,0015 \dots \alpha^3$

И такъ если дуга α не превышаетъ единицы, то способъ вѣрнѣе до одной тысячной; если же дуга α будетъ менѣе единицы, то приближеніе еще значительнѣе. Напримѣръ, при $\alpha = \frac{1}{2}$ (а это предположеніе относится къ углу превышающему двадцать восемь градусовъ), величина погрѣшности δ будетъ

$$\delta = 0,0015 \cdot \frac{1}{8} < \frac{2}{10000},$$

Если будетъ дана дуга ABC , которую должно раздѣлить на

три равныя части, то раздѣливъ ее произвольно въ точкахъ n , m и p , основываясь на предыдущемъ, найду линію соединяющуюся по дугѣ $Ср$ въ r и s три раза; а какъ дуга $Ср$, менѣе единицы, то придавъ къ $Аn$, $\frac{1}{2}$ дуги $рС$; къ nm , $\frac{1}{2}$ $рС$; получится $Аn' = n'm' = m'С$.

Объ отношеніи діаметра къ окружности будетъ сказано.

И. З. З. КАПИТАНЪ ЗВЪГНИЦЕВЪ.

=

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
РИМЛЯНЪ ПРИ АВГУСТЪ
■
ГРЕКОВЪ ПРИ ПЕРИКЛЪ.

=

СТАТЬЯ ПЯТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Празднество, которое давали въ честь Діониса, или Баха, было самое веселое и шумное. Въ этотъ день всѣ считали обязанностью напиться до пьяна. Аэны особенно отличались великолѣпнѣмъ діонизій. Иностранцы со всѣхъ сторонъ съѣзжались, чтобы повеселиться и посмотрѣть на пышность города.

Въ прекрасное весеннее утро началось буйное празднество. Вездѣ принимали прїѣзжихъ гостей, во всѣхъ тавернахъ была пропастъ народу. На улицахъ и площадяхъ шла продажа вина и съѣстныхъ припасовъ; разнаго роду фокусники устроивали шалаши и разставляли декораціи для представленій.

Хариклъ принадлежалъ къ немногимъ, которые не принимали участія въ діонизіяхъ. Прошло уже четыре мѣсяца съ-тѣхъ-поръ какъ умеръ Поликлъ. Процессъ съ Созиломъ принялъ хорошій оборотъ. Къ признанію раба и обвинительной печати присоединилось еще третье несомнѣнное доказательство. Осторожный Поликлъ оставилъ у уважаемаго человѣка въ Эдессѣ третій спи-

сокъ завѣщанія. Такимъ образомъ Созиловъ обманъ открылся. Хариклу теперь нечего было безпокоиться о судьбѣ Клеобулы; но онъ со страхомъ и удивленіемъ видѣлъ, какъ Софилъ молдитъ бракомъ Поликловой вдовы, и нѣсколько разъ намекалъ, что хочетъ женить молодого человѣка на Клеобулѣ. Хариклъ и не прочь бы отъ этого, но онъ не забылъ предостереженія Форіона, не избирать слишкомъ богатой жены.

— Нѣтъ! послѣдую совѣту Ктезиона, думалъ молодой человѣкъ: онъ еще недавно сказалъ мнѣ: «Женись по своему состоянію.» Ни за что не пожертвую любви свободою!

Такимъ образомъ онъ предполагалъ, что побѣдилъ свою страсть.

Въ утро діонизій пришелъ къ нему Софилъ и, послѣ привѣтствія, сказалъ:

— Для праздника я хочу освободиться отъ ужасной заботы.... Завѣщаніе Поликла обязываетъ меня выдать Клеобулу замужъ.... Я ужъ слишкомъ долго не дѣлаю этого.... Два пріятеля предлагаютъ мнѣ своихъ сыновей, но они мнѣ совсѣмъ не нравятся и притомъ....

— Значитъ, ты самъ не хочешь жениться?... прервалъ его Хариклъ.

— Хотя я еще силенъ и здоровъ, однако мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ.... и я не хочу во второй разъ жениться....

— Развѣ тебѣ ничего не значитъ отказаться отъ такого богатого наслѣдства? спросилъ Хариклъ.

— Къ чему мнѣ богатство?... важно сказалъ Софилъ. Я нѣмного больше нежели мнѣ нужно.... и почти столько же сколько имѣлъ Поликлъ.... Двое сыновей умерли въ македонской войнѣ.... значитъ у меня наслѣдниковъ нѣтъ.... Конечно, у меня могъ бы быть третій сынъ.... но къ чему вспоминать непріятное?... Впрочемъ, я для самой Клеобулы не женился бы.... не выдамъ ее во второй разъ за старика.... Пусть она лучше сама выберетъ мужа и, мнѣ кажется, выборъ падетъ на тебя.

— На меня? воскликнулъ покрасѣвшій Хариклъ въ замѣшательствѣ.

Молодой человѣкъ былъ такъ восхищенъ этимъ предположеніемъ, что хотѣлъ-было изъявить свое желаніе — жениться на Клеобулѣ; но онъ вспомнилъ свое утреннее размышленіе и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, сказалъ:

— Благодарю!... Только это будетъ слишкомъ неровный бракъ!...

— Неровный? съ изумленіемъ спросилъ старикъ. Да вѣдь ей еще только семнадцатый годъ.... Или тебѣ непріятно, что она

вдова;... но она не вдова, а только несчастъ... Видъ Поддла, въ домъ свадьбы, разбито парализованъ.

— Совсѣмъ не оттого, возразилъ Харидтъ: до она слишкомъ богата, а я нехочу жить въ домѣ жены и диниться самостоятельности.

— И я бы не совѣтовалъ тебѣ жениться на такой женѣ, если бы это не была Клеобула. Она такъ невинна и неопытна, что не знаетъ цѣны богатству. И потому не разстраивай счастья своего и Клеобулы... Я видѣ знаю, вы другъ друга любите. Мне хотѣлось сегодня еще устроить обручение, но какъ ты еще не совсѣмъ рѣшился принять мое предложеніе, то мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Теперь пойдемъ... посмотримъ, какъ веселятся на улицахъ.

Весь городъ съ раннаго утра предавался удовольствіямъ. Аленскіе граждане и пріѣзжіе гости гуляли въ праздничной одеждѣ и съ вѣнками на головахъ. Во всѣхъ улицахъ алтари и арны были украшены цвѣтами. Передъ нѣкоторыми домами щедрые хозяева выставили огромныя чаны, и любимицы Баха съ охотою черпали изъ нихъ цѣлесомъ вино. Вездѣ шутили и смѣялись; но все же больше толпились у театра: съ утра въ немъ сидѣла пропасть народу. Иногда раздавалось громкое рукошлесканіе, но случалось также, что освѣщивали неудачныя выраженія автора, или актера, за худую игру.

Менше взыскательные довольствовались и удивными представленіями. На площади поставленъ былъ небольшой театръ и хозяинъ его искусно двигалъ руки, ноги и голову куколъ. Дѣти со своими мячикомъ смѣялись глядя на кривлянье деревянныхъ актеровъ. Немного дальше, двѣ дѣвушки, принадлежавшія одному Тессалійцу, смѣло скакали, обертывались и дѣлали разныя трудныя движенія между острыми мечами. Хозяинъ, къ величайшему удивленію зрителей, выпускалъ иногда изо рту искры; или глоталъ, какъ казалось, съ трудомъ книжалы и мечи. Подлѣ фокусникъ тоже показывалъ свои штуки. Чтобы зрители не слишкомъ приближались и не подиѣтали приѣмовъ, искусникъ оградился отъ любопытныхъ шкарами, за которыми поставилъ столъ съ разными приборами. Простяки земледѣльцы и рыбаки съ изумленіемъ глядѣли, какъ подъ таинственными стаканами камешки то пропадали, то являлись. Наконецъ камешки опять пропали и искусникъ вынулъ ихъ изъ ушей и носу ближайшаго зрителя. Тутъ многіе призадумались и одинъ крестьянинъ, покачивая головою, сказалъ своему сосѣду:

— Этого человѣка я никакъ не пушу къ себѣ; онъ, пожалуй, околдуетъ все мое имѣніе, такъ, что оно въ мигъ пропадетъ.

Всего болѣе смѣялся кружокъ около обезьянъ, которыя въ пестрой одеждѣ и маскахъ передразнивали людей и плясали. Актеры, изъ уваженія къ хозяйскому кнуту, были очень смиренны и послушны; но когда слуга началъ собирать у зрителей деньги, какой-то шутникъ бросилъ на сцену орѣхи, и тутъ поднялась суматоха: обезьяны, забывъ свои роли, тотчасъ бросились на орѣхи и, при смѣхѣ толпы, стали драться; поднялся шумъ, стали тѣсниться. Воры, конечно, не пропустили при этомъ случаѣ отрѣзать часть хорошей одежды, или стащить что-нибудь лучше у торговцевъ разнаго товару. Многіе изъ зрителей, выбравшись изъ тѣсноты, съ досадою замѣчали потерю пояса и кошелька. Но такіе неприятности скоро забывались, потому что въ тотъ день были діонизіи.

Между-тѣмъ какъ всѣ предавались веселью, Клеобула печально сидѣла въ своей комнатѣ и плакала: она такъ была занята мыслями о будущемъ, что не вышла со двора и не приняла участія въ весельяхъ, которыя позволялись женщинамъ въ этотъ день. Клеобула смотрѣла изъ окна на шумную толпу и искала въ ней лишь одного человѣка. Но горе молодой вдовы увеличивалось еще болѣе, потому что человѣкъ этотъ даже не взглянулъ на ея домъ. Хариклъ прошелъ молча, съ полусердитымъ лицомъ.

— Опъ меня не любитъ, сказала Клеобула, отходя отъ окна. Всѣ предсказанія солгали.... опъ забылъ меня.

Печально сѣла она на стулъ и прислонила голову къ спинкѣ. Любимая служанка, Хлора, стояла передъ нею на колыняхъ, а старушка Манто, съ участіемъ посмотрѣвъ на госпожу, спросила:

— Здорова ли ты? не испортилъ ли тебя черныи глазъ? не околдował ли ктонибудь?... И, пожалуй, позову старую ворожею; она умѣетъ заговорить всякую немочь, всякое волшебство...

Но Хлора лучше пошла болѣзнь госпожи. Она замѣтила, что молодой незнакомецъ у ручья очень понравился Клеобулѣ, которая послѣ смерти Полкля совершенно влюбилась въ Харикла. Молодая вдова всѣми силами старалась угадать, любятъ ли ее. Она брала листья маковаго цвѣту и анемона и хлопала ими въ рукѣ. Они всегда лопались, что означало взаимную любовь. Кроме того, она кидала къ потолку гладкія яблочныя сѣмена, сжимая ихъ между двумя пальцами, тщательно прятала малопѣвныя сандаліи. Хлора только любовью могла объяснить себѣ разсѣянность госпожи, которая безпрестанно была посылу.

— Нѣтъ! отвѣчала за Клеобулу молодая служанка на вопросъ Манто: наша госпожа вѣдь носитъ кольцо съ эвезійскою надписью, которая уничтожаетъ дѣйствіе чернаго глаза... У нея, вѣрно, головокруженіе; пойди приготовь лекарственное питье... врачъ научилъ тебя дѣлать его.

Манто вышла. Хлора дружески обняла колѣни госпожи и, лукаво взглянувъ на нее, сказала:

— Гадкое купанье!...

— Чтò ты говоришь? спросила Клеобула, приподымая голову.

— Я говорю, что всему виною поѣздка въ Эдессосъ, отвѣчала дѣвушка. Тебѣ надобно будетъ съѣздить въ Аргиру и покупаться въ Селемиѣ. Я слыхала, что вода этой рѣки прекрасное средство противъ сердечныхъ болѣзней...

— Какія глупости ты говоришь! краснѣя вскричала молодая женщина.

Служанка хитро улыбнулась и продолжала:

— Можетъ быть, и поближе найдется лекарство? Вѣдь есть же пословица: «чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись»... Не послѣдовать ли тебѣ этому совѣту?

Клеобула отворотилась и заплакала.

— Я уже давно знала о твоей любви, но не понимаю, отчего ты плачешь? спросила служанка. Софія предоставилъ тебѣ выбрать мужа... а чувства Харикла каждый легко угадалъ на погребеніи...

— Да... но онъ забылъ меня, сказала Клеобула сквозь слезы.

— Не можетъ быть, возразила Хлора. Не позвать ли ворожею?... Она, говорятъ, часто возвращала сердца невѣрныхъ любовниковъ, отливая восковыя фигуры и дѣлая надъ ними заклинанія.

— Нѣтъ, вѣтъ, не нужно! съ испугомъ вскричала Клеобула. Я слыхала, что такія заклинанія ставятъ въ опасность жизнь тѣхъ людей, противъ которыхъ ихъ дѣлають.

Хлора, подумавъ немного, съ радостью сказала:

— Дай Хариклу съ своей головы полуоблекшіи вѣнокъ, или яблоко, отъ котораго ты кусочекъ откусила. Такія изъявленія любви часто дѣлали чудеса.

— Неужели мнѣ навязываться? сказала госпожа вставая. Нѣтъ, Хлора, я увѣрена, ты этого не думаешь.

— Ну, такъ посовѣтуйся съ Софіомъ, примолвила Хлора. Притомъ Манто была плинкою Харикла; она можетъ сдѣлать

очень много.... Не бойся; я все устрою такъ, что невѣрный черезъ три дня возвратитъ тебѣ свое сердце.

На другое утро, когда большая часть города еще спала, Манто вышла изъ дому своей госпожи, чтобъ исполнить тайное порученіе Хлары. На улицахъ было еще тихо, хотя солнце уже выходило; только рабы шли на рынокъ и въ таберны за разными покупками. Иногда показывались также гуляки, которые продолжали ночную попойку, для праздника, до утра. Манто съѣхила къ дому Харикла. Ей очень хотѣлось женить своего питомца на Клеобулѣ. Кромѣ того, съ Манто случилось очень важное происшествіе.

Она вчера тоже гуляла и смотрѣла на площадныя представленія. Вдругъ ее кто-то дернулъ за платье. Она обернулась и увидѣла передъ собою неизвѣстнаго раба, который повелительнымъ голосомъ приказалъ ей слѣдовать за собою. Испуганная Манто пошла, и когда они достигли до тихаго, безлюднаго мѣста, рабъ внимательно посмотрѣлъ на старуху и спросилъ:

— Кто твой господинъ?

— Мой господинъ умеръ.

— Есть ли у него сынъ? живъ ли онъ?

— Нѣтъ, у него совсѣмъ не было сына; онъ и году не былъ женатъ какъ умеръ, отвѣчала изумленная старушка.

Рабъ съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на Манто и, подумавъ, вскричалъ:

— Нѣтъ, я увѣренъ, что не ошибся.... Не ты ли подняла, лѣтъ двадцать тому назадъ, выброшенное дитя рано утромъ у алтара храма Милосердія?... Потому ты снесла горшокъ съ ребенкомъ къ бабкѣ Никаретѣ.... она давно уже умерла; но заклинаю тебя богами, скажи, кому ты отдала мальчика? Это былъ сынъ моего господина, а теперь у него больше нѣтъ дѣтей.

Манто стала отговариваться, но ея замѣшательство ясно показывало, что рабъ не ошибся. Онъ умолялъ, грозилъ, такъ, что Манто было рѣшилась во всемъ признаться. Тутъ ей пришло въ голову, что Хариклу — этому выставленному мальчику — можетъ быть, несприятно будетъ имѣть этихъ новыхъ родителей. Судя по золотому кольцу и разнымъ богатымъ игрушкамъ, которыя лежали около найденнаго мальчика, онъ, казалось, былъ хорошаго происхожденія. Но Манто всё-таки не знала, хорошо ли будетъ открывать тайну до свадьбы Клеобулы. Оттого она обещала ра-

* Дѣтей выставляли въ большихъ глиняныхъ горшкахъ.

бу объявить все черезъ мѣнецъ, потому что въ эту минуту никакъ не смѣла отырывать тайны.

— Но какъ же мнѣ тебѣ вѣрить? Ты, пожалуй, куда-нибудь упрячешься, сказалъ недоувѣрчивый рабъ.

— Иллусъ Диоскуранъ!*

— Да что мнѣ въ твоей клятвѣ! Говорять, бабы клятвы держатся какъ вода въ бочкѣ безъ дна.... Чья ты?

— Кому тебѣ знать это? Если ты не вѣришь моей клятвѣ, то и это не успокоитъ тебя; вѣдь можно солгать....

Манто между-тѣмъ приблизилась къ мѣсту предсташенія и поспѣшно вѣшалась въ толпу.

Она хотѣла, какъ можно скорѣе извѣстить обо всемъ Харрилу. Когда она подошла къ его дому, то съ удивленіемъ увидѣла отворенныя двери. Въ передней Манто встрѣтила Харрилу, который говорилъ одному рабу:

— Иди скорѣе и повѣсь это объявленіе гдѣ-нибудь.... на видномъ мѣстѣ. Кромѣ того найми глашатая и прикажи ему кричать на рынкахъ въ многочисленныхъ улицахъ: «Кто найдетъ золотой перстень съ синимъ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ Сатиръ съ зайцемъ, пусть тотъ принесетъ его Харрилу сыну Харина, за что получитъ двѣ мины награжденія.» Потомъ пусть онъ скажетъ, гдѣ мой домъ, и прибавитъ, что на камнѣ есть трещина въ самой серединѣ тѣла Сатира....

Едва Манто услышала это приказаніе, она бросилась къ Харрилу, между-тѣмъ какъ рабъ выходилъ на улицу, и спросила:

— Ты потерялъ перстень?

— Да.... мать, умирая, дала мнѣ его и наговорила мнѣ много загадочнаго.

— Перстень.... не съ синимъ ли камнемъ?... спросила Манто съ испугомъ.

— Точно такъ.... развѣ ты его знаешь?

— Я видѣла его у тебя на рукѣ, отвѣчала старуха, скрывая замѣшательство.

— Но я его очень рѣдко носилъ. Вчера оно какъ-то слѣзало въ банѣ съ пальца.... и я не замѣтила этого до вечера.... Не что съ тобою?... что ты дрожишь?... Отчего пришла ты сюда такъ рано?..

— Нельзя ли намъ поговорить наединѣ?

* Касторъ и Поллуксъ.

— Теперь невозможно, я иду еще разъ въ банк... можетъ быть найду кольцо тамъ. Подожди... Я скоро вернусь...

Во всемъ городѣ снова началась обычная дѣятельность. Ктезифонъ, проходя мимо ряду столовъ мѣнялъ, увидѣлъ у одного столба пропасть народу. Желая узнать, что тамъ такое, онъ послалъ своего раба, который, возвратясь, сказалъ:

— Какъ счастливъ Сатиръ!... Хариклъ потерялъ перстень, за который обѣщавъ дать двѣ мины. Сатиръ нашелъ его; я видѣлъ у него вчера въ рукахъ точно такое, какое описано въ прибитомъ объявленіи. Сатиръ говорилъ, что нашелъ его на улицѣ...

— Или укралъ, какъ мнѣ кажется, прибавилъ Ктезифонъ... Не ходилъ ли онъ вчера со мною въ банк... точно такъ... и Хариклъ былъ тамъ... я видѣлъ у него на рукѣ кромѣ перстня съ печатью еще другое... Мошенникъ Сатиръ... вѣрно укралъ.

Хариклъ между тѣмъ напрасно обѣгалъ все мѣста, гдѣ ходилъ вчера и въ худомъ расположеніи духа возвращался домой. Тутъ подошелъ къ нему съ радостнымъ лицомъ Ктезифонъ.

— Ну, Хариклъ! вскричалъ онъ, радуйся!... перстень найденъ и тебѣ не нужно платить двухъ минь. Мошеннику, который укралъ его, надѣли желѣзную колодку...

Тутъ Ктезифонъ рассказалъ, какъ его рабъ Сатиръ стащилъ перстень, и изъяснилъ удивленіе, что за такую малочинную вещь Хариклъ предложилъ цѣлыя двѣ мины...

Молодой человѣкъ хотѣлъ отвѣчать, но у наружныхъ дверей раздавался сильный стукъ. Въ комнату поспѣшно вошелъ Софилъ. На лицѣ его выражалась надежда и страхъ. Онъ былъ такъ чѣмъ-то занятъ, что забылъ сдѣлать привѣтствіе и, обратясь къ Хариклу, сказалъ:

— Я сейчасъ былъ на рынкѣ и слышалъ объявленіе глашата... Кто тебѣ далъ перстень?

— Онъ уже найденъ, благодаря Ктезифону... Вотъ онъ!... проговорилъ молодой человѣкъ.

Софилъ схватилъ кольцо и, взглянувъ на него, вскричалъ:

— Да, да!... это онъ!... Скажи, откуда ты его досталъ?

— Его дала мнѣ мать, умирая, и приказала тщательно хранить. Помню еще, какъ она говорила: это можетъ быть самая важная часть твоего наслѣдства и доставитъ тебѣ счастье, если найдешь человѣка, которому извѣстно значеніе перстня!

— Онь я нашелся! вскричалъ Софилъ. Кляусь олимпійскимъ Зевесомъ, нашелся! Я выставилъ съ этимъ перетнемъ своего третьего сына.... Миѣ казалось, что двухъ наследниковъ будетъ довольно; но они умерли и, наконецъ, теперь я нахожу третьего сына.... Вѣдь ты мой сынъ.... о, какъ я радъ!...

Шумная радость отца и сына подняла весь домъ. Манто тоже прибѣжала и когда ей рассказали, въ чемъ дѣло, то она обняла молвіи Харикла и вскричала:

— Да! я подняла тебя у храма Милосердія и принесла твоей бездѣтной пріемной матери, которая давно задумала, хоть обманомъ, подарить своего мужа сыномъ.... Все очень хорошо удалось, Харинъ былъ очень радъ и заботливо воспиталъ ребенка.

— Такъ это ты, Манто, та старуха, о которой говорилъ вчера мой вѣрный Каріонъ? спросилъ Софилъ. Но постой! въ горшкѣ кромѣ кольца были игрушки! Гдѣ онъ?

Манто въ замѣшательствѣ не отвѣчала; но черезъ минуту она оправилась и сказала:

— Да, признаюсь, я оставила ихъ у себя.... и онъ до-сихъ-поръ еще хранятся у меня.

— Ну, теперь нѣтъ ни какого сомнѣнія.... Хариклъ — мой сынъ! Но отчего ты не открылась моему рабу?

— Я не знала, что это твой рабъ, возразила старушка. Я боялась, что, можетъ-быть, отецъ явится не кстати и оттого можетъ не состояться одна свадьба.

— Да, и ты хорошо сдѣлала, сказалъ Софилъ. Ну, Хариклъ, теперь я твой отецъ и вотъ первое мое приказаніе: женись на Клеобулѣ.... Неужели ты еще станешь отказываться?

— Да, я только этого и желаю! воскликнулъ Хариклъ.

— Теперь ты, конечно, уступишь мнѣ дочь Пазія? примолвилъ Ктезфонъ.

— Тебѣ? спросилъ удивленный Хариклъ. Оттого-то ты такъ странно говорилъ тогда со мною.... Значитъ, ты хотѣлъ пожертвовать любовью?

— Охотно! вскричалъ молодой человекъ, если бы только моя жертва осчастливила тебя.

— Прекрасно, Ктезфонъ, сказалъ Софилъ. Но теперь, Хариклъ, пойдемъ къ Клеобулѣ.... Ты останься тутъ.... не то.... пожалуй все выболтаешь.... Сходи къ Клеобулѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ своему рабу: и скажи, что я скоро буду и приведу пріятнаго гостя.... Но ни слова больше, слышишь?.... А ты, Хариклъ, одѣнься по праздничному, какъ слѣдуетъ жениху.

— Послушай, Кутисонъ, прости Сатиру, сказала Маринъ уходя. Если бы она не украла коровы, то я не была бы теперь такъ счастлива.

— Мешеникъ не заслужилъ этого, возразилъ Кутисонъ; но я всё-таки исполню твою просьбу.

Клебула между-тѣмъ гуляла съ Хлорою въ саду. Служанка срывала розы и фиалки, а госпожа, прислонясь къ дереву, потяла. Черезъ нѣсколько времени Клебула стала застѣною хитона (длинной рубашки) вырѣзывать въ молодой корѣ слона. Вдругъ она сказала служанкѣ:

— Ты кажется говорила вчера, если въ ушкѣ зазвучитъ, то она насъ говоритъ?

— Точно такъ, отвѣчала дѣвушка. Но что ты такъ дѣлаешь?... Кажется ты вырѣзаешь дереву свои тайныя мысли.... Нельзя ли посмотреть.... «Прекрасенъ Харинъ.... прекрасна Клебула».

— Полно читать, сказала молодая вдова.... Но вотъ счастливыи знакъ.... посмотри какъ у меня заморгалъ правый глазъ.

Тутъ она, обратившись къ солнцу, чихнула.

— Твои мечты вѣрно сбудутся.... ты чихнула, зашѣтала служанка.

— Гдѣ такъ долго пропадаетъ Манто? съ нетерпѣніемъ спросила Клебула. Я не видала ее все утро.

Тутъ въбѣжалъ посланный Софила и объявилъ о скоромъ приходѣ гостей.

Клебула покраснѣла, а Хлора съ любопытствомъ спросила: кто придетъ съ Софиломъ.

— Не знаю, отвѣчалъ рабъ.

— Можетъ-быть, съ нимъ чужой, а на немъ одѣтъ хитонъ безъ рукавовъ.... Пойдемъ Хлора.... одѣнь меня.

Хлора пошла съ госпожею въ женскіе покои и открыла большіе ящики, въ которыхъ хранился гардеробъ. Тутъ лежало множество разной одежды: дорическіе хитоны, рубашки изъ двухъ продолговатыхъ кусковъ сшитыхъ только до груди. Концы застегивались на плечахъ пуговками. Такимъ образомъ зашѣтали незашитыя прорѣхи рукава. Длинные широкіе іоническіе хитоны съ широкими рукавами. Эти рубашки имѣли отворотъ, *diploidion*, который складками опускался ниже груди. Ионическіе хитоны были такъ длинны, что ихъ подпоясывали и вздергивали, отчего рубашка висѣла черезъ поясъ параллельно съ отворотомъ. Въ ящикѣ находились тоже разныя огромныя платки, *himation*, которыя одѣвали сверхъ хитона, застегивая на разномъ разстоянн

отъ концевъ края, такъ, что застежки приходилась на правую плечъ, а платокъ складками ниспадалъ ниже колѣнъ.

Клеобула долго не рѣшалась, что одѣть. Хлора вынулъ хитонъ съ вышитыми цвѣтами. Госпожа посмотрѣвъ на него сказала.

— Нѣтъ, это слишкомъ нестро.... Вышь бѣлый хитонъ съ красными полосами на боку и разрѣзными рукавами.... Хорошо.... дай поясъ.... Заплетать волосы нѣтъ времени.... впрочемъ и такъ будетъ хорошо.

Клеобула посмотрѣлась въ маленькое ручное овальное зеркало.

— Надобно будетъ одѣть другіе башмаки.... эти пурпуровые слишкомъ богато вышиты золотомъ.... дай те бѣлые съ красными завязками.

Едва Хлора успѣла одѣть свою госпожу, какъ вошла служанка и доложила о приходѣ Соэила съ какимъ-то молодымъ человекомъ.

— Ну, если это Хариклъ! шеннула Хлора на ухо покрасѣвшей Клеобулы.

Она действительно увидѣла его. Тутъ послѣдовало объясненіе взаимной любви и Соэилъ улыбаясь сказалъ:

— Я такъ и думалъ, Клеобула, что ты охотнѣе выйдешь за него нежели за меня. Но теперь нечего терять времени.... Сегодня будетъ обрученіе, а послѣ завтра свадьба....

Такое поспѣшное бракосочетаніе, какого требовалъ Соэилъ, не было рѣдкостью въ Греціи и не приводило неисту въ недоумѣніе или замѣшательство. Долгихъ приготовленій не нужно было дѣлать. Во всякомъ домѣ, гдѣ были дѣвицы, всегда хранился огромный запасъ платья для приданого на случай сватовства. Въ богатыхъ же домахъ готовое приданое имѣлось въ изобиліи. Не смотря на то въ два дня надобно было одѣвать многое. Обручиться, какъ предписывали законы, принести богамъ жертвы, назвать къ свадебному пиру гостей....

Хариклъ согласился уступить просьбѣ отца прожить нѣсколько времени въ его домѣ. У Соэила наскоро очистили и богато украсили женскіе покои. У наружныхъ дверей развѣсили флаконы цвѣтовъ, въ знакъ наступающаго торжества. Въ домѣ все кипѣло, Особенно заняты были поварь и его помощники приготовленіями къ пиру, на который пригласили множество родственниковъ и знакомыхъ жениха и невесты. Даже Форіонъ отступилъ отъ своей привычки никого не посѣщать и обѣщалъ непременно

прійти съ Пазіемъ, котораго дочь сговорили уже съ Ктезиономъ.

Въ утро свадьбы Манесъ бережно разложилъ въ Харикловой комнатѣ праздничную одежду. Главное мѣсто занималъ хитонъ изъ самой тонкой милезійской шерсти и бѣлосвѣтлый химатионъ, который для свадебнаго торжества не имѣлъ красной каймы. Тутъ же стояли красивые башмаки съ пурпуровыми ремешками и золотыми пряжками, вѣнки изъ миртовыхъ вѣтокъ и филокъ, и два серебряныхъ сосуда съ душистыми мазиами. Самъ женихъ еще оставался съ Ктезиономъ въ бавѣ. Оба должны были прійти за невѣстою, потому что Хариклъ назначилъ Ктезиону вести невѣсту.

Между-тѣмъ въ домѣ Клеобулы хлопотали не меньше, какъ у Софла. Солнце приближалось уже къ закату, а невѣста все-еще не совсѣмъ была убрана. Она сидѣла на стулѣ и смотрѣлась въ небольшое серебрянное зеркало. Хлора расправляла локоны госпожи, а мать Клеобулы одѣвала невѣстѣ жемчужныя серьги.

— Скорѣе: съ нетерпѣніемъ сказала Клеобула служанкѣ! что ты сегодня такъ копаешься.... Менадора, сходи въ садъ и смѣрь тѣнь гномона....

— Вѣдь у насъ тутъ есть клепсидра, замѣтила Хлора, до заката солнца изъ нея вода должна выбѣжать еще разъ....

— Не можетъ быть, вѣрно ее слишкомъ поздно наполнили водою, возразила Клеобула. Менадора, пойдн въ садъ, посмотри на солнечныя часы....

При великолѣпнн и комфортѣ древнихъ, у Грековъ и Римлянъ однако не доставало многихъ удобствъ, которыя теперь считаютъ необходимою. Немного найдется у насъ даже бѣдныхъ семействъ, гдѣ не имѣлось бы часовъ. А въ Римѣ только пятьсотъ лѣтъ послѣ построения города стали вводиться часы самаго несовершеннаго устройства. Къ этому присоединилось потомъ раздѣленіе дня. Отъ полуночи до полуночи считали какъ и у насъ двадцать четыре часа; но это дѣлалось вотъ какъ.

Время между восходомъ и закатомъ солнца дѣлили на двѣнадцать частей, а ночь на четыре вигиліи. Оттого часы раздѣлялись вѣрно только въ равноденствіи. Въ другіе же дни одинъ и тотъ же часъ бывалъ въ разное время. Такъ напримѣръ одиннадцатый часъ дня былъ зимою въ три, а лѣтомъ въ пять часовъ по нашему раздѣленію.

Долго считали часы такимъ способомъ и поздно уже стали отмѣчать въ календаряхъ длину дней по часамъ равноденствія.

Солнечные часы (*horologium solarium*), заимствованы Греки отъ Египтянъ въ началѣ пятого столѣтія до Рождества Христова. Въ Римъ же они введены были гораздо позже. Уже съ самаго начала этимъ снарядамъ давали разныя формы. Употребляли полукруглыя, вогнутыя, плоскія, четырехугольныя, стѣнкообразныя, коническія и такъ далѣе. Всѣ эти часы имѣли указатель (*gnomon*), иглу, которой тѣнь указывала на одну изъ одиннадцати черточекъ доски. Когда тѣнь находилась за одиннадцатою чертою, то говорили, какъ у насъ двѣнадцатый часъ, а когда передъ первую, то говорили первый. Снаряды этого роду устраивали иногда въ очень огромномъ видѣ; напримѣръ при Августѣ математикъ Моній сдѣлалъ гномонъ изъ обелиска на римскомъ марсовомъ полѣ.

Однако такіе снаряды годились только въ хорошую погоду. Черезъ сто лѣтъ послѣ введенія въ Римъ солнечныхъ часовъ появились тамъ водяные (*clepsydrae*), которые походили на нынѣшніе песочные. Они скоро вошли въ общее употребленіе и въ богатыхъ домахъ были особыя рабы, *buccinatores*, которые объявляли объ истеченіи часа и переворачивали снарядъ. О клепсидахъ всего чаще упоминаютъ при судейскихъ разбирательствахъ. Аевняне употребляли водяные часы для измѣренія времени, въ продолженіи котораго ораторъ могъ говорить. Къ этимъ снарядамъ приставленъ былъ особый *erythros*, объявлявшій объ окончаніи назначеннаго времени.

Въ Полкловомъ саду была полукруглая площадка. Длинная жердь служила указателемъ и на каждый шагъ на краю полукруга приходилось по часу. Мендора исполнила приказаніе госпожи и объявила, что тѣнь еще только на осьмомъ шагу и значить до вечера еще далеко.

Наконецъ Хлора одѣла невѣстѣ перевязку и приколотла ея. Мендора завязала у госпожи бѣлые ремешки башмаковъ, вышитыхъ золотомъ. Потомъ мать открыла ящичекъ и вынула широкое ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней въ золотѣ и зѣбевидныя браслеты для окончательнаго украшенія своей милой дочери.

Клебула въ послѣдній разъ посмотрѣлась въ зеркало. Потомъ служанки убрали разбросанную одежду, а невѣста съ нетерпѣніемъ и страхомъ ждала свадебнаго поѣзду.

Вода еще разъ вытекла изъ клепсидры и солнце уже совсѣмъ сѣло. Наступили сумерки. Тутъ подъѣхала къ дому богато украшенная повозка, въ которой невѣстѣ назначено было отправиться къ жениху. Хариклъ вошелъ съ Ктезиономъ и Сономъ

въ комнату. Они держали локёту лѣзъ дулъ матери и лорданъ ладъ покрываломъ къ фоворкѣ. Женки и проводатый локёты, Клебубу, сѣли подкѣ мая съ обѣихъ сторовъ. Мать зажгла свѣдобный свѣтъильникъ. Ея пригѣру послѣдовали всѣ, которые дрѣссодѣлились къ процессіи. Раздалась звуки смѣять и веселая нѣснѣ, и локѣдъ тронулся.

Молодые подгѣхали къ Соелову дому и подошли къ наружныиъ дверямъ. Тутъ, по древнему обычаю, ихъ встрѣтили символическииъ дождемъ разныхъ лакомствъ и мелкой монеты. Потомъ Харикъ пошелъ съ Клебубуою къ празднично освященную комнату. Съ одной стороны стояли лажы для мужчиинъ, а съ другой стулья для женщиинъ. [Тутъ начался пиръ, который однако продолжался только до полуночи. Когда свадебные пироги были съѣдены, мать Клебубуы повела молодыхъ къ отдаленной спальнѣ, ѣхаломъ. Передъ запертыми дверями еще разъ раздалось веселое нѣтнѣ хмеленствъ. Обрядъ бракосочетанія былъ конченъ. Клебубуу уже называли женою Харика.

Кончатъ воротился тутъ къ занимательному вопросу объ общественномъ и семейномъ положеніи древнихъ классическихъ женщинъ.

Изъ словъ Платона, Аристотеля, Демокрита и другихъ писателей можно заключить, что Греки цѣнили женщинъ ни во что. Конечно, нельзя сказать, чтобы въ то время не существовало въ классической землѣ семейнаго счастья; иногда даже жена брала верхъ надъ мужемъ умственными способностями, или богатыми придаными; но вообще мнѣнія о значеніи женщины были тогда самыя варварскія. На дѣйствія и жизнь Гречанокъ ни въ домашнаго круга обращали мало вниманія. Если же случалось, что какая-нибудь гражданка отличалась на политическомъ поприщѣ, то честь всѣмъ отдавали ей мужу или отцу. Въ сльдствіе такихъ мнѣній, женщины были совершенно лишены самостоятельности. Онѣ не имѣли ни какихъ общественныхъ правъ, не смѣли заключать условій. Если даже мужъ дѣлалъ что-нибудь по просьбѣ жены, то это считалось надѣйствительнымъ. Такому пренебреженію къ женщинамъ соответствовало и воспитаніе дѣвушекъ. Школъ въ Аонвахъ и въ большей части Греціи для нихъ не существовало, а учителей не нанимали. Все ихъ воспитаніе предоставлено было матерямъ и наикамъ, которые обучали дѣвушекъ тому, что считалось самымъ необходимымъ знаніемъ женщины, ея назначеніемъ,— ткать и прастъ,— поэтому образованныя Гречанки, исключая этеръ, были рѣдкостью. Сверхъ того онѣ не имѣли главнаго способствую-

иного предосты и, конечно, образованія, обладанія съ причинными, не только съ чужими, но и съ близкими родственниками; даже съ отцомъ или мужемъ, онѣ являлись очень мало, потому что тѣ проводилъ почти всея день въ публичныхъ обществахъ и на улицахъ, а въ домѣ обыкновенно шли на разныхъ позволеніяхъ.

Хотя монетны монеты, гупасконіа, и не были гораздо или даже запертыя гаремы, но въ нихъ замечался почти весь міръ и кругъ дѣйствія замужнихъ женщинъ; двуженъ же почти всегда держали подъ замкомъ. Онѣ появлялись на улицахъ только при некоторыхъ процессіяхъ и празднествахъ. Послѣ замужства двуженка была стѣннго больше воли.

Въ Спартѣ наоборотъ замужнихъ очень часто запирали, но двуженка была малую волю, которая порядко походила до неприличной дерзости.

Но вернемся къ Афинянамъ. Послѣ замужства онѣ все-таки оставались болышею частью въ гупасконіа, которые во многомъ не походили на гаремы, но въ нихъ всё таки чужой мужчина не смѣлъ войти. Молодой женѣ неприлично было выходить со двора безъ позволенія мужа, да и это случалось очень рѣдко. Время проводила она въ обществахъ своихъ слушанекъ, и мужа никто не удерживалъ, если онѣ запирали свою жену. Старухи были гораздо болыше воли, но онѣ никогда не ходили одні, безъ слушанокъ.

Вотъ намъ явилъ богатыя Гретанія. Что касается до бѣдноты гражданъ, то они, во будучи въ состояніи имѣть болышия наприщры и слугъ, дѣлали изоникъ монетъ гораздо болыше воли.

Афинянинъ былъ до крайности стыдливы передъ мужчинами. Если онѣ стояли у окна и кто-нибудь съ улицы замѣчалъ ихъ, то онѣ краскѣя отступали. Мужчины тоже тщательно соблюдали передъ женщинами приличіе. Считалось очень грубо и неприлично войти во время отсутствія хозяйки въ домъ, гдѣ находится женщины, или говорить при нихъ непристойными слова.

Но причинъ малое отношенія двуженкъ съ мужчинами, женитьбы во любви бывали болышею рѣдкостью. Онѣ дѣлались обыкновенно по расчету, или чтобы имѣть хорошую хозяйку для присметру за домомъ. При выборѣ невесты всею болыше обращали вниманія, въ какой она семействѣ и сколько имѣетъ приданого.

Обыкновенно отецъ выбиралъ сыну жену. Иногда батюшка женѣ сына только длятого чтобы отененить его, а гуляка сыночекъ привиналъ жену какъ наказаніе.

Для законнаго гражданства необходимо было жениться на гражданкѣ же, и на оборотъ, оттого что только отъ такого брака дѣти считались законными.

Браки вдовъ были очень обыкновенны, даже мужья часто забирали своихъ женъ пріятелямъ. Вообще требовали, чтобы невесту выбирали нѣсколькими годами моложе жениха. Охраненію Грековъ подъ закономъ было причиною того, что многіе дѣлались старыми дѣвухами, не смотря на старанія отца и добрыхъ свакъ, *παρθέναιδες*.

При самомъ бракосочетаніи исполнялось множество обрядовъ. Чтобы сдѣлать бракъ законнымъ, надобно было пріступитъ къ торжественному обрученію (*egguzis*). При обрученіи назначали, что невеста получитъ въ приданое, *προίχ, ρηρηné*.

Свадьбы справлялись обыкновенно зимою. Наканунъ торжественно приносили жертвы богамъ хранителямъ брака. (*θεοί γαμήλιαι*) Зевесу и Херѣ. Кроме того приносили жертву и богамъ покровителямъ мѣста, гдѣ происходила свадьба, напримеръ въ Афинахъ Минерѣ и Артемидѣ. Въ самый день бракосочетанія приносили жертву Аеродутѣ и Эроту. Въ тотъ же день невеста и женихъ купались въ водѣ изъ одного источника или рѣки. Въ Афинахъ брали воду изъ ручья Калироя. Воду приносилъ близкій родственникъ, для невесты дѣвочка, а для жениха мальчикъ, котораго тогда называли *λυτροφωγος*. Подъ вечеръ женихъ пріѣзжалъ за невестою въ повозкѣ (*εφαναχῆς*), запряженной мулами или быками (иногда и лошадьми). Невесту сажали между женихомъ и проводатымъ невесты, *ραγαπηφωγος*, котораго избирали между близкими родственниками или между почтенными друзьями. Если женился вдовецъ, то онъ самъ не ѣздилъ за своею суженою: ее привозилъ какой-нибудь родственникъ или пріятель, котораго тогда называли *πυμφαγος*.

Передъ отъѣздомъ повозки зажигались факелы и раздавался звукъ флейтъ и пѣснь Хименея. Разряженные молодые выходили съ вѣнками на головѣ изъ повозки. У дверей, украшенныхъ цѣпями, встрѣчала ихъ цѣлая туча заколдовъ (*καταχυσματα*).

Потомъ молодые сажались за столъ и начинался пиръ, *γάμος, θοινή, γαμική*. На этотъ пиръ съзывали множество гостей, даже женщинъ, для того чтобы пить какъ можно больше свѣдѣній исполненія предписанныхъ обрядовъ законнаго бракосочетанія.

Въ Спартѣ, гдѣ почти все было иначе, какъ въ другихъ городахъ Греціи, отцы молодыхъ людей переговаривались между собою и съ ихъ обоюднаго согласія женихъ похищалъ невесту.

Символическіе свадебныя пироги, *remmata*, кажется, занимали между кушавьями первое мѣсто. Ихъ дѣлала одна женщина, которая въ день свадьбы только этимъ и занималась. Ее называли *dēmiourgos*.

Весь вечеръ невеста сидѣла подъ покрываломъ. Около полуночи ее вели въ брачную спальню *thalamos, pastas*, которую женихъ замыкалъ.

Въ слѣдующіе дни родственники дѣлали молодымъ подарки *apokalupteria*, и молодая снимала покрывало.

Со дня свадьбы, женщины проводили вѣкъ свой въ *gynēkonitis* или въ отдѣльной спальнѣ. Супруги обыкновенно обѣдали вмѣстѣ. Когда у мужа бывали гости, то жена никогда не выходила, если не желала прослыть этерою.

Жена завѣдывала всѣмъ домомъ и воспитаніемъ дѣвочекъ до замужства, а мальчиковъ до того времени, когда ихъ отдавали въ школу; она же обязана была присматривать за движимымъ имѣніемъ мужа: за одеждою, рабами, съѣстными припасами, разною посудою... Кромѣ того ей единственно ввѣряли уходъ за больными, не только за мужемъ и дѣтьми, но и за рабами. Кушанье даже въ самыхъ богатыхъ домахъ, готовила хозяйка собственноручно, только для большихъ пировъ нанимали поваровъ. Если ко всему этому мы прибавимъ, что хозяйки-жены ткали и пряли со своими служанками, то обозначимъ весь кругъ дѣйствія Гречанокъ.

Хотя въ Римѣ мнѣнія о значеніи женщины были не лучше греческихъ, однако Римлянки всё-таки имѣли болѣе свободы. Ихъ считали также, какъ и въ Греціи, рабынями мужчинъ и оны находились всю свою жизнь подъ опекою мужа, отца, или чловѣка, избраннаго правительствомъ; но гражданки могли черезъ посредство опекуновъ дѣлать кое-какіе дѣла. Притомъ мужчины обходились съ ними всегда учтиво и любезно.

Въ глубокой древности Римлянки безвыходно сидѣли дома и пряли и шили себѣ и мужьямъ одежду; но при императорахъ богатые дамы классическаго города предоставляли подобныя работы невольницамъ, а сами занимались пустяками. Главнымъ занятіемъ бывало украшеніе собственной особы. Кто имѣлъ недостатка, тотъ прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ чтобы скрыть ихъ. Говорятъ, что уже тогда умѣли отлично красить волосы, дѣлать парики, вставлять красивые бѣлые зубы изъ слоновой ко-

сти, окрашенные золотомъ, румянятся, создаютъ изъ пелушокъ и корсетовъ премилыя талии...

Съ ранняго утра щеголиха садилась передъ зеркальцами и тутъ служанки начинали взбивать ей разныя прически или прилаживать готовый парикъ. Потому шла въ дѣло, въ случаѣ нужды, *медикаменты близизны и руминца* (*medicamentum sandoris et ruboris*). При туалетѣ даже самыя хорошенькия Римлянки не забывали, какъ и наши красавицы прабабушки, наклеивать на лица мушки, но только крестообразныя, а не круглыя. Всего страшнѣе было то, что въ Римѣ, въ мѣстѣ рожденія бриветокъ, чрезвычайно часто встрѣчались женщины съ бѣлокурыми или золотыми волосами и черными бровями. Тамъ всѣми силами старались производить рѣдкости природы и не жалѣли выписывать изъ Германіи и Галліи за дорогую цѣну бѣлокурыя прически.

Окончивъ прическу щеголихи, служанки раскладывали передъ нею разныя туники и тоги. Госпожа съ любимыми служанками съ важною держала совѣтъ о выборѣ платья къ лицу. Принимавъ съ дюжиною туникъ, она отпускала наконецъ своихъ невольницъ, которыя удалялись съ величайшею радостью, потому что за каждымъ невольничьимъ движеніемъ, за каждымъ словомъ, сказаннымъ не по вутру, слѣдовало жестокое наказаніе изъ рукъ госпожи. Остатокъ дня проводили въ прогулкахъ и разныхъ удовольствіяхъ. Гражданки дѣлали другъ другу визиты, забавлялись собачками, птицами, карликами, пантомимами.... Иныя распѣвали египетскія пѣсенки, танцовали, играли въ шахматы или въ кости; другія читали, преимущественно эротическую поэзію, или отъ нечего дѣлать вышивали.... Многимъ Римлянкамъ также весьма важно было посѣщеніе храма *Fortunae virilis* (мужскаго счастья), которая, говорятъ, скрывала отъ мужчинъ тѣлесныя недостатки женщинъ. Божество это было въ такомъ поттеніи, что въ одномъ Римѣ оно имѣло два храма. Всего чаще женщины ходили въ бани; но онѣ бывали тутъ очень часто не для купанья, а для того, чтобы устраивать интрижки, де потеряхъ онѣ, говорятъ, были большія охотницы.

Римлянки имѣли передъ Греками еще то преимущество, что имѣли случай получить какое-нибудь образованіе: для нихъ устроены были школы. Матери, имѣя въ виду сдѣлать изъ своихъ дочерей красавицъ по римскому вкусу, сдавали дѣвочкамъ плеча, заставляли носить преузкіе башмаки, затягивали грудь для поправки талии, и если онѣ замѣчали, что дѣти ихъ толстеютъ, то сейчасъ кричали: «Да это будетъ атлетъ!» и заставляли бѣднѣ-

женъ нестился. На двѣнадцатомъ или тринадцатомъ году дѣвочка переставала ходить въ школу и тутъ отецъ старелся какъ-нибудь сбыть съ рукъ любезную дочку. Главное условіе было, чтобы женихъ и невеста выбирались равнаго званія и изъ хорошей фамиліи. Оттого со времени Ромула отличали свадьбы *латриціозы* и *плебейскыя*.

Когда отцы, поторговавшись и назначивъ приданое, соглашались женить своихъ дѣтей, то всѣ бросались поздравлять жениха и невесту. Потомъ приступали къ сговору. Друзья и главные члены фамиліи сговариваемыхъ собирались въ первомъ часу дня. Чаезъ этотъ считался самымъ счастливымъ для сговору. Передъ членомъ магистрата давали формальное согласіе. Словесного было достаточно, но иные искали его. Членъ магистрата, передъ подтвержденіемъ даннаго согласія, говорилъ жениху и невестѣ:

— Сговоръ и свадьба должны дѣлаться съ общаго согласія жениха и невесты. Дочь можетъ противиться волѣ отца, если гражданинъ, котораго ей предлагаютъ, былъ онезоренъ, или худо ведетъ себя....

Обыкновенно черезъ годъ послѣ сговору играли свадьбу; но для свадьбы выбирали время съ величайшею предосторожностью. Напримеръ, въ мартѣ не хорошо было жениться оттого, что къ этому мѣсяцѣ дѣлалась празднества, *Isurgia*, въ честь боговъ гробницъ; въ иные дни могли выходить замужъ только вдовы. Подобрали день, счастливый для свадьбы (*martius*), родителей приглашали родственниковъ и знакомыхъ. Невеста выходила въ белой одеждѣ надъ покрываломъ. Какъ-скоро приходилъ *жрецъ Юпитера* (*flamen Dialis*) и главный *жрецъ* (*pontifex maximus*), ихъ тотчасъ вели въ *домашній храмъ*, *aeacium*, за ними слѣдовали сговоренные и двое свидѣтелей. Двери перистыи открывались для всѣхъ и посѣтителю становился надъ портикомъ въ кенетѣ. Женихъ садился съ невестою на двухмѣтный стулъ, обитый шкурою барана, который служилъ для жертвоприношенія. Жрецъ Юпитера клалъ правую руку невесты въ правую ладонь и начиналъ объяснять обязанности жены. Потомъ онъ молился Юпитѣ, приносилъ ей въ жертву подслащенное вино, молоко и хлѣбъ, *far*.

Послѣ этого отецъ невесты дѣлалъ ей подарокъ и отдавалъ приданое. Вечеромъ зажигали у *эдиловъ* (*aediles*), зажигаемыхъ теперешнюю полицію, нѣсколько свадебныхъ факеловъ. Трое дѣтей подходило къ невестѣ, которая дѣлала видъ будто скрываетъ

ся въ объятіяхъ матери. Дѣти эти должны были быть *patrimi*, то есть, имѣть живаго отца и живую мать изъ патриціевъ. Двое брали молодую за руку, а третій становился передъ нею съ факеломъ изъ бѣлаго терновника, который, говорили, предохраняетъ отъ чернаго глаза. Наконецъ процессія отправлялась при свѣтѣ факеловъ къ дому жениха. Впередѣ несли статуи четырехъ боговъ, покровителей браковъ: *Югатина* (*Jugatinus*), бога повнovenія, *Домидука* (*Domiducus*), который велъ невѣсту къ дому мужа, *Домиція* (*Domicius*), вводившаго ее къ нарѣченному, и *Мантурну* (*Manturna*) покровительницу согласія супруговъ. Процессія шла при пѣсняхъ и крикахъ: «*Talassio! talassio!...*» Это древнее слово значить *прялка*; имъ напоминали молодой ея обязанность прясти для мужа. Женихъ встрѣчалъ невѣсту у дверей своего дому и спрашивалъ ее:

— Кто ты?

Она гордо отвѣчала:

— Тамъ, гдѣ ты будешь Каемъ, я буду Каа!...

Послѣ этого отвѣту одинъ изъ дѣтей подавалъ молодой зажженный факелъ и воды. Она гасила его. Это значило, что она желаетъ раздѣлить съ мужемъ воду и огонь, то есть жизнь. Потомъ новобрачная вымазывала косякъ дверей свпнымъ и волчьимъ саломъ, для отвращенія чернаго глаза. Вслѣдствіе этого обряду жену называли *ихог*, сокращеніе слова *ипхог*, которое происходитъ отъ глагола *ипсере* — намазывать, намасливать.

Мужъ тоже исполнялъ символическій обрядъ: онъ кидалъ дѣтямъ орѣхи; это значило, что онъ отказывается отъ легкомысленной жизни холостяка и будетъ думать объ однихъ важныхъ обязанностяхъ отца семейства. Свадьба заключалась пиромъ.

Вотъ какимъ образомъ происходило у патриціевъ бракосочетаніе, черезъ которое молодая дѣлалась *матроною*, матерью дѣтей высшаго сословія римскаго гражданства.

Бракосочетаніе плебеевъ было просто покупкой, *coemptio*. Жена покупалась у отца или опекуна, и дѣлалась оттого невольницею мужа. По закону, за жену платили только одинъ асъ (полторы копѣйки). Семейства жениха и невѣсты приходятъ къ городскому претору. Женихъ спрашиваетъ:

— Женщина, хочешь ли ты быть матерью моей фамиліи?...

Невѣста отвѣчала утвердительно и обращалась съ такимъ же вопросомъ къ жениху.

Надобно замѣтить, что слова «мать фамиліи» означаетъ мать

рабовъ. Оттого между матроною и матерью фамиліи большая разница.

Окончивъ эту формальность, вѣсколько молодыхъ людей схватывали молодую и несли въ домъ мужа. Оба семейства бѣжали за похитителямъ вслѣдъ и кричали: «*Talassius! talassius!*» что напоминаетъ похищеніе Сабинянокъ.

Уже въ первой статьѣ мы имѣли случай говорить о разводахъ. У Римлянъ, при императорахъ, они были дѣломъ обыкновеннымъ. Уже Ромулъ издалъ законъ, по которому мужъ могъ изгнать жену, если она отравила дѣтей, поддѣлала ключи, или только выпила выброженное вино. Впослѣдствіи разводы сдѣлались такъ часты, что ихъ считали непремѣннымъ слѣдствіемъ брака, и иная Римлянка мѣняла мужей почти каждый годъ.

Вотъ какъ жили древніе классическіе народы.

II. ОЛЬХИНЪ

О ПРОИЗВЕДЕНИИ СВѢТУ

ПОМОЩЮ ХИМИЧЕСКАГО ДѢЙСТВІЯ.

Горѣніе принадлежитъ къ числу явленій занимательнѣйшихъ для теоріи. Прежніе химики уже усматривали, что правильное объясненіе процесса горѣнія составляетъ одно изъ главныхъ основаній химіи. Посреди разныхъ теорій и мнѣній, понынѣ остаются неразрѣшенными многіе вопросы. Извѣстно, что при горѣніи разные тѣла издають пламя различнаго цвѣту; сѣра горитъ синимъ пламенемъ, воскъ желтымъ, и такъ далѣе. Отчего это? Не зависитъ ли цвѣтъ пламени отъ обстоятельства горѣнія? Эти и подобные вопросы вели къ изысканію связи между химическими условіями, при которыхъ тѣло сгораетъ, и цвѣтомъ являющагося пламени. Знаменитый американскій ученый, господинъ Дреперъ, профессоръ химіи въ нью-іорскомъ университетѣ, занялся этиимъ изъясненіемъ въ концѣ прошлаго года. Вотъ результатъ его опытовъ.

Сэръ Гомфри Деви давно уже показалъ два главныхъ обстоятельства, замѣчаемыя вообще при горѣніи: первое то, что обыкновенное пламя состоитъ изъ вертикальныхъ и концентрическихъ слоевъ раскаленной матеріи, тѣла обращающагося въ мельчайшія частицы, и что внутренній слой совершенно черенъ; второе, что количество свѣту зависитъ отъ изобилія твердыхъ частицъ, отдѣляющихся отъ тѣла при горѣніи. Такъ напримѣръ въ зажженной свѣчѣ самый внутренній слой частицъ воску или сала, движущихся около свѣтлыни, состоитъ изъ тончайшихъ крупинокъ угля, составляющаго основаніе составу сала, воску, дерева, раз-

ныхъ маселъ, смолъ, эфиръ, спиртовъ и прочихъ горючихъ веществъ органическихъ; второй около него слой — синій; здѣсь горитъ водородъ смѣшанный съ углеродомъ или углемъ, но въ которомъ уголь преобладаетъ; въ третьемъ, наружномъ и свѣтломъ слой горитъ углеводородъ лучшаго качества, съ большею примѣсью водорода, и онъ то производитъ при горѣніи наиболѣе свѣту.

Господицъ Дренеръ лучи испытываемаго пламени пропускалъ въ темную комнату черезъ узкое отверстіе въ металлическомъ экранѣ; отверстіе было вертикальное въ одинъ дюймъ длины и въ тридцатую долю дюйма ширины. Идущіе черезъ такое отверстіе лучи падали на стеклянную призму изъ флинтъ-гласса, которой продольная ось располагалась параллельно длинѣ отверстія, а самая призма направлена была въ кольцо, укрѣпленное приличнымъ образомъ передъ самымъ предметнымъ стекломъ небольшой зрительной трубы, или телескопа съ микрометромъ; въ глазной трубкѣ этого телескопа находились тонкія параллельныя нити. Такимъ образомъ устроенная труба стояла въ осьми или девяти футахъ отъ свѣтлаго отверстія и черезъ нее разсматривалъ ученый химикъ свѣтъ пламени. Само собою разумѣется, что зрительная труба повѣрена была относительно къ фокусу; глазное стекло и призма расположены были такъ, чтобы черезъ трубу можно было ясно и точно видѣть отверстіе, чтобы уголь уклоненія падающихъ на призму лучей съ лучами выходящими изъ нея былъ наименьшій.

Господицъ Дренеръ разсматривалъ пламя различныхъ маселъ, спирту, сѣры, водороду, и множества другихъ веществъ. Цвѣта ихъ оказывались весьма различными; несмотря однакожъ на это разнообразіе, при каждомъ пламени открывалось присутствіе всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда пламя очень ябжно и чисто, какъ напримѣръ при горѣніи алькоголю и водороду, не только можно замѣчать полосы или лучи красные, оранжевые, желтые, зеленые, синіе и фіолетовые, но также и блестящія фраунгоферовы линіи въ разныхъ цвѣтахъ.

То же самое обнаруживается и въ тѣхъ родахъ пламени, которые до нынѣ считались одноцвѣтными; напримѣръ, при горѣніи алькоголю съ свѣтильною, напитаною поваренною солью, наиболѣе видно лучей желтаго цвѣту, но видны также и другія радужныя полоски, хотя и довольно слабыя. Вообще во всякомъ пламени есть лучи всѣхъ семи цвѣтовъ, болѣе или менѣе ясныя. Особенный оттѣнокъ, или краска, пламени зависитъ отъ значительнѣйшаго изобилія лучей одного цвѣту передъ другими.

Обнаруживаніе свѣту при горѣніи представляетъ весьма сложное явленіе; не менѣе сложны и химическія обстоятельства сопровождающія горѣніе. Горящій газъ окруженъ со всѣхъ сторонъ атмосфернымъ воздухомъ; разныя теченія происходятъ тѣмъ съ большою быстротою, чѣмъ большая будетъ температура. Эти обстоятельства въ особенности дѣлаютъ запутаннымъ явленіе пламени газообразныхъ тѣлъ; большей простоты можно ожидать при изслѣдованіи горѣнія простыхъ твердыхъ тѣлъ. По этой причинѣ господиномъ Дреперомъ обращено особенное вниманіе на сжиганіе тѣлъ послѣдняго рода.

Извѣстно, что, изъ лучей различныхъ цвѣтовъ, въ которые призма обращаетъ бѣлый лучъ свѣту, красныя лучи преломляются въ стеклѣ ея слабѣе, а фіолетовыя сильнѣе всѣхъ прочихъ. Прямѣняя призму къ свѣту простыхъ твердыхъ тѣлъ, господинъ Дреперъ замѣтилъ, что съ возвышеніемъ температуры горѣнія появляются лучи болѣе и болѣе преломляющіеся. Онъ наблюдалъ свѣтъ горящаго каменнаго угля; съ увеличеніемъ жару показывались разныя цвѣтныя лучи, и когда жаръ сдѣлался самымъ напряженнымъ, представились всѣ радужныя лучи съ цвѣтами расположенными въ томъ же порядкѣ, какъ и при разложеніи призою солнечнаго бѣлаго луча; во по мѣрѣ ослабленія жару, количество цвѣтныхъ лучей начало уменьшаться, и сперва исчезли фіолетовыя лучи, потомъ синіе, голубыя и такъ далѣе, а наконецъ красныя, съ примѣсью пепельно-сѣрватаго свѣту, замѣнившіеся желтыя лучи; они долѣе прочихъ были видимы, и наконецъ тоже исчезли. Изъ этихъ и другихъ подобныхъ наблюденій слѣдуетъ заключить, что должна быть нѣкоторая связь между отѣнкомъ свѣту горящаго тѣла и напряженіемъ происходящаго химическаго процесса горѣнія, такъ, что съ усиленіемъ этого процесса число лучей сильнѣе преломляющихся усиливается въ пламени и окрашиваетъ его болѣе или менѣе опредѣленно.

Въ пламени, состоящемъ изъ концентрическихъ и различно окрашенныхъ слоевъ, горѣніе, по замѣчаніямъ господина Дрепера, происходитъ съ разною быстротою; сильнѣйшее горѣніе бываетъ на вѣншнемъ слой, находящемся въ большемъ соприкосновеніи съ воздухомъ; слабѣйшее внутри.

Эти явленія замѣчаются и въ горѣніи происходящемъ въ чистомъ кислородномъ газѣ. Тутъ также получаютъ лучи разныхъ цвѣтовъ, и еще съ большою чистотою и яркостью. Напримѣръ, при горѣніи спирту или водороду въ воздухѣ, свѣтъ довольно слабъ, и глазъ съ трудомъ замѣчаетъ крайніе лучи призмы; но

если горѣніе совершается въ кислородѣ, то красныя и фіолетовыя лучи явственнѣе показываются и притомъ фіолетовыя въ большемъ количествѣ нежели красныя.

Упомянемъ еще о весьма любопытномъ опытѣ. Помощію паяльной трубки былъ впускаемъ атмосферный воздухъ во внутреннюю часть пламени; какъ скоро это сдѣлано, тотчасъ исчезли въ призмѣ полосы краснаго и оранжеваго цвѣту, и замѣнились фіолетовыми.

Что можно теперь сказать о причинѣ появленія свѣту при процессѣ горѣнія? Давно уже нѣкоторые полагаютъ, что химическія дѣйствія сопровождаются быстрыми вибраціями или колебаніями частицъ тѣла, соединяющихся между собою. Скорость этихъ колебаній возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ силы химическаго дѣйствія. Колебанія эти сообщаются частицамъ воздуху окружающаго пламя, и впечатлѣніе колебаній или вибрацій воздушныхъ частицъ на частицы нервовъ нашего зрачка производятъ въ насъ чувство свѣту. Разумѣется, что колебанія частицъ воздуху должны быть несравненно слабѣе колебаній частицъ горящаго тѣла въ пламени. Свѣтъ мы можемъ видѣть только черезъ воздухъ и въ извѣстномъ отдаленіи отъ пламени. Положивъ глазъ въ пламя, мы ни какого свѣту не увидимъ: вибраціи частицы тамъ уже такъ быстры и сильны, что онѣ мгновенно разрушаютъ нашъ глазъ. Но если даже допустить, что въ пламени частицы горящаго тѣла движутся не быстрѣе того какъ движутся частицы воздуху, дающаго намъ ощущенія свѣту различныхъ цвѣтовъ, то и тутъ горящія частицы внутренняго слоя пламени должны были бы совершать около четырехъ-сотъ билліоновъ колебаній въ одну секунду времени, частицы средняго слоя около шести сотъ билліоновъ, а частицы наружнаго слоя, самаго яркаго, около осмип-сотъ билліоновъ колебаній. Цвѣтъ испускаемаго свѣту долженъ зависѣть отъ быстроты этихъ колебаній, и какъ волнообразная теорія свѣту лучамъ наиболѣе преломляющимся приписываетъ наибольшую скорость колебаній, то естественно, что съ увеличеніемъ напряженности химическаго дѣйствія возрастаетъ и количество лучей, подлежащихъ сильнѣйшему преломленію.

Вещественныя частицы тѣла, составляющія ихъ плотность или массу не прикасаются между собою. Между ними есть промежутки. Онѣ какъ-будто повѣшены въ пространствѣ, подобно небеснымъ шарамъ, подобно звѣздамъ млечнаго пути. Частицы эти, *атомы*, даже и въ то время когда тѣла спокойны, не чѣмъ

не соприкасаемы, и предоставлены своему натуральному положенію, находятся въ состояніи непрестаннаго колебанія, и то, что мы называемъ *температурою*, зависитъ отъ быстроты и величины размаховъ колебаній атомовъ въ массѣ тѣлъ. Если какимъ-нибудь образомъ, напримеръ усиленіемъ химическаго дѣйствія, число колебаній въ секунду времени доведено будетъ примѣрно около пяти-сотъ билліоновъ, то появится огонь. Первому числу соответствуетъ температура въ четыреста-двадцать градусовъ Реомюра. Тогда колебанія, возбужденныя въ атомахъ воздуха, производятъ въ органѣ нашего зрѣнія впечатлѣніе краснаго цвѣту. Въ подобной температурѣ находится внутренній слой пламени. Съ усиленіемъ быстроты колебаній возрастаетъ температура, и постепенно появляются лучи оранжевые, желтые, синіе. Эти явленія обнаруживаются въ такой послѣдовательности по мѣрѣ переходу отъ внутреннихъ слоевъ пламени, самыхъ холодныхъ къ наружнымъ, самымъ горячимъ.

ИР. С — Ъ

=

ДНЕВНИКЪ

РУССКАГО СОЛДАТА, БЫВШАГО ДЕСЯТЬ МѢСЯЦЕВЪ
ВЪ ПЛѢНУ У ЧЕЧЕНЦЕВЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Шамиль. — Племена. — Войско. — Распоряженія. — Гостепримство. — Наказанія за преступленія. — Обязанность женщинъ. — Свадьбы. — Красота женщинъ. — Жизнь горца вообще.

Я буду говорить о лѣвой части горъ кавказскихъ между Дарьяломъ и Каспійскимъ моремъ.

Все это протяженіе было тогда въ рукахъ Шамиля. Темна исторія его жизни, но Горцы говорятъ объ немъ вотъ что.

До предшественника своего, Кази-Муллы, онъ былъ аульнимъ муллою; но, по своему уму, познаніямъ и жизни, снискалъ довѣренность народа и вступилъ въ управленіе имъ. Въ 1839 году, при отдачѣ замка Ахульго, 22 августа, показалъ онъ Горцамъ и свою распорядительность и неустрашимость, и подчинилъ ихъ себѣ совершенно. Они называютъ его Падчшâ, что значитъ Падшахъ; недовольны его распоряженіями, но повинуются непрекословно. Называютъ его хитрой лисицей, но сознаются, что не всегда же ему самому должно быть въ дѣйствіяхъ, чтобы беречь себя для сохраненія народа. Въ личномъ мужествѣ преимущество

отдаютъ Кази-Муллѣ, говоря, что онъ никогда не показывалъ неприятелю своего затылка.

Во владѣніи Шамиля три главныхъ племени, различныхъ по языку, одеждѣ и сходныхъ нѣсколько по обрядамъ: 1, Нохчи, называемые нами Чеченцами, которые Чеченцы существовали развѣ когда-либо, теперь же это имя туземцамъ вовсе незнакомо. Сказываютъ, что былъ аулъ, называемый *Чечень*, вблизи къ нашимъ. Не мудрено, что наши, судя по его огромности, называли жителей вообще Чеченцами; впоследствии это имя распространилось и на другихъ, какъ и теперь простонародье называетъ *Чеченцами* вообще всѣхъ обитавшихъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, и *Черкесами*, живущихъ на правомъ, хотя между Горцами есть множество племенъ, совершенно между собою различныхъ. 2, Энди, наши Андейцы, или Лезгинцы. Костюмъ ихъ персидскій, или лучше древній армянскій; выговоръ — картавый. И 3, Сюли, наши Тавлинцы, живущіе вблизи снѣжныхъ горъ и потому, вѣроятно, получившіе названіе отъ тау—гора, таули—горный; совершенные Турки, не только по одежанію, но и нарѣчію, и первые принявшіе отъ Турокъ мхаммеданство. По своей осѣлости, какъ вдали отъ нашихъ и рѣдко бывавшіе въ набѣгахъ, народъ рослый, неповоротливый, но довольно здороваго сложенія.

Изъ этого племени происходитъ Шамилъ, какъ увѣряютъ тамошніе; жилъ же въ землѣ Чеченской, въ аулѣ Даргѣ, какъ центрѣ своихъ владѣній; тѣлохранителей имѣетъ изъ своихъ соотечественниковъ; знаетъ будто бы только два языка—сюлинскій и кумыкскій.

Энди—народъ малорослый, но по своему удалству друзья Чеченцамъ; Сюлинцы же, по своей неповоротливости и трусости, носятъ отъ Чеченцевъ поносное названіе *лэгз*, что значитъ рабъ, змѣя. Большею частію Чеченцы имѣютъ у себя рабовъ изъ этого племени; сами же Чеченцы называютъ себя узденями—дворянами, и стараются оправдать это названіе честностью и твердостью въ словѣ. Чеченецъ считаетъ неприличнымъ торговать чѣмъ-нибудь, и если продаетъ, то безъ уступки. По нынче Чеченцы становятся тѣми же Сюлинцами.

Одежаніе Чеченцевъ вовсе безъ затѣй, все по мѣрѣ, все къ мѣсту, ничего лишняго: въ обтяжку чекмень—чуа, шаровары узкіе къ низу, тугая обувь — чивеки или мачи, короткая рубашка,

бешметъ, и по климату шапка. Бурка и башлыкъ общи всѣмъ племенамъ.

Войско Горцевъ, или вообще Горцы раздѣлены на десятки, сотни, пятисотни, тысячи и намѣстничества *.

Наибъ или намѣстникъ, зависимый отъ общаго правителя Падчши, приказанія передаетъ въ свои аулы чрезъ мюриловъ, своихъ помощниковъ, назначаемыхъ изъ каждаго аула, которые и живутъ у него въ караулѣ понеѣльно. Такіе мюрады, люди отличившіеся своимъ удалствомъ и поведеніемъ, богобоязненностью, большею частію, въ отличіе отъ другихъ, имѣютъ награды, состоящія изъ различныхъ значковъ: разноугольныхъ звѣздъ, полулуній и треугольниковъ, серебряныхъ, своего издѣлья, съ надписью изъ Корана какого-нибудь стиха, или съ словами «такому-то за храбрость,» или «храброму изъ храбрыхъ.»

Эти медали, или знаки, они чеканятъ и изъ своего серебра, добываемаго въ самыхъ горахъ преступниками. Такія мѣста, называемыя у нихъ Сибирью, скрываются и отъ своихъ, чтобъ не было дано звать объ нихъ Русскимъ.

Получивъ приказаніе отъ намба, мюрадъ передаетъ его своимъ десятникамъ, изъ которыхъ каждый, съ крыши своего дома, повѣщаетъ свой десятокъ: когда и куда собираться въ набѣгъ, на сколько дней; или: прорыть канаву, или очистить ее, для пропуска воды; починить мостъ, или не рубить лѣсъ, какъ единственную защиту, и прочее.

Во многихъ мѣстахъ чудесно устроены водопроводы для оплодотворенія земли, и труды вознаграждаются избыткомъ хлѣба.

За вырубку лѣса налагается на первый разъ пеня 30 или 40 копѣекъ; въ другой разъ виновный заключается въ яму.

Содержаніе мастеровымъ и караульнымъ производится изъ суммы, собираемой съ виновныхъ, или изъ пожертвованій. Имѣніе умершаго безроднаго поступаетъ тоже въ этотъ запасъ.

При отравленіи въ дальній набѣгъ, лошадь каждаго осматри-

* Туземцы говорятъ, что при Шамилѣ была повѣрка или перепись народная и оказалось, что всѣхъ, готовыхъ поднять оружіе, во владѣніяхъ Шамалия, славскихъ шестьдесятъ-пять тысячъ человекъ. О женщинахъ не извѣстно; общее число мужскаго пола тоже не извѣстно. О правомъ флангѣ ничего не знаю.

вается, и если не может выдержать большого пути, оставляет съ своимъ всадникомъ дома. Потому всякій старается имѣть свою, или беретъ на прокатъ, за что не платитъ ничего и тогда, если возвращается съ добычей, какъ напиримѣрь съ скотомъ, какъ главнымъ промысломъ.

На этомъ флангѣ, по неудобству мѣста, лошадей очень мало, и онѣ не такъ красивы какъ черкесскія, гдѣ много луговъ и не рѣдкій имѣеть табунъ.

Скотъ они перегоняютъ искусно впасть, привязывая себѣ на спину надутые кожаные мѣшки. Набѣги дѣлаютъ въ свободное отъ занятій домашнихъ время, весной и по уборкѣ хлѣба осенью. Тогда въ самомъ Терекѣ дѣлаются броды. Вообще всѣ ручейки, не только рѣки, разливаются, весной, отъ таянiя горнаго снѣгу.

Безъ позволенiя намба, не имѣя отъ него записки, никто не смѣетъ отлучиться къ мирнымъ; пѣшіе кое-какъ прокрадываются, но рѣдко удается конному. На посту его пропускаютъ сначала, но на возвратномъ пути отбираютъ у него и лошадей и оружіе. Не рѣдко бываетъ, что многіе вьзять безъ позволенiя, въ необходимыхъ случаяхъ, когда угоняютъ скотину. Тогда не имѣвшая, слѣдять похитителя по разнымъ примѣтамъ: по взятой травѣ или бурьяну, въ лѣсу по сломаннымъ сучьямъ; отобранное на посту возвращается по запискѣ намба.

Цидулы эти пишутся больше слогомъ арабскимъ — утенымъ, понятнымъ не всякому, и скрѣпляются именною печатью намба.

Простолюдины хотя не знаютъ арабскаго языка, но необходимыя молитвы понимаютъ, по переводу на свой языкъ. Даже нѣкоторыя выраженiя изъ Корана богобоязненный горецъ долженъ понимать. Мулла необходимо долженъ знать арабскій языкъ, чтобъ толковать Коранъ. Ученые мульты большею частію изъ Сюлицевъ; они-то и обучаютъ мальчиковъ грамотѣ, школъ же особыхъ нѣтъ.

До Шамиля не было этихъ наamboвъ; въ аулахъ были старшины и не имѣли большой власти; воровство было повсемѣстно. Часто одинъ другаго обиралъ всего, даже бралъ въ плѣнъ и одноаульца, и продавалъ его въ дальній аулъ.

И теперь еще рѣдко кто отойдетъ отъ своей сабли на нѣсколько шаговъ безъ оружія. Чѣмъ кто больше имѣеть его, тѣмъ, значитъ, лучше умѣеть владѣть имъ—волиѣ воинъ. Неимѣющій оружія называется бабой: стѣ-сенна. Женщины не носятъ его, но въ Гильдаганѣ, гдѣ я жилъ, была одна, постоянно носившая муж-

свое платье; она даже исполняла мужскія работы—вашию и чю-ность. Случается, что вооружаются и онѣ: это при нападеніи на-шихъ на аулы.

Гостеприимство считается у нихъ первымъ долгомъ, — и отка-заться въ чемъ-либо просящему грѣшно и стыдно; но лицемеріе, вѣроломство и сребролюбіе — отличительныя ихъ черты. Гости со двора — начинаютъ ихъ судить и ругать. Чтобъ не подать подо-зрѣнія о склонности къ воровству, какъ они выражаются сами, лично они ласковы. На слова ихъ положиться нельзя. Онъ васъ любить какъ брата, но шапка серебра — вы всё-таки гяуръ — и онъ отдастъ васъ въ адекія руки. Какъ прежде онъ дѣлилъ съ вами вашу тоску, самъ плакалъ, смотря на васъ, считалъ васъ выше себя, цѣловалъ даже ваши руки, — такъ послѣ засмѣется на ваши слезы и захохочетъ какъ надъ ребенкомъ, при вашемъ грустномъ взглядѣ при прощаніи съ нимъ. Серебро тогда лишъ вьетъ въ немъ все. Какъ краснѣ онъ и остроенъ, такъ точно и глусенъ порой. Склонность ко всему прекрасному и сморый пере-колъ ко всему дурному — поразительны.

Добрая нравственность поддерживается или, прешнимъ преда-ніемъ старины, когда еще ихъ понятія были дѣвственны, или строгостью законовъ. Преступленіе наказывается или смертною казнію, или заточеніемъ въ яму.

Это ихъ тюрьма, гдѣ отверстіе сверху. Туда заключаютъ всѣхъ воровъ, если ихъ отъискиваютъ. Похитить что-либо тайно, или, какъ говорятъ, умѣть скоронить концы, еще и теперь счита-ется удалствомъ; но отырытый преступникъ наказывается жесто-ко. Укрившій уходитъ въ другое мѣдніе и живетъ тамъ или у своихъ родственныхниковъ или знакомыхъ. У воровъ для того зна-комыхъ много въ разныхъ аулахъ. Пройдетъ время нека, воръ возвращается благополучно; вскъ ограничивается тогда взятіемъ чего-нибудь изъ дому укравшаго.

Въ ту же яму сажаютъ и ослушниковъ, кто не шойдетъ въ ка-раулъ, или въ набѣгъ, или въ работу для начальниа, и держатъ тамъ три или четыре дня. Туда же сажаютъ и тѣхъ, кто не былъ въ мечети въ праздничный или недѣльный день, пятницу, «воре-сманъ», если не хочетъ дать что-нибудь изъ своихъ пожитковъ: мюрадъ приходитъ въ домъ его и беретъ одну или двѣ мѣры, смотря по вѣнѣ, кукурузы, или пшеницы, или проса, или беретъ

серпъ, «марсъ», или «пэлъ» (сиребокъ для чищенія кукурузы), вилы или косу, «мангыль». Также старшаго изъ семейства или изъ близкихъ родственниковъ бѣжавшаго къ Русскимъ. Сакля бѣжавшаго сжигается, а его братъ, или отецъ, или сынъ, заключается на нѣсколько дней, пока не передастъ о себѣ бѣжавшему. Но возвращаются рѣдко — и виновный черезъ нѣкоторое время освобождается.

Многоженство, какъ по закону Магомета, позволительно; но рѣдко кто имѣетъ двухъ женъ.

Вся домашняя отвѣтственность лежитъ на женщинѣ, какъ на рабѣ, и потому, чтобъ не ослабить хозяйства и предупредить развратъ, Шамиль хочетъ, чтобы не было ни вдовъ молодыхъ, ни дѣвъ пожилыхъ — монахинь. Дѣвушка опредѣлено одиночествовать до пятнадцати, мальчику до семнадцати лѣтъ. Пять или шесть мюрадовъ, отъ нанба, ходять по ауламъ своего владѣнія и ищутъ такихъ. Находятъ жениха, найдутъ ему и невѣсту, и если кто изъ нихъ не согласенъ, того въ яму; противника поддерживать до смерти. При согласіи, мюрады и домашніе сговоренныхъ начинаютъ стрѣлять, чѣмъ подають сигналъ къ свадьбѣ. Послѣ дѣлають приготовленія къ торжеству: богатый женихъ закалываетъ корову или быка и нѣсколько овецъ; бѣдный — одного, много двухъ барановъ. Невѣстѣ шьется рубашка, готовится платокъ или два. Дней черезъ пять или черезъ недѣлю, старшіе, мужчины и женщины, приводятъ невѣсту въ домъ жениха, и тогда молодежь начинаетъ веселиться. Во всѣ стороны сыплются пули изъ ружей и пистолетовъ, и чѣмъ болѣе останется знаковъ на стѣнахъ, тѣмъ, значить, болѣе приверженцевъ у молодого и тѣмъ краше его невѣста. Повеселась начинаютъ угощаться: въ мирныхъ аулахъ варятъ брагу (по-чеченски «нэхъ», по-кумыкски «бузъ»); у немирныхъ вичего этого нѣтъ, кромѣ одного съѣстнаго.

Прежде женихъ платилъ за невѣсту болѣе десяти тюменей, что составляетъ сто пѣлковыхъ, разумѣется, не все деньгами, а скотомъ и пожитками; нынче Шамиль ограничилъ и самыхъ красавицъ только тремя тюменями. Въ бѣдныхъ мѣстахъ, особливо близкихъ къ нашимъ, въ разоренной Чечнѣ, женихъ отдаетъ отцу или члени невѣсты только три рубля серебромъ, остальное обѣщаетъ уплатить впоследствии. Обѣщаетъ имѣть всегда на шир

жены или лошадей, или пару воловъ и корову, или нѣсколько мелкаго скота, и если захочетъ продать что изъ этого или обвѣщать, то безъ согласія жены не можетъ; грѣхъ общій, если скотина эта падеть, или будеть украдена.

Если жена не хочетъ жить съ мужемъ, то лишается всего имѣнія; развѣ мужъ дастъ ей для ея прокормленія дочь, сына же только до его возраста; если же мужъ согоняетъ жену, то отдастъ ей все принадлежащее; иногда миръ присудитъ дать ей сына, если есть, разумѣется.

Вообще женскій полъ не такъ красивъ какъ мужчины. Напрямую многіе прельщаются красотой этихъ дикарокъ: очаровательнаго я не нашелъ въ этихъ куклахъ. Правда, онѣ красивы какъ картинки, но дикій взглядъ, бездушіе въ чертахъ, съ одной чувственностью и коварство въ улыбкѣ — не могутъ назваться идеаломъ. Нѣтъ того взгляду какъ въ лицѣ скромной Европейки хотя некрасавицы. Рожденные отъ рабынь, какъ весь женскій полъ по закону Магомета — рабыни, лишенные правъ, дарованныхъ мужчинамъ, какъ бы посредницы исполненій всѣхъ прихотей мужа, несчастныя ищутъ уловки подышать свободой, стараются угодить чѣмъ-либо своимъ властителямъ, — и вотъ съ дѣтства закрадывается въ нихъ лисья хитрость. Никогда мужъ не подаритъ свою жену веселой улыбкой; рѣдкій раздѣляетъ съ ней трапезу; какъ раба, она покорна его взгляду, и какъ виноватая, во всякомъ взглядѣ его ищетъ себѣ приказанія и ловитъ его малѣйшее движеніе. Никогда онъ не раздѣлитъ съ ней радости, и если рассказываетъ ей о своемъ наѣздничествѣ, удалствѣ и удачѣ, то не для того, чтобъ удвоить свою радость, но чтобы болѣе породить въ ней къ себѣ покорности. Этимъ фанатикамъ каждая нѣжность считается неприличною, и любовь къ дѣтямъ свойственна только матери. Никогда онъ не возьметъ поцѣловать своего ребенка, никогда не полюбуется на него. Нѣтъ помощи отъ него и больной женѣ: это дѣло женское. Конь, ружье и шапка — вотъ его тоска душевная; пашня, посѣвъ и покось — забота житейская. Спросите его, каковъ его малютка, хорошъ ли, на кого похожъ, или здоровъ ли, — не узнаете ничего: онъ сошлетъ на мать.

Первый вопросъ плѣнному они дѣлаютъ: «Есть ли мать?» О

братьяхъ и сестрахъ спросить рѣдко, объ отцѣ еще рѣже. Если мать есть, то говорить, что не будетъ жить.

Такая рабская жизнь кладетъ на лицо ихъ и отпечатки рабскіе. Никогда вы не увидите на немъ сердечной тоски; если какая взглянетъ на васъ мило, то это — взглядъ только природы, или мимодетное чувство, намекъ на совершенство. Любовь ея въ-роломна, слова — огонь. Подойдете — не останется въ васъ праху; покоритесь — она адски засмѣется надъ вами. Нѣтъ въ жизни ничего отвратительнѣе какъ лицо старухи-горячки.

Эти-то качества женщинъ поселяютъ къ себѣ отвращеніе въ мужчинахъ, которые, не расширяя своего ума далѣе предѣловъ обыкновенныхъ, представляютъ себѣ женщинъ созданными рабскими.

Если бы съ молодыхъ лѣтъ въ этого прекраснаго ребенка горь, гдѣ воспримчивость какъ бы трепещетъ, вдыхать всю жизнь Европейца, то это точно былъ бы идеалъ совершенства.

Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить безусловное почтеніе горца къ старшимъ. Разительно чтутъ они память умершихъ. Хоронятъ такъ:

Въ могилѣ съ боку дѣлается углубленіе, куда и кладется покойникъ; наискось заставляются досками, и потомъ уже могилу засыпаютъ. Мертвеца обертываютъ въ халатъ, концы котораго завязываются на головѣ и ногахъ; когда опускаютъ въ могилу, держать надъ ней одѣяло и подъ нимъ снимаютъ этотъ холстъ духовные люди. По зарытіи, мулла беретъ съ могилы горсть земли и садится съ нею читать молитвы изъ Корана; по жалобномъ прочтеніи, разсыпаетъ эту горсть по всей могилѣ. Ему подають кувшинъ съ водой и лоскутокъ холста вмѣсто полотенца: омывъ и отеревъ руки, онъ беретъ холстъ себѣ. Послѣ того на кладбищѣ начинается трагедія. Если въ это время кто проходитъ мимо, то или зазовутъ его, или же непременно вынесутъ ему порцію. Къ этому времени они пекутъ блины, дѣлаютъ бѣники и сладкое тѣсто изъ кукурузовой муки, перемѣшанной съ масломъ и медомъ и обжаренной на огнѣ; мясо — необходимая принадлежность. Все это рѣжется на куски, хлѣбное треугольниками, и раздается посѣтителамъ смертнаго мѣста.

На могилахъ ставятъ памятники или деревянные, съ шаромъ наверху, на подобіе челоуѣка, или каменные. На послѣднихъ вы-

сбывается вся принадлежность: женщинъ — пошивы, очки, иглы и тому подобное; мужчинъ — все его одѣжаніе и оружіе, а богомольцу — кушаччикъ и подотылку, на которую становятся во время молитвы, и четки. Надъ убитымъ противъ непріятеля ставится длинное, конически обдѣланное бревно, съ разноцвѣтными изверху полотномъ, подобнымъ байраку.

Когда идутъ на работу, заходятъ на кладбище поклониться праху родственника; съ работы же, если съ покосу, владутъ влочекъ травы; а по уборкѣ хлѣба, или при посѣвѣ, сыплютъ на поглы зерна. Наканунѣ пятницы или недѣльнаго дня, они пекутъ блины, или дѣлаютъ сладкое тѣсто, или варятъ кукурузу и раздаютъ это частями по роднымъ и знакомымъ, црсея помануть покойнаго. Также въ положенное время поманокъ закалывается пороса или быкъ и раздѣляется между всѣми, хотя и незнакомыи, одинъ селеніе новоселко.

Правдивая жизнь горца не представляеть собою ничего замѣтальнаго. Въ свободное отъ воинственныхъ занятій время онъ совершенно безпеченъ; но, несмотря на всю свою бѣдность, онъ доволенъ собой. Рѣдко онъ призадумается, и склонить голову на руку считаетъ малодушіемъ. Надежда на свою силу и воровство дѣлаеть его разгульнымъ, но не порождаетъ въ немъ стремленія къ изысному. Или, по красотѣ самаго мѣста, онъ, упоенный дарами природы, не подвигаетъ своего ума за предѣлы снать своихъ. Не видя ничего лучшаго, онъ спокойно спитъ въ своей берлогѣ и дико рыщеть на залетномъ конѣ по дикимъ гребнямъ горъ. Въ туманѣ проходятъ дни его, хотя солнце и свѣтитъ свѣтло и природа роскошно развернута подъ голубымъ небомъ. Ученость и искусства ему чужды; равно онъ смотритъ на дикій ревъ воды, на тихій ручеекъ, на громадныя ошѣжны и на мягкій лугъ; страшный гулъ грома и могильная тишина ему одинаковы.

II.

ПЕРВЫЕ ДНИ ПЛѢВА. — РАНЕННЫЙ СТАРИКЪ. — СУДАРЬ. — УВАЖЕНІЕ КЪ УБИТОМУ. — РАЗГОВОРЫ. — ДОГАДКА. — АКА. — ЗАНЯТІЯ. — КАЛЛАМЪ. — МЕЧТЫ ПЕРЕДЪ КАМНЕМЪ. — ДНЕВНЫЯ КАРТИНЫ. — ПРИМѢЧАНІЯ.

Назадъ тому пять лѣтъ, отрядъ нашъ былъ въ большой Чет-

нѣ, въ Птичьиномъ лѣсу или на хребтѣ Копальги, славные по битвѣ, какъ для насъ, такъ и для горцевъ. Въ стычкѣ, при сраженіи шашекъ и штыковъ, съ ударомъ меча по одному изъ горцевъ, я былъ сдвинутъ и попалъ въ руки неприятеля.

Меня отвели тотчасъ назадъ. Пройдя вѣселою оземенъ, мой приставъ, который приносилъ себѣ надо мною права вѣдателя и потому законнаго владѣльца моей озебы, усѣлся и посадилъ меня отдохнуть на срубленный чинаръ. Объяснивъ хозяйну свою жажду, пошли мы къ ручью, и встрѣтились съ старухами изъ близкаго аула, спившими за добычей. Всякъ торопился, кто бѣжалъ, кто скакалъ. Изъ зависти ли къ моему хозяйну, или отъ восторженія положить хотя одного Уруса, мной готовъ былъ выстрѣлъ въ меня пулю, заводя дуло; но хозяйнъ, отстранивъ меня къ скалѣ и держа ружье наготовѣ, ворчалъ противъ дерзкаго; мной на скаку замахивался плетью, и одному удалому такъ ударить меня по плечу: съ гикомъ «Э, гауръ-йи!», повертываясь на сѣдлѣ, онъ ударялъ той же плетью своего коня.

Напившись и пройдя еще немного, мы сѣли съ Чеченцомъ, котораго я одѣлалъ добычею: мой патроны и деньги были у меня отобраны; онъ спросилъ о деньгахъ, но не объяснилъ, на мой отвѣтъ. Отобравъ, повелъ меня опять на ту поляну, гдѣ было побольше, и здѣсь передалъ другому; а самъ, толкая «брата, братъ», пошелъ дальше. Векоръ толпа меня окружила, она несла на показъ все добытое на шестѣ сраженія; Чеченцы веселились и заставляли меня играть на скрижкѣ; я спросилъ юма и началъ дѣлать подставку; тогда внимательно смотрѣли всѣ, повторяя часто «вѣрда, вѣрда.» Вѣрлатно, говорилъ, что я буду мастеръ дѣлать арбы. (Грузинскія телеги или арбы у нихъ называются вѣрдами). Кто бросалъ мнѣ кусокъ сыскама (кукурузный хлѣбъ), но я просилъ безпрестанно пить — и помолоше кто, тотчасъ отиравался съ травинкой.

Прошло часа два, я всё-еще сидѣлъ съ Чеченцами около тѣны. Русскіе штыки сверкали въ глазахъ моихъ — а мой скриженкой переходилъ изъ рукъ въ руки. Меня позвали и подвели къ носилкамъ, которые опустели передо мною чтобъ я осмотрѣлъ лежавшаго на нихъ раненаго старика. Я сказалъ, что умереть нынче же къ вечеру. «Ну, неси.» Морозъ пробѣжалъ по мнѣ, я отговорился что безъ хозяина не могу; но тутъ же подошелъ и Абазатъ, (имя Чеченца—моего хозяина) повторилъ слово «братъ»,—и мы, поднявъ носилки, стали спускаться.

Несшіе безпрестанно переминаясь, а мнѣ доставалось отды-

Завѣ всегда останавливались: тогда они дѣлили между собой свои бычки (хлѣбъ изъ кукурузы), ложили ихъ на колени и бросая каждому подъ свернутыя ноги. Другому на носѣхъ мѣстѣ, показавось бы пренебреженіемъ такое широкіе, — но такъ делалъ каждый изъ нашего круга. Закусимъ, приклонимъ водичкой — и опять въ ходъ. Смерклося; мы остановились почевать: я, какъ невольникъ, тотчасъ отправился за хвостомъ, за мной присматривали только издали.

Ружье мое и оума были переданы верховому ихъ однокольцу, въ хвосту домой сложить добычу и заставить хлѣбкомъ, чтобы опять прослѣдовать отрядъ.

Съ восходомъ солнца я стоялъ подъ тинаромъ, недалеко отъ своихъ: прочиталъ всѣ молитвы, какія зналъ, обновляясь жизнью; мнѣ не мѣшали. Обогрѣлось утро, къ намъ пришла жена старика и сестра его: старикъ былъ еще живъ, предсказаніе мое не сбылось. Поплакали и повесели опять. Сестра, также какъ и я, шла не перемѣняясь; старуха шла позади, молча. Я отдавъ молодой свой лоскутъ холста, подкладываемый на плече подъ носилки, и она, отговариваясь, взяла его съ веселой улыбкой. Наконецъ мы спустились совѣмъ внизъ, гдѣ приготовлена была для раненаго арба: уложивъ больнаго на мягкую постель и подушки, сами мы пошли назадъ. Дальше и дальше молодая развлеклась, поглядывая часто на меня сквозь слезы.

Не допросивши какъ зовутъ меня, они дали мнѣ имя Сударъ. «Быть такъ!» сказалъ я въ себѣ, когда Абазатъ, при нерешительномъ, ударилъ меня по плечу. На мой спросъ, хорошо ли это имя, Дадакъ (такъ звали молодую, двоюродную сестру Абазата и родную больнаго Микі) улыбкой, подтвердила мнѣ. Съ той поры все время я слылъ водъ этимъ именемъ.

Не удалось мнѣ слышать такого имени между нами, и сколько ни расширявалъ, говорили, что такое имя есть; мнѣ же оно казалось почетнымъ названіемъ: хозяева, прежде мирные, вѣроятно не разъ слышали между нашими слово сударъ. Какъ бы то ни было, Сударъ былъ встрѣченъ горцами какъ сударъ.

Большой изнемогалъ, его положили на сани. Дорогой разсуждали обо мнѣ, это было понятно, когда поглядывали на меня. Наконецъ одинъ изъ Чеченцевъ спросилъ меня, умѣю ли я косить, показывая на траву и махая руками: и отбѣгалъ, что учился

только нести, но могу привыкнуть и къ этому. Я толковала и такъ и сякъ, говоря: день, два, три—тамъ буду мастеръ на все. Всѣ были довольны.

Споро показался аулъ; горцы обратились ко мнѣ со словами «Гильдиганъ, Гильдиганъ!» такъ звали наше селеніе когда мы пришли къ сакламъ. Начали сбѣгаться всѣ родные и знакомые, начался плачь. Я вошелъ было слѣдомъ за ними, но мнѣ показали другую саклю. У семейства которому я принадлежалъ, было три сакли. Горцы обыкновенно располагаются такимъ образомъ, что сакля самого младшаго брата строится между саклями средняго и старшаго—последняя приходится съ лѣвой стороны, слѣдовательно сакля средняго брата будетъ справа отъ младшаго, моего горца. Тамъ меня встрѣтила дѣвушка, Хорка, сестра моей хозяйки Цацу, жены Абазата. Помѣнявшись селяномъ, я сбѣгъ у стѣны на завалину. Со двора послышался зовъ; Хорка, выслушавъ приказаніе, тотчасъ поставила передо мной какъ-то оставшіеся куски сыскила съ биремомъ*.

Не прошелъ часъ, какъ вдругъ поднялся сильный ревъ и крикъ: старикъ умеръ. Дѣвица была безъ чувствъ, любя Абазата, знала тоску его; пришелъ Абазатъ и, ударившись въ стѣну, началъ плакать. Было не до меня, я вышелъ вонъ.

Умершій старикъ, Микъ замѣнялъ мнѣ всѣмъ родного отца. Мѣсто старшинства въ фамиліи занялъ родной братъ умершаго, Акъ.

На плачь и терзаніе Дадакъ я вышелъ было помочь другимъ удержатъ ее; но горькое ея «Урусъ! Урусъ!» заставило меня воротиться.

Къ вечеру замолкло все. На поминки была заколота корова. Акъ самъ принесъ мнѣ ужинать, научалъ Абазата, какъ меньшаго изъ рода, обращаться со мной ласковѣе, ободрялъ меня, говоря, что я замѣню Микъ, что мнѣ будетъ хорошо, что они знаютъ Бога, и что хотя у нихъ нѣтъ такого блага хлѣба, какъ у насъ, но что будутъ рады всѣмъ, что Богъ послалъ.

Наутро старика скоронили. Много собралось народу изъ уваженія къ убитому на полѣ брани, и послѣ того посѣщеніе про-

* Горцы, когда время пища, тогда только и стряпаютъ; куски остаются рѣдко. Все это дѣлается по хлѣбъ. Биремъ — давнишнее квашеное соленое молоко, безпрестанно разводимое то водой, то молокомъ, съ приправою соли; кашка стоитъ круглый годъ. Къ сыскилю подаютъ въ небольшой чашечкѣ этого бирема ложки три.

должалось долго. Каждый, пришедши на мѣсто памяти, долженъ остановиться предъ толпою: всѣ приподнимаются и читають смертную молитву, гдѣ въ концѣ, при словѣ «ата'а», охватываютъ свои бороды.

Каждый разъ я былъ подводимъ передъ такое собраніе. Босой, выступалъ я мѣрно и твердо, притомъ зная ихъ полный аттестатъ — отважную поступь. Всѣ любовались; при взглядѣ же на мои ноги, показывали головой: примѣтно жалѣли, что на нихъ скоро наростетъ кора. При моемъ «эссалямъ алей кюмъ!» (Да будетъ надъ вами благословеніе Господне!) вся толпа учтиво приподнималась и отвѣчала мнѣ тѣмъ же: «ва алей кюмъ эссалямъ!» (Да будетъ благословеніе также и надъ тобой!)

Горцы предполагали, что я сынъ Сардара, то есть значительной особы или министра, или сынъ какого-нибудь генерала, что я переодѣтый въ солдатское платье офицеръ — и потому вступали со мной въ сужденія о многомъ, чрезъ двоику, бывшихъ тутъ, знавшихъ хорошо по-русски. Требовали моего мнѣнія: какъ лучше имъ нападать, съ которой стороны, представляя, что удобнѣе на аррьергардъ; смѣялись нашей попыткѣ пройти Ичкеринскимъ лѣсомъ. Любопытные, они хотѣли знать какъ живемъ мы, и когда я рассказывалъ имъ о нашихъ знаменитыхъ городахъ, всѣ дивились, восклицая: «Астафюръ-Аллахъ! Астафюръ-Аллахъ!»

Любознательность ихъ простиралась далеко. (Они любятъ поговорить, зато мастера и посмѣяться, если видятъ, что не хорошо. Умѣютъ цѣнить дорого достоинства въ человѣкѣ, но въ азартѣ и самый великій человѣкъ можетъ погибнуть у нихъ ни за что.)

Когда я сказалъ, что умѣю читать Коранъ, тотчасъ принесли книгу и заставили показать свое умѣнье на самомъ дѣлѣ. Экзаменаторомъ былъ мулла. Они говорили: «Останься у насъ: ты будешь офицеромъ». — У меня есть мать, сестры и братья, а здѣсь всѣ чужіе; но поживу и посмотрю, говорилъ я.

Вотъ какъ началась жизнь моя: со мною обходились хорошо. Первую ночь я провелъ одинъ, съ шелковками*. Вставъ утромъ, я умылся и утерся своимъ полотенцемъ, которое всегда было со мной въ походѣ и служило, какъ невѣстѣ покрывало, защи-

* Считаю лишнимъ говорить, какъ разводять червей. Шелкъ, или самыя куколки, переваренный, тереть въ рукахъ какъ вату — и прядуть. Въ некоторыхъ мѣстахъ горцы сѣютъ и хлопчатку.

твоей отъ зноя; тутъ я долженъ былъ отдать его своей хозяйкѣ, удивляясь ея просьбѣ, — и послѣ уже утирался рукавомъ рубашки, пока была, а какъ выносилась — обсушивался передъ огнемъ. Я удивлялся всему, потому что не видалъ насилій.

Черезъ пять дней Ана купилъ меня за рупіе, въ три танданъ (или въ тридцать рублей серебромъ, такъ торговля больше вѣстовая). Онъ, какъ по опыту другихъ, предполагалъ, что я не солдатъ и надѣялся взять за меня большой выкупъ. Отгибая завороты шапки, часто онъ говорилъ мнѣ: «Вотъ, если дадутъ за тебя эту полную шапку серебра — отдашь». Но на мои слова, что я солдатъ, что онъ не получитъ и трети того, онъ скоро набрасывалъ ее на голову и начиналъ шипаривать угля въ своемъ каминѣ. Чтобы вывести его изъ печали, я радовалъ его словами: «Ты знаешь вѣдь солдатскую жизнь: лучше ли мокнуть на дождѣ или вотъ такъ сидѣть съ тобой у огня? Хотя я не рабетаю, но привыкну и буду во всемъ помогать тебѣ». Онъ улыбался, покачивая головой.

Я началъ мало-по-малу привыкать къ ихъ обычаямъ и дѣлать свои филологическія усилія. Даже на другой день по взятіи меня въ плѣнъ, я переписалъ множество «общежитныхъ» словъ отъ мальчика, бывшаго у насъ въ аманатахъ* и потому-то могъ объясняться кое-какъ. Да и Чеченцамъ хотѣлось, чтобъ я скорѣй научился понимать ихъ, и для того давали мнѣ всѣ средства. Часто зазывали нарочно хорошо знающаго по-русски. Они простосердечно говорили: «Если ты будешь у своихъ, то всё-таки тебѣ пригодится: ты будешь тамъ переводчикомъ.»

Хозяинъ хвалилъ меня всѣмъ, говоря: «Ва куранъ діаша, ва джайна діаша, язунчи; дёрриге ха!» (Читаешь и Коранъ и Джайшу, пишешь по-своему и по-нашему; словомъ сказать, знаешь все до шапки!) Если я хотѣлъ сѣсть къ огню, всѣ разступались; мальчишекъ отгоняли прочь.

Часто собирались или родные, или знакомые тужить о покойникѣ. При встрѣчѣ ихъ, изъ разныхъ жилищъ поднимались всѣ фамильные и сосѣди. Не доходя до дому шаговъ съ десять, начинали завывать: кто съ сильнымъ плачемъ рвалъ на себѣ волосы, кто, поджавъ ноги, билъ себя по лицу и въ грудь — и без-

* Аманатъ — арабское слово, значитъ заложникъ, отъ амана — стрѣла.

образили себя чашкии чебечки. После алмаи въ гадилась въ кружокъ предъ поставленными блюдами съ жетвани *.

Отъ мужчинъ не требуется такого рзну. Надъ ними смѣются, если они чуть приторопятся. При такомъ собраніи они выходить изъ сакли на дворъ и составлять свою бесѣду о смерти; если же прошло недѣли двѣ, какъ умеръ покойный, то они говорить не о жизни его и общей, а о своихъ набѣгахъ, о распоряженіи своего надѣши и его напѣтничковъ, шаббашъ.

Я могъ заглядывать въ саклю. Когда церемонія оканчивалась, вдругъ переменялся разговоръ и у женщинъ, какъ будто все здорово и никто не умираетъ. Тогда входили въ саклю и мужчины и составляли два круга: мужчины у огня, женщины ближе къ порогу, или въ углу. Я не наблюдалъ ихъ обычаевъ, какъ будто не понималъ, и поднимившись то къ серьезнымъ, то къ чувствительнымъ, особенно когда между ними были дѣвушки или дѣти, и рассматривалъ ихъ рукодѣлье: кто шилъ, кто сучилъ шелкъ, кто прялъ бумагу.

Если приходятъ посидѣть, то никто не сидитъ безъ работы: или приносятъ свою, или берутъ у хозяйки дома; особенно дѣвушки должны показать свое трудолюбіе.

И вотъ, въ такомъ кругу, кое-что шилось и для меня. Прекрасошенькая дѣвушка, казалась, довольна была своими занятіемъ: она безпрестанно спрашивала меня: «Хорошо-ли такъ?»

— «Дука дѣки-ю! (очень, очень хорошо!), смѣясь отвѣчалъ я. Своимъ любопытствомъ верѣдко я приводилъ въ смѣхъ все собраніе, тогда выбиралась мнѣ невѣста: стыдливыи закрывали лицо своимъ рукодѣлемъ; которыя поемѣте, говорили Акъ о его дочери: ей было уже пятнадцать лѣтъ. Худу, или Гѣнпѣтъ, была довольно порядочная дѣвушка. *

До сихъ-поръ я жилъ между горцами безъ работы, безъ обязанностей плѣннаго или другими словами раба. Кончилась эта беззаботная жизнь къ моему удовольствію. Началась полевая ра-

* Изъ пищи: кукурузный хлѣбъ — сыскиль, вареная кукуруза — ажитъ, молоко — ширъ, кислое молоко — шаръ, творогъ — калдъ, масло — хакры, пшеничный хлѣбъ — бѣшикъ, блины — чапълыгышъ, макалыга — худыръ, черемша — тханку, галушка — галыгышышъ, лапша — гарыныгышъ, и самое лучшее джизикъ — мясо. Прочее все сласти.

* Женскій полъ цвѣтъ все по-два и по-три имени. Иногда и мужскій носить два.

боты—занятіе Чеченца. Я былъ радъ помогать имъ, боясь, чтобы они не упрекнули меня своимъ лѣбомъ.

Подходило время полоть кукурузу, или какъ они называютъ аҗгышъ-асиръ. Ака, чтобы не обременять меня, видя мое неумѣнье, бралъ два раза помощь, состоящую изъ двѣухемъ. Тутъ я то одной, то другой пособлялъ, какъ бы онѣ задавали себѣ одна передъ другой уроки; но чтобы не обидѣть ни одной, я помогалъ каждой: и такъ онѣ не знали, которая мнѣ больше нравится.

Кто еще не слышалъ обо мнѣ хорошенько и считалъ обыкновеннымъ плѣшникомъ, часто просили у Аки себѣ въ работу, кто на день, кто на два; но Ака, хотя и противъ обыкновенія, всегда отказывалъ. Мнѣ прискорбно было смотрѣть на хозяева, когда просившіе, косясь на него, уходили недовольными.

Дни проходили за днями, я становился задумчивѣе. Грусть, что я лишень свободы, не давала мнѣ мѣста. Не было обширнаго поля, гдѣ бы я могъ разгулять тоску!... И въ этой сонной жизни, отъ дремоты и бездѣйствія, я развлекалъ самъ съ собой свое одиночество: каждое утро, когда еще все тихо, я бродилъ вокругъ своей сакли; но люди и тутъ отнимали у меня послѣднее. Горцы не понимали причины моей тоски и увѣряли хозяевъ, что во мнѣ кроется какой-нибудь замыселъ черный; они часто твердили моему Акѣ о кандалахъ, говоря: «бергышъ ўи-бу! бергышъ ўи-бу! о, борсъ-йя!» (Глаза его непутны, онъ смотритъ какъ волкъ).

Это былъ мѣсяцъ моей свободы, которую я потерялъ: тутъ же тихо прошелъ цѣлый мѣсяцъ плѣшнической жизни моей между Чеченцами. Приказъ Шамиля «всѣхъ, какіе ни есть плѣшныя, словать и смотрѣть за ними строже» нарушилъ эту тишину.

Двое плѣшныхъ изъ солдатъ, убивъ девять человекъ горцевъ, бѣжали — и это самое было причиной строгости.

Два мюрада, мулла и человекъ пять зрителей пришли подвечеръ къ нашей хижинѣ, гдѣ я тогда, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ задумавшись, а мои хозяева и сосѣди, кто на арбѣ, кто на землѣ просто сидѣли и провожали день разсказами.

«Ака!» сурово вскричалъ мюрадъ, подходя къ нему съ ружьемъ подъ мышкою опущеннымъ къ землѣ, «а ты все-таки не куешь своего плѣшного: надѣнешся на него? не слышалъ, что сдѣлали его братья?»

— Онъ мнѣ достался недорого: и если уйдетъ, то потеря моя; а не кую — онъ знаетъ Бога также какъ и мы; надѣюсь, что мы всё будемъ живы, отвѣчалъ Ака.

— Мича бурджуль? (Гдѣ кандалы?)

Ака снялъ шапку, подражая нашимъ, и началъ упрямивать; но неумолчный кричалъ звѣрски: «Сѣ-сца бурджуль! сѣ-сца!» (Давай сюда оковы!)

Хозяинъ кинулся было въ саклю, крича: «сѣ-тонъ!» (ружье!)

Дѣло доходило до боя. Двоюродный братъ Аки — Янда, мулла и я ухватились за него. Я говорилъ: «Бурджуль катта-баць!» (кандалы — ничего!...)

Абазать снялъ со стѣны конскіе кандалы и подаль ихъ мюраду, который уже обнажилъ было свой кинжалъ. Я опять прислонился къ столбику подѣ навѣсомъ сакли и отдавалъ мюраду свои ноги: ворчавшій какъ воронъ на добычу, онъ вдругъ замолкъ, и, вложивъ кинжалъ въ ножны, дрожа, замкнулъ на мои ноги замокъ, съ словомъ «Гивацъ дикки-ду!» (теперь хорошо!) Ключъ взялъ къ себѣ и пошелъ, выпрямляясь важно; за нимъ, и другіе...

Считая себя лицомъ важнымъ, я былъ тогда собой доволенъ; брэнча вошелъ въ домъ и сѣлъ къ огню, любуясь своимъ украшеніемъ.... Ака сѣлъ со мной рядомъ, и молча, передвигая на своей головѣ шапку, небрежно раскидывалъ угли. Дадѣкъ и жена покойнаго Макіи укоряли меня, для чего я дался. Если бы я хотѣлъ бѣжать, говорилъ я, то для меня это худо; но мнѣ все равно и съ ними.

— Сабурде, сударь, сабурде! (подожди) говорилъ взбѣшенный Ака: «я поѣду къ Шуанну (Шагнѣ былъ намѣстникомъ въ этихъ улусахъ);— и если онъ не позволитъ, къ самому Шамилю; а ты не будешь въ кандалахъ.

— Катта-баць! катта-баць! говорилъ я.

Когда легли спать, и я также по прежнему вмѣстѣ съ Акой на одной постелѣ, Ака вздыхалъ при каждомъ звонѣ и повторялъ: «Сабурде, сударь, сабурде!»

На-утро принесенъ былъ ключъ — я былъ раскованъ тотчасъ же. Но на ночь долженъ былъ надѣвать ихъ опять. Прошелъ ныль, Ака уже не въ силахъ былъ преступить приказанія старшаго: удовольствовался тѣмъ, что я буду скованъ только ночью. Никогда онъ не хотѣлъ самъ надѣть кандаловъ на меня и не осматривалъ, когда былъ скованъ: моимъ ключникомъ былъ двоюродный его братъ Яндаръ-Бей (лѣтъ семнадцать). Какъ выво-

ной отъ подвала чѣтъ-то бурдагу, а сѣтъ займала ихъ и вытаскивала чюва, понижывая что зикнула.

Скованный, каждый вечеръ я чѣтко пѣлъ что зналъ, ничто не мѣняло мнѣ; не осмѣливался подобрать ко мнѣ и малютка Червовъ (сынъ Аки), который прежде часто засыпалъ у меня на колѣняхъ. Когда я оканчивалъ свое пѣніе и входилъ въ саклю, Ака просилъ меня пропѣть еще что-нибудь, и былъ доволенъ моимъ послушаніемъ. Передъ ужиномъ или обѣдомъ онъ видѣлъ какъ я крестился и не осуждалъ, предостерегалъ только, чтобы я не дѣлалъ того при постороннихъ. «Подунають, говоритъ онъ, что ты не хочешь у насъ жить.»

Чуть утро, хозяинъ подавалъ мнѣ ключъ и я, снявъ кандалы, шелъ тотчасъ же выпустить скотину на пастбу.

Все богатство Аки состояло изъ пары воловъ и коровы; лошадь, это первое условіе лухато горца, была отдана за меня прежнему моему владѣльцу Абазату.

Вычистивъ хлѣвъ, я шелъ опять въ саклю, бралъ кувшинъ и умывался, почти по примѣру ихъ, передъ своимъ демономъ; кончивъ омовеніе, отирался рукавомъ своей рубашки, молча на востокъ прочитывалъ молитву, означалъ надъ дверью день углемъ заравѣ для того приготовленнымъ. Такой былъ у меня календарь, незамѣтный никому въ домѣ. Входилъ въ саклю и садился передъ каминномъ, поджавъ ноги; разводилъ огонь, какъ жертвенникъ, и съ его улетомъ посылалъ свои чувства и мечты на свою родину. Въ саклѣ еще все вѣжилось; огонь разгорался, дровяной трескъ поднималъ лѣнвыхъ: одинъ по одному они шедсаживались; я уступалъ мѣсто и придвигался къ стѣнѣ, что съ порогу. Изъ нихъ каждый по своему разгребалъ или сгребалъ угли: жертвы были разные, огонь терялъ привлекательность, и мечты мои разлетались врозь. Не надолго уже я оставался тутъ и выходилъ на просторъ: солиде выкатилось и зарумянились сѣдла чела грохадъ вѣмвыхъ! Какъ отшельники отъ міра, онѣ утромъ смотрятъ на все земное!...

Мечташь, мечташь, вдругъ повелѣніе: «Сударъ! хажалъ, шчѣ бѣжешь?» (посмотри, гдѣ скотина?). Если не отошла еще сотераи далеко, видешь прогонять дальше.

Но день становится уже полнымъ днемъ: всѣ картины накрываются облаками — а горе тому, кто проспалъ утро!... Все начи-

нотъ случается. Гдѣ увидишь верхового, въ башмакѣ отъ ма-
ру; гдѣ нѣшного, съ сумкою за плечами, съ вытесанной изъ-за
нотъ, идущаго на нота; гдѣ тѣмномъ бѣдутъ тѣло, «саванчикомъ
напѣванъ «Ла илга, иль Алла!», съ набѣгу намъ съ набѣгу; бѣ-
дикъ или званя разнается у переднаго, нота джигитъ (молод-
ца)»; гдѣ видишь женщину съ ребенкомъ за спиной, подобно Мол-
давчанкѣ»; гдѣ нѣсколько женщинъ идутъ или неплануть надъ
кѣмъ, или къ кому на помощь; гдѣ дѣтъ, три дѣвушками, иногда и
съ женихомъ, идутъ за черешшой»; гдѣ цѣлая вереница жен-
скаго пола, — это древнѣ Самарянки, — идутъ съ кувшинами за
водой †. Иногда слышишь скрытъ арбы съ двумя мѣшками: то-
щя пара воловъ повивуется гиканью сѣдока. Гдѣ изъ-за лѣсу
покажется полунагой, но съ книжаломъ за поясомъ, влеча за на-
лыгачь своихъ рогатыхъ, лѣниво тащущихъ возъ дровъ... Все
окучно!... Вотъ опять показались два мѣшка съ мельницы ††, — и

• Кто узрѣвъ въ своемъ молодечествѣ и вѣрныхъ считаетъ коня свое-
го, можетъ имѣть подобный значекъ. Правда, всякій предводитель имѣеть
свое знамя; но въ его командѣ такихъ значковъ нѣсколько, смотря по
числу джигитовъ (молодцовъ, маюра-стагъ), изъ которыхъ всякій по сво-
ему вкусу прибавляетъ къ древку доскутъ одноцѣтнаго, двуцѣтнаго и раз-
ноцѣтнаго свивнаго поло:на.

•• Ребенокъ, когда въ состояніи ползати, становится къ стѣнѣ, и мать,
присѣдая, беретъ его нога вокругъ себя, и омъ руками обвиваетъ съ шее;
малютку же носить на рукахъ, какъ и наши.

••• Черешша — особенное растеніе на Кавказѣ; листья ея подобны ланд-
ышовымъ, но продолговатѣе; ихъ солятъ камъ кашусту и употребляютъ въ
ваннихъ лазаретахъ, какъ лекарство. Знать корень ея горцами употре-
бляется вмѣстѣ хрѣну; весной же молодую они варятъ въ водѣ, тогда она
имѣеть вкусъ спаржи; также жарять въ салѣ и маслѣ. Употребляется въ
пшшу и ягучая колодаля крапваа, перетираемая съ солью.

† Женщины носить воду въ большахъ кувшинахъ, мѣднѣхъ или глин-
яныхъ, ведра въ полтора. Одѣяніемъ походять на Самарянокъ: одноцѣт-
ная рубашка (больше красная), съ вставнымъ наведи свивнѣ четырехуголь-
нымъ доскутомъ до пояса и наплечіями; ахалумъ — гауталь; побогаче кто-
съ украшеніемъ серебряныхъ пряжекъ во всю грудь; побѣдѣ — съ мѣ-
днѣми, посеребренными. Зимой носить тулумы (кѣтырь). Въ пригорныхъ мѣ-
стахъ вообще женскій полъ подъ покрываломъ, хотя и откандытъ, но по-
торое, при встрѣчѣ съ мужчиной, тотчасъ опускается; въ горахъ же безъ
вскрываетъ.

†† Мельницы ихъ очень просты. По жолобу бьетъ вода въ спицы пер-

я вду въ своему огню, и клонитъ моя сонъ. Необходимо — въ тѣнѣ у сакли ложусь спать и сплю крепко. Проснусь — правды давно уже собралась провонать день: толкуютъ о бѣнжъ, объ оружїи; каждый хвалится своимъ досѣнкомъ; играютъ, забавляются какъ дѣти. Подъѣдетъ гость — занятїя останавливаются, всѣ приветствуютъ*; хозяинъ беретъ за поводъ и проситъ арїзжаго снать ружье. Если тотъ соглашается, то при входѣ въ домъ вынимаетъ изъ-за пояса кинжалъ и пистолеть.**

III.

Вечера — Возвращеніе къ Абазату. — Судъ пашъ Абазатомъ. — (Прота Далакбай. — Главнѣ воспитанїя. — Полоумный Аджиръ. — Друзья Абазата Япа и Мулла Алгозуръ. — Святїе кандаловъ. — Пашинные солдаты. — Поносъ. — Встрѣча съ Шамилемъ. — Мужикъ Петръ. — Незабвенныя слова Абазата. — Два дня въ лѣсу.

Смеркалось — я садился у порога и опускалъ голову, полную дневныхъ картинъ; темно — входилъ въ саклю и искалъ новыхъ картинъ въ своемъ огонькѣ. Тогда я былъ на родилѣ и пристально смотрѣлъ на картину семейную; представлялъ себѣ своихъ товарищей сидящими ео мною у этого горскаго каминна, гдѣ они не искали бы ни дивановъ, ни креселъ, ни стульевъ. Ложился, когда укладывались всѣ. Бренча кандалами, часто бредилъ, призывая старшаго брата, какъ отца нашему семейству.

Индивидуальной осн, на которой укрѣпленъ жерновъ, безъ великихъ колесъ и желѣза. Подобныя, какъ я слышалъ, есть въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Толщи тоже просты. Вода бьетъ также по жолобу въ четыре доски крестообразнаго колеса, такъ что на одномъ концѣ вала два бруса, вгнѣзненные крестообразно, на каждомъ концѣ которыхъ по доскѣ; на другомъ концѣ вала три, четыре кулана, поднимающіе брусъ, лежащіе параллельно къ землѣ, въ среднѣ поднимающіеся на осн; въ концахъ ихъ вгнѣзаны продолговатыя цилиндрическіе камни. Ступы же выдолблены въ кряжъ, вставлены въ полъ. Желѣза также нѣтъ.

Вѣжливость повсемѣстна. Мужчины, хотя вовсе незнакомые между собой, при встрѣчѣ другъ другу отдають «саламъ». Знакомые приветствуются пожатіемъ руки, всегда правой.

** Стыдливость почитается признакомъ добрыиъ. Ни кто, даже изъ маленкихъ, не войдетъ въ домъ врасплохъ: не вызвавъ напередъ кого-нибудь.

Поутру Ака разспрашивалъ, кого я поминую: не жену ли, или какую возлюбленную, и что такое «Ахъ, Господи! ахъ, Господи!»

Дни пролетали, а новыя наносили новой тоски. Часто говорили: «Самгаатти, самгаатти! (не случай) привыкнешь, и здѣсь будетъ хорошо.»

Часто Ака уговаривалъ меня оставить свою вѣру и принять ихъ: можетъ быть, ему хотѣлось выдать за меня свою дочь. Онъ говорилъ, цѣлуя мои руки: «Живи у меня, Сударь: можетъ быть, я скоро умру, или убьютъ меня, а останутся дѣти — и некому будетъ присмотрѣть за ними, а тебя они любить.»

Вѣры переимѣнять я и не думалъ; принужденія же у нихъ нѣтъ. Если плѣнникъ не хочетъ жить, то говорить прямо: продай меня такому-то или кому-нибудь; я не хочу у тебя жить.» Удержать нельзя: всегда сговивать — не поможетъ: въ кандалахъ плохой работникъ. Хозяинъ боится побѣга и продаетъ:

Еще какъ взяли меня, они говорили, что скоро отдадутъ назадъ Русскимъ; сначала я вѣрилъ и не брилъ волосъ головы съ мѣсяцъ; но послѣ все нѣтъ, да нѣтъ, и односторонныя картины, и ничего занимательнаго — неволью заставляло думать о роднѣ. Я часто спрашивалъ, скоро ли отдадутъ меня, тогда Ака, можетъ-быть притворно, со слезами говорилъ мнѣ: «И ты не хочешь жить со мною?» — Хотѣлъ бы, говорилъ я, но у меня есть мать, братья и сестры, а здѣсь народъ безпрестанно укоряетъ меня понапрасну и ругаетъ какъ глупа. — «Ну, если не хочешь, иди назадъ къ Абазату.» И отдалъ.

Абазатъ взялъ съ радостью, а я загрустилъ большою, думая, для чего я обидѣлъ Аку: быть-можетъ, современно было бы мнѣ и хорошо; и для чего я самъ такъ дерзко распоряжаюсь собой, когда тебѣ, ничтожный, должно бы вовсе отдаться на произволъ своей судьбы. Абазатъ наконецъ не вытерпѣлъ, видя меня печальнымъ, и началъ говорить: «Развѣ я хуже Ани, что ты терпѣешь? Если бъ я не любилъ тебя, не взялъ бы назадъ, когда уже продалъ совсѣмъ. Нето я продамъ тебя въ горы низатте: отдамъ за одного барана.»

— Я не сомнѣваюсь въ тебѣ, но къ Акѣ я уже привыкъ.

Мы наслула помирились.

Еще до меня Абазатъ, какъ удачей, подитлялъ въ однеи, шуль лошади и породамъ, со Русеишгъ; хозера, лампад, не хотѣлъ ничего какъ только, ворозить лампаду, а Русеио: просиди за нею пѣтннго; роньонии и переговоры продолжалси; и Абазатъ надѣялся отдать меня, потому-то я все и ждалъ. Но, воротитя лошадя не удалась: она перелодила у нашихъ нѣтъ рукъ въ руки. Абазатъ быль: поожентъ, въ яму на пять дней, Пиду носила да лому Хѣрка, еяго любинница; я, какъ неприятели мужичиѣ нести жоневя, повываста; тельно постычалъ его. Наконецъ онъ быль приговоренъ къ смерти. Мироды конелювали все его живѣе, остался одинъ быльсъ; двоюродный братъ Абазата, Янда, отдалъ баика; Високаѣ, еяго тесть, отдалъ свою лампад. Вот это деспалеса потчанъ.

Узнава родъ Абазата и его собственное малодетство, жители нашего аула, обратилъ къ панбу просить выюваго на поруки. Въ кровли хижинъ покрылси любопытными провожать осужденнаго. Абазатъ шелъ весело, издали прощались со всѣми родными. Дадакъ, какъ героиня, не отстала отъ мужичиѣ.

Такое чувствительнаго и живнаго сердца, какъ въ этой женщиныѣ съ героическимъ духомъ, я мало встрѣчалъ и между своими.

Возврата нѣкъ ждалъ изъ востеру. Вдругъ голоса: «Ла наляра, нѣкъ Алла! ла наляра, нѣкъ Алла!» подняли всѣхъ оставшихся въ аулѣ. Въ сѣ несорватиски хотѣлъ знати рѣшоніе намѣрежденна: Абазатъ остался у панба, въ заключеніи.

Спора судъ кончился, и мой хозяинъ воротился такъ же веселымъ какъ и порода притворочъ. Мы зажили по-прежнему.

Абазатъ и я, еяго жена, Цалу и лампадинъ Абазата, сирота Даламбай, составляли наше семейство.

Решонная природа, доброта Абазата и рѣнсад, надежда на возврата не-временнаго дѣлалъ меня, веселымъ гостемъ. Какъ поелъ невогиди, какъ, послѣ такихъ трудовъ, если не мало зор, но крайней мѣрѣ: ничто не тревожило насъ. Видя въ горнахъ тѣхъ же людей и сматра...нахъ вечернія молитвы, когда, покорнѣе, какъ бы прощались со свѣтомъ, отдаются тѣмъ, универсально, прося еягошиа, своему бездѣйствителному тѣлу, — я родился съ нимъ. А вславо призваніе Бога, въ коня бы оно: ни было; порождасть въ насъ какое-то состраданіе; я продолжалъ моить молитвы и былъ еще доволенъ, что судьба такъ милостиво, водить меня по извилистымъ путямъ, — я пріятно забывался. Тоду не нимымъ тѣмъ счтано я, какъ грѣховнымъ бременемъ на слабомъ тѣлѣ. Бодрость духа есть благодать, неисчисляемая намъ свыше

за безжалостную любовь даму къ людямъ и надежду на вѣчную жизнь. Сами мы бываемъ причиною своего горя, и если бѣ мы постоянно любили другъ друга, не видѣли бѣ суровыхъ дней. Когда человекъ веселъ, ему всё брава. Откровенно говорю я о состояніи души моеѣ, когда мнѣ было весело и когда тяжело. Было весело — когда надѣлся, и тяжело — когда сомнѣвался. Жизнь моя у горцевъ была прѣмѣнительна, и тоска моя объ этомъ была наказаніемъ за грѣхи мои.

Односельчанъ, пріестолъ Абазы, мулла Алесуръ и Янкъ, часто посѣщали насъ. Мулла благоговѣнно говорилъ о легендахъ и жизни вообще. Яна иногда вступалъ съ нами въ сужденіе, Абазы большею частию слушалъ покорно.

Когда явился въ такую бесѣду братъ Яны, вѣловинный Аджаръ, в своины вездѣшными подерсани перебивалъ рѣчь, всё смѣялся, подшучивалъ надъ Андреемъ, не оскорбляя его, — и тогда бесѣда дѣлалась еще веселѣй.

Изъ разговоровъ я ловилъ интересные слова и тогда-то записывалъ упрямъ на стѣнѣ или на поголѣ. Въ словахъ не осталось чистота мѣста, гдѣ бы въ было написано. Иногда они сомнѣвались: мнѣ было слово, знавъ, что оно мнѣ незнакомо.

Въ какой саклѣ былъ я, туда всё и обирались. Любуясь вечериниъ небомъ, я уходилъ отъ нихъ и ложился на мягкій лугъ помечтать на престолахъ. Тогда подходилъ ко мнѣ Яндаръ-Бей, и видя, что я смотрю на небо, объяснялъ мнѣ звѣзды, служаніе ихъ проводниками во время ночныхъ грабежей. Звѣзда прегнѣзъ Кавбы, «кылба-сидъ», у нихъ главный маякъ. Но осторожный Ака, боясь, чтобъ эти толкованія не послужили мнѣ въ пользу при побѣгѣ, заставлялъ Яндаръ-Бея поудержаться. Когда оставалъ я одинъ, было мнѣ спокойно. Думая, что я удалюсь отъ тоски, Яндаръ-Бей если не самъ, то былъ присылалъ ко мнѣ, чтобы развлечь меня, — и больше подождаль мнѣ. Она хотѣла приласкы меня, къ себѣ разказала о разныхъ разгоскахъ и не срывала отъ меня ничего, о чемъ тайно я ни спрашивала, кромѣ того, что могло слушать къ побѣгу.

Неприятель Цанъ былъ Даламбаи. Везъ Абазата онъ безпрестанно плакалъ, произнося «мещ-у!» (я голоденъ!). Цану возмывала его обжорой — сутуръ: ребенокъ больше капризничалъ и обижалъ жаловаться Абазату; но когда, чтобъ заглушить крикъ, Цану кормила его, тогда онъ, не смотря на всё ея насмѣшки, спокойно кушалъ, не по своему возрасту. Часто проказничалъ на огородѣ, и когда я говорилъ Абазату, что его надо бить за проказы, жалостливый Абазатъ отвѣчалъ: «Онъ бѣа (сирота): кто его приласкаетъ! Если онъ проказничаетъ, то еще малъ, а это значить, что онъ будетъ удалой. Онъ будетъ настоящимъ Даламбаемъ, который такъ много отличился своимъ удалствомъ противъ Русскихъ. Побойли ничего не возьмишь, а только заглушишь въ немъ все и онъ будетъ бабей; вырастетъ большой — не стареть дѣлать глушостей — и будетъ джигить. Бѣтъ онъ много — значить, будетъ богатырь».

Вскорѣ онъ отдалъ его куда-то на всю зиму, отъ своей жены, потому что самъ не надѣялся быть всегда дома. Цану была рада.

Дни, большею частію, проходили у насъ въ игрѣ въ шашки, а вечера въ разговорахъ. Такъ, однажды вступилъ я въ сужденіе съ муллою: тутъ больше увѣрился, что и мы знаемъ Бога, когда мулла подѣривалъ, что я знаю всёхъ пророковъ и законъ Магомета. «Недаромъ, говорилъ Абазатъ, завѣщалъ покойный Микіи смотрѣть на тебя ни какъ на другихъ Урусовъ! Ты останешься у насъ, и можешь быть муллою». Ложился спать — и я по прежнему спрашиваю у своей хозяйки кандалы, какъ всегда бывало; постланы мнѣ войлокъ и въ головы сѣдло, она клала передо мной эту желѣзную закуску, — Абазатъ отвѣчаетъ: «Не надо! такъ и быть! уйдешь, уйдешь. Можеть быть, еще и убьешь кого-нибудь изъ насъ, но тогда отвѣтшишь Богу, а Онъ у насъ у всёхъ одинъ!».

Сильно тронули меня эти слова и я сквозь слезы могъ только сказать: будь увѣренъ, Абазатъ, что я умѣю дорожить довѣренностью — и не враню.

Не разъ и прежде они говорили мнѣ: «Не сердись на то, что мы скрываемъ тебя: мы еще хорошо не знаемъ твоего сердца. Дни на хѣй довѣ хѣ!» Помнится, не ставимъ зыковывать, но посмотримъ ни на кого въ аулѣ. — Такъ и было.

Плакалъ я, когда видѣлъ въ «дваряхъ» появленіе такихъ чувствъ!...

Въ аулѣ было два солдата плѣнныхъ и всѣ мы видѣлись другъ съ другомъ. Часто Ака, чтобъ показать народу, что мнѣ у нихъ жить хорошо, бралъ съ собою къ мечети, куда они по вечерамъ собираются бесѣдовать, просилъ быть веселѣй, посылали тотчасъ за солдатами, строемъ мы разговаривали, прочіе слушали. Солдаты просили меня писать письмо къ своимъ, но я отговаривалъ. «Если они не захотятъ отдать насъ, то не отвезутъ и письма; а замѣчая нашу тоску, будутъ больше присматривать за нами. Будемъ пока жить,» говорилъ я. «Какое житье съ ними. собаками! Вотъ нашелъ людей-то! тебѣ, вѣрно, не хочется на свою сторону!»

Что оставалось мнѣ говорить съ такими разумными! Я отвѣчалъ:—Да, у меня не то сердце, что ваше, и нѣтъ также родныхъ!...

При разговорахъ всѣ присутствовавшіе обращались къ намъ. «Ты мужикъ, и ты мужикъ, а это князь.» Ненависть была явная. Когда они приходили ко мнѣ, я всегда, чѣмъ только могъ, угонялъ ихъ какъ хозяинъ: срывалъ на огородѣ огурцы, арбузы и дыни, а хозяйка приготавливала тотчасъ сыскниль. «Вотъ, видишь, какъ живешь ты! Что же понесетъ тебя къ своимъ!»

Вотъ какъ понимали они ласку моихъ хозяевъ и злобно завидовали моей жизни. Покушали и не поблагодарили даже, хозяева только улыбались, извиняя ихъ грубости, и принимая ихъ единственно для меня.

Но о роднѣхъ нечего говорить, когда она воспѣта хорошо. Хотя они и желали на родину потому только, что въ плѣну имъ было хуже чѣмъ у своихъ. Я не хотѣлъ также обижать ихъ, не хотѣлъ также и оскорблять ими своихъ хозяевъ — и пересталъ къ нимъ ходить и звать къ себѣ.

Въ началѣ августа начался покосъ. Первый мой опытъ или урокъ былъ на помочи у Яны. Всѣ мои хозяева отправились съ косами, меня же взяли безо-всего. «Что же я буду дѣлать?» говорилъ я имъ. «Катта бацъ! Будешь смотрѣть; можетъ быть получишься, да поѣшь хорошо: тамъ будетъ много мяса.» Пришли на покосъ, стыдно было мнѣ взяться за косу. Народу человѣкъ тридцать, но только половина изъ нихъ были съ косами, и такъ одни сѣивались съ другими. Ака показалъ мнѣ мѣсто подъ деревомъ, чтобы я лежалъ: «Яхъ дацъ» стыда нѣтъ! говоритъ онъ.

Началась работа, одни говорят: «ну, зачѣмъ не ты сюда пришелъ? коси.» Я взялъ у него косу и началъ стараться; но онъ, выхвативъ ее, заревѣлъ: «Давала! уха!» (долей! ступай сюда!) Досадно и стыдно было мнѣ. Спустия немного, стали застрять, я отговорился, тогда всѣ удивились моею стыдливости и увѣрились въ моему неумѣнью. Еще не много, стали опять подариваться, но я опять отказался, что какъ не работая, то и не должно ѣсть. «О, дѣки кантъ у!» говорили они вслухъ. Омыъ Дины, мальчикъ лѣтъ четырнадцать, во время отдыха другихъ учился косить; Ака, смотря на него, говорилъ мнѣ: «Неужели ты не съумѣешь? Ну, какъ-нибудь! Потѣшь насъ и хозяйна? Я взялъ косу и прошелъ рядъ, потомъ другой, и послѣ уже не отставалъ отъ другихъ; сбивая часто и солдата, которому никто не помогалъ.

Горцы косятъ справа и слѣва, не какъ наши въ одну сторону. Косы ихъ легкія, плоскія съ обѣихъ сторонъ, вдлину не болѣе трехъ четвертей; конецъ немного загнуть; косиакъ выгнуть въ срединѣ и безъ ручки, какъ у нашихъ. Снимая сѣно съ рядовъ, тоже вороченыхъ какъ и у насъ, сначала кладутъ маленькія копны «канча», (что можно взять вилами); потомъ изъ трехъ или четырехъ такихъ канчей составляютъ одну, и эти уже къ вечеру по три складываются въ копны — «лѣтта»; а на другой или третій день, смотря по солнцу, кладутъ небольшіе стоги — «хѣля», арбы въ двѣ. Въ подгорныхъ аулахъ на зиму въ скрытыхъ мѣстахъ кладутся стоги большіе, арбъ въ десять и больше; если же нѣтъ удобныхъ мѣстъ, то сѣно складывается небольшими стогами въ разныхъ мѣстахъ лѣса. Иногда прямо изъ канчей кладутъ большія копны — «такоръ», которыя уже по осени возятъ на арбахъ въ стоги. Въ арбу идетъ два или три такихъ такора.

На мелкіе клочки сѣно раскладывается для того, чтобы лучше умывалось и стогъ не осаживается уже послѣ; а чѣмъ плотнѣе отъ сложены, тѣмъ невредимѣе отъ дождя.

Лѣтты носятъ они шестами, на концахъ которыхъ съ одной стороны вдѣланы жердочки; острыми концами шестовъ продѣваютъ подъ копны и волокутъ очень легко.

Сбиралась поехать и ны, мечталась приготовить. Вереть за де-
реть отиралились ны съ Абазатовъ изъ изувекну учить своею челоу;
онъ чотымъ, а верталь чотило. Вдуть, аришь «Ви шига, ны
Алма!» заставилъ насъ бросить работу: это бжаль Шанимъ, благо-
дарить жителей всѣхъ ауловъ за Искеричскій лесъ. Надъ шигъ
ардилься зонтикъ, придоржанный оденитъ ны его чхисоринте-
лей, бжавшнхъ верхомъ же съ нимъ рядомъ. Это было не близко
и я не могъ рассмотреть всего; осенью же я видѣлъ Шанина
хорошо, когда онъ проѣзжалъ Гладжаномъ. Онъ бжалъ на сѣ-
рой яблочной (уважаемый цвѣтъ) лошади, передовые бжали синко-
шихъ въ тридцати отъ него, а рядомъ съ нами шавъ, позади
вся свита, человекъ изъ пятидесяти, гдѣ были сѣкуру или аде-
барду, на древнѣ, какъ эмблему смерти за непополненіе сиконетъ.
Онъ проѣзжалъ молча и только взглянулъ на меня; шавъ же при-
дѣлывалъ меня съ усмѣшкой: «А! Иванъ!» Вообще Горцы всѣхъ
Русскихъ называютъ Иванми.

Шанимъ стройный мужчина, рашій, (въ те время лѣтъ сорока,
но говорили, что ему сорокъ-пять), лицемъ былъ, длинная оледя-
стая черная борода; лицо умное, но съ какими-то равноду-
шіемъ, и цвѣтъ ничего, чтобы заставило разгадывать. На кончикѣ
его чалма съ разноцвѣтнымъ тюрбаномъ; сверхъ обыкновеннаго
платья надѣтъ былъ черный овчинный полушубокъ (мужчины во-
обще носятъ полушубки черного цвѣта, женщины бѣлаго), мо-
крытый шелковой матеріей съ черными и розовыми полосками.

Слоро ны всей фамиліей начали свой походъ. Тутъ я слышь
уже въ запускъ: но ревность къ работѣ они удерживали и за-
ставляли отдыхать вмѣстѣ, а въ день доводилось отдохнуть разъ
досель. Они говорили: «Намъ стыдно оденитъ ендѣтъ и ботъ, ны
устали, такъ и ты садись.»

И у Горцевъ такъ же какъ и у насъ покой считался важною
работою, — «отрада», говорятъ они; и къ этому времени хозяйки
припасаютъ масло и сыръ своимъ мужьямъ.

Ана и послѣ, какъ старшій въ родѣ, всѣмъ былъ старшимъ
и надо мной. Често заботился, но голодомъ не я; часто зывалъ
меня къ себѣ и угощалъ тѣми стурцами, за которыми ходилъ я

и его дочь, говоря: «Это, вотъ, плоды твоихъ и ея рукъ.» Худу улыбалась и выветъ съ отцомъ повторала: «Сударь, я! я!» (кушай! кушай). Жена Аки—Туарханъ, Чёргесть, Пулло и двухлѣтняя Дамба всё твердили: я! я! Старшие говорили: «Послушай, Сударь, Дамба и та тебя просить.»

Напоминая такимъ образомъ о своихъ ласкахъ, Ака уговаривалъ меня перейти опять къ себѣ, ссылаясь на Абазата, что у него нечего дѣлать, и что онъ потому продастъ кому-нибудь. Абазатъ, замѣчая это, въ свою очередь говорилъ мнѣ, что и у него не хуже Аки, что Ака не джигить, что онъ достанетъ себѣ лошадей и будетъ чаще въ набѣгахъ, и что тогда будетъ у меня все платье. «Я знаю, Сударь, говорилъ онъ, потому ты тоскуешь: не одѣтъ? Вотъ, потерпи: я достану платье, и мы заживемъ!»

Много за меня доставалось Цацѣ, когда она напоминала ему, чтобы продалъ меня, что у нихъ работы почти нѣтъ. Онъ же, надеясь на свое удалство, хотѣлъ сдѣлать меня домохозяиномъ. Не разъ шутя говорилъ онъ мнѣ, когда уходилъ куда недолго, какъ напришнѣръ на недѣльный караулъ: «Ну, Сударь, если ты захочешь уйти, то не уходи такъ, а голову долой моей жёнѣ. Вотъ, тебѣ въ твоихъ рукахъ.» При такой шуткѣ болязненно морщилась моя хозяйка и, въ самомъ дѣлѣ, никогда не оставалась со мной одна на ночь, а всегда призывала кого нибудь.

На всѣ просьбы родныхъ и знакомыхъ моихъ хозяевъ, отнудить меня къ нимъ на работу, Абазатъ отказывалъ всѣмъ, кромя своего тестя, просьбѣ котораго онъ уступалъ нехотя и потому только, что тотъ отдалъ за него лошадей. Этотъ старикъ, Високай, надеясь за долгъ взять меня, уговаривалъ меня перейти къ себѣ, обѣщая отдать за меня свою дочь Хорху; но съ намѣреніемъ, какъ объяснилъ мнѣ Абазатъ, изъ барышей перепродать въ горы, гдѣ пѣхивые цѣнятся втрое дороже чѣмъ въ пригорныхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе возможности къ побѣгу. Я не отказывался, а ссылаясь на Абазата, какъ онъ хочетъ; между тѣмъ самъ упражнялъ не продавать; Абазатъ обѣщалъ. Разъ, выпросивъ меня себѣ, онъ отдалъ своему племяннику, безъ вѣдома Абазата; мнѣ означаться было нельзя и я долженъ былъ работать день новому хозяину. Тутъ не могъ я снотрѣть безъ жалости на пѣхиваго шумана, вѣстаго подъ Кивларомъ. Онъ завистль отъ старшихъ,

бывшихъ въ кабылѣ, и потому работалъ каждому изъ нихъ по-вѣдѣльно, слѣдовательно не имѣлъ отдыха. Оборванный, всегда въ кандалахъ, онъ долженъ былъ трудиться, не смѣя отдохнуть безъ позволенія своего хозяина; а это былъ одинъ изъ пятерыхъ злодѣевъ. Но, несмотря ни на свою наготу, ни на старость, ни на кровь, текущую изъ-подъ гаски, разогрѣтыхъ солнцемъ, Петръ не унывалъ, или, лучше сказать, окаменѣлъ, и зло ругался на свою судьбу. Это былъ въ то время человѣкъ, потерявшій всякую надежду.

Нельзя было безъ состраданія смотрѣть, когда онъ, во приходѣ нашемъ домой, показывалъ мнѣ то мѣсто гдѣ онъ спитъ. Оно было подъ койкой хозяевъ, гдѣ на ночь злая хозяйка всегда заставляла его корытомъ. «Вотъ, посмотри, говорилъ онъ, какъ я живу!...» — «Что же дѣлать! всё-таки молись!» — «И молюсь когда, только поплачешь и вовсе голодный полезешь подъ кровать!...»

Хозяинъ этотъ, какъ довольно зажиточный, слѣдовательно жадный къ богатству, и любившій работать чужими руками, весь день просидѣлъ въ тѣни; козу же взялъ на показъ своимъ одноаульцамъ, что будетъ трудиться; наблюдалъ только за нами, не давая отдыха. Я, какъ подчиненный ему, началъ говорить о томъ: «Ну, ты отдыхай, а Иванъ (какъ вообще презрительною имя) пусть косятъ.» — «Нѣтъ; если я усталъ, то онъ и недавно, какъ старше меня вдвое.» Когда я замѣтилъ ему, что я не работалъ такъ и у своихъ хозяевъ, онъ долженъ былъ дать отдыхъ. Въ обѣдъ я занялъ его разговоромъ, вообще о жизни человѣка; пенялъ ему за пренебреженіе Петра: онъ отговаривался, что онъ съ своей стороны и готовъ былъ бы одѣть его, если бъ онъ принадлежалъ ему одному; удивлялся, что я скоро понималъ ихъ языкъ и говорилъ простосердечно: «Ну, ты мнѣ всё-равно какъ братъ, а Иванъ мужикъ, онъ ничего не знаетъ, потому и обращаемся съ нимъ такъ. Теперь ты садись со мной есть вмѣстѣ, а Ивану нельзя.»

По приходѣ домой я жаловался Абазату на Всевсая, что онъ передалъ меня другому, Абазатъ отвѣчалъ: «У! Сударь, сердце мое болитъ (докъ ляз), что я долженъ угождать этому мошеннику! Что жъ дѣлать! онъ тѣтъ мнѣ. Да и то бы ничего, если бъ, на мое горе, я не зависѣлъ отъ него. Ты знаешь, что онъ заплатилъ за меня. Какъ ужъ и не угождаю ему! шведскіи и самъ ему работалъ; вотъ и тебя посылаю всегда, какъ ни попроситъ, чѣмъ мнѣ и самовольно предъ тобой, — все ни почемъ!

Женя, что починю расплатиться съ ними! Если хочешь, купи: тебе, онъ дружитъ о тебе, какъ и о войнѣ Русскихъ, что ты глупъ, вотъ и просятъ тебя, чтобы ты вернулъ къ нему, а самъ карманчикъ продать по дороге. Нѣтъ! не бывать этому! Хотя я не богатъ, однако барышничать не стану. Дай ерши, Сударь; вотъ придетъ осень — я достану сметъ и, можетъ быть, разплачусь съ ними. Тамъ, несколько женился я на его дочери. Я былъ еще малъ, когда остался сиротой; дѣнь нашъ былъ богатый, хозяйствовать было некому — и вотъ покойный Мика женилъ меня, думая, что она будетъ хорошее хозяйка; служилъ объ ней были хороши, и онъ помиралъ. Вотъ каково сиротствовать! Если бы жиды были, мать моя, не было бы этого: она была женщина умная. А богатые, Сударь, или которые не знаютъ горя, любятъ работать чуждыми руками и, не бойся, ни съ кѣмъ не подѣлятся! Если бы ты попалъ къ богачу, развѣ бы такъ жаль какъ у меня? Я дѣлю съ тобой все пополамъ.

Для пайщиковъ, за которыхъ горны надѣются взять исправный пламунъ, или казанокъ, или дружокъ, кромѣ сметы, дѣлаются особые пайдалы. На обилье полахъ въ два гайки, ширинкою въ ладонь, продѣлаются желѣзные прутья, въ под-аршинку, на глухъ, такъ что едва можно передвигать ноги. Если пайщики пожелаютъ подосрѣние къ побѣгу, то надѣлаются двое такихъ оловякъ, или еще принаеваются къ ногѣ цѣпи, пудъ въ подгору, концы которой при работѣ пайщики набрасываютъ себѣ на ноги на ночь на носокъ: этотъ принаеваются къ сметѣ, да стѣнѣ. Въ такомъ оловякѣ пайщики ходятъ востаново, смельче бы не принае.

Трудно опредѣлить, а можетъ быть и сами пайщики бывають принае той строгости.

Я видѣлъ Арманна въ этихъ двойныхъ мандокахъ и съ цѣпями на ногахъ. Сначала онъ былъ законнымъ лепою. Валуъ онъ былъ въ пайшкѣ-вѣнѣ съ своимъ отцомъ; черезъ годъ отецъ былъ выкудана, а за него сбралось еще суммо. Но жиды придѣли въ бѣдѣности отъ большого выкупа, они надумали бѣжата. Подлеу-летъ дозрѣли, или ослѣпленостью слезли возмезья: будучи остав-лены на аршотри-женщины, они удригъ съ тепономъ, такъ что-то увала заморганъ, а сама ушцы. Но, въ востаново его, вѣнѣ собрался парцѣ; но объяснителю съ собрании вѣнѣ.

лись слѣдить его — нашли въ тотъ же день, избили и закопали. Но и тутъ Провидѣніе даетъ отрадно вздохнуть: мужъ Дадкъ, добродушный Моргусть, какъ соучастникъ въ долѣ за него, сжался надъ нимъ и выпросилъ его у своихъ товарищей къ себѣ, хотя переночевать. Мои хозяева, какъ родственники Моргусту, дали мнѣ посмотреть на него, или для угрозы мнѣ, или такъ повеселиться, зная этого Армянина какъ артиста, такого же какъ и Моргусть въ своемъ родѣ. Армянинъ знаетъ хорошо ихъ языкъ — и они просили его поговорить со мной побольше. Это былъ другой Тарасъ-Бульба. Когда Моргусть настроилъ свою скрипку, заигралъ, началась пляска, и когда я не соглашался плясать, Армянинъ страшно говорилъ мнѣ: «Эхъ! не я на твоёмъ мѣстѣ! Завтра, быть можетъ, съ меня голова долой, если умерла та Чеченка, которую я ударилъ! Но посмотри на меня какъ я пойду!...» Съ него сняли только цѣпь, и онъ пошелъ удивительную лезгинку! Плясуны отступили и воцарилось любопытное молчаніе!... Что было въ немъ тогда — отгадать было трудно! Это былъ не глупецъ: когда онъ говорилъ, что у него есть мать, жена — и все это бѣдно! а завтра съ него голова долой — слезы градомъ выпали изъ глазъ его — и больше нѣтъ! Онъ вскочилъ и страшной пляской за-живо какъ-бы отпѣлъ себя!... Къ-счастью, черезъ день былъ присланъ выкупъ, а Чеченка умерла почти слѣдомъ же за нимъ, когда онъ былъ уже освобожденъ.

Армянинъ по-чеченски называется «Ермолуа» — и этинъ словомъ пугаютъ дѣтей, представляя страшное лицо этой націи. Самая поносная и извѣстная брань — слово «Джигути» — жидъ. Зерно этого племени брошено и въ горы. Тамъ они занимаются больше выдѣлываніемъ кожъ.

Платъе, присланное Петру его женой, въ годъ износилось все; выкупу же трехъ сотъ рублей ассигнаціями, какъ онъ былъ опченъ, жена прислать была не въ силахъ, а баринъ его не заболѣлся. «Если выкупить меня жена, говорилъ Петръ, то я буду вольный; поэтому-то баринъ и отступается.»

На передачу присылаемаго одѣванія горцы честны; не знаю, каковы на деньги.

Пришло время снискать кукурузу; Абазать былъ въ караулѣ; я съ Цацей, вдвоемъ, провелъ два дня на своемъ загонѣ, въ глуши. Подозрительно и съ презрѣніемъ смотрѣли на насъ встрѣтившіеся намъ, когда мы шли. По обыкновенію горскому, какъ мужчина, я шелъ впереди; она несла позади меня кувшинъ и прочія принадлежности. Провода жаркіе дни за работой, мы оба, сидя рядомъ и поглядывая другъ на друга искоса, молчали какъ Юсузъ и Эмлейка.

С. ВІЛЛЯКЪ.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

УКРѢПЛЕНІЕ ЛЕТУЧИХЪ ПЕСКОВЪ.

=

Вліявіе лѣсовъ на климатъ не подлежитъ ни какому сомнѣнію; въ этомъ легко убѣждаетъ насъ Новороссійскій Край, гдѣ обнаженіе степей, а вслѣдствіе того сухость воздуху, имѣетъ самое неблагоприятное вліяніе какъ на урожай хлѣбовъ, такъ и собственно въ климатическомъ отношеніи.

Неразсчитливое пользованіе лѣсами нашихъ пращуровъ, не понимавшихъ благотвѣльнаго вліянія лѣсовъ на климатъ и важности ихъ въ народномъ быту, а оттого дѣйствовавшихъ по своему недалекновидному соображенію, было причиною, что плодородныя и обильныя черноземомъ пространства превратились наконецъ въ бесплодныя пустыни и степи. Производительная сила почвы, понижаясь постепенно, достигла наконецъ той степени непроизводительности, при которой она уже рѣшительно не въ состояніи поддерживать жизни древесныхъ растений, и пространства, прежде плодородныя, превратились наконецъ въ летучій песокъ.

Наши пращуры, вѣроятно, весьма скоро достигли такихъ благотвѣльныхъ результатовъ въ лѣсохозяйствѣ, и, уничтоживъ тысячелѣтніе труды природы, накликали на свою голову если не брань, то по крайней мѣрѣ упреки своихъ потомковъ.

Старнки, въ простотѣ сердца, вѣроятно, никакъ не подозрѣвали зла, которое они дѣлали, и тѣхъ усилій, которыя необходимо намъ употребить для исправленія ихъ ошибокъ; время исправле-

нія этихъ ошибокъ, кажется, уже наступило. Понимая вполне вредное вліяніе обнаженной почвы, сыпучихъ песковъ, намъ не мѣшало бы позаботиться о превращеніи ихъ въ пространства болѣе плодородныя и свѣтъ грѣхъ съ совѣсти предковъ.

Принятіе въ настоящее время мѣръ къ укрѣпленію и облѣсенію летучихъ песковъ тѣмъ болѣе необходимо, что летучіе пески, засыпая смежныя съ ними хлѣбородныя земли, увеличиваются постепенно въ своемъ пространствѣ, и если мы, смотря равнодушно на вредное дѣйствіе сыпучихъ песковъ, будемъ сидѣть сложа руки, боясь сдѣлать лишній расходъ, или только станемъ обдѣлывать стариковъ, которые не успѣли сохранныя дѣла, то эти нудныя дѣйствія и безполезныя сѣтованія окончатся довольно плачевнымъ образомъ.

Безплодныя пространства летучихъ песковъ вредны уже потому, что не приносятъ ни какой пользы владѣльцамъ ихъ, но сверхъ того обнаруживаютъ положительно свое вредное вліяніе, засыпая смежныя плодородныя пространства; поэтому цѣль укрѣпленія летучихъ песковъ можетъ состоять или въ предупрежденіи увеличенія площади летучаго песку и отвращеніи вреда, причиняемаго имъ прилегающимъ къ нему плодороднымъ пространствамъ, или въ обращеніи площади летучаго песку въ пастбищное, луговое, пахатное или лѣсное пространство.

Опредѣливъ, съ какою цѣлью должно быть предпринято укрѣпленіе летучаго песку, необходимо изслѣдовать:

- 1) Качество летучаго песку и положеніе площади его, и
- 2) Постоянное направленіе вѣтровъ.

Летучіе пески, по образованію своему, бываютъ: а) такъ называемые первобытныя летучіе пески, глубиною до двухъ, трехъ и болѣе сажель; б) пески, образовавшіеся на пространствахъ, представлявшихъ прежде твердую, но зыбкую и, можетъ быть, плодородную почву, запесенные туда изъ сосѣднихъ мѣстностей силою вѣтра или потокомъ воды, и в) летучіе пески, происшедшіе на самомъ мѣстѣ постоянного нахожденія ихъ влѣдствіе сильнаго дѣйствія на почву свѣту, воздуху, жару и вѣтровъ.

Самые опаснѣйшіе — пески первобытныя; пески, образовавшіеся наносомъ на матерой землѣ, по прекращеніи движенія ихъ, могутъ быть, безъ большихъ трудовъ и пожертвованій, посажены растеніями. Растенія, возвращенныя на такихъ пространствахъ, достигнувъ до матерой земли, начинаютъ быстро укрѣпляться въ ростъ, и черѣдко вырастаютъ въ здоровыя и полныя посаженія.

При укрѣпленіи летучихъ песковъ, весьма важно изслѣдовать, въ какому роду летучихъ песковъ принадлежитъ укрѣпленная площадь, чтобы, на основаніи этого изслѣдованія, предпринять надлежащія мѣры.

Первобытвые летучіе пески укрѣпляются въ большей части случаевъ разведеніемъ сосны, потому что другія растенія съ неглубоко идущими корнями отъ недостатку пищи обыкновенно погибаютъ.

Летучіе пески, образовавшіеся вслѣдствіе наноса песку на поля, угодья или лѣсныя площади, въ извѣстный періодъ времени приходятъ въ состояніе плодородныхъ земель, и именно такими образомъ: песокъ изъ верхнихъ слоевъ, особенно если онъ состоитъ изъ крупныхъ зеренъ, тяжестью своею мало-по-малу опускается въ нижніе плодородные слои почвы и смѣшивается съ ними; вмѣстѣ съ тѣмъ глубина песку мало-по-малу уменьшается и площадь его дѣлается постепенно доступнѣе и благопріятнѣе для произведенія растеній.

Пески этого рода можно часто привести въ состояніе плодородныхъ земель однимъ перекапываніемъ, перерыхленіемъ всей площади песку и обращеніемъ вверхъ нижнихъ плодородныхъ и влажныхъ слоевъ почвы.

Положеніе площади летучаго песку можетъ быть весьма различно. Оно можетъ представлять совершенно гладкую равнину, и въ этомъ случаѣ укрѣпленіе летучаго песку бываетъ довольно легко; или водообразную поверхность съ небольшими и неглубокими зыбкообразными взрощами, укрѣпленіе которой требуетъ большаго снотрительности; или, наконецъ, площадь неровную, съ глубокими воронками, углубленіями, съ ущельеобразными небольшими песчаными гѣбищами, усѣянную холмами различнаго объема. Укрѣпленіе такихъ пространствъ сопряжено съ большимъ трудомъ и издержками.

Успѣхъ укрѣпленія летучаго песку много зависитъ отъ качества самаго песку. По различію происхожденія своего и по количеству различныхъ землястыхъ примѣсей, песокъ бываетъ:

Мелкозернистый, чистый кварцевый, легко подвижной даже при малѣйшемъ дуновеніи вѣтру.

Мелкозернистый же, но содержащій примѣсь частицъ глины, слюды и оттого менѣе подвижной и имѣющій въ некоторую степень влажности. Такого рода летучіе пески удобнѣе всего обращать подъ нашію или хорошее пастбище, но предварительно необходимо покрыть такое поле лѣсомъ.

Крупнозернистый чистый кварцевый, почти без всякой запыльной примеси землястых веществ. Песок этот хотя и не так подвиженъ, какъ предвѣдущіе два вида, однако жъ, несмотря на то, облъесивіе его сопряжено съ большими затрудненіями.

Крупнозернистый же, съ значительною примѣсью плодородныхъ землястыхъ частицъ. При неглубокой и довольно плотной подпочвѣ, непронускающей много влаги. Такого рода песокъ съ большимъ успѣхомъ можетъ быть покрытъ лѣсными растеніями.

Для опредѣленія пропорціи примѣсей песку, кромѣ практическаго взгляду, самаго вѣрнаго руководителя въ этомъ дѣлѣ, можно употреблять поливаніе песку чистою водою и кислотами (способы химическіе).

Для успѣшнаго ходу работъ по укрѣпленію летучихъ песковъ, для вѣрнаго соображенія способовъ облъесивія ихъ, необходимо строгое изслѣдованіе направленія и свойства вѣтровъ. Вѣтры, какъ извѣстно, раздѣляются на постоянные, періодическіе и непостоянныя.

Первые два въ Европѣ, въ странахъ, гдѣ находится пространство летучихъ песковъ, почти незамѣтны; тамъ дуютъ большею частію вѣтры непостоянныя, но, несмотря на то, на летучихъ пескахъ небольшого пространства опредѣленіе направленія постоянныхъ вѣтровъ весьма важно.

Вѣтры должны обратить на себя наше вниманіе не только какъ механическіе двигатели песку, но и какъ физическіе дѣтели.

Изслѣдованіе направленія вѣтру, какъ механическаго дѣтеля, указываетъ намъ вѣтры противодѣйствія силѣ его дувсенія; изслѣдованіе же направленія вѣтру, какъ физическаго дѣтеля, даетъ намъ основаніе къ назначенію соотвѣтственнаго времени производства культуръ, къ выбору той или другой древесной породы для разведенія и даже перѣдко къ опредѣленію: самой цѣли укрѣпленія летучихъ песковъ.

Пояснимъ сказанное.

Число вѣтровъ, дующихъ съ разныхъ сторонъ свѣта, слагается до тридцати-двухъ; изъ нихъ, при укрѣпленіи летучихъ песковъ, достаточно опредѣленіе направленія вѣтровъ: сѣвернаго, сѣверо-восточнаго, восточнаго, юго-восточнаго, южнаго, юго-западнаго, западнаго и сѣверо-восточнаго.

Вообще свойство вѣтровъ различно по странамъ свѣта, съ которыхъ они дуютъ, и съ достовѣрностію можно принять, что въ Европѣ сѣверный и сѣверо-западный вѣтры приносятъ холодъ;

западный — влажность и дождь; юго-западный, южный и юго-восточный — теплоту и немного влажности; восточный и сѣверо-восточный — сухость.

Сѣверные вѣтры, и особенно весною, наносятъ значительный вредъ молодымъ посѣвамъ и посадкамъ; зная мѣстность, слѣдуетъ принять заблаговременно надлежащія мѣры защиты молодыхъ посѣвовъ и посадокъ. Если мѣстнымъ изслѣдованіемъ дознано, что сѣверные холодные вѣтры дуютъ преимущественно раннею весною, то культуры должны быть отерочены до наступленія поздняго весенняго времени, несмотря на то, что въ раннюю весну неиспарившаяся еще влажность нижнихъ слоевъ песку могла бы много благопріятствовать успѣху культуръ. При стойко дующихъ восточныхъ вѣтрахъ, на совершенно сухомъ летучемъ пескѣ посѣвы никогда не удаются, и потому въ этихъ случаяхъ необходимо прибѣгать къ садкѣ.

Культуры, производимыя при западныхъ вѣтрахъ, бываютъ вообще удачны.

При сухихъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, обыкновенно дующихъ въ іюль и августъ мѣсяцахъ, должно по возможности приостанавливаться культурными работами.

Изложивъ вкратцѣ всѣ обстоятельства, которыя должны быть приняты въ соображеніе передъ начатіемъ работъ укрѣпленія и облѣсенія летучихъ песковъ, приступимъ къ изложенію самыхъ мѣръ укрѣпленія песку.

Укрѣпленіе летучихъ песковъ, то есть уплотженіе ихъ зыбкости и подвижности можетъ быть произведено:

а) Взрыхленіемъ, перекапываніемъ, или даже переплуженіемъ всей площади летучаго песку.

б) Покрытіемъ ея глинистою или другими вязкими землями.

в) Покрытіемъ верхнимъ, дернистымъ покровомъ торфяныхъ и моховыхъ болотъ.

г) Натываніемъ по всей площади летучаго песку, въ извѣстномъ разстояніи, пучковъ соломы; растяженіемъ и прикрѣпленіемъ на летучемъ пескѣ соломенныхъ канатовъ.

е) Покрытіемъ площади кустами, вѣтвями, хвоемъ и прочимъ.

ф) Огражденіемъ зыбучаго песку, по надлежащимъ правиламъ и въ извѣстномъ разстояніи поставленными заборами, съ присоединеніемъ къ этому иногда и покрыванія песку вѣтвями.

Всѣ эти мѣры имѣютъ цѣлю привести летучій песокъ въ спокойное положеніе, или же образовать песчаныя возвышенія и

валы для защиты смежных пространств удобной лесной или хлѣбородной почвы.

Къ мѣрамъ укрѣпленія летучаго песку насажденіемъ его травяными растеніями или даже облѣсеніемъ, относятся:

а) Орошеніе, въ удобныхъ для того мѣстностяхъ, летучихъ песковъ водою и засажденіе ихъ камышемъ.

б) Посѣвъ и посадка песчаныхъ травъ.

в) Разведеніе лѣса, мѣра главная и важнѣйшая.

При укрѣпленіи и облѣсеніи летучихъ песковъ на обширныхъ пространствахъ, необходимо сообразить примѣрно, время, въ теченіи котораго можно укрѣпить извѣстное пространство летучаго песку. Это соображеніе важно, потому что часто работы начаты на всемъ пространствѣ летучаго песку, безъ предварительнаго исчисленія времени, потребнаго для окончанія ихъ, пропадаютъ безъ всякаго вознагражденія труда.

Разбрасыванія работы по всему пространству летучаго песку допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо преградить распространеніе его на смежныя угодья, поля и прочее.

Передъ началомъ работъ необходимо сообразить слѣдующія обстоятельства:

1. Какія предполагается принять мѣры къ укрѣпленію или облѣсенію летучаго песку.

2. Предполагается ли производить работы разбрасанно по всему пространству летучаго песку, или на строго опредѣленномъ пространствѣ.

3. Съ какихъ мѣстъ предполагается начать работы.

4. Какое пространство летучаго песку можетъ-быть укрѣплено или облѣсено втеченіи года.

5. Не предполагается ли заложить сѣмянные питомники для полученія саженцевъ, какого пространства, какими способами, и какихъ древесныхъ или кустарныхъ древесныхъ породъ, и

6. Гдѣ предполагается получать потребныя для укрѣпленія или облѣсенія летучаго песку матеріалы.

На основаніи этихъ соображеній составляется подробная смета издержекъ укрѣпленія площади летучаго песку.

Разсмотримъ теперь въ частности, мѣры прекращенія движенія летучаго песку, имѣющія цѣлю положить преграду дальнѣйшему распространенію площади, имъ занимаемой.

Варыхленіе, перекапываніе небольшими канавками всей площади летучаго песку, мѣра сопряженная съ огромными издержками, съ выгодною можетъ быть выполнена только на маломъ простран-

ствѣ наноснаго, неглубокаго, совершенно ровнаго положенія летучаго песку, съ плодородною влажною почвою.

Самое перекапываніе дѣлается слѣдующимъ образомъ: вырываютъ на граничной линіи площади летучаго песку канавку, выбрасываютъ желѣзною лопатою сперва песокъ, а потомъ, на него вязкую землю; отступивъ на опредѣленное отъ вырытой канавки разстояніе, вырываютъ такую же, повую, и песокъ изъ нея побрасываютъ въ первую канавку, а вязкою, влажною землею покрываютъ равномернымъ слоемъ промежутокъ и поверхность первой канавки, и такъ далѣе.

Продолжая такимъ образомъ работу перекапыванія, получаютъ тотъ результатъ, что нижніе влажные, вязкіе слои земли обращаются на верхъ, и слои летучаго песку совершенно закрываются ими.

Глубина канавокъ и разстояніе между ними, завися главнѣйше отъ глубины песку, качества подпочвы, удобства выполненія работы и имѣющихся средствъ, могутъ быть весьма различны; средніи размѣры могутъ быть приняты: глубина и ширина канавокъ полтора фута и разстояніе между канавками отъ двухъ до четырехъ футовъ.

Покрываніе площади летучаго песку вязкою, глинистою землею, наваживаніемъ ея изъ другихъ мѣстъ, требуетъ слишкомъ большихъ издержекъ и въ примѣненіи своемъ весьма ограничено.

Нѣрѣдко случается, что вблизи песчаныхъ площадей небольшого пространства въ лѣсахъ, или же на пустыхъ пространствахъ находятся значительнаго протяженія торфяныя и моховыя болота, и употребленіе въ этихъ случаяхъ верхняго дернстаго покрова болотъ на покрытіе имъ площади летучаго песку можетъ привести большія выгоды.

Отодравъ, легкою мотыкою, широкими полосами дернистый покровъ болота разрѣзываютъ ихъ острою желѣзною лопатою на четырехъ-угольные куски въ полтора и два квадратныя фута. Этими кусками укладываютъ площадь летучаго песку, смотря по степени сухости и зыбкости ея, опасности отъ вѣтровъ и прочая, оставляя между пластами большіе или меньшіе промежутки; обыкновенно разстояніе между кусками покрова отъ осьми до двѣнадцати дюймовъ, а между рядами, въ которыхъ куски покрова болотъ расположены, отъ полутора до двухъ футовъ.

Покрывъ площади летучаго песку этими пластами, можно тотчасъ же приступить къ разведенію лѣса, лучше всего сосны.

Этотъ способъ укрѣпленія песку, медленнымъ и труднымъ пе-

регносіемъ дерновыхъ и моховыхъ пластовъ, отдаляя время сплошнаго облісвія песку, представляетъ все таки выгоды тѣмъ, что площадь летучаго песку, накопляя обильное количество влажности, жадно поглощаемой губчатою торфяною, моховою массою, весьма хорошо удобряется и дѣлается впоследствии способною не только для лѣсоразведенія, но даже и для урожайнаго хлѣбопашества. Впрочемъ, иногда бываютъ случаи, когда ожидаемыя выгоды и пользы улучшения почвъ вовсе не оправдываются, причиною чему бываетъ: сильное разрастаніе сорныхъ растений въ пластахъ навезенныхъ на летучій песокъ, совершенное изсыханіе торфяныхъ пластовъ и превращеніе ихъ въ порошокобразную, бесплодную массу, и прочая. Предупреждать это зло большею частию затруднительно, а иногда даже вовсе невозможно. Нѣкоторымъ образомъ можно способствовать устраненію его перерубаніемъ острою лопатою при отдираніи дерянистыхъ пластовъ корней и стволиковъ сорныхъ растений, и если позволяютъ средства, поливаніемъ въ сильные жары моховаго, торфянаго покрова летучихъ песковъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ площадь летучаго песку представляетъ большія низменныя мѣста, углубленія, плоскія котловины и гдѣ неподалеку находится, на высшемъ горизонтѣ, проточная или стоячая вода, можно съ выгодною прибѣгнуть къ укрѣпленію летучаго песку, орошеніемъ его наподобіе луговъ. Увлажненный этимъ средствомъ песокъ не только сляжется плотно и укрѣпится, но и вся площадь летучаго песку поростетъ мало-помалу травами и превратится въ весьма порядочный лугъ.

Для полученія же большихъ выгодъ отъ летучаго песку, можно, уже въ первое время орошенія, засадить его ольхою или ивою.

Въ мѣстахъ, гдѣ полученіе сѣмянныхъ колосьевъ или корневыхъ отпрысковъ камыша не затруднительно, и гдѣ камышъ хотя въ нѣкоторой степени цѣнится какъ замѣна соломы или другаго матеріала на крыши, тамъ, также съ немалою выгодною, можно предпринять насажденіе орошеннаго летучаго песку камышемъ.

При разведеніи камыша посѣвомъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ три или четыре зрѣлыхъ камышевыхъ сѣмянныхъ колосовъ и замиваютъ ихъ въ комокъ глины, съ кулакъ величиною; комья эти, тотчасъ же, осенью опускаютъ въ мокрый, или еще совершенно водой покрытый песокъ; въ слѣдующую весну обыкновенно появляется всходъ камыша.

Для разведенія камыша садкою, отрываютъ, на мѣстахъ поросшихъ камышемъ, далеко разрастающіеся отпрыски, разрѣзываютъ ихъ на семи или десяти-дюймовой длины черенки или отрѣзки и сажаютъ въ борозды, проведенныя на летучемъ пескѣ.

Укрѣпленіе летучаго песку разведеніемъ песчаныхъ растеній мѣра довольно не дорогая и большею частію вполнѣ вознаграждающая издержки укрѣпленія. Изъ множества песчаныхъ растеній съ наибольшимъ, уже дознаннымъ успѣхомъ, могутъ быть разводимы слѣдующія:

Песчаная рожь (*arundo arenaria*).

Песчаный овесъ (*elymus arenaria*).

Песчаная осока (*carex arenaria*) и

Ползучая пшеница, (*triticum repens*).

Если предполагается только прекратить движеніе летучаго песку, безъ воздѣлыванія какихъ-либо полезныхъ растеній, то должно избрать изъ песчаныхъ растеній *Carex arenaria* и *Triticum repens*, но отнюдь не *Arundo arenaria* или *Elymus arenaria*. Эти послѣднія удобны для разведенія на морскихъ летучихъ пескахъ, гдѣ они постоянно засыпаются песками; на матерой же землѣ, по прекращеніи движенія песку, растенія эти погибаютъ.

Никогда не нужно разводить песчанаго тростника и песчанаго овса вмѣстѣ, перемѣшанно, на одной площади, потому что этимъ дается поводъ къ образованію на площади летучаго песку множества неровностей, мелкихъ возвышеній и углубленій.

Песчаный тростникъ и овесъ можно разводить на летучемъ пескѣ или посѣвомъ чистыхъ, вымолоченныхъ сѣмянъ, сѣмянныхъ колосовъ, или садкою.

Посѣвы предпринимаются только на совершенно ровныхъ и небольшихъ площадяхъ летучаго песку, въ защищенномъ мѣстоположеніи, вообще при благоприятныхъ обстоятельствахъ, или при недостаткѣ выращенныхъ уже песчаныхъ растеній. Лучшее время для посѣву—ранняя весна; въ мѣстахъ, гдѣ предстоитъ опасность посѣву отъ сильныхъ вѣтровъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, должно пообождать посѣвомъ до іюня. Самое сѣяніе весьма просто: въ узкія борозды, приготовленныя по возможности на самомъ маломъ разстояніи одна отъ другой, высѣваются сѣмяна и заволакиваются ележка малою лѣсною бороною*; точно такимъ же образомъ производится посѣвъ колосами; послѣдній способъ требуетъ меньшихъ издержекъ.

. Связка густыхъ вѣтвей колючихъ растеній,—терновника, боярышника и другихъ.

Для укрѣпленія летучаго песку посадкою песчаныхъ растеній, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа сама не насадила ихъ, необходимо залагать семянные питомники. Для этого избираются на площади летучаго песку мѣста преимущественно низменныя и засѣваются сплошь сѣмяннами. На пятой и на шестой недѣлѣ появляется всходъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ достигаетъ высоты пяти и шести дюймовъ. Растенія эти бываютъ годны къ пересадкѣ не равнѣ пяти или шести-лѣтняго или возрасту.

Посадки можно производить одинаково успѣшно и весною и осенью. Не должно пересаживаемыхъ растеній выдергивать или вытягивать изъ земли, но тщательно выгребать ихъ изъ песку лопатою и потомъ, осторожно вытягивать рукою, чтобы, по возможности, менѣе оборвать отростковъ стебля и корней.

Для успѣху и удобства посадки достаточно оставить поросль длиною въ десять и двѣнадцать дюймовъ.

Вынутые густые, толстые пучки песчаныхъ растеній, для удобства пересадки и для сбереженія матеріала, раздѣляются на пучки меньшей толщины, — въ руку.

Не должно въ одинъ день вынимать больше растеній чѣмъ сколько можетъ быть ихъ посажено.

Если же мѣсто полученія песчаныхъ растеній значительно удалено отъ мѣста посадки, то слѣдуетъ, на мѣстѣ садки, покрывать растеніе пескомъ по-крайней-мѣрѣ на двѣ трети ихъ длины.

Ямки для садки растеній прѣготавливаются во время самаго сажанія, небольшою желѣзною лопатою и такой величины, чтобы пересаживаемыя растенія могли быть размѣщены въ нихъ удобно, не нарушая естественнаго положенія корней.

Глубокая садка очень выгодна.

Самый выгодный и испытанный порядокъ посадки слѣдующій.

На линіяхъ перпендикулярныхъ направленію дуновенія вѣтра, проводятъ плугомъ, или лопатою, неглубокія канавки, въ разстояніи одна отъ другой отъ шести до семи футовъ; въ эти канавки сажаютъ непрерывными рядами песчаныя растенія. Перпендикулярно къ засаженнымъ уже канавкамъ проводятъ новыя, которыя въ свою очередь засаживаются также растеніями.

Внутри образовавшихся отъ такой садки шести-или семи-футовыхъ квадратовъ разсаживаютъ еще песчаныя растенія въ разстояніи одно отъ другаго до полутора или двухъ футовъ.

Для засаженія такимъ порядкомъ одной десятины потребно около тридцати рабочихъ дней.

На летучихъ пескахъ, легко и сильно возносимыхъ вѣтрами, на

возвышенныхъ мѣстахъ, весьма полезно сажать нестачныя растенія въ козенномъ положеніи противу направленія вѣтра, такъ, чтобы стебель съ листьями были наклонены подъ угломъ сорока-пяти и пятидесяти градусовъ къ площади летучаго песку, или еще лучше, прилегали бы къ нарѣчно приготовленной подъ ними мелкой продольной ложбинѣ.

Песчаную осоку и пшеницу можно разводить съ уеѣхомъ садиюю корневыхъ отрѣзковъ только на несильно подвижныхъ и невысоко лежащихъ пескахъ.

Для этого корни осоки и пшеницы, лежащія не глубоко подъ поверхностію летучаго песку, длинные и твердые, разрѣзываются по узламъ на отрѣзки отъ шести до десяти дюймовъ и кладутся плотно одинъ подлѣ другаго или на разстояніи шести или осьми дюймовъ въ бороздки, проведенныя плугомъ или сдѣланныя лопатою, на разстояніи одна отъ другой отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ и отъ пяти до семи дюймовъ глубиною.

Посаженные черенки покрываются пескомъ и послѣ этого укатываютъ площадь песку желѣзнымъ или деревяннымъ каткомъ. Выгоднѣйшее время для садки—весна.

Полагаютъ выгоднымъ укрѣплять летучіе пески картофелемъ, но опыты сдѣланные по этому предмету еще весьма недостаточны.

Но изъ всѣхъ способовъ укрѣпленія летучаго песку самый надежный, прочнѣйшій и прибыльнѣйшій, есть лѣсоразведеніе.

Значительность издержекъ, неразрывно связанныхъ съ этимъ способомъ укрѣпленія песку, не должна удерживать хозяина отъ выполненія этой важной и благотворной послѣдствіями мѣры. Покрывъ летучій песокъ полными и здоровыми лѣсонасажденіями и отвративъ тѣмъ гибельное вліяніе песчаной пустыни на окрестныя мѣстности, мы твердо можемъ быть убѣждены въ возможности извлекать изъ пространства земли, прежде не только бесполезнаго, но даже вреднаго, значительныя выгоды.

При лѣсоразведеніи на летучемъ пескѣ необходимо выравниваніе, планированіе укрѣпляемой площади.

Работы въ выравниванія площади летучаго песку состоятъ:

Въ уничтоженіи не большихъ песчаныхъ холмовъ.

Въ выравниваніи на нагрныхъ пескахъ горныхъ покатостей, имѣющихъ много обваловъ, прерывовъ и прочая.

Въ уничтоженіи на нагорныхъ пескахъ глубоко-врѣзанныхъ тѣсанъ, узкихъ логовинъ, а на равнинѣ значительно глубокихъ ронъ, котловинъ, и прочая.

Если не нужно поснѣшать работами выравниванія и на по-

вѣтренной по направленію отъ песчаныхъ холмовъ и горныхъ наклоновъ сторонѣ не находится ни какихъ угодій, то совершенное разравниваніе холмовъ и горныхъ наклоновъ можетъ быть предоставлено вѣтру; при этомъ необходимо частое разрыхленіе, раскапываніе самыхъ холмовъ и неровностей.

Если же необходимо завалить тѣснину или логовину, то по направленію вѣтра разставляютъ въ тѣснинахъ или логовинахъ плетеные заборы отъ трехъ до трехъ съ половиною футовой вышины, или вмѣсто заборовъ втыкаютъ кучки прутьевъ, соломы и прочее. Когда заборы или пучки соломы будутъ засыпаны пескомъ, становятся новые заборы или втыкаютъ пучки прутьевъ и работу эту продолжаютъ до-тѣхъ поръ, пока площадь нанесеннаго песку не возвысится до уровня горныхъ стѣнъ.

Пространство укрѣпляемаго летучаго песку должно быть ограждено заборами; заборы ставятся или на граничныхъ линіяхъ небольшой площади летучаго песку для воспрепятствованія наносу песку на смежныя съ нимъ пространства, или внутри границы песку для безпрепятственного, успѣшнаго ходу работы.

Плетеные заборы въ три и три съ половиною фута вышиною, поставляемые съ первою цѣлю, служатъ для образованія охранныхъ валовъ. Песокъ, накопляющійся у плетенаго забора, совершенно засыпая его, образуетъ современемъ валъ, который для надежнѣйшаго укрѣпленія засаживается песчаными растеніями *Carex arenaria* и *Triticum repens* или же древесными и кустарными породами.

При поставленіи заборовъ для лѣсоразведенія должно соблюдать слѣдующія правила:

Никогда не должно ставить заборовъ въ прямой линіи къ направленію вѣтра, но всегда подъ тупымъ угломъ, или въ видѣ неполнаго плоскаго полукружія.

Столбы или толстыя жерди, служащія для связи плетней, должны быть укрѣпляемы въ твердой землѣ подъ наносомъ песку; въ противномъ случаѣ заборы легко могутъ быть повалены вѣтромъ.

На неровной площади летучаго песку, покатой, мѣстами возвышенной, должно наблюдать: а) чтобы заборы поставленные на покатостяхъ площади, стояли вершинами своими въ уровень съ заборами возвышенныхъ и ровныхъ мѣстъ; б) при постепенномъ возвышеніи площади по направленію вѣтра, слѣдуетъ ставить большее число заборовъ, чѣмъ при постепенномъ пониженіи ея. Это же правило слѣдуетъ соблюдать и при поставленіи забо-

ровъ на несчастныхъ холмахъ продолговатой формы; на откосахъ обращенныхъ къ сторонѣ вѣтра число заборовъ слѣдуетъ увеличивать, а на откосахъ, на вѣтренной сторонѣ, заборы ставятся на большихъ разстояніяхъ. При круглой формѣ холмовъ, заборы ставятся кругомъ.

Первоначально должно ставить заборы на той сторонѣ, откуда начинается дуновение вѣтра и первое движеніе песку. Первые заборы должны быть поставлены отступя нѣсколько отъ граничной линіи летучаго песку.

За первыми заборами вторые, третьи и такъ далѣе ставятся не прежде какъ по строгому изслѣдованіи и опредѣленіи разстоянія, на которомъ начинается вновь сильное повѣваніе и движеніе песку, и на линіи пунктовъ замѣченнаго движенія и наноса песку, располагаютъ второй, за нимъ, по такому же изслѣдованіи, третій, и такъ далѣе, ряды заборовъ.

Положительнаго числа для опредѣленія разстоянія между заборами назначить нельзя, но смотря по мѣстности летучихъ песковъ и силѣ дующихъ въ нихъ вѣтровъ, разстояніе между заборами можетъ быть отъ шести, двѣнадцати, осьмнадцати до тридцати и болѣе саженъ.

Высота заборовъ на равнинѣ не должна превосходить трехъ или трехъ съ половиною футовъ, напротивъ того въ глубинахъ продолбинахъ, котловинахъ и низменностяхъ заборы должны быть выше, отъ четырехъ до пяти футовъ. Не слѣдуетъ ставить заборовъ выше пяти футовъ; они легко опрокидываются вѣтромъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ песокъ задымается высоко, не представляютъ ни какой защиты отъ его наноса; въ этомъ остается одно только средство къ отвращенію зла: покрываніе площади, огражденной уже заборами, кустарникомъ и вѣтвями.

Длина заборовъ также весьма различна; обыкновенно она образуется съ величиною площади летучаго песку и разстояніемъ на которомъ ставятся заборы одинъ отъ другаго въ одной прямой линіи. Это послѣднее опредѣляется большей или меньшей силой вѣтровъ, болшею или меньшею подвижностію песку и положеніемъ: чѣмъ сильнѣе вѣтры, легче и подыматѣе песокъ при первомъ положеніи, тѣмъ меньшіе остаются между заборами промежутки и тѣмъ короче дѣлаются заборы.

Въ мѣстностяхъ неровныхъ, гдѣ направленіе вѣтровъ измѣнчиво и неостоянно, заборы ставятся въ различныхъ направленіяхъ, перекрещая площадь песку, однако такъ, чтобы они

удерживали вконец и порывъ вѣтру и вѣденье защищали бы лошади за ними отрывъ площади.

Заборы слѣдуетъ ставить немедленно за выравниемъ, планировкой, площади песку.

Заборы поставляемые на граничныхъ линіяхъ летучаго песку для защиты культурныхъ пространствъ отъ скота и людей, могутъ быть приготовлены различнымъ образомъ и изъ различнаго матеріала, смотря по удобству получения его и величинѣ предполагаемыхъ на устройство ихъ издержекъ: заборы могутъ быть досчатые, жердяковые или же плетняковыя затороды.

Если не предостоятъ опасности наѣзжаннаго разламыванія, разнищенія заборовъ, то всего лучше и съ небольшими издержками готовятъ ихъ слѣдующимъ образомъ: на разстояніи одной и полуторы сажени вколачиваютъ отъ трехъ до четырехъ дюймовой толщины въ три и три съ половиною фута вышнюю колья, и къ нимъ деревянными гвоздями приколачиваютъ три негнѣтыхъ горбыля или плоско обтесанныя жердвы на разстояніи одна отъ другой отъ одного до полутора фута. Выгода этихъ заборовъ заключается въ легкости перевозки ихъ.

Для заборовъ, поставляемыхъ для защиты летучаго песку отъ вѣтровъ, съ выгодою можно употребить хвойныя вѣтви, хвойный хворостъ, переплетенный густо безъ оставленія промежутковъ между кольями двухъ съ половиной и трехъ дюймовой толщины. Хвойныя вѣтви и хворостъ лучше брать изъ десяти или двѣнадцати-лѣтнихъ сосновыхъ молодняковъ, не слишкомъ густо разросшихся вершинъ сосновыхъ деревъ средняго возраста, а колья приготовляютъ изъ твердыхъ древесныхъ породъ, — если возможно, то изъ дуба, — или же козлатаго, стараго ольшатаго гѣса. За недостаткомъ хвойныхъ вѣтвей можно употреблять и лѣтвенныя вѣтви, преимущественно граба, явля (за исключеніемъ лозы ильи). Березу для вышества заборовъ употребить невыгодно: она скоро гниетъ.

Мало въ запасъ небольшое количество лѣтвеннаго и хвойнаго хворосту, можно прѣлгать заборы изъ половины тѣхъ и другихъ, и въ этомъ случаѣ верхняя часть забора переплетается лѣтвенными, а нижняя хвойными вѣтвями.

Для придаванія заборамъ большей прочности необходимо закручивать верхній переплетъ ихъ вкручиваніемъ толстыхъ сучьевъ и вѣтвей и подпирать заборы съ обѣихъ сторонъ небольшими кольями; для большей же плотности плетняка необходимо окладывать его сверху деревяннымъ молоткомъ и колотушками.

Для приготовления забора трехъ съ-половиною футовой вышины и двухъ сажень длины требуется примѣрно двѣ-трети кубической сажени хвойнаго хворосту, шесть или семь колець для плетняка и одинъ или два подпирательныхъ кола.

При сильномъ движеніи песку и рѣзкомъ дуновеніи вѣтровъ необходимо, поставленіе заборовъ соединять съ покрытіемъ площади вѣтвями. И для этой цѣли лучше употреблять хвойныя и, въ-особенности, сосновыя вѣтви, потому что онѣ плотнѣе прикрываютъ почву и удобряютъ ее скорѣе обсыпавшимся хвоемъ. Прикрываніе площади производится различно: если имѣется въ виду только временное и совершенное прекращеніе движенія песку на небольшомъ пространствѣ, то все пространство укладывается вѣтвями сплошь; если же имѣютъ въ виду разведеніе лѣса, то летучій песокъ покрывается полосами съ оставленіемъ промежутковъ такой величины, чтобы движеніе песку не препятствовало бы работамъ. Бываютъ, впрочемъ, весьма рѣдкіе случаи, что предъ лѣсоразведеніемъ покрываютъ площадь летучаго песку сплошь.

Сосновыя вѣтви, употребляемыя для покрытія площади, должны имѣть болѣе плоскія сучья, потому что по такимъ вѣтвямъ вѣтеръ скользитъ тихо и не разшевеливаетъ ихъ, какъ то бываетъ съ круглыми сучьями.

Покрытіе песчаной площади должно начать со стороны дуновенія вѣтра: вѣтви втыкаются на два или три дюйма въ песокъ противъ направленія вѣтра, такъ, что вѣтвяною своею стороною онѣ обращаются по вѣтру.

Весьма выгодно покрывать песокъ вѣтвями съ еливыми.

Для густаго покрытія одной десятины потребно около трехъ тысячъ футовъ хвойнаго хворосту или до тридцати-оцми кубическихъ сажень вѣтвей; для выполненія же самой работы нужно до тридцати рабочихъ дней.

За неимѣніемъ хвойныхъ вѣтвей можно употреблять для покрытія площади, но съ гораздо меньшею выгодною, тонкіе пугты соломы, камыша, а также и хвой.

Хвоемъ можно покрывать только низменныя песчаныя мѣста, на возвышеніяхъ же онъ вовсе негоденъ. Жгуты соломы, пакія связки камыша, для приданія покрытію вѣтвяной прочности, укладываются по концамъ нѣкими жердями, прикрывая эти послѣднія деревянными вилками; съ этою же цѣлью можно насыпать на нихъ камни или куски дереу.

Выгоднѣйшею породою для разведенія на летучемъ пескѣ, происшедшемъ на самомъ мѣстѣ порожденія его, оказывается сосна. На пескахъ такого качества сосна доставляетъ наибольшую противу прочихъ древесныхъ породъ прибыль.

За обыкновенною сосною, въ особенности по пригодности укрѣпленія песковъ на морскихъ берегахъ, слѣдуетъ морская сосна (*maritima*). Далѣе ивы, тополя, особенно выгодныя на пескахъ не слишкомъ глубокихъ, съ подпочвою посредственнаго качества. Береза, мало способствуя прикрытію и укрѣпленію песковъ, заслуживаетъ вниманія при разведеніи ея въ смѣси съ другими породами.

На пескахъ влажныхъ или даже сырыхъ, находимыхъ только мѣстами и то весьма рѣдко, съ успѣхомъ можетъ быть разводима ольха.

Изъ ивъ, для укрѣпленія летучихъ песковъ, наиболѣе выгодныя *salix ageraria, fusca, rubra, cinerea, герена, incubacea* и *vincinalis*.

На пескахъ не глубокихъ, съ хорошею подпочвою, можно разводить акацію, барбарисъ, и при нѣкоторой влажности песку *обыкновенную* (*hipporhoe ramnoides*).

Сосна на летучихъ пескахъ можетъ быть разводима посѣвомъ чистыхъ сѣмянъ, шишками и садкою.

Посѣвъ чистыми сѣмями — способъ самый выгоднѣйшій.

Посѣвъ шишками бываетъ удаченъ преимущественно только на неглубокихъ пескахъ, гдѣ хорошая почва засыпана пескомъ на нѣсколько или десять дюймовъ.

Разведеніе сосны садкою удается только на неглубокихъ пескахъ, при самой тщательной посадкѣ трехъ и четырехъ лѣтнихъ еженцевъ.

Почву для посѣва сосны воздѣлываютъ только бороздами. Борозды проводятся плугомъ, или же при неблагопріятной для того мѣстности, приготавливаются лопатою и по возможности глубже. Бороздахъ дается ширина отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ, промежуткамъ же между ними отъ двухъ до двухъ съ половиною дюймовъ; слишкомъ узкіе и широкіе интервалы имѣютъ ту невыгоду, что площадь или слишкомъ много разрыхляется, или же остается недостаточно покрытою растеніями.

Направленіе борозды, если позволяетъ мѣстность, должно быть съ запада на востокъ; или же съ сѣверо-востока на юго-западъ, и это для того, чтобы отвратить сильное освѣщеніе и нагрѣваніе бороздъ солнцемъ по днѣ ихъ.

Поэтому борозды могутъ идти или перпендикулярно или парал-

лельно къ поставленнымъ заборамъ или же подь острымъ и тупымъ угломъ.

На большихъ покатыхъ холмахъ и другихъ возвышеніяхъ борозды проводятся не отъ вершины ихъ до подошвы, то есть не продольно, не перпендикулярно къ площади ихъ основанія, а болѣе по окружности ихъ, то есть поперечно площади основанія, такъ, что они обхватываютъ, обоймаютъ холмы.

Правило это должно быть строго соблюдаемо, потому что въ противномъ случаѣ вода стекающая съ холмовъ и горныхъ покатостей легко размываетъ борозды и уноситъ изъ нихъ сѣмена.

Для посѣву нужно выбирать сѣмена самыя лучшія и преимущественно отдѣленные солнечной теплотою, потому что немногo подгорѣлыя, какія весьма часто получаются изъ искусственныхъ сѣмяносушиленъ, на летучемъ пескѣ рѣдко всходятъ.

Лучшее время для посѣва весна, по минованіи позднихъ весеннихъ морозовъ, потому что тогда обработка земли не представляетъ такихъ препятствій какъ въ сухое лѣтнее время, когда борозды легко обсыпаются и заносятся пескомъ, высѣяныя сѣмена скорѣе всходятъ, растенія быстрѣе развиваются и ко времени наступленія жаровъ укрѣпляются въ такой мѣрѣ, что легко противостоятъ имъ.

Для высѣванія сѣмянъ должно выбирать безвѣтренную, тихую и сырую погоду; по сдѣланнымъ и достовѣрнымъ замѣчаніямъ удачѣйшіе посѣвы выполняются утромъ, когда роса еще не испарилась, и вечеромъ, передъ сумерками, когда воздухъ начинаетъ освѣжаться вечернею росою.

Для густаго засѣва одной десятины нужно до тридцати чистыхъ, обезкрыленныхъ сѣмянъ. Для сбереженія издержекъ на поправленіе и дополненіе всходовъ, весьма часто превышающихъ главныя издержки первой культуры, гораздо выгоднѣе сѣять какъ можно гуще, чтобы въ первые осемь и десять лѣтъ по лѣсоразведенію отвѣтить и прикрыть совершенно еще неокрѣпую почву.

Порядокъ работъ при посѣвѣ слѣдующій: по поставленіи перваго ряда плетеныхъ заборовъ проводятся борозды перпендикулярно, параллельно, или же подь острымъ или тупымъ угломъ къ заборамъ до той точки, на линіи которой песокъ начинаетъ сильно двигаться. На этой линіи разставляютъ второй рядъ заборовъ, и затѣмъ уже работы сосредоточиваются между поставленными заборами.

Въ борозду, проведенную въ началѣ работы, одинъ изъ работ-

песокъ выстилаетъ сдвѣда, другой присыплетъ ихъ слегка пескомъ, третій же тотчасъ покрываетъ борозду хвойными вѣтвями, не вытѣкая однако сузившихся концовъ ихъ; въ это время другими работниками воздвигается вторая борозда и съ нею поступаютъ точно также какъ съ первой, и такъ далѣе.

Главное правило при этихъ работахъ состоитъ въ томъ, чтобы по возможности снѣшить слѣдованіемъ одной работы за другою.

Несоблюденіе этого правила можетъ не только совершенно разстроитъ порядокъ работъ, но и бесполезно увеличитъ издержки исполненія ихъ.

Засѣяныя борозды должно покрывать хвойными вѣтвями или другими матеріалами, только въ такой мѣрѣ, чтобы песокъ выказывался изъ-подъ нихъ маленькими мѣстечками; Въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ, на небольшихъ пространствахъ, можно обойтись безъ покрыванія площади вѣтвями.

По мѣрѣ появленія всхода слѣдуетъ мало-по-малу сдвѣгать вѣтви, стараясь не обнажать песку большими мѣстами; Окончательное же снятіе вѣтвей съ бороздъ слѣдуетъ не ранѣе какъ за достаточнымъ укорененіемъ растений и достиженіемъ ими вышины отъ трехъ до четырехъ дюймовъ.

Вѣтви, снимаемыя съ бороздъ по мѣрѣ надобности, въ случаѣ существующей еще зыбучести песку, перекадываются на промежутки между бороздами.

Когда площадь летучаго песку требуетъ быстро и сплошнаго покрытія вѣтвями, то разведеніе лѣса производится небольшими мѣстами по мѣрѣ снятія вѣтвей.

Когда песокъ полосами покрытъ вѣтвями еще до лѣсоразведенія, тогда посѣвъ и садка предпринимаются на обнаженныхъ бороздахъ, и засѣяныя борозды покрываются вѣтвями съ полосъ незасѣянныхъ.

При разведеніи лѣса на пространствахъ летучаго песку, полосами покрытыхъ глинистою землею, посѣвъ производится на самыхъ полосахъ (только въ то время, когда площадь летучаго песку достаточно укрѣпится), а садка на промежуткахъ; при этомъ ямы выполняются глинистою землею.

Когда поступаетъ подъ лѣсоразведеніе пространство летучаго песку, укрѣпленное песчаными растеніями, то выгоднѣе разводить лѣса садкою.

При лѣсоразведеніи на площади летучаго песку, покрытой полосами верхнимъ, дернистымъ покровомъ торфяныхъ или моховыхъ болотъ и уже поросшей травой, масса растительнаго пе-

регноя, образовавшаяся отъ сгнѣнія покрова на песокъ, раздѣляется равномерно по всей площади и затѣмъ уже слѣдуетъ посѣвъ бороздами или мѣстами, или же садка. Здѣсь кстати замѣтить, что на площадяхъ летучаго песку, предназначенныхъ къ лѣсоразведенію, рѣдко можетъ быть необходимо и выгодно прекращеніе движенія песковъ покрываніемъ ихъ глинистою землею или дернистымъ покровомъ болотъ.

Посѣвъ сосны шишками можетъ быть успѣшенъ только на неглубокихъ пескахъ съ хорошею подпочвою; на пескахъ глубокихъ, сухихъ и мелкозернистыхъ посѣвъ шишками удастся едва только при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ мѣстности.

Посѣвъ шишками можно производить или сплошь на выровненную площадь летучаго песку, или въ борозды.

Для удобнаго посѣву сплошь необходимое условіе — малая глубина песку. Засѣявъ сплошь шишками площадь глубокаго песку, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ надѣяться на вознагражденіе употребленныхъ на то издержекъ; растеньца, взшедшія кучками по всей площади летучаго песку, не находя ни какой защиты и питанія въ подвижной и накаляемой солнцемъ поверхности песку, неминуемо погибаютъ, или чаще еще вычлупившіяся сѣмена совершенно засыхаютъ подъ палящими лучами солнца, не произведя ни одного растенія.

Посѣвъ шишекъ на глубокихъ пескахъ въ борозды представляетъ вѣроятность въ успѣхѣ, потому что сѣмена въ бороздахъ защищены болѣе отъ жару, пользуются, хотя и въ маломъ количествѣ, собирающеюся въ бороздахъ влажностью, и растенія, всходящія въ нихъ, находятся ближе къ матерой землѣ, нежели при поверхностномъ сплошномъ разсѣвѣ шишекъ.

Посѣвъ шишками сплошь производится слѣдующимъ образомъ:

Шишками нагружаютъ телѣгу одноконную или двухконную и вывозятъ ихъ на площадь летучаго песку; одинъ работникъ, стоя на задней части телѣги, разбрасываетъ шишки широкою лопатою; другой, слѣдуя поодаль телѣги, разметываетъ ихъ тупой метлою, стараясь распределить по площади равномерно. Въ проѣздахъ телѣги соблюдается, разумѣется, порядокъ, то есть, проѣзжаютъ площадь песку взадъ и впередъ по одному какому либо направленію, какъ это дѣлается при воздѣлываніи, паханіи почвы. На площади холмистой шишки развозятъ на ручныхъ малыхъ одноколесныхъ телѣжкахъ.

Послѣ посѣву шишекъ, когда чешуйки начнутъ открываться, необходимо обрабатывать и перемишивать ихъ тупою мет-

люю; работа эта при посѣвѣ на летучихъ пескахъ совершенно важнѣе, нежели на всякой другой почвѣ.

По выпаденіи сѣмянъ, площадь летучаго песка, если она не довольно защищена шишками, должна быть слегка прикрыта вѣтвями, которыя, по мѣрѣ появленія и возрастанія всхода, убираются мало по-малу.

Для бѣльшаго успѣха посѣву, вмѣсто оборачиванія шишекъ метлою, полезнѣе заволакивать ихъ слегка лѣсною бороною.

Для сплошнаго посѣву нужно до сорока-пяти четвериковъ, а для посѣву бороздами до тридцати четвериковъ; для исполненія же работы, считая и оборачиваніе шишекъ, достаточно трехъ-рѣбочихъ дней.

Для посѣву шишками борозды приготавливаются нѣсколько глубже, чѣмъ для посѣву чистыхъ сѣмянъ; при раскрываніи чешуекъ, шишки оборачиваются метлою и по выпаденіи сѣмянъ, борозды прикрываются вѣтвями.

Посѣвъ шишками имѣетъ ту невыгоду, что, въ ожиданіи раскрытія шишекъ, борозды остаются долгое время непокрытыми и шишки часто засыпаются пескомъ, отчего онѣ почти совсѣмъ не раскрываются и пространство летучаго песка остается оттого необъемленнымъ.

При разведеніи на пескахъ сосны садкою, кромѣ общихъ на этотъ предметъ правилъ, должно по возможности соблюдать еще слѣдующія:

Для пересадки должны быть избраны саженцы съ хорошо развитою корневою системою и не старѣе четырехъ лѣтъ.

Никогда не должно брать саженцевъ, взросшихъ на отличнo плодородной почвѣ. Изъ этого правила дѣлается исключеніе только пересадка однолѣтнихъ и двулѣтнихъ растеньицъ, возвращаемыхъ въ питомникахъ.

Саженцы должны быть пересаживаемы съ глыбами земли у корней.

Посадки должно производить весною; осеннія посадки на летучихъ пескахъ большею частію не удаются.

Саженцы нужно садить нѣсколько глубже прежняго ихъ столбія.

Ямы слѣдуетъ приготавливать вмѣстѣ съ садкою растений, но отнюдь не заблаговременно.

На пескахъ, представляющихъ много возвышеній и холмовъ, первоначально слѣдуетъ засадить вершины песчаныхъ возвышеній.

Для выниманія и садки саженцевъ, для ускоренія работы, упо-

требуется особенная лопата. Она состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть ея представляетъ плоское клинообразное желѣзко сверху шести дюймовъ, а внизу четырехъ дюймовъ шириною и осьми длиною, съ желѣзнымъ въ пять дюймовъ длины крутымъ наверхшпикомъ для укрѣпленія деревянной рукоятки. Вторая часть лопаты — желѣзко трехстороннее: къ плоскому желѣзку такихъ же размѣровъ какъ первая лопатка, припаиваются по крайнимъ линіямъ длины его, подъ прямымъ угломъ, двѣ желѣзныя сторонки, клинообразно книзу суживающіяся, сверху шириною четыре, а внизу до трехъ четвертей дюйма; это трехстороннее желѣзко снабжено также желѣзнымъ наверхшпикомъ для вставки деревянной рукоятки.

Эти обѣ части, сложенные вмѣстѣ, составляютъ клинообразный четырехсторонникъ.

Для выниманія саженца работникъ углубляетъ въ землю вѣскольکو косвенно сперва трехстороннюю лопатку и нажимаетъ ее къ саженцу, такъ что онъ какъ бы вдвигается въ средину ея; потомъ плоской лопаткой отрѣзываетъ съ другой стороны саженца глыбу земли, такъ что лопатка плотно приходится къ острымъ трехсторонней лопатки; наконецъ, взявъ одной рукой рукоятъ первой лопатки, а другой рукоятъ второй, работникъ вынимаетъ растеніе вмѣстѣ съ цѣлой неразвороченой глыбой земли.

Одинъ работникъ въ рабочій день (четырнадцать часовъ) можетъ удобно вынуть изъ земли отъ 1600 до 2000 трехъ — четырехлѣтнихъ саженцовъ.

Для развозки саженцовъ къ ямамъ употребляются особо для того приготовляемыя деревянные носилки длиною въ полтора, а шириною въ одинъ аршинъ. Эти носилки укрѣпляются на ножкахъ такой длины, что одна изъ длинныхъ сторонъ носилокъ возвышается отъ земли отъ двухъ съ половиною до трехъ дюймовъ, а другая только едва на одинъ дюймъ и, слѣдовательно, представляютъ покатую площадъ; съ трехъ сторонъ, кромѣ возвышающейся на одинъ дюймъ, носилки околачиваются дощечками въ два до двухъ съ половиною дюймовъ.

На такихъ носилкахъ растенія укладываются въ рядахъ, глыбами земли къ высокому, а вѣтвямъ къ низкому краю носилокъ.

Для посадки растенія работникъ подвигаетъ трехстороннюю лопату подъ саженецъ, лежащій на носилкахъ, и прикрываетъ его плоскою одножелѣзковою лопатою, такъ что растеніе помещается внутри четырехсторонняго, клинообразнаго пустаго про-

стронства, образующагося сложениемъ двухъ лопатокъ. Растеніе такимъ образомъ заключенное между двухъ лопатокъ, опускается осторожно въ яму, приготовленную тѣми же лопатками; ямка засыпается землею и уминается на столько, чтобъ у стволика образовалось небольшое углубленіе для накопленія влаги.

Выгоднѣйшій порядокъ посадки на летучихъ пескахъ самъ-четверть, и при этомъ саженцы должны отстоять одинъ отъ другаго никакъ не далѣе трехъ — четырехъ футовъ.

Если, передъ садкою, площадь летучаго песку не была покрыта вѣтвями, то при самой садкѣ покрываются вѣтвями, смотря по степени зыбучести песку, или всѣ промежутки между саженцами, или только нѣкоторые. Когда же площадь песку была передъ садкою полосами покрыта вѣтвями, то при садкѣ на обнаженныхъ полосахъ вѣтви съ преждепокрытыхъ полосъ снимаются въ такой мѣрѣ, сколько нужно для засадки ихъ саженцами въ принятомъ разстояніи, и перекладываются на засаждаемыя полосы, въ промежутки между саженцами, и затѣмъ обнаженные мѣста первыхъ полосъ засаживаются. Для засадки одной десятины самъ-четверть, въ четырехъ-футовомъ разстояніи между саженцами, потребно ихъ 13,066 штукъ, а для выполненія самой работы — до сорока рабочихъ дней.

Если въ окрестности летучихъ песковъ нѣтъ сосновыхъ насажденій, или за отдаленностію мѣста не могутъ быть получены нужныя для садки растенія и возвращеніе ихъ въ питомникахъ, на плодородной, вблизи летучаго песку находящейся землѣ, неудобносполнимо или невозможно, то необходимо на площади летучаго песку заложить сѣменные питомники.

Для этого слѣдуетъ избрать низменные мѣста въ половину, четвертую или осьмую десятины, на которыхъ песокъ менѣе подвиженъ и покрытъ мелкими травами; обнести ихъ заборомъ, засеять сплошь чистыми сѣменами, и по закрытіи сѣмянъ слегка землею, покрыть засеянное пространство вѣтвями.

При заложеніи сѣменныхъ питомниковъ на углубленныхъ и нѣсколько влажныхъ мѣстахъ и въ особенности на ровныхъ, сухихъ площадяхъ летучаго песку, полезно прибѣгать къ мѣрамъ удобренія.

Самая удобносполнимая мѣра слѣдующая: небольшія площади летучаго песку, предназначенныя подъ сѣменные питомники за три, за пять лѣтъ до заложенія ихъ, обносятся заборомъ, или же живыми изгородями изъ вѣв и тополей и покрываются хвоемъ или мелкими сосновыми (отъ молодыхъ деревъ) вѣтвями. Песокъ,

защита отъ дѣйствій вѣтру, мало-по-малу задерживаетъ, а хвой, способствующій къ удержанію въ немъ влаги, медленнѣе перегнивая, значительно удобряетъ его. Удобрения такимъ образомъ нѣста должны быть, передъ засѣвомъ, поверхность взрыхлена, для того, чтобъ верхній, наиболѣе удобреннѣйшій слой земли смѣшанъ съ ближайшимъ малоудобреннымъ, или же совершенно бесплоднымъ.

За этой довольно дѣйствительной мѣрой слѣдуетъ разведеніе песчаныхъ растений за три и четыре года предъ заложеніемъ сѣмяннаго питомника.

Къ трудно-исполнимымъ мѣрамъ удобрения почвы принадлежатъ употребленіе чернозема, глины, растительныхъ гниющихъ остатковъ и прочая, навозныхъ тонкихъ слоевъ на площадь летучаго песка.

Особымъ приготовленіемъ сѣмянъ можно также способствовать успѣшнѣйшему выходу ихъ и быстрому развитію растений. Не дорогое и на дѣлѣ испытанное приготовленіе сѣмянъ состоитъ въ томъ, что ихъ кладутъ на нѣсколько дней въ жидкій, какъ кашка, растворъ чернозема и потомъ, по вынутіи оттуда, обсушиваютъ нѣсколько на вольномъ воздухѣ.

Если же необходимость побуждаетъ заложить питомникъ на совершенно бесплодномъ пескѣ, то для полученія всхода достаточной густоты, необходимо увеличеннымъ количествомъ сѣмянъ, такъ сказать, замѣнить недостатокъ въ надлежащемъ качествѣ почвы.

Въ странахъ малолѣсныхъ, гдѣ разведеніе скорорастущихъ породъ составляетъ предметъ большой важности, и гдѣ возвращенію сосны противопоставляются какія-либо препятствія, разведеніе ивъ и тополей, не смотря на то что онѣ мало способствуютъ удобренію и прочному прикрытію почвы, заслуживаетъ вниманія.

При разведеніи ивъ и тополей на небольшихъ пространствахъ, можно избѣгнуть постановки наѣвтранныхъ заборовъ, ограждая площадь летучаго песка живыми изгородями возвращаемыми изъ разводныхъ же породъ.

На летучихъ пескахъ легко подвижныхъ можно разводить съ большою выгодною такъ называемую сѣдую иву (*salix cinerea*), потому что она плотно прикрываетъ почву своими густорастяющимися нижними вѣтвями и болѣе другихъ породъ ивъ сносить засыпаніе пескомъ.

Ивы: песочная, темноватая, ползучая, красная и калужица (*sal. arenaria, fusca repens, rubra, vincinalis, incubacea*) болѣе

пригодны для возращенія на пескахъ менѣе подвижныхъ и нѣсколько защищенныхъ.

Изъ породы тополей оказались выгоднѣйшими для разведенія, особенно на горныхъ вершинахъ и на склонахъ горъ, тополь черный (р. nigra), и осина (р. tremula).

Для разведенія означенныхъ выше породъ, черенки должны быть вырѣзаны изъ двухъ-или трехъ-лѣтнихъ сучьевъ молодыхъ деревъ или кустарниковъ во время сокообращенія и за короткое время передъ садкою, и имѣть отъ одной половинны до трехъ четвертей дюйма толщины; черенки болѣе толстые и взятые отъ старыхъ деревъ рѣдко принимаются.

Черенки должны быть обрѣзаны на-косъ, совершенно гладко съ обѣихъ концовъ.

Лучшее время для садки черенковъ на летучихъ пескахъ — весна. Длина черенковъ должна соответствовать глубинѣ песка: чѣмъ глубже песокъ, тѣмъ они вырѣзываются длиннѣе; самая большая длина ихъ — тридцать дюймовъ и наименьшая пятнадцать—дюймовъ.

Черенки должно сажать въ нѣсколько косвенномъ направленіи для лучшаго разростанія отпрысковъ и корней, отъ юга къ сѣверу и такъ глубоко, чтобы они выставлялись по верхъ земли не больше какъ на шесть дюймовъ. Передъ сажаніемъ, для возбужденія въ черенкахъ скорѣйшей побѣгопроизводительности, полезно класть ихъ на семь и на десять дней въ воду.

Самый выгодный способъ садки черенковъ — бороздами; при этомъ слѣдуетъ соблюдать чтобы черенки не прилегали одинъ къ другому слишкомъ плотно и были бы расположены изъ срединны борозды въ обѣ стороны.

Весьма полезно покрывать промежутки между бороздами, при самой садкѣ черенковъ, какими-нибудь вѣтвями.

Посадка гнѣздами, то есть въ котлообразныя двухъ и трехъ футовъ въ діаметрѣ ямы, съ успѣхомъ можетъ быть выполнена только на мокромъ пескѣ, на отмѣляхъ, въ руслахъ рѣкъ и по берегамъ ручьевъ.

При достаточномъ числѣ рабочихъ рукъ весьма полезно на первомъ или второмъ году посадки обрѣзывать засыхающіе по верхъ земли концы черенковъ, потому что оставленіе ихъ весьма часто влечетъ за собой засыханіе нижнихъ длинныхъ концовъ. Впослѣдствіи, при пользованіи выросшими вѣтвякомъ и топодемъ, никогда не должно вырѣзывать прутья на протяженіи всей борозды по только изрѣдка, мѣстами.

Для успешнаго разведенія ольхи нужно избирать низменные, углубленные, влажныя мѣста; на сухихъ нѣсколько возвышенныхъ мѣстахъ разведеніе черной ольхи (*aldis glutinosa*) менѣе благоуспѣшно, чѣмъ разведеніе ольхи бѣлой (*a. incana*).

Ольху лучше всего разводить саженцами отъ двухъ съ половиною до трехъ футовъ вышиною, въ трехъ-футовомъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Садку должно производить весною и преимущественно въ сырую погоду, чтобы доставить саженцу при первомъ его укорененіи и укрѣпленіи, необходимѣйшую влажность.

Съ этою же цѣлю и съ большимъ успѣхомъ, на нѣсколько задержавшемъ и, слѣдовательно, малоподвижномъ пескѣ, дѣлають посадки ольхи по особенному способу: на площади предназначенной къ культурѣ, вырываютъ круглыя ямы двухъ-футовой глубины и двухъ футовъ въ діаметрѣ, въ разстояніи одна отъ другой отъ четырехъ до пяти футовъ. Въ эти ямы сажаютъ въ два съ половиною и трехъ-футовой высоты саженцы; ямы остаются открытыми и саженцы выставляются на полфута и на одинъ футъ надъ поверхностію земли.

Для возбужденія болѣея побѣгопроизводительности, спустя одинъ или два года послѣ садки, должно срѣзывать стволы на три или четыре дюйма надъ землею.

Посѣвъ ольховыхъ сѣмянъ на летучихъ пескахъ ограничивается только случаемъ заложенія сѣмяннаго питомника, а садка ольхи черенками, по безуспѣшности ея, почти вовсе не предпринимается.

Кустарникъ обліяшка, не доставляя почти ни какой лѣсной прибыли, возвращается только на самыхъ малыхъ пространствахъ. Обліяшка, какъ и ольха, растетъ успѣшно только на влажныхъ мѣстахъ песка, но не переноситъ слишкомъ мокрой почвы. Разведеніе ея посадкою корневыхъ отпрысковъ, черенковъ и отводками очень легко и удачно; посѣвы, напротивъ, рѣдко удаются.

Для полученія корневыхъ отпрысковъ, вырываютъ раннею весною кустарники со всеми развѣтвленіями корней, и у главнаго корня отрѣзываютъ острымъ ножомъ всѣ боковые корни, и очищаютъ ихъ отъ поросли. Эти отрѣзки боковыхъ корней, а также и поросль кладутъ въ узкія бороздки въ разстояніи одинъ отъ другаго на три и четыре фута и засыпаютъ пескомъ на осемь или двѣнадцать дюймовъ. Вырытый кустъ, по соразмѣрному обрѣзанію вѣтвей, сагается снова.

Корневая поросль растетъ усѣбно даже на совершенно сухомъ пескѣ; черенки, напротивъ, принимаются хорошо только на влажныхъ мѣстахъ. Приготовление и садка черенковъ обліяшки производится точно также какъ черенковъ ивы и тополя, съ тою только разницею, что черенки не должны быть длиннѣе одного фута и при садкѣ не сажаютъ ихъ болѣе какъ на три или на четыре дюйма.

На площади летучаго песку нѣсколько задернѣлой и окрѣпшой, съ надеждою на вѣрный успѣхъ, можно разводить березу, вишневыя деревья и барбарисъ.

Березу должно садить въ молодомъ возрастѣ, когда кора у нея не начала еще бѣлѣть; на второмъ или третьемъ году послѣ садки должно срѣзывать стволыки близко къ землѣ; такая же операція должна быть немедленно предпринимается со всѣми засыхающими, медленнаго, болѣзненнаго росту деревцами.

Вишневые деревья сажаютъ на летучихъ пескахъ точно также какъ и въ садахъ; на глубокихъ и сухихъ мѣстахъ полезно садить ихъ въ одно футовой глубины канавки.

Барбарисъ хорошо прикрывающій песочъ своими густолиственными корневыми отпрысками, можетъ быть съ усѣхомъ разводимъ только тамъ, гдѣ почва, лежащая подъ слоемъ песку, заключаетъ въ себѣ примѣсь извести и мергеля.

Барбарисъ разводится, также какъ и кустарникъ обліяшки, черенками, отводками; но лучше отрѣзками корневой поросли, и корневыми отпрысками.

Кромѣ этихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, для укрѣпленія песковъ неглубокихъ и самаго малаго пространства, могутъ быть разводимы, акація (*rel. prendo acacia*), нѣкоторыя породы длинныхъ розъ (*rosa canina*, *r. rubiginosa*), горькій пасленъ (*solanum dulcomara*), можжевельникъ обыкновенный (*juniperus communis*) и ежевика (*rubus fruticosus*).

И. ШЕЛГУНОВЪ.

=

МАСЛИЧНЫЯ СЪМЯНА

И

СЪМЯННОЕ МАСЛО*.

=

Обширное воздѣлываніе льна и конопли въ Россіи доставляетъ ей возможность отпущать въ иностранныя земли большія количества льняного и коноплянаго сѣмени для маслобойныхъ заводовъ и для пошиву; послѣднiго требуется туда на маслобойные заводы мѣтѣ важнѣе льнянаго сѣмени, потому что иностранцы находятъ выгоднѣе покупать въ нашихъ портахъ конопляное масло. Въ новѣйшее время начался вывозъ изъ Россіи сурьинаго сѣмени, которое получается болѣею частью изъ дикорастущей сурьипцы; но воздѣлываніе этого масличнаго растенія еще не распространилось въ нашихъ хозяйствахъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы сурьинное сѣмя принадлежитъ къ немаловажнымъ статьямъ отпускной торговли. Въ настоящемъ положеніи русскаго хозяйства, по недостатку искусственныхъ луговъ, у насъ еще не могло быть обращено вниманіе на заграничный сбытъ травяныхъ сѣмянъ, между которыми, въ-особенности, замѣчательно клеверное сѣмя, которое вывозится

* Эта статья служитъ дополненіемъ, которое мы обещали сообщить, къ статьѣ «О прядильныхъ и масляныхъ растеніяхъ», напечатанной въ нашемъ журналѣ прошедшаго года.

въ Англію и другія мѣста изъ нѣмецкихъ портовъ", такъ же какъ изъ Голландіи и Франціи. Изъ посѣвныхъ и масличныхъ сѣмянъ къ нашей виѣшней торговлѣ первое мѣсто занимаетъ льняное сѣмя; за нимъ слѣдуетъ конопляное и, наконецъ, сурѣшное и другія сѣмяна, вывозимыя малыми партіями. Въ послѣднее пятилѣтіе, съ 1839 по 1843 годъ, средній отпускъ одного льнянаго сѣмяни простирался на 7,730,000 рублей серебромъ.

Отпускъ льнянаго и коноплянаго сѣмяни сталъ возрастать съ половины прошлаго столѣтія и значительно увеличился втеченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, какъ видно изъ слѣдующаго обзорѣнія :

Отпущено :	Среднія количества :
Въ 1767—1769 годахъ	58,149 четвертей.
— 1793—1797 —	191,939 —
— 1800—1813 —	197,194 —
— 1814—1823 —	387,414 —
— 1824—1833 —	544,947 —
— 1834—1843 —	905,370 —

Въ этихъ количествахъ льняное сѣмя всегда составляло главную часть, а конопляное сѣмя, при большомъ отпускѣ добываемаго изъ него масла, мало требовалось за границу въ прежнее время; но съ нѣкоторыхъ поръ вывозъ этого сѣмяни также весьма увеличился. Въ послѣднее двадцатилѣтіе отпущено сѣмяни:

	Льнянаго.	Коноплянаго.
Въ 1824 году	296,769	7,735 четвертей.
— 1825 —	417,161	8,613 —
— 1826 —	372,251	4,502 —
— 1827 —	527,197	8,356 —
— 1828 —	572,029	14,853 —
<hr/>		
Средняя сумма	437,081	8,912
<hr/>		
Въ 1829 году	605,469	22,676 четвертей.
— 1830 —	678,062	64,503 —
— 1831 —	681,073	29,142 —
— 1832 —	543,327	21,274 —
— 1833 —	534,764	84,726 —
<hr/>		
Средняя сумма	599,537	44,465

* Въ 1831—1810 годахъ привозъ этого сѣмяни въ Англію простирался отъ 160,000 до 400,000 пудовъ. Въ 1837—1841 годахъ средній отпускъ его изъ германскаго Таможеннаго Союза составлялъ 35,000 четвертей.

Въ 1834 году	406,432	33,062	четвертей.
— 1835 —	617,965	70,843	—
— 1836 —	656,759	59,567	—
— 1837 —	753,247	110,344	—
— 1838 —	983,679	23,805	—
<hr/>			
Средняя сумма . . .	683,616	59,524	
<hr/>			
Въ 1839 году	902,107	94,382	четвертей.
— 1840 —	896,684	46,707	—
— 1841 —	1,003,856	95,865	—
— 1842 —	960,451	114,040	—
— 1843 —	1,123,248	90,662	—
<hr/>			
Средняя сумма . . .	997,269	88,331	

Изъ этой таблицы видно, во-первыхъ, что средній вывозъ льнянаго сѣмяна представляетъ постоянное приращеніе, и, если сравнить два крайніе періода, то оказывается, что въ послѣднее пятилѣтіе отпущено на сто-двадцать-осемь процентовъ болѣе нежели въ первое, и, во-вторыхъ, что отпускъ коноплянаго сѣмяна въ первый періодъ былъ весьма мало важенъ и сталъ примѣтно усиливаться только съ тридцатыхъ годовъ; во второй періодъ уже отпущено вѣсело болѣе, а въ сравненіи съ тогдашнимъ, средній вывозъ въ послѣднее пятилѣтіе увеличился почти на сто процентовъ.

Разсмотримъ теперь состояніе среднихъ цѣнъ на эти продукты при усилвшемся вывозѣ ихъ въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ.

Льнянаго сѣмяна:	Средній отпускъ.	Среднія цѣны за четверть.
Въ 1829—1833 г.	599,537 четв. на 3,824,950 р. сер.	6 р. 38 к. сер.
— 1834—1838 г.	683,616 — 5,274,976 —	7 — 71 —
— 1839—1843 г.	997,266 — 7,732,128 —	7 — 75 —

Коноплянаго сѣмяна:

Въ 1829—1833 г.	44,466 — 216,227 —	4 — 86 —
— 1834—1838 г.	59,524 — 321,615 —	5 — 40 —
— 1839—1843 г.	88,331 — 454,410 —	5 — 14 —

Возраставшее требованіе на эти сѣмяна, для заграничнаго отпуска, возвысило цѣны, и несмотря на то средній вывозъ постоянно увеличивался.

Льняное сѣмя составляетъ значительную статью отпускной торговли въ сѣверныхъ портахъ Россіи, и съ недавняго времени ста-

ли вывозить его также из южных ее портовъ. Средній отпускъ льнянаго сѣмляни въ послѣднія двадцать лѣтъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ.

	Въ 1824—1828 годахъ.	Въ 1829—1833 годахъ.	Въ 1834—1838 годахъ.	Въ 1839—1843 годахъ.
Отпущено:	Ч е т в е р т е й.			
Изъ Архангельска . . .	83,966	108,152	89,504	96,400
— Санктпетербурга . .	79,305	172,975	222,459	296,416
— Риги	189,931	213,027	215,992	292,639
— <u>другихъ балтійскихъ</u> портовъ	36,589	31,811	38,704	41,056
— Одессы	205	24,591	58,320	117,709
— Таганрога	3	1,892	5,840	8,369
— <u>другихъ южныхъ</u> портовъ	27	634	24,555	72,555
Черезъ сухопутную грани- цу и прозія мѣста . . .	47,064	46,455	38,242	72,125
Всего вообще	487,081	599,537	663,616	802,660

Вывозъ льнянаго сѣмляни изъ Архангельска въ первый періодъ былъ значительно менше изъ Санктпетербурга; но впоследствии уменьшился, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, откуда прежде оно доставлялось исключительно къ этому порту, стали покупать его для заморскаго отпуска черезъ Санктпетербургъ.

Втеченіи всего двадцатилѣтія средній вывозъ этого товара изъ Санктпетербурга постоянно возрасталъ: во второй періодъ отпущено на сто - осмнадцать, въ третій на сто - осемьдесятъ, а въ четвертый на двѣсти-семьдесятъ три процента болѣе противъ перваго періода. Столь значительное приращеніе этой отрасли торговли поставило Санктпетербургъ на первое мѣсто между портами, отпускающими льняное сѣмя, тогда какъ, лѣтъ пятнадцать тому, Санктпетербургскій отпускъ этой статьи былъ менше рижскаго и архангельскаго.

Рига въ первое десятилѣтіе отпускала самое большое количество льнянаго сѣмляни, но впоследствии уступила первенство Санктпетербургу. Впрочемъ, рижскій отпускъ также увеличился, только не въ такой значительной пропорціи какъ Санктпетербургскій: въ послѣдній періодъ отпущено льнянаго сѣмляни изъ Риги на пятьдесятъ-четыре процента болѣе противъ перваго пятилѣтія,

а въ-сравненіи со вторымъ и третьимъ періодами на сорокъ-два и тридцать-пять процентовъ болѣе.

Изъ другихъ російскихъ портовъ Либавъ, Вилдава, Перновъ и Ревель участвуютъ въ отпускѣ льнянаго сѣмья. Весь вывозъ его изъ этихъ портовъ простирается, круглымъ числомъ, около тридцати или сорока тысячъ четвертей въ годъ.

Льняное сѣмя составляетъ новую статью отпускной торговли въ южныхъ портахъ: начало вывоза его можно считать со второго періода, и съ-тѣхъ-поръ онъ постоянно увеличивался. Льняное сѣмя вывозилось сперва почти только изъ Одессы: отпускъ его черезъ этотъ портъ въ третій періодъ былъ на сто-тридцать-семь, а въ послѣдній на триста-семьдесятъ-осемь процентовъ болѣе противъ второго періода. Количество льнянаго сѣмья, вывозимое чрезъ Таганрогъ, незначительно въ-сравненіи съ одесскимъ отпускомъ, однако также увеличилось. Другіе азовскіе порты, какъ-то: Бердянскъ, Мариуполь, Ростовъ и Керчь стали также отпускать льняное сѣмя, и вывозъ его оттуда въ послѣдній періодъ уже былъ на сто-девяносто-пять процентовъ болѣе противъ предъидущаго.

Льняное сѣмя, отпускаемое чрезъ сухопутную границу, идетъ болѣею частью въ Кёнигсбергъ и Мемель, для вывоза въ иностранныя земли чрезъ эти порты. Средній отпускъ въ первые два періода оставался въ одинаковомъ положеніи, въ третій даже уменьшился нѣсколько, но въ послѣднее пятилѣтіе увеличился противъ перваго на пятьдесятъ-три процента.

Въ общей сложности отпущено льнянаго сѣмья во второй періодъ на тридцать-семь, въ третій на пятьдесятъ-шесть, а въ четвертый на сто-двадцать-осемь процентовъ болѣе противъ перваго пятилѣтія.

Льняное сѣмя для заграничнаго отпуска покупается во многихъ губерніяхъ: оно идетъ къ Санктпетербургу съ низовыхъ пристаней: моршанской, промзинской, лысковской, саратовской, тамбовской, симбирской, нижегородской, казанской, вятской и костромской, частью съ верховолажскихъ пристаней изъ губерній смоленской и тверской, равно какъ съ холмской пристани, изъ псковской губерніи. Часть льнянаго сѣмья изъ костромской, а болѣе изъ вятской губерніи доставляется къ Архангельску, куда также сплавляютъ его изъ вологодской. Псковское и мѣлндское льняное сѣмя отправляется за море, также черезъ Ригу и частью чрезъ Перновъ. Сверхъ того, оно привозится къ рижскому порту изъ губерній смоленской, витебской и виленской. Кур-

ляндская и отчасти виленская губернии доставляют льняное сѣмя къ Либавѣ и Виадавѣ. По рѣкамъ, впадающимъ въ Нѣманъ, сплавляютъ его къ прусскимъ портамъ и отправляютъ также чрезъ сухопутную границу изъ губерній виленской, гродненской, минской, и другихъ. Къ Одессѣ оно доставляется изъ подольской, волинской, кievской, херсонской, а частью изъ екатеринославской губерній. Впрочемъ, изъ послѣдней отправляютъ его за море наиболѣе чрезъ Таганрогъ и Мариуполь, отчасти и чрезъ Бердянскъ, куда оно привозится также изъ ближайшихъ мѣстъ таурической губернии. Въ Ростовъ на Дону доставляется льняное сѣмя изъ кавказской области и отсюда оно идетъ болѣею частью въ Таганрогъ и Керчь для погрузки въ корабли, отходящiе за границу.

Конопляное сѣмя вывозится въ иностранныя земли почти исключительно черезъ рижскiй портъ. Оно доставляется изъ губерній: витебской, смоленской, орловской и тульской, съ пристаней: бѣльской, порѣчской и другихъ, куда подвозятъ его сухимъ путемъ для сплава по Двинѣ въ Ригу. Черезъ этотъ же портъ отправляется за границу болѣею частью льняное сѣмя для посяву. Оно получается изъ ближайшихъ губерній сухимъ путемъ; привозимое же водою годится только на битье масла.

Въ «Видахъ торговли» не показываютъ раздѣльно вывоза посявнаго и маслобойнаго сѣмянн; но какъ первое отпускается главнѣйше изъ рижскаго порта, то слѣдующiе выводы могутъ дать понятiе, въ какой пропорцiи Россiя снабжаетъ иностранныя государства сѣмянемъ для посяву льна. Торговля этимъ произведенiемъ началась въ Ригѣ съ давняго времени: уже въ исходѣ семнадцатаго столѣтiя (въ 1669—1689 годахъ) вывозъ льнянаго сѣмянн доходилъ тамъ до сорока-двухъ-тысячъ-семисотъ четвертей; среднiй отпускъ составлялъ въ 1760—1780 годахъ около тридцати-пяти тысячъ четвертей (въ 1774 году вывезено сорокъ-четыре тысячи осемьсотъ четвертей), и съ тѣхъ поръ почти постоянно увеличивался.

Среднимъ числомъ:

Отпущено:	Посявнаго.	Маслобойнаго.	Всего.	
Въ 1758 — 1797 годахъ.	33,620	56,358	89,978	четвертей.
— 1798 — 1907 — —	27,398	65,411	92,809	— —
— 1808 — 1817 — —	29,408	52,235	81,643	— —
— 1818 — 1827 — —	60,955	96,612	157,567	— —
— 1828 — 1837 — —	75,282	131,534	206,816	— —
— 1838 — 1843 — —	104,105	188,343	292,448	— —

Рижское посѣвное сѣмя требуется во всѣ страны, гдѣ занимаются воздѣлываніемъ льна, преимущественно въ Германію, Бельгію, Сѣверную Францію и Ирландію. Значительное приращеніе отъпуска этого сѣмянн свидетельствуетъ о распространеніи посѣвовъ льна въ вышеупомянутыхъ странахъ; тамошніе хозяева весьма уважаютъ рижское посѣвное сѣмя за его доброту, и выписываютъ его потому что для полученія льна лучшаго качества необходимо перемѣнять сѣмена. По способамъ воздѣлыванія льна, употребительнымъ за границею, тамъ вообще не вѣе дорожатъ добываніемъ сѣмянъ, а болѣе заботятся о годности льна на тонкую пряжу; для того сѣютъ ленъ гораздо чаще и вытербливаютъ его, лишь-только листья на стебляхъ пожелтели и едва образовалось сѣмя, а иногда лишь-только онъ отцвѣлъ. Напротивъ того, во многихъ мѣстахъ Россіи обращаютъ особенное вниманіе на произведеніе сѣмянъ; для того сѣютъ ленъ гораздо рѣже и даютъ сѣмянамъ долѣе вызрѣвать на корнѣ; ленъ родится высокій, но волокномъ грубый и даетъ сѣмянъ болѣе, нежели воздѣланный по фламандскому способу. Такимъ образомъ не только обширное производство льна въ Россіи, но и самые способы воздѣлыванія его, существенно различны отъ употребляемыхъ за границею, благоприятствуютъ развитію нашей торговли льнянымъ сѣмянемъ и обезпечиваютъ для Россіи первенство въ заграничномъ сбытѣ этого продукта.

Самый большой вывозъ льняного сѣмянн бываетъ въ Великобританію, Нидерланды, Германію и Францію.

О т п у щ е н о :

	Въ 1829—1833.	1834—1838.	1839—1843.	
Въ Великобританію	308,356	381,857	476,286	четвертей
— Нидерланды	95,286	106,914	179,606	— —
— Францію	14,523	23,615	96,867	— —
— Ганзейскіе города	18,735	16,538	34,854	— —
— Пруссію	73,929	73,058	108,419	— —
— Данію	58,351	24,266	19,601	— —
— Швецію	4,653	5,605	4,629	— —
— Австрію	1,984	1,497	907	— —
— Италію	1,331	5,821	4,257	— —
— Турцію	10,249	8,833	2,165	— —
— Америку	8	923	6,142	— —
— Прочія мѣста *	12,132	34,699	63,536	— —
Итого	599,537	683,616	997,269	четвертей.

* Подъ этою статью означены здѣсь, между прочимъ, количества льняного сѣмянн, отправленнаго въ Зундъ, за приказами о дальнѣйшемъ назначеніи, которое получаютъ корабли по прибытіи въ Гельсингеръ.

Почти половина всего отпуска льняного сѣмени идетъ въ Великобританію и сбытъ его въ это государство постоянно увеличивается: во второй періодъ отпущено на двадцать-три процента, а въ послѣдній на пятьдесятъ-четыре процента болѣе противъ перваго пятилѣтія.

Вывозъ въ Нидерланды (Голландію и Бельгію) также представляетъ постоянное приращеніе: онъ увеличился во второй періодъ на двѣнадцать процентовъ, а въ послѣдній на осмьдесятъ-осмь процентовъ, сравнительно съ первымъ пятилѣтіемъ.

Сбытъ льняного сѣмени во Францію былъ маловаженъ въ первый періодъ, но съ-тѣхъ-поръ значительно увеличился: во второе пятилѣтіе отпущено на шестьдесятъ два процента, а въ послѣднее на пятьсотъ-шестьдесятъ семь процентовъ болѣе.

Отпускъ въ Пруссію и ганзейскіе города оставался въ оба первые періода (1829 — 1833 и 1834 — 1838 годы) почти одинаковымъ положеніемъ, но въ послѣднее пятилѣтіе увеличился въ ганзейскіе города на шестнадцать процентовъ, а въ Пруссію на сорокъ-шесть процентовъ.

Другія страны снабжаются изъ Россіи льнянымъ сѣменемъ въ маломъ количествѣ. Постоянное уменьшеніе оказывается только по отпуску въ Данію, Австрію и Турцію. Вывозъ въ Швецію былъ почти одинаковъ во всѣ три періода. Въ Италію, льняное сѣмя вывозилось, въ оба послѣднія періода, почти въ одинаковомъ количествѣ, которое было втрое болѣе противъ отпуска въ первый періодъ. Въ новѣйшее время стали отправлять это сѣмя небольшими партіями въ Америку, куда прежде оно вовсе не требовалось.

Вообще объ отпускѣ льняного сѣмени можно замѣтить, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ отраслей нашей вышней торговли, которыя представляютъ самые благопріятные виды на дальѣйшее ихъ развитіе, тѣмъ болѣе что до-сихъ-поръ соперничество другихъ странъ съ Россіею, въ снабженіи европейскихъ государствъ этимъ продуктомъ, едва ли въ скоромъ времени можетъ сдѣлаться ощутительнымъ. Кромѣ начавшагося, съ нѣкоторыхъ поръ, незначительнаго вывоза льняного сѣмени въ Европу изъ Египта, Остиндіи и Сѣверной Америки, для этой статьи нашего отпуска недавно возникло соперничество только отъ кунжутнаго сѣмени, которое получается изъ Леванта. Масло, добываемое изъ кунжута, стало замѣнять льняное въ мыловаренномъ производствѣ. Привозъ этого сѣмени въ Марсель для тамошнихъ заводовъ

весьма усилился въ послѣдніе годы, но еще незамѣтно умноженія его сбыта въ другихъ мѣстахъ западной Европы.

Великобританія, служащая главнымъ истокомъ въ заграничномъ сбытѣ нашего льнянаго сѣмени, снабжается имъ почти исключительно изъ Россіи. Втеченіи десяти лѣтъ, съ 1831 по 1840 годъ исключительно, привозъ этого продукта въ Великобританію составлялъ слѣдующія среднія количества:

Изъ Россіи:	Въ 1831—1835 годахъ.	Въ 1836—1840 годахъ.
Прямо	281,203	307,736 четв.
Черезъ Пруссію	26,553	
Изъ Италіи	19,471	23,476 — —
— Ост-Индіи	*	32,650 — —
— Сѣверной Америки	19,566	11,517 — —
— прочихъ мѣсть	29,550	34,933 — —
Итого		376,343 четверти.
		589,143 четверти.

Изъ этого сравненія видно, во-первыхъ, что русское льняное сѣмя составляло въ оба пятилѣтія слишкомъ восемьдесятъ процентовъ всего привозу и что въ послѣдній періодъ привезено его на пятьдесятъ осемь процентовъ болѣе чѣмъ въ первый, и, во-вторыхъ, что количество льнянаго сѣмени, получаемого изъ другихъ странъ, весьма незначительно въ сравненіи съ привозомъ изъ Россіи, и хотя въ послѣднее пятилѣтіе оно увеличилось, противъ перваго, въ сложности, на сто процентовъ, однако такое приращеніе его несколько не уменьшило сбытъ русскаго сѣмени: напротивъ, съ умноженіемъ внутренняго расхода этого продукта въ Великобританіи, привозъ его изъ Россіи, какъ мы видѣли выше, существенно увеличился въ новѣйшее время. Въ 1841—1844 годахъ, льнянаго сѣмени привезено въ Великобританію среднимъ числомъ до 619,000 четвертей и въ то же время отпущено туда прямо изъ Россіи 472,000 четвертей; что составляетъ слишкомъ три четверти вышеозначеннаго количества.

На многочисленныхъ маслосемянныхъ заведеніяхъ въ Великобританіи употребляется, кромѣ льнянаго сѣмени, также сурьинное, привозимое наиболѣе изъ Даніи и отчасти изъ нѣмецкихъ портовъ; недавно стали доставлять его изъ Россіи, но въ маловажномъ количествѣ. Весь привозъ сурьиннаго сѣмени простирается,

* Въ этотъ періодъ привозъ изъ Ост-Индіи былъ еще очень маловаженъ и заключается въ графѣ, гдѣ показанъ привозъ изъ прочихъ мѣсть.

среднимъ числомъ, въ 1831 — 1835 годахъ до 96,650 четвертей, въ 1836 — 1840 годахъ до 131,600, а въ 1841 — 1844 годахъ до 101,000 четвертей.

Высокая пошлина съ сѣмяннаго масла, по три рубля осьмидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда, благопріятствовала развитію маслостройнаго производства въ Великобританіи, и постоянному умноженію привоза туда масличныхъ сѣмянъ. Льняное и сурѣзное сѣмя всегда было обложено умѣренной пошлиною: до тарифа 1842 года она составляла двадцать-пять копѣекъ серебромъ, а нынѣ взимается съ этихъ сѣмянъ, равно какъ съ коноплянаго сѣмени, только двѣ копѣйки серебромъ съ четверти; но до послѣдняго тарифа конопляное сѣмя было обложено запретительною пошлиною, около десяти рублей серебромъ съ четверти и оттого вовсе не привозилось въ Великобританію. Такая чрезмѣрная пошлина была установлена въ пользу собственныхъ морскихъ, звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, доставляющихъ ворванное сало, употребляемое въ Великобританіи вмѣсто коноплянаго. Подъ вліяніемъ высокихъ пошлинъ съ коноплянаго сѣмянъ и масла, изъ него добываемаго, эти продукты были вытѣснены изъ внутренняго потребленія. Нынѣ конопляное сѣмя допущено къ привозу съ низкою пошлиною, наравнѣ съ другими масличными сѣмянами, но пошлина съ сѣменнаго масла, уменьшенная до шестидесяти-трехъ копѣекъ серебромъ съ пуда, всё еще довольно высока и достаточно охраняетъ выгоды внутреннихъ производителей.

При ограниченномъ воздѣлываніи масличныхъ растений въ Великобританіи, земледѣльческіе интересы не противоборствовали умѣренной пошлинѣ съ маслостройныхъ сѣмянъ и оттого привозъ ихъ значительно увеличился. Въ новѣйшее время, эта отрасль торговли начала возрастать и во Франціи, съ умноженіемъ разныхъ производствъ, для которыхъ требуется сѣмянное масло; особенно увеличился расходъ его съ-тѣхъ поръ, какъ тамъ стали замѣнять имъ деревянное масло въ мыловареніи. Быстрое прращеніе ввоза масличныхъ сѣмянъ, при умѣренной пошлинѣ съ нихъ, вскорѣ возбудило жалобы сельскихъ хозяевъ въ Сѣверной Франціи, гдѣ наиболѣе распространилось воздѣлываніе масличныхъ растений. Домогательства о возвышеніи привозной пошлины на эти сѣмяна къ ограниченію ихъ совмѣстичества съ внутренними произведеніями, наконецъ имѣли слѣдствіемъ, что въ 1845 году установлены чрезмѣрно высокія пошлины, которыя должны

ощутительно сократить сбытъ иностранныхъ масличныхъ сѣмянъ.

Франція занимала до-сихъ-поръ первое мѣсто послѣ Великобританіи въ отношеніи къ привозу этихъ продуктовъ.

Въ теченіи десяти лѣтъ привезено:

	Льнянаго сѣмени.	Прочихъ сѣмянъ.	Всего.
Въ 1835 году.	— —	— —	64,000 четвертей.
— 1836 —	— —	— —	195,583 — —
— 1837 —	97,520	95,784	193,304 — —
— 1838 —	176,621	49,758	226,379 — —
— 1839 —	188,366	28,875	217,241 — —
Средняя сумма.			179,301 четверть.
Въ 1840 году.	273,038	122,549	395,587 четвертей.
— 1841 —	421,126	139,211	560,337 — —
— 1842 —	376,512	243,935	620,447 — —
— 1843 —	277,282	215,956	493,238 — —
— 1844 —	253,714	158,187	411,901 — —
Средняя сумма.			320,335 175,967 496,302 четверти.

Потребленіе привозныхъ масличныхъ сѣмянъ во Франціи, въ короткое время, чрезвычайно увеличилось, при пошлинѣ съ льнянаго сѣмени около сорока копѣекъ серебромъ, а съ прочихъ сѣмянъ около одного рубля серебромъ съ четверти, подѣ національнымъ флагомъ, и съ надбавкою только двадцати копѣекъ серебромъ при ввозѣ на иностранныхъ корабляхъ. Изъ числа этихъ сѣмянъ, кунжутное, которое стали привозить съ недавняго времени, причислялось сначала къ непоименованнымъ товарамъ и только съ 1840 года обложено пошлиною въ одинъ рубль серебромъ съ четверти. Слѣдующія цифры показываютъ, въ какой мѣрѣ усилился привозъ этого сѣмени:

Въ 1840 году . . .	827 четвертей.
— 1841 — . . .	10,050 —
— 1842 — . . .	77,552 —
— 1843 — . . .	109,844 —
— 1844 — . . .	165,695 —

Разсматривая общій привозъ масличныхъ сѣмянъ, нельзя не обратить вниманія на значительныя измѣненія количества въ разные годы послѣдняго десятилѣтія. Въ 1836 году привозъ вдругъ

увеличился втрое противъ 1835 года; въ 1841 и 1842 годахъ приращеніе его составляло около ста-шестидесяти до двухъ-сотъ тысячъ четвертей противъ 1840 года, а въ 1843 и 1844 годахъ привозъ почти на столько же уменьшился. Такія разности происходятъ отъ того, что привозъ зависитъ отъ внутренняго производства, которое само подвержено многимъ случайностямъ. При худомъ урожаѣ подобныхъ произведеній во Франціи, необходимость пополнить ихъ недостатокъ заставляетъ увеличить привозъ; напротивъ того, въ изобильные годы, привозъ бываетъ менѣе. Впрочемъ, принявъ въ соображеніе такія случайныя переменны, находимъ по этимъ даннымъ два очевидные факта: во первыхъ, постепенное умноженіе привоза масличныхъ сѣмянъ, до такой степени, что среднее количество его, составлявшее въ первое пятилѣтіе сто-осемьдесятъ-тысячъ четвертей, въ послѣдній періодъ уже доходило безъ малаго до пяти-сотъ-тысячъ четвертей, на сто-семьдесятъ-семь процентовъ болѣе; и во вторыхъ, что изъ всѣхъ масличныхъ сѣмянъ кунжутное представляетъ самое большое приращеніе въ привозѣ. Замѣчательно, что въ 1844 году, когда иностранныхъ сѣмянъ привезено на двѣсти-тысячъ четвертей менѣе противъ 1842 года, привозъ кунжутнаго сѣмянн почти не уменьшился. Это не могло бы случиться, если бы оно не имѣло преимуществъ надъ другими сѣмянами, бывъ обложено пошлиною наравнѣ съ ними. Кунжутное сѣмя, будучи изобильнѣе масломъ нежели другія сѣмяна, цѣнится дороже и слѣдовательно при равной пошлинѣ всегда можетъ имѣть выгоду на своей сторонѣ *. Этотъ перевѣсъ его оказывается ощутительнымъ тѣмъ болѣе, что кунжутное масло, годное въ пищу, можно примѣшивать къ деревянному, вмѣсто маковаго и тому подобнаго, а годное для фабричнаго производства употреблять въ замѣнъ льнянаго масла.

Всѣ эти обстоятельства показывали необходимость установить новое распределеніе пошлинъ съ иностранныхъ сѣмянъ, которыя представляютъ столь значительныя разности въ отношеніи количества добываемаго масла и цѣны ихъ. Казалось, по видимому, что достаточно было подвергнуть кунжутное сѣмя надбавочной пошлинѣ, основанной на высшей его цѣнѣ. Французское правительство не удовольствовалося этою мѣрою: въ проектѣ тарифа, который былъ представленъ имъ, въ 1845 году, палатѣ депута-

* Изъ пуда кунжутнаго сѣмянн выходятъ два пуда масла, а прочія масличныя сѣмяна даютъ изъ трехъ пудовъ только одинъ пудъ масла.

товъ, возвышена пошлина не только на кунжутное сѣмя особо, но также и на другія иностранныя сѣмена, для лучшаго отраженія выгодъ отечественнаго земледѣлiя. Французское правительство предполагало возвысить пошлину на кунжутное сѣмя до двухъ рублей двадцати копѣекъ, на маковое и сурьпное до одного рубля сорока копѣекъ, а на льняное сѣмя и прочее до одного рубля двадцати копѣекъ. Со включенiемъ надбавочныхъ десяти процентовъ, эти пошлины составили бы прибавки по меньшей мѣрѣ сто двадцать процентовъ на кунжутное сѣмя, сорокъ процентовъ на маковое и сурьпное и до двухъ-сотъ процентовъ на льняное сѣмя. Сверхъ-того, какъ эти сѣмена привозятся болѣею частью на иностранныхъ корабляхъ, то надбавочный сборъ, взимаемый въ такомъ случаѣ, еще возвышаетъ пошлину и въ соразмѣрности увеличиваетъ цѣну товару. Этотъ сборъ предположено было возвысить вчетверо. Такимъ образомъ, французское правительство надѣялось удовлетворить самымъ настойчивымъ домогательствамъ со стороны сельскихъ хозяевъ. Однако палата депутатовъ не признала также возвышенiе пошлины достаточнымъ для огражденiя земледѣльческихъ интересовъ, встревоженныхъ возрастающимъ привозомъ мадичныхъ сѣмянъ. Предложенiе о надбавкѣ пошлины было принято большинствомъ голосовъ сперва въ палатѣ депутатовъ, потомъ въ палатѣ перовъ и съ королевскаго утвержденiя получило законную силу. Новыя пошлины съ масляныхъ сѣмянъ усночлены въ слѣдующемъ разиѣрѣ, смотря по мѣсту происхожденiя:

Изъ портовъ Блдаго, Балтiйскаго, Чернаго и Средиземнаго морей:	Французскихъ, съ четверти:	Иностранныхъ.
Кунжутное	4 руб. сер.	Кунжутное . . . . . 5 р. 60 к. Маковое и сурьпное . . 3 — 60 — Льняное и прочее . . . 3 — 20 —
Маковое и сурьпное . . .	2 р. — к	
Льняное и прочее	1 — 60 —	
Изъ другихъ мѣстъ:		
Кунжутное	5 — 10 —	
Маковое и сурьпное . . .	3 —	
Льняное и прочее	2 — 60 —	

По этому тарифу, пошлина съ льнянаго и прочаго сѣмени, привозимаго изъ Россiи, на французскихъ корабляхъ, возвышена вчетверо, а въ случаѣ привоза на русскихъ корабляхъ, оно должно платить вдвое болѣе чѣмъ подѣ французскимъ флагомъ. Такъ какъ торговыя отношенiя между Россiею и Францiею про-

исходившее до сихъ поръ почти исключительно на иностранныхъ корабляхъ, то значительное возвышеніе пошлины съ сѣмянъ, въ случаѣ привоза подъ иностраннымъ флагомъ, должно заставить употреблять для перевозки этого товара французскіе корабли, съ платежемъ имъ фрахта выше того, какой берутъ иностранные корабли. При такихъ обстоятельствахъ, цѣна на товаръ должна возвыситься при продажѣ его во Франціи, либо понизиться при покупкѣ его въ Россіи, дабы можно было съ выгодною сбывать потребителямъ; но въ обоихъ случаяхъ сбытъ долженъ потерѣть.

Такая переимѣна во французскомъ тарифѣ, конечно, остановитъ приращеніе этой отрасли нашего отпуска, которая въ новѣйшее время значительно возрасла и, вѣроятно, усилилась бы еще болѣе, если бы нашъ продуктъ не встрѣтилъ соперничества кунжутнаго сѣмянъ.

Средній привозъ маслячныхъ сѣмянъ во Франціи распредѣлялся слѣдующимъ образомъ въ два четырехлѣтніе періода:

Привозно:		
Льняного сѣмянъ:	Въ 1837 — 40 году.	Въ 1841 — 44 года.
Изъ Россіи	79,076	178,056 четвертей.
— Англіи	15,494	40,186 —
— Германскаго таможеннаго союза	16,054	24,839 —
— Бельгіи	33,721	32,459 —
— Италіи	15,736	10,816 —
— Турціи	11,351	20,036 —
— Египта	1,371	13,569 —
— другихъ мѣстъ	11,095	12,200 —
Итого	183,878	332,160 —
Прочихъ сѣмянъ:		
Изъ Россіи	4,812	28,404 четвертей.
— другихъ мѣстъ	69,429	160,918 —
Итого	74,241	189,322 —

Эти сравнительные выводы показываютъ, что привозъ льняного сѣмянъ изъ Россіи увеличился на сто-двадцать-пять процентовъ; но сверхъ того, Франція получаетъ русское льняное сѣмя частью изъ прусскихъ портовъ, частью черезъ Бельгію и Англію. Такимъ образомъ все количество его можно считать, круглымъ числомъ, въ первый періодъ не менѣе ста-тысячь четвертей, а въ послѣдій свыше двухъ-сотъ-тысячь четвертей, то есть шесть-

десять процентов всего привоза. Замѣчательно, что въ новѣйшее время увеличился привозъ льнянаго сѣмянн изъ Турціи (Дунайскихъ портовъ) и Египта, хотя количество его маловажно въ сравненіи съ привозомъ изъ Россіи. Вообще, въ послѣдній періодъ привезено льнянаго сѣмянн на осемдесятъ процентовъ болѣе чѣмъ въ первый. Привозъ другихъ масличныхъ сѣмянъ увеличился въ то же время еще въ большей пропорціи, а именно на сто-пятьдесятъ шесть процентовъ. Что касается до привоза ихъ изъ Россіи, то хотя въ послѣдній періодъ онъ былъ вчетверо болѣе чѣмъ въ первый, однако все еще весьма незначителенъ.

Для соображенія, въ какой мѣрѣ сбытъ масличныхъ сѣмянъ изъ Россіи во Францію потерпѣлъ отъ усиленнаго привоза ихъ изъ другихъ странъ, необходимо рассмотретьъ движеніе этой торговли въ разные годы:

Привезено сѣмянн.	Изъ Россіи		Изъ другихъ странъ:		
	льнянаго и прочаго.		Льнянаго.	Кунжутнаго.	Прочаго.
Въ 1837 году.	43,325 четв.		59,633		90,345 четв.
— 1838 —	78,337 —		100,215		47,827 —
— 1839 —	79,333 —		111,609		26,295 —
— 1840 —	134,562 —		147,779	827	112,418 —
— 1841 —	252,680 —		220,659	10,050	75,348 —
— 1842 —	224,765 —		188,070	77,552	129,264 —
— 1843 —	183,074 —		108,451	109,844	91,870 —
— 1844 —	165,321 —		97,637	105,695	43,288 —

Изъ этой таблицы видно, во-первыхъ, что привозъ льнянаго и прочаго сѣмянн изъ Россіи постоянно возрасталъ до 1842 года, а съ-тѣхъ-поръ ежегодно упадалъ; во-вторыхъ, что то же самое замѣтно по привозу льнянаго сѣмянн изъ другихъ странъ, въ которомъ большею частью заключается также русское сѣмя, доставляемое во Францію изъ прусскихъ портовъ и черезъ Англію; и въ третьихъ, что съ 1842 года усилился привозъ кунжутнаго сѣмянн и оттого собственно уменьшился съ-тѣхъ-поръ сбытъ льнянаго; соперничество же съ нимъ другихъ масличныхъ сѣмянъ не могло быть столь ощутительно, потому что привозъ ихъ вообще весьма не постояненъ.

И такъ, хотя потребленіе русскихъ масличныхъ сѣмянъ, (преимущественно льнянаго) весьма увеличилось во Франціи въ новѣйшее время, однако въ послѣдніе годы привозъ ихъ уже сталъ упадать отъ соперничества кунжутнаго сѣмянн. Это особенно замѣтно по привозу въ Марсель, куда льняное сѣмя доставляется

изъ нашихъ черноморскихъ портовъ, а купяченное изъ Египта и Турціи. Обить масляныхъ сѣмянъ въ Марсель ставъ, быстро возрастаетъ съ тѣхъ-поръ, какъ введено употребленіе обмывающаго масла на тамошнихъ мыловаренныхъ заводахъ. Лѣтняго сѣмяна привезено туда изъ Россіи: въ 1838 году 18,294 четверти, въ 1839 году 27,987, въ 1840 году 57,625, въ 1841 году 167,903 четверти; но въ 1842 году привозъ купячутаго сѣмяна возвысился до 99,208 четверти, въ 1843 году до 143,707, а въ 1844 году до 131,937 четвертей и въ то же время сократился обить лѣнянаго сѣмяна: въ 1842 году до 91,423 четвертей и въ 1843 году до 81,633 четвертей. На мыловаренныхъ заводахъ стали употреблять преимущественно купячутное масло, вмѣсто лѣнянаго. Добываніе послѣдняго поддерживалось только расходомъ его въ другихъ производствахъ и продажою выжимокъ на коры сѣту. Такимъ образомъ, отпускъ лѣнянаго сѣмяна изъ южныхъ портовъ Россіи въ Марсель началъ упадать еще до возвышенія таможенной пошлины съ масляныхъ сѣмянъ, а эта мѣра нанесла еще чувствительнѣйшій ударъ торговлѣ нашихъ балтійскихъ портовъ, откуда до того времени лѣняное сѣмя постоянно сбывалось въ Сѣверную Францію; и пока вынѣшняя пошлина не будетъ обавлена, до тѣхъ-поръ едва ли можно ожидать дальнѣйшаго развитія этой отрасли нашей торговли съ Франціею.

При прежнемъ тарифѣ, двусторонняя масляная сѣмяна (въ томъ числѣ и русское) доставлялись во Францію отчасти черезъ Бельгію, сухимъ путемъ, потому что при ввозѣ изъ пограничныхъ мѣстъ пошлина съ лѣнянаго сѣмяна составляла не болѣе шестидесяти копѣекъ серебромъ, а съ прочаго восемьдесятъ копѣекъ серебромъ съ четверти. Нынѣ этотъ транзитъ долженъ также уменьшиться, потому что пошлина на сухопутной границѣ значительно возвышена: съ маслянаго сѣмяна, привозимаго этимъ путемъ, положено взимать по три рубля шестидесяти копѣекъ съ маковаго и сурьбянаго, и по три рубля двадцати копѣекъ съ лѣнянаго и прочаго; меньшая пошлина, именно по шестидесяти копѣекъ серебромъ съ четверти, взимается съ сѣмяна при ввозѣ изъ пограничныхъ мѣстъ, съ свидѣтельствами о таможенномъ его происхожденіи. Такое различіе введено для поощренія привозу подъ французскимъ флагомъ, но непосредственнаго олдствіемъ этой мѣры должно быть возвышеніе цѣны на товарѣ.

Въ отношеніи къ привозу масляныхъ сѣмянъ, Голландія и Бельгія принадлежатъ къ немаловажнымъ источникамъ для сбыту отнихъ продуктовъ. До новѣйшаго времени транзитъ лѣнянаго сѣмяна

во Францію черезъ Бельгійу были отчасти привезены значительнаго количества сѣмянъ этого сѣмена изъ Россіи въ Нидерланды: въ 1834 — 38 годахъ возмѣщено тѣмъ среднимъ числомъ 106,914 четвертей, а въ 1839 — 43 годахъ 179,606 четвертей, почти на шестьдесятъ-одинъ процентъ болѣе. Впрочемъ, мѣстное потребленіе масляныхъ сѣмянъ, по большому числу тамошнихъ маслобойныхъ заводовъ, довольно велико: въ 1839 — 40 годахъ средній привозъ льнянаго, коноплянаго и сурьпнаго сѣмени въ Амстердамъ и Роттердамъ простирался до 132,000 четвертей, а въ Антверпенъ около 290,000 четвертей; въ то же время привозъ изъ Бельгіи во Францію составлялъ 38,500 четвертей льнянаго сѣмени и 34,000 четвертей другихъ масляныхъ сѣмянъ. Такимъ образомъ можно положить, что годичный расходъ льнянаго и другихъ сѣмянъ круглымъ числомъ въ Голландіи бываетъ не менѣе 100,000 четвертей, а въ Бельгіи, можетъ-быть, нѣсколько болѣе этого количества. Притомъ должно замѣтить, что въ эти государства, особенно въ Бельгію, вывозятся изъ Россіи льняное сѣмя не только на битые масла, но и для посѣву.

Средній привозъ льнянаго и коноплянаго сѣмени изъ Россіи составлялъ слѣдующее количество:

	Въ 1838—40 годахъ.		Въ 1841—43 годахъ.	
	Льняное.	Конопляное.	Льняное.	Конопляное.
Въ Амстердамъ и Роттердамъ	70,475	4,250	101,190	3,865 четв.
— Антверпенъ	87,360	44,730	111,985	70,865 —
Итого	157,835	48,980	213,175	74,730 четв.

Изъ этого сравненія видно, что въ послѣдній періодъ привозъ льнянаго сѣмени изъ Россіи увеличился противъ предыдущаго въ Голландіи на сорокъ-три, а въ Бельгіи на тридцать-одинъ процентъ. Что касается до коноплянаго сѣмени, то обычай его въ Голландіи маловаженъ, тогда какъ привозъ его въ Бельгію значительно возрастаетъ: въ послѣдній періодъ привезено его сличномъ на пятьдесятъ процентовъ болѣе чѣмъ въ предыдущій.

Если сравнить привозъ коноплянаго сѣмени въ Антверпенъ съ отпускомъ этого продукта изъ Россіи, то оказывается, что Бельгія служитъ для него главнымъ источникомъ.

Торговля масляными сѣменами въ нѣмецкихъ портахъ довольно значительна и раздѣляется на непосредственную и транзитную. Объ отпускѣ льнянаго сѣмени изъ Россіи въ ганзейскіе города, то есть въ Любекъ, Бременъ и Гамбургъ, было упомянуто выше; черезъ эти порты льняное сѣмя сбывается внутри

Германин. Оно вывозится из Россіи также въ Пруссію; но чаще это идетъ туда транзитомъ, къ Кенигсбергу и Мемелю, для отправки въ иностранныя земли. Оно доставляется къ этимъ портамъ по рѣкѣ Нѣману изъ нашихъ западныхъ губерній, равно какъ изъ восточной Пруссіи и Царства Польскаго.

Льняного сѣмена отпущено:

	Въ 1842 г.	Въ 1843 г.	Въ 1844 г.
Изъ Кенигсберга . . .	77,400	124,500	76,710 четвертей.
— Мемеля	64,620	77,670	67,500 —
Итого	142,020	202,170	144,210 четвертей.

Средній отпускъ составлялъ 96,203 четверти изъ Кенигсберга и 69,930 четвертей изъ Мемеля, всего 166,133 четверти.

Льняное сѣмя, поступающее въ Пруссію частью на посѣвъ, частью на маслособойные заводы, привозится изъ Россіи почти исключительно въ Штетинъ. Средній привозъ туда льняного сѣмена изъ нашихъ балтійскихъ портовъ составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1835 — 39	36,092 четверти.
— 1840 — 44	62,602 —

Принимая въ соображеніе, что въ послѣдній періодъ средній отпускъ льняного сѣмени изъ Россіи въ Пруссію простирался около 108,000 четвертей, можно приблизительно положить, что изъ этого количества почти половина отправлена къ Мемелю и Кенигсбергу для отпуску за море.

Въ Пруссіи и другихъ владѣніяхъ германскаго таможеннаго союза воздѣлываніе растеній, дающихъ масличныя сѣмена, особенно суръпинцы, весьма распространялось; однако употребленіе сѣмяннаго масла такъ велико, что привозъ этихъ сѣмянъ еще превышаетъ отпускъ.

СРЕДНІЯ КОЛИЧЕСТВА:

	Въ 1837 — 39 г.		Въ 1840 — 41 г.	
Сѣмени:	Привозъ.	Отпускъ.	Привозъ.	Отпускъ.
Льнянаго	479,598	381,706	625,496	562,858 четв.
Суръпинаго	212,769	148,614	290,421	199,504 —
Конопальнаго	5,557	4,462	6,256	8,718 —
Итого	697,924	534,782	822,173	761,080 четв.

Считая круглымъ числомъ четверть сѣмени въ осемь пудовъ, а центнеръ въ три пуда, находимъ, что привозъ масличныхъ сѣ-

цены въ германскій таможенный союзъ увеличались отъ 236,000 до 300,000 четвертой, а вывозъ ихъ возвысился отъ 200,000 до 285,000 четвертой. Въ этомъ движеніи торговли конопляное сѣмя составляетъ весьма малую часть; первое мѣсто принадлежитъ льняному сѣмянн и за нимъ слѣдуетъ сурьбное. Если исключить отпускъ изъ приможа, то оказывается, что въ послѣдній періодъ внутренней расходъ привознаго льнянаго сѣмянн въ германскомъ таможенномъ союзѣ уменьшился на тридцать-четыре процента, тогда какъ почти въ такой же пропорціи (на сорокъ-одинъ процентъ) увеличился расходъ привознаго сурьбнаго сѣмянн.

Изъ числа масличныхъ сѣмянъ прусскіе порты отпускаютъ наиболѣ льняное сѣмя, но въ другихъ нѣмецкихъ портахъ значительнѣе отпускъ сурьбнаго: оно вывозится изъ Мекленбурга (черезъ Ростокъ и Висмаръ), изъ Ганновера, равно какъ черезъ Гамбургъ и Бременъ. Въ Даніи оно принадлежитъ къ главнѣйшимъ статьямъ отпускной торговли: въ хорошіе годы вывозъ его доходилъ до 200,000 четвертей.

Съ нѣкотораго времени начался вывозъ сурьбнаго сѣмянн изъ Россіи; о количествѣ его отпуска нѣтъ свѣдѣній въ «Вѣдахъ Торговли», въ которыхъ оно показывается вмѣстѣ съ огородными и другими сѣмяннами; но какъ вывозъ послѣднихъ вообще маловаженъ, а сурьбное сѣмя отпускается почти только изъ южныхъ портовъ, то слѣдующее обозрѣніе можетъ дать нѣкоторое понятіе о степени развитія этой новой отрасли нашей торговли.

Отпущено разнаго сѣмянн:

	Черезъ южныя порты.	Другія мѣста.	Всего.
Въ 1831 . . . на	100	3,210	3,310 руб. асс.
— 1832 . . .	5,520	13,780	19,300 — —
— 1833 . . .	100,997	10,266	111,263 — —
— 1834 . . .	29,437	109,280	138,717 — —
— 1835 . . .	200,434	74,323	274,777 — —
— 1836 . . .	259,985	19,812	270,797 — —
— 1837 . . .	155,217	10,755	165,972 — —
— 1838 . . .	196,992	12,077	209,069 — —
— 1839 . . .	464,496	48,098	512,594 — —
— 1840 . . .	808,496	6,300	814,796 — —
— 1841 . . .	1,241,215	208,891	1,450,106 — —
— 1842 . . .	699,633	84,548	784,201 — —
— 1843 . . .	63,392	47,425	110,817 — —
— 1844 . . .	784,994	61,862	846,856 — —

Вывоз сурьмянаго сѣмянъ изъ западныхъ портовъ, расположенныхъ около десяти лѣтъ тому, съ 1835 по 1839 года, простирался еще только на 200—250,000 рублей ассигнаціями, но съ тѣхъ поръ, постоянно возрастая, увеличилась на восемьдесятъ и четверо кратъ этой суммѣ.

По отчетамъ о торговлѣ Одессы и другихъ южныхъ портовъ помѣщенныхъ въ «Коммерческой Газетѣ», видно, что обширнѣе сурьмянаго сѣмянъ въ послѣднія лѣтъ нѣтъ составляли слѣдующія количества:

Изъ Одессы.	Изъ западныхъ портовъ.
Въ 1840 14,701	41,816 четвертей.
— 1841 28,916	69,218 —
— 1842 5,501	62,173 —
— 1843 . . . . . " "	4,511 —
— 1844 . . . . . " "	58,513 —

Съ 1840 по 1842 годъ отпускъ возвысился отъ 62,500 пудовъ до 90,000 четвертей; въ 1842 уменьшился до 45,000 четвертей, а въ 1843 былъ незначителенъ, потому что съ окончаніемъ въ этотъ годъ срока безпошлиннаго вывозу, сурьмяное сѣмя должно было платитъ пошлину наравнѣ съ льнянымъ, то есть по двадцати-пяти копѣекъ серебромъ съ четверти. Съ разрѣшеніемъ вновь безпошлиннаго отпуска въ 1844 году, вывозъ опять увеличился, однако еще былъ менѣе того количества, какое отпущено въ 1842 году.

Растеніе, дающее это сѣмя, родится дико въ Новороссійскомъ Краѣ и во многихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, но воздѣлываніемъ сурьмяны тамъ не занимаются. Сурьмяное сѣмя доставляется къ азовскимъ портамъ, Таганрогу, Мариуполю, Ростову и Бердянску изъ окрестныхъ губерній, гдѣ собираютъ его отъ дико растущей сурьмяны. Несмотря на дальній провозъ, это сѣмя отправляютъ изъ азовскихъ портовъ даже въ Великобританію, куда стекаются большіе подвозы его изъ Дании и Германіи.

Обширное воздѣлываніе сурьмяны въ северной Франціи, во многихъ нѣмецкихъ земляхъ и въ Дании, равно какъ большой вывозъ сурьмянаго сѣмянъ изъ портовъ Нѣмецкаго Моря ограничиваютъ сбытъ нашего коноплянаго сѣмянъ, потому что масло изъ него добываемое, заиѣняется въ западной Европѣ сурьмянымъ, которое подобно коноплянному идетъ на сѣвщеніе. Напротивъ того, по заграничному отпуску льнянаго сѣмянъ, Россія еще не встрѣчаетъ ошнѣнаго соперничества. Превосходство ея надъ другими странами въ этой отрасли торговли должно изъ

Дать изъ слѣдующаго обзорѣя среднихъ количествъ ливаннаго сѣмени, вывезенныхъ въ послѣднѣя пять лѣтъ изъ разныхъ мѣстъ.

Ливаннаго сѣмени отпущено:

Изъ Россіи:			
Черезъ С. Петербургъ	290,000	четвертей.	
— Рязань и другіе Балтійскіе порты	330,000	—	—
— Архангельскъ	100,000	—	—
— Одессу и другіе черноморскіе порты	300,000	—	—
— Судоуказную границу	70,000	—	—
Итого 1,090,000			
Изъ Пруссіи:			
Черезъ Кенигсбергъ	90,000	—	—
— Мемель	90,000	—	—
— Данцигъ	70,000	—	—
— Штетгаль	10,000	—	—
Итого 240,000			
Изъ Италіи			
— Триеста	50,000	—	—
— Дунайскіе порты Галаца и Браилова	30,000	—	—
— Венеція	10,000	—	—
— Фель-Нали	25,000	—	—
Итого 145,000 четвертей.			

При отпускѣ изъ Россіи около миллиона четвертей ливаннаго сѣмени, совокупный вывозъ его изъ всѣхъ другихъ мѣстъ составляетъ одна двѣ пятыхъ четвертей этого количества.

Ливанное сѣмя принадлежитъ въ Россіи къ числу отпусковыхъ товаровъ, приносящихъ казнѣ не маловажный доходъ отъ таможенной пошлины, которая составляетъ двадцать пять копѣекъ серебромъ съ четверти въ торговыхъ таможахъ и двадцать пять копѣекъ серебромъ при отпускѣ сукнамъ нугемъ. Въ 1844 году, когда отпущено изъ портовъ 1,461,346 четвертей, а черезъ сухопутную границу 81,000 четвертей, 1,242,346 четвертей, таможенный сборъ въ этой системѣ простирается до трехъ сотъ тысячъ рублей серебромъ. Съ монетнаго сѣмени таможенной пошлины пятнадцать копѣекъ съ четверти, при отпускѣ портомъ, и двадцать копѣекъ серебромъ, при отпускѣ нугемъ.

вувать. По малому вывозу этого сѣмени, колѣнный оборъ его всего составляетъ незначительную сумму. Сурѣнное сѣмя отпущается безпошлинно.

Почти во всѣхъ иностранныхъ земляхъ, льняное, конопляное и сурѣнное сѣмяна обложены малою пошлиною, а въ нѣкоторыхъ вовсе освобождены отъ привозной пошлины: въ Швеціи и Даніи льняное и конопляное сѣмя разрѣшено къ безпошлинному привозу; сурѣнное платитъ въ Швеціи около шести копѣекъ съ четверти, а въ Даніи, гдѣ воздѣлываніе сурѣницы весьма распространилось, пошлина съ этого сѣмени въ шестеро болѣе, тридцать-шесть копѣекъ серебромъ съ четверти. Въ германскомъ таможенномъ союзѣ, взимается съ льняного, конопляного и сурѣннаго сѣмени по десяти копѣекъ серебромъ съ четверти. Въ Великобританіи, пошлина съ этихъ сѣмянъ составляетъ только двѣ копѣйки. Льняное и сурѣнное сѣмя платитъ въ Голландіи восемь копѣекъ, а въ Бельгіи семь копѣекъ серебромъ съ четверти пошлина съ коноплянаго сѣмени въ обоихъ государствахъ двумя копѣйками на четверть менѣе. Въ Австрійской Имперіи взимается съ льняного и коноплянаго сѣмени по одному рублю серебромъ съ четверти. Въ Неаполитанскомъ королевствѣ, льняное и конопляное сѣмя платятъ около двухъ рублей осьмидесяти копѣекъ съ четверти, а пошлина съ сурѣннаго втрое болѣе. Въ этихъ государствахъ, маслячныя сѣмяна обложены высокою пошлиною, вѣроятно, для того чтобы сѣмянное масло не вредило внутреннему сбыту деревяннаго масла, которое принадлежитъ къ важнѣйшимъ тамошнимъ продуктамъ. О причинахъ, побудившихъ къ возвышенію пошлинъ съ маслячныхъ сѣмянъ во Франціи уже говорено выше; здѣсь только припомнимъ, что съ 1845 году пошлина на льняное и конопляное сѣмя возвышена до двухъ рублей шестидесяти копѣекъ, а на сурѣнное до трехъ рублей серебромъ съ четверти подъ французскимъ флагомъ; при ввозѣ на иностранныхъ корабляхъ платится вообще шестидесятью копѣйками серебромъ болѣе.

Такимъ образомъ изъ государствъ, нуждающихся въ привозѣ маслячныхъ сѣмянъ, одна только Франція и то съ недавняго времени, обложила ихъ высокою пошлиною; напротивъ того, во всѣхъ странахъ западной и сѣверной Европы, получающихъ льняное сѣмя изъ Россіи, оно платитъ ничтожную пошлину, которая даже менѣе взимаемой по нашему тарифу, при отпускѣ этого сѣмени за границу.

• Облагая привозъ маслячныхъ сѣмянъ, какъ сырого матеріала

для маслобойныхъ заводовъ, иностранныя тарифы гораздо менѣе благоприятствуютъ ввозу сѣмяннаго масла: почти повсемѣстно оно обложено довольно высокою пошлицюю, для огражденія выгодъ внутреннихъ производителей.

Въ Великобританіи	63 коп. сер. съ пуда.
— Франціи	отъ 1 р. 4 коп. до 1 р. 25 коп.
— Германскомъ Таможенномъ Союзѣ . .	50 коп. сер. съ пуда.
— Австрійской Имперіи	25 — — — —
— Голландіи	25 — — — —
— Бельгіи	32 — — — —
— Сардинскомъ королевствѣ	75 . — — —
— Неаполитанскомъ королевствѣ	1 р. 8. — — — —

Въ Швеціи, съ коноплянаго масла взимается около двадцатипяти копѣекъ, а съ льнянаго и сурьпнаго шестьдесятъ-пять копѣекъ. Въ Даміи, привозъ коноплянаго масла разрѣшенъ безъ пошлинъ, а прочее сѣмянное масло платитъ около семидесяти копѣекъ серебромъ съ пуда.

По большому расходу сѣмяннаго масла, особенно льнянаго, для разныхъ потребностей въ домохозяйствѣ и ремеслахъ, во всѣхъ европейскихкихъ государствахъ, размножились маслобойные заводы. Въ странахъ, гдѣ занимаютъ воздѣлываніемъ льна, сѣмя, отъ него получаемое, идетъ на битье масла, и нѣкоторыя государства, какъ мы видѣли выше, нуждаются въ большомъ привозѣ льнянаго сѣмени для своихъ маслобойныхъ заводовъ. По этой причинѣ, Россія, отпуская за границу льняное сѣмя въ значительномъ количествѣ, не находитъ тамъ почти ни какого сбыта для льнянаго масла, которымъ могла бы также снабжать иностранцевъ. Русское конопляное масло требуется только въ тѣ государства, гдѣ оно обложено низшею пошлиною, но и тамъ оно встрѣчаетъ соперничество сурьпнаго масла и ворзанаго сала. Въ новѣйшее время, отпускъ коноплянаго масла изъ Россіи значительно уменьшился.

Отпущено:

Въ 1769 году	150,274 пудовъ.
— 1793—1795 годахъ . .	231,376 — —
— 1800—1804 — . . .	339,342 — —
— 1814—1818 — . . .	284,650 — —
— 1819—1823 — . . .	313,425 — —
— 1824—1828 = . . .	242,191 — —

Экспортный баланс

— 1824—1825 — . . .	836,838 — —
— 1825—1826 — . . .	830,570 — —
— 1826—1827 — . . .	429,004 — —

Изъ этого обзорѣнія видно, что вывозъ коноплянаго масла сталъ возрастать съ половины прошлаго столѣтїа и постепенно увеличивался до 1819 года, но съ-тѣхъ-поръ безпрерывно упадалъ, за исключенїемъ пятилѣтїа, съ 1829 — 1833, такъ, что въ послѣдній періодъ, отпускъ уже былъ менше того количества, какое вывозилось во всѣ предыдущіе періоды.

Рассматривая вывозъ коноплянаго масла въ разные годы послѣдняго двадцатилѣтїа, находимъ, что въ новѣйшее время онъ не только уменьшился противъ прежняго, но и оказался весьма неустойчивымъ.

Масла коноплянаго отпущено:

Въ 1824 году . . .	311,422 пуд.	Въ 1834 году	300,071 пуд.
— 1825 — . . .	861,846 —	— 1835 —	199,829 —
— 1826 — . . .	133,836 —	— 1836 —	296,978 —
— 1827 — . . .	246,969 —	— 1837 —	329,951 —
— 1828 — . . .	817,409 —	— 1838 —	92,004 —
<hr/>		<hr/>	
Средняя сумма	242,191	Средняя сумма	219,847 пудовъ.
— 1839 году . . .	608,197 —	Въ 1839 году	370,501 пуд.
— 1840 — . . .	643,622 —	— 1840 —	28,562 —
— 1841 — . . .	246,238 —	— 1841 —	174,540 —
— 1842 — . . .	302,125 —	— 1842 —	25,784 —
— 1843 — . . .	280,476 —	— 1843 —	89,754 —
<hr/>		<hr/>	
Средняя сумма	396,666	Средняя сумма	169,624 пуд.

Въ первый періодъ, отпускъ составлялъ около 134,000 до 347,000 пудовъ; во второй отъ 246,000 до 643,000 пудовъ, въ третій отъ 92,000 до 330,000 пудовъ, а въ четвертый отъ 28 до 174,000 пудовъ, и только въ одинъ годъ доходилъ до 370,000 пудовъ.

Столь значительныя разности въ пропорціи требованій на конопляное масло происходятъ отъ того, что потребность въ немъ увеличивается или уменьшается, смотря по привозу въ Европу зераннаго сала съ морскихъ промысловъ, и по урожаю сурьпинцы въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ воздѣлываютъ это растеніе въ большомъ количествѣ, для добыванія изъ него масла. Въ случаѣ возвышенія цѣны на зеранное сало или на сурьпинное масло

за границу, увеличивается требование на русское конопляное масло, когда цѣны его сходны. Вообще сбытъ этого продукта поддерживается только его дешевизною: если въ нашихъ портахъ цѣны низки, то вывозъ его бываетъ довольно великъ; но съ возвышеніемъ ихъ, особенно когда за границею дешево ворванное сало, либо сурѣнное масло, отпускъ нашего коноплянаго масла значительно уменьшается. Въ какой мѣрѣ эти взмѣненія цѣнъ имѣютъ вліяніе на заграничный его сбытъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ выводовъ, объ отпускѣ и среднихъ цѣнахъ коноплянаго масла при санктпетербургскомъ портѣ:

Отпускъ наибольшій.		Средняя цѣна въ навигаціи.	
Въ 1829 году	410,497 пудъ	7 руб. асс. за пудъ.	
— 1830 —	491,109 —	8 $\frac{3}{4}$ — — —	
— 1839. —	318,762. —	7 руб. 87 коп. —	

Отпускъ наименьшій.		Средняя цѣна въ навигаціи.	
Въ 1838 году	60,357 пудъ	10 р. 92 к. асс. за пудъ.	
— 1840 —	18,742 —	10 — 75	
— 1842 —	21,360 —	13 — 75	

При соображеніи этихъ цѣнъ съ пропорціею отпуска, очевидно, что иностранцы покупаютъ у насъ масло въ значительнѣйшемъ количествѣ тогда только, когда цѣны его ниже трехъ рублей серебромъ за пудъ.

Главный отпускъ коноплянаго масла производится черезъ санктпетербургскій портъ; его доставляютъ сюда большею частью изъ орловской губерніи, въ меньшемъ количествѣ изъ курской и калужской, а малая часть привозится изъ губерній тульской, смоленской и черниговской. Изъ тѣхъ же мѣстъ идетъ небольшое количество коноплянаго масла въ Ригу, а изъ черниговской губерніи отправляютъ его также къ Кенгсбергу (въ Пруссію) для отпуска за море.

Среднее количество коноплянаго масла, вывезеннаго черезъ санктпетербургскій портъ во всѣ эти періоды составляло болѣе трехъ четвертей всего отпуска. До отправки за море, оно подвергается здѣсь браку, по установленнымъ правиламъ. Присяжные браковщики обязаны наблюдать, чтобы масло было чисто отстоенное, безъ соковъ или такъ называемой грязи, воды или какой-либо другой примѣси; для этого, каждая бочка съ масломъ, назначеннымъ въ заморскій отпускъ, должна быть перелита въ купорные бочки при браковщикахъ.

Конопляное и льняное масло обложено незначительною пошлиною: въ портовыхъ таможахъ по шести копѣекъ серебромъ, а при отпускѣ черезъ сухопутную границу по двѣ копѣйки серебромъ съ пуда. Эти пошлины остаются въ силѣ съ изданиемъ тарифа 1822 года; но въ прежнихъ тарифахъ отпускная пошлина была гораздо выше: въ 1819 году 37½, въ 1816 13, въ 1797 20, въ 1782 году 16 копѣекъ серебромъ съ пуда. Возвышеніе этой пошлины, по тарифу 1819 года, можно считать одною изъ первоначальныхъ причинъ упадка вывоза коноплянаго масла: средній отпускъ его въ 1814—18 году возвысился до 384,650 пудовъ, а въ 1819 — 23 году, при упомянутомъ тарифѣ, уменьшился до 343,425 пудовъ. Въ послѣдствіи отпускная пошлина значительно сбавлена, но отпускъ увеличился, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, только въ 1829—33 году, среднимъ числомъ до 396,685 пудовъ; въ остальные же періоды, представлялся постоянный упадокъ отъ усилившагося соперничества норваннаго сала и сурьпнаго масла на иностранныхъ рынкахъ.

Въ послѣдніа пятнадцать лѣтъ отпущено коноплянаго масла:

	Среднія количества.		
	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.
Въ Нидерланды	32,755	18,716	6,536 пуд.
— Пруссію	186,011	64,498	36,539 —
— ганзейскіе города	93,014	56,791	33,606 —
— Данію	30,838	25,449	12,796 —
— Швецію	30,767	38,227	31,464 —
— прочія мѣста	23,300	16,159	18,881 —
Итого	396,685	219,840	139,824 пуд.
По цѣнѣ на	943,063 р.	594,823 р.	359,124 р. с.

Общее количество вывоза въ послѣдній періодъ было менше противъ предъидущаго періода на 57 процентовъ, а противъ перваго на 183 процента. Средняя цѣна за пудъ приходится: въ 1829—33 годахъ 2 рубля 40 копѣекъ, въ 1834—38 годахъ 2 рубля 70 копѣекъ, въ 1838—43 годахъ 2 рубля 56 копѣекъ; слѣдовательно въ первый періодъ, когда былъ самый большой отпускъ, средняя цѣна была ниже чѣмъ въ слѣдующее пятилѣтіе на 12½ процентовъ, а противъ послѣдняго періода около 7 процентовъ.

Отпускъ коноплянаго масла почти во всѣ вышеупомянутыя мѣста представляетъ болѣе или менше значительный упадокъ. Въ послѣдній періодъ 1839—43 годовъ вывозъ уменьшился:

	Въ 1834—38.	1829—33 году.
Въ Нидерланды	на 186 процентовъ.	401 процентъ.
— Пруссію	— 76	— 409
— ганзейскіе города	— 69	— 176
— Данію	— 98	— 140
— Швецію	— 21	— .

Всего менѣе сократился сбытъ коноплянаго масла въ Швецію: здѣсь оно обложено умѣренной пошлиною, и не встрѣчаетъ большаго соперничества со стороны сурѣйнаго масла, потому что пошлина съ послѣдняго на сто процентовъ выше. Отпускъ въ Данію весьма уменьшился, хотя масло конопляное освобождено тамъ отъ привозной пошлины. Такой упадокъ должно приписать распространенію въ Даніи воздѣлыванія сурѣйнаго сѣмянн, которое доставляетъ масло, служащее въ замѣнъ коноплянаго.

Требованіе на русское конопляное масло въ Нидерландахъ уменьшилось, съ приращеніемъ отпуска туда коноплянаго сѣмянн, изъ котораго добывается масло на тамошнихъ заводахъ. При томъ въ Нидерландахъ также отчасти замѣняютъ его сурѣйнымъ масломъ и ворванымъ саломъ.

По этой же причинѣ значительно уменьшился вывозъ коноплянаго масла въ Пруссію и ганзейскіе города.

Въ Великобританіи оно не могло имѣть сбыта, потому что до 1842 года было обложено запретительною пошлиною, около четырехъ рублей двадцати копѣекъ серебромъ съ пуда, для огражденія выгодъ собственныхъ морскихъ промысловъ, снабжающихъ государство ворваннымъ саломъ. Такая же пошлина взымалась тамъ съ льнянаго и сурѣйнаго масла, къ поощренію добыванія его на внутреннихъ заводахъ изъ привознаго сѣмянн. Нынѣ сѣмянное масло всякаго рода платитъ въ Великобританіи шестьдесятъ-три копѣйки серебромъ съ пуда, но обширное производство тамошнихъ маслобойныхъ заводовъ затрудняетъ сбытъ иностраннаго масла на внутреннее потребленіе.

Такимъ образомъ виды на заграничный сбытъ русскаго коноплянаго масла, судя по значительному упадку его отпуска въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, весьма неблагоприятны и нельзя ожидать, чтобы эта отрасль нашей отпускной торговли возвысилась опять до прежняго размѣра, потому что ея приращенію противодѣйствуетъ возрастающее за границею употребленіе матеріа-

* Въ послѣдній періодъ отпускъ въ Швецію былъ на 2 процента болѣе, чѣмъ въ первое пятилѣтіе.

ловъ, которыми замѣняется конопляное масло, такъ, что только при случайномъ въ нихъ недостаткѣ или повышеніи ихъ цѣнъ, увеличивается требованіе на этотъ продуктъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ распространилось добываніе сѣмяннаго масла, получаемыя при этомъ производствѣ выжимки обращаются въ кормъ скоту и на удобрение; они составляютъ въ нѣкоторыхъ краяхъ немаловажную статью не только внутренней, но и внѣшней торговли. Въ Великобританіи расходъ маслячныхъ выжимокъ такъ великъ, что при большомъ количествѣ ихъ, поступающемъ въ продажу съ тамошнихъ заводовъ, онѣ еще доставляются изъ-за границы. Масляныя выжимки вывозятся изъ прусскихъ портовъ, Гамбурга и Франціи наиболѣе въ Великобританію и частью въ Бельгію. Отпускъ ихъ изъ Франціи доходилъ въ послѣдніе годы отъ полутора до трехъ милліоновъ пудовъ, а изъ Германскаго Таможеннаго Союза вывозится ихъ около одного милліона пудовъ. Между нашими отпускными товарами масляныя выжимки, по ничтожности ихъ отпуска, не показываются въ «Видахъ Торговли.» По видимому у насъ еще не обращено вниманія на возможность сбыта этого товару за границу, особенно въ Великобританію, гдѣ усовершенствованное сельское хозяйство извлекаетъ пользу изъ маслячныхъ выжимокъ, тогда какъ въ Россіи онѣ еще не входятъ даже въ кругъ внутренней торговли.

Г. К — Ъ.

=

V.

КРИТИКА.

=

СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССИИ. *Сочиненіе Константина Арсеньева. Санктпетербургъ, 1848.*

Статистическія сочиненія, которыя, подобно этому, можно читать сплошь съ живымъ и постояннымъ интересомъ, появляются слишкомъ рѣдко въ литературахъ, потому что, для такихъ книгъ, нужны, кромѣ чиселъ, свѣтлый взглядъ на дѣло, по сущности своей всегда многосложное, и истинный писательскій талантъ. Весьма естественно, что эти изысканія произведенія ума, науки и дарованія всегда возбуждаютъ живѣйшее любопытство и участіе въ читающемъ мѣрѣ, который озаряютъ они новымъ свѣтомъ и согреваютъ новыми чувствами. Изъ всѣхъ родовъ книгъ, подобныя статистики—творенія самыя способныя, подавая читателю ясное и вѣрное понятіе объ его отечествѣ, воспламенить патриотическія его надежды на будущее и возбудить въ немъ полезную дѣятельность. Чтобы любить свое отечество, не инстинктивно, а разсудительно, умно, съ убѣжденіемъ, и тепло вѣровать въ прочность судьбы его, надобно, какъ справедливо замѣчаетъ почтенный авторъ этихъ «Очерковъ», основательно знать все его средства и силы. Подъ скромнымъ названіемъ «Статистическихъ очерковъ», господишъ Арсеньевъ даетъ русскому читателю статистику, достигающую этой высокой цѣли, благородную и умную книгу, которая, если онъ захочетъ продолжать прекрасно начатый трудъ, останется на Руси памятникомъ, достойнымъ его многолѣтней статистической славы.

Книга начинается превосходнымъ обзоромъ границъ Россіи, и ея географическаго мѣстоположенія, въ отношеніяхъ политическомъ, торговомъ и хозяйственно-промышленномъ. Авторъ обнаруживаетъ всю неосновательность предположеній о мнимыхъ неудобствахъ или опасностяхъ отъ огромнаго пространства, представляющаго отъ Камчатки до Калиша 14,400 верстъ и отъ Коды до Эривани 4,860. Поставляя читателя на настоящую точку зрѣнія, онъ показываетъ, что пространство это служитъ напротивъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ въ непоколебимости Россіи и въ неограниченной ея способности къ развитію народнаго благоденствія. Сибирь, Забайкалье, Царство Польское, Остзейскія провинціи, Финляндію, и — можно было бы по всей справедливости прибавить — архангельскую, вологодскую и олонекскую губерніи, должно считать собственно колоніями Россіи, которая, будучи съ трехъ сторонъ обнесена этими непроходимыми защитами, сама занимаетъ лучшую часть всего пространства и ищетъ только ея одной стороны, отъ Бреста Литовскаго до Измаила, границу, требующую охраны. «Эти Земли, говоритъ авторъ, не затрудняя внутренняго управленія и не составляя сущности имперіи, полезны ей по уваженіямъ политическимъ, коммерческимъ и военнымъ; и одніе по равенству своихъ взаимныхъ выгодъ, другія по бѣдности народонаселенія и естественнымъ средствамъ, или по несходству народностей какъ между собою такъ и съ народомъ владычествующимъ, должны быть разсматриваемы какъ вспомогательныя члены одной главной силы, заключающейся въ собственно русскія земли. Русскія земли сходствуютъ между собою одинаковыми правами жителей, единствомъ языка, одинаковыми гражданскими уставами, одною религіею и почти одинаковымъ ведемъ образованіемъ. Это — настоящее отечество Русскихъ, твердѣвшая или главная основа Россійской державы. Это — великій кругъ, къ которому вся прочія части имперіи примыкаютъ по направленію разлчныхъ радіусовъ, содѣйствуя, ближе или дальше, болѣе или менѣе, къ его нерасторгаемости.»

Нѣсколько неточныхъ выраженій пужно было исправить

при выпискѣ эвиль строкъ изъ книги. Почтенный авторъ конечно простить педантству литературной критики это маленькое подъятачество на его ученый плодъ, но — нафривъръ — рука никакъ не пишетъ «прочія (внѣшнія)» частныя матеріи прижимають къ кругу какъ радіусы.... которые всегда выходятъ изъ центра круга и якогда извѣтъ къ нему не прижимають. Прижимають (извѣтъ) по направленію радіусовъ, это — дѣло другое.

Въ этой отличной статьѣ, мы по одному только предмету расположенія русскихъ рѣкъ не совсѣмъ раздѣляемъ совершенное удовольствіе, объявляемое заслуженнымъ нашимъ статистикомъ. Въ кругу собственной Россіи, для настоящей ей пользы рѣки могли бы быть расположены гораздо удобнее. Недостатокъ географическаго ея мѣстоположенія или геологическаго образованія, лишеннаго значительныхъ горныхъ вышуклостей, состоитъ именно въ несообразности числа большихъ руселъ съ обширностью равнины. По этой огромной сухой площади протекають только три рѣки, Волга, Днѣпръ и Западная Двина, — потому что Сѣверной Двина считать нечего, равно какъ и Печоры: онѣ текутъ по суровымъ и безплоднымъ странамъ въ негостепримныя и безторговья моря. Да и самая Волга, честь и слава русскихъ рѣкъ, путь столь важный для внутренняго торговаго движенія, куда втекаетъ она? — въ море, почти бесполезное для внѣшней торговли. Искусство, а не природа, сдѣлала Волгу драгоцѣнною для этой важной цѣли, соединивъ ее въ одну систему съ Волховомъ и Невой, но тутъ судоходство должно бороться съ противнымъ теченіемъ воды. Остаются, следовательно, только Днѣпръ и Западная Двина, два большія русла, удобныя для заграничнаго торгу, и оба загроможденныя порогами. Днѣстръ и Нѣманъ протекають уже по краямъ настоящей Россіи, и первая изъ этихъ двухъ рѣкъ также бесполезна для внѣшней торговли. Южный Бугъ начиняеть быть судоходнымъ уже въ нагой степи. Изъ всѣхъ нашихъ рѣкъ Донъ — едва ли не самая способная отъ природы для этой великой роли. Нѣтъ, рѣкъ у насъ слишкомъ мало, и онѣ расположены вообще невыгодно. Но это нечего. Же-

лѣзные дороги, эти сухопутныя рѣки, все не нравятся современемъ

Историческая статистика Россіи составляетъ обширное и, можно сказать, самое любопытное отдѣленіе этого тома. Тщательность оцѣнки, при необыкновенной трудности предмета, заслуживаетъ полнаго удивленія трудолюбію и вслѣдствительному духу автора. Отдѣленіе это состоитъ изъ обзору постепеннаго приращенія Россіи въ пространство, и изъ подробной картины послѣдовательнаго административнаго раздѣленія ея, съ показаніемъ народонаселенія и его отношеній къ мѣстностямъ.

Россія, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, при востшествіи Іоанна Третьяго на престолъ въ 1462 году, заключала въ себя не болѣе 10,674 квадратныхъ миль или около 530,000 квадратныхъ верстѣ. При смерти этого государя, въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, пространство ея было 41.136 квадратныхъ миль, — четверо болѣе. Въ концѣ того же столѣтія оно представляло 130,132 мили. Въ половинѣ семнадцатаго вѣка, при смерти царя Михаила Феодоровича, мы находимъ уже 225,911 миль. При кончинѣ царя Алексѣя Михайловича, въ 1676 году, Россія увеличилась до 263,828 миль, при Петрѣ Великомъ до 282,454, при Императрицѣ Аннѣ до 318,272. при Екатеринѣ Второй, въ исходѣ прошедшаго вѣка, до 352,472, а при Александрѣ Первомъ до 366,582. Нынѣшнее пространство Россіи 367,200 квадратныхъ миль, или безъ малаго осемнадцать милліоновъ (17.992.800) верстѣ

Историческаго народонаселенія Россіи нѣтъ возможности опредѣлить, для всѣхъ этихъ эпохъ, съ такою же точностью, съ какой опредѣлено авторомъ пространство, потому что первая народная перепись произведена была только уже въ началѣ прошедшаго столѣтія. Но приблизительно опредѣлить, конечно, есть возможность. На пространствѣ Европейской Россіи Петра Великаго, обнятой этою переписью, жило въ 1721 году около 12,000,000 душъ почти въ милліонѣ такъ называемыхъ дворовъ. Въ 1846 году, на томъ же пространствѣ, считалось уже около 30,000,000. Въ сто двадцать пять

лѣтъ народонаселеніе умножилось, на данномъ пространствѣ, въ два съ половиною раза. Принявъ въ основаніе тридцать три года для каждаго поколѣнія и пропорцію 12,000,000 : 30,000,000 въ 125 лѣтъ, мы нашли однажды, по правилу сложныхъ процентовъ на этой пропорціи, что въ 4042 году до Рождества Христова въ Европейской Россіи Петра Великаго жили только *одинъ* мужчина и *одна* женщина, а за шесть тысячъ лѣтъ до нашего времени господствовала здѣсь совершенная пустыня. Этотъ числительный результатъ довольно примѣчательнъ сходствомъ своимъ съ соображеніями Кювье, который, по геологическимъ выводамъ, назначалъ роду чело-вѣческому не большую древность на землѣ какъ шесть-тысячъ лѣтъ. По тому же способу можно было бы найти вѣроятное народонаселеніе Россіи для каждой эпохи ея исторіи. Предпріятіе это рекомендуемъ трудолюбію страстныхъ любителей вычисленій. Оно весьма интересно для науки.

Въ 1708 году послѣдовало первое раздѣленіе Россіи на губерніи. Государство состояло изъ осьми губерній: московской, ингерманландской, архангельской, кievской, смоленской, казанской, азовской и сибирской. Московская заключала въ себѣ нынѣшнюю губернію московскую, большую часть владимірской, рязанской, тульской и калужской, и часть ярославской и костромской. Первымъ губернаторомъ ея былъ Г. П. Стрѣшневъ. Къ ингерманландской губерніи, подъ управленіемъ Меншикова, кромѣ нынѣшней санктпетербургской, принадлежали повгородская, псковская, олонеккая, большая часть тверской и ярославской, и дерптскій округъ. Архангелогородская, вѣренная князю А. Д. Голицыну, обнимала нынѣшнія губерніи архангельскую и вологодскую съ большею частью костромской. Къ кievской, которою правилъ князь Д. М. Голицынъ, причислены были все Малороссія, большая часть русской Украйны, курской и орловской губерній, и части курской и тульской. Смоленская губернія, самая малая, состояла изъ нынѣшней смоленской и участковъ тульской и тверской; губернаторомъ ея былъ назначенъ П. С. Салтыковъ. Въ казанской губерніи, П. М. Апраксину подчинены были прежнія царства казанское и астраханское съ ча-

стями вытѣсненныхъ губерній вятской, пермской, тамбовской, пензенской, владимірской, костромской и частью казакской области. Азовская губернія, подъ начальствомъ Ф. М. Апраксина, завѣдывала Землею Донскихъ Казаковъ, нынѣшней воронежскою губерніей и частями пензенской, тамбовской, курской, харьковской, екатеринославской, орловской и тульской. Къ Сибири отчислены были значительная часть нынѣшней пермской губерніи и участокъ вятской. Сибирская губернія ввѣрена была князю М. П. Гагарину.

Губерніи раздѣлялись на провинціи, которыми управляли воеводы; провинціи на уѣзды. Къ двадцатымъ годамъ прошедшаго столѣтія раздѣленіе это нѣсколько замѣнилось образованіемъ губерній нижегородской и астраханской, пріобрѣтеніемъ рижской и ревальской и присоединеніемъ смоленской частию къ Рязи, а частию къ Петербургу. На этомъ-то пространствѣ, въ собственно европейской Россіи, — потому что тогдашней сибирской губерніи нельзя принимать въ расчетъ особенно при пропускѣ малороссійскаго края, — къ 1722 году оказалось 5,794 928 податныхъ душъ мужескаго пола, что составляетъ, для обоихъ половъ, итогъ въ 11,000,000, къ когорымъ навѣрное надо прибавить еще одинъ милліонъ душъ, не вошедшихъ въ списки, такъ что полное народонаселеніе навѣрное не превышало 12,000,000. Соображая это пространство съ табелью народонаселенія нынѣшнихъ губерній за 1846 годъ, помѣщенной въ «Статистическихъ очеркахъ», оказывается, что настоящее народонаселеніе Петровской Россіи доходитъ въ наше время до 30,000,000 душъ обоюго пола. Къ не у присоединяются народонаселенія:

Литовской Руси, въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ

Польша	9 893,000.
Кавказія, въ бывшей Гетманщинѣ и около Дона	6,282,000.
Черноморскихъ областей	2,956,000.
Курляндіи	517,000.
Нынѣшней Сибири	3,860,000.

Итого . . . 22,603,000.

Прибавивъ къ нимъ нынѣшнее народонаселеніе Петровской Россіи, 30,000,000, получается отъ 52,603,000 до 53,000,000

на полное народонаселение имперіи, за исключеніемъ Закарпатскаго Царства Польскаго и Финляндіи, которыхъ народонаселеніе доходитъ до 10,000,000. Съ приближою приращеніи за 1846 и 1847 годы, настоящее народонаселеніе Русской Державы можно полагать въ 64,000,000 душъ обоего пола въ Европѣ и Азіи, а въ одной европейской Россіи, со включеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи, въ 60,000,000; за исключеніемъ же этихъ двухъ владѣній, на которыя ученый авторъ смотритъ какъ на колоніи, въ 54,500,000.

Далѣе следуютъ двѣ прекрасно обработанныя статьи, — топографическое разсмотрѣніе Россіи въ отношеніи къ климату и почвѣ, — и поземельное богатство ея. Здѣсь, при опредѣленіи земледѣльческо-хозяйственныхъ силъ и средствъ разныхъ топографическихъ пространствъ, ученый авторъ представляетъ выводы и итоги по губерніямъ, потому, конечно, что и статистическія данныя собираются по этимъ раздѣленіямъ, не принимая въ соображеніе этнографическихъ различій между жителями. Въ некоторомъ отношеніи метода эта не удовлетворитъ потребностей ученой истины. Пигдѣ вліяніе племеннаго характера людей не выказывается такъ резко какъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промыслахъ народныхъ. Одна и та же топографическая мѣстность, обдѣлываемая поселеніями трехъ разныхъ племенъ, даетъ три совершенно различные результаты. Это можно видѣть у воротъ Петербурга, гдѣ рядомъ лежатъ запашки русскія, чухонскія, нѣмецкія, англійскія. Въ статистикѣ Россіи устраненіе этнографическихъ различій, когда рѣчь идетъ о земледѣльческомъ богатствѣ и дѣятельности промысловъ, заключаетъ въ себѣ даже несправедливость къ коренному русскому народонаселенію, породѣ великороссійской, безспорно самой благородной, смышленной и трудолюбивой изъ всѣхъ породъ славянскихъ и ввородныхъ, обитающихъ въ имперіи. Емѣ въ Скніи порода эта была первенствующею подѣ названіями то Волгаровъ, то Антовъ. Это — порода приволжскихъ Славянъ. Слово *Анты* не что иное какъ, съ пропускомъ начальнаго *в*, знаменитое имя *Вакты*, *Ванды*, *Весты*, *Венды*, *Випты* или *Винды*; всѣ эти формы правильны, потому что всѣ были въ упо-

требленія. У насъ, по свойству нарѣчій, исключительнаго несвоего и, оно прозвирсилось *Вяты* или *Вятчи*, что значить *Вендики* или *Вичичи*. Несторъ производить *Вяжичей* и *Радомичей* отъ *Ляховъ*, рассказывая, что оттуда вышли два брата, *Вяшко* (то есть *Вендо*) и *Радько*, и поселились по Волгѣ, Окѣ и Сулѣ. Разумается, что въ этомъ мнѣе не должно искать ни какаго указанія на сходство породъ или нарѣчій: онъ явственнo при умалѣ только для объясненія сходства въ названіяхъ, чтобы отдать себѣ невѣстный отчетъ въ томъ, какимъ образомъ могли одинаково называться *Вендами* и *Радомью* нѣкоторыя славянскія поколѣнія и при Волгѣ и при Вислѣ, тогда какъ они были раздѣлены многими славянскими же поколѣніями, не принимавшими этихъ названій, каковы *Поляне*, *Древляне*, *Стверяне*, *Слояне*, *Смоляне*, *Кривичи*, *Дреговичи*, *Дулэбы*, *Тиверцы*, *Волынцы* и прочіе. Но что бы то ни было причиною этого сходства или невсторенія племенныхъ названій, дѣло въ томъ, что великороссійскій человекъ, *Москаль*, есть потомокъ этихъ стверовосточныхъ *Вендовъ* и неразлучныхъ съ ними *Радомичей*. Города по Окѣ, Сулѣ и Волгѣ еще недавно, въ грамматахъ московскихъ царей, сохраняли свое старинное историческое названіе *вендскихъ* (вятскихъ) *городовъ*, которымъ, какъ кажется, они дожили. Эта чудесная порода славянскихъ людей, изъ которой вышли и *Болгары*, отличается крѣпостію сложенія, трудолюбіемъ, подражательными способностями и промышленною предприимчивостію повсюду, гдѣ ни поселялась она между сродными поколѣніями другихъ названій. Превосходство ея такъ рѣшительно, что, въ прикосновеніи съ этими поколѣніями, она всегда распространяла и донинѣ распространяетъ на нихъ свое нарѣчіе, свой духъ и свои обычаи. Такимъ образомъ она поглотила и почти совершенно уподобила себѣ волжскихъ *Тиверцевъ* или *Тверцевъ*, новгородскихъ *Славявъ*, *Смолянъ* и тѣ узды *Дреговичей* (*Бѣлорусцевъ*), на которые случайно распространились ея поселенія. Она населила своими земледѣльцами и промышленниками *Вятку*, берега *Сѣверной Двины* и *Бѣлаго Моря* и безконечную *Сибирь*. Она, кажется, самою природою назначена была сдѣлаться влады-

чествующимъ народомъ надъ всѣмъ славянскимъ и чудскимъ сѣверомъ, и, дѣйствительно, она-то и есть нынче владычествующій русскій народъ. Исчисленіе племенныхъ силъ ея любопытно для философіи статистики и исторіи. При нынѣшнемъ состояніи свѣдѣній, этого можно достигнуть приблизительно отчисленіемъ изъ итога общаго народонаселенія имперіи людей другихъ славянскихъ и не-славянскихъ породъ, а именно:

Славянскихъ:

Дреговичкой породы, такъ называемаго бѣлорусскаго нарѣчія, отъ Буга и Нѣмана до Двины и далѣе на сѣверъ, до псковскихъ земель	3,500,000.
Хорватской, или червенорусской, въ Малороссіи, въ кievской, подольской и волынской губерніяхъ и пинскихъ болотахъ	9,500,000.
Польской, перемишанной съ этнии двумя породами	500,000.
<hr/>	
Итого	13,500,000.

Не-славянскихъ:

Нѣмецкой	250,000.
Еврейской	400,000.
Монголо-татарской	1,500,000.
Чудской (Литвы, Лотвы, Жмуди, Ливы, Эстовъ, Финновъ, Зырянъ, Моравы и другихъ).	3,000,000.
<hr/>	
Итого	5,150,000.

Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ около 19,250,000 душъ. Исключивъ ихъ изъ 54,000,000, или изъ общаго итога народонаселенія имперіи въ прѣделахъ Европы, остается на коренное вендское, вятское, или великороссійское народонаселеніе въ европейской Россіи около 35,000,000 душъ обоюга пола.

Всего славянскаго народонаселенія въ европейской и азійской Россіи, не считая Царства Польскаго, можно полагать 49,000,000 душъ, а съ нимъ вмѣстѣ 53,000,000. Изъ этого числа около 48,000,000 исповѣдуютъ одну вѣру.

Вотъ величественное основаніе незыблемости сѣвернаго колосса!

Не-славянское народонаселеніе едва простирается за
Т. LXXXVIII. — Отд. V.

5,000,000, за исключеніемъ Закавказья и Финляндіи, а съ ними вьсьтъ до 11,000,000, такъ что не-славянскія породы составляютъ только пятую долю плотной славянской массы.

Какое сравненіе съ Австріей, гдѣ почти на 30,000,000 общаго народонаселенія господствующее племя, нѣмецкое, образуетъ едва пятую долю всего итога, отъ пяти до шести милліоновъ душъ, и эта горсть Тевтонцевъ налагаетъ свой языкъ, свои нравы, понятія и законы почти на двадцать четыре милліона большихъ иноплеменныхъ массъ, на шестнадцать милліоновъ Славянъ и на осемь милліоновъ челоувѣкъ Финскаго и ново-латинскаго происхожденія! Одно это сравненіе достаточно для уничтоженія всѣхъ иностранныхъ возгласовъ о мнимой «разнородности» состава Русской Державы и ставить прочность могущества ея въ самомъ яркомъ свѣтъ.

Всѣ эти итоги ученый и трудолюбивый авторъ, вѣроятно, представитъ публикѣ въ будущихъ томахъ «Очерковъ» съ той точностью, которой требуетъ важность статистическихъ и политическихъ уваженій, сопряженныхъ съ ними, и на которую мы въ приблизительныхъ вычетахъ не можемъ имѣть никакого притязанія. Вопросъ совершенно входитъ въ кругъ прекрасной цѣли труда его — поставить Русскаго въ возможность любить свое отечество съ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ, давъ ему средства оцѣнить силу своего народа и постигнуть его мнувшія и настоящія судьбы — и, конечно, никто лучше заслуженнаго нашего статистика не въ состояніи изложить такой вопросъ съ надлежащею отчетливостью.

При внимательномъ чтеніи двухъ послѣднихъ отдѣловъ книги, и при сравненіи представляемыхъ ею данныхъ, намъ показалось, что огородничество, садоводство и скотоводство въ разныхъ частяхъ Россіи зависятъ менѣе отъ геологическихъ и метеорологическихъ условій чѣмъ племенныхъ привычекъ народонаселеній. Замѣчательно, что великороссійскій челоувѣкъ, охотникъ ко всѣмъ промысламъ, не жалуется садоводства даже и въ тѣхъ полосахъ, гдѣ фруктовыя деревья и отребуютъ почтнина какихъ заботъ со стороны земледѣльца.

Онъ вообще врагъ всемъ деревьямъ, и около его дому, обыкновенно, не видно ни одной зеленой вѣточки, кромѣ развѣ больной, тошей березки, посаженной передъ его окошками по распоряженію нижевера путе сообщенія и которой онъ не поддерживаетъ. Въ уѣздахъ, лежащихъ рядомъ съ тѣми, гдѣ попечительность Петра Великаго создала лучшихъ огородниковъ въ мірѣ, за исключеніемъ быть-можетъ однихъ только китайскихъ, огороды не улучшаются. Поля у крестьянъ вендской породы обдѣланы грубо, небрежно. Между тѣмъ они удивительно трудолюбивы; разговоръ у нихъ всегда идетъ о деньгахъ, и они готовы тотчасъ пройти сотни верстъ съ топоромъ, съію или лопатою чтобы заработать нѣсколько цѣлковыхъ промысломъ или ручною работою, которые каждый изъ нихъ могъ бы получить съ меньшимъ трудомъ, на мѣсть, занявшись рачительнѣе хлѣбопашествомъ или скотоводствомъ. Но промыселъ и странствованіе—страсть его. Для промысла онъ пойдетъ на край свѣта. Такимъ образомъ проникъ онъ до Бѣлаго Моря и до Алтая, занялъ и населилъ собою Бярмію и царство Кучума. Скопивъ немного денегъ, онъ открываетъ лавочку при пустой дорогѣ. Честолюбіе его—попасть въ подрядчики и пажить каменный домъ. Эти черты племеннаго характера обнаруживаются постоянно повсюду въ великороссійскомъ человѣкѣ, лишь-только онъ предоставленъ самому себѣ или откроется удобный случай. Нигдѣ этого не примѣтно такъ ясно какъ по близости великороссійскихъ городовъ; мѣстный крестьянинъ отправился промыслять въ городъ ручною работою или извозомъ, а рядомъ съ его деревней огородъ разводитъ пришлецъ изъ другой губерніи на наемной землѣ. Воображеніе ихъ несется все въ даль. Такимъ образомъ Вятичи зашли и на Дунай и основали тамъ вторую Болгарію, единственныи примѣръ сѣвернаго славянскаго народа, двинувшагося на югъ въ такое время, когда все племена туда стремились, когда было въ модѣ ходить въ римскую имперію на грабительскіи промыселъ. Та же страсть къ эмиграціямъ обуреваешь и образованныя сословія. Баринъ ѣдетъ во Францію и Италію, тогда какъ мужикъ въ Питеръ, въ Бѣлоруссію, въ Малороссію, въ

Литву, въ Польшу. Ничего подобнаго не увидите ни въ исторіи ни въ обычаяхъ другихъ славянскихъ поколѣній Россіи. Дреговичи въ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерніяхъ, а Хорваты въ малороссійскомъ краѣ и другихъ южныхъ областяхъ, существенно домохѣды. Путешествіе — не ихъ дѣло. Совершенное отсутствіе духа промысловъ и торговли. Промышленники, торговцы и купцы у нихъ — Евреи, Немцы или *Великороссы*. Странствующие работники — рѣшительно *Великороссы*. Не смотря на бѣдность скотины и упряжи, на бесплодность почвы, на слабость тѣлосложенія людей, поля у людей дреговичскаго племени гораздо лучше обработаны чѣмъ у другихъ. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ этимъ племенемъ, садоводство и огородничество довольно развиты при всемъ равнодушіи этой породы къ удобствамъ жизни, при всей закоснѣлости ея въ неразсчетливой и большею частью добровольной нищетѣ. Она трудолюбива столько же, сколько хорватская порода, отъ Харькова до Лемберга, склонна къ лѣнни, но страдаетъ преимущественно отсутствіемъ воображенія и примѣчательною неспособностью къ счету.

Скотоводство, какъ замѣтно изъ многихъ итоговъ, приводимыхъ «Очерками», тоже не вездѣ сообразуется съ обиліемъ пастбищъ и другими удобствами къ этому промыслу. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пастбищъ и корму оказывается много, а домашняго скота гораздо меньше чѣмъ душъ въ губерніи, или наоборотъ. Эти несоразмѣрности, конечно, зависятъ также отъ племенныхъ привычекъ, которыхъ образованность и расчетъ еще не преодолѣли.

Мы старались свести приблизительно итоги головъ домашняго скота на разныхъ «пространствахъ», и нашли, что общее число головъ лошадей, коровъ, овецъ и другихъ животныхъ, въ Россіи, не превышаетъ общаго числа душъ народонаселенія, между-тѣмъ какъ пастбища и руки наши могли бы навѣрное доставить корму для двухъ сотъ милліоновъ головъ безъ большаго труда.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ПОМПЕЙ И ОТКРЫТЫХЪ ВЪ НЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ; съ монографіей Везувія и очеркомъ Геркуланума; съ планами и пояснительными гравюрами. Сочиненіе В. Классовскаго. Санктпетербургъ, 1848.

Нѣтъ конечно во всей области новѣйшей исторической учености, предмета болѣе поразительнаго, глубже трогающаго умъ в сердце, сильнѣе дѣйствующаго на воображеніе, какъ видъ цѣлаго города, вдругъ поглощеннаго землею за осемнадцать столѣтій и постепенно выходящаго изъ нѣдръ ея наружу при нашихъ глазахъ, съ его первобытнымъ плачемъ, улицами, публичными званіями, домами, утварью, живописью, надписями, со всеми въ расцѣлѣ захваченными и, такъ сказать, окаменѣлыми тайнами погибшаго общества, исчезнувшихъ семействъ; забытой вѣры, и исчезнувшей образованности, и личныхъ отношеній людей, которые здѣсь жили, трудились, хлопотали, предавались внушеніямъ корыстолюбія, гордости или нѣги, плутовали, подличали, тѣшились, страдали. Но кто ясно и живо представитъ себѣ подобную картину, тотъ съ трудомъ пойметъ возможность описать ее систематически. Это значить, не болѣе и не менѣе, какъ привести въ систему сотняхъ на двухъ страницъ человеческую натуру и все что она дѣлаетъ или можетъ сдѣлать

въ данной мѣстности. Надо еще принять въ соображеніе, что города этого открыта донинѣ едва только пятая доля, собственно одна торговая и дѣловая часть, прилежавшая къ таможнѣ и гавани, и что почти каждое изъ важнѣйшихъ или примѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ, открытыхъ въ этой части города, будучи тѣсно сопряжено съ древними искусствами, идеями, религіей, законодательствомъ и обычаями, или подлежитъ спору относительно къ своему значенію, или получаетъ весь интересъ отъ соприкосновенія своего съ самыми высокими и самыми трудными вопросами классической эрудиціи. Безъ вниманія на все это, предпринять систематическую укладку сдѣланныхъ доселѣ открытій, не заботясь объ ихъ относительной важности или новости, составить объ нихъ нѣчто въ родѣ статистическаго описанія города Виттенберга или путеводителя по пизегородской ярморкѣ — трудъ тѣмъ болѣе достойный удивленія, что въ равной степени превосходитъ онъ и силы человеческого ума и потребности человѣческой науки. Русской литературѣ будетъ принадлежать честь перваго опыта *систематической Помпеи*, подвига смѣлаго, гигантскаго, на который не рѣшались до-сихъ-поръ прочія литературы, можетъ-быть потому что были ближе знакомы съ сущностью предмета какъ археологическаго открытія и какъ памятника древняго искусства. Эффектъ, производимый въ читателѣ *систематическимъ описаніемъ* — слишкомъ еще неполныхъ и болѣею частью еще неясныхъ результатовъ неоконченнаго, едва только начатаго разрытія — живо напоминаетъ послѣдній день несчастной По пем: кажется какъ-будто послѣдовало новое изверженіе — но въ этотъ разъ уже не горячей золы вулканической, а холодныхъ классификацій, — свинцовыхъ категорій, — и Помпея, едва возникавшая изъ могилы, засыпана системою, и опять — нѣтъ Помпеи. Весь интересъ, все очарованіе, исчезли, лишь только система коснулась своей каменной рукою того, что главную свою прелесть и пользу заимствовало у поэтическаго чувства и романической исторіи нечаянной гибели и неожиданнаго воскресенія. Вы знаете картину

Брюллова «Последній день Помпей»? Представьте же себѣ теперь *систематическое описаніе* этой картины! сухую статистику этой гениальной сцены, кипучей безчисленными и всегда глубокомысленными подробностями, которыя нужно зрителю на всякомъ шагу примѣтить съ проникательностью и быстро уловить воображеніемъ! Станетъ ли картина черезъ это яснѣе или темпѣе?

Эти замѣчанія, которыя невольно представляются всякому знающему Помпею по разысканіямъ ученыхъ и наглядно, относятся только къ формѣ или рамѣ, избранной русскимъ писателемъ для *наилучшаго* изображенія древняго города, медленно разрываемаго повѣйшимъ неаполитанскимъ любопытствомъ, и нисколько не касаются основныхъ достоинствъ книги его, состоящихъ въ собственномъ трудѣ, тщательномъ сводѣ главнѣйшихъ общихъ наблюденій различнаго достоинства, сдѣланныхъ археологами, и въ удовлетворительномъ знакомствѣ съ матеріальною частью открытій. Въ выборѣ формы писатель нашъ ошибся существенно: единственная *система*, которую можно рационально примѣнить къ изображенію доннынъ отрытой части Помпей, есть историческое описаніе открытій въ каждой расчищенной улицѣ, въ каждомъ поочередно отрытомъ домѣ, съ подробнымъ изложеніемъ всего здѣсь найденнаго и примѣченнаго и съ оцѣнкою большей или меньшей важности каждаго обстоятельства въ отношеніи къ археологіи, къ искусству, къ исторіи и религіи древнихъ, къ поясненію классическихъ текстовъ, и такъ далѣе. Общій взглядъ на наружность расчищенной части города можетъ, если угодно, предшествовать подобному изложенію, но пользы ни какой ожидать отъ него нельзя для познанія дѣла, потому что въ дѣлѣ этомъ все — относительно и условно; общими наведеніямъ покажутъ нѣтъ мѣста: они были бы преждевременны и, явственно, ошибочны. Помпея не можетъ быть признана типомъ римскихъ городовъ, и раскрытая доселѣ часть Помпей безспорно не типъ всему городу. Мелкость домовъ и публичныхъ зданій Помпей не даетъ ни какаго понятія о колоссальныхъ строеніяхъ Рима, ни

даже о провинціальномъ великолѣпнѣйшихъ римскихъ муниципіяхъ — сравните напримѣръ здѣшній амфитеатръ съ веронскимъ! Эта мелкость достаточно показываетъ, что Помпея была только второстепеннымъ провинціальнымъ городомъ и что она не болѣе того можетъ служить поднесеніемъ прежнему Риму и его эпохѣ, какъ Ораніенбаумъ поднесеніемъ Петербургу или Клинъ Москвѣ. Красота предметовъ искусства и утвари, находимыхъ въ этихъ домикахъ, обнаруживаетъ только то, впрочемъ давно известное обстоятельство, что наше нынѣшнее изящество и наша европейская роскошь — еще грубость и нищета самодѣлкія въ сравненіи съ древними, при вліаніи которыхъ костюмы безвѣстной харчедни и безвѣстнаго уздача мясника бывали изящнѣе формою, замысловатѣе украшеніями, и отличались рѣзбою драгоценнѣе въ отношеніи къ искусству, чѣмъ золотыя и серебряныя платѣ лорда Нортумберленда или вызолоченныя столовыя часы будоара зѣврной княгини-шеголихи, выписывающей всю красоту и замысловатость изъ Парижа. Эти чудесныя рѣзбы, эти удивительныя картины, эта отличная стѣнная живопись, которой не найдете нынче во дворцахъ, не были тогда даже большою роскошью, по несмытному множеству художниковъ, привычному совершенству ихъ работъ и дешевизнѣ такого роду произведеній, зависѣвшей отъ особеннаго устройства общества. Они могли находиться повсюду. Вкусъ этихъ украшеній однако жъ не представляетъ ничего рѣшительнаго насчетъ вкусу Римлянъ столичныхъ и лицъ принадлежавшихъ къ истинно изящному кругу. Это только образчикъ вкусу торговаго и дѣловаго народа, обитавшаго въ разчищенныхъ улицахъ Помпеи, гдѣ всѣ дома наполнены лавками и гдѣ притомъ большая часть этихъ лавокъ состоитъ въ непосредственномъ сообщеніи съ внутренними покоями домовъ, показывая тѣмъ неоспоримо, что хозяева ихъ были торговцы. Кромѣ того помпейскіе торговые Римляне не могли быть вѣрнымъ скоткомъ торговаго класса столицы или важнѣйшихъ городовъ, чисто римскихъ: городъ былъ первоначально и существенно инородный, основанный

среди греческихъ поселеній, на землѣ Осковъ, коренныхъ жителей его, состоявшихъ подъ вліяніемъ попеременно Самнитовъ и Кумейцевъ. Во время уже Суллы онъ превращенъ былъ въ римскую колонію и получилъ названіе Colonia Pompeii, въ честь Помпею Старшему, подобно тому какъ нынѣшній Кёльнъ или Cologne на Рейнѣ былъ потомъ переименованъ въ Colonia Claudia Agrippina, въ честь родившейся здѣсь дочери Германика. Все это показываетъ, что, при всеобщемъ преобладаніи римскаго начала въ Колоніи Помпея, общій характеръ ея былъ довольно изысканный и состоялъ изъ смеси нравовъ и понятій оскавскихъ, греческихъ и латинскихъ: на стѣнахъ Помпей сохранились и дписи на языкахъ этихъ трехъ поколѣній. Не смотря на особенное покровительство Рима своему поселенію въ этой сторонѣ, Помпея никогда не могла быть городомъ очень значительнымъ ни по богатству, ни по вліянію своему, рядомъ съ большимъ греческимъ торговымъ городомъ Парееное, или Неаполемъ, котораго и гавань и мѣстоположеніе представляли большія преимущества; рядомъ съ Путеолы и Байи, куда стремились, какъ въ модное мѣсто, избытки сладострастнаго Рима, и по сосѣдству съ Кумами, городомъ знаменитымъ по своей изгѣ, прелести и изяществу. Характеръ гарнизоннаго и мелкоторговаго раздоплеменнаго второкласнаго муниципалитета, вотъ все что, разсудительно, по сравненію обстоятельствъ, приходится на долю Помпей, и къ этому-то характеру должно относить всѣ открытія, сдѣланныя и дѣлаемые въ стѣнахъ ея. Если что-нибудь особенною изящностью или рѣдкостью своей выходитъ изъ скромныхъ предѣловъ этого характера, такъ это исключеніе, случайность. Такихъ случайностей можетъ набраться и много, но со всѣмъ тѣмъ они не даютъ права на общія наведенія, при разноплеменности бывшаго народонаселенія и при недостаточности еще слишкомъ ограниченнаго расчищенія: самыя важныя по изяществу, богатству и роскоши части города могутъ еще скрываться подъ землею!... Колоніи, по сущности своей, не могутъ быть похожи на метрополию и никогда не походятъ

одна на другую, по разности элементовъ, изъ которыхъ каждая изъ нихъ составляется. Одесса и Тифлисъ — два города именно въ родъ тѣхъ, которые Римляне называли *колоніями*: уподобляются ли они другъ другу или которому-либо изъ русскихъ городовъ?... Прибавьте еще, что изъ Одессы и Тифлиса вы знали бы только по нѣскольку улицъ, подобно Помпеѣ и Геркулалу. Словомъ, ни какая система тутъ не возможна, потому что она ни къ чему не примѣняется и ничего объяснить не можетъ не только видъ самой себя, но даже въ чертѣ своего собственнаго поприща.

Авторъ «*Систематическаго описанія Помпей*» принимаетъ ея матеріальную часть, именно, строительную и утварную, за что-то особенно важное, новое, достойное удивленія и изученія: эту-то часть приводитъ онъ въ систему предпочтительно, и въ результатъ «системы» старается получить видъ на римскій городъ и римское общество. Въ какой степени этотъ видъ долженъ по необходимости быть не ясный и сбивчивый, явствуетъ изъ сказаннаго нами объ изъятномъ характерѣ Помпей какъ колоніи и сравнительномъ ничтожествѣ ея въ ряду римскихъ городовъ. Матеріальная часть открытія, напротивъ, самая незначительная, самая пустая, въ настоящемъ случаѣ: внутренность домовъ и ихъ утварь почти ничего не прибавили къ познаніямъ нашимъ изъ другихъ источниковъ о расположеніи древнихъ домовъ и формъ домашнихъ предметовъ. Главное, существенное для науки здѣсь живопись, рѣзба и надписи, понятіе и растолкованіе сюжетовъ, сличеніе ихъ съ другими памятниками, опредѣленіе особеннаго мѣстнаго ихъ значенія, словомъ, все то, что нашимъ «систематическимъ» изслѣдователемъ выпущено изъ виду. Вся сила здѣсь въ подробностяхъ, вся занимательность въ этихъ неумовимыхъ чертахъ, которыя часто не примѣчательны для неопытныхъ глазъ простаго наблюдателя, между-тѣмъ какъ для проникательности археолога-художника становятся онъ лучомъ яркаго свѣту, поясняющимъ многія страницы древней литературы. Вы понимаете, что съ этими нѣжными подробностями дѣлаютъ въ «систематиче-

скихъ описаніяхъ»: всѣ картины, всѣ разбы, всѣ надписи, складываютъ въ отдѣльныя кучи, и оцѣниваютъ ихъ гуртомъ: счетомъ столько-то; достоинство ихъ вообще таково-то; а для образчика вотъ примѣрное описаніе нѣкоторыхъ, *болѣе примѣчательныхъ*..... разумеется, по величинѣ своей. Система—ужасное дѣло, особенно когда она еще принимается шутить, какъ напримѣръ по случаю осканскихъ надписей, передъ которыми можно даже было серіозно призадуматься; вѣдь это — одинъ изъ трехъ основныхъ элементовъ сложной помпейской народности!

Читателямъ этого журнала Помпея достаточно знакома изъ прежнихъ статей о любопытнѣйшихъ открытіяхъ, произведенныхъ въ ней до 1842 года. Если бы авторъ разсматриваемаго нами творенія принялъ, для описанія ея, способъ самый естественный, самый интересный для читателя, именно, способъ историческаго разсказу открытій, съ изслѣдованіемъ относительной важности каждаго, съ оцѣнкою его поности для науки или занимательности для искусства, мы могли бы пополнить изъ его книги прежніе разсказы этого журнала, довести до нынѣшняго времени свѣдѣнія объ разчисткѣ улицы Фортуны, самой широкой и самой красивой изъ всѣхъ, донинѣ отрытыхъ. Но изъ *системы*, которая все поглотила и переищиала, ничего извлечь не возможно. Главныя части этой улицы, то есть, одинъ конецъ ея, отъ храма Августовой Фортуны до улицы Меркурія, и другой конецъ, прилегающій къ Польскимъ Воротамъ, давно расчищены и доставили наукѣ множество любопытныхъ подробностей. Но промежуточная часть была завалена землею и заросшая кустарникомъ. Въ исходѣ 1841 года рѣшена ея дополнительная расчистка. Открыты ряды домовъ, съ лавками съ фронта, менѣе примѣчательныхъ чѣмъ въ верхнемъ и въ нижнемъ концахъ улицы, гдѣ отчасти жили люди, какъ кажется болѣе достаточные, любители внутреннихъ украшеній; но и эти лавки представляютъ разныя любопытныя особенности, годящіяся къ пополненію знанія древнихъ обычаевъ. Главнымъ приобретеніемъ науки должно однако жъ по-

чуть не все чужеземныя надписи, начертанныя кистью на стенах, на улицах, и картины, расписанныя на лацевых сторонахъ домовъ съ явною цѣлю служить украшеніемъ улицъ. Изъ которыхъ нѣкоторыя изъ этихъ наружныхъ картинъ, и нѣсколько стѣнныхъ картинокъ внутри домовъ, весьма примѣчательны и по рисунку, и по отдѣлкѣ, и по тому особенно обстоятельству, что сюжеты ихъ еще не встрѣчались на другихъ памятникахъ древности. Въ одномъ изъ самыхъ невидныхъ домиковъ найдена картина, представляющая Данаю въ минуту прибытія ея въ сундукъ на островъ Серифъ: дочь Акрисія сидитъ на утесѣ, держа на рукахъ младенца; возлѣ нея виднѣнъ полу-раскрытый сундукъ, въ которомъ она была заперта. Чѣмъ несомнительно и опредѣляется значеніе сюжета; передъ нею стоятъ рыбаки и царь Полидектъ, съ весломъ въ рукѣ. Любовь Юпитера и Данаи, по свидѣтельству Теренція, составляла одинъ изъ любимыхъ предметовъ древней живописи; несмотря на это, сюжетъ этотъ только теперь встрѣченъ впервые въ ничтожномъ домикѣ улицъ Фортуны и — что всего примѣчательнѣе — по исполненію это одна изъ самыхъ прекрасныхъ картинъ, открытыхъ въ Помпей.

Въ то же самое время предпринята полная разчистка переулка, вдушаго позади улицы Меркурія и параллельнаго съ нею, съ того мѣста, гдѣ въ переулокъ выходитъ задняя часть дому Мелеагра, одного изъ прекраснѣйшихъ, доселѣ открытыхъ въ Помпей. Здѣсь также многіе дома представили любопытныя подробности объ образѣ жизни владѣльцевъ и нѣсколько картинъ, интересныхъ по новости сюжетовъ.

Работы производились въ послѣдніе годы еще и въ третьемъ мѣстѣ, именно, въ широкой и красивой улицѣ, выходящей по правую сторону изъ улицы Фортуны и ведущей оттуда, мимо форума, къ театрамъ и къ городской стѣнѣ. Это, следовательно, одна изъ главныхъ улицъ Помпей.

Въ двухъ послѣднихъ мѣстностяхъ находятся такъ называемые дома Его Величества Россійскаго Императора и Ея

Величества Россійской Императрицы, расчищенные въ Высочайшемъ присутствіи Монарховъ въ 1845 и 1846 годахъ. Любопытное описаніе этихъ открытій нужно привести изъ «Систематическаго описанія Помпей, для того чтобы два эти отрывка послужили читателямъ вмѣстѣ и образчикомъ системы ученаго автора.

«Въ началѣ третьяго переулка параллельнаго съ улицей Меркурія... домъ, отчасти вскрытый 20 марта 1846 года въ присутствіи Государыни Императрицы. Вотъ исчисленіе находокъ въ немъ: изъ бронзы—двѣ большія вѣсовыя тарелки; шесть сосудовъ, изъ коихъ четыре обѣ одной ручкѣ, пятый о двухъ; разбитый сосудъ для храненія масла; котелъ съ желѣзнымъ крючкомъ снизу; еще три небольшие котлика, поврежденные на двѣ и краяхъ; овальная ваза; круглая тарелочка съ ручкою; двѣ кастрюли; ларецъ безъ крышки; футляръ для храненія хирургическихъ инструментовъ; чернильница; восемь формъ для пирожнаго; маленькій фляжскъ, украшавшій какую-то невѣстную принадлежность дамскаго туалета; лампа; большая игла; три замка; банная щетка; канделябръ съ отломанною стеклянную тарелкою; два украшенія удилъ, снабженные кольцами.

«Изъ глины: пять лампъ; три миски съ красною муравою внутри; штофъ съ длиннымъ горлышкомъ; кубокъ и двѣ муравьиныя тарелки.

«Изъ стекла: двѣ бутылки, одна широкогорлая, другая шарообразная; кубическій штофникъ; стаканъ и сткляночки, почти переплавленные огнемъ въ неопредѣленнаго вида массу.

«Изъ мрамора: ступка съ пестикомъ.

«Изъ желѣза: топоръ и молотокъ.»

Все. Статистика дому полна. Система ясна и опредѣлительна. Отсутствие всякихъ замѣчаній, со стороны автора, въ этомъ мѣстѣ, должно быть поставлено ему, не въ порокъ, а напротивъ въ особенное достоинство. Всего боѣе страшны мирному читателю въ этой систематической книгѣ ученыя и нравственныя примѣчанія, собственно принадлежащія сочинителю: такъ и боишься, по прочтеніи какого-нибудь списка любопытныхъ предметовъ, чтобы приложенное къ нему напридачу замѣчаніе не зарыло васъ своею важностью. По

случаю, напримѣръ, футляра для хирургическихъ инструментовъ, сочинитель имѣлъ отличную оказію прибавить: «Изъ сего знакомства съ медициною видно, что Помпейнъ «своею охотою лечиться не уступилъ бы людямъ ни одного изъ «въсковъ, когдѣ изнѣженность и правдоность, отражалась и «быткомъ привычекъ и нуждъ въ жизни, слишкомъ искусствен- «ной, располагаютъ наше тѣло къ воспріятію многочисленнымъ «болѣзней.» На этотъ разъ онъ не прибавилъ ничего подобнаго. Вотъ второй отрывокъ.

«Съ восточной стороны (улицы Фортуны).... домъ Государи Императора Николая Павловича. Въ послѣднемъ домѣ, въ присутствіи Его Величества открыты слѣдующія утвари: изъ бронзы — римскій безмѣсъ съ тарелкою, прицѣпленною цѣпочками и съ перевѣсомъ, изображающимъ воина; большая пирожная сковорода и шесть противней разной величины; два колокольчика; замокъ; круглое зеркальцо безъ ручки; небольшой истуканъ Геркулеса; треножникъ, служившій канделябромъ. Изъ стекла: одиннадцать сосудовъ разной формы и величины; двѣ чашки; кубическая бутылка съ рукою и другая круглая, съ узкимъ горлышкомъ, обдѣланная бронзою. Изъ глины: шесть лампъ; кухонный горшокъ; миска; миниатюрный кувшинчикъ; четыре кровельныхъ штица въ видѣ масокъ и головъ. Изъ мрамора: статуйка мальчика; голова старика съ бородою; иготь и пестикъ; вѣсовая гиря. Древности сѣи, виѣсть съ другими, найденными 20 марта 1846, въ присутствіи Государыни Императрицы, препровождены, по приказанію его величества неаполитанскаго короля, въ Санктпетербургъ.»

Все. Если васъ утомляютъ сухія исчисленія предметовъ, изъ которыхъ каждый подѣ перомъ опытнаго и даровитаго антикварія могъ бы подать поводъ къ интереснымъ изслѣдованіямъ, справкамъ, соображеніямъ, такъ на это горе у «Систематическаго описанія» есть превосходный рецептъ въ другомъ мѣстѣ. «Если васъ утомляетъ сухое исчисленіе вещей, «падающихъ подѣ заступъ открывателей, то полюбуйтесь».... на что бы вы думали?... «Помпей богата памятническимъ.» Полюбуйтесь на открытые недавно въ землѣ, по близости веревка сосѣдняго съ улицею Меркурія, «два человѣчскіе скелета, крѣпко обняшіеся. Но костямъ погибшихъ

« видно, что они не одинаковаго пола и, сверхъ-того, не успѣли еще, счастливыцы, перешагнуть за предѣлы розовой юности. Кто были они? По всему вѣроятію—*скрѣпе* любовники или «молодые супруги чѣмъ брать съ сестрою. Впрочемъ — (для «отдыху отъ утомленія сухими вѣчисленіями) — *рѣшайте* «вопросъ по своему усмотрѣнію. Это привлекетъ всѣхъ анти-«кваріевъ!»

Вотъ вы уже и *антикваріи*, любезные будущіе читатели «Систематическаго описанія Помпей»! По системѣ автора, званіе классическаго антикварія пріобрѣтается такъ легко, что удивительно, какъ доселѣ всѣ люди не антикваріи: стоить только побывать въ Помпѣи или прочесть книжку о Помпѣи. Авторъ увѣренъ въ этомъ по личному опыту. Собственно, онъ не изъ антикваріевъ — напротивъ! — но былъ въ улицахъ Меркурія и Фортуны, заходилъ въ gli Studj, прочиталъ нѣсколько книжекъ о Помпѣи и Геркуланъ, и описалъ древности ихъ такъ, какъ навѣрное не догадался бы исправить дѣло это ни одинъ записной антикварій — *систематически!*

Классическая археологія очевидно—предметъ совсѣмъ новый для нашего писателя. Перо его не привычно даже къ языку вопросовъ этой науки: оно безпрестанно прибѣгаетъ къ выраженіямъ неудачнымъ или ложнымъ, рѣшая на-удачу сомнительныя обстоятельства, приписывая важность или новостъ пустымъ или давно извѣстнымъ, пропуская безъ вниманія истинно новыя, важныя или любопытныя и по временамъ дѣлая странныя замѣчанія объ описываемыхъ предметахъ или «раздирательные» выводы о римской древности вообще. Намъ, право, жаль усердія, трудолюбія и благаго намѣренія, доказанныхъ въ этомъ сочиненіи. Не придумаешь даже, кому рекомендовать книгу, стоящую писателю столько трудовъ и издержекъ. Антикваріямъ? — не возможно! Не-антикваріямъ, видѣвшимъ Помпею? — они не узнаютъ ея въ этой книгѣ. Будущимъ русскимъ путешественникамъ, которые пожелаютъ познакомиться съ Помпеей? — еще ху-

жа! — она не ведетъ къ знакомству; напротивъ. Между-
тѣмъ, книга издана съ большимъ тщаніемъ и даже съ нѣко-
торою роскошью: приложенъ хорошій планъ Помпеи; есть
даже нѣсколько красивыхъ рисунковъ. Да искупятся передъ
покупателями недостатки и промахи текста этими интерес-
ными украшеніями.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

АПРѢЛЬ, 1848.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

ДОЧЬ ТАЙНЫ. Повѣсть въ стихахъ. Н. А. (СП.-буръ, 1848, сз-32, стр. 100).

Авторъ этой эпопеи предвидѣлъ въ прологѣ всѣ несчастія, какія только могутъ случиться съ его поэмою: одна, говорятъ онъ, сочтутъ ее можетъ-статься *бездѣлкою ничтожною*; другіе, пожалуй, станутъ *злобно смѣяться*; нѣые, чего добраго, разбранятъ въ пухъ. Одного только бѣдствія не предусмотрѣла его дальновидность—а оно ужаснѣе всѣхъ—что если читатели вздумаютъ, ни бранить, ни смѣяться, а зѣвать?... Съ поэмами однако жъ случается это очень часто. Но для него всё-равно: пусть судятъ и дѣлаютъ что хотятъ, а онъ *любитъ* свою поэму —

«И онъ любилъ свои досуги
Души восторгамъ посвящать,
И въ нихъ сердечные недуги
Не ссорясь съ міромъ проливать.»

Проливать недуги — выраженіе новое и весьма поэтическое.
Т. XXXVIII. — Отд. VI.

Но не въ поэзи дѣло. Дѣло въ томъ, что, въ куріозныя времена замковъ, башевъ, подъемныхъ мостовъ, Синихъ-Бородъ и крымскихъ хановъ, жила «дочь тайны», дѣва младая, по имени Марія, и что авторъ, рассказывая приключенія подлежащей дѣвы, не въ шутку влюбился въ нее, какъ о томъ значитса въ эпилогѣ.

«Марію, милые друзья,
Такъ полюбилъ сердечно я:
Она всегда была со мною
И говорила въ часъ ночной,
И въ ясный днь, и подъ грозою,
Подъ шумный гулъ волны морской.
Была ли ты?... Мнѣ что за дѣло.
Твой милый образъ мнѣ знакомъ,
Мое созданіе я смѣло
Лобзалъ въ видѣніи ночномъ....
Но ты была.... мнѣ созданьемъ....
И я, другой Пингмаліонъ,
Животворилъ неясный сонъ.
Какъ хладный мраморъ дребле онъ.»

Да и какъ не влюбиться! Она хоть кому вскружить голову. Авторъ, вовсе о томъ не думая, создалъ ее такой очаровательной, что она —

«Въ желаніяхъ дѣвственныхъ затѣи
Влекла вниманіе всѣхъ людей.»

О люди! о слѣпцы! видите ль вы ее? Смотрите! Надѣньте очки —

«О! обитатели земли!...
Скажите, видите ль вдали
Тотъ образъ?... Бѣлою одеждой
Волшебный станъ ея обвить,
И свѣтлый взоръ ея (этого стана) надеждой
И чистой вѣрою горять.
Уста младыя ждуть лобзанія,
Дыханіемъ плененнымъ волны,
И жаждою очарованія
Небесной славы (чего?...) Зажжены.
Но огонь въ ея груди (въ груди этого стана?...) сокрытъ
Зажегъ ея младую кровь
И съ нею потекла любовь
Въ ея рванныя зашиты...»

..... не съ ланить
 На шрамеръ груди бѣлоснѣжной
 Струю черною бѣжить
 Ниспадшій кольцами небрежно
 Дѣвичій локонъ....
 И, кажется, въ ея очахъ
 Любовь таинственно пылала,
 И въ нѣжныхъ дѣвственныхъ глазахъ
 При взглядѣ юношей пылала....
 И на челѣ ея читали
 Судьбу грядущихъ ея дней....
 Все приводило душу въ трепеть....
 Какъ-будто дѣва красоты
 Она подслушала мечты
 Таинственно ужасный лепеть
 Или какъ-будто небеса,
 Открывъ божественныя тайны.
 Явили дѣвъ чудеса
 Премудрости необыча-а-а-айной....»

Я, кажется, зѣваю.... въ чемъ чувствительнѣйше прошу извѣ-
 щенія у Платона.... я хочу сказать, у господина А. Н..... кото-
 рый.... всё отдадутъ ему въ томъ справедливость.... стѣхи кладеть
 имъ блины печеть.... любить свою поэму и совершенно счаст-
 ливъ — случай, котораго не предвидѣлъ господинъ Продионъ
 Вѣтринскій въ любопытномъ трактатѣ своемъ о счастьи, имену-
 емомъ.

РУССКІЯ ПІЕСЫ О СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ ПО ЕЯ ВОЗРАСТАМЪ.
 Сочиненіе Продіона Вѣтринскаго. (Спб. бурсъ, 1848, съ 12., стр. 173).

Господинъ Вѣтринскій, вида, что ни одинъ изъ философовъ,
 прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, не могъ растолковать
 что такое понимаютъ люди подъ словомъ «счастіе» и на какой
 основанъ оно или выдуманно, очень справедливо не пускается въ
 безцѣльныя философскія опредѣленія «счастья», а учитъ, про-
 сто, самому короткому, полезнѣйшему и вѣрному средству быть
 всегда счастливымъ. Ясность вопроса чрезвычайно много вы-
 играиваетъ посредствомъ этой методы: тотчасъ понимаешь, въ
 чемъ дѣло, не заботясь о сущности дѣла, о самомъ счастьи.
 Спавно и, лично, могъ понять изъ ученаго счастливеца, при
 внимательномъ изученіи «Русскихъ піесей» о счастьи, то лар-
 чикъ просто открывается: счастіе, какъ кажется, состоитъ въ
 томъ, чтобы всё желанія наши исполнялись — что, признаться,

ужасно однообразно — но думать нечего: не хотите однообразия, скуки, тошноты, не желайте счастья! На то счастье создано, чтобы все, лишь только пожелаете, немедленно исполнилось — такъ, чтобы и желать не стоило труда. Но какъ, къ несчастію, въ мірѣ есть явственная борьба добра и зла и девяносто-девять сотыхъ самыхъ лучшихъ желаній нашихъ не исполняются, то самый легкій, испытанный и вѣрный способъ быть счастливымъ — рѣшительно ничего не желать, ни объ чемъ не заботиться, быть ко всему равнодушнымъ, и предоставить желѣ своей сдѣлать вась и себя счастливымъ. Это — бабье дѣло. Женщины удивительно искусны въ этомъ. У нихъ какъ-то все исполняется. *Femme! Je veut, Dieu le veut.* Мужчинъ и хлопотать нечего. Такова, въ короткихъ словахъ, теорія господина Иродіона Вѣтрянскаго.

На женщину, слѣдовательно, возлагается все пожеланіе о счастьи міра, вся обязанность сдѣлать его волею довольнымъ и, поэтому, совершенно счастливымъ. Жизнь женщинъ наиболее проявляет себя въ чувствахъ сердца и въ безконечно разнообразныхъ отътѣнкахъ добраго и дурнаго характера. Однѣ изъ нихъ добры, милы, простосердечны, но безвѣчны и изнѣжены; другія одарены живостью ума и характера, но своеразны, упрямы, слишкомъ рѣшительны и легкомысленны; однѣ умны, но притворны, холодны, горды, самолюбивы; другія имѣютъ сердце нѣжное и чувствительное, открытое внушеніямъ дружбы, полное теплоты и откровенности, но ревнивы, безпокойны и заносчивы. Наконецъ, въ качествахъ женщинъ есть *какая-то* смѣсь добра и зла, подобно смѣсанію свѣта съ тѣнью, ясно доказывающая, что на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, и что въ людяхъ есть *какое-то* природное начало или зародышъ добра и зла. Въ самомъ дѣлѣ, какими-то широкими струями и потоками втекаютъ въ насъ вѣстыя съ добрыми и благодарными ощущеніями предосудительныя и дурныя чувства. Съ добротой характера, всего естественно сопряжена бываетъ его слабость, съ простодушіемъ — опрометчивость, съ серьезностію — зависть. Въ душѣ чувствительной, все можетъ быть прекрасно и все можетъ сдѣлаться отвратительнымъ; но міръ образованій, одинъ и тѣ же качества могутъ переродиться и въ пороки и въ добродѣтели. Это-то ородство добродѣтелей и пороковъ должно безпрестанно занимать и тревожить насъ, если мы желаемъ изучить науку самопознанія; это страсти, похожія на нашъ характеръ и, такъ сказать, сосѣдки нашего сердца; ихъ-то мы должны бояться наиболее. Какъ легко че-

«завѣтъ самый добрый помогать-быть злодѣямъ и преступникомъ; какъ легко женщина, пользуясь общимъ уваженіемъ во время своей старости, можетъ быть предметомъ всеобщаго презрѣнія! И такъ, не надо женщинѣ, существу слабому, довѣрять самымъ прекраснымъ даромъ природы и воспитанія; но, при любезныхъ качествахъ, обращать внимательный взоръ на тѣ, кои таятся подъ ними, какъ змѣи подъ цвѣтами.»

И такъ-какъ женщина—существо существенно слабое, то она, для составленія счастья мужнина и своего, должна обладать всею твердостью воли и разума, быть непоколебима въ долгахъ своемъ, мужественно и неунынно исполнять обязанности супруги, матери, хозяйки, а также подруги, утѣшительницы и очаровательницы хозяйна дому, пѣть ему, играть, читать, рассказывать, лелѣть и прельщать его, занимаясь рачительно науками и искусствами, на томъ основаніи, что въ древности въ храмѣ Гименеса стояли вокругъ негдѣ статуи девяти Музъ и трехъ Грацій; не оставаться никогда праздною; разнообразить и разнообразиться до безконечности; неуклонно пребывать всегда здоровой, веселой, дѣятельной, любезной, добродѣтельной, молодой и прекрасной, не вѣря другимъ, если скажутъ, что она прекрасна и не слушая такого вздору; послѣ первыхъ родовъ не танцовать ни подъ какимъ видомъ, а наче всего не ревновать и не жаловаться; словомъ, дѣйствовать постоянно такъ, чтобы мужъ полюбилъ свой семейный кругъ и безвыходно сидѣлъ дома, — хоть бы отъ этого жень пришлось съ ума сойти отъ скуки, — чего ни подъ какимъ предлогомъ не показывать ему: тогда мужъ будетъ совершенно счастливъ. А какъ скоро мужъ счастливъ, то жена и недавно. Объ этомъ и спрашивать не стѣять.

«Можетъ-быть, такая мораль, говорятъ господинъ Вѣтринскій, многимъ изъ прекраснаго пола покажется слишкомъ строгою? Но онѣ, милостивыя государыни, должны тутъ видѣть славу женщины! И, въ-самомъ-дѣлѣ, съ какой бы стати и родиться существомъ существенно слабымъ, если бы ему не предстояло блестящее назначеніе — затмить подвигами своими все двѣнадцать подвиговъ Геркулеса, храбро совершая то, отъ совершенія чего мужнина; существо существенно сильное, но подлежащее разсмотрѣнію представленнаго списка обязанностей, рѣшительно отказывается за недостаткомъ въ силахъ къ исполненію.

Мужчины, которые будутъ читать «Русскія письма» о великомъ искусствѣ быть счастливымъ, признаютъ по крайней мѣрѣ

ту истину, что авторъ судитъ о дѣлѣ божьего згоизна и совершен-
но безпристрастно.

ВЫТЬ РУССКАГО НАРОДА. Сочиненіе А. Терещенки. Семь ча-
стей. (СП -бургъ, 1848, въ-8.).

Полная энциклопедія обычаевъ и преданій русскаго простолю-
дина, и не только русскаго, но и вообще славянскаго; твореніе
обширное, разнообразное, составленное съ рѣдкимъ трудолюбіемъ
и примѣрною совѣстливостію; одна изъ тѣхъ книгъ, съ которы-
ми пріятно встрѣтятся въ литературѣ, и о которыхъ съ удо-
вольствіемъ можно говорить, какъ о произведеніи пера образо-
ваннаго, привычнаго къ формамъ хорошаго ученаго излождеванія.
Эрудція господина Терещенки по части всего что поется, гово-
рится и дѣлается у славянскихъ людей, оглушительна: нѣтъ пѣ-
ня, русскою, малороссійскою, червешскою, польскою, богемскою,
словацкою, которой бы не зналъ онъ на-изусть; нѣтъ преданія,
обычая, обряда, суевѣрія, потѣхи, которыхъ бы не могъ онъ
рассказать подробно, съ объясненіемъ причинъ и происхожденія
и съ приложеніемъ историческихъ документовъ на всѣхъ язы-
кахъ. Вотъ, напримѣръ, описаніе обычаевъ сватанья у литов-
скихъ Славянъ, прежнихъ Дреговичей, у которыхъ богъ люб-
ви жилъ за плетнемъ въ конопляхъ. По снятн хлѣба съ по-
ля, осенью, по деревнямъ начинаются сходбища, увеселенія; зву-
чить вѣспъ, гудятъ смычокъ; дѣвушки начинаютъ наряжаться,
ставятъ свѣчи, приговаривая. «Святой Покровъ, Покровъ! по-
крывъ землю и воду, покрой и меня молодую»; по четвергамъ и
субботамъ, когда обыкновенно пріѣзжаютъ сваты, все въ избѣ
бываетъ перемыто, полъ рачительно подметенъ, дѣвушки одѣ-
ты въ бѣлыя рубашки съ цвѣтвой юбкой и узорчатымъ пе-
редникомъ, съ платкомъ на головѣ, изъ подъ котораго вы-
пускаютъ длинную косу, переплетенную розовой лентой. «При-
ожданіи сватовъ, хозяинъ и все семейство одѣваются въ
праздничныя платья, и не идутъ уже на работу, но сидятъ дома
безъ занятія, исключая невѣсты, которая безпрестанно суетится
что по дому, то около своего наряда. Въ другихъ мѣстахъ на-
решъ посылаетъ двухъ своихъ сватовъ, которые ходятъ изъ дома
въ домъ, пока не найдутъ дѣвушки, желающей вытти за мужъ.
Сватамъ прикалываютъ ленты, или перевязываютъ ихъ румян-
цами (полотенцемъ) черезъ плеча. Потомъ они возвращаются къ
своему молодому съ радостной вѣстью. Сватъ, войдя въ избу
невѣсты, останавливается посрединѣ и кланяется на всѣ сто-

« роня; но его извѣ-будею никто не видншь, и ничего не гово-
 « рать ему. Хозяинъ, сидя въ переднемъ углу, не трогается къ
 « мѣсту; онъ кажется погруженнымъ въ размышленіе. Свять под-
 « ходитъ и нарушаетъ его молчаніе. Хозяинъ говоритъ ему до-
 « вольно хладнокровно: — Садись сосѣдъ, будешь гостемъ. Свять
 « отвѣчаетъ: — Спасибо, сидѣли дома, ничего не высидѣли, а
 « что будетъ, если еще сидѣть будемъ? — Это намекъ на повѣсть,
 « чтобы онъ не засиживался въ двѣрушкахъ. Помолчавъ нѣ-
 « сколько, продолжаетъ:

« Нашъ быкъ, къ вашей телушкѣ привыкъ.

« Какъ бы далъ Богъ дождать,

« Вашу телушку къ нашему быку загнать.

« Хозяинъ поспѣшно встаетъ съ мѣста, беретъ свата подъ
 « руку и проситъ его ласково, чтобы онъ сѣлъ въ переднемъ
 « углу. Онъ садится; невѣста уходитъ тогда изъ дому, къ своей
 « родственницѣ или пріятельницѣ; рассказываетъ ей о происхо-
 « дящемъ и возвращается съ нею домой. Онъ не входитъ уже въ
 « избу, но въ клѣтѣ. Свять заводитъ рѣчь о жевитьбѣ, и, выхва-
 « лая добрыя качества и состояніе жениха, вступаетъ въ пере-
 « говоры съ отцомъ невѣсты. Услыжавъ скрипъ двери у клѣтѣ,
 « которая обыкновенно отдѣляется отъ избы сѣвлями, свать тот-
 « часъ перестаетъ хвалить жениха, посматриваетъ на дверь и
 « спрашиваетъ: Чтѣ жъ это за скрипъ? Вѣрно не всё дома! Гдѣ
 « же ваши? — Отецъ отвѣчаетъ: — Известное дѣло, молодежи
 « не сидится дома. Находящіяся здѣсь женщины посматриваютъ
 « другъ на друга, перемигиваются, и выходятъ одна за другой
 « въ сѣни, чтобы привести въ избу невѣсту. Онъ приходитъ и
 « опять выходитъ, повторяя это нѣсколько разъ; потомъ вводитъ
 « съ собою невѣсту. Общее молчаніе; всѣ посматриваютъ на нее.
 « Она отъ робости останавливается въ углу, подлѣ печи, и отво-
 « ротившись отъ нихъ, долбитъ пальцемъ въ стѣнѣ. Послѣ не-
 « продолжительной тишины, заводятся разговоры: сперва тихо,
 « потомъ громче и громче, наконецъ настаетъ общій разговоръ.
 « Свять, возвысивъ голосъ, обращается къ невѣстѣ: Чтѣ жъ, двѣ-
 « вушка, ты не говоришь? А я сюда не даромъ пришелъ. — Она
 « молчитъ и долбитъ стѣну. — Мать продолжаетъ: Нечего ска-
 « зать, молодецъ хоть куда! Не найдешь въ пемъ пороковъ: ни
 « влякина, ни гайдамака, ни воръ. Домъ зажиточный, семья доб-
 « рая, никто объ ней не скажетъ худого. Какъ думаешь, мое дѣ-
 « тятко? Отвѣчай, вѣдь ты уже не ребенокъ. — Молчаніе. — На-

«хочешь дочь, потупишь глаза въ сонно, отвѣчаетъ тихо: —
 «Какъ хотите себя! — Отца или мать говорить ей: — Нѣтъ,
 «моя, родная! говори посядь: любишь ли его? Ты у насъ не
 «лишняя, изъ дому тебя не гонимъ. Не для того тебя вскормили
 «и вспоили, чтобы поклонуть тебя. Какъ думаешь? — Она, от-
 «воротясь отъ стѣны, отвѣчаетъ: — Что жь дѣлать, выходить
 «за мужъ, такъ выходить, пусть по вашему будетъ! — Послѣ
 «этого она выступаетъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Каждый
 «изъ гостей дѣлаетъ ей приличное привѣтствіе, и разговоръ ста-
 «новится живѣе.

«Сватъ вынимаетъ изъ кармана бутылку съ виномъ, ставитъ
 «на столъ и говоритъ невѣстѣ: пощи-ка же намъ чарочку.
 «Дочь роется на полкѣ между посудю, и приноситъ чарку. Мать
 «оспѣшно разводитъ огонь на загниетѣ (очагѣ), приготовляетъ
 «ляшницу и приноситъ ее на столъ. Сватъ наполняетъ чарку,
 «пьетъ ее за здоровье нареченной; она пьетъ за здоровье отца,
 «отецъ за здоровье жены, жена за здоровье одной изъ подругъ
 «своей дочери, а домашніе за здоровье всѣхъ. Потомъ ѣдятъ
 «ляшницу и запиваютъ водкою. Послѣ угощенія хозяйка беретъ
 «кусокъ холста, заворачиваетъ въ него опорожненную бутылку
 «свата и отдаетъ ему. Сватъ идетъ въ домъ жениха съ благо-
 «приятнымъ извѣстіемъ. Этимъ оканчивается первое сватовское
 «угощеніе, называемое *малой попойкою*, которая однако не об-
 «зываетъ невѣсту окончательно выйти за мужъ, если бы она,
 «или ея родители, раздумались бы послѣ: они обязаны заплатить
 «только за водку».

Въ Малороссіи, нѣкогда дѣвушки сами выбирали жениховъ и
 сами сватались за нихъ. Дѣвушка приходила къ родителямъ мо-
 лодца, который ей нравился, старалась застать всѣхъ дома, са-
 дилась, и говорила: «Я пришла помогать вамъ, добрые люди; я
 «вижу, что ты добрый человекъ; женись на мнѣ.» Родители за-
 минались; молодой человекъ скромничалъ; дѣвушка рѣшительно
 объявляла, что она не выйдетъ отъ нихъ изъ дому и будетъ по-
 могать имъ. Проживъ съ ними двѣ три недѣли, она шла къ вѣнцу
 къ общей радости обоихъ семействъ. Разумѣется, что это дѣла-
 лось по предварительному уговору съ возлюбленнымъ. Обрядъ
 этотъ, кажущійся нынче страннымъ, былъ безъ сомнѣнія цѣлью
 торжественное удостовѣреніе въ отсутствіи всякаго принужденія
 со стороны родныхъ дѣвушки и отнятіе у ней права жаловаться
 впоследствии на свою судьбу. Вліяніе польскихъ правовъ ма-
 ло-по-малу истребило этотъ обычай. Нынче тамшніе престоло-

днимъ выбирать своихъ сумоныхъ по всѣмъ правиламъ хорошаго общества, улаживая за ними на вечеринкахъ, стрел куры и въ заключеніе дѣлая предложеніе родителямъ дѣвушки сами лично или черезъ сватовъ. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, Мало россіане бесспорно самые остроумные въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, которые обыкновенно носятъ на себѣ отпечатокъ эмигранты, насмѣшки, шутка, тогда такъ пѣсни Великороссовъ и другихъ вообще важны, сентиментальны, плаксивы. Къ сожалѣнію, украинское остроуміе обнаруживаетъ пагубное пристрастіе обоихъ половъ къ пьянству и не подаетъ высокаго мнѣнія о добродѣтели борисеенскихъ настушекъ. Въ этихъ народныхъ поэмкахъ *горилка* (водка) и *люлька* (трубка) составляютъ предметъ первой важности — мужья пропиваютъ своихъ *эсинокъ* (женъ) и дочекъ — *эсинки* и *дчечины* (дѣвушки) приходятъ домой пьяными — честность ихъ сравнивается съ честностью *эсидивской* кружки — и тому подобныя замысловатости. Одного изъ самыхъ злыхъ пѣсень, приводимыхъ авторомъ, должно признать ту, которая начинается словами «*Ой, содома, панѣ братъ;*» и эта пѣсня не одна въ своемъ родѣ. Опаснѣйшіе Ловласы, враги украинскаго домашняго счастья, по показанію пѣсень всегда — Москалн. Мы выпишемъ одну изъ этихъ супружескихъ элегій:

« Ой оре Семень, оре.

Да сивыми волѣдами;

Его жинка Катеринка,

Гуляе зъ москалями.

Та доорався Семень,

Тай до великого лану;

Пустивъ волинь у дуброву,

А самъ пишовъ до дому.

Та пытаеця Семень:

Де, диты, ваша маты?

Наша маты тавжежъ

Пишла зъ москалями гуляты.

Та ударыця Семень,

Объ пилъ руками:

Ой диты, мои голубата!

Да пронавъ же я зъ вами!»

Сводъ похоронныхъ обрядовъ у древнихъ и новѣйшихъ Славянъ составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ томовъ этого обширнаго творенія. Во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ авторъ не ограничивается однимъ племенемъ. Онъ заглядываетъ въ каждую

идеи, открывающа пріобщеніемъ свободности почти въ каждой губерніи и стараясь воссоздать картину народнаго быта какъ некое полнѣе. Трудъ его найдетъ множество читателей на Руси, которая начинаетъ болѣе и болѣе любить свою народность, косясь эндемическою французомазія, такъ долго смирившаяся въ ея переряженномъ и обманчивомъ обществѣ.

Фонъ-визинъ. *Сочиненіе князя Петра Вяземскаго. (СПбурзь, 1848, въ-8., стр. 466.)*

Большая часть главъ этой книги, написанной лѣтъ за двадцать, была напечатана въ разныхъ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ, но любителямъ чтенія пріятно будетъ получить всѣ эти отрывки, собранные въ одно цѣлое, которое безъ сомнѣнія образуетъ весьма любопытную картину времени, лицъ, отношеній, судебъ и трудовъ фонъ-Визина. Авторъ обогатилъ свой рассказъ безчисленными выписками изъ частной корреспонденціи знаменитаго писателя, и большая часть этихъ выписокъ представляетъ значительный интересъ историческій. Литературныя мѣтвія самаго біографа и слогъ его принадлежатъ, конечно, къ другой эпохѣ, но это обстоятельство придаетъ имъ особенную ретроспективную занимательность, которая также имѣетъ свою цѣну.

О душевныхъ волѣзняхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. *Сочиненіе медико-хирурга Пушкарева. (СПбурзь, 1848, въ-8., стр. 265.)*

Въ началѣ этого важнаго и любопытнаго труда помѣщена выписка изъ журнала засѣданій Медицинскаго Совѣта, которой нельзя пройти молчаніемъ. Верховный врачебный судъ Русской Земли, собраніе столь высокаго ученаго значенія въ Европѣ по блестящимъ талантамъ, позваніямъ и славѣ его членовъ, «отдаетъ полную справедливость добросовѣстности труда автора», но полагаетъ, что сочиненіе его «не можетъ быть признано руководствомъ при разрѣшеніи судебно-медицинскихъ вопросовъ о сомнительныхъ душевныхъ болѣзняхъ, по особенностямъ взгляда автора на этотъ предметъ, весьма важный въ юридическомъ отношеніи и еще спорный въ области науки, и по трудности согласить этотъ взглядъ съ общепринятыми въ науку и въ нашемъ законодательствѣ началъ, что однако жъ, по мѣтвію Совѣта, не должно препятствовать напечатанію книги, по тому уваженію, чтобы не стѣснять свободы ученыхъ разсужденій, способствующихъ къ разъясненію темныхъ предметовъ. Медицинскій Совѣтъ предоставилъ автору право обнародовать это заключеніе.

Достоинство сознания, нестому, не может подлежать сомнѣнію, точно такъ же какъ и смерть, то есть, самая сильная иль самая самая смерть его, которая напередъ указана самимъ авторомъ въ неопечатанной отъѣздъ знаменитаго ученаго собранія и въ предисловіи книги. Несогласіе взгляда съ общепринятыми въ науки началами отыравается съ первыхъ страницъ предисловія. Авторъ, безъ дальняго разбору, объявляетъ все, чтѣ доселѣ написано и наговорено о болѣзняхъ души врачевною наукою, *одно-стороннимъ, шаткимъ, сбивчивымъ*, коротко сказать, *хаосомъ мнѣній и теорій*. Изъ этого-то хаосу, изъ этой тьмы хочетъ онъ, по своему слову, произвести свѣтъ, да узреть врачующіе языцы блескъ истины и толку, которыхъ доселѣ они не подозревали. Семинтельно, чтобы такой радикальный манеръ могъ благопріятно подѣйствовать на убѣжденія, послѣдствія въ освещенныхъ временехъ и навыкомъ началахъ науки. Притомъ же всѣ радикальные перевороты по существу своему подозрительны: они происходятъ всегда изъ непомѣрнаго преувеличенія и какого-нибудь избраннаго начала. Мы боимся даже, чтобы новость взгляда ученаго автора не встрѣтила у хладнокровныхъ судей совсѣмъ другаго выраженія, — не того, котораго онъ пугается, — со стороны нравственности, — а болѣе невиннаго, болѣе простаго и, слѣдовательно, въ тысячу разъ болѣе опаснаго для всякихъ коренныхъ преобразованій, — со стороны логики. Принятіе условныхъ терминовъ и метафорическихъ выраженій въ буквальномъ смыслѣ словъ — первый источникъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій. Въ опытныхъ наукахъ эти иллюзіи ума такъ же обыкновенны какъ и въ нравственномъ мірѣ. Можно было бы привести множество примѣровъ и смѣшныхъ и плачевныхъ послѣдствій такого злоупотребленія общепринятыхъ способовъ изъясненія, которыми, въ темныхъ вопросахъ, временно замѣняются настоящія слова, еще не угаданныя и не найденныя. Но ближайшимъ къ дѣлу примѣромъ послужить условное ученое выраженіе, употребленное въ заглавіи этой книги, выраженіе *душевныя болѣзни* или *болѣзни души*. Подумаевъ немного, каждый почувствуетъ, что терминъ *болѣзни души*, которымъ въ медицинѣ означаются разные роды помѣшательства ума, есть только выраженіе метафорическое: не зная, отъ чего зависятъ и какъ совершаются эти превращенія законнаго порядка въ отиравленіяхъ способностей, которыя составляютъ образъ духовнаго міра и принадлежать къ члену умственныхъ способностей, согласились впередъ до распорядка называть такіа разстройства болѣзнями духа или болѣз-

ники ума, умственными или душевными болезнями. Но можно было бы также удобно назвать их *x*, какъ въ математикѣ называютъ все неизвѣстнѣе: вопросъ не ставъ бы ни кѣмъ ни тогда отъ этого. Слова *болезни душевныя, болезни умственныя*, указывая косвенно на особенный рядъ неправильныхъ физиологическихъ явленій, доселѣ ковенатныхъ наукѣ, сами по себѣ ровно ничего не означаютъ и не подъ какимъ видомъ не должны быть принимаемы въ буквальномъ значеніи. Кто, подобно автору этой книги, увлекается ихъ наружнымъ смысломъ и на немъ строитъ теоріи, тотъ явственно дѣлается жертвою пылкости своего воображенія, потому что онъ строитъ въ пустотѣ безмыслія. Теоріи его будутъ потѣшною игрою въ слова. Разумѣется, что выраженію *болезни души или ума* не слѣдуетъ и не возможно придавать ни какого собственного, кореннаго смысла. Душа, существо невещественное, метафизическое, большою быть не можетъ. Умъ, свойство души, ея элементъ, также не способенъ заражаться болезнями. Если душою мы называемъ то небесное вдохновеніе, которое обнаруживается въ насъ чувствомъ всего добраго, прекраснаго и справедливаго и служитъ закономъ нравственному бытію; если умъ, элементъ души, есть система чистыхъ и прямыхъ дѣйствій этого вдохновенія, непосредственное логическое слѣдствіе этого безсмертнаго закона, то когда система этихъ дѣйствій разстраивается и представляется въ превратномъ порядкѣ, разстроены тутъ бываютъ не душа, и не умъ, а тѣ неуловимыя матеріальныя пружины, тѣ неизвѣстныя органы, черезъ которые душа дѣйствуетъ, проявляясь въ видѣ ума и разсужденія. Вслѣдствіе физическаго разстройства частей тѣла, ближайшихъ къ этимъ пружинамъ, вслѣдствіе случайной опухоли, періодическихъ приливовъ крови или печальныхъ сотрясеній, пружина можетъ быть сдвинута, лишена своей упругости на-время, и дѣйствія души, называемыя разумомъ, разсужденіемъ, умомъ, проявляются тогда въ неправильномъ порядкѣ: человекъ въ такомъ состояніи становится опаснымъ для другихъ, и общество принимаетъ противъ него мѣры безопасности, болѣе или менѣе строгія, болѣе или менѣе снисходительныя. Нельзя однако жъ сказать, чтобы человекъ этотъ, если онъ тутъ же совершаетъ преступленіе, былъ совершенно невиненъ въ нравственномъ отношеніи: разстройство тѣхъ частей онъ непремѣнно нажилъ въ предшествовавшее время какими нибудь неосторожностями, не умѣя управлять своими побужденіями или привычками; потому что всѣ наши ра-

судейства или болѣзни, исключая случаев органическаго переноса отъ рожденія, собственно причисляемъ мы всегда сами себя. Иначе, нужно было бы допустить въ природѣ господство слѣдующаго случая, всеобщую анархію, и совершенную беспомощность свободной или разумной воли для управленія бытіемъ своимъ. Самое бытіе сдѣлалось бы невозможнымъ. Мы упоминали о слѣдствіи это. опять метафизическая идея, духовный элементъ. Волею или называемъ способъ приложенія разума нашего къ дѣлу, способъ употребленія ума съ большою или меньшею посѣтительною на пользу или во вредъ болѣти. Какъ разумъ — элементъ души, такъ воля — элементъ разума. Можетъ ли тогда воля быть болною? могутъ ли элементы хворать, занимать постель въ больницахъ и принимать лекарства? И не ясно ли изъ предъидущаго, что если есть разстройства, которыя исторически мы называемъ болѣзнями души, то всѣ они происходятъ не изъ души или разума, а изъ тѣла, всѣ имѣютъ одинаковое право называться *тѣлесно-душевными* болѣзнями, и всѣ равно берутъ начало свое болѣе или менѣе отдаленно въ способѣ употребленіи нашего разума, въ нашей собственной волѣ. Да и есть ли хоть одна болѣнь изъ числа всѣхъ называемыхъ чисто *тѣлесными*, которая не дѣйствовала бы болѣе или менѣе на правильность явленій души, на разумъ и волю, и не заслуживала въ равной степени титула болѣзни *душевно-тѣлеснаго*? Чтò же послѣ этого значить теорія, которую ученый авторъ книги, въ другія отношенія весьма дѣльной и уважительной, думаетъ уличить «хвостъ» медицинскихъ понятій, обещая науку и врачей въ томъ, что они раздѣлили болѣзни на *тѣлесныя* и *душевыя* и не признаютъ третьяго, особеннаго разряда болѣзней, именно, *болѣзней тѣлесно-душевныхъ*, разряда открываема нигдѣ въ хвостѣ и заключающаго въ себя *болѣзнь сама*? Не простая ли это игра словъ? не камбуръ ли? Прочитавъ общезнаемое изложеніе этой теоріи въ началѣ сочиненія, мы серьезно были увѣрены, что ученый авторъ открылъ въ насомъ тѣлѣ смѣтно или предположительно особенный органъ воли и намѣренъ говорить объ его опухляхъ, отвердѣніяхъ, воспаленіяхъ, сдавленіяхъ, и такъ далѣе, производя оттуда начало различныхъ превращеній въ правильности воли, то есть, въ правильности употребленія ума въ дѣла. Мы съ любопытствомъ и жадностью читали книгу до конца: но оказалось, что ничего подобнаго онъ не открывалъ и не искалъ, и что рѣчь идетъ просто о болѣзняхъ, метафизической воли, которой даже не даютъ опредѣленія и, какъ кажется, снѣ-

не действительнахъ, все же доказана фактически, а доказать ее в-прямую нѣтъ ни малой надежды: если разумъ и свободное употре- бление его, свободная воля, даны намъ для того чтобы мы управляли ими наши побужденія, силы, инстинкты, то разумъ и воля неферное дѣла и сила, совершенно недостаточная для эго- го, и мы только глѣннее употреблять ее горючости въ нѣкото- рыхъ крайностяхъ, какъ вѣрнѣе руки дѣлятся работать не смотря на холодъ въ жезудкѣ.

Желаніе успѣховъ науки будутъ впрямую сожалѣть о по- щудѣ ученаго автора прибавить къ старымъ непонятнымъ бе- логлазѣ ума новый рядъ еще болѣе непонятныхъ белоглазѣ со- ли, для разобранія того что называется они «закономъ пошатнѣ и теорій» и объяснять ignotum per ignotum. Мы тѣмъ болѣе сожалѣ- емъ объ этомъ бесполезномъ увлеченіи, что книга написана прево- сходно и доказываетъ въ авторѣ настоящей талантъ, обширныя познанія, совѣтливое и пламенное трудолюбіе. Къ счастью теорій немогутъ быть вынуждена изъ виду безъ умашенія достоинства его сочиненія, въ которомъ широкую рукою разсыпаны счастливыя замѣчанія, опытная мысль, любезными объясненія. Както не- можете отнять у него права на названіе труда самостоятельнаго и вполне достойнаго вниманія, труда, который хотя и не раз- дѣлитъ спорныхъ вопросовъ въ области судебной медицины, можетъ однако жъ сильно способствовать къ разъясненію ихъ въ- прятіемъ чужаго; поприща къ врсеню и исследованіямъ. Теорія чужъ не вразится: мы отвергаемъ ее со всюю энергично- стью, на которую со стороны серьезнаго читателя нѣтъ пра- во такой примѣчательный талантъ, когда ему случится уметься обманчивою идеей; но, въ остальномъ, мы поздравляемъ себя со знакомствомъ съ книгою, столь примѣчательною и въ ученомъ и литературномъ отношеніяхъ, желая того же удовольствія всѣмъ, кому ее знать надлежитъ. Книги самобытныя весьма рѣдки въ нашей ученой литературѣ и честь должна быть имъ отдана даже и среди несогласія съ ея мнѣніямъ.

космость. *Опытъ физическаго міроописанія, Александра фонъ- Гумбольдта. Переводъ Николая Фролова. Часть первая. (СП-бургъ, въ-8., стр. 330.)*

Книга переведена весьма тщательно и издана прекрасно, съ картинъ и рисунками. Содержаніе ее извѣстно читателямъ этого журнала. Въ четвертомъ изданіи, какъ новость, и какъ произ- веденіе знаменитаго челоука, она представляла значительный

интересъ современныи. Но сомнительно, чтобы ей судилое было сохранить большую важность въ видѣ отдельной учебной книги и притомъ книги переводной. Цѣлью Гумбольдта было, не столько описать міредавіе по настоящему состоянию свѣтннхъ наукъ, сколько соорудить себѣ, на старости лѣтъ, монументъ въ память славнаго прошедшаго, въ честь идеалъ, мнѣніи и теоріи, которыя нѣкогда пустилъ онъ въ ходъ или поддерживалъ силою своего огромнаго таланта. Но нѣтъ ничего въ мірѣ благодарнаго ученаго міра. Чтò устарѣло, оставаясь долго на вершинѣ знаменитости, и поколебалось, то уже не прельщаетъ его ни смельке. Этому-то обстоятельству должно приписать примѣчательную холодность, съ которою ученые встрѣтили «Космосъ», несмотря на великое имя автора.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПОНЯТІЯ ИЗЪ АСТРОНОМІИ И ФИЗИКИ. (Спб.-бургъ, 1848, въ 16., стр. 113).

Появленіе самая новинная. Книжечка эта, вѣроятно, предназначена къ просвѣщенію пансіонскихъ двочекъ въ физикѣ и астрономіи, и для нихъ она будетъ признана совершенно достаточною.

ЗУВОСКАЛЪ, ИЛИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ДОСКУПЬЯ, СЧИТЫА НА ЖИВУЮ ПИТКУ СТО ПЕРВЫМЪ РУССКИМЪ ЛИТЕРАТОРОМЪ. (Спб.-бургъ, 1848, въ 8., стр. 144).

Твореніе это, какъ кажется, нѣтъ надежду получить пропіе за остроуміе и глубокомысленность. Оно даже дразнитъ притику, съ тѣмъ, конечно, чтобы обратить ее вниманіе на себя. О! авторское самолюбіе! куда оно не залѣзаетъ!

==

НОВЫЯ ПРОШЮРЫ.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ. *Изданіе небывалое. Во двухъ частяхъ.* (Спб., 1848).—На оберткѣ припечатано: «Изданіе небывалое, по 20 копѣекъ серебромъ за книжку, соединяетъ въ себя излишнюю наружность, типографическую роскошь въ печати и бумагѣ съ необыкновенною дешевизною. Цѣна за обѣ части сочиненія «Наполеонъ Бонапарте» 40 копѣекъ серебромъ.» На заднихъ страницахъ ежедневныхъ газетъ, слова эти, набранныя крупными литерами, производятъ удивительный эффектъ. На дѣлѣ, обѣ части сочиненія «Наполеонъ Бонапарте» состоятъ изъ

240 страницъ въ прощечу 32-ю долю листа, по 500 буквъ на страницѣ, что составляетъ четверть страницы «Библиотеки для Чтенія» или не выполнѣ четыре листа ея печати. Журналъ этотъ, какъ извѣстно, дастъ около 400 листовъ печати за 15 рублей, слѣдовательно, листъ печати по 4 копейки. Это—обыкновенная цѣна листа въ дешевыхъ русскихъ изданіяхъ. Она принята и Смирдинымъ для «полнаго изданія русскихъ авторовъ». *Небывалое же* изданіе, за содержаніе четырехъ листовъ, требуетъ сорока копѣекъ!... Расчетъ этотъ приводится здѣсь единственно для показанія необыкновенной дешевизны *небывалаго* изданія. Издѣнная наружность его опирается на простую лиловую обертку подозрительной опрятности. Типографическая роскошь заключается въ бумагѣ жестоко-желтоватаго цвѣту и въ одномъ полициажномъ fac-simile подписи Наполеона. О внутреннемъ достоинствѣ не можетъ быть и рѣчи: при всей *небывалой* отвагѣ своей, лиловая обертка сама не рекомендуетъ его публикѣ.

==

РАЗНЫЯ НОВОСТЯ.

— Мы считаемъ необходимымъ препоручить вниманію подписчиковъ и читателей этого журнала молодого книгопродавца, который только что выступаетъ на поприще съ усердіемъ, съ капиталомъ, съ честностью и великими качествами дѣятельности и аккуратности, желая и надѣясь замѣнить для публики своимъ заведеніемъ закрывшуюся книжную торговлю М. Д. Ольхина. Вячеславъ Петровичъ Печаткинъ, сынъ здѣшняго бумажнаго фабриканта П. А. Печаткина, человека извѣстнаго и уважаемаго, посвящаетъ себя книжной торговлѣ Онъ приступилъ къ дѣлу съ такими хорошими ручательствами, что владѣлецъ этого журнала первый не усомнился препоручить ему дѣла изданія «Библиотеки для Чтенія» и помѣститъ у него ея контору. Къ нему же перешло и изданіе «Воевой Галереи». Многія изъ важнѣйшихъ издательскихъ конторъ, конечно, послѣдуютъ въ скоромъ времени этому примѣру великой довѣренности къ господину Печаткину, въ которой, въ свою очередь, не откажетъ ему и читающая публика, — потому что несомнительная солидность книжноторговаго заведенія, при способности его къ обширному кругу дѣйствія — предметъ столь же важный для труженниковъ литературы какъ и

для потребителей ея произведений. Книжный магазинъ господина Печаткина открытъ на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

— Другое новое заведеніе, также весьма интересное для образованныхъ семействъ, называется *Педагогическимъ кабинетомъ* и помѣщено противъ книжнаго магазина господина Печаткина, у Казанскаго Моста, въ домѣ Глазунова. Основатель и управитель его — господинъ Фабръ (коллегскій ассессоръ), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ столицѣ преподавателей, пользующійся уваженіемъ и начальствъ, въ вѣдѣніи которыхъ онъ служитъ, и множества благородныхъ семействъ, имѣющихъ или имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Онъ рѣшился завести для гувернеровъ и гувернантокъ, разрядную книгу въ своемъ кабинетѣ, для того чтобъ ищущіе частныхъ учительскихъ должностей имѣли центръ для складки своихъ свидѣтельствъ, и ищущіе учителей — вѣрный источникъ нужныхъ имъ свѣдѣній. Педагогическій Кабинетъ господина Фабра — не контора для доставленія за деньги учительскихъ мѣстъ всякому желающему, но собственно и просто кабинетъ образованнаго преподавателя, который хочетъ быть, по мѣрѣ времени и возможности своей, полезнымъ обѣимъ сторонамъ, сближая семейства, ищущія людей способныхъ для образованія ихъ потомства, съ особами достойными его личнаго знакомства и рекомендаціи, подкрѣпляемой хорошими атестатами объ ихъ познаніяхъ и нравственности. Услуги, уже оказанныя имъ въ этомъ родѣ съ отличною обязательностью, служатъ напередъ поручительствомъ за тѣ, которыя Педагогическій Кабинетъ его надѣется оказать нынче, при болѣе обширномъ и болѣе правильномъ кругѣ дѣйствія. Семейства, нуждающіяся въ гувернерахъ, гувернанткахъ, преподавателяхъ наукъ и искусствъ, надзирателяхъ или надзирательницахъ, могутъ поэтому обращаться къ господину Фабру съ полною увѣренностью въ удовлетвореніи ихъ исканій.

МАЙ, 1848.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ
въ 1845 году. (СП-бургъ, 1848, въ-8. Дѣль части, стр. 290—300).

«Русской путешественницъ», увѣнчанной лаврами двухъ историческихъ романовъ, «Скопина-Шуйскаго», и «Проконія Ляпунова», литературный успѣхъ не новость. Притомъ же въ знаніи русскихъ лѣтописей она могла бы поспорить съ полнымъ собраніемъ Московскаго Общества Любителей Исторіи. Поэтому, не смотря на плохія дороги и злыя критики, она смѣло пускается путешествовать по Россіи для поправленія здоровья посредствомъ путевыхъ впечатлѣній — ѣдетъ изъ Петербурга въ Крымъ черезъ Кіевъ и Одессу — возвращается черезъ Тулу и Владиміръ — замѣчаетъ все на пути съ живѣйшимъ интересомъ — посѣщаетъ примѣчательныя мѣста, зданія, монастыри, церкви, ризницы, урочища, развалины — и, довольная своей четырехъ-мѣсячной по-

вздкою, даетъ обо всемъ этомъ красивую и занимательную книгу безъ всякихъ предисловій.

Особенная прелесть этой книги состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ ничего мужскаго: все — въ высшей степени женское, то есть, калейдоскопически подвижно и мило. Фантазія, исторія, обьиди, мумія, нервы, ученость, промахи, семейныя дѣла и публичныя зданія, нѣжныя чувства и злыя эпиграммы, все это вертится однимъ колесомъ, вытекаетъ одно изъ другаго, и сливается въ одинъ свѣтлый потокъ. Читатель, знакомый съ «путешествіями» мистриссъ Троллопъ, найдетъ поразительное сходство между разсказами и дарованіями этихъ двухъ примѣчательныхъ писательницъ. «Русская путешественница пріѣзжаетъ въ Одессу:

«Юня 30.

« Много читавъ и слышавъ о великолѣпін Одессы, я воображала, что и окрестности этого города должны быть чрезвычайно красивы, и, приближаясь къ нему, со всѣхъ сторонъ искала какой нибудь прелестной дачи, или картиннаго сада; но впереди ничего не было видно за густою пылью, а кругомъ тянулась прежняя, томительная степь, и намъ встрѣчались только длинныя на волахъ обозы и толпы крестьянокъ въ ихъ безобразныхъ плахтахъ, еще болѣе противныхъ послѣ скромной, красивой одежды Булгарокъ.

« Наконецъ съ одной стороны показались мелодыя, ожоженные деревья, потомъ и съ другой, и мы въѣхали въ Одессу широкою улицей, обстроеною низкими домами. Одни изъ мягкаго камня, который скоро разѣдаетъ здѣшній воздухъ, казались остатками древнихъ, обветшалыхъ зданій; въ другихъ, красиво оштукатуренныхъ, кругомъ закрыты были отъ жару ставни, какъ-будто никто въ нихъ не живетъ. Все это было совсѣмъ не то, о чемъ мечтала я, забывая, что и въѣзжая въ Петербургъ нельзя угадать, какъ величественна и прекрасна новая русская столица, изумившая міръ своимъ появленіемъ на низкихъ, болотистыхъ берегахъ Невы.

« Подѣнгаясь впередъ, скоро увидѣли мы и лучшія строенія и болѣе живости по улицамъ, и наконецъ, остановившись, съ новыми восторгомъ наслаждались широкимъ морскимъ воздухомъ и очаровательною картиною древняго Подга съ балкона

• Петербургской гостиницы, надъ славнымъ здѣшнимъ бульва-
 • ромъ изъ бѣлыхъ, душистыхъ акацій, изъ сожалѣнію давно от-
 • цѣвшихъ. Мы долго ѣздили по городу; всѣ лучшія гостиницы
 • заняты привѣзшими; только въ Петербургской, въ третьемъ ярусѣ,
 • вѣшали за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ недѣлю, двѣ
 • комнаты съ прихожей. И дорого, и тяжело ходить такъ высо-
 • • ко, но комнаты чистыя и веселыя, а мы особенно обрадова-
 • • лись балкону, на которомъ тотчасъ сѣли, прежде всего спро-
 • • сить не чай, а мороженого. Тутъ, среди густыхъ аллей, за
 • • двѣнадцатилѣтнее общепольное управленіе здѣшнимъ краемъ
 • • воздвигнуть первому здѣшнему градоначальнику, герцогу Ри-
 • • шельё, памятникъ, и при немъ огромная лѣстница изъ триск-
 • • скаго камня. Объ этой лѣстницѣ нельзя имѣть понятія не спу-
 • • стившись по ней до самаго моря: — тогда только видно, какое
 • • это дивное произведеніе ума и рукъ человѣческихъ, и какъ вы-
 • • сокъ берегъ, увѣнчанный прекрасными зданіями. Онъ не со-
 • • всѣмъ еще отдѣланъ, в это, напоминая, какъ недавно сущест-
 • • вуетъ Одесса, увеличиваетъ цѣну всего, что успѣли здѣсь сдѣ-
 • • лать.

• Три дня послѣ знаменитаго сраженія при Рымникѣ, утѣр-
 • • дившаго славу безсмертнаго Суворова, адмиралъ де-Рибасъ, 14
 • • сентября 1789 года, взялъ, на Черномъ Морѣ, турецкую крѣ-
 • • постницу Гаджи-бей. На это не было обращено большаго вни-
 • • манія, и сами Турки не много заботились о такой потерѣ, ли-
 • • шившись Очакова и Измаила. Имъ вовсе не приходило на умъ,
 • • что бѣдная крѣпость могла бы имъ вознаградить потерю двухъ
 • • богатыхъ городовъ, и какъ будетъ ея пріобрѣтеніе важно для
 • • Россіи, уже владѣвшей Тавридою. Еще не прошло шестидесятъ
 • • лѣтъ, а вмѣсто мало извѣстнаго, турецкаго укрѣвленія Гаджи-
 • • бей, широко раскинуть славный русскій городъ — Одесса. Для
 • • этого нужны были только свѣтлая мысль и твердая воля. По-
 • • ложеніе Одессы и гавань ея были справедливо оцѣнены, и на
 • • уединенномъ берегу этомъ возникли торговля и промышленность,
 • • отъ которыхъ дикія степи скоро превращаются въ богатые
 • • селенія.

• Основателемъ Одессы можно считать Суворова, по плану
 • • котораго заложена была крѣпость во впадинѣ Гаджи-бей. По-
 • • томъ была здѣсь градостроителемъ адмиралъ де-Рибасъ и его
 • • сотрудникъ генералъ де-Веланъ, которому еще княземъ По-

• темкинымъ поручена была постройка николаевского адмирал-
 • тейства, а послѣ того в разныхъ крѣпостей по днѣпровской
 • линіи. Въ 1796 году пришло сюда шестьдесятъ иностранныхъ
 • судовъ; въ 1803, число это возрасло до трехъсотъ сорока осми,
 • а въ 1839 перешло за тысячу, и товаровъ было отпущено слиш-
 • комъ на тринадцать миллионовъ серебромъ. То и другое послѣ
 • измѣнилось, но по всему видимому можно надѣяться, что съ по-
 • мощію Божіей долго процвѣтать будетъ Одесса и прилежащія
 • къ ней области, имѣющія здѣсь вѣрвый сбытъ собственныхъ
 • своихъ произведеній.

• *Юля 1.*

• Равно проснувшись, пошла я на балконъ, радуясь возможно-
 • сти, въ дорогой праздникъ, насладиться дивнымъ зрѣлищемъ
 • солнечнаго восхода. Около береговъ море было свѣтло какъ
 • хрусталь, но далѣе отъ нихъ, постепенно снѣтя, сливалось съ
 • красноватымъ небомъ. Вдругъ блеснула тутъ полоса, и какъ-
 • будто открылось небольшое жерло, тотчасъ озолотившее близкое
 • къ нему облачко. Это жерло скруглялось, увеличивалось, на
 • него становилось тяжело смотрѣть. Оно поднималось выше и
 • выше, лучи его занескрились въ водѣ, но какъ-будто за то, что
 • я осмѣлилась, называя, ждать его появленія, черныя пятна за-
 • вертѣлись у меня въ глазахъ; мнѣ стало казаться, что они по-
 • сятся около меня по бумагѣ, на которой старалась я изобра-
 • зить невыразимое зрѣлище. Я должна была отъ него бѣжать,
 • и воротясь въ комнату, гдѣ скользило по обоямъ солнце, го-
 • това была подумать, что изображенная на нихъ Психея живая,
 • прощается съ матерью, чтобы слѣдовать за отцемъ, ведущимъ
 • ее къ неизвѣстному супругу.

• Пѣтухи громко провозгласили на дворѣ наступленіе дня; по
 • лѣстницамъ тотчасъ заходили люди, и къ приморскимъ купаль-
 • нямъ стали подъѣзжать экипажи. Я уже не ложилась спать, и
 • отъ этого, или отъ переменнаго воздуха, или такъ, безъ осо-
 • бенной причины, не могла дослушать обѣдню въ соборѣ, и
 • только могу сказать объ немъ, что онъ очень обширенъ. Съ
 • самаго выѣзда изъ Петербурга не чувствовала такого расслаб-
 • ленія, я съ ужасомъ подумала, что напрасно льстилась, отпра-
 • вляясь въ дальній путь, избавиться томительной болѣзни, и при-
 • знаюсь, это тѣмъ болѣе огорчило меня, что случилось въ день

« моего рожде́нія. Но, воротясь въ гостиницу, я скоро почувство-
 « вала облегче́ніе на балко́вѣ отъ легкаго морскаго вѣтерка, и мы
 « день провели у Деденевыхъ. Родная сестра Алексѣя Егоровича
 « Деденева была за мной умершимъ родственникомъ, Павломъ
 « Аполосовичемъ Наумовымъ, котораго всѣ его знавшіе уважали
 « за рѣдкую правоту и глубокую преданность престолу и оте-
 « честву. Занимавъ важныя должности, онъ могъ нажить сотни
 « тысячъ, но оставилъ шестерымъ своимъ дѣтямъ только малень-
 « кое родовое имѣніе и безукоризненное имя. Въ награду за его
 « заслуги, обѣ его дочери воспитывались одна въ Смольномъ, дру-
 « гая въ Екатерининскомъ Институтѣ, пансіонерками покойнаго
 « Императора, и онѣ дорого цѣнятъ эту милость заслуживають ее
 « тѣсною между собою дружбою и кроткими добродѣтелями.

« Съ Алексѣемъ Егоровичемъ живетъ старшая дочь его, укра-
 « сившая всѣ комнаты собственныя трудовъ масляными карти-
 « нами. Она познакомила меня съ молодою, благородною Черно-
 « горкою, Анною Спровицъ, осиротѣвшею въ Одессѣ. Мнѣ это
 « доставило истинное удовольствіе. Въ ней ничего нѣтъ вытвер-
 « женнаго изъ французскихъ романовъ, или у наставницъ, прене-
 « брегающихъ ея отечествомъ. Она говоритъ только то, что ей
 « внушаютъ умъ и сердце, и пылкій взоръ ея досказываетъ ея
 « горячія чувства.

« Юлія 2.

« Въ Одессѣ три гавани. Приходящія за хлѣбомъ изъ Сред-
 « земнаго Моря чрезъ Константинопольскій Пролівъ, иностранныя
 « суда стоятъ особо въ карантинной гавани, и съ ними обходятся
 « съ величайшей осторожностію; всякій разъ, когда имъ отвозятъ
 « пшеницу, и лодки, и людей на это употребляемыхъ окуриваютъ
 « и обмываютъ, послѣ чего выставляютъ на лодкѣ букву О, то
 « есть очищена, безъ чего ни одна не бываетъ допущена къ бе-
 « регу. Въ 1842 году сдѣлали здѣсь насыпь, и теперь можно въ
 « сутки нагрузить до тридцати тысячъ четвертей пшеницы, въ
 « четверо болѣе прежняго, и прибывшія суда уже не ждутъ, какъ
 « бывало, вѣскольکو недѣль. Тутъ близко и паровая машина, ко-
 « торая при мелководіи выгребае́тъ землю, углубляя морское дно.
 « Въ другой гавани, напротивъ, стоятъ русскія суда изъ Нико-
 « лаева, Таганрога и другихъ мѣстъ. Все это объяснялъ мнѣ
 « одесскій губернаторъ А. Д. Ахлестышевъ, которому, какъ и его
 « любезной супругѣ, мы много обязаны. Хорошо познакомившись

« съ нами, они доставили намъ всё средство узнать Одессу и при-
« ятно провести въ ней время.

« Биржа одесская прекрасное зданіе, но тяжело русскому серд-
« цу, что нѣтъ ни одного русскаго имени между выставленными
« на лавкѣ именами торгующихъ здѣсь богатыхъ купцовъ. Отъ
« чего происходитъ это? Когда оно переменится? Много мож-
« но сказать объ этомъ; есть чѣмъ тутъ заняться людямъ госу-
« дарственнымъ. Я посиѣдила въ залу. Она обширна и красива;
« на правой сторонѣ, въ углубленіи, портретъ Государя Импера-
« тора и два выхода на круглую галерею, съ маленькимъ са-
« домъ, обнесенную столбами и чугуною рѣшеткою; на лѣво,
« изъ залы, дверь на огромную террасу, откуда прелестный видъ
« на море и ходъ прямо на бульваръ.

« Вмѣстѣ съ биржею музейъ, въ которомъ, между разными
« вещами изъ Египта, двѣ муміи въ простыхъ большихъ ящи-
« кахъ, сверху испещренныхъ разными изображеніями; у третьей
« ящикъ прекрасно отдѣланъ на подобіе огромной куклы, кото-
« рую можно держать стоя. Мнѣ было достаточно получать объ
« этомъ понятіе, и я даже не спросила, можно ли видѣть храня-
« щіеся тутъ набальзамированныя тѣла. Пирамидки, вершка въ
« два, замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы изъ того же камня, какъ
« и славныя египетскія пирамиды. Онѣ похожи на красноватый
« мѣль, и самъ по себѣ очень крѣпокъ, но одесскій воздухъ такъ
« для него сыръ, что онъ отъ него рассыпается. Употребляемая
« жителями сѣвернаго Египта (*верхняго*, а не *сѣвернаго*, то есть,
« *южнаго Египта*, Дарфура, Давголы) копья и стрѣлы, съ же-
« лѣзными наконечниками, которые иногда мажутъ ядомъ, отли-
« чаются легкостью; нетяжелъ и выпуклый щитъ изъ крокодило-
« вой кожи; онъ очень толстъ и такъ твердъ, что можетъ защи-
« тить почти не хуже желѣза. Также употребляется и змѣиная
« кожа: мы видѣли изъ нея ожерелье и обтянутый ею чубукъ
« изъ пильскаго тростника. Первое недурно, но только дикія жец-
« щины захотятъ щеголять такимъ ожерельемъ.

« Я не останавливаясь прошла мимо множества древнихъ ста-
« туй любопытныхъ для ученыхъ, но мнѣ показавшихся очень
« безобразными, но любовалась нѣсколько минутъ глиняной го-
« ловкой, приделанной изъ Керчи, дивясь, какъ уцѣлѣло въ землѣ
« это маленькое личико со всею его прелестью. Не рассматривая
« также, по совершенному моему въ этомъ невѣжеству, генуэзскихъ

« в татарській монастирѣ, а съ любовителствомъ перебрала рисунки
 « князя мѣщанина Василя Барскаго, который, учившись въ
 « Києво-Братской монастирѣ, гдѣ онъ и погребенъ, отправленъ
 « въ 1723 году поклониться гробу Христа Спасителя, и цѣлые
 « двадцать четыре года странствовалъ по святымъ мѣстамъ въ
 « Палестинѣ и Греціи. Онъ побывалъ и въ Египтѣ, и, описавъ
 « путешествіе свое, приложилъ къ нему, имъ самимъ снятые,
 « сличкомъ сто видовъ. Къ сожалѣнію изъ нихъ уцѣлѣло только
 « пятьдесятъ, которыми архіепископъ херсонскій Гавріилъ подарилъ
 « одесское общество исторіи и древностей. Они, кажется
 « писаны перомъ; рисунокъ въ родѣ китайскихъ, но отдѣлка
 « очень старательная, и можно имѣть вѣрное понятіе о каждомъ
 « мѣстѣ.

« Путешествіе Василя Барскаго напечатано было издвигеніемъ
 « князя Потемкина. Послѣдній, въ первой юности собиравшійся
 « поступить въ монашество, былъ искренно набоженъ, но многоразъ
 « рѣшался на дѣла не слишкомъ согласныя съ ученіемъ Евангельскимъ,
 « и, какъ нерѣдко бываетъ, вовсе не заботился о пользѣ частной,
 « стремясь къ цѣли, казавшейся ему полезною. Чтобы скорѣе заселить
 « новороссійскій край, князь Потемкинъ предписалъ генералу Каховскому
 « платить Евреямъ за каждую дѣвушку имъ доставленную, по пяти
 « рублей. Можно представить, какъ воспользовались этимъ жадные
 « соплеменники Иуды Искариотскаго, сколько тутъ было обмановъ и
 « насилій! — Приказъ объ этомъ, 1785 года, кажется, мало извѣстный,
 « хранится здѣсь, въ той комнатѣ, гдѣ портреты Рибаса, основателя
 « Одессы, Тучкова, поселившаго въ Измаилѣ запорожскихъ казаковъ,
 « Шевича и Хорвата, начальниковъ переселившихся въ Россію
 « Сербовъ, Паласа и Сестренцевича, писавшихъ о Тавридѣ.

« Мнѣ было лестно получить отъ господина Мурзакевича, директора
 « одесскаго музеума, вышедшій въ прошломъ году первый томъ
 « любовителныхъ записокъ одесскаго общества исторіи и древностей,
 « и собственныхъ его трудовъ исторію гевузскихъ поселеній въ
 « Крыму. Продолженіе записокъ, посвященныхъ Августѣйшему
 « покровителю общества, Государю Наслѣднику, будетъ важною
 « услугою всѣмъ желающимъ узнать основательно о Тавриду и
 « вообще новороссійскій край.

« Одесскій Екатерининскій институтъ, одинъ изъ старѣйшихъ въ
 « Россіи, основанъ въ 1806 году. Онъ окруженъ густыми садами,

« что здѣсь особенно драгоцѣнно и полезно здоровью; но зданіе не-
 « большое и все въ немъ очень просто. Зала для собраній и тан-
 « цевъ только что обшарна; у начальницы, генеральши Фитин-
 « гофъ, три комнаты, и нигдѣ нѣтъ паркетовъ: это хорошо для
 « бѣдныхъ дѣвицъ, которыя, воротясь къ родителямъ, рѣдко на-
 « ходять у нихъ и крашеные полы. По приглашенію почтенной
 « начальницы мы были два раза въ институтъ, слушали прекра-
 « сную музыку и пѣніе, и по всему, что видѣли, можно надѣять-
 « ся, что здѣшнія воспитанницы, прекрасно образованныя, бу-
 « дутъ утѣшеніемъ семействъ своихъ.

« Миѣ вredenъ одесскій воздухъ; я такъ ослабѣваю, что во-
 « дятъ подъ руки. Я занемогла, будучи въ первый разъ въ ин-
 « ститутъ, какъ наканунѣ въ соборѣ, и принуждена была также
 « уѣхать прежде времени. По счастью, мучительный недугъ не-
 « долго продолжается, если тотчасъ могу отдохнуть въ совершен-
 « ной тишинѣ.

« Послѣ обѣда, заѣхалъ меня провѣдать Д. Д. Ахлестышевъ;
 « увидя, что я сижу одѣтая, предложилъ показать намъ каран-
 « тинъ. Я очень обрадовалась этому предложенію, какъ будто
 « угадавъ, какъ его исполненіе пріятно займетъ меня и будетъ
 « полезно моему здоровью. Хворая въ Одессѣ, я уже боялась
 « ѣхать въ Крымъ, но увидѣвъ въ карантинѣ много любопытна-
 « го, я притомъ увѣрилась, что сплывное движеніе на открытомъ
 « воздухѣ, особенно близъ моря, очень миѣ полезно. Это была
 « совсѣмъ особаго рода прогулка, и вотъ гдѣ бы разыгралось во-
 « ображеніе Жоржъ Зандъ, которая, долго плѣтивъ хвастающій
 « просвѣщеніемъ XIX вѣкъ картинами любви, не уважающей ни
 « приличій, ни законовъ, можетъ быть, прочитавъ, какъ Валь-
 « теръ Скоттъ высоко цѣнилъ дарованія Анны Радкловъ, взду-
 « мала подражать ей, описывая пещеры, гдѣ заключался наслѣд-
 « ствѣ знатнаго дома Рудольштадъ, котораго она называетъ меч-
 « тателемъ, и котораго смѣло можно, по собственному ея изобра-
 « женію, назвать помѣшаннымъ. Въ карантинѣ только нѣтъ пе-
 « щеръ, но есть рѣшетки, за которыми содержатся мужчины и
 « женщины, есть желѣзные запоры, закладенныя ворота, и мно-
 « го такого, что можетъ взволновать пылкое воображеніе.

« Чума была здѣсь въ 1829 году, и потомъ въ 1837. Одно
 « это слово, какъ страшное привидѣніе, должно смутить всѣумы,
 « поразить всѣ чувства! Теперь служба въ карантинѣ не трудъ

« нѣе другой службы, но когда черное знамя возгѣщаетъ, что въ
« страшномъ чумномъ кварталѣ есть жители, малѣйшая оплош-
« ность, неумѣстное состраданіе, могутъ погубить тысячи людей.

« Пріѣзжіе изъ Константинополя должны пребыть въ каранти-
« нѣ четырнадцать дней. Каждый можетъ имѣть особую комна-
« ту за тридцать копѣекъ серебромъ въ сутки, а кушанье, какъ
« и въ Петербургской гостинницѣ, по пятидесяти копѣекъ assi-
« гнаціями блюдо. Комнаты эти отдѣлены отъ улицы коридо-
« ромъ, по обѣимъ сторонамъ котораго окна съ рѣшетками. Жи-
« вущіе тамъ занимаются чѣмъ хотятъ, сходятся между собою,
« и съ проходящими мимо могутъ свободно разговаривать, толь-
« ко послѣднимъ запрещено касаться стѣнъ, остерегаясь внезап-
« наго открытія чумы. Узнавъ насъ, возвращавшейся изъ Кон-
« стантинополя отставной генералъ-маіоръ Пелидовъ сталъ раз-
« спрашивать о горячо любимой имъ жепѣ и о тещѣ, вдовѣ из-
« вѣстнаго адмирала Анастасѣ Васильевѣ Сарычевой, которую
« я сама и всѣ ее знающіе искренно почитаютъ *, и я, отвѣчая
« на его вопросы, чуть не оперлась на стѣну. Бдительный губер-
« наторъ тотчасъ напомнилъ мнѣ, что я бы нарушила этимъ за-
« конъ, и сама бы подверглась карантину.

« Мы входили въ комнаты, которыя занималъ лордъ Дургамъ
« по пріѣздѣ въ Россію, гдѣ онъ былъ ведикобританскимъ пос-
« ломъ. Въ нихъ только темнѣе обыкновеннаго, по причинѣ двой-
« выхъ стѣнъ и рѣшетокъ, но можно спокойно прожить двѣ не-
« дѣли, назначенныя для совершеннаго удостовѣренія въ добромъ
« здоровьѣ. Передъ нами и за нами шли съ булавами гвардіоны
« (сторожа). Всѣ здѣсь служащіе носятъ красные рукава, чтобы
« издали было видно, что они принадлежатъ въ карантину, и
« не должно до нихъ дотрогиваться; на офицерахъ красные шар-
« фы и красная перевязь на лѣвой рукѣ; часовые стоятъ съ за-
« ряженными ружьями, готовые выстрѣлить въ дерзкаго, кото-
« рый вздумалъ бы уйти отъ надзора. Всѣ эти предосторожно-
« сти глубоко меня трогали: это какъ родительская забота о дѣ-
« тяхъ, которыя вздумали бы играть огнемъ.

« Мы прошли въ чумный кварталъ обширнымъ, обнесен-
« нымъ стѣнами, дворомъ, въ которомъ каждый годъ по два

* « Онъ обѣ скончался въ тотъ же годъ, нѣжная мать не пережила по-
« терю зной дочери.»

« раз удымають дорожки обвѣннѣ морскимъ пескомъ, снѣ-
 « тая старѣй. Въ немъ нѣтъ ни одного дерева, даже кусточка,
 « чтобы между ними не завалилось чтонибудь зарамонное. Въ
 « чумномъ кварталѣ, вмѣсто двухъ, четыре рѣшетки отдѣляютъ
 « посѣтителей отъ больныхъ. Даже комната, въ которой осматри-
 « ваютъ послѣднихъ, раздѣлена рѣшеткою; съ одной стороны
 « входитъ въ нее больной, съ другой докторъ. Снятое съ боль-
 « наго платье, по одному сомнѣнію, еще вѣрно не зная что онъ
 « зачумленъ, окуриваютъ цѣлые сутки составомъ изъ селитреной
 « кислоты, поваренной соли и марганца и потомъ еще сутки про-
 « вѣтриваютъ. Ворота, въ которыя привозятъ изъ города, или съ
 « кораблей больныхъ, теперь закладены; близъ нихъ огромный
 « ларь съ крышею для воды, которую въ несчастное время про-
 « водятъ изъ за стѣны трубами, и тутъ же на дворѣ огромная жа-
 « ровня, на которой жгутъ соръ, выметаемый изъ комнату. Свя-
 « щенникъ, комиссаръ, и прочіе чиновники живутъ отдѣльно на
 « дворикѣ, который также, изъ предосторожности, весь вымо-
 « щенъ камнемъ. Одесскій карантинъ, по мнѣнію многихъ, луч-
 « ше иностранныхъ. Отличное заведеніе!

« Мы имѣли честь познакомиться со здѣшнимъ архіеписко-
 « помъ Гавріиломъ, искуснымъ строителемъ и хозяиномъ. Малень-
 « кая домовая церковь его можетъ служить образцомъ. Иконо-
 « стась обложена мѣдными, посеребренными листами съ золоче-
 « ными украшеніями, и вмѣсто обыкновенныхъ колоннъ мато-
 « выя, серебряныя пальмы, обвитыя вызолочеными гирляндами,
 « соединяющими густыя пальмовыя вершины. Стѣны обиты кра-
 « снымъ сукномъ, въ ростъ человѣческій, что очень нарядно и
 « спокойно для богомольцевъ, которые могутъ тутъ прислонять-
 « ся, не опасаясь испортить стѣну, или отъ нее простудиться.
 « Въ верху легкая живопись дикаго цвѣта, изображаетъ Преобра-
 « женіе Господне и разныя притчи Евангельскія. Жаль, что не
 « удалось въ этой церкви отслушать обѣдню!

« Огромныя, бѣлыя акаціи защищаютъ архіерейскій домъ отъ
 « морскихъ вѣтровъ, которые бывають здѣсь чрезвычайно силь-
 « ны, и отъ нихъ поднимается густая, тонкая пыль, очень вред-
 « ная зрѣнію. По счастью, при насъ погода была тихая и почти
 « не было пыли, однако и отъ малаго ея количества, или отъ
 « яркости солнца мнѣ было тяжело глазамъ, а у Настасьи Пет-
 « ровны они долго послѣ болѣли. Деревянная лѣтятица въ архію-

«рейскомъ домѣ, сдѣланная при нынѣшномъ архіепископѣ, замѣ-
 «чательной красоты. Особенно пріятно видѣть въ административномъ го-
 «родѣ, гдѣ такъ много иностранцевъ, отличный порядокъ и
 «вкусъ въ жилищѣ православнаго архіерея. Обширный садъ такъ
 «же свидѣтельствуєтъ о тщательности и дѣятельности Владыки,
 «и изъ него можно съ полнымъ удовольствіемъ любоваться пре-
 «красными видами. Съ правой стороны практической гавани, ри-
 «суются, на выдавшемся въ море, усаженномъ деревьями высо-
 «комъ берегу домъ и бесѣдка князя Воронцова, съ лѣвой домъ
 «и садъ А. А. Нарышкина. Цѣлый бы день пробылъ здѣсь. Но
 «запахъ съ лимана очень противенъ, и если правда, какъ увѣ-
 «рять, что онъ здоровъ, не скоро можно къ нему привыкнуть.

«Владыка замѣтилъ мнѣ, что берегъ у него въ саду, какъ и
 «вообще въ Одессѣ, наполненъ раковинами, что многихъ заста-
 «вляетъ думать, что онъ былъ вѣкогда подъ водою, и что мо-
 «ре мало по малу отступило и опало. Я объ этомъ читала, но
 «на мѣстѣ кажется невѣроятно, чтобы когда нибудь море до-
 «стигало такъ высоко, особенно не хочется вѣрить потому, что
 «утверждающіе это, иностранцы путешественники, прибавляютъ,
 «что основаніе Одессы очень непрочно. Но въ Парижѣ дворецъ
 «Луксембургскій и весь многолюдный кварталъ святаго Якова,
 «стоятъ надъ древними каменоломнями (catacombes) и не про-
 «валиваются.»

Ah! madame! а Парижъ-то, сказали вы, презираете?... Между-
 «тѣмъ мысли ваши такъ и клопаются туда! И какъ хорошо вы знаете
 «его топографію, никогда не бывавъ въ немъ?... «О, прекрасный
 «русскій полъ!» кстати восклицаетъ авторъ *Русскихъ писемъ о*
счастіи: «ты неподражаемъ!...

Но Парижъ и счастіе — восторгову; а страницы, приведенныя нами
 «очень милы я, какъ кажется, оправдываютъ наше смиренное су-
 «жденіе. Вся книга писана такимъ образомъ. Чѣмъ и доказывает-
 «ся, что вся она читается быстро, легко, съ большимъ удоволь-
 «ствіемъ.

«Книга, притомъ, издана прекрасно, съ весьма красивыми кар-
 «тинками — какъ въ Парижѣ — въ которомъ «Русская путеше-
 «ственница» очень очень рада что не была.»

НОВЕЛЛЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Сочиненіе Евопажи Попатовой. (Кіевъ,
 1848, съ-12, стр. 153.)

По нашему смиренному сужденію, очень хорошія новѣсти — одна изъ лучшихъ книжекъ, какія можно дать въ руки дѣтямъ. Сочинительница отлично изучила дѣтскіе характеры — она знаетъ ихъ слабости и склонности — и говорить съ дѣтьми по ихъ понятіямъ, обращаясь прямо къ ихъ убѣжденію. Приложенныя картинки довольно соотвѣтствуютъ цѣли.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАГО И РУССКАГО ЯЗЫКА. Составилъ А. Галаховъ. Томъ первый. Отъ начала славяно-русской письменности до Петра Перваго (Москва, 1848, въ 8., стр. 590)

Предисловіе къ «Исторической Хрестоматіи», по древнему обычаю всѣхъ нервныхъ предисловіій, торгуется заранѣе съ критикою. Оно видитъ само недостатки сочиненія — и позволяетъ критикѣ сказать объ нихъ кое-что скромно, осторожно; но есть одинъ пунктъ, по которому не допускаетъ оно ни какой сдѣлки: изволь, критика, непремѣнно сознаться во всенародное услышаніе, что историческая хрестоматія господина Галахова — *первая книга въ своемъ родѣ*; а вѣтъ, такъ вѣтъ, ты не критика, и предисловіе знать тебя не хочетъ. Пожалуй; дѣло, кажется, за этимъ не станетъ; критикѣ ничего не стѣбитъ сказать, что книга господина Галахова — *первая въ своемъ родѣ*: да будетъ ли книга хороша отъ этого, если она, по несчастью, плоха по сущности своей? Предисловіе, кажется, само не знаетъ, чего оно хочетъ отъ критикп. Лучше бы занялось оно растолкованіемъ системы, которой слѣдовалъ авторъ при составленіи книги и объясненіемъ того, что такое разумѣть онъ подѣ словами — *историческая хрестоматія языка* — и притомъ *языка* (въ единственномъ числѣ) *церковно-славянскаго и русскаго* — одинъ ли это языкъ, или два разные? — если два разные, какъ по-видимому думаетъ авторъ, не смотря на единственное число, то въ чемъ должно полагать ихъ *исторію*? — и какая можетъ быть исторія языка мертваго? — потому что вѣдь одинъ изъ двухъ языковъ этихъ, лѣтъ тысяча тому, приказалъ долго здравствовать. За недостаткомъ въ необходимыхъ поспеніяхъ со стороны предисловія, невозможно даже и судить, въ какой степени трудъ соотвѣтствуетъ своей основной идѣ и каково филологическое достоинство этой идеи. Читатель видитъ только обширное хронологическое собраніе писемъ и отрывковъ, большею частью весьма любопытныхъ, писанныхъ въ разные времена по-премѣнно на томъ и на другомъ

языкъ или на томъ и на другомъ вѣстѣ, и болѣе ничего сказать не можетъ, какъ только, что это — хронологическое собраніе писецъ и отрывковъ, представляющее какую то массу, неизвѣстную, донынѣ необъявленную, и которую вѣроятно свѣтъ узнаетъ изъ втораго тома «Исторической хрестоматіи церковно-славянскаго и русскаго языка.» Если позволительно догадываться, то, по нашему смиренному сужденію, въ основаніи этой идеи лежитъ иракъ великій, и авторъ не отдастъ самъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что, филологически, можетъ быть историческая хрестоматія церковно-славянскаго и русскаго языка. Въ этомъ единственномъ языкѣ, заключается очевидно три языка, совершенно различныя, — языкъ церковно славянскій, бывшій некогда живымъ, но давно умершій, неподвижный, и котораго исторія кончена, — языкъ русскій, живой донынѣ и почти неизмѣнившійся отъ Олегова договора до грамотъ Петра Великаго, — и языкъ церковно-славяно-руссскій, смѣсь двухъ языковъ, partly искусственное, выдуманное произволомъ или ложнымъ вкусомъ, и употреблявшееся на Руси тѣми, которые старались писать, какъ говоритъ Курбскій, съ вымышленіемъ; языкъ существенно непостоянный въ формахъ и неопредѣлительный въ лексикографическомъ отношеніи, потому что подъ каждымъ перомъ онъ измѣнялся отъ большей или меньшей примѣси одного языка къ другому. Истинно филологическая, рациональная и полезная хрестоматія историческая, по смиренному сужденію нашему, была бы та, въ которой памятники этихъ трехъ языковъ явились тщательно и искусно расклассифицированными, съ соблюденіемъ для каждаго отдѣла его особенной хронологіи. Можно, если угодно, начать, какъ началъ господинъ Галаховъ, нѣсколькими отрывками переводу Священнаго Писанія, какъ образчиками чистаго церковно-славянскаго языка. За ними должны бы слѣдовать, хронологически, разные опыты подражанія на Руси этому языку, произведенія тѣхъ русскіихъ писателей, которые старались писать на чистомъ библейскомъ языкѣ. Второй отдѣлъ былъ бы посвященъ искусственному языку, образцамъ вымышленія, болѣе или менѣе удачной смѣси языка русскаго съ церковно славянскимъ: языкъ этотъ не угасъ; онъ донынѣ существуетъ, въ большей или меньшей степени, въ нашихъ церковныхъ поученіяхъ, хотя въ послѣднее время они стали болѣе и болѣе приближаться къ живому, естественному языку русскому и вскорѣ, конечно, другаго и употреблять не станутъ. Въ третьемъ, самомъ любопытномъ и самомъ важномъ отдѣлѣ, нашли бы иство драгоцѣн-

ные памятники чистаго русскаго языка, котораго вѣрная воспріа болѣе всего интересна для отечественной филологіи: пермннхъ памятниковъ чистаго русскаго языка, съ самыми незамѣчательными признаками *оымышленія*, должно почитать договоръ Олега съ Греками. Это тотъ же языкъ, которымъ говорили мы дѣшннхъ — нашъ языкъ великороссійскій — нашъ литературный языкъ. Пслѣдующія проявленія его, при всемъ гнетѣ языковъ церковно-славянскаго и церковно-славяно-русскаго, почитавшихся исключительно изящными, встрѣчаются въ заковахъ, въ юридическихъ актахъ, въ народныхъ пѣсняхъ, въ частной перепискѣ. Все это слѣдовало бы отделить съ проннцательностью, подобрать со вкусомъ и представить въ правильной системѣ. Тогда идея исторической хрестоматіи была бы ясна, вавилонское смѣшеніе, въ которомъ учащіяся блуждаютъ, исчезло-бы въ преподаваніи, и книга соответствовала бы цѣли положительной, полезной, практической. Предисловіе можетъ сдѣлать въ этихъ замѣчаніи что ему угодно: критикъ всё-равно! Не стая же ей спорить съ составителями хрестоматій.

ЗАПИСКИ МАРШАЛА ВЕРТЬЕ, князя невшательскаго и сасралскаго, начальника главнаго штаба французской арміи, объ Египетской Экспедиціи Наполеона Бонапарта. Переводъ съ французскаго. (Москва, 1848, въ-12. Двѣ части, стр. 150 — 190.)

Записки маршала Вертъе не отличаются ни писательскимъ талантомъ, ни безпристрастіемъ свѣдѣній, ни занимательностью повѣствованія. Давно обнаружена и доказана ихъ льстивость поучему начальнику экспедиціи, котораго всѣ египетскія несообразности тщательно здѣсь скрыты, тогда какъ всѣ успѣхи Французовъ преувеличены. Переводчику одному извѣстно, для чего счелъ онъ необходимыми умножить бремя отечественной литературы этою бесполезною переводною прибавкою.

1. НАСТАВЛЕНІЕ ГОРОДСКИМЪ И СЕЛЬСКИМЪ ЖИТЕЛЯМЪ съ пользованіи и предохраненіи себя отъ болъзной бузиною и ромашкою, по многочисленнымъ опытамъ изложенное докторомъ А. Н. Андерсомъ. (Москва, 1848, въ-12., стр. 95.)

2. ОВЩЕПОПУЛЯРНЫЯ СРЕДСТВА предохранять себя отъ ннкоторой — довольно странной болъзни, и вылечить тотчасъ по зараженіи ею, прежде чѣмъ она распространится. Сочиненіе Дюра и Амеда. Переводъ, съ дополненіями и поясненіями,

Х. Иноевъ, *ординаторъ Обуховской Больницы.* (СПбуръ, 1848, съ-12., стр. 82.)

Бузина и ромешка — основаніе почти всей медицины, потому что своевременное возбужденіе испарины — вѣрнѣйшее средство прекратить при самомъ началѣ изъ ста болѣзней девяносто девять, и докторъ Андерсъ усердно учитъ домохозяекъ правильному приготовленію этихъ благодѣтельныхъ потогонныхъ средствъ въ различныхъ видахъ и употребленію ихъ въ случаяхъ, на которые онъ указываетъ. Сочиненіе весьма полезное въ домашнемъ быту. Матери семействъ должны имъ записаться.

Далеко не такъ легко растолковать достоинства творенія доктора Иноевса: онъ заглядываетъ такъ глубоко въ натуру человѣческую и изъясняется языкомъ такимъ живописнымъ, что только прекрасные юноши въ состояніи понимать его въ совершенствѣ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

О БАНКРОТСТВАХЪ ВЪ ТОРГОВОМЪ СОСЛОВІИ и *постановленіяхъ о родѣ, силѣ и дѣйствіи должовыхъ по торговлѣ обязательствъ.* (СПб., 1848.) — Авторъ сперва опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые, по разнымъ признакамъ, полагаютъ, что банкротство — болѣзнь заразительная. Послѣ-того доказываетъ онъ, со всею дѣловою опытностью своей, что если должники не платятъ долговъ, то виноваты этому кредиторы. Законы хороши, строги, справедливы, да кредиторы не любятъ, чтобы имъ несправно платили по векселямъ и всячески уклоняются отъ приему денегъ; отчего деньги, вообще, и остаются у должниковъ, объявившихъ себя не состоятельными. Развѣтіе этихъ отвлеченныхъ истинъ надо читать въ самой брошюрѣ, которой правоученіе заключается въ слѣдующемъ: брать векселя многіе выучились прекрасно, но взыскивать по векселямъ они не мастера.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Господа Юнгмейстеръ и Веймаръ выпустили въ продажу третье полное изданіе «*Басень Н. А. Крылова*» — книжечка въ

одинадцати книгахъ — édition-bijou — форматъ полтора вершка ширины и въ два вершка длины — самое крошечное и самое красивое изданіе изъ всѣхъ, какія донынѣ произвела русская типографія.

==

ОПЕЧАТКА.

Въ статьѣ «Графическій способъ дѣленія дуги на три равныя части», въ майской книжкѣ, III отд. стр. 2, въ послѣдней строкѣ, во ошибокѣ напечатано:

$$\cos \frac{1}{2} \alpha \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{4} \alpha} = \left(1 + \frac{1}{8} \alpha^2\right) \left(1 + \frac{1}{8.16} \alpha^2\right) = -\frac{15}{8.16}$$

а должно быть:

$$\cos \frac{1}{2} \alpha \sqrt{1 + \frac{1}{4} \operatorname{tang}^2 \frac{1}{4} \alpha} = \left(1 - \frac{1}{8} \alpha^2\right) \left(1 + \frac{1}{8.16} \alpha^2\right) = 1 - \frac{15}{8.16}$$

==

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ВЪЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ, показывающий дни недели, пасху новолуніе и полнолуіе за вѣсть прошедшіе и будущіе годы, по юліанскому и грегорианскому лѣтосчисленію.

Всѣ отдали справедливость таблицамъ П. В. Хавскаго; но онѣ оставляютъ еще многого желать: во-первыхъ, употребленіе ихъ требуетъ діленія на 28 и 19, которое хотя и не трудно, но все же медленно и не легко безъ бумаги и карандаша; во-вторыхъ, онѣ годятся только для юліанскаго счисленія: отънѣйте юліанское счисленіе, и таблицы П. Хавскаго не годятся на будущее время. Наконецъ, таблицы П. Хавскаго показываютъ только дни недѣль и Пасху, и вовсе не показываютъ новолуній и полнолуній, а знать новолуніе и полнолуіе часто бываетъ такъ же необходимо какъ знать Пасху.

Всѣ эти неудобства и недостатки устранены и исполнены въ предлагаемомъ календарѣ, который равно можетъ служить какъ для юліанскаго такъ и для грегорианскаго счисленія.

Чтобъ найти день 1-го марта, нужно раздѣлить данный годъ на 4 и на 7, и замѣтить остатки. Остатки отъ 4 написаны въ первой горизонтальной строкѣ; остатки отъ 7 написаны въ первой вертикальной графѣ первой таблицы. Число стоящее на пересѣченіи строкъ покажетъ день 1-го марта: 0 означаетъ воскресенье, 1 понедельникъ, 2 вторникъ.... 6 суббота.

1848 дѣленное на 4 и на 7 даетъ оба остатка 0. И такъ 1-е марта 1848 года въ понедельникъ.

Здѣсь трудно только дѣленіе на 7. Но мы предполагаемъ что каждый умѣетъ дѣлить на 7 три цифры, а больше трехъ цифръ не придется дѣлить до 10,000 года.

Вотъ какъ можно находить остатки отъ дѣленія на 7. Цифру тысячъ вычитаю изъ цифры единицъ, и остальное число дѣлю на 7. Вмѣсто 1848 дѣлю 847 и нахожу въ остаткѣ 0. А чтобъ раздѣлить на 4, стоитъ только раздѣлить годъ столѣтія на 4. Остатокъ 0 показываетъ високосный годъ, въ которомъ февраль имѣетъ 29 дней.

Но чтобъ еще болѣе облегчить дѣленіе на 7, просимъ обратить вниманіе на таблицу вторую: числа 16, 17, 18.... означаютъ столѣтія, которыя по раздѣленіи на 7 даютъ въ остаткѣ 4, 6, 1.... И такъ, чтобъ найти остатокъ отъ раздѣленія на 7, прибавьте къ году столѣтія число изъ таблички и раздѣлите на 7: получите настоящий остатокъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 1848 дѣлю $48+1$ на 7, и нахожу въ остаткѣ 0.

Если заданное столѣтіе не находится въ табличкѣ, то прибавьте къ нему 7, 14, 21.... Напримѣръ, въ какой день было 1-е марта 325 года? Вмѣсто 325 беру 1725; къ 25 прибавляю 6, и по раздѣленіи на 7 нахожу въ остаткѣ 3; потомъ 25 дѣленное на 4 даетъ въ остаткѣ 1; противъ остатковъ 3 и 1 нахожу 1, то есть понедельникъ.

Для грегорианскаго календаря поступаю такимъ же образомъ: къ году столѣтія прибавляю одно изъ чиселъ 3, 0, 4, 1; дѣлю на 7, потомъ на 4, и такъ далѣе. Напримѣръ, нынѣшній 1848 годъ даетъ $48+4=52$; $52-49=3$; 48 дѣленное на 4 даетъ въ остаткѣ 0; противъ остатковъ 3 и 0 нахожу 3: значитъ 1-е марта было въ среду.

Грегорианское счисленіе начинается съ 15 октября 1582 года.

Зная день 1-го марта, не трудно уже найти дни недѣли для прочихъ чиселъ. Для этого въ третьей таблицѣ беру ту графу которая начинается найденнымъ днемъ, и смотрю какая цифра въ этой графѣ соответствуетъ данному числу мѣсяца, которое оты-

снѣваю въ четвертой таблицѣ. Напримерь, если 1-е марта въ понедѣльникъ, то беру графу которая начинается цифрою 1, и вижу что 18 число въ четвергъ, 21 въ воскресенье, и такъ далѣе.

Для прочихъ мѣсяцевъ къ цифрѣ 1-го марта прибавляю числа изъ пятой таблицы. Такимъ образомъ, если 1-е марта въ понедѣльникъ, то прибавивъ къ единицѣ 3, найдемъ 1-е апрѣля въ четвергъ, и графа начинающаяся цифрою 4 будетъ служить для апрѣля; графа начинающаяся 0 будетъ служить для августа, и такъ далѣе.

Если требуется найти дни недѣли въ январѣ и февралѣ, то берется годъ предъидущій.

Перейдемъ теперь къ шестой и седьмой таблицамъ, для опредѣленія Пасхи.

Въ первой графѣ шестой таблицы написаны остатки отъ раздѣленія числа на 19; вторая и третья графа служатъ для отысканія этихъ остатковъ. Положимъ, данъ годъ 1848. Въ первой графѣ вижу 18 (число столѣтїа), и противъ него во второй графѣ замѣчаю число 14; въ третьей графѣ беру 40, и противъ него во второй графѣ замѣчаю число 2; къ замѣченнымъ числамъ 14+2 прибавляю послѣднюю цифру 8, и изъ суммы 14+2+8 вычитаю 19; въ остаткѣ нахожу 5. Противъ остатка 5 вижу пасхальный предѣлъ 10 апрѣля и знакъ 3. Потомъ въ седьмой таблицѣ смотрю отдѣленіе *понедѣльникъ* (потому что 1-е марта 1848 года въ *понедѣльникъ*), и вижу тамъ знакъ 3; противъ знака 3... 9 (что значить 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) вижу 11 апрѣля. И такъ Пасха въ 1848 году 11 апрѣля.

Возьмемъ еще примѣръ. Когда была Пасха въ 325 году? Вычисленіе показано на сторонѣ. Остатку 2 соответствуетъ знакъ 0; 1-е марта было въ *понедѣльникъ*. Въ отдѣленіи *Понедѣльникъ* противъ знака 0... 2 стоитъ 18 апрѣля.

$$\begin{array}{r}
 3 \text{ даетъ } 15 \\
 25 \text{ ..... } 6 \\
 \hline
 21 \\
 - 19 \\
 \hline
 2
 \end{array}$$

Этотъ способъ находить Пасху гораздо удобнѣе, нежели предложенный П. В. Хавскимъ по пасхальнымъ предѣламъ. Способъ П. Хавскаго состоитъ въ томъ, чтобы найти прежде въ какой день приходится пасхальный предѣлъ; слѣдующее за тѣмъ воскресенье есть Пасха.

Если бы нужно было составить таблицу чиселъ Пасхи на нѣ-

сколько лѣтъ, то наши таблицы для этого весьма удобны. Написавъ по порядку годы, выставивъ дни 1-го марта и выписавъ знаки, во дни 1-го марта и по знакамъ прямо опредѣлимъ Пасху для всякаго года изъ седьмой таблицы.

Для грегорианскаго календаря Пасха опредѣляется точно такимъ же образомъ, только тамъ другія знаки. Тамъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ 1848 году знака 25 (противъ остатка 5), 1-е марта въ среду; а въ седьмой таблицѣ, въ отдѣленіи *среда*, противъ знака 24...27 вижу Пасху 23 апрѣля. И такъ, въ нынѣшнемъ году мы будемъ праздновать Пасху въ одинъ день съ Католиками. Но бываетъ такъ, что мы празднуемъ Пасху четырьмя и пятью недѣлями позже.

Напримѣръ, въ 1850 году, у насъ 1-е марта въ среду, знака 25, следовательно Пасха придется 23 апрѣля. У Католиковъ, въ 1850 году, 1-е марта въ пятницу, знака 17, следовательно Пасха 31 марта. Но наше 23 апрѣля приходится 5 мая по новому стилю отъ 31 марта до 5 мая ровно пять недѣль.

Отчего же это, народы одной вѣры празднуютъ величайшій изъ праздниковъ въ разные числа? По опредѣленію Никейскаго Собора, Пасха должна праздноваться въ первое воскресенье послѣ весенняго полнолунія. Повѣривъ на сколько это опредѣленіе совпадаетъ съ дѣйствительностію.

Извѣстно, что весна у насъ теперь начинается около 9 марта. Въ 1834 году первое весеннее полнолуніе было 12 марта; а Пасха праздновалась 22 апрѣля.

И такъ въ 1834 году Пасха праздновалась не только не въ первое весеннее полнолуніе, но даже не въ первое воскресенье послѣ втораго полнолунія, потому что второе весеннее полнолуніе было 11 апрѣля, слѣдующее воскресенье было 15 апрѣля, Пасха же праздновалась 22 апрѣля.

Въ 1842 году первое весеннее полнолуніе было 14 марта, а Пасха праздновалась 19 апрѣля.

Въ 1850 году весеннее полнолуніе будетъ 15 марта, а Пасха приходится 23 апрѣля.

Изъ этихъ трехъ примѣровъ видимъ, что празднованіе Пасхи у насъ вовсе не подчинено теченію луны, и не совпадаетъ съ первымъ весеннимъ полнолуніемъ, следовательно отстаетъ отъ установленія Никейскаго Собора. Вотъ для этого-то, чтобъ Пасха праздновалась всегда въ первое весеннее полнолуніе, какъ установлено отцами Церкви и какъ она праздновалась въ первые вѣки христіанства, иже Григорій Тринадцатый, въ

двостнадцатомъ вѣкѣ, отбросилъ 10 дней изъ году, и установилъ новый календарь, повелѣвъ изъ столѣтнихъ годовъ только тѣ считать високосными, которые дѣлятся на 4 (1600 былъ високосный), прочіе же считать простыми (1700 и 1800 были простые), такъ что въ 400 лѣтъ бываетъ только 97 високосныхъ годовъ, а не 100, какъ считали прежде и какъ до-сихъ поръ еще у насъ считаютъ.

Какому же правилу слѣдуютъ у насъ для опредѣленія дня Пасхи? Слѣдуютъ не правилу, а таблицамъ разъ на всегда установленнымъ. Когда на Никейскомъ Соборѣ, въ 325 году, установили правило для празднованія Пасхи, тогда весеннее равноденствіе приходилось около 21 марта, и положили праздновать Пасху въ первое воскресенье послѣ весенняго полнолунія, то есть не ранѣе 22 марта и не позже 25 апрѣля; установили пасхальныя границы и по нимъ вычислены дни Пасхи на число лѣтъ равное произведенію чиселъ $28 \times 19 = 532$. Число 28, называемое кругомъ солнца, означаетъ что послѣ 28 лѣтъ числа мѣсяцевъ приходятся въ тѣ же дни недѣли; число 19, называемое кругомъ луны, означаетъ что послѣ 19 лѣтъ дни полнолуній, а слѣдовательно и пасхальные предѣлы, приходятся въ тѣ же числа. Этотъ періодъ лѣтъ съ неизмѣнными числами до сихъ поръ у насъ въ употребленіи, хотя, съ теченіемъ времени, весеннее равноденствіе отступило на 12 дней, и пасхальные предѣлы вовсе не совпадаютъ съ весеннимъ полнолуніемъ. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ 1848 году пасхальный предѣлъ 10 апрѣля, а весеннее полнолуніе 6 апрѣля; разность 4 дня. Эта разность происходитъ отъ того, что періодъ 19 лѣтъ не совсѣмъ точенъ: послѣ каждаго періода новолуніе начинается полутора часами ранѣе, а черезъ триста лѣтъ цѣлымъ днемъ ранѣе. Кроме-того, юліанскій годъ въ $365\frac{1}{4}$ дней вѣскольکو болѣе настоящаго солнечнаго года: послѣ каждаго столѣтія равноденствіе начинается почти днемъ ранѣе. Эти двѣ причины, неточность юліанскаго года и неточность луннаго круга, и составляютъ недостатки юліанскаго календаря, но только относительно празднованія Пасхи, относительно же лѣтосчисления онъ очень простъ и удобенъ.

Въ грегорианскомъ календарѣ эпакта измѣняется съ каждымъ столѣтіемъ: эти измѣненія показаны въ послѣдней графѣ VI таблицы. Такъ, напримѣръ, въ будущія три столѣтія отъ всѣхъ эпактъ надо будетъ отнять по единицѣ; въ тридцатомъ столѣтіи убавится по 5. Все прочее остается на прежнемъ основаніи, то есть VII таблица служитъ на вѣки. Одно только замѣчаніе нуж-

но сдѣлать: если 1-е марта въ понедѣльникъ, эпакта 25, и остатокъ (иначе называемый *златымъ числомъ*) больше 11, то Пасха падаетъ 18 апрѣля, а не 25.

Надобно объяснить, что такое эпакта и пасхальный предѣлъ. *Эпакта* есть возрастъ луны отъ новолунія или нарожденія въ началѣ года или въ началѣ марта. Солнечный годъ превосходитъ двѣнадцать лунныхъ мѣсяцевъ почти одиннадцатью днями, такъ что если нынѣшній годъ новолуніе 1 марта, то на будущій годъ новолуніе упредитъ 1-е марта одиннадцатью днями. Эти одиннадцать дней возраста луны въ началѣ марта и составляютъ эпакту будущаго года. На слѣдующій годъ эпакта будетъ 22, потомъ 33 или 3, и такъ далѣе. Лунный мѣсяць имѣетъ почти $29\frac{1}{2}$ дней, но для простоты предполагается что одинъ мѣсяць имѣетъ 30, другой 29 дней; мартъ всегда считается въ 30 дней. Оттого, когда отъ накопленія эпактъ составитъ сумма больше 30, то она вычитается, и остатокъ покажетъ эпакту. И такъ, эпакта есть возрастъ луны въ началѣ марта. Слѣдовательно, чтобы найти день новолунія нужно отступитъ отъ 1 или 31 марта на столько дней, сколько показываетъ эпакта. Вообще по эпактѣ опредѣляется мартовское новолуніе, вычитая эпакту изъ 31.

Пасхальный предѣлъ есть 13-й день отъ новолунія, опредѣленнаго по эпактѣ, и заключающійся между 21 марта и 18 апрѣля. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ 1848 году эпактъ 3 соотвѣтствуетъ новолуніе 28 марта; 13-й день отъ этого числа будетъ 10 апрѣля, которое и есть пасхальный предѣлъ.

Замѣтимъ, что когда Діонисій-Младшій, въ 532 году, ввелъ въ употребленіе пасхальный кругъ, состоящій изъ 532 лѣтъ, тогда весеннія полнолунія приходились именно въ тѣ числа, которыя приняты для пасхальныхъ предѣловъ. Нынче же пасхальный предѣлъ разнится отъ настоящаго полнолунія на 4 дня, и причину мы объяснили выше. Новолуніе же, опредѣленное по эпактѣ, разнится отъ настоящаго на 6 дней.

Остается показать какъ находить новолуніе и полнолуніе. Для этого годъ дѣлится извѣстнымъ образомъ на 19; противъ остатка показано мартовское новолуніе и полнолуніе; по эти числа показываютъ новолунія и полнолунія, которыя приходились въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Для прочихъ столѣтій нужно изъ показаннаго числа отнять столько единицъ, сколько протекло трехсотъ лѣтъ отъ Рождества Христова. Если вычитаніе невозможно, то нужно прибавитъ 30. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ 1848 году, который по раздѣленіи на 19 даетъ въ остаткѣ 5, показано пол-

VI.

		Остатки отъ 19.			Пасхальн. предѣль.	Эп. юлиан.	Эп. грег.	Новолуніе.	Полнолуи.	Поправка эп. грег.
0		0	0	0	5 A	8	0	23	8	16...1+
1		1	5	5	25 M	19	11	12	27	17...0
2		2	10	10	13 A	0	22	1	16	18...0
3		3	15	15	2 A	11	3	20	5	19...1—
4		4	1	20	22 M	22	14	9	24	20...1—
5		5	6	25	10 A	3	25	28	13	21...1—
6		6	11	30	30 M	14	6	17	2	22...2—
		7	16	35	18 A	25	17	6	21	23...3—
		8	2	40	7 A	6	28	25	10	24...2—
		9	7	45	27 M	17	9	14	29	25...3—
		10	12	50	15 A	28	20	3	18	26...4—
		11	17	55	4 A	9	1	22	7	27...4—
		12	3	60	24 M	20	12	11	26	28...4—
		13	8	65	12 A	1	23	30	15	29...5—
	вос	14	13	70	1 A	12	4	19	4	30...5—
	0м	15	18	75	21 M	23	15	8	23	31...6—
	2...	16	4	80	9 A	4	26	27	12	32...6—
	9...	17	9	85	29 M	15	7	16	1	33...6—
	16...	18	14	90	17 A	26	18	5	20	34...7—
	23									
	24...									

половіе 13 марта; въ этого числа вычитаю 6 и нахожу 7-е марта, памятное луннымъ затмѣніемъ, которое было видимо во всей Европѣ.

Для прочихъ мѣсяцевъ изъ найденнаго числа вычитаю еще столько единицъ, сколько считается полныхъ мѣсяцевъ отъ марта. Напримѣръ, въ 1842 году, который по раздѣленіи на 19 даетъ въ остаткѣ 18, нахожу новолуніе 5 марта; вычтя 6, настоящее новолуніе будетъ 29 марта. Для іюня вычитаю еще 3, и нахожу новолуніе 26 іюня, памятное солнечнымъ затмѣніемъ.

Январь и февраль замѣняются мартомъ и апрѣлемъ.

Для годовъ до Рождества Христова дѣлю годъ на 19 и остатокъ вычитаю изъ 20; новый остатокъ покажетъ годъ въ ряду 19, и по этому остатку нахожу мартовское новолуніе. Для отдаленныхъ столѣтій къ мартовскому новолунію надо прибавить по единицѣ на каждое трехсотъ-лѣтіе. Напримѣръ, когда было новолуніе въ 585 до Рождества Христова? 585 по раздѣленіи на 19 даетъ въ остаткѣ 15; вычтя изъ 20, получимъ 5; противъ остатка 5 находимъ 28 марта; прибавимъ 2 единицы для шести столѣтій, и получимъ настоящее новолуніе 30 марта. Въ этомъ году 28 мая было полное солнечное затмѣніе. По мѣвію Плинія, Цицерона, Кеплера и Ньютона, это то самое затмѣніе, объ которомъ говоритъ Геродотъ, что оно случилось въ самое сраженіе лидійскаго царя Алиата съ мидійскимъ царемъ Киаксаромъ, и что по случаю этого затмѣнія сраженіе прекратилось и цари породнились между собою.

По грегорианскому счисленію, мартовское новолуніе паходится вычитая эпаку изъ 30. Напримѣръ, въ выпѣшнемъ 1848 году, эпакта 25, новолуніе будетъ 5 марта. Обыкновенно вычитаютъ эпаку изъ 31, потому что мартъ имѣетъ 31 день, но этотъ результатъ не вѣренъ и отстаетъ цѣлымъ днемъ. Причина та, что въ началѣ новолуніемъ считали тотъ день когда луна впервые покажется на западѣ, а это обыкновенно бываетъ на другой и на третій день послѣ настоящаго новолунія. Другими словами, эпакта или возрастъ луны въ началѣ марта принимается обыкновенно менѣе настоящаго. Оттого-то въ церковномъ счисленіи за новолуніе принимается не пятнадцатый день, какъ бы слѣдовало, а тринадцатый.

К. КОДИЦКІЙ.

ЕЩЕ НОВАЯ ПЛАНЕТА. Некоторые газеты извѣщаютъ объ открытіи господиномъ Гиндомъ новой телескопической планеты, которой еще нельзя опредѣлить ни пути, ни величины, ни мѣстоположенія въ солнечной системѣ; и новой неподвижной звезды, четвертой величины, которой въ прошломъ году не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынче она замѣчена. Въ ученыхъ иностранныхъ журналахъ мы еще не находимъ этого извѣстія; но оно можетъ быть справедливо: планеты стали нынче помѣле падающихъ звездъ; ихъ открываютъ по нѣскольку въ годъ.

МЫШЬЯКЪ ВЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДАХЪ. Господа Chevalier и Schaufeldt, первый—профессоръ фармаціи, а второй — аптекаръ въ Таннѣ, представили парижской академіи наукъ изслѣдованія свои надъ содержаніемъ разныхъ пререйнскихъ минеральныхъ водъ, предпринятія съ цѣлью удостовѣриться, находится ли въ нихъ мышьякъ и въ какомъ количествѣ. Прежде-того они уже открыли присутствіе мышьяку въ буссангской водѣ. Теперь оказывается, что воды источниковъ Шатноа, Шульцбахъ, Шульцматъ, Ватвейлеръ и Нидерброннъ, также мышьяковисты. Самая вода обнаруживаетъ слабый слѣдъ мышьяку; но осадки, накопившіеся вокругъ и внутри источниковъ, весьма обильны этимъ ядовитымъ металломъ.

НАЖДАКЪ. *Открытіе господина П. Чихачова въ Малой Азіи.* Въ письмѣ, адресованномъ на имя господина Бомона, извѣстный русскій путешественникъ увѣдомляетъ, что онъ нашелъ значительныя глыбы наждаковаго камня по всему протяженію горъ отъ Магнезін до Ефеса, тогда какъ этотъ важный для торговли минералъ почитался донынѣ въ той странѣ исключительно принадлежностью острова Наксоса, гдѣ онъ составляетъ монополию, отдаваемую греческимъ правительствомъ на откупъ. Наждакъ, какъ извѣстно, находится также въ горахъ Бонда въ Гремадѣ, въ Саксоніи близъ Оксенкофа, и на Уралѣ, въ Мраморскомъ, близъ Екатеринбурга.

ПОЯВЛЕНІЕ ВЪ 1846 ГОДУ СЕМНАДЦАТИЛѢТНИХЪ СТРЕКОЗЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Господинъ Hildreth имѣлъ случай видѣть въ штатѣ Массачусетсъ этотъ рѣдкій зоологическій феноменъ, и, по его описанію, господинъ Т. W. Haggis сообщаетъ главнѣйшія подробности событія. Семнадцатилѣтняя стрекоза, Cicada septemdecem, такъ названа по странной своей натурѣ возражаться толь-

мо червь снѣдатель дѣлѣ. Это любопытное наземное кладѣтъ яйца свои въ вѣтви дубовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Червячокъ вылупляется черевъ два мѣсяца; онъ длиною тогда не болѣе шестнадцатой доли дюйма и проворенъ какъ муравей. Тотчасъ ищетъ онъ зарыться въ землю, которую видитъ съ вѣтвомъ подъ собою, и бросается для этого стремглавъ съ дерева. Множество червячковъ гибнетъ при этомъ опасномъ прыжкѣ. Остальные уходятъ въ землю, обыкновенно по корнямъ дерева, изъ которыхъ высасываютъ они соки и жизнь. Говорятъ, будто они проникаютъ футовъ на двадцать въ глубину почвы, роя для себя извилистые трубчатые проходы, съ крѣпкими стѣнками, въ различныхъ направленіяхъ; но господинъ Hildroth не нашелъ слѣдовъ такихъ трубокъ глубже четырехъ футовъ. Онъ удостовѣрился однако жъ, что трубки эти въ самомъ дѣлѣ устроены весьма искусно противъ опасностей наводненія: вода ни какъ попасть въ нихъ не можетъ; верхнія отверстія скрыты въ почвѣ и плотно задѣланы. Животное въ теплое время приближается къ поверхности земли, а на зиму, и лѣтомъ въ холодную ночь, уходитъ въ глубину своей длинной норки. При наступленіи семнадцатаго лѣта всѣ личинки стремятся къ верхнимъ концамъ трубокъ, разгрызаютъ задѣлку, достраиваютъ трубки до лица земли и выходятъ на воздухъ въ такомъ множествѣ, что земля около многихъ деревьевъ, продырявленная ими, походитъ на огромные соты воску. Американскіе дѣла были бы давно уже истреблены этими стрекозами, если бы природа, для умѣренія послѣдствій ихъ ужасной плодовитости, не одарила личинокъ излишнею чувствительностью къ холоду и остротѣ атмосфернаго воздуха, которая заставляетъ ихъ поскорѣе уходить въ землю, и не назначила бы имъ семнадцатилѣтняго ероку существованія въ безмятежныхъ подземныхъ чертогахъ, требующихъ, конечно, много времени на свое устройство: глубина этихъ жилищъ зависитъ, вѣроятно, отъ степени температуры почвы; животное должно достигнуть до слоя, самаго отраднѣаго по неизмѣнной теплотѣ своей, и въ теплое время оно конечно переходитъ въ верхніе ярусы своего зданія единственно для почивки и поддержанія стѣнокъ трубки. Холодный воздухъ дотога имъ непріятенъ, что въ одну изъ мѣстъ, какъ замѣтилъ господинъ Hildroth, личинки вышли на поверхность земли подъ грудю досокъ, положенныхъ на бревна, такъ, что солнце сюда не проныкало и животнымъ надобно было сверлить себѣ путь вверхъ сквозь доски. Въ промежуткѣ отъ земли до этого неожиданнаго потолка, чтобы оградить себя

отъ дѣйствія холоднаго воздуха, они надотраили свои трубки, которыя, по ошатїи досокъ, представляли видъ множества тоненькихъ башенъ, вышиною въ шесть дюймовъ: въ немногихъ насѣнное еще находилось въ верхней части трубочки.

Вышедши на поверхность земли, въ открытомъ и жаркомъ мѣстѣ, личинки остаются тутъ гибельными вѣсколко времени, пока покровы ихъ не стапуть лопаться на спинѣ. Тутъ они съ большими усилїями стараются освободиться отъ тагостной маски. Операція эта очевидно пренсходитъ съ болью, съ ужасными страданїями, и, для многихъ, съ небольшими послѣдствїями. Наконецъ является полная стрекоза, легкая, веселая, счастливая.

Спустя вѣсколко дней начинаются у нихъ любовныя игры. Самки несутъ яйца и зарываютъ ихъ по-парно подъ кору деревьевъ, распилывъ ее своими боковыми плочками и выдолбивъ подъ ней двѣ ямки, въ видѣ двухъ полу-колпачковъ. Наполнивъ себѣ ямки яйцами, самка пилитъ кору въ другомъ мѣстѣ и повторяетъ то же дѣйствїе. Наблюдатель находилъ на нныхъ вѣткахъ отъ сорока до пятидесяти такихъ кладовыхъ въ одивъ рядъ и очень близко одна къ другой, и въ каждой по двадцатичетыре личка. Часто, когда мѣста не достаетъ на одной вѣткѣ, плодовитая самка переходитъ на вторую и на третью. Вѣтки эти непремѣнно усыхаютъ. Иногда гибнетъ такимъ образомъ все дерево.

Немедленно послѣ этого, истощенная и обезсиленная стрекоза умираетъ. Семнадцать лѣтъ заключенїя въ подземной темницѣ, и семь дней свободы, радости и любви на солнцѣ: вотъ ея судьба!

ДОВРОВОЛЬНОЕ ПониЖЕНІЕ ГОРЪ. Теорїя насильственнаго выдвѣженїя горъ встрѣчаетъ болѣе и болѣе протаворѣчїя въ наблюденїи фактовъ. Горы непримѣтно подинаются или осѣдаютъ и въ наше время; слои непримѣтно скользятъ и принимаютъ наклонное положенїе или становятся на ребро безъ всякихъ сотрясенїй и переворотовъ. Одного дѣйствїя вѣчно струящейся воды, дождей и снѣговъ достаточно, чтобы гладкому горбу земли придать всѣ фантастическія формы пиковъ, сопокъ, утесовъ и постепенно произвести хаосъ въ положенїи слоевъ. Въ «Запискахъ Обскаго Общества земледѣлїя, наукъ и искусства» (книжка 97) помѣщена статья господина Clément-Mullet, которою убѣдительно доказывается, что гора Montignieux значительно понизилась и продолжаетъ понижаться. Сорокъ лѣтъ тому, изъ Saint-Lié ви-

дѣвъ былъ только шпиль церкви, находящейся на этой горѣ. На памяти живыхъ людей открылась большая половина колокольни, а въ послѣдніе годы началъ показываться и куполь.

Во многихъ мѣстахъ замѣчено, напротивъ, что цѣлыя плоскія возвышенности, медленно, но несомнительно поднимаются. Когда эти тихо выдавливаемые выпуклости достигнутъ довольно значительной вышины, вода ихъ изроетъ во всѣхъ направленіяхъ, и явятся живописныя горы.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧАЕВЪ ЧЕРНАГО И ЗЕЛЕНАГО. Вопросъ о зеленомъ чаѣ давно волнуетъ свѣтъ ботаническій и самоварный. Въ ботаникѣ допущено существованіе двухъ породъ чайнаго дерева, *Thea viridis*, породы, которая даетъ чай зеленый, и *Thea bohea*, съ которой получается черный. Нашъ путешественникъ П. В. Добелль, и въ послѣднее время другіе посѣтители Кантона, утверждали, напротивъ, что въ китайскихъ плантаціяхъ чайное дерево вездѣ одно и то же и что въ продажномъ чаѣ качество зеленого или черного зависитъ просто отъ способа приготовленія листьевъ. Господинъ Добелль полагалъ, что зеленый цвѣтъ Китайцы придаютъ чаю сухою листьевъ на мѣдныхъ доскахъ. Лондонское общество садоводства отправило въ 1846 году одного изъ своихъ членовъ, господина Fortune, въ Китай, для изслѣдованія этого спорнаго вопроса на мѣстѣ.

Господинъ Fortune посѣтилъ плантаціи и сѣверныя, и южныя, присутствовалъ при сборѣ листьевъ, и наблюдалъ способы ихъ приготовленія. Два вида чайнаго дерева дѣйствительно существуютъ въ этихъ плантаціяхъ; въ сѣверныхъ провинціяхъ разводятъ исключительно породу *Thea viridis*, а въ южныхъ исключительно породу *Thea bohea*; но между-тѣмъ и сѣверныя и южныя плантаціи равномѣрно доставляютъ торговлѣ два сорта чаю, и черныи и зеленый. Дѣло въ томъ, что и та и другая порода чайнаго дерева, смотря по приготовленію листьевъ, даетъ чай какого угодно цвѣту. Господинъ Fortune подтверждаетъ въ полной мѣрѣ справедливость недавняго извѣстія, ужаснуваго міръ самоварный, что зеленый чай, для Европейцевъ, Китайцы окрашиваютъ берлинскою лазурью, у нихъ же покупаемую, сами вовсе не употребляя этого чаю. Въ кантонской провинціи дѣйствительно берлинская лазурь съ известью служитъ для этой цѣли. Путешественникъ не сомнѣвается, что и въ другихъ провинціяхъ употребляютъ то же самое средство; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,

но всей гнѣтности, сделанные такъ различиваются также и низшимъ своимъ, добываемому изъ растенія *Isatis indigotica*.

ПОЛЬЗА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНІИ ИВРИИНСКИХЪ ТРАКТАТОВЪ. The African advertiser рассказываетъ, что губернаторъ английскихъ африканскихъ колоній, при дознаніи преступленій съ Каапрами, въ Вилліамс-таунѣ, примѣтивъ ихъ склонность къ подозрительнымъ проволочкамъ, приказалъ тайно поместить боченокъ пороху въ пустой фургоны, находившіеся въ нѣсколькихъ стагахъ шагахъ отъ мѣста совѣщанія, и провести туда шнурную проволоку. Когда Каапры сильно заспорили объ условіяхъ мира, его превосходительству, чтобы показать имъ свое сверхъестественное могущество, способное ожечь, уничтожить и истребить все на свѣтѣ однимъ гнѣвнымъ словомъ однимъ, сердито взмахнулъ рукою, указывая на фургоны: въ это самое мгновеніе, электрическая искра была пущена по проволоку; послѣдовавъ взрывъ; взломанный фургонъ опрокинулся; и губернаторъ, говорить африканская газета, закричалъ упрямымъ: «Этакъ я всѣхъ васъ уничтожу изъ-дали, если станете спорить со мною: воевать мнѣ съ вами не нужно!» Перепуганные Каапры немедленно согласились на все требованія губернатора: миръ былъ заключенъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ, 1. L'Aventurière, Искательница приключеній, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, господина Эмиля Ожье.

Господинъ Эмиль Ожье навѣстень уже въ драматической литературѣ, какъ авторъ предельной комедійки подъ названіемъ «Дикута», извѣстной явленіемъ греческихъ образцовъ, и отличающейся прекрасною поэтической формою. Этой новой пьесой, имѣющей нѣкоторое сходство въ основной идее своей, съ «Машенькой де-Лормъ», Винтора Гюгò, молодой авторъ блистательно поддерживаетъ свою репутацію. Комические поэты рѣдки и появленію ихъ невольно радуемся. Вотъ содержаніе этой комедіи.

Девка Клоринда, куртизанка, свела съ ума старика Муараде; у этого Муараде есть дочь Клелія, которая влюблена въ своего кузена Горація, и есть сынъ Фабрицій, уже десять лѣтъ находящійся въ отсуствіи. Его совратила съ вѣтвиаго пути женщина въ родѣ Клоринды, и онъ сдѣлался блуднымъ сыномъ. Клелія, добрая благоразумная дѣвушка, очень огорчается жалостью своего папашки. Она боится, чтобы Клоринда не сдѣлалась ея мачихой. Напрасно Клелія старается разстроить эту

пиритгу: отецъ ей влюбленъ во уми. Къ счастью, на помощь Кларинъ подошлетъ ей братъ Фабрицій, угонянный жизнью: которую вѣдь, возвращающаго въ отчий домъ. Узнавъ обо всемъ, что тамъ происходитъ, онъ тотчасъ же беретъ свои шпръ. Онъ является къ отцу какъ незнакомецъ, который принесъ вѣстия о его сынѣ. Старикъ принимаетъ его радушно. Сначала Фабрицій взялся за брата Кларинды. Момента его павыма, онъ заставилъ признаться, что Кларинда истрасть комедію и водитъ старика за носъ. Мумараде, слышавшій это признаніе, приходитъ въ ярость, но Кларинда, въ отсутствіе Фабриція, снова укрощаетъ его. Тогда Фабрицій иберѣмляетъ тактику. Онъ рѣшается дѣйствовать на обраде Кларинды, и выдаетъ себя за сентиментальнаго шмецкаго принца. Кларинда подается... но Мумараде застасть Фабриція у ногъ ея, и снова бѣется. Онъ даже хотеть ударить Фабриція... подымаетъ на него руку—и въ эту минуту молодой человекъ произнеситъ слово: батюшка! Кларинда пошла уронъ: она удаляется. Но въ сердцѣ ея остается не ненависть къ Фабрицію... а любовь.

Есть нѣкоторые несообразности въ этой комедіи (такъ напримеръ, невѣроятно, чтобы отецъ не узналъ сына), но онѣ искупаются остроуміемъ и занимательностью. Къ числу недостатковъ этой комедіи можно отнести также и несовершенство характера Кларинды; она не имѣетъ ни твердости ни рѣшима, ни силы рѣшима. Но желаніе быть востановлено въ разрядъ честныхъ женщинъ — желаніе, свойственное большей части падшихъ монахинь, — какъ и бѣдность титоточнаго тогда нѣтъ ший, вѣрнѣе ихъ въ бездуе короля, — вѣроятно весьма шрно. Разговоры вѣдвѣгъ чрезвычайно удачно. Крошѣ оценочнаго достоинства, эта комедія имѣетъ и литературное; она написана прекрасными стихами.

2. L'Académie de Poitou, Академикъ изъ Понтоаса, вводитъ въ дѣлу дѣйствителъ, гонимъ Варнера и Варна.

Вѣроятно, потому что изъ Понтоаса привезено въ Парижъ театру, всѣ понтоавское почитается тамъ весьма забавнымъ. Въ комедіи гонимъ Варнера и Варна, вводитъ понтоавскій академикъ—который также довольно смѣшномъ. Онъ поводитъ въ гувернера, къ одному богачу Англичанину, которому онъ показывалъ понтоавскій музей, и который въ тою времени очень полюбилъ его. Академикъ называется Меркаде. Англичанина зовутъ Честеромъ.

Честеръ, шбрикантъ; ему хотѣлось бы женити своего племя-

нина на какой-нибудь леди, но племянникъ влюбленъ просто въ мнѣсь, находящуюся надъ опекой того же Честера. Опекунъ рѣшается выдать бѣдную мнѣсь за академика, но академикъ предпочелъ уже племянникомъ и обещалъ ему спосособствовать къ похищенію его возлюбленной. Желая получить и сто тысячъ фразковъ, которые Честеръ дастъ въ приданое за своей мнѣсь, и долги обещанныя племянникомъ, академикъ увозитъ мнѣсь въ Гретта-Гривъ, женить тамъ на ней племянника, — а самъ возвращается къ своей законной супругѣ Низидѣ, которая истеричливо ожидала его возвращенія.

3. *Le marchand de jouets d'enfants, Продавецъ игрушекъ*, вошедшій въ одною дѣйствию, госнодъ Менесвила и Гизара.

Идея этой пьески заимствована изъ граціозной поэтической снѣзки Диккенса «Домашній свертокъ»; выведена слѣпая дѣвушка, воспитанная въ довольствѣ, и отъ которой разорившійся отецъ старается вслѣдствіи скрыть свою бѣдность. Она вѣтъ сукой хлѣбъ, но покупаетъ ей бархатныя платья, роаль и другіе предметы роскоши. Наконецъ она выходитъ замужъ за баронета милліонера, а одинъ знаменитый врачъ обещаетъ возвратить ей зрѣніе.

интересными новостями. Рѣшительно нѣтъ никакой возможности критиковать игру госножи Бореръ! Программа ея концерта всегда составлена изъ самыхъ трудныхъ пьесъ, отъ которыхъ большая часть пианистовъ обращается въ бѣгство и укрывается за укрѣпленіями своихъ собственныхъ произведеній. Листъ и Шопенъ, и опять Листъ и еще разъ Листъ, и потомъ развѣ кака-нибудь серьезная вещь Бетговева, или граціозная, изящная мажурка самой исполнительницы, — вотъ составныя части программы. Одно это обстоятельство уже должно расположить публику въ пользу снѣлой концертницы, которая кладетъ въ основаніе своей игры то, что считается высшею степенію фортепьяннаго искусства, по-крайней мѣрѣ въ техническомъ отношеніи, то есть Листа. Можно смѣло сказать, что изъ композиторовъ стараго и новаго времени ни чья произведенія не имѣютъ столько индивидуальности, какъ сочиненія Листа, могучаго укротителя трудностей. Всѣ прекрасныя качества этого гениа осуществляютъ въ его сочиненіяхъ. Когда Листъ писалъ свои фантазіи и переложенія, онъ думалъ только о себѣ. И онъ былъ правъ. Прочіе пианисты находятъ тысячи и тысячи сочиненій, въ которыхъ выгодно могутъ отразиться ихъ личности; Листъ, напротивъ, со-

ставлющій собою гениальное исключеніе, долженъ былъ самъ заботиться о себѣ: онъ оставилъ далеко за собою все существующее, и никто другой не могъ шевель для него, не зная богатства вспомогательныхъ средствъ, которыми онъ обладаетъ. И такъ, Листъ самъ принялся шевель, но какъ отъ природы онъ не былъ созданъ композиторомъ, то и сочиненія его сдѣлались по преимуществу вдохновенными результатами его чудной технической организаціи, оружіемъ, которое ему было по-рукъ, а всякому другому слишкомъ тяжело. Однимъ словомъ, для Листа это былъ лукъ Одиссея, и съ помощію этого лука онъ одолѣлъ всѣхъ своихъ соперниковъ, которые числомъ далеко превосходили жениховъ Пенелопы.

Къ числу такихъ же гениальныхъ исключеній принадлежатъ Шопенъ, воздушный Ариэль пианистовъ, поэтъ-композиторъ. Но гдѣ же найти повтореніе этихъ исключеній, этихъ духовныхъ организаціи? Развѣ можно встрѣтить другаго Листа съ такимъ же страстнымъ, пламеннымъ вдохновеніемъ и съ такимъ же техническимъ совершенствомъ, или другаго Шопена съ тою же вѣтхостію фантазіи и вѣтхою изложенія? Разумѣется, естественное сказать: «нѣтъ» и принять, по меньшей мѣрѣ, за необыкновеннаго смѣльчака того, кто, подобно госпожѣ Бореръ, рѣшается явиться передъ публикою съ произведеніями Листа и Шопена. А потому злобная критика, обыкновенно уже заранѣе сулящая неуспѣхъ всякому смѣлому предпріятію, съ удовольствіемъ потираетъ руки, очиниваетъ неро и спѣшитъ въ концертъ. Здѣсь забывается она въ темный уголъ ложи и для препровожденія времени начинаетъ считать публичку, стараясь гадательно опредѣлить число дареныхъ билетовъ. Но вотъ поднимается занавѣсъ, и шумныя, живыя рукошлесканія привѣтствуютъ новоявленіе госпожи Бореръ. «Гмъ! бормочетъ про себя злая старуха: игра будетъ не замѣчательная; такая молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ! такое вѣжное, хрупкое созданіе! Гдѣ взять ей столько силы, чтобы исполнять піесы Листа, тѣмъ болѣе увертюру изъ «Телли», съ которою не могли слѣдить руки совѣтъ другаго роду, да и навѣрно послѣднѣе этихъ?» Между-тѣмъ піеса начинается и концертница такъ увѣренно и опредѣленно передаетъ въ интродукціи тонное вѣніе виолончелей и басовъ, что публичка прерываетъ ее громкими рукошлесканіями. «Ничего! думаетъ критика: это не трудно, а вотъ далѣе пойдетъ буря; посмотримъ, что тутъ будетъ.» Послеъ такого успокоительнаго размышленія, она опять забывается въ уголъ ложи и, чтобы лучше слышать,

пожилому одыгаетъ парикъ съ уха. Буря въ самомъ дѣлѣ разражается и притомъ съ такимъ силой, какъ будто отъ нѣкаго оркестра. Басы рокочутъ громовыми всплесками, дисканты свистятъ на разные голоса, румы цимбалщицы бѣгаютъ по клавишамъ съ быстротою молнии; онѣ то шепчутъ, то врещъ, то свирещиваются, пока наконецъ буря мало-по-малу утихаетъ и глухіе раскаты грому терпятся въ пространство. Теперь уже со стороны публики начинается буря аплодисментовъ, а критика опять удаляется въ свой темный уголъ. Она въ дурномъ расположеніи духа, потому что ей нечего бранить; впрочемъ, она успокоивается при мысли, что наипроче наивѣрнѣе теперь такъ устава, что съиграсть еще развѣ только одно анданте и подѣ кованъ оставителъ, или упадетъ въ обморокъ. «Тогда-то я ей покажу, какую она одѣла ошибку, вступивъ въ борьбу съ Геркулесомъ-Андреемъ.» Но и на этотъ разъ старухѣ придется обмануться. Швейцарскій горный кнѣзь (Kuhgäiser) напоминаетъ съ такою грациозною свѣжестью, съ такою блестящею легкостью, что опять раздаются продолжительныя рукоплесканія. Если Ласта за одного сравниваетъ съ Геркулесомъ, то маленькая Бореръ настоящій Антей: руки ея, дотрогивавши до клавишъ, вскажій разъ приобретаютъ новую силу, нѣтъ и слѣда усталости; напротивъ, tempo становится все свѣжѣе, ритми оживляется болѣе и болѣе, нѣкогда благополучно оживляется медленновыми фигурами. Торжественныя рукоплесканія и безмолчныя мыслы вознаграждаютъ артиста. Затѣмъ господина Бореръ исполняетъ на скрипкѣ вариацию собственнаго сочиненія съ такою яркостью, съ такою вѣрною импровизаціей, что критикъ опять нечего бранить, развѣ только выборъ ничтожной темы.

Черезъ нѣсколько минутъ молодая героиня является сюда, чтобъ исполнить нѣкогда еще болѣе могучую, еще болѣе трудную вариацию Ласта изъ «Нормы». Друзья артистки рвѣются за нее и критика оживляется новой надеждой. Но какъ самая задача оказалась значительнѣе, такъ и силы и темпъ артистки возрасли при ея развѣскахъ. Мрачная, патетическая интродукція исполняется вслѣдствіемъ и силѣю; маршъ дружелюбно громитъ въ необыкновенно оживленномъ tempo съ аккомпаниментомъ могучихъ оркестровъ триолей въ басъ; дуэтъ пронація, напротивъ, передается какъ бы шепотомъ и съ необыкновенною глубокою чувствленіемъ, чего, по правдѣ, нельзя было ожидать отъ такого юного исполнителя. Страшная трудность финала, въ которомъ мотивы такъ тѣсно связаны и смѣтены, служатъ артисткѣ только пред-

отвойтъ къ воспроизведенію оживленной драматической картины. Восторгъ слушателей раздражается безконечными вызовами и цѣтани. Даже сама критика должна сознаться, хотя и съ кислымъ лицомъ, что она встрѣтила неслыханное техническое совершенство, необыкновенное внутреннее дарованіе, — однимъ словомъ: гений. «Но, прибавляетъ критика, злобно улыбаясь: какъ славно она копируетъ манеры своего идола, своего Листа! Длинные распущенные волосы, по-временамъ откидываемые назадъ двумя пальцами лѣвой руки; томный, долгій взглядъ, — да, это Листъ, Листъ съ головы до ногъ! Госпожа Бореръ имѣетъ свой собственный талантъ, такъ пусть же она имѣетъ и собственные, природныя манеры. Какъ бы великъ ни былъ талантъ, но пошловеніе о другомъ ему подобномъ не всегда въ его пользу, въ особенности когда этотъ другой — Листъ.» Такъ рассуждаетъ критика и между-тѣмъ пропускаетъ безъ всякаго вниманія вторую пьесу господина Борера. Громкіе аплодисменты прерываютъ ея раздумье. Госпожа Бореръ появляется снова и исполняетъ эту Шопена (*fa mineur*), эту тоскливую жалобу изгнанника. Критика хотя и замѣчаетъ, что нѣкоторые кадансы и украшенія слишкомъ длинны, и что отъ этого характеръ пьесы страдаетъ, но она сама почти точно такъ же восхищена, какъ и публика, слушающая превосходное сочетаніе звуковъ, такъ поэтически развиваемое пианисткою. Въ-самомъ-дѣлѣ, тѣ же самыя клавиши, которыя такъ недавно гремѣли и поражали, походятъ теперь на цвѣты, изъ которыхъ пальцы госпожи Бореръ, какъ пчелы, извлекаютъ только одну сладость.

Далѣе слѣдуетъ мазурка собственнаго сочиненія концертистки. Эта мазурка имѣетъ уже то большое достоинство, что не напоминаетъ собою Шопена и полна оригинальной свѣжести и граціи. Критика сначала сердится за часто повторяющіеся высокія ноты, но потомъ невольно увлекается прекраснымъ исполненіемъ и забывается до такой степени, что сама аплодируетъ и вызываетъ. Замѣтивъ свою ошибку, она ужасно конфузится, и потому при послѣднемъ номерѣ концерта (Листа польскій изъ «Пуританъ») старается оставаться спокойною и неподвижною, что впрочемъ ей не вполне удастся. Наконецъ критика освобождается отъ концерта, который стоилъ ей такой тяжелой борьбы. Въ самомъ дурномъ расположеніи духа она пробрается сквозь восхищенную толпу, вызывающую славную артистку безъ умолку. Выбравшись наконецъ на улицу послѣ нѣсколькихъ порядоч-

нынѣ толчковъ, она дастъ себя слово не достигнутаея болѣе никогда до концертовъ госпожи Бореръ.

«Нѣтъ!» говоритъ она, это настоящій гений, ни чѣмъ не похожій на тѣхъ господъ виртуозовъ, которыхъ я такъ долго отдѣливаю. Нѣтъ ничего удивительнаго, если весь Петербургъ будетъ валить въ слѣдующіе концерты этой маленькой волшебницы. Но меня уже тамъ болѣе не будетъ. Хотя тамъ и могла бы быть обидная канва для музыкальной болтовни, но я не только лишена всѣхъ правъ своихъ, даже рискую заразиться общими восторгомъ какъ самый отчаянный профанъ, — а это стыдъ и срамъ для меня, строгой критики!»

Сказала и исчезла, куда — ни одинъ смертный не знаетъ.

Въ субботу, 27 марта, и у насъ какъ слѣдуетъ праздновано было воспоминаніе о слишкомъ рано усопшемъ маэстро Мендельсонѣ Бартольди: «Илія» филармоническое общество давало въ этотъ день его послѣднюю ораторію: «Илія.» Устроивая этотъ концертъ, общество должно было побѣдить препятствія и затрудненія всякаго рода; но зато оно, вѣроятно, вознаграждено теперь какъ сознаніемъ исполненнаго долга, такъ и живомъ благодарностію всѣхъ истинныхъ любителей музыки.

Мы уже прежде говорили объ этой ораторіи. Все, сказанное нами тогда, вполнѣ осуществлялось нынѣ въ концертѣ филармоническаго общества. Мендельсонъ старался избѣгнуть въ своемъ «Иліи» эпической формы, которой онъ слѣдовалъ по примѣру Баха съ такимъ успѣхомъ въ ораторіи Павель. Здѣсь напротивъ онъ избралъ почти вездѣ форму драматическую. Въ «Иліи» мы не находимъ настоящаго дѣйствія, которое развивалось бы постепенно, ясно и логически. Здѣсь больше ничего какъ рядъ положеній, изображающихъ характеръ пророка съ различныхъ сторонъ. Притомъ, какъ на самый разсказъ композиторомъ очень мало обращено вниманія, то вслѣдствіе того въ изложеніи какая-то разрывчивость, владающая часто въ совершенную мѣлоость. Музыкой можно очертить характеръ какого-нибудь лица въ извѣстной только степени, но опредѣлить его вполнѣ, это выше ея средствъ. Второстепенные лица въ «Иліи»: Обадія, король и королева не имѣютъ опредѣленной формы, что рѣшительно противорѣчитъ плану піесы, и потому недостатокъ главнаго разсказа здѣсь слишкомъ замѣтенъ. Авторъ придумалъ слѣдующій способъ замѣнить разсказчика; у него ангелы излагаютъ все, что происходитъ какъ повелѣнное или предрѣшенное Господомъ. Близость Бога, вѣщающаго къ Илія, передается хо-

ромъ ангеловъ превосходно; голоса ихъ производятъ во многихъ мѣстахъ чудное впечатлѣніе, какъ напримѣръ пѣніе надъ продромомъ, спящимъ въ пустынѣ, или какъ хоръ: «Святъ, святъ» при явленіи Господа. Но какъ скоро ангелы замѣняютъ собою рассказчика, хоры ихъ становятся монотонны, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ картины вовсе не таковъ, какого слѣдовало бы ожидать отъ введенія въ дѣйствіе вѣстниковъ Божіихъ.

Въ Ветхомъ Заветѣ есть для христіанскаго созерцанія смрадическій элементъ, это особенно видно въ «Иліѣ», сначала въ мѣрамахъ, выражающихъ тихое созерцаніе событія, и наконецъ въ ясно высказанномъ указаніи на Того, который придетъ.

Мендельсонъ создавая «Илію» занимался еще сочиненіемъ другой ораторіи: «Христосъ», которая, къ сожалѣнію, осталась нероконченною. Можетъ-быть, эти двѣ ораторіи находились въ дѣйствительной связи между собою, и пророкъ ветхаго завета съ цѣлѣю долженъ былъ предшествовать «Христу». Если это и такъ, то всё-таки «Илія» не долженъ терять своего самостоятельнаго значенія. Однимъ словомъ, чисто музыкальное содержаніе этой ораторіи изобилуетъ прелестными, возвышенными красотами, дѣйствующими на насъ двойнѣ сладко своимъ благороднымъ, краткимъ духомъ.

Исполненіе ораторіи видимо приготовлено было съ величайшимъ вниманіемъ и заботливостію и въ цѣломъ достоинно единственно похвалы. Хоръ и оркестръ шли прекрасно; только одни мѣдные инструменты выдавались по временамъ слишкомъ рѣзко и тѣмъ вредили хору. Голоса соло исполнены были до возможности хорошо господами Валькеръ и Боте и господами Михайловымъ и Рейхманомъ. Господинъ Альбертъ дирижировалъ съ той отчетливостію и осмотрительностію, которыми онъ всегда такъ отличается, и съ необыкновеннымъ вдохновеніемъ. Это вдохновеніе, во многихъ мѣстахъ оживлявшее исполненіе (напримѣръ въ могучемъ финальномъ хорѣ, предшествующемъ появленію Господа), по временамъ было причиною слишкомъ скорого темпа. Ходъ ораторіи требуетъ болѣе спокойнаго темпа нежели драматическая или чисто инструментальная музыка. Если бы даже и Мендельсонъ, имѣвшій какъ капельмейстеръ единственный порокъ, увлекаться скоростію темпа, — означилъ посредствомъ метронома темпо въ «Иліѣ» слишкомъ скоро, то всё-таки господину Альберту слѣдовало бы обратить вниманіе на большую залу и на значительную массу исполняющихъ и немного замедлить темпо. Впрочемъ, большую часть дѣлаетъ

неутомимой ревности «шармонического общества», а равно и таланту господина Альбрехта, уже то обстоятельство, что исполнение оратории у насъ чрезвычайно затруднительное, по причинамъ неблагоприятнаго положенія художественныхъ элементовъ, состоялось такъ удачно и произвело такое глубокое впечатлѣніе.

Во вторникъ, 30 марта, былъ третій концертъ госпожи Бореръ на Михайловскомъ Театрѣ. Что намъ еще сказать объ этой необыкновенной, гениальной артисткѣ? Мы уже два раза говорили о ней такъ подробно, что намъ болѣе ничего не осталось, какъ развѣ только сравнить молодую виртуозку съ какой-нибудь нисологической богиней или героиней и украсить нашу критику болѣе или менѣе высокопарными и поэтическими выраженіями. Но это, во первыхъ, вовсе не наше дѣло, а во вторыхъ, теперь публика уже сама такъ заинтересовалась госпожею Бореръ, что послѣдняя нисколько не нуждается въ панегирикахъ.

Концертница играла въ этотъ разъ фантазію изъ Дош-Жуана Ласта, два послѣдніе нумера сонаты (no mineur) Бетговена, Шуберта пѣсню (die Forelle), переложенную Листомъ, La rompra di festa Вильмерса и мазурки Шопена. La rompra di festa Вильмерса бурно потребовали da capo и виртуозка съиграла эту труднѣйшую пьесу во второй разъ еще скорѣе и съ болѣею увѣренностію, чѣмъ въ первый. Мазурка Шопена (si bemol majeur) тоже должна была повториться. Вообще термометръ одобреній публики стоялъ въ продолженіи всего концерта на точкѣ кипѣнія. Наша публика доказала еще разъ, что лучшее рекомендательное нисомо для Петербурга, это — истинный талантъ, и что для послѣдняго, чтобы успѣть и быть оценену, вовсе не нужно ни какого шарлатанства, а единственно только немножко терпѣнія. Намъ кажется, что для слѣдующаго концерта госпожи Бореръ придется выбрать залъ по просторіи Михайловскаго Театра, который уже скоро не будетъ въ состояніи вмѣщать въ себя всѣхъ желающихъ слушать эту великую артистку.

Въ среду, 31 марта, намъ удалось слышать только вторую часть концерта, который давалъ въ Михайловскомъ Театрѣ двѣнадцатилѣтній скрипачъ Генрихъ Венявскій. Эта часть состояла изъ слѣдующихъ пьесъ: увертюра изъ «Фигаро» Моцарта, капризъ Мендельсона h-moll съ аккомпаниментомъ оркестра, мастерски разыгранный господиномъ Герке, фантазія для cornet à piston, исполненная господиномъ Вурмомъ съ большимъ вкусомъ и наконецъ пьеса самого концертнста. Послѣдній явился предъ пуб-

люкою съ дѣтскою смѣлостію. Встрѣченный рукоплесканіями онъ раскланялся очень ловко и съ замѣтнымъ удовольствіемъ, потомъ вскарабкался на эстраду, поправилъ свою маленькую скрипку и началъ играть. Но что бышь такое онъ началъ играть?

Да, точно, это было, какъ гласила афиша, «*air varié sur un thème originale*», собственнаго сочиненія вѣнчаннаго героя. Мы говоримъ *вѣнчаннаго* потому, что Венявскій, несмотря на свои двѣнадцать лѣтъ, уже увѣнчанъ былъ въ парижской консерваторіи первой преміею. Если бы мы присутствовали въ первой части концерта, то, прослушавъ концертъ Виотти, именно за который молодой скрипачъ получилъ премію, могли бы произнести рѣшительный приговоръ его игрѣ. А какъ намъ этого не удалось, то мы и должны отложить приговоръ нашъ до слѣдующаго концерта. Во всякомъ случаѣ *air varié* на оригинальную тему (или уже не перевести ли намъ названіе пьесы такъ: оригинальныя варіаціи на тему изъ аріи?) для двѣнадцатилѣтняго композитора вещь довольно замѣчательная. Хотя у этой оригинальной темы очень много сестеръ, похожихъ на нее какъ двѣ капли воды, тѣмъ не менѣе въ варіаціяхъ видѣтъ планъ, обличающій въ композиторѣ уже пониманіе искусства. Что касается до оркестровки, то въ ней иногда попадаются такія смѣлыя выходки, что невольно подумаешь, не приложилъ ли къ сочиненію ученика своей руки какой-нибудь добрый учитель. Въ исполненіи были мѣста, которыя легко даютъ чувствовать истинный талантъ. Молодой виртуозъ обладаетъ замѣчательною бѣглостію, весьма смѣлымъ смычкомъ, что видно преимущественно въ стаккато, и вѣрною панаціею. Игра его полна жизни, смыслу, и подчасъ даже какого-то пламеннаго одушевленія; однимъ словомъ, въ ней много, очень много гениальнаго. По окончаніи пьесы публика разразилась громкими рукоплесканіями. Концертникъ долженъ былъ повторить финаль — за что и получалъ букетъ. При видѣ послѣдняго, счастливый ребенокъ такъ растерялся отъ радости, что, уходя со сцены, чуть не наткнулся на кулису.

Господина Шубертъ одинъ изъ первыхъ виолончелистовъ не только Петербурга, но цѣлой Европы. Талантъ его, можно сказать, развивался и достигъ совершенной зрѣлости на глазахъ Петербурга, и потому здѣшняя публика уже давно оцѣнила этотъ талантъ по заслугамъ. Западъ Европы, гдѣ Шубертъ получалъ первыя шпоры своего музыкальнаго рыцарства, на нѣкоторое время забылъ почти совершенно этого достойнаго артиста, въ свою очередь забывшаго его для Россіи. Но въ прошломъ году

Шубертъ отправился въ Германію и снова предсталъ предъ та-
 кимъ публикою, но уже не какъ начинающій, а какъ совер-
 шенно разившіяся талантъ, стяжалъ всеобщій восторгъ и удив-
 леніе. Гордый Берлинъ, строгій Лейпцигъ, художественный Вей-
 маръ единогласно подтвердили приговоръ Петербурга. Хотя, ка-
 ждось, для приговора здѣшней публики и вовсе не нужно было
 бы заграничнаго подтвержденія, но какъ уже за ней водит-
 ея слабость слишкомъ много довѣрять заграничной звѣстности,
 то и на этотъ разъ успѣхъ нашего артиста за границею еще
 болѣе увеличилъ его достоинства въ глазахъ Петербурга. Четыр-
 надцатаго апрѣля Шубертъ давалъ въ университетской залѣ кон-
 цертъ. Было бы излишнимъ еще разъ распространяться о до-
 стоинствахъ господина Шуберта, но тѣмъ не менѣе нельзя не ска-
 зать нѣсколько словъ о естественной, благородной манерѣ этого
 артиста обращаться съ своимъ инструментомъ. Безспорно, основ-
 ный характеръ виолончеля — пѣніе. Въслѣдствіе того нѣкоторые
 виолончелисты вздумали совершенно выкинуть изъ своей игры
 и упражненій всѣ трудности и пассажи и такимъ образомъ лег-
 чайшимъ путемъ добратся до Парнасса. Но оказалось, что лег-
 чайшій путь ведетъ не къ музамъ, а просто въ трущобу. Чтобы
 передать мелодію въ совершенствѣ, одного чувства не достато-
 чно: для этого надобно обладать вполне развитымъ механизмомъ
 игры. Только изъ совершеннѣйшаго соединенія трехъ качествъ:
 чувства, механизма и знанія образуется виртуозъ и потому пѣ-
 ніе является не съ-разу, но какъ цвѣтокъ алоэ зрѣеть много
 лѣтъ до своего совершеннаго развитія. Намъ кажется, что толь-
 ко игра господина Шуберта дышетъ этимъ развитіемъ. Для тех-
 никки его не существуетъ ни какихъ трудностей; игра его чрез-
 вычайно обдуманна, а сочиненія полны вкуса и вдохновенія. (Мы
 недавно имѣли случай слышать нѣсколько истинно замѣчатель-
 ныхъ его квартетовъ и квинтетовъ). Вотъ, по нашему мнѣнію,
 источникъ того благороднаго звука инструмента господина Шу-
 берта, который не столько потрясаетъ слушателей, сколько тро-
 гаетъ ихъ до глубины души. Въ своемъ концертѣ господинъ Шу-
 бертъ сыгралъ фантазію собственнаго сочиненія, Ave Maria свое-
 го однофамильца Шуберта, къ которой онъ придалъ прекрас-
 ную интродукцію, и капризъ Бернарда Ромберга на шведскія пѣ-
 сни. Громкія, единодушныя рукоплесканія встрѣчали и провожа-
 ли концертниста.

Въ этомъ концертѣ госпожа Волговская сыграла двѣ послед-
 нія части концерта Гуммеля (h-moll), двѣ пьески Шопена, пок-

звучитъ и вальсъ. Оркестръ, подъ дирекціею господина Альбрехта, прекрасно исполнилъ трудную увертюру Бетговена, изъ «Злеомеры». Намъ не удалось слышать увертюры Липдинйтнера, играемой въ началѣ концерта.

Вечеромъ, въ этотъ день, былъ четвертый концертъ госпожи Бореръ. Зала Большаго Театра была почти совершенно полна. Въ этомъ концертѣ молодая піанистка играла въ первый разъ пьесу съ аккомпаниментомъ оркестра, и вполнѣ доказала, что и въ этомъ труднѣйшемъ родѣ игры она такая же великая артистка. Госпожа Бореръ исполнила *Konzertstück*, Вебера, пьесу такъ знакомую Петербургу, по исполненіямъ Листа, Герке и Гензельта. Пьеса сыграна была совершенно особеннымъ образомъ и, несмотря на пламенное воодушевленіе и необыкновенный блескъ, нисколько не напомнила Листа. Такъ, напримѣръ, госпожа Бореръ совсѣмъ не играла марша, который, напротивъ, Листъ ставилъ центромъ своего блеску. Въ исполненіи госпожи Бореръ преимущественно выдавались, по мастерской обработкѣ и воодушевленію, первая и вторая часть пьесы, чего и желалъ самъ композиторъ, и рондо, въ которомъ она то отдавала полную волю своему вдохновенію, то блистала въ красотахъ отдѣлки. Чтò же касается до марша, то она уступила его, какъ посредственную часть, на долю оркестра. Прочія пьесы этого вечера мы уже почти всѣ слышали въ другихъ концертахъ госпожи Бореръ. Она играла фантазію Листа изъ Нормы, и, какъ кажется, еще лучше нежели въ первый разъ; затѣмъ слѣдовала *Tempo di festa*, Вильмерса. Въ этой пьесѣ случился маленькій промахъ въ началѣ послѣдней варіаціи, промахъ, который почти неизбеженъ въ пьесѣ трудной до невѣроятности, и притомъ совершенно исчезающей въ блескѣ и прелести исполненія пѣлаго. Игранныя затѣмъ мазурки Шопена и мазурку собственнаго сочиненія мы уже слышали въ предъидущихъ концертахъ. По новостію для насъ на этотъ разъ была *Frühlingslied*, Мендельсона, прославившая такъ госпожу Шуманъ, и хромагическій галопъ Листа. Въ первой пьесѣ, сыгранной съ большою граціею, мы забыли мало концентрированнаго чувства, единственно посредствомъ котораго эта простая пьеса получаетъ свой истинный смыслъ. Госпожа Бореръ еще очень молода, а въ ея возрастѣ чувство болѣе пламенно, нежели глубоко. И вотъ почему эта великая артистка въ блестящихъ, трудныхъ пьесахъ произвела необыкновенный эффектъ и далеко оставляя за собою госпожу Шуманъ, не достигаетъ ея въ простой пѣсенкѣ. Впрочемъ, по на-

жену итѣнію, съ этикъ можно поздравить госпожу Бореръ. Какъ хотите, грустно было бы достигнуть полнаго совершенства такъ рано и остановиться при самомъ началѣ жизни, не итѣя уже передъ собою дальнѣйшей цѣли. За хроматическимъ галопомъ, которому мы посоветовали бы поменѣе скорости и побольше чистоты и оттѣнковъ, послѣдовалъ такой взрывъ энтузіазму и такой громъ рукоплесканій, что госпожа Бореръ должна была сыграть еще нѣсколько мазурокъ Шопена.

Господинъ Бореръ игралъ концертъ для скрипки собственнаго сочиненія. Игра его хотя и принадлежитъ къ старой школѣ, однако тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманія по отчетливости, вѣрности интонаціи и совершенному отсутствію рѣзкихъ эффектовъ. Впрочемъ, она много выиграла бы, если бы самыя пьесы не были такъ длинны.

— Въ воскресенье, 18 апрѣля, въ залѣ дворянскаго собранія давалъ свой второй концертъ Генрихъ Венявскій. Публика была очень немногочисленна. Во всякомъ случаѣ этотъ ребенокъ — талантъ очень замѣчательный. Механизмъ его уже довольно развитъ, интонація вѣрна, игра отчетлива и полна одушевленія, однимъ словомъ, въ немъ уже есть зародышъ прекрасной будущности. Звукъ его скрипки хотя и пріятенъ, однако слишкомъ слабъ для такой обширной залы, а потому выборъ помѣщенія для концерта былъ очень неудаченъ. Первою пьесою концертнста была первая часть концерта Бютти a-moll. Это уже отчасти устарѣлая пьеса, но исполнена была бѣгло, отчетливо и съ большимъ вкусомъ. Впрочемъ, по кое-гдѣ встрѣчавшимся прибавочнымъ украшеніямъ, можно полагать, что Венявскій еще не понялъ вполне спокойнаго, строгаго характера этого произведенія. Напротивъ, въ варіаціяхъ собственнаго сочиненія и въ варіаціяхъ Беріо, какъ пьесахъ болѣе доступныхъ его пониманію, выказался весь блескъ его таланта, преимущественно въ двойныхъ нотахъ и въ стаккато. Въ дуэтѣ Вьѣтана и Вольфа, какъ пьесѣ требующей отъ инструмента болѣе рѣзкаго, сильнаго звука, фортепиано, несмотря на чрезвычайную скромность господинна Герке, совершенно заглушало скрипку. И такъ скажемъ въ заключеніе о Венявскомъ то же, что мы уже говорили нѣсколько разъ: какъ исполнитель, и даже какъ сочинитель, Венявскій объщаетъ много, очень много, и потому желательно, чтобы онъ поवालъ на хорошаго руководителя, который въ-состояніи былъ бы искусно направлять талантъ его къ совершенствованію.

Арія Беллинни, проѣтая любительницею, и соло для сопрано à

ристонъ, прекрасно исполненное господиномъ Вурмонъ, были остальными пьесами концерта.

Парижъ. Концертъ Шопена, Ариеля пианистовъ, это такая рѣдкость, которая не могла быть, подобно другимъ концертамъ, доступна всякому. Тутъ нельзя растворить обѣ половинки дверей и пускать въ залъ всѣхъ желающихъ войти. А потому и заведенъ былъ особенный списокъ: всякій желающій могъ туда записаться, но не всякій изъ записавшихся могъ надѣяться получить драгоценный билетъ. Слѣдовало имѣть особенную протекцію, чтобы быть допущену и получить позволеніе представить свое приношеніе, которое впрочемъ состояло изъ одного лундора. Но у кого не найдется въ кошелькѣ лишняго лундора, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы слышать Шопена.

Слѣдствіемъ сказаннаго было то, что въ этотъ вечеръ въ залахъ Плейеля, собрался весь цвѣтъ общества: дамы были самыя замѣчательныя, костюмы самыя нарядныя. Здѣсь присутствовала также и аристократія музыкантовъ и любителей, счастливыхъ тѣмъ, что имъ удастся наконецъ увидѣть въ лицо и услышать легкаго музыкальнаго Сильфа, неожиданно общавшаго на нѣсколько часовъ спуститься изъ своего воздушнаго пространства на землю. Сильфъ сдержалъ свое слово, и притомъ съ какимъ успѣхомъ, съ какимъ эффектомъ. Гораздо легче описать приемъ сдѣланный ему, восторгъ имъ возбужденный, нежели таинства его необыкновенной игры, подобной которой нѣтъ у насъ на землѣ. Если бы мы обладали чуднымъ перомъ начертавшимъ чудеса царицы Мабъ, и ея прекрасную колесницу, и блестящую упряжь, то и тогда едва ли были бы въ состояніи дать вамъ понятіе о талантѣ отвлеченномъ, чисто идеальномъ, въ которомъ веществу почти нѣтъ мѣста. Передать сочиненія Шопена можетъ одинъ Шопенъ: мы увѣрены, что всѣ присутствовавшіе въ концертѣ убѣждены въ этомъ.

Прежде всего было исполнено Шопеномъ, Аларомъ и Франшономъ трио Моцарта съ такимъ совершенствомъ, которое едва ли мы встрѣтимъ когда либо; за тѣмъ Шопенъ игралъ свои этюды, прелюдіи, наzurки и вальсы, и наконецъ свою сонату, вмѣстѣ съ Франшономъ. Не спрашивайте насъ пожалуйста, какимъ образомъ сыграны были всѣ эти образцовыя произведенія, какъ большія такъ и малыя. Мы уже заранѣе объявляли, что не въ состояніи ни перечислить, ни передать вамъ тысячи тысячъ оттѣнковъ игры этого исключительнаго генія, обладающаго такою же исключительною организаціею. Мы скажемъ только, что очарованіе не

исчезало ни на минуту, и даже не покидало слушателей и послѣ концерта.

Въ заключеніе упомянемъ о теорѣ Роже, въ этотъ вечеръ превосходно исполнившемъ вставную молитву въ Роберта, впрочемъ написанную Мейерберомъ для перваго дебюта Маріо, и о госпожѣ Автови де-Монди, юной и прекрасной вѣщицѣ, замѣчательный талантъ которой вызвалъ на этотъ разъ громкіе палодисменты. Говорятъ, что Шопенъ намѣренъ дать второй концертъ, 10 марта и что уже болѣе шестисотъ особъ внесли свои имена въ новый списокъ. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего удивительнаго: Шопенъ желаетъ отблагодарить публику за ея вниманіе къ его таланту, а публика съ своей стороны хочетъ доказать, что она вполне цѣнитъ и поднимаетъ этотъ необыкновенный талантъ.

— Виардо-Гарсія окончательно ангажирована королевскою академіею музыки, и теперь какъ кажется, нѣтъ болѣе препятствій къ постановкѣ новой оперы Мейербера. И такъ мы можемъ положительно объявить что вывѣшная зимою явится къ намъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый «Пророкъ».

— Сестры Милаполло теперь здѣсь и скоро дадутъ концертъ.

— Концертъ данный на дняхъ въ Зимнемъ Саду вполне оправдалъ наши ожиданія. Цвѣты, благоуханье, гармонія, очаровательныя женщины, нарядные костюмы, однимъ словомъ все, все содѣйствовало здѣсь, чтобы придать необыкновенный видъ этому музыкальному торжеству. Ораторія «Христофоръ Колумбъ» была исполнена въ совершенствѣ; иначе и не могло быть при такихъ исполнителяхъ, въ числѣ которыхъ находились замѣчательные испытанные таланты. Оркестромъ дирижировалъ самъ Фелисіенъ Давидъ. Хоры шли превосходно. Авторъ Роберта присутствовалъ въ концертѣ и неоднократно изъявлялъ Давиду свое полное удовольствіе, что много способствовало къ усилению восторга публики.

— Послѣднія событія несколько по измѣнили намѣреній Мейербера. Онъ заключилъ контрактъ съ директорами національнаго театра, по которому обязался поставить «Пророка» къ опредѣленному сроку.

— Национальная опера возобновила свои представленія въ прошлую среду спектаклемъ въ пользу равныхъ. Играли Агнну съ республиканскими костюмами, произведшими огромный эффектъ. Въ этомъ же спектаклѣ исполнена была кантата подѣ на-

знаменитъ «Двадцать четвертое Февраля», слова Альбона, музыка Буко. Публика приняла ее съ величайшимъ энтузіазмомъ.

— Изъ Испаніи пишутъ, что одинъ изъ пѣвцовъ мадрикскаго театра найденъ былъ мертвымъ въ своей ложѣ. Это случилось послѣ представленія «Лучія», въ которомъ онъ отличился и заслужилъ громкія рукоплесканія. На тѣлѣ его, на лѣвомъ боку замѣтно было синеватое пятно, слѣдъ раны, нанесенной незначительно какимъ оружіемъ, но всему вѣроятію чрезвычайно тонкимъ и заостреннымъ. Причиною убійства надо предполагать было ищеніе. По сіе время полиція не напала еще на слѣдъ убійцы.

— Национальный театръ (Théâtre de la Nation) долженъ скоро потерпѣть большую утрату. Дюпрѣ оставляетъ сцену.

— Оло-Буль игралъ на дняхъ въ театрѣ Opéra comique. Онъ исполнялъ между прочимъ Polonaise guerrière, большую фантазію своего сочиненія и «Carnaval de Venise». Его вызывали послѣ каждой пьесы. Говорятъ театръ ангажировалъ этого восхитительнаго артиста еще на нѣсколько представленій.

— Юная Эриетта Мерли, давала осьмнадцатаго марта концертъ въ залѣ Герца. Это замѣчательный талантъ, не смотря на то что піанисткѣ не болѣе семи лѣтъ и притомъ она слѣпа отъ рожденія.

— Меръ города Парижа уступилъ господамъ Дюпоншелю и Ровплаву, директорамъ Національнаго Театра, надлежащее мѣсто для построенія на Елисейскихъ Поляхъ опернаго и балетнаго театра, въ которомъ цѣна мѣстамъ будетъ самая умѣренная. Дѣлая такую уступку, правительство думаетъ доставить занятіе работникамъ, сдѣлать театръ доступнымъ для всѣхъ жителей Парижа и наконецъ улучшить положеніе многочисленной оперной труппы.

— Говорятъ, что теперь Тюльери обращенъ будетъ въ національную концертную залу. Теперь въ немъ могутъ помѣститься отъ 1,500 до 2,000 человекъ.

— Мирекуръ и Адамъ передали дирекцію третьяго лирическаго театра обществу, которое назначаетъ его для представленія оперъ и военныхъ пьесъ, попеременно.

— Молодой Ларсонеръ, скрипачъ занимавшій не послѣднее мѣсто между знаменатыми талантливыми дѣтьми, игралъ недавно въ концертѣ слѣпой піанистки Мерли. Онъ только что воротился изъ Америки, гдѣ пробылъ долгое время. Прекраснымъ исполненіемъ соло Вьстана этотъ артистъ доказалъ, что въ немъ юноша выполнилъ то, что обѣщалъ ребенокъ, и что онъ достойнымъ образомъ можетъ блистать между преемниками Паганини.

— Проектъ постройки театра лѣтней Большой Оперы, на Елисейскихъ, Поляхъ, говорить встрѣталъ большія затрудненія, которыя поневолѣ заставляютъ усумниться въ возможности его осуществленія.

— На дняхъ въ Итальянскомъ Театрѣ было чрезвычайное представленіе въ пользу Юліи Гризи. Знаменитая артистка пѣла въ двухъ операхъ, въ которыхъ она отличается преимущественно, въ Нормѣ «и» «Донъ-Паскуале». Въ этотъ вечеръ она была такъ же прекрасна, какъ и всегда. Въ спектаклѣ присутствовала довольно многочисленная публика, что служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ необыкновенной любви Парижанъ къ знаменитой пѣвицѣ.

— Для закрытія Итальянскаго Театра давали «Отелло», оперу которая еще не была въ нынѣшнемъ году играна ни разу. Сезонъ этого года замѣчательнъ тѣмъ, что конецъ его не былъ блистательнѣе начала. Впрочемъ благодаря Альбони опера процвѣтала мѣсяца четыре, и потому, въ суммѣ дирекція не должна была потерять нисколько.

— Шопенъ ѣдетъ въ Лондонъ. Онъ намѣренъ пробытъ тамъ весь сезонъ.

— Здѣсь произвела большое впечатлѣніе пьеса для фортепіано Вольфа, «Tarantelle op. 148. Успѣхъ ея напоминаетъ отчасти успѣхъ Сальтареллы д'Алькака. Что же касается до самой пьесы, то она нисколько не похожа по послѣднюю. У Вольфа такъ много своихъ собственныхъ силъ, что онъ рѣшительно не пуждается въ воспоминавіяхъ. Въ Тарантелѣ, равно какъ и почти во всѣхъ пьесахъ этого композитора, чрезвычайно много живости, вѣги и особенно какой-то наввной естественности. Впрочемъ это произведеніе Вольфа далеко выше всѣхъ предъидущихъ.

— Изъ Бергамо пишутъ, что Донидзетти, знаменитый творецъ «Лучія», «Лукреція» и многихъ другихъ прекрасныхъ оперъ, умеръ въ этомъ городѣ, 9 апрѣля. Итальянская музыка потеряла въ немъ по крайней-мѣрѣ столько же, сколько нѣмецкая въ Мендельсонѣ. Впрочемъ смерть его не была такъ неожиданна, какъ смерть послѣдняго. Кратковременная болѣзнь выхватила внезапно Мендельсона изъ среды могучаго творчества. Напротивъ, Донидзетти хворалъ долгое время. Усплія безпримѣрной дѣятельности, а равно и послѣднее пребываніе въ Парижѣ, губительно подѣйствовали на его нравственные силы. Онъ впалъ въ совершенную безчувствительность, и въ какое-то тупоуміе, весьма близкое къ помѣшательству. Не смотря на всѣ заботы и поне-

честія, которыя оказывали ему друзья, и преимущественно племянникъ, Донизетти не поправлялся ни сколько. Наконецъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, увести несчастнаго на родину, что и было при первой возможности исполнено его племянникомъ. Но попытка осталась безъ успѣху: въ то время когда во всѣхъ образованныхъ странахъ вселенной божественныя мелодіи Донизетти приводили слушателей въ восторгъ, большой композиторъ жилъ въ своемъ родномъ городѣ Бергамо, тихо и улыбаясь какъ ребенокъ, въ всякихъ ощущеній. Онъ не узнавалъ своихъ мелодій, не узнавалъ самого себя, и такимъ образомъ, исчезая ежедневно, угасъ на вѣки.

Если нѣкоторыя изъ его омеръ, какъ порожденія моднаго направления, и будутъ поглощены потокомъ времени, зато другія не умрутъ, доколѣ будутъ существовать современныя формы итальянской музыки. Но и тогда такія созданія какъ Велсарій, Лучія, Любовный напитокъ, Лида, Лукреція Боржіа будутъ сохранены въ лѣтописяхъ искусства.

Лондонъ. Первый концертъ Берліоза, данный на Дрюриленскомъ Театрѣ, имѣлъ успѣхъ полный, колоссальный, засвидѣтельствованный всеми англійскими журналами. Впродолженіи четырехъ часовъ Берліозъ вполне владѣлъ своими слушателями; онъ ихъ волновалъ, воодушевлялъ; онъ привелъ въ восторгъ массу людей, явившихся по ихъ собственному признанію, въ залу театра съ враждебнымъ расположеніемъ къ музыкѣ концертиста и къ его таланту. Мы уже говорили, изъ какихъ номеровъ составлена была программа его концерта, исполнительная часть котораго была доведена до совершенства, еще небывалаго въ Лондонѣ: передъ концертомъ было пять репетицій для оркестра и семнадцать для хоровъ. Болѣе всѣхъ пьесъ поправилась публикѣ въ этотъ вечеръ симфонія «Фаустъ».

— Второй концертъ Берліоза, составленный по той же программѣ, и данный 24 февраля, былъ для столицы Англій вторымъ откровеніемъ музыки, совершенно новой и генія, дотогѣ ей совершенно неизвѣстнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что вполнѣдствіи Берліозъ соединитъ въ одну галерею всѣ свои пьесы, содержащимъ для для которыхъ служили творенія Шекспира: симфонію изъ *Ромео*, увертюру изъ «Лира», фантазію на «Бурю», балладу для хора на смерть «Офеліи.» Его уже просятъ теперь составить этотъ любопытный выборъ, долженствующій служить музыкальнымъ торжествомъ въ честь поэта, которымъ Англія такъ гордится. Вотъ еще триумфъ для Берліоза, которымъ онъ обязанъ единственно

своей любви ко всему, что есть прекраснаго въ искусствахъ, трюмъ, который быть можетъ затмить самую блестящую его побѣду въ Германіи и Россіи.

Все журналы подтверждаютъ огромный успѣхъ Берліоза въ Лондонѣ. На Ковентгарденскомъ Театрѣ заняты приготовления къ Musical Shakspeare's night, музыкальному торжеству въ честь Шекспира, о которомъ мы уже упоминали. Между тѣмъ Берліозъ приглашенъ былъ на банкетъ, ежегодно даваемый обществомъ англійскихъ музыкантовъ, основаннымъ за сто десять лѣтъ. Во время обѣда данъ былъ концертъ, въ которомъ цѣла замѣчательные англійскіе пѣвцы. Тутъ же прочтѣно было множество glee's, стиховъ въ честь старыхъ мастеровъ Англій. За десертомъ президентъ провозгласилъ тостъ въ честь чужеземнаго музыканта, хотя по законамъ Общества это и не допускается. Тостъ принятъ былъ съ восторгомъ и съ громкими ура и браво шести сотъ гостей, въ числѣ которыхъ были и дамы, помѣщавшіяся въ особо устроенной галлерей. Берліозъ отвѣчалъ на тостъ снпземъ, впрочемъ, на французскомъ языкѣ, въ которомъ выразилъ свою благодарность публикѣ за радушный приемъ, оказанный ему въ концертѣ, артистамъ за то удивительное искусство, съ которымъ они выполнили его сочиненія, и наконецъ журналистамъ, за радужное сочувствіе къ его таланту.

— Двѣнадцатаго февраля, для открытія театра Ея Величества дана была опера Верди «Эрнани», за которою слѣдовалъ балетъ «Фіорита». Въ оперѣ дебютировали съ большимъ успѣхомъ пѣвецъ Беллетти и пѣвица Крувелли. Беллетти, баритонъ, исполнялъ роль Сильвы, Гардини—роль Карлоса, нарочно для него переписанную, а Кузанна роль Эрнани. Балетъ при своемъ появленіи въ оркестрѣ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями. Балетъ обязанъ своимъ успѣхомъ искусству Розати и графини Маріи Таліони. Постановка его великолепна.

— Представленіе «Свадьбы Фигаро» привлекло въ Дрюрилендскій Театръ многочисленную и блестящую публику. Вѣтвортъ отличался въ роли Фигаро.

— Девятаго марта на Ковентгарденскомъ Театрѣ послѣдовало открытіе двѣнадцатаго итальянскаго сезона. Давали «Танкредъ» Россини съ Альбони, Персіани, Белдини, Половинни и Лунджи Мен. Альбони, какъ и слѣдовало ожидать отъ ея роли, не произвела эффекта, не смотря на то, что она пѣла по обыкновенію превосходно. Для такой роли еще недостаточно одного голоса, который въ составѣ былъ бы состязаться съ воспоминаніями Пасты и Мадб-

ранъ. Персиани, кажется, снова вошла въ голосъ и принимается была публикою съ восторгомъ. Луджи Мен и Половини владеютъ прекрасными голосами, но еще требующими большой обработки. Капельмейстеръ Коета, если не ошибаюсь, хотѣлъ принять образцовой инструменталкѣ России какой-то свой собственный отъенокъ. Мы ни сколько не квалимъ таковой смѣлости въ молодомъ человѣкѣ, хотя и говорятъ, что онъ очень искусенъ въ этомъ дѣлѣ. По окончаніи пьесы Альбини, Персиани и Мен были вызваны. Въ заключеніе спектакля давали балетъ: Follette ou la Reine des feux follets, «Фоллета, или царица блуждающихъ огоньковъ», который имѣлъ полный и заслуженный успѣхъ. На театрѣ Ея Величества нѣтъ ничего новаго, кромѣ возобновленія «Сервильскаго Цирюльника». На Архиплевскомъ Театрѣ труппа Франковъ даетъ конныя представленія: да музыка обратилась въ бѣгетто. Директоръ Лумей ангажировала Гива, тенора открытаго и созданнаго Жюльеномъ.

— Италіанскій Ковентгарденскій Театръ находится въ настоящую минуту въ затруднительномъ положеніи. Вотъ въ чемъ дѣло. Къ успѣху Альбини въ «Танкредѣ» присоедилилась простуда Персиани, а между тѣмъ не любовь публики къ тенору Луджи Мен возрасла значительнымъ образомъ. Дирекція нельзя было терять ни минуты. Немедленно посланъ былъ въ Парижъ уполномоченный, шито Грюнейзенъ, который очень ловко захватилъ въ одну товою пѣвца и двухъ пѣвицъ. Пѣвецъ, — Рожѣ, знаменитый теноръ Комической Оперы и надежда Большой, переправляющійся теперь черезъ Проливъ, единственно только для того чтобы пропѣть четыре раза Эдгарда въ «Лучи», а пѣвицы Кастанданъ и Корбарн, должностующія пѣть тамъ, гдѣ прійдется, если только онѣ не простудатся дорогою. Театръ Ея Величества давалъ «Аттилу» Верди съ госпожею Крувелли и господами Гардоди, Беллетти и Кузацаи. Эта опера имѣетъ уже то большое преимущество передъ другими произведеніями Верди, что она короче ихъ всѣхъ. Карлоту Гривзи ожидаютъ къ концу этого мѣсяца. Для нея репетируютъ балетъ Diable à quatre и ставятъ на сцену «Гризельду».

— Двадцатаго марта, Рожѣ дебютировалъ на Ковентгарденскомъ Театрѣ и пѣлъ въ первый разъ въ жизни Эдгарда по-италіански. Успѣхъ его былъ полный и заслуженный; пѣвца вызвали послѣ дуэта перваго акта и потомъ послѣ втораго акта. Наконецъ въ третьемъ, арією fra poco il riscovero, онъ возбудилъ въ публикѣ сильнѣйшій восторгъ и былъ вызванъ два раза.

Это былъ триумфъ вѣдѣтъ и актера. Публикѣ чрезвычайно понравились его голосъ, метода и, наконецъ, превосходная игра въ сценѣ проклятiя. Кастелланъ въ роли Лучио была прекрасна: она пѣла съ большиною вкусомъ и прiятностию, преимущественно въ сценѣ третьяго акта, и заслужила громкия и единодушныя bravo. Новый баритонъ, Корради Сетти, обладаетъ прекраснымъ голосомъ. Жаль, что робость отчасти мѣшала ему пользоваться имъ какъ слѣдуетъ. Притомъ надо замѣтить, что въ пѣнiи Корради еще недостаетъ артистическаго чувства. Половини и Толди (второй теноръ) тоже произвели большой эффектъ, первый прекрасною методою, а послѣднiй чрезвычайно звучнымъ голосомъ. Хоры, составленные изъ девяносто-четырехъ вѣдѣтъ и оркестръ изъ осьмидесяти-осми музыкантовъ подъ дирекцию Косты много способствовали прекрасной гармонiи спектакля, особенно же въ финалѣ втораго акта. Ромѣ отправляется въ Парижъ и возвратится въ Лондонъ перагѣ какъ въ июль, чтобы пѣть въ оперѣ «Гандо». Тамбурини прибылъ изъ Петербурга. Сальви, Лавиа, Талья Фино, госножа Корбаро тоже въ Лондонѣ; Гризи и Ронконя съ женою ожидаютъ. На театрѣ Ея Величества новая принадонна госножа Абадиа, недавно прибывшая изъ Милана, удостоилась такого полного фiasco, что пиесу, въ которой она играла, «Набукино», не рѣшились давать вторично.

— Тальбергъ давалъ на Святой Недѣлѣ нѣсколько концертовъ классической и церковной музыки. На Ковенгарденскомъ Театрѣ исполняли «Stabat mater» России. Непосредственно за эту пиесою данъ концертъ, въ которомъ участвовали всѣ артисты Италiанской Оперы и Эмиль Прюданъ.

— Въ Берлинѣ, двѣнадцатаго марта, Амалия Беръ, мать знаменитаго автора «Роберта», праздновала день своего рожденiя. Ей исполнилось семьдесятъ одинъ годъ. Множество особъ всѣхъ званий явилось въ этотъ день съ поздравленiемъ къ госножѣ Беръ, отличающейся не только своимъ рѣдкимъ умомъ, но и необыкновенною благотворительностию.

— Двадцать четвертаго февраля на Королевскомъ Театрѣ былъ бенефицъ госножи Виардѣ-Гарсиа. Спектакль начался двумя послѣдними актами «Гугенотовъ». Затѣмъ послѣ раз de deux слѣдовалъ третiй актъ «Отелло» и въ заключенiе финалъ изъ «Сонамбуды». Уже такъ много говорено было о превосходномъ талантѣ энергической и страстной госножи Виардѣ, что на этотъ разъ мы скажемъ только, что бенефицiантка была во всѣхъ роляхъ удивительна, и что финалъ изъ «Сонамбуды» заставилъ повторить. Въ спектаклѣ

тангѣ присутствовали король и королева, со всѣмъ семействомъ и принцесса Лигицкая.

— Абоненты берлинскихъ симфоническихъ вечеровъ — настоящіе архиклассики. Удивительные музыкальные пуритане! Люди одаренные отъ природы такими мужественными, благородными ушами, такую безукоризненною крѣпостью нервовъ, такую необыкновенною способностію сидѣнья, что имъ ни почему прослушать сразу всѣ девять симфоній Бетговена, и непосредственно затѣмъ вмѣсто десерта парочку увертюръ Вебера съ прибавкою нѣсколькихъ рондо изъ симфоній Гайдна. Новая музыка для этой классической публики, не взирая на то, живъ ли композиторъ или уже какъ Францъ Шубертъ покоится въ гробѣ лѣтъ двадцать, — просто ужасъ. И вотъ почему: во-первыхъ, господинъ Рельштабъ директоръ, не допускаетъ ни какихъ нововведеній, и, во-вторыхъ, посѣтителю боятся одинъ передъ другимъ (наде замѣтить, что здѣсь всѣ знаютъ другъ друга въ лицо, но не ближе) громко выразить свое личное удовольствіе или неудовольствіе, дабы тѣмъ самымъ не навлечь на себя подозрѣнія въ неклассицизмъ. Здѣсь все дѣлается обща. Коссанъ составилъ превосходный термометръ одобреній (Beifallsthermometer) симфоническихъ вечеровъ. Вотъ онъ:

«Градусы слѣдующаго термометра расположены сообразно количеству одобреній, по которому опредѣляется степень благосклонности здѣшнихъ слушателей къ известнымъ композиторамъ.

Термометръ симфоническихъ вечеровъ.

Книжки.....	80 град.	Веберъ. (Фрейшюцъ, Оберонъ.
	75 —	(Эврианта).
	60 —	Финалъ Гайдна.
	60 —	Всѣ терцо Мендельсона.
	50 —	Погребальный маршъ изъ «Эронка».
	50 —	Финалъ симфоніи C-moll.
Теплота крови.....	32 —	Гайднъ.
	25 —	Бетговенъ.
	20 —	Моцартъ.
	18 —	Мендельсонъ.
Увлажненіе.....	15 —	Керубин (?) Шпоръ (?) Онеловъ (?).
	$\frac{1}{2}$ —	Гаде (симфонія C-moll).
Точка замерзанія.	0 —	Новѣйшіе нѣмецкіе композиторы.
	5 —	Увертюра Струэнзе.
Замерзаніе ртути.	32 —	Осада Коринѳа.

Намъ кажется однако же, что Россанъ поставилъ финалы Гайдна слишкомъ низко. Они должны стоять по-крайней-мѣрѣ на семидесяти-пяти градусахъ, именно эти рондино въ родѣ сонатъ, которыя вызываютъ всякій разъ со стороны слушателей совершенно современное *dasaro*. Потомъ два дня спустя Рельштабъ обыкновенно расхваливаетъ отца Гайдна, его рондо, отличный вкусъ своихъ пуританъ и, наконецъ, ихъ крики *dasaro*, что уже, какъ скоро идетъ рѣчь о рондо, само собою разумѣется, и прочая и прочая.

Мы не знаемъ, кто составляетъ репертуаръ симфоническихъ вечеровъ, кто выбираетъ пьесы для ежедневной программы (капельмейстеръ Таубертъ, говорятъ, имѣетъ не болѣе какъ совѣщательный голосъ), но вотъ какую нашли мы въ нихъ особенность. Всякій разъ какъ только появляется на программѣ произведене современнаго композира, — что, надо замѣтить, случается очень рѣдко, — непосредственно за нимъ разыгрывается одна изъ пьесъ какаго-либо любимѣйшаго классическаго мастера, которой вся берлинская публика сейчасъ же принимается аплодировать съ фанатизмомъ и злобною радостію. По нашему мнѣнію эти злобные аплодисменты добрыхъ пуританъ имѣютъ всегда слѣдующій смыслъ:

«Дерзкій, молодой и даже находящійся еще въ живыхъ композиторъ! страшный романтикъ! Какъ осмѣливаешься ты являться на нашей классической музыкальной сценѣ въ костюмѣ совершенно современномъ, безъ косы и парика?! Вотъ мы тебя! Хотя мы и не станемъ тебѣ свѣтатъ, — это было бы съ каждой стороны вовсе не классически, — однако уже до всякаго случая и не простимъ тебя, и потому средъ дескихъ нумеровъ твоей симфоніи, если бы нѣкоторые изъ нихъ намъ даже и понравились, мы будемъ ѣмъ какъ рыбы и зато послѣ каждой пьесы отца Гайдна, станемъ хлопать съ такимъ энтузіазмомъ и такъ отчаянно кричать *dasaro*, что ты увидишь, сколько въ насъ классицизма и какой ты неклассичный романтикъ. Покажись только намъ!»

За тѣмъ въ журналѣ Фосса подается слѣдующій отзывъ: «Хотя новый композиторъ соединяетъ въ себѣ съ талантомъ любовь къ искусству, но, но, но... короче, публика выразила свое мнѣніе и свой благородный, классическій вкусъ, живѣйшими апло-

диссентами каждому номеру вслѣдъ за тѣмъ исполненной божественной, восхитительной симфоніи вѣчно юного отца Гайдна. Какая благородная мысль, какая благородная грація, какой благородный юморъ; какъ все благородно, благородно, благородно, и какъ классически!»

— Сюда пишутъ изъ Парижа: «Национальный театръ поставилъ на сцену старую оперу Моисиньи «Félix, ou l'Enfant trouvé» Феликсъ, или Найденышъ». Этого найденыша давали въ первый разъ 10 ноября 1777 года. Надо сознаться, что онъ принадлежитъ къ лучшимъ партитурамъ нашего стариннаго репертуара, и вѣроятно былъ послѣднимъ произведеніемъ Моисиньи. Объ этой оперѣ самъ композиторъ говорилъ со скромностію, которая показалась бы въ наше время рѣдкостію: «Я боюсь что у меня на нее уже не хватило вдохновенія.» А между-тѣмъ онъ сорокъ лѣтъ былъ свидѣтелемъ торжества своего дѣтвища. Спотвни, впродолженіи сорока лѣтъ не создавши ничего порядочнаго, уже почти совершенно растратилъ славу, которую приобрѣлъ себѣ въ 1806 и 1807 годахъ, посредствомъ «Весталки» и «Фердинанда Кортеса». Прекрасное произведеніе Седеня и Моисиньи, передѣланное и вновь инструментированное Адамомъ, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло только половинный успѣхъ, разумѣется, благодаря дурной обстановкѣ.

«Рождѣ, нашъ превосходный теноръ, теперь окончателно переходитъ изъ комической оперы въ большую, впрочемъ не для того чтобы на скоро создавать новыя роли Меербера! Совсѣмъ не для того! Напротивъ, если Рождѣ будетъ вести себя прилично, если по осьми дней сряду онъ будетъ пѣть только Элезара въ Жидовкѣ или Рауля въ Гугенотахъ, и то безъ напряженія, безъ усталости, безъ крику, ну, тогда можетъ-быть! Великій творецъ «Роберта» предложить ему легопькую роль Іоанна Лейденскаго.

«Полина Віардо-Гарсія, достойная сестра незабвенной Малибранъ, такая высокая художница, которой нельзя мѣрять по обыкновенному масштабу искусства. Между всѣми современными пѣвицами она безспорно совершеннѣйшая, какъ по своему музыкальному чувству, такъ и по вѣрному пониманію искусства и страстной энергіи.

«Успѣхъ Альбони въ «Ченерентолѣ» былъ значителенъ и вполне заслуженъ, хотя и не такъ блестящъ какъ въ «Семирадлѣ». Сказать по правдѣ: если бы Альбони по просту дебютировала въ итальянской оперѣ, она произвела бы эффектъ, но эффектъ менѣе блестящій. Каждое изъ четырехъ представленій данныхъ ею въ

Большой оперѣ, и какъ кажется стоявшихъ для нея такихъ потрясеній, возвышало пѣвцу въ глазахъ публики все болѣе и болѣе. За тѣмъ ея слава, немощно пѣвца, ея знаменитая экцентричность и удивительный голосъ сдѣлали остальное.

«Иерусалимъ разрушенъ, то есть, «Иерусалимъ» Верди. *Requiescat in pace!* Немощно шуму, немощно трубъ, сильные удары въ турецкій барабанъ: «*Entz-g-rez Messieurs! pr-g-renez vos billets!*» такимъ образомъ натянули кое какъ до десяти представленій. А тамъ порывъ вѣтра смелъ долой все до чиста!

«Дюпрѣ рѣшительно оставляетъ сцену. Задавленный паденіемъ «Иерусалима,» маленькій король теноровъ можетъ смѣло сказать, завернувшись какъ рыцарь Гастонъ въ свою мантию: «Все погнбло кромѣ чести!» И въ самомъ дѣлѣ честь Дюпрѣ спасена: онъ долго будетъ жить въ памяти дилетантовъ; онъ былъ глава и основатель особенной школы пѣвца, хотя во всякомъ случаѣ достойной сожалѣнія, однако тѣмъ не менѣе возведенной имъ до замѣчательной степени славы. Миръ праху твоему, теноръ Большой Оперы! Дюпрѣ намѣренъ теперь исключительно посвятить себя преподаванію уроковъ. Желательно чтобы ученики его слѣдовали только его прекрасной методѣ пѣвца, и отнюдь не его примѣру!»

— Въ музыкальномъ магазинѣ Гирша, въ Берлинѣ, поступилъ недавно въ продажу снимокъ съ автографа Бетговена, заключающій въ себѣ канонъ, написанный послѣднимъ на слова Шиллера: «*Kurz ist der Schmerz, doch ewig ist die Freude.* Этотъ канонъ сочиненъ былъ Бетговеномъ въ Вѣнѣ, 23 ноября 1813, на память господину Науе, директору музыки въ Галле.

— Эрнстъ получилъ орденъ Данеброга.

— Капельмейстеръ Юсефъ Гунгль намѣренъ перебраться съ своимъ оркестромъ въ Петербургъ, гдѣ уже давно поселился двоюродный братъ его Іоаннъ Гунгль.

— Въ Веймарѣ дана была съ большимъ успѣхомъ, при многочисленной публикѣ, новая опера Рейсигера: «Кораблекрушеніе «регата Медузы». Композиторъ былъ вызванъ.

— Въ Гагѣ три сестры Неруда имѣли большой успѣхъ въ концертѣ общества *Felix meritis*, равно и въ Амстердамѣ, въ Большомъ Театрѣ. Онѣ ѣдутъ въ Парижъ.

— Въ Прагѣ очень понравилась новая опера Китля, директора тамошней консерваторіи, «Біанка и Джузеппе, или Французы водъ Нпццою». Впродолженіе перваго представленія композиторъ былъ вызванъ четырнадцать разъ.

— Въ Лиллѣ исполнена была съ большимъ успѣхомъ драма-

тическая кантата «Буря», написанная для оркестра, соло и хора Лавенемъ. Содержание этой кантаты заимствовано изъ «Буря» Шекспира. Лавень уже извѣстенъ по нѣкоторымъ своимъ сочиненіямъ, преимущественно по симфоніямъ.

Передъ нами лежатъ четыре тетради «Нувеллиста» на 1848 годъ. Всѣ онѣ чрезвычайно изящной наружности, какъ все, что издается господиномъ Бернаромъ. Красивыя изданія господина Бернара насъ уже не удивляютъ: мы къ нимъ привыкли; но насъ удивляетъ то, какимъ образомъ господинъ Бернаръ въ наше бѣдное музыкальными произведеніями время находитъ столько хорошихъ сочиненій. Теперь, когда всѣ прочіе музыкальные журналы, не находя ничего порядочнаго, въ отчаяніи прибѣгаютъ къ полкамъ господъ Гунгля и Кажинскаго, и тѣмъ самымъ предсказываютъ свою скорую смерть; когда, и наши издаателямъ нѣчего перепечатывать заграничнаго, «Нувеллистъ» даритъ намъ столько же прелестныхъ и интересныхъ піесъ для фортепіано и дѣльныхъ оригинальныхъ сочиненій, какъ и прежде. Это въ-самомъ-дѣлѣ удивительно и даже просто непостижимо! Мы желали бы знать ту тайну, тотъ волшебный жезлъ, съ помощію которыхъ господинъ Бернаръ находитъ такіа сокровища; другой издатель далъ бы намъ за нихъ съ радостію половину своего состоянія, — конечно, это очень немного, но по-крайней-мѣрѣ мы спасли бы человѣка отъ отчаянія и сдѣлали бы доброе дѣло. «Un bienfait n'est jamais perdu.» Но какъ господинъ Бернаръ своей тайны не открываетъ и не выпускаетъ волшебнаго жезла изъ рукъ, то намъ остается только пожалѣть о господахъ издателяхъ музыкальныхъ журналовъ отъ всего сердца, и обратиться за музыкой къ «Нувеллисту».

Но, позвольте, что это за инструментъ? А, это Беккеръ! Прекрасно! Виртъ вышелъ уже изъ моды, а Лихтенталь никогда и не входилъ въ нее, несмотря на всѣ свои старанія. Беккеровскій инструментъ съ своимъ могучимъ, а виѣстѣ и поэтическимъ, пріятнымъ тономъ, безъсомнѣнія, лучше всѣхъ въ состояніи передать хорошее сочиненіе.

Вотъ первая тетрадь «Нувеллиста». Мы раскрываемъ ее и находимъ сначала оригинальное произведеніе: переложеніе русскихъ пѣсенъ, сочиненіе Левн, современная эффектная піеска для гостиной. Мы ее съиграемъ въ первомъ обществѣ, въ которомъ будемъ, и намъ, вѣрно, наговорятъ кучу комплиментовъ. За вѣтъ

скажуць «Апркомерти» Продаца. Мы его не будемъ играть въ обществѣ, но зато тѣмъ чаще, когда одни. Прекрасная и интересная мейта, полная гѣнія и души! — «Польская пѣсня безъ словъ», сочиненіе Вольфа, принадлежитъ къ тому же роду. Это граціозная, оригинальная элегія à la Chopin.

Блестящій вальсъ Герца «la Coquette» такъ замлекаетъ нашихъ прекрасныхъ пианистовъ, что онѣ, вѣрно, не прежде оставятъ рояль, какъ разыгравши уже вторично весь запасъ «Нувеллиста». Намъ очень хотѣлось бы разобрать по порядку всѣ прелестныя піески «Нувеллиста», но, вызнаете, критикъ недлятого существуетъ, чтобъ наслаждаться: онъ обязанъ быть во всѣхъ концертахъ, прочитывать всѣ журналы и всѣ музыкальныя произведенія, разблрять по частямъ то, чему другіе рукоплещуть, норичать, когда другіе хвалятъ, и подѣ конецъ, для отдохновенія, писать, писать, писать. Итакъ, мы пользуемся тѣмъ мгновеніемъ, когда кокетка Герца привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе, и исчезаемъ — впрочемъ не надолго!

В. ДАНКЕ.

=

НОВВІЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Берварда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Несмы піесы для віолончели.

ВАГГА. Souvenir de Dom Sebastien. Elegie pour violoncelle avec piano, op. 48 (1 r. 16 c.).

ВОСКМУЕНН. Album de l'amateur, contenant des chants et des petites fantaisies sur des motifs originaux pour le violoncelle avec piano: 1e suite, op. 45 (3 r. 57 c.). 2e suite, op. 46 (3 r. 57 c.). 3e suite, (3 r. 55 c.).

— Caprice et variations sur deux thèmes, écossais et russe pour le violoncelle avec piano, op. 52 (2 r.).

ВОЕНН. Amusement. Pièces pour les amateurs pour piano et violoncelle, op. 18 (1 r. 43 c.).

СНОПІН. Sonate pour piano et violoncelle, op. 65 (3 r. 43 c.).

ДАВІД. Douze mélodies pour piano et violoncelle, liv. 1 (1 r. 72 c.).
liv. 2 (1 r. 72 c.).

FRANCHOMME. Second air russe varié pour violoncelle avec piano, op. 32 (1 r. 15 c.).

GROSS. Trois solos pour violoncelle avec piano, op. 42. № 1. Cavatine (1 r. 15 c.). № 2. Caprice (1 r. 43 c.). № 3. Arioso (1 r. 15 c.).

KUMMER. Pièce caractéristique pour le salon. Romance et marche de l'opéra « Les mousquetaires de la reine », pour le violoncelle avec piano, op. 91 (1 r. 15 c.).

LEE. Souvenir du lac des quatre cantons. Barcarolle pour violoncelle avec piano, op. 45 (1 r.).

——— Divertissement sur des motifs de l'opéra « Luisa Strozzi » pour violoncelle avec piano, op. 46 (1 r.).

OFFENBACH. Cours méthodique de duos pour deux violoncelles. 1e suite: six duos très faciles, op. 49 en 2 livres (chaque 1 r. 29 c.). 2e Suite: six duos faciles, op. 50 en 2 livres (chaque 1 r. 43 c.). 3e Suite: trois duos moyenne force, op. 51 en trois livres (chaque 1 r.). 4e Suite: trois duos brillans, op. 52 en trois livres (chaque 1 r. 29 c.).

PIATTI. Souvenir de la Sonambula pour violoncelle avec piano, op. 5 (1 r. 72 c.). Masurka sentimentale, op. 6 (1 r. 15 c.). Les fiancées. Petit caprice pour le violoncelle avec piano, op. 7 (1 r. 15 c.). Airs baskys. Scherzo, avec piano, op. 8 (1 r. 43 c.). Souvenir des Puritani, avec piano, op. 9 (2 r.).

ROSENHAIN. Sonate pour piano et violoncelle, op. 38 (3 r. 15 c.).

SCHMIDT. Fantaisie sur l'hymne russe pour violoncelle avec piano, op. 1 (2 r.).

——— Pièce de salon pour violoncelle avec piano, op. 3 (1 r. 72 c.).

——— La prière de l'opéra « Freischütz », transcrite et variée pour violoncelle avec piano, op. 3 (1 r. 72 c.).

SERVAIS. Concerto en si-mineur pour le violoncelle avec orchestre, op. 5 (6 r. 29 c.), avec piano (3 r. 43 c.).

——— Grande fantaisie pour le violoncelle avec orchestre sur l'opéra « Le barbier de Seville » de Rossini, op. 6 (5 r. 72 c.).

——— La même fantaisie avec piano, op. 6 (2 r. 58 c.).

——— Le lac de Côme. Barcarolle d'Alary transcrite (85 c.).

STRANSKY. Divertissement sur des thèmes de l'opéra « Ernani » de Verdi, avec piano, op. 11 (1 r. 43 c.).

WOLFF et LEE. Grand duo sur « Robert le diable » de Meyerbeer, pour piano et violoncelle (2 r. 85 c.).

Вариации и аранжировки для фортепиано на любимыя русскія пьесы и романы.

AZAREWITSCH. Fantaisie et variations sur l'air bohémien « Koca » (1 r.)

- BERNARD.** Air russe favori «Красный сарафанъ», varié (85 с.).
- Вариация на пѣснь Русскихъ «Боже, царя храни!» (75 с.).
- Variations brillantes sur la romance favorite «Черный цѣтъ» (1 г.).
- Русская пѣсня «Не одна во полѣ дороженька», съ вариациями (1 г.).
- Собрание русскихъ народныхъ пѣсней съ вариациями для фортепiano; семь тетрадей (по 58 коп.).
- Trois romances de Warlamoff: «Ты скоро меня позабу.ешь», «Я люблю смотреть въ ясну ноченьку», «Тяжело, не стало силъ», transcrites en pièces de salon (1 г.).
- Любимые романсы А. Варламова, переложенные на фортепiano; тетрадь первая (1 руб.).
- Сто русскихъ народныхъ пѣсней, аранжированныхъ для одного фортепiano (3 руб.).
- Сто русскихъ народныхъ пѣсней, аранжированныхъ для одного фортепiano; часть вторая. Эта коллекція содержитъ избранныя великороссійскія и малороссійскія пѣсни (3 руб.).
- BEYER.** Trois airs russes, variés (60 с.).
- DÄMCKE.** Arabesque sur l'air russe favori «Тройна», op. 27 (1 г.). Arabesque sur un air de l'opéra «Olga» de Bernard, op. 28 (1 г.).
- DOEHLER.** Trio de l'opéra «Жизнь за Царя» varié, op. 60, № 1 (85 с.).
- Соловей, air russe favori d'Alabiéff, varié, op. 60, № 2 (85 с.).
- Бывало, romance favorite du comte Wielhorsky, variée, op. 60, № 3 (85 с.).
- DUVERNOY.** Variations et final sur la romance favorite «Я вольный гость мира» de Warlamoff (85 с.).
- EIKAMP.** Romance de Glinka «Не говори, любовь пройдетъ» transcrite, (60 с.).
- GLINKA.** Соловей, air russe d'Alabiéff, varié (1 г.).
- HENSELT.** Deux romances du comte Wielhorsky, transcrites. Nouvelle édition (1 г.).
- LANGER.** Air bohémien russe «За Ураломъ», transcrit et varié (75 с.).
- LEWY.** Les bohémien. Mélodies russes: «На зарѣ ты ея не буди», «Вотъ во умиръ молодець идетъ» transcrites, op. 27 (1 г.).
- LISZT.** Соловей, air russe favori d'Alabiéff transcrit, 3e édition (85 с.).
- Le même facilité par Tschernlitzky (60 с.).
- MEYER.** Air bohémien russe transcrit et varié (75 с.).
- VOLLWEILER.** Любимая я. Romance favorite du comte Wielhorsky transcrite (75 с.).
- VOSS.** Olga. Mélodie russe (60 с.).

ИСКУССТВО НАСТРОИВАТЬ ФОРТЕПИАНО, или систематическое изложение способа научиться без труда и въ самое короткое время верно и чьсто настраивать, съ показаніемъ искусства натягивать струны и средствъ поддерживать инструментъ въ надлежащемъ порядкѣ. Сочиненіе М. Бернарда. (Цѣна 40 коп., въсвыхъ за 1 фунтъ.)

(Выписывающіе ноты на сумку по менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромя того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодамъ этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла пятая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Kullak. La belle amazone. Rondeau à la polacca. — Tschérifitzky. Impromptu. Scherzo. — Gloria. Berceuse. — Mayer. Romance sans paroles. — Litolf. Polka des vagabonds. — Burgmüller. Rêverie. Valse. — Wolff. Salonch. Air russe d'Alabieff varié. — Burgmüller. Cantabile et rondo-valse sur l'opéra: «Ne touchez pas à la reine.» — Оемповъ. Романсъ. — Püget. Romance. — **МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ**, № 6. (Годомъ цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.)

Роснеда, желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1848 годъ, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, выходящія съ начала календарнаго года.

КНИГИ, ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петлява, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

(Format in-32.)

mult (les) codes en miniature. Paris 1848. 1 vol.

г. с.
— 50

оова (les) contenant une nouvelle corrélation des articles entre eux
un supplément renfermant les lois les plus usuelles. Paris
1846. 4 vol.

1 45

T. LXXXVIII. — Отд. VII.

- CODE DE L'AMOUR, suivi du code penal de l'amour. Bruxelles 1848. — 30
- CODE GOURMAND, manuel complet de gastronomie. Bruxelles 1829.
1 vol. — 30
- CONDUITE D'UNE DAME CHRÉTIENNE, pour vivre saintement dans le
monde. Paris 1839. 1 vol. — 50
- CONTES ET NOUVELLES de Marguerite de Valois, reine de Navarre.
Paris 1828. 5 vol. — 85
- MARMOTEL. Choix des plus jolis contes moraux. Paris 1822. 2 vol. — 50
- VOLTAIRE. Contes en vers et satires. Paris 1822. 1 vol. — 30
- MONTESQUIEU. Considérations sur les causes de la grandeur et la dé-
cadence des romains. Paris 1825. 1 vol. — 30
- HAMILTON (d') Contes. Paris 1826. 2 vol. — 75
- CHATEAUBRIAND. Atala. René. Bruxelles 1836. 1 vol. — 30
- DELAITRE. Les bêtes savantes, ou anecdotes et recits curieux. Paris
1836. 1 vol. avec gravures. — 30
- COMPTES faits de barrême en francs et en centimes. Limoges 1836.
1 vol. rel. — 50
- BIOGRAPHIE des enfans célèbres. Bruxelles 1837. 2 vol. orné de 12
vignettes. — 85
- HAUTPOUL (d'). Botanique de la jeunesse, ou Curiosités de la végé-
tation. Bruxelles 1836. 1 vol. — 25
- SAY. Catechisme d'économie politique. Bruxelles 1837. 1 vol. — 30
- BERNARDIN DE SAINT-PIERRE. La chaumière indienne. Paris 1829.
1 vol. — 30
- COLLIN D'HARLEVILLE. Chefs d'œuvres dramatiques. Paris 1826. 3 vol. — 85
- CHOIX DE CHANSONS, pour noces, baptême, fêtes. Paris 1828. 1 vol. — 50
- REGNARD. Chefs d'œuvre. Paris 1823. 2 vol. — 30
- Choix de chefs d'œuvres dramatiques des meilleurs auteurs.
Paris 1824. 4 vol. — 85
- POÉSIES GÉNÉRALES. Paris 1830. 3 vol. — 75
- CLEMENT XIV et CARLO BERTINAZZI, correspondance inédite. Paris
1829. 2 vol. — 30
- DOUTES (mes), ou problèmes à résoudre sans algèbre, et à l'aide de
simple sens commun. Paris 1839. 2 vol. — 30
- RUSSIÈRE DE VANCÉ. La morale en action des jeunes filles. Bruxelles
1837. 1 vol. — 25
- TARRÉ DES SABLONS. Le mois de Marie. Paris 1842. 2 édit. 1 vol. — 50
- CHATEAUBRIAND. Nouvelles. Paris 1823. 5 vol. 1 85
- LEGOUVÉ. Le mérite des femmes. Bruxelles 1837. 1 vol. — 25
- MOREL DE RUSEMPRÉ. Les secrets de la génération. Paris 1837. 1 vol. — 50
- DE LA ROCHEFOUCAULD. Réflexions en sentences et maximes. Paris
1827. — 16

JULIA DE FONTENELLE. Recherches médico-légales sur l'incertitude des signes de la mort. Bruxelles 1837. 1 vol.	— 30
TENCIN (Mme). Le siège de Calais, nouvelle historique. Suivi du compte de Comminge. Paris 1826. 1 vol.	— 25
SIMPLE HISTOIRE, par M. Inchbald. 2 vol.	— 50
MONTESQUIEU. Lettres Persannes. Paris 1825. 2 vol.	— 50
—— Les mêmes. Paris 1828. 3 vol.	— 50
NOEL. Leçons de philosophie morale et pratique. Bruxelles 1836. 1 vol.	— 25
MARTIN. Langage et emblème des fleurs. Paris 1835. 1 vol.	1 —
THOMAS à KEMPIR. Le petit jardin des roses. Paris 1836. 1 vol.	— 30
ARVISENET (Claude). Mémorial des vierges chrétiennes. Bruxelles 1837. 2 vol.	— 30
HAMILTON. Mémoires du comte de Grammont. Paris 1823. 2 vol.	— 50
MAXIMES de guerre de Napoléon. 1 vol.	— 20
MANUEL complet du jeu de whist. Paris 1841.	— 25
BARANTE. De la littérature française pendant le 18-me siècle. Bruxelles 1833.	— 30
BOILEAU. Oeuvres complètes. Paris 1825. 5 vol.	1 25
BERTIN. Oeuvres complètes. Paris 1826. 1 vol.	— 25
ARVISENET (Claude). Oeuvres. Bruxelles 1837. 15 vol.	2 —

=

МОДЫ.

На нынѣшнее лѣто бурнусы дѣлають изъ тонкаго дамскаго сукна, и особенно хороши темно-зеленыя, темно-коричневые и черныя; по-прежнему они круглыя, однако жъ немного длиннѣе прошлогоднихъ, такъ, что платья видно не болѣе двухъ верхковъ. Пелерны и маленькія воротнички замѣнены круглыми открытыми мѣшками съ бархатнымъ того же цвѣту подбоемъ; рукавички выходятъ изъ—подъ широкихъ карманковъ, которые похожи на прежніе греческіе рукава; переднія полы, мѣшокъ, карманки и рукавички убираются аграмантной тесьмой въ одинъ и два ряда, смотря по ширинѣ; нашиваютъ также въ три или четыре ряда бархатныя тесьменныя ленточки того же цвѣту. Съ бархатнымъ мѣшкомъ эти ленточки составляютъ прелестное украшеніе. Другихъ новыхъ покроевъ такого рода не видно.

— Шляпки по-прежнему маленькія, макушки круглыя; но вмѣсто лентъ, убираютъ ихъ кокардами и рюшемъ изъ пу-де-соа съ вышивкой: это и ново, и очень мило. Вмѣсто цвѣтовъ подкалываютъ тюль: бѣлый, розовый, голубой, палевый, абрикосоваго цвѣту, или одинаковый съ цвѣтомъ матеріи шляпки или подбюю; вверху этого собраннаго тюлю прибавляютъ или маленькіе банты, или по одному маленькому цвѣтку, или пять-шесть листьевъ мелкой зелени. Много бѣлыхъ шляпъ дѣлаютъ съ розовымъ, голубымъ и лиловымъ подбюями. Очень хороши сѣренькія шляпки, подбитыя розовымъ и убранныя внутри розовымъ тюлемъ съ маленькими бантами изъ розовыхъ лентъ.

— Платья рѣшительно очень просты: корсажи, безъ исключенія, закрыты по горло; рукава гладкіе, юбки безъ украшеній.

— Появляются опять очень роскошныя передники, сѣміе, лиловые, темно-сѣрыя, свѣтло-зеленыя; ихъ убираютъ кружкомъ, бахромой, кистями, агранантами, маленькими бархатными ленточками, и вышиваютъ сутапью.

=

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВУКИ. *Исслѣдованіе господина Вертгейма.*
 Феноменъ, примѣченный въ послѣдніе годы и сначала не обратившій на себя вниманія физиковъ, ослѣпленныхъ теоріей электричества какъ *невѣсомой жидкости*, съ каждымъ новымъ опытомъ получаетъ большее и большее значеніе въ наукѣ: мы говоримъ о вибраціи, явственной даже для простаго глаза, упругихъ проволокъ, по которымъ проходитъ электрическій токъ и о произведеніи звуковъ ими, какъ скоро концы ихъ укрѣплены на резонансовой доскѣ. Явственное дрожаніе упругой проволоки во время прохожденія по ней такъ-называемаго тока, было примѣчено впервые господиномъ Деларивомъ въ Жемевѣ, года три тому назадъ, и мы тщательно записывали здѣсь всѣ подобныя наблюденія, потому что есть способъ понимать электричество гораздо простѣе и чище нежели какъ понимаютъ его донинѣ, а именно, что *электричества*, въ природѣ, нѣтъ ни какого, быть не можетъ и, логически, быть не должно — потому что, здравымъ смысломъ допустить не возможно, чтобы въ природѣ находилась такая сила, отдѣльная и самостоятельная, которой бы свѣтъ не примѣтилъ до осемнадцатаго столѣтія, мудрѣйшаго изъ всѣхъ столѣтій. Осемнадцатое столѣтіе навѣрное ошиблось в воображеніе наше должно блуждать, среди призраковъ глазнаго обману, въ мракѣ пустой теоріи, поддерживаемой тщеславными самолюбіями. Тутъ должно быть что-то другое, а не электричество — именно, ничего особеннаго — дѣло давно извѣстное человѣку — то же самое дѣйствіе которое производитъ и боль, и удовольствіе, и звукъ и все на свѣтъ — сотрясеніе и вибрація атомовъ тѣла, которые, какъ извѣстно, не прикасаются другъ къ другу, раздѣлены между собою промежутками, какъ бы повѣшены въ пространствѣ,

колеблются или вибрируютъ безпрестанно и могутъ быть трясены, ударомъ, и другими сотрясеніями до колебаній чрезвычайно быстрыхъ и сильныхъ, которыхъ свойства мы не угадывали. Нельзя понять электричества такъ: всѣ минимы электрическія явленія суть, просто, явленія *механической силы вибрирующихъ атомовъ тѣла*, сотрясеннаго какимъ-нибудь образомъ, какъ и въ звукъ — если угодно, какъ и въ оплеухъ. Электрическій ударъ не что иное какъ извергающаяся на предоставленное препятствіе сумма живой силы движеній всѣхъ вибрирующихъ атомовъ тѣла, подвергаемаго тренію или другимъ операціямъ, побуждающимъ ихъ къ живѣйшему и болѣе напряженному колебанію въ массѣ этого тѣла, — въ томъ числѣ и химическимъ, — такъ, что ударъ изъ электрическаго проводника или изъ лейденской банки отличается только степенью напряженія атомической вибраціи проводника отъ удара, который получаете вы приближая палецъ къ струнѣ, вибрирующей отъ сотрясенія молоткомъ. Палецъ вашъ — препятствіе, предоставленное колебанію атомовъ струны; вы получаете въ него чувствительный ударъ, котораго сила равна суммѣ живой силы всѣхъ колебаній атомовъ сотрясенной струны. Вибрація атомовъ въ струнѣ вдругъ останавливается и переходитъ въ васъ: если бы вы были по болѣе упруги и стояли на резонансѣ, вы издали бы всѣмъ тѣломъ своимъ звукъ, который остановили въ струнѣ, то есть, атомы вашего тѣла ощутительно для уха, и даже для глазъ, вибрировали бы точно такъ же, какъ вибрировали атомы струны, передавшей вамъ съ ударомъ свои вибраціи. Ничего другаго не происходитъ и въ предполагаемомъ дѣйствіи электричества: когда вы изолированы, — а грубыя и слабыя звучныя вибраціи можно изолировать по тому же способу какъ и тонкія, сильныя вибраціи, прозванныя «электричествомъ»; резонансовая доска, собственно, тѣло изолирующее звуковыя вибраціи атомовъ; вибраціи эти, кромѣ-того, скопляются въ извѣстныя мѣста по вашему произволу, сообщаются изъ тѣла въ тѣло на неопредѣленныя пространства, ходятъ круговыми и спиральными путями, извиваютъ и расторгаютъ форму веществъ, совершенно какъ и электрическія, — когда васъ электризуютъ, атомамъ вашего тѣла только передаютъ, и стараются накопить въ массѣ ихъ, вибраціи, возбужденныя треніемъ въ стеклѣ машины и переданныя проводнику посредствомъ приближенныхъ къ нему острыхъ иголокъ, которыя удивительно скоро приходятъ въ вибрацію за приближеніемъ къ вибрирующему тѣлу, какъ то извѣстно всякому органному ма-

стелу, хотя и находится близко. Стекло электрической машины — струна; и вы трете его точно так же, как трете струну смычкомъ. Трениемъ возбуждаетъ въ атомахъ тѣла колебанія, или вибрацію, но-силыѣе той, которая свойственна имъ, когда тѣло находится въ каждаемъ спокойствіи: собственно же оно, конечно не находится въ спокойствіи и атомы его вибрируютъ всею вѣдью, производя въ обыкновенныхъ случаяхъ то, что мы теперь называемъ «удѣляюю теплотой» этого тѣла. Усиленіе колебанія атомовъ въ тѣлѣ заставляетъ ихъ удаляться другъ отъ друга на болѣе значительные промежутки, и тѣло удлиняется. Если это струна или ерзающая поверхность, прикасающаяся къ тѣлу, не оказывающему ему сильнаго сопротивления, напротивъ къ воздуху, то на наружной сторонѣ его образуются волненія, одульціи; но въ сферѣ неопредѣленнаго пространства и равномерной плотности, какова должна быть сфера звѣра, одульціи бытъ не можетъ: такой вещи заранѣе разсудкомъ почитать нельзя, не разрѣзавъ этой сферы по поламъ, и одульціонная теорія на этотъ счетъ находится въ явномъ заблужденіи. Но возвратимся къ машинѣ. Трениемъ вы возбуждаете въ атомахъ стекла усиленную вибрацію, которая, натурально, продолжаетъ въ такую же вибрацію атомы воздуха, находящаго въ свою очередь стекломъ, которые опять передаютъ ее проводнику, который распространяютъ ее далѣе въ проводникъ, который, если вы не отдѣлите его отъ земли, пошлетъ ее далѣе, въ землю, и явленія ни какого не будетъ. Но вы изолируете проводникъ. Это дѣлаете вы дѣлаете чтобы нагнать въ него вибрацій изъ стекла, заставить атомы, поверхности его и атомы ближайшаго къ ней воздуха сильно и весьма быстро вибрировать и соединяться. Тогда приблизьте палецъ къ нѣсколькимъ такъ расшевелившимся атомамъ и остановите ихъ колебанія: всѣ колеблющіеся атомы мгновенно толкнутся объ атомы остановленные, всѣ другъ за другомъ останутся, и вы получите въ палецъ ударъ, котораго сила будетъ равна суммѣ живой силы, колебаній всѣхъ расшевелившихся атомовъ. Чѣмъ больше поверхность проводника, тѣмъ болѣе будетъ атомовъ свободно и сильно вибрирующихъ, и тѣмъ сильнее окажется общій ихъ ударъ. Это — какъ и въ звукѣ; тѣмъ обширнѣе резонансовая доска, тѣмъ болѣе свободныхъ атомическихъ вибрацій у ея поверхности, и тѣмъ громче звукъ — дѣлаетъ сильнѣе, въ то же время, удара этой доски, если вы къ ней прикоснетесь. Но этого мало: звуку вы не произведете, если дѣйствующаго тѣла не устроите такъ, чтобы оно не вибрировало

само, или не отведете вибрацій его всторону. Вибрирующею струною играть нельзя по другой струнѣ вибрирующей — вибраціи встрѣтятся, столкнутся, произойдетъ интерференція и послѣдуетъ спокойствіе, молчаніе. Если атомы волосковъ въ смычкѣ вибрируютъ отъ тренія ихъ объ струну и сообщаютъ вибраціи свои атомамъ дерева, служащаго имъ оправою, такъ зато дерево держите вы въ рукѣ, которая отводитъ эти вибраціи въ сторону — посылаетъ ихъ черезъ подошву сапоговъ вашихъ въ землю — и нѣтъ противозвучія, нѣтъ ноты отрицательной, вибрирующей въ противоположную сторону и которой столкновение съ нотой положительною, съ вибраціей струны, уничтожило бы немедленно весь звукъ. Если вы не отведете вибрацій смычка въ сторону, если допустите ему свободно вибрировать и доставите еще резонансъ, такъ смычокъ издастъ ноту свою, а струна перестанетъ звучать: раздастся контра-нота, противозвучье, нота отрицательная, смычковая, вмѣсто положительной, струнной. Каждый, кто только знаетъ электрическую машину, увидитъ ясно, поимавъ теорію смычка и струны, что приборъ натирающій стекло машины, которое вточности представляетъ струну, тогда какъ проводникъ играетъ роль резонанса, а рядъ иглокъ — роль подставки, — что этотъ приборъ тотъ же смычекъ, и что тутъ рѣшительно не происходитъ ничего магическаго или мудренаго. Положительное электричество — нота стекла и проводника, — инструмента, — струны и резонанса вмѣстѣ; а отрицательное — нота натирающаго прибора и того же проводника или резонанса, прибавленнаго къ нему — противозвучіе этой ноты — результатъ собственныхъ вибрацій натирающаго прибора, возбуждаемыхъ въ немъ стекломъ машины, принявшимъ на себя прежнюю его должность натира-теля.

Мѣста здѣсь нѣтъ распространяться о примѣненіи этого способу понимать электрическое дѣйствіе къ прочимъ известнымъ явленіямъ электричества. Оно повсюду и во всѣхъ случаяхъ совершается такъ же просто и легко, какъ и въ разобраннымъ здѣсь случаѣ. Но не стоить труда заниматься дальнѣйшими примѣненіями. Каждый сдѣлаетъ ихъ про себя, если логика его не дорожитъ *невысокими жидкостями*. Въ противномъ случаѣ, въ умѣ его возникнутъ такіа возраженія, которыя напрасно было бы опровергать, потому что они до безконечности подкрѣплялись бы любовью къ привычнымъ идеямъ и упрямствомъ ученаго тщеславія. Лучше подождать до того времени, когда остатки невысокихъ жидкостей испарятся изъ умовъ.

Конецъ концовъ — тотъ, что по всегдашнему мнѣнію этого журнала, который объ электричествѣ давно придерживается въ духѣ той теоріи, что электричества нѣтъ въ природѣ, что оно все ненужно, что все на свѣтѣ дѣлается толчками, результатомъ вѣчныхъ и безконечно разнообразныхъ колебаній атомовъ вещества, единою и всеобщею силою природы, производящую и дѣленія и формы по законамъ чиселъ. Звукъ можетъ быть произведенъ электричествомъ и, наоборотъ, электричество можетъ быть произведено звукомъ, и вся разница между этими двумя явленіями — степень быстроты и величины атомическихъ вибрацій, которыя, въ другихъ степеняхъ напряженія, даютъ теплоту, свѣтъ, магнетизмъ, симпатіи и прочее. Первое оправдалось въ послѣднее время. Второе оправдается. Мнимое электричество своими мнимыми теченіемъ уже производитъ звуковыя вибраціи.

Но точно ли электричество дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ черезъ усиленіе вибрацій атомовъ тѣла, черезъ сообщеніе колебаніямъ ихъ большихъ размѣровъ?

На это мы находимъ отвѣтъ въ послѣднихъ опытахъ господина Вартгейма надъ электрическими звуками: по его выводамъ, электрической токъ, пробѣгающій по проволоцѣ, *удлинляетъ ее*, дѣйствуя во всей точности какъ ударъ.

Болѣе и ненужно: какъ скоро тѣло въ электрическомъ состояніи удлинняется, такъ оно должно произвестъ звукъ, если концы его укрѣплены на резонансѣ. Всякое электризуемое тѣло находится, слѣдственно, въ состояніи вибрирующей струны, и всѣ его явленія могутъ объясниться особеннымъ, напряженнымъ колебаніемъ атомовъ этого тѣла. Участіе эону тутъ вовсе нужно. Атомы каждаго тѣла въ состояніи произвестъ все одинъ, своими собственными колебаніями: стѣдуетъ только возбудить ихъ до приличной случаю степени. Сложная сила этихъ безконечно мелкихъ движеній невообразима. Почти невѣроятно, что тоненькій и слабый кларетный язычекъ, прижатый крѣпкимъ желѣзнымъ вѣнтомъ со всею силою мужнины, когда приведешь его въ звучащую вибрацію, въ короткое время отпихаетъ этотъ вѣнтъ назадъ.

Ударяйте или натягивайте ночью, въ темнотѣ, одну изъ самыхъ высокихъ струнъ фортепіано съ такою силою, чтобы струна лопнула: разорвавшая струна будетъ довольно горяча, — всякая напрягаемая струна разгорячается, — и въ разрывѣ мелькнетъ искорка. Вы получаете вдругъ звукъ, теплоту, свѣтъ и электричество. Если бы можно было въ это мгновеніе поднести электрометръ къ струнѣ, магнитная стрѣлка непремѣнно пришла бы

въ доказаніе: тутъ было бы дѣлать такъ называемое термо-электрическое. Но отъ примѣры были уже приведены въ «Биографии для Чтения», въ другой мѣстѣ.

Мнѣніе профессора Грова объ электричествѣ. Изъ обстоя- тельствъ жизни его, читанныхъ въ Королевскомъ Лондонскомъ Инсти- тутѣ. Читая мы получаемъ перечень этихъ знаменитыхъ лекцій. Намъ лишь неопровержимыя доказательства того, что электрическій огонь не есть горѣніе, то есть процессъ химическаго соединенія ка- коя-нибудь съ разлагающимся тѣломъ, потому что онъ можетъ суще- ствовать и въ безвоздушномъ пространствѣ и безъ всякаго химиче- скаго разложенія тѣла; что это, собственно, только проявленіе бы- строю движенія атомовъ, отторгающихся отъ оконечности провод- ника, знаменитый англійскій физикъ продолжаетъ: «Последнее и самое убѣдительное доказательство этой системы представляетъ электрическій огонь, являющійся на оконечности желѣзна- го проводника: магнитное свойство желѣза заставляетъ атомы е- го дѣйствовать въ видѣ вращательнаго движенія, когда по немъ про- ходитъ электрическій токъ, и мы видимъ, что и электрическій огонь на оконечности желѣзнаго проводника вращается также, следовательно, это — не горѣніе, а простое движеніе атомовъ же- лѣза, отдѣляющихся отъ его массы на одномъ полюсѣ и перехо- дящихъ на другой. Эту идею старался я развить передъ вами во многихъ случаяхъ втеченіе моего курса, и прошу васъ, милостя- вые государи, не почитать ее за легкомысленное предположеніе. Если, съ перваго взгляду, она не объясняетъ вамъ нѣкоторыхъ явленій электрическаго огня, при ближайшемъ и безпристрастномъ разборѣ вы увидите, что всѣ кажущіяся противорѣчія ея съ фак- тами исчезаютъ или по-крайней-мѣрѣ, далеко не такъ непре- одолимы какъ несогласіе этихъ же фактовъ съ другими теоріями электричества. По мнѣ, гипотеза о существованіи матеріи безъ ея силы влечетъ за собою убійственныя возраженія противъ ученія объ электричествѣ какъ эфирности, тогда какъ въ несообразно- сти уничтожаются, какъ-скоро электричество мы признаемъ силою, а не матеріей. Силою же я называю явленія, обнаруживающіяся при столкновеніи движенія съ преградой, старающеюся представить ему сопротивленіе.»

То же самое, другими словами, сказано у насъ въ предъидущей статьѣ. Объясненіе электрическихъ явленій, которое тамъ пред- ставлено, основывается на той моральной мысли или истинѣ, что раскачиванья усиленною вибраціей атомы проводника отходятъ отъ

его первообытной поверхности, и образуютъ около нея какъ-бы атмосферу вибрационныхъ движеній, въ родѣ того что мы видимъ около вибрирующей струны. Въ этомъ — источникъ удару и его силы. Когда атомы проводника рѣшительно отъ него отрываются и переходятъ съ его вибраціями въ другое тѣло, въ мгновеніе этого перехода являются огонь и свѣтъ отъ внезапнаго и чрезвычайнаго учащенія колебаній атомовъ ударяющихся въ преграду, предпоставленную имъ свободнымъ и довольно длиннымъ раскатамъ въ пространство.

СУЩЕСТВОВАНИЕ МИКРОСКОПИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ВОЗДУХѢ. *Изслѣдованіе господина Эренберга.* Общее мнѣніе зоологовъ полагаетъ, что инфузоріи могутъ жить только въ водѣ, и существованіе этихъ организмовъ въ атмосферѣ было отвергаемо даже самимъ господиномъ Эренбергомъ. Нынче онъ видитъ себя въ необходимости сознаться, что весь свѣтъ полнится инфузоріями и все на свѣтѣ — инфузорія. Къ этому заключенію приводитъ его тщательное соображеніе составу атмосферической пыли или красныхъ и коричневыхъ дождей, упавшихъ съ начала нынѣшняго столѣтія въ разныхъ странахъ Европы. Ученый берлинскій натуралистъ нашель, что пыль эта состоитъ изъ тѣлъ осьмидесяти пяти породъ микроскопическихъ животныхъ, которыхъ формы большею частью вовсе не похожи на формы земныхъ организмовъ. Тѣ, которыя случайно бываютъ похожи, какъ напримѣръ двѣ породы крошечныхъ существъ, найденныхъ свѣжими и живыми въ пыли, упавшей въ 1803 году въ Ліонѣ, имѣютъ родныхъ на землѣ такъ далеко — обыкновенно въ Америкѣ — что невозможно предполагать чтобы онѣ привнесены были оттуда вѣтромъ, тѣмъ болѣе, что вѣтеръ дулъ тогда изъ Африки, а африканскихъ земныхъ породъ вовсе между ними не оказалось. Что касается до цвѣту пыли, всегда болѣе или менѣе краснаго, то онъ зависитъ вообще отъ преобладанія въ ней той или другой породы этихъ неизвѣстныхъ тварей. Господинъ Эренбергъ, не довольствуясь этимъ, составилъ, по лѣтописямъ разныхъ народовъ, полный сводъ всѣмъ пыльнымъ дождямъ, втеченіе трехъ тысячъ тридцати лѣтъ. Все вмѣстѣ заставляетъ его рѣшительно убѣдиться въ той истинѣ, *которой въ наше время нельзя уже подвергать сомнѣнію, что атмосферный воздухъ одаренъ такъ же какъ и вода условіями, способствующими къ развитію жизни, которая распложается въ немъ, впрямую, не посредствомъ лицъ, но скорѣе путемъ дѣленія, — то есть, что какъ въ воздухѣ лицъ*

кдасть некуда, то у атмосферныхъ существъ потомокъ вырастають изъ задней части матери, образуя съ нею въ некоторое время родъ червошной дамы, пока наконецъ отъ нея не отдѣлится и не поидеть на свой хлѣбъ. Этотъ способъ поддерживать свою породу принять, какъ извѣстно, многими земными животными, а у воздушныхъ — онъ самый удобный и даже неизбежный.

НОВАЯ ПЛАНЕТА, открытая въ апрѣль мѣсяцъ господиномъ Гремомъ. Извѣстiе объ открытiи этой планеты было справедливо. Господинъ Гремъ (Graham) наблюдалъ ее въ Англии 24 апрѣля, а 1 и 5 мая движенiя ея были примѣчены и опредѣлены на парижской обсерваторiи. Но, сколько можно судить по первымъ измѣренiямъ, она принадлежитъ къ группѣ крошечныхъ планетъ, текущихъ около Солнца въ большомъ промежуткѣ пространства между Марсомъ и Юпитеромъ, должна лежать между недавно открытыми планетами Гебою и Иридою, и величиною, какъ кажется, не превосходить нашей Луны. Полное обращенiе ея около Солнца можно полагать въ 3 года и 8 мѣсяцевъ.

ПОЛЕМИКА О ПЛАНЕТѢ НЕПТУНѢ. Кстати здѣсь упомянуть о войнѣ, завязавшейся между господиномъ Леверриѣ и разными Пирсами. Нѣкто, М-г Рiерсе, Сѣверный Американецъ, вскорѣ по изобрѣтенiи Леверриѣровой планеты, жестоко напалъ на нее, не одобряя такого изобрѣтенiя. Господинъ Леверриѣ, принявъ эту статью за выходку противъ него американскаго профессора Пирса, отвѣчалъ кое-что профессору въ защиту своей планеты. Ниче профессоръ Рiерсе отвѣчаетъ господину Леверриѣ, что статья — вовсе не его, но что и онъ также недоволенъ Нейтувомъ, какъ планетою Леверриѣ. Американскiй профессоръ, съ своей американской откровенностью, доказываетъ, что Леверриѣрову планету надо еще открыть, а что Нептунъ — совсѣмъ другая планета: ее поймали только потому, что она, случайно, находилась поблизости того мѣста, гдѣ французскiй математикъ, по своимъ вычисленiямъ, назначалъ мѣстопробыванiе нужной ему планетѣ. Господинъ Леверриѣ не отвѣчалъ на это. За него отвѣчаютъ прiатели, горячо принявшiе сторону его открытiя съ самаго начала: говорятъ, что все это *очень возможно*, но, если по мнѣнiю профессора Пирса Леверриѣрова планета еще предлежитъ къ открытiю, такъ пусть же онъ пошлетъ ея и откроетъ. Это опять не возраженiе: такой планеты, какая была нужна господину Леверриѣ, легко можетъ не существовать.

СУКОИНАЯ ЖОВАНКА. Въ Манчестерѣ были выставлены, въ прошломъ мѣсяцѣ, и возбуждали живѣйшее удивленіе произведенія совсѣмъ новаго искусства. Нѣкто John Munro, подмастерье портнаго дѣла, будучи отъ природы одаренъ и страстью и необыкновенными способностями къ рисованію и живописи и не имѣя средствъ на покупку бумаги и красокъ, занимался по ночамъ копированіемъ картинокъ и эстамповъ, подбирая кусочки разноцвѣтныхъ суковъ и сшивая ихъ иголкой. Такимъ образомъ Джонъ Монро произвелъ *сукоиные портреты* нѣсколькихъ актрисъ и артистовъ, пейзажи, морскіе виды съ кораблями, и прочая. Живость колорита, ровность и чистота отдѣлки, нѣжность линий непостижимы въ этихъ необычайныхъ работахъ, особенно, когда вспомнишь грубость и неподатность матеріаловъ, которыми писалъ этотъ работникъ.

НАСЕЛЕННОСТЬ РОССИИ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. Въ мѣсяцесловѣ, издаваемомъ ежегодно отъ Академіи Наукъ, помѣщаются таблицы о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся. Жаль, что эти таблицы никогда не бываютъ полны: всегда не достаесть свѣдѣній изъ многихъ губерній. Несмотря однако на такую неполноту, эти таблицы представляютъ любопытныя явленія за послѣдній 1845 годъ. Сравнивъ таблицы за 1845 годъ съ таблицами за 1843, находимъ слѣдующіе результаты:

ПО ГРЕКО-РОССІЙСКОМУ ИСПОВѢДАНІЮ

Въ 1843	родилось 2,304,000 ч.;	умерло 1,573,000 ч.;	бракъ сочел. 517,000 паръ.
Въ 1845	— 2,306,000 —	— 1,603,000 —	— 514,000 —
Разность + 2,000 ч.		+ 30,000 ч.	— 3,000 паръ.

Изъ чего слѣдуетъ, что въ 1845 году, сравнительно съ 1843, при одинаковой почти плодовитости, была обильнѣйшая жатва для смерти и скудость на браки.

ПО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМУ ИСПОВѢДАНІЮ

Въ 1843	родилось 111,000 ч.;	умерло 68,000 ч.;	бракомъ сочел. 26,000 паръ.
Въ 1845	— 97,000 —	— 99,000 —	— 17,000 —
Разность — 14,000 ч.		+ 31,000 ч.	— 9,000 паръ.

Здѣсь плодовитость уменьшилась на 14 процентовъ, смертность увеличилась на 45 процентовъ, и браки оскудѣли на 35 процентовъ.

Если приведённые здѣсь числа вѣрны, то можемъ справедливо заключить, что съ 1845 года народонаселеніе римско-католическаго исповѣданія начало уменьшаться въ Россіи; и какъ въ томъ году бракомъ сочеталось только 17,000 паръ, то въ 1846 году мы должны найти число родившихся не болѣе 70,000 человекъ, полагая по четыре души новорожденныхъ на бракъ; другими словами, такъ какъ число браковъ уменьшилось на 35 процентовъ, то и число родившихся въ слѣдующемъ году должно уменьшиться на столько же, то есть не должно превышать 72,000. Если же окажется, что въ 1846 году родилось болѣе 72,000 человекъ, — что мы узнаемъ по выходѣ въ свѣтъ календаря на 1849 годъ, — то можемъ справедливо заключить, что вѣдомости о числѣ родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся по этому исповѣданію у насъ составляютъ невѣрно; ибо нельзя допустить, чтобы отношенія плодовитости, смертности и браковъ такъ быстро измѣнялись изъ году въ годъ, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

ПО ПРОТЕСТАНТСКОМУ ВѢРОИСПОВѢДАНІЮ

Въ 1843 родилось 75,000 ч.; умерло 50,000 ч.; бракомъ сочетал. 15,000 паръ.
 Въ 1845 — 68,000 — — 73,000 — — — 14,000 —

Разность — 7,000 ч.   + 23,000 ч.   — 1,000 паръ.

Здѣсь плодовитость уменьшилась на 9 процентовъ, смертность увеличилась на 46 процентовъ, и браки оскудѣли на 7 процентовъ.

Числа по прочимъ вѣроисповѣданіямъ не представляютъ особыхъ явленій и сравнительно мало разнятся между собою.

ВСЕГО ВООБЩЕ ВЪ РОССІИ

Въ 1843 родилось 2,623,000 ч.; умерло 1,781,000 ч.; брак. сочет. 591,000 паръ.
 Въ 1845 — 2,630,000 — — 1,875,000 — — — 580,000 —

Разность + 7,000 ч.   + 94 000 ч.   — 11,000 паръ.

Слѣдовательно общая плодовитость увеличилась только на четверть процента, смертность увеличилась слишкомъ на пять процентовъ, и браки оскудѣли на два процента, такъ что 1845 годъ оказывается очень неблагопріятнымъ для народонаселенія Россіи. Если число родившихся зависитъ преимущественно отъ числа браковъ, и какъ браки уменьшились на два процента, то число родившихся въ 1846 году должно уменьшиться до 2,570,000 человекъ, если только таблицы будутъ достаточно полны и вѣрны

Въ западныхъ государствахъ, во Франціи и въ Англіи, отношенія плодovitости, смертности и браковъ къ народонаселенію выражаются слѣдующими числами: $\frac{1}{23}$, $\frac{1}{40}$, $\frac{1}{125}$. Для Россіи эти отношенія слишкомъ малы. Примемъ для плодovitости $\frac{1}{23}$, для смертности $\frac{1}{33}$ и для браковъ $\frac{1}{100}$. Помноживъ числа родивъ, похоронъ и свадебъ соответственно на 23, на 33 и на 100, находимъ слѣдующую общую населенность Россіи:

въ 1843 году 1) 60,300,000, 2) 59,700,000, 3) 59,100,000.

въ 1845 году 1) 60,350,000, 2) 62,800,000, 3) 58,000,000.

Числа 1843 года даютъ довольно сходные результаты по отношеніямъ $\frac{1}{23}$, $\frac{1}{33}$, $\frac{1}{100}$; но въ 1845 году эти отношенія измѣнились, и оттого результаты вышли несогласные. Въ это вычисленіе не входятъ нѣкоторыя губерніи, армія и флотъ, и потому населенность собственно Россіи, за исключеніемъ Финляндіи и Царства Польскаго, простирается за 60 милліоновъ по меньшей мѣрѣ. Но нельзя ручаться за точность принятыхъ нами отношеній $\frac{1}{23}$, $\frac{1}{33}$, $\frac{1}{100}$: если примемъ другія отношенія, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{34}$, $\frac{1}{108}$, то находимъ въ 1845 году населенность Россіи до 62 милліоновъ. Но, можетъ-быть, даже и эти отношенія малы, и надо будетъ принять $\frac{1}{22}$, $\frac{1}{32}$, $\frac{1}{100}$: въ такомъ случаѣ населенность Россіи не будетъ 60 милліоновъ.

ПОСЛѢДНЯЯ АНГЛІЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ КЪ НИГЕРУ. Въ 1836 году, Макгрегоръ Лэрдъ совершилъ, по порученію ливерпульскихъ купцовъ, экспедицію на Нигерь, которою доказалъ, что рѣка эта судоходна для небольшихъ пароходовъ на довольно большое разстояніе отъ устья. Цѣлью экспедиціи было, кромѣ этого обстоятельства, удостовѣриться въ истинѣ рассказовъ прибрежныхъ негровъ о здоровости климата внутреннихъ земель и ихъ богатствѣ; въ случаѣ успѣшнаго окончанія экспедиціи они предполагали даже основать торговую колонію у слиянія Нигера и Чада. Но результатъ экспедиціи былъ самый горестный. Макгрегоръ Лэрдъ поднялся на двухъ пароходахъ по Нигеру до Раббы; рассказы о несметныхъ богатствахъ края не оправдались, а изъ сорока-осьми человѣкъ, составлявшихъ экспедицію, осталось въ живыхъ только восемь; остальные погибли отъ вліянія климата.

Этотъ несчастный опытъ не устранилъ однако же ревнителей прекращенія торговли неграми. Въ 1840 году, нѣкто Бокстонъ предложилъ какъ новое средство для уничтоженія торговли неграми и для распространенія просвѣщенія въ Африкѣ, основать

нѣсколько колоній во внутреннихъ ея частяхъ, которыя обрабатывали бы удобныя земли, и старались бы показать туземцамъ, какія сокровища они могутъ получить отъ своей родной земли трудами, съ помощію англійскихъ капиталовъ и искусства.

Средство было не совсѣмъ новое. Еще въ 1791 году основана колонія Сиерра-Леоне съ тою же цѣлью уничтожить постыдный торгъ людьми, черезъ распространеніе между туземцами христіанства и земледѣлія. Колонія эта, стоявшая Англій ежегодно до ста-тысячъ фунтовъ стерлинговъ, и несмѣтнаго числа людей, не принесла ни какой пользы. Втеченіи полулѣтка въ ней поселено, въ разныя времена, болѣе шестидесяти тысячъ человекъ, а въ 1840 году все народонаселеніе ея не доходило до сорока-тысячъ душъ; въ томъ числѣ было осемьдесятъ Европейцевъ. Изъ описаній путешественниковъ, посѣщавшихъ колонію около того времени, видно, что она находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Горсть Европейцевъ была погружена въ развратъ; негры косаѣли въ невѣжествѣ и лѣности; христіанство не только не распространялось, но даже съ каждымъ днемъ лишалось послѣдователей, благодаря нерадѣнію пасторовъ и усердію мухамеданскихъ миссіонеровъ; земли были въ такомъ же запустѣніи, какъ и прежде; количество вывозившихся товаровъ ничтожно; сама же колонія должна была получать изъ другихъ странъ даже табакъ, сахаръ и ромъ; молодые негры, освобожденные изъ неволи и поселенные подъ присмотромъ своихъ соотечественниковъ, которые сами едва пачинали привыкать къ осѣдой жизни, были такъ недовольны своимъ положеніемъ, что многіе предпочитали ему рабство и добровольно отдавались въ кабалу; другіе бѣжали въ лѣса и возвращались къ прежней своей дикой жизни. Единственными надежными подданными Великобританіи были Крумены, племя крѣпкое, трудолюбивое, кроткое, но закоснѣлое въ язычествѣ и многоженствѣ.

Несмотря на горестный результатъ первой колоніи, предложеніе Бокстона было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ. Парламентъ ассигновалъ на экспедицію огромную сумму денегъ; для нея нарочно построено три желѣзныхъ парохода; цвѣтъ англійскаго флота добровольно вызывался участвовать въ ней; офицеровъ прельщала слава и вѣрное производство, матросовъ — опасности и двойная плата.

Эскадра благополучно перешла Атлантическій Океанъ, и взявъ въ Сиеррѣ-Леоне достаточное число Круменовъ, вступила въ Нунское Устье Нигера, въ половинѣ августа 1841 года. Она состо-

для изъ трехъ пароходовъ и шкуны, подъ начальствомъ капитановъ Троттера, Бердъ-Оллена и Вильяма-Оллена; на четырехъ судахъ находились сто-сорокъ-пять человѣкъ бѣлыхъ и сто-осемьдесятъ человѣкъ негровъ; изъ нихъ тридцать три человѣка предполагалось поселить въ образцовой фермѣ; шкуна была нагружена только предметами необходимыми, для этой будущей фермы. Цѣлью экспедиціи было подняться по Нигеру до Раббы, заключить торговые союзы съ тѣми изъ внутреннихъ африканскихъ владѣльцевъ, во владѣніяхъ которыхъ ведется внутренняя торговля невольниками, главный источникъ торговли внѣшней; главнымъ условіемъ союзовъ было отреченіе отъ этой гнусной торговли, и доставленіе въ новую колонію на выгодныхъ условіяхъ, произведеній ихъ государствъ. Наконецъ экспедиція должна была избрать здоровое и удобное мѣсто для поселенія тридцати-трехъ несчастныхъ, которые согласились остаться на всю жизнь въ образцовой фермѣ, среди дикихъ племенъ.

На третій день послѣ вступленія эскадры въ устье Нигера, оказалось уже на ней влияніе смертоноснаго климата; механикъ Бакъ былъ первою жертвою африканской горячки; къ началу же сентября болѣзнь распространилась почти на весь экипажъ всѣхъ четырехъ судовъ.

Десятаго сентября эскадра достигла мѣста, назначеннаго для учрежденія фермы, у слиянія Нигера съ Чадою, а на слѣдующій день приступили къ выгрузкѣ всѣхъ ея принадлежностей, телегъ, плуговъ, домашней утвари, и прочаго. На избранномъ мѣстѣ стоялъ года два передъ тѣмъ большой городъ, который былъ разрушенъ враждебнымъ племенемъ, Фелатами; съ-тѣхъ-поръ улицы и остатки шалашей заросли высокою травой, населенною всякаго рода змѣями и гадами. Пробывъ тутъ два дня, и похоронивъ еще человѣка, экспедиція убѣдилась въ неудобности мѣста для предполагаемой цѣли, и должна была снова нагружать свою ферму, и везти ее далѣе. Проплывъ еще милью, она опять оставилась и стала выгружаться. Въ это время болѣзнь стала сильно свирѣпствовать на эскадрѣ; на одномъ пароходѣ «Альбертъ» въ одну недѣлю умерло семь человѣкъ, и было девятнадцать больныхъ. Къ девятнадцатому сентябрю число больныхъ возрасло до того, что положено было часть ихъ перевести на одинъ пароходъ, «Суданъ», и отправить внизъ къ Асенсіону. Остальные два парохода должны были на слѣдующій день идти далѣе; но къ слѣдующему утру столько заболѣло вновь народу, что съ обожъ судовъ едва можно было выбрать довольно здоровыхъ

людей для управления однимъ; поэтому «Видьбергеръ» отирается вслѣдъ за судномъ, также съ большими, а «Альбертъ» одинъ продолжаетъ подниматься по Нигеру.

На пути отъ устья Ниуа къ мѣсту учрежденія образцовой фермы, капитанъ Троттеръ посѣтилъ царя Идакскаго, одного изъ внутреннихъ владѣльцевъ, съ которыми слѣдовало заключить договоры о прекращеніи торговли неграми. Предварительно уже были сдѣланы всѣ распоряженія для заключенія договора между нимъ и королевою Викторіею; царь былъ окруженъ всѣми своими сановниками, а капитанъ взялъ съ собою нѣсколько членовъ экспедиціи. Взять назначенные для царя подарки, они сошли на берегъ, гдѣ ихъ ждали лошади, присланныя его африканскимъ величествомъ. Впередѣ поѣзда ѣхалъ фехтовальный учитель Дунканъ, одѣтый, для большей важности, въ мундиръ лейбъ-гвардіи, въ которой онъ вѣкогда служилъ. Посольство вошло въ шатеръ царя черезъ лазейку фута въ три съ половиною, что было не совсемъ удобно для отставнаго гвардейца, потому что онъ былъ ростомъ шести футовъ трехъ дюймовъ, да сверхъ того на немъ были латы и шлемъ, а въ рукѣ пика со значкомъ. Султандъ сядѣлъ поджавъ ноги на скамейкѣ, окруженный своими сановниками и дворомъ; онъ былъ очень мраченъ, и казался недовольнымъ, однако же милостиво принялъ подарки, общалъ все, чего отъ него требовали, съ тѣмъ, чтобы новые союзники помогли ему въ ссорахъ съ сосѣдними царьками, уступилъ часть своихъ земель своей кнѣзюснкой сестрѣ, королеѣ Английской, и сильно приставалъ къ Дункану, чтобы онъ отдалъ ему шлемъ за изломанный слоновый клыкъ. Министры его величества были въ восторгѣ отъ подаренныхъ имъ красивыхъ спальныхъ кошаковъ, оловъ и иглокъ. Между тѣмъ настудила ночь, и посольство послѣднѣе заключило договоръ; онъ былъ подписанъ при свѣтѣ прощаннаго пальмовымъ масломъ куска тыквы, горѣвшаго на англійской сковородѣ, которую его величество употреблялъ вмѣсто канделябры. Надо замѣтить, что царь, желая соблюсти свое царское величіе, во все время свиданія не говорилъ ни слова, а только кивалъ отъ времени до времени своєю головою.

«Альбертъ» продолжалъ свое плаваніе къ Раббѣ. Двадцатывторого сентября заболѣли капитанъ Бердъ-Олленъ и двое рудельныхъ. По воскресеньямъ пароходъ становился на якорь, и экипажъ ничего не дѣлалъ, какъ только вдыхалъ трюмцескую зарезу. Въ воскресенье, двадцать третьяго сентября, говоритъ врачъ экспедиціи, докторъ Макдильямъ, при девятисто-

двухъ градусахъ (27° P.) въ самыхъ холодныхъ частяхъ судна, шаторъ Шейв отслужилъ литургію; слушатели его были однимъ остовомъ первоначальной паствы; часть ея отдѣлилась отъ насъ при устьѣ Чады; другая часть лежала вокругъ насъ, изнуренная тяжелою болѣзью. Подъ вечеръ подплыла къ пароходу лодка какого-то африканскаго парька съ тремя невольниками. Этого парекъ оказался сыномъ того самаго султана, съ которымъ экспедиція только-что подписала договоръ о прекращеніи торговли неграми; тѣмъ же самымъ нѣжнимъ братомъ, который, во время Макгрегора-Ларда, желая совершить достойную тризну на могилѣ своего брата, опомилъ его шестьдесятъ вдовъ ядомъ, отъ котораго тридцать-двѣ умерли, а остальные двадцать-осемь были изувѣчены на всю жизнь; онъ же самъ хвасталъ тѣмъ, что отравилъ нѣсколькихъ спутниковъ Ларда. Этому-то кровожадному дикарю капитанъ Троттеръ торжественно прочелъ, въ присутствіи своего умирающаго экипажа, законы о торговлѣ неграми, и подписанное отцомъ его обязательство, прекратить на вѣки эту гнусную торговлю въ своихъ владѣніяхъ.

Третьяго октября, въ двухъ дняхъ пути отъ Раббы, самъ капитанъ Троттеръ заболѣлъ горячкою. Въ это время на пароходѣ оставалось только осемь человѣкъ здоровыхъ и годныхъ еще къ службѣ: докторъ Маквилльямъ, докторъ Стенджеръ, геологъ, рулевой Уилли, одинъ унтеръ-офицеръ, два матроса и одинъ лазаретный служитель; продолжать экспедиціи было невозможно, и потому пароходъ отправился обратно къ устью Чады. Къ вечеру рулевой Уилли также заболѣлъ. Докторъ Стенджеръ принужденъ былъ взять на себя управленіе машиною, а Маквилльямъ стать на руль, потому что всѣ рулевые и машинисты или умерли, или были больны; двое больныхъ въ отчаяніи бросились въ рѣку, — одинъ изъ нихъ погибъ. Положеніе парохода было самое ужасное: вся надежда спасенія лежала на двухъ человѣкахъ, отроду не управлявшихъ ни кораблемъ, ни машиною, и которые притомъ сами могли каждую минуту пасть жертвами климата и нравственной пытки. Девятаго сентября «Альбертъ» достигъ слиянія Нигера съ Чадою, гдѣ долженъ былъ основаться рассадникъ африканскаго просвѣщенія, и гдѣ между-тѣмъ стояла шкуна «Амелия въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, какъ и «Альбертъ». Школьный учитель и садовникъ лежали въ горячкѣ, на своихъ койкахъ; на берегу, въ шатрѣ, лежалъ главный смотритель будущей колоніи при смерти; эти, и нѣкоторые другіе Европейцы, такъ же больные, переведены на пароходъ. Многіе изъ поселен-

ныхъ негровъ просили, чтобы ихъ отвезли назадъ; но такъ какъ они сначала добровольно вызвались поселиться въ колоніи, то имъ не позволили оставить ея. «Альбертъ» отплылъ, оставляя ферму безъ смотрителя, безъ садовника, безъ учителя, подъ надзоромъ стараго негра-матроса, и продолжалъ свое плаваніе къ берегу.

Тринадцатаго октября встрѣтилъ онъ неожиданную помощь. Въ числѣ противниковъ экспедиціи, доказывавшихъ еще до отправления ея изъ Англіи ея бесполезность и опасность, былъ ливерпульскій купецъ Джемисонъ, хорошо знакомый съ африканскими берегами, съ которыми онъ велъ торговлю. Имѣя для того собственный небольшой пароходъ, онъ приказалъ его командиру, Бекрофту, въ случаѣ нужды, оказать зависящую отъ него помощь эскадрѣ. Вслѣдствіе этого приказанія, едва Бекрофтъ узналъ отъ экипажа «Судана», что «Альбертъ» еще въ рѣкѣ, онъ немедленно отправился отыскивать его, и тринадцатаго числа съ палубы «Альберта» съ удивленіемъ и восторгомъ увидѣлъ небольшой пароходъ, шедшій имъ навстрѣчу. Капитанъ Бекрофтъ немедленно посадилъ на «Альберта» нѣсколько своихъ машинистовъ и матросовъ, и провезъ его черезъ извилистые шхеры, которыми загорожено устье Нигера, и которые были ему хорошо извѣстны; безъ его помощи послѣдніе остатки экипажа погвбли бы на этихъ смрадныхъ меляхъ.

По возвращеніи «Альберта» въ Сьерру-Леоне, двадцать перваго октября, Уилли умеръ; за нимъ умерли капитанъ Бердъ-Омелъ, лейтенантъ Стенгоузъ, помощникъ хирурга, Вудгоузъ, и множество другихъ участниковъ этой драмы. Докторъ Маквилльямъ также три недѣли боролся со смертію, и считался уже почти мертвымъ.

На другихъ двухъ пароходахъ, съ того дня какъ они оставили образцовую ферму, происходило почти то же, что и на «Альбертѣ». Когда лейтенантъ Фишборнъ привелъ Суданъ въ Фернандо-По, онъ былъ единственный на немъ человекъ, стоявшій на ногахъ; всѣ остальные были больны; Вильберфорсъ пришелъ туда же перваго октября въ такомъ же бѣдственномъ положеніи.

Какъ скоро пришла въ Англію вѣсть объ этихъ бѣдствіяхъ, само собою разумѣется, что и дипломатическіе и торговые замыслы бывшіе поводомъ экспедиціи, были оставлены; но надо было послать опять пароходъ въ рѣку выручить страдальцевъ, оставленныхъ на вѣрную гибель въ несчастной колоніи, если оставался еще кто изъ нихъ въ живыхъ. Осемь охотниковъ, изъ которыхъ шестеро уже испытали ужасы первой экспедиціи, вызвались вѣхать

на помощь своимъ товарищамъ, в второго іюля «Вильберфорсъ», подъ начальствомъ лейтенанта Вебба, снова вступилъ въ устье Нува; осьмнадцатаго достигъ слиянія Нигера съ Чаадою, а двадцать-седьмаго вывезъ оттуда всѣхъ поселенцевъ и шкуру «Амалию.» Въ двадцать-пять дней, употребленные имъ на это дѣло, семь человекъ изъ его небольшого экипажа вторично подверглись мѣстной горячкѣ, и двое изъ нихъ умерло.

Изъ ста-сорока пяти Европейцевъ, вступившихъ, въ августѣ 1841 года, въ устье Нигера, людей молодыхъ, здоровыхъ, крѣпкихъ, давно знакомыхъ по большей части съ тропическимъ климатомъ, одинъ только, по какому-то чуду, не подвергся вредному вліянію климата; всѣ остальные испытали его болѣе или менѣе, и сорокъ человекъ остались на берегахъ этой роковой рѣки.

ЕГИПЕТЪ И МЕГМЕТЪ-АЛИ. *Изъ Записокъ князя Пюклеръ-Мускау.*
«Когда я, по возвращеніи съ поѣздки къ верховьямъ Нила, имѣлъ первую аудіенцію въ Шубрѣ, говоритъ авторъ, который пользовался особенною милостію у Мегмета-Али, я позволилъ себѣ высказать его высочеству многія не совѣтъ пріятныя истины, и между прочимъ, что его чиновники безсовѣстно обкрадываютъ и его и народъ. Сначала онъ очень горячо опровергалъ это, говорилъ, что я, вѣроятно, смотрѣлъ на всѣ вещи въ крашенныя очки и что дурные чиновники, конечно, встрѣчаются и въ Европѣ; наконецъ однакожъ сознался, что не всегда его предписанія исполняются такъ, какъ бы онъ желалъ.

— Впрочемъ, повѣрь, прибавилъ онъ съ улыбкой, хоть меня и обманываютъ, а всё-таки, подъ конецъ, все въ мой же кошелекъ возвращается... А изъ кошелька, поспѣшно прибавилъ онъ еще, опять идетъ въ народъ. Развѣ ты не видалъ монхъ построекъ монхъ, школъ и общепользныхъ заведеній? развѣ не самъ ты хвалилъ ихъ?

— Правда, отвѣчалъ я, однакожъ, напримѣръ въ Фаомѣ, въ этой превосходной провинціи, еще много остается сдѣлать.

И я описалъ ему, каково тамъ было въ Саладпново время и каково теперь. Подъ городомъ находится нѣсколько дачъ, окруженныхъ садами и огородами, и принадлежащихъ придворнымъ и чиновникамъ, которымъ вице-король въ видѣ награды роздалъ въ послѣднее время слѣшкомъ тридцать-тысячъ фоддановъ земли въ пожизненное владѣніе. Это не только подарокъ тѣмъ, которые

получилъ, но и искусно рассчитанная выгода для самого Магмета-Али; между-тѣмъ всё-таки вдвое и втрое больше этого пространства земли въ Фаюмѣ лежитъ въ заустѣннн, по недостатку рукъ и по небреженію, въ какомъ оставлены старицы каналы, а еще того больше занесено пескомъ. При Саль-Эдвинѣ въ Фаюмѣ считалось триста сорокъ деревень; теперь едва наберется сотня. Великолѣпная система наводненія, какая существовала при фараонахъ, конечно не выполнима при вышѣщихъ средствахъ вице-короля, однакожъ столько-то оцъ могъ бы сдѣлать, сколько сдѣлалъ Саль-Эдвинъ.

Мегмету-Али досадно стало. Онъ нахмурилъ бровь и отрывисто отвѣчалъ, что его положеніе въ отношеніи къ Европѣ во всемъ связываетъ ему руки и принуждаетъ всего больше обращать вниманія на армію и флотъ, потомъ прибавилъ, что уже думалъ объ устройствѣ каналовъ въ фаюмской провинціи, но напередъ долженъ кончить плотины на Нилѣ въ началѣ Дельты.

Этотъ колоссальный проектъ стоилъ уже огромныхъ суммъ, потраченныхъ понапрасну, и многіе, хотя неосновательно, почитаютъ его совершенно неисполнимымъ. Когда я былъ въ томъ краѣ и осматривалъ устроенныя для этой цѣли заводы, магазины и самыя земляныя работы, пачатыя въ колоссальныхъ размѣрахъ, дѣло было остановлено по недостатку денегъ, чирваки и рабочіе жаловались на вынужденную праздность и, еще откровеннѣе, на задержку жалованья. Но въ послѣднее время Мегметъ-Али опять дѣятельно занялся выполненіемъ этого гигантскаго предпріятія. Управление поручено составителю проекта, инженеру Линаву.

Задача при устройствѣ этихъ плотинъ состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобы при самомъ низкомъ стояніи воды можно было наводнять 3,800,000 феддановъ, или десятинъ, земли безъ помощи *sakievs*, или водососовъ, только посредствомъ каналовъ; во-вторыхъ, чтобы во время прибыли можно было наполнять каналы, которые служатъ къ наводненію края и распределены большими бассейнами внутри Каира, до моря; въ третьихъ, чтобы сохранить и, если можно, улучшить судоходство на обухъ рукавахъ.

Для выполнения перваго условія, нужно поднять воду на 0,166 метра выше уровня земли, при низшемъ стояніи. Для втораго нужно во время прибыли спускать часть воды изъ рукава розетскаго въ рукавъ дамьетскій, куда впадаютъ всѣ каналы, служащія къ наводненію бассейновъ Дельты и Хергуе. Къ достиже-

цію этой цѣли служить высота воды 1,166 метра выше уровня земли. Для третьяго — пужво, чтобы уровень Нила не былъ замѣтно ниже вывѣшняго, при низшемъ стояніи воды.

Для всего этого близко, сколько возможно, у вершины Дельты предположено прорыть новыя русла для обоихъ рукавовъ Нила, съ примыкающими каналами, и частью уже устроены плотины, перемычки и шлюзы.

Каждый шлюзъ имѣетъ восрединѣ незамкнутую арку въ тридцать четыре метра ширины, для протоку воды, служащей къ судоходству. Сверхъ-того при каждой плотинѣ устроены судоходный каналъ, который начинается выше самаго шлюза и, обходя его, въ 450 метрахъ ниже опять впадаетъ въ побочный каналъ и въ рукавъ рѣки,—для того, чтобы суда не подвергались опасному проходу; а чтобы, въ большую прибыль, вода не разлилась по невозможности пройти шлюзами, для этого въ старыхъ ложахъ рукавовъ устроены отводныя плотины. Такимъ образомъ Ниль получить болѣе прямое теченіе и водами его всегда можно будетъ управлять по надобности.

До-сихъ-поръ я только въ одномъ мѣстѣ, въ Фаюмѣ, видѣлъ порядочное напоеііе полей посредствомъ европейскихъ машинъ, вмѣсто медленной и почти ничтожной доставки воды сакиями на волахъ. Это было у господина Дроветти, зажиточнаго и дѣятельнаго сельскаго хозяина, который превосходно обработалъ уже болѣе осьми-сотъ фелдавовъ земли. У него одно водоворотное колесо, обильно напоетъ сотню десятинъ безъ всякихъ издержекъ, между-тѣмъ какъ саки съ двумя работниками и двѣнадцатью волами едва въ состояніи доставить воды на тридцать десятинъ.

Господинъ Дроветти не могъ нахвалиться плодородіемъ почвы въ Фаюмѣ, почвы, которая могла бы производить почти всѣ южныя европейскіе плоды, если бъ только хорошенько очистили и разширили въ устьѣ Юсифовъ Каналъ, близъ Монфалута, что стоило бы всего полмилліона франковъ. Вредъ отъ обмеленія этого канала такъ великъ, что въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы онъ почти совсѣмъ высыхаетъ; тогда и Дроветтиевы колеса останавливаются и вся жатва пропадаетъ; даже масличныя и абрикосовыя деревья у него, два года тому назадъ, всѣ пропали по той же причинѣ.

— Если бы меня только на три года достаточно обезпечилъ водой, говорилъ онъ, всѣ мои постройки и заведенія окупились бы и я еще имѣлъ бы порядочную сумму въ барышахъ.

У него въ имѣніи занято работой триста-пятьдесятъ человекъ Арабовъ, которые не платятъ правительству ни какихъ повинно-

стей и которые за трудъ вознаграждаются шестою частью жатвы. Это такая плата, что охотниковъ опредѣлиться множество, и нерадиваго работника очень легко можно замѣнить новымъ. Дроветти втеченіи осьми-лѣтняго своего пребыванія въ этомъ краѣ убѣдился, что феллаху никогда не слѣдуетъ имѣть больше самаго необходимаго: иначе онъ легко впадетъ въ пресыщеніе и лѣность. Подати здѣсь вообще умѣренныя и только дурная администрація и безправственность большей части чиновниковъ доводитъ до тѣхъ гибельныхъ результатовъ, какіе иногда представляются наблюдателю въ этомъ краѣ. Въ Фаюмѣ, феллахъ платятъ ежегодно по сороку піастровъ съ фелдана, а получаютъ съ него, если только хочетъ работать, до ста и больше, не считая значительной части ежедневнаго пропитанія. Съ пальмы, которую здѣсь очень много разводятъ, потому что всѣ части этого полезнаго растенія, — плодъ, листья, кора, сокъ и стволъ, — обращаются въ деньги, феллахъ платитъ по полутора піастровъ съ дерева, а выручаетъ часто по пятидесяти и по шестидесяти. Но незаконно придирчивые чиновникъ, конечно, нерѣдко пользуются безпечностью феллаха и искусно грабятъ его; кто же однажды попалъ въ должники, тотъ и пропалъ. Чтобы исправить это зло, Мегметъ Али вмѣсто Турковъ опредѣлилъ чиновниковъ изъ Арабовъ, то есть изъ Феллаховъ же, но черезъ это зло, напротивъ, еще усилилось, до того что въ Фаюмѣ даже общественная безопасность сдѣлалась сомнительною. Впрочемъ, Дроветти, и съ нимъ опытнѣйшіе путешественники по Египту, утверждаютъ, что настоящая язва заключается въ коптскихъ христіанахъ, которыхъ уже Наполеонъ называлъ второю египетскою чумой и которые однакожъ, по своему образованію и болѣе обширнымъ познаніямъ, успѣли сдѣлаться необходимыми всѣмъ сословіямъ, такъ, что во всѣхъ дѣлахъ частной жизни они или открыто стоятъ во главѣ или по крайней-мѣрѣ невидимо правятъ изъ-за-жады. Эти пиявцы систематически и безсовѣстно высасываютъ край. Они же, въ верхнемъ Египтѣ, промышленя поставкою енуковъ на серали, уничтожаютъ мужской полъ туземцевъ. Коптовъ можно почесть орудіемъ Немезиды, мстящей мусульманамъ за древній гоненія на христіанъ, потому что и знатные и чернъ здѣсь равно находятся у нихъ въ рукахъ. Очевидно, что ни какому правительству не легко было бы искоренить такую глубоко скрытую порчу. Однакожъ египетское правительство страдаетъ и такими недостатками, которые ничѣмъ не извиняются; напри-мѣръ — пагубный расчетъ, сколько возможно, удерживать жа-

лованья у чиновниковъ, за что тѣ, разумѣется, стараются вознаграждать себя взятками; запутанная, для торговца мучительная, алчная система пошливъ, которая причиняетъ неисчислимый вредъ внутренней торговлѣ и уже дала всему пути каравановъ изъ внутренней Африки направленіе на Берберію, сколько можно мимо Египта; недостатокъ правильныхъ списковъ и свѣдѣній о народонаселеніи, отъ чего невозможно ни порядочно распредѣлить податей, ни устроить рекрутскіе наборы, какъ слѣдуетъ. Досихъ-поръ, когда потребуются рекруты, жителей, старыхъ и малыхъ, ловятъ какъ звѣрей на травлѣ, заковыываютъ въ кандалы и вѣдутъ къ мѣсту назначенія, потомъ самыхъ негодныхъ опять пускаютъ на всѣ четыре стороны, но безъ всякаго соображенія, могутъ или не могутъ безъ нихъ существовать ихъ семейства. Нужно замѣтить, впрочемъ, что Мегметъ-Али давно желалъ устроить эту часть и уже дѣлалъ попытки, которыя однакожь сокрушились о непобѣдимые предрассудки самихъ Феллаховъ. Потому одно изъ важнѣйшихъ золъ — очевидно слишкомъ далеко распространенное монополизированіе всѣхъ предметовъ промышленности, когда уже слабыя отмѣны въ нѣкоторыхъ частностяхъ своими благоприятными слѣдствіями должны были доказать вице-королю, какъ благотѣльно было бы дарованіе нѣкоторыхъ вольностей по этому предмету. Наконецъ, если бы правительству удалось хотя мало-по-малу устранить отъ управленія общественными дѣлами Коштовъ и основательнымъ воспитаніемъ, — на которое Мегметъ Али уже тратитъ много денегъ, но, къ сожалѣнію, мало успѣшно, — образовать вмѣсто ихъ мусульманъ, то цѣль преобразователя, вѣроятно, стали бы достигаться лучше чѣмъ достигаются доселѣ. Безъ истребленія этой послѣдней язвы, нѣтъ надежды на основательное обновленіе Египта.

Вскорѣ послѣ нашей бесѣды Мегметъ-Али отправился въ Верхній Египетъ и я не безъ удивленія узналъ, что онъ чинилъ тамъ судъ и расправу строже чѣмъ когда-нибудь, — двонмъ высшимъ чиновникамъ снялъ головы, тронхъ сослалъ, — и тѣмъ очень угодилъ всему краю; я однакожь не могъ безъ содроганія вспомнить, что былъ, можетъ-статься, хоть частію причиною этой строгости.

Если пашѣ не совсѣмъ лестны были мои критическія замѣчанія, зато я его потѣшилъ похвалами его конницѣ и въ особенности кавалерійской школѣ въ Дзижѣ, и онъ долго и съ жаромъ говорилъ о новозобрѣтенныхъ штанахъ, которые въ то время въ Египтѣ произвели великій расколъ между ихъ изобрѣтателемъ.

министромъ просвѣщенія, и полковникомъ Варенгомъ, который находилъ ихъ неосновательными и неудобоприимыми къ обстоятельствамъ. Великіе люди также имѣютъ свои минуты слабости.

Кавалерійская школа находится въ мѣстечкѣ Джизѣ, въ одной милѣ отъ Каира, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ замокъ знаменитаго Мурадъ-бея, который противъ французской арміи въ Египтѣ командовалъ корпусомъ въ восемь тысячъ человекъ мамлюковъ. Зданіе очень красиво и можетъ вмѣстятъ въ себѣ восемьсотъ человекъ и девятьсотъ лошадей. Жилища воспитанниковъ и конюшни очень просторны; главный дворъ имѣетъ въ длину 240 метровъ и въ ширину 140.

Школа устроена по образцу французскихъ военноучебныхъ заведеній, съ тою только разницей, что здѣсь начальникъ намѣлъ лучшимъ придать ей формы совершеннаго полка. Она состоитъ изъ штаба, двухъ эскадроновъ воспитанниковъ, двухъ эскадроновъ рейтаровъ и хора трубачей.

Всѣ офицеры, отъ корнета до подполковника, произведены изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ. Оба первые эскадрона предназначены къ тому, чтобы снабжать на будущее время офицерами всѣ кавалерійскіе полки арміи; въ эскадронахъ рейтаровъ образуются для арміи унтеръ-офицеры и сѣрейторы.

Воспитанникъ остается въ заведеніи не болѣе четырехъ лѣтъ, и въ этотъ срокъ долженъ окончить свое военное образованіе. При вступленіи требуется только, чтобы онъ зналъ хоть нѣсколько читать и писать, и этого уже довольно для страны, въ которой воспитаніе юношества дотолѣ стояло почти совершенно на нулѣ.

Въ классахъ они продолжаютъ учиться грамотѣ; имъ преподають регламентъ, рисованіе, топографическую съемку и нѣкоторое время преподавался даже французскій языкъ, въ которомъ многіе оказывали быстрые успѣхи и который однако жъ, неизвѣстно почему, впоследствии отбѣненъ. Собственно военное ученіе состоитъ въ упражненіяхъ съ саблями, копьями, карабинами, пистолетами, маршировкѣ, верховой ѣздѣ и эволюціяхъ.

Ежегодно воспитанники подвергаются экзамену, по результатамъ котораго ихъ дѣлятъ на разряды. Первый разрядъ получаетъ жалованья въ мѣсяцъ по шестидесяти піастровъ (около пятнадцати франковъ), второй по пятидесяти, третій по сороку.

Они содержатся вполне на счетъ правительства. Кормятъ ихъ очень хорошо, — по два раза въ день, и каждый разъ подають по три блюда. Потомъ у cadaго воспитанника своя постель, —

матраезъ, подушка, одѣло и двѣ простыни. Живуть они по шестнадцати человекъ въ комбатѣ, въ томъ числѣ двое ефрейторовъ и четырнадцать воспитанниковъ, что составляетъ отдѣленіе, роту или капральство. Каждый воспитанникъ имѣеть свой шкафъ, въ которомъ сохраняется свои вещи и книги; потомъ двоимъ одинъ шкафъ дается для хранения бѣлья, оружія и конской сбруи. Въ первые шесть мѣсяцевъ по поступленіи въ заведеніе воспитанники обязаны сами ходить за своими лошадьми; потомъ это исполняютъ конюхи, которыхъ полагается по одному на четыре лошади.

Молодые люди паучаются очень некусно владѣть оружіемъ и съ большою охотой занимаются верховою ѣздой, хотя имѣють только одного преподавателя, господина Бирра, бывшаго воспитанника сомюрской школы, который не успѣваетъ достаточно образовать столько наѣздниковъ, сколько бы слѣдовало.

Этотъ поразительный недостатокъ происходитъ отъ смѣшной скупости, какая, противъ воли Мегмета-Али, вкралась во всѣ части управленія школою. Это обстоятельство покажется менѣ удивительнымъ, когда вспомнимъ, что въ мипстерствѣ пародпаго просвѣщенія, вѣдомству котораго подлежатъ всѣ школы вообще, нѣтъ ни одного военнаго члена: оно состоитъ большею частію изъ Египтянъ, которые во Франціи проходили курсы правъ и политическихъ наукъ.

Допынѣ кавалерійская школа была единственнымъ въ Египтѣ корпусомъ, одѣтымъ по-военному. Воспитанники носили егерскій ментикъ Наполеоновской гвардіи, съ широкими красными казацкими шараварами. Семь лѣтъ они видимо гордились этимъ нарядомъ, какъ вдругъ мипстерство просвѣщенія предложило и убѣдило Мегмета-Али утвердить узкіе нѣмецкіе штаны, которые почитаются у египетскихъ кавалеристовъ истинною обидой.

Примѣчательно, что кавалерійская школа, которой бы слѣдовало имѣть самыхъ лучшихъ, образцовыхъ лошадей, имѣеть самыхъ худшихъ.

Вообще въ Египтѣ не умѣють обращаться съ лошадьми. Благороднѣйшаго арабскаго кова тамъ въ шесть мѣсяцевъ отдѣляютъ такъ, что и узнать нельзя, и причиною тому вовсе не климатъ, а единственно негѣпный обычай держать лошадей по цѣлымъ недѣлямъ на привязи, безъ движенія, въ конюшнѣ, и откармливать овсомъ и жирнымъ клеверомъ какъ на убой.

Почуться бы имъ у ведждскихъ Арабовъ. Въ Хеджазѣ есть нѣсколько отличныхъ лошадиныхъ породъ, — рухане, хахуе и

амдани,— но недждскія лошади цѣнятся всѣхъ выше. Многія провинціи Хеджаза получаютъ египетскихъ кобылъ, отъ которыхъ при смѣшеніи съ мѣстными породами происходятъ разные второстепенныя породы, но недждскіе Арабы не терпятъ ни какого смѣшенія: оно почитается у нихъ хуже нежели порчей, преступленіемъ. Въ этомъ отношеніи они поддерживаютъ только сношенія съ сирійскими Арабами, которые, какъ полагаютъ, первоначально происходятъ также изъ провинціи Недждъ.

Эти Арабы содержатъ своихъ лошадей сколько возможно худощавыми, на свободѣ и въ постоянномъ движеніи. Продають они ихъ очень неохотно, даже дорогою цѣной, и цѣнять, кажется, выше своихъ женъ и дѣтей. Кобылъ на простомъ недоуздекъ привязываютъ къ колу палатки, часто даже совсѣмъ пускаютъ на волю, потому что и кобылы и жеребцы послушно повинуются голосу своего хозяина, лишь только его слышатъ. Притомъ они и относительно къ половому побужденію очень спокойны. Кормятъ ихъ большею частью размятыми въ верблюьемъ молокѣ финиками; даютъ также высушеннаго па солнцѣ и истолченнаго мяса, свѣжаго и сухаго впограду, ялицъ, травы и очень рѣдко ячменю. Но послѣ утомленія Арабъ никогда не упуститъ поднести своему любимому животному свѣжаго молока. Со дня рожденія, впродолженіи трехъ мѣсяцевъ жеребенку ежедневно нѣсколько разъ трутъ рѣпицу и привязываютъ къ спицѣ, отъ чего впослѣдствіи хвостъ держится выше. Ниже рѣпицы волосы гладко обрѣзываются и оставляется на серединѣ только маленький пучекъ, который виситъ во всю длину роста волосъ. На видъ этотъ хвостикъ въ хвостѣ довольно страненъ, однако жъ въ моду онъ вошелъ, вѣроятно, потому что, въ случаѣ нужды, можетъ служить веревкой.

Настоящая недждская лошадь — средняго роста, крѣпкая и мало знаетъ болѣзней. Увѣряютъ, будто сапъ, червь и коллеръ тамъ вовсе невѣстны. Причину тому полагаютъ въ умѣренной и все-таки очень разнообразной пищѣ. Лошади въ Недждѣ живутъ очень долго, такъ, что отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ почитаются еще въ цвѣтущемъ возрастѣ. У Ахмеда-Паши, египетскаго полководца въ Хеджазѣ, былъ тридцати-пяти-лѣтній жеребецъ, который былъ еще совершенно годенъ на службу. Въ Шубрѣ я видѣлъ отъ него жеребенка, который былъ очень красивъ, однакожъ остался бесплоденъ. Недждская лошадь по понятливости превосходитъ всѣ другія лошадиныя породы и приближается въ этомъ отношеніи къ собакамъ. Она повинуется одному

слову хозяина, ласкается къ нему и узнаетъ его въ самой многочисленной толпѣ. У нея и образованіе черепа особенное: челюсти очень не велики, а черепъ очень развитъ и мозгъ больше, чѣмъ у другихъ лошадей.

Съ тѣхъ-поръ, какъ Мегметъ-Али воюетъ въ Хеджазѣ, въ Египтѣ часто появляются настоящіе нежданскія лошади, но всегда очень скоро портятся отъ бездѣйствія и слишкомъ сытнаго корму. То лошадь вдругъ уговяютъ, такъ, что вся въ мылѣ воротится, то опять оставить на недѣлю въ конюшнѣ, на привязи, такъ, что ноги пошевелить не можетъ, и даже на дворъ не выведутъ. Такъ ведется и у частныхъ людей и въ конюшняхъ самого Мегмета-Али. Только у конницы, устроенной по-европейски, поступаютъ нѣсколько разсудительнѣе, но и тамъ держать лошадей впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ къ ряду въ полѣ, на привязи къ кольямъ, отъ чего, не считая другихъ неудобствъ, конница на цѣлую треть становится пѣшею. Отъ такого обращенія съ лошадьми, они заражаются всевозможными болѣзнями и утрачиваютъ всякую силу. Въ нѣсколько лѣтъ онѣ погибаютъ совершенно. На большомъ заводѣ, въ Шубрѣ, ежегодно ихъ умирало по сотнѣ и по-полутораста головъ, до вступленія новаго начальника, господина Гаммова, который завелъ свои порядки и совершенно поправилъ бы состояніе этой части, если бъ ему, къ сожалѣнію, не связывали рукъ. Невѣжество и суевѣріе часто уничтожаютъ однимъ ударомъ плоды долговременныхъ его заботъ и трудовъ. Часто отвергалъ благороднѣйшихъ ковей, когда находили на нихъ какойнибудь зловѣщій, несчастный знакъ, и однажды для приплodu купили за немовѣрную цѣну жалкаго, порочнаго жеребца, потому что онъ имѣлъ *крылья*, — то-есть два подвижные, болѣзненные нароста на лопаткахъ!

Вообще скотоводство въ Египтѣ, одаренномъ отъ природы превосходнѣйшею почвой, гдѣ только можно напоить ее, могло бы составить источникъ нечтенныхъ богатствъ, если бъ имъ занялись съ толкомъ и умѣньемъ. Египетскія лошади, еще составлявшіе не далѣе какъ при мамлюкахъ особенную и отличную породу, почти совершенно вывелись. Продолжительныя гибельныя войны и лѣность, безпечность туземцевъ все довели до крайняго упадку. Мегмедъ-Али старался поправить зло основаніемъ коннаго завода, въ размѣрахъ колоссальныхъ какъ все, чтѣ онъ ни предпринимаетъ. Отсюда должны образоваться другіе заводы по всѣмъ провинціямъ, чтобы современемъ весь край опять заселился лошадьми арабскаго происхожденія, и чтобы сдѣлать возмож-

нымъ ремонтъ для артии, которая теперь принуждена брать лошадей изъ Сиріи и Хеджаза.

Видѣтъ съ коннымъ заводомъ въ Шубрѣ основана ветеринарная школа и оба заведенія отданы въ управленіе очень свѣдущему Французу, Гаммону, который однакожъ отчаявается въ успѣхѣ. Въ этомъ какъ и во всемъ въ Египтѣ — замыслы Мехмета-Али обширны, величественны и исполняются съ безпредѣльною щедростію, но всегда наполовину окружаются объ упрямство, лѣнь и предразсудки туземныхъ чиновниковъ и самаго народа.

Такъ и въ овцеводствѣ. Вице-король завелъ нѣсколько очень хорошихъ и процвѣтающихъ тарбушевыхъ фабрикъ, но только принужденъ ежегодно покупать для нихъ больше чѣмъ на двѣсти-тысячь испанскихъ долларовъ иностранной шерсти. Около той же суммы идетъ за границу для фабрикъ въ Булакѣ. Чтобы избѣжать этого, Мегметъ-Али рѣшился поднять внутреннее овцеводство, которое дотолѣ доставляло очень мало шерсти, и то только грубой. Опъ съ большими издержками выписалъ огромное стадо мериносовъ, только, къ несчастію, изъ Пиемонта, тогда какъ изъ Германіи или Франціи могъ бы получить и лучше и дешевле. Ввозъ продолжался десять лѣтъ, но большая часть овецъ погибла и результаты улучшенія остались почти на нулѣ. Мюдпры при этомъ случаѣ оказали не только самую преступную безпечность, но прямо злое намѣреніе: они дали цѣлымъ стадамъ вышереть съ голоду. Всѣ туземные чиновники ненавидятъ нововведенія, которыя обременяютъ ихъ непривычными трудами: они, кажется, скорѣе соглашаются отправиться на галеры, чѣмъ работать. Кто знаетъ и ежедневно видитъ, какія чудовищныя препятствія представляются здѣсь каждому улучшенію, тотъ истинно не можетъ не изумляться терпѣнію Мехмета Али. Въ послѣднее время ему наконецъ удалось завести въ Нижнемъ Египтѣ покрайней-мѣрѣ одну образцовую овчарню и достигнуть нѣсколько благоприятныхъ слѣдствій. Можетъ-быть, ему слѣдовало бы вездѣ такъ, какъ тамъ, поставить во главѣ своихъ заведеній Европейцевъ съ неограниченнымъ полномочіемъ, чтобы видѣть достиженіе своихъ цѣлей. Для овцеводства край обладаетъ самыми богатыми средствами и а самъ видѣлъ барановъ третьяго и четвертаго поколѣнія, которые тонною шерсти нисколько не уступали своимъ родоначальникамъ. Но все досихъ-поръ еще ограничивается только начатками, и, къ величайшему несчастію, эта отрасль скотоводства съ нѣкотораго времени поступила въ вѣденіе такъ называемаго министерства

народнаго просвѣщенія, которымъ управляетъ крутлѣй шейхъ, мой другъ Муктаръ-Бей. Такимъ образомъ кавалеристы, пѣхотинцы, артиллеристы, врачи, музыканты, учителя, лошади, воли и овцы состоятъ подъ однимъ началомъ. Первый отчетъ министра заключалъ въ себѣ нѣбже, что туземцы теперь уже достаточно образованы и просвѣщены, такъ, что большую часть опредѣленныхъ къ должностямъ Европейцевъ можно отпустить, къ чему и слѣдуетъ стремиться. Къ сожалѣнью, Мегметъ-Али, неостановившимъ образомъ привязанный къ Муктаръ-Бею, увидѣвъ въ этомъ предложеніи только выгодную экономическую мѣру, и край причисленъ величайшій вредъ.

Когда я имѣлъ честь въ продолженіи нѣсколькихъ дней сопровождать вице-короля въ его поѣздкѣ, онъ былъ очень занятъ мыслью о большой доставкѣ рогатаго скота изъ Сеннаара. Доставка эта производилась очень дѣятельно и я самъ встрѣчалъ потомъ на дальнѣйшемъ моемъ пути нѣсколько сотенъ скотины отличнѣйшихъ породъ. Чтѣ жъ было слѣдствіемъ? Болѣе трети пало въ дорогѣ, потому что чиновники нисколько не позаботились ни о прокормленіи скотины, ни о ветеринарахъ, ни о правильномъ распредѣленіи транспортовъ. Чтѣ пригонять, все отправляется въ главное депо, въ Капръ, и содержится тамъ такъ дурно, что или тамъ же оказывается падежъ или по-крайней-мѣрѣ образуется его зародышъ, который потомъ разносится по всѣмъ провинціямъ. И теперь оказался падежъ, и мясо павшей скотины продавали, что очень легко можетъ произвести эпидемію и между людьми.

Къ тому жъ еще это случилось во время девятидневнаго праздника, по случаю обрѣзанія двоихъ сыновей Ибрагима Паши. Всѣ приготовления къ этому празднику, несмотря на ассигнованную вице-королемъ значительную сумму, были жалки, — плюмпнаціи едва видны, фейерверки смѣшны, потому что сжигались болѣею частью утромъ, а не ночью. Всего лучше были еще устроенныя во многихъ мѣстахъ даровыя кухни, гдѣ угощали народъ и гдѣ, вѣроятно, однако жъ, съѣдена и большая часть павшихъ быковъ. День и ночь продолжалась пальба, потому что восточный человѣкъ не можетъ радоваться, безъ того чтобъ не жечь пороху. Въ то же время народъ тѣшился ипожествомъ представленій скомороховъ, каватныхъ и другихъ плясунѣвъ, отличающихся самымъ крайнимъ безстыдствомъ.

Въ бывшемъ дворцѣ дефтердара были выставлены ложа, одежда и оружіе, назначенныхъ къ обрѣзанію принцевъ. Всякій могъ

итти посмотрѣть на эти вещи, и нужно замѣтить, что при смотрѣ тишина и порядокъ ни сколько не нарушались: чернѣ при такихъ случаяхъ здѣсь ведетъ себя всегда очень порядочно. Комнаты были убраны со вкусомъ, и на осыпанныя драгоценными камнями оружія и превосходныя кашмирскія ткани стѣбло взглянуть.

Возвращаясь оттуда въ городъ, я примѣтилъ одного чиновника иностраннаго консульства, который верхомъ проѣзжалъ черезъ запрещенное и огороженное веревкою мѣсто. Нѣсколько часовыхъ изъ полка негровъ вскочили на нарушителя порядка съ обнаженными саблями, но онъ, вѣроятно, хорошо знакомый съ мѣстными правами, погрозилъ нагайкой и спокойно ускакалъ. Страхъ нагайки у египетскихъ феллаховъ и негровъ дотога обратился во вторую натуру, что они никогда не могутъ устоять противъ него. Если бы консульскій чиновникъ обнажилъ саблю, негры, можетъ быть, взрубили бы его, а нагайка для нихъ вещь слишкомъ почтенная и страшная.

На удивительныхъ прогулкахъ моихъ по Капру я постепенно побывалъ во всѣхъ мечетяхъ. Въ турецкой одеждѣ и оставивъ верхнюю обувь за порогомъ, всякій можетъ войти, хотя бы и былъ извѣстенъ какъ Европеецъ. Впрочемъ, правовѣрные молятся всегда такъ усердно, что не обращаютъ вниманія на входящихъ и выходящихъ. Однако жъ въ одной изъ лучшихъ мечетей, построенной вблизи Пророка, меня, несмотря на фирманъ и кавасъ вице-королевскій, не допустили въ святую святыхъ, гдѣ, за золотою рѣшеткой, сخورопецъ основатель мечети. Позволили только смотрѣть сквозь рѣшетку. Полъ устланъ богатыми коврами и на стѣнкахъ множество позолоты. Одна сторона главной хранилы занята длиннымъ рядомъ шкафовъ, гдѣ, какъ мнѣ сказали, хранятся книги и.... провизія. Отъ шкафовъ дѣйствительно сильно пахло сыромъ и молотымъ кофе.

Большая часть этихъ болѣе или менѣе великолѣпныхъ мечетей, какъ и все старинное на Востокѣ, обваливается; мраморные помосты избиты и украшенія или почернѣли или обломаны. Турокъ ничего не починиваетъ. Съ одною мечетью соединены больницы и пріютъ для умалишенныхъ. Послѣдніе томятся въ страшной нечистотѣ; обращаются съ ними однако жъ кротко.

Самое обширное и великолѣпное зданіе — примѣчательная мечеть султана Гассана, подъ Мокатамомъ. Посрединѣ самой большой хранилы, подъ куполомъ, который ни сколько не уступаетъ куполу Святаго Павла въ Лондонѣ, лежитъ сخورоненный сул-

танъ. На гробницѣ лежитъ колоссальная впага, которой одна половина, говорятъ, заключаетъ въ себѣ Алкоранъ, а другая — сама султаномъ написанную исторію. Я не могъ удостовѣриться въ справедливости показанія, потому что гробница обнесена запертою на замокъ рѣшеткой. Архитектура принадлежитъ къ самой цвѣтущей портѣ арабскаго зодчества.

Наканунѣ заключенія праздниковъ, которые доселѣ справлялись за городомъ, вечеромъ, былъ иллюминированъ самый городъ, что доставило намъ любопытное зрѣлище; особенно хороши были минареты большихъ мечетей, которые и безъ того похожи на чудеснѣйшія брюссельскія кружева. Хороши были и базары, увѣшанные драпировками изъ восточныхъ тканей, съ золотомъ, бархатомъ и шелкомъ, и облитые потоками свѣту. Эффектъ еще возвышался тѣмъ, что во всѣхъ почти лавкахъ, внутри убранныхъ зеркалами и позолотой, сидѣли хорошо одѣтые мусульмане, которые курили и попивали кофе. Но зато описаніе балагановъ, и особенно у плясуновъ и пантомимовъ, рѣшительно невозможно: все, что только способно изобрѣсть развращенное воображеніе, все тутъ было изображено на вывѣскахъ въ видѣ подвижныхъ бумажныхъ куколъ на виткахъ. Однако жъ, при всемъ томъ, иногда нельзя было удержаться отъ смѣху при взглядѣ на вѣкторныхъ паясовъ. Одинъ изъ нихъ, въ европейскомъ консульскомъ мундирѣ, гиперболически разукрашенный знаками отличій и побрякушками, привѣщеннымъ ко всѣмъ членамъ, производилъ своими кривляньями и прыжками непомѣрный шумъ. На противоположной сторонѣ улицы такую же роль разыгрывала женщина, также въ европейскомъ каррикатурномъ нарядѣ. Европейцы вообще, и консулы въ-особенности, не пользуются популярностью у туземцевъ, и даже Мегметъ-Али нѣсколько раздѣляетъ это нерасположеніе, большею частью основанное на зависти, хотя онъ, по правилу, покровительствуетъ христіянамъ чуть ли не болѣе чѣмъ собственнымъ подданнымъ.

Вице-король позволялъ мнѣ выбрать себѣ нѣсколько предметовъ изъ мѣстнаго національнаго музея древностей и изъ собранія мумій, принадлежащаго Ибрагиму-Пашѣ, и я однажды отправился туда съ господиномъ Дозолемъ, домашнимъ секретаремъ Клода Бей, человекомъ очень образованнымъ. Я не многого ожидалъ, но такой жалости, какъ пашель, всё-таки не могъ представить себѣ. Музей совершенно достоинъ знаменитаго министерства народнаго просвѣщенія, подъ вѣденіемъ котораго находится. Это — нѣсколько грязныхъ чулановъ, въ которыхъ безъ всякаго

разбору навалею нѣсколько стараго хлама, и я нашелъ только одну дѣйствительно дорогую вещь, — корабль со многими ангурами и со всѣми снарядами, изъ росписанной глины, найденный въ гробницѣ Рамзеса Пятаго, — и тотъ я часа два по кусочкамъ отъискивалъ среди рухляди. Безъ меня онъ, конечно, скоро былъ бы разбитъ совершенно. и потому я, на основаніи милостиваго дозволенія, счелъ себя въ правѣ присвоить его вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бездѣлками. Между муміями, ни здѣсь ни у Ибрагима Паша, не нашлось ничего достойнаго вниманія, хотя сотни мумійной черни стояли тутъ сложеныя полѣвницами какъ на дровяномъ дворѣ. Многіе ящики были грубою рукой взломаны и испорчены. Я ушелъ изъ музея съ подтвержденнымъ убѣжденіемъ, что сколько ни вызвало на свѣтъ Мегметомъ-Али ведликаго и труднаго, однако на основательное вниманіе къ искусству и древности еще нѣтъ на какой надежды.

Послѣ этого я посѣщалъ гробницы мамлюковъ, за городомъ. Дикое мѣсто; ни одной былинки растительности. Очень страннымъ показалось мнѣ, что Мегметъ-Али здѣсь, въ старой гробницѣ мамлюка, устроилъ себѣ и своему семейству погребальныя сидѣнья. Кажется, какъ-будто онъ и по смерти еще хочетъ наступить на голову своимъ стариннымъ врагамъ. Большая часть гробницъ и памятниковъ на этомъ кладбищѣ пестро раскрашена и на помостахъ разостланы тканые съ золотомъ ковры, что производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Восточные вообще, какъ известно, болѣе Европейцевъ оказываютъ почиту своимъ покойникамъ.

Съ Клотъ-Беємъ я былъ въ его канцлѣ и я нѣмалъ случай подивиться необыкновенной дѣятельности и любви его къ своему предмету. То, что онъ сдѣлалъ здѣсь, можно по истинѣ назвать чрезвычайнымъ, особенно съ-тѣхъ-поръ какъ ему удалось наконецъ добиться переведенія медицинскаго училища и госпиталя изъ Абу-Забеля въ Каиръ. Экономическія причины долго мѣшали этому перемѣщенію заведенія уже очень хорошо устроеннаго и стоившаго многихъ издержекъ. Притомъ трудно было найти въ Каирѣ зданіе, способное вмѣстить въ себѣ отъ 1000 до 1500 больницъ и триста воспитанниковъ со всѣми потребностями хозяйства и ученья. Но наконецъ вице-король рѣшилъ этотъ вопросъ счастливою мыслью отдать Клотъ-Бею большое зданіе ксаръ-эль-айнской коллегіи между старымъ Каиромъ и Булакомъ, противъ острова Роде, въ небольшомъ разстояніи отъ столицы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у Французовъ, во время завоеванія

находился военный лазаретъ. Зданіе стоитъ въ ряду великолѣпныхъ дворцовъ, украшающихъ западный берегъ Нила, отъ стараго Каира до Булака. Оно окружено прекраснымъ бульваромъ, состоитъ изъ двухъ этажей, кромѣ подваловъ, и расположено квадратомъ. Во всѣхъ флигеляхъ по—два ряда залъ, раздѣленныхъ длинными корридорами, на каждой сторонѣ по четыре залы. Подвалы служатъ погребамъ и кладовымъ; посреди — широкій дворъ усаженный деревьями. Къ южному флигелю примыкаютъ четыре отдѣльныя зданія; въ одномъ анатомическій театръ, химическая и фармацевтическая лабораторія, флористическій и зоологическо-ботаническій кабинеты; во второмъ спальня и столовая; въ третьемъ — аптека; въ четвертомъ — кухни, прачешныя и бани. Они окружаютъ свой особый квадратный и довольно просторный дворъ.

Изъ этого описанія видно, что невозможно было бы найти зданіе болѣе соответствующее своему назначенію и на болѣе удобномъ мѣстѣ: госпиталь находится по близости гарнизона и больныхъ не далеко переносить. Прежде ихъ раздѣляли на два госпиталя, въ Абу-Забель и Лубеки; теперь всѣ въ одномъ зданіи и представляютъ практическому ученію воспитанниковъ цѣлыя неисчислимыя выгоды. . .

Молодые умы, связующіеся изъ многихъ краевъ Востока къ знаменитую Лазарскую Мечеть, для изученія правъ и закона, начинаютъ также посѣщать курсы медицины и такимъ образомъ распространеніе благотворныхъ знаній по многимъ еще варварскимъ странамъ принесетъ человѣчеству драгоценныя плоды.

Въ вознагражденіе за оставленный въ Абу-Забелѣ ботаническій садъ, Ибрагимъ-Паша отвелъ прекрасное мѣсто на островѣ Роде, гдѣ уже и разводится новый. Сверхъ-того я самъ вмѣстѣ съ господиномъ Режисомъ, еще со времени заведенія школы въ Абу-Забелѣ началъ учрежденіе зоологическаго кабинета, къ поощренію котораго много содѣйствовали врачи, пребывающіе въ разныхъ краяхъ Египта, Сирія, Кавдіи и Хеджаза. Мы заведи также сношенія съ Франціей, Англіей, Россіей, Германіей и Италіей, и отовсюду приобрѣли посредствомъ мѣны множество драгоценныхъ экземпляровъ, такъ, что каирскій музей богатѣетъ безъ большихъ издержекъ, и любознательные туземцы могутъ посвящаться въ науку, о которой прежде не слыхали и которая между-тѣмъ находится въ тѣсной и необходимой связи почти со всѣми отраслями другихъ знаній.

По недостатку городскихъ больницъ, вице-король, уполномо-

чиль управленіе военнаго гошпиталя приять мужчиъ изъ горожанъ, а для женщиъ основаль особенную.

Въ Каирѣ уже шестьсотъ лѣтъ существовалъ пріютъ для бѣдныхъ и умалишенныхъ обоего пола,—такъ называемый Моританъ,—основанный благочестивымъ султаномъ Калуномъ. Это была подѣ конецъ такая грязная яма, что непостижимо, какимъ образомъ несчастныя, вшедшіе въ ней убѣжище, могли продлить свое жалкое существованіе. Мегметъ Али перевелъ ихъ въ новыи гражданскій гошпиталь, устроенный въ упраздненномъ зданіи военнаго лазарета въ Лубекъ, гдѣ ихъ содержатъ теперь гораздо лучше, чище, и кормятъ здоровою пищей.

Давно уже почувствована потребность въ родильномъ домѣ. Негритянки и Абиссинянки обучались повивальному искусству въ особенной школѣ, подлѣ медицинскаго училища въ Абу-Забелѣ. Тамъ тринадцать воспитанницъ уже выучились порядочно читать и писать по-арабски, и европейская бабка вмѣстѣ съ приставленнымъ акушеромъ преподавала имъ анатомію и теорію родовспомогательнаго искусства, по переведенной на арабскій языкъ книгѣ и по манекену. Сообщали также нѣкоторыя познанія по фармацевтикѣ, а присоединенная къ этой школѣ маленькая женская больница подавала поводъ къ нѣкоторымъ полезнымъ практическимъ и хирургическимъ упражненіямъ. Начальница школы, воспитанная въ Парижѣ, мадмоазель Gault, видя любознательность и прилежаніе своихъ ученицъ, нашла время учить ихъ даже французскому языку, и воспитанницы уже оказали быстрые успѣхи, которые положительно, дѣломъ, опровергаютъ вздорныя нарѣканія нѣкоторыхъ пессимистовъ, отвергающихъ всякую возможность умственнаго развитія у расы негровъ. Правда, большая часть упомянутыхъ воспитанницъ состоитъ изъ Абиссинянокъ, составляющихъ и въ заведеніи особый классъ, однако жъ несомнѣнно справедливо и то, что между негритянками здѣсь есть такія, которыя въ разсужденіи способностей не уступятъ ни какой другой расѣ, и слѣдовательно ни мало не заслуживаютъ исключенія изъ большаго семейства разумныхъ существъ. Въ особенности отличаются негритянки изъ Сенаара и Мероэ.

Послѣ этого ничто уже не препятствовало основанію родовспомогательнаго училища въ Каирѣ, основанію, въ которомъ я принималъ непосредственное дѣятельное участіе. Училище это устроили подлѣ женской больницы. Поступающія туда въ ученіе дѣвушки и женщины, изъ столицы и провинцій, пользуются

полнымъ содержаніемъ и получаютъ жалованье, подобно воспитанникамъ медицинской школы. Принимаются преимущественно сироты и дочери военныхъ. Комплектъ полагается во сто воспитанницъ, которыя скоро замѣнятъ собою въ столицѣ и въ провинціяхъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ старухъ, служащихъ нынче единственною помощію родильницамъ.

Конечно правда, что въ Египтѣ, какъ и во всѣхъ непросвѣщенныхъ странахъ несчастные роды принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ, особенно у черни, у феллаховъ, но постоянное бездѣйствіе женщинъ въ городѣхъ и изнѣженная жизнь въ гаремахъ подвергаютъ ихъ ровно такимъ же труднымъ родамъ какъ у насъ, въ Европѣ, а гдѣ природа становится безсильною; тамъ и помощь старыхъ египетскихъ бабокъ только увеличиваетъ зло.

Кромѣ своихъ варварскихъ повивальныхъ приемовъ, сопровождаемыхъ талисманами и разнымъ колдовствомъ, и кромѣ вреднаго нравственнаго вліянія ихъ на состояніе родильницъ и на новорожденныхъ, эти отвратительныя бабы еще обладаютъ разными тайнами и средствами къ устраненію безплодія, средствами, однако жъ, не столько дѣйствительными какъ тѣ, которыми они предъотвращаютъ свѣдствія беременности. Когда женщина не хочется быть матерью, этимъ старухамъ уничтоженіе зародыша не представляется ни малѣйшимъ преступленіемъ; они не считаютъ себя отвѣтственными за это ни передъ Богомъ ни передъ государствомъ и нещадно продолжаютъ свое дѣло истребленія.

Касательно нравовъ въ гаремахъ, по словамъ Клотъ-Бей, нужно замѣтить, что тамъ ведутъ себя гораздо пристойнѣе и нравственнѣе чѣмъ вообще въ Европѣ полагаютъ. Странно только то, что жены вообще очень ревнивы между собою, вовсе не знаютъ этого чувства въ отношеніи къ невольницамъ или простымъ вложницамъ своихъ мужей. Напротивъ, часто самымъ пріятнымъ подаркомъ мужу при торжественныхъ случаяхъ служить у нихъ красавица-невольница.

Кстати о гаремахъ и подаркахъ. Прощаясь съ Клотъ-Беемъ, я былъ свидѣтелемъ довольно забавной сцены. Знаменитому врачу изъ вице-королевскаго гарема прислали въ подарокъ конфетовъ въ.... неназываемой въ Европѣ посуды, что въ присутствіи нѣсколькихъ Европейцевъ не могло не произвести своего эффекта.

На прощанье съ Канромъ я носилъ всѣ сколько-нибудь прѣзрительныя мѣста и между прочимъ былъ также въ такъ называемомъ Саду Любви. Тутъ есть очень старое дерево, которое имѣетъ волшебную силу возбуждать взаимную привязанность и смягчать безчувственныя сердца; такъ по крайней-мѣрѣ думаютъ мусульманскіе влюбленные обоюдо пола, которые прибѣгаютъ къ его помощи и для этого, а также и въ видѣ благодарственныхъ жертвъ, увѣшиваютъ его частями своей одежды. Довольно интересно видѣть, какъ это почтенное полузасохшее дерево обременено вмѣсто вѣтвей разноцвѣтными тряпками, и представитъ себѣ еще все невидимо тяготящее надъ нимъ бремя страстныхъ вздоховъ.

По той же части сообщу еще одну черту коптскихъ нравовъ. черту, которую я узналъ случайно. Одинъ Баварецъ, съ которымъ я встрѣчался уже въ Греціи, искалъ въ Канрѣ какой-нибудь службы. У меня тогда не стало домашняго секретаря и предложилъ Баварцу это мѣсто, но тутъ же узнавъ, что Баварецъ женатъ, полагалъ въ этомъ нѣкоторое затрудненіе, потому что тогда уже собирался въ скоромъ времени уѣхать.

— О, это ничего! возразилъ Баварецъ: черезъ два мѣсяца выдать срокъ моему браку.

— Какъ такъ?

И тутъ, къ удивленію моему, я узналъ, что здѣсь какъ у бѣдныхъ такъ и у богатыхъ Коптовъ существуетъ обычай выдавать своихъ дочерей и родственницъ замужъ на сроки, за невѣстную плату. Бракъ по порядку освящается церковно-служителемъ, даже если бы женихъ и былъ уже женатъ гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, о чемъ никогда не спрашиваютъ, и союзъ имѣетъ всю законную силу и пользуется всѣмъ должнымъ уваженіемъ до назначеннаго срока, причемъ въ контрактѣ предусматрѣны всѣ обстоятельства и опредѣлена цѣна, которая обыкновенно соразмѣрно увеличивается тѣмъ короче срокъ. Могущія провозити дѣти обыкновенно принимаются родителями жены и даже беременныя жены безъ затрудненія возвращаются домой. Чѣмъ чаще дама бывала женой, тѣмъ большимъ она пользуется почетомъ, потому что это лучшее свидѣтельство о привлекательныхъ ея достоинствахъ.

Когда вы намѣрены жениться, вамъ стѣдуетъ только прямо объявить ваше желаніе, васъ введутъ въ знакомство и представятъ на выборъ невѣстъ пятнадцать-двадцать; вы заключаете контрактъ, смотря по вашимъ обстоятельствамъ или времени, кото-

ривъ можете располагать, и дѣло кончено. Мой секретарь узнаетъ, что онъ былъ очень счастливъ со своею временною женою и во всякъ не разстался бы съ нею, если бъ въ состояніи былъ снова заплатить роднымъ столько выкупу, сколько они требуютъ.... Нужно замѣтить, что его жена красавица и, следовательно, не дешево отдается. Того Копта, который изобрѣлъ этотъ интересный бракъ, социалисты непременно должны признать своимъ Магометомъ.

Въ послѣднее свиданіе я имѣлъ участіе провести больше часу послѣднѣй съ Мегметомъ-Али, въ его кабинетѣ. Виде-король предлагалъ мнѣ множество вопросовъ, на которые я отвѣчалъ совершенно откровенно, несмотря на то что въ послѣднее время онъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, уже не такъ легко благоволилъ ко мнѣ какъ прежде. Въ особенности я старался доказать ему важность общественнаго мнѣнія въ Европѣ и совѣтовалъ, — хотя впрочемъ безъ особенной надежды на успѣхъ, — обращать вниманіе не только на политичку и государственное устройство, но позаботиться сколько-нибудь и о сохраненіи памятниковъ безсмертнаго искусства въ примѣчательнѣйшей въ мірѣ странѣ, надъ которою онъ теперь одинъ господствуетъ, а потомумъ содѣйствовать и исследованію внутреннихъ странъ Африки, истоковъ Нила, отысканію доселѣ еще скороенныхъ остатковъ древностей, и такъ далѣе. Я ругался ему, что за все это онъ скорѣе и больше найдетъ удивленія и расположенія въ Европѣ чѣмъ за побѣды, хотя бы покорилъ еще десять государствъ. При этомъ я замѣтилъ ему также, что даже, какъ побѣдителю, ему предлагается параздъ болѣе благородное и обильное поле на Югѣ чѣмъ на Востокѣ и на Сѣверѣ, гдѣ онъ легко можетъ столкнуться съ Европейцами.

Мегметъ-Али слушалъ меня терпѣливо и теперь, когда списываю эти строки изъ моего путевого журнала, я не могу не вообразить, что тогдашнїя мои рѣчи имѣли нѣкоторое вліяніе на предпринятія потомъ три экспедиціи къ отысканію источниковъ Нила, экспедиціи, которыя географія Африки уже обязана значительными приращеніями. Впрочемъ Мегметъ-Али не терпитъ противорѣчїа: это одна изъ важнѣйшихъ его слабостей. Одинъ дипломатъ, изъ моихъ знакомцевъ, какъ-то, въ довольно жаркомъ спорѣ, прямо въ глаза попрекнулъ ему этимъ недостаткомъ.

— Ты, можетъ-быть, и правъ, спокойно отвѣчалъ Мегметъ-Али: но это очень естественно. Все, что я сдѣлалъ въ моей жизни хорошаго, почти безъ исключенія дѣлано наперекоръ моимъ

совѣтникамъ, а всё важнѣйшіе мои промахи, вопреки сдѣланы наперекоръ моему убѣжденію, по ихъ совѣтамъ. Оттого я теперь немножко горячъ и упрямъ сталъ.»

ТОРВАЛЬДСЕНЪ. Со времени Кановы ни одинъ скульпторъ не пользовался при жизни такою славой какъ Торвальдсенъ. Отъ Рима, гдѣ образовался его талантъ и гдѣ провелъ онъ большую часть жизни, слава имени и работъ датскаго художника распространилась по всей Европѣ, и когда, послѣ сорокалѣтнихъ успѣховъ, Торвальдсенъ воротился умереть на свою сторону, весь народъ облекся въ трауръ, а король на свой счетъ устроилъ моховны сыну неландскаго матроса.

Отецъ Бертеля Торвальдсена, кромѣ службы на морѣ, занимался еще рѣзаньемъ деревянныхъ фигуръ, для украшенія купеческихъ кораблей. Мать художника была дочь неландскаго пастора и родила сына на морѣ, двадцать девятаго ноября 1770 года, на пути изъ Рейкьявика въ Копенгагенъ, гдѣ находился ея мужъ.

Начальное образованіе Бертеля было очень небрежное; онъ не долго ходилъ въ школу, говоритъ Мармье, — со словъ Датчанина Тіля, — и почти ничему тамъ не научился. Рассказываютъ даже, что Бертель, будучи семнадцати лѣтъ и находясь однажды въ обществѣ молодыхъ людей, которые желали составить театръ, отказался отъ назначенной ему роли, только потому что не умѣлъ прочесть ея. Однако жъ, ремесло отца, къ счастью, пробудило въ молодомъ человѣкѣ призваніе къ искусству, которое должно было принести ему такъ много славы. Одинадцати лѣтъ Торвальдсенъ началъ посѣщать королевскую академію художествъ, и скоро былъ отличенъ за прилежаніе. Въ 1787 году, онъ держалъ экзаменъ и получилъ серебряную медаль.

Въ это время, говоритъ Мармье, Бертель былъ чрезвычайно спокойнаго и степеннаго нрава, мало говорилъ и съ жаромъ предавался работѣ. Товарищи тщетно старались отвлечь художника, когда онъ принимался за свои карандаши; онъ какъ прикованный сидѣлъ надъ работою и на всё убѣжденія отвѣчалъ только односложными отрицаньями. Несмотря на частыя похвалы, самолюбіе Торвальдсена развивалось медленно. Отецъ хотѣлъ приучить его къ своему ремеслу и Бертель нисколько не сопротивлялся. Онъ часто приносилъ отцу на верѣи обѣдъ, и пока старикъ отдыхалъ отъ утробнаго труда, мальчикъ принимался за рѣзецъ и продолжалъ работу. Между-тѣмъ академическіе успѣхи молодого Торвальдсена были уже довольно извѣстны.

Въ 1789 году, Бертель получилъ вторую премію. Тогда отецъ нашъ, что сынъ уже достаточно свѣдуещъ, и хотѣлъ взять его изъ школы, но профессеры воспротивились этому, и Торвальдсенъ продолжалъ посвящать часть дня своимъ учебнымъ занятіямъ. Остальное время онъ работалъ для отца. Еще и теперь въ Копенгагенѣ есть много его деревянныхъ рѣзныхъ произведеній, которыя относятся къ тому времени.

Время большого экзамена приближалось. Торвальдсенъ изъ скромности и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ гордости не хотѣлъ явиться на этотъ экзаменъ: онъ предполагалъ, что не въ-состояніи будетъ заслужить премію и однако жъ не хотѣлъ испытать неудачи. Но товарищи старались побѣдить его робость и самые искренніе изъ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ къ ряду, при встрѣчѣ съ нимъ, говорили: «Торвальдсенъ, помни, что экзаменъ близко!»

Наконецъ торжественный день наступилъ. Сердце Бертеля сильно билось, когда онъ проходилъ академическія сѣни. Ученики должны были собраться въ общей залѣ для полученія программъ, потомъ каждый изъ нихъ уходилъ въ отдѣльную комнату и набрасывалъ эскизъ. По этимъ эскизамъ профессеры выбирали достойныхъ участвовать въ состязаніи. Этого-то, вѣроятно, и боялся Торвальдсенъ. Когда онъ остался глазъ на глазъ съ своей программой, ужасъ одолѣлъ его; онъ бросился къ двери и убѣжалъ по задней лѣстницѣ. На пути бѣгства Торвальдсена встрѣтилъ одинъ изъ профессоровъ, который такъ краспорѣчиво укорялъ его за работы, что мальчику стало стыдно; онъ воротился къ своей работѣ. Предметомъ программы былъ барельефъ изображающій Геліодора, выгнаннаго изъ храма. Молодой художникъ въ продолженіи двухъ часовъ кончилъ свой эскизъ и получилъ вторую медаль.

Въ 1793 году, Торвальдсенъ опять держалъ экзаменъ. На этотъ разъ онъ явился смѣлѣе и получилъ первую премію. Предметомъ служилъ барельефъ, изображающій Святаго Петра, который пецѣляетъ параличнаго. Эта премія давала право на трехъ лѣтнее пребываніе въ Римѣ, въ качествѣ паціонера съ содержаніемъ по тысячѣ-двѣсти-франковъ ежегодно. Но пачичной суммы не пашлось и Торвальдсенъ былъ принужденъ ожидать ея три года. Втеченіи этого времени онъ продолжалъ свое ученье, давалъ уроки рисованія и исполнялъ нѣкоторыя работы во дворецъ.

Наконецъ, въ 1796 году, художникъ получилъ ожидаемую сумму, и двадцатаго мая отправился въ путь на фрегатѣ, который шелъ въ Средиземное Море.

Больно было тогда смотрѣть на бѣдную мать Торвальдсена; она горько плакала, говоря, что ужъ никогда больше не увидѣть сына. Отправляясь, Бертель поручилъ одному изъ своихъ друзей отдать матери маленькую шкатулку съ червонцами, но она не захотѣла трогать денегъ, говоря, что, быть-можетъ, со временемъ ея Бертель будетъ имѣть въ нихъ нужду. Она также хранила старый жилетъ сына, и смотрѣла на него почти съ благоговѣніемъ. Часто видѣли, какъ она прижимала его къ сердцу и обливала слезами, повторяя имя любимаго сына. Бѣдная умерла не узнавъ о славѣ сына, котораго такъ долго оплакивала.

Фрегатъ, на которомъ находился Торвальдсенъ, плавалъ очень долго: онъ нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ въ Нѣмецкомъ Морѣ, потомъ заходилъ въ Малагу, въ Алжиръ и въ Триполи. Наконецъ Бертелю наскучило это продолжительное странствованіе по морю: онъ сѣлъ въ судно, которое отправлялось въ Мальту и прибылъ въ Римъ осьмага марта 1797 года.

Втеченіи двухъ лѣтъ Торвальдсенъ продолжалъ прилежно трудиться, но всё-еще такъ мало довѣрялъ себѣ, что окончивъ какую-нибудь новую вещь, ломалъ ее и бросалъ въ уголь, чтобы никто не видалъ его неудачныхъ произведеній. Модель «Язона съ золотымъ руномъ», которая надѣлала столько шуму, была приговорена къ такой участи и лишилась головы подобно прежнимъ.

Однако жъ Торвальдсенъ встрѣтилъ въ Римѣ антикварія Цѣгу, датскаго Винкельмана, котораго совѣты и поощренія сильно одушевили молодаго художника, и онъ снова принялся за своего Язона. Это первое образцовое произведеніе Торвальдсена имѣло большой успѣхъ въ Римѣ. Аргонавтъ изображенъ въ человѣчскій ростъ; положеніе его дышетъ гордостью и спокойствіемъ торжества; торсъ слегка склоненъ на правое колено, а голова къ лѣвому плечу, на которомъ виситъ золотое руно; правая рука опирается на копье.

Восторгъ былъ общій, но одного восторгу для бѣднаго скульптора очень недостаточно. Срокъ отъѣзду, однажды уже отложенный по его просьбѣ, приближался. Бѣдность не позволяла Бертелю жить въ Римѣ на свой счетъ, а никто не приходилъ покупать его произведеній. Торвальдсенъ, хотя съ отчаяніемъ, однако долженъ былъ наконецъ оставить Римъ. Онъ уже готовился съ стѣпеннымъ сердцемъ отправиться, какъ-вдругъ счастливый случай,—маленькое затрудненіе съ паспортомъ,—замедлилъ отъѣздъ на одинъ день. Въ этотъ самый день пріѣхалъ въ Римъ голландскій банкиръ Гонъ, великодушный, богатый и страстный

любитель искусствъ. Онъ пожелалъ видѣть «Язона», о которомъ много слышалъ, и тотчасъ же отправился въ маленькое жилище скульптора. «Язонъ» очаровалъ банкира, и онъ немедля спросилъ художника, что онъ возьметъ за исполненіе этой статуи изъ мрамору.

— Это будетъ стоить шестьсотъ скуди, робко прошепталъ Торвальдсенъ.

— Вы шутите, возразилъ банкиръ: такая статуя стоитъ по крайней-мѣрѣ осемьсотъ. Я дамъ вамъ ихъ. Принимайтесь за работу.

Такимъ образомъ Торвальдсенъ увидѣлъ передъ собой открытую дорогу, на которой безъ этого счастливаго обстоятельства, быть можетъ, былъ бы остановленъ на первомъ шагу. Исполненіе этой статуи въ Римѣ, въ столицѣ міра искусствъ, принесло Торвальдсину прочную славу. Эта статуя въ особенности пришла по вкусу Англичанамъ; заказовъ явилось множество, и черезъ нѣсколько лѣтъ Торвальдсенъ пользовался уже славой Кановы.

Вскорѣ послѣ «Язона» явился барельефъ, изображающій Ахиллеса, который сидитъ въ сторонѣ и подавляетъ пожирающій его гнѣвъ, между-тѣмъ какъ Патроклъ отдастъ посланнымъ отъ Агамемнона грустную и трепещущую Бризенду. Это произведеніе стоитъ на равнѣ съ лучшими древними барельефами. Колоссальный «Марсъ» Торвальдсена изображенъ стоймя; лѣвой рукой опирается на мечъ, а въ правой держитъ оливковую вѣтвь. Многие почитаютъ эту статую выше самаго «Язона». Торвальдсенъ окончилъ ее въ 1808 году, въ одно время съ «Адописомъ», который былъ заказанъ принцемъ Евгениемъ. Это произведеніе самъ Канова назвалъ образцовымъ.

Въ промежутокъ времени Торвальдсенъ вылѣпилъ множество «фигуръ, большею частью во весь ростъ, — «Венеру», «Аполлона», «Бахуса», «Амура», «Психею», «Гебу», «Ганимеда» и «Меркурія, убивающаго Аргуса», произведеніе, которое послѣ было нѣсколько разъ изсѣчено изъ мрамору, и которое въ настоящее время находится во всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ галереяхъ. Въ Римѣ, въ 1819 году, публика тѣснилась у дверей художника, чтобы полюбоваться на этого прекраснаго «Меркурія», который былъ изсѣченъ изъ мрамору по заказу князя Эстергази. Меркурій изображенъ въ ту минуту, когда онъ вынимаетъ мечъ, чтобы отрубить голову стоглазому стражу, который только что уснулъ.

Между барельефами, относящимися также къ этому времени, упомянемъ: «Крещеніе Спасителя», «Мадону съ младенцемъ Иису-

сонъ и Святыхъ Иоанновъ», «Спасителя, благословляющаго дѣтей», групу ангеловъ, четыре медальона, назначенные для портала въ шарлоттенбургскомъ замкѣ, въ Копенгаганѣ, и «Танецъ Музы на Геллковѣ».

Въ 1808 году, Торвальдсенъ былъ пригнанъ въ академію Санта-Луки, въ Римѣ, въ которой потомъ сдѣлался президентомъ, не смотря на то, что въ это время многіе уже возставали противъ его таланта и школы.

Въ 1811 году, Наполеонъ, который никогда не видалъ Рима, вздумалъ побывать, и для этого приказалъ отдѣлать тамъ дворецъ для своего пріѣзда. Избрали дворецъ, принадлежащій папѣ, в Монте-Кавалло. Торвальдсену было поручено украсить его барельефами. Наполеонъ, во всемъ нетерпѣливый, далъ художнику сроку только три мѣсяца. Искусный скульпторъ кончалъ работу къ назначенному времени. Это былъ «Триумфальный въѣздъ Александра Великаго въ Вавилонъ», прекрасное произведеніе, которое украсило четыре стѣны главной залы. Эти барельефы, призванные достойными цвѣтушихъ временъ греческой скульптуры, вообще почитались первымъ по достоинству произведеніемъ Торвальдсена. Художникъ впоследствии два раза повторялъ ихъ, — въ первый разъ по заказу датскаго короля, для кристіанбургскаго дворца, во второй — для графа Соммаривы. Барельефы расположены кругообразно и раздѣляются на три части: первая изображаетъ мѣсто происшествія, вторая — депутацію посланную къ македонскому завоевателю, третья — въѣздъ побѣдителя. Но прежде чѣмъ Наполеонъ увидѣлъ эту аллегорію, судьба лишила его трона и забросила на островъ Святой Елены.

Около этого времени, Торвальдсенъ составилъ программу сволпческаго памятника, воздвигнутаго въ честь погибшихъ девятаго августа, 1792 года, швейцарскихъ солдатъ. Знаменитый «Умирающій левъ» видѣнъ на горѣ близъ Люцерна. Въ 1812 году, Торвальдсенъ былъ принятъ членомъ въ императорскую королевскую академію, въ Вѣнѣ.

Съ 1812 до 1820 года изъ мастерской Торвальдсена вышло множество новыхъ произведеній, между которыми упомянемъ четыре барельефа для новаго копенгагенскаго собора; «Три Грацій», изъ которыхъ одна въ особенности, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ произведеніямъ Торвальдсена; «День и Ночь», превосходныя статуи; «Надежда», заказанная Гумбольдтомъ; двѣ большія каріатиды, назначенныя для украшенія могилы одного молодого Нѣмца, умершаго во Франціи, и множество барельефовъ:

«Бахусъ поить Амура», и Минерва сажаетъ бабочку на созданіе Прометей», «Амуръ показываетъ Веперѣ свою руку, ужаленную пчелою», «Гигей поить Эскулапова змѣя», «Амуръ колетъ Психею стрѣлою, чтобы пробудить ее отъ обмороку».

Принцъ баварскій поручилъ Торвальдсену поправить въ мюнхенской галереѣ знаменитыя древнія статуи, которыя были открыты въ Эгивѣ. Художникъ, въ 1827 году, исполнилъ работу съ удивительнымъ искусствомъ. Въ томъ же году Торвальдсенъ изобразилъ въ барельефахъ исторію «Страстей Господнихъ», для мюнхенской соборной церкви.

Въ іюнь, художникъ-дворянинъ Торвальдсенъ, богатый и славный, захотѣлъ снова взглянуть на свою родину, которую покинулъ, когда былъ невѣстнымъ бѣднякомъ. Но впередъ ему нужно было съѣздить въ Мюнхенъ, для наблюденія за постановкой своихъ барельефовъ, — въ Вѣну по случаю различныхъ работъ, заказанныхъ княземъ Эстергази, — въ Варшаву, куда призывало его избранное польское общество для составленія проекта памятника Понятовскому, а потомъ уже онъ могъ явиться въ Копенгагенъ, гдѣ, послѣ двадцати-трехъ-лѣтняго отсутствія, его ожидалъ всеобщій восторгъ.

Въ Мюнхенѣ, въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ Торвальдсенъ былъ принятъ съ восхищеніемъ, которое еще больше возрастало отъ простоты и любезности его обращенія. Меттернихъ заказалъ художнику памятникъ князю Шварценбургу; Франкфуртскіе жители просили сдѣлать статую Гёте; въ Штутгардѣ желали имѣть изъ рукъ Торвальдсена Шиллера. Но особенно въ Дании, появленіе знаменитаго скульптора возбудило сильный восторгъ: весь Копенгагенъ парадился въ праздничную одежду по случаю его пріѣзда; король далъ Торвальдсену чинъ совѣтника. «Втеченіи двадцати лѣтъ Торвальдсенъ сильно измѣнился, говоритъ Тиле, однако вполне сохранилъ свои привязанности. Воспоминанія художника снова оживил, и сердце его сильно забилося при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство. Въ академическомъ зданіи приготовили ему квартиру и мастерскую. Когда онъ входилъ въ академію, въ сѣняхъ его встрѣтилъ старый привратникъ, который такъ часто видалъ художника ходившаго въ школу; Торвальдсенъ бросился обвинять старика. Въ первое возвращеніе Торвальдсенъ не долго пробылъ на родинѣ. Обремененный множествомъ обѣщанныхъ работъ, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправился въ Вѣну. Тамъ, въ ноябрѣ 1820 года, онъ узналъ, что полъ его мастерско въ Римѣ провалился, и что при этомъ статуи «Амуръ» и «Па-

стухъ разбиты и испорчено много другихъ; Торвальдсенъ тогда же отправился въ Италию и, въ концѣ 1820 года, прибылъ въ Римъ, гдѣ, съ новымъ жаромъ предавшись занятіямъ, увеличилъ свою славу исполненіемъ различныхъ работъ, на которыя мы уже указали, и множествомъ другихъ, изъ которыхъ упомянемъ, надгробный памятникъ Пію-Седьмому, бюстъ кардинала Гонзальви, памятникъ принцу Евгению, статую короля Максимилиана Баварскаго, памятники Шиллеру, Гёте, Гутенбергу и Коррадину, статую Коперника, — въ Варшаву, — Байрона на развалинахъ Греціи и наконецъ прекрасное собраніе скульптурныхъ произведеній для копенгагенскаго собора.

Въ январѣ 1838 года, Торвальдсенъ снова оставилъ Римъ, чтобы ѣхать на родину. Но прежде чѣмъ последуемъ за нимъ въ Давію, мы заимствуемъ изъ статьи напечатанной въ «Артистѣ», въкоторыя подробности о жизни художника въ Римѣ.

Торвальдсенъ, говоритъ авторъ этой статьи, живетъ въ Римѣ на горѣ Пинціо, въ Сикстинской Улицѣ, въ палацо Томази. Первый этажъ занималъ онъ самъ, во второмъ помѣщается его мастерская, въ которую изъ жилыхъ покоевъ ведетъ узкая лестница. При стукѣ въ дверь, скульпторъ самъ отворяетъ, во приѣзду Пуссена. Убранство его жилища просто, но по стѣнамъ развѣшано множество прекрасныхъ картинъ; бібліотека наполнена хорошими книгами, дорогія вазы, собраніе медальоновъ и монетъ; повсюду разложены прелестныя гравюры, эскизы, портреты знаменитостей. Передъ домомъ Торвальдсена садъ, въ который есть выходъ прямо изъ мастерской. Глыбы мрамору накладываются между кустами шиповнику и алоя.

Торвальдсенъ отличается чрезвычайною дѣятельностью, и живымъ вниманіемъ, съ которымъ принимается за всякій предметъ. Разговоръ его легокъ, живъ, полонъ ума и тонкой наблюдательности. Между художниками никто болѣе его не принимаетъ участія въ начинающихъ свое поприще. Торвальдсенъ одинъ изъ первыхъ скульпторовъ новаго времени. Съ рѣдкою энергіей онъ соединяетъ въ себѣ чрезвычайную мягкость права.... Жизнь свою, начатую посреди черни, художникъ окончилъ въ самомъ высшемъ кругу, гдѣ его присутствіе возбуждало всеобщее любопытство и внушало почтеніе. Сынъ простаго матроса, Торвальдсенъ, подъ старость, сталъ другомъ своего короля; всѣ уважающіе умъ и дарованіе списываютъ его расположенія; имя его не только въ устахъ цѣлой Германіи, его знаютъ и цѣнятъ во всей Европѣ. Теперь (въ 1837) онъ уже съдой немножко сутулов-

тѣмъ, но еще бодрѣе и прѣкраснѣе старнѣтъ; обладаетъ плодотворнымъ и изящнымъ даромъ слова, какимъ обыкновенно отличаются люди, сами себя образовавшіе; въ простотѣ и скромности его обращенія такъ много привлекательнаго и отраднаго, что побесѣдовать съ нимъ, не разстался бы съ нимъ.»

Швеція и Норвегія также почитаютъ Торвальдсена своимъ, и потому вся Скандинавія обрадовалась, когда узнали, что знаменитый скульпторъ въѣдетъ, весной 1839 года, воротиться на родину, почтить свои дни. Изъ Рима Торвальдсенъ сначала отправился въ Миланъ къ своей единственной дочери, которая была замужемъ за итальянскимъ полковникомъ австрійской службы. Она, кажется, умерла бездѣтною, потому что Торвальдсенъ отдалъ все свое огромное состояніе копенгагенскому музею, который посвятилъ его имя.

Никогда завоеватель возвращающійся съ побѣдой не произвелъ такого впечатлѣнія, какъ новость, что скоро прійдетъ датскій художникъ. «Разнесся слухъ, говоритъ одинъ копенгагенскій журналъ, что Торвальдсенъ черезъ нѣсколько часовъ высадится на берегъ.»

«Когда фрегатъ «Рота» оставовился въ Гельсингзарѣ, огромная толпа собралась около таможни, для встрѣчи славнаго художника. Онъ былъ принятъ съ живымъ восторгомъ гельсингзарскими и карлскронскими жителями. Делегация обоихъ городовъ, сопровождаемая толпой гражданъ и дамъ, приблизилась къ фрегату «Рота» на шведскихъ и датскихъ пароходахъ, и когда старшій художникъ, послѣ долгаго отсутствія, ступилъ на родную землю, толпа приветствовала его радостными криками. Потомъ прочли нѣсколько куплетовъ, изъ сложенной въ честь этого обстоятельства поэмы, что вызвало новые крики ура. Этотъ искренній и лестный приемъ у обоихъ націй тронулъ Торвальдсена до глубины души. Онъ не зналъ, чѣмъ выразить свое удовольствіе, и только пожималъ руки всѣмъ окружавшимъ его.»

Открытіе скульптурныхъ произведеній Торвальдсена въ копенгагенскомъ соборѣ, совершенное въ апрѣлѣ 1839, въ присутствіи всей королевской фамиліи, было для него новымъ торжествомъ. Всѣ копенгагенскіе жители были признательны художнику за чудное произведеніе, которое дѣлало ихъ церковь лучшею во всѣхъ трехъ скандинавскихъ королевствахъ. Оно состояло изъ тринадцати колоссальныхъ мраморныхъ статуй, — Спасителя и двѣнадцати Апостоловъ, — которыя окружалъ нунель удивительной работы, — ангела, стоящаго на колыняхъ съ

обнакомъ изъ розъ на головѣ и съ рожкомъ для святой воды въ рукахъ.

Торвальдсенъ пожелалъ быть крестнымъ отцемъ перваго дитяти, которое будутъ крестить въ этой купели, и это было дитя его ученика и друга, датскаго скульптора Фрейда.

Торвальдсенъ долженъ былъ получить за свое произведеніе около пятидесяти тысячъ рублей серебромъ, но онъ написалъ къ министру финансовъ, что посвящаетъ эту сумму на учрежденіе музея, для котораго король съ своей стороны отвелъ цѣлый флигель во дворцѣ.

Торвальдсенъ пробылъ въ Копенгагенѣ до 21 мая 1841 года, и въ это время несмотря ни на непрерывныя сношенія съ дворомъ и съ обществомъ, къ которымъ принуждала его слава, ни на хлопотливыя занятія по устройству музея, успѣлъ сдѣлать статую Лютера, для города Эisleбена. Потомъ онъ отправился въ Ростокъ, а оттуда въ Римъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, Парижъ, Марсель и Ливорно.

Передъ этимъ знаменитый художникъ напечаталъ въ газетахъ, что ѣдетъ только для того чтобы окончить въ Италіи нѣкоторыя работы и привезти въ новый музей собраніе своихъ скульптурныхъ произведеній. Исполнивъ это Торвальдсенъ обѣщалъ воротиться на родину навсегда.

Старый скульпторъ сдержалъ слово; онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ воротился въ Копенгагенъ и посвятилъ остатокъ дней тѣмъ же трудамъ, которые составили его славу и счастье жизни. Датчане показывали Торвальдсена иностранцамъ какъ лучшее свое сокровище, когда скоростпжная смерть вдругъ похитила его. Двадцать четвертаго марта 1844 года, художникъ былъ вечеромъ въ театрѣ, когда его поразилъ апоплексическій ударъ и онъ тутъ же, въ ложѣ, умеръ.

«Торвальдсенъ, говоритъ одинъ копенгагенскій журналъ, работалъ до послѣдней минуты жизни. Еще утромъ въ день своей смерти онъ рисовалъ статую Геркулеса, а за нѣсколько минутъ до отъѣзду въ театръ кончилъ конную статую покойнаго короля Фридриха Шестаго и глѣзилъ бюстъ Лютера.»

Онъ оставилъ огромное состояніе, около двухъ милліоновъ рейхсталеровъ (милліонъ рублей серебромъ), которое отказалъ посвященному его имя музею, гдѣ уже находились его коллекціи.

Торвальдсенъ былъ почетнымъ президентомъ навской академіи художествъ Святаго Луки, въ Римѣ, членомъ корреспондентомъ во французскомъ институтѣ и членомъ почти всѣхъ евро-

войска академіи. Намѣдъ короля датскій повелевалъ ему дворянство и большой крестъ ордена Данеброга, а король французскій, въ 1831 году,—орденъ Почетнаго Легиона.

Торвальдсена хоронили съ такимъ почетомъ, съ каковымъ, бытъ-можетъ, никогда еще не хоронили художника, и рѣдко оплакивали человѣка такъ единодушно какъ его.

Всѣ отъ короля до послѣдняго гражданина, хотѣли присутствовать въ похоронномъ шествіи. Наканунѣ церемоніи всѣ публичныя заведенія, лавки и мастерскія были заперты, торговля и всѣ дѣла остановились. Весь народъ облакъ въ трауръ. Утромъ, въ пять часовъ, улицы и площади на которыхъ должно было проходить похоронное шествіе, были усыпаны бѣлыми пескомъ и цвѣтами. Фасады большей части домовъ покрывались черными драпировками, на нѣкоторыхъ былъ вышитъ серебрянъ вензель покойнаго, увѣчанный иммортелями и звездами.

Тѣло Торвальдсена, бальзамированное королевскимъ медикомъ, было выставлено на великолѣпномъ катафалкѣ, въ продолженіи трехъ дней, въ залѣ древностей королевской академіи художествъ, въ шарлотенбургскомъ дворцѣ. Утромъ, въ день похоронъ, его положили въ свинцовый гробъ, который былъ поставленъ въ желѣзный, а тотъ въ деревянный, украшенный со всѣхъ сторонъ аллегорическими барельевами, которые изображали важнѣйшія обстоятельства жизни художника.

Въ половинѣ одиннадцатаго, похоронное шествіе тронулось, по знаку, данному залпомъ орудій. Гробъ, несутый профессорами и воспитанниками академіи, былъ поставленъ на королевскіе дроги, запряженные въ осемь бѣлыхъ лошадей, которыхъ вели придворные конюхи. Концы погрова несли самые старшіе изъ академическихъ профессоровъ, за гробомъ шли наслѣдникъ престола и другіе принцы, потомъ профессора академіи, духовенство, гражданскіе и военные чиновники, профессора университета и около осмисотъ студентовъ; потомъ воспитанники школъ, ремесленныя и торговыя сословія со своими звачками; экипажи военныхъ и купеческихъ кораблей и наконецъ неимѣтная толпа народу. Шествіе заключала конная національная гвардія, а вдоль улицъ были выстроены пѣшая гвардія и линейное войско.

«Почти изъ всѣхъ оконъ кидали цвѣты, и въ продолженіи всего шествія хоры музыкантовъ, помѣщенные на колокольняхъ церквей, играли погребальныя марши, что дѣлается только при погребеніи членовъ королевской фамиліи.

«Крестовыми пушками по веретамъ вѣстѣ шведскихъ войскъ церковь».

«При входѣ въ церковь, король взошелъ на катедру и самъ провѣстилъ гробъ Торвальдсона къ шведскому алтарю. Церковь была накрыта трауромъ и слабо освѣщена блѣдными мраморными лампами».

«Послѣ обыкновенныхъ гимновъ, вслѣдствіи оцеконъ сказавъ рѣчь; потомъ прогнѣн два гимна нарочно сочиненные на этотъ случай».

Чтени подобныя подробности, конечно, можно предположить, что въ слѣдѣ Торвальдсона было нѣсколько патристическаго проуващенія, однакожъ на этотъ престоупный и чистосердечный миссортъ нельзя смѣть безъ участія, и должно признаться, что въ такомъ случаѣ и проуващеніе дѣлаетъ честь какъ народу такъ и государю».

Иногда и Иериньска дѣвница де-Лесиньска. Исторія авторитетна; — въ нежоръ-быть, еще больше и лучше чѣмъ въ политическаго отраженія бытъ и состояніе народа, — всегда дорожить неимамъ болѣе или менѣе знаменитыхъ писателей, потому что въ этихъ старовенныхъ изданіяхъ, или по-крайней-мѣрѣ по вслѣдствіямъ сношеній съ друзьями и знакомцами, целнившихъ по обстоятельствамъ, по необходимости, для себя, а не для публики, чьего гораздо легче бываеъ вѣрно и отчетливо опредѣлить не только подлинный характеръ и родъ каждаго таланта, но и самый смыслъ многихъ произведеній. Сверхъ-того, въ такихъ документахъ мы часто видимъ вѣрное и любопытное зерцало цѣлаго общества, современнаго писавшему. Въ этихъ отношеніяхъ весьма знаменитой мадамъ де-Лесиньска очень интересна, и сверхъ-того она — исторія страсти, или, если угодно, двухъ страстей, — романъ, вращающійся по листочку съ пера самой героини, которая затронулася бы при одной мысли, что читательница публика можетъ сдѣлаться ея повѣренною, и, следовательно, писала съ полною искренностью и откровенностью.

Юлія-Жана-Элеонора де-Лесиньска родилась въ Лионѣ, въ 1732 году. Мать ея графиня д'Альбонъ, не смѣла дать дочери ния своего мужа съ которымъ съ давнихъ поръ жила разво, крестила ребенка какъ законную дочь купца Клода Лесиньска и жены его Юліи Поварръ.

Юлія до пятнадцати лѣтъ пробыва у своихъ подставныхъ родителей или, что вѣроятнѣе, въ монастырѣ. Въ это время ея

мать, чувствуя близость смерти, взяла дочь къ себѣ. Графиня отырыла дѣвухѣ тайну ея рожденія, отдала шкатулку съ важными бумагами и оставила значительную сумму денегъ. Но, къ несчастію, Юлія была слишкомъ безкорыстна; она позволила отнять у себя шкатулку и отдала полученныя отъ матери деньги кавалеру Альбонъ, потомъ воротилась въ свой монастырь. Однако жъ, братъ и сестра Юлія, тронутые кротостію ея нрава, или скорѣе, быть-можетъ, страшась самоотверженія, котораго не могли понять, пожелали прибрать дѣвуху къ своимъ рукамъ. Герцогиня де-Вишій, дочь графини Альбонъ, предложила ей прійти въ своемъ домѣ. Такимъ образомъ Юлія, шестнадцати или семнадцати лѣтъ отъ роду, сдѣлалась гувернанткою племянницъ герцогини и подчинилась барскимъ наглостямъ, мелочнымъ обидамъ и тайнымъ преслѣдованіямъ, какія неизбѣжно слѣдовали изъ двойственнаго ея положенія служанки и родственницы въ домѣ.

Странное начало жизни женщины, странное и грустное, достойное осьмнадцатаго вѣка. Какъ было жизни этой дѣвухи не сдѣлаться романомъ? Бывши дочерью графини, она не имѣла, такъ сказать, ни какого званія, ни положенія въ обществѣ. Несмотря на тщательное образованіе, ей не внушили ни какого прочнаго правила; ея воображеніе развернулось въ теплицѣ; душа была оставлена на произволъ судьбы. Она не знала дѣтства, не знала привязанности. Когда она думала, что нашла родныхъ, когда въ сердцѣ ея впервые пробудилось вѣжное чувство, его тотчасъ же охладилъ грубостію и презрительнымъ состраданіемъ. Бѣдную дѣвуху не признали, притѣснили, ограбили, и тѣ, которымъ слѣдовало быть друзьями сироты, отравили ея молодость. Въ такомъ случаѣ привязываются къ чужимъ, привязываются слишкомъ сильно, такъ, какъ не слѣдуетъ быть привязаннымъ.

Въ это время въ Парижѣ жила одна маркиза дю-Дессанъ, женщина, по словамъ Мармонтеля, очень умная, тонкая и съ характеромъ. Она нѣкогда была прекрасна и очень вѣтренна, но время любовныхъ похощеній миновало: бѣдная женщина ослѣпла и тоска свинцомъ налегла на ея дни, нѣкогда украшенные наслажденіями кокетства. Маркиза дю-Дессанъ, урожденная Вишій-Шанронъ, была сестра маркизѣ де-Вишій. Она часто встрѣчала у брата въ замкѣ дѣвицу де-Леспинасъ, которой умъ и оригинальность вскорѣ привлекли вниманіе маркизы, и ей пришла мысль воспользоваться прелестями и умомъ дѣвухи, чтобы снова согрѣть свою старость и оживить усердіе друзей. Такимъ

образомъ, послѣ долгихъ переговоровъ между скучающею старухой и молоденькой гувернанткой составилъ контрактъ, существенную статью котораго составляло обязательство со стороны мадамъ де-Леспинасъ навсегда отречься отъ желанія быть признанною и принятою въ семейство Альфонъ. И такъ Юлія, въ 1754 году, то есть, двадцати-двухъ лѣтъ, водворилась въ домъ маркизы дю-Дефавъ и снова воротилась въ ея кругъ веселости, прелесть и молодость. Но какая жизнь ожидала дѣвушку въ этомъ домѣ? Она должна была принять на себя роль сродницы и сдѣлаться украшеніемъ гостиной; должна была вѣчно читать старухѣ, не спать когда та не спитъ, и подчиняться всѣмъ капризамъ прихотливой госпожи. Маркиза не имѣла другаго средства къ успѣху кромѣ своей бесѣды, сдѣлалась столько же завистливой въ этомъ отношеніи какъ иногда бываетъ молоденькая женщина завистливою къ красотѣ, и требовала чтобы всѣ исключительно поклонялись ея уму. Она дѣлала изъ ночи день, и вставала только въ пять или въ шесть часовъ вечера. Мадамъ де-Леспинасъ вставала часомъ раньше и пользовалась дорогимъ временемъ, украденнымъ у своего революничества, принимала друзей въ своей маленькой комнатѣ. Но друзья забывали съ нею время и слишкомъ опаздывали къ общему патрону. Маркиза дю-Дефавъ открыла однажды эту маленькую хитрость. Послушать ее, такъ это была настоящая измѣна. Статуха пришла въ бѣшенство и увѣряла, что «отогрѣла на груди змѣю». Юлія нашла, что слова маркизы слишкомъ жестки и сильны для такого преступленія, и рѣшилась вдругъ оставить свою покровительницу. Она завела свою собственную арену для состязанія въ остроуміи, воздвигла академию противъ академій. Когда же маркиза отдала дѣло на судъ друзей, тѣ большею частью измѣнили, отложились отъ стараго своего идола и обратились къ новому, молодой богинѣ. Мадамъ де-Люксамбургъ, короткая пріятельница маркизы, украсила новый храмъ и подарила молодой жрицѣ полную меблировку для ея квартиры. Самъ президентъ Генѣ осуждалъ маркизу, а д'Аламбера она лишилась навсегда.

Кто больше виновать? Это такой процессъ, какихъ множество было въ осмнадцатомъ вѣкѣ. Ясно то, что бѣдная женщина, «повергнутая въ вѣчную ночь», женщина, которая «не могла обойтись безъ вещей, о какихъ вовсе не хотѣла бы и думать», еще разъ испытала разрывъ нити, на которую привязала свое бытіе. Сколько она ни старалась возстановить равновѣсіе своихъ печальныхъ дней, занимательность ея судъ исчезла. Это, конечно, гора-

ко было для той, которая говорила: «Судь, безъ сомнѣнія одинъ дѣй четырехъ краевъ жизни; трехъ первыхъ я уже не помню.»

Дезертерка между-тѣмъ готовилась на свой счетъ промышлять остроуміемъ, играть роль Сафо, занять мѣсто въ мірѣ эциндю-педн и принимать поклоненія *философовъ*.

Она могла бы, кажется, сколько-нибудь сблизиться, или по-ирейней мѣрѣ, немножко подѣлаться д'Аламберомъ и другими съ бѣдной слѣпой, но, напротивъ, изъ послѣднихъ писемъ мадамъ де-Леспинасъ видно, что она вела жизнь очень разбѣжную, не столько для своего собственнаго удовольствія, какъ для того чтобы привести въ отчаяніе маркизу, «очень злую, говоритъ она, женщину, которая думала, что Юлія, разставшись съ нею, будетъ всѣми покинута и забыта». Хотя современная публика и находила, что мадамъ де-Леспинасъ совершенно права, потому что публика охотно переходитъ на сторону молоденькой женщины противъ старухи, однако нельзя не найти, что въ этомъ случаѣ Юлія измѣнила своей вѣсгдашней чувствительности сердца.

д'Аламберъ, который все-еще жилъ у доброй стенописицы, охотно заболѣлъ. Докторъ Буваръ посоветовалъ ему оставить тѣсное, темное и душное жилище, и его перенесли къ Вателю, гдѣ мадамъ де-Леспинасъ вызвалась быть у него сидѣлкой. Поправившись, д'Аламберъ захотѣлъ остаться подлѣ той, которая такъ заботливо за нимъ ходила, и съ-тѣхъ-перъ они жили въ одномъ домѣ.

Здѣсь представляется одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые очень трудно разрѣшить и еще труднѣе безпристрастно исследовать. Это вопросъ — до какой степени были близки ихъ отношенія? Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ же загадокъ, какія оставлены намъ разгадать все остроумныя дѣвочки восемнадцатаго вѣка, — между прочимъ мадамъ Ансесъ и мадамъ де Ломей.

д'Аламберъ часто говорилъ, что одна только дружба заставляетъ ихъ жить подлѣ одною кровлей, и просилъ Вольтера не ширитъ слухамъ о бракѣ и другимъ, которые приписывалъ злости маркизы дю Дефанъ. По словамъ Мармонтала, ничего не могло быть невѣннѣ этой связи: «ее уважалъ, говоритъ онъ, и даже замесловіе не вредило ей.»

Уже въ гостиной маркизы дю Дефанъ, мадамъ де-Леспинасъ и д'Аламберъ были соединены вѣжнымъ чувствомъ и ихъ независимость, ихъ сходство происхожденія и нраву, создали связь короткую, полную, но скромно прикрытую, угаданную, но не объявленную.

Теперь, прежде чѣмъ пустимся въ романъ, взглянемъ на знаменитое общество, посреди котораго жила мадамозель де Леспинасъ. Съ помощью д'Аламбера, Юлія открывала свою контору остроумія съ пяти часовъ по полудни; въ девятомъ и десятмъ расходились. Обыкновенными посѣтителями были въ особенности Мармонтель, Томъ, Лагарпъ, президентъ Гендъ, шевалье Морелле, Сенъ-Ламберъ, Кондильякъ, Тюрго, лордъ Шельбурнъ, аббатъ Галиани, маркизь Карраччолли, и другіе. Среда съ самаго основанія клуба посвящалась обѣду у мадамъ Жофренъ, гдѣ сходились все тѣже знакомцы и сверхъ-того Гельвецій, Гольбахъ, Вольтеръ и многіе пріѣзжіе иностранцы, которые считали, что не видали Парижа, если не были приняты у мадамъ Жофренъ.

Эта знаменитая женщина, оставившая по-себѣ славу Мецената осьмнадцатаго вѣка, занимаетъ слишкомъ важное мѣсто въ исторіи мадамозель де Леспинасъ, и потому заслуживаетъ здѣсь особеннаго упоминанія.

Она получила въ наслѣдство послѣ мужа, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ, довольно значительное состояніе, которое еще увеличила порядкомъ и экономіей, «источниками независимости и щедрости», какъ она говорила.

По поведѣльникамъ она давала обѣды для артистовъ и любителей художествъ; по средамъ собирались философы, между которыми изъ женщинъ бывала почти одна только мадамозель де Леспинасъ. Потомъ бывали маленькіе ужины, *suppé*, на которыхъ еще съ большею свободой господствовали откровенность и дружба. Мадамъ Жофренъ была не учена: когда одинъ итальянскій аббатъ явился съ предложеніемъ посвятить ей свою грамматику, она сказала; «Миѣ вы хотите посвятить грамматику? да я не знаю даже орфографіи!» Но зато эта женщина была одарена примѣчательнымъ умомъ, не говоря уже о прелестяхъ и любезности. Она отличалась искусствомъ рассказывать; правду была очень кроткаго и между-тѣмъ твердаго. «Все наши земныя бѣдствія происходятъ отъ недостатку твердости», говорила она часто. Пріятная бойкость придавала ей красотѣ вѣкотораго роду оригинальность. Она рано усвоила себѣ нарядъ пожилой дамы, который къ ней очень шелъ, и придавалъ ей лицу выраженіе кроткаго достоинства. Эта женщина обладала удивительнымъ искусствомъ занимать и одушевлять свое общество; превосходно умѣла приводить въ движеніе и поддерживать бесѣду, и выставяты, такъ сказать, умъ и знаніе каждаго изъ своихъ гостей. Но ея доброта не ограничивалась ласковымъ приѣмомъ; она

безпрерывно занималась своими друзьями, ихъ успѣхами, ихъ состояніемъ. Она просила за нихъ, доставляла имъ извѣстность, заинтересовывала ими знатныхъ особъ, и все это безъ витригъ, безъ происковъ, посредствомъ одного желанія добра. Ея деликатность равнялась ея великодушію. По смерти мадамозель де-Леспинасъ открыли, что она получала отъ мадамъ Жофренъ пенсію въ тысячу экю. Сначала эта женщина была очень набожна, но потомъ, поддавшись своимъ друзьямъ философамъ, стала скрывать религіозное чувство и тайкомъ ходить въ церковь. Дома она умѣла съ удивительнымъ искусствомъ воспрепятствовать, чтобы разговоръ не принималъ нѣкоторыхъ слишкомъ философскихъ направленій. Однимъ своимъ словомъ она останавливала всѣ вольности, къ которымъ были такъ склонны ея друзья. «Ну, теперь хорошо!» говорила она. Это былъ знакъ, что зашли слишкомъ далеко и что пора кончить.

У мадамозель де-Леспинасъ обществу философовъ, можетъ быть, было еще пріятнѣе, однако жъ, если тамъ и можно было выражаться посмѣлке, насчетъ нѣкоторыхъ предметовъ, бывшихъ въ модѣ въ то время, то всё-таки позволительно думать, что резонеры никогда не переступали границъ приличія и вкуса. Тюрго, Кондильякъ, Генд не были какими-нибудь санюлотами по идеямъ. Кондильякъ всегда почитался осмотрительнѣйшимъ изъ философовъ; Тюрго, пламенный экономистъ, былъ только полужилософомъ, и сверхъ того отличался такимъ дѣтскимъ простодушіемъ и скромностью, говоритъ Морелле, что при немъ нельзя было сказать малѣйшей двусмысленности, безъ того чтобы онъ не покраснѣлъ до ушей.

Д'Аламберъ, котораго слишкомъ ужъ привыкли представлять себя по правилу: слогъ — самъ человекъ, то есть, темнымъ, сухимъ, скрывающимъ свою сухость подъ напыщенностью, былъ, напротивъ, очень ласковъ, веселъ и способенъ къ самой живой привязанности; остроумная и пріятная бесѣда его вовсе не имѣла тѣхъ недостатковъ, какіе портятъ большую часть его сочиненій. Мармонтель былъ любезный, пріятный разказчикъ. Шевалье де-Шателлю страстно любилъ литературу, искусства и умѣлъ хорошо оцѣнить таланты. «Никогда еще, говоритъ Мармонтель, человекъ не умѣлъ лучше употребить свой умъ на наслажденіе-плодами другихъ умовъ.» При этомъ онъ былъ богатъ, отличался привычками знатнаго барина и утонченною вѣжливостью. У лорда Шельбурна, который впоследствии подъ именемъ маркиза Ландсдоуна игралъ важную роль въ англійскомъ парламентѣ,

было много дѣятельнаго ума, много души и благородства въ чувствованіяхъ. Мореллѣ, богатый познаніями, идеями, открытый, говорливый, тонко насмѣшливый. Аббатъ Галіани, «самый хорошенькій арлекинчикъ, какого лишь производила Италия, но съ головою Макіавеля на плечахъ», какъ говоритъ Мармонтель. Марквизъ Караччолп, свѣтлый умъ въ пѣсколько толстой оболочкѣ, отличался оригинальностью своей мысли и живописностью рѣчи, для которой пользовался итальянскими словами, какъ-скоро не находилъ достаточно сильныхъ французскихъ.

Таково въ весьма сокращенномъ видѣ общество, которое собралось у мадамъ де Леспинасъ и котораго она была душою. Она въ высокой степени обладала рѣдкимъ дарованіемъ давать ходъ уму другихъ. Никто лучше ея не умѣлъ быть хозяйкой и удовлетворить всякому самолюбію. Рѣчь ея была изящна, утонченность самая пріятная тѣмъ, что принимала всегда тонъ участія; манеры — самаго высшаго круга. Она безъ усилій, съ самою естественною простотою умѣла внушить довѣріе, такъ, что всякій, въ самое короткое время знакомства, готовъ былъ рассказать ей всѣ подробности своей жизни. Желая нравиться даже тѣмъ, которые ей не нравились, она такъ хорошо умѣла разместить своихъ гостей, что они становились согласными какъ струны инструмента подъ рукою искуснаго музыканта. И она мастерски играла на этомъ инструментѣ. Нигдѣ бесѣда не бывала живѣе, интереснѣе и вѣстѣ съ тѣмъ правильнѣе, тѣмъ у нея; то возбуждая, то укрощая, она умѣла всегда поддерживать ее на ровной степени жару. Ея умѣнье бросать новые предметы и задавать темы на разборъ окружавшимъ ее пріятельнымъ умомъ; способность разсуждать отчетливо, иногда краснорѣчиво; ловкость, съ какою она управляла всѣми и выдвигала на сцену то того, то другаго, были таковы, что современники почитали ее чудомъ и ея искусства бесѣдовать было совершенно достаточно на то чтобы дать ей мѣсто въ исторіи.

Касательно прелестей, говоритъ Мармонтель, поговорить объ особѣ, которая имѣла ихъ бездну въ душѣ и въ рѣчахъ: это былъ другъ д'Аламбера, мадамъ де-Леспинасъ; удивительная смѣсь приличія, разсудительности, мудрости, воспримчивости, пылкости и восторженности. Огонь, который протекалъ въ жилахъ и нервахъ и придавалъ ея уму столько дѣятельности, блеску и красоты, преждевременно сжегъ ее... Будучи постояннымъ предметомъ вниманія, — слушала ли она или говорила, — она безъ кокетства внушала намъ желаніе нравиться; она безъ жо-

манства указывала вольности, до чего позволено доходить, не доходя до оскорбленія стыдливости и приличія.»

Надобно согласиться, что присутствовать въ собраніяхъ подъ предѣтельствомъ такой волшебницы, дѣйствительно наслажденіе, и не удивительно, что философы были безъ ума отъ мадам-де-Леспинасъ.

Д'Аламберъ, которому, конечно, хотѣлось привязанности тихой, вѣрной, безъ потрясеній и бурь, скоро сталъ страдать отъ связи, которая для него была болѣе обильною горечью чѣмъ наслажденіями. Они жили уже нѣсколько лѣтъ вѣсть, когда Юлія увидѣла челоуѣка, « которому должна была посвятить всю свою привязанность, всѣ свои мысли; того, который долженъ былъ располагать всѣми ея желаніями и поглощать всѣ способности ея ума и сердца. » Бѣдный д'Аламберъ! То былъ де-Морà, молодой, красивый, остроумный, изящный, слабый здоровьемъ, — настоящій герой романа, — и сверхъ-того маркизъ и очень знатный баринъ, — не послѣднее качество даже въ тотъ философскій вѣкъ.

Хотя мадам-де-Леспинасъ была уже не молода и отличалась больше пріятностью и изяществомъ чѣмъ красотой, однако жъ она умѣла внушить молодому, блестящему маркизу пламенную страсть и заставить его даже просить ея руки. Но родная влюбленная воспротивилась союзу, который не представлялъ ничего кромѣ несообразностей лѣтъ, званія и состоянія. Маркизъ воротился въ отечество, чтобы побѣдить несогласіе отца, но, кажется, самъ былъ побѣжденъ и рѣшился въ Испанію вступить въ бракъ болѣе приличный своему титулу. Выжидали только поправленія его здоровья.

Страсть изобрѣтательна. Мадам-де-Леспинасъ придумала странное средство разстроить предположенія родственниковъ маркиза де-Морà и воротить его къ себѣ. Она выхлопотала свидѣтельство у знаменитаго въ то время медика, доктора Лорри, который, за триста миль отъ молодого маркиза, объявилъ, что воздухъ Испаніи ему вреденъ и что слѣдуетъ дышать парижскимъ. Эта необыкновенная консультація, поддержанная, впрочемъ, желаніемъ пациента, имѣла полный успѣхъ. Маркизъ отправился, но въ дорогѣ былъ остановленъ припадкомъ кровохарканія и умеръ, въ Бордо, не свидѣвшись съ тою, которой писалъ: « Во мнѣ есть довольно такого, чѣмъ я могу заставить васъ забыть все, что вы перенесли изъ-за меня. »

Вотъ, что было извѣстно о мадам-де-Леспинасъ, когда, въ 1809 году, появились ея письма къ Гиберу, издавныя, къ удив-

ленію, самую мадамъ Гиберъ. Это изданіе, приписанное одиной преступной невѣрности, другими — неловкому самолюбію, привело тогдашнихъ аристарховъ въ смущеніе и, какъ имъ казалось, значительно измѣняло образъ вещей. «Если эти письма и приближаютъ нѣчто къ славіи ума этой женщины, кричали они, зато они вредятъ участію, какое она внушаетъ своимъ характеромъ и несчастіями.» И они пролили горькія поэтическія слезы о своемъ разочарованіи и утраченныхъ мечтахъ. Но какая до этого необходимость нашему поколѣнію, которое всегда знало дѣвицу Юлію де-Леспинасъ и, слѣдовательно, не могло разочароваться. Интересъ для насъ заключается въ психологическомъ анализѣ души, пытавшей двѣ глубокія страсти рядомъ, не считая д'Аламбера, который стоялъ подлѣ какъ снисходительный водевильный мужъ и бралъ сторону за и противъ любовниковъ своей жены.

Въ «Новыхъ письмахъ», изданныхъ, въ 1820 году, какою то дамой, мадмоазель де Леспинасъ сама показываетъ намъ развитіе фазы своей любви къ де-Мора, отъ первой встрѣчи до признанія. Она въ первый разъ встрѣтила его, кажется, у мадамъ Жофренъ. «Вошедши, онъ поклонился такъ благородно и пріятно, что я нашла, что мнѣ не довольно похвалили его паружность и примѣчательную манеру. Онъ былъ одѣтъ великолѣпно и не казался нарядившимся.» Стало-быть, впечатлѣніе было выгодное. Потомъ герой пускается въ разговоръ и развертываетъ столько тонкости, познаній и здраваго ума, что мадмоазель Жюліи восхищена, увлечена. Потомъ де Мора получаетъ позволеніе бывать у нея; она съ каждымъ днемъ больше и больше увлекается красотами его особы и его ума. «Звалили ли вы всю прелесть начинающейся страсти, пишетъ она къ своей пріятельницѣ, звалили ли вы эту тихую грусть, эту глубокую заботу, эту потребность, этотъ страхъ видѣть предметъ, который оживляетъ всю вашу жизнь, словомъ, это подчиненіе души чувству, въ которомъ еще сами себѣ не признавались? Въ такомъ состояніи была я прежде чѣмъ знала, можетъ ли де Мора отвѣчать мнѣ или онъ предупредилъ меня. Онъ утромъ прислалъ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ и, на маленькой вдвое сложенной бумажкѣ, написалъ: — Вы вчера страдали; лучше ли вамъ сегодня? Если прийду сегодня въ пять часовъ, застаю я васъ? Откажетесь вы написать *да* или *нѣтъ* на всѣ эти вопросы? — Я на все отвѣчала *да*....

Однажды онъ былъ болѣнъ и грустенъ, ему пускали кровь. Она также была нездорова и не вставала въ тотъ день. Волненіе, безпокойство съ обѣихъ сторонъ; разнѣвъ записокъ и по-

сольствъ; де-Морà проситъ позволенія прійти, и ему позволяютъ. Онъ поспѣшно отворяетъ дверь, трепещетъ, блѣднѣетъ; Юлія также смущается и чуть не падаетъ въ обморокъ. — Извиняте, говоритъ онъ, я слишкомъ разгоряченъ; я постараюсь овладѣть собой; скажите мнѣ только, какъ вы себя чувствуете; и прежде всего скажите, что вы не находите меня преступнымъ. — Нѣтъ, отвѣчала я, вы вовсе не преступны. — О! божественное созданіе! вскричалъ онъ, простирая ко мнѣ руки: я никогда не видывалъ столько доброты, столько свѣсходительности. — А я никогда не видывала столько заблужденія. Развѣ вы нуждаетесь въ свѣсхожденіи, и развѣ вы считаете меня столько безчувственною, что полагаете, я могу быть къ вамъ только добра? Но успокойтесь; вы волнуете меня, причиняете мнѣ вредъ. — Ахъ! это было бы молчъ несчастьемъ. Лучше умереть, сказалъ онъ съ такимъ глубокимъ и вѣжвымъ выраженіемъ, что я затрепетала. Онъ примѣтилъ. — Да, я причиняю вамъ вредъ, но я обожаю васъ. — Ахъ, ради Бога, мосье де-Морà, сказала я едва внятнымъ голосомъ: остановимся. Заклинаю васъ, будьте подтверже; ради Бога, встаньте! — И я подала ему руку, онъ схватилъ, прижалъ губы, и мнѣ показалось, что это огонь. Въ ту же минуту я ощутила на рукѣ горячія слезы.»

«Онъ создалъ мнѣ новую душу, говорила Юлія впоследствии; онъ очистилъ мою голову отъ тысячи безумствъ; я стала смотрѣть уже только съ одной точки и во многихъ отношеніяхъ стала лучше. Любовь становится добродѣтелью, которая возвышаетъ и облагораживаетъ душу, когда предметъ ея одаренъ, какъ де-Морà, всѣмъ, что можетъ нравиться, трогать и привязывать.»

Послѣ этого де-Морà принужденъ былъ повиноваться волѣ отца и оторваться отъ вѣжнаго сердечнаго союза, который, вѣроятно, сплѣво привлекалъ его, когда послѣ двухъ лѣтъ отсутствія и послѣ согласія жениться на другой опять захотѣлъ воротиться. Между ними завелась переписка, которую весьма желательно было бы знать. Она, безъ сомнѣнія, была пламенна и привлекательна не менше той, которую мы имѣемъ.

А д'Аламберъ какую роль игралъ въ этой драмѣ? Онъ скоро узналъ, повялъ свое несчастье и — сдѣлался повѣреннымъ, наперсникомъ, сперва противъ желанія, конечно, а потомъ съ какиъ-то грустнымъ удовольствіемъ. Онъ не переставалъ выхвалять маркиза де-Морà и рекомендовалъ его Вольтеру въ самыхъ жаркихъ и настоятельныхъ выраженіяхъ. «Я мало видѣлъ молодыхъ людей, у которыхъ бы умъ былъ болѣе ясный, болѣе пра-

вильный, болѣе обработанный и просвѣщенный... Могу поручиться вамъ, что увидѣвши его, вы поблагодарите меня за доставленіе знакомства.» Конечно, мало найдется людей, способныхъ описать предпочтеннаго соперника такими красками. И когда мадамозель де Леспинасъ, въ тревогѣ страсти, въ лихорадкѣ сомнѣнія, страдала нервами, а онъ пѣжно подходилъ къ ней, чтобы освѣдомиться, что съ ней, она съ безжалостнымъ эгоизмомъ отвѣчала: «Я желала бы знать, что дѣлаетъ де Морà.» Д'Аламберъ въ отчаяніи, а ея это не трогаетъ, а только раздражаетъ: она желаетъ совершенно, исключительно предаться своимъ мыслямъ. Де-Морà въ Испаніи и первое дѣло въ жизни для Юліи — приходъ почты; вѣсти замедлились, или получены дурныя, — томленіе и волненіе доходятъ до ужасающихъ размѣровъ, — и д'Аламберъ съ утра бѣжитъ на почту, а по возвращеніи его ожидаетъ хорошій приемъ только тогда, когда онъ принесетъ что нибудь. Сверхъ того, какъ часто случается, присутствіе его иногда тяготило Юлію; онъ производилъ въ ней недовольство самой собою: она созвавала себя недостойною такой преданности.

Но пора обратиться къ Гиберу. Это былъ блестящій полковникъ, который имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ и въ философскомъ академическомъ мірѣ своего времени. Онъ удостоился даже пышнаго *похвального слова* отъ мадамъ де-Сталь, которой тогда, правда, было двадцать четыре года и которая не читала писемъ мадамозель де-Леспинасъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ по смерти въ совершенствѣ прилагается выраженіе Жана Батиста Руссо: «Маска падаетъ, человѣкъ остается, герой печезаетъ.»

Мадмоазель де-Леспинасъ встрѣтила очаровательнаго Гибера, будучи однажды съ д'Аламберомъ у мадамъ Вижё, которая давала литературный обѣдъ. Юлія была грустна, печальна, въ тревогѣ разлуки, въ безпокойствѣ о здоровьѣ маркиза де-Морà. Жизнь ея казалось, висѣла на письмахъ, которыя она получала изъ Испаніи; она безпрестанно трепетала за того, которому «посвятила бы всѣ минуты своей жизни». У нея только и мыслей было, что объ этомъ человѣкѣ «столько любезномъ, столько достойномъ любви.» Увы! *variū et mutabile semper!* Мосье де-Гиберъ, не считая блеску эполець, былъ уменъ, въ модѣ; неизвѣстно, почему старался поправиться сорока-лѣтней дѣвѣцѣ, и поправился, даже очень поправился.

Если это завоеваніе не было дѣломъ расчёту, — а нужно сознаться, что полковникъ-философъ былъ способенъ на это, — то

это было счастливое вдохновеніе, потому что мадамозель де-Леспинасъ была ему чрезвычайно полезна у академиковъ и у министровъ; въ ней онъ нашелъ ходатайницу безпримѣрную по красворѣчію и искусству убѣждать. «Для славы есть только одна дорога, любезный другъ», писала она ему: но она хороша: это — дорога Мольеровъ, Расиновъ, Вольтеровъ и д'Аламберовъ. Этими вы должны ограничиться, потому что природѣ такъ угодно.» Онъ написалъ «Опытъ тактики», котораго нынче, конечно, никто не ставеть читать, но который въ то время своимъ духомъ очень восхищали философовъ. Его похвальныя слова Катина и Мишелю де-л'Оппиталю—вещи до крайности слабыя. Въ нихъ безпрестанно проглядываетъ самолюбіе, которое не находитъ себѣ мѣста въ литературной братѣѣ; господствуетъ тонъ горечи и недобольства всѣмъ на свѣтѣ. Публика, по его мнѣнію, не оцѣнивала его по достоинству, академія также, и онъ сердился на публику, на академію и даже на своего друга. Но важнѣйшее произведеніе *дивнаго автора*, какъ называли Гибера современные журналы, — «Коннетабль Бурбонскій», трагедія въ пяти актахъ, которую читатели, въ гостиныхъ, съ руками отрывали другъ у друга, изъ которой вездѣ и всюду декламировали стихи и которая такимъ образомъ получила успѣхъ, вырученный шайкою пріятелей. Трагедію эту два раза дали въ Версали и тѣмъ покончили, потому что вышла отчаянно посредственная вещь. Потомство подтвердило и ратификовало безъ апелляціи версальскій приговоръ.

Въ сущности, господинъ былъ только тщеславный. Все достоинство его заключалось, при нѣкоторомъ умѣ, въ большой бойкости и самонадѣянности, — неудавшійся геній, каррикатура великаго человѣка.

Изъ него-то мадамозель де-Леспинасъ сдѣлала себѣ героя, избранное существо, дощъ Карлоса, Эдуарда; ему она писала: «Другъ мой, я страдаю, люблю и жду васъ.» Нельзя не согласиться, что эта любовь обрюзглаго недоросля и сорокалѣтней дѣвы не отличается большою свѣжестью поэзіи и немножко граничить къ смѣшному; но не должно только останавливаться на этомъ первомъ впечатлѣніи и драма заинтересуетъ непремѣнно, потому что страсть, если она глубока и истинна, во всякомъ возрастѣ возбуждаетъ вниманія и участія. Подобное зрѣлище можетъ оставить по себѣ не только литературное волненіе, но и полезную мысль.

Полагала ли мадамъ де-Гиберь увеличить славу своего мужа изданіемъ писемъ мадамозель де-Леспинасъ? Если такъ, то она

жестоко ошиблась, потому что если онъ въ этихъ письмахъ открывается такимъ, какимъ мы его описали, то впечатлѣніе не можетъ быть выгоднымъ. Его холодное сердце дѣйствительно отражаетъ какую-то ледяную атмосферу сквозь эти пылающія страницы.

Въ этихъ письмахъ господствуютъ три идеи или, лучше сказать, три чувствованія: любовь къ де-Мора, которая пережила новую привязанность и даже смерть молодого маркиза; искренняя и глубокая страсть къ Гиберу и постоянное огорченіе, производимое небреженіемъ и холодностью его.

Мадмоазель де-Леспинасъ открыла своему послѣднему обожателю, какого рода были ея отношенія къ де-Мора; она сказала ему о своей перепискѣ, своихъ предположеніяхъ, своемъ страхѣ и своихъ надеждахъ. Эта откровенность, не совѣтъ пріятная для всякаго обожателя, въ особенности не понравилась тщеславному Гиберу. Замѣтнѣе странное и рѣдкое явленіе, которое почти всѣ женщины объявляютъ невозможнымъ, это — двойственность любви. Однако жъ, прочитавъ письма мадмоазель де-Леспинасъ, нельзя не повѣрить, что это двойственное чувство было искрено. «О! еслибъ вы знали, говорила Юлія своему повому обожателю, какъ де-Мора любезенъ и достоинъ любви! Душа его могуча, кротка и нѣжна; я увѣрена, что этотъ человекъ вамъ въ особенности понравится.» Послѣднее было очень сомнительно. Но не любопытно ли положеніе? Далѣе мадмоазель де-Леспинасъ, получивъ непріятное извѣстіе отъ де-Мора, берется за перо и пишетъ къ Гиберу: «Нѣтъ, никогда, никогда не была я въ такомъ отчаяніи. Ужасъ помрачаетъ мой разумъ. Мысль, что тотъ, котораго я люблю и который отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же, никогда не услышитъ меня больше и не придетъ ко мнѣ на помощь, выше моихъ силъ.» Потомъ, по смерти де-Мора, она снова писала: «Знаете ли что было необходимо моему сердцу, когда его волновали радость или горе? Писать къ де-Мора. Я оживляла его, воскрешала, и сердце мое отдыхало на его сердцѣ, душа изливалась въ его душу.»

Все это говорить чувство; тутъ нѣтъ ни романтизму, ни патяжекъ; не голова изобрѣла эти нѣжныя и грустныя рѣчи. Онѣ естественны, онѣ вылились изъ сердца и, слѣдовательно, трогательны.

Но справедливо также и то, что Юлія любила Гибера. «Я люблю васъ, другъ мой, до крайности, до безумія, до восторгу и отчаянія.... Вы заставляете меня жить и возмущаете мою душу;

я люблю васъ и ненавижу; вы неперемѣнно очаровываете и раздираете мое сердце, которое все принадлежитъ вамъ.» Не кажется ли, что слышншь Гермиону, когда она говоритъ Пирру: «Я не любила тебя, жестокий? что же я дѣлала?»

«О, другъ мой! вы уже забыли, что я любила васъ, вы уже не знаете какъ я люблю, всѣми силами души моею, всѣми способностями ума, воздухомъ, которымъ дышу. Я люблю для жизни и живу для любви.»

Передъ смертью Юлія писала: «Я не хочу, чтобы въ числѣ немногихъ дней, которые остается мнѣ прожить, вы провели хоть одинъ, не вспомнивъ, что любимы до безумія самую несчастною изъ смертныхъ. Прощайте, другъ мой; не любите меня, потому что это противно вашему долгу, но позвольте мнѣ любить васъ и повторять это сто, тысячу разъ, хоть я никогда не найду выраженія, вполне соответствующаго тому, что чувствую.»

Легко можно набрать множество доказательствъ этого чувства, проглядывающаго всюду естественно, безъ приготовленія, съ силою, которая все увлекаетъ и волнуетъ.

Но Гиберъ хотя былъ съ мадамъ де-Леспинасъ немножко полюбезвѣтѣ эпирскаго царя съ Гермионой, однако жъ не могъ ни понять ни раздѣлнить этой пламенной привязанности. Очаровательныя письма, по слогу и по чувству, которое ихъ диктовало, безъ сомнѣнія, льстили ему, но онъ часто тяготился ими. Гиберъ чувствовалъ, что не въ силахъ стать въ уровень съ своей корреспонденткой, и мучилъ ея любящее сердце какъ будто для удовольствія. Онъ былъ столько жестокъ, что укорялъ дѣвушку за подвижность ея души, за чувствительность, и хотя она писала къ нему: «Я не нахожу васъ ни строгимъ ни несправедливымъ,» однако онъ, очевидно, былъ и слишкомъ строгъ и слишкомъ несправедливъ. Послѣ десяти дней разлуки, Гиберъ написалъ Юліи письмо, которое она называла образцемъ холодности и жестокости. Въ другой разъ онъ воротился на одну минуту въ деревню, гдѣ его тѣло больной и страдающей другъ могъ бы ожидать нѣсколько расторопной услужливости. «Онъ пріѣхалъ въ Парижъ въ субботу, писала она, и только въ воскресенье освѣдомился, умерла я, больна, или въ крайнемъ бѣдствіи.» Онъ даже не всегда бралъ на себя трудъ скрывать свое утомленіе и скуку. «Такъ, писала она одиннадцатаго мая 1774 года: вы никогда не забудете, что весь вечеръ того дня, въ который умеръ Людовикъ-Пятнадцатый, вы провели въ глубокомъ снѣ. Нужно сказать, какъ сказалъ король прусскій: въ другой разъ мы сдѣлаемъ лучше.»

Новое горе омидало мадамозель де-Лосиннасъ, — Гибберова жевитба, состоявшаяся, въ концѣ 1775 года, съ дѣвушкой, которую онъ любилъ уже впродолженіи многихъ мѣсяцевъ, такъ что онъ, съ своей стороны, тоже любилъ двухъ заразъ. Это дотого поразило бѣдную Юлію, что она сильно захворала. Потомъ, думая, что усмоченнась, мадамозель де-Лосиннасъ утверждала, что будетъ довольна одною дружбой. Постышенія и цереминки продолжались, но легко понять, что они были уже очень охлаждены. Гибберъ, ниюгда не бывъ пламеннымъ, не могъ, женясь, одѣлаться любезнѣе. Невоспоримо черно должно быть то письмо, гдѣ онъ одѣлалъ самый обидный упрекъ жевитницѣ, которая его любила. «Это не помѣшаетъ мнѣ сказать вамъ, пишетъ она, что на меня ни что еще, кажется, не производило такого чувствительнаго, такого обиднаго впечатлѣнія, какъ ваше письмо. О, маъ хорошо вы отомстили за дѣ-Морà! какъ жестоко вы меня наказали за мой бредъ и заблужденіе, которые привлекала меня къ вамъ! О, какъ я презираю это заблужденіе! Я не буду входить въ подробности; душа моя не терпитъ жалобъ: мое сердце, мое самолюбіе, все, что меня одушевляеть, все, что заставляетъ меня чувствовать, думать, дышать, — словомъ, все, что живетъ во мнѣ, возмущено, ранено и оскорблено навсегда.»

Непріятно думать, что Гибберъ, обожаемый женщиною, хотя не молодой и не прекрасной, одвано по-крайней мѣрѣ остроумной и уважаемой, забылся до того, что заплатилъ ей за любовь пресрѣніемъ.

Мадамозель де-Лосиннасъ, снѣдаемая тревогами, тоской и угрызениями совѣсти, получила воссваленіе въ печени и умерла, двадцать-третьяго мая 1776 года. Въ письмахъ у нея встрѣчается множество тонкихъ и изящныхъ мыслей. Вотъ, напримѣръ:

«Никому еще, кажется, не приходило на мысль плеать о снѣ и его вліяніи на душу и страсти. Наблюдающимъ природу не слѣдовало бы пренебрегать этою любопытною частью жизни страдальцевъ. Ахъ! если бѣ люди знали, на сколько безсонница увеличиваетъ страданія, вернымъ вопросомъ при каждой встрѣчѣ съ несчастнымъ было бы, — спишь ли ты?»

А вотъ портретъ Дидро, гдѣмъ болѣе любопытный, что онъ начертанъ перомъ философомъ:

«Это необыкновенный человекъ; въ обществѣ онъ не на снѣтъ мѣстѣ: ему слѣдовало бы быть начальникомъ секты, пресекшимъ философію, наставившимъ юношества. Онъ мнѣ очень нравится, только намеры его мнѣ не по вкусу. Чувствительность

его поверхностна и не простирается далѣ перлаго впечатлѣнія».

Когда-то мажозель де-Леспинасъ написалъ свою защиту, подъ заглавіемъ: «Анологія того, что мои друзья называютъ у меня преувеличеніями, крайностями, восторженностью, противорѣчіями, и такъ далѣе, и такъ далѣе». Этотъ отрывокъ, очень литературный, написалъ съ жаромъ и тонкостью.

«Ревистія эта доставила мнѣ большое удовольствіе, да, повторю, большое удовольствіе, и я вызываю всѣхъ знатоковъ, пусть докажутъ мнѣ, что я неправа. Я восхищалась талантомъ Гретри; я двадцать разъ съ увлеченіемъ повторила:—Никогда ни у кого не было болѣе остроумія; никогда на музыку не перелагали столько изящества, тонкости и вкусу; я нахожу въ ней всю живость, всю занимательность, всю прелесть бесѣды умнаго человѣка, который всегда привлекаетъ, привязываетъ и никогда не утомляетъ,—который всегда употребляетъ не больше той степени силы и жару, какая прилична предмету, и который кажется тѣмъ богаче, что никогда не выходитъ изъ мѣры, предписываемой вкусомъ. Словомъ, говорила я, если бѣ авторъ этой музыки былъ незнакомъ мнѣ, я употребила бы даже невозможное, чтобы сегодня же познакомиться. Я была оживлена, одушевлена удовольствіемъ; мнѣ казалось, что оркестръ говоритъ внятныя рѣчи и я безпрестанно вскрикивала: Ахъ, какъ это восхиительно! Да, я повторю, восхиительно провести два часа въ раду въ ощущеніяхъ приятныхъ, истинныхъ и постоянно разнообразныхъ».

«.... Я вижу, слышу васъ: вы надѣетесь, что я поставлю Гретри выше Глука, потому что настоящее впечатлѣніе должно стереть прошедшія. Такъ нѣтъ же, этого не будетъ, и я замѣчу вамъ, что если я и впадаю въ крайности, однакожъ не допускаю исключительности, и знаете ли почему? Оттого, что похвалу приносятъ мои уши, мое чувство; оттого что я незавидно узнаю жеміе и что, впрочемъ, я довольно счастлива моею способностью любить до безумія вещи самыя противоположныя, такъ, что я люблю, дорого цѣню талантъ Гретри и уважаю, восхищаюсь Глукомъ. Но какъ у меня нѣтъ ни достаточнаго знанія, ни достаточной глупости, на то, чтобы опредѣлять мѣста и разряды таланта, то я и не покушаюсь рѣшать, который лучше, ни даже сравнивать те, чего, по моему, вовсе не слѣдуетъ сблизать. Я не знаю, на какомъ разстояніи природа поставила ихъ одного отъ другаго; знаю только, что при равномъ дарованіи они должны быть различнымъ образомъ приложить его, потому что ничто-

ская опера одинъ родъ искусства, а трагедія — другой. Какъ сравнивать то, что только правится и привлекаетъ, съ тѣмъ, что наполняетъ душу, проникаетъ ее и волнуетъ до глубины? Какъ сравнивать остроуміе съ страстью? Какъ сравнивать живое, веселое удовольствіе съ тихою грустью, которая почти превращаетъ страданіе въ наслажденіе? О, нѣтъ! я ничего не хочу сравнивать; я хочу наслаждаться всѣмъ. И это вы называете противорѣчіемъ въ моемъ вкусѣ, беспослѣдовательностью въ мнѣніяхъ! Хорошо, пусть я не буду послѣдовательна какъ разумокъ, зато я буду пользоваться всѣми наслажденіями воспріимчивости во всѣхъ родахъ, и скажу вамъ какъ Дидро: О, друзья мои, не будете такъ умны; будете поменьше анализировать и станемъ больше наслаждаться; не станемъ вносить духу критики въ вещи служащія только къ удовольствію и развлеченію. Будемте покрайней мѣрѣ снисходительны къ тому, что доставляетъ намъ наслажденія, и нашъ вкусъ отъ этого не будетъ ни менѣе хорошимъ, ни менѣе вѣрнымъ».

Д'Аламберъ былъ неутѣшенъ въ потерѣ своего друга.

«О, ты! которая уже не можешь слышать меня! восклицаетъ онъ: ты, которую я такъ нѣжно и такъ постоянно любилъ; ты, которая, какъ мнѣ на минуту казалось, любила меня; ты, которую я предпочиталъ всему; ты, которая, еслибъ захотѣла, могла замѣнить мнѣ все....» Это все обыкновенная его форма, часто напыщенная, но сквозь эту оболочку проглядываетъ истинное чувство. Лучше и съ трогательною простотою выражается его скорбь въ письмѣ къ Вольтеру: «Моя жизнь и моя душа опустѣли, и пропасть скорби, къ которую я повергнутъ, кажется мнѣ бездонною. Я пытаюсь встрепенуться и разсѣяться, но до-сихъ поръ, безуспѣшно.... Когда сердце мое поуспокоится, я стану говорить съ вами о другихъ скорбяхъ, которыя раздѣляю съ вами, но которыя теперь заглушаются скорбью болѣе сильною и болѣе глубокою». Впродолженіи пятнадцати лѣтъ онъ доказывалъ самую совершенную и самую почтительную преданность Юли де-Леспинасъ, и мы видѣли, какъ онъ доводилъ безкорыстіе дотого, что покровительствовалъ, хвалилъ и почти любилъ маркиза де-Мора.

Мадамъ дю-Дезфавъ писала къ Горасу Вальполю: «Мадмоазель де-Леспинасъ умерла нынче, въ два часа по полуночи. Прежде это для меня было бы событіемъ; теперь же ровно ничего не значитъ. Ей слѣдовало бы умереть пятнадцатью годами раньше, тогда я не лишилась бы д'Аламбера».

Старая маркиза, какъ видно, не истратилась на надгробную

рѣчь, и эти немногія слова приносятъ мало чести ея чувствительности. Если правда, что мадамъзель де Леспинасъ должна бы была стараться о примиреніи съ своею бывшею покровительницей и не отбивать у нея безжалостнымъ образомъ ея лучшихъ друзей, зато съ другой стороны справедливо и то, что любящая ея душа страдала отъ разрыву гораздо больше нежели сухой эгоизмъ госпожи дю Дефанъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La famille Thureau, Семейство Тюро*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, господина Альсанда Лоренца.

До-сихъ-поръ господинъ Альсандъ Лоренцъ былъ извѣстенъ французской публикѣ какъ весьма талантливый живописецъ, какъ содерникъ Домье и Шама — въ карриатурахъ; теперь онъ является передъ ней не менѣе талантливымъ драматургомъ. Пьеса его, прекрасная по мысли, полная интереснхъ сценъ, рѣзко-очерченнхъ характеровъ, написанная бойкимъ, оригинальнымъ слогомъ, и проникнутая неподдѣльною теплотою чувства, была принята очень благосклонно. Она бы, вѣроятно, удостоилась и еще большаго успѣху, еслибы времена были благопріятнѣе для искусства. Вотъ въ короткихъ словахъ сюжетъ этой драмы.

Герой ея Тюро, честный старикъ, отставной солдатъ наполеоновской гвардіи. Республика наградила его почетной шпагой, императоръ крестомъ, а Богъ двумя милыми, добрыми дѣтьми, — сыномъ и дочерью. Дочь, умная дѣвушка, сынъ даровитый малый, и старикъ почитаетъ себя совершенно счастливымъ находясь между ними. Любовь на время разстраиваетъ это семейное счастье. Молодой человѣкъ любитъ куртизанку, проводящую жизнь въ оргіяхъ и танцахъ, царицу всѣхъ загородныхъ парижскихъ баловъ. Но познакомясь съ артистомъ, она влюбляется въ него, раскаивается, и возвращается на путь истинный. Она хотѣла бы разбить цѣпи связывающія ее съ прошедшимъ, но все напрасно. Общество презираетъ ее, прежняя жизнь наложила на нее печать отверженія. Эта борьба съ протекшими годами безпорядочнаго существованія изображена авторомъ чрезвычайно искусно....

Дочь Тюро, въ свой чередъ попадаетъ въ сѣти одного негодяя, грязнаго, уличнаго Ловласа. Здѣсь можно замѣтить маленькую несообразность, впрочемъ единственную въ цѣлой пьесѣ: какъ порядочная дѣвушка, съ умомъ и сердцемъ, могла полюбить такого человѣка? какъ она съ перваго разу не прочла на лицѣ его и во всѣхъ приемахъ, слѣдовъ вина, картъ, долговъ.... словомъ слѣдовъ

разврата.... И однако же мамзель Тюро отдается этому презрѣнному обольстителю.... Можете судить о горести всего семейства. Къ счастью, негодня убиваютъ на дуэли.... а куртизанка получаетъ прощенье стараго Тюро и выходитъ за своего возлюбленнаго.

2. *Horace et Caroline, Горасъ и Каролина*, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Баяра.

3. *La Paule*, комедія водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ господина Баяра.

Двѣ пьесы одного изъ наиболѣе даровитыхъ французскихъ водевиллистовъ. Первая заимствована нмъ изъ повѣсти покойнаго Фредерика Сулле. Это одно уже можетъ служить ручательствомъ въ занимательности пьесы. Во всѣхъ почти сочиненіяхъ Сулле, столько драматизма, что ихъ очень легко передѣлать для сцены. Здѣсь выведенъ молодой человекъ, который преданъ было буйной, распутой жизни, но котораго спасаетъ любовь дѣвушки, рѣшившейся быть его добрымъ гениемъ. Сюжетъ второй пьесы «*La Paule*» сложнѣе; разсмотримъ его.

Пакеретта, хорошенькая крестьянка, свела съума всѣхъ франтовъ, молодыхъ и старыхъ, собравшихся на скачки въ Шаятвилл. Сень-Лоранъ, самый старшій изъ старыхъ красавцевъ, дерзнулъ нарн, что она будетъ принадлежать ему. Условія подписаны, партія начинается. Сень-Лоранъ очень дурень, но зато очень богатъ, и потому не сомнѣвается въ успѣхѣ; провѣтствіи одинаково ласково доволно. Во-первыхъ, у дѣвушки есть женщина, который слѣдуетъ за нею повсюду какъ тѣнь. Двоемъ онъ не поладаетъ ея; ночью они спятъ въ одномъ и томъ же сараѣ, но какъ они еще не обичиваны, то ихъ разделяетъ пухъ соломы. Во-вторыхъ Пакеретта имѣетъ брата, дядюга, плечистаго длетника, съ крѣпкими жемчужными руками. Я называю, говоритъ онъ, мою правую и мою лѣвую руку папенькой и маменькой, потому что онѣ кормятъ и защищаютъ меня съ десятилѣтняго возраста. Только въ крайнихъ случаяхъ, прибѣгаю я къ правой и лѣвой ногѣ, которыхъ я называю рождественскими. Все это семейство пылскиваетъ къ некоему мосьё Дорану, который долбилъ дѣть приданое молодой четѣ, и купитъ заведеніе мосьё Ролеру, амлеуцопланутому плотнику. Сень-Лоранъ пользуясь этимъ случаемъ, отбрасываетъ отъ своей мамини частину Сень, и выдаетъ себя за Лорана, дядю Пакеретты, увлекаетъ ее съ собой въ Парижъ. Сень-Лоранъ уже не сомнѣвается въ выигрышѣ пари. Къ несчастію онъ рассчитывалъ на одну баронессу, за которой ко-

гда-то володился, по которую потомъ бросилъ. Баронесса рѣшается воспользоваться обстоятельствами и отпугнуть старика. Она поручилъ ей заказать мнѣной племянницѣ своей гардеробъ; купить бривлянты и прочее. Баронесса исполняетъ порученіе Сень-Лорана къ точности и домъ его наполняютъ магазинищцы и ювелиры, съ такими счетами, что старикъ приходитъ въ ужасъ. Къ довершенію его бѣдствія, къ нему является братецъ Пакеретты, котораго папенька, маменька и родственники бьютъ все, что имъ попало. Часы, вазы, мебель, все разбито, переломано; погребъ, наполненный отличными винами, разграбленъ; гардеробъ переходитъ во владѣніе Клода. Наконецъ Сень-Лоранъ, выведенный изъ терпѣнія, признаетъ себя побѣжденнымъ и отказывается отъ пари. Но ему придется отказаться и отъ имѣнія, потому что оно незаконно приобрѣтено имъ и принадлежитъ кузну его, тому же Клоду.

Водевиль очень забавенъ.

4. *Le Fils du fermier*, *Сынъ мызника*, драма господина Фабьена.

У мызника Кристофа, что называется, много хорошихъ связей.... и не мудрено: сынъ его, Генрихъ, подъ именемъ кавалера Сень-Жана, вступилъ въ королевскія гренадеры. «Мой молодецъ», говоритъ Кристофъ, пойдетъ въ гору.... онъ уже волочится за мамзель Флавиньи.... а мамзель Флавиньи дочь полковника королевскихъ гренадеръ.» Не смотря однако же на это воинство, она новѣста маркиза N. N. своего кузена. Всѣ эти господа собрались теперь у Кристофа. Онъ не узнаетъ при нихъ своего сына; но удаливъ почти всѣхъ, одного за другимъ, остается на единѣ съ молодымъ человекомъ и даетъ ему совѣты, какъ воспламенить сердце мамзель Флавиньи, и отбить ее у маркиза. Генрихъ пользуется совѣтами и приступаетъ къ дѣлу; маркизь, заставшій ихъ, приходитъ въ ярость. Онъ оскорбляетъ Кристофа. Генрихъ вступается за него, и объявляетъ что онъ не позволитъ оскорбить своего отца. Всеобщее удивленіе. Генрихъ вызываетъ маркиза, но маркизь дерется только съ равными. Генеральъ подходитъ къ Луизѣ.... я васъ не знаю, отвѣчаетъ она, и завѣсь падаетъ. Какъ это ново!

Во второмъ дѣйствіи Кристофъ является къ отцу Луизы съ объясненіемъ. Но герцогъ Флавиньи уже предупрежденъ противъ Генриха, осмѣливагося назваться чужимъ именемъ. Сынъ мызника долженъ отдать свою шпагу.... Генрихъ въ отчаяніи. Кристофъ бѣсится, но не увываетъ.... Онъ объявляетъ при увывающихъ

звукахъ оркестра, что онъ не простой музыкантъ, но графъ Клермонъ, политическій преступникъ, осужденный на вѣчное заточеніе въ Бастилію. Отдайте шпагу моему сыну, говорятъ онъ, и ведите меня въ Бастилію. И такъ дуэль состоится. Соперникъ маркиза равный ему. Не понимаемъ только, чему такъ радуется графъ-музыкантъ, очень хорошо знающій, что сынъ его не слишкомъ искусенъ въ фехтованьи. Наконецъ все устроивается благодаря какой-то исторіи, которую не стоить рассказывать, потому что, во первыхъ, она длинна, а во вторыхъ похожа на всѣ исторіи, вводимыя при разсказѣ драмъ. Генрихъ женится на Луизѣ, а публика награждаетъ автора однодушнымъ молчаніемъ. Это очень благосклонно съ ея стороны, потому что она могла бы сдѣлать хуже... Пьеса вполне достойна свѣтковъ. Скучно, вяло, безцвѣтно.

5. *Le charreau du prince*, *Принцова шапочка*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, госпожня Дирагентена.

Принцъ называется Фердинандомъ. Онъ молодъ, храбръ, предприимчивъ, охотникъ до любовныхъ похожденій. Онъ соблазняетъ женщинъ, перелѣзаетъ черезъ стѣны, спускается изъ оконъ по веревочнымъ лѣстницамъ, словомъ, дѣлаетъ такія шалости, которыя огорчаютъ всѣхъ добрыхъ жителей города Мадрида. Но къ счастью, у принца есть вѣчто въ родѣ *отвѣтственнаго редактора*, принимающаго на себя всѣ интриги его, и пользующагося по этому случаю самой плохой репутаціей въ столицѣ Испаніи. Этотъ отвѣтственный редакторъ—маркизъ донъ-Клеофасъ. Можете судить объ отчаяніи маркизы, жены его, которая со всѣхъ сторонъ слышитъ разсказы объ его усѣхахъ. Чтобы уличить невѣрнаго, догна Изабелла рѣшается на слѣдующую хитрость: принцъ волюнтерится за хорошенькой камеристкой Франческа и черезъ донъ-Клеофаса проситъ у нея свиданія въ полвочъ, въ павильонѣ. Донна Изабелла переодѣвшись камеристкой, идетъ на свиданіе вмѣсто Франчески. Вы отгадываете, чѣмъ все кончается... въ павильонѣ приходитъ не донъ-Клеофасъ, а Фердинандъ, и когда, по давнему сигналу принесли факелы, при свѣтѣ ихъ всѣ узнали принца и маркизу....

Водевиль очень не дуренъ, но онъ не имѣлъ успѣха, потому что, какъ говорятъ газеты, былъ очень неудовлетворительно исполненъ.

6. *Raince aveugle*, *Блѣдная слѣпая*, водевиль въ одномъ дѣйствіи господъ Денвери и Лафитта.

Въ заведеніе одного доктора, на водахъ Фраскати, пріѣзжаютъ

надать Дервильеръ съ дочерью своею Маріей. Марію привезли сюда нарочно для того чтобы выдать за новьё Эдгара. Но въ ту самую минуту, когда она должна была подписать контрактъ, дѣвушка дѣлается дурно, и перо выпадаетъ изъ рукъ ея. Свадьба отложена; на другой день всё узнаютъ, что Марія ослѣпла.

Черезъ двѣ недѣли, Марія признается молодому племяннику доктора, Альберу, что она притворилась слѣпою, желая отдѣлаться отъ своего жениха. Это притворство послужило испытаніемъ новьё Эдгару; онъ уже не хочетъ жениться на этой прекрасной дѣвушкѣ, которой единственное преступленіе состоитъ въ томъ, что она не видитъ недостатковъ другихъ. Хитрость Маріи имѣла неожиданный успѣхъ. Съ помощью нѣкоего Понжибо, который думаетъ что онъ хлопочетъ за себя, тогда какъ онъ устраниваетъ дѣла Альбера, она успѣваетъ удалить Эдгара, и выходитъ за племянника доктора, прославившагося излеченіемъ этой мнимой слѣпой. Настоящій слѣпой въ этой пьесѣ, какъ видите,— Эдгаръ.

Водовиль имѣлъ успѣхъ, благодаря двумъ-тремъ истинно забавнымъ сценамъ, изъ которыхъ публичку смѣшить до слезъ извѣстный Грассо.

Вотъ всё, болѣе или менѣе, замѣчательныя пьесы, игранныя въ послѣдній мѣсяцъ на парижскихъ сценахъ. Остальныя не заслуживаютъ того, чтобы рассказывать ихъ содержаніе. Мы удовольствуемся поименованіемъ. На театрѣ республики давали «Маркизу д'Обре» La Marquise d'Aubray, слезливую, сантиментальную драму à la Коцебу, авторъ которой—господникъ Шарль Лафонтъ. Потомъ слѣдуютъ двѣ комедіи отиѣнно дрянныя и скучныя: «Кавалеръ де-Бовуазель» и «Повѣсье въ домашнемъ быту», принадлежащія, одна господамъ Моро и Сирадену, другая господамъ Марвикъ. Наконецъ господникъ Клервиль разразился глупымъ, пошлымъ фарсомъ—La Cigée des places, исполненнымъ не приличныхъ податическихъ намековъ, и потому имѣвшимъ нѣкоторый успѣхъ.

Музыкальныя новости. Со времени послѣднихъ нашихъ извѣстій о петербургской музыкѣ дано было еще нѣсколько концертовъ. Какъ эти концерты не представляютъ ничего новаго или особенно замѣчательнаго, то мы и ограничимся на этотъ разъ ихъ общимъ обзоромъ, не входя въ излишнія подробности. Госпожа Софія Бореръ дала два концерта: первый въ залѣ Дворянскаго Собранія; второй, прощальный, въ Михайловскомъ Те-

атрѣ. Въ послѣднемъ она представила опытъ своей необыкновенной музыкальной памяти, подобный даннымъ ею прежде въ Вѣнѣ, Прагѣ и Парижѣ. Она выставила на программѣ значительное количество всякаго роду пѣсь, начиная отъ «фугъ Себастьяна Баха до этюдъ и фантазій Тальберга, Шопена и Листа, и играя изъ нихъ тѣ, которыя публика сама назначала, притомъ играла наизусть и безъ всякаго приготовленія. Впрочемъ на этотъ разъ испытаніе не было особенно трудно для концертистки, потому что наша публика, невѣстно почему, назначала по большей части пѣсы уже игравныя госпожею Бореръ въ предшествующихъ концертахъ. Такъ, напримѣръ, *Rotra di Festa*, Вильмерса, и назурка концертистки потребованы были единодушно, и между-тѣмъ ни одинъ голосъ не возвысился въ пользу «фугъ Баха, настоящаго пробнаго камня музыкальной памяти. Вѣроятно, публика повѣрила на слово журналамъ въ томъ, что они говорили о памяти госпожи Бореръ, и не захотѣла повѣрить ихъ слова собственнымъ опытомъ. Это немного похоже на то, когда читатели вѣрятъ показаніямъ ученаго касательно высоты какой-нибудь горы, не имѣя сами ни малѣйшаго желанія взбираться на эту гору для личнаго удостовѣренія. Для горы это все равно, для ученаго тоже, но для госпожи Бореръ, навѣрное, вѣтъ: мы убѣждены, что для нея пріятнѣе было бы испытаніе болѣе строгое. Мы должны прибавить, къ сожалѣнію, что дорогая гостыя скоро насъ оставляетъ. Она проведетъ лѣто въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ и дастъ нѣсколко концертовъ въ Ригѣ, Митавѣ, Ревелѣ и Гельзингфорсѣ, а затѣмъ, снова посѣтивъ насъ, отправится на зиму въ Москву. Вѣроятно, она вездѣ произведетъ такой же энтузіазмъ какъ въ Петербургѣ, и вѣроятно вездѣ будутъ съ такою же неохотою принимать на придачу къ ея гениальной игрѣ скучную и не замѣчательную игру отца ея. Въ-самомъ-дѣлѣ, когда наконецъ добрый папаша Бореръ удовольствуется единственно славою своей дочки и забудетъ, что онъ, двадцать-вять лѣтъ тому назадъ, былъ хорошимъ скрипачемъ. Хотя публика во всякомъ концертѣ очень явственно даетъ ему тотъ же самый советъ, но господинъ Бореръ, кажется, не хочетъ понимать такихъ советовъ и съ каждымъ разомъ разыгрываетъ пѣсы все длиннѣе и безконечнѣе. Въ такомъ случаѣ уже журналистика поневолѣ должна принять съ своей стороны мѣры къ скорѣйшему отправленію устарѣлаго виртуоза на покой.

— Молодой Вѣнявскій далъ тоже два концерта, впрочемъ безъ особенныхъ послѣдствій. По нашему мнѣнію, за глаза достаточно

прослушать разъ или два этого талантливаго мальчика, а болѣе... болѣе и, вѣроятно, съ болѣшимъ удовольствіемъ мы будемъ слушать его уже тогда, когда онъ достигнетъ совершеннаго возраста. Тогда милости просимъ опять къ намъ.

— Объявленіе о предполагаемомъ музыкальномъ утрѣ госпожи Фреңцоллинн было для Петербурга сущимъ сюрпризомъ. Всѣ изумились тому, что пѣвица, получающая въ годъ сто-тысячъ рублей жалованья, два бенефиса, и прочее, и прочее, и прочее, разсчитывается еще на музыкальное утро. Странное дѣло! а впрочемъ понятное. Но если уже на то пошло, то слѣдовало ожидать по-крайней-мѣрѣ концерта, который вполнѣ соответствовалъ бы блистательному положенію у насъ госпожи Фреңцоллинн, концерта въ большомъ залѣ, при содѣйствіи всѣхъ средствъ, возможныхъ при настоящемъ состояніи музыки. Ничуть не бывало! Госпожа Фреңцоллинн дала маленькое *matinée musicale* въ маленькомъ залѣ. Но зато она назначила огромную цѣну за входъ: билетъ стоилъ пять рублей серебромъ! Теперь вопросъ: чѣмъ же оправдывалась такая необыкновенно высокая цѣна? Ужь, вѣрно, не программой концерта. Знаменитая пѣвица пропѣла намъ нѣсколько арій, пѣтыхъ ею зимой въ операхъ и послѣ во всѣхъ концертахъ, въ которыхъ она участвовала; слѣдовательно аріи, которыми намъ уже прислушались, не могутъ быть причиною высокой цѣны. Кромѣ того, господниъ Вьётанъ игралъ нѣкоторые изъ своихъ мелкихъ не-концертныхъ сочиненій, слышанныхъ нами тоже довольно часто, и извѣстный нашъ піанистъ господниъ Габербиръ исполнялъ переложеніе извѣстной пѣсни. Итакъ, это *matinée musicale* состояло только изъ давно извѣстныхъ арій давно извѣстной пѣвицы, изъ давно извѣстныхъ сочиненій давно извѣстнаго скрипача и давно извѣстнаго піаниста, — и за это требуютъ съ насъ цѣну доселѣ неизвѣстную! Право, если бѣ блистательное положеніе госпожи Фреңцоллинн не было такъ извѣстно, можно было бы думать, что она пуждалась въ нѣсколькихъ сотняхъ рублей и избрала концертъ средствомъ собрать кое что отъ своихъ друзей. Самый рѣзкій контрастъ сказанному представляетъ намъ концертъ господина Штуббе, скрипача, который врядъ ли получаетъ десятую часть доходовъ госпожи Фреңцоллинн. Въ его концертѣ былъ не только большой оркестръ, но даже полный хоръ пѣвчихъ, и потому могъ быть исполненъ большой патріотическій маршъ съ оркестромъ и хоромъ, собственнаго сочиненія господина Штуббе, и фантазія Бетговена для фортепіано, тоже съ оркестромъ и хоромъ. Господниъ Герке сък-

гралъ эту фантазію мастерски. Самъ господинъ Штуббе исполнилъ концертъ сочиненія Бахдина, септетъ Бетгоvena и фантазію Эриста на мотивы изъ «Пирата». Господинъ Штуббе хорошій скрипачъ, но на этотъ разъ игра его отъ внутренняго волненія была нѣсколько неровна, и поэтому не вполне удовлетворительна. Причиной его безпокойства было, вѣроятно, устройство такого большого концерта. И на такой концертъ билетъ стоилъ только два рубля серебромъ!

Бросимъ еще разъ бѣглый взглядъ на весь сезонъ нынѣшняго года, чтобы судить о томъ, какую пользу принесъ онъ искусству. Для того намъ слѣдуетъ прежде всего объяснить, что именно можетъ быть полезно искусству. Музыка, несмотря на разнообразныя формы своего проявленія, распадается на два главные отдѣла. Первый стремится къ идеальной, эстетической красотѣ, и для этой цѣли употребляетъ всѣ возможные средства чувства и науки. Для такого рода музыки потребна публика, которая была бы въ состояніи не только сочувствовать внѣшнему благозвучію тоновъ и мелодій, но и слѣдить за самымъ развитіемъ музыкальныхъ идей, — однимъ словомъ, публика мыслящая и чувствующая. Чтобы принадлежать къ такой публикѣ, вовсе не нужно быть знатокомъ, а слѣдуетъ только имѣть нѣсколько развитую способность чувствовать и тихое, спокойное вниманіе. Какъ скоро слушающіе имѣютъ въ себѣ эти два условія, музыка сама собою дѣлается доступною ихъ пониманію. Для такихъ людей музыка становится средствомъ къ облагороженію ума и сердца, и мало-по-малу сужденіе ихъ достигаетъ той зрѣлости, которая необходима для отличія истинныхъ музыкальныхъ произведеній отъ произведеній эмерсныхъ.

Девизъ втораго отдѣла музыки — нравиться и нравиться, и притомъ какъ можно большому количеству слушателей. Такого рода музыка старается не возвысить слушателей до себя, напротивъ, снисзойти самой до нихъ, и такимъ образомъ сдѣлаться доступной ихъ пониманію. Главнѣйшая цѣль, къ которой она стремится — аплодисменты. Она не заботится о томъ, проживетъ ли она завтрашній день, будучи увѣрена, что, являсь послѣ-завтра въ какомъ-нибудь новомъ видѣ, сорветъ еще нѣсколько новыхъ аплодисментовъ и снова поторжествуетъ на минуту.

Теперь не трудно рѣшить, который изъ двухъ отдѣловъ полезнѣе для искусства. Впрочемъ, какъ бы ни былъ ничтоженъ послѣдній изъ этихъ отдѣловъ, тѣмъ не менѣе онъ заключаетъ въ себѣ усло-

віе первой важности, условіе необходимое, неизбѣжное для искусства. Условіе это, если можно такъ выразиться, виртуозность.

Виртуозность сама по себѣ ни что иное какъ совершенное развитіе технической стороны выполненія. Изъ этого слѣдуетъ, что виртуозность, употребленная для выраженія высокихъ идей Моцарта, Бетговена, Мендельсона и Шопена дѣлается средствомъ къ достиженію истинно высокой музыкальной цѣли. Съ другой стороны виртуозность можетъ быть иногда средствомъ не болѣе какъ къ удовлетворенію самолюбія композитора. Разумѣется, тутъ ужъ нѣтъ болѣе помпу объ истинной идеѣ искусства; тутъ дѣло идетъ о томъ, какъ бы посредствомъ преодоленія величайшихъ трудностей и соединенія самыхъ рѣзкихъ контрастовъ и эффектовъ привести слушателей въ изумленіе и вызвать громкія браво и рукоплесканія. Въ первомъ случаѣ виртуозность полезна искусству, въ послѣднемъ только исполнителю, приобретающему названіе художника, на правахъ фокусника и капатнаго плясуна.

Послѣ такого объясненія, насчетъ смысла искусства, мы можемъ смѣло приступитъ къ рѣшительному опредѣленію результатовъ, только-что окончившагося концертнаго сезона.

Если мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ весь рядъ концертовъ, желая выбрать изъ нихъ тѣ, которыя могли бы быть отнесены къ *первому отдѣлу* музыки, то найдемъ только одинъ концертъ, въ которомъ исполнена ораторія Мендельсона «Илія». Остальные концерты посвящены были виртуозности, содержа въ себѣ истинно музыкальнаго на столько, сколько допускало художественное образованіе концертнста. И между этими концертами — концертъ филармоническаго общества, въ которомъ исполнена была симфонія Шпора «Die Weihe der Töne» всё-таки занимаетъ первое мѣсто. Впрочемъ естественно, что общество, имѣющее цѣлю развивать высокую музыку и поддерживаемое всѣми истинными друзьями искусства, должно представлять намъ въ своихъ концертахъ образцы единственно высокой музыки. Это обстоятельство вовсе не должно ставить въ особенную заслугу филармоническому обществу. Напротивъ, публика имѣетъ полное право требовать отъ концертовъ общества лучшаго состава, нежели каковъ былъ составъ перваго концерта, а равно и лучшихъ голосовъ для соло противъ тѣхъ, какіе были въ нынѣшнемъ году въ «Иліи». Но тѣмъ болѣе важна заслуга такого артиста, который при современномъ стремленіи публики къ поверхностному, становится жрецомъ высокаго искусства, и такимъ образомъ дѣйствуетъ къ ущербу своихъ матеріальныхъ интере-

сезонъ. Въ нынѣшнемъ году, слава Богу! у насъ не было недостатку и въ такихъ артистахъ. Первое мѣсто между ними, безспорно, принадлежитъ Вьѣтану, оказавшему неоцѣнимую заслугу высокому искусству своими утренними квартетами въ продолженіи нынѣшней зямы, а равно и истинно художественнымъ составомъ концерта, давнаго Великимъ Постомъ. Въ послѣднемъ концертѣ исполнены были въ совершенствѣ концертъ для скрипки Мендельсона и увертюры изъ «Фиделію» и «Сна въ лѣтнюю ночь.» За концертомъ Вьѣтана слѣдуютъ концерты Гросса и Шуберта. У перваго исполнены были увертюра Глюка изъ «Феягенія» и прекрасный концертъ собственнаго сочиненія и соната Бетховена *Cis-moll*; у втораго — увертюра Бетговена изъ «Элеоноры», собственнаго *Ave-Maria* и послѣднія части концерта Гуммеля *B-moll*. Софія Бореръ, у которой виртуозность, безспорно, стоитъ на первомъ мѣстѣ, доказала многократнымъ исполненіемъ сонаты Бетговена, что она умѣетъ въ совершенствѣ употреблять свою блестящую, бравурную игру на достиженіе высочайшихъ цѣлей искусства. Къ этому же отдѣлу концертовъ слѣдуетъ отнести концертъ господина Штуббе, въ которомъ исполнены были фантазія для фортепіано, съ концертомъ и хоромъ и сентетъ Бетховена. Всѣ остальные концерты сезона этого году имѣли главною задачею для себя — удовольствованіе поверхностному вкусу моды. Эта задача разрѣшена была въ совершенствѣ въ концертахъ здѣшнихъ италіянскихъ учителей пѣнія. Если эти господа въ самомъ дѣлѣ въ состояніи сколько-нибудь развитъ голосъ ученицы, зато съ другой стороны они портятъ въ ней, даже убиваютъ окончательно всякій музыкальный смыслъ. Это истинная язва здѣшней музыки, и дотолѣ пока не найдется какого-либо средства къ ея излеченію, всякій шагъ впередъ въ области искусства для Петербурга невозможенъ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что хотя протекшій сезонъ немногое принесъ намъ истинно прекраснаго, зато онъ изобилуетъ хорошими артистами (большая часть изъ нихъ были здѣшніе), изъ которыхъ каждый принесъ посильную пользу искусству. Результатъ этотъ довольно утѣшителенъ и даетъ намъ право надѣяться на лучшее. Теперь еще нѣсколько словъ о виртуозахъ.

Скрипка, которая въ прошломъ году, благодаря Эрнсту, занимала въ концертахъ нашихъ первое мѣсто, въ нынѣшнемъ году играла менѣе важную роль; мы слышали, конечно, Вьѣтана, одного изъ величайшихъ современныхъ скрипачей; но онъ уѣхалъ изъ Петербурга вскорѣ послѣ своего концерта, а по возвращеніи

только два раза появлялся передъ публикою. Его мѣсто заступили: молодой Вильявскій, подающій самыя блистательныя надежды; господинъ Кизеветтеръ, которому еще долго надо доучиваться, маститый Бореръ и господинъ Штуббе.

Представителями виолончеля были: господинъ Батта, отличающійся модной, ничего невыражающей игрой и господа Гроссъ и Шубертъ, люди, исполненные благороднаго таланту. Флейтствовъ было два: Гельфрихъ и Гейнмейеръ, виртуозы съ дарованіемъ и вкусомъ. Гобой и кларнетъ не являлись въ нынѣшнемъ году передъ публикою. На фэготѣ игралъ господинъ Шнадлеръ, на валторнѣ господа Зеemanъ и Гомиліусъ, на трубѣ господинъ Герольдъ. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ явленій протекшаго сезона былъ господинъ Вурмъ, виртуозъ на рожкѣ съ клапанами (*cornet à pistons*); нѣжный звукъ его инструмента производятъ пріятное впечатлѣніе не только въ концертной залѣ, но и въ обыкновенной комнатѣ. Рожокъ съ клапанами имѣетъ въ Парижѣ много приверженцевъ между тамошними диллетантами, и потому не мудрено, что и въ Петербургѣ господинъ Вурмъ пріобрѣтетъ много, если не ученицъ, то по-крайней-мѣрѣ учениковъ.

И такъ, почти всѣ инструменты имѣли въ нашихъ концертахъ своихъ представителей; но самое блистательное мѣсто между ними, благодаря необыкновенному таланту Бореръ, занимаетъ фортепіано. Въ началѣ сезона мы довольно часто слышали господина Леви, но послѣ онъ замолкъ, какъ-бы боясь соперничества съ Софіей Бореръ, и намъ кажется, что онъ поступилъ благоразумно. Господинъ Герке игралъ, напротивъ, до самаго конца сезона, не обращая вниманія ни на соперниковъ, ни даже на соперницъ, и поступилъ также очень благоразумно, потому что ему нечего бояться соперничества. Изъ прочихъ замѣтательныхъ піанистовъ *ex professo*, живущихъ въ Петербургѣ, ни одинъ не являлся передъ нами и это, повидному, усугубило дѣятельность піанистовъ-диллетантовъ; господинъ Шулепниковъ и дѣвица Болговская нѣсколько разъ принимали участіе въ концертахъ; мы слышали также дѣвицу Грюнбергъ и десяти-лѣтнюю дѣвицу Лиябергъ, которая подаетъ большія надежды. Великопостные концерты не отличаются обыкновенно пѣваніемъ, но на этотъ разъ присутствіе госпожи Фрецолини много содѣйствовало ихъ блеску. Кромѣ нашей прима-донны слышали мы госпожу Валькеръ, нѣвицу съ достоинствами; остальные же пѣвицы и пѣвцы не выходятъ изъ посредственности, или даже просто плохи.

Было еще многолюдно заводскихъ концертовъ, но они не могли уже занять себѣ публику, потому что всѣ интересы ея теперь лѣтъ герода. Всѣ свѣтъ, а выѣзтъ съ нимъ и музыка, ищетъ приволья и частаго воздуха; даже самъ строгій критикъ не стыдится признаться, что и ему не сидится въ городѣ, и что онъ готовъ отдать всѣ возможные концерты за новый вальсъ Гунгла, который приналежитъ теперь всѣхъ въ Павловскѣ. Впрочемъ, неслыша не сознался, что этотъ новый, еще не окрещенный вальсъ такъ хорошъ, что заставилъ вздохнуть отъ зависти Штрауса, Лангера, Лабидкаге, и прочихъ сочинителей танцевъ.

— Исполняя данное обѣщаніе мы представляемъ нашимъ читателямъ некрологъ Донидзетти. Беллини родился въ 1802 году, Россини въ 1792, Пацини въ 1796, Меркаданте въ 1798. Газетой Донидзетти впервые увидѣлъ свѣтъ въ 1797 году, слѣдовательно пятью годами позже Россини и ранѣе Беллини, которыхъ обоимъ онъ перемигъ на поприщѣ искусства, заимствовавъ своимъ вдохновеніемъ изъ ихъ же произведеній.

Увы! онъ перемигъ и самого себя! Уже два года какъ онъ лишился разсудка и жизнь его стала угасать постепенно, жизнь до того времени столь полная, столь могучая, казалось, судившая долговѣчность.

Донидзетти умеръ въ Бергамо, своемъ родномъ городѣ. Онъ началъ учиться музыкѣ въ тамошнемъ лицей, у знаменитаго Симона Майра или Майера, а потомъ бралъ уроки въ Болоньѣ, у Пилати, отца Маттеи. Говорятъ, будто родители сначала хотѣли сдѣлать изъ него юриста, но потомъ, замѣтивъ въ ребенкѣ склонность къ живописи, по странному противорѣчію, пожелали, чтобы онъ посвятилъ себя музыкѣ. Въ слѣдствіе того онъ съ увлеченіемъ принялся за занятія и въ продолженіи трехъ лѣтъ неутомимо трудился надъ контрапунктомъ, изучалъ древнихъ классиковъ, сочинялъ увертюры, квартеты и преимущественно обѣданъ и церковную музыку.

Въ 1846 году, онъ возвратился въ Бергамо, питая юношеское пристрастіе къ строгому духовному стилю и нелюбовь къ вычурной оперной музыкѣ. Но надо было жить, надо было сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Донидзетти сильно задумался надъ этимъ вопросомъ и его пуризмъ не устоялъ противъ желанія стяжать хотя часть тѣхъ рупонлесканій, которыя Италия расточала въ то время съ такою щедростью своему любимцу Россини.

Съ этой минуты Донидзетти принялся за драматическую музыку, и притомъ съ тѣмъ же жаромъ, съ тѣмъ же увлеченіемъ,

иногда прежде за музыкальную первенную. Желая ознамениться съ честирами и съ артистами, онъ отправился путешествовать по Италіи. Успѣхъ первой его оперы «Enrico di Borgogna», данной въ Венеціи, помогъ ему отдѣлаться отъ военной службы. Затѣмъ, съ 1818 по 1828 годъ, онъ написалъ девятнадцать оперъ одинаково известныхъ по именамъ. Вотъ онѣ: *Il Sultano di Livonia, Nome in villa, Zoraida di Granata, Zingara, Lettera anonima, Chiara e Serafina, Il Sortanoto inganno, Aristeo, una Selma, Alfredo il Grande, l'Ajo nell'imbarazzo, Emilia, Alahor in Granata, Il Castello degl'invalidi, Elvida, Olivo e Pasquale, Il Borgomastro di Saardam, Convenienze teatrali, Otto mesi in due ore.* Изъ числа этихъ оперъ единственная имѣвшая успѣхъ была: «Zoraida in Granata.» Она дана была въ первый разъ въ Римѣ, 1822 году; главные роли занимали Донцелли и сестры Момбелли.

Въ 1828 году, опера «Euse di Roma», исполненная въ Неаполѣ гоеножею Този, теноромъ Винтеромъ и Лаблашомъ, сильно возвысила репутацію Дондзетти. Одно трио въ этой мѣстѣ чрезвычайно нравилось публикѣ. Дондзетти сталъ входить въ моду. Въ томъ же самомъ году Дондзетти поставилъ на сцену въ Генуѣ «Regina di Golconda», въ Неаполѣ «Gianni di Calais» и «Gioveddi Grasso», въ 1829 и 1830 годахъ, тамъ же, «Il Parigi, Il Castello di Kenilworth, Il Diluvio universale, il Pazi per progetto, Francesca di Foix, Inelda de Lambertazzi, la Romanzieta».

Съ «Анною Болеи» начинается въ жизни композитора новый періодъ. Эта, по порядку, тридцать вторая опера Дондзетти дана была въ первый разъ въ Миланѣ съ Пастой, Орланди, Ларошъ, Рубини и Галли. Замѣчательно, что это было первое произведение, удостоившееся чести упасть на парижскую сцену; изъ числа упомянутыхъ наименѣе съ играна была тамъ вскорѣ послѣ «Анны Болеи» — «Gianni di Calais», но безъ успѣха.

За Анной Болеи послѣдовали *Fausta, Ugo, Conte di Parigi, Elisir d'amore*, очень хорошенькая опера, хотя и уступающая въ достоинствѣ «Любовному напитоку» *Obera, Sancia di Castiglia, Il Sarioso di San Domingo, Parisina*, имѣвшая большой успѣхъ въ Италіи и рѣшительно никакого во Франціи, *Torquatto Tasso, Lucrezia Borgia, Rosamonda d'Inghilterra, Maria Stuarda и Gemma di Vergy.* Такимъ образомъ число произведеній замѣчательныхъ все болѣе и болѣе увеличивается.

Въ 1835 году, италіанскій театръ въ Парижѣ назначилъ какъ бы составленіе трехъ первоначальныхъ зрѣльицкимъ композиторами. Онъ заказалъ себѣ по оперѣ Беллини, Дондзетти и Мер-

наданте. Первый написал «Пуританъ», второй «Мартино Фалиеро», послѣдній «I Briganti». Изъ трехъ пиесъ только одна получила полный успѣхъ въ той странѣ, для которой была написана. Дондзетти и Меркаданте на этотъ разъ не пощастились. Дондзетти немедленно загладилъ свою неудачу, написавъ для Неаполя въ томъ же самомъ году «Лучію Ламмермурскую». Вотъ опера, которою онъ долженъ былъ бы подарить Францію. Впрочемъ это не помѣшало ей явиться туда въ самомъ скоромъ времени и приобрести народность, какъ и вездѣ, гдѣ она была играна.

Въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1840 были написаны: *Belisario, il Campanello, Betty, l'Assedio di Calais, Pia de Tolomei, Roberto Devereux, Maria di Rubenz* и *Gianni di Parigi*. Въ 1840 году Дондзетти былъ приглашенъ въ Парижъ: въ то время онъ написалъ уже пятьдесятъ-три оперы и имѣя не болѣе сорока-трехъ лѣтъ отъ роду, уже царилъ безъ раздѣлу въ Италіи. Ему хотѣлось того же, казалось, и во Франціи. Итальянская цензура не пропустила либретто его новой оперы *Polincto*, написанной для Адольфа Нурри — Дондзетти передѣлалъ ее въ «*Martyrs*», а между тѣмъ въ ожиданіи ея представленія отдалъ на сцену Комической Оперы «*La fille du régiment*». Съ послѣдней пиесой случилось то же, что съ «*Marino Faliero*». Въ Парижѣ она не понравилась, зато въ Италіи имѣла огромный успѣхъ и не только въ Италіи — въ Германіи, въ Англии. Впослѣдствіи она сдѣлалась даже брилліантомъ драматической короны Джени Линдъ. «*Les Martyrs*» принята была публикою недурно; впрочемъ, сухость либретто много повредила партиціи, и потому успѣхъ былъ неполный и непродолжительный. Совершенно иной успѣхъ ожидалъ его нѣсколько времени спустя: Дондзетти написалъ для Театра Возрожденія «*Фаворитку*». Эту оперу давала въ первый разъ 6 декабря 1840; Дюпре и госпожа Штольцъ пѣли и играли удивительно; Бароале дебютировалъ въ этотъ разъ необыкновенно счастливо. Тѣмъ не менѣе публика не оцѣнила съ перваго разу этой пиесы по достоинству, и поняла ее только тогда, когда прелесть мелодій и драматическія красоты произведенія, преимущественно же четвертаго акта, такъ сказать, постепенно непреодолимо стали овладѣвать чувствами слушателей. Такимъ образомъ «*Фаворитка*» мало по-малу заняла одно изъ главныхъ мѣстъ во французскомъ оперномъ репертуарѣ. Дондзетти не имѣлъ обыкновенія успокоиваться на лаврахъ. Послѣ «*Фаворитки*» онъ написалъ «*Adelia*» для Рима, «*Maria*

Ракіна: для Милана, «Linda di Chamouni» для Вѣны, «Don Pasquale» для Вѣны, и все это впродолженіи трехъ лѣтъ. Затѣмъ въ 1843 году сочинены были: «Maria di Rohan» для Вѣны, «Don Sebastian» для Парижа. Погребальное торжество третьяго акта повредило успѣху послѣдней пьесы. Послѣ того Доницетти написалъ только одну оперу «Catarina Cornaro», которая дана была въ Неаполѣ. Лѣтомъ, 1844 года, онъ возвратился въ Парижъ съ цѣлю снова приняться за работу, но усилешныя занятія, а можетъ быть отчасти и избытокъ наслажденій разстроили его духовную организацію. Это обстоятельство не скрылось, какъ отъ него такъ и отъ его друзей; должно было отказаться отъ занятій и присудить себя къ бездѣйствію: это была смерть преждевременная, духовная, смерть артиста, за которой рано или поздно должна была послѣдовать смерть физическая.

Слухъ объ отъѣздѣ Доницетти въ Италію разнесся въ Парижѣ когда больной композиторъ еще жилъ въ городѣ въ одной лечебницѣ. Его здоровье было такъ плохо, что племянникъ его рѣшился не прежде предпринять задуманный волежъ, какъ въ концѣ прошлаго года. Говорятъ, что эта поѣздка принесла больному пользу. Правда, онъ поправился, но не надолго: болѣзнь его была неизлѣлима, и роковой часъ приближался.

Доницетти еще въ молодыхъ лѣтахъ женился на дочери одного римскаго адвоката Васселли, Виргиніи, дѣвушкѣ замѣчательной красоты: въ 1835 году холера похитила ее, и къ тому же еще во время беременности. Доницетти потерялъ въ этой женщинѣ очень много. Вся остальная жизнь его полна была минутныхъ увлеченій, отъ которыхъ по обыкновенію такъ трудно спастись какъ великимъ такъ и малымъ артистамъ. Впрочемъ страсть къ занятію преобладала въ немъ надъ всѣми другими страстями: онъ работалъ неутомимо и потому никогда не опаздывалъ въ выполненіи заказовъ и обѣщаній. Кромѣ помнятуыхъ произведеній онъ написалъ еще двѣ партіи, одну для четырехъ-актной оперы «Герцогъ Альба», а другую для оперы подъ названіемъ «Gabiella di Vergy». Первая изъ нихъ окончена была не задолго до постановки на сцену «Les Martyrs», на послѣдней же самимъ авторомъ написано: «Шестидесять-пятое произведеніе.»

Доницетти не ограничивался одними музыкальными занятіями: онъ занимался иногда и поэзіей и самъ написалъ либретто для нѣсколькихъ своихъ оперъ. Въ области музыки онъ работалъ съ немаловажною легкостью; такъ напримѣръ, чтобы инструментировать большую оперу, ему потребно было не болѣе тридцати

чтого. Они были даровитѣйшіе пианисты и прекрасныя аккомпанировки. Пьеръ Цингарелли онъ занималъ мѣсто директора консерваторіи въ Нормандіи, а за «Линду де-Шамуни» назначенъ былъ придворнымъ капельмейстеромъ въ Вѣнѣ. Смерть захватила Донидетти въ самое блестящее время его славы. Немецкое его музыкальное поприще въ Россіи затемнилъ блестящею свѣтлою лучей, затѣмъ Белинини оставилъ его какъ-будто на тѣни за собою, но въ Россіи пересталъ писать, Белинини умеръ, между-тѣмъ талантъ Донидетти выработался, одѣлся оригинальнѣе, и даровитѣйшій композиторъ ея сталъ во главѣ итальянскаго музыкальнаго міра. Отсюда именно начинается рядъ его замѣчательнѣйшихъ произведеній, между которыми «Лучія» и «Фаворитка» становятся какъ бы основными камнями его бессмертія.

Родной братъ Донидетти, Джузеппе, занимаетъ нынѣ должность главнаго директора музыки въ Константинополѣ.

Нарисокъ.

— «Юная республика» народный гимнъ, слова Пьера Дюпора, музыка госпожи Цолмы Вилардъ Гарсія, на дняхъ поступила въ продажу. Вся выручка за нее назначена въ кассу патриотическихъ владѣльцевъ.

— Второй даровой спектакль состоялся изъ оперы «Жидовка». Эта пьеса прекрасно была исполнена господиномъ Дюпрэ, Ализаромъ и госпожами Массоузъ и Добре. Въ одномъ изъ антрактовъ представитъ хоръ «республиканская клятва» (le serment républicain) сочиненіе Гессека а не Мюгюля, какъ сначала стояло на афишѣ. Соло пѣлъ Бароде. Этотъ хоръ, уже знакомый публикѣ по «Англии», нынѣ тоже же солистическій, не произвелъ желаннаго эффекта. Только солистическія произведенія не старѣются, и, вѣроятно, по этой причинѣ музыка Гессека уже не годится для нашей эпохи.

— На дняхъ были два замѣчательныя спектакля: въ одномъ состоявшемся изъ «Вильгельма Телля», Дюпрэ превзошелъ самъ себя, были минуты когда онъ поражалъ слушателей; во второмъ торжествовалъ Бароде, Карлъ-Шестой; Ализаръ помогала ему своимъ талантомъ и очень удачно; госпожа Массоузъ отличалась въ роли Одетты. Арію четвертаго акта она привнесла публикѣ въ восторгъ и вызвала громкія рукоплесканія. Театръ былъ совершенно полонъ и представлялъ необыкновенно красивый видъ.

— Носится слухи, что Дюпрэ остается еще на годъ.

— Вилардъ-Гарсія отправилась въ Лондонъ, чтобы пѣть тамъ на Ковентгарденскомъ Театрѣ. Съ своей стороны Джени Линдъ

не замедляла явиться туда же: Последняя будто бы дебютировать въ «Соннамбуль».

— Вивьё, по примѣру другихъ артистовъ, намѣренъ отпраздновать съ своею волшебною волторною въ Лондонѣ. Къ счастію его талантъ такъ великъ, что не боится тѣсноты.

— Несторъ Рокланъ, одинъ изъ директоровъ Большой Оперы отказался отъ этого званія.

— Господинъ Бассе, бывшій директоръ Комической Оперы въ Парижѣ, недавно оставившій свой постъ, занималъ его слишкомъ три года (то есть съ мая 1845 года по апрѣль 1848). Онъ поставилъ на сцену втеченіи этихъ трехъ лѣтъ не менѣе двадцати-двухъ новыхъ оперъ и оперетокъ. Вотъ ихъ переченьъ: 1845: «La Vierge» Опера, въ трехъ дѣйствіяхъ; «Une Voix» Буланже, въ одномъ дѣйствіи; «Le Mari au bal» Бенлана, въ одномъ дѣйствіи; «L'Amazone» Тиса, въ одномъ дѣйствіи; «Le Ménétrier» Лабарра, въ трехъ дѣйствіяхъ; «La charbonnière» Монфора, въ трехъ дѣйствіяхъ. 1846: «Les mousquetaires de la reine» Галеви, въ трехъ дѣйствіяхъ; «Gibby la cornemuse» Кляинссона, въ трехъ дѣйствіяхъ; «La Trompette de Monsieur le prince» Базена, въ одномъ дѣйствіи; «Le Caquet du couvent» Нотіе, въ одномъ дѣйствіи; «Le Veuf de Malabar» Доша, въ одномъ дѣйствіи; «Sultana» Мориса Вуржа, въ одномъ дѣйствіи. 1847: «Alix» Доша, въ одномъ дѣйствіи; «Le Sultan Saladin» Бордеса, въ одномъ дѣйствіи; «Ne touchez pas à la reine» Боассело, въ трехъ дѣйствіяхъ; «Le Bouquet de l'Infante» Воальдье младшаго, въ трехъ дѣйствіяхъ; «Le Malheur d'être joli» Базена, въ одномъ дѣйствіи; «La Cachette» Буланже, въ трехъ дѣйствіяхъ; «Le Vrasopnier» Фовэ, въ одномъ дѣйствіи; «Ганде» Опера, въ трехъ дѣйствіяхъ. 1848: «La Nuit de Noël» Ребера, въ одномъ дѣйствіи; «Gilles Ravisseur» Гризара, въ одномъ дѣйствіи. И такъ всего девять оперъ трехъ-актныхъ, и тринадцать одноактныхъ.

— Мѣсто Бассе занялъ Эмиль Перренъ.

— Въ Лондонѣ, четвертаго апрѣля, въ «Семпрандѣ» на Невентгарденскомъ Театрѣ снова явилась на сценѣ Гривъ съ своимъ талантомъ и популарностію, Тамбуринъ все съ тѣмъ же прекраснымъ голосомъ, а Альбони на этотъ разъ въ роли Арзаса снова приобрѣла любовь публики. Исполненіе оперы, какъ со стороны артистовъ, такъ и со стороны хоровъ и оркестра, было, какъ и слѣдовало ожидать, превосходное. На театрѣ Ея Величества госпожа Вера дебютировала очень удачно въ «Навуходоносорѣ», въ роли Фспены.

Шестнадцатаго апрѣля Avant - saison кончился на обонхъ итальянскихъ театрахъ. Виродолженіи его дано было шесть оперъ: «Таширедъ» пять разъ, «Лучія» четыре, «Семирамида» два, «Севильскій цирюльникъ» два, «Донъ-Жуанъ» одинъ разъ, «Пуритансъ» одинъ разъ. Въ послѣдней пьесѣ игралъ въ первый разъ по возвращеніи Марини, basso-profondo. Голосъ его и метода много выиграли сравнительно съ прежнимъ. Дуэтъ его во второмъ актѣ съ Тамбурини былъ потребованъ вторично. Вообще опера исполнена была господами Сальви, Ровере, Ронкони и госпожею Персиани отлично. По болѣзни Гризи, дебютировала въ «Донъ-Жуанъ» Каstellанъ, въ роли Донны Анны и притомъ съ большимъ успѣхомъ. Для вторичнаго открытія театра дана двадцать-пятаго апрѣля «Ченерентола» съ Альбони, Сальви, Ровере и Тамбурини, а затѣмъ втораго мая «Фаворитка» съ Гризи, Марио, Ронкони и Марини. Госпожа Полина Вiардъ будетъ дебютировать четырнадцатаго мая. Для нея готовятъ «Гугенотовъ» Мейербера; «Фиделію» Бетговена и «Ганде» Обера. Госпожа Зоя будетъ дебютировать въ «Дочери полка».

— На Королевскомъ Театрѣ замѣчательнымъ событіемъ было появленіе Лаблаша въ «Il Matrimonio segreto». Госпожа Шварцъ дебютировала въ «Семирамидѣ» въ роли Араса.

— Жалоба Джени Линдъ признана была высшимъ судомъ не законною, который подтвердилъ рѣшеніе присяжныхъ касательно уплаты ею господину Банну слѣдуемой суммы 62,500 франковъ. Говорятъ, что съ процентами и издержками процесса это дѣло обойдется Джени Линдъ въ полтораста-тысячъ франковъ, или, лучше сказать, директору Лумлею, который такимъ образомъ окончательно утвердитъ наматъ о бывшемъ своемъ директорствѣ въ Дрюриленскомъ Театрѣ.

— Берлиозъ всё еще въ Лондонѣ: онъ устраиваетъ концертъ, который будетъ данъ въ Театрѣ Ея Величества.

— Увертюра изъ «Струэнзе» Мейербера исполнена была въ третьемъ концертѣ филармоническаго общества съ большимъ успѣхомъ, несмотря на то, что передъ концертомъ имѣла только одну речетцію.

— Сиринадъ Моликъ произвелъ здѣсь фуроръ.

— Джени Линдъ дебютировала, пятаго мая, въ «Соннабултъ» Беллини, въ роли Анны. Въ англійскихъ журналахъ пишутъ, что королева Викторія, присутствовавшая въ спектаклѣ, не желая помѣшать приему Джени Линдъ, показала публикѣ изъ своей ложи не прежде, какъ по появленіи пѣвицы на сценѣ.

— Въ Берлинѣ итальянскій оперъ окончился «Норкой». Въ этотъ вечеръ имѣли передѣлку итальянскимъ госноиъ Фодоръ; вообще оркестръ былъ одинокъ; ноъ симфоническiхъ въ нѣнѣшнѣмъ году. Публика вызвала артистовъ; анлодирована, бросила букеты.

— По порученiю еулана Абдуль-Меджида, закуплены здѣсь всѣ инструменты, необходимыя для великаго оркестра.

— Въ Вѣнѣ итальянская опера уничтожена. Директоръ придворнаго ивандоваго опернаго театра Балаччино получилъ отставку. Многiе изъ артистовъ предложили продолжать предпрiятiе до совершеннаго истеченiя контракта Балаччино, именно до Пасхи 1849 года. Дѣло еще пока ни чѣмъ не рѣшено.

— Вѣнскiе князь Антрихштейнъ управленiе придворнымъ театромъ поручено еонъ-Гольбейну.

— Директоръ одного изъ вѣнскихъ театровъ будетъ давать ежедневно, по примѣру парижскихъ театровъ, двѣнадцать драматическихъ представлений, именно шесть въ Вѣнѣ и шесть на Госсенштадтскомъ Театрѣ. Эти представленiя назначаются всѣ по воскресеньямъ въ свободныя часы. Вѣнское духовенство возстало противъ послѣднее обстоятельство, полагая такое совпаденiе времени спектаклей съ временемъ вечерней службы не приличнымъ.

— Въ Франкфуртѣ праздникъ ивнiя отаженъ до слѣдующаго года; что же касается до баденскаго праздника въ этотъ же родъ, тотъ состоится. За лучшiя сочиненiя хоровъ для мужскихъ голосовъ назначены премii.

— О концертахъ въ настоящее время нечего и думать. Музыки замолкли ранѣе обыкновеннаго, и одни только квартеты Вольфа кое-какъ могли добраться до конца, и то потому, что имѣли много абонентовъ.

— Новая опера Литольфа «Die Braut von Kynast» репетируется. На дняхъ будетъ первое представленiе.

— Въ Гамбургѣ оперная труппа улучшается съ каждымъ днемъ: теперь голоса здѣсь свѣжiя, звучныя, ensemble прекрасный, оркестръ подъ дирекцiею Кребса и Шиндельмейсера идетъ какъ-нельзя лучше. Берлинскiе аматеры нарочно прiѣзжаютъ сюда, чтобъ послушать хорошей музыки. Репертуаръ по большей части состоитъ изъ классическихъ произведенiй и въ театрѣ, по этому случаю, публика почти всегда многочисленная. Сюда ждутъ знаменитаго баритона Пинсона въ иновѣ итѣяцѣ и вслѣдъ за нимъ госноиу Виардо-Гарсию.

— Въ Консертгагенѣ Эрнотъ сдѣлалъ рѣшительно любительнѣе публички: онъ далъ здѣсь съ полнымъ успѣхомъ нѣсколько концертовъ. Изъ этихъ, неоднократно имъ преимущественно поправленъ новый концертъ его сочиненія (Fis moll), который въ окончаніи еще въ рукописи. Эрнотъ принималъ участіе въ концертахъ благотворительныхъ, и игралъ съ величайшею готовностію въ концертахъ другихъ артистовъ.

— Верди продалъ свою оперу «Корсаръ» музыкальнымъ торговцамъ въ Луккѣ, за двадцать-четыре тысячи франковъ.

— Слѣпая пианистка Эригетта Мерли играла въ Брюсселѣ въ публикѣ съ большимъ успѣхомъ.

— Сочинитель танцевъ Лумби находится уже нѣсколько времени въ Лейпцигѣ. Говорятъ что онъ назначается директоромъ хора городской музыки. Мѣсто это, со смерти Квейсера (двѣнадцатаго іюня 1846 года) оставалось вакантнымъ.

— Изъ Вѣны пишутъ, что Тальбергъ и Листъ оставили этотъ городъ въ одинъ и тотъ же день. Первый отправился въ Парижъ, послѣдній въ Веймаръ и какъ утверждаютъ, чтобы вступить тамъ въ бракъ съ одной русской дамой, разведенной женой. Если бы въ самомъ дѣлѣ Листъ женился на всѣхъ тѣхъ дамахъ, съ которыми его просватали журналы и слухи, то у него теперь на вѣрное былъ бы гаремъ не менѣе многочисленный чѣмъ у ту рецкаго султана.

В. ДАЖКЪ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Пьесы для скрипки.

ERRIOT. Trois duos concertants pour deux violons, op. 57 liv. 1. 2. 3. (chaque 1 r. 72 c.).

— Valse pour violon et piano, op. 58. (1 r. 72 c.).

DAVID. Introduction et variations brillantes sur un thème original, avec orchestre, op. 19. (4 r.) avec piano (1 r. 72 c.).

- FELICEN DAVID.** Douze mélodies pour piano et violon. liv. 1. 2. (chaque 1 r. 72 c.).
- HERZ et LOUIS.** Quatre duettinos faciles pour piano et violon *M* 1. à 4. (chaque 1 r.).
- JANSA.** Trois rondeaux en manière facile sur l'opéra *Jessonda* de Spohr, pour violon et piano, op. 71. *M* 1. 2. 3. (chaque 1 r. 15 c.).
- Six duos pour violon et violoncelle, op. 72. *M* 1. 2. 3. (chaque 1 r. 43 c.).
- KAYSER.** Les délices des amateurs pour piano et violon., op. 12. *M* 5. Robert le diable. (1 r.).
- Fantaisie de salon sur des motifs de l'opéra les *Huguenots* pour piano et violon, op. 16. (1 r.).
- Duos faciles et agréables sur des thèmes favoris des opéras pour deux violons, liv. 11. (1 r.).
- KUEFFNER.** Répertoire de nouvelles danses favorites, Polkas, Galops, Mazurkas etc. pour le violon seul. Cah. 1. 2. 3. 4. (chaque 58 c.).
- LEONARD.** Souvenir de Haydn. Fantaisie avec piano, op. 2. (1 r. 72 c.).
- Fantaisie sur des thèmes russes; pour le violon avec piano, op. 3. (1 r. 15 c.).
- Regrets et prière. Fantaisie, avec piano, op. 4. (1 r. 29 c.).
- Souvenir de Gretry. Fantaisie pastorale, op. 9 avec orchestre (4 r.) avec piano. (2 r. 29 c.).
- LITOLFF.** Eroica. Sinfonie-Concerto pour violon et piano, op. 42. (3 r. 43 c.).
- MOESER.** Souvenir d'Afrique. Grand rondeau original pour le violon avec piano, op. 5. (2 r. 15 c.).
- MEERTS.** Le mécanisme du violon divisé en ses divers élémens et appliqué à tous les accens de la musique dans une suite d'études caractéristiques. (4 r. 58 c.).
- MOLIQUE.** Fantaisie hongroise pour le violon avec orchestre, op. 26 (4 r. 58 c.) avec piano (2 r. 85 c.).
- PANOFKA.** Deux nocturnes brillants sur des motifs de l'opéra *Mina*, avec piano, op. 50 (1 r. 43 c.).
- SAMEHTINI.** Fantaisie sur un air de Donizetti, op. 2, avec piano. (1 r. 72 c.).
- STEVENIERS.** La sirène, Concertino, avec piano. (2 r.).
- Souvenirs de Dom Sebastien. Morceau de salon, avec piano, op. 10 (1 r. 43 c.).
- OPÉRAS ITALIENS** de Bellini, Donizetti, etc. Choix d'airs et romances pour le violon seul. *M* 7 La fille du régiment (1 r.). *M* 8 Linda di Chamonix (1 r.). *M* 9. I Puritani (1 r.). *M* 10 Belisario (1 r.).

№ 11 H. bohemien di Saviglio. (1 r.) № 12 H. bohemien di Saviglio (1 r.)
paletti (1 r.).

Пьесы для фортепиано.

- BERTINI.** Trois solos. Morceaux de Concours. № 1 Allegro agitato. № 2 Allegretto grazioso. № 3 Rondo alla polacca (chaque 85 c.).
- BERNARD.** Trois romances de Varlamoff. № 1 Тяжело не стало силъ. № 2 Ты скоро меня забудешь. № 3 Я люблю смотреть въ лицу ночью, transcrites en pièces de salon. (1 r.).
- Air russe favori «He одна во полѣ дорожника» varié (1 r.).
- BRUNNER.** Trois petits rondeaux, op. 107. № 1 Norma (72 c.). № 2 Zampa (72 c.). № 3 Torquato Tasso. (72 c.).
- BURGMUELLER.** Fantaisie sur une cavatine de Rossini, op. 96. № 1 (1 r.). Valse sur des motifs de Rossini, op. 96. № 2 (1 r.). Valse favorite du ballet Paquita (75 c.).
- CZERNY.** Fleurs mélodiques. Douze pièces de différents caractères, op. 791, liv. 1. 2. (chaque 1 r. 29 c.).
- DOEHLER.** La dansante. Grande valse, op. 67 (85 c.).
- DREYSCHOCK.** Souvenir de Berlin. Bluettes, op. 41 (1 r. 29 c.).
- Zum Wintermärchen. Rapsodie, op. 40 (1 r. 15 c.).
- GORIA.** Fantaisie de concert sur Bellisario, op. 27 (1 r. 43 c.). Fantaisie sur l'opéra: Ne touchez pas à la Reine, op. 31 (1 r. 72 c.), Barcelonne (85 c.).
- MENSELT.** Invitation à la danse de C. M. de Weber, arrangée pour être jouée dans les concerts (1 r. 50 c.). Chœur et ballet d'Oberon transcrit (1 r.). Rocoosi-Marche transcrit (1 r.).
- HERZ.** La coquette. Valse brillante (85 c.).
- HUENTES.** Pensées italiennes. Deux fantaisies brillantes, op. 157. № 1. 2 (chaque 1 r.).
- LECARPENTIER.** Bagatelle sur l'opéra Guillaume Tell (75 c.).
- LEWY.** Les bohémien. Mélodies russes transcrites, op. 27 (1 r.).
- LISZT.** Ouverture d'Oberon de Weber transcrit (1 r. 72 c.). Éloge sur des motifs du Prince Louis de Prusse (1 r. 15 c.).
- MAYER.** Valse brillante, op. 94 (1 r. 15 c.). Allegro di bravura, op. 102 (1 r. 72 c.). Rapsodie, op. 104 (60 c.).
- PRUDENT.** Fantaisie sur l'opéra la Juive, op. 26 (2 r.). Etude de concert, op. 28 (1 r. 15 c.).
- ROSELLEN.** Fantaisie sur l'opéra Ne touchez pas à la Reine, op. 27 (1 r. 43 c.). Fantaisie brillante sur Christophe Colomb de Felicien David, op. 98 (1 r. 72 c.). Fantaisie sur l'opéra Le bouquet de l'infant, op. 99 (1 r. 43 c.). Fantaisie brillante sur l'opéra

Guillaume Tell, op. 100 (2 r.). Fantaisie brillante sur l'opéra Robert le diable, op. 102 (2 r.).

SCHAD. Divertissement sur l'opéra Gemma di Vergy (85 c.).

THALBERG. Décameron № 6. Fantaisie sur l'opéra la Gazza ladra de Rossini, op. 57 (1 r. 15 c.).

VOSS. Improvisation sur le choeur de la Norma (75 c.). Douze études en style moderne, op. 85. liv. 1. 2. (chaque 1 r. 29 c.).

WILLMERS. Die Windsbraut. Fantasiestück, op. 52 (1 r. 72 c.). Pensée fugitive, op. 53 (85 c.). Un rêve d'amour. Nocturne, op. 55 (1 r. 1 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издаваемы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла шестая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Kullak. Air de l'opéra la Reine de Chypre transcrit. — Schiller. Chant sans paroles. — Ravina. La tendresse, nocturne. — Wolff. Chanson polonoise sans paroles. — Litolff. Polonoise brillante. — Louis. Velléda, valse brillante. — Duvernoy. Fantaisie sur l'opéra: i Puritani. — Lecarpentier. Rondo-Polka. — Дерфельтъ. Романсъ. — Arnaud. Romance. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ, № 6. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

Господа, желающіе подписаться на «Нувеллистъ» въ 1848 годъ, получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

МОДЫ.

— Нѣкоторыя шляпки, самыя новыя, представляютъ пріятельное измѣненіе: поля въ нихъ подняты по сторонамъ, сшиты въ серединѣ надъ лбомъ и сходятся плотно внизу, у подбородка.

Т. LXXXVIII. — Отд. VII.

— Лѣтнія платья появляются съ той особенностью, что корсажи въ нихъ высоки сзади и довольно значительно вырѣзаны спереди. Вырѣзъ закрывается богатою вышивкою и вышитымъ платочкомъ. Нѣкоторые рукава дѣлаются прямые, довольно широкіе и короткіе, такъ что изъ-подъ нихъ видны другіе рукава, кисейные или тюлевые. Многія гладкія гротенеплевые платья бывають вышиты шелками того цвѣту, такъ же какъ мантильки и плащи. Воланы держатся еще на нѣкоторыхъ юбкахъ, но вообще экономія на матерію нынче первая мода. Капоты съ разрѣзными до визу полами умножаются съ каждымъ жаркимъ днемъ, представляя удивленію знатоковъ чудесно вышитыя бѣлыя юбки.

— Между плащами, которыхъ формы весьма разнообразны, самыя великолѣпныя отличаются тѣмъ, что откидной воротникъ ихъ, сзади, длиною почти равенъ съ плащомъ, но онъ срѣзанъ угломъ, въ видѣ большаго платка, съ вышивкою и съ бахромою кругомъ, такъ какъ и самый плащъ; передніе концы этого воротничка-платка пришиты къ краямъ плаща, до-низу, и собраны у рукавовъ.

— Перья на шляпкахъ въ большомъ употребленіи. Изъ соломенныхъ шляпокъ болѣе всего любимы прозрачныя.

==

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ОСЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Воспоминанія Фаддея Булгарина. Часть четвертая и пятая.	1
Полтавскіе вечера. <i>Е. Гребенки</i>	101
Воспоминанія Фаддея Булгарина. Часть пятая.	127

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій. Драматическое стихотвореніе Шиллера. <i>М. Достоевскаго</i> . Актъ пятый и послѣдній.	1
Кларисса, или исторія о юной барышнѣ, содержащая въ себѣ рѣшныя важнѣйшія дѣла частной жизни, съ особеннымъ указаніемъ на сѣдствія, могущія произойти отъ	

дурнаго образа дѣйствованія родителей и дѣтей въ от-
ношеніи къ браку. Сочиненіе автора «Памелы», въ со-
мн томахъ. Лондонъ, 1748. Часть вторая . . . . .

Тоже. — Часть третья. . . . .

1
135 ✓

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Семейная жизнь Римлянъ при Августѣ и Грековъ при Пе- риклѣ. Статья четвертая.	1
Грамматическій способъ дѣленія дуги на три равныя части. П. Э. З. капитана Зельвицскаго.	41
Семейная жизнь Римлянъ при Августѣ и Грековъ при Пе- риклѣ. П. Ольжана. Статья пятая и послѣдняя.	45
О произведеніи свѣту помощью химическаго дѣйствія. Пр. С—а.	66
Дневникъ русскаго солдата бывшаго девять мѣсяцевъ въ плѣну у Чеченцевъ. С. Билдеса.	71

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Укрѣпленіе летучихъ песковъ. Н. Шелгунова.	1
Масличныя сѣмена и сѣмянное масло. Г. Н—а.	27

V.

КРИТИКА.

Статистическіе очерки Россіи. Сочиненіе Константина Ар- сеньева. Санктпетербурга, 1848.	1
Систематическое описаніе Помпей и открытыхъ въ ней дре- вестей, съ монографіей Везувія и очеркомъ Геркуланума, съ планомъ и подробнѣйшими графическими. Сочиненіе В. Кавтскаго. Санктпетербурга, 1848.	13

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Май, 1848. Новая чашка и бронзурит.	11
— — Разныя извѣстія.	12
Июнь, 1848. Новая книга и бронзурит.	13
— — Разныя извѣстія.	14

VII.

С М Ъ С Ъ.

МАЙ.

Вѣчный календарь, показывающій дни недѣли, Пасху, новолуніе и полнолуніе за всѣ прошедшіе и будущіе годы, по юліанскому и грегорианскому лѣтосчисленію. <i>К. Кюдинскаго.</i>	1
Еще новая планета.	8
Мышьякъ въ минеральныхъ водахъ.	8
Наждакъ. Открытіе господина П. Чихачова въ Малой Азии.	8
Появленіе въ 1846 году семнадцатилѣтнихъ стрекозъ въ Сѣверной Америкѣ.	8
Добровольное пониженіе горъ.	10
Происхожденіе чашекъ чернаго и зеленаго.	11
Польза электричества при заключеніи мирныхъ трактатовъ.	12
Французскій театръ въ Парижѣ	12
Музыкальныя новости.	14
Новыя французскія книги	38
Моды.	43

ИЮНЬ.

Электрическіе звуки. Изслѣдованіе господина Вертгейма.	45
Мнѣніе профессора Грова объ электричествѣ. Изъ послѣднихъ лекцій его, читанныхъ въ Королевскомъ Лондонскомъ Институтѣ.	50
Существованіе микроскопической жизни въ воздухѣ. Изслѣдованіе господина Эренберга.	51

Новая планета, открытая въ началѣ мѣсяцѣ гесноды.

Гренонъ.	.
Полоника о планетѣ Нептунъ.	.
Сувонная мозаика.	53
Населенность Россіи въ настоящее время.	53
Послѣдняя англійская экспедиція къ Нигеру.	55
Эгипетъ и Мегметъ-Али.	61
Торвальдсенъ.	89
Жизнь и переписка дванцы де-Лосиннасъ.	90
Французскій театр въ Парижѣ.	107
Музыкальныя новости.	111
Новыя музыкальныя сочиненія.	126
Моды.	129

JUL 6 1945

